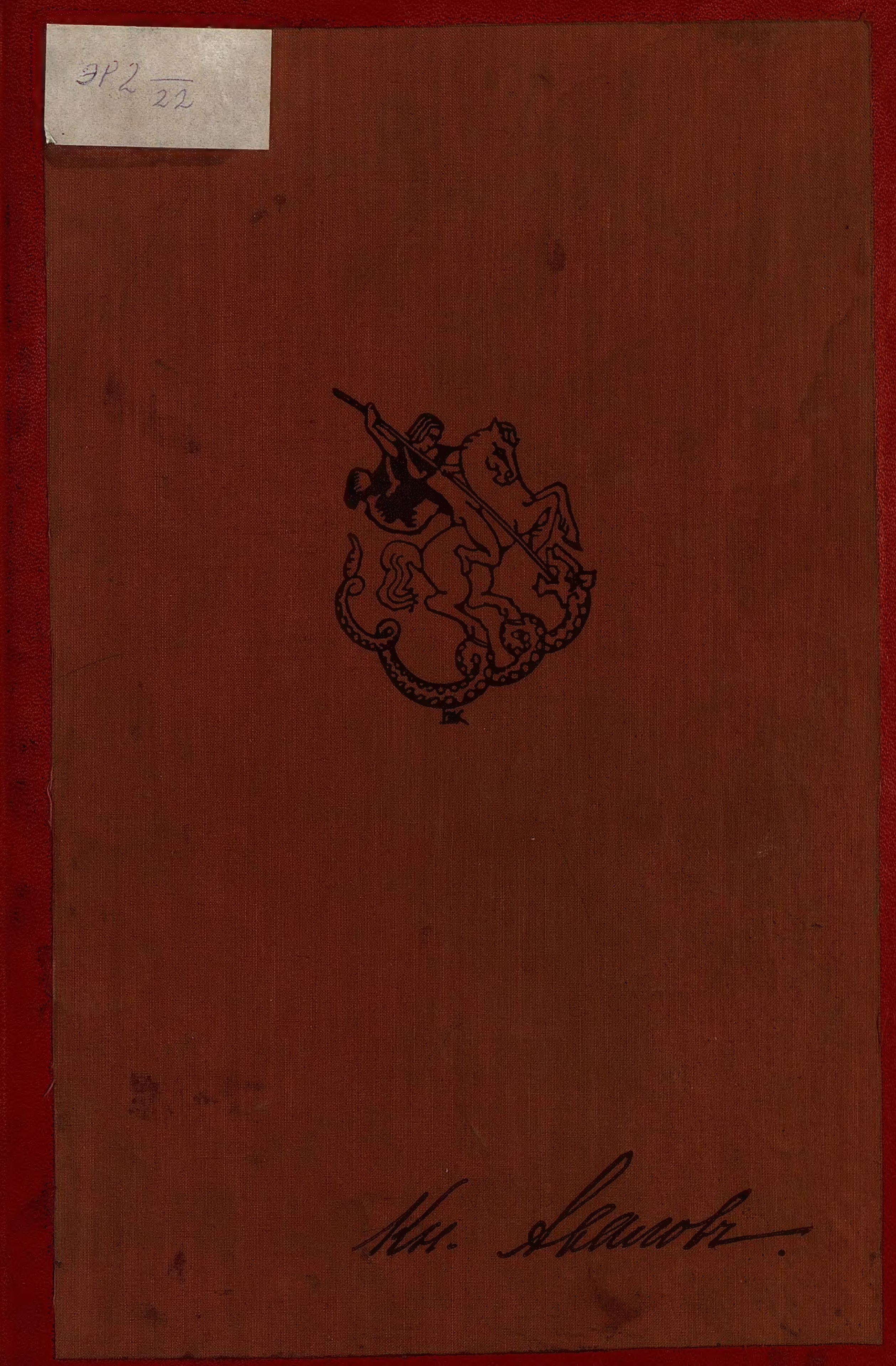
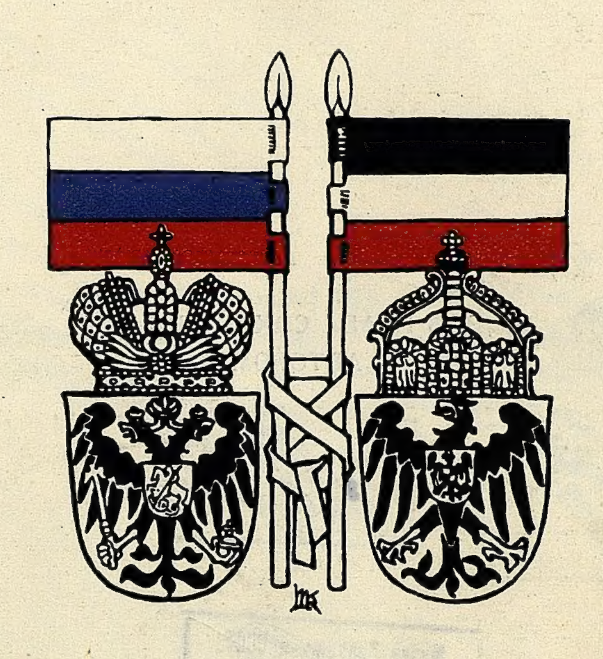

ЭР2
22
Кн. Аваловъ

ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРЪ КН. П. АВАЛОВЪ.

ВЪ БОРЬБѢ СЪ БОЛЬШЕВИЗМОМЪ.

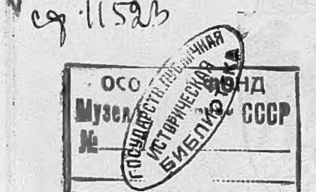
Князь Аваловъ.

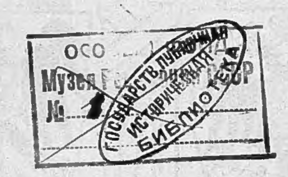
ВЪ БОРЬБѢ СЪ БОЛЬШЕВИЗМОМЪ



ВОСПОМИНАНІЯ
ГЕНЕРАЛЪ-МАІОРА КН. П. АВАЛОВА
Б. КОМАНДУЮЩАГО РУССКО-НѢМЕЦКОЙ ЗАПАДНОЙ АРМІЕЙ ВЪ ПРИБАЛТИКѢ.

ИЗДАТЕЛЬСТВО И ТИПОГРАФІЯ І. І. АУГУСТИНА
ГЛЮКШТАДТЪ И ГАМБУРГЪ / 1925





Рисунокъ обложки Макса Кальке, Глюкштадтъ.
Печатаніе и переплетъ І. І. Аугустина, Глюкштадтъ и Гамбургъ.

«Только искренняя дружба и честное взаимоотношеніе между Россіей и Германіей могутъ принести счастье и красивое будущее обоимъ великимъ народамъ»

ОТЪ АВТОРА.

Выпускъ моей книги съ воспоминаніями о событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто при борьбѣ съ большевизмомъ въ Прибалтикѣ въ періодъ 1918—1920 годовъ, сильно запоздалъ. Однако въ этомъ не моя вина. Гонимый, по настоянію большивиковъ, соціалистическимъ германскимъ правительствомъ, я не имѣлъ постояннаго мѣстожительства въ Германіи и все время долженъ былъ бросать работу и переѣзжать со всѣми документами или въ другой городъ или квартиру. Часто, по доносу тѣхъ же большевиковъ и поляковъ, полиція, производившая у меня обыски, брала, даже во время моего отсутствія, важные историческіе документы и многіе изъ нихъ, при такихъ обстоятельствахъ, безслѣдно пропали, лишивъ меня тѣмъ самымъ возможности воспользоваться ими для моей книги.

Однако, рядъ тяжелыхъ непріятностей кончился. Все, что тормозило работу, меняло планы и нарушало расчеты — пройдено. Я непередаваемо счастливъ, что выходъ моей книги совпадаетъ съ великимъ историческимъ моментомъ, когда просвѣтленное монархическое движеніе возрасло до несокрушимыхъ размѣровъ, утверждаясь и возвышаясь надъ буйной стихіей революціонныхъ стремленій. Его Императорское Высочество Великій Князь Кириллъ Владиміровичъ принялъ, на законномъ основаніи, непререкаемо принадлежащій Ему титулъ Императора Всероссійскаго.

Мы, настоящіе русскіе патріоты и монархисты, присягнувъ всеподданнѣйше на вѣрность Законному Государю Императору, радостно привѣтствуемъ Его самоотверженное рѣшеніе взять на себя тяжелое бремя спасенія нашей разоренной и несчастной Родины.

Выступая еще въ 1918 г. въ Прибалтикѣ со всей своей арміей подъ монархическимъ знаменемъ, я нынѣ счастливъ сознавать, что прежде всего мои дѣйствія я имѣю возможность отдать на справедливый судъ Государя Императора.

Въ главѣ XXII я помѣщаю очеркъ капитана 2-го ранга Г. Графъ: «Государь Великій Князь Кириллъ Владиміровичъ, Августѣйшій Блюститель Государева Престола». Кромѣ того — Высочайшій манифестъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Кирилла Владиміровича отъ 31-го августа 1924 года, о принятіи на законномъ основаніи Его Императорскимъ Высочествомъ титула Императора Всероссійскаго, а также нѣкоторые наиболѣе важные документы, разъясняющіе создавшееся, благодаря выступленію Великаго Князя Николая Николаевича, настоящее прискорбное положеніе на монархическомъ фронтѣ.

Глубокоуважаемый г. Аугустинъ!

Участвуя, по волѣ судьбы, какъ руководитель, въ событіяхъ, которыя разыгрались въ Курляндіи послѣ окончанія войны, я считалъ своимъ священнымъ долгомъ путемъ печати познакомить съ ними русское и германское общество. Предо мною вставала тяжелая задача — изданіе книги. Несправедливо преслѣдуемый соціалистическимъ правительствомъ Вирта, не имѣя постояннаго мѣста жительства и будучи совершенно безъ всякихъ средствъ, я подчасъ приходилъ въ отчаяніе отъ тѣхъ трудностей, которыя являлись предо мною. Въ эти дни тяжелыхъ испытаній судьба столкнула меня съ Вами. Вы широко пошли навстрѣчу моимъ планамъ и въ Васъ я нашелъ не только хорошо знающаго спеціалиста но и человѣка одинаково со мною мыслящаго и любящаго свое отечество.

Съ Вашей помощью моя работа быстро подвинулась впередъ и вотъ теперь она закончена и черезъ короткій срокъ должна ознаменоваться выходомъ книги. Въ эти радостныя для меня минуты я прежде всего вспоминаю Васъ, дорогой г. Аугустинъ, и прошу принять мою глубокую благодарность за все, что Вами такъ охотно было сдѣлано для меня за это время.

Я никогда не забуду Вашего благороднаго отношенія, какъ лично ко мнѣ, такъ и къ моей работѣ, которая, надѣюсь, приведетъ наши отечества къ лучшему будущему. Такіе люди, какъ Вы, вызываютъ чувство уваженія къ Вашей Родинѣ.

Примите мои лучшія пожеланія Вамъ и Вашей милой семьѣ.

Искренно уважающій Васъ

Князь П. Аваловъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Какъ непосредственный участникъ военно-политическихъ событій происшедшихъ въ Прибалтикѣ въ періодъ 1918—1920 г. г., я предлагаю ниже документальное изложеніе видѣннаго и пережитаго.

Я категорически отвергаю все, что писалось по адресу моей арміи въ разныхъ соціалистическихъ органахъ печати, а также отклоняю и ту оцѣнку моихъ дѣйствій, какъ руководителя Западной Добровольческой Арміи которую возвѣщали въ свое время союзники и русскіе недруги, а возвѣщали они многое: и что я измѣнникъ моего отечества продавшійся германцамъ и что я своей работой поддерживаю большевиковъ и. т. п..

Я и соціалисты — мы люди разныхъ міровоззрѣній и, естественно, всякое явленіе, даже незначительнаго характера, разсматривали съ обратныхъ точекъ зрѣнія.

На моей сторонѣ законный ходь исторіи, диктующій соціалистамъ, какъ нарушителямъ его, отступательные планы.

Что же касается союзниковъ — то, наблюдая ихъ жадную эгоистическую политику, торгашескій образъ дѣйствій и преступное растаскиваніе Россіи по клочкамъ въ пользу своихъ эксплоатаціонныхъ плановъ, — я исповѣдывалъ и исповѣдываю совершенно открыто союзъ съ Германіей.

Такимъ образомъ и все, что писалось въ союзнической печати о событіяхъ въ Балтійскихъ губерніяхъ — для меня не является авторитетнымъ. Надо не забывать, что антибольшевистскія группы, возставшія съ оружемъ въ рукахъ противъ тираническихъ заправилъ Россіи, и дѣйствовавшія разрозненно на свой рискъ и страхъ въ многочисленныхъ уголкахъ нашей огромной Имперіи дѣлились при своемъ образованіи на два характерныхъ лагеря. Къ первому примыкали тѣ генералы, которые базировались на «завоеваніяхъ революціи» исполняя волю «союзниковъ», ко второму — патріоты, открыто шедшіе противъ большевиковъ подъ монархическимъ лозунгомъ, съ русской оріентаціей, въ союзѣ съ Германіей.

Исканіе помощи у «союзниковъ» всѣхъ, кто хотѣлъ вырвать страдающую Россію изъ рукъ патентованныхъ убійцъ, было бы вполнѣ естественно, если бы «союзники» дѣйствительно остались таковыми и, содѣйствіемъ врагамъ Императорскаго правительства, не нарушили первыми святость нашего договора. Между тѣмъ они, главнымъ образомъ англичане, принявъ участіе въ революціонномъ движеніи меньшевиковъ, измѣнили русскому Царю, подписавшему актъ дружескаго соглашенія и тѣмъ самымъ измѣнили также и русскому народу, ввергнувъ его на многіе годы въ бездну нечеловѣческихъ страданій и горя.

Ставъ на путь измѣны, «союзники» и дальше продолжали свою разрушительную работу, вмѣшиваясь подъ видомъ содѣйствія борьбѣ съ большевизмомъ, во внутр еннія дѣла нашей Родины. Дѣйствительная помощь могла быть, но ни

разу оказана «союзниками» не была. Предрѣшая для насъ, по ихъ соображеніямъ, наиболѣе походящій образъ правленія и путаясь съ продавшимися имъ русскими соціалистами въ «завоеваніяхъ революціи», «союзники», расчленяя могучую Россійскую Имперію, намѣренно поддерживали въ ней состояніе гражданской войны.

Опустившись, подъ вліяніемъ корыстныхъ и эгоистическихъ чувствъ, въ нравственномъ отношеніи до дна, они уже не останавливались ни передъ чѣмъ.

Нынѣ послѣ долгихъ страданій и кровавыхъ жертвъ, стало, наконецъ, очевиднымъ, что величественные лорды только торгаши и что «благородная Франція» есть не больше какъ политическая сказка.

Главное зло заключается въ томъ, что «союзники» продолжаютъ и до сихъ поръ всю ту же линію губительной политики по отношенію къ Россіи, уже хотя бы тѣмъ, что пытаются выдать за зловредный государственный и общественный элементъ всѣхъ, кто ищетъ связи съ дѣятельными германскими кругами въ цѣляхъ возстановленія Россіи.

Многіе изъ насъ стояли на ложномъ пути и, если страницы, написанныя мною, прольютъ свѣтъ на событія совершившіяся въ 1918—1920 г. г. и на образы тѣхъ, кто подлинно спасалъ Россію и кто предательски губилъ ее, — я сочту мою задачу исполненной.

Во всѣхъ этихъ событіяхъ для насъ очевидцевъ и участниковъ въ нихъ уже отчетливо обрисовались два факта: вынужденное затишье, вслѣдствіе іезуитской политики «союзниковъ», боевого движенія добровольцевъ, и, какъ результатъ его, непрекращающаяся кровавая дѣятельность большевиковъ и вымираніе русскаго народа.

Временно оружіе замѣнено кабинетной работой и безконечными политическими разговорами.

Глубоко оскорбительно, что въ то время, когда надъ вымирающей Россіей издѣвается инородческая преступная власть, среди русскихъ круговъ за границей нѣтъ должнаго согласія. Отстуствіе единенія еще больше укрѣпляетъ торжество преступниковъ.

Выпускъ книги я считаю для себя священной обязанностью, такъ какъ, будучи Командующимъ Западной Арміи, я единственный изъ вождей добровольческаго движенія положилъ основу для русско-германскаго союза.

Очень возможно, что постороннему читателю покажется мало интереснымъ подробное описаніе нѣкоторыхъ событій, но отказаться отъ этого я не вправѣ, ибо моей задачей является документальное изложеніе всей военной и политической работы русскихъ и германскихъ патріотовъ, послѣ революціоннаго переворота въ Россіи.

Собирая по этому вопросу весь матерьялъ я преслѣдую двѣ цѣли: первая — облегчить трудъ будущему историку; вторая — познакомить съ событіями широкіе круги общества и тѣмъ самымъ увеличить число приверженцевъ союза двухъ великихъ народовъ.

Само собой разумѣется, что я не претендую на литературныя достоинства моей книги, такъ какъ привыкъ владѣть больше оружіемъ, чѣмъ перомъ. Я солдатъ, не измѣнившей своему Государю и Родинѣ, что могу съ гордостью

заявить. Презиралъ и презираю т. н. «завоеванія революціи» и остался вѣрнымъ присягѣ моему Императору, отвергнувъ таковую оказавшемуся въ дѣйствительности «временному» горе-правительству.

Понимая всю важность историческаго момента, назрѣвающаго въ Россіи, гдѣ среди народныхъ массъ возникаетъ борьба противъ узурпаторовъ власти, я обращаю многія слова въ моемъ трудѣ, какъ къ истиннымъ русскимъ патріотамъ, такъ и къ тѣмъ, кто готовъ помочь нашей Родинѣ въ минуты ея тяжкаго пробужденія.

Страна, возникающая какъ фениксъ изъ пепла, еще подавленная ужасомъ, еще въ собственной крови, омывшись въ молитвенныхъ слезахъ, пойметъ — кто ея другъ и кто недругъ: радость первымъ и горе вторымъ.

И, какъ вѣрный солдатъ на стражѣ этого пробужденія, я склоняю мои колѣни у порога грядущей Россіи и выражаю глубокую благодарность всѣмъ, кто искренно любитъ мою Родину.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

ГЛАВА I.

КРАТКІЙ ИСТОРИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ ВЗАИМООТНОШЕНІЙ РОССІИ И ГЕРМАНІИ.

Непосредственное сосѣдство Россіи и Германіи на протяженіи вѣковъ создало рядъ связей между обоими великими государствами. Культурное, политическое и экономическое вліяніе Германіи на Россію, начиная съ царствованія Императора Петра Великаго, было весьма велико и постоянно.

Еще ганзейскіе купцы вели торговлю съ Великимъ Новгородомъ; еще при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ Россію выписывали нѣмцевъ пушкарей, а со времени Великаго Преобразователя Россіи широкая волна иностранцевъ, хлынувшая изъ-за границы, въ подавляющемъ своемъ большинствѣ, состояла изъ нѣмцевъ. И если уже при Петрѣ Великомъ Россія имѣла лучшую въ Европѣ Армію и Флотъ, если уже тогда было свыше 200 фабрикъ и заводовъ, то все это было сдѣлано, подъ руководствомъ Царя и его даровитыхъ сподвижниковъ, руками нѣмецкихъ спеціалистовъ.

Съ начала 18-го вѣка въ Россіи не было той стороны государственной жизни, гдѣ не сказывалось бы глубокое значеніе и вліяніе нѣмцевъ.

Родственныя связи русскихъ Императоровъ съ германскими королевскими домами еще болѣе способствовали этому сближенію.

Въ первой половинѣ 18-го вѣка появляются въ Россіи многочисленныя земледѣльческія колоніи, прививавшія болѣе высокую сельскохозяйственную культуру, которая должна была послужить образцомъ для русскаго населенія. Высокія нравственныя качества нѣмца, его трудолюбіе, энергія, честность, любовь къ порядку, добросовѣстность, прогрессивное улучшеніе своего быта — дѣлали ихъ всегда желанными гостями въ Россіи, ставшей для милліоновъ изъ нихъ второю родиной.

Послѣ семилѣтней войны, окончившейся по приказанію Императора Петра III добровольнымъ возвращеніемъ всѣхъ нашихъ завоеваній того времени и выходомъ изъ коалиціи враговъ Фридриха Великаго, взаимоотношенія германскихъ государствъ съ Россіей были неизмѣнно дружественными.

Въ эти долгіе годы дружбы Россія не разъ подтверждала таковую и своими дѣйствіями, выступая защитникомъ германскихъ народностей отъ Наполеона, посягавшаго на ихъ самостоятельность и желавшаго совершенно уничтожить ихъ національное лицо. Такъ, еще въ 1799 году Императоръ Павелъ I отправилъ свои войска и геніальнаго полководца генералъ-фельдмаршала Суворова на помощь Австріи для очищенія отъ французскихъ войскъ территоріи сѣверной Италіи, входившей тогда въ составъ Великой Имперіи германскихъ народовъ.

«Иди спасать королей» сказалъ Императоръ Павелъ Суворову и незабвенный полководецъ, принявъ командованіе соединенными русско-австрійскими вой-

ками и разбивъ лучшихъ сподвижниковъ Наполеона генераловъ Моро, Макдональда, Жубера и др,. очищаетъ отъ врага предѣлы Италіи и нынѣшней Швейцаріи, завершивъ этотъ освободительный походъ переходомъ черезъ Альпы, заслужившимъ восхищеніе всего міра и оставшимся единственнымъ въ исторіи военнаго искусства.

Далѣе въ 1805 году русскіе войска снова за границей вмѣстѣ съ австрійскими борятся противъ Наполеона. Отсутствіе солидарности среди германскихъ государствъ и дальность растоянія заставляютъ насъ прекратить эту борьбу и временно почти всѣ германскія королевства попадаютъ подъ иго Наполеона, мечтающаго уже о покореніи всей Европы.

Но вотъ наступаетъ 1812 годъ, съ началомъ котораго русскій народъ, выступивъ самоотверженно въ защиту своего отечества, одновременно избавляетъ и всю Европу отъ тираніи французскаго революціоннаго Императора. Борьба заканчивается въ 1815 году, при чемъ въ ней принимаютъ участіе на русской сторонѣ, послѣ долгаго колебанія, и нѣкоторыя изъ освобожденныхъ германскихъ государствъ.

Касаясь этихъ отдаленныхъ событій, я позволю себѣ замѣтить, на правахъ друга Германіи, что полное игнорированіе русскихъ, при воспоминаніяхъ объ этой страницѣ исторіи, не являлось правильнымъ тактическимъ пріемомъ со стороны германцевъ. Воздать должное слѣдуетъ даже врагамъ, а въ данномъ случаѣ мы, русскіе, были братьями по оружію съ германцами, да къ тому же мы были тѣми, кто вынесъ на своихъ плечахъ всю тяжесть этой міровой борьбы. Не заслуживали мы также невниманія и потому, что, разбивъ полчища Наполеона и оказавшись фактически полными властелинами всей Европы, мы не воспользовались своими преимуществами въ ущербъ другимъ народамъ, а напротивъ способствовали ихъ возстановленію и возвращенію къ прежнему положенію. Руководимые благороднѣйшимъ Императоромъ Александромъ I Благословеннымъ, мы русскіе дѣйствительно выполнили свою роль освободителей въ буквальномъ смыслѣ этого слова и возвысились въ этой неравной борьбѣ, въ нравственномъ отношеніи, до идеальной красоты.

Затѣмъ идетъ наше содѣйствіе при подавленіи возстанія въ Венгріи въ 1849 году австрійскому Императору Францу-Іосифу, правительство котораго однимъ изъ первыхъ выступило противъ насъ въ 1914 году.

Упоминая этотъ историческій эпизодъ, я считаю своимъ долгомъ отмѣтить, что храбрый венгерскій народъ совершенно забылъ объ этой нашей распрѣ и въ настоящій моментъ открылъ широкое гостепріимство антибольшевистскимъ, главнымъ образомъ, монархическимъ группамъ русскихъ эмигрантовъ. Объясняю себѣ это правильнымъ толкованіемъ венгровъ дѣйствій Императора Николая I, который двинулъ тогда свои войска не противъ венгерскаго народа, а лишь въ защиту монархическаго принципа.

Далѣе идутъ 1864, 1866, 1870 года, въ теченіи которыхъ Пруссія послѣдовательно ведетъ войны съ Даніей, Австріей и Франціей. Указанный періодъ войны заканчивается образованіемъ германской Имперіи и объединеніемъ почти всѣхъ германскихъ государствъ подъ скипетромъ прусскаго королевскаго дома Гогенцоллерновъ, главой котораго былъ принятъ титулъ Императора.

Въ эти годы Россія сохраняла дружественный нейтралитетъ по отношенію къ германскимъ королевствамъ и не измѣнила его, несмотря на то, что англичане, указывая на быстрый ростъ германской націи, подстрекали насъ русскихъ къ выступленію и угрожали намъ, какъ оказалось не безъ основанія, большими непріятностями въ будущемъ со стороны утверждавшейся Германіи.

Однако, мы русскіе, разочаровавшись въ 1855 году въ искренности и доброжелательствѣ старой предводительницы германскихъ народовъ Австріи, хотѣли вѣрить новой Германіи, во главѣ которой стала Пруссія и такіе руководители, какъ Императоръ Вильгельмъ I и князь Бисмаркъ.

Завѣтъ Бисмарка — жить всегда въ мирѣ съ Россіей — былъ хорошо извѣстенъ среди германскихъ народныхъ массъ, но германцы, вмѣстѣ со своимъ молодымъ тогда Императоромъ Вильгельмомъ II, ослѣпленные быстрымъ возростаніемъ своего военнаго могущества, предпочли забыть этотъ завѣтъ и, поддавшись подстрекательству той же Англіи, пошли по пути враждебности и неискренности къ своему старому сосѣду и другу. Этотъ ложный политическій путь Германіи былъ одной изъ главныхъ причинъ, приведшихъ Бисмарка къ отставкѣ, такъ какъ онъ, оставшись вѣрнымъ своимъ принципамъ, не могъ сочувствовать новому теченію и считалъ его гибельнымъ для своей Родины.

Однако, и это предупрежденіе Бисмарка не остановило Германіи, которая, занявъ враждебную къ Россіи позицію на Берлинскомъ конгрессѣ, все болѣе и болѣе обостряла наши отношенія и, тѣмъ самымъ, слѣпо разыгрывала предназначенную ей роль въ міровой драмѣ, широко задуманной еще сорокъ лѣтъ тому назадъ Англіей. На этой интригѣ англичанъ я остановлюсь болѣе подробно въ слѣдующей главѣ, гдѣ постараюсь также выяснить дѣйствительныхъ виновниковъ европейской войны и причины ея возникновенія. Въ той же главѣ мною попутно будетъ сдѣлана переоцѣнка политической и дипломатической работы послѣднихъ сорока лѣтъ тѣхъ государствъ, которыя приняли затѣмъ участіе въ «битвѣ народовъ».

Заканчивая свой краткій историческій обзоръ главныхъ событій, имѣвшихъ мѣсто въ общей жизни двухъ великихъ народовъ, я считаю необходимымъ пояснить и ту цѣль, которая руководила мною при совершеніи этой экскурсіи въ далекое историческое прошлое. Начавъ снова, послѣ длительнаго періода взаимнаго недовѣрія и враждебности, совмѣстную съ германцами дружественную работу, я прежде всего поставилъ себѣ задачей установить съ ними дѣйствительно искреннія отношенія, а для этого надо было договориться до конца и выяснить всѣ тѣ недоразумѣнія, которыя довели насъ сперва до состоянія войны, а затѣмъ до настоящаго бѣдственнаго положенія. Бесѣдуя очень часто съ германцами, принимавшими участіе въ нашей общей работѣ, я почти всегда натыкался на ихъ твердую увѣренность, что война началась по почину и желанію Россіи. Такого рода ложное представленіе объ истинномъ настроеніи Россіи меня не удивляло, такъ какъ я видѣлъ въ немъ продуктъ искусственнаго возбужденія германскаго общественнаго мнѣнія противъ насъ, продиктованнаго правительственной политикой послѣднихъ лѣтъ, но однако оставить это недоразумѣніе безъ вниманія я не считалъ себя вправѣ, а потому всегда сейчасъ же доказывалъ обратное.

Теперь, подводя итогъ совмѣстнымъ дѣйствіямъ съ германцами и надѣясь, что въ будущемъ общность интересовъ приведетъ насъ къ постоянному дружескому отношенію, я рѣшилъ воспользоваться удобнымъ случаемъ и краткимъ обзоромъ историческаго прошлаго навсегда разсѣять это ложное представленіе о Россіи и ея намѣреніяхъ.

Я глубоко увѣренъ, что достигну желаемой цѣли и истинные германскіе патріоты, прочтя эти строки, еще болѣе укрѣпятся въ сознаніи необходимости вернуть снова наши традиціонныя, добрососѣдскія отношенія.

Карта 1

Е. И. В. Государь Императоръ Кириллъ I.

ГЛАВА II.

ПРИЧИНЫ МІРОВОЙ ВОЙНЫ И ЕЯ ВИНОВНИКИ.

Послѣ міровой войны государствами, принимавшими въ ней участіе, были выпущены всевозможныхъ цвѣтовъ книги, гдѣ каждая данная страна, опубликовывая тайную дипломатическую переписку періода предшествовавшаго кровавой драмѣ, старалась снять съ себя отвѣтственность за происшедшія событія. Это были оборонительныя, защитительныя дѣйствія съ короткими контръ-атаками, производившимися иногда въ ложномъ направленіи и не противъ главнаго врага. Участники великой міровой драмы защищали свою роль и игру, одновременно критикуя роль и игру своихъ партнеровъ, но забывали главныхъ: автора и режиссера.

Великія событія хотя и сваливаются на головы современниковъ неожиданно, кажутся внезапнымъ изломомъ, безъ внутреннихъ обоснованій, но въ сущности прагматическая связь ихъ съ болѣе отдаленными причинами и совершившимися дѣйствіями всегда на лицо и при историческомъ анализѣ они уже не кажутся роковыми трагическими случайностями.

Славянская политика Россіи съ широкимъ замысломъ объединенія всѣхъ родственныхъ народовъ и овладѣнія Дарданеллами перекрещивалась на Балканахъ съ нѣмецкой политикой Австріи и Германіи, давившей на славянъ съ запада и желавшей путемъ постройки Багдадской желѣзной дороги, прорваться на Ближній Востокъ Азіи.

Обѣ шовинистическія программы двухъ великихъ народовъ наиболѣе угрожали спокойствію положенія Англіи, утвердившей свою власть въ Индіи и распространившей свое вліяніе на Персію, Афганистанъ, Малую Азію и Египетъ.

Опасенія Англіи и вытекающія отсюда мѣры предосторожности заставили ее выступить еще въ 1855 году, чтобы совмѣстно съ Франціей дать военный отпоръ русскому побѣдоносному оружію и временно пріостановить успѣшное продвиженіе къ проливамъ. Вслѣдъ за этимъ, въ 1877 году, когда Турція, послѣ упорнаго сопротивленія, была разгломлена и русскія войска стояли подъ Константинополемъ, Англія вторично выступаетъ противъ Россіи но уже на дипломатическомъ поприщѣ, привлекая на свою сторону Германію и, играя на ея желаніяхъ, выставляетъ ее заслономъ въ противовѣсъ нашимъ домоганіямъ.

Берлинскій конгрессъ, созванный по предложенію Бисмарка съ цѣлью уладить создавшійся конфликтъ по поводу Санъ-Стефанскаго мирнаго договора, обнаружилъ разнорѣчія Россіи и Германіи въ вопросахъ Балканскаго полуострова и, благодаря искусному водительству Англіи, обострилъ отношенія обоихъ государствъ, жившихъ многіе годы въ полномъ согласіи и дружбѣ.

Туманность идей и конечныхъ задачъ, преслѣдуемыхъ славянской и нѣмецкой политикой, дали хорошую почву для завязки дипломатической интриги Англіи, закончившейся началомъ кровавыхъ событій въ 1914 году. Такимъ образомъ прологъ великой міровой драмы былъ составленъ и разыгранъ сорокъ лѣтъ тому назадъ подъ режиссерствомъ самого автора — Англіи. Далѣе идетъ подготовительная работа къ постановкѣ и самой драмы.

Россія, Германія и отчасти Франція были лишь послушными орудіями, выполнявшими велѣнія дипломатовъ коварнаго Альбіона, готоваго принести въ жертву тысячи человѣческихъ жизней другихъ государствъ ради спокойствія своего кошелька спекулянта. Славянство Россіи, лозунгъ Германіи «Drang nach Osten» «мечты о реваншѣ» Франціи, все это былъ лишь сырой матеріалъ, изъ котораго создавала злоталантливая дипломатическая рука Англіи свое художественное произведеніе.

Наиболѣе опасны для торговой Англіи были Россія и Германія: Россія тамъ на востокѣ въ Азіи; Германія здѣсь на западѣ, въ Европѣ.

Къ этому присоединялась постоянная тревога за Индію и безотрадное наблюденіе за возрастаніемъ морскихъ вооруженныхъ силъ Германіи.

Въ послѣднемъ случаѣ слова Императора Вильгельма II, что будущее Германіи на морѣ, не могли доставить Англіи особеннаго удовольствія и врядъ ли она ихъ оставила безъ вниманія.

Ко всему этому надо прибавить, что Англія вполнѣ ясно понимала, что бороться открытой вооруженной силой, даже въ отдѣльности, противъ одного изъ вышеназванныхъ государствъ, она не въ состояніи, такъ какъ Россія или Германія не Каапская республика буровъ, которую Англіи удалось побѣдить лишь послѣ многихъ неудачъ и долгаго времени.

Ужасный же кошмаръ о возможномъ союзѣ Россіи и Германіи безусловно приводилъ въ неописуемый трепетъ англичанъ и повергалъ ихъ въ печальное раздуміе о будущемъ. Этотъ союзъ — смерть Англіи, конецъ ея господству въ Европѣ, такъ какъ, если бы ей и удалось собрать изъ всѣхъ другихъ народовъ коалицію противъ, то это положенія бы не измѣнило — Россія и Германія вмѣстѣ могли бы успѣшно бороться со всѣмъ міромъ.

Отсюда происхожденіе политики европейскаго равновѣсія, на одной изъ чашекъ котораго покачивалась Россія и Франція, на другой — Германія, Австрія и Италія, а въ углу стояла запасная, рѣшающая гиря — Англія.

Предположительное равенство силъ, обыкновенно, въ жизни ведетъ къ соперничеству и является главнымъ факторомъ къ началу борьбы, въ которой каждый надѣется остаться побѣдителемъ, а потому и пресловутому европейскому равновѣсію не къ лицу было разыгрывать роль охранителя всеобщаго мира.

Можно теперь только удивляться близорукости дипломатовъ Европы, которые такъ бережно охраняли это коварное равновѣсіе, столь необходимое для Англіи и столь гибельное для другихъ великихъ державъ.

Объяснить этотъ печальный фактъ можно только признаніемъ, что настоящими дипломатами были лишь англійскіе, которые создавали политику и распредѣляли роли.

Повторяю: великая міровая драма писалась Англіей — подготовительныя

работы были закончены и авторъ былъ теперь озабоченъ выборомъ удачнаго времени ея постановки на обширномъ европейскомъ стадiонѣ.

Главными дѣйствующими лицами указанной драмы являлись, конечно, Россiя и Германiя, которыя въ кровавой борьбѣ должны были обезсилить себя и надолго выйти изъ круга политической и торговой жизни Европы. Только столкновенiемъ этихъ обоихъ великихъ народовъ Англiя могла добиться своей цѣли и обрѣсти душевное спокойствiе.

Съ одной стороны быстрая ликвидацiя неудачной Русско-японской войны и слѣдуемаго за ней революцiоннаго движенiя 1905 года, а также замѣтное возрожденiе въ дѣятельности внутренняго благоустройства въ Россiи, а съ другой — продолжающiйся ростъ морскихъ вооруженныхъ силъ Германiи, опредѣлили въ 1914 году, что время для постановки драмы настало и дальше медлить нельзя.

Уголовныя дѣйствiя нашихъ «братушекъ» сербовъ въ Сараево, давъ эфектную и сенсацiонную завязку для готовой драмы, сыграли роль глашатая, объявившаго всему мiру, что трагическое представленiе началось.

Такимъ образомъ приходится сознаться, что избѣжать войны для Россiи и Германiи, при созданной обстановкѣ, было врядъ ли возможно.

Ошибка была сдѣлана сорокъ лѣтъ тому назадъ и наличiемъ ея непреминула воспользоваться Англiя, которая, направляя и руководя дальнѣйшимъ ходомъ событiй, привела ихъ къ желаемымъ результатамъ. Говорить о томъ, что война была бы избѣгнута, если генералъ Янушкевичъ[1] исполнилъ точно приказъ русскаго Императора или, если Австрiя и Германiя были бы болѣе сговорчивыми, можно только въ утѣшенiе самихъ себя.

Великая мiровая драма могла быть снята съ постановки только самимъ авторомъ и режиссеромъ ея — Англiей, которой, вмѣсто уклончивыхъ отвѣтовъ, достаточно было открыто объявить вначалѣ конфликта, на какую изъ чашекъ вѣсовъ становится она запасная, рѣшающая гиря европейскаго равновѣсiя.

Я думаю, что никто не будетъ отрицать, что Германiя никогда не объявила бы войны, если бы знала, что Англiя встанетъ на сторону Россiи и Францiи, такъ какъ этотъ фактъ не только увеличивалъ силы противнаго лагеря, но, отнимая союзника Италiю, уменьшалъ дружественныя. Ясно, что Италiя, вдаваясь своимъ сапогомъ въ море и находясь, такимъ образомъ, передъ перспективой уничтоженiя своего флота и бомбардировкой всѣхъ своихъ портовъ соединенными англо-французскими морскими вооруженными силами, устранится отъ вмѣшательства въ конфликтъ и предподчтетъ, въ лучшемъ случаѣ, остаться нейтральной.

Также можно лишь смѣяться на завѣренiя Англiи, что она выступила для защиты нейтралитета Бельгiи, такъ какъ ужъ кому другому къ лицу, но только не Англiи прикрываться мягкосердечiемъ, гуманностью и покровительствомъ угнетаемыхъ народовъ, ибо для этого достаточно вспомнить буровъ и ирландцевъ.

[1] Ген. Янушкевичъ — Начальникъ Русскаго Генералнаго Штаба на приказъ русскаго Императора о прiостановкѣ мобилизацiи доложилъ, что таковая слѣлана быть не можетъ, такъ какъ нарушенiе планомѣрнаго теченiя начавшейся мобилизацiи, въ случаѣ необходимости затѣмъ ее продолжить, приведетъ къ непосильной работѣ — переработкѣ всего плана.

Задачи моей книги не позволяютъ мнѣ коснуться этой міровой интриги въ въ болѣе широкомъ масштабѣ, но мнѣ кажется, что и этого мимолетнаго обзора будетъ достаточно, чтобы подчеркнуть политическое положеніе Европы въ періодъ послѣднихъ сорока лѣтъ передъ началомъ «битвы народовъ».

Галантные французы временъ своей Имперіи говорили, что «il ne faut pas mettre les points sur les i», но я, какъ солдатъ, привыкшій къ борьбѣ въ открытомъ полѣ, иду напрямикъ къ своей цѣли и не задумаюсь высказать истину кому угодно, совершенно не считаясь пріятна ли ему она или нѣтъ.

Вотъ почему я полагаю необходимымъ еще сдѣлать изъ всего вышесказаннаго слѣдующіе окончательные выводы:

1. Главной причиной міровой войны являлась интрига Англіи, которой единственной эта война была нужна, дабы при ея помощи вывести изъ строя европейскаго фронта два великихъ народа русскій и германскій.

2. Мѣсто главной виновницы начала этой бойни также неоспоримо принадлежитъ той же Англіи.

3. Россія, Германія, Австрія и Франція могутъ быть отнесены къ числу безсознательныхъ соучастниковъ великаго преступленія, при чемъ степень ихъ виновности опредѣлится размѣромъ ихъ воспріимчивости указанной интриги и склонностью поддаваться гнусной провокаціи.

Заканчивая на этомъ свой очеркъ, я позволю себѣ высказать увѣренность, что все вышеизложенное найдетъ живой откликъ въ сердцахъ каждаго народа и заставитъ не одного человѣка сознаться, что въ этихъ короткихъ замѣткахъ есть мысли и его самого.

ГЛАВА III.

НАЧАЛО И ХОДЪ МІРОВОЙ ВОЙНЫ.

Начало міровой войны ознаменовалось во всѣхъ воюющихъ странахъ взрывомъ патріотическихъ чувствъ и полной готовностью защищать предѣлы родной земли отъ вторженія непріятельскихъ силъ. Такого рода настроеніе было нагляднымъ показателемъ, что сороколѣтняя подготовка возымѣла свое дѣйствіе на государства и широко задуманная интрига Англіи проникла даже въ сердца народныхъ массъ. За послѣдніе сорокъ лѣтъ, подъ руководствомъ Англіи, правительства великихъ державъ сдѣлали столько ошибокъ, что ихъ было вполнѣ достаточно, чтобы не только обострить взаимныя отношенія, но даже довести до вспышекъ національной ненависти.

Главнѣйшей ошибкой было заключеніе неестественныхъ союзовъ, долженствовавшихъ установить злополучное европейское равновѣсіе. Начало положила Германія, образовавшая тройственный союзъ съ Австріей и Италіей. Германія, объединенная Пруссіей и съ прусскимъ царствующимъ домомъ и Австрія — старые соперники изъ-за гегемоніи среди германскихъ народностей, разрѣшенной въ 1866 году Австро-Прусской войной; не говоря уже о томъ, что Австро-Венгерская имперія имѣла въ числѣ своего населенія $^2/_5$ славянскихъ народностей, состоящихъ изъ чеховъ, словаковъ, поляковъ, русиновъ, словенцовъ, хорватовъ и. т. п. совершенно негодныхъ для войны съ Россіей, если не изъ-за симпатіи къ русскимъ, то хотя бы изъ-за ненависти къ нѣмцамъ-поработителямъ. О союзѣ Германіи съ Италіей и Австріи съ Италіей и говорить не стоитъ — общихъ интересовъ и задачъ на лицо не имѣлось, а были лишь старые счеты въ прошломъ.

Затѣмъ другая чашка вѣсовъ — монархическая Россія и крамольная французская республика съ многозначительнымъ взаимнымъ прошлымъ въ 1812 и 1855 годахъ. Императоръ Александръ III и фривольный президентъ Феликсъ Форъ. Здѣсь мнѣ вспоминается разсказъ о томъ, въ какомъ затрудненіи былъ покойный Императоръ, когда ему предстояло принять прибывающаго съ визитомъ новопріобрѣтеннаго союзника. По этому поводу было даже совѣщаніе, чтобы установить предѣлы, въ которыхъ должны были находиться отношенія и привѣтствія. Да и въ дальнѣйшемъ пріемъ нашихъ союзниковъ-французовъ всегда былъ диссонансомъ на общемъ фонѣ монархической Россіи. Достаточно указать на исполненіе, въ присутствіи Государя, военными оркестрами, сейчасъ же послѣ русскаго гимна, французской марсельезы, играть которую въ общественной жизни было строго запрещено, ибо она была символомъ мятежа и боевымъ кличемъ нашихъ революціонеровъ.

Однако, великія державы, раздѣлившись на два указанныхъ лагеря, увѣровали и, повидимому, вполнѣ искренно, что находящіяся въ одномъ — истинные

друзья, а въ другомъ — злѣйшіе враги. Затѣмъ послѣдовали и соотвѣтствующія дѣйствія. Достаточно было произойти въ жизни одного изъ государствъ совершенно незначительному факту, какъ исходъ его уже ставился въ зависимость отъ рѣшенія всѣхъ равновѣсящихъ державъ, которыя не замедляли въ этой работѣ портить свои отношенія, и, внося сгущенную атмосферу, вполнѣ рельефно дѣлились на враговъ и друзей.

Такимъ образомъ Россія и Германія, имѣя въ прошломъ многолѣтнюю дружбу и, будучи связанными въ настоящемъ крѣпкими экономическими узами (25% всего вывоза изъ Россіи приходилось на долю Германіи и 28 % всего ввоза въ Россію шло изъ Германіи), не имѣя фактически никакихъ крупныхъ спорныхъ вопросовъ, постепенно превращались изъ давнихъ друзей въ искусственныхъ враговъ. Считаю долгомъ здѣсь отмѣтить, что Германія своимъ поведеніемъ очень облегчила задачу англичанамъ и французамъ въ ихъ дѣлѣ возстановленія русскихъ военныхъ и общественныхъ круговъ противъ германцевъ. Съ этой цѣлью ими очень искуснымъ образомъ былъ использованъ нашъ договоръ съ Германіей, который она получила отъ насъ какъ плату за ея нейтралитетъ, когда мы находились въ очень затруднительномъ положеніи во время нашей войны съ Японіей. Кромѣ того указывалось, что Германія, пользуясь тѣмъ же тяжелымъ положеніемъ выговорила у насъ и военные выгоды для себя, какъ напримѣръ срытіе многихъ нашихъ крѣпостей на германской границѣ. Въ тѣхъ же цѣляхъ было использовано заявленіе, сдѣланное однимъ германскимъ политическимъ дѣятелемъ, что будто бы Германія желаетъ на дѣлѣ осуществить свои крылатыя мечты и превратить насъ славянъ въ навозъ для удобренія земли, на которой должна произростать и процвѣтать германская народность. Такимъ образомъ объявленіе войны Германіей было понято нами, какъ вызовъ съ ея стороны, и мы всѣ отъ Царя до солдата рѣшили защищать свою Родину отъ посягательствъ на неприкосновенность ея территорій и вообще отъ какихъ либо экспериментовъ надъ ней.

По плану нашей всеобщей мобилизаціи, разработанной на случай войны одновременно противъ Германіи и Австріи, мы концентрировали наши главныя силы въ раіонѣ гор. Люблина, съ цѣлью направить рѣшительный ударъ по слабѣйшему врагу — Австріи, оставляя противъ Германіи лишь заслоны по линіи нашихъ крѣпостей, идущихъ по рѣкамъ Нѣману, Нареву, Бобру и Вислѣ.

Однако, положеніе на западномъ фронтѣ, выразившееся въ разгромѣ бельгійской арміи и взятіи всѣхъ ея крѣпостей и назрѣвавшій таковой же разгромъ французской арміи со взятіемъ Парижа, заставилъ измѣнить наше первоначальное рѣшеніе. Союзники французы, черезъ своего посла Полеолога, умоляли насъ произвести наступленіе на Германію и тѣмъ отвлечь часть германскихъ войскъ съ западнаго фронта, гдѣ обстановка была критической и можно было ожидать полной катастрофы.

Русское верховное военное командованіе отдало соотвѣтствующее приказаніе и двѣ арміи I-ая и 2-ая подъ командою генераловъ фонъ-Ренненкампфъ и Самсонова широкой лавиной нахлынули въ предѣлы вражеской земли, самоотверженно напрягая всѣ усилія, чтобы отвлечь вниманіе германцевъ отъ поставленной задачи — взятія Парижа.

Бѣженцы Восточной Пруссiи, неудержимымъ потокомъ стремившiеся къ центру страны въ Берлинъ, своими разсказами и видомъ волновали общественные круги Германiи и побѣдоносное продвиженiе русскихъ войскъ затмѣвало побѣды германскаго оружiя на западѣ. Уступая голосу общественнаго мнѣнiя, германское военное командованiе перебрасываетъ значительную часть своихъ войскъ изъ подъ Парижа и поручаетъ защиту своихъ коренныхъ земель на востокѣ генералу-фельдмаршалу фонъ-Гинденбургъ, начальникомъ штаба котораго назначаютъ генерала Людендорфъ.

Побѣда переброшенныхъ съ запада германскихъ войскъ подъ Танненбергомъ, хотя и была тактическимъ пораженiемъ нашей 2-ой армiи, какъ результатъ увлеченiя генерала фонъ-Ренненкампфъ[1] крѣпостью Кенигсбергъ, однако она представляла собою лишь частный успѣхъ на поляхъ сраженiя Восточной Пруссiи, при стратегическомъ проигрышѣ германцами всей компанiи на общемъ театрѣ военныхъ дѣйствiй мiровой войны.

Эта побѣда стоила германцамъ очень дорого, такъ какъ, нарушивъ ихъ планы и приведя къ неожиданному концу сраженiе на рѣкѣ Марнѣ — къ спасенiю Парижа, она положила начало затяжному характеру войны и была предвѣстникомъ печальнаго окончанiя ея для Германiи. Моментъ быстраго разгрома Францiи былъ безвозвратно потерянъ, такъ какъ вслѣдъ за этимъ главныя силы русскихъ войскъ разбили австро-венгерцевъ въ великой галицiйской битвѣ и германцамъ снова пришлось перебрасывать подкрѣпленiя съ запада въ помощь своимъ союзникамъ въ раiонъ гор. Кракова. Далѣе идетъ образованiе восточнаго фронта, командующимъ котораго назначается генералъ-фельдмаршалъ фонъ-Гинденбургъ и германцы навсегда уже завязаютъ въ безконечныхъ бояхъ съ нами, требующихъ все новыхъ и новыхъ войскъ.

Пускай теперь наши бывшiе союзники французы приписываютъ лавры спасенiя своего отечества исключительно самимъ себѣ — это лишь неблагодарность мелко-буржуазной среды, которой чужды порывы истинныхъ рыцарскихъ чувствъ. Однако, мнѣ очень бы хотѣлось посмотрѣть, гдѣ были бы теперешнiе заносчивые властелины Европы, если бы имъ пришлось одинъ на одинъ встрѣтиться съ германской армiей, столь успѣшно оборонявшейся, почти противъ всего мiра, въ продолженiе четырехъ лѣтъ. Вѣдь только призракъ прежней Германiи еще до настоящаго времени приводитъ французовъ въ неописуемый трепетъ и они, боясь возможности ея воскресенiя, продолжаютъ добивать своего поверженнаго врага.

Вотъ это-то отсутствiе признательности и простой корректности къ намъ въ нашихъ союзникахъ, уже тогда положило основанiе разочарованiя въ нихъ, всегда требовавшихъ отъ насъ активныхъ дѣйствiй большого масштаба и продвигавшихся съ своей стороны на два смѣхотворныхъ метра.

Эти метры французовъ и медлительное комфортабельное формированiе англичанъ, породило ироническiй юморъ въ нашихъ войскахъ, выразившiйся въ заявленiяхъ шутниковъ, что въ концѣ концовъ все обстоитъ благополучно и хотя,

[1] Эту ошибку генерала фонъ-Ренненкампфъ подтверждаютъ въ своихъ книгахъ генералъ-фельдмаршалъ фонъ-Гинденбургъ и генералъ Гофманъ.

правда, мы потеряли въ жестокихъ бояхъ значительное количество убитыми и ранеными, но за то французы продвинулись снова на $1^1/_2$ метра, а англичане объявили, что будутъ сражаться до послѣдней капли ... русской крови.

Ко всему этому присоединялись еще упорные слухи о томъ, что союзники, вмѣсто столь необходимаго намъ вооруженія и военнаго техническаго имущества, поставляютъ намъ всевозможный хламъ, негодный вслѣдствіе устарѣлости системы для употребленія въ своихъ войскахъ. Достаточно вспомнить присланные аэропланы, при пробѣ которыхъ погибли многіе наши доблестные летчики, а также тяжелыя пушки съ недостающими частями или со снарядами неподходящаго колибра.

Все это вмѣстѣ взятое къ концу 1916 года создало среди широкихъ круговъ русскихъ патріотовъ мнѣніе, что дальше продолжать войну на подобныхъ основаніяхъ намъ русскимъ нѣтъ никакого смысла. Таковой взглядъ еще укрѣплялся сознаніемъ, что насущныхъ, опредѣленныхъ причинъ для вооруженнаго столкновенія съ Германіей у насъ не было, такъ какъ наши туманныя мечты о проливахъ относились къ вопросамъ международнаго характера и мы поэтому, даже устранивъ съ своего пути декорацію, въ видѣ Германіи, наткнулись бы въ дальнѣйшемъ на баррикаду изъ нашихъ дѣйствительныхъ старыхъ противниковъ въ этомъ дѣлѣ — Англію и Францію.

Моментъ для начала сепаратныхъ мирныхъ переговоровъ былъ также вполнѣ благопріятнымъ, такъ какъ съ одной стороны наша армія, закалившись въ тяжелыхъ испытаніяхъ и жестокихъ бояхъ, стояла грозною силою на хорошо укрѣпленныхъ позиціяхъ отъ Балтійскаго до Чернаго морей и заканчивала формированіе третьихъ дивизій въ корпусѣ, долженствующаго довести ее до небывалой численности въ 16 милліоновъ человѣкъ; съ другой стороны Германія, сжатая блокадой и изолированная отъ внѣшняго міра, ощущала значительный недостатокъ въ продовольствіи и готова была на всевозможныя уступки лишь бы добиться свободы на восточномъ фронтѣ.

Иниціатива въ этомъ отношеніи исходила отъ Германіи, которая окольными путями черезъ Швецію зондировала почву въ Россіи о возможности начала мирныхъ перговоровъ, въ основаніе которыхъ должно было лечь условіе «status quo ante bellum».

Принимая во вниманіе все вышеизложенное, я полагалъ бы, что нашъ добровольный отказъ отъ участія въ дальнѣйшемъ развитіи великой міровой драмы, былъ бы самымъ правильнымъ и позволилъ бы намъ русскимъ занять въ результатѣ наивыгоднѣйшее положеніе въ независимости отъ того, кто окажется побѣдителемъ, такъ какъ мы, окрѣпнувъ во всѣхъ отношеніяхъ за время своего нейтралитета, безусловно были бы сильнѣе каждаго и голосъ нашей Родины былъ бы рѣшающимъ въ Европѣ.

Это отлично понимали и учитывали наши союзники англичане, а потому и слѣдили зорко за всѣми дѣйствіями, давъ на всякій случай исчерпывающія инструкціи своему послу сэру Бьюкененъ, который и не замедлилъ ими воспользоваться, едва появились чуть замѣтные признаки надвигающейся для Англіи опасности. При этомъ указанный посолъ, принявшись за работу, въ своемъ рвеніи перешелъ всякія границы простой корректности, чѣмъ вынудилъ Госу-

Его Императорское Величество Государь Императоръ Николай II, погибшій мученической смертью въ ночь съ 16-го на 17-ое іюля 1918 года отъ рукъ интернаціональныхъ преступниковъ.

даря Императора послать телеграмму англійскому королю, прося его запретить сэру Бьюкененъ вмѣшиваться во внутреннія дѣла Россійской Имперіи.

Теперь вполнѣ точно установлено, что Государь Императоръ былъ противъ заключенія сепаратнаго мира, считая подобный поступокъ несовмѣстимымъ съ достоинствомъ Великой Россійской Имперіи и потому указываютъ, что ударъ сэра Бьюкененъ, организовавшаго, какъ извѣстно русскую меньшевистскую революцію, былъ направленъ по ложному направленію и достигъ обратныхъ результатовъ. Я лично этого не думаю и мнѣ кажется совершенно невѣроятнымъ, чтобы сэръ Бьюкененъ, такъ хорошо оріентированный въ нашей политической и общественной жизни, не былъ бы также освѣдомленъ о взглядахъ Государя Императора, съ которымъ имѣлъ честь довольно часто бесѣдовать во время аудіенцій. Вотъ почему я больше склоненъ вѣрить, что почтенному сэру была поставлена иная главная задача, заключающаяся въ томъ, чтобы въ необходимый моментъ обезсилить Россію внутренними событіями и не дать ей возможности къ окончанію міровой войны сохранить свою мощь.

Великая Россійская Имперія, окрѣпшая въ бояхъ и умудренная тяжелыми испытаніями, съ колоссальной, прекрасно снабженной и вооруженной арміей, совершенно не входила въ расчетъ англичанъ при окончаніи войны, а потому они, учтя положеніе на западномъ фронтѣ и имѣя въ виду выступленіе Америки рѣшили, что «мавръ сдѣлалъ свое дѣло, мавръ можетъ уйти».

Вѣдь только самовлюбленные гопода Родзянко, Милюковъ, Керенскій и. т. п. могли повѣрить, что ангійскій посолъ, при ихъ талантливомъ управленіи, собирается возвеличить Россію и, содѣйствуя имъ въ мятежѣ, работаетъ въ русскихъ интересахъ.

Велико преступленіе этихъ господъ передъ Родиной, пожелавшихъ стать выше себя, а на дѣлѣ доказавшихъ, что мало лишь мечтать о постѣ президента Россійской Республики и мѣстахъ министровъ, но что надо было имѣть при себѣ и еще нѣкоторый запасъ мышленія, чтобы дѣйствительно соотвѣтствовать облику европейскаго правительства.

Исторія отдастъ имъ должное и имена Родзянки, Милюкова, Керенскаго и. т. п. останутся навсегда въ памяти русскихъ людей, какъ символы великаго бѣдствія, въ которое они втянули нашу Родину.

На этомъ фактѣ, именно на организаціи революціи, я и закончу свою главу, относящуюся къ періоду нашей войны, такъ какъ все, что происходило послѣ, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть отнесено къ военнымъ дѣйствіямъ.

ГЛАВА IV.

МЕНЬШЕВИСТСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ ВЪ РОССІИ.

26-го февраля 1917 года — роковое число, роковой день, являющійся для всѣхъ русскихъ патріотовъ датой похоронъ Великой Россійской Имперіи и для всѣхъ интернаціональныхъ крамольниковъ началомъ эры «Великой Россійской Революціи».

О томъ, какое понятіе этому злополучному дню болѣе къ лицу возникало не мало спору, потребовавшаго значительнаго количества печатныхъ листовъ, но по моему это было лишнимъ, такъ какъ и то и другое вполнѣ справедливо и въ этотъ трагическій день произошли оба событія: «le royaume est mort, vive la revolution», могли бы воскликнуть жаждавшіе революціи и ея крававыхъ послѣдствій.

Отнимать отъ нашей революціи названіе «великой» я тоже не считаю себя вправѣ, ибо, разумѣя подъ словомъ революція собирательное понятіе о грабежѣ, насиліи, убійствѣ и т. п. преступленій я полагаю, что по размѣру таковыхъ у насъ она безусловно «велика».

Итакъ, каждому свое — честные патріоты годовщину этого дня проведутъ въ тихой скорби, а жаждущіе всевозможшыхъ преступленій могутъ праздновать и веселиться. Здѣсь умѣстно вспомнить пророческія слова истиннаго русскаго патріота и государственнаго ума человѣка — министра президента П. А. Столыпина, сказанныя имъ въ Государственной Думѣ: «Вамъ нужны великія потрясенія, намъ нужна Великая Россія», — такъ оно оказалось и на дѣлѣ.

Революція меня застала въ пути. Будучи еще въ японскую компанію семь разъ раненъ, я періодически страдалъ отъ этихъ раненій и особенно отъ одного въ голову, которое вызывало у меня иногда обморочное состояніе, а послѣ тяжелой контузіи въ іюлѣ 1916 года даже и полупараличъ. Какъ разъ въ концѣ февраля 1917 года у меня опять начались обмороки и генералъ-адъютантъ Мищенко, личнымъ адъютантомъ котораго я состоялъ, приказалъ мнѣ уѣхать съ фронта и эвакуироваться въ Петербургъ. Знаменательное 26-ое февраля я провелъ въ гор. Гомелѣ, гдѣ и получилъ весьма туманныя извѣстія о разыгравшихся событіяхъ въ Петербургѣ. Первымъ моимъ побужденіемъ было вернуться на фронтъ, но затѣмъ я вполнѣ ясно понялъ, почувствовалъ, что мѣсто каждаго вѣрноподданного сейчасъ вблизи Государя Императора и поэтому рѣшилъ продолжать свой путь на Петербургъ.

По дорогѣ на одной изъ станцій въ поѣздъ вошелъ какой-то штабъ-офицеръ Генеральнаго Штаба и сообщилъ, что генералъ Кондзеровскій не совѣтуетъ г. г. офицерамъ ѣхать въ Петербургъ. На это сообщеніе я отвѣтилъ, что я привыкъ отъ начальствующихъ лицъ получать приказанія, а совѣты мнѣ не нужны.

Прибывъ въ Петербургъ, я уже на вокзалѣ подвергся наглому нападенію нѣсколькихъ разнузданныхъ солдатъ, одинъ изъ которыхъ хотѣлъ силою отнять у меня револьверъ и шашку. Находясь у выхода съ вокзала, я выхватилъ револьверъ и наповалъ уложилъ этого потерявшаго воинскій видъ солдата, послѣ чего вскочилъ на извозчика и, стоя въ саняхъ съ револьверомъ въ рукахъ, благополучно выѣхалъ изъ собирающейся толпы, хотя оттуда по мнѣ было произведено нѣсколько неудачныхъ выстрѣловъ. Доѣхавъ на извозчикѣ до Литейной улицы, я его отпустилъ и затѣмъ пѣшкомъ дошелъ до гостиницы «Армія и Флотъ».

Тамъ я занялъ комнату, послѣ чего началъ собирать свѣдѣнія о происшедшемъ въ Петербургѣ, дабы узнать, гдѣ я могъ бы быть наиболѣе полезнымъ. Однако, это было нелегко и добиться ни отъ кого нельзя было ничего толковаго — кругомъ царила полная растерянность и забота лишь о собственной персонѣ. Офицеры въ ужасѣ отъ меня уходили, едва я начиналъ высказывать свое мнѣніе и мнѣ было тяжело въ этой обстановкѣ среди тыловыхъ героевъ, которые лишь носили офицерскую форму, но далеки были отъ понятія объ офицерскомъ долгѣ.

На другой день въ мои руки попалъ бюллетень, выпущенный Государственной Думой, въ которомъ сообщалось о происшедшихъ и настоящихъ событіяхъ.

Изъ этого бюллетеня я узналъ, что Государственная Дума въ полномъ своемъ составѣ во главѣ со своимъ предсѣдателемъ Родзянко находится также на сторонѣ возставшихъ и что въ числѣ главныхъ дѣятелей и руководителей возстанія были всѣ члены партіи Народной Свободы, а также и патріи 17-го октября. Какая сила заставила ихъ встать на этотъ шаткій путь для меня было загадкой, но впослѣдствіи все это очень просто объяснилось. Теперь ни для кого не тайна, что начали рвеолюцію интеллигентные верхи совмѣстно съ англійскомъ посломъ Бьюкененъ, имѣвшимъ опредѣленныя, указанныя мною выше, инструкціи отъ своего правительства. Пресловутому послу союзной державы не трудно было исполнить возложенную на него задачу при помощи недовольныхъ элементовъ, въ видѣ отставныхъ дѣятелей, мнившихъ о себѣ весьма много, но на дѣлѣ, какъ выяснилось, оказавшихся полнымъ ничтожествомъ безъ воли и признака государственнаго ума. Однако, тогда все было туманно и для человѣка небывшаго въ курсѣ развивавшагося подлаго заговора, происходившее казалось какимъ-то кошмарнымъ сномъ далекимъ отъ дѣйствительности.

Въ слѣдующихъ бюллетеняхъ Государственной Думы были помѣщены: телеграмма Родзянко къ Государю Императору съ трбованніемъ даровать конституціонное правленіе, а затѣмъ, повидимому, отвѣтныя телеграммы командующихъ Сѣверо-западнымъ и Юго-западнымъ фронтами генералъ-адъютантовъ Рузскаго и Брусилова, сообщавшихъ Родзянкѣ, что они свой долгъ передъ Родиной выполнили. Послѣднее надо было понимать, что ими нарушена присяга и они также на сторонѣ взбунтовавшихся партій и озвѣревшаго народа.

Для меня особенно нелѣпа казалась эта опасная игра людей иного склада въ руку дѣйствительныхъ революціонеровъ и теперь невольно задаешь себѣ вопросъ, гдѣ же былъ ихъ здравый смыслъ, который долженъ былъ бы имъ

помѣшать поддаться обману окружающей обстановки. Повидимому таково-го на лицо не было также какъ и чести, а дѣйствовала какая-то злая сила, которая тянула ихъ въ омутъ и они шли по пути, ведущему Родину къ гибели.

Конечно, главную роль злого генія для нашего отечества сыграла Государственная Дума во главѣ со своимъ предсѣдателемъ Родзянко, который своимъ примѣромъ къ неповиновенію заразилъ и другихъ, придавъ гнусному бунту въ періодъ міровой войны, обликъ государственнаго дѣянія.

Люди неимѣвшіе своей собственной головы положились на головы Родзянко, Милюкова, Львова и. т. п., а тамъ то, какъ на грѣхъ ничего кромѣ честолюбивыхъ замысловъ не оказалось. Особенно въ этомъ отношеніи смущалъ всѣхъ Родзянко и его дѣятельность рука объ руку съ еврейско-революціонными кругами.

Хотѣли видѣть въ этомъ лишь временную уступку, которая затѣмъ приведетъ къ обѣщанному раю. Если Родзянко, имѣвшій право личнаго доклада Государю Императору и считавшійся, помимо своего поста предсѣдателя Государственной Думы, однимъ изъ дворцовыхъ приближенныхъ, пошелъ противъ престола, то какъ же на это было не откликнуться и болѣе мелкимъ сошкамъ, мнившимъ себя геніями, но неимѣвшихъ достаточно храбрости, чтобы выступить самостоятельно. Родзянко имъ придалъ мужества — за его спиной не такъ было страшно и рисовавшаяся висѣлица скрывалась въ туманѣ создавшагося неяснаго бреда.

Наиболѣе ярко отразилась пагубная роль Государственной Думы на войскахъ Петербурскаго гарнизона, которыя, правда хотя въ большинствѣ и были невысокаго качества, благодаря своему составу и предварительной пропагандѣ, однако все же никогда такъ легко не отказались бы отъ защиты престола, если бы въ станѣ революціонеровъ не находилась Государственная Дума, привѣтствовавшая ихъ, въ лицѣ своего предсѣдателя, какъ героевъ, за измѣнническій поступокъ, который ими былъ совершенъ.

Мало того-Государственная Дума, вставъ опрометчиво на сторону возставшихъ и связавъ себя съ ихъ дѣяніями, уже не могла объективно смотрѣть на окружающее, а естественно была заинтересована въ успѣхѣ мятежа, дабы не понести заслуженной кары за свое преступленіе. Въ этомъ случаѣ Государственная Дума начала примѣнять провакаціонные пріемы, а иногда и просто обманъ.

Такъ напримѣръ, когда совершенно неожиданно у воротъ Петербурга появились маршевые эскадроны гвардейской кавалеріи, пришедшіе изъ Муравьеских казармъ Новгородской губерніи, съ твердымъ намѣреніемъ подавить возстаніе, то къ нимъ были высланы навстрѣчу два депутата Государственной Думы, которые сообщили начальнику отряда, что съ Государемъ Императоромъ достигнуто соглашеніе и что въ настоящій моментъ все обстоитъ вполнѣ благополучно, а потому самое лучшее этимъ войскамъ спокойно вернуться обратно. Настроеніе указанныхъ войскъ было прекрасное, что подтверждалось ихъ дѣйствіями во время своего слѣдованія: такъ на станціи Любань, къ моменту подхода эшелоновъ, пронесся слухъ о прибытіи поѣзда Государя Императора и для встрѣчи Державнаго Вождя сейчасъ же былъ выставленъ почетный караулъ

эскадроновъ Л-Гв. Кирасирскаго Его Величества полка. Поѣздъ Государя Императора гдѣ-то задержали и затѣмъ направили другимъ путемъ, а прибывшимъ войскамъ отказали въ эшелонахъ для дальнѣйшаго слѣдованія на Петербургъ. Однако, это не остановило гвардейской кавалеріи и отрядъ дальше двинулся походнымъ порядкомъ. Тогда прибѣгли къ вышеуказанному обману.

Вотъ такимъ то образомъ Государственная Дума «спасала» свое отечество. Напрасно теперь участники гнуснаго дѣянія стараются оправдать себя и свалить все на старое царское правителство, которое, якобы приказомъ о роспускѣ Думы, поставило ихъ передъ необходимостью бунтовать.

Господъ депутатовъ Государственной Думы, конечно, бунтовать никто не заставлялъ, но ужъ такова исторія и нравъ Думы и не въ первый разъ она прибѣгала къ подобнымъ дѣйствіямъ — вспомнимъ скандальное Выборгское возваніе 1-ой Государственной Думы. Здѣсь надо установить одинъ неизмѣнный фактъ — Дума непремѣнно хотѣла играть главествующую роль и роспуска вообще не переносила, прибѣгая въ данномъ случаѣ къ крайнимъ рѣшеніямъ.

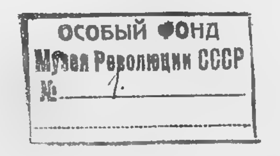
Изъ всего вышесказаннаго можно смѣло сдѣлать заключеніе, что Россію привела къ настоящему ужасу Государственная Дума и, главнымъ образомъ, ея предсѣдатель безумный честолюбецъ Родзянко.

3-го марта въ гостиницу «Армія и Флотъ» пришла банда революціонныхъ солдатъ, требовавшихъ сдачи оружія офицерами, которые тамъ жили. Большинство офицеровъ, какъ я уже упоминалъ выше, состояло изъ запасныхъ, твердо засѣвшихъ въ тылу и неимѣющихъ никакого желанія исполнить свой долгъ офицера,а потому и при настоящей обстановкѣ они рѣшили подчиниться наглому требованію бродячихъ бандъ и нѣсколько человѣкъ изъ числа бывшихъ въ администраціи гостинницы, обратились ко мнѣ съ просьбой сдать свой револьверъ и шашку.

Я наотрѣзъ отказался, прибавивъ, что для каждаго желающаго это сдѣлать силою, у меня найдется пуля въ лобъ и что я удивляюсь имъ, пришедшимъ ко мнѣ съ подобнымъ предложеніемъ.

Они мнѣ начали приводить всевозможные ужасы, которые якобы послѣдуютъ отъ моего сопротивленія, а потому я, назвавъ ихъ трусами и рѣзко оборвавъ свой разговоръ, попросилъ оставить меня въ покоѣ и убраться изъ моей комнаты. Они удалились, а я, возмущенный происшедшимъ, вышелъ въ коридоръ, чтобы посмотрѣть, что дѣлается тамъ и принять затѣмъ соотвѣтсвующія мѣры. Въ коридорѣ я встрѣтился съ Л-Гв. Кирасирскаго Ея Величества полка ротмистромъ фонъ-Розенбергъ[1] и обратился къ нему, какъ къ гвардейскому офицеру, который безусловно пойметъ меня и присоединится къ моему мнѣнію. Дѣйствительно ромистръ вполнѣ согласился со мною и разговоръ съ нимъ меня нѣсколько успокоилъ и отвлекъ отъ принятія крайнихъ мѣръ, которыя, возможно, могли бы привести къ печальному концу, а тѣмъ временемъ вышеуказанная банда солдатъ ушла, отказавшись отъ своего требованія, повидимому правильно соображая, что это дѣло всетаки сопряжено для нихъ съ нѣкоторымъ рискомъ.

[1] Ротмистръ фонъ-Розенбергъ былъ командированъ съ фронта въ Императорскую Николаевскую Военную Академію для окончанія курса, а потому находился въ Петербургѣ.



Я разсказываю этотъ случай потому, что онъ впервые столкнулъ меня съ ротмистромъ фонъ-Розенбергъ, послѣ чего насъ судьба еще нѣсколько разъ сводила и наконецъ соединила въ Берлинѣ на продолжительный срокъ, чтобы вмѣстѣ работать въ дѣлѣ созданія русскихъ добровольческихъ частей въ Прибалтійскомъ Краѣ, но объ этомъ я изложу позднѣе.

На другой день я узналъ, что Государь Императоръ отказался за Себя и Наслѣдника отъ престола, передавъ права на таковой Своему Августѣйшему брату Вел. Кн. Михаилу Александровичу. Далѣе шло отреченіе Вел. Кн. Михаила Александровича въ пользу народа, до изъявленія воли котораго, долженствующаго произойти на предстоящемъ Учредительномъ Собраніи, было образовано Временное Правительство во главѣ съ министромъ президентомъ кн. Львовымъ и министрами Милюковымъ, Гучковымъ, Керенскимъ и. т. п.

Отреченіе Государя Императора послѣдовало послѣ настоятельныхъ просьбъ, граничащихъ съ требованіемъ, г. г. Гучкова и Шульгина, выѣхавшихъ навстрѣчу царскому поѣзду по порученію Государственной Думы. Эти два злополучныхъ посланца должны были осуществить «комбинацію» Родзянко, который предполагалъ добиться отреченія Государя въ пользу Наслѣдника, регентомъ котораго до совершеннолѣтія долженъ былъ стать Вел. Кн. Михаилъ Александровичъ. Однако, этотъ планъ разрушился, такъ какъ Государь, посовѣтовавшись съ лейбъ-медикомъ Боткинымъ объ общемъ состояніи здоровья Наслѣдника, подписалъ отреченіе и за Него.

Такимъ образомъ престолъ временно перешелъ къ Вел. Князю Михаилу Александровичу, который въ свою очередь отказался отъ него въ пользу народа, по настоянію Керенскаго, убѣдившаго Великаго Князя, что этимъ актомъ величайшаго движенія души будетъ достигнуто всеобщее благополучіе.

Въ результатѣ страна во время міровой войны осталась безъ главы и собственно верховная власть была принята Государственной Думой.

Какъ воспользовалась послѣдняя этой властью всѣмъ хорошо извѣстно — она не сумѣла даже удержать ее въ своихъ рукахъ, а сейчасъ же растеряла ее и этимъ предала государство и народъ царству произвола и насилія. У главныхъ рукодителей ея не оказалось на лицо достаточно мужества и твердости характера и они вскорѣ бѣжали отъ дѣяній рукъ своихъ, какъ крысы съ горящаго корабля.

Съ того момента, когда состоялось отреченіе отъ престола Государя Императора, мы, кадровые офицеры, остались безъ всякой точки опоры, которая могла бы насъ поддержать и дать возможность начать снова работать — мы фактически висѣли въ воздухѣ, завися исключительно отъ случайности. Все, что дѣлалось вокругъ, что мы слышали и видѣли, казалось далекимъ отъ необходимаго и создавало убѣжденіе о близкой катастрофѣ всей этой бутафоріи. Неопредѣленность и туманность новаго положенія еще болѣе способствовали угнетенному состоянію духа. Для меня, и я увѣренъ не ошибусь, если скажу для всѣхъ кадровыхъ офицеровъ, моментъ отреченія Государя Императора былъ самымъ тяжелымъ, а затѣмъ все было безразлично и смѣняющіеся факты, неуклонно ведущіе къ печальному концу, уже проходили незамѣтно, такъ какъ они были логическимъ слѣдствіемъ главнаго — революціи.

Помимо душевной драмы, и съ внѣшней стороны наше положеніе офицеровъ было трагическое. Еще со времени учрежденія военнаго революціонаго комитета при Государственной Думѣ, въ первые дни бунта, глава этой новой военной власти, членъ Госуд. Думы, Генеральнаго Штаба полковникъ Энгельгардтъ выпустилъ приказъ, въ которомъ революціоннымъ патрулямъ, состоящимъ изъ взбунтовавшихся содлатъ и предводительствуемыхъ студентами евреями, разрѣшалось требовать у каждаго офицера сдачи оружія, а буде офицеръ не исполнитъ этого наглаго требованія, то примѣнять силу и не останавливаться даже передъ фактомъ убійства его среди бѣлаго дня.

Этотъ приказъ услужливаго полковника отдавалъ всѣхъ офицеровъ произволу шатающихся по улицамъ, озвѣревшихъ солдатъ, совершавшихъ насиліе иногда съ грабительской цѣлью и прикрывавшихся этимъ мудрымъ распоряженіемъ.

Интересно отмѣтить, что сей полковникъ Энгельгардтъ, удравшій во времена большевистской власти, нашелъ себѣ пріютъ въ Добровольческой Арміи генерала Деникина, гдѣ служилъ, какъ ни въ чемъ не бывало, въ отдѣлѣ пропаганды такъ называемаго «Освага».[1] Если подобные субьекты могли имѣть мѣсто въ средѣ возрождающейся русской арміи, то не удивительно, что всѣ эти начинанія потерпѣли крушеніе.

Я могъ бы привести десятки случаевъ, происшедшихъ съ офицерами въ первые дни революціи и особенно послѣ этого знаменитаго приказа, когда указанные патрули вмѣстѣ съ озвѣревшей толпой, совершали гнусное насиліе надъ людьми призванными защищать свое отечество и жертвовать для него своею жизнью. Сколько было сброшено въ каналы, сколько убито и сколько подверглось всевозможнымъ оскорбленіямъ и издѣвательствамъ!

Здѣсь моимъ нравственнымъ долгомъ является обязанность подчеркнуть, что новая, такъ называемая «свободная» власть въ лицѣ Временнаго Правительства, состоявшаго изъ людей, клеймившихъ царское правленіе за якобы имъ совершаемыя жестокости и несправедливости, въ данномъ случаѣ бездѣйствовала или вѣрнѣе потакала этимъ звѣрствамъ надъ офицерами.

Злополучный же Керенскій, занимавшій постъ министра юстиціи, на просьбы родственниковъ избиваемыхъ офицеровъ, принять соотвѣтствующія мѣры для прекращенія этого ужаса, нашелъ возможнымъ лишь развести руками и отвѣтить: «Что же я могу сдѣлать — это жертвы народнаго революціоннаго гнѣва».

И вотъ, при такомъ кошмарномъ отношеніи къ офицерамъ нашелся членъ Государственной Думы, нѣкій Шульгинъ, который, повѣствуя о сутолочныхъ дняхъ въ Таврическомъ Дворцѣ, скорбитъ, что въ распоряженіи Думы не было дѣльныхъ офицеровъ, которыми можно было бы замѣнять прежнихъ и видитъ въ этомъ одну изъ многочисленныхъ причинъ случившейся катастрофы. Дѣльные офицеры, по его замѣчанію, въ Думу не шли и отъ работы съ ней уклонялись и это удивляетъ г. Шульгина, а онъ то надѣялся, что порядочный офицеръ бросится въ объятія убійцъ своихъ братьевъ по оружію.

[1] Освѣдомительно-агитаціонный отдѣлъ при Добровольческой Арміи.

При изложенномъ выше отношенiи къ офицерамъ продолжать служить и работать было трудно и, если мы что-либо дѣлали, то по инерцiи, а не сознательно.

Новый военный министръ Гучковъ, посѣщая военныя учрежденiя, обращался къ офицерамъ съ рѣчью, но она звучала, какъ погребальное слово и попытки привлечь расположенiе офицеровъ фразами о пониманiи нашего тяжелаго положенiя оставались, въ большинствѣ случаевъ, безъ отголоска, такъ какъ не г. Гучкову, наградившему георгiевскимъ крестомъ унтеръ-офицера Л-Гв. Волынскаго полка Кирпичникова за убiйство своего прямого начальника офицера, завѣдовавшаго учебной командой того же полка, было говорить о какомъ-то пониманiи и сочувствiи офицерской корпорацiи.

Однако, я не хочу отрицать, что нѣкоторые офицеры, главнымъ образомъ призванные во время войны изъ запаса, пошли навстрѣчу революцiонной власти, надѣясь этимъ поступкомъ обезпечить себѣ безопасность и хорошо устроиться гдѣ-нибудь въ тылу около новыхъ властелиновъ. Подобныхъ господъ нельзя было строго судить и требовать отъ нихъ самопожертвованiя: они были далеки отъ армiи и ея традицiй и являлись лишь случайными, временными ея гостями, а не членами корпорацiи, воспитанными въ соотвѣтствующемъ воинскомъ духѣ. Особенно еще потому къ нимъ приходилось относиться снисходительно, что наша армiя вообще хромала запасными офицерами и солдатами, которые были чуждымъ ей элементомъ и за время своего пребыванiя въ запасѣ, совершенно теряли воинскiй видъ, возвращаясь, такимъ образомъ, въ ея ряды обыкновенными обывателями, а не воинскими чинами.

Вотъ почему я не хочу удѣлять имъ большого вниманiя и перейду къ тѣмъ, которые сознательно передались въ лагерь своихъ недавнихъ враговъ, надѣясь создать этимъ выдающуюся карьеру и занять руководящее положенiе. Къ числу этихъ выскочекъ первыхъ дней революцiи безспорно принадлежитъ Генеральнаго Штаба подполковникъ Гущинъ, читавшiй въ Императорской Военной Николаевской Академiи лекцiи по военно-топографической развѣдкѣ.

Прежде чѣмъ перейти къ описанiю дѣйствiй указаннаго подполковника, я хотѣлъ бы, по возможности, точно обрисовать эту фигуру, чтобы показать, какъ «дошла она до жизни такой».

Гущинъ происходилъ изъ донскихъ казаковъ и, выйдя въ офицеры, благодаря значительнымъ способностямъ, поступилъ въ Военную Академiю и хорошо окончилъ ее, что давало ему право на службу по Генеральному Штабу въ гвардейскихъ частяхъ. Онъ устраивается въ гвардейскомъ корпусѣ и тамъ старается всѣми силами обратить на себя вниманiе, но для службы въ гвардiи мало одной хорошо построеной головы, воспринимающей легко научныя данныя, а надо еще было располагать и другими рессурсами, которыхъ у Гущина не было. Я говорю въ данномъ случаѣ о военной этикѣ, военномъ тактѣ, безъ которыхъ въ гвардiи останешься всегда чуждымъ и нежеланнымъ, а послѣднихъ Гущину негдѣ было прiобрѣсти и поэтому онъ своими замашками достигалъ лишь насмѣшливыхъ взглядовъ и остротъ по своему адресу. Конечно, его, считавшаго себя генiемъ, не могла удовлетворить подобная жизнь и онъ при первой возможности готовъ былъ пуститься на все, чтобы доказать свое пре-

восходство, а потому естественно революція окрылила его и онъ уже видѣлъ себя руководителемъ всего новаго движенія.

Забросивъ лекціи въ Академіи по своему предмету, онъ всецѣло отдается работѣ въ различныхъ организаціяхъ, созданныхъ накипью революціоннаго времени. Чтобы открыть себѣ свободный путь къ новымъ достиженіямъ, Гущинъ не останавливается передъ признаніемъ на одномъ изъ собраній, что вполнѣ сочувствуетъ революціонному движенію и заканчиваетъ свою рѣчь бравурными словами: «а теперь, господа, я поднимаю забрало — передъ вами соціалъ-демократъ». Этотъ новоиспеченный соціалъ-демократъ дѣлается предсѣдателемъ союза новаго офицерства и поддерживаетъ непрерывную связь съ образовавшимся совѣтомъ солдатскихъ, рабочихъ и крестьянскихъ депутатовъ, выступая вездѣ съ ярко красными рѣчами и упиваясь грошевымъ успѣхомъ среди своихъ невзыскательныхъ слушателей.

Я упоминаю объ этомъ господинѣ потому, что во первыхъ онъ былъ яркимъ выразителемъ выродка изъ офицерской семьи, а во вторыхъ, что мнѣ пришлось съ нимъ столкнуться и вотъ при какихъ обстоятельствахъ.

Я отправился одинъ разъ посмотрѣть и послушать, что дѣлается на собраніяхъ союза новаго офицерства. Эти сборища происходили въ одномъ изъ залъ гостинницы «Армія и Флотъ» и доступъ на нихъ былъ совершенно свободнымъ для всѣхъ. Занявъ одно изъ мѣстъ, я началъ прислушиваться къ говорившимъ, но ничего интереснаго не услышалъ: произносились общія фразы о торжествѣ революціи, призывали къ организаціонной работѣ, несли какую-то чепуху о задачахъ офицерства и. т. п.

Но вотъ выступаетъ съ обширною рѣчью Гущинъ и въ ней между прочимъ, говоритъ: «значитъ старый порядокъ былъ плохъ, если даже гвардія встала противъ него и фактически устроила революцію».

Подобная ложь и наглость возмутила меня до крайности и я немедленно же отвѣтилъ ему приблизительно слѣдующее: «большая часть гвардіи лежитъ въ гробахъ, а меньшая — сейчасъ находится на фронтѣ и доблестно сражается противъ внѣшняго врага, здѣсь же въ казармахъ сидятъ переодѣтые рабочіе, которые не только грдейскими, но вообще солдатами назваться не могутъ».

И дѣйствительно, много было разговору еще въ началѣ революціи, что переворотъ былъ сдѣланъ гвардіей, ошибочно или нарочно называя запасные батальоны гвардейскихъ частей именами доблестныхъ старыхъ гвардейскихъ полковъ. Пора покончить съ этой клеветой и не связывать позорнаго дѣянія тыловыхъ героевъ съ красивымъ боевымъ прошлымъ нашей русской гвардіи.

Русская гвардія первой выступила на поля сраженія противъ внѣшняго врага и своей доблестью рѣшила участь міровой войны: гвардейская кавалерія и конная артиллерія въ демонстративномъ наступленіи на Восточную Пруссію, а гвадейская пѣхота и артиллерія въ Великой Галиційской битвѣ.

Затѣмъ гвардейскія части въ періодъ всей компаніи непрерывно находились на театрѣ военныхъ дѣйствій, при чемъ въ послѣднее время передъ революціей таинственной, злой рукой эти лучшія войска направлялись въ самыя тяжелыя мѣста. Повидимому преслѣдовалась цѣль измотать и выбить изъ строя кадровыхъ офицеровъ и солдатъ, бывшихъ вѣрнымъ оплотомъ престолу и отчизнѣ.

Однако, гвардія стойко переносила эти испытанія и сохраняла свой патріотическій духъ, передовая его вновь прибывающимъ пополненіямъ.

Тогда враги начали искать другихъ путей, чтобы устранить эту силу, мѣшающую имъ провести свои планы и принялись подкапывать корень, желая уничтожить источникъ пополненія. Войска гвардіи всегда пополнялись новобранцами изъ губерній юга Россіи и запада Сибири, населеніе которыхъ состояло, главнымъ образомъ, изъ крестьянскаго сословія, незараженнаго еще пагубной пропагандой соціалистовъ. Этотъ нетронутый сырой матеріалъ, обработанный въ духѣ традицій своего полка, превращался въ которкій срокъ въ дисциплинированнаго гвардейскаго солдата, гордившагося своимъ званіемъ и находившаго въ своемъ полку вторую семью. И вотъ, чтобы пресѣчь такой притокъ новыхъ нежелательныхъ силъ, замышлявшіе заговоръ, всѣми способами хотѣли измѣнить существовавшій порядокъ и подъ предлогомъ неудобства и затруднительности перевозки новобранцевъ изъ указанныхъ губерній, стремились добиться распоряженія о пополненіи гвардіи изъ населенія Петербургской губерніи, которое сплошь состояло изъ распропагандированныхъ рабочихъ. Однако, командующій войсками гвардіи генералъ-адъютантъ Безобразовъ настойчиво противился этому нововведенію и, обладая достаточнымъ вліяніемъ и связями, разрушалъ въ послѣднюю минуту планы заговорщиковъ, получая окольными путями согласіе на сохраненіе прежняго порядка пополненія. Тогда повели компанію противъ этого столпа гвардіи и, втянувъ подчиненныя ему войска, въ іюлѣ 1916 года, въ обреченную заранѣе на гибель, операцію подъ Ковелемъ, достигли приказа о смѣщеніи генерала-адъютанта Безобразова съ занимаемаго имъ поста...

Полагаю необходимымъ отмѣтить, что, несмотря на тяжесть обстановки, (предстояло форсировать болотистую долину рѣки Стохода) гвардейскіе полки блестяще выполнили свою задачу въ этомъ коварномъ наступленіи, но затѣмъ, вслѣдствіе отказа въ подкрѣпленіи, вынуждены были отойти на исходное положеніе и очистить такъ доблестно занятыя позиціи противника.

Съ уходомъ генерала Безобразова былъ расформированъ штабъ войскъ гвардіи и корпуса такового вошли въ составъ Особой Арміи.

Устранивъ, такимъ образомъ, въ лицѣ генерала Безобразова, препятствіе, злоумышленники, наконецъ, достигли желаемаго — войска гвардіи стали пополняться рабочими изъ Петербургской губерніи. Вотъ эти то новобранцы и сидѣли въ казармахъ старыхъ полковъ, переодѣтые въ ихъ славныя формы. Только такимъ путемъ можно было создать въ Петербургѣ революцію, то есть, устранивъ тамъ присутствіе даже молодыхъ гвардейскихъ солдатъ.

Надо разъ навсегда бросить ненужную клевету и оставить гвардію въ покоѣ, не приплетать ее къ грязному дѣлу организаціи бунта во время міровой войны. Господа заговорщики это отлично знаютъ, мало того они также хорошо понимали, что ни одна настоящая гвардейская часть не измѣнила бы своей присягѣ, а потому они такъ и боялись переброски съ фронта въ Петербургъ одной изъ гвардейскихъ кавалерійскихъ дивизій еще въ январѣ 1917 года.

По этому поводу я привожу разсказъ Л-Гв. Кирасирскаго Ея Величества полка ротмистра фонъ Розенбергъ.

«Въ январѣ 1917 года всѣ гвардейскія кавалерійскія дивизіи стояли въ глубокомъ тылу за гор. Ровно. Я былъ тогда и. д. старшаго адъютанта Генеральнаго Штаба 1-ой Гвардейской Кавалерійской дивизіи, штабъ которой занималъ имѣніе Гоща. Начальникъ дивизіи генералъ-лейтенантъ Скоропадскій[1] уѣхалъ принимать 37-ой пѣхотный корпусъ, командиромъ котораго онъ только что былъ назначенъ и во вр. и. д. начальника дивизіи вступилъ командиръ 1-ой бригады, Свиты Его Величества генералъ-маіоръ кн. Эристовъ[2]. Командиромъ 2-ой бригады былъ Свиты Его Величества генералъ-маіоръ Джунковскій (бышій командиръ Л-Гв. Драгунскаго полка).

Начальникомъ Штаба Генеральнаго Штаба полковникъ фонъ-Баумгартенъ (бывшій офицеръ Л-Гв. Драгунскаго полка); и. д. Старшаго адъютанта Генеральнаго Штаба я; Старшимъ адъютантомъ по хозяйственной части ротмистръ Зернецъ (мой однополчанинъ); дивизіоннымъ врачемъ бывшій нашъ старшій полковой врачъ Дѣйствительный Статскій Совѣтникъ П.

Всѣ мы жили дружною семьею, проводя день въ работѣ, а вечера въ пріятной бесѣдѣ на разныя темы. Генералъ кн. Эристовъ былъ большой поклонникъ французской военной школы и высоко цѣнилъ, какъ полководца, маршала Фоша, ставя его на первое мѣсто среди всѣхъ въ текущую компанію. Полковникъ фонъ-Баумгартенъ и я отстаивали нѣмецкую военную систему и, въ противовѣсъ, выдвигали на первое мѣсто генералъ-фельдмаршала фонъ-Гинденбургъ, считая его выше въ дѣлѣ управленія большими массами войскъ.

Въ этихъ бесѣдахъ мы иногда просиживали далеко за полночь.

Въ одинъ изъ такихъ вечеровъ Начальникъ Штаба былъ вызванъ къ телефону изъ штаба корпуса и, вернувшись, доложилъ Начальнику дивизіи, что сейчасъ получилъ приказаніе для 1-ой Гвардейской Кавалерійской дивизіи быть готовой въ самый короткій срокъ къ посадкѣ въ вагоны и отправкѣ въ Петербургъ.

Это извѣстіе перемѣнило тему нашего разговора и мы перешли къ обсужденію внутренняго положенія нашей Родины. Мы хорошо чувствовали, что внутри не все въ порядѣ и убійство извѣстнаго Распутина группой лицъ, среди которыхъ былъ и Вел. Кн. Димитрій Павловичъ, было еще у всѣхъ весьма свѣжо въ памяти. Вызовъ нашей дивизіи въ Петербургъ явно указывалъ, что необходима поддержка престижа власти военною силою и намъ было совершенно ясно, какія задачи предстояли дивизіи въ ближайшее время. Конечно такого рода командировка не могла насъ радовать, такъ какъ дѣйствіе оружіемъ по своимъ русскимъ хотя и принадлежащимъ къ опредѣленной категоріи, все же, оставляло какой-то непріятный осадокъ. Однако, никому и въ голову не пришла мысль, что наши эскадроны могли бы это приказаніе не исполнить.

На другой день были вызваны въ штабъ дивизіи командиры полковъ, которымъ передали полученное приказаніе изъ штаба корпуса.

Вечеромъ во всѣхъ четырехъ полкахъ было извѣстно, что дивизія идетъ въ Петербургъ, гдѣ возможно придется дѣйствовать противъ внутренняго врага. Солдатами это извѣстіе было принято даже радостно, такъ какъ

[1] Генералъ-лейтенантъ Скоропадскій впослѣдсвіи былъ Гетманомъ Украйны.

[2] Генералъ-маіоръ кн. Эристовъ былъ командиромъ Кавалергардскаго Ея Величества полка, а еще раньше командиромъ 1-ой гв. конной батареи.

пребываніе въ Петербургѣ было сопряжено съ удобною жизнью въ казармахъ, а въ остальномъ они совершенно не желали разбираться, твердо помня лишь одно, что должны защищать свою Родину отъ врага, — будь же это внѣшній или внутренній имъ было безразлично.

Въ моемъ полку, куда я поѣхалъ вечеромъ, я прошелъ въ свой 4-ый штандартный эскандронъ, гдѣ меня радостно встрѣчали славныя, веселыя лица кирасиръ, съ которыми у меня было сязано много боевыхъ воспоминаній. Они смѣялись и шутили, что завтра начнутъ вить нагайки, считая, что это оружіе самое подходящее и правильное для петербургскихъ враговъ.

«Всыпемъ, Ваше Высокоблагородіе, имъ подъ первое число, тогда узнаютъ, какъ безобразничать въ такое время», говорили они мнѣ добродушно улыбаясь. Для нихъ этотъ тыловой врагъ казался какимъ-то ничтожнымъ и презрѣннымъ, къ которому серьозно и относиться было нельзя.

Черезъ три дня въ штабъ дивизіи пришло извѣстіе, что въ Петербургъ идетъ не наша, а 3-ья Гвардейская Кавалерійская дивизія, но затѣмъ и это приказаніе было отмѣнено. Мы не придали тогда особеннаго значенія этому случаю, объясняя себѣ эту отмѣну слѣдствіемъ измѣнившейся къ лучшему обстановки внутри страны. На самомъ же дѣлѣ какъ выяснилось потомъ, заговорщики употребляли всѣ усилія, чтобы не допустить въ Петербургъ какую-нибудь гвардейскую кавалерійскую дивизію и распространяли слухъ среди приближенныхъ Государя Императора, что дивизіи ненадежны, а потому своимъ присутствіемъ не улучшатъ, а ухудшатъ положеніе, ибо въ нужную минуту пользы не принесутъ, а своимъ появленіемъ въ столицѣ возбудятъ населеніе, которое сразу, конечно, пойметъ, для чего дивизія вызвана съ фронта.

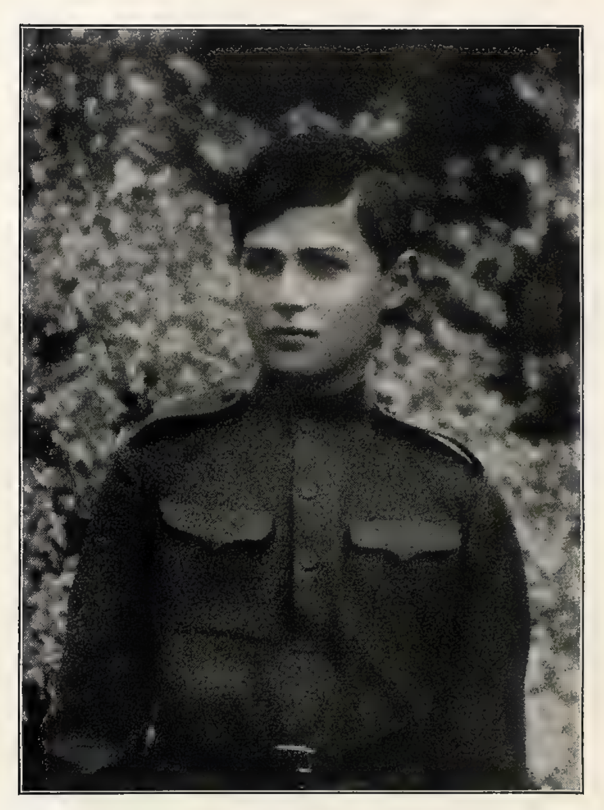
Если бы Государь Императоръ не послушалъ этихъ совѣтчиковъ, то картина была бы совсѣмъ иная и всѣ эти г. г. Родзянко, Милюковъ, Керенскій, Чхеидзе и прочіе, никогда не сыграли бы своей гнусной роли, а висѣли бы на перекладинѣ, подпертой двумя столбами, а съ ними можетъ быть раздѣлилъ бы компанію и почтенный англійскій сэръ.

Но видно такова была судьба нашей Родины и Богу было угодно подвергнуть ее тяжелому испытанію "— вотъ разсказъ ротмистра, характеризующій обстановку упущенныхъ возможностей.

Государю Императору, окруженному такой бездной интригъ, дѣйствительно было трудно разобраться гдѣ правда и гдѣ ложь.

Въ своихъ воспоминаніяхъ генералъ Лукомскій увѣряетъ, что Земскій и Городской союзы, возглавляемые Гучковымъ, не подготовляли заговора и не участвовали въ развитіи бунта, приведшаго Россію къ гибели; но такого рода заявленіе весьма голословно и идетъ вразрѣзъ съ исторіей предреволюціоннаго времени. Достаточно вспомнить лихорадочныя поѣздки г. Гучкова на фронтъ, его бесѣды со всевозможными военными начальниками и простыми офицерами гвардіи и арміи. Я не хочу утверждать, что г. Гучковъ непремѣнно стремился къ гибели своей Родины, но его злое чувство къ Государю Императору и сильно развитое самолюбіе не позволяли ему объективно смотрѣть на окружающее и мечтанія, годныя для студента перваго курса, застилали дѣйствительность.

Карта 3



Е. И. В. Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Алексѣй Николаевичъ, погибшій мученической смертью въ ночь съ 16 на 17 іюля 1918 года.

Е. И. В. Великій Князь Михаилъ Александровичъ, Августѣйшій Братъ Императора Николая II, погибшій мученической смертью.

Карта 4

Государь Императоръ Николай II и Императоръ Вильгельмъ II.

Всѣ эти дѣятели, принимавшіе такое ревностное участіе въ революціонномъ движеніи, достигнувъ власти, совершенно запутались, въ первые же дни, въ сѣтяхъ государственной жизни обширной и могучей Россіи и должны были, въ концѣ концовъ, расписаться въ своемъ полномъ невѣжествѣ въ дѣлѣ управленія.

Гучковъ, критиковавшій военное министерство и находившій въ его дѣйствіяхъ чуть ли не дѣянія, подлежащія отвѣтственности передъ судомъ, началъ свою карьеру, какъ военный министръ, съ величайшаго преступленія — съ разрушенія русской арміи въ періодъ войны. Допущенный имъ извѣстный приказъ № 1, давшій солдату много правъ и не требовавшій отъ него никакихъ обязанностей, превратилъ дисциплинированнаго русскаго воина въ разнузданнаго озвѣрѣвшаго разбойника.

Тѣ революціонные, «сознательные» солдаты, которыхъ я видѣлъ въ Петербургѣ, внушали мнѣ отвращеніе и я съ ужасомъ убѣждался, что собственно солдатъ здѣсь нѣтъ, а по улицамъ бродятъ «товарищи», переодѣтые рабочіе, со всѣми своими отрицательными качествами.

Оставаться, при такихъ обстоятельствахъ, въ Петербургѣ мнѣ было болѣе чѣмъ тяжело и меня тянуло на фронтъ къ своей части, гдѣ я надѣялся найти еще старые порядки и старыхъ боевыхъ друзей среди офицеровъ и солдатъ. Однако немедленно покинуть столицу я не могъ, ибо считалъ себя связаннымъ общею работою въ одной изъ организацій, руководимой адмираломъ Колчакомъ. Высоко цѣня адмирала Колчака, какъ человѣка необыкновенно умнаго, энергичнаго, храбраго и горячо любящаго свое отечество, я, естественно, не могу обойти молчаніемъ мое знакомство съ нимъ и нашу первую встрѣчу, которая навсегда останется моимъ лучшимъ воспоминаніемъ.

Возвратясь однажды поздно вечеромъ въ гостиницу «Армія и Флотъ», я при входѣ, былъ предупрежденъ швейцаромъ, что меня въ моемъ номерѣ поджидаютъ какихъ то два господина и что я былъ бы поэтому осторожнымъ.

Имѣя достаточно основаній опасаться всевозможныхъ выходокъ со стороны революціонныхъ проходимцевъ, угрожавшихъ мнѣ, за открытыя признанія арестомъ, я, конечно, первымъ дѣломъ подумалъ, что ожидавшіе меня господа принадлежатъ къ этой категоріи и потому приготовился къ защитѣ. Идя по коридору къ своей комнатѣ, я увидѣлъ приближающагося ко мнѣ господина и попросилъ его остановиться, въ противномъ случаѣ, буду стрѣлять. Онъ улыбнулся и, остановившись, сказалъ мнѣ, что ждетъ меня въ моей комнатѣ вмѣстѣ съ извѣстнымъ мнѣ старшимъ лейтенантомъ Сапсай и что оба они пришли ко мнѣ по порученію адмирала Колчака.

Войдя съ господиномъ, оказавшимся старшимъ лейтенантомъ Попандопуло къ себѣ въ комнату и поздоровавшись съ лейтенантомъ Сапсай, я съ удовольствіемъ узналъ отъ нихъ, что Его Превосходительство, получивъ извѣстія о моей дѣятельности, выразилъ желаніе поговорить со мною и предложить работать вмѣстѣ.

На другой день, какъ было условлено, я съ капитаномъ Попандопуло пошелъ къ адмиралу.

Дорогой я началъ распрашивать своего спутника о предположеніяхъ адми-

рала, но онъ, улыбаясь отвѣтилъ: «если Его Превосходительство будетъ съ съ вами бесѣдовать болѣе получаса, то вы узнаете почти все отъ него самого, а если нѣтъ, то значитъ вамъ не надо это и знать, вы понимаете меня?» — добавилъ онъ.

Придя на квартиру адмирала, я въ первой же комнатѣ былъ встрѣченъ имъ самимъ и на мнѣ испытующе остановилась пара большихъ спокойныхъ, неморгающихъ и проницательныхъ карихъ глазъ. Я никогда не забуду этого взгляда, проникающаго въ глубину души и заставляющаго невольно чувствовать важность настоящаго момента. Адмиралъ сѣлъ въ кресло около письменнаго стола и посадилъ меня противъ, послѣ чего сейчасъ же приступилъ къ разговору.

Когда я вышелъ изъ кабинета Его Превосходительства и взглянулъ на часы, то увидѣлъ, что просидѣлъ у него болѣе двухъ часовъ, то есть далеко за положенный срокъ. Лейтенантъ Попандопуло встрѣтилъ меня въ столовой и тамъ мы всѣ вмѣстѣ еще пили чай, послѣ чего я простился, при чемъ адмиралъ поцѣловалъ и перекрестилъ меня. Я пошелъ домой.

На улицѣ было пустынно, но два какихъ-то субъекта неустанно крейсеровали около подъѣзда квартиры адмирала и по ихъ вниманію, съ которымъ они проводили меня взоромъ, я могъ безъ ошибки сдѣлать заключеніе, что это были агенты новаго правительства. Вскорѣ послѣ этого мною были получены свѣдѣнія отъ своей развѣдки, что на работу адмирала Колчака обращено вниманіе и революціонные круги рѣшили ее пресѣчь, арестовавъ Его Превосходительство и всѣхъ его сотрудниковъ въ томъ числѣ и меня. Я, конечно, предупредилъ объ этомъ адмирала и настоялъ на его отъѣздѣ на станцію Преображенскую, гдѣ жила его сестра.

Между тѣмъ обстоятельства сильно измѣнились — революція продолжала «углубляться» и все пошло быстрымъ темпомъ къ разрушенію. Одновременно съ этимъ увеличивалась подозрительность лѣвыхъ партій и преслѣдованія положительно лишали возможности работать въ столицѣ. Надо было либо рѣшаться на крайнія мѣры и открытое выступленіе, либо уѣзжать на фронтъ, гдѣ были еще люди для общей работы и гдѣ легче ее было маскировать.

На открытое выступленіе адмиралъ не согласился, считая преждевременнымъ и обреченнымъ на неуспѣхъ, а поэтому, воспользовавшись предложеніемъ американцевъ поступить къ нимъ на службу, уѣхалъ въ Америку.

Проработавъ еще нѣкоторое время въ организаціи профессора Плетнева, я также вскорѣ распростился съ Петербургомъ и отправился на фронтъ въ свою строевую часть — 8-ой конный Граевскій полкъ. Генералъ-адъютантъ Мищенко, личнымъ адъютантомъ котораго я передъ тѣмъ состоялъ, сейчасъ же послѣ революціи покинулъ свой постъ начальника отдѣльной группы войскъ, заявивъ съ присущею ему откровенностью, что наступившія времена не для него и онъ русскій генералъ не можетъ участвовать въ дѣлѣ разрушенія нашей арміи.

Въ Петербургѣ, на вокзалѣ, я сразу попалъ въ безпорядочную толпу, созданную революціоннымъ движеніемъ. Служащіе безъ толку метались по станціи, которая была полна грязными и неряшливо одѣтыми солдатами или

вѣрнѣе переодѣтыми мужиками и рабочими. Это были все «сознательные» воины новой революціонной арміи, которые, освободившись отъ власти, державшей ихъ въ повиновеніи, теперь бросили свои части и поспѣшили удрать съ фронта домой. Эти дезертиры были готовыми пополненіями, такъ называемыхъ, совѣтовъ рабочихъ, солдатскихъ и крестьянскихъ депутатовъ — этого боевого кадра грядущихъ тогда большевиковъ. Вся платформа была заплевана шелухой сѣмячекъ, которыя новые «государственные дѣятели» уничтожали въ неизмѣримомъ количествѣ. Достаточно было всмотрѣться въ ихъ лица, чтобы безошибочно опредѣлить ихъ внутреннее «я» и убѣдиться, что духовнаго тамъ очень мало, а міровой кругозоръ простирается не далѣе квартиры офицера, ближайшей фабрики и дома сосѣдняго помѣщика.

Съ трудомъ забравшись въ вагонъ 2-го класса и втиснувшись въ маленькое купэ, я съ грустью занялъ свободное мѣсто и отдался во власть своимъ невеселымъ мыслямъ. Тяжело наблюдать разрушеніе Родины и торжество людей, которыхъ привыкъ презирать. Въ данномъ случаѣ я разумѣю не солдатъ, рабочихъ и крестьянъ, а тѣхъ, которые въ ихъ простыхъ, спавшихъ въ тиши государственной опеки, сердцахъ зажгли огонъ классовой ненависти и жажду братской крови.

Поѣздъ шелъ по расписанію безъ опозданій и быстро удалялся отъ революціонной столицы впередъ, въ неизвѣстную даль...

Мои мысли направились въ туманное будущее, стараясь предугадать, что меня ожидаетъ въ ближайшіе дни, но все было такъ сумбурно, такъ неожиданно, что положительно терялась почва подъ ногами и хотѣлосъ забыться, уйти отъ этого кошмара и ужаса.

Мой путь лежалъ на городъ Ровно, въ раіонѣ котораго я надѣялся найти свой полкъ или же получить тамъ свѣдѣнія о его новой стоянкѣ. На слѣдующій день я уже ѣхалъ по Кіево-Ковельской ж. д., находящейся въ раіонѣ военныхъ дѣйствій и въ непосредственной близости отъ фронта. Около станціи Сарны стоялъ Штабъ Особой Арміи, въ составъ которой входили всѣ гвардейскія части

На станціяхъ я видѣлъ солдатъ кавалергардовъ, которые несли службо по охранѣ желѣзнодорожнаго пути и порядка. Наружность ихъ была нѣсколько чище другихъ, но печать распущенности уже лежала и на ихъ обликѣ. Я съ сожалѣніемъ смотрѣлъ на этихъ рослыхъ, статныхъ солдатъ, бывшихъ украшеніемъ царскихъ дворцовъ, а теперь, превратившихся въ расхлябанныхъ, съ мотающимися руками, полупочтенныхъ субъектовъ. Какъ много значила дисциплина и какъ нужна была твердая власть для всѣхъ этихъ сыновъ природы, сейчасъ предоставленныхъ самимъ себѣ и отдавшихся теченію бурнаго революціоннаго потока.

На каждой станціи происходила сутолока, въ воздухѣ стояла отборная брань и въ вагоны непрестанно забирались все новые и новые солдаты. Видъ этихъ, шатающихся безъ опредѣленной цѣли, солдатъ, одѣтыхъ неряшливо и грязно, былъ отвратителенъ и я тутъ еще яснѣе почувствовалъ глубокую трагедію переживаемую нашей арміей.

Къ вечеру я добрался до гор. Ровно и довольно быстро нашелъ свой полкъ, который по прежнему стоялъ въ резервѣ и несъ охранную службу тыла.

Командиръ полка, мой другъ, полковникъ бар. Кене очень радушно

принялъ меня и, не давъ закончить мнѣ свой рапортъ о прибытіи, усадилъ за столъ, гдѣ онъ собирался пить чай.

Въ этой домашней обстановкѣ я узналъ отъ него всѣ новости нашей полковой жизни, а также получилъ приказаніе снова принять мой 3-ій эскадронъ. «Твой эскадронъ, — добавилъ онъ, — въ полномъ порядкѣ, но 2-ой мнѣ доставляетъ много хлопотъ и виноватъ во всемъ командиръ эскадрона, который самъ революціонизируетъ солдатъ, требуя отъ нихъ выполненія всѣхъ новыхъ установленій, согласно приказамъ и указаніямъ солдатскаго комитета. Получается ужасная невязка — весь полкъ живетъ своей старой жизнью, а 2-ой эскадронъ вноситъ дезорганизацію и является темнымъ или вѣрнѣе грязнымъ пятномъ на общемъ фонѣ», — закончилъ свою бесѣду со мною командиръ.

На слѣдующій день рано утромъ я поѣхалъ верхомъ къ построенному, по моему приказанію въ конномъ строю, эскадрону и еще издали замѣтилъ, что солдаты имѣли приколотыми на груди красные банты. Подъѣхавъ къ эскадрону, стоявшему въ развернутомъ строю, я, не здороваясь съ людьми, обратился къ нимъ со слѣдующими словами: «я не сомнѣваюсь, что вы всѣ въ своей душѣ остались тѣми молодцами, которыми были всегда и мнѣ больно видѣть на васъ эти красные банты, являющіеся знакомъ потери воинскаго вида и полной распущенности. Пусть эти банты носятъ бабы — имъ это къ лицу, моихъ же орловъ я хочу видѣть прежними дисциплинированными солдатами. Я даю вамъ 10 минутъ на приведеніе себя въ порядокъ». Едва я отъѣхалъ, какъ солдаты начали срывать свои банты и бросать ихъ прямо на землю. Черезъ пять минутъ я уже привѣтствовалъ эскадронъ, который весело и громко отвѣтилъ мнѣ, титулуя по прежнему.

Далѣе началась моя жизнь въ полку, въ теченіе которой, несмотря на тяжелыя времена, у меня не было съ солдатами никакихъ недоразумѣній и я могу съ гордостью заявить, что свой эскадронъ я сохранилъ до самаго послѣдняго момента въ прежнемъ порядкѣ и съ тѣмъ же воинскимъ духомъ, который былъ въ нашихъ войскахъ до революціи.

Я не буду долго останавливаться на всѣхъ этихъ переживаніяхъ, которыя пришлись на мою долю въ періодъ до большевистскаго переворота, но скажу только, что на ряду со многими тяжелыми моментами были и удивительно свѣтлыя минуты.

Особенно дорогъ мнѣ день моего прощанія съ эскадрономъ, который, послѣ захвата власти большевиками, уѣзжалъ съ фронта, чтобы разойтись по домамъ. Сколько хорошихъ словъ и глубокихъ чувствъ нашлось у насъ въ этотъ мигъ прощанія.

Эскадронъ въ полномъ порядкѣ погрузился въ эшелоны и послѣдними словами солдатъ были слова благодарности, что я не допустилъ ихъ до развала и далъ имъ возможность до конца выполнить свой долгъ передъ Родиной. Они поднесли мнѣ «адресъ», въ которомъ очень трогательно выразили свою глубокую благодарность за мою заботу о нихъ.

Я остался въ городѣ Ровно, ибо ѣхать въ такой моментъ, какимъ былъ начальный періодъ большевистскаго правленія, было некуда, да и невозможно.

На этомъ я заканчиваю главу, касающуюся революціонной суматохи Временнаго Правительства.

ГЛАВА V.

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ РЕВОЛЮЦІЯ ВЪ РОССІИ.

Выступивъ на борьбу противъ инородческой большевистско-коммунистической власти въ Россіи, я былъ глубоко убѣжденъ, что этимъ иду навстрѣчу желаніямъ всего мыслящаго, культурнаго міра, такъ какъ мнѣ казалось, что начала грабежа, убійства и попранія всѣхъ человѣческихъ правъ не могутъ долго безнаказанно царствовать въ эпоху XX-го столѣтія.

Между тѣмъ на дѣлѣ оказалось совсѣмъ иначе и культурные народы, ради личныхъ выгодъ и мелкихъ спекулятивныхъ расчетовъ, забыли основы нравственныхъ ученій и утратили понятіе о простой порядочности и справедливости. Тѣ преступленія, которыя при совершеніи ихъ частными лицами, карались всевозможными наказаніями въ самомъ государствѣ, находили оправданіе и разсматривались, какъ дипломатическія и политическія дѣйствія, если они происходили въ отношеніяхъ отдѣльныхъ народовъ.

Однако многія еще государства свои дѣйствія хотятъ прикрыть незнаніемъ дѣйствительной жизни въ Россіи и тѣхъ ужасовъ большевистской власти, которые являются ея постоянными спутниками. Вотъ почему я хочу нѣсколько остановиться на большевистской эпопеѣ и, по возможности, охарактеризовавъ ее, тѣмъ самымъ показать всю ея мучительную неприглядность.

Собственно большевиками называли себя соціалъ-демократы, требовавшіе проведенія немедленно всей соціалистической программы, отличаясь этимъ отъ группы меньшевиковъ той же партіи, проповѣдывавшихъ постепенное насажденіе соціалистическихъ доктринъ.

Главные руководители большевистской группы жили за границей, большею частію въ Швейцаріи и не имѣли права въѣзда въ предѣлы Россіи, имѣя за собою дѣянія, караемыя смертной казнью черезъ повѣшеніе. Къ числу этихъ висѣльниковъ принадлежали и два столпа большевизма — Ленинъ (Ульяновъ) и Радекъ (Собельсонъ).

На эту парочку, послѣ вспыхнувшей революціи въ Россіи, обратило вниманіе Императорское германское правительство и рѣшило ихъ использовать въ собственныхъ интересахъ. Революцію, какъ я уже упоминалъ выше, у насъ начали русскіе «интеллигенты» подъ эгидой англичанъ, а потому и дальнѣйшія дѣйствія Временнаго Правительства всецѣло зависѣли отъ распоряженія нашихъ «союзниковъ». Такимъ образомъ были выдвинуты старые лозунги: «вѣрность союзникамъ», «война до побѣднаго конца», «уничтоженіе имперіалистической Германіи» и. т. д., то есть такіе, которые совершенно не нравились Германіи, желавшей развязать себѣ руки, хотя бы на восточномъ фронтѣ. Къ этому времени знаменитая парочка начала хлопотать, черезъ своихъ германскихъ товарищей по пролетарской работѣ, о пропускѣ ихъ черезъ территорію Германіи обратно въ Россію.

«На ловца и звѣрь бѣжитъ» и германскіе дипломаты совмѣстно съ военными кругами обрабатываютъ адскій контръ планъ, который проходитъ вполнѣ гладко. Ленинъ и Радекъ проѣзжаютъ въ запломбированныхъ вагонахъ Германію, но это не мѣшаетъ имъ получить деньги и соотвѣтствующія инструкціи. Прибывъ въ Россію, «товарищи» принимаются орудовать, постепенно захватывая въ свои руки революцію и головы потерявшихъ почву рабочихъ, солдатъ и крестьянъ.

Многіе русскіе обвиняютъ Германію въ насажденіи у насъ большевизма и считаютъ, что подобный поступокъ навсегда уничтожилъ возможность нашего сближенія. По моему это пристрастный и совершенно неправильный приговоръ. Почему мы должны больше сѣтовать на германцевъ, которые будучи нашими врагами, использовали наше затруднительное внутренное положеніе и устроили большевистскую революцію, а не на нашихъ «союзниковъ», организовавшихъ меньшевистскую. Если генералъ Людендорфъ, осуществляя свои планы, радовался успѣху Ленина и Радека, приведшаго къ Брестъ-Литовскому миру, то вѣдь и министръ-президентъ Лойдъ-Джорджъ, дѣйствуя черезъ почтеннаго сэра Бьюкененъ, тоже потиралъ руки отъ удовольствія при извѣстіи о революціи въ Россіи и даже имѣлъ неосторожность воскликнуть: «одну цѣль, преслѣдуемую въ этой войнѣ, Англія достигнула». Такъ кому же простительнѣе врагамъ или друзьямъ?

Вотъ почему я со спокойной совѣстью и открытою душою пошелъ вмѣстѣ съ лучшими германскими военными и общественными кругами на борьбу съ большевиками, зная, что подобный шагъ вызванъ взаимнымъ пониманіемъ ошибокъ предыдущихъ лѣтъ и сознаніемъ общности интересовъ въ печальномъ настоящемъ и можетъ быть красивомъ будущемъ. Но объ этомъ я поговорю болѣе подробно въ другомъ мѣстѣ моей книги и внесу тогда тѣ поправки, которыя являются необходимыми, какъ слѣдствіе настоящей правительственной политики Германіи къ намъ русскимъ.

Кто изъ русскихъ, переживавшихъ время «мудраго» правленія г. г. Львова, Милюкова, Керенскаго и. т. п. не помнитъ знаменитаго логовища «товарища» Ленина, засѣвшаго въ изящномъ домѣ-дворцѣ балерины Кшесинской на Каменноостровскомъ проспектѣ около Троицкаго моста. Тамъ всегда стояла праздная, сбитая съ толку «безъ руля и безъ вѣтрилъ», революціонная толпа солдатъ, рабочихъ и крестьянъ.

Оттуда большевистскіе главари, бросали въ темную, на три четверти безграмотную, русскую массу соблазнительные лозунги, сулящіе ей все то, что она тогда жаждала. Они обѣщали: 1) немедленный миръ во что бы то ни стало; 2) безвозмездный немедленный раздѣлъ всей земли; 3) немедленную передачу всѣхъ промышленныхъ предпріятій, какъ-то фабрикъ, заводовъ, промысловъ и. т. п. въ руки рабочихъ; 4) немедленное ,полное уничтоженіе капитала, что понималось также, какъ раздѣлъ и многія еще другія немедленныя блага.

Все это конечно кружило головы и безъ того одурѣвшимъ рабочему, солдату и крестьянину. Не желая слушаться всѣхъ кто доказывалъ нелѣпость этихъ лозунговъ и невозможность немедленнаго ихъ проведенія въ жизнь,

среди рабочихъ, солдатъ, и крестьянъ выдѣлился элементъ наиболѣе жаждующій быстрой наживы безъ участія труда и составилъ кадръ большевистской партіи. Для этихъ людей большевизмъ являлся ореоломъ манящимъ ихъ къ широкой дѣятельности на поприщѣ грабежа, убійства и другихъ преступленій. Вотъ собственно эта кучка людскихъ отбросовъ съ вороватыми и разбойными тенденціями, предводительствуемая еврейскими вожаками, также изъ числа выродковъ своего племени, и выступила съ претензіей на захватъ государственной власти и управленіе Россійской Имперіей.

Первая попытка къ перевороту въ іюлѣ 1917 года не имѣла успѣха и шаткая власть осталась въ рукахъ безличнаго Временнаго Правительства, которое собственно ничьимъ требованіямъ не удовлетворяло.

Однако, второе выступленіе въ концѣ октября 1917 года большевиками было основательно подготовлено и тогда они использовали всѣ наличныя средства.

Въ Петербургѣ борьба была весьма кратковременной, ибо ни у кого не было желанія защищать Временное Правительство или вѣрнѣе, олицетворявшаго его, Керенскаго. Уже черезъ нѣсколько дней онъ, потерпѣвъ фіаско и бросивъ единственно защищавшій его, женскій батальонъ, бѣжалъ изъ Зимняго Дворца въ Гатчину, гдѣ также расположился во дворцѣ. У этого еврейскаго ублюдка была страсть къ дворцамъ, въ которыхъ онъ и устраивался, со свойственнымъ ему нахальствомъ распоряжаясь какъ дома.

Прибывъ въ Гатчину, Керенскій сейчасъ же вызвалъ съ фронта казачій корпусъ генерала Краснова и латышскіе батальоны, надѣясь при ихъ помощи снова возстановить пошатнувшееся положеніе.

Большевистскія банды, состоящія изъ солдатъ всевозможныхъ полковъ, рабочихъ и, главнымъ образомъ, матросовъ, не теряя времени двинулись за нимъ въ погоню и заняли по Балтійской ж. д. станцію Лигово, а по Варшавской ж. д. станцію Александровскую.

Генералъ Красновъ, имѣя въ своемъ распоряженіи такую значительную боевую силу, какъ казачій корпусъ, могъ бы при наличіи рѣшимости и желанія достигнуть поразительныхъ результатовъ и, захвативъ государственную власть въ свои руки, тѣмъ самымъ, спасти Россію отъ дальнѣйшихъ ужасовъ, но онъ предпочелъ политику половинчатыхъ рѣшеній и принципа «моя хата съ краю». Онъ послалъ въ Гатчину казачій полкъ, но ни самъ, ни его штабъ туда въ первые дни не показывался, ожидая выясненія положенія и разсуждая, что лучше быть подальше отъ этой исторіи.

Сотни прибывшаго казачьяго полка особеннаго рвенія не проявляли и ограничивались наблюденіемъ за путями изъ Петербурга въ Гатчину, но и большевики впередъ не продвигались. Такъ прошло нѣсколько дней и вдругъ совершенно неожиданно въ городѣ было вывѣшено печатное объявленіе о состоявшемся соглашеніи большевиковъ съ казаками, согласно которому казаки отказывались отъ защиты Керенскаго и взамѣнъ этого получали отъ большевиковъ свободный пропускъ домой на Донъ.

Въ Гатчинскій дворецъ въѣхалъ командующій большевиками матросъ

Дыбенко[1], а Керенскій еще наканунѣ, почуявъ неладное, переодѣлся въ женское платье и бѣжалъ, куда глаза глядятъ.

Такъ кончилась эпопея меньшевистской революціи и на смѣну ей явилась большевистская, которая и принялась орудовать въ несчастной странѣ. Вначалѣ съ наружной стороны ничего не измѣнилось и только взамѣнъ временныхъ приказовъ Временнаго Правительства появились декреты новой большевистской власти. Стало даже, какъ будто лучше, проще — по крайней мѣрѣ всѣ знали съ кѣмъ имѣютъ дѣло.

Интересно отмѣтить, что до момента большевистской побѣды всѣ твердили, что Ленинъ и Троцкій — германскіе — шпіоны, но, когда эти шпіоны начали править Россіей, то объ этомъ даже не упоминали, а если вспоминали то находили въ этомъ утѣшеніе, расчитывая, что всѣмъ руководитъ Германія и что она въ концѣ концовъ наведетъ порядокъ и избавитъ насъ отъ революціоннаго кошмара. Вотъ собственно съ этого момента, какъ это не странно, сразу перемѣнилось отношеніе къ Германіи и въ ней перестали уже видѣть врага, а напротивъ возлагали надежду на ея помощь. Разочарованіе въ своихъ «союзникахъ» было окончательное, имъ не могли простить полнаго бездѣйствія во время революціи и поддержку такихъ лицъ, какъ Керенскій.

Совершенно спокойно прошли декабрь, январь и февраль мѣсяцы. Однако въ мартѣ произошли осложенія во внѣшнемъ положеніи и большевики, выѣхавшіе во главѣ съ Троцкимъ въ Брестъ-Литовскъ заключать миръ, вернулись оттуда, не подписавъ его, такъ какъ германцы ставили слишкомъ тяжелыя условія. Послѣ извѣстной фразы Троцкаго, что онъ не подпишетъ мира, но и не будетъ дальше воевать, наступили тревожные дни въ Петербургѣ: германцы перешли въ наступленіе и безъ труда, гоня передъ собою, побросавшихъ свое оружіе солдатъ, быстро приближались къ столицѣ.

Въ эти дни среди большевиковъ чувствовалась большая растерянность и собственно всѣ надѣялись, что наступленіе нѣмцевъ закончится занятіемъ Петербурга и возстановленіемъ русской монархической власти.

Большевики лихорадочно приступили къ организаціи обороны Петербурга и всецѣло поручили это дѣло генералу инженерныхъ войскъ Шварцу, давъ ему чрезвычайныя полномочія и полную свободу дѣйствій въ предѣлахъ своей дѣятельности.

Генералъ Шварцъ, выпустивъ возваніе къ бывшимъ офицерамъ, началъ возстановлять разрушенную русскую армію.

Петербургъ былъ объявленъ находящимся на театрѣ военныхъ дѣйствій и изъ него въ Москву стали эвакуировать правительственныя учрежденія.

Заслышавъ о возсозданіи фронта противъ германцевъ, появились запрятавшіеся въ свои норы со времени господства большевиковъ, представители «союзныхъ» державъ — французы и англичане и, обосновавшись въ штабѣ генерала Шварца, постоянно совѣщались съ его Начальникомъ Штаба генераломъ Геруа.

[1] Матросъ Дыбенко былъ яркой фигурой первыхъ дней большевизма; кромѣ того онъ извѣстенъ какъ любовникъ госпожи Калантай, которая въ настоящее время является совѣтской посланницей въ монархической Норвегіи.

Наши «союзники» первое время очень много говорили о недопустимости совмѣстной работы съ большевиками, по той простой причинѣ, что послѣдніе были мало склонны исполнять ихъ велѣнія, сводившіяся къ продолженію борьбы съ Германіей; однако, какъ только большевики отказались отъ мира, все оказалось въ порядкѣ и высоконравственныя проблемы забыты.

Французская военная миссія, состоящая изъ одного генерала и трехъ офицеровъ, выразила желаніе осмотрѣть фронтъ противъ нѣмцевъ, тянувшійся отъ Финскаго залива (устья рѣки Наровы), по рѣкѣ Наровѣ, восточному берегу Чудскаго и Псковскаго озеръ, черезъ станцію Торошино, станцію Карамышево включительно и далѣе черезъ городъ Себежъ исключительно.

Вотъ, что мнѣ разсказалъ объ этой поѣздкѣ русскій офицеръ Генеральнаго Штаба, который былъ командированъ сопровождать эту почтенную миссію.

«Мы, согласно полученнымъ мною инструкціямъ изъ Штаба, выѣхали по Варшавской желѣзной дорогѣ на сѣверный фронтъ, находившійся подъ общимъ командованіемъ бывшаго генерала Парскаго, перешедшаго однимъ изъ первыхъ на большевистскую службу. На станціи Гатчина мы нашли командующаго и его Штабъ, размѣстившійся въ вагонахъ 1-го класса. Послѣ краткаго разговора и взаимныхъ поясненій, французской миссіи былъ представленъ очень объемистый списокъ частей боевой группы генерала Парскаго. Французы сразу повеселѣли, но увы радость ихъ была короткая. Едва начали перечислять и поименовывать всѣ эти отряды, указывая ихъ численность, какъ лица ихъ вытянулись и они выразили глубокое удивленіе, что нѣчто подобное можетъ существовать на фронтѣ.

Это не были полки или батальоны или роты или, наконецъ, отряды, нѣтъ, — это были маленькія шайки численностью въ 25—30 человѣкъ, находившіяся подъ командою какого-нибудь комиссара, котораго они единственнаго слушали и признавали за начальника.

Всего у генерала Парскаго было около 1000 вооруженныхъ человѣкъ, раздѣленныхъ на двѣ группы: Ямбургскую въ 600 человѣкъ подъ общимъ руководствомъ полковника Скоробогача и Гдовскую въ 400 человѣкъ подъ командою полковника В.

Первая группа была въ нѣкоторомъ порядкѣ, что можно было приписать исключительной энергіи полковника Скоробогача, но за то Гдовская представляла изъ себя разбойничье гнѣздо, нежелавшее и слышать о какомъ либо подчиненіи. Побывавъ въ Ямбургской группѣ, мы двинулись было по направленію на гор. Гдовъ, но вскорѣ по дорогѣ встрѣтили бѣжавшаго оттуда полковника В., который чудомъ спасся отъ своихъ войскъ, заключившихъ, что его пріѣздъ и требованія о подчиненіи являются нарушеніемъ свободъ и дѣйствіемъ явно контръ-революціоннымъ.

Полковникъ былъ сильно взволнованъ и не стѣснялся высказать свое нелестное мнѣніе о всѣхъ этихъ коммунистическихъ войскахъ и ихъ порядкахъ.

Французы, ознакомившись съ инцидентомъ, предпочли возвратиться назадъ и отказаться отъ дальнѣйшаго своего объѣзда большевистскихъ войскъ.

Въ Ямбургѣ мы сѣли въ поѣздъ на Петербургъ.

Я молчалъ и французы также, но черезъ нѣкоторое время генералъ не вы-

держалъ и обратился ко мнѣ съ вопросомъ, что я думаю обо всемъ видѣнномъ и каково мое мнѣніе, какъ офицера русскаго Генеральнаго Штаба.

Я отвѣтилъ, что видѣнныя нами банды я не могу признать за русскія или вообще за какія-нибудь войска, что это просто разбойники, способные на грабежъ и убійство, а не на борьбу съ регулярными войсками и надѣяться, на то что они могутъ остановить наступленіе германцевъ, конечно, нельзя.

— «Такъ что же ожидаетъ вашу Родину — она погибнетъ!» — воскликнулъ генералъ.

— «Нѣтъ, этого я не думаю, ибо народъ въ 200 милліоновъ не можетъ исчезнуть безслѣдно, но намъ русскимъ предстоитъ пройти цѣлый рядъ всевозможныхъ испытаній» — отвѣтилъ я — «потому мы прежде всего должны отказаться отъ участія въ войнѣ, вести которую, при настоящемъ нашемъ внутренномъ состояніи невозможно.»

— «Другими словами вы стоите за нарушеніе нашего союза и заключеніе мира съ Германіей?» — спросилъ одинъ изъ французскихъ офицеровъ.

— «Да, если хотите, но мнѣ кажется,» — добавилъ я, — «что нашъ союзъ, заключенный русскимъ Императорскимъ Правительствомъ, уже нарушенъ первыми вами, нашими союзниками, такъ какъ вы не только не поддержали это союзное вамъ правительство въ дни тяжелыхъ событій, но даже пошли противъ него. Теперь мы свободны отъ обязательствъ и единственной нашей заботой является спасеніе своей Родины, что возможно только при наличіи чужеземной культурной вооруженной силы. Вы, союзники, отказали намъ въ помощи при нашемъ внутренномъ несчастіи и предпочли остаться зрителями и потому намъ остается теперь обратить свои взоры на нашего бывшаго врага и посмотрѣть на него, какъ на культурную вооруженную силу, которая можетъ насъ избавить отъ разбойниковъ и настоящаго кошмара. Не обороняться, а содѣйствовать приходу нѣмцевъ мы теперь должны,» — закончилъ я довольно рѣзко и опредѣленно свое возраженіе.

— «Въ васъ говоритъ нѣмецкая кровь, г. офицеръ,» — сказалъ мнѣ французъ, — «наличіе которой свидѣтельствуетъ ваша фамилія.»

— «Вы напрасно думаете меня уязвить, г. генералъ.» — спокойно отвѣтилъ я, — «мнѣніе, только что высказанное мною не является исключительно моимъ, а принадлежитъ большинству русскихъ, которые горячо любятъ своего Царя и Родину».

На этомъ разговоръ закончился и мы вскорѣ подъѣхали къ Гатчинѣ, гдѣ французы еще разъ хотѣли побесѣдовать съ генераломъ Парскимъ.

Послѣ непродолжительной и неутѣшительной для французовъ бесѣды мы пошли въ вагоны, гдѣ намъ было отведено для начлега два купэ.

Я помѣстился съ двумя французами, но разговора на указанную тему мы не возобновляли, а коснулись лишь начала войны и я, воспользовавшись удобнымъ случаемъ, познакомилъ ихъ съ дѣйствіями нашихъ войскъ во время похода на Восточную Пруссію, когда мы спасали Парижъ.

Они отвѣтили мнѣ, что сраженіе на рѣкѣ Марнѣ было выиграно благодаря военному таланту французскихъ полководцевъ и доблести ихъ войскъ, особенно дивизіи, брошенной во флангъ зарвавшихся нѣмецкихъ корпусовъ, но въ резуль-

татѣ должны были признать, что то и другое могло имѣть мѣсто только при наличіи ослабленія германскихъ силъ на западѣ.

Утромъ къ намъ въ купэ заглянулъ довольно пожилой солдатъ и я обратился къ нему съ просьбою, по старому, почистить наше платье и сапоги. Онъ охотно согласился и, возвратясь обратно съ нашими сапогами и платьемъ, остался помогать мнѣ одѣваться и вступилъ со мною въ разговоръ, при чемъ явно осуждалъ настоящее положеніе.

— «Не понятно мнѣ, Ваше Высокоблагородіе, какъ это умы перевернулись — говорилъ онъ мнѣ, — и мужикъ выше барина захотѣлъ быть, нѣтъ, это не годится всякому свое по его заслугамъ и знанію.»

Я былъ очень удивленъ такимъ сужденіемъ солдата, находящагося въ станѣ большевистскихъ войскъ и, одѣвшись, спросилъ одного изъ офицеровъ Штаба, кто этотъ солдатъ. Оказалось, что это былъ родной братъ генерала Парскаго, которые оба по происхожденію были тульскіе крестьяне съ той только разницей, что солдатъ былъ «контръ-революціонеръ», а братъ — генералъ первый перешелъ къ большевикамъ, надѣясь найти счастье по службѣ, котораго ему не доставало при прежнемъ правительствѣ.

Съ Парскимъ-солдатомъ я разстался въ самыхъ лучшихъ отношеніяхъ и получилъ отъ него въ подарокъ два фрунта сахару изъ запасовъ Штаба, что было показателемъ его глубокой симпатіи ко мнѣ, ибо сахаръ тогда былъ рѣдкостью — закончилъ свой разсказъ мой знакомый».

Я привелъ этотъ эпизодъ съ поѣздкой французовъ на большевистскій фронтъ съ той цѣлью, чтобы дать яркую картину дѣятельности нашихъ «союзниковъ», гдѣ вполнѣ опредѣленно высказалось ихъ стараніе заполучить насъ снова, какъ пушечное мясо, необходимое имъ для достиженія своихъ личныхъ желаній. Они не хотѣли считаться съ нашимъ положеніемъ и осуждали всѣ дѣйствія и мысли, которыя шли вразрѣзъ съ ихъ планами и стремленіями. Кромѣ того, мнѣніе моего знакомаго о германцахъ является очень характернымъ для того времени и дѣйствительно оно было общимъ и доминировало тогда въ Петербургѣ. Кто былъ въ эти дни тамъ, тотъ навѣрное хорошо помнитъ съ какимъ лихорадочнымъ вниманіемъ всѣ слѣдили за движеніемъ нѣмцевъ и какъ радовались, когда узнавали объ ихъ приближеніи къ столицѣ. Германскія каски на Невскомъ проспектѣ были бы восторженно привѣтствованы, если бы онѣ принесли избавленіе отъ кошмара инородческой, тупой власти большевиковъ.

Также думали и лучшіе офицеры во главѣ съ гвардіей. Служить въ войскахъ, гдѣ руводителями были въ большинствѣ случаевъ евреи, убійцы уже многихъ нашихъ близкихъ знакомыхъ, было совершенно непріемлемо и на это можно было согласиться только при наличіи дальнѣйшихъ затаенныхъ цѣлей. У всѣхъ еще было свѣжо въ памяти звѣрское избіеніе большевиками, главнымъ образомъ ,гвардейскихъ офицеровъ при занятіи ими гор. Кіева 28-го января 1918 года.

Сколько нечеловѣческихъ страданій пришлось на долю семей этихъ несчастныхъ замученныхъ жертвъ!

Объ этомъ я не буду говорить, ибо большинству изъ русскихъ читателей это хорошо извѣстно и нѣтъ такой русской семьи или человѣка, у котораго не было

бы аналогичнаго горя, — омерзительные палачи не стѣснялись и ежедневно самымъ кошмарнымъ способомъ убивали лучшихъ людей.

И вотъ эти то господа съ окровавленными руками надѣялись, что близкіе убитыхъ будутъ съ ними работать и смогутъ забыть злодѣяніе.

Они думали, что силою заставятъ подчиниться своимъ требованіямъ и что ужаснымъ терроромъ вселятъ въ честныя русскія души принципы безумнаго большевизма и коммунизма, приведшаго къ убійствамъ и грабежамъ, но достигли только страшной ненависти, которая горитъ скрытомъ огнемъ въ сердцѣ каждаго русскаго патріота.

Иностранцы, наблюдая за жизнью въ Россіи въ большихъ городахъ, предполагаютъ, что мы, русскіе, примирились съ преступною властью большевиковъ; конечно они не знаютъ, что 99 % населенія ненавидитъ своихъ мучителей, царствующихъ лишь благодаря террору и отвратительному сыску.

Однако, придетъ часъ возмездія за всѣ эти безчисленныя преступленія и тогда содрогнется міръ отъ того могучаго удара, которымъ покончитъ русскій народъ со своимъ поработителемъ, издѣвавшимся надъ нимъ въ теченіе этихъ лѣтъ. Ничто не спасетъ комиссаровъ отъ гнѣва оскорбленнаго народа и со дна морского будутъ подняты тѣ проклятые, которые залили братскою кровью нашу Родину.

Гвардейскіе офицеры, отказываясь отъ предложенія служить въ Красной арміи, организовались и образовали двѣ группы: въ первой были офицеры гв. пѣхоты и полевой артиллеріи; во второй — офицеры гв. кавалеріи и конной артиллеріи. Руководителями первой группы былъ генералъ Гольгоеръ, а второй — генералъ Арсеньевъ. У обоихъ генераловъ были полковники, исполнявшіе обязанности секретарей и которые собственно являлись непосредственными объединителями офицеровъ.

Эти группы устраивали общія собранія, на которыхъ обыкновенно рѣшалось, что дѣлать въ ближайшее время и какъ относиться къ предложеніямъ большевиковъ служить.

Относительно службы въ Красной арміи у всѣхъ было одинаковое мнѣніе и ее находили возможной при наличіи какого-либо дальнѣйшаго выхода, то есть въ ней видѣли лишь средство соорганизоваться и создать военную силу, которую можно бы было въ подходящій моментъ обратить противъ большевиковъ же. Однако, послѣдніе очень хорошо это учитывали и ставили такія условія при формированіи, что они исключали всякую возможность на успѣхъ.

Такъ, офицеры прежнихъ полковъ распредѣлялись по разнымъ частямъ, а солдаты набирались черезъ красные комиссаріаты, гдѣ устраивалась такая фильтровка, что въ полки попадали лишь истинные коммунисты и отъявленные разбойники.

При наступленіи германцевъ на Петербургъ, комиссары растерялись и начали чувствовать, что у нихъ изъ-подъ ногъ уходитъ почва, а потому, какъ я уже упоминалъ выше, пошли на всевозможныя уступки, то есть не задумывались хвататься за соломнику, лишь бы спастись. Этимъ не приминули воспользоваться нѣкоторые изъ наиболѣе энергичныхъ офицеровъ гвардейской орга-

низаціи и ими былъ выработанъ вполнѣ опредѣленный планъ, главныя нити котораго были въ рукахъ немногихъ и имъ однимъ только была извѣстна конечная цѣль его.

Мнѣ этотъ планъ, а также и всѣ подробности его осуществленія стали извѣстными отъ ротмистра фонъ-Розенбергъ, который принималъ въ немъ непосредственное участіе и являлся однимъ изъ тѣхъ главныхъ дѣятелей, у которыхъ сосредотачивались всѣ нити заговора.

Вотъ, что онъ мнѣ разсказалъ.

— «Въ концѣ марта мѣсяца 1918 года ко мнѣ на квартиру въ Петербургѣ пріѣхалъ мой хорошій знакомый, полковникъ Генеральнаго Штаба, бывшій гвардейскій офицеръ и послѣ нѣкотораго промежутка времени попросилъ разрѣшенія говорить со мною наединѣ. Мы перешли въ кабинетъ и тамъ полковникъ, предупредивъ предварительно о секретности всего передоваемаго, посвятилъ меня въ планъ созданія желаемой для насъ военной силы.

Дѣло оказалось въ томъ, что отъ большевиковъ было получено согласіе на формированіе корпуса изъ двухъ дивизій 3-хъ бригаднаго состава, съ соотвѣтствующей артиллеріей, бригадой кавалеріи, инженерными и другими вспомогательными частями, при чемъ кадромъ для этихъ частей должны были послужить всѣ бывшіе гвардейскіе офицеры, унтеръ-офицеры и солдаты. Пополненіе солдатами предполагалось производить черезъ полковыя комиссіи, а не военные комиссаріаты и самъ корпусъ долженъ былъ получить названіе «Народной арміи», и имѣть своей задачей защиту отечества исключительно противъ внѣшняго врага, совершенно не касаясь политической и внутренной стороны. Другими словами было получено разрѣшеніе приступить къ формированію Своднаго гвардейскаго корпуса, лишь съ той разницей, что части не могли именоваться своими прежними названіями и въ штабы корпуса и дивизій должны были быть допущены политическіе комиссары.

Удобнымъ случаемъ, конечно, не приминули воспользоваться руководящіе члены гвардейскихъ организацій и рѣшили немедленно приступить къ формированію. Одновременно съ этимъ былъ выработанъ планъ дальнѣйшихъ дѣйствій. Предполагалось по окончаніи формированія сейчасъ же выступить на фронтъ противъ германцевъ и тамъ начать съ ними тайные переговоры, основаніемъ для которыхъ должны были послужить слѣдующія условія: 1) германцы и русскій корпусъ совмѣстно занимаютъ Петербургъ; въ Россіи возстанавливается законная монархическая власть, опорой для которой долженъ быть русскій корпусъ; 2) заключается сепаратный миръ съ Германіей на условіи «status quo ante bellum»; 3) устанавливается дружественный нейтралитетъ Россіи до окончанія міровой войны.

Принявъ это рѣшеніе, было постановлено испросить разрѣшеніе и получить благословленіе на это Великаго Князя Павла Александровича и къ нему была отправлена депутація.. Великій Князь одобрилъ предполагаемый планъ и не только далъ свое согласіе и благословленіе но выразилъ также желаніе лично принять участіе въ развитіи этого заговора, ставъ при первой возможности и необходимости во главѣ корпуса и временнаго правленія.

Полковникъ предложилъ мнѣ мѣсто начальника оперативнаго отдѣла и

временно до выступленія на фронтъ просилъ меня быть начальникомъ отдѣла формированія, то есть, фактически, приводить весь планъ въ исполненіе.

Черезъ мои руки прошли почти всѣ единичные офицеры и солдаты, выразившіе желаніе поступить въ корпусъ и кромѣ того я велъ лично всю переписку съ полковыми группами гвардейской офицерской организаціи. Въ этой перепискѣ встрѣчались иногда такія мѣста, что, если бы письмо попало въ руки комиссара, то не сдобровать бы ни автору, ни мнѣ. Однако все шло гладко: формированіе развивалось нормально и первое время совершенно безъ всякихъ треній.

Штаты частей и воинскихъ соединеній были пересмотрѣны и переработаны Краснымъ Генеральномъ Штабомъ и сильно измѣнены, приближаясь въ своей новой формѣ почти безъ перемѣнъ къ штатамъ германской арміи. Такъ въ дивизіи было три бригады 3-хъ полкового состава, артиллерія значительно увеличена въ количествѣ, такъ что на каждый полкъ приходился дивизіонъ изъ трехъ 4-хъ орудійныхъ батарей. Эти измѣненія можно было только привѣтствовать, ибо они были продиктованы требованіями, которыя поставилъ опытъ міровой войны.

Наши два комиссара при Штабѣ корпуса оказались довольно сговорчивыми людьми и, будучи совершенно несвѣдующими въ военномъ дѣлѣ, всетаки разбирались гдѣ истина и не препятствовали правильному развитію формированія.

Ограниченность посвященныхъ въ планъ людей давала возможность сохранять строжайшую тайну и, повидимому, ничто не должно было нарушить теченіе нашей работы. Уже скоро мы могли выступить на германскій фронтъ и тамъ провести вторую часть программы, какъ вдругъ совершенно неожиданно произошли измѣненія и разыгрались такія событія, которыя уничтожили въ корнѣ всякую возможность довести заговоръ до конца.

Большевики, выѣхавъ для переговоровъ въ Псковъ, выразили согласіе заключить миръ съ Германіей и нѣмцы, по соображеніямъ военнаго характера и требованію своихъ соціалистовъ, рѣшили подписать его и отказаться отъ похода на Петербургъ. Такой политическій шагъ былъ большою ошибкою германскихъ руководящихъ сферъ: эта ошибка привела Германію къ революціи, а послѣдняя въ свою очередь погубила армію и отдала свое отечество въ руки враговъ, на милость которыхъ могли расчитывать только безумные соціалистическіе вожди.

Намъ русскимъ это благопріятное для большевиковъ разрѣшеніе внѣшняго затрудненія принесло также не мало новыхъ испытаній, ибо оно дало возможность окрѣпнуть большевистской власти и позволило надолго установить въ Россіи совѣтскую тиранію .Въ частности большевики, почувствовавъ себя спокойно, конечно сейчасъ же начали отнимать данныя уступки и производить всевозможныя стѣсненія.

Такъ русскій корпусъ былъ приравненъ въ своихъ правахъ къ общимъ съ Красной арміей, утерялъ свое названіе Народной арміи и отъ него уже на законномъ основаніи отняли преимущество пополнять части черезъ полковыя комиссіи, а стали присылать непосредственно изъ военныхъ комиссаріатовъ при томъ, совсѣмъ не считаясь, желаемъ ли мы этотъ коммунистическій сбродъ

или нѣтъ. Въ результатѣ составъ и настроеніе ротъ начали быстро измѣняться и превращаться въ большевистско-разбойничьи банды.

Конечно противъ всѣхъ этихъ нарушеній первоначальныхъ условій формированія корпуса мы протестовали и писали огромное количество бумагъ, но большевики, оправившись отъ страха, сперва просто оставались глухи ко всѣмъ этимъ заявленіямъ, а затѣмъ приняли рѣшительныя мѣры и расформировали Штабъ корпуса. Увидѣвъ, что дальше работать, при создавшейся обстановкѣ, въ желательномъ направленіи, невозможно, руководители заговора постановили прекратить напрасныя попытки и искать новыхъ путей для достиженія своихъ завѣтныхъ цѣлей».

Этотъ заговоръ является яркимъ показателемъ, что у большинства монархически-настроенныхъ людей уже тогда перемѣнился взглядъ на «союзниковъ» и на германцевъ, а соотвѣтственно этому и была начата работа въ новомъ направленіи. Стали искать сближенія съ Германіей.

Однако необходимо отмѣтить, что главная активная работа была выполнена молодыми силами, которыя на своихъ плечахъ выносили тяжесть, рискованность и отвѣтственность, въ то время, когда люди, претендовавшіе на мѣста руководителей, въ большинствѣ случаевъ оставались бездѣятельными и не имѣли даже мужества опредѣленно высказать свое мнѣніе.

Мнѣ напримѣръ хорошо извѣстно, что монархическія группы предполагали организовать отрядъ изъ офицеровъ для спасенія Государя Императора и всей Царской Семьи и что это дѣло заглохло только потому, что руководители не имѣли достаточно энергіи, чтобы дѣйствительно провести его въ жизнь, а не ограничиваться лишь одними мечтаніями.

Здѣсь я считаю у мѣста помѣстить докладъ Крымкаго Коннаго Ея Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны полка корнета Маркова, который впослѣдствіи служилъ въ моей арміи.

«Въ началѣ 1918 года я, офицеръ Крымскаго Коннаго Ея Величества Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны полка, близкій вообще къ Царскому Дому, благодаря своимъ родственнымъ связямъ, получилъ предложеніе отъ А. А. Вырубовой отправиться въ Сибирь съ письмами для передачи Императорской Семьѣ, что вообще соотвѣтствовало моему давнишнему желанію проѣхать въ Тобольскъ и принять участіе въ предполагаемомъ освобожденіи Высочайшихъ Узниковъ.

Выполняя это порученіе, 2-го марта стараго стиля 1918 года, я выѣхалъ въ Сибирь, 9-го пріѣхалъ въ Тюмень и 10-го въ Тобольскъ, гдѣ въ то время находился въ заключеніи Государь Императоръ и Его Семья.

11-го я вошелъ въ связь съ Отцомъ Алексѣемъ Васильевымъ (духовникъ Ихъ Величествъ) и получилъ черезъ него отъ Государыни Императрицы подарки для передачи Аннѣ Александровнѣ Вырубовой: открытку собственной Ея Величества работы: ангелокъ, исполненный акварелью съ надписью «Господи пошли благодать Твою въ помощь мнѣ, да прославлено Имя Твое святое».

Для передачи Юліи Александровнѣ Денъ: маленькій мундштукъ мамонтовой кости.

Обѣ вещи переданы мною по назначенію впослѣдствіи.

Тогда же отъ Ея Величества я лично получилъ большой мундштукъ мамонтовой кости, иконку Св. Іонна Тобольскаго и молитвенникъ съ собственноручной надписью Ея Величества: «Маленькому М. благословеніе отъ Ш.» («маленькому Маркову благословеніе отъ Шефа»).

Я въ свою очередь передалъ черезъ отца Алексѣя цѣлый рядъ различныхъ предметовъ: подарки Вырубовой и отъ меня.

Вскорѣ послѣ этого, черезъ священника Васильева, я получилъ приказаніе Ея Величества Государыни Императрицы отправиться въ село Покровское, гдѣ находился Соловьевъ[1] и установить тамъ съ нимъ связь.

До настоящаго времени я не имѣлъ возможности выяснить — дѣйствительно ли это приказаніе исходило отъ Императрицы.

Согласно этому приказанію я 13-го марта поѣхалъ въ село Покровское, отыскалъ тамъ домъ Распутина, познакомился съ его женою, младшею дочерью и сыномъ, но Соловьева не засталъ, такъ какъ онъ нѣсколько часовъ передъ моимъ пріѣздомъ былъ арестованъ проѣзжавшими мимо красноармейцами и отправленъ ими въ неизвѣстномъ направленіи.

Изъ словъ родственниковъ Распутина выяснилось, что для меня не безопасно оставаться въ Покровскомъ и потому я возвратился обратно въ Тюмень.

Дабы имѣть возможность, не возбуждая подозрѣній, остаться вблизи Царской Семьи, я поступилъ въ Тюмени въ формировавшійся тамъ красный эскадронъ. Я долженъ былъ при этомъ подтвердить, что я это дѣлаю по собственной иниціативѣ.

Я сдѣлалъ это потому, что Тюмень имѣла хорошее желѣзнодорожное сообщеніе съ Тобольскомъ, а я отлично помнилъ, что Марковъ 2-ой неоднократно указывалъ въ Петербургѣ на то, что въ Тобольскъ для спасенія Царской Семьи будетъ послано большое количество офицеровъ. Въ то время я вѣрилъ, что Марковъ 2-ой дѣйствительно располагалъ значительной огранизацiей, которая скоро приступитъ къ работѣ.

Я незамедлительно извѣстилъ Маркова 2-го письмомъ, направленнымъ по условленному адресу въ Петербургѣ, о моемъ пребываніи въ Тюмени и сообщилъ мой адресъ. Что произошло съ посланными мною письмомъ и телеграммой я не знаю. Въ виду того, что я, до поступленія своего въ Красную Армію, Соловьева не встрѣтилъ и мнѣ было нечего дѣлать, я занялся сборомъ свѣдѣній о немъ.

Я встрѣтилъ Соловьева совершенно случайно у парикмахера въ Тюмени, послѣ того, какъ онъ, давъ подписку о невыѣздѣ изъ Тюмени, былъ выпущенъ изъ-подъ ареста.

При этомъ свиданіи я передалъ ему порученіе отца Алексѣя. Приказъ Императрицы его сильно удивилъ, въ особенности относительно моего отъѣзда изъ Тобольска.

Мое поступленіе въ Красную Армію онъ одобрилъ, такъ какъ думалъ, что я въ такомъ случаѣ легко устрою въ свой эскадронъ всѣхъ офицеровъ, которые по порученію Маркова 2-го должны прибыть изъ Петербурга въ Тюмень.

[1] Зять Г. Е. Распутина.

Только позднѣе я узналъ, что Соловьевъ съ отцомъ Алексѣемъ былъ въ натянутыхъ отношеніяхъ. Онъ обвинялъ священника въ томъ, что послѣдній недобросовѣстнымъ образомъ старался убѣдить Императрицу, что онъ единственный, который можетъ быть полезнымъ Высочайшимъ Узникамъ и на основаніи этого отстранялъ всѣхъ другихъ лицъ, которые также трудились надъ освобженіемъ Царской Семьи.

Моя дѣятельность въ Красной Арміи заключалась лишь въ томъ, что я информировалъ Соловьева о всемъ, что происходило среди Красной Арміи. До моего ареста я не получалъ ни отъ г-жи Вырубовой, ни отъ Маркова 2-го никакихъ указаній.

Связь съ Петербургомъ не была возстановлена — мое письмо къ Маркову 2-му осталось безъ отвѣта.

Такъ прошло до 5-го апрѣля ст. ст., когда я по доносу французскаго инженера Бруаръ былъ арестованъ. Послѣдній жилъ долгое время въ Россіи и имѣлъ торговыя дѣла съ Соловьевымъ. По прибытіи въ Тюмень онъ разссорился съ Соловьевымъ и выдалъ большевикамъ одно изъ адресованныхъ ему Соловьевымъ письмо, въ которомъ упоминалось и мое имя.

Благодаря случайности на 17-ый день послѣ моего ареста мнѣ удалось освободиться. Во время моего ареста, по какому-то текущему дѣлу посѣтилъ тюрьму предсѣдатель Совнархоза Карамашевъ. Я убѣдилъ Карамашева, что я только за три дня до моего ареста познакомился съ Соловьевымъ. Это удалось мнѣ только на основаніи того, что одна дама, которая ничего не знала объ моемъ знакомствѣ съ Соловьевымъ, за три дня до моего ареста, представила насъ другъ другу во время антракта въ Городскомъ театрѣ, что совершенно случайно видѣли члены Тюменскаго Совдепа. Также и самъ Карамашевъ, находившійся въ этотъ моментъ въ ресторанѣ при театрѣ, замѣтилъ это представленіе.

Мои доказательства были признаны правильными и меня освободили.

Послѣ моего выхода изъ тюрьмы, по настоянію Тюменскаго Военнаго Комиссара товарища Пермякова, считавшаго меня безусловно невиновнымъ, я возвратился обратно въ мой эскадронъ, получивъ тамъ командную должность и былъ назначенъ членомъ Штаба Красной Арміи въ Тюмени. Я ждалъ все время съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ извѣстій и инструкцій отъ тѣхъ лицъ, которыя послали меня въ Сибирь, какъ члена обширной организаціи.

Однако я не получилъ ни до ни послѣ никакихъ извѣстій: ни Марковъ 2-ой, ни Вырубова не написали мнѣ абсолютно ничего и одновременно изъ Петербурга никто не пріѣхалъ въ Сибирь.

Послѣ того, какъ мы втроемъ: Соловьевъ, я и еще нѣкій Н. (офицеръ моего полка) обсудили создавшуюся обстановку, мы рѣшили дѣйствовать самостоятельно.

Н. поѣхалъ въ Петербургъ, Соловьевъ оставался въ Тюмени до начала антибольшевистскаго движенія въ Сибири и до того момента, когда его дѣло должно было поступить на разборъ въ Тюменскій Военный Трибуналъ. Послѣ этого онъ скрылся въ началѣ іюня въ направленіи на Тобольскъ, въ сторону отъ мѣста заключенія Царской Семьи, въ село Покровское.

Въ виду того, что я видѣлъ полную мою безполезность пребыванія въ Тюмени, гдѣ я каждый моментъ могъ быть уличеннымъ, а также еще вслѣдсвіе того, что изъ-за занятія чехословаками и казаками раіона Тобольскъ-Покровское, моя связь съ Соловьевымъ была прервана, я сдалъ 30-го іюня новаго стиля свой эскадронъ и поѣхалъ въ Екатеринбургъ. Когда я тамъ 1-го іюля н. ст. посѣтилъ снаружи Ипатьевскій домъ, то я пришелъ къ убѣжденію, что положеніе Царской Семьи должно быть трагическое и требуетъ немедленной помощи. Подобное впечатлѣніе получалось отъ усиленнаго внѣшняго караула, двойной изгороди и отталкивающаго вида караула, который больше былъ похожъ на разбойниковъ, чѣмъ на солдатъ.

На этотъ разъ, несмотря на всѣ попытки, мнѣ не удалось войти въ связь съ кѣмъ-нибудь изъ окружавшихъ Царскую Семью.

Въ виду того, что я не хотѣлъ дольше терять времени, а также потому, что я не былъ въ состояніи найти слѣды той организаціи, къ которой долженъ былъ присоединиться, я незамедлительно отправился въ Петербургъ, куда и прибылъ 8-го іюля н. ст.

Въ Петербургѣ я къ своему большему удивленію не нашелъ ни Маркова 2-го, ни его помощника Соколова, который носитъ теперь фамилію Баранскаго.

Оба названныхъ господина уѣхали въ Финляндію и что замѣчательно не оставили своихъ замѣстителей. Я обратился къ члену Марковской организаціи, офицеру гвардейскаго экипажа, но и тотъ мнѣ не могъ дать никакихъ указаній. Тогда, въ виду отсутствія Маркова 2-го я обратился къ другимъ лицамъ, но, увидѣвъ, что ихъ совершенно не интересуетъ вопросъ освобожденія Царской Семьи, а я одинъ, въ данномъ случаѣ, ничего сдѣлать не могу, я рѣшилъ на собственный рискъ подыскать для этого иной путь.

Мое дальнѣйшее пребываніе казалось мнѣ съ одной стороны рискованнымъ, а съ другой совершенно безполезнымъ.

Понявъ вполнѣ ясно, что все сообщенное Марковымъ 2-ымъ объ организаціи, которая будто-бы должна была спасти Августѣйшихъ Узниковъ изъ рукъ красныхъ, было ничѣмъ инымъ, какъ сплошнымъ вздоромъ, и одновременно сознавая, что положеніе Царской Семьи съ каждымъ днемъ все ухудшается, я, не задумываясь предпринялъ новые шаги.

На основаніи вышеизложеннаго я обратился въ Генеральное Германское Консульство въ Петербургѣ и послалъ оттуда, при содѣйствіи служившихъ тамъ германцевъ, два письма (22-го іюля и 8-го августа н. ст.) Августѣйшему Брату Императрицы, Великому Герцогу Эрнстъ-Людвигу Гессенскому.

Въ этихъ письмахъ я описалъ, какъ вернувшійся только что изъ Сибири офицеръ полка, Шефомъ котораго была Императрица, тяжелое положеніе Царской Семьи, умоляя о помощи и непремѣнно о немедленной помощи. (Эти письма находятся въ архивѣ Его Королевскаго Высочества).

Этимъ же объясняются мои сношенія съ германскимъ штабомъ.

15-го августа н. ст. я поѣхалъ въ Кіевъ, куда и прибылъ въ концѣ мѣсяца.

Тамъ я получилъ черезъ Германское Военное Командованіе двѣ телеграммы отъ Его Королевскаго Высочества слѣдующаго содержанія:

1) Замокъ Вольфсгартенъ 25. 8. 18.
По N. . . .
корнету Маркову отель «Прага» Кіевъ. Г-нъ I. войдетъ съ Вами въ связь изъ Москвы.
Эрнстъ Людвигъ В. Г. Гессенскій

2) Дипломатическому Представительству.[1] Москва 5. 9. 18.
По. N. . . . . г. г. . . . .
Г-нъ I. надѣется черезъ недѣлю быть въ Кіевѣ.

Послѣ полученія этой телеграммы я работалъ все время для освобожденія Царской Семьи и вошелъ въ связь въ Кіевѣ съ германскими подданными г.г. I. Мои переговоры съ этими господами не считаю еще своевременнымъ предавать гласности, хотя, по моему мнѣнію, они очень интересны съ чисто исторической точки зрѣнія.

Во время моего пребыванія въ Кіевѣ я былъ личнымъ адъютантомъ генерала отъ кавалеріи графа Келлера. Оттуда, преслѣдуемый Петлюровскими бандами, бѣжалъ въ Германію, гдѣ и находился до 1920 года.

Въ Совѣтской Россіи я былъ только одинъ разъ съ февраля по августъ 1918 г.

Въ Германіи я имѣлъ честь лично докладывать о моемъ путешествіи въ Сибирь, какъ Августѣйшему Брату Покойной Императрицы, Великому Герцогу Эрнстъ-Людвигу Гессенскому, такъ и сестрѣ Ея Принцессѣ Иринѣ Прусской и Ея Супругу, Брату Императора Вилигельма II, Принцу Генриху Прусскому.

Кромѣ того я познакомился въ апрѣлѣ 1921 года съ гвардіи капитаномъ Б., который мнѣ разсказалъ, что онъ, по приказанію Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, ѣздилъ въ Екатеринбургъ, куда, однако, прибылъ лишь послѣ убійства Царской Семьи и работалъ тамъ, какъ помощникъ Судебнаго Слѣдователя Соколова.

По его настойчивой просьбѣ я согласился дать ему нѣкоторыя свѣдѣнія о моей поѣздкѣ въ Сибирь.

Если я теперь, суммируя все вышеизложенное, даже и тѣ событія, которыя имѣли всего лишь второстепенное значеніе, освѣщу ихъ лишь съ исторической точки зрѣнія, то я буду вынужденъ указать слѣдующее, касающееся меня лично.

1. Я дѣйствительно ѣздилъ въ Сибирь по порученію г-жи Вырубовой, чтобы тамъ принять участіе въ предполагаемомъ освобожденіи Царской Семьи. Я поѣхалъ не какъ глава организаціи, а лишь, какъ простой членъ ея, и я былъ готовъ для этой цѣли пожертвовать собою.

2. Мои отношенія къ Германскому Штабу вполнѣ объясняются моей дѣятельностью, которая подтверждается документами (телеграммами).

3. Мое вступленіе въ Красную Армію объясняется, какъ видно изъ указаннаго выше желаніемъ обезпечить мое положеніе на мѣстѣ и оно было одобрено лицомъ, къ которому я долженъ былъ обращаться.

4. Эскадронъ не могъ быть подъ моей командой, такъ какъ я въ это время сидѣлъ арестованнымъ въ Тюменской тюрьмѣ (выписка изъ тюрьмы можетъ быть представлена, естественно, только тогда къ моимъ объясненіямъ, когда

[1] Оригиналъ этой телеграммы находится у меня.

Россія будетъ освобождена отъ большевиковъ). Однако, позднѣе, послѣ моего освобожденія изъ тюрьмы, я узналъ, что дѣйствительно 16 человѣкъ моего эскадрона конвоировали Царскую Семью отъ послѣдняго этапа передъ Тюменью.

5. Въ Совѣтскую Россію я второй разъ не возвращался, что видно изъ моей дѣятельности и моихъ отношеній съ германцами сперва въ Германскомъ Консульствѣ въ Петербургѣ, а затѣмъ съ германскими властями въ Кіевѣ.

Этими пятью пунктами, по моему мнѣнію, я вполнѣ исчерпывающе объяснилъ свое участіе въ дѣлѣ освобожденія Царской Семьи. Я не могу не указать на характеристику, данную мнѣ Марковымъ 2-ымъ: онъ распространяется обо мнѣ, какъ о болтунѣ и жадномъ до денегъ человѣкѣ.

Предоставляя каждому право судить о своей работѣ по собственному усмотрѣнію, я долженъ замѣтить, что участіе въ дѣлѣ освобожденія Царской Семьи въ то время, когда объ этомъ ведутся переговоры и ищутся средства и пути осуществленія этого дѣла, можетъ принести выгоду и прибыль только большевистскому агенту, который имѣлъ намѣреніе продать организацію. Для человѣка же, который въ 1924 году переносилъ всѣ непріятности эмигрантскаго скитанія, но оставался все же вѣрнымъ своимъ убѣжденіямъ, такого рода оцѣнка его участія въ дѣлѣ, единственнымъ наказаніемъ за которое является смертная казнь, мнѣ кажется слишкомъ поверхностной, необдуманной и неумѣстной.

Самымъ больнымъ мѣстомъ въ нашемъ святомъ монархическомъ дѣлѣ является то обстоятельство, что мы простые исполнители въ необходимый моментъ всегдаоставались безъ вождя.

Фактически же дѣло обстояло такъ: я, Сергѣй Марковъ, ищу въ Петербургѣ слѣды организаціи и не нахожу ихъ, въ то время когда Марковъ 2-ой находится въ Финляндіи, гдѣ большевистское правительство ни достать, ни преслѣдовать его уже не могло.»

Гибель Государя Императора и Его Семьи лежитъ тяжелымъ камнемъ на сердцѣ у всѣхъ насъ, называющихъ себя Его вѣрными поданными, но въ роковой часъ оставившихъ Его въ рукахъ озвѣревшихъ каторожныхъ преступниковъ. Особенно виноватыми должны себя чувствовать руководившіе старшіе; въ ихъ безвольѣ и иногда измѣнчивости лежитъ начало многихъ бѣдствій, которыя сейчасъ переживаются нашей Родиной. Если бы это было не такъ, то, по моему мнѣнію, вообще и всѣхъ печальныхъ событій не произошло бы, но, если бы, роковая случайность, несмотря на энергію руководившихъ, всетаки оказалась бы побѣдительницей, то теперь около нихъ остались бы дисциплинированные молодые работники, которые съ вѣрою слѣдовали бы за своими вождями.

Увы, вожди съ большими претензіями обыкновенно являлись тогда, когда дѣло начиналось молодыми и своимъ вмѣшательствомъ часто губили, а не помогали ему. Они требовали повиновенія и уваженія къ себя, но забывали, что таковыя пріобрѣтаются не вывѣской и рекламой, а дѣйствительными, сознательными дѣйствіями, ведущими къ достиженію опредѣленно поставленной цѣли.

Главнымъ образомъ относительно сказаннаго грѣшили руководители правыхъ монархическихъ партій, такъ называемыхъ, «союзниковъ»[1], поле дѣятель-

[1] Союзниками называли членовъ ультра-правой монархической организаціи «Союза русскаго народа».

ности которыхъ ограничивалось трактирами и чайными, а вся энергія уходила на организацію еврейскихъ погромовъ. Всѣ эти г. г. Дубровины, Мещерскіе, Грингмуты, Гермогены, Илліодоры и прочая черная братія въ большинствѣ преслѣдовала лишь свои личные интересы, а изъ русскаго народа готовила кадръ для грядущихъ большевиковъ и не даромъ при большевистскомъ переворотѣ многіе, смущенные наличіемъ въ толпѣ манифестантовъ членовъ «черной сотни[1]» хотѣли видѣть въ немъ скрытое движеніе правыхъ монархистовъ. Однако впослѣдствіи выяснилось, что «черносотенцы» просто одни изъ первыхъ примкнули къ большевистскому движенію и этотъ фактъ особенно ярко показалъ однородность одной и другой крайности, краснаго и бѣлаго большевизма.

[1] «Черная сотня» есть тоже названіе тѣхъ же членовъ «Союза русскаго народа».

ГЛАВА VI.

КІЕВЪ—ЗАЛЬЦВЕДЕЛЬ.

Будучи всегда сторонникомъ тѣснаго сближенія Россіи съ Германіей и противникомъ союза съ Франціей и особенно съ Англіей, я еще за время войны окончательно убѣдился, что наши «союзники» видятъ въ насъ лишь пушечное мясо, необходимое имъ для достиженія своихъ цѣлей. Далѣе революція и предательская роль въ ней Франціи и Англіи еще болѣе укрѣпили меня въ правотѣ моихъ взглядовъ, а потому я съ открытою душою, при первой же возможности, началъ работать вмѣстѣ съ нашей старой сосѣдкой Германіей, искавшей, какъ мною указывалось выше, сближенія съ русскими монархическими кругами и желавшей возстановленія въ Россіи дружественнаго монархическаго правленія.

Перебравшись послѣ многихъ испытаній и тяжелыхъ, подчасъ отчаянныхъ, переживаній изъ гор. Ровно въ столицу Малороссіи Кіевъ, я сейчасъ же приступилъ къ работѣ.

Въ это время, то есть въ іюлѣ 1918 года въ Кіевѣ, при союзѣ «Наша Родина» было образовано бюро «Южной арміи», имѣвшее своей цѣлью вербовку добровольцевъ и отправку ихъ въ Богучарскій и Новохоперскій уѣзды Воронежской губерніи. Тамъ съ разрѣшенія атамана Войска Донского генерала Краснова формировалась 1-ая дивизія «Южной арміи», начальникомъ которой былъ генералъ Семеновъ.

Благодаря содѣйствію М. Е. Акацатова, герцога Лейхтенбергскаго графа В. А. Бобринскаго, полковника Чеснокова и др. — Кіевское бюро, однимъ изъ организаторовъ и активныхъ работниковъ котораго былъ и я, начало свою дѣятельность. Германскія военныя власти шли во всемъ навстрѣчу и при ихъ непрерывной поддержкѣ удалось въ теченіе 3-хъ мѣсяцевъ во всѣхъ крупныхъ городахъ на русской территоріи, занятой германской и австрійской арміями, открыть до 25-ти вербовочныхъ бюро и черезъ ихъ посредничество отправить въ «Южную армію» около 16000 добровольцевъ, изъ которыхъ 30% составляли офицеры. Всѣ эти добровольцы распредѣлялись по отрядамъ, которые снабжались всѣмъ необходимымъ и въ лучшей боевой готовности направлялись къ мѣсту своего назначенія.

Генералъ Деникинъ, отвергнувши офиціальное предложеніе помощи со стороны германцевъ, не отказывался отъ нея, если она шла окольнымъ путемъ и принималъ отъ атамана Краснова вооруженіе, военное имущество и обмундированіе, которое въ свою очередь выдавалось атаману германцами. Тѣмъ же путемъ было отправлено въ армію генерала Деникина около 4000 добровольцевъ, несмотря на то, что для этого пришлось преодолѣть немало затрудненій политическаго характера. Впослѣдствіи ген. Деникинъ очень ревностно

защищалъ свою вѣрность «союзникамъ» и ко всѣмъ предложеніямъ, исходившимъ отъ сторонниковъ иной оріентаціи, оставался глухимъ, показывая этимъ свою односторонность въ дѣлахъ политическаго характера и обнаруживая полное отсутствіе дипломатическихъ силъ въ составѣ своего Штаба. Забывали главное — русскіе интересы и тупо, а можетъ быть и преднамѣренно смѣшивали или, вѣрнѣе, считали ихъ тождественными съ интересами нашихъ «союзниковъ».

Въ виду успѣшности набора добровольцевъ уже въ августѣ 1918 года 1-ая дивизія закончила свое формированіе и было приступлено къ формированію 2-ой дивизіи, а также Штаба корпуса «Южной арміи». Мѣстомъ формированія для 2-ой дивизіи, начальникомъ которой былъ генералъ Джонсонъ, была предназначена станція Миллерово (Области Войска Донского).

Генералъ Красновъ, къ которому для личныхъ переговоровъ о формированіи «Южной Арміи» ѣздилъ на Донъ Акацатовъ, предоставилъ, какъ это мною было указано выше, въ распоряженіе арміи раіонъ Богучарскаго и Новохоперскаго уѣздовъ.

Этотъ раіонъ былъ очищенъ казаками отъ большевиковъ, но къ территоріи Области Войска Донского не принадлежалъ, а потому было вполнѣ естественно передать его въ руки руководителей русскихъ формированіи и генералъ Красновъ не могъ ни согласиться на это, тѣмъ болѣе, что его казаки, стоявшіе за оборону лишь своей земли, въ одинъ прекрасный день могли отказаться отъ защиты этого важнаго въ стратегическомъ отношеніи участка Россійской Имперіи. Такимъ образомъ появленіе тамъ русской арміи вполнѣ устраивало атамана, ибо устраняло затрудненіе съ казаками, возникавшее изъ за обороны этого участка.

Атаманъ Красновъ согласился на слѣдующія условія формированія: 1) Южной Арміи предоставляется полная самостоятельность въ своемъ внутреннемъ управленіи; 2) въ стратегическомъ отношеніи она подчиняется Главнокомандующему Области Войска Донского; 3) административное управленіе въ армейскомъ раіонѣ также вполнѣ самостоятельное.

Однако на дѣлѣ атаманъ сразу сталъ вмѣшиваться во всѣ распоряженія Штаба арміи и тѣмъ самымъ нарушилъ основанія формированія. Такъ напримѣръ онъ перемѣшалъ, отправленные по моей иниціативѣ, Штабомъ Арміи цѣлые офицерскіе составы кавалерійскихъ и пѣхотныхъ полковъ, поступившихъ въ ряды «Южной Арміи» со своими штандартами и знаменами, при условіи сохраненія старыхъ наименованій ихъ полковъ. Офицеры такихъ организацій, узнавъ объ этомъ, отказались отъ участія въ дальнѣйшемъ формированіи. Странно, что атаманъ Красновъ, будучи генераломъ русской Императорской арміи не понималъ пользы возстановленія старыхъ полковъ, вносившхъ въ новое формированіе свои былыя славныя традиціи.

Также было поступлено имъ и съ администраціей — всѣ планы Акацатова въ этомъ направленіи были разрушены властолюбивымъ атаманомъ.

Въ ноябрѣ политическая обстановка въ Кіевѣ сильно измѣнилась: въ правительствѣ гетмана Скоропадскаго русскія теченія пріобрѣли преобладающее значеніе. Союзъ «Наша Родина» и «Союзъ Обороны» объединились и приступили къ формированію «отечественныхъ дружинъ», которыя впослѣдствіи должны

были составить корпусъ. Задачей этихъ формированій была борьба съ большевиками и съ Петлюрой, поднявшимъ въ это время въ Бѣлой Церкви возстаніе противъ гетмана.

Я, будучи во главѣ одного изъ вербовочныхъ бюро, получилъ предложеніе принять конно-пулеметный отрядъ, формировавшійся вмѣстѣ со студенческой дружиною, и такимъ образомъ началъ самостоятельную работу по созданію отдѣльной боевой части. Я былъ оченъ доволенъ случаемъ, позволившимъ мнѣ, подъ благовиднымъ предлогомъ, уйти изъ организаторскаго отдѣла «Южной арміи», такъ какъ происходившіе тамъ по винѣ главныхъ руководителей безпорядки сильно растраивали меня и я, не будучи въ состояніи чѣмъ-либо помочь, не считалъ себя въ правѣ оставаться тамъ дальше.

Однако правильному развитію формированій сильно мѣшала внутренняя обстановка и постоянная неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ. Движеніе большевистскихъ и петлюровскихъ бандъ съ одной стороны и начавшееся, послѣ революціи, разложеніе германскихъ войскъ съ другой стороны помѣшали осуществить задуманные планы и поставили передъ необходимостью бросить планомѣрное формированіе и наскоро приготовиться въ самозащитѣ. Но слишкомъ переплелись интересы русскихъ, малороссійскихъ и германскихъ руководящихъ круговъ и въ этой общей сутолкѣ трудно было найти ту точку опоры, которая дала бы возможность выйти побѣдителемъ изъ создавшагося положенія. Борьба начала пріобрѣтать лихорадочный характеръ и послѣ короткой агоніи окончилась паденіемъ Кіева, послѣ чего отстаивавшіе его добровольцы подверглись массовому избіенію и арестамъ.

Я также не избѣжалъ общей участи и, будучи арестованъ и заключенъ въ тюрьму петлюровцами, лишь благодаря заступничеству германскихъ войскъ, вмѣстѣ съ другими арестованными, былъ освобожденъ, а затѣмъ съ эшелономъ отправленъ въ Германію.

Подводя итогъ германскимъ дѣйствіямъ на югѣ Россіи, я могу смѣло сказать, что ими было потрачено много труда, чтобы помочь намъ русскимъ въ борьбѣ противъ большевиковъ. Какъ мною было указано выше, германцы, занявъ югъ Россіи, дѣлали неоднократно предложенія помощи добровольческимъ арміямъ, но къ сожалѣнію генералъ Деникинъ офиціально отвергнулъ это предложеніе. Однако окольными путями помощь была всетаки оказана и вооруженіемъ и людьми, не считая уже того, что сама оккупація германцами Малороссіи прикрыла Область Войска Донского отъ большевистскаго давленія съ запада и, тѣмъ самымъ, дала возможность спокойно организовываться добровольческимъ арміямъ, что впослѣдствіи выразилось въ успѣхахъ генерала Деникина въ 1919 году.

Занятіе германскими войсками юга Россіи было совершено съ паразительной смѣлостью и легкостью: большевистскія банды часто бѣжали въ паникѣ отъ однихъ только слуховъ. Кто былъ въ это время въ Малороссіи, тотъ конечно хорошо знаетъ и помнитъ, полное корректности и благожелательства, отношеніе германцевъ къ фактически покоренной странѣ. Ихъ организаторскія способности и склонность къ порядку и законности сказались быстро и здѣсь.

Государственный аппаратъ налаживался, возстанавливалась промышленность и торговля и одновременно съ этимъ оказывалась широкая помошь бѣженцамъ изъ Совѣтской Россіи. Сколько спаслось, такимъ образомъ, русскихъ, покинувшихъ Родину изъ-за коммунистическаго террора и преслѣдованія!

Совершенно обратное было поведеніе Антанты, которая пассивно взирала на гибель тысячъ людей и не принимала никакихъ мѣръ, чтобы водворить порядокъ у своей вѣрной союзницы Россіи. Такого рода отношеніе «союзниковъ» все болѣе и болѣе подрывало довѣріе къ нимъ и всѣ тѣ, кто искренно любилъ свою Родину обращали взоръ въ сторону Германіи.

Весьма характерна и доказательна, какъ далеко зашло разочарованіе въ «союзникахъ», была перемѣна оріентаціи, столь преданнаго Антантѣ, П. Н. Милюкова, который открыто призналъ необходимость для антибольшевистскихъ круговъ искать сближенія съ Германіей.

Противники германской оккупаціи Малороссіи, главнымъ образомъ, крестьяне, указывали обыкновенно на массовыя закупки и реквизиціи продуктовъ продовольствія германскими военными властями, но дальнѣйшій ходъ событій показалъ, что это было лишь требованіемъ общей обстановки и избѣжать таковыхъ не могли ни петлюровцы, ни большевики, ни, наконецъ, добровольцы. Разница же производства этихъ реквизицій была потомъ оцѣнена крестьянствомъ и не въ пользу послѣдующихъ властелиновъ этого богатаго края.

Обвинять германцевъ въ реквизиціяхъ пищевыхъ продуктовъ нельзя; надо вспомнить о томъ, граничащимъ съ голодомъ, продовольственнымъ кризисомъ, который былъ тогда у нихъ, продолжавшихъ еще, отчаянную борьбу на западномъ фронтѣ. Послѣдующее хозяйничаніе представителей Антанты, въ занятыхъ генераломъ Деникинымъ областяхъ, далеко превзошло пріемы германской оккупаціи, а вѣдь одни были — нуждающіеся враги, а другіе — спекулирующіе «союзники».

Не вина также Германіи, что ей не удалось покончить съ коммунизмомъ въ Россіи, ибо конецъ войны, отреченіе Императора Вильгельма II, революція, «совѣтизація» германскихъ войскъ въ Малороссіи — заставили ихъ уйти, оставивъ, поневолѣ, населеніе бандамъ Петлюры и большевиковъ.

Если же краткое пребываніе германцевъ въ Малороссіи и наличіе установленнаго ими порядка и законности не было использовано для борьбы противъ большевиковъ, то причиной этому былъ самъ гетманъ, который въ былое время прекрасно командовалъ Л-Гв. Коннымъ Его Величества полкомъ, 1-ой Гвардейской Кавалерійской дивизіей и, наконецъ, 37-ымъ армейскимъ пѣхотнымъ корпусомъ, но былъ совершенно не подготовленъ для созидательной, государственнаго размѣра работы во вновь образованной Украйнѣ. Не сумѣлъ также бывшій гетманъ подобрать себѣ соотвѣтствующихъ сотрудниковъ и окружилъ себя неработоспособными людьми, въ политическомъ же отношеніи людьми невѣрными. Всѣ они пользы для общаго дѣла не принесли, но создавъ около гетмана атмосферу интригъ и сплетенъ, напротивъ губили всякое живое начинаніе. При такихъ обстоятельствахъ конечно и германцы были не въ состояніи организовать что-либо солидное въ Малороссіи, могущее существовать самостоятельно, не опираясь на чужеземные штыки.

Однако, германцы, вынужденно покидая Малороссію, какъ мною было указано выше, предоставили возможность уѣхать изъ Кіева въ Германію всѣмъ желающимъ и, такимъ образомъ, спасли тысячи русскихъ отъ преступныхъ рукъ петлюровцевъ и большевиковъ.

Совершенно иначе, приблизительно въ то же время и при аналогичныхъ событіяхъ, вели себя «союзники». Однимъ изъ первыхъ уроковъ союзнической поддержки былъ инцидентъ въ Одессѣ, когда, послѣ многихъ обѣщаній гетману Скоропадскому, а потомъ и Петлюрѣ, «союзники», наконецъ, высадились тамъ и вскорѣ убѣдили мѣстное населеніе, что это уже только французы, а не германцы. Выступивъ, послѣ долгихъ колебаній, съ русскими добровольцами изъ Одессы, они въ 40 верстахъ отъ города, подъ Колосовымъ, потерпѣли пораженіе отъ большевистскихъ, повстанческихъ бандъ и бѣжали, оставивъ врагу свои танки и артиллерію. Погрузившись затѣмъ незамедлительно въ Одессѣ на суда, они уѣхали въ Константинополь, оставивъ на произволъ судьбы, довѣрившихся имъ добровольцевъ. Часть послѣднихъ погибла, сдавшись на милость побѣдителя, часть бѣжала въ Румынію.

Эти дѣйствія опредѣлили вполнѣ точно и дальнѣйшее поведенее «союзниковъ» въ теченіе всего періода борьбы съ большевиками на всѣхъ фронтахъ добровольческихъ армій, дѣйствовашихъ при ихъ поддержкѣ. Совершенно также они поступили съ генераломъ Деникинымъ, адмираломъ Колчакомъ и генералами Юденичемъ, Миллеромъ и Врангелемъ, отличаясь отъ перваго случая въ Одессѣ лишь размѣромъ масштаба и срокомъ времени. Дѣйствительная помощь «союзниками», конечно, могла бы быть оказана и это былъ священный долгъ ихъ, выполнивъ который, они сохранили бы Россію навсегда дружественной. Имъ не пришлось бы теперь дрожать передъ грядущей расплатой. Однако тогда они, ослѣпленные побѣдою и руководимые Англіей, желавшей расчлененія России, лишь поддерживали состояніе гражданской войны, одновременно эксплоатируя и разоряя богатѣйшія области нашей Родины, занятыя геройскими усиліями добровольцевъ.

Особенно ярко выразилась эта политика Антанты на сѣверо-западномъ фронтѣ, гдѣ осуществляли ее сами вдохновители англичане, которые поддерживали генерала Юденича до тѣхъ поръ, пока его армія была нужна имъ, какъ защитница границъ Эстоніи, этой новой республики, созданной на оторванномъ жизненномъ кускѣ Россійской Имперіи. Я остановлюсь на этихъ дѣйствіяхъ англичанъ болѣе подробно, когда перейду къ описанію событій, имѣвшихъ мѣсто въ Прибалтикѣ, явившейся также базисомъ и для моей Западной русско-нѣмецкой добровольческой арміи. Тогда же въ Кіевѣ, находясь безпрестанно въ курсѣ всего происходящаго, я все болѣе и болѣе убѣждался въ правильности моего рѣшенія опереться въ борьбѣ съ большевизмомъ на германцевъ, а потому, не безъ внутренняго удовлетворенія, отдался волѣ судьбы, которая перекидывала меня съ родной земли на территорію бывшаго врага, а нынѣ товарища по несчастью и по борьбѣ за спасеніе своихъ отечествъ.

Во время моего пребыванія въ Кіевѣ я познакомился съ ротмистромъ 16-го гусарскаго Иркутскаго полка Алек. Конст. Гершельманъ и оберъ-лейтенантомъ

фонъ-Гаммерштейнъ, которые были командированы Штабомъ «Сѣверной арміи», формировавшейся въ Псковѣ, для установленія связи съ южными добровольческими арміями. Отъ нихъ я узналъ, что на сѣверѣ, вблизи Петербурга, германцы также приступили къ совмѣстной работѣ съ русскими монархистами и намѣрены въ ближайшее время свергнуть общими усиліями большевистскую власть.

Затѣмъ, уже въ концѣ октября, я столкнулся съ группой лицъ, изъ членовъ Государственной Думы Г. М. Дерюгина, Н. Н. Лавриновскаго, А. П. Горскина, сенатора Туганъ-Барановскаго и Ветчинкина. Они называли себя «Совѣтомъ обороны Сѣверо-западной области» и проявляли съ внѣшней стороны большую дѣятельность, но на самомъ дѣлѣ мало подвигались впередъ и постоянно сбивались съ намѣченнаго пути. Иногда они принимали живѣйшее участіе въ событіяхъ мѣстнаго характера и какъ бы забывали о своихъ прямыхъ обязанностяхъ, иногда же снова возвращались къ нимъ и лихорадочно суетились, стараясь наверстать потерянное время. Они часто бывали въ Кіескомъ вербовочномъ бюро «Южной арміи», гдѣ просили добровольцевъ, которыхъ больше устраиваетъ сѣверъ, отправлять въ части «Сѣверной арміи». Согласно ихъ просьбѣ были мною отправлены въ Псковъ: Волынскій стрѣлковый добровольческій полкъ подъ командою Генеральнаго Штаба полковника Вѣтренко и Ярославскій пѣх. полкъ.

Тогда же мнѣ стало извѣстнымъ, что «Совѣтъ Обороны» ѣздилъ въ гор. Харьковъ, гдѣ просилъ генерала графа Келлеръ принять командованіе «Сѣверной арміей» и стать во главѣ всего монархическаго движенія на сѣверо-западѣ.

Генералъ графъ Келлеръ согласился на это предложеніе и выѣхалъ въ Кіевъ, чтобы тамъ сформировать себѣ Штабъ и получить необходимыя бумаги для проѣзда въ Псковъ. Однако неожиданныя событія измѣнили всѣ планы и графъ Келлеръ, будучи арестованъ, послѣ паденія Кіева, погибъ отъ преступныхъ рукъ петлюровцевъ.

Формированіе русской добровольческой арміи въ Псковѣ меня сильно интересовало и я имѣлъ еще тогда намѣреніе просить генерала графа Келлеръ взять меня съ собой, чтобы тамъ въ непосредственной близости отъ столицы продолжать свою работу въ дѣлѣ возстановленія законнаго порядка въ Россіи.

По прибытіи въ Германію, гдѣ насъ всѣхъ помѣстили въ лагерь Зальцведель, я не потерялъ надежды продолжать и въ новой обстановкѣ свою дѣятельность тѣмъ болѣе, что назрѣвавшія міровыя событія ясно указывали на необходимость намъ русскимъ напрячь всѣ усилія. Одновременно съ этимъ успѣшное развитіе военныхъ дѣйствій на Сибирскомъ фронтѣ и подготовка большого наступленія генераломъ Деникинымъ на югѣ также придавали мнѣ бодрости и создавали настроеніе, которое не позволяло сидѣть сложа руки и ограничиваться только наблюденіемъ.

Бесѣдуя съ офицерами и солдатами, находившимися вмѣстѣ со мною въ лагерѣ, я и въ нихъ чувствовалъ то же настроеніе и сознаніе необходимости принять участіе въ общей борьбѣ за спасеніе Россіи и вотъ 7-го фераля 1919 года на одномъ изъ частныхъ совѣщаній было рѣшено приступить къ формированію отряда. Мнѣ было предложено стать во главѣ начинаемаго дѣла и я

принялъ предложеніе. Выбравъ себѣ ближайшихъ помощниковъ и собравъ небольшія средства между собою, я на слѣдующій же день отдалъ приказъ о продолженіи начатаго въ Кіевѣ формированія отряда, которому впредь было присвоено названіе «партизанскаго конно-пулеметнаго отряда». Приказъ гласилъ:

Приказъ
по
конно-пулеметному партизанскому отряду
№ 1

Лагерь Зальцведель 8-го февраля 1919 года

Часть строевая

Прибывъ изъ гор. Кіева съ 4-ымъ офицерскимъ эшелономъ въ лагерь Зальцведель и заставъ тамъ 3-ій эшелонъ, въ которомъ встрѣтилъ г. г. офицеровъ, формируемаго мною въ Кіевѣ конно-пулеметнаго отряда, волею судебъ распыленнаго въ Малороссіи и Германіи и увидѣвъ въ нихъ полную готовность продолжать начатую работу подъ моимъ начальствомъ въ Кіевѣ, я счастливъ приступить въ дальнѣйшему формированію отряда, хотя и на чужой территоріи. Пользуясь довѣріемъ и вниманіемъ ко мнѣ моихъ дорогихъ сотрудниковъ господъ офицеровъ — объявляю, что сего числа я приступилъ къ продолженію формированія конно-пулеметнаго партизанскаго отряда.

Однимъ изъ первыхъ моихъ мѣропріятій при началѣ формированія было учрежденіе при отрядѣ суда чести, функціями котораго были обсужденіе степени пріемлемости каждаго лица, желавшаго вступить въ ряды отряда, а также урегулированіе вопросовъ связанныхъ съ поддержаніемъ достоинства офицерскаго званія. Этимъ я хотѣлъ съ одной стороны избѣжать поступленія въ отрядъ нежелательнаго элемента, а съ другой стороны поднять на должную высоту дисциплину и достоинство офицера, расшатанныхъ пережитой революціей и всевозможными скитаніями.

10-го февраля въ отрядъ вступили первые нижніе чины — юнкеръ, вольноопредѣляющійся и вахмистръ.

Уже при самомъ началѣ формированія появились недоброжелатели, которые всячески хотѣли помѣшать мнѣ и сдѣлать дальнѣйшую мою работу невозможной, прибѣгая въ данномъ случаѣ къ весьма некрасивымъ интригамъ и распространяя всевозможныя гнусныя сплетни.

Указанныя дѣйствія вынудили меня открыто выступить противъ названныхъ лицъ и въ приказѣ по отряду за № 3 отъ 10-го февраля 1919 года былъ помѣщенъ слѣдующій параграфъ:

«Мнѣ стало извѣстно, что нѣкоторые офицеры лагеря, къ сожалѣнію даже въ старшихъ чинахъ, ведутъ агитацію, направленную во вредъ формируемому мною отряду, готовому всегда жертвовать собой на благо Родины. Предлагаю всѣмъ г. г. офицерамъ и чинамъ отряда приложить необходимыя усилія, дабы разсѣять неправильное мнѣніе о нашей святой работѣ. Лицъ способныхъ только заниматься пустой агитаціей, какъ попавшихъ въ ряды нашей арміи по недоразумѣнію и недостойныхъ уваженія, предлагаю дарить презрѣніемъ. Въ свое время Россія заклеймитъ ихъ позоромъ, а съ нами Богъ и правда.»

Приказомъ за № 4 отъ 12-го февраля, для установленія временныхъ штатовъ отряда, была назначена комиссія, которая и выработала таковые, опредѣливъ составъ отряда въ 522 человѣка, включая сюда и штабъ.

Приказомъ № 5 отъ 14-го февраля были назначены для чиновъ отряда ежедневныя занятія.

16-го февраля отцомъ Павломъ Савицкимъ, послѣ литургіи, былъ отслуженъ молебенъ о ниспосланіи успѣха нашему отряду въ предстоящей тяжелой борьбѣ.

18-го февраля въ отрядъ вступилъ 11-го Рижскаго драгунскаго полка полковникъ Чайковскій, который, какъ окончившій Императорскую Военную Николаевскую академію, былъ назначенъ Начальникомъ Штаба и замѣстителемъ Командующаго отрядомъ.

Въ этотъ же день я по дѣламъ службы выѣхалъ въ Берлинъ. Моя поѣздка была вызвана тѣмъ, что къ этому времени формированіе отряда приняло совершенно конкретныя формы и дальнѣйшее развитіе дѣла требовало денежныхъ средствъ и признанія совершившагося факта формированія русскими и германскими военными властями и организаціями.

По прибытии въ Берлинъ, я отправился въ такъ называемую Русскую делегацію, начальнику которой генералу Потоцкому мною былъ сдѣланъ подробный докладъ о положеніи дѣла формированія.

Русская делегація представляла изъ себя полуофиціальное учрежденіе, вѣдающее всѣми дѣлами, касающими русскихъ военноплѣнныхъ и бѣженцевъ. Она состояла изъ трехъ главныхъ отдѣловъ: 1. Военный отдѣлъ, исполнявшій функціи военнаго агента; 2. Гражданскій отдѣлъ, представляющій изъ себя консульство и, наконецъ 3. Отдѣлъ Краснаго Креста.

Въ виду сложности политической обстановки, делегація имѣла общую вывѣску Краснаго Креста и подъ его защитой выполняла всѣ свои остальныя функціи.

Интересна исторія возникновенія этого учрежденія, а также и его работа, выродившаяся, благодаря ложному руководительству, въ уродливую форму и протекавшая иногда не въ пользу Родины, а въ ущербъ ея интересамъ.

Послѣ революціи въ Россіи и особенно послѣ захвата тамъ власти большевиками, русскіе военноплѣнные офицеры и солдаты, распредѣленные по многочисленнымъ лагерямъ, остались въ Германіи безъ всякой защиты и руководства.

Въ эпоху покровительства большевистскому движенію со стороны Императорскаго Германскаго правительства, видѣвшаго въ немъ союзника въ дѣлѣ разрушенія военной силы своего протиника Россіи, въ Берлинѣ появился большевистскій посланникъ еврей Іоффе, который сейчасъ же занялся пропагандой большевизма среди русскихъ военноплѣнныхъ. Германскія власти относились къ этому факту вполнѣ доброжелательно, видя въ немъ полезную работу для себя въ той же области разрушенія военной мощи Россіи. Въ короткій срокъ путемъ печати (началась издаваться специальная русская газета для лагерей) солдатскій элементъ былъ совершенно распропагандированъ и превращенъ въ большевистскихъ почитателей, готовыхъ по возвращенію домой приняться на практикѣ осуществлять всю ту программу, которая въ ложной окраскѣ была предподнесена имъ большевиками.

Жизнь въ лагеряхъ для русскихъ офицеровъ и для тѣхъ солдатъ, которые не поддались пропагандѣ, стала невыносимо тяжелой и пришлось пережить

немало испытаній въ этотъ кошмарный періодъ властвованія Іоффе. Къ счастью злополучный посланникъ нѣсколько зарвался въ своихъ домоганіяхъ и перенесъ большевистскую пропаганду на германскій народъ, найдя въ этомъ дѣлѣ себѣ помощника въ лицѣ вождя крайней лѣвой группы независимыхъ соціалистовъ, которая впослѣдствіи переродилась въ германскую партію спартакистовъ-коммунистовъ. Почувствовавъ опасность и случайно заглянувъ въ ту пропасть, куда ихъ тянула политика покровительства большивизму, германскіе руководители и изобрѣтатели ея, рѣшили пріостанивить дальнѣйшую работу въ этомъ направленіи. Посланникъ Іоффе былъ удаленъ изъ Германіи и одновременно съ этимъ многіе прежніе сторонники насажденія и покровительства большевистскому движенію испугались переноса сферы его дѣятельности на германскую территорію и потому встали на обратныя точки зрѣнія. Они говорили о необходимости полнаго его уничтоженія, считая, что, какъ военное средство разрушенія врага оно уже было использовано и теперь, когда этотъ врагъ Россія лежитъ поверженнымъ, оно болѣе не является нужнымъ. Такимъ образомъ началось новое политическое теченіе въ Германіи, выразившееся въ сознаніи необходимости покончить съ большевизмомъ въ Россіи и возстановить тамъ снова дружественное монархическое правленіе. Сторонниками этой новой политики по отношенію къ Россіи явились Командующій Восточнымъ фронтомъ Принцъ Леопольдъ Баварскій и его Начальникъ Штаба генералъ Гофманъ и къ ихъ мнѣнію теперь послѣ неудачи на западномъ фронтѣ присоединились и бывшіе изобрѣтатели и насадители большевизма у насъ, то есть генералъ Людендорфъ и его помощники на дипломатическомъ поприщѣ.

Такого рода перемѣна незамедлила сказаться и на лагерной жизни русскихъ военноплѣнныхъ, выразившаяся тамъ въ улучшеніи положенія офицеровъ и антибольшевистски настроенныхъ солдатъ. Этой перемѣной и новымъ направленіемъ воспользовался одинъ изъ русскихъ военноплѣнныхъ офицеровъ подпоручикъ запаса Левъ Владимировичъ Клумовъ, который, владѣя прекрасно нѣмецкимъ языкомъ, подалъ черезъ германскую комендатуру лагеря, проэктъ отправки русской делегаціи военноплѣнныхъ на югъ Россіи.

Главной задачей этой делегаціи было полученіе тамъ отъ антибольшевистскихъ круговъ полномочія на организацію русскаго національнаго представительства въ Германіи. Проэктъ Клумова былъ принятъ германскими властями и, такимъ образомъ, изъ Германіи была отправлена русская делегація военноплѣнныхъ, въ составъ которой вошли: подпоручикъ Клумовъ, два генерала братья Глобычевы и еще нѣсколько офицеровъ.

Выѣхвашая делегація попала въ Кіевъ, гдѣ, войдя въ связь съ общественными и политическими дѣятелями, встрѣтила, съ ихъ стороны, живѣйшее участіе и интересъ, который былъ вполнѣ понятенъ, ибо всѣмъ было ясно, насколько важно будетъ для антибольшевистскихъ организацій заручиться возможностью имѣть свое представительство въ Германіи. Тамъ была образована, Русская Делегація во главѣ съ генераломъ Потоцкимъ послѣ чего поставили объ этомъ въ извѣстность командованіе Добровольческой Арміи и попросили инструкцій. Въ отвѣтъ на запросъ генералъ Деникинъ прислалъ своего представителя въ лицѣ Генеральнаго Штаба полковника Свистунова,

который вошелъ въ составъ делегаціи, какъ помощникъ и замѣститель генерала Потоцкаго. Кромѣ того въ составъ делегаціи вошли еще очень многія лица, но часть изъ нихъ осталась въ Польшѣ, гдѣ образавала также Русскую Делегацію во главѣ съ генераломъ Глобычевымъ

Въ Германію, такимъ образомъ, прибыли слѣдующія лица: Начальникъ делегаціи Генеральнаго Штаба генералъ-маіоръ Потоцкій, его помощникъ Генеральнаго Штаба полковникъ Свистуновъ (Военный отдѣлъ); Гаммъ, бар. Остенъ-Сакенъ (гражданскій отдѣлъ); баронъ Врангель, Шелюто-Веревкинъ, докторъ Аксеновъ, бар. Остенъ-Сакенъ и Клумовъ (отдѣлъ Краснаго Креста).

Идея Клумова объ установленіи связи между Германіей и русскими антибольшевистскими кругами заслуживала глубокаго вниманія и отправка Русской Делегаціи въ Берлинъ имѣла огромное значеніе, такъ какъ ея прибытіе должно было знаменовать установленіе мирныхъ отношеній между Германіей и національной Россіей. Вотъ почему надо было отнестись съ большею серьозностью къ выбору ея состава и отправить такихъ людей, которые могли бы дѣйствительно выполнить предстоящія военныя, политическія и дипломатическія задачи. Къ сожалѣнію этого не было сдѣлано и Начальникъ Русской Делегаціи генералъ Потоцкій далеко не оправдалъ возложенныхъ на него надеждъ: въ его рукахъ было столько возможностей, но онъ совершенно не использовалъ своего выгоднаго положенія для пользы Родины, а напротивъ шелъ въ разрѣзъ ея интересамъ, мѣшая работать другимъ, желавшимъ, по собственному почину, достигнуть необходимыхъ результатовъ.

Русская Делегація прибыла въ Берлинъ въ декабрѣ 1918 года, то есть тогда, когда въ Германіи уже произошла революція и какъ разъ въ самый тяжелый періодъ, именно въ моментъ перваго спартакистскаго возстанія.

Отсутствіе въ это время твердой власти въ Германіи привело къ тому, что делегація была арестована и генералу Потоцкому пришлось пережить нѣсколько непріятныхъ дней, которыхъ онъ никогда не могъ забыть и простить германскимъ властямъ.

Я отлично понимаю настроеніе генерала, надѣявшагося прибыть за границу для удобной, комфортабельной жизни и вмѣсто того попавшаго въ предварительное заключеніе да еще съ тревогой въ сердцѣ, что онъ будетъ выданъ своимъ большевикамъ. Однако, всетаки это не могло послужить достаточной причиной для того, чтобы на основаніи личныхъ чувствъ измѣнить совершенно первоначальныя задачи делегаціи и, вмѣсто установленія мирныхъ отношеній, объявить себя въ состояніи войны съ Германіей.

Генералъ Потоцкій, игнорируя мѣстныя власти, прибѣгнулъ къ защитѣ нашихъ «союзниковъ», имѣвшихъ тогда въ Берлинѣ свои военныя миссіи, и тѣ очень любезно согласились ему помочь и взяли Русскую Делегацію подъ свое покровительство.

Такимъ образомъ, Русская Делегація, прибывшая по желанію германцевъ и на ихъ средства въ Берлинъ, благодаря недоразумѣнію съ арестомъ, перешла въ станъ враговъ Германіи и подъ ихъ защитою пробовала также разыгрывать роль военной миссіи страны побѣтельницы. Такого рода нетактичное поведеніе генерала Потоцкаго на первыхъ же порахъ установило натянутыя и неискреннія

отношенія съ германскими правительственными и общественными кругами, хотя повторяю у послѣднихъ были самыя лучшія намѣренія по отношенію національной Россіи. Въ этомъ заключается огромная ошибка Русской Делегаціи и отъ Начальника ея можно было потребовать немного больше дипломатическаго чутья, которое помогло бы ему разобраться въ создавшейся довольно сложной политической обстановкѣ и извлечь изъ нея пользу для русскихъ интересовъ.

Однако вначалѣ всѣ эти подробности внутренней жизни Русской Делегаціи мнѣ были неизвѣстны и я видѣлъ въ ея Начальникѣ генералѣ Потоцкомъ, лишь русскаго человѣка, который, мнѣ казалось, долженъ былъ пойти навстрѣчу моимъ начинаніямъ и облегчить проведеніе его въ жизнь. Такое впечатлѣніе я и вынесъ при первомъ моемъ разговорѣ съ генераломъ, который обѣщалъ мнѣ моральную поддержку и выдалъ на нужды отряда 50 (пятьдесятъ) германскихъ марокъ.

Послѣ свиданія съ Начальникомъ Делегаціи я встрѣтился тамъ съ ротмистромъ фонъ-Розенбергъ, который меня не узналъ, а потому я подошелъ къ нему и напомнилъ нашу встрѣчу и знакомство въ гостиницѣ «Армія и Флотъ» въ Петербургѣ. Мы разговорились и я почти съ первыхъ же словъ увидѣлъ, что мы работаемъ въ одномъ направленіи, а потому и предложилъ, не откладывая дѣла въ долгій ящикъ, сейчасъ же договориться окончательно. Ротмистръ вызвалъ по телефону своего сотрудника по работѣ ротмистра Гершельмана, и мы немедленно ознакомили другъ друга о своихъ намѣреніяхъ и достинутыхъ результатахъ.

Проведя вмѣстѣ нѣсколько часовъ мы убѣдились, что отнынѣ намъ необходимо работать сообща, чтобы дружными усиліями добиться своего и провести свои планы до желаемаго конца.

До настоящаго времени, мы, работая въ одномъ направленіи, дѣлали это въ разныхъ мѣстахъ и были разъединены лишь растояніемъ: ротмистръ былъ иниціаторомъ и организаторомъ русской добровольческой, такъ называемой, «Сѣверной Арміи» въ гор. Псковѣ, а я работалъ въ «Южной Арміи» въ Кіевѣ, при чемъ задачи и условія формированія обѣихъ армій были одинаковы и обѣ онѣ создавались при помощи германцевъ.

Ротмистръ фонъ-Розенбергъ, работая все время въ военно-политическомъ направленіи, имѣлъ большія связи среди военныхъ, политическихъ и общественныхъ круговъ Германіи и былъ поэтому весьма хорошо оріентированъ въ настоящемъ положеніи и, такимъ образомъ, намъ легко было намѣтить ближайшія задачи и составить планъ будущихъ дѣйствій. Кромѣ того мы оба, начавъ работать по собственной иниціативѣ здѣсь въ Германіи, словно сговорились предварительно и, стремясь къ одной и той же конечной цѣли, совершенно случайно уже раздѣлили сферу нашей дѣятельности въ этомъ общемъ дѣлѣ: ротмистръ былъ занятъ подготовкою въ политическомъ и военномъ отношеніи благопріятной почвы для отправки въ Прибалтійскій Край пополненій, составленныхъ изъ русскихъ военноплѣнныхъ, находящихся въ Германіи, а я приступилъ къ формированію отряда, долженствующаго стать ядромъ военной организаціи, въ которую должны были вливаться пополненія.

Сама судьба, соединившая насъ вмѣстѣ, указывала, что нами правильно выбранъ путь и что наша работа здѣсь въ Германіи можетъ явиться продолженіемъ всей предыдущей дѣятельности тѣхъ группъ русскихъ правыхъ патріотовъ, которые въ борьбѣ съ большевизмомъ, еще въ Кіевѣ и въ Псковѣ хотѣли опереться въ этомъ дѣлѣ на германцевъ, считая, что только союзъ Россіи и Германіи въ состояніи дать желаемое обѣимъ великимъ державамъ.

Дабы уничтожить въ корнѣ всѣ тѣ небылицы и толки, распространяемые обо мнѣ и моей арміи, главнымъ образомъ, русскими, оплачиваемыми «союзными» миссіями, я считаю необходимымъ подробно коснуться всей предыдущей работы русскихъ монархистовъ, которые въ борьбѣ съ большевизмомъ опирались на Германію. Такая работа имѣла мѣсто, какъ мною было указано выше, въ Малороссіи и въ Прибалтикѣ. О событіяхъ въ Малороссіи или вѣрнѣе въ ея столицѣ Кіевѣ мною уже было изложено, поэтому въ слѣдующей главѣ я перейду къ описанію исторіи формированія «Сѣверной Арміи» въ гор. Псковѣ и всего того, что произошло затѣмъ въ Прибалтійскомъ Краѣ. Оба, такъ успѣшно начатыхъ дѣла борьбы съ большевизмомъ, потерпѣли крушеніе, благодаря разыгравшейся революціи въ Германіи и откатились, въ лицѣ главныхъ своихъ дѣятелей, въ Берлинъ, гдѣ, соединившись, дали мнѣ тѣ данныя, которыя послужили основаніемъ всей моей послѣдующей дѣятельности.

Такимъ образомъ я выступилъ со своей арміей въ Курляндіи не по стеченію случайныхъ обстоятельствъ, а по глубокому убѣжденію въ правотѣ выбраннаго мною пути и я увѣренъ, что безпристрастные читатели, ознакомившись теперь съ обстановкою того времени, вполнѣ согласятся со мною и придутъ къ тому заключенію, что иначе поступить было и нельзя.

ГЛАВА VII.

РУССКАЯ ДОБРОВОЛЬЧЕСКАЯ «СѢВЕРНАЯ АРМІЯ»

I.

ПЕРЕДЪ ФОРМИРОВАНІЕМЪ.

Послѣ неудавшагося, благодаря измѣнившейся внѣшней политической обстановки, заговора русскаго корпуса въ апрѣлѣ —маѣ 1918 года, въ Петербургѣ и его окрестностяхъ было сдѣлано, различными антибольшевистскими группами, еще нѣсколько попытокъ организовать возстаніе внутри страны, но всѣ онѣ кончались неудачей и приводили только къ лишнимъ новымъ жертвамъ. Одновременно большевики, оправившись, старались всѣми способами закрѣпить свое положеніе и безпощадно расправлялись съ тѣми, кто хотя бы косвенно былъ замѣшанъ въ заговорѣ.

Началась эпоха поголовныхъ арестовъ всѣхъ офицеровъ бывшей Императорской арміи и затѣмъ безумное уничтоженіе ихъ путемъ растрѣла, простого убійства, потопленія и избіенія.

Я думаю, что человѣческое воображеніе не въ состояніи себѣ нарисовать картину тѣхъ ужасовъ, которые тогда скрывали тюремныя стѣны, и отдаленныя времена инквизиціи и татарскаго звѣрства безусловно поблекнутъ передъ большевиками — этими новыми свѣтилами въ дѣлѣ изобрѣтенія наибольшихъ моральныхъ и физическихъ страданій для жертвъ своего гнуснаго злодѣянія.

Вотъ въ эти то, памятные для насъ офицеровъ, тяжелые дни въ концѣ іюля мѣсяца ротмистръ фонъ-Розенбергъ рѣшилъ обратиться въ Прибалтійскую Миссію, находящуюся при Германскомъ Генеральномъ Кинсульствѣ въ Петербургѣ, за содѣйствіемъ выѣхать ему изъ предѣловъ совѣтской Республики. Тамъ, онъ совершенно случайно, встрѣтился съ германскимъ офицеромъ гауптманомъ Э., съ которымъ былъ знакомъ еще задолго до войны по Петербургу.

Разговорившись съ нимъ, ротмистръ, конечно, не могъ не коснуться политическаго положенія Россіи и Германіи, а коснувшись этого вопроса выразилъ сожаленіе и удивленіе, что Германское Правительство заключило миръ съ большевиками и тѣмъ самымъ разрушило всѣ планы русскихъ монархистовъ, возлагавшихъ уже тогда надежды на Германію и жалавшихъ начать совмѣстную работу для возстановленія прежняго порядка.

«Мы, русскіе, были вполнѣ увѣрены» — добавилъ онъ, — «что германскія войска не остановятся на полпути и, начавъ наступленіе, послѣ инцидента въ Брестъ-Литовскѣ, дойдутъ до Петербурга и займутъ его, а потому и приготовились къ этому дѣйствію Германіи».

Гауптманъ Э. отвѣтилъ, что вначалѣ у германцевъ, дѣствительно было опредѣленное намѣреніе занять Петербургъ и покончить съ большевизмомъ, но этому помѣшали съ одной стороны осложенія на западномъ фронтѣ, потребовавшія новыхъ подкрѣпленій и переброски туда войскъ, приготовленныхъ для оккупаціи Петербурга, а съ другой стороны угрожающіе протесты германскихъ соціалистовъ, настаивавшихъ на прекращеніи военныхъ дѣствій противъ большевиковъ. — «Вотъ эти двѣ причины измѣнили наше первоначальное рѣшеніе и, конечно, это было большимъ несчастьемъ для Германіи и Россіи и особенно теперь это для меня ясно», — замѣтилъ гауптманъ, — «когда я отъ васъ узналъ настроеніе русскихъ монархистовъ и исторію формированія корпуса, произведеннаго съ согласія и благословленія Великаго Князя Павла Александровича.»

Далѣе гауптманъ Э. сообщилъ, что онъ имѣетъ секретное порученіе отъ Главнаго Германскаго Командованія на востокѣ, которое явилось слѣдствіемъ того, что Германское Правительство окончательно убѣдилось въ необходимости во что бы то ни стало покончить въ Россіи съ большевизмомъ, возстановить снова монархическое правленіе и уже съ послѣднимъ заключить прочный и законный миръ. Указанное рѣшеніе уже проводится въ жизнь и данное ему порученіе находится въ непосредственномъ соотношеніи съ общимъ планомъ, который заключается въ томъ, что германцы, прежде всего хотятъ установить связь съ русскими монархическими кругами, послѣ чего, переговоривъ съ ними, совмѣстно приступить къ формированію русскихъ добровольческихъ армій въ оккупированныхъ русскихъ областяхъ. По сформированіи, эти арміи будутъ имѣть слѣдующія задачи: 1) наступленіе на Петербургъ и Москву; 2) занятіе этихъ городовъ и сверженіе большевистской власти; 3) водвореніе порядка во всей Россіи и поддержка престижа новой законной власти. Одну изъ этихъ армій германцы предполагаютъ сформировать совмѣстно съ русскими монархистами въ оккупированныхъ русскихъ сѣверо-западныхъ губерніяхъ и вотъ ему, гауптману Э., какъ жившему многіе годы въ Петербургѣ, поручено привести въ исполненіе эту часть общаго плана.

Такое сообщеніе крайне заинтересовало ротмистра, такъ какъ онъ, состоя въ Гвардейской Офицерской организаціи, имѣвшей тѣсную связь съ монархической группой Маркова 2-го, хорошо зналъ, господствующее тамъ, настроеніе и ему было ясно, что предложеніе германцевъ идетъ навстрѣчу ихъ желаніямъ.

Въ Петербургѣ въ періодъ апрѣль—августъ 1918 года въ монархическихъ и правыхъ кругахъ русскаго общества доминировали слѣдующія теченія:

1. Полное разочарованіе въ возможности и удачѣ сверженія большевизма путемъ возстанія внутри, ибо всѣ попытки въ этомъ направленіи терпѣли пораженія и только приводили къ новымъ, совершенно излишнимъ жертвамъ;

2. Признаніе необходимости организоваться внѣ Совѣтской Россіи, — гдѣнибудь на окраинѣ, какъ то уже съ успѣхомъ было сдѣлано Добровольческой, Казачьей, Астраханской и Южной арміями;

3. Желаніе сближенія съ Германіей, въ которой видѣли единственный оплотъ монархизма.

Кромѣ того было извѣстно, что въ Малороссіи, гдѣ германцы занимали своими войсками всю территорію, такое сближеніе русскихъ монархистовъ съ германскими властями уже налаживалось; что же касается Петербурга то добиться тамъ желаемой связи было много труднѣе и, несмотря на неоднократныя въ этомъ направленіи попытки, ничего опредѣленнаго достигнуто не было. Однако близость отъ Петербурга оккупированныхъ германцами русскихъ областей (Псковская, Витебская, Эстляндская и Лифляндская губерніи) невольно наводила на мысль о необходимости создать тамъ добровольческую армію.

Въ виду всего вышеизложеннаго ротмистръ фонъ-Розенбергъ рѣшилъ свой разговоръ и предложеніе германцевъ довести до свѣдѣнія Гвардейской Офицерской организаціи и затѣмъ уже черезъ нихъ до монархической патріи Маркова 2-го. Къ сожалѣнію оба генерала, возглавлявшіе пѣхотную и кавалерійскую группы, было арестованы большевиками и находились въ тюрьмѣ, а потому ему пришлось по этому поводу переговорить только съ ихъ секретарями. Послѣ предварительной бесѣды, секретарь кавалерійской группы однополчанинъ ротмистра, полковникъ баронъ Таубе пригласилъ его на совѣщаніе съ полковниками Л-Гв. Семеновскаго полка фонъ-Штейнъ и Р., которые работали въ монархической партіи Маркова 2-го и кромѣ того имѣли непосредственное отношеніе въ генералу Юденичу, дававшему имъ свои указанія и совѣты.

На этомъ совѣщаніи оба полковника признали, что предложеніе германцевъ вполнѣ соотвѣтствуетъ желаніямъ ихъ партіи, а потому рѣшили сейчасъ же о немъ довести до свѣдѣнія главы партіи Маркова 2-го и доложить генералу Юденичу.

Ротмистръ выразилъ пожеланіе лично переговорить съ Марковымъ 2-ымъ и сдѣлать докладъ генералу Юденичу, чтобы ускорить и упростить переговоры и затѣмъ непосредственно отъ нихъ получитъ необходимыя инструкціи.

При слѣдующемъ свиданіи полковники сообщили, что видѣли Маркова 2-го и генерала Юденича и что оба названныя лица считаютъ предложеніе германцевъ весьма серьознымъ фактомъ и просятъ потому ротмистра продолжать самую интенсивную работу въ этомъ направленіи, но что въ настоящій моментъ они лишены возможности лично принять его для переговоровъ. Однако, далѣе полковники заявили, что ими получены всѣ полномочія и исчерпывающія инструкціи для веденія дальнѣйшихъ переговоровъ по этому поводу.

Послѣ нѣсколькихъ совѣщаній и разговоровъ съ гауптманомъ Э. были составлены условія, на которыхъ представлялось бы возможнымъ начать формированіе русской добровольческой арміи на сѣверо-западѣ.

Эти условія были слѣдующія:

1) русская добровольческая армія должна формироваться по соглашенію съ Императорскимъ германскимъ правительствомъ;

2) мѣстомъ формированія должны послужить оккупированныя германскими войсками русскія области, при чемъ желательными являются раіоны городовъ Двинскъ-Вильна или Валкъ-Вольмаръ-Венденъ;

3) формированіе арміи должно производится въ одномъ изъ указанныхъ раіоновъ, подъ прикрытіемъ германскихъ оккупаціонныхъ войскъ;

4) армія должна будетъ комплектоваться: а) мѣстными русскими офицерами и доброволь-

цами, б) переправленными при помощи германцевъ изъ Петербурга офицерами и добровольцами, при чемъ многіе изъ нихъ предварительно должны быть освобождены изъ тюрьмы, в) русскими военноплѣнными, находящимися въ лагеряхъ Германіи;

5) командующимъ арміей, съ диктаторскими полномочіями, долженъ быть назначенъ русскій генералъ съ популярнымъ боевымъ именемъ, при чемъ желательно было бы назначеніе генерала Юденича, генерала Гурко или генерала графа Келлеръ;

6) денежныя средства на содержаніе арміи должны выдаваться заимообразно германскимъ правительствомъ русскому государству;

7) все необходимое для формированія арміи какъ-то: вооруженіе, обмундированіе, снаряженіе и продовольствіе должны отпускаться германскими военными властями русскому командованію;

8) въ одномъ изъ городовъ оккупированной области, передъ началомъ формированія, долженъ быть созванъ Русскій Монархическій Съѣздъ, имѣющій своей задачей выдѣлить изъ своего состава Временное Правительство Россіи;

9) армія по окончанію формированія должна быть приведена къ присягѣ Законному Царю и Русскому государству;

10) задачи арміи: а) наступленіе на Петербургъ и сверженіе большевизма; б) поддержаніе законной власти, в) водвореніе порядка во всей Россіи;

11) всѣ установленія политическаго характера должны быть выяснены на Монархическомъ Съѣздѣ и утверждены избраннымъ Временнымъ Правительствомъ;

12) германскія войска участія въ подавленіи большевизма не принимаютъ, но слѣдуютъ за арміей для поддержанія внутренняго порядка и престижа власти.

Эти условія были устно переданы гауптману Э. и онъ въ тотъ же день выѣхалъ въ Псковъ, гдѣ долженъ былъ три дня ждать пріѣзда ротмистра фонъ-Розенбергъ, чтобы затѣмъ вмѣстѣ въ нимъ отправиться для личныхъ переговоровъ въ Главное Военное Германское Командованіе на востокѣ, находившагося въ гор. Ковно.

Ротмистръ просилъ командировать вмѣстѣ съ нимъ еще по крайней мѣрѣ двухъ уполномоченныхъ: одного отъ Гвардейской Офицерской и одного отъ манархической организацій, но въ виду того, что получка заграничнаго паспорта была сопряжена со всевозможными трудностями, которыя требовали времени, то рѣшено было, чтобы не задерживать всего дѣла, отправить его одного.

Однако и его поѣздка задержалась, вслѣдствіе сложности сношеній съ генераломъ Юденичемъ и Марковымъ 2-ымъ и онъ только спустся пять дней послѣ отъѣзда гауптмана Э., получивъ черезъ полковниковъ принципіальное согласіе Гвардейской Офицерской и монархической организацій и благословленіе генерала Юденича на работу, выѣхалъ также въ гор. Псковъ.

Я оставливаюсь на этихъ подробностяхъ съ цѣлью показать, какъ наши руководители оберегали свою безопасность и сколько надо было энергіи и труда, чтобы при такомъ положеніи всетаки добиться желаемаго и достигнуть положительныхъ результатовъ.

Господа руководители очень хорошо учитывали, угрожавшую имъ опасность, но совершенно не считались въ тѣмъ огромнымъ рискомъ, которому они подвергали своей медлительностью посредниковъ и, ѣдущаго по этому дѣлу, ротимистра фонъ-Розенбергъ. Большевистская развѣдка была въ то время особенно безпощадна и малѣйшая неосторожность или просто случайность могли привести къ аресту, изъ котораго тогда большею частью былъ только одинъ выходъ — разстрѣлъ.

Я не буду описывать путешествія ротмистра, но укажу только, что оно было сопряжено съ большими трудностями и непрерывнымъ рискомъ своей жизнью и прошло благополучно, благодаря лишь его спокойствію и умѣнію найтись въ самый критическій, казалось бы, безвыходный моментъ.

Запозданіе на два дня привело къ тому, что гауптманъ Э. вынужденъ былъ одинъ выѣхать съ докладомъ въ Ковно, а потому и не могъ встрѣтить ротмистра на вокзалѣ въ Псковѣ, какъ это было условлено, и послѣдній на общихъ основаніяхъ для всѣхъ прибывающихъ изъ совѣтской Россіи, былъ отправленъ въ карантинный лагерь, гдѣ ему безъ разговоровъ сейчасъ же были сдѣланы предохранительныя прививки отъ всѣхъ болѣзней.

Только на другой день, то есть 1-го сентября, познакомившись въ лагерѣ съ ротмистромъ Гершельманъ и разсказавъ ему цѣль своего пріѣзда въ Псковъ, а также и свои злоключенія, онъ при его помощи, добился, наконецъ, необходимой связи и немедленно былъ освобожденъ изъ карантина.

Увидѣвъ въ А. К. Гершельманѣ полное сочувствіе и желаніе работать въ указанномъ направленіи, фонъ-Розенбергъ предложилъ ему принять участіе въ предстоящихъ переговорахъ съ германцами и помочь въ этомъ дѣлѣ своимъ хорошимъ знаніемъ нѣмецкаго языка.

Какъ выяснилось вскорѣ гауптманъ Э., получивъ приказаніе отъ Главнаго Военнаго Германскаго Командованія, долженъ былъ немедленно выѣхать въ гор. Ковно; однако, уѣзжая, онъ оставилъ своимъ замѣстителемъ адъютанта начальника германской дивизіи, стоявшей тогда въ Псковѣ, оберъ-лейтенанта фонъ-Гаммерштейнъ и попросилъ его встрѣтить ротмистра и поставить его въ извѣстность, что онъ, гауптманъ Э., вернется изъ поѣздки приблизительно черезъ недѣлю и привезетъ оттуда окончательный отвѣтъ.

Ротмистръ рѣшилъ выжидать этого отвѣта и заняться пока подготовкою всего необходимаго для дальнѣйшей работы. Имѣя свободный доступъ всюду и встрѣчая вездѣ предупредительное отношеніе и готовность быть полезнымъ, онъ изъ разговоровъ съ германскими офицерами, скоро вполнѣ ясно представилъ себѣ картину настоящаго политическаго положенія въ Германіи, которое въ общихъ чертахъ сводилось къ борьбѣ двухъ партій военной и дипломатической.

Первая была противъ всякаго соглашенія съ большевиками и считала необходимымъ сближеніе съ русскими монархическими кругами, чтобы, заручившись ихъ согласіемъ, вернуть въ Россіи прежній законный порядокъ и заключить съ новымъ правительствомъ прочный, окончательный миръ. Вторая напротивъ, преслѣдуя свои собственныя весьма сложныя комбинаціи, находила выгоднымъ поддерживать большевиковъ и не стремиться къ возсозданію прежней Великой Императорской Россіи.

Дипломатія въ Германіи послѣ Бисмарка была злымъ геніемъ своего отечества и довела его до ужаснаго бѣдствія. Стоитъ только вспомнить всю ея работу до войны по отношенію къ Россіи, а также полный провалъ ея въ моментъ объявленія войны (отказъ Италіи, нарушеніе нейтралитета Бельгіи, выступленіе Англіи и. т. п.), чтобы можно было не задумываясь сказать, что Германію погубила ея дипломатія, которая выступала заносчиво, была неискренней, а главное

неталантливой и, если имѣла кажущійся успѣхъ, то только потому, что за ней стояла первоклассная, могущественная армія.

Въ моментъ описуемыхъ событій, мнѣніе военной партіи заняло господствующее положеніе и слѣдствіемъ этого явились мѣры, необходимыя для проведенія его въ жизнь. Главнымъ сторонникомъ этой новой политики по отношенію къ Россіи были принцъ Леопольдъ Баварскій и генералъ фонъ Гофманъ и къ ней присоединился даже и бывшій покровитель большевизма, какъ разрушительнаго средства противъ врага, генералъ Людендорфъ.

Однако небольшая дипломатическая группа не сдала еще позицій и предполагала добиваться своего, а потому германскіе офицеры предупредили и просили ротмистра держаться въ сторонѣ отъ германскаго посольства въ Псковѣ, возглавляемого графомъ Бассевицъ и ни въ какомъ случаѣ не касаться въ разговорахъ съ ними вопросовъ, относящихся къ предстоящему формированію добровольческой арміи, указывая, что тамъ этотъ проэктъ не встрѣтитъ сочувствія, а, напротивъ, оттуда будутъ чинить препятствія и потому, чѣмъ меньше и позже посольство будетъ что-либо знать, тѣмъ лучше. Однако совершенно скрыть отъ посольства задуманный планъ формированія конечно было нельзя и нѣкоторыя свѣдѣнія достигли ихъ ушей, результатомъ чего явились рядъ дѣйствій оттуда, о которыхъ я сообщу въ свое время.

Параллельно ротмистръ, пользуясь свободнымъ временемъ, принялся: 1) за организацію прочной связи съ Петербургомъ и подготовку всего необходимаго для пріема, прибывающихъ изъ Россіи, офицеровъ; 2) за установленіе контакта съ мѣстными политическими и общественными дѣятелями, и 3) за ознакомленіе съ мѣстными условіями жизни, настроеніемъ русскихъ офицеровъ, интеллигенціи, городского населенія и крестьянъ.

Отношеніе германскихъ военныхъ властей было болѣе, чѣмъ предупредительное, и они во всемъ шли навстрѣчу. Такъ въ первые же дни была прочно налажена отправка съ курьерами писемъ въ Петербургъ, въ которыхъ можно было писать все совершенно открыто, и они доставлялись непосредственно въ руки адресата и не подвергались никакой цензурѣ. Германскимъ пограничнымъ постамъ было отдано приказаніе принимать всѣхъ русскихъ офицеровъ, желающихъ перейти границу, при чемъ, для удобства, былъ установленъ особый пароль: „Nordabschnitt", который ротмистръ сообщилъ оставшимся работать въ Петербургѣ. При штабѣ германской дивизіи было образовано русское комендантское управленіе съ комендантомъ ротмистромъ Каширскимъ во главѣ и адъютантомъ штабсъ-ротмистромъ Петровымъ. Въ комендантское управленіе направлялись всѣ перешедшіе границу офицеры, гдѣ послѣ опроса, имъ выдавалось удостовѣреніе на право жительства въ городѣ и ношенія установленной формы. Затѣмъ было окрыто общежитіе для офицеровъ и предоставлено право пользоваться германскимъ гарнизоннымъ офицерскимъ собраніемъ, въ которымъ была отведена отдѣльная комната и можно было получать дешевый завтракъ и обѣдъ.

Далѣе ротмистръ получилъ завѣреніе отъ германскихъ властей, что ими будутъ приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы освободить изъ тюрьмы въ Петербургѣ всѣхъ арестованныхъ лицъ, которыя были указаны въ составленномъ имъ спискѣ. Въ немъ ротмистръ, прежде всего, помѣстилъ всѣхъ Великихъ

Князей, затѣмъ генераловъ и офицеровъ, лично ему извѣстныхъ, а также и тѣхъ, фамиліи которыхъ ему были сообщены Гвардейской Офицерской организаціей еще въ Петербургѣ передъ его отъѣздомъ.

Долженъ отмѣтить, что большинство изъ перечисленныхъ лицъ было освобождено, несмотря на тяжелыя условія, создавшіяся, благодаря испортившимся отношеніямъ съ большевиками, которые, узнавъ о русскомъ формированіи въ Псковѣ, начали чинить всевозможныя затрудненія. Я думаю, что многіе, особенно генералы, гуляющіе теперь за границей, совершенно и не подозрѣваютъ какому счастливому случаю они были обязаны при своемъ освобожденіи изъ тюрьмы.

Великихъ Князей не удалось спасти только изъ-за нерѣшительности людей, окружавшихъ ихъ близкихъ, которые надѣялись, что все обойдется благополучно и безъ принятія экстраординарныхъ мѣръ и потому не соглашались на нихъ. Такъ напримѣръ, германскій офицеръ, который переправилъ министра Трепова въ Финляндію, подготовилъ также переѣздъ туда и Великаго Князя Павла Александровича, но въ послѣдній моментъ ему пришлось все отставить, такъ какъ княгиня Палѣй, подъ вліяніемъ окружавшихъ ее людей, не согласилась на приведеніе плана въ исполненіе, найдя его рискованнымъ.

Между тѣмъ переправа Великаго Князя была обезпечена во всѣхъ отношеніяхъ: вначалѣ предполагалось настоять на переводѣ Великаго Князя въ частный госпиталь, а оттуда на торпедной лодкѣ, подъ охраной германскихъ солдатъ, Его Императорское Высочество былъ бы доставленъ въ Финляндію. Опасности не было никакой, ибо помимо вѣрной охраны, всѣ были подкуплены.

Германскій офицеръ не сомнѣвался въ успѣхѣ и недавно еще, при свиданіи съ ротмистромъ фонъ-Розенбергъ въ Берлинѣ, высказывалъ свое глубокое сожалѣніе, что онъ былъ лишенъ возможности провести это дѣло до конца. «Вы знаете, ротмистръ», добавилъ онъ, «за Трепова мы заплатили большевикамъ двадцать тысячъ рублей, но за то мы ѣхали совершенно открыто въ первомъ классѣ и почти всѣ знали, что я везу Трепова. За Великаго Князя пришлось бы заплатить больше вотъ и все.»

Разсказывая объ этихъ фактахъ, свидѣтельствующихъ о спасеніи насъ русскихъ изъ звѣрскихъ лапъ большевизма нашими вчерашними врагами германцами, я считаю умѣстнымъ упомянуть о тѣхъ гнусныхъ инсинуаціяхъ, которыя распространялись тогда по Петербургу и которыя, повидимому, исходили изъ темныхъ дверей миссій «нашихъ союзниковъ». Я говорю, въ данномъ случаѣ, о томъ слухѣ, который утверждалъ, что будто бы большевики арестовываютъ и уничтожаютъ лучшихъ русскихъ людей по приказанію германцевъ.

Я увѣренъ, что теперь никто изъ честныхъ русскихъ не сомнѣвается въ нелѣпости подобнаго предположенія и потому не для нихъ предназначены эти строки — онѣ относятся къ тѣмъ непоколебимымъ сторонникамъ «нашихъ союзниковъ», которые и въ настоящее время распространяютъ эту басню и выставляютъ ее, какъ аргументъ, лишающій возможности работать совмѣстно съ германцами. Мало того они стараются еще развить ее и утверждаютъ, что члены Царской Фамиліи погибли также отъ руки, направленной Германіей, и вотъ этимъ то господамъ я хочу отвѣтить словами того же самого германскаго

Карта 5

Его Императорское Высочество Кронпринцъ
Германскій

Карта 6

Его Королевское Высочество Принцъ Эйтель Фридрихъ Прусскій, начальникъ 1-ой Гвардейской Пѣхотной дивизіи.

офицера, который организовывалъ побѣгъ Великаго Князя Павла Александровича и которому ротмистръ фонъ-Розенбергъ передалъ указанные злые слухи.

— «Хорошо, пусть эта нелѣпость на время сдѣлается правдою, ротмистръ! Теперь спросите тѣхъ, кто распространяетъ эту клевету — кого бы здравый смыслъ подсказалъ намъ уничтожить въ первую голову: нашихъ враговъ или друзей? Они отвѣтятъ: конечно враговъ. Ну, а кто изъ членовъ Царской Фамиліи погибъ и кто остался въ живыхъ?»

На эти вопросы германскаго офицера я предлагаю отвѣтить тѣмъ, къ кому они непосредственно относятся и кромѣ того я хочу еще посовѣтовать имъ на будущее время придумать что-нибудь болѣе правдоподобное для агитаціи противъ совмѣстной работы съ Германіей.

Однако возвращусь къ формированію въ гор. Псковѣ.

Ротмистръ вскорѣ познакомился съ членами Государственной Думы Геор. Мих. Дерюгинымъ, Ник. Ник. Лавриновскимъ, Ал. Пав. Горскинымъ, бывшимъ губернаторомъ Г. и мѣстнымъ общественнымъ дѣятелемъ Б. Б. Линде, которые держались отдѣльною группою и руководимые Линде, прекрасно владѣющимъ нѣмецкимъ языкомъ, уже неоднократно имѣли разговоры съ мѣстными германскими властями на политическія темы.

На первомъ же засѣданіи, когда ротмистръ поставилъ ихъ въ извѣстность о цѣли своего пріѣзда въ Псковъ, а также о настроеніи и положеніе въ Петербургѣ, веѣ они выразили желаніе работать вмѣстѣ и предложили взять на себя руководство политической и общественной стороной дѣла, предоставивъ ему исключительно военную и административную область.

Ротмистръ постепенно все болѣе и болѣе знакомился съ условіями мѣстной жизни и могъ уже дать себѣ вполнѣ ясный отчетъ въ томъ, какихъ результатовъ возможно ожидать отъ предполагаемаго формированія.

Въ Псковѣ было довольно много офицеровъ тѣхъ воинскихъ частей, которыя стояли тамъ въ мирное время, но всѣ они чѣмъ-либо занимались и большею частію торговыми дѣлами. Такъ нѣкоторые открыли магазины, кафе, рестораны и даже игорные карточные дома. Такимъ образомъ элементъ для формированія былъ мало подходящій и могъ служить въ арміи только при наличіи достаточнаго количества идейныхъ офицеровъ, за которыми имъ волею или неволею пришлось бы тянуться. И въ доброе старое время не всѣ офицеры по своимъ нравственнымъ и физическимъ качествамъ были равны, а раздѣлялись на отличныхъ, среднихъ и плохихъ. Если отличные брали верхъ, то средніе и плохіе тянулись за ними и полкъ представлялся въ блестящемъ видѣ; при обратной комбинаціи полкъ бывалъ на скверномъ счету и иногда приходилось прибѣгать къ генеральной чисткѣ, чтобы возсоздать дѣйствительно воинскую часть.

Къ сожалѣнію въ данномъ случаѣ наиболѣе лучшій и воинственный мѣстный офицерскій кадръ уже раньше уѣхалъ въ Добровольческую Армію и продолжалъ еще уѣзжать въ Южную Армію, вербовочное бюро которой, возглавляемое подполковникомъ Бучинскимъ, функціонировало въ Псковѣ.

Настроеніе у интеллигенціи было вполнѣ благопріятное и всѣ оченъ интересовались ходомъ и развитіемъ переговоровъ съ германцами и съ нетерпѣніемъ

ждали начала формированія русской арміи и дальнѣйшихъ событій. Что же касается рабочаго класса и крестьянства, то оно, въ большинствѣ, тяготѣло къ большивикамъ, въ которыхъ видѣло освободителей отъ германской оккупаціи, мѣшавшей имъ грабить помѣщиковъ.

Изъ всего что было сказано выше можно притти къ заключенію, что базироваться при формированіи только на мѣстныхъ офицеровъ и добровольцевъ ни въ какомъ случаѣ было нельзя, а потому надо было озаботиться такой постановкою вербовочнаго дѣла, при которой было бы возможно получить наибольшее количество пріѣзжаго матеріала и главнымъ образомъ изъ совѣтской Россіи, гдѣ всѣ уже хорошо были знакомы съ прелестями коммунистическаго рая.

Черезъ двѣ недѣли, то есть 15-го сентября, пріѣхалъ гауптманъ Э. и сообщилъ, что переданныя имъ условія формированія русской арміи, являются пріемлемыми для Германіи и принципальное согласіе на него уже дано, но германское правительство хотѣло бы имѣть нѣкоторыя гарантіи въ томъ, что указанная помощь дѣствительно желательна русскимъ монархистамъ и потому оно предполагаетъ для выраженія этого желанія организовать монархическій съѣздъ въ Псковѣ.

Для созыва этого съѣзда выѣхали въ гор. Кіевъ члены Государственной Думы Дерюгинъ, Лавриновскій, Горскинъ и въ качествѣ секретаря Л-Гв. Преображескаго полка капитанъ фонъ-Дитмаръ.

Расходы по поѣздкѣ этой делегаціи и по организаціи русскаго монархическаго съѣзда брали на себя германцы и кромѣ того жители города Пскова лично отъ себя передали уѣзжавшимъ, для той же цѣли, значительную сумму денегъ.

Съ той же задачей выѣхалъ въ Петербургъ и Москву бывшій губернаторъ Г., котораго германцы переправили черезъ границу, какъ своего курьера и подъ вымышленной фамиліей.

Кромѣ того въ гор. Кіевъ были командированы ротмистръ Гершельманъ и оберъ-лейтенантъ фонъ-Гаммерштейнъ. Они получили приказаніе довести до свѣдѣнія добровольческихъ армій на югѣ о предполагаемомъ формированіи въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ и просить генерала графа Келлеръ принять командованіе новой арміей.

Передъ разъѣздомъ было общее совѣщаніе, на которомъ были выяснены и намѣчены ближайшія дѣйствія, а также было постановлено, что, для выжиданія окончательнаго отвѣта отъ германцевъ и поддержанія связи, въ Псковѣ остаются фонъ-Розенбергъ и Линде, при чемъ имъ было предоставлено право, въ случаѣ необходимости, рѣшать по собственному усмотрѣнію всѣ тѣ вопросы, которые имѣли отношеніе къ начатому дѣлу.

Ротмистръ обо всемъ изложенномъ отправилъ одному изъ оставшихся работать въ Петербургѣ подробный докладъ и въ отвѣтъ получилъ также очень длинное письмо, въ которомъ, между прочимъ, тотъ предупреждалъ его, что большевистская развѣдка освѣдомлена о происходящемъ въ Псковѣ и потому совѣтовалъ ему быть очень осторожнымъ.

Вскорѣ, бѣжавъ изъ предѣловъ совѣтской Республики, прибылъ въ Псковъ,

однополчанинъ фонъ-Розенберга, — ротмистръ Гоштовтъ, который, состоя послѣднее время въ монархическихъ организаціяхъ Москвы, былъ хорошо освѣдомленъ о положеніи и настроеніи тамъ. Его докладъ былъ оченъ интересенъ для работающихъ въ Псковѣ, такъ какъ подтверждалъ правильность выбраннаго ими пути въ дѣлѣ возстановленія Родины и этимъ давалъ увѣренность въ успѣхѣ. Москва также обратила свой взоръ съ надеждою на германцевъ и въ ихъ политикѣ искала выхода изъ создавшагося кошмарнаго положенія.

Такимъ образомъ предварительная работа передъ формированіемъ русской арміи протекала вполнѣ благопріятно и, за исключеніемъ нѣкоторыхъ шероховатостей, событія развивались нормально и безъ особыхъ затрудненій.

Къ числу этихъ шероховатостей можно безусловно отнести и случай, происшедшій недѣли три спустя послѣ начала переговоровъ и явившійся, повидимому, слѣдствіемъ рѣшенія германскаго посольства въ Псковѣ поближе ознакомиться съ предполагаемымъ планомъ и настроеніемъ тѣхъ русскихъ, которые принимали въ немъ живѣйшее участіе.

Около середины сентября прибыли изъ Петербурга въ Псковъ три элегантныхъ русскихъ штатскихъ — всѣ подъ вымышленными фамиліями и съ германскими дипломатическими паспортами. По прибытіи они сейчасъ же явились германскому послу и получили отъ него рекомендаціи и всевозможныя бумаги съ просьбою оказывать имъ во всемъ полное содѣйствіе.

Одинъ изъ нихъ, подъ фамиліей Гагенъ, пришелъ затѣмъ въ русское комендантское управленіе и, представивъ тамъ свой паспортъ и рекомендаціи адъютанту Петрову, сказалъ, что онъ является представителемъ и руководителемъ русской монархической партіи «Бѣлаго Креста». Далѣе онъ сообщилъ, что ему еще въ Петербургѣ была извѣстна, начатая здѣсь работа по формированію русской добровольческой арміи и цѣлью его пріѣзда сюда было желаніе принять участіе въ этой работѣ и помочь по мѣрѣ своихъ силъ. Онъ добавилъ, что ихъ партія имѣетъ тѣсную связь съ германцами, которые имъ содѣйствуютъ во всемъ, а потому онъ можетъ быть очень полезнымъ для проведенія всевозможныхъ вопросовъ. Въ заключеніе онъ передалъ, что его партія располагаетъ большими суммами, которыя онъ готовъ предоставить въ распоряженіе арміи.

Въ тотъ же день вечеромъ Гагенъ съ двумя своими спутниками пришелъ въ офицерское гарнизонное собраніе, гдѣ въ очень неясныхъ и туманныхъ выраженіяхъ разсказывалъ о могуществѣ ихъ монархической партіи. Однако, когда нѣкоторые изъ присутствующихъ задали ему нѣсколько вопросовъ, касающихся общей дѣятельности монархистовъ, то выяснилось, что Гагенъ совершенно не освѣдомленъ о ней и было ясно, что онъ никогда не работалъ въ этомъ направленіи. Все это показалось очень подозрительнымъ и къ его загадочнымъ словамъ нельзя было отнестись съ довѣріемъ, а скорѣе сдѣлать заключеніе, что всѣ они были либо агентами освѣдомителями германскаго посольства, либо большевистскими шпіонами, либо, наконецъ, просто авантюристами, но что во всякомъ случаѣ съ ними надо быть осторожными и держаться подальше.

Они стали еще болѣе подозрительными послѣ того, какъ одинъ германскій офицеръ, ѣздящій постоянно курьеромъ въ германское консульство въ Петер-

бургѣ, встрѣтивши Гагена на улицѣ и будучи спрошенъ, кто этотъ господинъ, съ которымъ онъ только что раскланялся, отвѣтилъ — «фамилія его Альбертсъ, раньше онъ былъ финансовымъ комиссаромъ у большевиковъ, но съ ними не поладилъ и устроился на службу у насъ въ консульствѣ, доставляя намъ разныя свѣдѣнія по нѣкоторымъ вопросамъ.»

Послѣ этого случая было рѣшено уклониться отъ помощи новоприбывшихъ «монархистовъ» и вообще стараться избѣгать съ ними встрѣчъ.

Наступилъ октябрь мѣсяцъ, то есть прошло уже болѣе двухъ недѣль со дня отъѣзда делегаціи въ Кіевъ, но оттуда не поступало абсолютно никакихъ свѣдѣній и только по слухамъ было извѣстно, что уѣхавшіе члены Государственной Думы своей прямой задачи не исполнили и вмѣсто того, чтобы пригласить на съѣздъ въ Псковѣ правыхъ политическихъ и общественныхъ дѣятелей, сами приняли живѣйшее участіе въ Монархическомъ Съѣздѣ въ Кіевѣ, гдѣ и проводили время въ безконечныхъ разговорахъ, не двигаясь въ своей работѣ съ мѣста.

Между тѣмъ изъ Ковно отъ Главнаго Военнаго Германскаго Командованія приходили постоянно телеграммы съ запросомъ, какъ обстоитъ дѣло съ монархическимъ съѣздомъ въ Псковѣ и какія свѣдѣнія получены отъ выѣхавшей въ Кіевъ делегаціи, при чемъ Глав. Герм. Воен. Командованіе указывало, что вопросъ о формированіи русской арміи у нихъ рѣшенъ окочательно и потому вся задержка происходитъ съ русской стороны.

Приходилось отписываться и выдумывать причины задержки, ожидая, что въ конечномъ итогѣ посланцы, хотя и съ большимъ опозданіемъ, но всетаки выполнятъ данное имъ порученіе. Однако эта надежда была вскорѣ совершенно разбита неожиданнымъ пріѣздомъ Горскина въ Псковъ и его отношеніемъ къ начатому дѣлу. Онъ абсолютно ничего существеннаго для формированія русской арміи въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ не привезъ, объяснивъ это тѣмъ, что это формированіе въ настоящій моментъ не имѣетъ никакого смысла, ибо весь политическій центръ сосредоточился въ Кіевѣ и тамъ рѣшается судьба Россіи. По его словамъ туда съѣхались всѣ политическіе и общественные дѣятели, тамъ ведутся переговоры съ германцами и тамъ же стоитъ въ раіонѣ гор. Воронежа уже совсѣмъ сформированная и готовая къ боевымъ дѣйствіямъ «Южная Армія», а потому предполагаемое еще только формированіе здѣсь его совершенно не интересуетъ и онъ не видитъ никакой существенной пользы отъ продолженія его. «Все будетъ уже кончено,» сказалъ онъ въ заключеніе, «когда вы только начнете».

Такого рода оборотъ дѣла сильно поразилъ работающихъ въ Псковѣ и поставилъ ихъ въ весьма тяжелое положеніе передъ германцами, которые уже давно ждали отвѣта. Къ счастью почти одновременно изъ Кіева вернулись ротмистръ Гершельманъ и оберъ-лейтенантъ фонъ-Гаммерштейнъ, которые сообщили, что добровольческія арміи на югѣ относятся вполнѣ сочувственно къ предполагаемому формированію на сѣверѣ-западѣ и что почти всѣ гвардейскіе офицеры, находящіеся въ Кіевѣ, выразили желаніе вступить въ ряды новой арміи, операціи которой будутъ направлены противъ Петербурга, что конечно ихъ очень устраивало во всѣхъ отношеніяхъ.

Получивъ эти свѣдѣнія, ротмистръ фонъ-Розенбергъ просилъ телеграфировать въ Главное Военное Германское Командованіе о томъ, чтобы оно не связывало формированіе арміи съ монархическимъ съѣздомъ въ Псковѣ и приступило бы къ его осуществленію, такъ какъ въ противномъ случаѣ произойдетъ большая задержка, которая можетъ испортить весь планъ.

Въ отвѣтъ на эту телеграмму отъ Главнаго Военнаго Германскаго Командованія прибыла въ городъ Псковъ 9-го октября 1918 года военная комиссія, которой были даны исчерпывающія инструкціи о деталяхъ формированія русской добровольческой арміи въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ.

II.

ФОРМИРОВАНІЕ.

Первое совмѣстное русско-нѣмецкое засѣданіе было 10-го октября утромъ. Въ засѣданіи участвовали: съ германской стороны Генеральнаго Штаба маіоръ фонъ-Клейстъ, маіоръ фонъ-Тресковъ, оберъ-лейтенантъ фонъ-Гаммерштейнъ и лейтенантъ Ниманъ (въ качествѣ переводчика); съ русской стороны Причисленный къ Генеральному Штабу Гвардіи ротмистръ фонъ-Розенбергъ, ротмистръ Гершельманъ, капитанъ Тарановскій и Б. Б. Линде

Послѣ обсужденія нѣкоторыхъ вопросовъ связанныхъ съ началомъ формированія арміи, было рѣшено, несмотря на то, что предполагаемый монархическій съѣздъ въ Псковѣ еще не состоялся, незамедлительно приступить къ работѣ по созданію русской добровольческой арміи, ибо обстановка вполнѣ ясно указывала, что дальше ждать было невозможно.

Еще раньше ротмистръ фонъ-Розенбергъ навелъ у мѣстныхъ офицеровъ, справки относительно имѣющихся на лицо въ городѣ Псковѣ русскихъ генералловъ, которые могли бы помочь своимъ опытомъ въ дѣлѣ формированія и ему былъ названъ Генеральнаго Штаба генералъ маіоръ Малявинъ, а потому онъ по окончаніи засѣданія, выразилъ пожеланіе пригласить генерала и предложить ему принять участіе въ общей работѣ.

Генералу Малявину было дано знать и онъ съ полной готовностью согласился на предложеніе и, такимъ образомъ, слѣдующее вечернее засѣданіе русско-нѣмецкой военной комиссіи было уже подъ его предсѣдательствомъ.

Кромѣ генерала Малявина мѣстные офицеры указали еще на проживающаго въ городѣ Ревелѣ Генеральнаго Штаба генералъ маіора Вандамъ, а также и на живущаго въ своемъ имѣніи недалеко отъ города Острова Генеральнаго же Штаба генералъ маіора Симанскаго.

При выборѣ генераловъ страшно суетился Линде и усиленно настаивалъ на приглашеніи изъ города Ревеля генераль-маіора Вандамъ, подчеркивая, что послѣдній извѣстенъ своими военно-литературными трудами, въ которыхъ онъ неоднократно высказывалъ взглядъ о необходимости Россіи и Германіи стремиться къ союзу. Противъ генерала Симанскаго тотъ же Линде имѣлъ какія-то свои личныя соображенія и послѣ упоминанія его имени отозвалъ въ сторону маіора фонъ-Клейстъ и что то долго ему доказывалъ.

Что же касается ротмистра фонъ-Розенбергъ, то онъ совершенно не вмѣ-

шивался въ это дѣло, ибо полагалъ, что каждый русскій генералъ и тѣмъ болѣе Генеральнаго Штаба съумѣетъ справиться съ задачей первоначальнаго руководства формированіемъ арміи, а затѣмъ прибудетъ одинъ изъ намѣченныхъ диктаторовъ, который и установитъ курсъ всей дальнѣйшей работы и выберетъ себѣ ближайшихъ соотвѣтствующихъ сотрудниковъ. Устраивать же теперь какіе-то выборы и обсуждать качества русскихъ генераловъ совмѣстно съ германскими офицерами просто не считалъ удобнымъ, а потому, чтобы пресѣчь дальнѣйшіе разговоры на эту тему, онъ сейчасъ же согласился на предложеніе Линде командировать за генераломъ Вандамъ въ городъ Ревель депутацію, которая въ составѣ Л-Гв. Финляндскаго полка полковника барона Вольфа, г. Радко Дмитріева (сына генерала) г. Пешехонова и выѣхала въ тотъ же вечеръ 10-го октября.

На послѣдующихъ четырехъ засѣданіяхъ военной комиссіи были выработаны окончательныя условія формированія русской добровольческой арміи въ сѣверо-западныхъ губерніяхъ, которая въ отличіе отъ формировавшейся на тѣхъ же условіяхъ въ Кіевѣ «Южной Арміи», была названа «Сѣверной Арміей».

Эти условія были слѣдующія:

1. Русская добровольческая «Сѣверная Армія» по соглашенію съ Императорскимъ Германскимъ Правительствомъ и при посредствѣ Главнаго Военнаго Германскаго Командованія на востокѣ, начинаетъ свое формированіе 10-го октября 1918 года.

2. Раіономъ формированія указанной арміи назначаются оккупированныя части Псковской и Витебской губерній, — съ городами Псковъ, Островъ, Изборскъ, Рѣжица и Двинскъ.

3. Формированіе арміи будетъ происходить въ названномъ раіонѣ подъ прикрытіемъ германскихъ оккупаціонныхъ войскъ.

4. Армія будетъ комплектоваться: а) мѣстными русскими офицерами и добровольцами; б) таковыми же перебѣжчиками изъ Совѣтской Россіи; в) таковыми же другихъ оккупированныхъ германцами русскихъ областей; г) таковыми же военноплѣнными, находящимися въ Германіи, при чемъ вербовка послѣднихъ будетъ произведена, спеціально командируемой для этой цѣли въ Германію, комиссіей изъ русскихъ офицеровъ.

5. Командующимъ арміей, съ диктаторскими полномочіями, назначается русскій генералъ съ популярнымъ боевымъ именемъ желательно при согласіи — генерала Юденича генерала Гурко или генерала графа Келлеръ.

6. Денежныя средства на содержаніе арміи отпускаются германскимъ правительствомъ заимообразно Русскому Государству и направляются черезъ Главное Военное Германское Командованіе въ русское полевое казначейство при арміи, откуда расходуются на общихъ основаніяхъ.

7. Вооруженіе, снаряженіе, шанцевый инструментъ, обмундированіе, продовольствіе и техническія средства даются германскимъ правительствомъ черезъ Глав. Воен. Герм. Коман. таковому же русскому, при чемъ обмундированіе и вооруженіе, по возможности, русскаго образца и въ размѣрѣ потребномъ для формированія не менѣе одного корпуса, силою въ двѣ пѣхотныя дивизіи, согласно германскимъ штатамъ, съ отдѣльною бригадою кавалеріи, соотвѣтствующей артиллеріей, вспомогательными частями (инжерневыми, саперными, авіаціонными, автомобильными, мотоциклетными, велосипедными, телефонными, телеграфными и желѣзнодорожными и всѣми техническими средствами).

8. Армія по окончаніи формированія приводится къ присягѣ Законному Царю и Русскому Государству.

9. На формированіе арміи дается срокъ не менѣе двухъ съ половиною мѣсяцевъ послѣ чего армія должна быть въ боевой готовности.

10. По сформированіи арміи германскія войска отходятъ на новую демаркаціонную линію и сдаютъ старую русскимъ.

11. За мѣсяцъ передъ своимъ отходомъ германскія военныя и гражданскія власти сдаютъ все управленіе, армейскимъ раіономъ таковымъ же русскимъ властямъ.

12. При арміи остаются для связи три германскихъ офицера, изъ которыхъ одинъ Генеральнаго Штаба.

13. Германскія войска при наступленіи не участвуютъ въ подавленіи большевизма, но слѣдуютъ за арміей для поддержанія внутренняго порядка и престижа власти.

14. Послѣ занятія Петербурга объявляется военная диктатура, при чемъ диктаторомъ будетъ командующій «Сѣверной Арміей».

15. Задачи арміи: а) защита указаннаго выше армейскаго раіона отъ большевистскаго нашествія; б) движеніе впередъ для взятія Петербурга и сверженія большевисткаго правительства; в) водвореніе порядка во всей Россіи и поддержка законнаго русскаго правительства.

Послѣ составленія этихъ общихъ условій формированія, на одномъ изъ засѣданій перешли къ обсужденію ближайшихъ дѣйствій и было постановлено, что германцы вначалѣ отпускаютъ въ распоряженіе арміи 150 милліоновъ рублей-марокъ, вооруженіе, снабженіе и обмундированіе на 50000 человѣкъ, 500 пулеметовъ, 36 легкихъ полевыхъ 3″ пушекъ, 24 тяжелыхъ пушки и всевозможныя техническія средства, необходимыя корпусу.

Въ городѣ Изборскѣ предполагалось образовать склады и магазины и все военное имущество должно было быть доставлено туда.

Продовольствіе должно было отпускаться интенданскому управленію арміи, согласно представляемымъ смѣтамъ.

Во время обсужденія общихъ условій формированія ротмистръ фонъ-Розенбергъ выразилъ пожеланіе размѣстить Штабъ арміи и другія учрежденія болѣе въ тылъ раіона формированія и считалъ, что городъ Псковъ, находящійся въ 10 верстахъ отъ большевистской границы, мало пригоденъ для этой цѣли, но германскіе уполномоченные на это не согласились, указывая, что съ технической стороны имъ будетъ удобнѣе все доставлять въ гор. Псковъ, а не въ гор. Рѣжицу, какъ этого хотѣлъ ротмистръ. Особенно противъ этого предложенія возсталъ маіоръ фонъ-Тресковъ, который находилъ городъ Рѣжицу слишкомъ отдаленнымъ отъ Петербурга, а въ близости большевиковъ къ городу Пскову не видѣлъ никакой опасности для формированія, такъ какъ оно будетъ происходить подъ прикрытіемъ германскихъ оккупаціонныхъ войскъ.

Здѣсь считаю долгомъ отмѣтить одну весьма существенную ошибку германцевъ, исходившую, повидимому изъ ихъ дипломатическихъ круговъ.

Германцы, признавъ послѣ долгихъ колебаній необходимость соглашенія съ русскими монархическими группами, чтобы совмѣстными съ ними усиліями уничтожить большевизмъ въ Россіи и возстановить тамъ законное правительство, все же не оставили мысли использовать наше временное тяжелое положеніе и предполагали присоединить себѣ Курляндію, создать подъ своимъ протекторатомъ Польское Королевство и отдѣлить на Кавказѣ Грузію въ отдѣльное государство. Эти свои соображенія они неоднократно высказывали при переговорахъ ротмистру фонъ-Розенбергъ, на что послѣдній всегда отвѣчалъ полушутливо, что онъ не является уполномоченнымъ распоряжаться территоріей Россійской Имперіи и предлагалъ эти вопросы оставить до момента возстановленія порядка въ Россіи, когда на лицо будетъ полномочное законное

правительство. Однако ротмистръ сейчасъ же добавлялъ, что онъ, какъ русскій человѣкъ, можетъ впередъ сказать, что подобное посягательство на цѣлость Россійскаго Государства будетъ безусловно отклонено и послужитъ лишь къ проявленію взаимаго недовольства, такъ какъ ни русскій народъ, ни новое правительство никогда не помирятся съ утратой жизненныхъ частей своей территоріи.

И въ самомъ дѣлѣ, если германцы дѣйствительно вполнѣ искренно рѣшили покончить всѣ наши прежнія несогласія и заключить дружественный миръ, долженствующій послужить крѣпкимъ фундаментомъ для будущаго союза, то при чемъ тутъ разговоры и затаенные планы относительно русской территоріи.

На этихъ вопросахъ я еще не разъ остановлюсь въ своей книгѣ и постараюсь освѣтить ихъ со всѣхъ сторонъ, въ данномъ же случаѣ укажу лишь, что германскій уполномоченный маіоръ фонъ-Тресковъ былъ противъ помѣщенія Штаба Арміи въ Рѣжицѣ потому, что при такомъ положеніи Курляндія, естественно, должна была бы быть базой для русской добровольческой арміи, а это по высказаннымъ выше соображеніямъ совершенно не устраивало Германію.

Такого рода пренебреженіе со стороны германцевъ нашими общими интересами въ пользу своихъ затаенныхъ плановъ было большою ошибкою и послужило вначалѣ одной изъ главныхъ причинъ гибели всѣхъ нашихъ совмѣстныхъ начинаній.

12-го октября изъ города Ревеля пріѣхалъ генералъ маіоръ Вандамъ и, послѣ краткихъ переговоровъ и ознакомленія съ общимъ положеніемъ, выразилъ согласіе принять участіе въ общей работѣ.

На слѣдующихъ засѣданіяхъ было рѣшено, что до прибытія одного изъ предполагаемыхъ командующихъ генералъ Вандамъ приметъ на себя, съ диктаторскими полномочіями, временное командованіе Отдѣльнымъ Псковскимъ добровольческ. корпусомъ, къ формированію котораго будетъ немедленно приступлено и который, такимъ образомъ, положитъ первое основаніе къ созданію «Сѣверной Арміи».

Генералъ Малявинъ былъ назначенъ Начальникомъ Штаба корпуса, ротмистръ фонъ-Розенбергъ Оберъ-квартирмейстеромъ, полковникъ бар. Вольфъ и ротмистръ Гершельманъ Штабъ-офицерами для порученій, капитанъ Тарановскій начальникомъ развѣдочнаго отдѣленія и Б. Б. Линде для порученій по гражданской части.

Послѣ этого, устроившись въ отведенномъ для Штаба корпуса помѣщеніи, (зданіе Псковскаго кадетскаго корпуса) было немедленно приступлено къ работѣ. Начальникъ Штаба подобралъ себѣ ближайшихъ сотрудниковъ изъ числа имѣющихся на лицо въ Псковѣ офицеровъ и составъ чиновъ Штаба, занявшихъ должности начальниковъ отдѣльныхъ отдѣловъ вылился въ слѣдующій:

Начальникъ Штаба корпуса — Генеральнаго Штаба генералъ маіоръ Малявинъ
Штабъ-офицеръ для порученій — полковникъ баронъ Вольфъ
Штабъ-офицеръ для порученій — ротмистръ Гершельманъ
Оберъ-квартирмейстеръ — Причисленный къ Генер. Шт. гв. ротмистръ ф. Розенбергъ

Дежурный Штабъ-офицеръ подполковникъ Гильбертъ.
Завѣдующій артиллерійской частью подполковникъ Р.
Завѣдующій инженерной частью подполковникъ Розановъ
Завѣдующій интенданской частью генералъ маіоръ Львовъ
Завѣдующій санитарной частью докторъ Сергѣевъ
Полевой корпусной казначей Молоховскій
Для порученій по гражданской части Б. Б. Линде.

Въ виду необходимости постоянно сноситься съ военными и гражданскими властями германцевъ, къ Штабу корпуса сейчасъ же были прикомандированы германскіе офицеры для связи: Генеральнаго Штаба маіоръ фонъ-Клейстъ, оберъ-лейтенантъ фонъ-Гаммерштейнъ, оберъ-лейтенантъ Хольцъ (по хозяйственной части) и лейтенантъ Ниманъ (въ качествѣ переводчика).

Штабъ корпуса представлялъ изъ себя высшій органъ управленія всей областью, предоставленной «Сѣверной Арміи», а потому въ немъ сосредотачивались, помимо чисто военныхъ, еще дѣла административнаго характера.

Въ виду отсутствія вначалѣ достаточнаго матеріала для работы по своимъ спеціальнымъ отраслямъ, отдѣлу Оберъ -квартирмейстера было поручено организовать вербовочное дѣло. Ротмистромъ фонъ-Розенбергъ были составлены проэктъ организаціи вербовочныхъ бюро и инструкціи для завѣдующихъ ими.

Согласно этому проэкту, утвержденному Начальникомъ Штаба, было открыто въ Псковѣ Главное Вербовочное Бюро, завѣдующимъ которымъ былъ назначенъ гв. ротмистръ Гоштовтъ. Черезъ Главное Вербовочное Бюро проходили всѣ офицеры и добровольцы, выразившіе желаніе поступить въ «Сѣверную Армію». Тамъ они должны были заполнить вопросный листъ, послѣ чего ихъ распредѣляли по воинскимъ частямъ согласно инструкціямъ.

Помимо Главнаго Вербовочнаго Бюро были открыты въ армейскомъ раіонѣ еще три вспомогательныхъ: въ городахъ Островѣ, Рѣжицѣ и Двинскѣ.

Затѣмъ еще были открыты въ Прибалтійскомъ Краѣ слѣдующія бюро: въ городахъ; Валкѣ, Юрьевѣ, Ригѣ, Митавѣ, Либавѣ и Ревелѣ.

Начальникомъ всѣхъ вербовочныхъ бюро въ Прибалтійскомъ Краѣ былъ назначенъ Л-Гв. Уланскаго Ея Величества полка ротмистръ фонъ-Адлербергъ.

Кромѣ того были командированы на опредѣленный срокъ для той же цѣли офицеры въ города Вильно, Ковно и Гродно.

Что же касается вербовки въ совѣтской Республикѣ, то она велась секретнымъ порядкомъ и базировалась на оставшихся тамъ сотрудникахъ, при чемъ переправа добровольцевъ оттуда происходила частью при содѣйствіи германцевъ, частью непосредственно черезъ границу, гдѣ посты по прежнему принимали всѣхъ переходящихъ и направляли ихъ въ Главное Вербовочное Бюро.

Въ заключеніе была отправлена въ Германію военная комиссія для вербовки добровольцевъ среди русскихъ военноплѣнныхъ офицеровъ и солдатъ. Эта комиссія состояла изъ четырехъ русскихъ офицеровъ, старшій изъ которыхъ полковникъ баронъ Вольфъ былъ назначенъ ея предсѣдателемъ.

Къ сожалѣнію командировка этой комиссіи не дала никакихъ положительныхъ результатовъ и она скоро прибыла обратно, даже не повидавъ ни

одного военноплѣннаго. Такого рода неудача произошла съ одной стороны потому, что германцы не обезпечили ей полной возможности работать и она встрѣтила много затрудненій, а съ другой стороны потому, что у ея офицерскаго состава не нашлось достаточно энергіи, чтобы преодолѣть возникшія трудности и добиться всетаки желаемаго.

Офицеры комиссіи не прониклись той мыслью, что задача ихъ очень серьозная, далеко нелегкая и совсѣмъ ничего общаго не имѣетъ съ удобной поѣздкой за границу, а потому они, вмѣсто того чтобы добиваться во что бы то ни стало своего, при первой же неудачѣ просто вернулись обратно.

Полковникъ бар. Вольфъ по возвращеніи возмущался, главнымъ образомъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что ихъ въ Берлинѣ въ ресторанѣ встрѣтили болгарскимъ гимномъ, принимая за офицеровъ союзной державы. Положеніе было конечно мало пріятное, но чтобы избѣжать его было бы правильнѣе не ходить въ общественныя мѣста въ офицерской формѣ и тогда не могло бы произойти подобнаго инцидента.

Однако, несмотря на небольшія отклоненія и неудачи, работа по формированію вначалѣ шла вполнѣ гладко и въ короткій срокъ были созданы кадры 1-ой Стрѣлковой добровольческой дивизіи, начальникомъ которой былъ сперва назначенъ генералъ маіоръ Никифоровъ, а затѣмъ Генеральнаго Штаба генералъ маіоръ Симанскій. Дивизія была въ составѣ 3-хъ полковъ 2-хъ батальоннаго состава, при чемъ численность полка достигала до 500 человѣкъ. Полки получили названіе по городамъ, гдѣ они формировались и такимъ образомъ въ 1-ую Стрѣлковую добр. дивизію вошли: 1-ый Стрѣлковый добров. Псковскій полкъ — командиръ полка полковникъ Лебедевъ; 2-ой Стрѣлковый добров. Островскій полкъ — командиръ полка полковникъ Дзерожинскій; 3-ій Стрѣлковый добров. Рѣжицкій полкъ — командиръ полка полковникъ фонъ-Нефъ и двѣ легкія полевыя батареи по 4 орудія въ каждой.

Кромѣ того по частной иниціативѣ были сформированы еще слѣдующіе отряды: Отрядъ Внѣшней Охраны гор. Пскова силою въ 200 человѣкъ подъ командою капитана Мякоша; конный партизанскій отрядъ силою въ 150 коней подъ командою Л-Гв. Уланскаго Ея Величества полка полковника Бибикова (стоянка гор. Островъ) и партизанскій отрядъ полковника Афанасьева силою до 150 человѣкъ (стоянка гор. Рѣжица).

Необходимо отмѣтить, что всѣ части развивались неравномѣрно и ихъ благосостояніе зависѣло исключительно отъ энергіи и изобрѣтательности командира. Если командиръ ожидалъ поступленія въ его часть всего необходимаго путемъ распоряженія Штаба корпуса, то въ виду трудности задачи создавать армію изъ ничего, онъ часто обходился и его часть получала послѣдней. Въ данномъ случаѣ командиръ долженъ былъ примѣниться къ условіямъ формированія и не полагаться всецѣло на высшія инстанціи, а стремиться самому во что бы то ни стало добиться лучшаго.

Вскорѣ послѣ начала формированія изъ совѣтской Россіи перешли: Особый конный отрядъ ротмистра Булакъ Балаховича силою въ 2 дивизіона и Чудская флотилія капитана 2-го ранга Нелидова въ составѣ 3-хъ рѣчныхъ судовъ.

Обстоятельства этого перехода заслуживаютъ вниманія и потому я приведу о немъ разсказъ ротмистра фонъ-Розенбергъ.

»Въ серединѣ октября въ Псковъ перебѣжали поручики Видякинъ и Пермыкинъ. Оба офицера, выполнивъ по прибытіи установленныя формальности, пришли ко мнѣ и разсказали о цѣли своего пріѣзда.

Поручикъ Видякинъ въ Совѣтской Россіи служилъ въ конномъ партизанскомъ отрядѣ ротмистра Булакъ Балаховича, который образовался изъ партизанскаго же отряда Пунина, дѣйствовавшаго противъ германцевъ въ раіонѣ гор. Риги. Во время послѣдняго германскаго наступленія, послѣ Брестъ Литовскаго инцидента съ Троцкимъ, отрядъ Пунина распылился и осталась въ цѣломъ лишь часть его подъ командою ротмистра Булакъ Балаховича. Отступая подъ давленіемъ германцевъ все далѣе и далѣе вглубь страны, отрядъ попалъ въ сферу дѣйствій новообразовавшихся большевистскихъ войскъ и тамъ въ силу сложившихся обстоятельствъ перешелъ на службу совѣтскаго правительства. Однако этотъ переходъ былъ только маневромъ и въ душѣ каждаго офицера и солдата отряда было глубокое желаніе встать, при первой возможности, снова на правильный путь. Узнавъ о началѣ формированія русскихъ добровольческихъ частей въ Псковѣ, отрядъ понялъ, что подходящій моментъ, чтобы покончить со службою у большевиковъ, наступилъ и послѣ обсужденія этого вопроса было рѣшено перейти на сторону Отдѣльнаго Псковскаго добров. корпуса.

Для этого перехода предполагалось использовать назначеніе большевистскаго военнаго командованія на указанный фронтъ и совершить его всѣмъ отрядомъ въ полномъ вооруженіи, обмундированіи, снаряженіи, съ конями и другимъ военнымъ имуществомъ.

Приведеніе этого плана въ исполненіе и было собственно цѣлью прибытія поручика Видякина въ Псковъ, гдѣ онъ долженъ былъ нредупредить командованіе Отд. Псковскимъ добр. корпусомъ, что отрядъ уже находится въ пути къ границѣ и переходъ его можно ожидать со дня на день.»

Поручики Видякинъ и Пермыкинъ произвели на меня очень хорошее впечатлѣніе и я въ нихъ увидѣлъ, почувствовалъ тѣхъ молодыхъ офицеровъ, которые работаютъ идейно, отдавая всѣ свои силы Родинѣ. Ихъ не соблазнила преспектива устроить свою личную жизнь среди общаго горя и ужаса и торговая карьера за прилавкомъ не могла ихъ удовлетворить въ тотъ моментъ, когда кругомъ все пылало и надо было дѣйствовать на свой страхъ и рискъ.

Выслушавъ съ глубокимъ вниманіемъ разсказъ поручика Видякина, я могъ, конечно, только одно отвѣтить, что отрядъ ротмистра Булакъ Балаховича будетъ съ радостью зачисленъ въ ряды «Сѣверной Арміи».

Черезъ два дня послѣ этого разговора на нашу сторону перешли сперва два эскадрона подъ командою подъесаула Пермыкина (брата поручика), а за этими двумя и весь остальной отрядъ подъ командою самого «батьки» Булакъ Балаховича.

Когда ко мнѣ въ кабинетъ вошелъ плотный, средняго роста ротмистръ, съ пятью нашивками на лѣвой рукѣ, говорившихъ о столькихъ же раненіяхъ на полѣ чести, я сразу догадался, что передо мною Булакъ Балаховичъ, который былъ нашимъ героемъ въ эти дни формированія; а когда черезъ нѣсколько дней я увидѣлъ одинъ изъ его эскадроновъ, почищенный, подправленный и съ новыми погонами отряда, то я убѣдился. что это дѣйствительно воинская часть.

Критиковать или вѣрнѣе просто хаить другого очень легко и всегда можно найти недостатки, но, если глубоко вдуматься въ то, что было сдѣлано и при томъ по опредѣленному плану ротмистромъ Булакъ Балаховичемъ, то остается только восхищаться и преклоняться. Ротмистръ свой отрядъ для контръ-революціонныхъ цѣлей формировалъ не за надежнымъ прикрытіемъ какихъ-либо границъ, а въ станѣ враговъ и еще какихъ враговъ! Малѣйшій невѣрный шагъ, легкое замѣшательство и все могло рухнуть, приведя иниціаторовъ къ смертому приговору.

Послѣдующіе руководители русскихъ добровольческихъ частей на сѣверо-западномъ фронтѣ, желавшіе подчиненія своему голому авторитету старшинства, очень часто сѣтовали на Булакъ Балаховича и обвиняли его въ неисполненіи приказаній, но мнѣ кажется, что подобныя жалобы лишь доказываютъ о неумѣніи приказывать. Плохъ тотъ военный началь-

никъ, который жалуется на непослушаніе своихъ подчиненныхъ и этимъ объсняетъ свои неудачи» —, закончилъ разсказъ ротмистръ фонъ-Розенбергъ.

√ Почти одновременно съ переходомъ коннаго отряда ротмистра Булакъ Балаховича, на сторону Отдѣльнаго Псковскаго добров. корпуса перешла также и Чудская флотилія капитана 2-го ранга Нелидова въ составѣ 3-хъ судовъ, которая также была радостно встрѣчена и зачислена въ ряды корпуса.

Эти два перехода отъ большевиковъ сильно подняли духъ корпуса,такъ какъ этотъ фактъ подавалъ надежду, что и въ дальнѣйшемъ такіе переходы будутъ имѣть мѣсто и корпусъ, такимъ образомъ, быстро увеличитъ свой наличный составъ.

√ Съ прибытіемъ этихъ частей общая численность корпуса достигала уже 3500 человѣкъ.

Этотъ періодъ, то есть конецъ октября можно назвать расцвѣтомъ формированія корпуса и настроеніе, а также и обстановка все улучшались, давая радужныя надежды на будущее.

Къ этому времени пріѣхали изъ Петербурга члены монархической организаціи Маркова 2-го во главѣ съ сенаторомъ Андреевскимъ, Панютинымъ и Волковымъ, которые передали ротмистру фонъ-Розенбергъ отъ лица своей партіи глубокую благодарность и земной поклонъ, какъ первому инціатору и организатору русскихъ добровольческихъ частей на сѣверо-западѣ. Вмѣстѣ съ ними прибыли изъ Петербурга же Л-Гв. Семеновскаго полка полковникъ фонъ-Штейнъ (бывшій, какъ указано выше посредникомъ и уполномоченнымъ партіи Маркова 2-го при переговорахъ ротмистра фонъ-Розенбергъ съ гауптманомъ Э. въ Петербургѣ), капитанъ 2-го ранга Столица, Штабсъ ротмистра Андреевскій 1-ый, Андреевскій 2-ой и князь Оболенскій. Новоприбывшие передъ своимъ отъѣздомъ были у генерала Юденича, который одобрилъ ихъ рѣшеніе ѣхать въ Псковъ и просилъ передать ротмистру фонъ-Розенбергъ его благословленіе на дальнѣйшую работу.

Одновременно съ этимъ пришло извѣстіе изъ Кіева, что генералъ графъ Келлеръ согласился принять командованіе «Сѣверной Арміей» и утвержденъ въ этой должности генераломъ Деникинымъ, который, тѣмъ самымъ, призналъ и новую добровольческую русскую часть.

Такъ относились вначалѣ два командующихъ — генералъ Деникинъ и генералъ Юденичъ къ русскому добровольческому формированію, происходившему подъ покровительствомъ Германіи и по этому отношенію нельзя было предполагать, что тѣ же лица, выполняя велѣнія «союзниковъ» дойдутъ впослѣдствіи до такой нетерпимости, что генералъ Юденичъ объявитъ меня за работу съ германцами «измѣнникомъ своего отечества», а генералъ Деникинъ на моемъ докладѣ о формированіи Западной добров. арміи напишетъ: «къ черту Авалова и его нѣмцевъ».

Насколько правильна была подобная фельдфебельская тактика можно уже сейчасъ судить, ибо послѣ того, какъ моя армія была убрана «союзниками» изъ Курляндіи, большевики, избавившись отъ угрозы, быстро прикончили всѣ другіе добровольческіе фронты. На этомъ фактѣ я еще остановлюсь болѣе

Карта 9

Генералъ отъ кавалеріи графъ Келлеръ. Командующій «Сѣверной Арміи», звѣрски убитый одиннадцатью пулями петлюровскими бандами въ гор. Кіевѣ. Во время Европейской Войны командовалъ 3-имъ коннымъ корпусомъ.

Карта 10

Государь Императоръ Николай II на маневрахъ подъ Петербургомъ.

Дорогому другу и единомышленнику князю Павлу Михайловичу Авалову на добрую память о совмѣстной прошлой и въ знакъ будущей работы на пользу дорогой Родины.

Гв. полковникъ фонъ Розенбергъ.

подробно при дальнѣйшемъ изложеніи исторіи формированій на Прибалтійскомъ фронтѣ, а теперь возвращусь снова къ «Сѣверной Арміи»

Вскорѣ пришла телеграмма отъ членовъ Государственной Думы Дерюгина, Лавриновскаго, Горскина, сенатора Туганъ Барановскаго и Ветчинкина, изъ которой опредѣлилось, что указанныя лица образовали при Командующемъ «Сѣверной Арміи» генералѣ графѣ Келлеръ Совѣтъ Обороны сѣверо-западной области. Въ телеграммѣ было требованіе немедленно выслать въ разпоряженіе «Совѣта Обороны» 300000 марокъ-рублей, якобы для организаціи на югѣ бюро по вербовкѣ офицеровъ и добрвольцевъ въ «Сѣверную Армію».

Деньги были высланы въ Кіевъ и тамъ переданы члену Государственной Думы Горскину, но никакихъ бюро открыто не было, а также не было отправлено и ни одного офицера и добровольца, такъ какъ прибывшіе въ «Сѣверную Армію» Валынскій добр. стрѣлковый полкъ силою въ 150 человѣкъ, подъ командою Генеральнаго Штаба подполковника Вѣтренко и Ярославскій стрѣлковый добр. полкъ силою въ 50 человѣкъ, были отправлены изъ Кіева мною, какъ это было указано выше, на средства вербовочнаго бюро «Южной Арміи».

Интересно было бы узнать на какую организацію употребилъ присланныя деньги пресловутый «Совѣть Обороны сѣверо-западной области?»

Въ результатѣ все постепенно выяснялось и налаживалось: такъ съ пріѣздомъ членовъ монархической партіи Маркова 2-го установилась прочная связь съ таковой; пришло извѣстіе отъ генерала графа Келлеръ о его согласіи принять командованіе и одновременно было получено признаніе «Сѣверной Арміи» генераломъ Деникинымъ; наконецъ снова проявили жизнь гонцы — члены Государственной Думы.

Въ этотъ моментъ, когда политическая и военная работа начала пріобрѣтать опредѣленныя формы и впереди уже появились перспективы скораго осуществленія всего задуманнаго плана, спокойно сидѣвшіе бывшіе люди различныхъ классовъ, чиновъ и профессій зашевелились и заторопились также пристроиться къ дѣлу, опасаясь остаться за флагомъ въ минуту, когда рѣшалась судьба Россіи. Всѣ эти лица теперь тоже одобряли и сочувствовали начатому дѣлу и якобы всегда были того же мнѣнія, что намъ необходимо въ работѣ по возстановленію нашей Родины опереться на германцевъ.

Другими словами, когда все наладилось, тогда появилось много желающихъ работать, но начинать и принимать отвѣтственность сперва никто не хотѣлъ и предпочиталъ выждать. Вотъ эта то отличительная черта всѣхъ бывшихъ людей вездѣ проходила яркою полосою и была одной изъ причинъ всевозможныхъ неудачъ. Получалась такая картина: бывшихъ людей звали, упрашивали они всегда отказывались подъ благовидными предлогами и выжидали, затѣмъ, когда все начиналось и дѣлалось молодыми силами на свой страхъ и рискъ, тогда появлялись они и требовали себѣ мѣстъ руководителей, но имъ, естественно, отказывали и они, оскорбленные, принимались мелко мстить, вредя общему дѣлу злыми интригами и гнусными сплетнями.

Въ этотъ періодъ интенсивной и, можно смѣло сказать дружной работы, по созданію «Сѣверной Арміи» нельзя обойти молчаніемъ оригинальный и въ то же время весьма практическій способъ формированія добровольческой части, который былъ примѣненъ поручикомъ Пермыкинымъ.

Надо сказать, что въ совѣтской Россіи было очень много желающихъ поступить въ ряды Отдѣльнаго Псковскаго добров. Корпуса, особенно среди крестьянъ селеній, расположенныхъ вблизи границы. Къ ротмистру фонъ-Розенбергъ довольно часто приходили оттуда гонцы и чуть ли не на колѣняхъ просили его помочь имъ перебраться сюда. Оказывается, что большевики тоже производили мобилизацію Красной Арміи и молодежь, скрываясь отъ нея, бродила по лѣсамъ, ожидая движенія впередъ добровольцевъ. По словамъ этихъ гонцовъ, если бы мы продвинулись за станціи Торошино и Карамышево, то нашли бы тамъ большое количество крестьянской молодежи, которой было бы достаточно, чтобы пополнить составъ Отдѣльнаго Псковскаго добров. корпуса до его штатовъ. Ротмистръ фонъ-Розенбергъ, докладывая Начальнику Штаба объ этомъ, неоднократно выражалъ пожеланіе сдѣлать набѣгъ на пограничныя мѣста, но Командующій корпусомъ генералъ Вандамъ стоялъ за планомѣрную и закономѣрную работу и на подобный рискъ не соглашался.

Однако насколько этотъ взглядъ Командующаго былъ въ данномъ случаѣ ошибочнымъ и какихъ результатовъ могъ бы достигнуть корпусъ при своемъ продвиженіи впередъ, вполнѣ ясно характеризуется набѣгомъ на Талабскіе острова, произведеннымъ поручикомъ Пермыкинымъ.

Одни изъ гонцовъ, именно съ Талабскихъ острововъ, находящихся на Псковскомъ озерѣ и изнывающихъ подъ большевистскимъ игомъ, попали къ поручику Пермыкину, который, выслушавъ разсказъ объ ихъ печальномъ положеніи, рѣшилъ пойти навстрѣчу ихъ просьбамъ и помочь имъ освободиться отъ большевистскаго властвованія. Разработавъ планъ экспедиціи-набѣга на острова и подобравъ себѣ помощниковъ, поручикъ явился въ Штабъ корпуса, чтобы испросить у Командующаго разрѣшеніе привести въ исполненіе операцію. Генералъ Вандамъ, соглашаясь въ принципѣ со всѣми доводами, все же не рѣшился на этотъ набѣгъ, объясняя свой отказъ соглашеніемъ съ германцами, который обязывалъ до опредѣленнаго времени не открывать военныхъ дѣйствій противъ большевиковъ. Послѣ долгаго уговора генералъ Вандамъ обѣщалъ не препятствовать, но подъ условіемъ, что онъ ничего объ организаціи набѣга не знаетъ и что весь рискъ этого предпріятія ,такимъ образомъ, ляжетъ исключительно на поручика Пермыкина.

Такого рода отвѣтственность конечно не остановила предпріимчиваго поручика и онъ, послѣ короткихъ сборовъ, во главѣ со своими помощниками — около 15-ти человѣкъ, на другой же день рано утромъ выѣхалъ на одномъ изъ пароходовъ Чудской флотиліи на Талабскіе острова.

Захватъ острововъ произошелъ безъ затрудненій и былъ собственно произведенъ самими мѣстными крестьянами, которые, вооружившись привезеннымъ оружіемъ, образовали сейчасъ же небольшой отрядъ подъ командою поручика Пермыкина и его помощниковъ. Комиссары почти всѣ были арестованы и повѣшены, послѣ чего все населеніе, могущее носить оружіе, пожелало вступить въ ряды Отдѣльнаго Псковскаго добров. корпуса и у поручика Пермыкина образовалась весьма значительная добровольческая часть силою до одного батальона пѣхоты.

Эта новая боевая единица вошла въ составъ корпуса и отличалась за все время своего существованія (впослѣдствіи, какъ Талабскій стрѣлковый добров. полкъ въ Сѣверо-западной арміи генерала Юденича) неизмѣнной доблестью и вѣрностъю.

Этотъ примѣръ ясно подвердилъ ошибочность взглядовъ Командующаго. Онъ не сумѣлъ оцѣнить обстановки и использовать ее въ своихъ цѣляхъ, а между тѣмъ уже вполнѣ опредѣленно стало обрисовываться, что пополнить корпусъ до штата добровольцами изъ оккупированныхъ областей врядъ ли удастся. Кромѣ того уже чувствовалось, что въ германскихъ войскахъ не все обстоитъ благополучно и что неудачи на западномъ фронтѣ сильно отразились на ихъ духѣ и дисциплинѣ.

Все это вмѣстѣ взятое должно было бы обратить вниманіе русскаго добровольческаго командованія, но къ сожалѣнію эти событія остались безъ соотвѣтствующей оцѣнки и германская революція явилась полною неожиданностью для корпуса.

Съ момента торжества революціи въ Германіи, то есть съ 9-го ноября 1918 года, дѣло съ формированіемъ рѣзко измѣнилось къ худшему и корпусу приходилось переживать тяжелые дни. Трудность положенія еще болѣе увеличивалась непопулярностью Командующаго корпусомъ среди офицеровъ и особенно среди офицеровъ отряда Булакъ Балаховича, которые критиковали дѣятельность генерала Вандама и обвиняли его въ недостаткѣ рѣшительности.

Неудовольствіемъ воспользовались заинтересованныя въ этомъ лица.

Для большой ясности картины необходимо нѣсколько вернуться назадъ и указать, что Гагенъ послѣ своего посѣщенія «казино», гдѣ онъ былъ встрѣченъ русскими офицерами весьма холодно, совершенно стушевался и открыто не выступалъ, но въ то же время продолжалъ свою работу и ежедневно посѣщалъ германское посольство въ Псковѣ, а также германское учрежденіе подъ названіемъ «Auslandshilfsstelle», начальникомъ котораго былъ гауптманъ Паризели.

Съ пріѣздомъ въ городъ Псковъ членовъ монархической организаціи Маркова 2-го во главѣ съ сенаторомъ Андреевскимъ, Гагенъ усилилъ свою дѣтельность и обратился къ ротмистру фонъ-Розенбергъ съ просьбою познакомить его съ этими лицами, объясняя свое желаніе необходимостью для пользы дѣла соединить его монархическую группу, имѣющую молодыхъ энергичныхъ дѣятелей и деньги съ монархической организаціей Маркова 2-го, располагающей дѣятелями съ извѣстными именами.

Эту просьбу Гагена, безъ всякихъ коментаріевъ, ротмистръ передалъ сенатору Андреевскому, Панютину и Волкову, которые отъ этого знакомства опредѣленно отказались. При этомъ они посовѣтовали ему быть осторожнымъ съ Гагеномъ, такъ какъ у нихъ якобы имѣются вполнѣ точныя свѣдѣнія, что онъ состоитъ на службѣ германскаго политическаго отдѣла по вопросамъ информаціи о настроеніи среди русскихъ дѣятелей и русскаго общества. Однако они просили все это оставить въ тайнѣ и отказъ въ аудіенціи объяснить ихъ отъѣздомъ въ гор. Гельсинфорсъ, куда они дѣйствительно вскорѣ и выѣхали. Кромѣ того тѣ же лица, а также Л-Гв. Коннаго полка полковникъ фонъ-Вааль

подтвердили, что Гагенъ былъ финансовымъ комиссаромъ у большивиковъ въ 1-омъ Россійскомъ страховомъ обществѣ.

Самъ Гагенъ также не отрицалъ своей дѣятельности у большевиковъ, но объяснялъ ее исключительно желаніемъ получить необходимыя средства для контръ революціонныхъ цѣлей. Послѣднее ему и удалось сдѣлать путемъ «соціализаціи» 8-ми милліоновъ рублей, послѣ чего онъ покинулъ постъ финансоваго комиссара, образовалъ монархическую группу и вошелъ въ связь съ германскими властями въ Петербургѣ, съ которыми и продолжаетъ работать.

Не достигнувъ никакихъ результатовъ въ попыткѣ своей сблизиться съ монархической организаціей Маркова 2-го, Гагенъ обратилъ свой взоръ на отрядъ Булакъ Балаховича, въ пользу котораго въ городѣ Псковѣ онъ устроилъ благотворительный вечеръ, чѣмъ и пріобрѣлъ его симпатіи.

Гагенъ былъ недоволенъ генераломъ Вандамъ, который не принималъ его и не хотѣлъ слушать его совѣтовъ, а потому онъ воспользовался настроеніемъ офицеровъ отряда Булакъ Балаховича и предложилъ имъ сдѣлать переворотъ, цѣлью котораго было устраненіе генерала Вандамъ отъ должности командующаго корпусомъ и назначеніе на таковую ротмистра Булакъ Балаховича съ предоставленіемъ послѣднему еще болѣе расширенныхъ диктаторскихъ полномочій.

Осуществленію этого переворота помогъ случай съ генераломъ Вандамъ. Онъ, возвращаясь 15-го ноября съ ужина въ отрядѣ Булакъ Балаховича, гдѣ его слишкомъ усиленно чествовали, зашелъ на семейный вечеръ въ «Пушкинскій домъ»[1] и тамъ своимъ поведеніемъ далъ поводъ къ разговорамъ о его несоотвѣтствіи должности командующаго корпусомъ. На другой день весь городъ говорилъ о происшедшемъ событіи, при чемъ было, какъ всегда, много всевозможныхъ прикрасъ.

Германскіе офицеры для связи при корпусѣ вмѣстѣ съ нѣкоторыми офицерами отряда Булакъ Балаховича пришли въ Штабъ корпуса и тамъ въ присутствіи коменданта гор. Пскова полковника фонъ-Штейнъ и Оберъ-Квартирмейстера ротмистра фонъ-Розенбергъ, объяснивъ случай въ «Пушкинскомъ домѣ», отказались дальше работать съ генераломъ Вандамъ, при чемъ добавили, что они считаютъ польнымъ для дѣла назначить командующимъ корпусомъ ротмистра Булакъ Балаховича и что сегодня, въ 12 часовъ дня, въ одной изъ гостиницъ Пскова, состоится общее собраніе всѣхъ офицеровъ, которые вынесутъ это постановленіе.

Полковникъ фонъ-Штейнъ и ротмитръ фонъ-Розенбергъ заявили, что подобное общее собраніе офицеровъ, имѣющее своей цѣлью судить, смѣщать и назначать своихъ начальниковъ, является революіоннымъ актомъ и совершенно недопустимо въ дисциплинированныхъ войскахъ, что конечно должно бытъ хорошо извѣстно, какъ русскимъ такъ и германскимъ офицерамъ.

Прибывшіе сейчасъ же согласились съ этимъ, добавивъ, что общее собраніе было постановлено созвать лишь потому, что другого способа выйти изъ создавшейся обстановки не было.

[1] «Пушкинскимъ домомъ» называлось Дворянское собраніе въ гор, Псковѣ.

Объ этомъ инцидентѣ полковниками фонъ-Штейнъ, Бибиковымъ и фонъ-Нефъ было доложено начальнику дивизіи генералу Симанскому, какъ старшему въ чинѣ изъ всѣхъ имѣющихся на лицо русскихъ генераловъ въ Псковѣ. На совмѣстномъ совѣщаніи генерала Симанскаго и полковниковъ было рѣшено: 1) не допустить собранія офицеровъ и 2) доложить генералу Вандамъ создавшуюся обстановку и предоставить ему самому разрѣшить этотъ вопросъ.

Въ гостиницу были посланы два офицера Штаба, которые и возвращали всѣхъ по домамъ, сообщая, что собраніе отмѣнено.

Что же касается доклада командующему, то онъ въ той формѣ, въ которой предполагался, состояться не могъ, такъ какъ это сдѣлали. по собственной инціативѣ, два племянника генерала Вандамъ — подъесаулъ и поручикъ Пермыкины.

Генералъ Вандамъ, ознакомившись съ положеніемъ и посовѣтовавшись съ генераломъ Симанскимъ, отдалъ приказъ, въ которомъ объявилъ, что онъ по болѣзни покидаетъ свой постъ и назначаетъ впредь до прибытія генерала графа Келлеръ своимъ замѣстителемъ командира 3-го Рѣжицкаго стр. добр. п. полковника фонъ-Нефъ.

Вмѣстѣ съ генераломъ Вандамъ ушелъ и Начальникъ Штаба генералъ Малявинъ, а потому ротмистру фонъ-Розенбергъ было приказано вступить въ исполненіе должности Начальника Штаба.

Такимъ образомъ былъ разрѣшенъ этотъ печальный инцидентъ, въ заключеніе котораго необходимо отмѣтить, что созывъ собранія офицеровъ въ гостиницѣ, на которомъ должны были провозгласить ротмистра Булакъ Балаховича командующимъ корпусомъ, было дѣломъ рукъ Гагена, принимавшаго во всемь этомъ живѣйшее участіе и игравшаго роль руководителя. Кромѣ того слѣдуетъ указать, что самъ ротмистръ Булакъ Балаховичъ не принималъ никакого участія и былъ противъ назначенія его командующимъ корпусомъ, о чемъ онъ совершенно открыто и заявилъ. Старались же провести его въ командующіе нѣкоторые изъ офицеровъ ,надѣясь, что съ этой перемѣной измѣнится и ихъ положеніе къ лучшему и имъ удастся играть руководящую ролъ.

Ко времени ухода генерала Вандамъ пріѣхали изъ Кіева Дерюгинъ и Лавриновскій, которые при свиданіи съ командующимъ заявили ему, что они, вмѣстѣ съ оставшимися въ Кіевѣ Туганъ Барановскимъ, Горскинымъ и Ветчинкинымъ, являются «Совѣтомъ Обороны сѣверозападной области» и что этотъ совѣтъ признанъ генераломъ графомъ Келлеръ, какъ высшій органъ управленія. Къ этому заявленію генералъ Вандамъ отнесся весьма скептически и предложилъ имъ выждать пріѣзда генерала графа Келлеръ, который и опредѣлитъ ихъ права и обязанности.

Послѣ переворота они изъявили желаніе возобновить переговоры съ новымъ командующимъ полковникомъ фонъ-Нефъ и ихъ секретарь фонъ-Дитмаръ сообщилъ объ этомъ Начальнику Штаба, при чемъ передалъ послѣднему для ознакомленія договоръ «Совѣта Обороны» съ генераломъ графомъ Келлеръ, который состоялъ болѣе чѣмъ изъ 20-ти отдѣльныхъ пунктовъ. Вниманія заслуживаютъ тѣ пункты, которые окончательно связывали

власть командующаго арміей и превращали его въ игрушку самозваннаго «Совѣта». Въ этихъ пунктахъ стояло: 1) командующій арміей назначается и смѣняется распоряженіемъ «Совѣта»; 2) назначенія на высшія командныя должности также дѣлаются съ вѣдома и согласія «Совѣта»; 3) всѣ денежныя средства находятся въ распоряженіи «Совѣта» и отпускаются имъ по мѣрѣ надобности командующему; 4) организація административнаго и гражданскаго управленія областью всецѣло находится въ рукахъ «Совѣта» и. т. д.

Короче говоря на долю командующаго не было оставлено ни одной функціи, гдѣ бы онъ могъ дѣйствовать вполнѣ самостоятально.

Начальникъ Штаба доложилъ командующему о желаніи «Совѣта Обороны» переговорить съ нимъ, но новый командующій уклонился отъ этой бесѣды, предложивъ также всѣ переговоры отложить до пріѣзда генерала графа Келлеръ.

Въ частномъ разговорѣ съ фонъ-Дитмаръ Начальникъ Штаба вполнѣ открыто заявилъ, что первымъ его ходатайствомъ у генерала графа Келлеръ будетъ просьба разорвать этотъ договоръ, который генералъ могъ подписать только будучи въ заблужденіи о дѣйствительныхъ полномочіяхъ, вошедшихъ въ «Совѣтъ», лицъ[1].

На этомъ временно и закончилась исторія съ «Совѣтомъ Обороны», которая является довольно характерной въ жизни добровольческихъ формированій,какъ показатель непремѣннаго желанія политическихъ дѣятелей захватить всю полноту власти въ свои руки.

Капитанъ фонъ-Дитмаръ, разочаровавшись въ своей дѣятельности на должности секретаря злополучнаго «Совѣта Обороны», вошелъ въ связь съ Гагеномъ и имъ удалось заручиться довѣріемъ полковника фонъ-Нефъ, который назначилъ ихъ представителями отъ корпуса въ городскую финансовую комиссію, образованную съ цѣлью установить основанія, на которыхъ должны были быть выпущены уже напечатанные 50-ти рублевые кредитные билеты Областного Псковскаго казначейства за подписью генерала Вандамъ.

Назначивъ фонъ-Дитмаръ и Гагена финансовыми представителями, командующій подписалъ нѣсколько бумагъ, которыя давали имъ право на сборъ всевозможныхъ пожертвованій въ пользу арміи чуть ли ни во всѣхъ городахъ Россійской Имперіи.

Выпущенные вскорѣ кредитные билеты открыли имъ широкое поле дѣятельности и они начали производить съ ними весьма смѣлыя, если не сказать большаго, финансовыя операціи, которыя вызвали силное недовольство жителей города Пскова.

Работать становилось все труднѣе и труднѣе, появлялось масса различныхъ препятствій, которыя путали всѣ планы и вносили невообразимый хаосъ.

Однимъ изъ самыхъ главныхъ препятствій было невыполненіе германцами условія о передачѣ военнаго и гражданскаго управленія армейскимъ раіономъ русскимъ властямъ, что повлекло за собою полнѣйшій безпорядокъ во внутенномъ управленіи и парализовало всякую возможность провести необходимыя

[1] Въ Кіевѣ я стоялъ очень близко къ генералу гр. Келлеръ, но никогда не слышалъ отъ него объ этомъ злополучномъ договорѣ, а потому предполагаю, что онъ является вымысломъ.

мѣры для обороны области, какъ напримѣръ мобилизацію, отобраніе оружія у ненадежнаго населенія, ареста мѣстныхъ большевиковъ и. т. п.

Германцы, всѣдствіе разыгравшейся у нихъ революціи, уже не были въ состояніи поддерживать порядокъ, но въ то же время не рѣшались передать всю полноту власти русскимъ добровольческимъ организаціямъ и потому вездѣ царило безвластіе.

По той же причинѣ не удалось провести въ жизнь предполагаемой организаціи генералъ-губернаторства во главѣ съ генераломъ Симанскимъ, въ вѣдѣніе котораго отошли бы всѣ вопросы военно-административнаго характера, которые перегружали работу Штаба корпуса и не давали ему возможности заниматься своимъ прямымъ исключительно военнымъ дѣломъ.

Только наканунѣ катастрофы, то есть 25-го ноября германцы согласились наконецъ передать гражданское управленіе русскимъ властямъ и потому командующій корпусомъ назначилъ члена Государственной Думы барона А. А. Криднеръ Струве губернаторомъ армейскаго раіона.

Одновременно шло разложеніе германскихъ частей, которому способствовало отсуствіе прочной связи съ Германіей, слѣдствіемъ чего явились различные свѣдѣнія и слухи, волновавшіе солдатъ.

Германскіе солдаты приняли видъ нашихъ «товарищей» временъ Керенскаго, устраивали митинги и готовы были поближе познакомиться съ большевиками, пропаганда которыхъ велась совершенно открыто.

Образовавшіеся совѣты германскихъ солдатъ (Soldatenrat) вмѣшивались во всѣ дѣла и въ частности въ дѣло формированія корпуса, при чемъ въ зависимости отъ настроенія, то хотѣли во всемъ оказывать корпусу содѣйствіе, то запрещали отпускать ему продовольствіе, снаряженіе и вооруженіе. Командующему корпусомъ и Начальнику Штаба приходилось постоянно разговаривать съ членами солдатскаго совѣта и уговаривать ихъ не препятствовать формированію.

Въ общемъ у германцевъ начался тотъ же революціонный хаосъ, который былъ хорошо извѣстенъ каждому русскому — всѣ были начальниками и ни одного подчиненнаго, а потому, естественно, некому было исполнять приказаній.

Обстановка складывалась такъ, что конечно и думать было нечего продолжать формированіе корпуса на прежнихъ основаніяхъ и надо было бы ликвидировать все дѣло, если бы не было надежды продолжать его при помощи союзниковъ.

Къ этому времени были получены свѣдѣнія, что въ Ревель и Либаву прибыли англійскія эскадры и поэтому отъ корпуса туда немедленно были отправлены депутаціи во главѣ съ полковникомъ фонъ-Вааль и подполковникомъ барономъ Розенъ для представленія доклада о создавшейся обстановкѣ и съ просьбою оказать быстрое содѣйствіе.

Кромѣ того было получено извѣстіе изъ Кіева ,что генералъ графъ Келлеръ вмѣстѣ со значительной группой офицеровъ, выѣхалъ въ городъ Псковъ и его прибытія надо ожидать со дня на день.

Эти надежды поддерживали энергію начальниковъ и они удерживали всѣхъ

на своихъ мѣстахъ, хотя, по правдѣ сказать, корпусъ положительно висѣлъ въ воздухѣ и былъ окруженъ со всѣхъ сторонъ революціоннымъ элементомъ.

Германскія власти были безсильны и не могли справиться со своимъ хаосомъ, который неожиданно создала разыгравшаяся у нихъ революція. Имъ уже было не до насъ и они сами стояли передъ тѣми же событіями, которыя разыгрались въ Россіи.

Однако полученныя свѣдѣнія оказались невѣрными, хотя и имѣли подъ собою нѣкоторое основаніе.

Какъ было выяснено впослѣдствіи англійская эскадра находилась въ это время въ Скагеракскомъ проливѣ и занималась тамъ вылавливаніемъ минъ, а доблестный генералъ графъ Келлеръ, идеалъ воина рыцаря, наканунѣ предполагаемаго отъѣзда въ Псковъ, былъ звѣрски убитъ петлюровскими бандами.

Между тѣмъ германскіе солдаты стали самостоятельно уѣзжать на родину и наконецъ 21-го ноября всѣ пограничныя германскія войска отошли вглубь страны, открывъ, тѣмъ самымъ, свободный доступъ большевикамъ за границу.

Этимъ конечно не замедлили воспользоваться большевики, которые уже съ 1-го ноября начали усиленно сосредотачивать свои красныя войска въ раіонъ ст. Торошино, Карамышево и гор. Себежа.

Отдѣльныя небольшія болшевистскія части перешли границу 22-го ноября и вступили въ перестрѣлку съ партизанскими отрядами полковника Бибикова въ раіонѣ гор. Острова и полковника Афанасьева въ раіонѣ гор. Себежа. Пріѣхавшіе въ Штабъ корпуса отъ этихъ отрядовъ офицеры донесли, что большевистскія банды отражены, но что въ то же время необходима поддержка, такъ какъ фронтъ слишкомъ великъ и удержать его не подъ силамъ партизанскимъ отрядамъ, окруженнымъ еще кромѣ того мѣстнымъ, большевистски настроеннымъ, населеніемъ.

Помочь къ сожалѣнію было нечѣмъ и приходилось только подбадривать. Напротивъ обстановка складывалась такъ, что пришлось, вслѣдствіе недостатка силъ, отказаться отъ обороны всего армейскаго раіона и сконцентрировать всѣ части на фронтѣ гор. Пскова и Острова, для чего въ послѣдній былъ переведенъ 3-ій Рѣжицкій стрѣлковый добров. полкъ, стоявшій раньше въ гор. Рѣжицѣ.

III.

КРИЗИСЪ АРМІИ.

24-го ноября въ Штабѣ корпуса были получены свѣдѣнія, что большевики, закончивъ сосредоточеніе своихъ красныхъ войскъ въ раіонѣ ст. Торошино и Карамышево, рѣшили предпринять утромъ 26-го наступленіе на городъ Псковъ. Изъ подслушаннаго телефоннаго разговора комиссаровъ картина всего предполагаемаго наступленія большевиковъ была для Штаба вполнѣ ясна.

Въ указанномъ выше раіонѣ большевиками было сосредоточено 12000 красныхъ войскъ, съ однимъ полкомъ кавалеріи, при четырехъ батареяхъ (одна тяжелая) артиллеріи и нѣсколькихъ десятковъ пулеметовъ. Кромѣ того были обнаружены два блиндированныхъ поѣзда на ст. Торошино и Карамышево, а также нѣсколько бронированныхъ автомобилей.

Наступленіе главныхъ силъ намѣчалось по шоссе Торошино—Псковъ, причемъ еще раньше, возможно даже ночью, по желѣзнодорожной линіи въ томъ же направленіи долженъ былъ выдвинуться блиндированный поѣздъ, которому въ случаѣ удачи надлежало ворватсья въ городъ и создать тамъ замѣшательство и безпорядокъ. Впереди главныхъ силъ, въ видѣ авангарда, предполагалось пустить нѣсколько бронированныхъ автомобилей съ кавалеріей.

Кромѣ наступленія главныхъ силъ можно было предполагать, что большевики направятъ еще двѣ колонны отъ ст. Карамышево и отъ разъѣзда №3 въ обходъ нашего праваго и лѣваго фланговъ.

Одновременно съ этимъ донесеніемъ развѣдовательнаго отдѣленія Штаба были получены дополнительныя свѣдѣнія отъ партизанскихъ ортядовъ полковниковъ Бибикова и Афанасьева. Въ раіонѣ гор. Острова показались лишь незначительныя силы большевиковъ, съ которыми весьма удачно продолжаетъ бороться партизанскій отрядъ Бибикова, что же касается раіона гор. Себежа, то тамъ дѣло обстояло много хуже, какъ такъ большевики, сосредоточивъ значительныя силы, перешли въ наступленіе и принудили партизанскій отрядъ Афанасьева отойти къ гор. Рѣжицѣ, при чемъ полковникъ доносилъ, что германскія части, бросивъ свои имущество и обозы, безъ боя отступили вглубь страны.

Такимъ образомъ весь большевистскій фронтъ зашевелился и готовъ былъ ринуться впередъ. Толчкомъ для этого послужило очищеніе демаркаціонной линіи германскими войсками и начавшееся въ нихъ разложеніе, о которомъ большевики безусловно имѣли самыя точныя свѣдѣнія.

Положеніе создавалось очень тяжелое.

О вышеизложенномъ Начальникъ Штаба корпуса доложилъ Командующему и сообщилъ черезъ офицеровъ связи германскому командованію въ Псковѣ.

По приказанію Командующаго 25-го ноября было собрано высшее военное совѣщаніе, на которомъ присутствовали: Командующій корпусомъ, Начальникъ Штаба, командиры отдѣльныхъ частей, начальникъ штаба германской дивизіи и германскіе офицеры для связи при корпусѣ.

Начальникъ Штаба корпуса сдѣлалъ докладъ о создавшейся обстановкѣ и о полученныхъ свѣдѣніяхъ предполагаемаго большевистскаго наступленія, послѣ чего начался обмѣнъ мнѣній и доклады начальниковъ отдѣльныхъ частей о наличномъ числѣ людей въ ихъ частяхъ и объ степени ихъ пригодности къ бою.

Заслуживаетъ вниманіе заявленіе Н-ка Штаба германской дивизіи гауптмана Бизе, который, несмотря на свершившійся уже фактъ перехода границы большевиками и нападенія ихъ на германскія части, выразилъ сомнѣніе въ возможности наступленія со стороны большевиковъ, пока здѣсь еще находятся германскія войска.

«Отдѣльныя банды на свой страхъ и рискъ», добавилъ онъ, «могли перейти границу, но организаваннаго наступленія по приказанію свыше быть не можетъ».

При этомъ гауптманъ Бизе указалъ на дѣйствительно происшедшій случай, когда штабомъ корпуса недѣлю тому назадъ были получены аналогичныя свѣдѣнія о наступленіи большевиковъ, но затѣмъ эти свѣдѣнія не подтверди-

лись и сводный русско-германскій отрядъ, высланный тогда на рекогносцировку, не встрѣтивъ противника въ нейтральной зонѣ, благополучно вернулся обратно. Поэтому и въ данномъ случаѣ онъ видитъ повтореніе прошлаго и считаетъ, что ничего угрожающаго, что могло бы потребовать экстернныхъ мѣръ, пока еще нѣтъ.

Вслѣдствіе вышеизложеной точки зрѣнія германскаго командованія было рѣшено оставить всѣ части, обозы и имущество на прежнихъ мѣстахъ, то есть въ городѣ и не переводить ихъ за рѣку Великую, какъ это предлагалъ сдѣлать Начальникъ Штаба корпуса. Для того же, чтобы противникъ, рѣшивъ всетаки наступать, не засталъ бы части врасплохъ, было постановлено принять совмѣстно слѣдующія мѣры предосторожности:

1) немедленно выслать отрядъ въ 150 человѣкъ подъ командою капитана Клевана въ направленіи на ст. Торошино, по шоссе черезъ село Черняковцы, гдѣ будто бы уже происходила выгрузка бронированныхъ автомобилей. Отряду было поставлено задачей произвести рекогносцировку въ указанномъ направленіи и въ случаѣ сосредоточенія большевиковъ въ нейтральной зонѣ, взорвать желѣзнодорожный мостъ между ст. Торошино и гор. Псковомъ, испортить въ нѣсколькихъ мѣстахъ шоссе и, преградивъ тѣмъ самымъ движеніе блиндированнаго поѣзда и бронированныхъ автомобилей, задерживать наступленіе противника до прибытія нашихъ главныхъ силъ;

2) на другой день, то есть 26-го ноябрая въ 6 час. утра выступали главныя силы въ составѣ 1-го добр. Стрѣлкового Псковскаго полка, Волынскаго добр. стрѣл. полка, Отряда Внѣшней Охраны гор. Пскова, Особаго коннаго отряда ротмистра Булакъ Балаховича и др. — всего силою около 600 человѣкъ пѣхоты, 360 всадниковъ, 8-ми пулеметовъ и 2-хъ полевыхъ орудій, подъ общею командою командира Волынскаго полка Генеральнаго Штаба подполковника Вѣтренко. Главнымъ силамъ было приказано достигнуть селенія Кресты, что въ четырехъ верстахъ юго-восточнѣе гор. Пскова и, сосредоточившись тамъ, ждать выясненія дальнѣйшей обстановки;

3) одновременно съ выступленіемъ главныхъ силъ высылается офицерскій разъѣздъ силою въ 10 коней отъ ортяда Булакъ Балаховича въ направленіе на селеніе Череха и далѣе до ст. Карамышево. Задача разъѣзда наблюденіе за этимъ нашимъ флангомъ;

4) охрана проволочнаго загражденія, идущаго полукругомъ въ 2-хъ верстахъ отъ гор. Пскова, поручалась германскимъ войскамъ, которыя занимаютъ посты съ вечера 25-го ноября;

5) германскія же войска занимаютъ всѣ посты, выдвинутые къ сѣверу отъ гор. Пскова по восточному берегу рѣки Великой и берутъ на себя оборону и обезпеченіе нашего лѣваго фланга;

6) внутренняя охрана города возлагалась на германскія войска и на вооруженныхъ по daіонамъ гражданъ подъ командою офицеровъ.

Начальникомъ Штаба корпуса было сдѣлано указаніе на необходимость еще выслать офеицерскій разъѣздъ по направленію на желѣзнодорожный разъѣздъ № 3, что сѣверо-восточнѣе Пскова, но это предложеніе было отклонено за недостаткомъ силъ.

Изъ состава русскихъ добровольческихъ войскъ въ Псковѣ оставался Штабъ корпуса, обозы и 90 всадниковъ Особаго Коннаго отряда подъ командою подъесаула Пермыкина, который за три дня передъ этимъ былъ назначенъ полицмейстеромъ гор. Пскова.

Отряду Талабскихъ острововъ было дано знать объ общей обстановкѣ и приказано держать связь съ ближайшими германскими войсками.

При распредѣленіи задачъ между русскими и германскими частями выяснилось, что у германцевъ совершенно нѣтъ артиллеріи и кавалеріи, которыя были уже отправлены изъ гор. Пскова и потому пришлось два орудія русской батареи придать германскимъ частямъ, занимавшимъ проволочное загражденіе.

Этотъ фактъ произвелъ на всѣхъ присутствующихъ на военномъ совѣщаніи очень непріятное впечатлѣніе, тѣмъ болѣе, что наканунѣ германскіе офицеры для связи увѣряли Н-ка Штаба корпуса, что ихъ артиллерія и кавалерія никуда еще не отправлена (Начальникъ Штаба имѣлъ обратныя свѣдѣнія, а потому и сдѣлалъ этотъ запросъ). На этомъ военное совѣщаніе было закончено.

Нѣсколько времени спустя въ Штабъ корпуса пришло свѣдѣніе, что германскіе солдаты волнуются и что ихъ настроеніе таково, что на нихъ нельзя надѣяться, а потому Н-къ Штаба корпуса рѣшилъ лично переговорить съ предсѣдателемъ и членами совѣта, чтобы выяснить ихъ дѣйствительное состояніе.

Около 12-ти часовъ ночи было созвано общее собраніе выборныхъ отъ ротъ и командъ, на которомъ выступилъ съ объясненіемъ обстановки гауптманъ Бизе. Онъ и тамъ продолжалъ увѣрять, что полученныя свѣдѣнія невѣрны и что поэтому безпокоиться совершенно нѣтъ причины, такъ какъ большевики никогда не рѣшатся на наступленіе противъ германскихъ войскъ.

Члены солдатскаго совѣта сдѣлали предложеніе немедленно выѣхать на ст. Торошино для переговоровъ, но гауптманъ Бизе это предложеніе отклонилъ.

Выборные отъ ротъ и командъ заявили, что части обороняться будутъ, но наступать безусловно отказываются. На этомъ собственно и было закрыто собраніе.

Впечатлѣніе отъ всего слышаннаго на собраніи было оченъ скверное, слишкомъ ужъ все это было похоже на наше революціонное время, когда наши солдаты тупо твердили, что они согласны лишь обороняться, совершенно не понимая, что пассивная оборона безъ частичнаго наступленія является съ военной точки зрѣнія дѣломъ абсурднымъ и заранѣе обреченнымъ на гибель.

При создавшейся обстановкѣ конечно наилучшимъ рѣшеніемъ было бы сосредоточеніе всѣхъ частей корпуса въ гор. Псковѣ и затѣмъ отходъ ихъ до выясненія положенія за рѣку Великую, оставивъ впереди лишь развѣдку, но такой образъ дѣйствій былъ совершенно исключенъ. Германцы были противъ него и никогда не согласились бы на это ,пока ихъ войска оставались на своихъ мѣстахъ. Русскій добровольческій корпусъ былъ необходимъ германскому командованію, какъ арьергардъ, подъ прикрытіемъ котораго они собирались совершить свой отходъ на новую демаркаціонную линію, а потому они, ссылаясь на невозможность бросить гор. Псковъ со всѣми его жителями большевикамъ, отказывали даже въ переводѣ Штаба корпуса въ гор. Рѣжицу.

Городъ Рѣжица, какъ было упомянуто выше, намѣчался еще раньше мѣстомъ для Штаба корпуса, какъ наиболѣе отдаленный отъ границы, населенный пунктъ. Помимо этого за Рѣжицей былъ расположенъ гор. Двинскъ — русская крѣпость-складъ, а потому и въ этомъ отношеніи указанный раіонъ являлся наиболѣе удобнымъ для формированія и сосредоточенія русскихъ добровольческихъ частей, но тогда маіоръ фонъ-Тресковъ, выполняя велѣнія своего командованія, имѣвшаго особые виды на Курляндію, отклонилъ этотъ проэктъ.

26-го ноября около 8-ми час. утра Командующій корпусомъ вмѣстѣ съ Н-комъ Штаба и германскими офицерами для связи выѣхалъ на автомобилѣ къ главнымъ силамъ, отъ начальника которыхъ полковника Вѣтренко было уже получено донесеніе, что наступленіе противника обнаружено и что онъ самъ также переходитъ въ контръ-наступленіе.

По пріѣздѣ на мѣсто Командующій выслушалъ подробный докладъ подполковника Вѣтренко о положеніи на фронтѣ, которое въ общемъ сводилось къ слѣдующему: высланная накунунѣ развѣдка подъ командою капитана Клевана наткнулась на значительно превосходящія ее силы противника и съ боемъ была вынуждена къ отступленію, но въ настоящее время, поддержанная главными силами, остановила движеніе большевиковъ, удачно дѣйствуя пулеметнымъ огнемъ; желѣзнодорожный путь между ст. Торошино и гор. Псковъ взорванъ, но есть донесеніе о движеніи блиндированнаго поѣзда отъ ст. Карамышево, вслѣдствіе чего въ этомъ направленіи, для обезпеченія нашего праваго фланга, высланъ отрядъ Булакъ Балаховича.

Послѣднія свѣдѣнія скоро получили подтвержденіе на дѣлѣ и блиндированный поѣздъ большевиковъ не замедлилъ о себѣ дать знать, осыпавъ группу начальниковъ нѣсколькими очередями гранатъ и шрапнелей.

Положеніе создавалось тяжелое, такъ какъ корпусъ находился еще въ періодѣ формированія, былъ малочисленъ и въ техническомъ отношеніи совершенно необорудованный и ему многаго еще не доставало, чтобы дѣйствительно представлять изъ себя боеспособную часть.

Большинство людей было не обмундировано, вооруженіе требовало ремонта, чувствовался недостатокъ въ патронахъ, не было полевыхъ телефоновъ, санитарныхъ частей, обозовъ и. т. д.

Однако, несмотря на все это, удалыя дѣйствія пулеметнымъ огнемъ броневой команды и энергичное контръ-наступленіе Волынскаго добров, полка, заставили большевиковъ прекратить наступленіе и временно на фронтѣ установилось затишье.

Въ виду этого Командующій корпусомъ, Н-къ Штаба и германскіе офицеры для связи возвратились въ гор. Псковъ, еще надѣясь, что большевики, встрѣтивъ упорное сопротивленіе русскихъ и германскихъ войскъ, пріостановятъ дальнѣйшее наступленіе и вернутся на свое исходное положеніе.

Связь Штаба корпуса съ главными силами поддерживалась при помощи городского телефона, имѣвшаго соединеніе съ селеніемъ Кресты.

Около $11^1/_2$ час. дня Командующій снова выѣхалъ на фронтъ къ главнымъ силамъ, оставивъ Н-ка Штаба въ городѣ, гдѣ положеніе сильно измѣнилось къ худшему, благодаря носившимся слухамъ о намѣреніи германскихъ войскъ отступить безъ боя,

Эти слухи, по провѣркѣ ихъ оказались дѣствительностью и къ $12^1/_2$ час. дня въ Штабъ пришло извѣстіе, что отъ желѣзнодорожнаго разъѣзда № 3 двигается большевистская колонна и что германскія войска, занимавшія посты по восточному берегу рѣки Великой безъ боя отходятъ оттуда, совершенно обнажая этимъ нашъ лѣвый флангъ. Кромѣ того стало извѣстнымъ, что германскія части, охранявшія проволочное загражденіе и посты въ городѣ,

покинули свои мѣста и уже съ 11-ти час. утра находятся въ состояніи безпорядочнаго отступленія.

Обо всемъ этомъ Н-къ Штаба хотѣлъ доложить по телефону Командующему, находившемуся еще при главныхъ силахъ, но телефонное сообщеніе оказалось прерваннымъ и добиться соединенія не было никакой возможности.

Одновременно съ этимъ мѣстные большевики, вооруженные купленными у германскихъ солдатъ винтовками и пулеметами, которые послѣдніе продавали кому угодно, засѣли въ домахъ, расположенныхъ по улицамъ, ведущимъ къ проѣзжему мосту черезъ рѣку Великую и открыли огонь изъ оконъ по отступающимъ германцамъ. Вскорѣ за этимъ начался обстрѣлъ города тяжелыми орудіями артиллеріи большевиковъ.

Н-къ Штаба, желая возстановить прерванную связь съ главными силами, послалъ коннаго вѣстового къ полицмейстеру города подъесаулу Пермикину съ приказаніемъ немедленно прислать въ распоряженіе Штаба 10 всадниковъ, изъ числа оставшихся подъ его командою. Однако подъесаулъ не исполнилъ этого приказанія, отвѣтивъ, что не имѣетъ возможности, благодаря создавшейся обстановки въ городѣ, удѣлить хотя бы одного человѣка.

Н-къ Штаба снова послалъ вѣстового къ подъесаулу Пермыкину со слѣдующимъ приказаніемъ:

Подъесаулу Пермыкину.

Вторично приказываю Вамъ немедленно выслать въ мое распоряженіе 10 всадниковъ, изъ числа находящихся подъ Вашею командою. Въ случаѣ неисполненія этого повторнаго приказанія будете отрѣшенны отъ должности и преданы военно-полевому суду.

Кромѣ того приказываю Вамъ съ оставшимися 80-ю всадниками въ кратчайшій срокъ занять проѣзжій мостъ черезъ рѣку Великую и о занятіи его донести мнѣ.

«26» ноября 1918 года
гор. Псковъ.
$12^1/_2$ час. дня.

И. д. Начальника Штаба корпуса
Гв. ротмистръ фонъ-Розенбергъ

Посланный возвратился и доложилъ, что приказанія онъ передать не могъ, такъ какъ подъесаулъ Пермыкинъ со всѣмъ своимъ отрядомъ, за десять минутъ до его прибытія, выѣхалъ въ направленіи къ проѣзжему мосту на рѣкѣ Великой.

По провѣркѣ этого донесенія было получено подтвержденіе, что отрядъ подъесаула Пермыкина дѣйствительно имѣлъ намѣреніе пройти къ мосту, но встрѣченный на базарной площади пулеметнымъ огнемъ изъ оконъ расположенныхъ тамъ домовъ, въ безпорядкѣ разсыпался по сосѣднимъ улицамъ, а затѣмъ, собравшись, поспѣшно отошелъ къ желѣзнодорожному мосту.

Одновременно въ Штабъ пришло свѣдѣніе, что и германскія части, пытавшіяся пройти черезъ мостъ, были тоже встрѣчены пулеметнымъ огнемъ на той же площади и, понеся значительныя потери, отошли, оставивъ тамъ убитыми одного офицера и нѣсколько солдатъ.

Такимъ образомъ положеніе Штаба корпуса, не имѣвшаго, вслѣдствіе перерыва телефонной связи, никакихъ свѣдѣній отъ главныхъ силъ и оставленнаго единственной боеспособною частью — отрядомъ подъесаула Пермыкина, было, при создавшейся обстановкѣ, болѣе, чѣмъ трагическое. Н-къ Штаба приказалъ

всѣмъ офицерамъ и добровольцамъ, оставшимся еще въ гор. Псковѣ, явиться вооруженными винтовками въ помѣщеніе Штаба и около $3^1/_2$ час. дня туда собралось 40 человѣкъ.

Къ этому времени было получено извѣстіе, что и на правомъ флангѣ, гдѣ дѣйствовали главныя силы корпуса, большевики прорвались къ городу и двигаются уже по его предмѣстью, откуда въ подтвержденіе этого свѣдѣнія, слышалась усиленная ружейная и пулеметная перестрѣлка. Впослѣдстіи удалось выяснить, что въ этотъ моментъ большевики дѣйствительно вошли въ городъ и небольшая ихъ часть появилась даже на Кохановскомъ бульварѣ, въ то время, какъ другая, большая направилась къ вокзалу съ цѣлью занять его и, тѣмъ самымъ, отрѣзать отступленіе добровольцамъ и германскимъ войскамъ. Однако, находящаяся тамъ въ ожиданіи поѣзда, долженствующаго отвести ихъ на родину, германская рота не пожелала отдать свою свободу и, отклонивъ предложеніе большевиковъ о сдачѣ оружія, вступила съ ними въ бой. Уступая значительно въ численности врагу, германцы понесли большія потери, но ихъ упорное сопротивленіе такъ напугало большевиковъ, что они пріостановили свое движеніе въ городъ и рѣшились занять его окончательно лишь на другой день съ разсвѣтомъ. Такимъ образомъ эта рота сыграла роль арьергарда и прикрыла своими энергичными дѣйствіями отходъ русскихъ и германскихъ тыловыхъ учрежденій и частей, которыя въ противномъ случаѣ были бы захвачены внезапно ворвавшимся врагомъ.

Получивъ свѣдѣнія объ окруженіи города большевиками и объ отходѣ германскихъ частей, Н-къ Штаба съ оставшимися людьми также рѣшилъ отойти въ предмѣстье за рѣки Великую, гдѣ онъ предполагалъ еще разъ попытаться возстановить связь съ главными силами, а потому двинулся съ собравшейся командою офицеровъ и добровольцевъ на проѣзжій мостъ, но не черезъ площадь, а вдоль берега. Однако и здѣсь путь оступленія былъ отрѣзанъ и едва команда приблизилась къ мосту, какъ была оттуда встрѣчена сильнымъ пулеметнымъ и ружейнымъ огнемъ и, потерявъ двухъ добровольцевъ, была вынуждена, отстрѣливаясь, оттойти въ боковую улицу. Попытка переправиться черезъ желѣзнодорожный мостъ также успѣхомъ не увѣнчалась и высланные туда, два всадника вскорѣ вернулись обратно, доложивъ, что и тамъ они были остановлены ружейнымъ огнемъ. Тогда было рѣшено итти на переѣздъ, находящійся между двумя указанными мостами и тамъ начать переправу на лодкахъ, если послѣднія конечно окажутся на лицо, въ противномъ же случаѣ разойтись въ разныя стороны и затѣмъ въ одиночку, по собственной иниціативѣ, выбираться изъ города.

Было уже около 6-ти час. вечера и стало совершенно темно, когда команда подошла къ переѣзду, гдѣ застала германскую роту, уже начавшую переправу на другой берегъ. Н-къ Штаба вошелъ въ соглашеніе съ командиромъ роты, чтобы въ послѣдующія лодки садились бы пополамъ русскіе и германцы.

Переправа, благодаря наступившей темнотѣ, прошла незамѣченной и вполнѣ благополучно, если не считать того, что 5-ая по порядку лодка, наткнувшись вблизи берега на одну изъ плавающихъ, значительной величины, льдинъ, опрокинулась и сидѣвшіе въ ней были вынуждены принять довольно холодную ванну.

Н-къ Штаба, вмѣстѣ съ только что назначеннымъ губернаторомъ области, барономъ Крюденеръ Струве, полковникомъ барономъ Вольфъ,двумя офицерами и четырьмя добровольцами, переправился послѣднимъ на другой берегъ и тамъ хотѣлъ снова собрать команду. Однако чины команды, переправившіеся раньше, несмотря на приказаніе ждать сбора всѣхъ, сейчасъ же разбрелись въ разныя стороны и тамъ, кромѣ германцевъ никого не оказалось.

Тогда вышеуказанныя лица рѣшили двинуться пѣшкомъ на гор. Изборскъ, куда они и прибыли около 1 часу ночи. Отъ Изборска еще функціонировала желѣзная дорога, а потому тамъ они сѣли въ воинскій поѣздъ, который въ 3 часа ночи, подъ обстрѣломъ мѣстныхъ большевистскихъ бандъ, отошелъ въ направленіи на гор. Верро—Валкъ—Ригу.

Прибывъ на другой день 27-го ноября въ 5 час. вечера въ гор. Валкъ, Н-къ Штаба, оставивъ своихъ спутниковъ, пожелавшихъ ѣхать дальше въ гор. Ригу, рѣшилъ остановиться тамъ, чтобы съ помощью, имѣющагося въ городѣ, отдѣленія вербовочнаго бюро корпуса и германскихъ военныхъ властей возстановить связь съ главными силами и выяснить ихъ судьбу.

Въ Валкѣ уже было много чиновъ Отдѣльнаго Псковскаго добров. корпуса, главнымъ образомъ изъ состава Штаба и всевозможныхъ тыловыхъ командъ, которые предусмотрительно покинули Псковъ еще утромъ 26-го ноября. Тамъ же находилась и большая часть развѣдовательнаго отряда, высланнаго наканунѣ боя, то есть 25-го ноября въ нейтральную зону подъ командою капитана Клевана.

Изъ доклада капитана Клевана выяснилось, что главныя силы корпуса, подъ натискомъ превосходящихъ силъ противника, были вынуждены уже въ 1 часъ дня отойти черезъ желѣзнодорожный мостъ на другой берегъ рѣки Великой, при чемъ гор. Псковъ пришлось миновать, такъ какъ между нимъ и боевой частью прорвались большевики и заняли его предмѣстье. Командующій корпусомъ рѣшилъ всетаки попробовать вернуться въ городъ и выѣхалъ на автомобилѣ съ подполковникомъ инженерныхъ войскъ по шоссе, идущему отъ мѣстечка Кресты въ Псковъ, но вблизи переѣзда черезъ желѣзнодорожную линію, большевики встрѣтили его ружейнымъ огнемъ, которымъ былъ убитъ шоферъ и тяжело раненъ подполковникъ. Самому Командующему удалось чудомъ избѣгнуть той же участи и, скрывшись, снова присоединиться къ отступающимъ частямъ корпуса.

Н-къ Штаба, вызвавъ завѣдующаго вербовочнымъ бюро подпоручика Бауеръ, отправился вмѣстѣ съ нимъ къ мѣстнымъ германскимъ военнымъ властямъ, которыя, по его просьбѣ, отвели сейчасъ же гостиницу для прибывающихъ офицеровъ и помѣщеніе (спортиваный манежъ) для добровольцевъ, а также взяли, до выясненія положенія корпуса, всѣхъ людей на свое довольствіе. Затѣмъ они по телефону запросили А. О. К. 8[1], находящееся въ гор. Ригѣ, относительно русскаго корпуса и получили оттуда приказаніе передать Командующему и Н-ку Штаба, что, для выясненія дальнѣйшей судьбы корпуса, желательно ихъ немедненное прибытіе въ гор. Ригу. Что же касается настоящаго положенія, то А. О. К. 8 считаетъ, что русскому корпусу лучше всего выбрать мѣстомъ своего сосредоточенія раіонъ Верро-Валкъ.

[1] Командованіе 8ой германской арміи.

Объ изложенномъ Н-къ Штаба сообщилъ Командующему телеграммой, посланной черезъ мѣстный германскій штабъ и кромѣ того тотъ же штабъ далъ аналогичныя исптрукціи начальникамъ германскихъ командъ, находящихся на станціяхъ желѣзнодорожной линіи Изборскъ—Валкъ.

Послѣ этого Н-къ Штаба, назначивъ комендантомъ гор. Валка капитана Клевана и давъ ему письменное приказаніе немедленно приступить къ формированію сводной роты изъ бывшихъ тамъ офицеровъ и добровольцевъ, а также и другія указанія, выѣхалъ въ гор. Ригу, куда и прибылъ 29-го ноября.

На другой денъ онъ отправился въ Штабъ А. О. К. 8, начальникъ котораго подполковникъ Генеральнаго Штаба Франтцъ заявилъ, что съ момента отхода русскаго корпуса изъ Псковской Области, германское командованіе болѣе не заинтересовано въ его судьбѣ и потому отказывается отъ дальнѣйшей поддержки его всѣмъ необходимымъ. На возраженія ротмистра фонъ-Розенбергъ по этому поводу и указанія его на тяжелое положеніе русскихъ частей, попавшихъ въ таковое не по ихъ винѣ, а въ силу сложившейся обстановки и полнаго разложенія германской арміи, подполковникъ Франтцъ отвѣтилъ, что онъ все это оченъ хорошо учитываетъ, но помочь не можетъ, ибо военное командованіе, благодаря революціи, потеряло всякую власть, а новое соціалистическое правительство самымъ категорическимъ образомъ потребовало прекращенія дальнѣйшей поддержки русскаго добровольческаго корпуса.

«Конечно все, что будетъ въ нашихъ силахъ», — добавилъ онъ, — «мы военные сдѣлаемъ частнымъ порядкомъ и постараемся найти выходъ для корпуса изъ создавшихся тяжелыхъ условій, но оффиціально наша совмѣстная работа должна считаться законченной и объ этомъ я обязанъ былъ Васъ предупредить».

Послѣ этого разговора ротмистръ прошелъ въ кабинетъ завѣдующаго политическимъ отдѣломъ штаба А. О. К. 8 маіора фонъ-Тресковъ, у котораго встрѣтилъ всѣхъ германскихъ офицеровъ, бывшихъ для связи при корпусѣ въ Псковѣ.

Изъ бесѣды съ ними выяснилось, что правительство Эстоніи согласно принять русскій корпусъ на свою службу и что поэтому они съ нетерпѣніемъ ждутъ пріѣзда Командующаго, чтобы сообщить ему это предложеніе и посовѣтовать принять его, ибо другого выхода нѣтъ. На замѣчаніе ротмистра, что это предложеніе врядъ ли устроитъ корпусъ, такъ какъ базироваться на Ревель ненадежно и въ случаѣ наступленія большевиковъ, онъ будетъ припертъ къ морю и обреченъ на гибель, они отвѣтили, что все это справедливо, но однако ничего другого предложить не могутъ. Отступать на Ригу и затѣмъ на Митаву-Либаву, по ихъ словамъ, было совершенно невозможно, ибо латышское правительство не желаетъ принимать русскій корпусъ.

Оставивъ вопросъ о судьбѣ корпуса открытымъ до пріѣзда Командующаго, было однако рѣшено образовать при Штабѣ А. О. К. 8 ликвидаціонное отдѣленіе по дѣламъ Отдѣльнаго Псковскаго добров. корпуса, начальникомъ котораго былъ назначенъ маіоръ фонъ-Клейстъ, а сотрудниками остальные германскіе офицеры, бывшіе для связи при Штабѣ корпуса въ Псковѣ. Такого рода отдѣленіе было большимъ удобствомъ при всѣхъ тѣхъ вопросахъ, которые возникали все время и требовали быстраго проведенія ихъ въ жизнь.

1-го декабря утромъ прибылъ въ гор. Ригу Командующій корпусомъ полковникъ фонъ-Нефъ и, выслушавъ подробный докладъ Н-ка Штаба обо всемъ происшедшемъ, въ свою очередь передалъ ему всѣ свои, касающіяся отхода корпуса, свѣдѣнія.

Согласно этимъ общимъ даннымъ части корпуса послѣ своего отхода расположились такъ: 1-ый добр. стрѣл. Псковскій полкъ, 2-ой добр. стрѣл. Островскій полкъ, 3-ій добр. стрѣл. Рѣжицкій полкъ и партизанскій отрядъ Бибикова въ раіонѣ гор. Верро; Особый конный отрядъ Булакъ Балаховича и отрядъ Внѣшней Охраны гор. Пскова капитана Мякоша между гор. Верро и Печорами; отрядъ Талабскихъ островов подъ командою поручика Пермыкина, высадившись въ раіонѣ гор. Юрьева съ судовъ Чудской флотиліи, шелъ на присоединеніе къ ротмистру Булакъ Балаховичу; Добр. стрѣл. Волынскій полкъ и различныя другія команды подъ общимъ командованіемъ подполковника Вѣтренко въ раіонѣ гор. Верро; партизанскій отрядъ Афанасьева отступалъ на Крейцбургъ; части Штаба, тыловыя команды и развѣдовательный отрядъ капитана Клевана въ гор. Ригѣ и Валкѣ.

Отступленіе главныхъ силъ произошло такъ, какъ это уже докладывалъ капитанъ Клеванъ; что же касается частей корпуса, находившихся въ гор. Островѣ, то есть 2-го Островскаго, 3-го Рѣжицкаго полковъ и отряда полковника Бибикова, то они отошли оттуда почти безъ боя и по пути соединились съ главными силами корпуса.

Общее состояніе частей было очень печальное. Добровольцы были необмундированы, безъ снаряженія, безъ достаточнаго количества боевыхъ припасовъ и въ большинствѣ случаевъ безъ обоза.

Въ ящикѣ корпусного казначея оказались лишь кредитные билеты Областного Псковскаго казначейства на общую сумму 200553 рубля, то есть другими словами почти ничего, ибо эти деньги были дѣйствительны только въ своей области и въ Ригѣ на денежномъ рынкѣ не котировались, а въ частной продажѣ евреи предлагали за нихъ по 10 копѣекъ за рубль.

Денежный ящикъ былъ спасенъ капитаномъ 2-го ранга Столицей, капитаномъ Янсеномъ, штабсъ ротмистромъ Андреевскимъ, поручикомъ Ковалевскимъ и корнетомъ Ковалевскимъ, которые, доставивъ его въ гор. Ригу, сдали всѣ деньги Н-ку Штаба. Ящикъ былъ переданъ Н-ку Штаба въ открытомъ видѣ, что и было засвидѣтельствовано соотвѣствующей роспиской вышеуказанныхъ лицъ (приложеніе № 1).

Населеніе городовъ и деревень раіона Печоры — Юрьевъ и Верро—Валкъ было большевистски настроено и потому относилось къ частямъ корпуса враждебно, дѣлая нападенія на одиночныхъ людей и небольшія группы, отбившіяся отъ своихъ отрядовъ.

Потери корпуса были въ общемъ незначительныя и, главнымъ образомъ, были понесены отдѣльными людьми, отъ нападенія мѣстныхъ большевистскихъ бандъ въ дереваняхъ и городахъ. Такъ погибли: начальникъ особаго отдѣла капитанъ Тарановскій и полковникъ инженерныхъ войскъ Андреевъ.

Все это вмѣстѣ взятое создавало очень тяжелое положеніе и необходимо было быстро найти какой-нибудь выходъ, который далъ бы возможность нѣ-

сколько передохнуть и привести корпусъ въ порядокъ. Вотъ почему Командующій, ознакомившись съ общей обстановкою и предложеніемъ Эстонскаго правительства, рѣшилъ за неимѣніемъ ничего лучшаго пока принципіально согласиться на него и, тѣмъ самымъ, выиграть время до выясненія результатовъ переговоровъ съ англичанами, прибытіе эскадры которыхъ ожидалось со дня на день.

Послѣ совмѣстныхъ совѣщаній съ германцами было рѣшено, что Командующій корпусомъ вмѣстѣ съ оберъ-квартирмейстеромъ Штаба ротмистромъ Гоштовтомъ выѣдетъ немедленно въ гор. Ревель для ознакомленія съ условіями перехода корпуса на службу къ Эстонскому правительству, а также для подписанія съ нимъ договора.

Начальникъ Штаба корпуса оставался, согласно предписанію Командующаго, (приложеніе № 2) въ гор. Ригѣ для ликвидаціи дѣла съ германскимъ командованіемъ.

Передъ отъѣздомъ Командующаго корпусомъ, ротмистръ фонъ-Розенбергъ доложилъ ему, что онъ, какъ Начальникъ Штаба, считаетъ переходъ корпуса на службу Эстонской республики и отходъ на Ревель весьма рискованнымъ, такъ какъ, въ случаѣ наступленія большевиковъ въ направленіи на Крейцбургъ—Рига и по соединительной желѣзнодорожной вѣткѣ Альтшванебургъ—Рамоцкое, корпусъ отрѣзался отъ единственнаго пути отступленія и обрекался на гибель. Вотъ почему онъ полагаетъ необходимымъ во что бы то ни стало добиться соглашенія съ Латышскимъ правительствомъ и отступать на Ригу—Митаву.

Если же Командующій, всетаки, рѣшитъ принять предложеніе эстонцевъ, то онъ, не имѣя никакого нравственнаго права брать на себя отвѣтственность за операцію, обреченную уже впередъ по его мнѣнію на неудачу, проситъ освободить его отъ должности Начальника Штаба.

Командующій отвѣтилъ, что онъ вполнѣ согласенъ съ этими доводами, но въ виду того, что другого выхода нѣтъ, онъ всетаки хочетъ попытаться выйти изъ создавшагося положенія соглашеніемъ съ эстонцами, предварительно обезпечивъ корпусу отступленіе изъ Ревеля морскимъ путемъ на Финляндію. Однако, если ротмистру удастся добиться соглашенія съ Латышскимъ правительствомъ, то онъ конечно предпочтетъ отступать на Ригу, а потому онъ поручаетъ ему, сейчасъ же послѣ его отъѣзда, начать переговоры съ латышами и о результатахъ немедленно донести.

На этомъ, до выясненія дальнѣйшей обстановки, вопросъ о судьбѣ корпуса былъ законченъ и Командующій перешелъ къ обсужденію ближайшихъ задачъ, требовавшихъ быстраго разрѣшенія ихъ и проведенія въ жизнь.

Одной изъ самыхъ трудныхъ задачъ было урегулированіе денежной стороны корпуса, наличность казначейства котораго, какъ было указано выше, заключалась въ 200553 рубляхъ Псковской области. Эти деньги не принимались населеніемъ и потому офицеры и добровольцы, получившіе свое жалованіе этими рублями, фактически ничего не могли себѣ купить на нихъ и были, такимъ образомъ, поставлены въ очень тяжелое положеніе.

Расчитывать на скорую получку денегъ отъ Эстонскаго правительства врядъ

ли было возможно, а потому Командующій приказалъ Н-ку Штаба обратиться въ германское командованіе съ просьбою выдать нѣкоторую сумму денегъ, необходимую корпусу, чтобы просуществовать до получки аванса изъ новаго денежнаго источника.

Раіономъ сосредоточенія частей корпуса былъ оставленъ прежній, то есть раіонъ окрестностей гор. Валка, который былъ удобнымъ для продолженія отступленія въ обоихъ направленіяхъ и на Ригу и на Ревель.

Для поддержанія связи съ корпусомъ и для установленія порядка во время сосредоточенія войскъ, въ Валкъ былъ командированъ съ особыми инструкціями и полномочіями корпусного коменданта подполковникъ фонъ-Бревернъ.

Начальникомъ надъ всѣми находившимися въ Ригѣ офицерами и добровольцами, исключая конечно чиновъ Штаба, былъ назначенъ полковникъ Родзянко.

Въ виду того, что впослѣдствіи полковникъ Родзянко былъ однимъ изъ главныхъ печальныхъ дѣятелей Сѣверо-западной арміи я считаю необходимымъ нѣсколько остановиться на немъ и разсказать болѣе подробно его карьеру на поприщѣ добровольческаго движенія.

Владѣя весьма значительнымъ имѣніемъ недалеко отъ Риги, полковникъ Родзянко во время большевистскаго переворота и вообще въ періодъ смуты въ самой Россіи, оставался въ Прибалтійскомъ Краѣ, который находился подъ прикрытіемъ германскихъ оккупаціонныхъ войскъ.

Въ концѣ октября, то есть во время расцвѣта формированія русскаго добровольческаго Псковскаго корпуса, когда слухи о его успѣхахъ разнеслись далеко за предѣлы его раіона, полковникъ, опасаясь остаться за флагомъ въ рѣшительный моментъ судьбы Россіи, рѣшилъ что ему пора принять участіе въ дѣлѣ и потому отправился, въ сопровожденіи Н-ка рижскаго вербовчнаго бюро капитана Гершельмана, въ гор. Псковъ.

Тамъ онъ, явившись въ Штабъ корпуса, выразилъ пожеланіе переговорить съ Командующимъ генераломъ Вандамъ, которому онъ имѣетъ будто бы сдѣлать очень важное и цѣнное предложеніе. Какое это было предложеніе и насколько оно было цѣнно выяснилось только при вторичномъ посѣщеніи полковника гор. Пскова въ періодъ командованія корпусомъ полковника фонъ-Нефъ, тогда же онъ послѣ бесѣды съ генераломъ Вандамъ былъ въ оченъ скверномъ настроеніи духа и сейчасъ же еще въ Штабѣ началъ критиковать все дѣло, называя его авантюрой.

По его словамъ офицеры и солдаты корпуса — оборванцы съ распущеннымъ видомъ, что многихъ офицеровъ онъ видѣлъ торгующими за прилавкомъ; штабъ ничего не знаетъ, германскіе офицеры для связи — мальчишки, командующій и его Н-къ Штаба канцелярскія крысы, Балаховичъ — разбойникъ и. т. д.

Конечно офицеры штаба на этотъ потокъ хуленія разошедшагося критика возражали, указывая, что нѣкоторые недочеты при формированіи въ настоящій тяжелый моментъ естественно должны быть, но что со временемъ все это сгладится, когда будетъ налаженъ, хотя бы временный, государственный аппаратъ. Пока же корпусъ виситъ въ воздухѣ и напрягаетъ всѣ усилія, чтобы встать на твердую почву и долгъ каждаго истиннаго русскаго помочь въ этой работѣ по мѣрѣ своихъ силъ.

Однако полковника Родзянко убѣдить въ чемъ-либо даже вполнѣ очевидномъ было довольно трудно и онъ продолжалъ увлекаться своей критикой.

Особенно полковника волновалъ ротмистръ Булакъ Балаховичъ, тріумфъ перехода котораго не давалъ ему спокойствія и онъ потому рѣшилъ развѣнчать героя, разсказывая, что Балаховича онъ зналъ еще раньше во время войны и при томъ съ плохой стороны.

Въ подтвержденіе этой характеристики онъ привелъ одинъ случай, имѣвшій будто бы мѣсто во время отступленія, послѣ революціи, нашихъ войскъ изъ подъ Риги, гдѣ полковникъ Родзянко временно командовалъ бригадою 17-ой кавалерійской дивизіи. Тогда ротмистръ Булакъ Балаховичъ, попавъ случайно со своимъ партизанскимъ отрядомъ въ расположеніе 17-ой кавалерійской дивизіи, ночевалъ вмѣстѣ съ полковникомъ, передъ которымъ якобы хвастался своимъ геройствомъ, но затѣмъ, когда Родзянко предложилъ ему утромъ произвести развѣдку, то Булакъ Балаховичъ скрылся.

Этимъ разсказомъ полковникъ хотѣлъ скомпрометировать ротмистра Булакъ Балаховича, но цѣли своей не достигъ, такъ какъ всѣ отлично понимали, кто въ настоящій моментъ стоитъ выше: тотъ ли, кто спокойно сидѣлъ въ своемъ имѣніи, защищенный германскими штыками или тотъ, кто съ громаднымъ рискомъ формировалъ свой отрядъ въ станѣ враговъ.

Тогда въ первый свой пріѣздъ полковникъ Родзянко, повидимому не встрѣтивъ сочувствія у генерала Вандамъ къ своимъ желаніямъ, громогласно заявлялъ, что онъ въ авантюрѣ участвовать не хочетъ, а потому уѣзжаетъ во свояси. Такимъ образомъ его вторичный пріѣздъ былъ совершенно неожиданнымъ, хотя и объяснялся очень просто. Новый Командующій корпусомъ былъ его товарищемъ по пажескому корпусу, а новый Н-къ Штаба сослуживцемъ по 1-ой Гвардейской Кавалерійской дивизіи и поэтому полковникъ Родзянко расчитывалъ, что теперь онъ будетъ имѣть успѣхъ при осуществленіи своихъ плановъ.

Эти планы или вѣрнѣе желанія выражались въ слѣдующемъ: полковникъ непремѣнно хотѣлъ командовать стрѣлковыми батальонами (русскимъ, нѣмецкимъ и латышскимъ), формировавшимися въ гор. Ригѣ и для этого настаивалъ на производствѣ его въ генералы, зачисленіи на должность генерала для порученій при Штабѣ «Сѣверной Арміи» и на командированіи его въ гор. Ригу съ опредѣленнымъ приказомъ принять командованіе стрѣлковыми батальонами.

Первый командующій генералъ Вандамъ отказалъ въ этомъ, будучи вообще противъ производства и не желая вмѣшиваться въ дѣло назначенія командира стрѣлковыми батальонами въ Ригѣ, однако полковникъ фонъ-Нефъ не устоялъ подъ натискомъ полковника Родзянко и въ частной бесѣдѣ далъ ему свое согласіе, о чемъ и поставилъ въ извѣстность на другой день 24-го ноября Н-ка Штаба.

Н-къ Штаба сдѣлаль по этому поводу слѣдующій докладъ: 1) производство въ генералы командующимъ въ чинѣ полковника не считаетъ вообще удобнымъ и къ тому же нѣтъ никакой причины такого производства, то есть отличія; 2) назначеніе для порученій встрѣчаетъ затрудненіе, такъ какъ въ короткій срокъ, со времени ухода генерала Вандамъ, принято новыхъ три

штабъ офицера для порученій и четыре оберъ офицера, что при желаніи новаго Командующаго сократить число чиновъ штаба является полнымъ противорѣчіемъ;3) назначать командиромъ стрѣлковыхъ батальоновъ, формирующихся въ Ригѣ и неподчиненныхъ командованію Отдѣльнаго Псковскаго добр. корпуса врядъ ли будетъ тактичнымъ шагомъ.

Въ виду этихъ соображеній Н-къ Штаба предложилъ Командующему производство въ слѣдуюшіе чины вообще оставить до пріѣзда генерала графа Келлеръ, который въ этомъ вопросѣ дастъ свое заключеніе, а полковника Родзянко, зачисливъ въ Отд. Псковскій добр. корпусъ, командировать въ Ригу съ предписаніемъ, въ которомъ выразить что съ цѣлью объединить всѣ формированія въ Прибалтикѣ, желательно назначеніе его командиромъ стрѣлковыми батальонами.

Командующій согласился съ докладомъ, но не счелъ удобнымъ отказать полковнику Родзянко въ производствѣ и потому рѣшилъ его всетаки произвести, основываясь на томъ, что представленіе его въ генералы было сдѣлано еще прежнимъ его начальствомъ при Временномъ Правительствѣ.

Полковникъ Родзянко уѣхалъ 24-го ноября обратно въ Ригу, получивъ предписаніе съ полномочіемъ вести переговоры съ англичанами, если они наконецъ прибудутъ (приложеніе № 3) и предписаніе съ пожеланіемъ объединитъ подъ его начальствомъ стрѣлковые батальоны въ Ригѣ (приложеніе № 4).

Повидимому Командующій передалъ ему соображенія и докладъ Н-ка Штаба потому что онъ, придя за бумагами къ ротмистру фонъ-Розенбергъ, недовольнымъ тономъ замѣтилъ, что не ожидалъ отъ сослуживца по дивизіи такого недоброжелательнаго отношенія.

Почему справедливыя соображенія ротмистра и его докладъ, какъ Н-ка Штаба, полковникъ Родзянко рѣшилъ разсматривать, какъ недоброжелательство, является вопросомъ, который можетъ быть разрѣшенъ исключительно психикой послѣдняго.

Черезъ день послѣ этого, то есть 26-го ноября произошла, какъ было указано выше, катастрофа и корпусъ подъ натискомъ противника вынужденъ былъ отойти въ раіонъ Валкъ-Верро. При такихъ обстоятельствахъ очередной приказъ по Отдѣльному Псковскому добр. корпусу на 26-ое ноября не былъ выпущенъ и собственно приказа о производствѣ полковника Родзянко въ генералы не было.

По прибытіи въ гор. Ригу, Н-къ Штаба узналъ, что стрѣлковыми батальонами, вслѣдстіе измѣнившейся общей обстановки, назначенъ командовать германскій Штабъ-офицеръ и что полковникъ Родзянко по этому поводу выразилъ въ очень рѣзкой формѣ германцамъ свое неудовольствіе.

Въ частной бесѣдѣ съ Командующимъ ротмистръ высказалъ, что въ назначеніи германскаго маіора командовать стрѣлковыми батальонами, а также въ нежеланіи, чтобы Отд. Псковскій добр. корпусъ отступалъ на Ригу—Митаву, онъ усматриваетъ всю ту же германскую политику изоляціи Курляндіи отъ русскаго вліянія, но что онъ надѣется эти недоразумѣнія устранить, если Командующій всѣ переговоры съ германцами предоставитъ исключительно ему и воздѣйствуетъ на полковника Родзянко, чтобы онъ не вмѣшивался въ дѣла

политическаго характера, а также и въ военныя, касающіяся непосредственно компетенціи Штаба корпуса.

Командующій подтвердилъ, что полковникъ Родзянко назначенъ имъ только начальникомъ надъ офицерами и добровольцами, находящимися въ Ригѣ, и съ той цѣлью, чтобы освободить Н-ка Штаба отъ этихъ заботъ мѣстнаго порядка и предоставить ему возможность работать исключительно по дѣламъ корпуса.

На этомъ были закончены совѣщанія и Командующій въ сопровожденіи ротмистра Гоштовта выѣхалъ 3-го декабря утромъ для переговоровъ съ эстонцами въ гор. Ревель.

Передъ прощаніемъ Н-къ Штаба еще разъ обратился къ ротмистру Гоштовтѣ съ предупрежденіемъ, чтобы тотъ напомнилъ въ нужную минуту Командующему, что онъ проситъ освободить его отъ занимаемаго поста, если полковникъ фонъ-Нефъ рѣшитъ всетаки отступать на Ревель и базироваться на Эстляндію. Въ послѣднемъ случаѣ онъ посовѣтовалъ Гоштовту остановить выборъ Командующаго, какъ на его замѣстителѣ въ роли Н-ка Штаба, на полковникѣ Генеральнаго Штаба фонъ-Крузенштернъ, который, по свѣдѣніямъ, проживалъ въ гор. Ревелѣ.

На другой день послѣ отъѣзда Командующаго къ Н-ку Штаба пріѣхалъ товарищъ латышскаго военнаго министра съ приглашеніемъ для командованія Отдѣльнаго Псковскаго добр. корпуса принять участіе въ совѣщаніи латышскаго правительства относительно общаго положенія въ странѣ и обороны гор. Риги. Узнавъ, что Командующій уже выѣхалъ въ Ревель, товарищъ министра выразилъ глубокое сожалѣніе и оченъ настойчиво просилъ Н-ка Штаба прибыть вечеромъ на совѣщаніе.

Прибывъ вечеромъ на совѣщаніе министровъ Латышской республики, Н-къ Штаба былъ встрѣченъ военнымъ министромъ Залиттъ и въ сопровожденіи его прошелъ въ комнату, гдѣ засѣдали министры, которые стоя привѣтствовали, въ его лицѣ, русское командованіе въ Прибалтійскомъ Краѣ.

Изъ переговоровъ выяснилось, что латышское правительство никакого заявленія о нежеланіи принять Отд. Псковскій добр. корпусъ на свою территорію германскому командованію не дѣлало, а напротивъ, будучи совершенно неготовымъ къ оборонѣ своей границы, хотѣло обратиться съ просьбою къ русскому командованію за содѣйствіемъ, но германцы отвѣтили имъ, что корпусъ заключаетъ договоръ съ Эстонской республикой. Они очень сожалѣли, что отъѣздъ Командующаго лишилъ ихъ возможности вести переговоры непосредственно съ нимъ, но, ознакомившившись съ полученными Н-комъ Штаба полномочіями, успокоились и просили его немедленно дать знать Командующему объ ихъ полномъ согласіи работать вмѣстѣ въ дѣлѣ борьбы съ большевиками.

Они жаловались на Штабъ А.-О. К. 8, который дальше обѣщаній не идетъ и тѣмъ самымъ ставитъ ихъ въ оченъ тяжелое положеніе, такъ какъ они, за неимѣніемъ достаточнаго количества вооруженія, снаряженія, обмундированія и прочаго военнаго имущества, не могутъ создать для защиты границъ своей національной арміи.

Получивъ, такимъ образомъ подтвержденіе своимъ предположеніямъ относительно особыхъ плановъ германцевъ на Курляндію, Н-къ Штаба рѣшилъ

однако не поднимать немедленно этого щекотливаго вопроса и потому просилъ Латышское правительство передать уреглированіе всего этого дѣла непосредственно ему. Онъ расчитывалъ и при томъ, какъ будетъ видно дальше, не безъ основанія, что этотъ больной вопросъ со временемъ, благодаря самимъ обстоятельствамъ потеряетъ свою остроту и затѣмъ совершенно исчезнетъ.

Вотъ почему Н-къ Штаба, не входя съ А. О. К. 8 ни въ какія переговоры по этому поводу, а базируясь лишь на согласіи Латышскаго правительства и инструкціяхъ Командующаго, отдалъ приказаніе (Приложеніе № 5) о сосредоточеніи, подъ прикрытіемъ Особаго Коннаго отряда Булакъ Балаховича, частей корпуса въ раіонѣ Фелинъ—Валкъ, откуда онъ надѣялся, впослѣдствіи, въ силу сложившейся обстановки на фронтѣ, отступить на Ригу и, тѣмъ самымъ, поставить германское командованіе передъ совершившимся фактомъ.

Разрѣшивъ такимъ образомъ первое заданіе Командующаго, ротмистръ фонъ-Розенбергъ принялся за выполненіе второго, то есть за обезпеченіе корпуса денежными средствами и за снабженіе его продовольствіемъ, а также боевыми припасами, для чего 5-го декабря отправился къ Н-ку Штаба А. О. К. 8 подполковнику Францу.

Вмѣстѣ съ нимъ, кромѣ капитана Гершельмана, взятаго ротмистромъ въ качествѣ переводчика, по собственной иниціативѣ и, какъ онъ самъ заявилъ, для поддержанія русскаго престижа, пошелъ также и полковникъ Родзянко въ генеральскихъ погонахъ.

Впослѣдствіи, въ періодъ своей дѣятельности въ Сѣверо-западной арміи генерала Юденича, полковникъ Родзянко, описывая эти печальныя событія въ своихъ «Воспоминаніяхъ», всегда добавляетъ безапелляціонно, что то или другое его дѣйствіе было сдѣлано имъ исключительно только «для пользы дѣла».

Повидимому и тогда въ Ригѣ и затѣмъ въ Либавѣ, Родзянко, вмѣшиваясь во все и разыгрывая второго командующаго корпусомъ, преслѣдовалъ также тѣ же цѣли, но насколько это было полезно для дѣла будетъ видно изъ моего дальнѣйшаго описанія событій.

Въ данномъ случаѣ, придя къ Начальнику Штаба А. О. К. 8, полковникъ самостоятельно взялъ на себя право вести переговоры и въ категорической и рѣзкой формѣ потребовалъ оказанія помощи корпусу, основывая это требованіе на томъ, что германцы вовлекли русскихъ офицеровъ и добровольцевъ въ авантюру, а потому и должны помочь имъ выйти изъ создавшагося тяжелаго положенія. Къ счастью онъ не владѣлъ нѣмецкимъ языкомъ, а Гершельманъ, переводя это ультимативное заявленіе, смягчилъ его и придалъ ему пріемлемую форму, избѣжавъ, тѣмъ самымъ, непріятнаго инцидента, который нарушилъ бы наши всегда взаимно корректныя отношенія съ германцами.

Подполковникъ Францъ отвѣтилъ, что онъ, прекрасно понимая затрудненіе корпуса, все же вынужденъ отказать ему въ помощи, такъ какъ онъ безсиленъ и не можетъ измѣнить распоряженія своего новаго правительства, которое, какъ онъ уже заявлялъ ротмистру, вполнѣ опредѣленно потребовало прекращенія поддержки добровольческихъ формированій.

Полковникъ Родзянко, выслушавъ въ переводѣ отъ Гершельмана отвѣтъ,

вскочилъ со своего мѣста и, громко стуча и бормоча отборныя ругательства, демонстративно вышелъ изъ комнаты.

Подполковникъ Франтцъ недоумѣвающе смотрѣлъ на эту сцену и послѣ ухода полковника Родзянко перевелъ вопрошающе свой взоръ на ротмистра, который, извинившись за происшедшее, перешелъ снова къ дѣлу.

Онъ подтвердилъ, что очень хорошо помнитъ свой послѣднiй разговоръ съ подполковникомъ и потому абсолютно не собирается настаивать на чемъ либо невозможномъ и намѣренъ лишь обратиться къ нему съ небольшими просьбами, которыя всецѣло подлежатъ компетенцiи Штаба А. О. К. 8 и въ силу этого не могутъ встрѣтить отказа.

Эти просьбы слѣдующiя: 1) продолжить приказъ о снабженiи частей корпуса продовольствiемъ и боевыми припасами на общихъ основанiяхъ съ германскими войсками, такъ какъ корпусъ продолжаетъ сражаться вмѣстѣ съ ними противъ большевиковъ; 2) размѣнять, имѣющiеся въ казаначействѣ корпуса 200553 рубля кредитными билетами Псковской Области на германскiе остъ-рубли, ибо первые мѣстнымъ населенiемъ не принимаются, и 3) выдать остатокъ въ размѣрѣ 86000 рублей (Думскихъ), которые остались отъ ассигнованной общей суммы въ Псковѣ.

— «Какъ видите г. подполковникъ», — добавилъ ротмистръ, — «это все вопросы, касающiеся ликвидацiи нашихъ прежнихъ отношенiй и, выполняя ихъ Вы не нанесете ущерба Вашей странѣ и не нарушите приказанiй Вашего новаго правительства.»

Послѣ короткаго размышленiя подполковникъ далъ свое согласiе исполнить всѣ эти просьбы и обѣщалъ сдѣлать соотвѣтствующiя распоряженiя, сказавъ, что о днѣ выдачи и обмѣнѣ денегъ, ротмистръ будетъ извѣщенъ Начальникомъ Ликвидацiоннаго отдѣла маiоромъ фонъ-Клейстъ.

Такимъ образомъ и это заданiе Командующаго корпусомъ было разрѣшено вполнѣ благопрiятно и корпусъ, получая около полумиллiона марокъ, избѣгалъ временно денежнаго затрудненiя. Послѣднее давало возможность оглядѣться и, оцѣнивъ создавшуюся обстановку, спокойно принять наиболѣе выгодное рѣшенiе.

Извѣстiя съ фронта также приходили довольно утѣшительныя и по нимъ можно было заключить, что части корпуса, послѣ поспѣшнаго и совершенно неожиданнаго отступленiя отъ Пскова, постепенно приводятъ себя въ порядокъ и въ настоящiй моментъ образовали три группы: первая группа въ составѣ отряда Булакъ Балаховича, Отряда Внѣшней Охраны города Пскова, батальона Талабскихъ острововъ и Волынскаго Стр. добров. полка, подъ общимъ командованiемъ подполковника Вѣтренко, находилась въ раiонѣ гор. Верро и выполняла задачу арьергарда; вторая группа въ составѣ 1-го Псковскаго, 2-го Островскаго, 3-го Рѣжицкаго Стрѣл. добров. полковъ, батареей артиллерiи и отряда полковника Бибикова, подъ общей командою послѣдняго, представляла изъ себя главныя силы и, перейдя въ раiонъ Валка, расположилась въ мѣстечкѣ Ермесъ, и наконецъ третья группа — отрядъ Афанасьева по прежнему продолжалъ свое отступленiе на Крейцбургъ—Ригу.

Свѣдѣнiя о противникѣ указывали, что большевики направили свои главныя

силы въ направленіи Крейцбургъ—Рига и по соединительной желѣзнодорожной вѣткѣ Альтшванебургъ—Рамоцкое, желая этимъ движеніемъ запереть корпусъ въ раіонѣ Ревель—Валкъ—Юрьевъ.

Начальникъ Штаба корпуса, основываясь на всемъ изложенномъ уже выше, опредѣленно высказывался за отходъ на Ригу, ибо преимущество такого рѣшенія являлось очевиднымъ и диктовалось самой обстановкою.

Онъ съ нетерпѣніемъ ждалъ извѣстій отъ Командующаго изъ Ревеля о результатахъ его переговоровъ съ эстонцами и торопился ликвидировать дѣла съ германскимъ командованіемъ.

6-го декабря онъ получилъ отъ гауптмана Хольцъ оставшіеся 86000 рублей думскихъ и увѣдомленіе, что размѣнъ первой партіи кредитныхъ билетовъ Псковскаго Областного казначейства назначенъ на 7-ое декабря.

На слѣдующее утро Начальникъ Штаба, взявъ съ собою двухъ своихъ офицеровъ поѣхалъ въ мѣстную Военную Кассу (Darlehnskasse-Ost), гдѣ ему безъ всякихъ задержекъ былъ сдѣланъ обѣщанный обмѣнъ.

Въ тотъ же день онъ получилъ отъ Командующаго корпусомъ телеграмму съ приказаніемъ сформировать новый штабъ и выѣхать въ городъ Ревель. Такого рода приказаніе явилось полною неожиданностью для ротмистра и нарушало всѣ его расчеты, а потому онъ, отвѣтивъ сейчасъ же также телеграммой, что выѣдетъ черезъ четыре дня, по сформированіи новаго штаба и ликвидаціи всѣхъ дѣлъ съ германскимъ командованіемъ, отправился въ А. О. К. 8, чтобы оттуда переговорить съ Командующимъ по телефону.

Было уже 6 час. вечера, когда, наконецъ, послѣ долгихъ напрасныхъ попытокъ, удалось добиться телефонной связи съ эстонскимъ военнымъ министерствомъ, откуда на запросъ ротмистра о полковникѣ фонъ-Нефъ, ему отвѣтили, что онъ уже болѣе часу, какъ ушелъ изъ министерства и что тамъ не знаютъ его адреса, а потому не могутъ вызвать его къ аппарату.

Ротмистръ просилъ передать Командующему, что ему необходимо переговорить съ нимъ по служебнымъ дѣламъ и что онъ будетъ завтра 8-го декабря около 5-ти час. дня снова пытаться получить телефонную связь съ эстонскимъ военнымъ министерствомъ.

8-го декабря утромъ изъ Ревеля пріѣхалъ Оберъ Квартирмейстеръ Гоштовтъ и доложилъ Начальнику Штаба, что Командующій подписалъ 6-го сего декабря договоръ съ Эстонскимъ Правительствомъ (приложеніе № 6), но что условія договора и тяжелое положеніе корпуса въ Эстляндіи, заставили его, въ послѣдній моментъ, измѣнить свое рѣшеніе отступать на Ревель, а потому онъ приказываетъ Начальнику Штаба принять всѣ мѣры къ тому, чтобы перебросить корпусъ на Ригу и далѣе на Митаву—Либаву.

Согласно этому договору корпусъ не имѣлъ права увеличивать свою численность болѣе 3500 человѣкъ и, подчиняясь эстонскому штабу и позволяя вмѣшиваться въ свои хозяйственныя дѣла эстонскому интенданту, парализовалъ, тѣмъ самымъ, свою самостоятельность и лишилъ себя возможности выполнить свои національныя задачи.

Далѣе ротмистръ Гоштовтъ сообщилъ, что но дорогѣ изъ Ревеля въ Ригу онъ видѣлъ командировъ отдѣльныхъ частей корпуса, которые также единогласно настаивали на отходѣ въ южномъ направленіи.

Кромѣ того онъ доложилъ, что попытка Командующаго перевести русскія части морскимъ путемъ въ Финляндію не увѣнчалась успѣхомъ изъ за недостатка перевозочныхъ средствъ, а въ то же время Эстонское Правительство не исполняетъ да и не можетъ фактически исполнить, принятыхъ на себя обязательствъ по снабженію корпуса всѣмъ необходимымъ.

Все это вмѣстѣ взятое заставило Командующаго перемѣнить свое первоначалное рѣшеніе перейти на службу къ Эстонскому Правительству и признать, что единственнымъ выходомъ для корпуса изъ создавшагося положенія, является движеніе его на Ригу и далѣе въ Курляндію.

На вопросъ Начальника Штаба относительно телеграммы съ приказаніемъ ему сформировать новый штабъ и выѣхать въ гор. Ревель, Гоштовтъ доложилъ, что телеграмма была послана до перемѣны рѣшенія Командующаго, но, что онъ всетаки приказываетъ ротмистру фонъ-Розенбергъ организовать новый штабъ и прислалъ ему даже списокъ офицеровъ, которыхъ онъ хотѣлъ бы видѣть въ числѣ чиновъ этого штаба.

При этомъ Гоштовтъ добавилъ, что Командующій приказалъ въ томъ случаѣ, если Начальникъ Штаба изъ-за дѣлъ въ Ригѣ не можетъ немедленно выѣхать, то чтобы временно вмѣсто себя, выслалъ бы капитана фонъ-Мевесъ, назначивъ его старшимъ адъютантомъ по оперативной части.

Новый штабъ долженъ былъ быть высланъ въ мѣстечко Ермесъ, что сѣвернѣе гор. Валка, гдѣ были сосредоточены, какъ было указано выше, главныя силы корпуса подъ общимъ командованіемъ полковника Бибикова.

Самъ Гоштовтъ былъ командированъ Командующимъ въ Литву и Польшу, чтобы переговорить съ ихъ правительствами и подготовить почву для корпуса, который, отойдя въ Курляндію, будетъ въ непосредственномъ сосѣдствѣ съ этими государствами.

Выслушавъ докладъ ротмистра Гоштовтъ, Начальникъ Штаба рѣшилъ дѣйствовать согласно своему первоначальному плану, то есть, основываясь на соглашеніи съ Латышскимъ правительствомъ о перебpоскѣ корпуса на ихъ территорію и не вступая объ этомъ во вторичные переговоры съ германскимъ командованіемъ, отдать приказъ корпусу объ отступленіи его на Венденъ—Вольмаръ и далѣе на Ригу—Митаву.

Такого рода дѣйствіемъ онъ надѣялся выиграть время, не тратя его на безплодные, по его мнѣнію, переговоры съ германцами, а кромѣ того онъ избѣгалъ острыхъ столкновеній съ ними на этой почвѣ, ставя ихъ просто лицомъ къ лицу съ совершившимся фактомъ.

Однако, присутствующій при докладѣ Оберъ Квартирмейстера, полковникъ Родзянко высказался за то, что съ германцами церемониться не слѣдуетъ, а потому отъ нихъ необходимо незамедлительно потребовать ультимативнымъ порядкомъ распоряженія о высылкѣ, для перевозки корпуса по желѣзной дорогѣ, шести эшелоновъ въ гор. Вольмаръ.

Тутъ будетъ у мѣста пояснить вообще взглядъ полковника Родзянко на создавшуюся обстановку, а также и на тотъ выходъ изъ нея для корпуса, который онъ считалъ наиболѣе выгоднымъ.

Какъ было уже указано выше онъ постоянно вмѣшивался въ распоряженія

Начальника Штаба и упорно хотѣлъ присвоить себѣ компетенціи Командующаго корпусомъ. По его мнѣнію, которое онъ открыто передавалъ офицерамъ Штаба, спасти корпусъ возможно было только при рѣшеніи: 1) совершенно порвать съ германцами, разсматривая ихъ, какъ живыхъ труповъ, и поставивъ ихъ въ положеніе исполнителей, а не руководителей; во 2) бросить монархическій лозунгъ для арміи, выставивъ взамѣнъ его демократическую программу; въ 3) связаться съ прибывающими англичанами, которые единственные могутъ оказать помощь и деньгами и военнымъ имуществомъ; и наконецъ въ 4) отступать на Ригу—Митаву, войдя объ этомъ въ соглашеніе съ Латышскимъ правительствомъ и представивъ объ этомъ германскому командованію ультимативное требованіе.

Для приведенія всего этого плана въ жизнь полковникъ Родзянко считалъ необходимымъ перемѣнить Командующаго корпусомъ, основывая это предложеніе на томъ, что старый Командующій, полковникъ фонъ-Нефъ работалъ съ германцами, носитъ нѣмецкую фамилію и потому врядъ ли будетъ пріемлемъ для новыхъ покровителей — англичанъ. Упоминая о своей программѣ спасенія корпуса онъ довольно прозрачно намекалъ, что самымъ подходящимъ командующимъ будетъ онъ полковникъ Родзянко, ибо къ германцамъ онъ всегда относился отрицательно и не вѣрилъ въ ихъ искренность, а его фамилія, прославленная на революціонномъ поприщѣ его дядей пресѣдателемъ Государственной Думы, даетъ вполнѣ неоспоримыя гарантіи о демократизмѣ и отсутствіи какихъ либо монархическихъ тенденцій въ той арміи, которой онъ будетъ командовать. Касаясь должности Начальника Штаба, полковникъ заявлялъ, что ничего не имѣетъ противъ того, чтобы оставить ее за ротмистромъ фонъ-Розенбергъ, предполагая видимо этимъ жестомъ пріобрѣсти въ немъ союзника для достиженія своихъ цѣлей.

Эти предложенія и соображенія полковника Родзянко были переданы ротмистромъ Гоштовтомъ и другими офицерами Начальнику Штаба, который отвѣтилъ, что о перемѣнѣ Командующаго онъ вообще не желаетъ и говорить, ибо еще никогда не интриговалъ противъ своего начальника; относительно же указанной программы полагаетъ, что во 1) съ германцами, помогавшими до настоящаго времени арміи въ ея формированіи онъ не видитъ надобности порывать и поступать некорректно, тѣмъ болѣе, что они переживаютъ сейчасъ большое бѣдствіе, явившееся собственно единственной причиной ихъ отказа въ дальнѣйшей помощи; во 2) монархическому лозунгу измѣнять не собирается, такъ какъ, будучи ротмистромъ Лейбъ-Гвардіи Кирасирскаго Ея Величества полка всегда былъ убѣжденнѣйшимъ монархистомъ и совѣтуетъ въ данномъ случаѣ полковнику Родзянко вспомнить также о томъ, что онъ служилъ въ Кавалергардскомъ Ея Величества полку; въ 3) связаться съ прибывающими англичанами считаетъ необходимымъ, но на ихъ помощь не надѣется, такъ какъ врядъ ли они, поддержавшіе русскую революцію съ цѣлью ослабить своего союзника Россійскую Имперію, будутъ теперь, когда міровая война кончена, работать на возстановленіе могущества своего соперника въ Азіи, и, наконецъ въ 4) съ отступленіемъ корпуса на Ригу—Митаву вполнѣ согласенъ, какъ это высказывалъ неоднократно, и къ осуществленію этого

отступленія онъ уже приступилъ согласно своему плану, при чемъ съ латышами соглашеніе достигнуто, а что касается переговоровъ съ германцами, то, если полковнику такъ хочется представить имъ ультимативное требованіе и онъ надѣется такимъ способомъ добиться отправки эшелоновъ въ гор. Вольмаръ, пусть предъявляетъ его самостоятельно.

Получивъ такой категорическій отвѣтъ, который разрушалъ его честолюбивые замыслы, Родзянко рѣшилъ избавиться отъ присутствія Начальника Штаба въ Ригѣ и потому заявилъ ему, что удивляется, почему онъ, несмотря на приказаніе Командующаго выѣхать въ Ревель, до сихъ поръ остается здѣсь.

Начальникъ Штаба, отвѣтилъ, что проситъ полковника не вмѣшиваться въ его рѣшенія и распоряженія, отвѣтственность за которыя онъ несетъ только передъ своимъ прямымъ начальникомъ — Командующимъ арміей.

Выслушавъ этотъ отпоръ, полковникъ Родзянко временно успокоился на томъ, что подалъ германскому командованію письменный ультиматумъ, подписанный имъ за командующаго арміей, въ которомъ онъ требовалъ перевести на эшелонахъ всѣ части Отдѣльнаго Псковскаго добровольческаго корпуса отъ гор. Вольмара въ раіонъ Митавы—Либавы.

Германское командованіе, не желая создавать конфликта, отвѣтило черезъ лейтенанта Спись, что дастъ окончательный отвѣтъ по этому поводу на дняхъ, такъ какъ имъ необходимо предварительно навести справки — имѣется ли на желѣзнодорожной вѣткѣ Валкъ-Рига такое количество свободныхъ вагоновъ, котораго было бы достаточно для составленія 6-ти эшелоновъ.

9-го декабря отъ германскаго командованія въ Либавѣ была получена телефонограмма, что туда прибыла англійская эскадра, начальникъ которой адмиралъ Синклеръ проситъ немедленно выслать для переговоровъ уполномоченныхъ отъ русской «Сѣверной Арміи». Согласно еще раньше полученныхъ инструкцій отъ Командующаго, Начальникъ Штаба командировалъ для переговоровъ въ гор. Либаву полковника Родзянко, ротмистра Гоштовтъ и, въ качествѣ переводчика, ротмистра князя Ливена.

Затѣмъ Начальникомъ Штаба было дано предписаніе капитану фонъ-Мевесъ вступить въ исполненіе должности старшаго адъютанта по оперативной части и выѣхать съ новымъ штабомъ къ мѣсту расположенія главныхъ силъ арміи въ мѣстечко Ермесъ. Кромѣ того онъ отправилъ черезъ подполковника фонъ-Бревернъ донесеніе полковнику Бибикову (приложеніе № 7).

Передъ отъѣздомъ уполномоченныхъ въ Либаву, ротмистръ князь Ливенъ пришелъ къ Начальнику Штаба за справками для составленія на англійскомъ языкѣ письменнаго доклада о «Сѣверной Арміи», который депутація предполагала передать адмиралу Синклеру. Докладъ былъ составленъ княземъ Ливеномъ, по прибытіи на мѣсто, въ гор. Либавѣ, и представленъ англійскому командованію, однако содержаніе его далеко не удовлетворяло своему назначенію, а главное многое было преувеличено и освѣщено совершенно съ иной точки зрѣнія (приложеніе № 8).

10-го декабря Начальникъ Штаба получилъ донесеніе отъ коменданта гор. Валка подполковника фонъ-Бревернъ, что занятіе города Красной арміей ожидается съ часу на часъ и что мѣстный совѣтъ солдаскихъ депутатовъ гер-

манскаго гарнизона (Soldatenrat) вступилъ уже въ переговоры съ большевиками, а потому Эстонскій Штабъ и онъ самъ вынуждены оттуда выѣхать (приложеніе № 9).

11-го декабря утромъ прибылъ въ гор. Ригу фонъ-Бревернъ и доложилъ, что гор. Валкъ занятъ болшевиками. Выѣхавшіе 10-го утромъ офицеры штаба были возвращены обратно со станціи Венденъ германскими военными властями, которыя сообщали, что на ст. Валкъ большевики контролируютъ пассажировъ и всѣхъ причастныхъ къ добровольческому корпусу высаживаютъ изъ вагоновъ и арестовываютъ.

Такимъ образомъ нормальное сообщеніе съ арміей было прервано, но связь еще поддерживалась случайно пробившимися людьми. Вслѣдсвіе этого Начальникъ Штаба отставилъ поѣздку капитана фонъ-Мевесъ къ главнымъ силамъ и послалъ срочное донесеніе полковнику Бибикову съ агентомъ контръ-развѣдки (мѣстнымъ жителемъ). Въ этомъ донесеніи имъ была изложена общая обстановка, послѣднія событія, а также, основанное на приказаніи Командующаго и на создавшемся положеніи на фронтѣ, заключеніе о необходимости корпусу немедленно всѣми силами двинуться въ направленіи на Вольмаръ-Венденъ, чтобы этимъ движеніемъ обезпечить себѣ путь отступленія на Ригу и далѣе на Митаву—Либаву (приложеніе № 10).

Будучи вполнѣ увѣреннымъ въ томъ, что части корпуса немедленно начнутъ отступленіе на Вольмаръ—Венденъ—Ригу, Начальникъ Штаба занялся подготовкою всего необходимаго для ихъ прихода.

Положеніе въ Ригѣ было очень тревожное и неопредѣленное. Городъ былъ наводненъ большевистскими комиссарами, среди которыхъ были такія «звѣзды», какъ Хаустовъ, Сиверсъ, Жабинъ и даже говорилось много о пріѣздѣ Склянскаго. Всѣ эти комиссары вели открытую пропаганду и имѣли какія-то тайныя совѣщанія съ совѣтомъ содатскихъ депутатовъ германскаго гарнизона.

Латышскія власти были совершенно неорганизованы и не располагали никакими исполнительными органами, а германское командованіе въ своихъ распоряженіяхъ было связано совѣтомъ солдатскихъ депутатовъ.

Такъ напримѣръ, ротмистръ фонъ-Розенбергъ, получивъ отъ своей развѣдки самыя точныя свѣдѣнія о мѣстѣ сбора большевиковъ и ихъ намѣреніи поднять возстаніе въ Ригѣ, передалъ все это германскому командованію и просилъ ихъ принять срочныя мѣры для ликвидаціи этого.

Германское командованіе арестовало всѣхъ большевистскихъ комиссаровъ, но черезъ день вынуждено было выпустить ихъ изъ тюрьмы по категорическому требованію своего совѣта солдатскихъ депутатовъ.

При такомъ положеніи задерживаться частямъ корпуса въ Ригѣ, а тѣмъ болѣе выбирать ее мѣстомъ расположенія даже для штаба, ротмистръ не считалъ возможнымъ и остановилъ свой выборъ для этой цѣли на раіонѣ гор. Митавы.

Въ виду того, что Штабъ А. О. К. 8, черезъ ульутиматумъ полковника Родзянко былъ уже все равно поставленъ въ извѣстность о рѣшеніи командованія корпуса отступать на Ригу, ротмистръ рѣшилъ переговорить съ германцами о предоставленіи русскимъ частямъ для ихъ расположенія раіонъ гор. Митавы. Одновременно съ этимъ онъ хотѣлъ выяснить результатъ «ультиматума», то

есть будутъ ли предоставлены въ гор. Вольмарѣ, необходимые для перевозки войскъ, эшелоны.

Въ Штабѣ А. О. К. 8 настроеніе было подавленное и падающая дисциплина германскихъ солдатъ приводила начальниковъ въ полное отчаяніе. При такомъ положеніи дѣлъ для германскаго командованія было ясно, что долго имъ въ Прибалтикѣ не удержаться и потому они спѣшили съ эвакуаціей своего имущества. Отношеніе германскихъ офицеровъ къ русской арміи, въ лицѣ ея Начальника Штаба, было по прежнему корректное и предупредительное, но въ ихъ словахъ звучала горечь и иногда иронія.

Одинъ изъ нихъ во время бесѣды замѣтилъ: — «Повѣрьте, г. ротмистръ мы сдѣлаемъ все, чтобы облегчить положеніе арміи, но по правдѣ сказать это не въ нашихъ интересахъ — сдавать страну англичанамъ въ полномъ порядкѣ и съ готовой русской арміей. Чѣмъ больше затрудненій они здѣсь встрѣтятъ, тѣмъ лучше.»

Такой взглядъ былъ ошибочнымъ: не англичанамъ, даже въ полномъ безпорядкѣ, надо было сдавать страну, а русской дружественной, національной власти, а для этого необходимо было поддержать русскія добровольческія войска.

Пора было понять, что политическая обстановка рѣзко измѣнилась и что спасеніе Германіи въ сильной Россіи, а потому надо было отбросить колебанія и разъ навсегда забыть свои завоевательные планы.

И это ротмистръ вполнѣ ясно высказалъ германцамъ, прося ихъ всѣмъ, чѣмъ они только могутъ, помочь укрѣпиться, хотя бы вначалѣ лишь русской военной власти.

Относительно перехода «Сѣверной Арміи» въ раіонъ Митавы Штабъ А. О. К. 8 въ принципѣ не имѣлъ возраженій, но указалъ, что окончательное рѣшеніе по этому поводу можетъ дать германское командованіе въ Либавѣ, которое было совершенно самостоятельнымъ и вѣденію котораго подлежала вся Курляндія.

Поэтому германцы, обѣщавъ ротмистру размѣнять еще 100000 рублей кредитными билетами Псковскаго казначейства и предоставить для перевозки частей арміи эшелоны, посовѣтовали ему проѣхать въ Либаву и лично переговорить тамъ съ ихъ командованіемъ.

13-го декабря Начальникъ Штаба, давъ опредѣленныя инструкціи капитану фонъ-Мевесъ и оставивъ для поддержанія связи съ германцами и латышами завѣдующаго вербовочнымъ бюро въ Ригѣ капитана Гершельмана, выѣхалъ въ гор. Либаву (приложеніе № 11).

Прибывъ 14-го декабря вечеромъ туда, онъ узналъ, что англійская эскадра находилась тамъ до вечера 11-го и затѣмъ вышла въ море, чтобы черезъ нѣсколько дней вернуться обратно. Такимъ образомъ, выѣхавшая изъ Риги 11-го декабря, во главѣ съ полковникомъ Родзянко, депутація «Сѣверной Арміи» также англичанъ не застала и вынуждена была остаться и выжидать ея возращенія, которое преподлагалось къ 16-му декабрю (приложенія № 12 и № 13).

15-го декабря ротмистръ побывалъ у Начальника Штаба мѣстнаго германскаго командованія подполковника Генеральнаго Штаба фонъ-Гаца, который, ознакомившись съ положеніемъ русской арміи, очень охотно предложилъ свое содѣйствіе и заявилъ, что они ничего не будутъ имѣть противъ отхода ея въ

раіонъ Митавы. По его мнѣнію лучшимъ мѣстомъ расположенія для «Сѣверной Арміи» будетъ раіонъ Альтауцъ—Митава, но что объ этомъ необходимо еще переговорить съ мѣстнымъ латышскимъ представителемъ г. Берзинымъ и условиться съ нимъ относительно содержанія арміи и другихъ подробностей этого перехода. Кромѣ того онъ считалъ правильнымъ поставить въ извѣстность обо всемъ англійское морское командованіе.

Послѣ этого разговора ротмистръ пошелъ къ представителю Латышскаго правительства, который также, безъ всякихъ возраженій, согласился на переходъ арміи въ раіонъ Альтауцъ-Митава, при чемъ обѣщалъ взять армію на довольствіе и отвести казармы или какое-либо другое подходящее помѣщеніе для войскъ въ Митавѣ, Альтауцѣ и Либавѣ. Затѣмъ онъ сообщилъ, что у него имѣются свѣдѣнія, что англійская эскадра возвращается обратно сегодня 15-го декабря вечеромъ и что онъ беретъ на себя завтра 16-го устроить русской депутаціи пріемъ у адмирала.

На другой день утромъ отъ г. Берзина было получено извѣщеніе, что адмиралъ Синклеръ ждетъ депутацію отъ «Сѣверной Арміи» въ 11 час. на своемъ крейсерѣ «Кардифъ» и что приблизительно за полчаса до этого времени у при стани будетъ портовой катеръ, который и доставитъ депутацію на бортъ крейсера.

Ровно въ 11 час. утра катеръ съ депутаціей въ составѣ Начальника Штаба ротмистра фонъ-Розенбергъ, полковника Родзянко, ротмистра Гоштовтъ и ротмистра князя Ливена, причалилъ къ опущеному съ крейсера трапу, при входѣ на который русская депутація была встрѣчена капитаномъ крейсера и нѣсколькими офицерами. Наверху на палубѣ была построена команда матросовъ, которые играли встрѣчу и тамъ же находился самъ адмиралъ Синклеръ.

Послѣ взаимныхъ привѣтствій и представленій, депутація была приглашена въ каютъ кампанію, гдѣ, въ присутствіи англійскаго консула въ Ригѣ, начались переговоры.

Адмиралъ Синклеръ внимательно выслушалъ докладъ о положеніи въ Прибалтійскомъ краѣ вообще и о положеніи армій въ частности, послѣ чего отвѣтилъ, что создавшаяся обстановка въ Прибалтійскомъ Краѣ является для него полною неожиданностью и требуетъ дополнительныхъ указаній отъ англійскаго правительства. Между прочимъ онъ заявилъ, что онъ, при его отъѣздѣ изъ Англіи былъ информированъ русскимъ посломъ, но что послѣдній совершенно не упоминалъ о существованіи въ Прибалтійскомъ Краѣ русскихъ національныхъ войскъ.

Относительно перехода русскихъ войскъ въ Курляндію, то адмиралъ согласился, что, при создавшемся положеніи на фронтѣ, лучшимъ раіономъ для формированія арміи будетъ конечно раіонъ Митава—Альтауцъ; что же касается отпуска денежныхъ средствъ на армію, предоставленія ей свободы маневрированія въ странѣ и подчиненія русскому командованію всѣхъ войскъ другихъ національностей, находящихся въ Прибалтикѣ, то по этому поводу онъ долженъ предварительно снестись со своимъ правительствомъ и только тогда онъ будетъ въ состояніи дать окончательный отвѣтъ. Однако адмиралъ замѣтилъ, что съ военной точки зрѣнія всѣ указанныя пожеланія являются безусловно

необходимыми и только при ихъ осуществленіи можно будетъ съ успѣхомъ продолжать борьбу съ большевиками.

Интересно отмѣтить, что англійскій консулъ, повидимому, имѣлъ отъ своего правительства нѣкоторыя особыя инструкціи, такъ какъ онъ очень недоброжелательно отнесся къ пожеланіямъ командованія русскихъ національныхъ войскъ занять доминирующее положеніе во всемъ краѣ, вполнѣ опредѣленно высказался за поддержку окраинныхъ государствъ и считалъ возможнымъ оказать помощь русской арміи только черезъ посредство правительствъ этихъ новыхъ республикъ.

Высказывая такой взглядъ, англійскій консулъ подчеркнулъ, что непосредственная помощь «Сѣверной Арміи» потому не можетъ быть оказана, что послѣдняя является созданіемъ германскаго военнаго командованія и содержалась до сего времени на германскія средства.

— «Мы не можемъ имѣть довѣрія и оказывать помощь организаціи, которая находилась подъ покровительствомъ нашихъ враговъ» —, сказалъ консулъ, «а потому предпочитаемъ предоставить это право правительствамъ новыхъ государствъ, при условіи, что они возьмутъ въ данномъ случаѣ и всю отвѣтственность за послѣдствія на себя.»

На это ротмистръ фонъ-Розенбергъ возразилъ, что вѣдь и новорожденныя республики Эстонія и Латвія также являются созданіями германскаго военнаго командованія, также субсидировались германцами и кромѣ того ихъ правительства, не имѣя никакого авторитета въ странѣ, оперались исключительно на германскія штыки.

— «Разница между «Сѣверной Арміей» и республиками Эстоніей и Латвіей» —, отвѣтилъ ротмистръ, «заключается лишь въ томъ, что первая борется за Великую Россію, тогда какъ вторыя стремятся, путемъ образованія самостоятельныхъ государствъ, къ расчлененію той же Великой Россіи. И та и другія, дѣйствительно поддерживались германцами, но «Сѣверная Армія» была ихъ позднѣйшимъ произведеніемъ и именно въ тотъ моментъ, когда германское правительство частично отказалось отъ своей политики расчлененія Россіи. Такимъ образомъ правительство Англіи, оставивъ вопросъ о прежнихъ покровителяхъ, должно только отвѣтить, кого оно собирается поддерживать — русскую національную армію или «самостійниковъ» — политику возсозданія Великой Россіи или политику ея расчлененія.»

Къ этому заявленію Начальника Штаба полковникъ Родзянко прибавилъ свои соображенія о необходимости сосредоточить командованіе всѣми войсками въ Прибалтійскомъ Краѣ въ рукахъ одного лица, что такимъ лицомъ, который пользовался бы авторитетомъ у всей страны можетъ быть лишь будущій Командующій «Сѣверной Арміей» и что англичане для контроля могутъ назначить къ послѣднему своихъ военныхъ и дипломатическихъ представителей.

Прямого отвѣта отъ англичанъ, конечно, не пришлось услышать и русская депутація, получивъ завѣренія отъ адмирала Синклеръ, что все возможное будетъ сдѣлано, отбыла, при аналогичной же церемоніи, какъ и при встрѣчѣ, съ крейсера «Кардифъ»

Впечатлѣніе отъ этихъ первыхъ переговоровъ съ «союзниками» было довольно

скверное: съ внѣшней стороны — любезность и вниманіе, а въ душѣ полная неискренность и недоброжелательство.

Необходимо отмѣтить, что взглядъ англійскаго консула совершенно ясно опредѣлилъ политику нашихъ «союзниковъ», которую они проводятъ и до настоящаго времени въ западныхъ окраинахъ Россійскаго государства.

Однако во всѣхъ этихъ переговорахъ съ англичанами, германцами и латышами одно стало вполнѣ очевиднымъ, что переходъ арміи въ раіонъ Либава—Митава не встрѣчаетъ препятствій ни съ одной изъ сторонъ, а напротивъ всѣ, правда по различнымъ соображеніямъ, считаютъ его даже желательнымъ.

Въ виду этого Начальникъ Штаба послалъ телеграмму въ Штабъ А. О. К. 8 на имя маіора фонъ-Тресковъ съ просьбою о высылкѣ, для арміи эшелоновъ въ гор. Вольмаръ и одновременно отдалъ приказаніе капитану фонъ-Мевесъ выѣхать съ новымъ штабомъ къ арміи, чтобы тамъ, оріентировавъ Командующаго въ общемъ положеніи и подробностяхъ переговоровъ съ англичанами, предложить немедленно начать движеніе на Ригу и далѣе на Митаву—Либаву (приложенія № 14, 15, 16, 17 и 18).

Кромѣ того онъ отправилъ Командующему слѣдующее донесеніе:

«Командующему арміей полковнику фонъ-Нефъ

«Прошу Васъ г. полковникъ, по полученіи моего донесенія не отказать мнѣ сообщить Ваше рѣшеніе относительно мѣста новаго формированія арміи:

1) остается ли армія въ предѣлахъ Эстляндіи, согласно залкюченному договору съ эстляндскимъ правительствомъ или

2) переходитъ немедленно въ раіонъ Митава-Либава.

Считаю долгомъ доложить Вамъ г. полковникъ, что мое мнѣніе остается прежнимъ, то есть, что единственнымъ мѣстомъ для новаго формированія арміи является раіонъ Либава—Митава.

Противъ продолженія формированія въ Эстляндіи говорятъ слѣдующія соображенія:

1) близость большевиковъ и ихъ движеніе въ направленіи Крейцбургъ—Рига и Альтшванебургъ—Рамоцкое грозитъ запереть армію въ раіонѣ Ревель—Валкъ—Юрьевъ, тѣмъ самымъ нервируетъ войска и создаетъ обстановку мало пригодную для продолженія формированнія;

2) настроеніе эстонскаго и латышскаго населенія тамъ вполнѣ опредѣлилось, какъ тяготѣющее къ большевизму — отсюда шаткое положеніе правительствъ и нашей арміи, которая должна быть готова къ тому, что каждый мѣстный житель будетъ ея вооруженнымъ врагомъ;

3) несостоятельность Эстонскаго правительства въ дѣлѣ снабженія арміи всѣмъ необходимымъ: вооруженіемъ, снаряженіемъ, обмундированіемъ и продовольствіемъ;

4) органиченіе въ численности арміи и другіе, связывающіе самостоятельность арміи, пункты договора;

5) невозможность поддерживать непосредственно связь съ добровольческими арміями юга Россіи и полная изолированность;

6) заявленіе адмирала Синклера, что въ ближайшемъ будущемъ высадокъ въ Ревелѣ не предполагается и невозможность перевести войска морскимъ путемъ въ Финляндію, лишаютъ армію тыла и какихъ либо путей отступленія.

Что же касается формированія арміи въ раіонѣ Либава—Митаба, то за него говорятъ слѣдующія соображенія:

1) согласіе Латышскаго центральнаго правительства пропустить армію черезъ свои предѣлы и помочь намъ всѣмъ, чѣмъ могутъ во время движенія;

2) согласіе мѣстнаго латышскаго самоуправленія въ Курляндіи предоставить арміи казармы, отопленіе, освѣщеніе и продовольствіе и все это безъ всякихъ договоровъ;

3) согласіе военнаго германскаго командованія въ Либавѣ (вполнѣ самостоятельное) на переходъ арміи въ Курляндію. Предлагается раіонъ Альтъауцъ-Митава;

4) указаніе адмирала Синклеръ на Либаву, какъ на главную базу англійскаго флота, которую они во всякомъ случаѣ будутъ защищать отъ большевистскаго нашествія и присуствіе тамъ дисциплинированныхъ и боеспособныхъ германскихъ войскъ придаетъ надежность тылу арміи;

5) наличіе многочисленныхъ путей отступленія и полная свобода маневрированія;

6) возможность перейти въ Литву, населеніе которой въ большинствѣ антибольшевистское и съ правительствомъ которой ведутся уже вполнѣ благопріятные для арміи переговоры;

7) богатство страны, какъ въ денежномъ отношеніи, такъ и въ области продовольствія;

8) большой офицерскій кадръ въ Литвѣ и Польшѣ и городахъ Ригѣ и Либавѣ, а въ послѣдней, кромѣ того, значительное количество военноплѣнныхъ, бывшихъ въ Германіи, изъ которыхъ многіе желаютъ поступить въ армію, даютъ увѣренность въ возможности быстро увеличить численность арміи. Сверхъ того въ дальнѣйшемъ можно надѣяться на пополненія непосредственно изъ лагерей военноплѣнныхъ въ Германіи;

9) возможность быстро установить связь съ добровольческими арміями юга Россіи и Верховнымъ Правителемъ;

10) неограниченность численности арміи;

11) широкія преспективы на дилпоматическомъ и политическомъ поприщѣ;

12) при движеніи впередъ и выходѣ изъ Прибалтійскаго Края на чисто русскую территорію выгодное стратегическое положеніе арміи.

Согласно переданному мнѣ черезъ ротмистра Гоштовтъ Вашего послѣдняго приказанія подготовить путь къ отступленію арміи въ южномъ направленіи, мною было сдѣлано все, чтобы выполнить, возложенную на меня задачу.

Въ настоящее время всѣ препятствія къ переходу арміи въ раіонъ Митава—Либава устранены и мѣстныя власти, какъ это мною изложено выше, относятся даже къ этому вполнѣ благожелательно. Кромѣ того, по имѣющимся у меня свѣдѣніямъ, Штабъ А. О. К. 8 предоставитъ эшелоны для арміи, направивъ ихъ на ст. Вольмаръ.

Адмиралъ Синклеръ вчера утромъ съ эскадрой ушелъ въ Ригу, гдѣ переговоривъ съ центральнымъ Латышскимъ правительствомъ относительно насъ, будетъ телеграфировать своему верховному командованію объ общемъ положеніи въ Прибалтійскомъ Краѣ и въ частности о «Сѣверной Арміи».

Окончательный отвѣтъ въ денежномъ отношеніи надѣюсь получить къ 20-му декабрю, который немедленно передамъ Вамъ.

Порвать договоръ съ Эстонскимъ правительствомъ можно будетъ ссылкою на неисполненіе ими пункта о снабженіи арміи всѣмъ необходимымъ.

Возвратомъ уже потраченныхъ ими денегъ на армію можетъ послужить цѣнность трехъ вооруженныхъ пароходовъ Чудской флотиліи, находящейся въ Юрьевѣ.

Обо всемъ вышеизложенномъ мною уже неоднократно сообщалось полковнику Бибикову.
18-го декабря 1918 года

N 34 Ротмистръ фонъ-Розенбергъ
гор. Либава

Такимъ образомъ къ переходу арміи въ раіонъ Митава—Либава было все подготовлено и Начальникъ Штаба со дня на день ждалъ извѣстій изъ Риги о началѣ движенія. Оданако изъ арміи никакихъ свѣдѣній не поступало, а отъ офицеровъ, случайно прорвавшихся въ Ригу, ничего опредѣленнаго узнать было нельзя, такъ какъ они обыкновенно довольно разнорѣчиво разсказывали о дѣйствіяхъ арміи и ея ближайшихъ задачахъ.

Полковникъ Родзянко, по соображеніямъ семейнаго характера, выѣхалъ, послѣ переговоровъ съ англичанами обратно въ Ригу.

Ротмистръ Гоштовтъ направился, согласно приказанію Командующаго, въ Литву и Польшу, для переговоровъ съ ихъ правительствами о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ противъ большевиковъ и установленія связи.

Вскорѣ Начальникъ Штаба получилъ отъ него донесеніе, въ которомъ Гоштовтъ сообщалъ, что Литовское правительство готово принять армію даже на свою территорію и обезпечить ей существованіе и что съ удовольствіемъ будетъ работать вмѣстѣ. Тоже самое онъ докладывалъ и про Польшу.

О всемъ этомъ Начальникъ Штаба письменно донесъ Командующему и еще разъ выразилъ пожеланіе о необходимости перехода арміи въ раіонъ Митава—Либава (приложеніе № 19).

И это донесеніе осталось безъ отвѣта и какъ выяснилось впослѣдствіи изъ за отсутствія надлежащей связи Командующаго съ арміей, которой временно командовалъ полковникъ Бибиковъ, въ то время, какъ самъ Командующій находился въ гор. Ревелѣ, гдѣ велъ совмѣстно съ Эстонскимъ правительствомъ, переговоры съ англійскамъ командованіемъ.

22-го декабря Начальникъ Штаба получилъ донесеніе отъ капитана фонъ-Мевеса о томъ, что ему проѣхать къ арміи не удалось, такъ какъ Валкъ, по прежнему, быль занятъ большевиками. Одновременно онъ переслалъ отвѣтную записку полковника Бибикова на первое сообщеніе Начальника Штаба отъ 10-го декабря. Записка была помѣчена 11-ымъ декабря и, судя по ея содержанію, можно было заключить, что армія совершенно не предполагаетъ начать движеніе на Ригу—Митаву—Либаву.

По полученіи этихъ свѣдѣній ротмистръ фонъ-Розенбергъ отправилъ Командующему рапортъ съ просьбою объ освобожденіи его отъ должности Начальника Штаба, ибо онъ, оставаясь при своемъ старомъ мнѣніи о гибельности отступленія на Ревель, не считаетъ себя въ правѣ брать отвѣтственность за это рѣшеніе (приложеніе № 20). Въ то же время имъ была отправлена записка капитану фонъ-Мевесъ, въ которой онъ сообщаетъ ему о своемъ рѣшеніи уйти съ поста Начальника Штаба и даетъ ему послѣднія указанія (приложеніе № 21).

24-го декабря въ гор. Либаву прибылъ шатбсъ ротмистръ Андреевскій 2-ой, привезшій съ собою приказъ по «Сѣверной Арміи» отъ 10-го декабря, которымъ ротмистру фонъ-Розенбергъ предписывалось сдать, а полковнику фонъ-Вааль принять должность Начальника Штаба. Въ томъ же приказѣ ротмистръ назначался для порученій съ приказаніемъ отправиться въ Гельсингфорсъ въ распоряженіе генерала Манергеймъ (приложеніе № 22).

Такимъ образомъ вопросъ о перходѣ арміи въ раіонъ Митава—Либава отпадалъ и всѣ старанія Начальника Штаба въ этомъ направленіи были напрасными.

Въ данномъ случаѣ особенно ярко сказалось то, о чемъ я упоминалъ выше — «старшіе», получившіе свои должности изъ рукъ ротмистра фонъ-Розенбергъ, скоро забыли объ этомъ и въ рѣшительный моментъ предпочли согласиться на его уходъ, чѣмъ послѣдовать его, какъ оказалось вполѣдствіи, вполнѣ правильному рѣшенію. Ротмистръ, бывшій единственнымъ иниціаторомъ и организаторомъ, «Сѣверной Арміи» и вынесшій на своихъ плечахъ всю тяжесть и рискованность первоначальной работы по ея формированію, принужденъ

былъ отстраниться отъ дальнѣйшаго участія въ дѣлѣ, на которое онъ возлагалъ всѣ свои надежды. Конечно было бы правильнѣе, если бы онъ потребовалъ бы подчиненія своему рѣшенію, но объ этомъ можно говорить только теперь, когда опытъ научилъ многому, а тогда событія развивались постепенно и окончательное рѣшеніе «старшихъ» отступать на Ревель и базироваться на Эстляндію стало извѣстно ему лишь 24-го декабря, то есть слишкомъ поздно.

Въ это время переходъ арміи и фактически былъ уже невыполнимъ, такъ какъ большевистскія банды повели усиленное наступленіе на Ригу и ими вскорѣ были заняты Зегевольдъ и Хинценбергъ, что стало непосредственно угрожать Ригѣ. Кромѣ того большевики произвели натискъ у гор. Юрьева и мѣстечка Руенъ.

Въ первомъ направленіи части русской «Сѣверной Арміи», вмѣстѣ съ эстонскими войсками, послѣ взятія большевиками Юрьева, остановили ихъ дальнѣйшее продвиженіе и даже потѣснили ихъ нѣсколько назадъ; однако во второмъ — гдѣ были сосредоточены главныя силы «Сѣверной Арміи» подъ камандою полковника Бибикова, положеніе создалось тяжелое и чуть было не кончилось полною катастрофою. Спасло армію отъ полнаго уничтоженія недостатокъ силъ у большевиковъ и энергичная распорядительность прибывшаго туда Командующаго полковника фонъ-Нефъ, который лично водилъ цѣпи въ бой и рѣшительнымъ сопротивленіемъ остановилъ наступленіе красныхъ войскъ. Эти бои стоили «Сѣверной Арміи» очень дорого и потребовали отъ нея крайняго напряженія силъ.

Войска сражались геройски и, тѣмъ самымъ, спасли себя отъ неминуемой гибели, такъ какъ стратегическое положеніе «Сѣверной Арміи» было весьма невыгодное и прорвись большевики въ одномъ изъ указанныхъ выше направленіяхъ къ Ревелю, она была бы приперта къ морю и добровольцамъ оставалось бы либо сдаться на милость побѣдителя либо умереть съ оружіемъ въ рукахъ.

Повторяю, что «Сѣверная Армія» избѣжала уничтоженія только благодаря своему геройскому сопротивленію и счастливой случайности, выразившейся въ грубой ошибкѣ большевистскаго командованія при выборѣ направленія главнаго удара.

Большевистскія банды потянуло къ наибольшей добычѣ — Ригѣ, но эта жажда къ грабежу обошлась имъ впослѣдствіи очень дорого: спасенная этимъ «Сѣверная Армія» оправилась, пополнилась и, превратясь въ «Сѣверо-Западную армію» генерала Юденича, годъ спустя послѣ этого чуть было не взяла Петербурга, если бы этому не помѣшало предательство союзнаго ей англійскаго флота.

IV.
ЛИБАВСКІЙ ПЕРІОДЪ.

Полковникъ Родзянко, узнавъ объ уходѣ ротмистра фонъ-Розенбергъ, снова началъ проявлять усиленную дѣятельность, надѣясь, что теперь онъ безъ помѣхи достигнетъ своихъ цѣлей и станетъ во главѣ группы добровольцевъ, отрѣзанныхъ большевиками отъ «Сѣверной Арміи». Прежде всего онъ предложилъ всѣмъ офицерамъ и солдатамъ поступить въ Рижскій Русскій

Верховный Правитель Россіи адмиралъ Колчакъ. Былъ преданъ французскимъ генераломъ Жаненомъ и разстрѣлянъ большевиками.

Карта 8

Его Королевское Высочество Принцъ Леопольдъ Баварскій, Главнокомандующій Восточнаго фронта.

Генералъ-маіоръ Гофманъ, Начальникъ Штаба Восточнаго фронта.

Стрѣлковый батальонъ, которымъ командовать собирался самъ, но когда изъ этого ничего не вышло, онъ перенесъ весь центръ тяжести въ Либаву, куда и отправилъ всѣхъ добровольцевъ.

Отдавъ 24-го декабря объ этомъ письменный приказъ (приложеніе № 23), онъ самъ выѣзжаетъ изъ Риги только 29-го и не по желѣзной дорогѣ, а въ видѣ увесилительной прогулки верхомъ. Вотъ, какъ онъ описываетъ это путешествіе въ своихъ: «Воспомимнаніяхъ о Сѣверо-западной арміи»:

«29-го декабря я вмѣстѣ со женой и штабсъ ротмистрами братьями Баннеръ Фогтъ двинулся въ сопровожденіи двухъ повозокъ черезъ Маіоренгофъ-Туккумъ и Гольдингенъ въ Либаву. Несмотря на морозъ, путешествіе было пріятное и обошлось безъ всякихъ инцидентовъ; останавливались у помѣщиковъ и все путешествіе носило скорѣе характеръ прогулки.»

Въ то время, когда полковникъ Родзянко развлекался прогулкою верхомъ, въ Либаву начали прибывать, согласно его приказанію, офицеры и солдаты, которые, вслѣдствіе отсутствія какого-либо руководства, попали въ очень тяжелое положеніе. Всѣ они пріѣзжали безъ денежныхъ средствъ, не имѣли пристанища и, короче говоря, были пущены на произволъ судьбы полковникомъ Родзянко, который, отдавая приказъ, не позаботился подготовить въ Либавѣ все необходимое къ ихъ пріѣзду.

Прибывающіе офицеры и солдаты, по собственной инициативѣ, шли къ ротмистру фонъ-Розенбергъ и просили его помочь и дать далнѣйшія указанія.

Ротмистръ дѣлалъ все, что могъ, но онъ не располагалъ денежными средствами, необходимыми для удовлетворенія ихъ нуждъ и потому обстановка создавалась довольно затруднительная. Надо отмѣтить, что изъ суммъ «Сѣверной Арміи» въ наличности еще имѣлось 100000 рублей кредитными билетами Псковскаго казначейства, которые были переданы Начальникомъ Штаба, передъ его отъѣздомъ изъ Риги, капитану Гершельманъ для размѣна ихъ въ германской военной кассѣ. Судьба этихъ денегъ въ то время не была еще извѣстна ротмистру и онъ, надѣясь, что капитанъ Гершельманъ исполнитъ данное ему порученіе и размѣняетъ деньги, просилъ офицеровъ потерпѣть до его прибытія изъ Риги, но, какъ оказалось въ этомъ направленін, ожидать было нечего и, если бы не счастливая случайность, помогшая выйти изъ затрудненія, трудно даже предполагать, чѣмъ бы все это кончилось.

27-го декабря въ Либаву неожиданно пріѣхалъ ротмистръ Гершельманъ, который, какъ говорилось выше, еще изъ Пскова былъ командированъ Штабомъ арміи въ Кіевъ съ порученіемъ просить генерала графа Келлеръ принять командованіе «Сѣверной Арміей».

Въ свое время Гершельманъ доносилъ въ Штабъ, что генералъ графъ Келлеръ принялъ командованіе «Сѣверной Арміей», утвержденъ въ этой должности генераломъ Деникинымъ и въ скоромъ времени выѣдетъ въ Псковъ. О себѣ онъ писалъ, что по приказанію новаго Командующаго, онъ остается въ его распоряженіи и прибудетъ въ армію вмѣстѣ съ нимъ. Нѣсколько дней спустя послѣ полученія этихъ извѣстіи, начался вынужденный отходъ «Сѣверной Арміи» изъ Пскова и связь съ Кіевомъ, такимъ образомъ, была потеряна.

По прибытіи въ Либаву, ротмистръ Гершельманъ явился къ бывшему Начальнику Штаба и доложилъ ему слѣдующее:

Онъ все время находился при генералѣ графѣ Келлеръ, который, по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, былъ вынужденъ откладывать со дня на день свой отъѣздъ въ Псковъ. Между тѣмъ событія въ Кіевѣ, послѣ революціи въ Германіи, развивались быстрымъ темпомъ и все шло неуклонно къ гибели. Когда стало извѣстнымъ о приближеніи къ Кіеву, большевистски настроенныхъ, бандъ Петлюры и когда занятіе города не вызывало уже ни у кого сомнѣнія, графъ Келлеръ приказалъ ему немедленно выѣхать въ Штабъ «Сѣверной Арміи». Объ отступленіи арміи изъ Пскова генералу графу Келлеръ было уже извѣстно и потому онъ поручилъ ротмистру Гершельманъ передать въ Штабъ, что онъ, какъ Командующій, считаетъ наиболѣе подходящимъ мѣстомъ для дальнѣйшаго формированія арміи раіонъ Митава—Либава, куда и приказываетъ арміи сосредоточиться.

Вполнѣ понимая, что армія будетъ нуждаться въ деньгахъ графъ Келлеръ передаетъ ротмистру Гершельманъ на первоначальныя нужды арміи 300000 рублей, предупредивъ его, что изъ остальныхъ, имѣющихся въ его распоряженіи 1700000 рублей, полтора милліона уже выдано, для той же цѣли, члену «Совѣта Обороны», сенатору Туганъ Барановскому, который выѣдетъ въ Прибалтійскій Край слѣдомъ за нимъ, Остающіеся 200000 рублей генералъ графъ Келлеръ предполагалъ истратить на перевозку изъ Кіева въ Прибалтику офицеровъ и добровольцевъ, вмѣстѣ съ которыми расчитывалъ прибыть и самъ.

Ротмистру Гершельманъ, во время своего путешествія, пришлось не мало встрѣтить всевозможныхъ препятствій и онъ даже совершенно неожиданно попалъ въ раіонъ расположенія большевиковъ но, благодаря умѣнію найтись въ любой моментъ, онъ преодолѣлъ всѣ затрудненія и блестяще выполнилъ, возложенное на него порученіе.

Привезенныя имъ свѣдѣнія снова влили энергію и возвратили надежды въ Либавскую группу офицеровъ и добровольцевъ. Въ частности для бывшаго Начальника Штаба арміи было большимъ нравственнымъ удовлетвореніемъ узнать, что настоящій Командующій, столь уважаемый имъ генералъ графъ Келлеръ, оказался одинаковаго мнѣнія съ нимъ относительно выбора раіона формированія для арміи.

Для исполненія приказанія генерала графа Келлеръ было немедленно приступленно къ формированію Либавскаго добровольческаго отряда. Во главѣ формируемаго отряда сталъ, какъ старшій въ чинѣ, генералъ Симанскій (бывшій въ «Сѣверной Арміи» начальникомъ дивизіи). Начальникомъ Штаба въ случаѣ, если бы успѣхъ формированія потребовалъ бы созданія штаба, предполагался ротмистръ фонъ-Розенбергъ.

Отдавая 30-го декабря приказъ о началѣ формированія Либавскаго отряда, генералъ Симанскій объявилъ: «съ цѣлью установить возможно скорѣйшій порядокъ въ той группѣ офицеровъ и солдатъ, которая оказалась въ гор. Либавѣ, принимаю на себя, какъ старшаго въ чинѣ, командованіе названною группою».

Далѣе въ приказѣ идутъ всевозможныя назначенія и строгое распредѣленіе

сферъ дѣятельности каждого начальствующаго лица, а также и порядокъ подчиненности, что было весьма важно при создавшейся, вслѣдствіе распоряженія полковника Родзянко, обстановкѣ, когда никто не зналъ къ кому онъ долженъ обращаться

Въ заключеніе генералъ Симанскій указываетъ: «до предстоящихъ переговоровъ съ англійскимъ правительствомъ задаюсь ближайшими двумя цѣлями: 1) скорѣйшимъ сформированіемъ изъ наличнаго числа офицеровъ и солдатъ роты, которая могла бы послужить кадромъ для дальнѣйшихъ формированій и 2) безотлагательнымъ улучшеніемъ положенія, въ которомъ оказались офицеры и солдаты, отрѣзанные отъ главнаго отряда.» (приложеніе № 24).

При отрядѣ былъ образованъ временный хозяйственный «Совѣтъ Обороны» — во главѣ съ Г. М. Дерюгинымъ и въ составѣ еще 3-хъ членовъ. Деньги, привезенныя ротмистромъ Гершельманъ, были переданы этому совѣту, который и дѣлалъ осотвѣтствующіе отпуски на нужды Либавскаго отряда.

Такимъ образомъ было разрѣшено затруднительное положеніе всѣхъ прибывшихъ, по приказанію полковника Родзянко, офицеровъ и солдатъ.

Вначалѣ дѣло пошло очень успѣшно и въ три дня была сформирована рота, но для дальнѣйшаго развитія русскихъ добровольческихъ частей необходимы были денежныя средства, а также вооруженіе, снаряженіе, обмундированіе и прочее военное имущество.

По этому поводу велись безпрестанно переговоры съ англичанами и ротмистръ фонъ-Розенбергъ, выполняя порученія генерала Симанскаго, часто бывалъ на борту ихъ эскадры, но къ сожалѣнію всѣ эти переговоры не привели ни къ какимъ положительнымъ результатамъ. Англичане много обѣщали, но ничего не выполняли, да, повимому, и не могли этого сдѣлать, такъ какъ ихъ правительство вполнѣ опрдѣленно заняло враждебную позицію къ Россіи, какъ цѣлому государству и неуклонно проводило политику расчленія своего прежняго союзника.

Такъ напримѣръ адмиралъ Синклеръ, вышедшій въ Рижскій заливъ и обстрѣлявшій тамъ большевиковъ, наступавшихъ на Ригу, былъ отозванъ своимъ правительствомъ въ Лондонъ, гдѣ ему было предъявлено обвиненіе въ превышеніи власти и вмѣшательствѣ въ междуусобную войну.

Послѣ этого Рига 3-го января 1919 года была занята красными бандами и англичане безучастно наблюдали за звѣрской расправой большевиковъ съ мѣстными жителями, сохраняя нейтралитетъ и не вмѣшиваясь въ русскія внутреннія дѣла. Конечно это была только маска, скрывавшая истинныя желанія англичанъ и впослѣдствіи, когда мои войска, съ цѣлью обезпечить себѣ тылъ, повели наступленіе на Ригу, тѣ же англичане, безъ всякаго колебенія, жестоко обстрѣляли судовой артиллеріей мои части, которыя имѣли неосторожность приблизиться къ приморской полосѣ. Мнѣ кажется, что политика нашихъ союзниковъ англичанъ, въ данномъ случаѣ, и безъ коментаріевъ вполнѣ ясна.

5-го января, совершивъ увесилительную прогулку верхомъ, прибылъ въ гор. Либаву полковникъ Родзянко. Въ своихъ «Воспоминаніяхъ» онъ, между прочимъ, пишетъ: «Тѣмъ временемъ въ Либавѣ мнѣ усиленно стали предлагать заняться формированіемъ русскаго отряда подъ верховнымъ нѣмецкимъ коман-

дованіемъ; я категорически отказался, не вѣря больше, послѣ Пскова и Риги, въ серьозность германскихъ предложеній».

На самомъ дѣлѣ все было иначе и никто ему ничего формировать не предлагалъ, а напротивъ онъ самъ непремѣнно хотѣлъ командовать русскими частями и при томъ ему было безразлично, кто ихъ будетъ поддерживать. Въ этомъ направленіи онъ сперва обратился съ претензіей къ ротмистру фонъ Розенебргъ, а когда тотъ отказался съ нимъ разговаривать на эту тему, то онъ пошелъ объясняться съ генераломъ Симанскимъ. Однако и генералъ Симанскій также далъ ему соотвѣтствующій отпоръ и попросилъ его не вмѣшиваться въ дѣло организаціи офицеровъ и добровольцевъ. Такой же отпоръ былъ имъ полученъ и отъ членовъ временнаго хозяйственнаго Совѣта Обороны. Спустя нѣсколько дней онъ опять вступилъ въ объясненіе съ ротмистромъ и заявилъ ему, что его обманули, сказавъ, что «Сѣверная Армія» признана генераломъ Деникинымъ, тогда какъ онъ теперь имѣетъ обратныя свѣдѣнія и поэтому онъ больше не желаетъ принимать участіе въ нѣмецкихъ авантюрахъ и уѣзжаетъ немедленно въ Добровольческую армію.

Интересно, что онъ рѣшилъ ѣхать на югъ Россіи также, какъ изъ Риги въ Либаву, то есть верхомъ черезъ всю Европу. Можетъ быть такое путешествіе въ нормальное время могло бы быть даже полезнымъ въ спортивномъ отношеніи, но заниматься экскурсіей верхомъ въ тотъ моментъ, когда все горѣло въ огнѣ, могъ только человѣкъ мало любящій свою Родину.

Конечно затѣя Родзянко окончилась полною неудачею и онъ, едва переѣхавъ германскую границу, былъ арестованъ и препровожденъ въ гор. Мемель, гдѣ ему пришлось просидѣть нѣкоторое время, пока не была установлена цѣль его прибытія, столь страннымъ способомъ передвиженія, въ Германію.

Между тѣмъ денежное положеніе Либавскаго отряда снова начало пріобрѣтать трагическій характеръ. Привезенныя Гершельманомъ 300 000 руб. приходили къ концу, а на поступленіе новыхъ не было никакихъ надеждъ. Англичане, послѣ многихъ обѣщаній, въ концѣ концовъ заявили, что они не могутъ помочь въ дѣлѣ формированія ни деньгами ни военнымъ имуществомъ. Одновременно сенаторъ Туганъ Барановскій, получившій, какъ говорилось выше, на нужды «Сѣверной Арміи» отъ генерала графа Келлеръ полтора милліона рублей и прибывшій окружнымъ путемъ въ городъ Мемель, узнавъ о трагической смерти генерала графа Келлеръ, предпочелъ деньги не выдавать. Онъ выслалъ въ Либаву, такъ называемаго, своего адъютанта, какого-то господина Озоля, по происхожденію латыша, который, явившись къ генералу Симанскому, доложилъ ему въ весьма развязной формѣ, что сенаторъ не считаетъ цѣлесообразнымъ продолжать формированіе русскихъ частей въ Либавѣ.

Не желая подвергать офицеровъ и солдатъ опасности въ одинъ прекрасный день остаться на улицѣ, генералъ Симанскій, отозвалъ съ фронта русскую роту, (рота уже принимала участіе въ боевой работѣ вмѣстѣ съ германскими и латышскими частями (приложеніе № 25), отдалъ приказъ о расформированіи Либавскаго отряда, при чемъ офицерамъ и солдатамъ было выдано за полтора мѣсяца впередъ содержаніе и даровой проѣздъ въ Добровольческую Армію.

Въ моментъ ликвидаціи Либавскаго отряда къ ротмистру фонъ-Розенбергъ пришелъ князь Левинъ и попросилъ у него разрѣшенія изъ желающихъ офицеровъ и солдатъ этого отряда сформировать русскую роту при Ландесверѣ.

Онъ сообщилъ, что снабженіе этой роты всѣмъ необходимымъ и плату жалованія брало на себя германское военное командованіе въ Либавѣ.

Ротмистръ фонъ-Розенбергъ съ радостью согласился на это предложеніе и обѣщалъ въ этомъ начинаніи оказать свое полное содѣйствіе, но у него въ данномъ случаѣ были болѣе широкія планы и для осуществленія ихъ онъ рѣшилъ ѣхать въ Германію. Передъ своимъ отъѣздомъ онъ сдалъ полную отчетность и остатокъ тѣхъ суммъ, которыя у него находились на рукахъ временному хозяйственному Совѣту Обороны, который провѣривъ все, составилъ объ этомъ актъ (приложеніе № 26).

ГЛАВА VIII

ПОДГОТОВИТЕЛЬНАЯ ВОЕННАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ РАБОТА ВЪ БЕРЛИНѢ.

Закончивъ всѣ свои дѣла по расформированію Либавскаго отряда, ротмистръ фонъ-Розенбергъ, вмѣстѣ съ небольшой группой офицеровъ, выѣхалъ въ Берлинъ, куда и прибылъ 17-го января 1919 года.

Къ этому времени соціалистическое германское правительство съ большимъ трудомъ справилось съ спартакистскимъ возстаніемъ, но положеніе его было весьма шаткое и твердая власть отсутствовала. Благоразуміе нѣкоторой, сохранившей еще дисциплину, части германскихъ войскъ взяло верхъ и вооруженное выступленіе кучки дезертировъ, организованныхъ на большевистскія деньги, было подавлено. Однако впереди вставали новыя затрудненія, связанныя съ сложными вопросами внутренней и внѣшней политики и разрѣшеніе ихъ требовало отъ Германіи напряженія всѣхъ ея здоровыхъ силъ.

Ознакомившись съ положеніемъ въ Германіи, ротмистръ пришелъ въ уныніе и было отчего. Въ помощь «союзниковъ» онъ не вѣрилъ и въ этомъ отношеніи, послѣ переговоровъ съ англичанами въ Либавѣ, у него не было никакихъ надеждъ, а Германія, которая должна бы была итти сейчасъ навстрѣчу сближенію съ Россіей, сама была больна той же революціонной болѣзнью и съ тѣми же характерными признаками большевизма. Во главѣ стояло безвольное соціалистическое правительство, а рядомъ работали солдатскіе совѣты, эти гнѣзда большевистскаго производства.

При такихъ обстоятельствахъ трудно было начинать совмѣстную работу, такъ какъ отсутствовали и съ той и другой стороны правомочныя лица, которыя могли бы были взять на себя отвѣтственность, а главное имѣли бы достаточно власти, чтобы провести свои планы въ исполненіе.

Переговоры ротмистра съ нѣкоторыми, по преимуществу военными, германскими кругами всегда были очень утѣшительными и съ ихъ стороны онъ встрѣчалъ полное пониманіе настоящаго момента и важности совмѣстной работы. Однако они совѣтовали нѣсколько выждать, хотя бы до того времени, пока опредѣлится то лицо, къ которому можно будетъ обратиться съ предложеніемъ, имѣя увѣренность, что оно въ состояніи будетъ осуществить задуманное на дѣлѣ.

Въ виду всего этого онъ рѣшилъ заняться изученіемъ общей обстановки, а также ознакомиться съ положеніемъ русскихъ военноплѣнныхъ въ германскихъ лагеряхъ.

Какъ мною было указано выше, въ Берлинѣ начала функціонировать Русская Миссія Краснаго Креста во главѣ съ генераломъ Потоцкимъ, который,

послѣ пережитыхъ непріятностей во время возстанія спартакистовъ и ареста, всецѣло перешелъ въ станъ «союзниковъ», подъ покровительствомъ военныхъ миссій которыхъ онъ и открылъ свою дѣятельность въ лагеряхъ русскихъ военноплѣнныхъ.

По настоянію «союзниковъ» лагеря были переданы въ его вѣдѣніе и для руководства ими генералъ Потоцкій создаваль канцелярію и подбиралъ себѣ необходимый штатъ служащихъ. На все это онъ получилъ средства отъ союзниковъ.

Ротмистръ фонъ-Розенбергъ совершенно не зная генерала Потоцкаго, а также и его намѣреній, рѣшилъ всетаки пойти къ нему и доложить о положеніи въ Прибалтійскомъ Краѣ, а также подѣлиться съ нимъ своими соображеніями и планами на будущее. Онъ шелъ къ нему съ открытой душой, какъ къ русскому генералу, надѣясь встрѣтить съ его стороны полную готовность и желаніе работать въ интересахъ своего отечества. Одновременно онъ надѣялся, что генералъ будетъ въ состояніи помочь ему получить разрѣшеніе на проѣздъ въ въ Финляндію, куда онъ хотѣлъ съѣздить для полученія необходимыхъ полномочій на продолженіе своей работы отъ генерала Юденича. Однако всѣ попытки въ этомъ направленіи не увѣнчались успѣхомъ и финляндскій посланникъ на всѣ запросы со всевозможными поясненіями, получалъ неизмѣнно отъ своего правительства вполнѣ опредѣленный отказъ въ визѣ.

Выслушавъ докладъ ротмистра о его дѣятельности въ Прибалтійскомъ Краѣ генералъ Потоцкій предложилъ ему, какъ офицеру Генеральнаго Штаба, мѣсто начальника канцеляріи и совмѣстную работу по приведенію въ порядокъ лагерей военноплѣнныхъ.

Ротмистръ поблагодарилъ за довѣріе, но предложеніе отклонилъ, объяснивъ свой отказъ тѣмъ, что его въ данный моментъ не можетъ удовлеторить канцелярская работа и что онъ расчитываетъ на другомъ поприщѣ принести большую пользу общему дѣлу въ борьбѣ съ большевизмомъ.

Онъ вполнѣ откровенно разсказалъ генералу Потоцкому свои планы относительно созданія добровольческихъ войскъ въ Прибалтійскомъ Краѣ и образованія тамъ значительнаго по силамъ антибольшевистскаго фронта.

Эти планы въ общихъ чертахъ сводились къ слѣдующимъ задачамъ: 1) поддержать всѣмъ, чѣмъ только возможно русскія добровольческія войска въ Эстляндіи (большая часть «Сѣверной Арміи» подъ командою полковника фонъ-Нефъ) и въ Латвіи (отрядъ ротмистра князя Ливена, созданный, какъ было указано выше, изъ меньшей части «Сѣверной Арміи»); 2) пополнить отрядъ ротмитра князя Ливена новыми добровольцами изъ числа русскихъ военноплѣнныхъ и интернированныхъ въ Германіи; 3) соединить обѣ группы въ одну подъ общимъ командованіемъ генерала Юденича.

Генералъ Потоцкій согласился съ важностью образованія Прибалтійскаго добровольческаго фронта, но не раздѣлялъ намѣренія ротмистра осуществить всеь этотъ планъ съ помощью германцевъ.

По его мнѣнію германцы совершенно безсильны и сами находятся наканунѣ большевизма, а кромѣ того ихъ революціонное правительство ищетъ сближенія съ большевиками и не пойдетъ на борьбу противъ нихъ. Единственные, по

его глубокому убѣжденію, кто можетъ помочь въ этомъ дѣлѣ, были «союзники» и, главнымъ образомъ, французы. Онъ показалъ нѣсколько писемъ, адресованныхъ ему, главою французкой военной миссіи, генераломъ Дюпонъ, въ которыхъ послѣдній завѣрялъ въ готовности Франціи пойти во всемъ навстрѣчу, что касается борьбы съ большевизмомъ. Письма были дѣйствительно весьма дружескаго содержанія и неизмѣнно начинались: «Mon cher general».

Далѣе генералъ, подъ условіемъ строжайшей тайны, сообщилъ, что «союзники» обѣщали ему помочь въ созданіи добровольческой арміи въ 200000 человѣкъ изъ русскихъ военноплѣнныхъ въ Германіи. Содержаніе и обезпеченіе всѣмъ необходимымъ этой арміи «союзники» брали на себя и кромѣ того обѣщали свое всесильное содѣйствіе при организаціонной работѣ и въ дѣлѣ транспорта на ближайшій большевистскій фронтъ.

На возраженія ротмистра и его указанія на поведеніе англичанъ въ Либавѣ, генералъ отвѣтилъ, что это недоразумѣніе, происшедшее изъ за того, что не было достаточно довѣрія къ командному составу «Сѣверной Арміи», созданной при содѣйствіи германцевъ.

Въ данномъ же случаѣ все руководство формированіемъ арміи будетъ въ его генерала Потоцкаго рукахъ и потому о затрудненіяхъ не можетъ быть рѣчи, такъ какъ онъ пользуется полнымъ довѣріемъ «союзниковъ».

Ротмистръ отвѣтилъ, что, если на дѣлѣ дѣйствително все окажется, какъ это предполагаетъ генералъ, то ничего лушаго желать нельзя и онъ готовъ поэтому, оставивъ вопросъ объ оріентаціяхъ въ сторонѣ, работать совмѣстно для приведенія всего плана въ исполненіе.

По его мнѣнію необходимо было немедленно установить полную связь съ добровольческими группами въ Прибалтійскомъ Краѣ и онъ предложилъ для выполненія этой задачи свои устуги.

Генералъ Потоцкій согласился на поѣздку ротмистра (безъ расхода отъ казны) въ Либаву и, если будетъ возможно, то въ Эстляндію и Финляндію и далъ ему слѣдующія заданія: 1) выяснить общее положеніе въ Прибалтійскомъ Краѣ и въ частности новообразовавшихся республикъ Эстоніи и Латвіи; 2) подробно ознакомиться съ состояніемъ обѣихъ русскихъ добровольческихъ группъ въ Ревелѣ и Либавѣ и съ отношеніемъ къ нимъ англичанъ; 3) посвятить начальниковъ въ планы на будущее; 4) организовать связь.

Вскорѣ послѣ этого ротмистръ фонъ-Розенбергъ вмѣстѣ съ Л-Гв. Артиллерійской бригады полковникомъ фонъ-деръ-Ховенъ выѣхалъ изъ Берлина въ Либаву. Вотъ, какъ онъ самъ описываетъ это путешествіе въ своихъ частныхъ воспоминаніяхъ:

«4-го февраля въ 9 час. вечера я выѣхалъ по порученію генерала Потоцкаго въ гор. Либаву, чтобы тамъ на мѣстѣ собрать всѣ свѣдѣнія о положеніи въ Прибалтійскомъ Краѣ вообще. Вмѣстѣ со мною поѣхалъ полковникъ фонъ-деръ-Ховенъ.

Эта поѣздка очень интересовала меня ,такъ какъ давала мнѣ возможность подробно узнать о судьбѣ «Сѣверной Арміи», съ которой я чувствовалъ себя духовно связаннымъ и устройство будущаго которой я считалъ своимъ нравственнымъ долгомъ.

Въ Берлинѣ на вокзалѣ было много народу, стремившагося куда-то уѣхать — картина хорошо мнѣ знакомая и вообще всѣмъ намъ русскимъ. Мы ее могли наблюдать у себя на Родинѣ съ момента начала революціи — и у насъ всѣ желали уѣхать, разсчитывая въ другихъ мѣстахъ

найти лучшее и потому всѣ желѣзныя дороги были непомѣрно перегружены. И здѣсь солдаты также безцеремонно лѣзли въ вагоны всѣхъ классовъ, побуждаемые единственнымъ желаніемъ поскорѣе вернуться домой и забывая обо всемъ другомъ. Сѣрыя шинели также преобладали въ толпѣ и эти фигуры также непріязненно встрѣчались взглядами окружающихъ. И тутъ солдатъ, бывшій во время войны самымъ дорогимъ для истиннаго патріота, съ момента революціи, потерявъ свой воинскій видъ, началъ пріобрѣтать всеобщую ненависть.

Ѣхать пришлось въ 3-емъ классѣ, хотя билеты у насъ были взяты 2-го. Въ вагонѣ было душно и сильно накурено.

Просидѣвши всю ночь, къ 10 час. утра 5-го февраля прибыли въ Кенигсбергъ и около 12-ти час. дня въ Инстербургъ, гдѣ пересѣли въ другой поѣздъ. Пересадка прошла благополучно и мы снова получили мѣста, но попали въ неотопленный вагонъ и потому пришлось, чтобы не замерзнуть топать ногами и заниматься гимнастикой.

Въ этомъ миломъ занятіи провели время до прибытія въ Мемель, гдѣ снова пришлось пересѣсть въ другой поѣздъ, при чемъ этотъ послѣдній былъ нѣчто ужасное. Окна въ вагонахъ почти всѣ выбиты и завѣшаны тряпками; сидѣнія грязныя, а во второмъ классѣ сукно ободрано. Въ такомъ отвратительномъ видѣ отбыли изъ Мемеля въ 5½ час. дня и съ этого момента начались наши дѣйствительныя мученія: холодно, какъ въ полѣ, вагонъ полонъ жидами спекулянтами. Не разъ наши мысли возврашались къ революціи и ея прелестямъ въ видѣ грязи, хамства и полнаго безпорядка. Неужели въ культурныхъ странахъ свобода должна пониматься, какъ безнаказанность, равенство, какъ равненіе на худшее и братство, какъ символъ хамства.

На границѣ насъ продержали три часа и только въ 9½ час. вечера поѣздъ двинулся дальше. Эта задержка была для насъ совершенно непонятна, такъ какъ таможенный осмотръ былъ весьма поверхностный и занялъ не болѣе получаса, а затѣмъ нашъ поѣздъ началъ свистѣть, маневрировать по заржавленнымъ рельсамъ запасныхъ путей, толкать вагоны и вообще продѣлывать весьма загадочныя манипуляціи.

На слѣдующей станціи повторилась та же исторія и такъ до самой Либавы, куда мы прибыли въ 6½ час. утра, пройдя, такимъ образомъ, растояніе въ 120 километровъ въ 13 часовъ — надо сознаться, что скорость довольно умѣренная. Объясняли намъ подобное движеніе тѣмъ, что ночью было небезопасно и были случаи нападенія на поѣздъ мѣстныхъ большевиковъ, которые, кромѣ того, неоднократно пробовали испортить желѣзнодорожный путь.

Измучились мы конечно сильно и замерзли основательно, а потому по прибытіи въ Либаву въ гостиницу «Петербургъ» заснули тамъ мертвымъ сномъ до 10 час. утра.

Пробудившись пошли въ мѣстное германское военное командованіе, гдѣ насъ встрѣтили старые знакомые германскіе офицеры, которые съ удовольствіемъ подѣлились съ нами своими свѣдѣніями.

Въ общемъ положеніе на фронтѣ вокругъ Либавы было серьозное и представлялось въ такомъ видѣ: на сѣверѣ большевики 1-го февраля заняли кавалерійскимъ отрядомъ въ 300 коней гор. Виндаву и затѣмъ продвинулись оттуда въ направленіи на Ливабу, отъ которой въ настоящій моментъ находились въ 30 километрахъ; на западѣ большевиками была занята станція Муравьево, а южнѣе ихъ части появлялись въ разныхъ мѣстахъ приблизительно въ 25-ти километрахъ отъ желѣзнодорожной линіи Прескульнъ-Скундія.

Оборона Либавы велась весьма разнообразными по національности войсками, которыя можно было раздѣлить на 4 основныя группы: 1) германскія добровольческія части; 2) прибалтійскій ландесверъ; 3) русскій добровольческій отрядъ ротмистра князя Ливена; 4) латышскій добровольческій отрядъ полковника Баллода.

Всѣ эти войска были объединены германскимъ военнымъ командованіемъ въ Либавѣ и въ оперативномъ отношеніи подчинялись его штабу. Въ хозяйственномъ же и казарменномъ отношеніи были болѣе или менѣе самостоятельными.

Наиболѣе устойчивыми въ бою были части прибалтійскаго ландесвера и русскій отрядъ, затѣмъ германскія и послѣдними латышскія. Такого рода классификація была понятна, такъ какъ ландесверъ и русскій отрядъ имѣли въ своемъ составѣ прибалтійскихъ уроженцевъ, главнымъ образомъ, дворянъ, которые защищали свои родныя гнѣзда и которымъ большевики несли смерть. Германскія части были деморализованы революціей и будировались

своими совѣтами[1], что же касается латышей, то у нихъ было національное тяготѣніе къ большевикамъ.

Командира русскаго отряда ротмистра князя Ливена мнѣ повидать не пришлось, такъ какъ онъ находился на фронтѣ и при томъ въ постоянномъ передвиженіи. Главнымъ его помощникомъ по организаціи отряда былъ князь Крапоткинъ, который, узнавъ о моемъ пріѣздѣ, зашелъ ко мнѣ и сообщилъ много интересныхъ свѣдѣный о всемъ томъ, что произошло послѣ моего отъѣзда изъ Либавы.

Политика англичанъ, какъ это можно было уже предполагать по первымъ съ ними переговорамъ, выразилась въ томъ, что ихъ эскадра, крейсируя между Ревелемъ и Либавой, поддерживала непосредственную связь только съ правительствами Эстоніи и Латвіи и способствовала развитію ихъ самостоятельности и укрѣпленію ихъ престижа. Для достиженія послѣднихъ цѣлей, въ первую голову, необходимо было создать въ обѣихъ республикахъ національную вооруженную силу, а потому англичане энергично принимаются за, формированіе и организацію эстонскихъ и латышскихъ частей.

Особенно успѣшно, въ этомъ направленіи, работа пошла въ Эстоніи, гдѣ, въ короткій сравнительно срокъ, была создана прочная военная организація и прекрасно снабженныя, эстонскія войска. Однако все это было сдѣлано въ ущербъ находившейся тамъ русской «Сѣверной Арміи», которая въ это время стояла на позиціяхъ и раздѣтая, голодная, безъ достаточнаго вооруженія охраняла границу и спокойствіе указанной республики.

Эти свѣдѣнія были переданы князю Крапоткину, прибывшими морскимъ путемъ въ концѣ января изъ Ревеля полковниками графомъ Паленъ и Бибиковымъ, постоянной же связи съ «Сѣверной Арміей» не было, такъ какъ она была совершенно изолирована отъ внѣшняго міра и эстонцы оченъ подозрительно относились ко всякимъ ея попыткамъ завязать сношенія помимо ихъ посредничества.

Вмѣстѣ съ указанными полковниками въ Ревель выѣхалъ, возвратившійся изъ Мемеля, полковникъ Родзянко, что оченъ обрадовало ротмистра князя Ливена, такъ какъ полковникъ все время вмѣшивался въ дѣло формированія русскаго отряда.

Нѣсколько иначе положеніе сложилось въ Латвіи, гдѣ съ одной стороны склонность латышскаго населенія къ большевизму мѣшала созданію изъ нихъ значительной вооруженной силы, а съ другой стороны присутствіе германскихъ военныхъ властей позволило, послѣ отказа въ помощи англичанами, ротмистру князю Ливену сформировать небольшой, но очень сплоченный русскій отрядъ, содержаніе котораго взяло на себя германское командованіе въ Либавѣ.

Отрядъ этотъ состоялъ изъ эскадрона въ 100 коней, пулеметной команды въ 125 человѣкъ и роты въ 250 штыковъ, при 8 пулеметахъ и 2 орудіяхъ. Отрядъ былъ вполнѣ обезпеченъ оружіемъ и военными припасами, а также отлично обмундированъ въ германскую форму, но съ русскими погонами, петлицами и кокардами. Довольствіе было вполнѣ достаточное, а содержаніе выдавалось, при всемъ готовомъ, офицеру 18 мар. и добровольцу 11 мар. въ сутки.

Кромѣ того, создавшаяся тяжелая обстановка на Курляндскомъ фронтѣ дала возможность ротмистру князю Ливену получить согласіе отъ всѣхъ властей, то есть отъ англичанъ, германцевъ и латышей, на увеличеніе своего отряда, путемъ вербовки новыхъ добровольцевъ изъ числа военноплѣнныхъ въ Германіи.

Такого рода благопріятное положеніе надо было сейчасъ же использовать и, тѣмъ самымъ, увеличить борющіяся противъ большевиковъ добровольческія части. Если пока нельзя было говорить о созданіи арміи, то необходимо было ограничиться формированіемъ небольшихъ отрядовъ, которые впослѣдсвіи могли легко быть объединены подъ общимъ русскимъ командованіемъ.

Князь Крапоткинъ вполнѣ раздѣлялъ мои взгляды на это дѣло и потому мы быстро сговорились и намѣтили ближайшія дѣйствія, которыя выразились слѣдующими основными

[1] Впослѣдствіи генералъ графъ фонъ-деръ-Гольцъ, принявъ командованіе этими войсками, реорганизовалъ ихъ, уничтожилъ совѣты и снова поднялъ ихъ боевыя качества на должную высоту.

двумя задачами: 1) немедленно пополнить отрядъ князя Ливена до возможности большей численности, и 2) начать переговоры съ германскимъ правительствомъ о поддержкѣ формированія русской добровольческой арміи въ Прибалтикѣ.

Въ виду изложеннаго рѣшенія я отправился въ германское военное командованіе и тамъ заручился бумагами, на основаніи которыхъ мнѣ предоставлялось право, при содѣйствіи Балтійскаго вербовочнаго бюро въ Берлинѣ (Werbebüro Baltenland) отпрвлять изъ Германіи въ Либаву транспорты русскихъ военноплѣнныхъ, выразившихъ желаніе поступить въ отрядъ ротмистра князя Ливена.

Послѣ этого я повидался еще съ англичанами, которые мнѣ ничего новаго не сообщили, но подтвердили, что они согласны на увеличеніе отряда князя Ливена и въ данномъ случаѣ никакихъ препятствій чинить не будутъ.

То же самое мнѣ заявили и мѣстныя латышскія власти.

На другой день 6-го февраля я вмѣстѣ съ полковникомъ фонъ-деръ-Ховенъ выѣхалъ обратно въ Берлинъ.»

По прибытіи въ Берлинъ ротмистръ фонъ-Розенбергъ о всемъ вышеизложенномъ положеніи въ Прибалтійскомъ Краѣ сдѣлалъ подробный докладъ генералу Потоцкому.

Генералъ Потоцкій, послѣ нѣкоторыхъ возраженій, согласился на пополненіе отряда князя Ливена и, записавъ условія службы, сказалъ, что разошлетъ по лагерямъ предложеніе офицерамъ и солдатамъ поступить въ отрядъ. Въ случаѣ если таковые окажутся, генералъ обѣщалъ извѣстить ротмистра съ тѣмъ, чтобы онъ отправилъ бы ихъ по назначенію въ Либаву.

Отъ переговоровъ съ германскимъ правительствомъ по поводу формированія русской арміи при ихъ поддержкѣ, генералъ категорически отказался, ссылаясь на то, что въ этомъ отношеніи будетъ оказана широкая помощь «союзниками». Однако противъ начала такихъ переговоровъ на свой страхъ и рискъ ротмистромъ фонъ-Розенбергъ онъ ничего не имѣлъ, прибавивъ только, что онъ заранѣе увѣренъ въ ихъ полной безполезности.

Тогда ротмистръ, пригласивъ своего прежняго сотрудника по Пскову ротмистра Гершельмана, приступилъ самостоятельно къ переговорамъ съ германцами.

Первыя попытки въ этомъ направленіи среди германскихъ военныхъ, политическихъ и дипломатическихъ круговъ положительнаго успѣха не имѣли, но за то дали много надеждъ на будущее и подтвердили, что германцы сочувствуютъ высказаннымъ планамъ и готовы приступить къ совмѣстной работѣ. Особенно ярко и искренно это было замѣтно у всѣхъ военныхъ, которые открыто выражали свое глубокое сожалѣніе въ томъ ,что переговоры съ правыми русскими организаціями не были начаты раньше и видѣли въ этомъ большую ошибку своихъ дипломатовъ. Они просили немного выждать пока общее положеніе Германіи нѣсколько выяснится, а главное опредѣлится то лицо, съ которымъ можно будетъ приступить къ серьознымъ переговорамъ.

Въ виду этого ротмистръ временно рѣшилъ прекратить переговоры и заняться организаціей русской стороны, чтобы быть въ любой моментъ совершенно готовымъ къ активному выступленію, какъ на военномъ, такъ и на дипломатическомъ поприщѣ. А для этого надо было намѣтить опредѣленную программу дѣйствій и подыскать соотвѣтствующихъ лицъ.

Въ военномъ отношеніи вопросъ разрѣшался быстро и просто: пока можно было ограничиться пополненіемъ отряда ротмистра князя Ливена и созданіемъ новыхъ аналогичныхъ ему отдѣльныхъ отрядовъ, временно подчиненныхъ въ оперативномъ отношеніи германскому командованію.

Въ политическомъ же отношеніи дѣло обстояло много сложнѣе, такъ какъ не легко было найти лицо, которое могло бы объединить русскіе, такъ называемые, общественные круги и потому ротмистръ, послѣ нѣкотораго размышленія, принужденъ былъ остановить свой выборъ на сенаторѣ Туганъ Барановскомъ. Правда, послѣдній еще въ періодъ формированія Либавскаго отряда выказалъ пагубную пассивность, но это можно было объяснить временной растерянностью и неумѣніемъ оріентироваться въ неожиданно сложившейся обстановкѣ, которая требуетъ самостоятельнаго рѣшенія. За него же были тѣ аргументы, что онъ былъ членомъ «Совѣта Обороны» и имѣлъ деньги отъ генерала графа Келлера для «Сѣверной Арміи», которыя очень бы пригодились при началѣ работы, такъ какъ всѣ мы были въ тяжеломъ денежномъ положеніи.

Посѣщеніе ротмистромъ сенатора Туганъ Барановскаго однако не дало ожидаемыхъ результатовъ, потому что и въ данномъ случаѣ сенаторъ не могъ, а можетъ быть и не спѣшилъ рѣшить, куда ему слѣдовало передать или примѣнить, имѣющіяся у него деньги. Онъ сказалъ, что собирается на дняхъ выѣхать въ Ревель и тамъ на мѣстѣ ознакомиться съ положеніемъ «Сѣверной Арміи», послѣ чего, по возвращеніи, онъ дастъ опредѣленный отвѣтъ относительно своего участія въ новой организаціи. Тогда же онъ обѣщалъ въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, предоставить и оставшіеся у него въ распоряженіи 800000[1] рублей на предварительные расходы дѣла.

Послѣ этого разговора ротмистръ посѣтилъ еще нѣкоторыхъ «бывшихъ» людей, предлагая имъ взять руководство политической стороной въ предстоящихъ переговорахъ съ германцами, но они, выражая полное свое сочувствіе начинаемому дѣлу, предпочитали всетаки временно выждать и посмотрѣть во что все это выльется.

Вотъ въ этотъ то моментъ я и встрѣтился съ ротмистромъ фонъ-Розенбергъ въ помѣщеніи Русской Миссіи Краснаго Креста, послѣ моего доклада генералу Потоцкому о моемъ формированіи добровольческаго отряда въ Зальцведелѣ.

Начиная формировать отрядъ я не предрѣшалъ впередъ, на какомъ изъ большевистхихъ фронтовъ онъ будетъ дѣйствовать, такъ какъ обстановка быстро мѣнялась и сдѣлать это, даже при всемъ желаніи, было невозможно.

Однако, я всегда держался того мнѣнія, что лучше наступать съ такой границы, которая ближе находится отъ важнѣйшей цѣли, то есть отъ одной изъ нашихъ столицъ — Петербурга или Москвы. Въ данномъ случаѣ я предпочиталъ рискъ и небольшія силы, будучи увѣренъ, что при первомъ же успѣхѣ я создамъ себѣ вполнѣ прочное положеніе и пополню свои части притокомъ мѣстныхъ добровольцевъ.

[1] Интересно отмѣтить періодическое уменьшеніе суммы, выданной генераломъ графомъ Келлеръ сенатору Туганъ Барановскому. Всего имъ было получено 1½ милліона рублей, но теперь онъ говорилъ только о 800000 рубляхъ. Въ дальнѣйшемъ имъ будетъ упоминаться еще меньшая сумма и, наконецъ, сенаторъ совсѣмъ перестанетъ говорить о деньгахъ.

Командиръ и офицеры Зальцведельской Конно-пулеметной Команды послужившей основанію Западной Арміи.

Лейтенантъ Альбертъ Лео Шлагетеръ, достойный членъ семьи Западной Арміи. Его высокій патріотизмъ и безграничная любовь къ Родинѣ послужили причиной тому, что Пуанкарэ отнялъ его молодую жизнь.

Въ виду этого у меня было предположеніе перебраться со своимъ отрядомъ на территорію Финляндіи и оттуда съ сѣвера повести наступленіе на перерѣзъ важнѣйшихъ желѣзнодорожныхъ путей: Петербургъ-Вологда и Петербургъ—Москва. Для подобныхъ дѣйствій мнѣ необходимъ былъ отрядъ партизанскаго типа и потому вначалѣ мои отрядъ получаетъ это наименованіе.

Встрѣча съ ротмистромъ фонъ-Розенбергъ измѣнила мои первоначальные расчеты и въ бесѣдѣ съ нимъ я понялъ, что наиболѣе вѣрнымъ и скорѣйшимъ путемъ, который приведетъ меня на большевистскій фронтъ, былъ путь черезъ Курляндію.

Кромѣ того, сама идея формированія и дальнѣйшаго развитія русскихъ добровольческихъ отрядовъ съ помощью германцевъ отвѣчала моимъ желаніямъ, такъ какъ я вѣрилъ, что только Германія въ настоящій моментъ заинтересована въ сильной Россіи и потому только отъ нея можно было ожидать дѣйствительной поддержки въ нашей борьбѣ съ большевиками.

Вотъ почему я безъ колебанія согласился на предложеніе ротмистра работать вмѣстѣ и при первой же возможности переброситься со своимъ отрядомъ на Курляндскій фронтъ.

На этомъ мы разстались и я 26-го февраля выѣхалъ обратно въ лагерь Зальцведель, куда и прибылъ полный самыхъ радужныхъ надеждъ и съ удесятеренной энергіей принялся за дальнѣйшее формированіе моего отряда.

Результаты моей поѣздки оказались болѣе значительными, чѣмъ это предполагали я и мои сотрудники. Извѣстіе о признаніи моего отряда Русской Миссіей Краснаго Креста и оказанная ею поддержка нанесли сильнѣйшій ударъ моимъ недоброжелателямъ, которые прекратили свои открытыя выступленія. Настроеніе чиновъ отряда поднялось, притокъ добровольцевъ усилился.

За время моего пребыванія въ Берлинѣ въ отрядѣ была учреждена комиссія для выработки условій службы, а по своемъ возвращеніи я немедленно приказалъ приступить къ формированію конвойнаго взвода для несенія внутренней службы.

28-го февраля въ отрядъ прибылъ гвардіи полковникъ Потоцкій, бывшій однимъ изъ организаторовъ Астраханской арміи въ Кіевѣ въ 1918 году. Я предложилъ ему руководить формированіемъ «отдѣльной пластунской бригады» двухбаталіоннаго состава.

4-го марта приказомъ № 24 отрядъ былъ переименованъ въ просто «партизанскій отрядъ» и для отличія чиновъ отряда отъ прочихъ интернированныхъ въ лагерѣ Зальцведелѣ, былъ утвержденъ нагрудный знакъ — мальтійскій черный крестъ, — выработанный полковникомъ Потоцкимъ.

5-го марта приказомъ № 25 была учреждена должность начальника артиллеріи, каковымъ былъ назначенъ полковникъ Потоцкій (братъ начальника пластунской бригады). И его я зналъ по Кіеву, гдѣ онъ являлся также организаторомъ Астраханской арміи и уже давно раздѣлялъ со мною идею сближенія Россіи съ Германіей.

8-го марта, приказомъ № 28, было приказано приступить къ формированію санитарнаго отряда и команды связи.

Въ теченіе этого времени много было сдѣлано для поднятія дисциплины среди чиновъ отряда: они рѣзко отличались отъ прочихъ интернированныхъ своею выправкою и дисциплинированностью. Сначала это вызывало насмѣшки со стороны невходившихъ въ отрядъ, потомъ насмѣшки перешли въ зависть и злобу. Чтобы изолировать свой отрядъ отъ случайнаго и темнаго офицерскаго элемента, который, благодаря поспѣшнымъ распоряженіямъ военнаго министерства во время войны и затѣмъ революціи, проскользнулъ въ офицерскую корпорацію, я 11-го марта снова поѣхалъ въ Берлинъ съ цѣлью выхлопотать для чиновъ моего отряда отдѣльный лагерь.

По прибытіи въ Берлинъ я отправился въ Русскую Миссію и тамъ обратился къ генералу Потоцкому съ просьбою отвести для моего отряда отдѣльный лагерь. Генералъ посовѣтовалъ мнѣ самостоятельно начать эти хлопоты въ германскомъ военномъ министерствѣ и обѣщалъ со своей стороны поддержать мое ходатайство.

При свиданіи съ ротмистромъ фонъ-Розенбергъ я узналъ отъ него много утѣшительныхъ свѣдѣній относительно общаго хода нашей совмѣстной работы, которая уже начала принимать опредѣленныя формы.

По его словамъ германцы теперь, когда ихъ соціалистическое правительство, въ лицѣ министра государственной обороны Носке, твердо высказалось противъ большевизма и рѣшительными мѣрами ликвидировало второе возстаніе спартакистовъ, особенно рѣзко подчеркивали во время переговоровъ свое желаніе сблизиться съ русскими антибольшевистскими кругами и готовы были во всемъ пойти намъ навстрѣчу.

Наоборотъ наши бывшіе союзники, по прежнему, въ дѣлѣ борьбы съ большевиками проявляли полное, граничащее съ отказомъ въ помощи, равнодушіе и всѣ ихъ обѣщанія генералу Потоцкому о формированіи 200000 добровольческой арміи, изъ числа русскихъ военноплѣнныхъ въ Германіи, являлись полнѣйшимъ вздоромъ, такъ какъ противорѣчили ихъ дѣйствіямъ въ Прибалтійскомъ Краѣ.

Ротмистръ сказалъ мнѣ, что о всемъ этомъ онъ не разъ говорилъ съ генераломъ Потоцкимъ, но что послѣдній все же продолжалъ занимать выжидательную позицію и отказывался отъ принятія участія въ совмѣстной работѣ.

Въ виду всего этого ротмистръ и дальше принужденъ былъ дѣйствовать вполнѣ самостоятельно.

Ведя переговоры съ германцами, ротмистру было ясно, что широкая помощь ими можетъ быть только тогда оказана, когда на это согласится ихъ новое правительство и потому онъ рѣшилъ пойти прямымъ путемъ и обратиться непосредственно къ министру государственной обороны Носке, который, ведя энергичную борьбу съ спартакистами, повидимому, долженъ былъ сочувствовать и борьбѣ съ главнымъ врагомъ — большевиками.

Ротмистромъ была составлена «Краткая записка о Сѣверной Арміи», (приложеніе № 28), въ которой онъ, изложивъ вначалѣ исторію и условія формированія арміи, пишетъ: «Намъ кажется, что тѣ условія, которыя были заключены со старымъ германскимъ правительствомъ вполнѣ пріемлемы и для насто-

ящаго и поддержка «Сѣверной Арміи» на прежнихъ основаніяхъ является выгодной, какъ Германіи, такъ и Россіи.»

«Уничтожая большевизмъ въ Россіи при помощи «Сѣверной Арміи» Германія, тѣмъ самымъ, разъ навсегда покончитъ и со спартакистскими возстаніями у себя, которыя организуются на болшевистскія деньги и, естественно, съ гибелью совѣтскаго правленія потеряютъ почву.»

Эта «записка», переведенная на нѣмецкій языкъ, была передана ротмистромъ министру Носке при его свиданіи съ нимъ въ концѣ марта мѣсяца.

Носке, ознакомившись съ этимъ предложеніемъ, отнесся къ нему весьма благожелательно и обѣщалъ передать его на разсмотрѣніе Совѣта Министровъ, при чемъ добавилъ, что онъ лично будетъ настаивать на принятіи и на немедленномъ проведеніи его въ жизнь.

Черезъ три дня, при второмъ свиданіи, Носке заявилъ, что предложеніе однимъ голосомъ противъ было отклонено Совѣтомъ Министровъ.

Получивши отрицательный отвѣтъ, ротмистръ рѣшилъ, что планъ провалился и хотѣлъ на этомъ закончить временно свою дѣятельность, но Носке повторилъ, что самъ онъ сочуствуетъ борьбѣ съ большевизмомъ, а потому совѣтуетъ не совсѣмъ бросать предполагаемое дѣло, а лишь перейти вначалѣ на болѣе скромные размѣры и тогда этотъ вопросъ можетъ быть разрѣшенъ самостоятельно германскимъ военнымъ командованіемъ на востокѣ, Главный Штабъ котораго находился въ Берлинѣ (Grenzschutz Ost).

Въ этотъ штабъ Носке попросилъ ротмистра зайти черезъ нѣсколько дней, обѣшавъ въ это время переслать туда съ соотвѣтствующими инструкціями, «Краткую записку о Сѣверной Арміи».

На восточномъ фронтѣ у германцевъ были сосредоточены двѣ группы войскъ, изъ которыхъ одна охраняла границу отъ большевиковъ, а другая стояла противъ поляковъ. Первая группа объединялась подъ общимъ командованіемъ генерала фонъ-Квастъ (бывшаго командира 4-ой арміи на Марнѣ), штабъ котораго (Grenzschutz Nord) находился въ Бартенштейнѣ (Восточная Пруссія въ раіонѣ гор. Тильзита) и начальникомъ штаба котораго былъ Генеральнаго Штаба генералъ фонъ-Сектъ) бывшій Начальникъ Штаба генералъ-фельдмаршала фонъ-Макензенъ).

Въ эту группу входили и оккупаціонныя войска, находившіяся въ Курляндіи подъ общимъ командованіемъ генерала графа фонъ-деръ-Гольцъ, штабъ котораго былъ расположенъ въ Либавѣ. Этотъ штабъ представлялъ изъ себя высшую военную и административную инстанцію въ оккупированной области и ему были подчинены, кромѣ германскихъ войскъ, также и добровольческія части другихъ національностей.

Кромѣ перечисленныхъ полевыхъ штабовъ, какъ мною уже было указано въ Берлинѣ имѣлся еще Главный Штабъ охраны восточной границы (Grenzschutz Ost), начальникомъ котораго былъ Генеральнаго Штаба маіоръ фонъ-Вилесенъ, а его замѣстителемъ и помощникомъ Генеральнаго же Штаба маіоръ фонъ-Праусницинъ.

Въ такомъ положеніи находилось наше общее дѣло, когда я, поручивъ хлопоты объ отдѣльномъ лагерѣ ротмистру фонъ-Розенбергъ, выѣхалъ 5-го

апрѣля изъ Берлина снова въ Зальцведель, куда меня вызвали для разрѣшенія накопившихся за мое отсутствіе вопросовъ по формированію отряда.

Возвратясь въ лагерь и выслушавъ докладъ своего замѣстителя полковника Чайковскаго, я убѣдился, что интриги противъ моего отряда продолжаются и, главнымъ образомъ, тѣми лицами, которыя вообще ни на какой фронтъ ѣхать не желали и больше всего безпокоились о собственномъ благополучіи.

Въ цѣляхъ сорвать съ этихъ «шкурниковъ» маску я отдалъ слѣдующій приказъ:

«Формируя отрядъ въ исключительно тяжелыхъ условіяхъ, среди интригъ, исходящихъ отъ недостойныхъ людей, забывшихъ, что такое родина и честь офицерскаго мундира, я въ послѣднее время пришелъ къ заключенію, что есть еще группа лицъ, которая заслуживаетъ полнаго презрѣнія. Группу эту я называю трусами. Способъ ихъ уклоненія отъ непосредственнаго участія въ борьбѣ съ большевиками заключается въ слѣдующемъ: когда формируется отрядъ для отправленія на сѣверъ они высказываютъ свое желаніе ѣхать на югъ и такимъ образомъ ищутъ способъ избавить свое гнусное существованіе отъ опасности; когда является возможность ѣхать на югъ — у нихъ всѣ интересы оказываются на сѣверѣ. Когда точно выяснилось, что отрядъ нашъ имѣетъ въ скоромъ времени быть отправленнымъ на сѣверный участокъ, у многихъ оказались интересы на югѣ. Къ великому моему удовольствію въ формируемомъ мною отрядѣ такихъ «патріотовъ» оказалось ничтожное количество. Нѣтъ сомнѣнія, что съ ними мы встрѣтимся въ Россіи и воздадимъ имъ должное.»

Приказъ возымѣлъ свое дѣйствіе, однако нѣкоторые неустойчивые чины отряда, сбитые съ толку злостной агитаціей, стали обращаться ко мнѣ съ просьбами объ уволненіи ихъ изъ отряда. 7-го апрѣля я вынужденъ былъ отдать приказъ № 58 слѣдующаго содержанія:

«За послѣднее время ко мнѣ поступило нѣсколько рапортовъ объ увольненіи изъ отрядѣ съ указаніемъ ничтожныхъ причинъ. Напоминаю, какъ начальникъ отряда, что я въ курса дѣла и знаю, гдѣ правда и гдѣ ложь.

Объявляю, что формируемый мною отрядъ не лавочка, въ которую можно вписываться и выписываться, а воинская часть и въ ней не всякій имѣетъ высокую честь служить. Я могу командовать частью, которая состоитъ изъ твердыхъ по духу, убѣжденныхъ и преданныхъ Россіи людей, а не изъ лицъ, мѣняющихъ ежедневно взглядъ на вещи. Мой боевой опытъ двухъ кампаній говоритъ мнѣ, что въ бою можно положиться только на тѣхъ, кто вѣренъ разъ принятому рѣшенію.

Съ момента отдачи этого приказа впредь изъ отряда увольняться будутъ только съ разрѣшенія высшаго начальства, въ вѣдѣніи котораго отрядъ состоитъ. Полагаю, что, если мы пользуемся всѣмъ тѣмъ, что намъ предоставляется, какъ то жилищемъ, довольствіемъ, денежными пособіями и заботами высшаго начальства — не можетъ быть и рѣчи о неисполненіи его требованій и приказаній. Прошу обратить вниманіе, что я не покладая рукъ въ теченіе 2-хъ мѣсяцевъ работаю для достиженія поставленной цѣли, а потому заниматься пустой болтовней у меня нѣтъ времени и желанія. Стыдно не считаться съ этимъ.»

Надо сознаться, что обстановка, въ которой приходилось работать, была крайне неблагопріятной. При совмѣстой жизни въ лагерѣ съ прочимъ деморализованнымъ элементомъ, среди котораго было немало офицеровъ и въ старшихъ чинахъ, поступившіе въ мой отрядъ часто подпадали подъ скверное вліяніе этихъ праздношатающихся господъ. Одни изъ нихъ мнѣ просто завидовали, почему я младшій стою во главѣ отряда, другіе были просто «шкурниками»,

отсидѣвшими въ тылу войну; и тѣ и другіе своимъ скептическимъ отношеніемъ — подрывали вѣру въ успѣхъ дѣла у молодыхъ.

Среди случайно вышедшей въ офицеры молодежи было немало полуинтеллигентныхъ людей, которые въ силу своей невоспитанности и отсутствія правильнаго понятія о воинской дисциплинѣ, вносили, даже безсознательно, разложеніе въ ту среду, гдѣ они находились. Развaливъ русскую армію, они по инерціи продолжали это дѣло въ отрядѣ.

Предсѣдатель Государственной Думы М. В. Родзянко въ своей статьѣ: «Государственная Дума и февральская 1917 года революція», дѣлая неудачную попытку оправдать дѣйствія Думы и снять съ нее виновность въ дѣлѣ разложенія арміи, между прочимъ, пишетъ:

«Не надо при этомъ забывать, что офицерскій составъ значительно измѣнился за время войны. Вотъ довольно мѣткая характеристика этого измѣненія одного изъ военныхъ корреспондентовъ: «Старое кадровое офицерство, воспитанное въ извѣстныхъ традиціяхъ, вслѣдствіе значительной убыли въ бояхъ стало лишь небольшимъ процентомъ по сравненію съ новымъ офицерствомъ, призваннымъ подъ знамена во время войны и прошедшимъ иную школу въ смыслѣ критическаго отношенія къ традиціоннымъ представленіямъ о Государственномъ устройствѣ и порядкѣ. Въ общемъ командный составъ теперь проникнутъ болѣе штатскимъ духомъ и болѣе близокъ къ интеллигенціи и ея понятіямъ, чѣмъ это было до войны, да, пожалуй, и въ первое время войны.»

Будучи совершенно несогласнымъ съ дальнѣйшими выводами М. В. Родзянко, я считаю необходимымъ внести въ эту характеристику слѣдующую поправку: всѣ эти новые офицеры изъ штатскихъ съ понятіями близкими къ интеллигенціи сидѣли обыкновенно по тыламъ и развращали армію по частямъ, соприкасаясь съ ней въ лицѣ эвакуированныхъ раненыхъ и отпускныхъ, при чемъ главная работа по этому злому дѣлу происходила въ лазаретахъ, столь восхваляемаго г. Родзянко, Союза Всероссійскихъ Городовъ и Земствъ.

Среди этихъ офицеровъ было немного людей, жаждавшихъ подвига во имя спасенія Родины, подавляющее большинство вступало въ отрядъ, чтобы выйти изъ тяжелаго положенія плѣннаго и интернированнаго, видя здѣсь источникъ къ существованію. Высокая идея патріотизма имъ была чужда, какъ и большинству русской интеллигенціи, проникнутой идеями соціализма и космополитизма.

И вотъ главнаго для большинства — денегъ — у насъ не было. Русская Миссія помочь намъ въ этомъ не могла, ибо сама нуждалась въ средствахъ и вся надежда была на германцевъ, рѣшительные переговоры съ которыми должны были уже начаться, а потому 9-го апрѣля я снова выѣхалъ въ Берлинъ.

Въ Берлинъ я пріѣхалъ во время, такъ какъ дѣйствительно работа тамъ шла полнымъ ходомъ и каждый день приносилъ новый матеріалъ, въ которомъ надо было разобраться и принять рѣшеніе.

Ротмистръ фонъ-Розенбергъ былъ уже нѣсколько разъ въ Главномъ Штабѣ охраны восточной границы и имѣлъ тамъ продолжительныя собесѣдованія съ Начальникомъ Штаба маіоромъ фонъ-Вилесенъ и его помощникомъ маіоромъ фонъ-Праусницинъ. Съ ихъ стороны онъ встрѣтилъ самое искреннее желаніе оказать полное содѣйствіе и они обѣщали сейчасъ же снестись по этому

дѣлу со всѣми инстанціями на фронтѣ, при чемъ они заявили, что не сомнѣваются въ благопріятномъ отвѣтѣ, а потому просятъ ротмистра вопросъ о формированіи добровольческихъ частей въ Курляндіи считать принципіально рѣшеннымъ въ утвердительномъ смыслѣ.

Въ виду этого они попросили ротмистра, чтобы не задерживать хода формированія, уже теперь озаботиться составленіемъ подробнаго плана работы, съ указаніемъ въ немъ основныхъ его прициповъ, первоначальныхъ задачъ, конечныхъ цѣлей, размѣровъ и раіоновъ дѣйствій.

Кромѣ того они сообщили, что переговорами очень заинтересовано германское министерство иностранныхъ дѣлъ, которое въ свою очередь хочетъ внести нѣкоторыя предложенія, а потому они совѣтуютъ пойти туда для выясненія этихъ вопросовъ. Къ сожалѣнію министерство иностранныхъ дѣлъ ничего существеннаго не предложило, а напротивъ своимъ вмѣшательствомъ, какъ и всегда, внесло только лишнія осложненія.

Въ данномъ случаѣ оно указало на желательность участія въ предстоящемъ дѣлѣ русскихъ политическихъ и общественныхъ круговъ, которые, образовавъ группу, явились бы нравственной поддержкой будущимъ войскамъ. Сама идея была безусловно правильна и въ моральномъ отношеніи имѣла бы значеніе, а потому съ нашей стороны послѣдовало согласіе на образованіе такой группы, тѣмъ болѣе что она входила и въ наши планы и ротмистръ уже не разъ обращался ко всѣмъ «бывшимъ людямъ» съ просьбою взять на себя руководство политической стороной переговоровъ.

Плохо было то, что министерство иностранныхъ дѣлъ, преслѣдуя свои собственныя цѣли, ставило условіемъ непремѣнное участіе, въ качествѣ политическихъ дѣятелей, Г. М. Дерюгина и Г. П. фонъ-Дитмара, которые, якобы имѣютъ значительную организацію и возглавляютъ цѣлую партію сторонниковъ сближенія съ германцами.

Для того, чтобы вполнѣ ясно обрисовать «организацію» г. г. Дерюгина и ф. Дитмара я принужденъ буду вернуться нѣсколько назадъ.

Излагая подробности формированія «Сѣверной Арміи» въ Псковѣ, я упоминалъ о дѣятельности тамъ нѣкоего г. Гагена, который выдавалъ себя за главу русской монархической партіи «Бѣлаго Креста», но котораго сильно подозрѣвали въ томъ, что онъ служитъ агентомъ по информаціи германскаго посольства.

Послѣ отступленія арміи изъ Пскова, г. Гагенъ прибылъ въ Ригу, откуда черезъ нѣсколько дней уѣхалъ, какъ онъ говорилъ въ Главное Германское Командованіе въ Ковно, гдѣ будто бы онъ долженъ былъ получить 400 милліоновъ марокъ на продолженіе работы. Вернулся онъ въ Ригу, дѣйствительно, съ деньгами, но небольшими, объяснивъ это тѣмъ, что 400 милліоновъ ему будутъ выданы въ Германіи, куда онъ вскорѣ и выѣхалъ, предварительно давъ соотвѣтствующія инструкціи лицамъ, работающимъ вмѣстѣ съ нимъ. Среди послѣднихъ былъ также и фонъ-Дитмаръ, который совершенно подпалъ подъ вліяніе Гагена, не хотѣлъ слушать никакихъ предупрежденій и, дѣлая видъ, что онъ вѣритъ въ «монархичность» Гагена, строилъ планы совмѣстной дѣятельности съ нимъ.

Между прочимъ въ эти планы входилъ проэктъ воспользоваться членомъ

Государсвенной Думы Г. М. Дерюгинымъ, чтобы, выдвинувъ его въ Берлинѣ, какъ общественно-политическаго дѣятеля и создавъ тамъ подъ его главенствомъ русскую группу сторонниковъ сближенія съ Германіей, войти, такимъ образомъ, впослѣдствіи въ связь со всѣми русскими монархическими организаціями и занять среди нихъ руководящую роль.

Этотъ проэктъ, повидимому, былъ одобренъ германскимъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ, такъ какъ фонъ-Дитмаръ, переѣхавшій вскорѣ въ Либаву, получилъ тамъ телеграмму отъ Гагена съ вызовомъ его въ Берлинъ. Черезъ нѣсколько дней фонъ-Дитмаръ прислалъ изъ Берлина аналогичную телеграмму, согласно которой туда же выѣхалъ и Дерюгинъ.

Къ тому времени, когда я началъ свою работу по формированію отряда, Дерюгинъ и фонъ-Дитмаръ, поселившись въ «Töpfers Hotel» и ведя широкую жизнь, проявляли всевозможную дѣятельность, сущность которой, какъ выяснилось впослѣдствіи, сводилась къ информаціи министерства иностранныхъ дѣлъ относительно настроеній, царящихъ среди русскихъ эмигрантскихъ круговъ. Эта «организація» была берлинскимъ отдѣленіемъ германскаго политическаго отдѣла, но подобные же отдѣленія были въ Гельсигфорсѣ, Стокгольмѣ и Копенгагенѣ.

Во главѣ всѣхъ стоялъ Гагенъ, который разъѣзжалъ по этимъ пунктамъ и провѣрялъ работу своихъ агентовъ.

Необходимо отмѣтить, что при «организаціи» г. г. Дерюгина и фонъ-Дитмара состоялъ еще германскій гауптманъ Меркеръ[1], который во время войны былъ на восточномъ фронтѣ и служилъ при Штабѣ Главнаго Командованія въ политическомъ отдѣлѣ.

Я не хочу подробно останавливаться на дѣятельности всѣхъ этихъ «монархистовъ», а также не буду называть фамилій другихъ участниковъ, но подчеркну только, что мнѣ это извѣстно вполнѣ точно и я имѣю возможность подтвердить все мною изложенное документально.

При такихъ обстоятельствахъ, естественно, не могло быть рѣчи объ участіи Г. М. Дерюгина и фонъ-Дитмара въ нашемъ дѣлѣ и ротмистръ фонъ-Розенбергъ, чтобы избѣжать дальнѣйшихъ попытокъ вмѣшательства, сказалъ, что вопросъ о главѣ русской группы уже рѣшенъ и что онъ на дняхъ сообщитъ фамилію лица, которое займется организаціей такой группы.

На основаніи прежнихъ же соображеній было рѣшено снова обратиться къ сенатору Туганъ Барановскому, который, какъ разъ нѣсколько дней тому назадъ вернулся въ Берлинъ изъ своей поѣздки въ Данію, Швецію, Финляндію и Эстляндію.

[1] О цѣляхъ и задачахъ этой организаціи меня подробно ознакомилъ германскій оберъ-лейтенантъ Рау, который былъ въ то время начальникомъ развѣдывательнаго отдѣленія при германскомъ Военномъ Министерствѣ. Рау опредѣленно заявилъ мнѣ въ присутствіи многихъ моихъ офицеровъ, что эта «русская монархическая организація» ни что иное, какъ информаціонное отдѣленіе германскаго Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.

Вскорѣ вся «организація« была ликвидирована самими германцами, такъ какъ, будучи открытой, теряла свое значеніе. Гауптманъ Меркеръ былъ назначенъ министерствомъ иностранныхъ дѣлъ состоять для связи при Военномъ Отдѣлѣ формированія.

Однако обращенiе къ сенатору опять никакихъ опредѣленныхъ результатовъ не дало и, хотя онъ, выслушавъ о предпринятыхъ нами шагахъ, вполнѣ ихъ одобрилъ, все же онъ просилъ временно при переговорахъ съ германцами его имени не упоминать, такъ какъ у него еще осталась надежда на то, что «союзники», въ концѣ концовъ, согласятся на оказанiе серьозной помощи въ дѣлѣ борьбы съ большевиками и тогда онъ предпочитаетъ участвовать въ той, по его мнѣнiю, большой и дѣйствительной работѣ. Все это, по его словамъ, должно выясниться черезъ три недѣли и тогда, если его надежды на «союзниковъ»не оправдаются, онъ готовъ перейти въ нашъ лагерь, чтобы помогать всѣми своими силами и имѣющимся въ его распоряженiи деньгами, размѣръ которыхъ онъ теперь исчислялъ въ 400000 рублей.

Послѣ этого, по просьбѣ ротмистра, сенаторъ информировалъ его относительно положенiя въ Финляндiи вообще и генерала Юденича въ частности, а также о томъ, что дѣлается въ Эстляндiи и какова судьба «Сѣверной Армiи».

По разсказу сенатора въ Финляндiи оченъ недоброжелательно относятся ко всякимъ попыткамъ что-либо формировать въ ихъ предѣлахъ и финны, въ данномъ случаѣ, не останавливаются передъ открытымъ противодѣйствiемъ, лишающимъ возможности осуществить планы созданiя тамъ русскихъ добровольческихъ частей. Такъ напримѣръ, недавно вышло распоряженiе о воспрещенiе въѣзда въ Финляндiю всѣмъ русскимъ офицерамъ, а проживающимъ тамъ предложено покинуть предѣлы въ установленный срокъ, при чемъ офицеровъ не исполнившихъ послѣдняго требованiя предположено интернировать въ лагерѣ на общихъ основанiяхъ съ военноплѣнными.

Что касается генерала Юденича, то Антанта признала его авторитетность и компетентность, какъ военноначальника, но на этомъ и закончила свою дѣятельность. Такимъ образомъ у генерала Юденича нѣтъ ни мѣста для формированiя, ни средствъ, ни вооруженiя, ни обмундированiя, ни, наконецъ, людей, а потому онъ въ настоящiй моментъ ничего не дѣлаетъ и выжидаетъ лучшаго времени. Финляндское правительство и ему поставило опредѣленный срокъ пребыванiя и этотъ срокъ кончается къ 1-му маю.

Въ Эстляндiи, гдѣ сейчасъ находится «Сѣверная Армiя», положенiе не лучше. Эстонское правительство крѣпко держится заключеннаго «Сѣверной Армiей» договора, но лишь тѣхъ пунктовъ, гдѣ устанавливается наибольшая численность армiи въ три тысячи и требуется пребыванiе ее въ предѣлахъ Эстонiи. Пунктъ же о снабженiи армiи эстонцами совершенно не исполняется и потому русскiя части въ ужасномъ видѣ, голодные, безъ вооруженiя и обмундированiя.

Внутренняя жизнь въ «Сѣверной Армiи» также заставляетъ желать лучшаго: единственнымъ работающимъ отрядомъ, по словамъ сенатора, является отрядъ подполковника[1] Булакъ Балаховича, остальные начальствующiе лица занимаются лишь интригами и безконечными ссорами о размѣрахъ содержанiя.[2]

[1] Ротмистръ Булакъ Балаховичъ былъ произведенъ Командующимъ «Сѣверной Армiи» въ подполковники за отличныя дѣйствiя во время отступленiя армiи изъ подъ Пскова.

[2] Сенаторъ Туганъ Барановскiй посѣтилъ «Сѣверную Армiю», какъ разъ въ тотъ перiодъ, когда тамъ «для пользы дѣла» полковникъ Родзянко непремѣнно хотѣлъ сдѣлаться Ком-

Одновременно съ этими свѣдѣніями о «Сѣверной Арміи» были получены и послѣднія извѣстія съ Либавскаго фронта. Оттуда пріѣхалъ въ Берлинъ князь Крапоткинъ съ порученіемъ отъ ротмистра князя Ливена ускорить присылку добровольцевъ изъ Германіи для пополненія его отряда.

Узнавъ о нашей работѣ въ этомъ направленіи, князь Крапоткинъ выразилъ свое согласіе принять въ ней участіе и помочь намъ своими заявленіями очевидца, насколько необходимо созданіе русскихъ добровольческихъ частей въ Курляндіи.

И въ самомъ дѣлѣ тамъ добровольцы энергичнымъ наступленіемъ вынудили большевиковъ къ отступленію по всему фронту и въ настоящій моментъ имъ не даютъ возможности остановиться, преслѣдуя ихъ по пятамъ; однако, чувствуется большой недостатокъ въ войскахъ и свѣжія силы нужны во что бы то ни стало.

Настроеніе у войскъ всѣхъ національностей, въ связи съ удачными дѣйствіями на фронтѣ, очень хорошее и общее желаніе добровольцевъ поскорѣе освободить Ригу отъ большевистскаго ига, такъ какъ оттуда поступаютъ ужасающія свѣдѣнія о большевистскихъ звѣрствахъ и непрерывная мольба о спасеніи.

Князь Крапоткинъ обратился въ Русскую Миссію съ просьбою[1] о содѣйствіи ему при наборѣ добровольцевъ въ лагеряхъ военноплѣнныхъ, но тамъ ему отвѣтили отказомъ, такъ какъ туда прибылъ новый начальникъ генералъ Монкевицъ, который занялъ непримиримую позицію въ работѣ съ германцами.

Въ виду того что генералъ Монкевицъ сыгралъ очень большую роль въ дѣлѣ разрушенія нашихъ плановъ, а также потому, что онъ являлся неисчерпаемымъ источникомъ, откуда непрестанно сыпались всевозможныя для насъ затрудненія, я считаю необходимымъ нѣсколько подробнѣе остановиться на его личности, прибытіи въ Берлинъ и его дѣятельности.

Генералъ-маіоръ Монкевицъ занялъ постъ Начальника Русской Миссіи въ Берлинѣ въ концѣ марта мѣсяца и назначеніе это исходило отъ генерала Щербачева, являвшагося главнымъ представителемъ добровольческихъ армій и членомъ Парижскаго Совѣщанія. Какъ было указано выше генералъ Потоцкій былъ начальникомъ выбраннымъ отъ Краснаго Креста, а не назначеннымъ распоряженіемъ командованія Добровольческой Арміи и потому генералъ

дующимъ арміей. Эти домоганія очень подробно описаны самимъ полковникомъ въ «Воспоминаніяхъ о Сѣверо западной арміи», при чемъ онъ очень наивно замѣчаетъ, что интриговать и подкапываться подъ Командующаго тогда арміей полковника Дзерожинскаго онъ не собирался, но только вездѣ заявлялъ, что надо признать независимость Эстляндіи и что онъ совершенно не понимаетъ, почему полковникъ Дзерожинскій этого не дѣлаетъ, Эта борьба за командованіе кончилась тѣмъ, что полковникъ Родзянко, несмотря на то, что было получено категорическое приказаніе отъ генерала Юденича никакихъ измѣненій въ командномъ составѣ до его пріѣзда не дѣлать, всетаки въ одинъ прекрасный день самолично объявилъ себя въ приказѣ Командующимъ. Все это однако, какъ и всегда, было сдѣлано полковникомъ только «для пользы дѣла».

[1] Князь Крапоткинъ просилъ въ Русской Миссіи помочь ему навербовать въ лагеряхъ военноплѣнныхъ 350 человѣкъ, которые должны были пойти на пополненіе отряда ротмистра князя Ливена и на отправку которыхъ у него были деньги. Ему не только отказали въ этомъ, но еще затруднили все это дѣло, испортивъ своей нетактичностью отношенія съ Балтійскимъ Вербовочнымъ бюро.

Деникинъ не считалъ его своимъ представителемъ и вотъ этимъ то и мотивировалась замѣна его генераломъ Монкевицемъ.

Назначеніе именно генерала Монкевица, а никакого другого генерала объяснялось оченъ просто: генералъ былъ близкимъ родственникомъ по своей женѣ генералу Щербачеву

Генералъ Монкевицъ во время покинулъ предѣлы своей несчастной Родины; революціи со всѣми ея гнусными послѣдствіями онъ не видѣлъ, а потому былъ далекъ отъ настроеній, царившихъ тогда среди русскаго общества и народа.

Онъ былъ уже въ Парижѣ и вмѣстѣ съ самодовольными французами переживалъ ихъ медовые мѣсяцы побѣды, когда они считали себя центромъ всего міра и когда они чувствовали себя сверхъ-людьми.

Это было то время, когда русскіе офицеры не смѣли появляться въ формѣ на улицахъ Парижа, ибо имъ грозило оскорбленіе и даже избіеніе.

Это было также то время, когда Клемансо сказалъ: «Для меня Россія не только нейтральная держава, она страна, измѣнившая Франціи. И иначе я къ ней не смогу и не буду подходить.»

И дѣйствительно подошелъ къ ней на Мирной Конференціи такъ, что далеко перещеголялъ программу расчлененія Россійской Имперіи, которую предполагали въ свое время провести враги — германцы.

Это было также то время, когда одинъ изъ бывшихъ друзей Россіи Пуанкарэ высказался о ея судьбѣ такой фразой: «Сейчасъ, когда на мѣстѣ Россіи, на востокѣ, появляется Великая Польша — русскій вопросъ потерялъ свое значеніе для европейскаго равновѣсія. Россія принадлежитъ отнынѣ скорѣе Азіи, чѣмъ Европѣ.»

Это было также то время, когда «союзниками» создавались всевозможные планы дальнѣйшаго раздѣленія Россіи, какъ напримѣръ: объединенія Польши съ Малороссіей; образованія Конфедераціи Прибалтійскихъ государствъ; созданіе самостоятельнаго Кавказа, Дальняго Востока и. т. д

Это было, наконецъ, то время, когда по улицамъ Парижа кричали: «les sales russes, ces canailles russes!» и прочіе милые эпитеты, столь подходящіе къ намъ, переживавшимъ тогда ужасъ большевистскаго властвованія, явившагося слѣдствіемъ того, что мы слишкомъ честно вели войну и не продвигались, по примѣру нашихъ союзниковъ, только на полтора метра впередъ или назадъ.

И, повидимому, генералъ Монкевицъ вполнѣ раздѣлялъ вмѣстѣ съ французами ихъ негодованіе и возможно даже, одѣвшись въ модный штатскій костюмъ и ажурные носки, на чистѣйшимъ французомъ языкѣ кричалъ на улицахъ Парижа: «ces sales russes!»

Я думаю, что это было именно такъ, потому что иначе онъ не могъ бы пріѣхать въ Германію и приняться здѣсь за разрушеніе работы, направленной къ возсозданію Великой Россіи ,только по той причинѣ, что она велась съ помощью германцевъ.

Однако это преступленіе было фактомъ и свидѣтелями его было всѣ русскіе офицеры, которые стремились на большевистскій фронтъ въ Прибалтикѣ, а потому я могу утверждать, что генералъ Монкевицъ преслѣдовалъ тогда не русскіе интересы. Въ своей нетерпимости всего германскаго онъ дошелъ до

полнаго абсурда и далеко превзошелъ въ этомъ направленіи самаго ретиваго француза, такъ напримѣръ, несмотря на то, что Франціей уже нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ было заключено длительное перемиріе, генералъ Монкевицъ объявилъ себя въ состояніи войны съ Германіей, что однако не помѣшало ему спокойно жить въ Берлинѣ и посѣщать самые лучшіе рестораны.

Относительно формированій русскихъ добровольческихъ частей изъ числа военноплѣнныхъ бывшихъ въ Германіи онъ высказывался очень рѣзко вообще противъ — даже, если эти формированія производились бы при помощи «союзниковъ», такъ какъ это былъ элементъ германофильски настроенный, а потому по его французскому мнѣнію, явно вредный для добровольческихъ армій.

Въ отношеніи меня и моихъ сотрудниковъ онъ смѣста занялъ враждебную позицію, которая выразилась въ распространеніи имъ всевозможныхъ ложныхъ свѣдѣній про меня и мою дѣятельность.

Вотъ при какихъ обстоятельствахъ приходилось работать и добиваться своей цѣли.

По поводу всего этого у меня было совѣщаніе съ ротмистрами фонъ-Розенбергъ и Гершельманъ, на которомъ во первыхъ было рѣшено нашу работу, не взирая на всѣ препятствія, которыя могли встрѣтиться, вести дальше, такъ какъ, послѣ враждебнаго и унизительнаго отношенія «союзниковъ» къ Россіи, только на помощь Германіи можно было еще разсчитывать; во вторыхъ для приданія всему дѣлу болѣе устойчиваго характера и для осуществленія будущихъ широкихъ задачъ было признано необходимымъ создать на здоровыхъ началахъ, подъ главенствомъ одного изъ видныхъ прежнихъ дѣятелей, русскую партію сближенія съ Германіей; въ третьихъ, въ тѣхъ же цѣляхъ было постановлено доложить о всей работѣ генералу Юденичу и просить его объединить подъ своимъ командованіемъ всѣ русскія добровольческія части въ Прибалтикѣ, какъ уже имѣющіяся тамъ въ видѣ «Сѣверной Арміи» и отряда ротмистра князя Ливена, такъ и предполагавшіяся къ формированію.

Для приведенія этихъ рѣшеній въ жизнь были намѣчены слѣдующія ближайшія задачи: 1) просить сенатора Бельгардъ[1] взять на себя организацію указанной русской партіи и, вставъ во главѣ ея, принять руководство переговорами политическаго характера; 2) послать черезъ Русскую Миссію въ Берлинѣ генералу Юденичу телеграмму съ просьбою оказать содѣйствіе ротмистру фонъ-Розенбергъ въ полученіи визы въ Финляндію, куда послѣдній долженъ былъ выѣхать для доклада (приложеніе № 29); 3) передать въ Главный Штабъ охраны восточной границы уже составленную ротмистромъ записку о формированіи русскихъ добровольческихъ отрядовъ въ Курляндіи (приложеніе № 30).

13-го апрѣля фонъ-Розенбергъ посѣтилъ сенатора Бельгардъ и имѣлъ съ нимъ

[1] По свѣдѣніямъ полученнымъ ротмистромъ фонъ-Розенбергъ отъ его однополчанина ротмистря князя Урусова, приходившагося племянникомъ сенатору Бельгардъ, послѣдній пріѣхалъ въ Берлинъ съ намѣреніемъ начать здѣсь работу, которая была весьма схожа съ нашими планами.

Сенаторъ Бельгардъ былъ въ свое время губернаторомъ въ Эстляндіи и затѣмъ занималъ постъ главноуправляющаго по дѣламъ печати.

продолжительный разговоръ. Сенаторъ всего только нѣсколько дней тому назадъ пріѣхалъ изъ Польши и былъ еще подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ пережитыхъ тамъ непріятностей. Онъ съ возмущеніемъ разсказывалъ о грубомъ и враждебномъ отношеніи поляковъ ко всему русскому, и о тѣхъ униженіяхъ, которыя пришлись на долю всѣхъ русскихъ, имѣвшихъ несчастіе попасть на территорію Польши. Особенно, по словамъ сенатора, было тяжело тамъ положеніе русскихъ офицеровъ[1], которые, въ большинствѣ случаевъ были совершенно безъ средствъ и безъ всякой надежды на помощь. О какихъ-либо формированіяхъ русскихъ добровольческихъ отрядовъ въ Польшѣ и думать было нечего, для того, чтобы притти къ такому заключенію достаточно указать на слѣдующій фактъ, который имѣлъ мѣсто при взятіи города Пинска. Этотъ городъ былъ съ бою занятъ русскимъ добровольческимъ отрядомъ, перешедшимъ отъ большевиковъ къ полякамъ, послѣ отхода его изъ предѣловъ Малороссіи. Едва городъ былъ очищенъ отъ большевиковъ, какъ въ него вошли польскіе уланы и первымъ дѣломъ начали срывать русскія вывѣски съ лавокъ и съ остервенѣніемъ ломать ихъ на мелкія части.

Такого рода поведеніе уланъ естественно оттолкнуло русскихъ добровольцевъ и они только и мечтаютъ теперь о томъ, чтобы выбраться изъ Польши и поступить въ отряды, которые имѣли бы своей задачей русскіе интересы, то есть возстановленіе Великой Россіи. Проливать же свою кровь для поддержки всевозможныхъ мелкихъ вновь образовавшихся государствъ ни у кого нѣтъ желанія и офицеры въ данномъ случаѣ предпочитаютъ лучше поступить простыми рабочими и переносить тяжелый физическій трудъ.

Въ Варшавѣ существовала Русская Миссія Краснаго Креста во главѣ съ генераломъ Глобычевымъ[2], которая организовалась тамъ въ учрежденіе аналогичное здѣшнему подъ главенствомъ генерала Потоцкаго, однако дѣйствія этой Миссіи были далеки отъ насущныхъ потребностей и вся ея дѣятельность ограничивалась бумагописаніемъ и обѣщаніями.

Все это, по словамъ сенатора, побудило офицеровъ и нѣкоторыхъ общественныхъ дѣятелей сорганизоваться и главой этой организаціи является онъ, сенаторъ Бельгардъ. Эта организація уже достигла 2500 человѣкъ офицеровъ и солдатъ и вполнѣ готова перейти въ любой раіонъ, откуда бы она, образовавъ добровольческій отрядъ, могла бы начать дѣйствія противъ большевиковъ.

По всему тому, что онъ видѣлъ и слышалъ въ Польшѣ, сенаторъ убѣдился, что на помощь «союзниковъ» расчитывать нельзя, такъ какъ никогда Польша не позволила бы себѣ такого отношенія къ русскимъ, если бы не имѣла бы одобренія на это со стороны Антанты въ лицѣ французовъ.

[1] Положеніе русскихъ офицеровъ и солдатъ въ Польшѣ было дѣйствительно ужасное и въ этомъ я убѣдился самъ, когда въ мою армію прибыли оттуда первые добровольцы. Всѣ они были обобраны поляками и пріѣзжали въ грязныхъ лохмотьяхъ. Въ данномъ случаѣ поляки наглядно показали свою культурность и принадлежность къ Европѣ.

[2] Генералъ Глобычевъ, какъ было указано выше, входилъ въ составъ комиссіи военноплѣнныхъ, командированной въ Россію для установленія связи съ антибольшевистскими русскими кругами (проэктъ подпоручика Клумова). Генералъ Глобычевъ попалъ въ германскій плѣнъ при взятіи крѣпости Ново-Георгіевскъ, гдѣ онъ занималъ постъ начальника штаба.

— «Такимъ образомъ,» — закончилъ сенаторъ, — «настоящее политическое положеніе въ Европѣ и отношеніе къ намъ англичанъ и французовъ, заставляетъ насъ русскихъ перемѣнить фронтъ и обратить свое взоръ на бывшаго врага Германію. Съ цѣлью начать эту новую работу, по сближенію съ Германіей я и прибылъ въ Берлинъ и, узнавъ, что Вами, ротмистръ, уже предприняты нѣкоторые шаги въ этомъ направленіи, я рѣшилъ предложить Вамъ дѣйствовать сообща.»

Ознакомившись съ нашей работой и планами, сенаторъ нашелъ ихъ вполнѣ правильными и сейчасъ же выразилъ свою готовность работать вмѣстѣ.

На предложеніе образовать, подъ его главенствомъ, изъ русскихъ политическихъ, административныхъ и общественныхъ дѣятелей партію, сенаторъ отвѣтилъ, что и въ его планы входило созданіе подобной группы, которая должна бы была послужить основаніемъ къ объединенію русскаго и германскаго обществъ. При этомъ сенаторъ добавилъ, что по его мнѣнію, эта партія должна открыто взять германофильское направленіе, признавъ его въ настоящій моментъ наиболѣе выгоднымъ для Россіи и затѣмъ, не взирая на всѣ препятствія и независимо отъ дѣйствій Антанты, проводить это направленіе въ жизнь, имѣя въ виду впослѣдствіи, какъ конечный результатъ начинаемой работы, союзъ Россіи съ Германіей.

Въ составъ этой группы, по нашей просьбѣ, были намѣчены: членъ Государственной думы баронъ Крюднеръ Струве, сенаторъ Туганъ Барановскій, членъ Государственной Думы Люцъ, Кіевскій предводитель дворянства Безакъ, крупный помѣщикъ Юга Россіи Эдуардъ Фальцъ-Фейнъ, князь Крапоткинъ и другіе.

Относительно, такъ называемой, «политической организаціи» Дерюгина и фонъ-Дитмара, сенаторъ высказался отрицательно и подтвердилъ, что у него имѣются подобныя же свѣдѣнія о ихъ дѣятельности и потому онъ считаетъ недопустимымъ ихъ участіе въ общемъ дѣлѣ.

Сенаторъ Бельгардъ въ сопровожденіи ротмистра фонъ-Розенбергъ посѣтилъ Главный Штабъ восточной охраны границъ и тамъ имъ маіромъ фонъ-Вилесенъ было сообщено, что германское Военное Командованіе согласно на формированіе русскихъ отрядовъ въ Курляндіи и что расходы по содержанію ихъ беретъ на себя.

Въ связи съ этими свѣдѣніями было рѣшено, что въ первую голову будутъ созданы три самостоятельныхъ отряда: 1) пополненный отрядъ ротмистра князя Ливена, 2) мой отрядъ, 3) отрядъ полковника Вырголича.

Полковникъ Вырголичъ[1] пріѣхалъ изъ Польши вмѣстѣ съ сенаторомъ Бельгардъ и былъ представленъ намъ послѣднимъ, какъ руководитель военной организаціи въ Польшѣ. Его отрядъ, по заявленію сенатора Бельгардъ, долженъ былъ формироваться исключительно изъ офицеровъ и

[1] Полковникъ Вырголичъ былъ жандармскимъ офицеромъ и не имѣлъ никакого строевого стажа, а также боевого опыта минувшей кампаніи. Выборъ его начальникомъ отряда лежитъ всецѣло на отвѣтственности сенатора Бельгардъ, который, настаивая на этомъ назначеніи, имѣлъ свои личныя соображенія. Объ этихъ соображеніяхъ сенатора я буду говорить ниже.

добровольцевъ, входившихъ въ составъ этой организацiи[1] въ Польшѣ.

Временно всѣ три отряды будутъ въ оперативномъ отношенiи черезъ русскiй полевой штабъ подчинены германскому командованiю. Впослѣдствiи, когда отряды вступятъ на чисто русскую территорiю они, пополнившись мѣстными добровольцами до дивизiоннаго состава, будутъ объединены общимъ русскимъ командующимъ, при чемъ желательно, чтобы этимъ командующимъ былъ бы генералъ Гурко[2].

Такимъ образомъ все постепенно налаживалось и развертывалось въ крупное дѣло и мы были увѣрены, что въ ближайшее время будутъ достигнуты значительные успѣхи; однако въ дѣйствительности все это было далеко не такъ и намъ предстояло еще впереди не мало преодолѣть препятствiй и при томъ съ такой стороны, откуда мы меньше всего ихъ ждали. Началось все это съ того, что князъ Крапоткинъ заболѣлъ воспаленiемъ легкихъ и надолго вышелъ изъ круга своей дѣятельности. Его очень заботила отправка на пополненiе отряда ротмистра князя Ливена 350 добровольцевъ, которыхъ онъ всетаки успѣлъ навербовать въ лагеряхъ, на условiяхъ, объявленныхъ въ воззванiи князя Ливена (приложенiе № 31).

Этимъ положенiемъ непреминулъ воспользоваться сенаторъ Бельгардъ, который такъ ловко сумѣлъ обойти больного князя, что тотъ передалъ ему всѣ свои полномочiя и имѣющiяся въ его распоряженiи деньги отъ князя Ливена.

Эта передача полномочiй въ то время была принята нами, какъ естественный ходъ событiй, но потомъ я первый замѣтилъ, что сенаторъ Бельгардъ преслѣдуетъ въ данномъ случаѣ свои личные честолюбивые планы и что мы всѣ для него являемся только средствомъ для достиженiя ихъ. Онъ, такъ сказать, безцеремонно рѣшилъ принять на себя диктаторскiя полномочiя и совершенно забылъ, что все дѣло организовано нами. Однако, повторяю, тогда я не подозрѣвалъ сенатора въ двуличности и вѣрилъ ему, какъ старому русскому человѣку, опытъ котораго долженъ былъ помочь намъ при разрѣшенiи сложныхъ политическихъ вопросовъ, связанныхъ съ формированiемъ отрядовъ.

Я всецѣло отдался работѣ по формированiю моего отряда, который, благодаря записямъ въ него цѣлыхъ партiй добровольцевъ изъ другихъ лагерей

[1] Вся эта организацiя въ 2500 человѣкъ въ Польшѣ оказалась сплошнымъ блефомъ и на самомъ дѣлѣ состояла изъ самого сенатора Бельгардъ, жандармскаго полковника Выргопича, нѣкоего г. Радко Дмитрiева и 20-ти лѣтняго сына Бельгарда въ чинѣ прапорщика артиллерiи.

[2] Генералъ Гурко былъ сыномъ, извѣстнаго по Русско-турецкой войнѣ 1877 года, генералъ фельдмаршала Гурко. Самъ генералъ въ минувшую Европейскую войну командовалъ Особой Армiей, въ которую входили гвардейскiя части и затѣмъ временно замѣнялъ генерала Алексѣева на посту Начальника Штаба Верховнаго Главнокомандующаго Государя Императора. Послѣ революцiи генералъ Гурко, рѣзко выразивъ протестъ противъ губительныхъ для армiи дѣйствiй Керенскаго, покинулъ свой постъ Командующаго и выѣхалъ за границу. Такимъ образомъ генералъ Гурко, какъ по своимъ личнымъ качествамъ, такъ и по служебному стажу, являлся единственнымъ, который могъ бы своимъ авторитетомъ объединить всѣхъ насъ. Однако генералъ, несмотря на неоднократныя къ нему обращенiя стать во главѣ добровольческаго движенiя, неизмѣнно отказывался, находя, что выступленiе преждевременно.

военноплѣнныхъ, быстро увеличивался въ размѣрѣ и достигалъ уже 3000 человѣкъ. Въ этотъ моментъ я особенно чувствовалъ необходимость имѣть отдѣльный лагерь, гдѣ бы я могъ собрать всѣхъ записавшихся въ отрядъ и произвести тамъ организаціонную работу.

Къ счастью мнѣ повезло и мои старанія увѣнчались успѣхомъ, мнѣ обѣщали передать въ полное распоряженіе лагерь близъ Нейштадта.

30-го апрѣля я телеграфировалъ моему замѣстителю полковнику Чайковскому: «Сдѣлайте приготовленія къ отъѣзду. Лагерь получилъ съ удобствами. Ждите извѣстій.»

Однако обстановка внезапно измѣнилась, а вмѣстѣ съ ней измѣнились и нѣкоторыя мои предположенія.

Въ началѣ мая уѣхалъ въ Парижъ генералъ Монкевицъ[1] и пріѣхалъ изъ Митавы въ Берлинъ ротмистръ князь Ливенъ, который, не дождавшись пополненій и узнавъ о болѣзни князя Крапоткина, рѣшилъ выяснить на мѣстѣ сложившіяся обстоятельства и наладить лично отправку добровольцевъ въ свой отрядъ. Передъ своимъ отъѣздомъ князь Ливенъ заручился согласіемъ на это генерала Юденича, признавшаго его отрядъ, а также согласіемъ всѣхъ мѣстныхъ властей въ Курляндіи, то есть англичанъ, германцевъ и латышей.

Пріѣздъ князя Ливена былъ для насъ неожиданнымъ и потому прежде чѣмъ мы объ этомъ узнали, онъ уже видѣлся съ генераломъ Потоцкимъ и сенаторомъ Бельгардъ, которые оба, правда по разнымъ соображеніямъ, возстановили его противъ меня и ротмистра фонъ-Розенбергъ.

Дѣйствія генерала Потоцкаго, въ данномъ случаѣ, были для меня понятны: онъ былъ противъ нашей работы, отказывался отъ принятія въ ней участія и надѣялся, какъ было указано выше, на помощь «союзниковъ», которые обѣщали ему свое содѣйствіе при формированіи 200000 арміи подъ его командованіемъ. Теперь ему уже было ясно, что «союзники» надули и онъ былъ бы не прочь стать во главѣ нашихъ формированій, но помѣхой были мы, передъ которыми ему не хотѣлось сознаваться въ своихъ ошибкахъ, а потому онъ рѣшилъ насъ устранить. Вотъ причина его интриги.

Интрига сенатора Бельгардъ была для насъ сперва не понятна и мы не хотѣли вѣрить въ нее, однако, на дѣлѣ, оказалась горькой правдой и объяснялась очень просто: онъ все хотѣлъ забрать въ свои руки и для этого ему надо было расчистить себѣ путь.

Князь Ливенъ, обладавшій свойствомъ подчиняться мнѣнію даже тѣхъ людей, которыхъ онъ самъ не высоко расцѣнивалъ и въ данномъ случаѣ вре-

[1] За это время нами было получено свѣдѣніе отъ Н-ка канцеляріи Русской Миссіи генеральнаго Штаба подполковника Сіяльскаго, что генералъ Монкевицъ послалъ пространный докладъ генералу Щербачеву въ Парижъ, въ которомъ, между прочимъ, писалъ: «Здѣсь имѣется группа офицеровъ опредѣленной германской оріентаціи, которая работаетъ отдѣльно и надѣется получить согласіе германскаго правительства на поддержку русскихъ добровольческихъ отрядовъ. Эти отряды предполагается формировать изъ военноплѣнныхъ и интернированныхъ въ Германіи русскихъ офицеровъ и солдатъ и затѣмъ переслать на Курляндскій фронтъ». Въ связи съ этимъ подполковникъ Сіяльскій высказалъ предположеніе, что поѣздка генерала также касается нашей работы.

менно подпалъ подъ вліяніе сенатора, тѣмъ болѣе, что послѣдній все сдѣланное въ Берлинѣ выставилъ, какъ свое твореніе.

Меня князь Ливенъ совершенно не зналъ, съ ротмистромъ фонъ-Розенбергъ служилъ въ одной дивизіи и затѣмъ встрѣчался съ нимъ въ Ригѣ и Либавѣ, гдѣ его противъ ротмистра возстановлялъ полковникъ Родзянко.

Такимъ образомъ интрига попала на добрую почву и возымѣла вначалѣ успѣхъ.

Одновременно съ этимъ сенаторъ Бельгардъ, чтобы окончательно закрѣпить за собою полномочія, переданныя ему на время болѣзни княземъ Крапоткинымъ, очернилъ послѣдняго въ глазахъ князя Ливена и добился своего — онъ былъ назначенъ уполномоченнымъ отряда ротмистра князя Ливена въ Берлинѣ.

Такимъ образомъ былъ обработанъ князь Ливенъ къ тому моменту, когда фонъ-Розенбергъ, узнавъ о его пріѣздѣ, пришелъ къ сенатору и заявилъ ему, что хотѣлъ бы пойти для взаимной оріентировки къ Ливену.

Подобное свиданіе совершенно не устраивало сенатора и онъ попробовалъ воспрепятствовать ему, сказавъ ротмистру, въ тонѣ дружескаго совѣта, что князь Ливенъ возстановленъ противъ него полковникомъ Родзянко и потому онъ не рекомендуетъ ему съ нимъ видѣться, однако тутъ же добавилъ, что все это пустяки и онъ, сенаторъ Бельгардъ, охотно возьметъ на себя обязанность разсѣять всѣ эти недостойныя интриги.

Ротмистръ поблагодарилъ за предложеніе, но отъ защитниковъ отказался, сказавъ, что немедленно пойдетъ къ князю Ливену и лично переговоритъ съ нимъ обо всемъ.

Результатомъ этого свиданія было завѣреніе князя Ливена, что ему вполнѣ ясно, что все передаваемое являлось сплошною ложью и гнусной клеветой и что онъ только теперь видитъ, какая колоссальная работа была выполнена нами въ Берлинѣ. Онъ согласился съ ротмистромъ относительно всѣхъ его плановъ и предложилъ ему составить проэктъ Военнаго Отдѣла Формированія, начальникомъ котораго долженъ былъ быть, по его мнѣнію, онъ, ротмистръ фонъ-Розенбергъ.

Въ разговорѣ князь Ливенъ коснулся также и меня и, получивъ отъ ротмистра соотвѣтствующія поясненія о моей дѣятельности, закончилъ свои разспросы.

Черезъ нѣсколько дней князь Ливенъ устроилъ у себя совѣщаніе, на которое, кромѣ всѣхъ сотрудниковъ Русской Миссіи Краснаго Креста во главѣ съ генераломъ Потоцкимъ, были приглашены еще сенаторъ Бельгардъ, бар. Крюднеръ Струве, ротмистра фонъ-Розенбергъ и Гершельманъ, полковники Соболевскій[1] Выргодичъ и я.

На этомъ совѣщаніи князь Ливенъ своими разсказами о послѣднихъ бояхъ съ большевиками и о тяжеломъ положеніи жителей Риги, создалъ у всѣхъ присутствующихъ такое настроеніе, которое выразилось въ сознаніи, что теперь не время разсуждать объ оріентаціяхъ и необходимо пользоваться всѣми средствами, чтобы, какъ можно скорѣе помочь возрождающейся Россіи стряхнуть ея

[1] Полковникъ Соболевскій имѣлъ группу офицеровъ и солдатъ въ 250 человѣкъ, съ которой онъ хотѣлъ перебраться на Прибалтійскій фронтъ. Онъ поддерживался «организаціей» Дерюгина, но затѣмъ, разочаровавшись въ ней, обратился непосредственно къ князю Ливену.

инородческое иго. Въ результатѣ генералъ Потоцкій, какъ временно исполняющій должность Начальника Русской Миссіи, заявилъ, что онъ беретъ на себя всѣ переговоры о формированіи съ Антантой, а сенаторъ Бельгардъ, какъ уполномоченный князя Ливена, всѣ переговоры политическаго характера съ германскими властями.

Кромѣ того было единогласно постановлено о необходимости немедленно приступить къ образованію антибольшевистскаго фронта въ Курляндіи, путемъ усиленія отряда ротмистра князя Ливена и созданія новыхъ отрядовъ подъ командою полковника Выrголича и моей, съ подчиненіемъ всѣхъ дѣйствующихъ силъ князю Ливену впредь до прибытія генерала Гурко или же до соединенія съ «Сѣверной Арміей» подъ общею командою генерала Юденича.

Въ виду того, что цѣли всѣхъ отрядовъ одинаковы, было рѣшено, что никакихъ давленій на лицъ, желающихъ вступить въ тотъ или другой отрядъ не должно быть. Переводъ изъ одного отряда въ другой допускался, но лишь съ согласія начальниковъ отрядовъ. Затѣмъ было постановлено составить списки офицеровъ и солдатъ, записавшихся въ отряды и призвать всѣхъ къ работѣ, одухотворенной святой идеей возсозданія Родины.

Это постановленіе было подписано всѣми присутствующими на засѣданіи.

Считаю своимъ долгомъ отмѣтить, что я, выслушавъ докладъ князя Ливена о его дѣйствіяхъ противъ большевиковъ, убѣдился, что онъ безусловно честный и очень храбрый солдатъ, но не одаренъ организаторскими способностями и врядъ ли будетъ въ состояніи управлять крупными войсковыми соединеніями. Однако въ цѣляхъ скорѣйшаго соглашенія и объедененія я не задумался сдѣлать заявленіе, что, хотя и являюсь старшимъ въ чинѣ, но все же готовъ подчиниться въ оперативномъ отношеніи ротмистру князю Ливену, какъ командиру корпуса, съ условіемъ, что свой отрядъ я буду формировать вполнѣ самостоятельно и во внутреннюю его жизнь никто не будетъ вмѣшиваться.

Это мое заявленіе было привѣтствовано всѣми, а сенаторъ Бельгардъ и бар. Крюднеръ Струве, послѣ совѣщанія, подошли ко мнѣ и, пожимая мнѣ руку, сказали, что я держалъ себя выше похвалы.

Достигнутое соглашеніе оказало большое вліяніе на ходъ всѣхъ событій: было вскорѣ получено согласіе отъ союзническихъ миссій въ Берлинѣ на формированіе и отправку отрядовъ въ Курляндію, а въ то же время германцы, въ свою очередь, обѣщали оказать полное содѣйствіе и отпустить необходимыя денежныя средства.

10-го мая князь Ливенъ утвердилъ проэктъ Военнаго Отдѣла формированія русскихъ отрядовъ на западномъ фронтѣ, назначилъ начальникомъ его ротмистра фонъ-Розенбергъ[1] (приложеніе № 32 и 33) и переговорилъ съ нимъ относительно общаго веденія дѣла.

Согласно выработаннымъ инструкціямъ дѣло должно было вестись на слѣдующихъ основаніяхъ:

[1] Ротмистръ фонъ-Розенбергъ, какъ Начальникъ Военнаго Отдѣла, непосредственно подчинялся Командующему всѣми русскими силами въ Курляндіи, то есть ротмистру князю Ливену. На это подчиненіе онъ согласился, также какъ и я, въ цѣляхъ скорѣе достигнуть общаго соглашенія.

1. Работа должна протекать въ полномъ согласіи съ Русской Военной Миссіей въ Берлинѣ.

2. Всѣ части направляются на пополненіе, признаннаго генераломъ Юденичемъ, русскаго добровольческаго отряда ротмистра князя Ливена на нижеслѣдующихъ условіяхъ:

а) отдѣльными людьми и партіями непосредственно вливающимися въ уже существующій отрядъ имени ротмистра князя Ливена;

б) цѣлыми частями, также вливающимися въ указанный отрядъ, въ видѣ уже сформированныхъ, эскадроновъ и батарей;

в) новыми отрядами изъ 3-хъ родовъ оружія, подчиненныхъ Командующему ротмистру князю Ливену.

3. Никакія формированія совершенно самостоятельныя и имѣющія иной характеръ быть не могутъ.

4. Всѣ переговоры съ германцами о формированіи должны вестись съ вѣдома Н-ка Военнаго Отдѣла.

5. Начальнику Военнаго Отдѣла подчиняются, до ихъ отправки на фронтъ, всѣ формируемыя на указанныхъ основаніяхъ русскія добровольческія части, а также и лица, числящіяся въ рядахъ этихъ добровольческихъ частей и проживающихъ временно въ Германіи.

Кромѣ того ротмистръ князь Ливенъ лично переговорилъ съ полковниками Вырголичемъ[1], Соболевскимъ и мною, при чемъ мы, представивъ ему списки уже завербованныхъ офицеровъ и добровольцевъ, получили разрѣшеніе на установленныхъ выше общихъ основаніяхъ (пунктъ 2), формировать слѣдующія добровольческія части:

1. Полковникъ князь Аваловъ — отрядъ изъ 3-хъ родовъ оружія въ 3500 человѣкъ.

2. Полковникъ Вырголичъ — отрядъ изъ 3-хъ родовъ оружія въ 1200 человѣкъ.

3. Полковникъ Соболевскій — баталіонъ въ 600 челов., долженствующій влиться въ отрядъ ротмистра князя Ливена.

Послѣ этого князь Ливенъ выѣхалъ обратно въ Курляндію, гдѣ къ тому времени готовилась большая операція противъ большевиковъ, имѣющая своей конечною цѣлью взятіе гор. Риги.

Вышеуказанный договоръ «трехъ» былъ отданъ въ приказѣ по отряду и долженъ былъ пресѣчь травлю, направленную противъ меня въ лагеряхъ военноплѣнныхъ, въ которыхъ немало сидѣло окопавшихся русскихъ генераловъ, критиковавшихъ мои дѣйствія, но лично ничего не предпринимавшихъ и довольствовавшихся безплатнымъ полученіемъ англійскихъ посылокъ[2]. Однимъ изъ самыхъ энергичныхъ моихъ противниковъ былъ комендантъ лагеря Ветцляра, Генеральнаго Штаба генералъ-лейтенантъ Квицинскій[3], которому я, съ

[1] Полковникъ Вырголичъ не могъ представить именного списка и потому ограничился заявленіемъ, что его отрядъ будетъ формироваться изъ офицеровъ и солдатъ, въ настоящій моментъ находящихся въ Польшѣ.

[2] Въ виду продовольственнаго кризиса въ Германіи, англійская и американская военныя миссіи снабжали лагеря военноплѣнныхъ продовольственными посылками, которыя они направляли для распредѣленія въ Русскую Миссію Краснаго Креста въ Берлинѣ.

[3] Генералъ Квицинскій одинъ изъ первыхъ присноровился къ требованіямъ «завоеваній революціи»: одѣлъ красный бантъ и, выполняя безпрекословно велѣнія комиссаровъ, сильно способствовалъ разложенію арміи. Далѣе его имя было связано съ исторіей плѣненія офицеровъ въ «Музеѣ», имѣвшаго мѣсто во времена гетмана Скоропадскаго въ Кіевѣ. Насколько

цѣлью прекратить его нелѣпыя нападки, послалъ выдержки изъ приказа по отряду, касающіяся послѣднихъ постановленій и общаго хода формированія.

Отрядъ мой, между тѣмъ, ежедневно увеличивался: 4-го мая зачислилось около 70 офицеровъ, бывшаго 34-го пѣх. Сѣвскаго полка, формировавшагося подъ командою полковника Кочанова еще при гетманѣ въ Полтавѣ; затѣмъ прибыли полковники Евреиновъ и Анисимовъ, каждый съ группой офицеровъ и солдатъ, численностью въ 250 человѣкъ.

10-го мая былъ открытъ въ помѣщеніи гостиницы «Магдебургъ» Военный Отдѣлъ Формированія, но дѣятельность его, до полученія обѣщанныхъ денежныхъ средствъ, ограничивалась лишь подготовительною работою.

Въ виду измѣнившейся обстановки и соглашенія съ княземъ Ливеномъ, отпадала необходимость отдѣльнаго лагеря для моего отряда, такъ какъ его сосредоточіе и дальнѣйшее формированіе я рѣшилъ производить въ Курляндіи въ раіонѣ Митавы, куда по полученіи 18-го мая денегъ, и началась отправка эшелоновъ.

Первый эшелонъ въ 350 человѣкъ подъ командою полковника Анисимова отбылъ изъ Берлина 30-го мая.

Обстоятельства его отправки заслуживаютъ вниманія, такъ какъ наглядно рисуютъ картину блестящихъ результатовъ, которые были достигнуты нашими усиліями. Точно въ назначенный часъ всѣ люди размѣстились по вагонамъ спеціальнаго воинскаго поѣзда. На вокзалъ пріѣхали проводить: германскіе офицеры учрежденій принимавшихъ участіе въ общей работѣ; англійскіе офицеры Военной Миссіи въ Берлинѣ, и, наконецъ, русскіе офицеры отъ Военнаго Отдѣла.

Англичане роздали всѣмъ ѣдущимъ продовольственныя посылки, а также погоны и фуражки русскаго образца. Германцы озаботились питаніемъ передъ дорогой, а также и во время пути: до Тильзита надо было довольствоваться на выданныя кормовыя деньги, а съ Тильзита, откуда начинался раіонъ военныхъ дѣйствій, было организовано этапное слѣдованіе русскихъ эшелоновъ.

При проводахъ былъ германскій военный оркестръ, который въ тотъ моментъ, когда поѣздъ медленно тронулся въ путь, заигралъ «Боже Царя Храни». Раздалось громовое «ура» отбывающихъ, которое неслось еще долго со стороны удаляющагося эшелона. Всѣ были воодушевлены и невольно перенеслись въ

генералъ Квицинскій былъ виноватъ во всемъ этомъ я не хочу касаться, но укажу только, что большинство офицеровъ не могли забыть этого инцидента и обвиняли генерала въ предательствѣ. Генералъ Квицинскій изъ Германіи выѣхалъ въ Архангельскъ на Сѣверный фронтъ, командующій котораго генералъ Миллеръ назначилъ его своимъ Начальникомъ Штаба. Всѣ офицеры фронта были противъ этого назначенія и постоянно твердили: «генералъ Квицинскій насъ выдалъ въ Кіевѣ, выдастъ и теперь». Слова эти оказались пророческими. Генералъ Квицинскій, будучи противъ заблаговременной эвакуаціи арміи, въ критическій моментъ бросилъ ее и благополучно уѣхалъ со штабомъ изъ Архангельска на ледоколѣ «Мининъ». Его планъ отступленія на Мурманскъ, составленный въ кабинетѣ, на практикѣ оказался совершенно непригоднымъ и вся Добровольческая Армія Сѣвернаго фронта, отрѣзанная большевиками отъ Финляндской границы, была вынуждена сдаться на милость побѣдителя. Какова была эта милость я думаю никто не сомнѣвается. Генералъ Квицинскій, послѣ этого второго позорнаго выступленія, остался въ Норвегіи и занялся сапожнымъ дѣломъ, но вскорѣ умеръ.

эпоху старыхъ красивыхъ временъ, когда воинскій духъ и твердая дисциплина создавали изъ разрозненныхъ массъ одно нераздѣльное и мощное цѣлое.

Появилась вѣра въ возрожденіе дорогой Родины, окрѣпли надежды на счастливый исходъ предстоящей борьбы......

Однако недолго намъ пришлось находиться въ пріятномъ заблужденіи относительно образованія единаго русскаго антибольшевистскаго фронта.

Едва былъ отправленъ первый эшелонъ, какъ изъ Парижа вернулся генералъ Монкевицъ, который, узнавъ о начатой работѣ, опредѣленно, въ рѣзкой формѣ, высказался противъ и потребовалъ прекращенія ея. Онъ не задумался пойти въ англійскую Военную Миссію въ Берлинѣ и тамъ выступить съ разъясненіемъ, какую глупость дѣлаютъ англичане, разрѣшая германцамъ помогать русскимъ формировать добровольческія части. Онъ доказалъ, что англичане сами способствуютъ началу дружескихъ отношеній между германцами и русскими и потому если начатое дѣло сближенія приведетъ къ союзу, то только они одни будутъ виноваты въ этомъ.

Естественно англичане всполошились и охотно согласились на предложеніе генерала воспрепятствовать этому вопіющему безобразію, творящемуся на ихъ глазахъ. Они, по его указанію, потребовали отъ Германскаго Военнаго Министерства прекратить дальнѣйшую отправку добровольцевъ въ отрядъ князя Ливена и послать телеграмму о задержаніи ушедшаго эшелона.

Съ этимъ приказаніемъ къ Н-ку Военнаго Отдѣла пришелъ германскій офицеръ отъ Военнаго Министерства и заявилъ, что они вынуждены исполнить это требованіе англичанъ, а потому онъ проситъ отдать соотвѣтствующія распоряженія о прекращеніи дальнѣйшей отправки добровольцевъ и объ остановкѣ ушедшаго эшелона.

Къ счастью ретивый генералъ перепуталъ начальниковъ эшелоновъ и въ бумагѣ говорилось о задержаніи эшелона полковника Соболевскаго, который былъ предназначенъ вторымъ къ отправкѣ и въ настоящій моментъ грузился въ лагерѣ. Начальникъ Военнаго Отдѣла отвѣтилъ, что эшелонъ полковника Соболевскаго будетъ задержанъ и на этомъ собственно кончился офиціальный разговоръ. Въ частной бесѣдѣ германскій офицеръ высказалъ увѣренность, что это запрещеніе англичанъ возможно будетъ обойти и для этого министерствомъ уже предприняты всѣ мѣры, о которыхъ Военный Отдѣлъ будетъ вскорѣ поставленъ въ извѣстность.

Между тѣмъ, генералъ Монкевицъ, познакомившись изъ разговора съ сенаторомъ Бельгардъ объ основаніяхъ, на которыхъ ведется формированіе, согласился на продолженіе работы, но при условіи, если генералъ Юденичъ, на посланный ему объ этомъ телеграфный запросъ, отвѣтитъ утвердительно. Черезъ нѣкоторое время отъ генерала Юденича была получена отвѣтная телеграмма, въ которой онъ просилъ генерала Монкевица не препятствовать пополненію отряда ротмистра князя Ливена.

Однако работу уже нельзя было направить прежнимъ порядкомъ, такъ какъ «союзныя» миссіи стали относиться недовѣрчиво, строили всевозможныя затрудненія и, въ концѣ концовъ, окончательно запретили отправку.

Пришлось дѣло вести безъ вѣдома «союзниковъ», что сильно затрудняло

и замедляло общій ходъ работы. Достаточно указать, что офицеры изъ лагерей, гдѣ вездѣ засѣдали въ комиссіяхъ союзническіе представители, должны были уѣзжать на фронтъ подъ видомъ временнаго отпуска, а добровольцы подъ предлогомъ ухода на работу, и затѣмъ одиночнымъ порядкомъ собираться въ Берлинѣ, откуда уже они, распредѣленные по эшелонамъ, направлялись прямымъ путемъ въ Митаву.

Германцы принимали въ этой работѣ самое дѣятельное участіе и ими были созданы особыя должности, чтобы помочь дѣлу[1].

Въ данномъ случаѣ необходимо отмѣтить особенно интенсивную дѣятельностъ слѣдующихъ германскихъ учрежденій:

1. Главный Штабъ охраны восточной границы (Grenzschutz Ost) — подготовилъ все для формированія русскихъ отрядовъ на фронтѣ, а также установилъ отъ Тильзита, откуда начинался раіонъ военныхъ дѣйствій, этапное слѣдованіе русскихъ эшелоновъ.

2. Балтійское вербовочное бюро (Werbebüro Baltenland).

а) выдавало даровые проѣздные билеты[2] по желѣзнымъ дорогамъ и удостовѣренія личности офицерамъ вербовщикамъ по всей Германіи и отъ лагеря до Берлина тѣмъ офицерамъ и добровольцамъ, которые слѣдовали на фронтъ;

б) размѣщало и кормило добровольцевъ[3] прибывшихъ въ Берлинъ до дня отправки ихъ эшелономъ на фронтъ;

в) заказывало и отправляло эшелоны[4].

3. Добровольческій отрядъ Люцофъ (Freikorps Lützow) — отпускалъ денежныя средства на отправку, получаемыя имъ отъ Торгово-Промышленнаго союза (Handels- und Industrie-Verband), который въ то время поддерживалъ матеріально всѣ германскія добровольческія части и антибольшевистскія организаціи.

Такимъ образомъ путемъ огромныхъ усилій работу снова удалось наладить и если бы было дружное сотрудничество всѣхъ русскихъ, то можно бы было достигнуть огромныхъ результатовъ.

Къ сожалѣнію и этого не было. Сейчасъ же, послѣ отъѣзда князя Ливена, сенаторъ Бельгардъ рѣзко измѣнилъ свое отношеніе къ дѣлу и началъ преслѣдовать свои личные честолюбивые замыслы.

[1] Вѣдѣніе лагерями военноплѣнныхъ было изъято изъ Военнаго Министерства и передано спеціально назначенному инспектору всѣхъ лагерей. Этимъ мѣропріятіемъ министерство освобождалось отъ переписки съ «союзными» военными миссіями по этому поводу и кромѣ того затрудняло имъ сношенія, такъ какъ инспекторъ находился не въ Берлинѣ. Инспектору подчинялись всѣ германскіе коменданты лагерей, которые способствовали нашей работѣ.

[2] Даровые проѣздные билеты присылались Н-ку Военнаго Отдѣла совершенно готовыми и ему оставалось вписать только фамилію отправляемаго.

[3] Начальникъ Военнаго Отдѣла сообщалъ черезъ своего офицера для порученій число прибывающихъ добровольцевъ въ Балтійское Бюро.

[4] Эшелоны отправлялись смѣшанные изъ русскихъ добровольцевъ и германскихъ. Послѣдніе вербовались Балтійскимъ Бюро для германскихъ добровольческихъ частей въ Курляндіи. Эшелоны обыкновенно отправлялись съ разныхъ вокзаловъ и большею частью поздно вечеромъ. Надо отдать справедливость дѣло отправки эшелоновъ было поставлено блестяще и никакихъ затрудненій не происходило. Много сложнѣе была переправка добровольцевъ изъ лагерей въ Берлинъ.

Добившись отъ князя Ливена утвержденія себя въ должности уполномоченнаго его отряда, онъ рѣшилъ сдѣлаться самодержавнымъ руководителемъ всего дѣла формированія и связанныхъ съ нимъ политическихъ переговоровъ.

При такомъ рѣшеніи естественно группа изъ политическихъ, административныхъ и общественныхъ дѣятелей не могла его устраивать и онъ на наши вопросы по этому поводу отговаривался разными причинами, но создавать группу совершенно не думалъ. Онъ ограничился приглашеніемъ, якобы въ качествѣ совѣтчика какого-то своего безличнаго знакомаго или даже родственника, который неизмѣнно соглашался съ нимъ во всемъ и потому былъ удобенъ ему какъ совѣтникъ.

Полученными деньгами сенаторъ предполагалъ также распоряжаться единолично, но въ данномъ случаѣ это не прошло; ему, по нашему настоянію, пришлось образовать финансовую провѣрочную комиссію, которая, однако, по составу была подобрана имъ изъ такихъ людей, что также теряла свое значеніе, такъ какъ большинство не проявляло своей иниціативы[1].

Въ дѣло формированія отрядовъ онъ также внесъ личныя тенденціи, выразившіяся въ покровительствѣ своему ставленнику полковнику Выргуличу и препятствованію всѣмъ моимъ начинаніямъ.

Военная организація въ Польшѣ оказалась сплошнымъ вымысломъ и полковникъ Выргуличъ, не имѣя ни офицеровъ, ни добровольцевъ, принялся при содѣйствіи сенатора переманивать изъ числа записавшихся въ мой отрядъ. При этомъ примѣнялись самые недостойные способы.

Такъ напримѣръ, сенаторъ до получки денежныхъ средствъ отъ германцевъ (18-го мая) тайно отъ Начальника Военнаго Отдѣла выдалъ полковнику Выргуличу авансы на отправку въ лагеря офицеровъ вербовщиковъ изъ денегъ переданныхъ ему княземъ Крапоткинымъ[2].

Я въ то время бился безъ гроша въ карманѣ и не могъ удовлетворить самыя насущныя потребности своихъ офицеровъ.

Противъ меня, среди офицеровъ, сенаторомъ была организована агитація, при чемъ въ этомъ принимала участіе даже его престарѣлая жена[3].

Все это дѣлалось съ цѣлью свести мой отрядъ на нѣтъ и въ ущербъ ему создать, главнымъ образомъ, отрядъ подъ командою полковника Выргулича, который долженъ былъ получить высокое наименованіе: «имени сенатора А. В. Бельгардъ».

[1] Въ составъ финансовой комиссіи входили: предсѣдатель сенаторъ Бельгардъ, члены — крупный помѣщикъ юга Эдуардъ Фальцъ-Фейнъ, биржевой дѣлецъ Фридлиппъ (еврей), совѣтчикъ сенатора — его знакомый и ротмистръ фонъ-Розенбергъ, какъ докладчикъ и спеціалистъ по военнымъ дѣламъ.

[2] На эти деньги полковникъ Выргуличъ, пріѣхавъ въ лагерь Зальцведель «вербовать» офицеровъ, устроилъ тамъ въ гостиницѣ такую попойку, что его адъютантъ поручикъ Раппопортъ умеръ.

[3] Одажды я, подходя къ гостиницѣ «Магдебургъ» увидѣлъ слѣдующую сцену: у входа стояло нѣсколько офицеровъ и среди нихъ жена сенатора, которая, будучи глухой, кричала на всю улицу: «Вы къ кому идете записываться?» и узнавъ, что они уже числятся въ моемъ отрядѣ, съ возмущеніемъ продолжала кричать :«Что Вы, бросьте, переходите къ полковнику Выргуличу.»

Повидимому этотъ отрядъ имѣлъ своей будущей задачей поддержку рождавшагося «Диктатора всея Руси» по профессіи изъ штатскихъ.

Начальникъ Военнаго Отдѣла, погруженный въ работу по отправкѣ эшелоновъ не входилъ, казалось, во всѣ подробности этихъ несправедливостей и вполнѣ довѣрялъ сенатору, такъ какъ онъ, возражая мнѣ на мои замѣчанія, всегда говорилъ, что я просто слишкомъ горячо отношусь къ дѣятельности полковника Выргодича и что сенаторъ не дѣлаетъ различія. Однако это было далеко не такъ и впослѣдствіи я узналъ, что ротмистръ фонъ-Розенбергъ отлично видѣлъ происходившее и не разъ имѣлъ оченъ крупные разговоры съ сенаторомъ, критикуя его дѣйствія и прося не вносить въ дѣло формированія покровительства отдѣльнымъ личностямъ. Мнѣ же онъ говорилъ обратное съ цѣлью избѣжать острыхъ столковеній между мною и сенаторомъ, что могло бы нарушить всю работу. Одновременно ротмистръ старался, по мѣрѣ его силъ, урегулировать на справедливыхъ началахъ и въ порядкѣ постепенности отправку эшелоновъ обоихъ отрядовъ.

Къ 14-му іюня большая часть моего отряда (эшелоны полковниковъ Анисимова, Евреинова, Вольскаго и др.) была уже перевезена въ Митаву.

Въ виду этого я рѣшилъ, вмѣстѣ со своимъ штабомъ, также выѣхать на фронтъ, чтобы тамъ, вдали отъ темныхъ элементовъ, разъѣдавшихъ нашу организацію, немедленно приняться за дальнѣйшую работу по формированію отряда.

Я предложилъ ротмистру фонъ-Розенбергъ ѣхать, въ качествѣ начальника штаба[1], вмѣстѣ со мною на фронтъ, но онъ отказался, ссылаясь на то, что имъ было обѣшано князю Ливену закончить формированіе всѣхъ трехъ отрядовъ и потому онъ не считалъ себя въ правѣ, какъ подчиненный, самолично измѣнять этого рѣшенія.

Передъ отъѣздомъ я зашелъ въ Русскую Миссію Краснаго Креста, гдѣ былъ принятъ генералами Монкевицемъ и Потоцкимъ. Оба, хотя наружно и дѣлали видъ ,что примирились съ нашей работой, но за спиной все время продолжали вести гнусную интригу, распространяя про меня всевозможныя сплетни.

Въ данномъ случаѣ они, желая всетаки разрушить нашу работу, наивно рѣшили соблазнить меня заманчивыми, по ихъ мнѣнію, назначеніями[2].

Я конечно отказался и перешелъ на тему о распространеніи кѣмъ-то гнусныхъ сплетень про меня, при чемъ между мною и генераломъ Монкевицемъ произошелъ слѣдующій разговоръ:

— «Я считаю, Ваше Превосходительство, своимъ долгомъ заявить Вамъ,-что буду бить въ морду, какъ въ бубенъ всѣмъ, кто за моей спиной распространяетъ всевозможныя гнусныя сплетни.»

—«Теперъ нѣтъ времени этимъ заниматься» возразилъ мнѣ обезкураженный генералъ[3].»

[1] Полковникъ Выргодичъ, повидимому по указанію сенатора, еще раньше предлагалъ ротмистру фонъ-Розенбергъ должность начальника штаба въ его отрядѣ, но ротмистръ также отказался.

[2] Генералъ Потоцкій предложилъ мнѣ мѣсто начальника распредѣлительнаго пункта офицеровъ въ Копенгагенѣ, а генералъ Монкевицъ комендантомъ лагеря Зальцведеля.

[3] Генералъ Монкевицъ, повидимому понялъ мое заявленіе, такъ какъ онъ былъ однимъ изъ главныхъ распространителей ложныхъ слуховъ про меня.

— «Никакъ нѣтъ», — отвѣтилъ я, — «время найдется, такъ какъ для этого мнѣ надо не болѣе 3-хъ секундъ.»

Послѣ этого мы разстались и я больше его не видѣлъ[1].

Передъ самымъ моимъ отъѣздомъ я къ большому своему удивленію узналъ, что полковникъ Вырголичъ находится въ Митавѣ, гдѣ уже былъ сосредоточенъ весь мой отрядъ. Когда а обратился къ сенатору Бельгардъ съ просьбою выдать деньги для проѣзда моего штаба въ Митаву, то получилъ отъ него отвѣтъ, что денегъ у него въ настоящій моментъ не имѣется и что онъ самъ занятъ сейчасъ очень важнымъ совѣщаніемъ.

Заподозрѣвъ сенатора Бельгардъ въ желаніи задержать меня въ Берлинѣ, я обратился непосредственно къ германцамъ (Балтійское вербовочное бюро) и явившись вторично въ сопровожденіи германскаго офицера, получилъ требуемую сумму.

Выходя я былъ предупрежденъ, что сенаторомъ приняты мѣры къ задержанію меня въ Берлинѣ. Планъ, раскрытый мнѣ германскимъ офицеромъ, заключался въ томъ, что сенаторъ, задержавъ меня въ Берлинѣ, надѣялся тѣмъ временемъ окольными путями добиться назначенія начальникомъ моего отряда полковника Вырголича, который съ этой цѣлью и былъ отправленъ имъ заблаговременно въ Митаву[2]. Однако я, выѣхавъ съ вокзала «Zoo», гдѣ меня не ожидали, легко обманулъ бдительность предпріимчиваго сенатора.

Подводя итоги періоду подготовительной работы въ Берлинѣ и формированію моего отряда въ лагерѣ Зальцведель, я умышленно останавливался на мелочахъ и подробностяхъ, чтобы этимъ наглядно показать, сколько препятствій пришлось преодолѣть до времени, пока, наконецъ, не удалось осуществить мою задачу — сформировать отрядъ.

Отсутствіе денежныхъ средствъ и какой либо поддержки, интриги явныхъ о тайныхъ недоброжелателей, противодѣйствіе Антанты и. т. д. — все это однако не помѣшало мнѣ добиться желаемаго — выступить въ защиту гибнувшей Родины.

Работая день и ночь, я за четыре мѣсяца достигъ того, что эшелоны русскихъ солдатъ съ знакомыми бодрыми пѣснями непрестанно ѣхали въ родную страну, чтобы тамъ вступить въ борьбу съ большевиками.

Покидая Германію мы увозили съ собою чувство глубокой благодарности къ германцамъ, которые, освободивъ насъ въ Кіевѣ изъ рукъ палачей и давъ намъ у себя пріютъ въ тяжелую годину бѣдствія, тѣмъ самымъ, позволили намъ съ ихъ помощью снова начать борьбу за освобожденіе Россіи.

[1] При моемъ возвращеніи въ Германію, послѣ вынужденнаго отхода Западной Арміи изъ Курляндіи, въ декабрѣ 1919 года, генералъ Монкевицъ былъ смѣненъ на своемъ посту полковникомъ Брантъ.

Причиной такой смѣны было неумѣніе генерала точно разбираться въ своихъ и казенныхъ деньгахъ. Послѣ этого онъ служилъ во французской развѣдкѣ, донося на своихъ соотечественниковъ. Въ настоящій моментъ генералъ Монкевицъ находится въ распоряженіи генерала Кутепова, являющагося начальникомъ Военнаго Отдѣла при Великомъ Князѣ Николаѣ Николаевичѣ.

[2] Этотъ планъ подтверждается и послѣдующими дѣйствіями сенатора Бельгардъ, какъ въ Берлинѣ, послѣ моего отъѣзда, такъ и во время его пріѣздовъ въ Митаву. Объ этомъ мною будетъ изложено ниже.

Графъ фонъ-деръ-Гольцъ и князь Аваловъ. Послѣ парада «Желѣзной Дивизіи».

ГЛАВА IX.

ФОРМИРОВАНІЕ МОИХЪ ДОБРОВОЛЬЧЕСКИХЪ ЧАСТЕЙ ВЪ МИТАВѢ.

12-го іюня со штабомъ я прибылъ въ гор. Митаву, куда къ 14-му былъ перевезенъ и весь отрядъ.

Митава тихій, спокойный, старинный городъ, на берегу рѣки Аа Курляндской, резиденція извѣстнаго Россійскаго временщика Бирона.

Всѣ мы офицеры и солдаты высаживались здѣсь, въ Латвіи, какъ на родной землѣ, ибо каждый изъ насъ видѣлъ, что раньше или позже всѣ эти мелкія новообразовавшіяся «государства» будутъ возсоединены съ Великой Россіей.

Курляндія, въ частности Митава, являлась для нашихъ русскихъ отрядовъ базой для похода на Москву или Петербургъ — въ зависимости отъ стратегическихъ и политическихъ условій: здѣсь должно было закончится формированіе отряда.

Митава являлась крупнымъ желѣзнодорожнымъ узломъ, перехватывающимъ пути изъ Россіи на Либаву и Виндаву и изъ Германіи въ Прибалтику; въ силу этого она была весьма выгоднымъ исходнымъ пунктомъ для операцій въ любомъ направленіи, что было крайне важно при создавшейся довольно сложной политической обстановкѣ въ Прибалтійскомъ Краѣ.

Край былъ только что освобожденъ германскими и русскими войсками отъ большевистскаго нашествія. Расположившись со штабомъ я послалъ къ гр. ф. д. Гольцъ офицера узнать когда я могъ бы видѣть его. Графъ передалъ, что ждетъ меня въ 4 часа дня у себя. Встрѣча эта произвела на меня большое впечатлѣніе. Твердость графа, его авторитетное знаніе политической обстановки въ Прибалтикѣ, а главное дружественное отношеніе къ Россіи и отчетливо выставленныя задачи внушили мнѣ довѣріе къ будущей совмѣстной работѣ. Манера говорить серьезно, въ сжатыхъ словахъ, по существу дѣла, подчеркивали, что графъ предпочитаетъ дѣло, а не слово. Графъ обѣщалъ мнѣ всемѣрную поддержку въ дѣлѣ организаціи отряда и выхода его на фронтъ для борьбы съ большевиками. Съ своей стороны я высказался, что «участіе германскихъ солдатъ» въ моемъ отрядѣ необходимо. Всевозможная печать, натравливавшая русскихъ на германцевъ за устройство ими у насъ большевизма нѣсколько утвердило это мнѣніе среди русскихъ и поэтому выходъ германскихъ солдатъ съ русскими на фронтъ подчеркнулъ бы твердо и окончательно отношеніе германцевъ къ большевизму въ Россіи и къ установленію въ нашей странѣ законнаго порядка.

Начальникъ Штаба графа ф. д. Гольцъ маіоръ Гагеманъ также обѣщалъ приложить всѣ усилія къ тому, чтобы мнѣ была оказана необходимая поддержка.

Мы простились.

Вскорѣ графъ фонъ-деръ-Гольцъ по моей просьбѣ прикомандировалъ къ моему штабу гауптмана ген. штаба Позекъ и отъ «Желѣзной Дивизіи» лейтенанта Линбергера; кромѣ того былъ присланъ лейтенантъ Боріусъ, который читалъ моимъ офицерамъ лекціи о техническихъ усовершенствованіяхъ въ военномъ искусствѣ, достигнутыхъ въ періодъ войны.

Связь такимъ образомъ между моимъ штабомъ и штабомъ графа ф. д. Гольцъ установилась и съ этого времени работа организаціоннаго порядка приняла опредѣленныя формы.

Между тѣмъ латышское правительство Нѣдры, поддерживаемое германцами, было смѣнено правительствомъ Ульманиса, оріентировавшагося на Антанту. По составу своему оно было соціалистическимъ крайне сомнительной окраски.

Латышское населеніе тяготѣло къ большевикамъ, а потому слѣдовало ожидать ухудшенія отношенія съ ихъ стороны къ германскимъ войскамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ русскимъ отрядамъ, связавшимъ свою судьбу съ ними.

Кромѣ того можно было ожидать, что съ изгнаніемъ большевиковъ изъ Прибалтики Антанта потребуетъ увода германскихъ войскъ къ себѣ на родину. Въ этомъ случаѣ русскіе отряды были терпимѣе для «союзниковъ», такъ какъ ихъ малочисленность и зависимость отъ иностранцевъ не представляли серьезной угрозы ихъ политикѣ.

Отношенія между русскими и германцами устанавливались наилучшія. Мы были разочарованы двойственной игрой Антанты, затягивавшей русскій кризисъ, въ то время, какъ германцы, при всѣхъ тяжестяхъ заключеннаго мира, окруженные врагами, готовы были всячески помочь возстановленію Россіи.

Сближеніе съ Россіей значительно улучшило бы положеніе Германіи, въ силу чего русскіе отряды пользовались поддержкой германцевъ. По этимъ же соображеніямъ Антанта вскорѣ стала всевозможными путями вредить намъ.

Столкновеніе интересовъ, скрытая война «союзниковъ» съ Германіей продолжавшаяся все время на поляхъ Россіи въ теченіе всего періода гражданской войны, лежавшая тяжелымъ бременемъ на плечахъ добровольческихъ армій — особенно ясно выявилась въ Прибалтійскомъ Краѣ. Здѣсь русскіе отряды посягали разрушить тѣ перегородки, которыя подъ видомъ «окраинныхъ государствъ» были воздвигнуты Антантой между Россіей и Германіей, вопреки интересамъ обоихъ государствъ. Здѣсь въ Прибалтикѣ яснѣе, чѣмъ гдѣ-либо и когда-либо опредѣлилась цѣна помощи Антанты, сводившаяся къ шумнымъ обѣщаніямъ и полному обману. Здѣсь на берегу Рижскаго залива, языкомъ своихъ пушекъ, разстрѣлявшихъ съ моря русскихъ солдатъ, «союзники» сказали, что независимая отъ ихъ интригъ Россія — ихъ врагъ.

Я понималъ цѣну помощи Антанты и Германіи и предпочелъ послѣднюю. Я зналъ, что встрѣчу отприцательное отношеніе со стороны многихъ русскихъ, сохранявшихъ вѣрность — искренно ли, по необходимости ли — Антантѣ и потому былъ готовъ, что въ мою голову полетятъ тучи камней, но я глубоко вѣрилъ, что коммунизмъ мы сбросимъ лишь при поддержкѣ Германіи, которая единственная заинтересована въ возстановленіи Великой Россіи. Еще въ 1918 г. въ Москвѣ, существовавшій тогда «Правый центръ», возглавляемый В. I. Гурко, при участіи князя Г. Н. Трубецкого, П. Б. Струве и др. а также поддер-

живаемый въ скрытой формѣ А. В. Кривошеинымъ, выявлялъ твердую позицію — обратиться къ помощи германской арміи для установленія порядка въ Россіи, ибо союзники намъ измѣнили и руководствуются исключительно эгоистическими расчетами, ни мало не заботясь о насъ. Это показательно: дипломатическія миссіи союзниковъ, въ то время еще что то дѣлавшія въ большевистской Россіи передъ своей ликвидаціей, очевидно вели такую линію, что отъ нихъ отшатнулись и по ту сторону нашихъ добровольческихъ начинаній.

Въ это время, лѣтомъ 1919 г., военное положеніе добровольческихъ армій было, какъ нельзя лучше. На Волгѣ простирался фронтъ адмирала Колчака, въ рукахъ котораго были вся Сибирь и Уралъ; съ юга успѣшно продвигался генералъ Деникинъ, освободишій уже Донъ, Кубань и Малороссію; на сѣверо-западѣ генералъ Юденичъ подготовлялъ наступленіе на Петербургъ, и, наконецъ, на сѣверѣ генералъ Миллеръ медленно распространялся на югъ отъ Архангельска; въ войнѣ съ большевиками находились Эстонія, Латвія, Литва, Финляндія и Польша.

По заключенному 17-го мая въ Берлинѣ договору, какъ я уже говорилъ, всѣ три русскихъ добровольческихъ отряда должны были сосредоточиться въ Курляндіи подъ общимъ командованіемъ ротмистра князя Ливена, впредь до вступленія въ командованіе фронтомъ генерала Юденича или генерала Гурко.

Ко времени прибытія моего отряда — отрядъ князя Ливена, какъ было упомянуто выше, находился уже въ Прибалтикѣ и принималъ участіе вмѣстѣ съ германскими войсками въ освобожденіи отъ большевиковъ гор. Риги подъ общимъ командованіемъ генерала графа фонъ-деръ-Гольцъ.

Отрядъ этотъ расположился было въ Ригѣ, но затѣмъ по политическимъ обстоятельствамъ долженъ былъ перейти въ Митаву. Тамъ отрядъ вскорѣ былъ переименованъ въ Западный добровольческій корпусъ ротмистра князя Ливена и вошелъ въ составъ Сѣверо-западной арміи.

Мой отрядъ продолжалъ формироваться совершенно самостоятельно, подчиняясь князю Ливену только въ оперативномъ отношеніи.

Нѣсколько позже сталъ формироваться отрядъ и полковника Выргалича, вошедшій въ составъ того же корпуса князя Ливена.

Всѣ эти отряды еще не представляли собой реальной силы. Людей не хватало даже согласно установленнымъ скромнымъ штатамъ. Обмундированія, снаряженія, вооруженія почти не было — и эти вопросы заставляли сильно задумываться надъ способомъ ихъ благопріятнаго разрѣшенія.

Съ цѣлью получить пополненія, въ Варшаву былъ командированъ полковникъ Суворовъ. Въ польскихъ лагеряхъ и городахъ накопилось большое количество офицеровъ и солдатъ, бѣжавшихъ изъ совѣтской Россіи и неимѣвшихъ средствъ проѣхать въ одну изъ добровольческихъ армій. Вербовку добровольцевъ въ лагеряхъ военноплѣнныхъ и интернированныхъ въ Германіи продолжалъ производить Военный Отдѣлъ формированія въ Берлинѣ. Въ Митавѣ было открыто вербовочное бюро для Латвіи и Литвы.

Для выясненія вопроса о снабженіи отрядовъ, 25-го іюня я съ Начальникомъ Штаба уѣхалъ въ Ригу переговорить съ германскимъ командованіемъ, и моя работа въ этомъ направленіи не осталась безрезультатной. Въ Митавѣ, бла-

годаря содѣйствію германскихъ властей, отрядъ былъ расположенъ очень удобно и между чинами отряда и германцами установились и въ частномъ обиходѣ вполнѣ дружественныя отношенія.

Одновременно продолжалась и внутренняя организаціонная работа. Такъ — былъ учрежденъ судъ для разсмотрѣнія особо важныхъ проступковъ чиновъ отряда и контръ-развѣдывательное отдѣленіе. Для подготовки необходимаго аппарата гражданскаго управленія при Штабѣ отряда былъ образованъ административно-гражданскій отдѣлъ подъ руководствомъ К. Р. фонъ-Гершельманъ.

Этотъ отдѣлъ впослѣдствіи былъ преобразованъ въ такъ называемое Гражданское Управленіе арміи и тогда начальникомъ его былъ назначенъ членъ Государственнаго Совѣта сенаторъ Римскій-Корсаковъ[1], съ которымъ я подробно списался по этому вопросу. Необходимость организаціи этого отдѣла пояснять не приходится: она вытекаетъ изъ самого порядка военно-политическихъ задачъ Арміи.

Были выработаны окончательно условія службы въ отрядѣ, на основаніи которыхъ и производилось зачисленіе на службу; былъ изданъ рядъ руководящихъ приказовъ по отряду, опредѣлявшихъ, какъ внутренній распорядокъ жизни, такъ и поведеніе чиновъ отряда въ общественныхъ мѣстахъ.

Появленіе русскихъ отрядовъ въ Прибалтикѣ естественно обратило вниманіе большевиковъ и въ Митаву былъ присланъ ими рядъ агентовъ: началось натравливаніе латышей на русскія и германскія части, особенно на послѣднія; пытались создать ссоры между русскими и германскими солдатами и. т. п.

Вокругъ Митавы раскинуты въ различныхъ направленіяхъ лѣса, прорѣзанные луговыми рѣчками, втекающими въ Аа. Мѣстность можно было бы назвать живописной; такимъ образомъ въ свободныя минуты офицеры и солдаты совершали загородныя прогулки. Большевистскіе агенты, пользуясь этимъ, выработали методъ уловленія «неосторожныхъ» съ тѣмъ, чтобы рядомъ покушеній терроризировать отрядъ. Случай съ поручикомъ инженерной роты Ковалевымъ подтвердилъ это.

Дама, съ которой онъ познакомился, почему то уговаривала его прогуляться по дубовой аллеѣ на окрайну города; поручикъ согласился и они вышли ..... Неожиданно изъ рва, поросшаго густой крапивой, на него бросилось съ револьверами нѣсколько человѣкъ, дама же предусмотрительно упала на дорогу. Началась стрѣльба съ обѣихъ сторонъ. Пользуясь наступающими сумерками, поручикъ началъ отстрѣливаться изъ револьвера отъ нападавшихъ, скрываясь за дубами. Высланный на мѣсто нападенія патруль никого не нашелъ, но въ пыли различилъ пятна крови — повидимому поручикъ ранилъ когонибудь изъ бандитовъ. Дама же (несомнѣнно сообщница большевиковъ) бѣжала изъ города.

Контръ-развѣдовательное отдѣленіе съ первыхъ же дней приступило къ розыску подобныхъ лицъ, въ результатѣ чего нѣсколько большевистскихъ агентовъ были арестованы, судимы и приговорены къ смертной казни.

Мнѣ припоминается здѣсь случай съ нѣкіимъ «корнетомъ Стельмаховичемъ».

[1] См. Приложенія N. N. 59, 60, 61.

Еще въ Берлинѣ Военный Отдѣлъ формированія получилъ изъ разныхъ мѣстъ Германіи и Польши письма, въ которыхъ указывалось на мнимаго корнета Стельмаховича, высланнаго большевиками ко мнѣ для организаціи большевистской пропаганды и покушенія на меня. Какъ то подымаясь по лѣстницѣ въ Отдѣлъ я увидѣлъ на верхней площадкѣ корнета. Онъ привѣтствовалъ меня. Я спросилъ фамилію. Корнетъ отчеканилъ — Стельмаховичъ.

— «Вы хотите въ отрядъ?» — спросилъ я, внимательно наблюдая его лицо.

— «Такъ точно, хочу драться съ большевиками»

Я выдержалъ паузу.

— «Хорошо, радъ буду. Записывайтесь. Не забудьте, однако, корнетъ, аккуратно исполнять ваши обязанности»....

Онъ перебилъ меня:

— «Такъ точно, драться буду по мѣрѣ силъ».

— «И драться — добавилъ я, — а если есть вообще какія-нибудь обязанности другого порядка — исполните и ихъ. Ну, будьте здоровы корнетъ».

Я замѣтилъ, какъ глаза его непріятно запрыгали: онъ видимо пытался овладѣть нервами. Мы разстались. Уже въ Митавѣ черезъ три — четыре дня я, зайдя въ батальонъ полковника Анисимова, исполнительнаго и серьезнаго офицера, неожиданно узналъ, что корнетъ Стельмаховичъ арестованъ за нарушеніе служебныхъ обязанностей. Оказалось, что по ночамъ онъ уходилъ въ какія то дебри города и велъ разговоры съ подозрительными типами. Слѣдствіе обнаружило его планы, въ квартирѣ же «корнета» нашли уличающіе его документы. Судъ приговорилъ его къ разстрѣлу, что и было приведено въ исполненіе.

Въ это же время контръ-развѣдка однаружила среди чиновъ отряда татарина, который хвастался своими большевистскими похожденіями. На судѣ онъ далъ нѣкоторыя разъясненія. Оказалось татаринъ собственноручно убилъ 40 офицеровъ. Одинъ изъ нихъ, умирая, передалъ убійцѣ золотые часы и просилъ за это завязать ему глаза. Татаринъ не сдѣлалъ этого. Жутко было то, что подсудимый разсказывалъ все это неторопливо, хладнокровно и подробно, точно все это не подлежало осужденію и было въ порядкѣ вещей.

Судъ представилъ мнѣ для утвержденія приговоръ — я отказался это сдѣлать и рѣшилъ лично убѣдиться нормаленъ ли этотъ преступникъ. Вызванный мною докторъ высказался, что татаринъ психически вполнѣ здоровъ. На рядъ заданныхъ мною убійцѣ вопросовъ о его жертвахъ, онъ, не утаивая ничего, отвѣчалъ. Я потребовалъ постановленіе суда и тутъ же въ залѣ подписалъ его.

Добровольческія арміи между тѣмъ продолжали съ каждымъ днемъ развивать свой успѣхъ: съ востока газеты приносили все лучшія и лучшія свѣдѣнія. Верховнымъ Правителемъ Россіи адмираломъ Колчакомъ былъ объявленъ Крестовый походъ противъ большевиковъ. Въ его приказѣ было указано, что «борьба съ большевиками не можетъ окончиться въ ничью — она ведется не на жизнь, а на смерть и закончится нашей побѣдой.»

Приблизительно въ первыхъ числахъ іюля начальникъ Штаба адмирала Колчака генералъ-маіоръ Лебедевъ телеграммой сообщилъ, что Главнокомандующимъ вооруженными силами Сѣверо-западаго фронта назначается генералъ Юденичъ.

Въ концѣ іюня при гражданскомъ отдѣлѣ по моему приказанію было сформировано Агитаціонное отдѣленіе, принявшееся за изданіе антибольшевистской литературы, оно же впослѣдствіи приступило къ изданію газеты на русскомъ языкѣ — «Западный Край».

Печатаясь въ необходимомъ количествѣ экземпляровъ, эта газета могла послужить лучшимъ проводникомъ, какъ въ ряды арміи, такъ и въ слои населенія всѣхъ военно-политическихъ информацій объ антибольшевистской борьбѣ на разныхъ фронтахъ и кромѣ того — путемъ газеты я могъ оповѣщать всѣхъ о моихъ мѣропріятіяхъ гражданскаго и военнаго характера.

Въ началѣ іюля въ Митаву стали прибывать первыя крупныя пополненія для отряда изъ Польши и Германіи. Прибывшіе изъ Польши имѣли ужасный видъ: одѣты были въ тряпье, большею частью безъ обуви. Условія жизни въ польскихъ лагеряхъ, въ частности питаніе, вызывали среди обитателей лагерей всевозможныя болѣзни. Такъ напримѣръ, въ эшелонѣ, прибывшемъ въ Митаву, численностью около 700 человѣкъ, обнаружено было 160 человѣкъ тифозныхъ, не считая снятыхъ въ пути. Германцы размѣщали больныхъ въ своихъ госпиталяхъ, здоровые подвергались 2-хъ недѣльному карантину, дезинфекціи — и въ приведенномъ случаѣ, благодаря заботливому уходу, изъ 160 умерло только 12.

Лишь послѣ цѣлаго ряда предохранительныхъ мѣръ вновь прибывшіе назначались въ строй и приступали къ несенію службы, чѣмъ удалось предохранить Митаву и войска отъ заноса эпидемій.

18-го іюля корпусъ князя Ливена былъ вызванъ на Сѣверо-западный фронтъ генераломъ Юденичемъ, который былъ настолько мало освѣдомленъ о формированіи и составѣ, находившихся въ Курляндіи частей, что въ отдѣльномъ приказѣ называлъ ихъ «стрѣлковыми полками князя Ливена», а такихъ вообще не существовало.

Съ уходомъ корпуса князя Ливена, мой отрядъ, въ виду непрерывнаго притока пополненій, значительно увеличился и былъ переименованъ мною въ «Западный Добровольческій корпусъ имени графа Келлера».

Положеніе оставшихся въ Прибалтикѣ русскихъ войскъ замѣтно измѣнилось. Дѣло въ томъ, что представители Антанты полагали, что съ княземъ Ливенъ уходятъ вообще всѣ русскія части, формировавшіяся въ Курляндіи, но когда выяснилось, что еще остался мой корпусъ и отрядъ полковника Выргολича, то это вызвало у нихъ большое безпокойство.

23-го іюля меня впервые посѣтилъ французскій полковникъ Дюпаркэ съ цѣлью ознакомиться съ положеніемъ дѣлъ и съ предложеніемъ своихъ услугъ по перевозкѣ моихъ частей на Нарвскій фронтъ.

Вмѣстѣ съ нимъ пріѣхали два офицера англичанинъ и американецъ. Встрѣча эта врядъ ли понравилась «союзникамъ» съ перваго момента. Послѣ обѣда я взялъ городского извозчика и направился въ одну изъ частей. Неожиданно въ улицу въѣхали съ шумомъ два автомобиля. Первый проѣхалъ, но второй слегка затормозилъ ходъ: сидѣвшій въ немъ русскій офицеръ узналъ меня и передалъ объ этомъ своимъ спутникамъ — Дюпаркэ, англичанину и американцу. Тѣ остановили машины и окликнули меня, козы-

ряя. Я задержалъ извозчика, оставаясь сидѣть. Повидимому «союзники» ждали меня — я ждалъ ихъ. Тогда они заднимъ ходомъ подвели машины ко мнѣ. Произошелъ среди улицы разговоръ, изъ котораго выяснилось, что они желаютъ со мною разговаривать на серьезныя темы. Я попросилъ ихъ ѣхать ко мнѣ. Они предложили пересѣсть къ нимъ въ автомобиль, но я предпочелъ остаться на моемъ извозчикѣ, и такимъ образомъ они замедленнымъ ходомъ подъѣхали вмѣстѣ со мной къ квартирѣ. Тамъ Дюпаркэ высказался по поводу перевозки моихъ частей на Нарвскій фронтъ.

— Я спросилъ.

«А какимъ путемъ вы перевезете мой корпусъ?»

— «На военныхъ судахъ, конечно!» — послѣдовалъ отвѣтъ.

— «Но такъ какъ союзники всемогущи» — возразилъ я — «то я прошу переправить мои части сухимъ путемъ, то есть предоставить мнѣ возможность пройти на сѣверо-западный фронтъ тѣми путями, которые я выберу. Кромѣ того, добавилъ я, пока корпусъ не закончитъ формированіе — объ этомъ не можетъ быть и рѣчи.»

Представитель Антанты, однако, отказался гарантировать мнѣ свободный проходъ черезъ Латвію и посѣщеніе собственно окончилось ничѣмъ, но съ этого времени русскимъ отрядамъ, оставшимся въ Курляндіи, «союзники» стали удѣлять очень много вниманія. Сближеніе русскихъ офицеровъ и солдатъ съ германскими, которые намъ помогали и доставляли необходимое, ихъ очень тревожило, ибо въ этой помощи усматривались уже прежде всего тайныя цѣли Германіи. Одинаково забезпокоились и лѣвые германскіе круги. «Vorwärts» прямо ставила вопросъ: «Что означаетъ такое братаніе съ контръ-революціонной Россіей?»

Приблизительно вскорѣ послѣ этого произошелъ знаменательный случай. Я сидѣлъ въ Штабѣ съ генераломъ Десино. Приходъ его ко мнѣ совпалъ съ моментомъ, когда я за нѣкоторое упущеніе дѣлалъ соотвѣтствующій выговоръ офицеру. Мы приступили къ бесѣдѣ съ генераломъ, въ это время вошель мой адъютантъ и доложилъ, что пріѣхалъ англійскій генералъ Бертъ и ждетъ меня на квартирѣ. Генералъ Десино заторопился. Это было ровно въ часъ дня, т. е. какъ разъ тогда, когда мои офицеры ждали меня въ собраніи, гдѣ всѣ мы обѣдали. Я предложилъ генералу пойти со мной вмѣстѣ пообѣдать. Генералъ Десино высказалъ безпокойное предположеніе, что это произведетъ непріятное впечатлѣніе на ген. Берта; мнѣ пришлось напомнить, генералу Десино, что я во первыхъ не былъ предупрежденъ англіискимъ генераломъ о его пріѣздѣ, во вторыхъ изъ-за этого я не могу нарушать порядокъ дня — меня ждутъ офицеры.

Генералъ Десино пошелъ со мной въ собраніе, гдѣ мы съ нимъ и пообѣдали. Повидимому онъ нервничалъ, такъ какъ выйдя изъ собранія, онъ спѣшно простился со мной. Я пошелъ къ себѣ.

Генералъ Бертъ поднялся мнѣ навстрѣчу и мы представились другъ другу.

— «Говорите ли вы по англійски?» спросилъ меня генералъ.

— «Нѣтъ. Говорите ли вы по русски?» — спросилъ я.

— «Нѣтъ,не говорю» — отвѣтилъ генералъ.

— «Въ такомъ случаѣ — предложилъ я, — давайте разговаривать по нѣмецки.»

Генералъ согласился.

— «Видите ли, — сказалъ онъ, — я пріѣхалъ извѣстить васъ, что есть приказъ, по которому вамъ надо отправиться на Нарвскій фронтъ».

Я, удивленный этой формой заявленія ,не задерживаясь отвѣтилъ ему:

— «Приказать мнѣ можетъ, Ваше Превосходительство, мой Государь Императоръ, но какъ вы знаете — намъ невѣдомо, гдѣ Онъ; Вашъ же король, даже на правахъ родственника, приказа такого дать мнѣ не можетъ. Позвольте же узнать — кто это приказалъ?»

— «Междусоюзническая Комиссія» — отвѣтилъ генералъ Бертъ.

Я не призналъ законность такихъ приказаній и разъяснилъ генералу въ чрезвычайно сдержанной формѣ, что даже если бы я согласился принять это заявленіе генерала какъ приказъ, то исполненіе его было бы безполезнымъ. Если союзники хотятъ усилить противобольшевистскій фронтъ и расширить ударъ, то мой выходъ къ сѣверу какъ разъ послужитъ во вредъ такимъ планамъ.

Генералъ подчеркнуто заявилъ, что выходъ отряда желателенъ безъ германцевъ. Я зналъ всѣ эти союзническіе ходы и совершенно отклонилъ разговоры на эту тему.

— «Вообще же — заявилъ я генералу — я хочу выйти на Двинскій фронтъ и если вы желаете спасти Россію вы поможете мнѣ это сдѣлать, если же нѣтъ то будьте откровенны. Я прежде всего думаю о Россіи, а потомъ о комъ бы то ни было. Помощь, которую мнѣ оказываютъ германцы, должна привѣтствоваться вами: она вѣдь служитъ во вредъ большевикамъ и на пользу моей Родины.»

Генералъ безъ всякаго результата уѣхалъ.

Въ концѣ іюля Антантой былъ предъявленъ Германскому Правительству ультиматумъ: войска генерала графа фонъ-деръ-Гольцъ должны покинуть Прибалтику къ 20 августа, въ противномъ случаѣ Антанта угрожала блокадой Германіи.

Германское правительство согласилось выполнить требованіе «союзниковъ» и отдало приказъ объ оставленіи Прибалтики къ указанному сроку, угрожая, всѣхъ неподчинившихся приказу, объявить дезертирами и ислючить изъ числа германскихъ подданныхъ.

Однако, германское командованіе оккупаціонныхъ войскъ отвѣтило правительству, что солдаты «желѣзной дивизіи», не выполнятъ приказа, такъ какъ латышское правительство за изгнаніе большевиковъ изъ края, обѣщало надѣлить ихъ землею, и они будутъ настаивать на выполненіи даннаго обѣщанія.

Какъ извѣстно правительство Ульманиса съ одной стороны, гражданскій комиссаръ при VI рез. корпусѣ германской арміи Винничъ съ другой стороны, заключили между собой договоръ. Въ силу его кардинальныхъ пунктовъ было установлено, что за освобожденіе Курляндской губерніи (въ договорѣ названо — Латвіей) германскіе солдаты будутъ вознаграждены земельными надѣлами. Такая перспектива заставила многихъ изъ германскихъ солдатъ и офицеровъ, въ силу ихъ безземельнаго положенія въ Германіи, согласиться на непосильныя жертвы и они взялись за оружіе.

Командиръ 6-го Резервнаго Корпуса Генералъ-маіоръ графъ ф. д. Гольцъ.

Карта 14

Полковникъ фонъ Дибичъ.
Командиръ корпуса, въ который входили офицеры и солдаты 1-ой герман. гвар. дивизіи. Корпусъ былъ въ составѣ Западной Арміи.

Теперь — латвійское правительство, вдругъ нарушило договоръ (министръ Мейеровичъ) и кровь пролитую при защитѣ Курляндіи приняли за ничего не стоющую воду. Вполнѣ понятно, что оскорбленные германскіе солдаты категорически потребовали удовлетворенія за жертвы.

По поводу приказа своего правительства германскіе добровольцы выпустили слѣдующее обращеніе:

Къ Германскому народу.
Ко всѣмъ культурнымъ націямъ земного шара.

Скорбящіе душой, мы нижеподписавшіеся германскіе добровольческіе отряды, рѣшили не выполнять приказъ покинуть большевистскій фронтъ, приказъ данный германскимъ правительствомъ и нашимъ непосредственнымъ начальствомъ подъ давленіемъ Антанты.

Несмотря на то, что мы, германскіе солдаты воспитаны въ духѣ безпрекословнаго подчиненія, мы все же обязаны выше поставить долгъ, властно зовущій насъ къ освобожденію человѣчества отъ большевизма; политическія соображенія не должны остановить насъ отъ исполненія священной задачи освобожденія отъ неописуемыхъ мученій женщинъ и дѣтей. Насъ охватываетъ ужасъ, когда мы видимъ, какъ государственные вожди культурныхъ націй со спокойной совѣстью смотрятъ на адскія муки невинныхъ людей и даже, по политическимъ причинамъ, препятствуютъ тѣмъ, кто можетъ и желаетъ помочь.

Въ нашихъ ушахъ звучатъ стоны изнасилованныхъ женщинъ и избиваемыхъ дѣтей. Передъ нашими глазами встаютъ видѣнныя нами картины изуродованныхъ труповъ. Мы никогда не могли понять, какъ при наличіи такихъ ужасовъ весь цивилизованный міръ не охваченъ пламенемъ возмущенія, почему не бьютъ въ набатъ во всѣхъ христіанскихъ храмахъ, почему съ кафедръ всей вселенной проповѣдники всѣхъ религій, преподователи гуманитарныхъ наукъ, не зовутъ къ священному единенію противъ ужасающихъ преступленій, которыми большевизмъ запятналъ человѣчество. Народы міра! Вы, которые можете защитить Вашу культуру, знайте, что большевизмъ, эта чума, можетъ пожрать и Васъ. Вы, матери, не охватываетъ ли Васъ оцѣпененіе при мысли-что Ваши дочери могутъ быть изнасилованы, какъ общественное достояніе, и сыновья перебиты, только за то, что они «буржуа». Неужели всемірная бойня и національная ненависть превратили сердца людей въ камни?

Мы, простые солдаты и христіане, не можемъ понять, что существуетъ государственный дѣятель какой-либо націи, который принялъ бы на свою совѣсть и совѣсть своего народа предотвращеніе борьбы противъ большевизма. Это, по нашему мнѣнію, по своимъ послѣдвіямъ для всего человѣчества, было бы большимъ преступленіемъ, чѣмъ отдѣльныя преступленія озвѣревшихъ большевиковъ.

Если мы, германскіе добровольческіе отряды, вступили въ ряды нашихъ русскихъ товарищей, несмотря на постановленія Версальскаго мирнаго договора, для освобожденія ихъ матерей и сестеръ — мы сдѣлали это не изъ-за политическихъ соображеній и цѣлей: наши побужденія болѣе чисты и благородны, наша совѣсть принуждаетъ насъ къ дѣйствію. Нравственное чувство исполненія долга выше всякой политики. Мы пережили ужасы организованнаго человѣческаго озвѣренія, мы боролись съ большевизмомъ и поэтому мы не можемъ сложить оружія раньше полнаго уничтоженія этой гидры. Мы дрожимъ за нашихъ сестеръ и братьевъ въ Германіи ,мы дрожимъ за культуру всего міра.

Высоко надъ всею ненавистью, возбужденной всемірной войной среди народовъ, развернемъ мы, какъ символъ великой объединяющей идеи — за которую мы боремся и готовы умереть — бѣлое знамя бѣлыхъ армій. Да очистится міръ отъ грязи большевизма.

Мы взываемъ къ нравственному чувству всѣхъ культурныхъ націй не мѣшать намъ въ нашей святой миссіи и поддержать насъ въ нашей борьбѣ.

Это воззваніе является яркимъ документомъ тѣхъ чувствъ и того единенія, которое охватило тогда лучшихъ сыновъ Германіи.

Въ томъ благородномъ порывѣ, который соединилъ насъ для борьбы съ міровымъ преступленіемъ, германскіе добровольцы встали на недосягаемую высоту

и были единственными изъ культурныхъ народовъ, предложившими вполнѣ искренно намъ русскимъ свою помощь.

Въ то время, когда наши «союзники» въ Сибири, на югѣ и сѣверѣ Россіи распродавали оптомъ и въ розницу русское достояніе и играли жизнью нашихъ геройскихъ сыновъ, возставшихъ тамъ на защиту человѣческаго права, германскіе добровольцы предложили намъ самую цѣнную братскую помощь, — они раздѣлили съ нами тяжесть борьбы и отдали намъ свою жизнь.

Я бы хотѣлъ услышать отъ кого-нибудь изъ русскихъ, бывшихъ въ нашихъ геройскихъ добровольческихъ арміяхъ Сибири, юга и сѣвера Россіи, много ли добровольцевъ вступило въ ихъ ряды изъ числа нашихъ «союзниковъ».

Латыши, конечно, держались «союзниковъ» такъ какъ въ нихъ видѣли защитниковъ самостоятельности Латвіи. Латышская печать била все время тревогу. Тоже самое происходило и въ другихъ «самостійныхъ» республикахъ, гакъ напримѣръ въ польскихъ газетахъ сообщалось, что «въ Митаву прибываютъ русскіе офицеры и солдаты изъ германскихъ лагерей. Ихъ вербуетъ какая-то пангерманская и всероссійская комиссія, возглавляемая сенаторомъ Бельгардъ. Этимъ офицерамъ и солдатамъ внѣдряется убѣжденіе необходимости итти рука объ руку съ нѣмцами, съ которыми русскіе вмѣстѣ пойдутъ на Москву, а оттуда, по сверженіи большевизма, — вмѣстѣ на союзниковъ».

Въ виду того, что латыши очень безпокоились за свою самостоятельность и смотрѣли на насъ, какъ на угрозу ихъ существованія, я счелъ необходимымъ обратиться къ населенію Латвіи со слѣдующимъ объявленіемъ:

Русскія войска, собирающіяся въ Латвіи, находятся по дорогѣ на Родину. Они хотятъ освободить свое отечество отъ большевиковъ, какъ это сдѣлали латыши въ своей странѣ. Русскіе солдаты возвращаются изъ германскаго плѣна. Усталые, много перестрадавшіе, они хотѣли бы въ Латвіи передохнуть, одѣться, вооружиться и затѣмъ итти спасать свою Родину. Латыши должны ихъ понять. Вмѣстѣ со своими товарищами латышами они участвовали во многихъ кровавыхъ бояхъ, ѣли изъ одного котла, укрывались одною шинелью. Въ бояхъ русскіе и латыши стали братьями.

Русскіе солдаты хотятъ по пути кое-чему научиться, хотятъ увидѣть и понять, какимъ образомъ латыши справились съ большевиками. Русскіе понимаютъ, въ чемъ сила латышей — ихъ сила въ крестьянскомъ мелкомъ землевладѣніи. Такое же крѣпкое крестьянство русскіе желаютъ создать у себя.

Русскій солдатъ не желаетъ обремѣнять своего брата латыша. Русское войско, пока оно находится въ странѣ желаетъ оказывать Латвіи помощь, и случаевъ для этого представляется достаточно.

Русское войско поможетъ создать въ Латвіи порядокъ и спокойствіе. Пока оно здѣсь, оно не допуститъ никакихъ безпорядковъ, насилій и грабежей, русскій солдатъ окажетъ всякому защиту и въ особенности латышскому крестьянству.

Подъ защитой русскаго солдата латышское крестьянство въ состояніи будетъ привести себя въ порядокъ, возстановить свою общественную жизнь и самоуправленіе. Во вторыхъ русское войско защититъ страну отъ большевиковъ, ибо пока оно здѣсь, большевики не рѣшатся вести наступленіе на страну — и когда русскія войска пойдутъ дальше на Москву — они будутъ гнать передъ собой большевиковъ подальше отъ границъ Латвіи. За широкой и сильной спиной русскаго войска латышскій крестьянинъ сможетъ опять заняться обработкою своей земли. Мущинамъ и юношамъ Латвіи не надо будетъ покидать свой домъ и бросать свою работу, чтобы итти дальше въ Россію противъ большевиковъ. Они могутъ спокойно работать. Борьбу будетъ продолжать русскій солдатъ.

Мы желаемъ притти съ латышами къ соглашенію и оно должно состояться. Латыши намъ нужны: они будутъ прикрывать нашъ тылъ, когда мы двинемся впередъ противъ большевиковъ; съ другой стороны мы нужны латышамъ: мы не пустимъ большевиковъ въ Латвію, погонимъ ихъ дальше вглубь Россіи, подальше отъ границъ Латвіи.

Да благословитъ Богъ Латвію.

Работа большевистскихъ агентовъ была направлена на обостреніе отношеній на національной почвѣ. Латыши натравливались на русскихъ, германцевъ и наоборотъ. Сѣялась рознь между русскими и германцами.

24-го произошелъ слѣдующій случай. На улицѣ Митавы, встрѣтилась группа русскихъ солдатъ съ германскими — завязалась перебранка, собралась толпа, изъ которой отдѣльныя личности стали призывать солдатъ къ избіенію офицеровъ. Въ штабъ корпуса тотчасъ сообщили о происходящемъ и я немедленно принялъ мѣры.

Необходимо указать, что еще раньше моимъ штабомъ были разработаны т. н. «три положенія» на случай различныхъ внутреннихъ осложненій въ городѣ или окрестностяхъ, гдѣ располагались мои войска. Я не забывалъ, что «союзники» уже косились на меня, а большевистскіе агитаторы старались такъ или иначе мутить жителей, безполезно пытаясь проникнуть и въ войска.

«При по ложенія» объявлялись въ такой очереди:

а) въ случаѣ враждебныхъ манифестацій въ городѣ въ маломъ размѣрѣ, не угрожающихъ гражданскому или военному порядку отъ частей высылаются въ штабъ для связи офицеры. По городу высылаются русскіе дозоры; одна четверть войскъ принимаетъ боевую готовность.

б) при огромныхъ скопищахъ народа и открытыхъ дѣйствіяхъ агитаторовъ, результатомъ чего могли быть выступленія противъ воинскихъ частей — высылаются офицеры отъ частей для связи съ штабомъ, по городу русскіе и германскіе патрули. Половина войсковыхъ частей въ боевой готовности.

в) при возстаніяхъ и бунтахъ, направленныхъ во вредъ всему положенію войскъ — офицеры отъ частей для связи со штабомъ, по городу, разбитому на этотъ случай на участки смѣшенные русско-германскіе патрули усиленнаго состава и быть въ полной боевой готовности всѣмъ войсковымъ частямъ.

Поэтому въ данномъ случаѣ я объявилъ положеніе первое и приказалъ подать мнѣ машину. На улицѣ шумѣла толпа, въ которой метались большевистскіе агитаторы и германскіе спартакисты въ матроской формѣ. Какъ обычно, они бросали въ толпу демагогическіе призывы, кое гдѣ слышалось—«бей офицеровъ».

Вѣря въ свои части, я появился въ толпѣ и сказалъ, что если черезъ пять минутъ она не разойдется, я лично прикажу разсѣять ее огнемъ. Немедленно вызвалъ ближайшій караулъ, который находился за угломъ. Патрули между тѣмъ, проходя по улицамъ, не обнаружили угрожающаго скопленія толпы и вскорѣ въ городѣ наступила полная тишина.

Въ цѣляхъ предупрежденія подобныхъ столкновеній были отданы приказы, какъ германскимъ командованіемъ, такъ и мною.

Въ приказѣ по «Желѣзной дивизіи» говорилось:

«германскіе спартакисты въ матроской формѣ и латыши большевики пытаются натравить германцевъ на русскихъ, которые являются единственными друзьями германцевъ въ мірѣ.

Поэтому солдаты дивизіи призываются задерживать сѣющихъ смуту лицъ и препровождать ихъ въ штабъ дивизіи, не учиняя однако своихъ самосудовъ».

Въ приказѣ по Западному Добровольческому корпусу было сказано:

«Въ сознаніи общности нашихъ интересовъ чины ввѣреннаго мнѣ корпуса не позволятъ себѣ впредь совершать какихъ-либо поступковъ, могущихъ нарушить добрыя отношенія съ германцами.»

Вскорѣ я былъ предупрежденъ германскимъ полковникомъ, что латышскими большевиками подготовляется нападеніе на русскія и германскія части въ Митавѣ. Въ приказѣ по гарнизону я объявилъ, что въ случаѣ нападенія, за что агитируютъ темные элементы, мною будутъ приняты самыя рѣшительныя мѣры, что совершенно не въ интересахъ латышскаго населенія, которое поэтому приглашалось мною помочь мнѣ предупредить эксцессы противъ войскъ.

На другой день по выходѣ приказа ко мнѣ явилась латышская делегація отъ городского самоуправленія и выразила свою благодарность за принятыя мною предварительныя мѣры. Делегація изъявила свою полную готовность помочь мнѣ бороться съ темными элементами.

Корпусъ формировался тѣмъ временемъ очень успѣшно: по моему указанію прибывшіе офицеры Генеральнаго Штаба выработали планъ дальнѣйшей работы. Этотъ планъ предусматривалъ формированіе частей въ нѣсколько очередей и установилъ тотъ принципъ, чтобы корпусъ въ любой моментъ былъ готовъ къ бою. При постепенномъ развертываніи люди не распылялись по разнымъ частямъ, а всѣ пополненія шли въ части формируемыя въ первую очередь. Большой приливъ офицеровъ давалъ возможность подготовить кадры для будущихъ формированій, точнѣе послѣдующихъ очередей. Временно же были созданы спеціальныя офицерскія роты, гдѣ проходилась, какъ строевая служба, такъ и велись спеціально офицерскія занятія. Такія офицерскія части были образованы изъ пѣхотныхъ офицеровъ, изъ автомобилистовъ, саперовъ, артиллеристовъ и .т. д. при соотвѣтствующихъ частяхъ.

Такимъ образомъ офицеры вели правильныя занятія, старшіе начальники имѣли возможность ознакомиться съ каждымъ изъ нихъ и въ любой моментъ можно было выдѣлить часть для новыхъ формированій.

На пополненіе въ корпусъ прибывали не только русскіе солдаты и офицеры, но и очень много германскихъ добровольцевъ. Были также случаи, когда въ корпусъ зачислялись на службу цѣлыя части, такъ напримѣръ на русскую службу перешелъ цѣлый батальонъ во главѣ съ лейтенантомъ Дорномъ, пулеметная команда доблестнаго лейтенанта Крафта.

Кромѣ того были сформированы два запасныхъ батальона лейтенанта Бодэ и оберъ-лейтенанта Люткенгаузъ, технически достаточно снабженные и въ смыслѣ количественнаго состава пополненные до нормы. Батальоны дѣйствовали въ бою выше похвалы. Лейтенантъ Бодэ и оберъ-лейтенантъ Люткенгаузъ показали себя достойными офицерами.

Послѣ отбытія частей князя Ливена отрядъ полковника Выргнамча, стоявшій въ Литвѣ, приказомъ по корпусу отъ 28-го іюля за № 11 вошелъ въ составъ Западнаго Добровольческаго корпуса имени графа Келлера.

Въ приказѣ по этому поводу я писалъ:

«Въ сознаніи всей тяжести лежащей на насъ обязанности — мы должны итти рука объ руку, оказывая вездѣ и всюду поддержку другъ другу и поэтому прочь недовѣріе и взаимное недоброжелательство и да будетъ стыдно тѣмъ, кто въ настоящее тяжелое время старается посѣять рознь въ нашей средѣ. Предворяю, что буду предавать суду всѣхъ, кто выскажетъ мнѣніе, могущее вызвать хотя тѣнь смущенія и взаимнаго недовѣрія.»

Въ результатѣ усиленной работы корпусъ представлялъ собою уже внушительную силу. Ежедневныя занятія въ полѣ поднимали дисциплину, спаивали части. Съ утра до вечера въ окрестностяхъ Митавы шла ружейная и пулеметная стрѣльба — это добровольцы готовились къ боевой работѣ. По вечерамъ съ пѣснями, часто съ музыкой, возвращались русскіе солдаты въ казармы, хорошо одѣтые, въ тяжелыхъ германскихъ шлемахъ, хорошо выправленные... и германцы, видя нашу работу, проникались къ намъ все большимъ и большимъ уваженіемъ — добрыя отношенія крѣпли.

Желая поднять и расширить интересъ моихъ солдатъ къ театру, газетамъ, культурнымъ вечерамъ, и пр. образованная при корпусѣ по моему приказанію культурно-просвѣтительная секція организовала съ этой цѣлью рядъ музыкально-вокальныхъ вечеровъ и театральныхъ представленій, которые посѣщались ими (какъ и германскими солдатами) весьма охотно.

Помимо того пропагандный отдѣлъ изыскивалъ пьесы и ставилъ ихъ (въ корпусѣ нашлись старые актеры). Я внимательно слѣдилъ за тѣмъ, чтобы въ этихъ пьесахъ неизмѣнно проводились незыблемыя начала религіозности, россійскаго монархическаго правопорядка не говоря уже о правдоподобной внѣшне-декоративной постановки. Посѣщая эти вечера, я убѣдился, что польза отъ нихъ была несомнѣнная, что отвлеченіе солдатъ отъ подготовительной строевой работы въ маленькую, доступную имъ область искусства освѣжаетъ души и — грядущія задачи, о которыхъ они знаютъ, не тревожатъ ихъ и позволяютъ жить созидательными буднями.

Между тѣмъ напряженная дѣятельность штаба устанавливала все тверже и опредѣленнѣе эти задачи и фактическія возможности ихъ осуществленія.

Русскіе и германскіе солдаты проводили очень часто свой досугъ вмѣстѣ и нерѣдко можно было видѣть картины трогательнаго братанія. На улицахъ, въ кафе, можно было наблюдать оживленно бесѣдующихъ русскихъ и германцевъ, говорившихъ на смѣшанномъ какомъ то русско-нѣмецкомъ языкѣ, жестами и мимикой, что не мѣшало имъ отлично понимать другъ друга.

Здѣсь въ Прибалтикѣ вновь завязывалась дружба Россіи и Германіи, нелѣпо прерванная Великой Войной.

ГЛАВА X.

ПЛАНЫ НА БУДУЩЕЕ.

По мѣрѣ роста силъ корпуса возникала необходимость опредѣлить, гдѣ именно онъ можетъ быть примѣненъ для борьбы съ большевиками. Вопросъ не былъ бы сложенъ, если бы не отрицательное отношеніе Антанты къ нахожденію въ отрядѣ германскихъ частей и не предъявленіе ультиматума Германскому правительству. Вмѣшательство французовъ и англичанъ готовило рядъ неожиданностей. Для разрѣшенія вопросовъ, связанныхъ съ пребываніемъ корпуса на территоріи Латвіи, былъ мною образованъ Военный Совѣтъ, какъ совѣщательный органъ. Въ его составъ вошли: инспекторъ артиллеріи ген. Альтфатеръ, начальникъ штаба корпуса полковникъ Чайковскій, начальникъ Пластунской дивизіи гв. полковникъ Потоцкій, начальникъ штаба Пластунской дивизіи гв. полковникъ Шнейдеманъ, командиръ 1-го Пластунскаго полка гв. полковникъ Евреиновъ, начальникъ отдѣла генеральнаго штаба ген. штаба полк. Григоровъ, начальникъ торгово-промышленнаго отдѣла бар. Энгельгардтъ, сенаторъ Римскій-Корсаковъ, бар. Остенъ Сакенъ и начальникъ Судной части ген. бар. Пфейлицеръ-Франкъ.

Совѣтъ собирался три раза въ недѣлю для обсужденія вопросовъ, какъ военнаго, такъ и гражданскаго характера. Совѣтъ дѣйствовалъ на основаніи особаго «Положенія».

14-го августа мною былъ отправленъ адмиралу Колчаку докладъ слѣдующаго содержанія:

«Верховному Правителю Россіи адмиралу Колчаку.»

«Продолжая по отъѣздѣ Вашего Высокопревосходительства изъ Петербурга мою работу и достигнувъ къ настоящему моменту ощутительныхъ ея результатовъ, считаю своимъ долгомъ донести Вамъ о ней.

Оставаясь въ столицѣ я работалъ совмѣстно съ профессоромъ Плетневымъ; потомъ продолжалъ по мѣрѣ силъ работу на фронтѣ, стараясь замедлить разложеніе полка.

Видя по окончательномъ распаденіи Арміи безполезность моего пребыванія въ ней, перенесъ мою дѣятельность въ гор. Кіевъ, гдѣ мнѣ удалось объединить и сплотить нѣкоторыхъ общественныхъ дѣятелей и при содѣйствіи ихъ сгруппировать офицеровъ бывшей Россійской Арміи подъ флагомъ «Южной Арміи», предназначавшейся для борьбы съ большевиками.

Когда появился генералъ отъ кавалеріи графъ Келлеръ съ формировавшейся имъ въ раіонѣ гор. Пскова «Сѣверной Арміей», то мнѣ удалось войти съ нимъ въ связь и передать ему нѣкоторое количество бывшихъ въ моемъ распоряженіи офицеровъ.

При возникновеніи волненій на Украйнѣ и организаціи обороны гор. Кіева отъ войскъ Петлюры — работалъ по формированію «отечественныхъ дружинъ».

Все это создало мнѣ большія связи съ офицерскимъ составомъ, бывшимъ въ то время въ Кіевѣ и на югѣ Россіи вообще.

По занятіи Кіева Петлюрой за мою работу по возсозданію Единой Недѣлимой Россіи я снова, въ 5-ый разъ за вышеописанное время, былъ арестованъ и водворенъ въ Лукьяновскую тюрьму.

Ожидавшіеся съ глубокой вѣрой населеніемъ гор. Кіева «союзники» такъ и не прибыли, а между тѣмъ Кіеву угрожала уже опасность со стороны большевиковъ къ нему приближавшихся.

Распоряженіемъ Германскаго Оберъ-командованія, какъ разоруженные, такъ и арестованные офицеры добровольческихъ организацій, въ ихъ числѣ и я, были вывезены въ Германію съ эшелонами германскихъ войскъ, возвращавшихся на Родину.

Здѣсь еще въ пути, а также и по прибытіи на мѣсто въ лагерь при Зальцведелѣ мнѣ снова удалось сплотить вокругъ себя наиболѣе дѣятельный и непримиримый съ большевиками элементъ и зародить въ умахъ его идею формированія партизанскаго отряда для принятія участія въ борьбѣ за благо Родины.

Для осуществленія идеи я вошелъ въ сношенія съ германскими коммерческими кругами и германскимъ командованіемъ, при чемъ, какъ тѣ, такъ и другіе всецѣло пошли мнѣ навстрѣчу и оказали полную поддержку и содѣйствіе, снабжая отрядъ всѣмъ необходимымъ, а командованіе даже разрѣшило вступать въ ряды партизанъ своимъ добровольцамъ, которые стали примыкать къ моему отряду цѣлыми частями.

Вполнѣ сочувственно откликнулось и германское общество.

Къ сожалѣнію мало содѣйствія и поддержки встрѣтилъ я со стороны Русской Военной Миссіи въ Берлинѣ и главы ея генерала Монкевица, оказывавшаго больше вниманія пассивной части офицерства, пекущейся о собственномъ благополучіи на германскихъ курортахъ или избирающей далекіе фронты, связанные съ большими и продолжительными путешествіями вмѣсто немедленнаго приложенія своихъ силъ на ближайшемъ направленіи для дѣйствія на жизненные центры противника.

Эти заботливо выдѣляются въ особыя группы и помѣщаются на курорты вмѣстѣ со своими семьями, пользуясь особымъ попеченіемъ со стороны миссіи.

Между тѣмъ, зарожденная мною идея формированія партизанскаго отряда росла и ширилась, захватывая и другіе лагеря и привлекая больше и больше офицеровъ. Понадобились средства, обмундированіе, вооруженіе, снаряженіе, кои мнѣ и предоставлены были германскими военными кругами и финансистами.

Мѣсто сосредоточенія отряда мною избрано въ раіонѣ занятомъ теперь германскими войсками, гдѣ и ожидаю указаній Вашего Высокопревосходительства для согласованія моихъ дѣйствій съ общимъ Вашимъ планомъ.

Послѣ всѣхъ тяжелыхъ испытаній, ниспосланныхъ Германіи, она не желаетъ большаго, чѣмъ возстановленія границъ бывшихъ до 1914 года, не имѣя никакихъ завоевательныхъ намѣреній на русскомъ фронтѣ.

Военные, коммерческіе и общественные круги стремятся къ дружной совмѣстной работѣ рука объ руку съ Вашимъ Высокопревосходительствомъ противъ общаго врага Россіи и Германіи — большевизма.

Какъ доказательство своихъ симпатій и доброжелательнаго отношенія къ начинаніямъ Вашего Высокопревосходительства опредѣленно настроенные общественные круги Германіи оказали полную поддержку и деньгами, и обмундированіемъ, и оружіемъ, и даже добровольцами для образованія полезнаго Вамъ Сѣверо-западнаго фронта, желая тѣмъ подчеркнуть свое полное пониманіе необходимости для блага обоихъ народовъ совмѣстной работы противъ большевизма.

Только желаніемъ выяснить отношеніе Ваше къ этому дѣлу объясняются тѣ ограниченія опредѣленными рамками, въ кои теперь вылилось наше формированіе; въ случаѣ же полученія благожелательнаго отъ Васъ отвѣта, фронтъ сей можетъ быть развернутъ до желаемыхъ Вами размѣровъ, получая пополненія изъ лагерей военноплѣнныхъ Германіи, и будетъ снабжаться всѣмъ изъ Германіи въ томъ же изобиліи, какъ до настоящаго времени снабжались корпуса мой и Свѣтлѣйшаго князя Ливена, нынѣ переброшенный на другое направленіе и оказавшійся въ значительно худшемъ положеніи въ отношеніи всѣхъ видовъ довольствія, со времени передачи снабженія его въ руки Антанты, о чемъ у Васъ, вѣроятно, имѣются донесенія генерала Юденича.

На этомъ основаніи считаю необходимымъ подчеркнуть всю полезность нахожденія моего корпуса въ Курляндіи, гдѣ мы имѣемъ непосредственную и тѣсную связь съ нашей теперешней

базой Германіей, откуда получаемъ въ изобиліи не только все необходимое, но все полезное для нашего существованія и работы, не касаясь уже вопроса о важности этого участка въ оперативномъ отношеніи и необходимости удержать его въ русскихъ рукахъ при совмѣстныхъ операціяхъ.

Эти соображенія заставляютъ меня задержаться здѣсь до окончательнаго сформированія и ожидать дальнѣйшихъ Вашихъ указаній.»

Вмѣстѣ съ этимъ донесеніемъ мною былъ отправленъ и нижеслѣдующій «Докладъ о предполагаемыхъ дѣйствіяхъ Западнаго Добровольческаго имени графа Келлера корпуса.»

«Задачи корпуса, выступающаго по завершеніи своего формированія на большевистскій фронтъ, соотвѣтствуютъ задачамъ послѣдняго Россійскаго резерва, направленнаго для нанесенія рѣшительнаго удара. Поэтому соотвѣтственное использованіе этого резерва пріобрѣтаетъ особое значеніе, такъ какъ наносимый ударъ долженъ быть связанъ съ окончательнымъ успѣхомъ. Эта отвѣтственная задача, охарактеризованная въ общихъ выраженіяхъ, требуетъ строгаго выбора операціоннаго направленія съ тщательною подготовкою всей операціи. Задачею корпуса является разъединеніе дѣйствій Петербургскихъ и Московскихъ большевиковъ, внесеніе въ дѣйствія этихъ группъ полнаго хаоса, а затѣмъ совмѣстно съ другими добровольческими арміями — нанесеніе окончательнаго разгрома противнику въ направленіи Петербурга или Москвы, въ зависимости отъ обстановки; конечная же цѣль корпуса — соединеніе съ Сибирскою Арміею, завершающее полное окруженіе оставшейся части большевиковъ центра Россіи.

Останавливаясь на выборѣ операціоннаго направленія, необходимо признать, что направленіе Двинскъ----Великія Луки—Вышній Волочекъ—Вологда обезпечиваетъ наиболѣе рѣшительный результатъ, такъ какъ, съ развитіемъ успѣха въ этомъ направленіи, рядъ крайне важныхъ желѣзнодорожныхъ узловъ Двинскъ—Полоцкъ, узловой раіонъ Невель—Великіе Луки—Ново-Сокольники, Вышный Волочекъ и Вологда, попадая къ намъ въ руки, совершенно разъединяютъ и изолируютъ Петербургскую группу большевиковъ отъ всей остальной красноармейской массы, которая въ свою очередь, попадаетъ въ тиски, угрожаемая съ сѣвера Западнымъ Добровольческимъ корпусомъ имени графа Келлера, съ юга арміей генерала Деникина и съ востока Сибирской арміей.

Оперируя въ этомъ направленіи мы сохраняемъ полную свободу маневрированія въ отношеніи важнѣйшихъ объектовъ дѣйствій Петербурга и Москвы, а также и въ отношеніи конечной цѣли наступленія — соединенія съ Сибирской арміей.

Поставленныя задачи, конечно, потребуютъ прогрессивнаго расширенія рамокъ первоначальнаго формированія и развертыванія корпуса, каковое обстоятельство уже учтено при его формированіи.

Ясно, что столь широко поставленная задача подлежитъ расчлененію на частныя операціи — задачи.

Ближайшею задачей является занятіе гор. Двинска для устройства въ немъ базы и обезпеченія переправъ черезъ Западную Двину, а затѣмъ занятіе узлового раіона Великія Луки —Невель—Ново Сокольники, съ захватомъ котораго связь Петербургской группы большевиковъ съ Москвой ставится подъ серьезную угрозу. Съ занятіемъ этого узла пріобрѣтается свобода дѣйствій по кратчайшимъ направленіямъ, какъ на Петербургъ, такъ и на Москву, въ зависимости отъ обстановки.

Обстоятельство это безусловно должно вызвать большія опасенія большевиковъ за цѣлость своихъ крупнѣйшихъ центровъ, вслѣдствіе чего возможно предположить, что большевики принуждены будутъ оттянуть значительныя силы съ фронта Сибирской Арміи, а можетъ и съ фронта генерала Деникина (хотя послѣднее менѣе возможно).

По занятіи раіона Невель —Великія Луки—Ново Сокольники выяснится и окончательная постановка дальнѣйшихъ частныхъ задачъ, то есть развитіе ли операціи въ направленіи Петербурга или Москвы, на рѣшеніе чего въ значительной мѣрѣ будетъ вліять положеніе къ тому времени фронта генерала Деникина.

Полковникъ Бишовъ,
Начальникъ «Желѣзной Дивизіи», входившей въ составъ Западной Добровольческой Арміи.

Л-Гв. Павловскаго полка полковникъ Потоцкій, Командиръ корпуса «имени генерала графа Келлера».

Карта 16

Дежурный генералъ полк. А. Вольскій, Начальникъ Штаба полк. П. Чайковскій, генералъ-квартирмейстръ полк. М. Григоровъ.

Генералъ-маіоръ Альтфатеръ. Инспекторъ артиллеріи Западной Арміи и бывшій командиръ 1-ой гвар. артиллерійской бригады.

Гауптманъ Вагенеръ, Нач. Штаба «Нѣмецкаго Легіона» тяжело раненъ 10 октября 1919 года въ Курляндіи, остался въ строю.

Необходимо имѣть въ виду, что рѣшительный успѣхъ подъ Москвой съ одновременнымъ занятіемъ узловъ желѣзной дороги у Вышняго Волочка и производство одновременнаго набѣга на Вологду для захвата сего узла — можетъ рѣшить судьбу Петербургской группы, ибо положеніе Сѣверной Арміи значительно будетъ облегчено въ отношеніи перехода въ наступленіе и дальнѣйшаго его развитія. При такомъ положеніи можно ожидать перехода всей Петербурской группы на нашу сторону.

По завершеніи этой первой части намѣченной операціи — дальнѣйшей задачей корпуса будетъ соединеніе съ Сибирской Арміей, развитіемъ операціи въ направленіи на Вятку—Пермь, сопряженное съ дальнѣйшимъ отрѣзываніемъ большевистскаго центра отъ сѣвера.

Изложенныя выше задачи, принимаемыя на себя Западнымъ Добров. корпусомъ требуютъ тщательно продуманной и законченной организаціи.

Въ этомъ отношеніи вся организація корпуса проводится съ примѣненіемъ данныхъ послѣдняго опыта, при ближайшей помощи германцевъ. Наиболѣе важный вопросъ снабженія матерьяльной частью — является совершенно обезпеченнымъ. Люди вооружаются и снаряжаются германцами, отъ нихъ же получаются всѣ техническія средства и деньги, что будетъ производиться и въ будущемъ. Притокъ живой силы также является обезпеченнымъ.

Съ началомъ движенія впередъ онъ долженъ рѣзко увеличиться, на чемъ также основываются разсчеты дальнѣйшаго развертыванія корпуса, базирующагося и на дальнѣйшемъ германскомъ снабженіи.

Наступательный починъ корпуса будетъ безусловно привѣтствованъ изстрадавшимися народными массами. Уже теперь разоренное селянство ближайшихъ раіоновъ ждетъ освобожденія и облегченія своей участи. Принимая во вниманіе это настроеніе населенія, пережившее уже ужасы большевизма, а также наличіе тайныхъ складовъ оружія, можно съ увѣренностью сказать, что продвиженіе корпуса будетъ сопровождаться возстаніями организованныхъ крестьянъ и значительнымъ притокомъ ихъ въ ряды добровольцевъ. Мѣстные источники снабженія увеличатся: то и другое будетъ способствовать дальнѣйшему развертыванію корпуса и расширенію его операцій.

Съ первыхъ же шаговъ необходимо будетъ реальнымъ способомъ отозваться на сочувствіе народныхъ массъ. Это должно выразиться въ принятіи ряда мѣръ для улучшенія и облегченія условій существованія и установленія порядка и законности въ занимаемыхъ раіонахъ, что окончательно закрѣпитъ за нами сознательныя массы населенія.

Наши усилія будутъ направлены къ улучшенію продовольствія, установленію правильнаго внутренняго транспорта и развитію торговли и также заводской дѣятельности.

Вопросы транспорта, торговли и заводской дѣятельности будутъ организовываться при ближайшемъ участіи германцевъ. Въ настоящее время въ Германіи уже работаетъ два завода по изготовленію всего необходимаго (запасныя части, части машинъ и др.) для приведенія въ порядокъ подвижныхъ составовъ. Это дастъ возможность возстановить дѣятельность желѣзныхъ дорогъ, что въ свою очередь осуществитъ притокъ изъ Германіи различныхъ необходимыхъ фабрикатовъ, отсутствующихъ нынѣ на мѣстахъ, при чемъ обратный транспортъ въ Германію выразится въ различномъ сырьѣ.

Въ связи съ вышеизложеннымъ развитіемъ транспорта представится возможность постепеннаго возстановленія заводской дѣятельности и сокращенія числа безработныхъ.

Сообразно съ изложенными выше задачами при корпусѣ образованъ торгово-промышленный отдѣлъ.

При установленіи на мѣстахъ административнаго управленія, послѣднему будетъ придаваться извѣстная гибкость, сообразно съ мѣстными условіями.

Выше изложены тѣ основныя задачи, которыя беретъ на себя корпусъ. Въ сознаніи тяжелыхъ обязанностей, принятыхъ на себя чинами корпуса, послѣдніе напрягаютъ всѣ усилія для скорѣйшаго доведенія до конца формированія, дабы оказать скорѣе мощное содѣйствіе всѣмъ русскимъ добровольческимъ арміямъ, борющимся противъ общаго врага.»

Докладъ былъ отправленъ мною черезъ поручика Лейкарта. Съ огромными трудностями и усиліями добрался онъ въ черту расположенія войскъ генерала

Деникина. Послѣднимъ онъ былъ задержанъ на неопредѣленное время а затѣмъ былъ вынужденъ возвратиться обратно, и т. обр. не смогъ исполнить это важное порученіе.

Отношеніе, проявленное на югѣ къ поручику Лейкарту было недружелюбнымъ — тамъ не одобряли сотрудничества съ нѣмцами, у которыхъ въ свое время брали все, отъ оружія до продовольствія включительно. Контрольные глаза «союзниковъ» слѣдили за каждымъ словомъ и каждымъ шагомъ генерала Деникина.

ГЛАВА XI.

ВНѢШНІЯ ОТНОШЕНІЯ ВЪ АВГУСТѢ 1919 ГОДА.

Представители Антанты весьма внимательно слѣдили за всѣмъ происходящимъ въ Латвіи и Литвѣ и ихъ очень интересовали мои планы и намѣренія.

Повидимому съ цѣлью вывѣдать отъ меня что либо важное для себя, военный представитель державъ Согласія въ Балтійскихъ государствахъ англійскій генералъ Бертъ отправилъ мнѣ 21-го августа письмо черезъ бывшаго русскаго штабсъ-ротмистра Брейтъ (состоявшаго на службѣ въ англійской арміи), въ которомъ онъ приглашалъ меня прибыть 22-го августа въ Ригу для бесѣды съ генераломъ Гофомъ. Имѣя основанія предполагать, что въ Ригѣ меня могутъ постигнуть всевозможныя случайности — до ареста включительно, и несмотря на весьма подозрительный конецъ письма, гдѣ генералъ завѣрялъ меня, что я подъ охраной буду доставленъ къ своимъ войскамъ (приходилось проѣзжать черезъ укрѣпленную латышскую позицію), я всетаки рѣшилъ принять приглашеніе и немедленно на автомобилѣ выѣхалъ въ Ригу. Передъ своимъ отъѣздомъ я передалъ командованіе войсками старшему генералу Бенуа съ приказаніемъ, что, если я не вернусь къ 9-ти часамъ вечера въ Митаву, то армія въ 5 часовъ утра слѣдующаго дня должна уже занять Ригу и, арестовавъ всю англійскую миссію, поступить съ ней также, какъ это было бы поступлено со мною. Такого рода приказаніе мною было отдано потому, что мнѣ незадолго до этого приглашенія стало извѣстно, что начальникъ штаба генерала Гофа сказалъ слѣдующее: «Если полковникъ князь Аваловъ попадетъ въ мои руки, я немедленно повѣшу его.»

Задержанный въ пути поломкою автомобиля я пріѣхалъ съ опозданіемъ и лишь въ 2 часа дня былъ въ англійской миссіи въ Ригѣ. Меня встрѣтилъ[1] генералъ Бертъ и сообщилъ, что генералъ Гофъ, не дождавшись меня, отбылъ на крейсерѣ въ Лондонъ, торопясь засвѣтло пройти раіонъ минныхъ загражденій, но самъ генералъ Бертъ остался его замѣстителемъ.

Мнѣ былъ оказанъ весьма любезный пріемъ. За завтракомъ генералъ Бертъ сказалъ мнѣ, что онъ, вообще, не былъ увѣренъ въ моемъ пріѣздѣ; я отвѣтилъ генералу, что его неувѣренность и даже опасенія — мнѣ понятны, но что это всетаки не помѣшало мнѣ пріѣхать, принявъ однако нѣкоторыя предосторожности, которыя меня могли бы гарантировать отъ какихъ либо случайностей и разсказалъ о своемъ приказаніи войскамъ въ случаѣ, если бы я не вернулся къ 9-ти часамъ вечера сегодня обратно въ Митаву. Послѣ этого моего заявленія

[1] Я приглашался къ завтраку на крейсеръ въ 1 час. дня, а въ 2 часа, когда я подъѣхалъ къ мѣсту стоянки крейсера, его уже не было видно даже на горизонтѣ. Предвидя насильственный увозъ меня отъ войскъ, я взялъ съ собой револьверъ на всякій случай.

генералъ Бертъ очень слѣдилъ за временемъ и опасаясь, чтобы я не опаздалъ отправилъ меня на своемъ автомобилѣ и въ сопровожденіи своего замѣстителя.

Касаясь нашихъ отношеній съ германцами, генералъ Бертъ констатировалъ, что латышское общественное мнѣніе очень враждебно къ русскимъ братающимся съ германцами и, тѣмъ самымъ, проводящихъ германофильскую политику.

Я отвѣтилъ на это генералу Берту, что мы не дѣлаемъ изъ нашихъ отношеній къ германцамъ тайны, и что эти отношенія вполнѣ объясняются дружеской намъ помощью. Россія погибаетъ подъ игомъ большевиковъ и мы должны принимать всѣ мѣры для ея спасенія; всякій, кто помогаетъ намъ въ этомъ морально или матеріально, тотъ нашъ другъ; если это сдѣлаютъ латыши — мы примемъ ихъ помощь, какъ и помощь германцевъ — мы этого желаемъ, этого ищемъ. У насъ русскихъ есть только одно большое желаніе — спасеніе Родины во что бы то ни стало.

Генералъ Бертъ много говорилъ объ общности интересовъ Россіи и Англіи, которая неизмѣнно остается союзницей Россіи и оказываетъ всѣмъ добровольческимъ арміямъ самую широкую помощь. Бесѣда закончилась пожеланіемъ со стороны генерала Берта скорѣйшаго окончанія нашихъ формированій и отбытія на фронтъ для борьбы съ врагами Россіи и всей человѣческой культуры.

Я вынесъ впечатлѣніе, что «союзники» еще не теряли надежды разрѣшить назрѣвавшія въ Прибалтикѣ событія мирнымъ путемъ и отношеніе ихъ къ намъ офиціально, по крайней мѣрѣ, было благожелательно. Въ дѣйствительности однако словамъ не приходилось вѣрить и придавать значенія, а считаться лишь съ фактами.

20-го августа истекъ срокъ ультиматума; германскія войска не исполнили приказа своего правительства и продолжали оставаться въ Прибалтикѣ. Въ силу этого отношеніе латышей къ германцамъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и къ русскимъ, обострялось съ каждымъ днемъ. Съ ихъ стороны шла усиленная подготовка къ вооруженному выступленію противъ германцевъ и насъ и эта работа бросалась въ глаза даже въ Митавѣ. Сюда изъ Риги прибывали солдаты и офицеры, тайно скупалось оружіе и огнестрѣльные припасы у германскихъ солдатъ, уѣзжавшихъ на родину, проводилась тайная мобилизація, велось обученіе солдатъ въ закрытыхъ помѣщеніяхъ и. т. д. Приготовленія латышей вызывали возмущеніе у германскихъ солдатъ. Латышское правительство ни только не собиралось выполнить свои обѣщанія о надѣлѣ ихъ землей, но готовилось къ нападенію.

Въ ночь съ 24-го на 25-го августа германскіе солдаты устраиваютъ демонстративный «факелцугъ», направленный противъ правительства Латвіи. Демонстрація протекала въ полномъ порядкѣ. Солдаты и офицеры «Желѣзной дивизіи» стройными рядами съ зеленымъ флагомъ впереди, на которомъ было написано: «лучше смерть, чѣмъ рабство», съ зажженными факелами, проходили по улицамъ Митавы. Впечатлѣніе отъ шествія было внушительное; жители массами высыпали на улицу.

Громъ оркестра, стройность движенія «факелцуга» и глухая напряженность процессіи среди темной ночи достаточно ярко выявили настроеніе германскихъ

солдатъ и офицеровъ передъ латышами. Послѣдніе отнеслись къ этому какъ къ готовящемуся нападенію и кое-гдѣ приняли боевую готовность.

Проходя мимо моей квартиры демонстранты остановились. Ко мнѣ прибыла депутація и просила выйти къ солдатамъ. При моемъ выходѣ наступила тишина, флагъ былъ опущенъ — демонстранты отдали мнѣ честь. Я сказалъ короткую привѣтственную рѣчь, послѣ чего шествіе направилось дальше. По пути солдаты произвели обыскъ въ латышской комендантурѣ, латышскомъ офицерскомъ собраніи и казармѣ. Было взято оружіе, но никто не пострадалъ; послѣ этого германцы разошлись по своимъ казармамъ.

Латышское правительство забило тревогу. Газета «Народъ», подъ заголовкомъ: «Происшествія въ Митавѣ», помѣстило слѣдующее сообщеніе:

«Въ ночь съ воскресенія на понедѣльникъ германскіе солдаты съ солдатами отряда Келлера разоружили всѣхъ латышей, отбирая отъ нихъ деньги, бумаги и одежду. Латышская комендантура разгромлена; денежный шкафъ взорванъ, пострадавшихъ нѣтъ. О случившемся сообщено англійской миссіи. Въ понедѣльникъ въ Митавѣ было спокойно. Гольцъ и Бишофъ пріѣхали въ Митаву. Въ понедѣльникъ областой начальникъ, совмѣстно съ англійскимъ и германскимъ представителями осматривали содѣянное германскими вооруженными солдатами. Все разгромлено ручными гранатами, унесено около 60000 латв. руб. (часть денегъ уничтожена при взрывѣ), всѣ винтовки, одежда, сапоги, которые стягивались даже съ ногъ. Германцы хотѣли разгромить также мѣстный банкъ, но не могли сломать желѣзныхъ дверей. Одинъ латышскій солдатъ пропалъ безъ вѣсти.

О происшествіи сообщено министру иностранныхъ дѣлъ, который приметъ мѣры къ тому, чтобы выяснить намѣренія германскихъ солдатъ».

Сообщеніе было очень далеко отъ истины. Прежде всего въ демонстраціи русскіе солдаты не принимали никакого участія и газета въ данномъ случаѣ руководилась не столько желаніемъ сообщить истину, сколько «дѣлать политику».

Тотъ же «Народъ» черезъ два дня сообщалъ:

«У генерала Десино (представитель генерала Юденича въ Ригѣ)».

Генералъ Десино возвратился вчера изъ Митавы и въ бесѣдѣ съ нашимъ сотрудникомъ сообщилъ свои впечатлѣнія о корпусѣ князя Авалова.

Полковникъ князь Аваловъ, заявилъ генералъ, назначенъ генераломъ Юденичемъ командующимъ русскими отрядами, сформированными въ Курляндіи и Литвѣ; ему же подчиненъ и отрядъ полковника Вырголича, расположенный въ Шавляхъ и окрестностяхъ. Тѣ части, которыя я видѣлъ, производятъ очень хорошее впечатлѣніе, они прекрасно дисциплинированы и одѣты. Жалобъ на поведеніе воинскихъ чиновъ ко мнѣ не поступало.

Въ Митавскихъ событіяхъ русскія части никакого участія не принимали за исключеніемъ четырехъ-пяти лицъ. Фамиліи этихъ чиновъ установлены и они подвергнутся строгому наказанію.

Для характеристики дисциплины, которая царитъ въ отрядахъ, могу привести примѣръ, свидѣтелемъ котораго я былъ самъ: денщикъ одного изъ офицеровъ что-то стащилъ изъ хозяйскихъ вещей. Офицеръ былъ наказанъ за то, что не энергично реагировалъ на поступокъ денщика. А. Г.»

Шумиха поднятая латышскою печатью имѣла цѣлью возбужденіе общественнаго мнѣнія противъ германскихъ и русскихъ войскъ. Не только Латвія, но и Эстляндія, Литва и даже Польша съ большимъ волненіемъ слѣдили за развитіемъ событій. Предоставленная «союзниками» отсрочка эвакуаціи Прибалти-

ки до 31-го августа вызывала очередное безпокойство. Завѣренія германскихъ и русскихъ представителей, что ихъ войска не посягаютъ на установившійся на окраинахъ порядокъ вещей — не успокаивали.

По поводу опасеній польской печати — Начальникъ Военной Миссіи въ Польшѣ отъ Сѣверо-западной арміи ротмистръ Гоштовтъ вынужденъ былъ помѣстить въ «Варшавской Рѣчи» заявленіе, гдѣ говорилъ, что данныя, которыми онъ располагалъ о моихъ военныхъ предположеніяхъ, даютъ ему возможность утверждать, что не о какой борьбѣ съ Польшей я не помышляю.

ГЛАВА XII.

ВОЕННЫЕ СОВѢЩАНІЕ ВЪ РИГѢ 26-ГО АВГУСТА 1919 ГОДА И ЕГО ПОСЛѢДСТВІЯ.

26-го августа въ Ригѣ, съ цѣлью созданія единаго антибольшевистскаго фронта, было созвано военное совѣщаніе (Приложеніе № 34).

На немъ присутствовали представители: Главнокомандующаго Сѣверо-западнаго фронта — генералъ Десино, Эстоніи — генералъ Лайдонеръ, Латвіи — генералъ Симансонъ и полковникъ Калнинъ, Литвы — полковникъ Беньяшевичъ[1], Польши — капитанъ Мысловскій, Антанты генералъ Марчъ и отъ Западнаго добровольческаго корпуса начальникъ штаба полк. Чайковскій, ген.-квартирмейстеръ ген. штаба полк. Григоровъ и я.

Передъ засѣданіемъ черезъ генерала Десино мнѣ былъ переданъ приказъ Главнокомандующаго Сѣверо-западнымъ фронтомъ о переходѣ моей арміи на Нарвскій фронтъ. Приказъ былъ написанъ въ очень рѣзкихъ выраженіяхъ. Я отвѣтилъ генералу Десино, что я на Нарвскій фронтъ пойти не могу, ибо моя армія еще не закончила своего формированія и, кромѣ того, перейти въ раіонъ, гдѣ нѣтъ тыла, продовольствія и снарядовъ противорѣчило бы слову, данному мною арміи: я обѣщалъ арміи повести ее въ бой когда она будетъ одѣта, обута, обезпечена продовольствіемъ и тыломъ.

Послѣ этого заявленія я ему предложилъ мой планъ, который сводился къ слѣдующему: главными силами вести наступленіе на Двинскъ — Великія Луки и отдѣльной колонной на Псковъ, дабы этимъ движеніемъ облегчить наступленіе Сѣверо-западной арміи на Петербургъ и, такимъ образомъ, создать единый фронтъ подъ общимъ командованіемъ генерала Юденича.

Во время нашего разговора вошелъ А .И. Гучковъ и сообщилъ, что генералъ Юденичъ на совѣщаніе не пріѣдетъ. Я былъ очень удивленъ, ибо на этомъ совѣщаніи должны были рѣшаться вопросы первостепенной важности и генералъ Юденичъ, какъ Главнокомандующій, безусловно долженъ былъ присутствовать. Его отсутствіе было вызвано какими-то внѣшними причинами и я здѣсь лишній разъ имѣлъ возможность убѣдиться, что генералъ Юденичъ находится въ полной зависимости отъ «союзниковъ».

Спустя нѣкоторое время пришелъ ротмистръ Г., состоявшій на службѣ у англичанъ и передалъ мнѣ приглашеніе генерала Марча пріѣхать къ нему для переговоровъ. По причинамъ чисто этическаго свойства , я просилъ пере-

[1] Полковникъ Беньяшевичъ на видъ не старше 25-ти лѣтъ, съ офицерскимъ Георгіевскимъ крестомъ, утверждалъ, что во время войны командовалъ полкомъ. Карьера, во всякомъ случаѣ, перешедшая всякія границы.

дать генералу Марчу, что буду ждать его у себя.[1] Минутъ черезъ 15 онъ прибылъ ко мнѣ. Я изложилъ ему намѣченный планъ дѣйствій и генералъ Марчъ его вполнѣ одобрилъ. Наша частная бесѣда закончилась приглашеніемъ меня на военное совѣщаніе.

На совѣщаніи было достигнуто полное соглашеніе между участниками по вопросу о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ, которыя должны были начаться 15-го сентября.

Останавливаюсь на нѣкоторыхъ характерныхъ деталяхъ этого совѣщанія. Предсѣдательствующій генералъ Марчъ предложилъ прежде всего всѣмъ присутствовавшимъ военноначальникамъ высказаться о своихъ соображеніяхъ по поводу главныхъ вопросовъ: образованія общаго фронта, распредѣленія боевыхъ участковъ и способа координированныхъ дѣйствій.

При общемъ молчаніи я изложилъ мою общую точку зрѣнія на положеніе и тутъ же высказалъ все тотъ же планъ — удѣлить мнѣ Двинскій фронтъ и предоставить мнѣ полную свободу въ смыслѣ организаціонной работы, а затѣмъ и дѣйствій, о которыхъ я, разумѣется, своевременно и подробно ставилъ бы въ извѣстность тѣхъ, съ которыми соприкасался бы флангами моей арміи.

Во время моего доклада литовскій представитель полковникъ Беньяшевичъ нѣсколько разъ вмѣшивался. Онъ заявилъ, что въ одной изъ деревень, гдѣ расположены мои войска, послѣднія ведутъ себя безпокойно по отношенію къ литовцамъ.

Я прервалъ мой докладъ и указалъ полковнику, что войскъ моихъ въ той деревнѣ нѣтъ. Полковникъ оспаривалъ. Я попросилъ моихъ начальника штаба и генералъ-квартирмейстера разъяснить литовцу, что онъ ошибается, однако онъ настаивалъ, желая убѣдить членовъ совѣщанія въ противномъ: выходило, что ни я — командующій, ни мой начальникъ штаба и генералъ-квартирмейстръ расположенія своихъ частей не знаемъ. Пришлось литовцу указать его мѣсто:

«Когда я говорю, полковникъ, то это такъ, а затѣмъ потрудитесь не прерывать моего доклада. Правила воинской корректности Вамъ должны быть извѣстны. Если же я обращусь къ Вамъ, будете отвѣчать мнѣ, какъ старшему.»

Литовецъ замолчалъ.

По окончаніи совѣщанія онъ подошелъ ко мнѣ.

«Вы очень нервны, полковникъ — сказалъ онъ, — не забывайте, что Литва въ въ оное время была самостоятельной и Ваши Цари имѣли своихъ пословъ при литовскихъ короляхъ».

«Другими словами, — сказалъ я, — Вы подчеркиваете, что я и мои войска у Васъ въ гостяхъ.»

«Да такъ.»

«Въ такомъ случаѣ, полковникъ, примите къ свѣдѣнію — если я приду къ Вамъ въ гости и Вы сядете мнѣ на шею — я буду бить въ морду какъ въ бубенъ.»

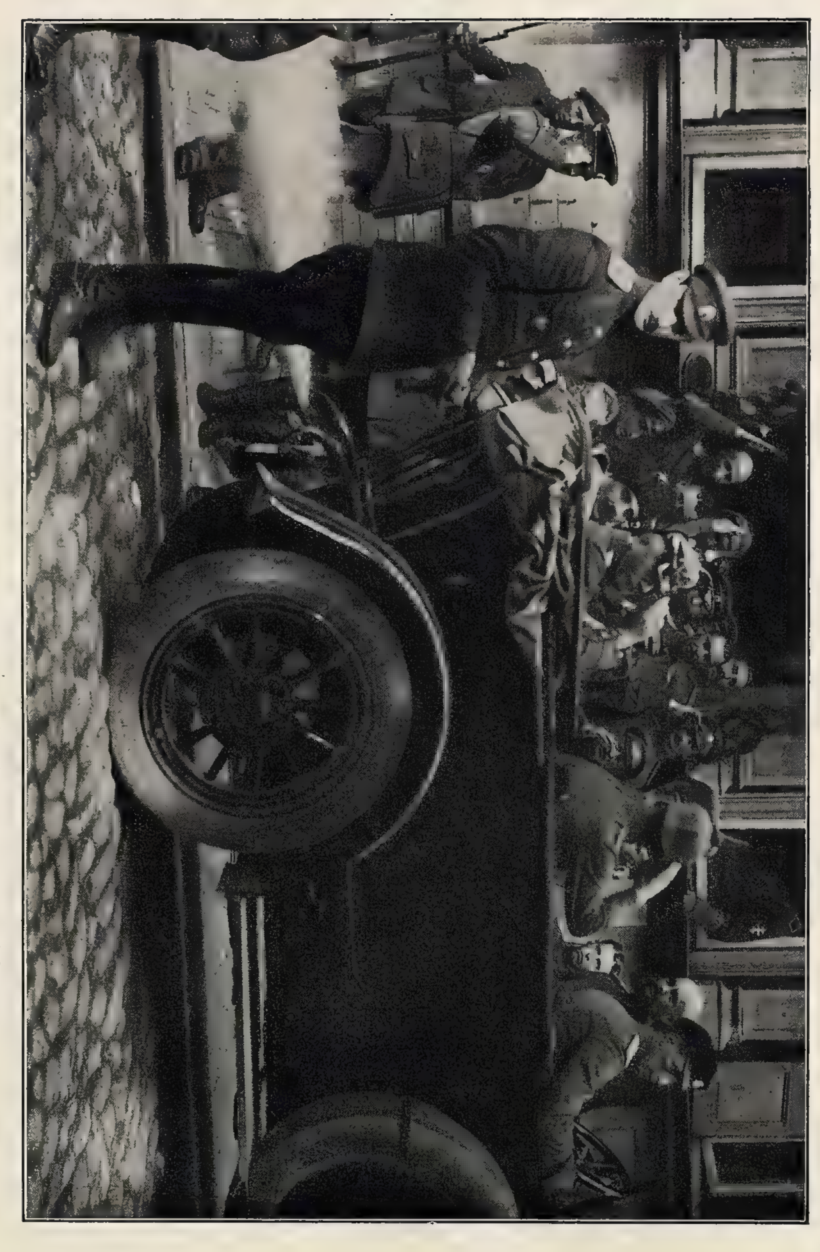
Литовецъ опѣшилъ.

[1] Я сказалъ: «Прошу передать генералу Марчу, что я, какъ русскій военный начальникъ, находящійся на русской территоріи, жду его у себя». Мое заявленіе вызвало среди присутствующихъ антантофиловъ большое смущеніе.

Князь Аваловъ и графъ ф. д. Гольцъ 29 іюня.

Князь Аваловъ среди своихъ офицеровъ въ день своихъ имянинъ 29 іюня.

Карта 18



Отъѣздъ князя Авалова и гр. ф. д. Гольцъ изъ собранія Штаба Арміи 29 іюня.

«Это большевистскій пріемъ» — пробормоталъ онъ.

«По Сенькѣ и шапка» — объяснилъ я.

Въ эту минуту генералъ Марчъ пригласилъ насъ къ чаю. Здѣсь мнѣ лишній разъ пришлось убѣдиться каково было отношеніе англичанъ къ латышамъ.

Кстати генералъ Марчъ почему то все время обращался ко мнѣ титулуя «Ваше Превосходительство». Я заявилъ ему, что хотя армія нѣсколько разъ просила меня принять чинъ генерала — я отклонилъ это и поэтому: — «Ваше Превосходительство — добавилъ я, — я всего лишь полковникъ.»

«Это ничего не значитъ» — отвѣтилъ генералъ Марчъ (онъ говорилъ по русски). но Ваши дѣйствія генерала и я буду Васъ такъ называть.»

За чаемъ продолжался разговоръ по поводу все тѣхъ же трудныхъ и мучительныхъ вопросовъ о наступленіи.

Я сидѣлъ справа отъ генерала Марча, правѣе меня генералъ Десино, напротивъ сидѣлъ латышскій представитель Калнинъ.

Въ самомъ началѣ нашего частнаго собесѣдованія вошелъ въ штатскомъ костюмѣ высокій, грубоватый, съ широкими скулами господинъ; я не зналъ, кто это. Генералъ Марчъ обратился къ нему и небрежно кивнулъ головой въ его сторону. Господинъ подсѣлъ ко мнѣ и представился.

«Ульманисъ».

Я назвалъ себя — онъ растерянно отшатнулся и, вѣроятно, смѣшавшись обратился по латышски къ генералу Десино.

«Что?» — рѣзко спросилъ его генералъ.

Шепелявя и неувѣренно улыбаясь Ульманисъ сказалъ:

«Какъ Ваше здоровіе, я хотѣлъ спросить объ этомъ...?»

«Ничего — благодарю» — кивнулъ генералъ Десино.

Путаясь ногами Ульманисъ отошелъ на конецъ стола и сѣлъ среди лейтенантовъ, гдѣ оставался до конца. Никто больше не обращалъ на него вниманія. Такъ вотъ какіе господа устроители республикъ нужны англичанамъ, подумалъ я, — нужны безвольныя пѣшки, просто безличныя фигуры для своихъ цѣлей.

Передъ разъѣздомъ членовъ совѣщанія ко мнѣ подошелъ генералъ Марчъ и, пожимая руку, сказалъ:

«Поздравляю Васъ, Ваше Превосходительство. Вы отстояли Вашу точку зрѣнія и если все пойдетъ по намѣченному пути — побѣда за Вами.»

Было ли то искреннее поздравленіе, что мнѣ дѣйствительно удалось отбиться отъ всякихъ выпадовъ и покушеній на выбранныя мною цѣли и намѣренія или въ этихъ словахъ заключалось зловѣщее предвѣстіе — трудно понять.

Впослѣдствіи — время и обстоятельства показали настоящій обликъ англичанъ, хозяйничавшихъ въ Прибалтикѣ.

Военно-политическое совѣщаніе закончилось подписаніемъ протокола, который я привожу ниже. Изъ него видно, какъ былъ распредѣленъ фронтъ между договаривавшимися сторонами.

Протоколъ гласилъ:

На совѣщаніи 26-го августа 1919 года достигнуто соглашеніе относительно общаго наступленія, имѣющаго быть начатымъ 15-го сентября 1919 года по улаженіи политическихъ вопросовъ и по достиженіи взаимнаго соглашенія.

И. Я. Лайдонеръ	Эстонцы: отъ моря до линіи желѣзной дороги Ямбургъ—Гатчина включительно.
С. Десино, генералъ	Русскіе: отъ линіи желѣзной дороги Ямбургъ—Гатчина исключительно до линіи рѣки Великой.
И. Я. Лайдонеръ	Эстонцы: отъ рѣки Великой до сѣвернаго берега озера Любань.
Р. Л. Калнинъ	Латыши: отъ озера Любань до Балтензее включительно, держа латышскій восточный фронтъ.
П. М. кн. Аваловъ полковникъ	Русскіе: подъ командою полковника князя Авалова продвинуться отъ Двинска къ Великимъ Лукамъ.
Беньяшевичъ, полковникъ	Литовцы: отъ Балтензее исключительно до пункта въ 35-ти километрахъ юго-западнѣе Двинска, держа Литовскій восточный фронтъ.
Мысловскій	Поляки: отъ Литовскаго лѣваго фланга на юга-востокъ.

Кромѣ указаннаго протокола было еще рѣшено: 1) открыть германскую границу, закрытую Антантой, для ввоза снаряженія и продовольствія для Западной Арміи; 2) оставить германскихъ солдатъ въ Западной Арміи, но дальнѣйшее укомплектованіе ими является нежелательнымъ; 3) Западной Арміи разрѣшено пользоваться желѣзно-дорожной линіей Тильзитъ-Пошеруны—Шавли-Двинскъ для военныхъ надобностей.

Передъ совѣщаніемъ генералъ Десино поставилъ меня въ извѣстность, что я назначенъ генераломъ Юденичемъ Командующимъ всѣми вооруженными силами, сформированными въ Курляндіи и Литвѣ. Приказъ объ этомъ генерала Юденича послѣдовалъ 5-го сентября. (Приложенія № 35 и 36).

Для проведенія въ жизнь, поставленной мнѣ совѣщаніемъ задачи я предварительно долженъ былъ войти въ соглашеніе съ Литовскимъ правительствомъ, относительно предоставленія для моихъ войскъ раіона сосредотачиванія и участка на большевистскомъ фронтѣ. Для этого въ Ковно были командированы начальникъ Пластунской Дивизіи полковникъ Потоцкій и полковникъ Шнейдеманъ (Приложеніе № 37); генералъ Бертъ былъ поставленъ обо всемъ въ извѣстность.

Одновременно началась спѣшная подготовка къ операціямъ: надо было закончить формированіе частей корпуса, снабдить ихъ всѣмъ необходимымъ для похода, наладить подвозъ и. т. д.; былъ разработанъ планъ переброски частей въ раіонъ сосредоточенія (раіонъ мѣстечка Абели) къ западу отъ города Двинска по желѣзной дорогѣ Двинскъ—Шавли. (Приложеніе № 38).

Приказомъ по корпусу отъ 2-го сентября за № 20 выступленіе частей было назначено на 5-ое сентября. (Приложеніе № 39).

Прилагаемый ниже докладъ Начальника Штаба корпуса вполнѣ ясно опредѣляетъ задачи и планъ предполагавшихся операцій:

«Западный Добровольческій Корпусъ — говоритъ докладъ — представляетъ послѣдній Россійскій резервъ, назначеніе котораго нанести рѣшительный ударъ.

Этимъ опредѣляется общее операціонное направленіе предстоящихъ дѣйствій корпуса.

Направленіе это — Двинскъ — Великія Луки. Занятіе Двинска и утвержденіе на рѣкѣ Западной Двинѣ необходимо и является первой общей задачей корпуса, въ смыслѣ обезпеченія себѣ базы и исходнаго положенія для развитія дальнѣйшихъ операцій. Послѣдующее развитіе — занятіе большого желѣзнодорожнаго узла Великія Луки—Невель—Ново Соколь-

ники, ставившее подъ угрозу сообщенія и связь Петербургской группы большевиковъ съ Москвою; кромѣ того корпусъ съ занятіемъ этого узла пріобрѣтаетъ свободу дѣйствій въ кратчайшемъ направленіи на Петербургъ или Москву, въ зависимости отъ обстановки. Такимъ образомъ, ближайшей задачей корпуса является овладѣніе Двинскомъ и переправами у него.

Предпринимая эту операцію необходимо подвести итоги политическаго положенія.

Первая стадія развитія операцій будетъ происходить на территоріи Литвы, благожелательнымъ расположеніемъ которой, а также желаніемъ ея принять совмѣстное участіе въ общемъ наступленіи удалось заручиться. Сѣвернѣе этого раіона, въ Латвіи, лежащей большею частью въ тылу раіона предстоящихъ операцій, а частью на флангѣ, такого благожелательнаго отношенія пока не достигнуто, но по ходу событій, оно достигнуто будетъ путемъ завѣренія въ предоставленіи всей ея территоріи, освобожденной отъ большевиковъ, въ полное распоряженіе Латышскаго правительства и безъ нашего вмѣшательства во внутреннюю политику Латвіи.

Раіонъ Вильна—Минскъ является раіономъ наступленія Польскаго фронта. Успѣшное наступленіе поляковъ въ сѣверо-восточномъ направленіи безусловно прикуетъ туда вниманіе большевиковъ, въ виду угрозы тылу всего Двинскаго раіона.

Переходя къ оцѣнкѣ силъ большевистскаго фронта раіона Двинскъ, устанавливается здѣсь присутствіе до 7 тысячъ человѣкъ на фронтѣ Подунай—Дукшты, то есть на протяженіи 50 верстъ (4-ая стрѣлковая дивизія, состоящая изъ 31, 32, 33, (34?), 35 и 36 полковъ, численностью до 1000 человѣкъ каждый, при 10—12 пулеметахъ на каждый полкъ). По даннымъ развѣдки артиллерія этихъ частей заключается въ 22 легкихъ орудіяхъ и 4 гаубицахъ, но это количество нужно признать уменьшеннымъ; навѣрное придется встрѣтиться съ значительно болѣе сильной артиллеріей противника. У села Подунай (на рѣкѣ Зап. Двинѣ) стыкъ съ 53-ей пѣхотной дивизіей.

Ближайшая группа большевистскихъ войскъ по сѣверную сторону Двины состоитъ изъ коммунистическаго полка (или батальона), 21, 22 и 47 стрѣлковыхъ полковъ, общею численностью 3000—4000 человѣкъ.

Двинская группа большевиковъ едва ли можетъ расчитывать на помощъ со стороны Петербурга или Минска. Въ первомъ направленіи силы большевиковъ прикованы Сѣверо-западной арміей, во второмъ — наступленіемъ поляковъ.

Возможно предположить усиленіе Двинской группы лишь за счетъ войскъ, оставленныхъ внутри страны, но продвиженіе генерала Деникина не позволяетъ ослабить этотъ фронтъ; наоборотъ, туда перебрасывается часть силъ съ фронта адмирала Колчака.

Черезъ два дня меня посѣтилъ графъ фонъ-деръ-Гольцъ, извѣщенный мною до этого о совѣщаніи и его результатахъ. Графъ искренно поздравилъ меня съ тѣмъ, что я твердо провелъ на совѣщаніи мою линію и отъ намѣченныхъ заданій не отступилъ.

Такое общеніе между мною и графомъ съ одной стороны убѣждало меня все больше въ безкорыстной помощи германцевъ, съ другой — я подробнѣе оріентировался въ вопросахъ общественныхъ, возникавшихъ въ германскихъ кругахъ по поводу всего вообще, что происходило въ Прибалтикѣ.

ГЛАВА XIII.

ИНТРИГИ «СОЮЗНИКОВЪ».

Какъ видно изъ доклада, помѣщеннаго въ предыдущей главѣ, добрыя взаимоотношенія съ Литвой для проведенія намѣченныхъ операцій были крайне необходимы, но переговоры съ Литовскимъ правительствомъ, благодаря интригамъ Антанты, сильно тормозились. Литва требовала, чтобы Западная Добр. Армія выдѣлила всѣхъ германскихъ добровольцевъ, какъ предварительное условіе для переговоровъ.

Я привожу здѣсь переписку по этому поводу съ «союзной» миссіей въ Ригѣ, иллюстрирующую отношеніе Антанты къ моей арміи и къ соглашенію съ Литвой.

1. Полковнику князю Авалову въ Митавѣ.

«Въ отвѣтъ на Ваше письмо № 401 отъ 4-го сентятбря я могу сообшить Вамъ, что до момента составленія этого письма, отвѣта на запросъ объ открытіи Русско-германской границы отъ генерала Марча еще не получено.

Лишь только его отвѣтъ поступитъ въ миссію, вы будете поставлены въ извѣстность.

Литовскій штабъ посылаетъ офицера — полковника Беньяшевича — въ Шавли сегодня для переговоровъ по всѣмъ военнымъ вопросамъ съ Вашимъ представителемъ.

Время его пребыванія и мѣсто, гдѣ Вашъ представитель сможетъ найти его будетъ Вамъ сообщено.

Прошу распорядиться о посылкѣ Вашего представителя въ Шавли. Всѣ вопросы, касающіеся перевозки Вашего корпуса черезъ Литву по желѣзной дорогѣ будутъ тщательно обсуждены.

Генералъ Марчъ, я полагаю, сообщилъ Вамъ, что Вамъ предоставлена возможность получить всевозможное снабженіе изъ Германіи съ условіемъ не уплачивать за него и не давать никакихъ гарантій, касающихся уплаты.

Что касается послѣдняго параграфа — никакое обѣщаніе не можетъ быть дано въ настоящее время относительно снабженія Вашихъ войскъ, однако этотъ вопросъ былъ выдвинутъ и несомнѣнно генералъ Гофъ по возвращеніи изъ Лондона, приблизительно 11-го сего мѣсяца, будетъ въ состояніи дать Вамъ окончательный отвѣтъ.»

Рига, 6-9-19 Альфредъ Бертъ
Бригадный генералъ

2. Полковнику князю Авалову въ Митавѣ.

«Со времени составленія предыдущаго письма я получилъ извѣщеніе отъ генерала Марча, что онъ обѣщаетъ Вамъ помочь, насколько возможно хорошо, военными матеріалами и русскими военноплѣнными, при условіи устраненія германцевъ изъ Вашего корпуса.

Когда генералъ Марчъ получитъ мое сообщеніе, что Вы исполнили это условіе и что, по моему мнѣнію, Вы съ должною основательностью исполняете это условіе, онъ будетъ въ состояніи сообщить въ Лондонъ и Парижъ о тѣхъ мѣрахъ, принятіе которыхъ онъ считаетъ необходимымъ.»

Рига, 6-9-19 А. Кинамъ, маіоръ
за бригаднаго генерала

Все это невыразимо удивило меня. Всѣ пункты установленные на совѣщанiи въ данномъ случаѣ нарушались, выключенiе же германцевъ изъ моихъ войскъ уменьшало силы корпуса и измѣняло всѣ мои разсчеты.

Вѣдь на совѣщанiи въ числѣ другихъ вопросовъ, касались и этого — мнѣ было предоставлено право сохранить въ корпусѣ германскiя части и съ ними въ установленный срокъ выйти на намѣченный фронтъ. Что же значитъ это требованiе? Я немедленно послалъ телеграмму такого содержанiя.

3. Представителю военной англiйской миссiи полковнику Гровэ.

«Двѣ недѣли тому назадъ, на совѣщанiи въ Ригѣ, подъ предсѣдательствомъ генерала Марча, были опредѣленно установлены и распредѣлены участки фронтовъ между армiями въ связи съ назначеннымъ наступленiемъ.

Тогда же моему корпусу было вполнѣ опредѣленно указано оперативное направленiе на Двинскъ — Великiя Луки, запротоколенное письменно на томъ же совѣщанiи.

Прошло уже двѣ недѣли со времени этого совѣщанiя, а вопросъ о взаимномъ соглашенiи съ Литвой по поводу предстоящихъ операцiй не двинулся ни на шагъ, несмотря на то, что генералъ Юденичъ требуетъ моего скорѣйшаго наступленiя.

Веденiе переговоровъ является невозможнымъ, такъ какъ полковникъ Беньяшевичъ, назначенный нынѣ представителемъ для таковыхъ переговоровъ Литовскимъ правительствомъ, уѣхалъ изъ Шавли въ Ковно, не ожидая моихъ представителей, которые уже выѣзжали въ Шавли, а также не предупредивъ меня о своемъ отъѣздѣ.

Увѣдомленiе же о прибытiи въ Шавли полковника Беньяшевича со стороны англiйской миссiи, какъ это было условлено, я не получилъ.

При настоящихъ условiяхъ всякая потеря времени не допустима, въ виду чего я считаю своимъ долгомъ предупредить, что въ случаѣ, если теперь же мнѣ не будетъ дана возможность выяснить необходимыя данныя для совмѣстныхъ дѣйствiй въ направленiи Двинскъ — Великiя Луки, я принужденъ буду, въ виду уже приближающагося холоднаго времени года, или принять иныя мѣры по устройству своихъ войскъ на зимнiя квартиры или же единолично принять рѣшенiе по занятiю одного изъ участковъ фронта.

При этомъ присовокупляю, что на совѣшанiе съ представителями Литвы я посылаю своихъ старыхъ опытныхъ штабъ-офицеровъ, занимающихъ должности начальниковъ дивизiй и штабовъ, поэтому со стороны полковника Беньяшевича можно было ожидать болѣе уважительнаго отношенiя къ предполагавшейся встрѣчѣ съ моими представителями, а не того некорректнаго отношенiя къ дѣлу, которое имъ было уже выказано и во время совѣщанiя 26-го августа.

О вышеизложенномъ прошу поставить въ извѣстность Начальника англiйской военной миссiи генерала Бертъ.

9-го сентября 1919 г. Командующiй Западной добр. армiей

№ 225 Полковникъ князь Аваловъ.

4. Полковнику князю Авалову въ Митавѣ.

Я получилъ Ваше письмо за № 225 отъ 9-го сентября и долженъ былъ къ глубокому сожалѣнiю узнать, что предполагавшееся свиданiе съ литовскимъ представителемъ не имѣло мѣста.

Съ моей стороны было недоразумѣнiе, происшедшее отъ того, что была получена телеграмма изъ Ковно, сообщающая, что полковникъ Беньяшевичъ отъѣзжаетъ въ Шавли 6-го сего мѣсяца. Въ эту телеграмму было включено , что Вашъ представитель уже находится въ Ковно. Такъ какъ я теперь констатирую, что Ваши представители уѣхали въ Шавли, гдѣ они разошлись съ Литовскимъ представителемъ, я протелеграфировалъ въ Ковно съ запросомъ объ объясненiи и о посылкѣ полковника Беньяшевича въ Шавли.

Я прилагаю старанiя къ тому, чтобы устроить свиданiе между Вашими и Литовскими представителями, такъ какъ я по своей инициативѣ старался устроить это свиданiе, то я вновь желаю выразить мое сожалѣнiе по поводу происшдшаго недоразумѣнiя.

Рига 11-9-19 Альфредъ Бертъ, Бригадный генералъ

Въ эти же дни я, въ дополненіе уже къ той политической игрѣ, которую начали союзники, получаю въ руки слѣдующій документъ:

5. Его Превосходительству Президенту Литвы.

Будьте любезны сообщить делегатамъ полковника Авалова, что союзники не желаютъ, чтобы его войскамъ былъ данъ проходъ черезъ Литву, покуда нѣмецкіе элементы не будутъ удалены изъ нихъ, и какъ военный представитель союзниковъ я Вамъ предписываю воздержаться отъ согласія съ Вашей стороны на пропускъ ихъ вь это время.

На случай, если я неправильно передаю точку зрѣнія на этотъ вопросъ генерала Гофа, который только что вернулся изъ Англіи, я по телефону сообщаю о предписаніи данномъ Вамъ въ нашу штабъ-квартиру въ Гельсингфорсъ и прошу подтвердить это ,въ противномъ же случаѣ сообщить непосредственно поковнику Авалову въ Митаву.

Копія сего послана полковнику Шнейдеманъ.

Ковно, 24-9-19 Генеральнаго Штаба полковникъ
Г. Рэвэнъ Робинсонъ
Союзной Военной Миссіи

Копіи:
Полковнику Шнейдеманъ,
Штабъ квартира Британской военной миссіи въ Ригѣ,
Французская военная миссія въ Ковно.

Между тѣмъ еще 5-го сентября 1919 года за № 62, состоящій для порученій при Главнокомандующемъ Сѣверо-западнымъ фронтомъ, генералъ Десино сообщалъ мнѣ:

«Главнокомандующій Сѣверо-западнымъ фронтомъ требуетъ отъ Васъ скорѣйшаго наступленія на Двинскъ и Рѣжицу въ полномъ согласованіи съ Великобританской миссіей.

Отъ меня Его Высокопревосходительство требуетъ немедленное телеграфное донесеніе о времени Вашего наступленія, его направленіи и осилахъ, съ которыми начнете наступленіе, каковыя свѣдѣнія прошу прислать немедленно. Въ дальнѣйшемъ генералъ Юденичъ требуетъ отъ меня телеграфныхъ донесеній обо всемъ важнѣйшемъ, сопряженномъ съ Вашей операціей, для чего я временно остаюсь въ Ригѣ (гостиница «Петербургъ»).

Вамъ надлежитъ быть въ полномъ контактѣ со мною, для чего необходимо прислать для связи изъ Вашего Штаба знающаго положеніе дѣлъ офицера съ нѣкоторыми отъ Васъ полномочіями.

О Вашемъ назначеніи Англійская Миссія мною увѣдомлена, латышскія власти будутъ увѣдомлены сегодня.

Отдѣльныя лица и учрежденія корпуса князя Ливена пока изъяты изъ Вашего подчиненія.

Генералъ лейтенантъ Десино

На это генералу Десино былъ мною посланъ слѣдующій отвѣтъ:

Весьма секретно

Состоящему для порученій при Главнокомандующемъ Сѣверо-западнаго фронта Генералъ-лейтенанту Десино

Общая задача Арміи — наступленіе на станцію Рѣжица. При выполненіи этой операціи ближайшей задачей является занятіе Двинска и устройство здѣсь базы съ обезпеченными переправами черезъ рѣку Зап. Двину, а этимъ самымъ достигается и полное обезпеченіе коммуникаціонной линіи Поневѣжъ—Шавли. Операціонное направленіе черезъ Якобштадтъ исключается въ виду отсутствія опредѣленныхъ гарантій обезпеченія тыла со стороны Латвіи.

Во исполненіе изложеннаго всѣ ввѣренныя мнѣ войска, включая отрядъ полковника Выргодича, должны быть прежде всего сосредоточены въ раіонѣ станціи Абели. Сосредоточеніе должно быть произведено путемъ перевозки ихъ по желѣзной дорогѣ черезъ Шавли—Поневѣжъ, о чемъ необходимо поставить въ извѣстность Литовское правительство.

По сосредоточеніи въ раіонѣ Абели и полномъ выясненіи положенія частей Литовской арміи на ближайшихъ участкахъ фронта и установленіи связи съ таковой — направленіе удара и способъ дѣйствій ввѣренныхъ мнѣ войскъ — будутъ опредѣлены въ зависимости отъ общаго положенія на фронтѣ. Положеніе Двинска къ этому моменту сыграетъ рѣшающую роль. Болѣе детальныя предположенія носили бы чисто отвлеченный характеръ и разработать ихъ въ данный моментъ внѣ всякой обстановки совершенно невозможно.

Силы арміи, могущія быть сосредоточены для наступленія перечислены въ прилагаемыхъ вѣдомостяхъ. Кромѣ того сюда нужно присоединить отрядъ полковника Выргolича, свѣдѣнія о составѣ котораго нынѣ получены.

По имѣющимся свѣдѣніямъ отрядъ полковника Выргoлича насчитываетъ до 2-хъ баталіоновъ, 2-хъ батарей и 1-го эскадрона, что въ совокупности съ корпусомъ графа Келлеръ составитъ 5 баталіоновъ, 100 пулеметовъ, не считая пулеметовъ на складѣ, 6 батарей (всего 23 орудія, въ томъ числѣ 4-хъ гаубицъ и 3-хъ 15-ти сантиметровыхъ) и большого числа летательныхъ аппаратовъ, что составитъ общую численность 6-7 тысячъ человѣкъ, не считая укомплектованій, остающихся въ тылу и организуемыхъ резервовъ, точный численный учетъ которыхъ не можетъ еще быть произведеннымъ. Броневыя машины пока еще не получены.

Въ настоящій моментъ крайній недостатокъ въ лошадяхъ. Въ пѣхотѣ и артиллеріи наличность лошадей не превышаетъ и даже меньше $^1/_3$ всей потребности ихъ; во многихъ частяхъ недостатокъ еще большій. Будущій притокъ лошадей опредѣленно расчитанъ быть не можетъ, а между тѣмъ безъ надлежащаго укомплектованія лошадьми невозможно начало наступленія.

Въ отношеніи обмундированія — также существуетъ еще огромный недостатокъ. Таковаго въ частяхъ не хватаетъ отъ 25% до 50%, а бѣлья отъ 30% до 50%.

Вышеизложенное есть слѣдствіе продолжительныхъ періодовъ закрытія границы, въ теченіе которыхъ корпусъ не могъ своевременно получить отчасти лошадей и, главнымъ образомъ, заготовленнаго для него обмундированія и снаряженія, а также и пополненій.

По совокупности всего изложеннаго начало наступленія ввѣренныхъ мнѣ частей можетъ послѣдовать во всякомъ случаѣ не ранѣе 15-го сентября, возможно и позже, если притокъ лошадей не покроетъ всего недостающаго ихъ количества, безъ чего начало дѣйствій представляется невозможнымъ.

Въ заключеніе прилагаю при семъ копію съ телеграфнаго предписанія англійскаго полковника генеральнаго штаба Г. Рэвенъ Робинсона президенту Литвы, явно противорѣчущее соглашенію достигнутому нами на Военно-политическомъ совѣщаніи въ Ригѣ. Считаю это недопустимымъ и прошу Васъ принять соотвѣтствующія мѣры къ устраненію такихъ положеній, могущихъ быть нежелательными по своимъ послѣдствіямъ.

6-го сентября 1919 г. — Командующій Западной добр. арміей
№ 016 — Полковникъ князь Аваловъ

Назначенный для эвакуаціи Прибалтики германскими войсками срокъ истекъ 31-го августа, но таковая далеко еще не была закончена; чтобы заставить генерала графа фонъ-деръ-Гольцъ ускорить выполненіе предъявленныхъ къ нему требованій, Антанта настояла на закрытіи германскимъ правительствомъ границы съ Латвіей и Литвой.

Этой мѣрой моя армія была поставлена въ крайне тяжелое положеніе, въ виду прекращенія подвоза всего необходимаго для нея.

Для характеристики взаимноотношеній между союзниками и германцами въ это время въ Прибалтикѣ я привожу здѣсь переписку между генераломъ Бертъ и графомъ фонъ-деръ-Гольцъ.

Командующему генералу 6-го запаснаго корпуса.

Въ Вашемъ письмѣ № 584 отъ 4-го сентября упоминается, къ сожалѣнію, что Ваше правительство предвидитъ опасность незаконныхъ выступленій со стороны солдатъ въ Курляндіи.

Такъ какъ срокъ, назначенный Антантой для очищенія германскими войсками Прибалтики истекъ, то непрекращающаяся пропаганда среди германскихъ войскъ по вопросу о поселеніи въ Прибалтикѣ и, вообще, настоящее положеніе вещей должны быть возложены на отвѣтственность германскаго командованія.

Во избѣжаніе какихъ-либо недоразумѣній, прошу Васъ представить мнѣ по возможности безотлогательно списокъ лицъ, поставившихъ себя внѣ закона.

Бригадный командиръ генералъ
Альфредъ Бертъ
Шефъ союзной военной миссіи

На это циничное письмо послѣдовалъ полный достоинства отвѣтъ генерала графа фонъ-деръ-Гольцъ.

Начальнику союзнической миссіи въ Ригѣ.

На Ваше письмо отъ 10 сентября, врученное мнѣ 15-го сентября, довожу до Вашего свѣдѣнія:

Подробное разсмотрѣніе изложенныхъ Вами взглядовъ въ первыхъ двухъ частяхъ Вашего письма я отклоняю.

Въ послѣдней части Вашего письма Вы осмѣлились просить меня указать Вамъ отдѣльныхъ лицъ, моихъ соотечественниковъ, въ качествѣ виновныхъ. Въ этомъ требованіи я усматриваю тяжелое оскорбленіе моей личности и германскаго національнаго чувства. Я совѣтовалъ бы Вамъ въ будущемъ не ставить подобныхъ низкихъ требованій ни мнѣ ни моимъ подчиненнымъ. Въ противномъ случаѣ я буду вынужденъ прекратить съ Вами всякія сношенія и выслать всѣхъ англичанъ изъ занятой еще германскими войсками территоріи, такъ какъ безопасность союзническихъ миссій, намѣренно и рѣзко наносящихъ оскорбленія національной германской гордости, не можетъ быть обезпечена.

Я представлю Ваше письмо моему правительству, и я увѣренъ, что оно дастъ достойный отвѣтъ Вашему правительству черезъ полномочнаго представителя Германіи,министра иностранныхъ дѣлъ, на эти позорныя притязанія, которыя союзническая миссія осмѣливается предъявлять германскому генералу за границей.

8-го сентября я отправилъ генералу Берту требованіе объ открытіи границы, такъ какъ моя армія оказалась въ крайне тяжеломъ положеніи. Я заявлялъ, что въ случаѣ отказа я вынужденъ буду открыть границу силою.

Для передачи этого требованія и веденія переговоровъ съ Начальникомъ союзной миссіи въ Ригу были посланы моими представителями генералъ-маіоръ Альтфатеръ, полковникъ Чесноковъ и баронъ Энгельгардтъ.

9-го сентября между ними съ одной стороны и генераломъ Бертъ, маіоромъ Кинэмъ и Таллертомъ съ другой — въ зданіи дворянства въ Ригѣ произошла встрѣча.

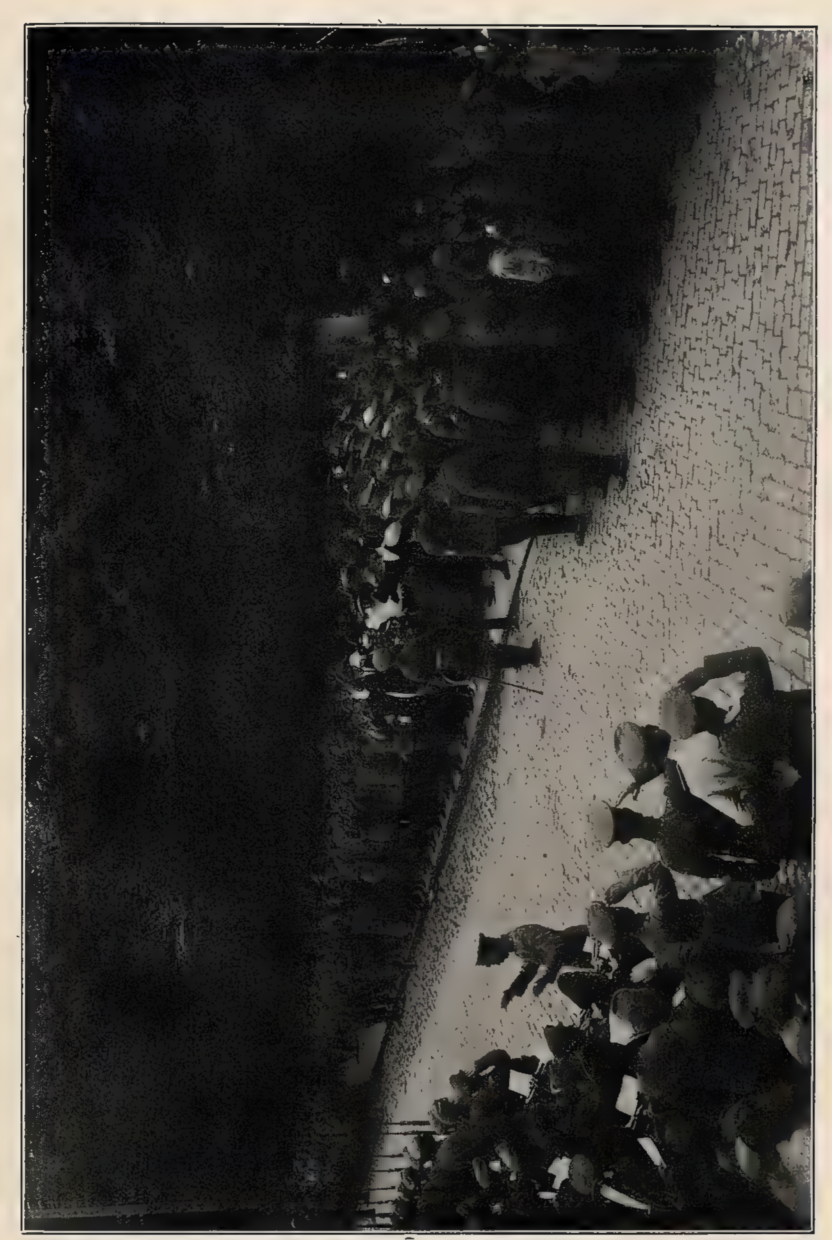
Прежде всего нужно было выяснить причины невыполненія «союзниками» принятыхъ на себя обязательствъ на совѣщаніи 26-го августа.

Я привожу здѣсь бесѣду, происходившую между маіоромъ Кинэмъ и бар. Энгельгардтъ, цитируя дословно представленный мнѣ послѣднимъ докладъ.

Баронъ Энгельгардтъ: Командующій Западной Арміей избралъ задачу высокопатріотическую, а именно борьбу съ большевизмомъ и возстановленіе порядка въ Россіи.

Для этой цѣли 26-го августа въ Ригѣ были рѣшены согласованныя дѣйствія Сѣверо-западной арміи, Западной арміи и окраинныхъ государствъ.

Далѣе: Западной арміи былъ предназначенъ для выполненія задачи секторъ



Парадъ послѣ богослуженія 29 іюля. Князь Аваловъ и гр. фонъ дер Гольцъ выходятъ изъ Собора. Гр. Гольцъ, какъ гость, принимаетъ рапортъ отъ Гв. полк. Потоцкаго.

Карта 20

1-ый эскадронъ Гусарскаго имени графа Келлера полка во главѣ съ командиромъ полка полковникомъ Долинскимъ.

Рѣжица—Двинскъ и предоставлено право пользоваться желѣзнодорожной линіей Пошеруны—Шавли—Двинскъ.

Кромѣ того генералъ Марчъ обѣщалъ содѣйствовать открытію германской границы, закрытой по желанію Антанты, для ввоза снаряженія и продовольствія.

Эти условія для выступленія Западной Арміи до сихъ поръ не исполнены. Съ каждымъ днемъ мы приближаемся къ осени, которая можетъ помѣшать выполненію задачи и сдѣлать ее вовсе невозможной. Кромѣ того, мы должны быстрымъ наступленіемъ помочь генералу Юденичу.

Маіоръ Кинэмъ: Мы еще не имѣемъ формальныхъ данныхъ, которыя дали бы намъ возможность повліять на Германію касательно открытія границы.

Баронъ Энгельгардтъ: Долженъ Вамъ замѣтить, что Германія закрыла границу лишь по настоятельному требованію Антанты.

Если у Васъ на это имѣлись формальныя данныя, то теперь они и подавно имѣются у Васъ. Еще вѣрнѣе: если первый Вашъ шагъ былъ внѣ закона, то Вамъ теперь не нуженъ законъ, чтобы свой шагъ отмѣнить; если же тогда за Вами стоялъ законъ, то онъ и теперь за Вами.

Въ дѣйствительности требуется лишь одно — слово Антанты — и граница будетъ открыта.

Генералъ Марчъ былъ со всѣмъ вышесказаннымъ согласенъ.

Маіоръ Кинэмъ: Генералъ Марчъ говорилъ по русски, и генералъ Бертъ и мы остальные ничего объ этомъ не знаемъ.

Баронъ Энгельгардтъ: Я не допускаю мысли, что Вы сомнѣваетесь въ правотѣ сказаннаго; я прошу Васъ еще сегодня снестись съ генераломъ Марчъ по телефону.

Почему Литва до сихъ поръ не считается съ нашимъ правомъ на пользованіе желѣзнодорожной линіей Тильзитъ—Двинскъ, которое намъ было предоставлено.

Маіоръ Кинэмъ: И объ этомъ мы ничего не знаемъ.

Баронъ Энгельгардтъ: Я и здѣсь подтверждаю, что генералъ Марчъ выразилъ свое согласіе по этому вопросу и прошу сдѣлать запросъ относительно этого у генерала Марчъ.

Я попросилъ бы Васъ объяснить намъ, какъ мы по Вашему, должны итти на Двинскъ, если упомянутыя условія не будутъ выполнены.

Маіоръ Кинэмъ: Очень просто — по дорогѣ Митава—Крейцбургъ—Рѣжица—Двинскъ.

Баронъ Энгельгардтъ: И отъ кого или откуда мы будемъ получать снаряженіе и продовольствіе.

Маіоръ Кинэмъ: Разумѣется отъ Германіи.

Баронъ Энгельгардтъ: Извѣстно ли Вамъ, что желѣзнодорожное сообщеніе между Митавой и Крейцбургомъ прервано, что даже мосты взорваны?

Мы не можемъ подвезти нашу артиллерію къ Крейцбургу. Мы плохо снабжены лошадьми, такъ что поддержка не сможетъ быть подана. По желанію Антанты наши лошади были задержаны на границѣ. Если мы и впредь должны будемъ получать все изъ Германіи, то граница должна быть открыта и въ нашемъ рас-

поряженіи должно быть прямое желѣзнодорожное сообщеніе. Единственная линія и есть та, между Тильзитомъ и Двинскомъ черезъ Шавли.

Маіоръ Кинэмъ: Мы право не можемъ Вамъ тутъ помочь, такъ какъ линія Шавли—Двинскъ принадлежитъ Литвѣ и Вамъ только остается взять дорогу черезъ Крейцбургъ.

Баронъ Энгельгардтъ: Ваше желаніе вещь неисполнимая. Если бы даже намъ удалось дойти до Крейцбурга и дальше, то мы погибнемъ, ибо нѣтъ возможности ничего подвезти.

Несмотря на это я сегодня же отъ имени Западной Арміи изъявилъ бы согласіе начать походъ черезъ Крейцбургъ, если Вы отъ имени Антанты обязуетесь снабжать насъ снаряженіемъ, продовольствіемъ и деньгами, такъ какъ мы тогда не будемъ въ зависимости отъ прямого желѣзнодорожнаго сообщенія съ Германіей.

Нами руководятъ чисто русскіе интересы и мы охотно отказались бы отъ поддержки Германіи ,если Вы дадите намъ достаточныя гарантіи.

Россія помогла Вамъ выиграть войну. Было бы вполнѣ естественно, если бы Вы, какъ наши союзники, поддержали бы насъ и не заставляли насъ прибѣгать къ помощи бывшихъ враговъ.

Маіоръ Кинэмъ: Матеріальная поддержка со стороны Антанты немыслима. Вы должны брать деньги, снаряженіе и продовольствіе отъ Германіи — чѣмъ больше — тѣмъ лучше: въ Германіи и такъ слишкомъ много военнаго матеріала.

Бар. Энгельгардтъ: Но Вы требуете невозможнаго отъ насъ. Мы должны итти на Двинскъ, получать все необходимое отъ Германіи и въ тоже время Вы отнимаете у насъ возможность доставлять все необходимое, заставляя насъ итти черезъ Крейцбургъ.

Вы также не желаете направить Ваше вліяніе на открытіе границы. Ваши желанія неосуществимы.

Маіоръ Кинэмъ: Къ сожалѣнію, не могу помочь Вамъ. Я только могу переговорить съ генераломъ Марчъ по телефону.

Баронъ Энгельгардтъ: Я надѣюсь, Вы скоро придете къ убѣжденію, что вы требуете невозможнаго. Я и не сомѣваюсь, что генералъ Марчъ будетъ поступать согласно своимъ обѣщаніямъ. Если же Вы настаиваете на томъ, что мы снаряженіе и продовольствіе должны получать отъ Германіи и тѣмъ не менѣе не допускаете прямого сообщенія съ Германіей, то мы должны притти къ заключенію, что Англія, требуя невозможнаго отъ насъ, посылаетъ насъ на вѣрную смерть и этимъ препятствуетъ возможности совмѣстно съ генераломъ Юденичемъ положить конецъ большевизму.

Мы русскіе поэтому должны считать, что наши союзники, для побѣды которыхъ мы проливали кровь, не желаютъ возстановленія порядка въ Россіи.

Въ заключеніе прошу Васъ назначить срокъ къ которому мы можемъ ожидать окончательнаго отвѣта генерала Марча.

Маіоръ Кинэмъ: Скажемъ 4—5 дней.

Баронъ Энгельгардтъ: Разрѣшите мнѣ еще разъ отъ имени нашего командующаго просить Васъ о соблюденіи договора, заключеннаго 26-го августа. Если же къ назначенному Вами сроку условія этого соглашенія не будутъ исполнены,

то мы должны предполагать, что намъ на содѣйствіе Антанты — каковое намъ было обѣщано — и на соблюденіе договора 26-го августа — нечего расчитывать и согласно съ этимъ будемъ поступать.

Характерно, что въ этихъ переговорахъ представитель Англіи ни разу не коснулся вопроса объ отправкѣ Западной Арміи въ Нарву, а неоднократно высказывался за выступленіе въ направленіи Рѣжица-Двинскъ (черезъ Крейцбургъ), хотя неосуществимость этой операціи ему была совершенно доказана.

Здѣсь съ исключительной откровенностью представитель Англіи обнаружилъ, что въ сверженіи большевиковъ они не заинтересованы.

Граница послѣ моего ультиматума была открыта, но всѣ эти мѣропріятія Антанты не могли, естественно, не отражаться на состояніи моихъ войскъ. Они вызывали большое раздраженіе среди офицеровъ и солдатъ, такъ какъ мѣшали нашимъ задачамъ и были на руку большевикамъ. Всѣ мои усилія быть пропущеннымъ на Двинскій фронтъ не получили благопріятнаго разрѣшенія. Отношенія, какъ съ Антантой, такъ и съ Латвіей и Литвой стали рѣзко ухудшаться. (Приложеніе № 40).

Латышская пресса предприняла открытую травлю русскихъ и германцевъ, возстанавливая населеніе и армію другъ противъ друга (Приложеніе № 41). Создавались ложные слухи. Писали, напримѣръ, что «германцы хотятъ устранить Командующаго», «Германскій офицеръ пытался стрѣлять въ Командующаго, но неудачно. Офицеръ былъ растрѣлянъ, Командующій арміей показывается теперь подъ усиленнымъ конвоемъ».

«Русскіе офицеры арестовываютъ германскихъ, служащихъ въ рядахъ русскихъ добровольцевъ, вслѣдствіе чего германскіе офицеры обратились за помощью къ фонъ-деръ-Гольцу — въ результатѣ чего былъ приказъ отъ Штаба VI резервнаго корпуса объ арестѣ нѣсколькихъ русскихъ офицеровъ. Въ числѣ другихъ были арестованы начальникъ контръ-развѣдовательнаго отдѣленія и судебный слѣдователь. Ввиду вышеизложеннаго германцы перестали вступать въ русскія части, формируя отряды исключительно изъ германскихъ солдатъ».

Газеты сообщали далѣе: «Полковникъ князь Аваловъ забиралъ себѣ всѣ эшелоны, которые предназначались князю Ливену; тѣхъ же, кто не хотѣлъ итти къ нему, арестовывали, какъ большевиковъ.»

Все это была явная ложь. Хотѣлось избавиться поскорѣе отъ русскихъ и германскихъ войскъ и въ этомъ желаніи латыши забыли всякую мѣру. Изъ всѣхъ приведенныхъ сообщеній зерно истины имѣло лишь одно — гдѣ сообщалось объ арестѣ «начальника контръ-развѣдовательнаго отдѣленія». Дѣйствительно 11-го сентября былъ арестованъ начальникъ охраны (но не контръ-развѣдовательнаго отдѣленія) Селевинъ, совершившій со своими подчиненными рядъ насилій надъ мѣстными евреями. Арестованъ онъ былъ, однако, не по германскому, а по моему приказу.

На этомъ дѣлѣ, впрочемъ, я остановлюсь подробнѣе впослѣдствіи, ибо имъ пользовались неоднократно и другія газеты для клеветническихъ выпадовъ противъ меня и противъ моей арміи.

Чтобы разсѣять ложные слухи и предупредить латышское общество, что его

правительство и пресса вводятъ его въ заблужденіе ,я опубликовалъ слѣдующій приказъ:

«Мною отстраненъ отъ должности и подвергнутъ аресту не начальникъ контръ-развѣдовательнаго отдѣленія, а начальникъ охраны за незаконныя дѣйствія по отношенію къ мирному населенію: по этому дѣлу ведется разслѣдованіе.

Я предупреждаю всѣхъ тѣхъ, кто взялъ на себя смѣлость управлять латышскимъ народомъ, что если травля не прекратится, то я сочту ее за вызовъ. Въ одной изъ газетныхъ статей мои солдаты названы бандитами и хулиганами и неспособными къ боевымъ дѣйствіямъ. Долженъ сказать, что они одѣты, обуты и дисциплинированы, въ то время какъ латыши голодны, оборваны и дисциплины и боевой готовности я у нихъ не вижу. Что касается моихъ солдатъ, то наличность названныхъ мною качествъ у нихъ я могу доказать тѣмъ, кто сомнѣвается. Я думаю, что большинство латышскаго народа еще не забыли моего къ нимъ обращенія, сдѣланнаго два мѣсяца тому назадъ. Я его не нарушилъ.»

За всѣми этими грязными и темными дѣлами проглядывала рука начальника союзной миссіи генерала Берта. Уже 20-го сентября я получилъ отъ него слѣдующее письмо:

Полковнику князю Авалову, Митава.

«Слѣдующее сообщеніе было получено отъ генерала Юденича для передачи Вамъ:

Германская граница закрыта Британскимъ Правительствомъ. Считаю, что при теперешнихъ условіяхъ наступленіе на Двинскъ невозможно. Приказываю Вамъ послать всѣхъ русскихъ офицеровъ и солдатъ, вмѣстѣ съ Вами въ Нарву. Обратитесь въ Британскую Миссію въ Ригѣ для пересылки телеграммы въ кратчайшій срокъ».

«Одновременно генералъ Юденичъ прислалъ мнѣ слѣдующую телеграмму:

Считаю, что при теперешнихъ условіяхъ продвиженіе полковника кн. Авалова на Двинскъ невозможно[1]. Приказавъ ему послать всѣхъ русскихъ офицеровъ и солдатъ въ Нарву, прошу Васъ оказать ему содѣйствіе переправить ихъ въ Нарву въ кратчайшій срокъ.»

Рига, 20-9-19 Альфредъ Бертъ

Бригадный генералъ начальникъ союзной военной миссіи

26-го сентября пріѣхалъ изъ Риги полковникъ Хомутовъ (мой представитель при генералѣ Десино) и увѣдомилъ меня, что изъ Ревеля прибылъ генералъ Юденичъ, который проситъ меня пріѣхать въ Ригу для переговоровъ.

Одновременно полковникъ Хомутовъ передалъ мнѣ и предупрежденіе латышскаго коменданта гор. Риги, что если я туда поѣду, то назадъ не вернусь.

Считаясь съ враждебнымъ отношеніемъ ко мнѣ Антанты я для переговоровъ въ Ригу не поѣхалъ, а командировалъ съ этой цѣлью къ генералу Юденичу полковника Чеснокова. Въ то же время удержало меня отъ поѣздки и то оживленіе, которое латыши внезапно стали проявлять у станціи Олай, между Ригой и Митавой. Нужно было приготовиться къ возможности внезапнаго нападенія съ ихъ стороны на мои войска.

Полковникъ Чесноковъ прибылъ въ Ригу въ гостиницу «Петербургъ», гдѣ остановился Главнокомандующій, въ тотъ же день въ $2^1/_2$ часа дня. Генералъ Юденичъ отдыхалъ и никого не принималъ. Состоявшій при немъ ротмистръ Гоштовтъ выразилъ полковнику Чеснокову сожалѣніе, что не пріѣхалъ самъ полковникъ князь Аваловъ, такъ какъ можетъ разстроиться дѣло съ полученіемъ

[1] Я спрашивалъ и спрашиваю еще и теперь, какая же была причина, было ли это провокаціей или издѣвательствомъ надъ Россіей? Почему «невозможно» и что это за «теперешнія» условія?

денегъ отъ англичанъ. Далѣе онъ объяснилъ, что англичане даютъ деньги, лишь при условiи — если корпусъ имени графа Келлеръ пойдетъ въ Нарву.

Все это очень тяжело, добавилъ онъ, такъ какъ у арміи средствъ не имѣется.

Въ $4^{1}/_{2}$ часа полковникъ Чесноковъ былъ принятъ генераломъ Юденичемъ, который заявилъ, что не приметъ доклада впредь до прибытія изъ Митавы командированнаго для переговоровъ со мною полковника Прюсинга.

Пріѣздъ генерала Юденича въ Ригу долженъ былъ устранить всѣ тѣ затрудненія, которая ставила Антанта для русскихъ войскъ въ Курляндіи и Литвѣ. Мы ожидали, что генералъ Юденичъ, какъ Главнокомандующій, посѣтитъ Митаву, чтобы посмотрѣть на войска, находящіяся подъ его командованіемъ и попутно ознакомиться съ ихъ дѣйствительнымъ положеніемъ на мѣстѣ. Однако генералъ Юденичъ по какимъ то особымъ соображеніямъ, какъ это было и съ совѣщаніемъ въ Ригѣ, въ Митаву не прибылъ. Ко мнѣ былъ командированъ состоявшій при Главнокомандующемъ Генеральнаго Штаба полковникъ Прюсингъ.

Этотъ полковникъ въ весьма надменной формѣ передалъ мнѣ приказъ объ отправкѣ на Нарвскій фронтъ. Я изложилъ ему доводы, по которымъ я не могу выполнить этотъ приказъ, каковые затѣмъ были переданы полковникомъ Чесноковымъ генералу Юденичу. Полковникъ Прюсингъ просилъ меня поѣхать въ Ригу, но при создавшихся обстоятельствахъ я этого сдѣлать не могъ, такъ какъ никто не могъ гарантировать мнѣ неприкосновенности, что было необходимо, ибо начальникъ штаба генерала Гофа открыто заявлялъ, что если я попаду въ его руки, то буду немедленно повѣшенъ. Конечно все это меня нисколько не пугало, но мнѣ не хотѣлось быть игрушкой въ рукахъ англичанъ.

Выслушавъ меня полковникъ Прюсингъ задалъ мнѣ вопросъ: «А если ген. Юденичъ пріѣдетъ въ Митаву, будетъ ли ему гарантированъ подобающій пріемъ.»

Я удивился наглости подобнаго вопроса и отвѣтилъ, что я старый солдатъ... Генералъ Юденичъ можетъ быть спокоенъ, что онъ будетъ встрѣченъ въ Митавѣ, какъ Главнокомандующій и что здѣсь онъ почувствуетъ, что находится среди старыхъ дисциплинированныхъ войскъ, желающихъ борьбы съ большевиками. Полковникъ Прюсингъ отвѣтилъ, что «въ такомъ случаѣ генералъ Юденичъ завтра пріѣдетъ въ Митаву.»

На слѣдующій день, однако, генералъ Юденичъ не пріѣхалъ, приславъ снова полковника Прюсинга объявить войскамъ приказъ Главнокомандующаго.

По наблюденіямъ полковника Хомутова генералъ Юденичъ имѣлъ намѣреніе посѣтить Митаву, но передъ своимъ отъѣздомъ заѣхалъ въ англійскую миссію, послѣ чего поѣздка была отставлена.

Когда послѣ бесѣды со мною, около $10^{1}/_{2}$ час. вечера полковникъ Прюсингъ возвратился въ Ригу, генералъ Юденичъ вмѣстѣ съ нимъ тотчасъ же отправился въ англійскую миссію, гдѣ они пробыли около часу. И послѣ этого полковникъ Чесноковъ принятъ не былъ. Тогда онъ вызвалъ адъютанта Главнокомандующаго и заявилъ ему, что если генералъ Юденичъ не желаетъ выслушать докладъ о положеніи арміи — то онъ такъ и доложитъ Командующему арміей.

Поздно вечеромъ къ полковнику Чеснокову прибылъ адъютантъ генерала Юденича и сообщилъ, что Главнокомандующій его приметъ завтра въ 9 час. утра.

На слѣдующій день, то есть 27-го сентября пріемъ, наконецъ, состоялся и полковникъ Чесноковъ сдѣлалъ докладъ о состояніи войскъ Западной добр. арміи, ея снабженіи и предполагаемыхъ военныхъ операціяхъ у Двинска. Генералу Юденичу было доложено, что союзники все время въ отношеніи Западной Арміи ведутъ предательскую игру, благодаря чему армія до сихъ поръ не была въ состояніи приступить къ активнымъ дѣйствіямъ. Союзники старались поссорить латышей и литовцевъ съ моими войсками, цѣль пребываніе которыхъ въ Курляндіи и Литвѣ мною неоднакратно разъяснялась. Антанта видѣла, что наша армія вмѣстѣ съ германскими добровольцами представляла грозную силу и могла имѣть, благодаря безкорыстной помощи германцевъ, рѣшающую роль при побѣдѣ надъ большевиками, что противорѣчило интересамъ союзниковъ.

Генералу Юденичу было доложено, что если бы даже я выполнилъ его приказъ, то все то, что было бы перевезено въ Нарву не представляло бы существенной силы, такъ какъ прежде всего по долгу порядочности и чести, я долженъ былъ бы возвратить все взятое у германскаго командованія[1], ибо нельзя чужими руками загребать жаръ, а тѣмъ болѣе для Антанты, эксплуатирующей все и всѣхъ. Кромѣ того я точно учелъ слѣдующее: германскіе офицеры и солдаты въ составѣ 52 тысячъ по требованію Антанты должны были быть исключенными изъ состава Западной арміи, а изъ оставшихся русскихъ офицеровъ и солдатъ нашлось бы не много охотниковъ ѣхать на Нарвскій фронтъ, гдѣ все было неопредѣленно и ненадежно, начиная съ ѣды и кончая тыломъ. Доказательствомъ этому можетъ послужить тотъ фактъ, что послѣ прочтенія знаменитаго приказа полковникомъ Прюсингомъ, изъ всего состава моей арміи изъявило желаніе отправиться въ Нарву только два прапорщика. Чины моей арміи прекрасно знали, что солдаты Сѣверо-западной арміи оборваны и голодны, получая $^1/_4$ фунта сала и одинъ фунтъ муки, которую они получали на руки каждый отдѣльно и не имѣли возможности испечь себѣ хлѣбъ. Всѣ эти свѣдѣнія поступали къ намъ отъ перебѣгавшихъ къ намъ изнуренныхъ солдатъ. Санитарныя условія были также ниже всякой критики, въ чемъ мы убѣдились впослѣдствіи, при такъ называемой ликвидаціи Сѣверо-западной арміи, когда тамъ отъ всевозможныхъ эпидемій и главнымъ образомъ отъ сыпного тифа погибло много тысячъ людей (Приложеніе № 42).

Большинство этихъ несчастныхъ похоронено въ эстонскихъ лѣсахъ, но среди ихъ одинокихъ могилъ нѣтъ ни одной генеральской или политическаго дѣятеля, ибо всѣ эти злополучные вершители судьбы Сѣверо-западной арміи своевременно уѣхали за границу, бросивъ на произволъ случайности довѣрившихся имъ людей. Многіе изъ нихъ, проживаютъ нынѣ вполнѣ благополучно во «враждебной» Германіи, за совмѣстную работу съ которой они такъ старательно обливали меня грязью.

[1] Это я считалъ безусловно необходимымъ, потому что видѣлъ, какое удручающее впечатлѣніе на германцевъ произвела эвакуація англичанами отряда ротмистра кн. Ливена, уѣхавшаго работать съ ихъ злѣйшими врагами и увезшаго съ собою все то военное имущество, которое безвозмездно и съ полною готовностью, въ надеждѣ на совмѣстную боевую дѣятельность, было выдано ему германцами.

Генералъ Юденичъ не вѣрилъ тогда въ помощь германцевъ противъ большевиковъ и настаивалъ на переводѣ Западной Арміи въ Нарву, гдѣ англичане будто бы снабдятъ ее всѣмъ необходимымъ. Полковникъ Чесноковъ, возражая, доложилъ, что я болѣе мѣсяца тому назадъ предлагалъ Антантѣ взять на себя снабженіе моей арміи всѣмъ недостающимъ и, тѣмъ самымъ, оказать мнѣ помощь для скорѣйшаго сформированія арміи и, впослѣдствіи, дважды повторялъ свою просьбу, но отвѣта на свои обращенія не получалъ. Генералъ Юденичъ указывалъ, что германцы насадили у насъ большевизмъ и погубили гетмана Скоропадскаго; полковникъ Чесноковъ отвѣтилъ на это, что Командующій Западной Арміей не можетъ считаться съ тѣмъ, что было сдѣлано во время войны германцами, когда они были нашими врагами, что же касается паденія гетмана Скоропадскаго, то оно произошло во время отхода германцевъ изъ Малороссіи и явилось результатомъ вѣроломной политики французскихъ представителей въ Одессѣ, въ частности господина Энно. При паденіи гетмана гибли одинаково и русскіе и германцы, но, благодаря заботамъ германцевъ многія тысячи офицеровъ получили возможность спастись изъ Малороссіи. Перейдя далѣе къ операціямъ арміи полковникъ Чесноковъ доложилъ, что наступленіе Западной арміи на участкѣ Двинскъ—Рѣжица даетъ возможность сразу развить дѣло формированія до предполагаемыхъ размѣровъ, такъ какъ въ Двинскомъ, Рѣжицкомъ и прилегающихъ къ нимъ раіонахъ давно ожидаютъ прибытія нашей арміи и все готово къ переходу на нашу сторону, какъ части большевистскихъ войскъ, такъ и контръ-революціонныхъ организацій старообрядцевъ. Съ крестьянами старовѣрами у меня была установлена прочная связь и общее количество ихъ достигало нѣсколькихъ тысячъ человѣкъ.

Присутствующій при докладѣ полковникъ Прюсингъ заявилъ, что эта операція потребуетъ много времени, между тѣмъ какъ Главнокомандующій предполагаетъ по прибытіи корпуса въ Нарву, немедленно перейти въ наступленіе на Красную Горку, послѣ взятія которой будетъ взятъ Кронштадтъ и затѣмъ Петербургъ. Послѣ занятія Петербурга въ дальнѣйшемъ предполагалось движеніе внутрь Россіи не сплошнымъ фронтомъ, чего не позволяли ни условія мѣстности, ни численность арміи, а отдѣльными группами.

Полковникъ Чесноковъ возразилъ на это, что я предпочитаю лучше обождать лишній мѣсяцъ, использовавъ его для подготовки наступленія и затѣмъ неудержимымъ мощнымъ ударомъ обрушиться всѣми силами на противника, начинать же наступленіе на авось и расходывать силы пачками, не имѣя опредѣленныхъ шансовъ на успѣхъ, я не вижу смысла и считаю гибельнымъ для всего антибольшевистскаго движенія. Такого рода дѣйствіями можно было только подорвать духъ и безъ того разстроенныхъ и утомленныхъ предыдущими операціями частей Сѣверо-западной арміи. Главное же соображеніе, которое заставляетъ Командующаго Западной Арміи быть противъ переброски его войскъ на Нарвскій фронтъ, является отсутствіе вѣры въ дѣйствительную помощь англичанъ и полная ненадежность тыла, гдѣ возможно ожидать вспышекъ большевистскихъ возстаній (Приложеніе № 43 и № 44).

Въ виду того, что генералъ Юденичъ торопился въ англійскую миссію, то на этомъ были закончены переговоры съ моимъ представителемъ.

Въ $11^1/_2$ часовъ полковникъ Прюсингъ отправился въ гор. Митаву. По приказанію генерала Юденича онъ, при необычной для отдачи оперативныхъ приказаній обстановкѣ, прочелъ передъ построившимися офицерами и солдатами Штаба Арміи слѣдующій приказъ[1].

Приказъ
корпусу имени графа Келлера, 27-го сентября 1919 г. гор. Рига
№ 21

Сѣверо-западная армія четыре мѣсяца дерется съ большевиками въ неравномъ бою, дралась голая, голодная, безъ денегъ, плохо вооруженная и часто безъ патроновъ, жила тѣмъ, что отбивала отъ красныхъ. Теперь эта доблестная армія получила все: вооруженіе, снаряженіе, обмундированіе и деньги.

Вы тоже были въ бѣдственныхъ и тяжелыхъ положеніяхъ, но эти четыре мѣсяца Вы не были въ сплошныхъ бояхъ. Вы одѣты, обуты, исправно получали жалованье, имѣли продовольствіе и вооруженіе.

Сѣверо-западная армія зоветъ Васъ къ себѣ, ждетъ съ нетерпѣніемъ. Она вѣритъ, что Вы придете, что Вы ей поможете, что Вы нанесете тотъ жестокій ударъ, который сокрушитъ большевиковъ подъ Петербургомъ.

Вы вмѣстѣ съ Сѣверо-западной арміей возьмете Петербургъ, откуда соединенными усиліями пойдете для дальнѣйшаго освобожденія Родины. Родина давно ждетъ Васъ, она истрадалась, послѣднія силы ея на исходѣ .Поспѣшимъ, ибо промедленіе времени смерти невозвратной подобно.

Приказываю: сейчасъ же всѣмъ русскимъ офицерамъ и солдатамъ выступить въ Нарву подъ командою Командующаго корпусомъ и оправдать надежды нашей изстрадавшейся Родины.

Главнокомандующій войсками Сѣверо-западнаго фронта генералъ отъ инфантеріи
Юденичъ

Для выполненія вышеизложеннаго приказа мнѣ былъ данъ десятидневный срокъ. Обостреніе нашихъ отношеній, благодаря вмѣшательству Антанты и ошибокъ генерала Юденича, было вынесено на улицу. Оперативный приказъ отдавался не начальнику, какъ это принято во всѣхъ арміяхъ, а былъ прочитанъ полковникомъ Прюсингомъ непосредственно офицерамъ и солдатамъ въ присутствіи многочисленной публики, какъ царскій манифестъ въ доброе старое время. Конечно печать не замедлила использовать эту гласность и уже на слѣдующій день газеты пестрили самыми уродливыми комментаріями — и къ приказу и къ пріѣзду генерала Юденича въ Ригу.

Въ одной изъ газетъ была помѣщаена статья подъ заголовкомъ: «Ленинъ, Аваловъ и Митава». Подъ этимъ заголовкомъ были не менѣе сенсаціонныя новости.

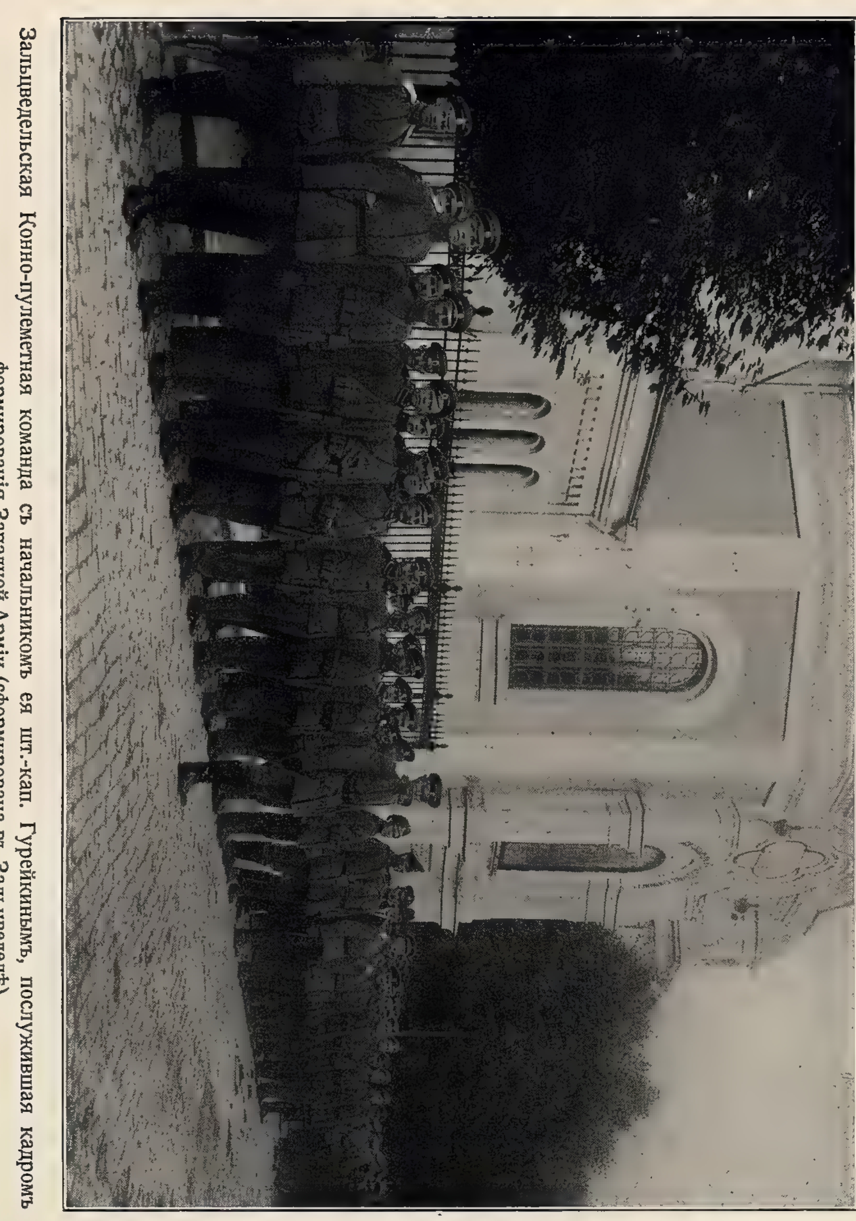
«Въ пятницу вечеромъ въ Митавѣ въ русскихъ частяхъ распространился слухъ, что въ Москвѣ произошли важныя событія: Ленинъ издалъ приказъ объ арестѣ Троцкаго, но Троцкій самъ арестовалъ Ленина. Поэтому въ Москвѣ происходятъ безпорядки. Въ связи съ полученнымъ приказомъ, Юденичемъ на

[1] Согласно условію съ полковникомъ Прюсингомъ, бывшаго у меня наканунѣ и сказавшаго мнѣ, что завтра въ Митаву прибудетъ генералъ Юденичъ, я приказалъ построить около Штаба часть войскъ моей арміи (были построены части, расквартированныя въ Митавѣ) съ почетнымъ карауломъ на правомъ флангѣ. Вмѣсто Главнокомандующаго прибылъ снова полковникъ Прюсингъ и, прибѣгнувъ къ способу дѣйствій Керенскаго, прочиталъ передъ фронтомъ помѣщенный ниже приказъ.

Карта 21

1-ая рота 1-го Пѣх. Пластунскаго полка съ командиромъ полка гв. полк. Евреиновымъ во главѣ. Церковный парадъ 29 іюня 1919 года.

Карта 22



Зальцведельская Конно-пулеметная команда съ начальникомъ ея шт.-кап. Гурейкинымъ, послужившая кадромъ формированія Западной Арміи (сформирована въ Зальцведелѣ).

Олайскій фронтъ послана телефонограмма, чтобы русскія части немедленно прибыли въ Митаву для отправки непосредственно ихъ въ Россію. Вѣсть о поѣздкѣ въ Россію во всѣхъ русскихъ частяхъ возбудила величайшую радость. До субботы русскія части въ Митаву еще не прибыли.»

Суммируя все вышеизложенное надо удивляться политической близорукости генерала Юденича и его помощниковъ. Нечестная игра «союзниковъ» была такъ ясна, что не требовала поясненій, но однако генералъ Юденичъ прошелъ мимо этой интриги, упорно ея не замѣчая даже тогда, когда я и мои сотрудники вполнѣ опредѣленно и обосновано докладывали ему о положеніи въ Курляндіи. Онъ считалъ себя въ правѣ больше довѣрять англійской миссіи, чѣмъ русскимъ офицерамъ, выразившимъ свое желаніе бороться за спасеніе своей Родины. Неужели генералу Юденичу было не ясно, что «союзники», настаивая на подписаніи только что изложеннаго приказа, имѣли въ виду свои вполнѣ опредѣленныя цѣли, которыя далеко не соотвѣтствовали интересамъ русскаго антибольшевистскаго движенія. Повидимому это было такъ, ибо онъ безропотно подписалъ, продиктованный англійской миссіей, приказъ моему корпусу и наивно думалъ, что дѣйствуетъ въ интересахъ Россіи. Я могъ бы понять его дѣйствія, объяснивъ ихъ полною зависимостью отъ «союзниковъ», но тогда былъ выходъ путемъ особаго тайнаго соглашенія со мною и предоставленія мнѣ свободы рѣшенія судьбы моей арміи. Вѣдь надо было понимать, что различіе нашихъ оріентацій было невыгодно лишь для «союзниковъ».

Кромѣ того онъ долженъ былъ сознавать, что, если «союзники» заставили его подписать подобный приказъ, то одновременно и я былъ обязанъ считаться съ моими союзниками-германцами.

Въ приказѣ генералъ Юденичъ пишетъ: «Вы обуты, одѣты, исправно получали жалованье, имѣли продовольствіе и вооруженіе», но онъ не упоминаетъ о томъ, что все это было дано не «союзниками», а германцами. Съ этимъ онъ не хотѣлъ считаться и думалъ, что поступаетъ правильно, равняясь въ данный моментъ на сильнѣйшаго. Онъ также совершенно равнодушно отнесся къ тому, что «союзники» не пропустили моей арміи на Двинскій фронтъ, гдѣ я, при бывшемъ тогда положеніи, могъ бы принести наибольшую пользу для нашего общаго русскаго дѣла. «Союзники» это сознавали и неоднократно мнѣ это высказывали, но они были противъ такого движенія, такъ какъ оно происходило бы совмѣстно съ германцами, что конечно совершенно не устраивало ихъ.

Генералъ Юденичъ, какъ русскій патріотъ долженъ былъ бы разобраться въ положеніи и точно отдѣлить все, что относится дѣйствительно къ русскимъ интересамъ и что къ «союзнымъ». Вѣдь было бы наивно думать, что въ тотъ моментъ наши интересы были тождественны.

«Союзники» умышленно потребовали отъ него признанія меня, какъ командующаго всѣми отрядами въ Курляндіи и Литвѣ, исключительно для того, чтобы при посредствѣ генерала Юденича, моего прямого начальника, взять меня въ свои руки и заставить такимъ путемъ выполнять ихъ велѣнія. Они надѣялись такимъ образомъ вывести мои войска изъ Прибалтики и оторвать меня отъ моихъ друзей германцевъ. Получивъ этотъ приказъ Юденича о признаніи меня командующимъ Западной Арміей, я подчинился ему (Приложеніе № 45), надѣ-

ясь, что онъ, какъ русскій генералъ, пойметъ меня, борющагося такъ же, какъ и онъ ,противъ общаго врага, но оказалось совсѣмъ наоборотъ .Генералъ Юденичъ подчинилъ русскіе интересы требованіямь «союзниковъ».

Я указывалъ начальнику оперативнаго отдѣла полковнику Прюсингу, что походъ на Петербургъ съ тѣми силами,какими располагала Сѣверо-западная армія, если даже и перевести мои русскія части, можетъ окончиться полною неудачею, какъ это уже было лѣтомъ, тѣмъ болѣе что не былъ обезпеченъ тылъ арміи: эстонцы относились къ русскимъ очень враждебно.

Совершенно другія перспективы открывались моей арміи здѣсь на Двинскомъ фронтѣ. Моя Западная добровольческая русско-германская армія достигала численности до 55000 человѣкъ, прекрасно вооруженныхъ и могущихъ быть вполнѣ обезпеченными, если бы генералъ Юденичъ настоялъ на открытіи германской границы. Мы, русскіе, должны были дѣйствовать сообща и всѣми своими силами помогать другъ другу въ борьбѣ противъ общаго врага — большевизма. Въ данномъ случаѣ генералъ Юденичъ долженъ былъ мнѣ помочь своимъ авторитетомъ при переговорахъ съ «союзниками» и твердо встать на мою сторону. Генералъ же Юденичъ занялъ совершенно обратное положеніе и сдѣлался самъ орудіемъ борьбы со мною «союзниковъ», чѣмъ только еще болѣе затруднилъ мнѣ достиженіе моихъ цѣлей. «Союзники» вполнѣ ясно сознавали, что моя армія, съ непрерывно поступающими пополненіями въ лицѣ русскихъ и германскихъ добровольцевъ, выйдя на Двинскій фронтъ, сыграетъ рѣшающую роль въ борьбѣ съ большевиками и положитъ конецъ ихъ господству. Однако это не входило въ планы англичанъ, которые умышленно затягивали гражданскую войну въ Россіи, не желая возстановленія въ ней ни порядка ни законнаго правительства; они вполнѣ опредѣленно творили свое злое дѣло расчлененія Россійской Имперіи и все, что было противъ ихъ плановъ, уничтожали самымъ безцеремоннымъ образомъ.

Конечно, если «союзники» вполнѣ искренно захотѣли бы помочь намъ русскимъ въ нашей борьбѣ съ большевиками, то они могли бы сдѣлать это въ очень короткій срокъ, ибо сила была на ихъ сторонѣ и авторитетъ непоколебимъ. Одного только слова «союзниковъ» было бы достаточно, чтобы положить конецъ гражданской войнѣ въ Россіи. Вотъ это то и надо было понимать.

ГЛАВА XIV.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ ПОЛОЖЕНІЕ ВЪ КУРЛЯНДІИ ПЕРЕДЪ РАЗРЫВОМЪ СЪ ЛАТЫШАМИ.

Положеніе, созданное приказомъ генерала Юденича, было для меня очень тяжелымъ. Я понималъ всю гибельность переброски моей арміи на Нарвскій фронтъ, вѣдь это было равносильно уничтоженію всей моей работы, всѣхъ моихъ плановъ и расчетовъ. Какихъ трудовъ, какихъ усилій воли стоило созданіе Западной арміи для меня и моихъ сотрудниковъ и вотъ теперь, когда все достигнуто и армія, грозная по своей численности и по духу, готова была исполнить свой долгъ, однимъ росчеркомъ пера генерала, слѣпо выполнявшаго велѣнія англичанъ, все это должно быть разрушено и грозная армія превращена въ небольшой отрядъ, силою въ 6—7 тысячъ человѣкъ. Да и эти 6000 человѣкъ должны быть брошенными на Нарвскій фронтъ для дѣйствія въ той мѣстности, гдѣ весь живой матеріалъ уже былъ использованъ предыдущими операціями и гдѣ поэтому нельзя было разсчитывать на пополненіе новыми добровольцами.

Такъ вотъ къ чему меня привело подчиненіе генералу Юденичу: я нашелъ въ немъ не защитника русскихъ интересовъ, а помощника англичанъ въ ихъ борьбѣ противъ меня. Теперь мнѣ оставалось или безъ оговорокъ исполнить приказъ генерала Юденича, какъ это уже было сдѣлано ротмистромъ княземъ Ливеномъ или же остаться въ Курляндіи и продолжать свою работу независимо отъ Сѣверо-западной арміи.

Свой взглядъ на отправку войскъ на Нарвскій фронтъ я неоднократно высказывалъ и въ свое время вполнѣ точно его формулировалъ въ своемъ отвѣтѣ ротмистру князю Ливену, который пригласилъ меня къ себѣ, передъ отправкою своихъ войскъ въ Сѣверо-западную армію. Князь Ливенъ тогда сказалъ, что онъ солдатъ и долженъ безпрекословно исполнить приказъ начальника и предлагалъ еще тогда послѣдовать его примѣру. Я отказался и отвѣтилъ ему слѣдующее:

«Вы начали работу съ германцами, сегодня вы покидаете ихъ и идете къ англичанамъ, которые меньше всего хотятъ видѣть Россію въ ея прежнемъ величіи. Вы не оправились отъ раненія и потому вынуждены будете довѣрившихся Вамъ людей оставить на произволъ судьбы и безъ защиты ихъ интересовъ въ новой организаціи и въ новыхъ условіяхъ[1]. На Вашемъ мѣстѣ я отказался бы

[1] Мое предсказаніе исполнилось съ безпощадною точностью: ротмистръ кн. Ливенъ уѣхалъ лечиться въ Парижъ, сдавъ свои части капитану Дыдареву. Послѣ жестокихъ боевъ отступившая съ большими потерями дивизія ливенцовъ (изъ частей ротмистра кн. Ливена на Сѣверо-западномъ фронтѣ была сформирована дивизія) погибла въ лѣсахъ Эстоніи отъ голода, холода и сыпного тифа. Исполняя слѣпо приказъ англичанъ, кн. Ливенъ погубилъ также и весьма доблестную «Тульскую дивизію». Эта дивизія, будучи на службѣ у большевиковъ, перерѣзала своихъ комиссаровъ и перешла на польскую территорію, откуда, согласно выраженному желанію, была переброшена въ Курляндію. Всѣ чины этой дивизіи хотѣли остаться въ моей арміи, но кн. Ливенъ, слѣдуя указаніямъ англичанъ, отправилъ ихъ также на Нарвскій фронтъ. Тамъ они безславно и безцѣльно погибли при оборонѣ гор. Ямбурга.

отъ исполненія этого абсурднаго приказа и остался бы здѣсь гдѣ мы общими усиліями создали бы дѣйствительно грозную силу. Въ Нарвѣ Ваши солдаты погибнутъ — не слѣдуетъ повторять ошибокъ минувшей войны, когда наши военноначальники упорно долбили въ одну точку до потери сознанія. Мы начали свои формированія здѣсь въ Курляндіи и потому наше мѣсто на общемъ антибольшевистскомъ фронтѣ находится въ раіонѣ Двинска, вотъ почему я предпочитаю остаться здѣсь и по окончаніи формированія начать наступленіе главными силами въ направленіи на Двинскъ—Великія Луки, выславъ одновременно лѣвофланговую колонну въ направленіи на гор. Псковъ, которая, выйдя въ тылъ противника, должна будетъ облегчить тяжелое положеніе Сѣверо-западной арміи и войти съ ней въ непосредственную связь.

«Такого рода рѣшеніемъ будетъ созданъ тотъ общій антибольшевистскій фронтъ, о которомъ якобы такъ хлопочутъ «союзники». Кромѣ того, касаясь вопроса переброски моихъ войскъ въ Нарву, я долженъ Вамъ доложить, что я, приступая къ формированію отряда, далъ слово довѣрившимся мнѣ офицерамъ и солдатамъ, что пока войска не будутъ снабжены абсолютно всѣмъ необходимымъ, какъ для себя лично, такъ равно и для населенія занимаемыхъ въ будущемъ областей, а также не будутъ обезпечены вполнѣ надежнымъ тыломъ, я свои войска въ бой не поведу. Только при такихъ условіяхъ, то есть, когда войска дѣйствительно представятъ современную армію и когда даже намека на реквизиціи и. т. п. грабительскіе пріемы не будетъ, я считаю возможнымъ ожидать успѣха отъ добровольческаго движенія.»

Принимая все вышеизложенное во вниманіе и не желая служить игрушкою англичанъ въ ущербъ интересамъ моей Родины, я рѣшилъ остаться въ Курляндіи и продолжать свою работу, и армія поддержала меня въ этомъ рѣшеніи. Поступая такъ, я былъ убѣжденъ, что выбираю лучшій исходъ изъ создавшагося положенія и думаю, что я не ошибся. Во всякомъ случаѣ исторія впослѣдствіи скажетъ — былъ ли я правъ или нѣтъ.

Сложность создавшагося положенія побудила меня 4-го октября отправить генералу Деникину слѣдующій докладъ:

«Русскія части, формирующіяся въ раіонѣ Митавы имѣютъ одну общую задачу — безпощадную борьбу съ большевиками.

Формированіе названныхъ частей протекаетъ планомѣрно и успѣхъ его выражается нынѣ силою въ 6 баталіоновъ, 6 батарей, 4 пѣшихъ эскадроновъ, 3 саперныхъ ротъ и 3 авіаціонныхъ отрядовъ, что составляетъ общую численность до $8^1/_2$ тысячъ человѣкъ, 140 пулеметовъ, 24 легкихъ и гаубичныхъ орудій, 18 аэроплановъ.

Выступленіе на фронтъ этихъ частей до сихъ поръ затруднялось значительнымъ недостаткомъ лошадей, свыше 50%, для устраненія коего уже приняты энергичныя мѣры.

Преднамѣренное закрытіе границъ Антантой является и нынѣ одной изъ первѣйшихъ причинъ, препятствующихъ полученію всего необходимаго для доведенія перечисленныхъ силъ до полной ихъ боеспособности и дальнѣйшаго ихъ развитія. Кромѣ указанныхъ выше на территоріи Латвіи и Литвы имѣются въ моемъ распоряженіи значительныя добровольческія организаціи, формированіе которыхъ уже заканчивается; общая численность ихъ доходитъ до 20 тысячъ человѣкъ, организуемыхъ въ техническомъ отношеніи въ строгомъ соотвѣтствіи съ послѣдними данными боевого опыта. Задача всѣхъ этихъ силъ, выступающихъ по окончательномъ завершеніи своего формированія на большевистскій фронтъ, вполнѣ отвѣчаетъ задачамъ того резерва, который направляется для удара, съ цѣлью способствовать

Карта 23

Парадъ Желѣзной Дивизіи. Храбрый «Егерскій батальонъ».

Карта 24

Парадъ «Желѣзной Дивизіи» 1-го сентября 1919 года.

окончательному успѣху героическихъ усилій добровольческихъ армій, которыя уже въ теченіе продолжительнаго времени напрягаютъ свои силы къ сокрушенію общаго врага нашей Родины.

Эта отвѣтственная задача, выпадающая на долю всѣхъ русскихъ частей сформированныхъ на территоріи Латвіи и Литвы, во главѣ которыхъ я поставленъ генераломъ Юденичемъ, требуетъ строгаго выбора операціоннаго направленія и тщательной подготовки всей операціи. Общей задачей ввѣренной мнѣ Западной добровольческой арміи является разъединеніе дѣйствій Петербургской и Московской группъ большевиковъ, а затѣмъ, совмѣстно съ другими добровольческими арміями — нанесеніе полнаго разгрома противнику въ направленіи Петербурга или Москвы, въ зависимости отъ обстановки.

Останавливаясь на выборѣ операціоннаго направленія, необходимо признать, что направленіе Двинскъ—Великія Луки—Вышній Волочекъ—Вологда обезпечиваетъ наиболѣе рѣшительный результатъ, такъ какъ въ этомъ направленіи рядъ крайне важныхъ желѣзнодорожныхъ узловъ (Двинскъ—Полоцкъ, узловой раіонъ Невель—Великія Луки—Ново Сокольники—Вышній Волочекъ), попадая къ намъ въ руки, совершенно разъединяютъ и изолируютъ Петербугскую группу большевиковъ отъ всей остальной красноармейской массы, которая въ свою очередь попадаетъ въ тиски, угрожаемая съ сѣвера Западной добровольческой арміей, съ юга арміями Вашего Превосходительства, съ востока Сибирскою арміей адмирала Колчака.

Поставленныя задачи, конечно, потребуютъ прогрессивнаго расширенія рамокъ первоначальнаго формированія и развертыванія арміи, каковое обстоятельство уже учтено при ея формированіи.

Ясно, что столь широко поставленная задача подлежитъ расчлененію на частныя операціи (задачи).

Главнѣйшей задачей арміи является обезпеченіе себѣ базы, необходимой для развитія намѣченной ближайшей операціи. Это находится въ тѣсной связи съ политической обстановкою Прибалтійскаго Края въ настоящій моментъ.

Необходимо указать, что настроеніе эстонцевъ, латышей и литовцевъ не въ нашу пользу. Стремленіе къ демократическому сепаратизму беретъ верхъ, послѣдствіемъ чего, ради достиженія этой цѣли, является фактъ начала переговоровъ правительствъ Эстоніи и Латвіи съ большевиками, въ цѣляхъ, какой бы то ни было цѣной, добиться достиженія своей завѣтной мечты.

Элементъ большевизма въ этихъ краяхъ усиливается и все яснѣе и острѣе вырисовывается враждебная по отношенію къ русскимъ войскамъ тенденція.

Несомнѣнное близкое заключеніе мирныхъ условій Эстоніей и Латвіей съ большевиками, позволитъ первымъ снимать съ большевистскаго фронта свои войска и постепенно сосредотачивать ихъ въ Рижскомъ раіонѣ, съ явнымъ намѣреніемъ вступить съ нами въ борьбу, съ «угнетателями свободнаго народа этихъ странъ.»

Литва, хотя и непричастная къ мирнымъ переговорамъ съ большевиками, держится по отношенію къ намъ также крайне недружелюбно и преслѣдуетъ исключительно свои интересы, ставя все время препятствія къ нашему выходу на большевистскій фронтъ. Изложенное выше требуетъ принятія особыхъ мѣръ въ широкомъ масштабѣ, для обезпеченія раіона базы, или вѣрнѣе широкаго тыла для предстоящихъ дѣйствій Западной добровольческой арміи.

Поэтому ближайшей задачей арміи является прежде всего занятіе Рижскаго раіона съ центромъ его гор. Ригой, удерживая за собою уже нынѣ занимаемые узлы, какъ Митаву и Шавли и нѣкоторые другіе менѣе важные пункты на территоріи Латвіи и Литвы. Если добровольное соглашеніе съ Латвіей сдѣлается невозможнымъ и если, тѣмъ болѣе,послѣдуетъ открытое противъ насъ выступленіе, то занятіе Риги придется выполнить силою, на что имѣются необходимыя средства и соображенія. По занятіи Риги дальнѣйшія усилія частей арміи будутъ направлены къ овладѣнію линіей рѣки Двины на участкѣ Двинскъ–Якобштадтъ и ея переправами. Занятіе Двинска, какъ узла путей къ переправамъ черезъ Двину необходимо для устройства здѣсь базы и обезпеченія безпрепятственнаго сообщенія съ ея тыловыми раіонами и источниками всякаго вида снабженія.

Эта вторая задача арміи можетъ быть достигнута дѣйствіями наличныхъ силъ по двумъ на-

правленвямъ: 1) Митава—Абели—Двинскъ, 2) Рига—Якобштадтъ съ угрозой Двинску съ сѣвера.

Дальнѣйшія усилія лѣваго фланга общаго фронта арміи будутъ направлены къ захвату узловой станціи Рѣжица. Обладаніе раіономъ Двинскъ—Якобштадтъ—Рѣжица даетъ отличное исходное положеніе для установленія связи съ частями Сѣверо-западной арміи генерала Юденича, во первыхъ для вывода ихъ изъ того тяжелаго положенія, въ которомъ онѣ нынѣ находятся, во вторыхъ для развитія всѣхъ силъ и совмѣстныхъ съ нами рѣшительныхъ дѣйствій на Петербургъ, если бы это потребовалось обстановкою въ первую очередь.

Въ противномъ случаѣ дальнѣйшее продвиженіе на Великія Луки, для занятія узлового раіона Великія Луки—Невель—Ново-Сокольники, поставитъ подъ серьезную угрозу связь Петербургской группы большевиковъ съ Москвою, при чемъ Западная добровольческая армія не утрачиваетъ свободы дѣйствій по кратчайшему направленію, какъ на Петербургъ, такъ и на Москву, въ зависимости отъ обстановки.

Наступательный починъ арміи будетъ безусловно привѣтствованъ изстрадавшимся народомъ. Уже теперь разоренное крестьянство ближайшихъ раіоновъ ждетъ освобожденія и облегченія своей участи.

Принимая во вниманіе это настроеніе населенія пережившаго уже ужасы большевизма, а также наличіе тайныхъ складовъ оружія, можно съ увѣренностью сказать, что продвиженіе арміи будетъ сопровождаться возстаніями организованныхъ крестьянъ и значительнымъ притокомъ ихъ въ ряды добровольцевъ.

Мѣстные источники снабженія увеличатся: то и другое будетъ способствовать дальнѣйшему развертыванію арміи и расширенію ея операцій.

Съ первыхъ же шаговъ необходимо будетъ реальнымъ способомъ отозваться на сочувствіе народныхъ массъ. Это должно выразиться въ принятіи ряда мѣръ для улучшенія и облегченія условій существованія и установленія порядка и законности въ занимаемыхъ раіонахъ, что окончательно закрѣпитъ за нами сознательные элементы населенія.

Въ отношеніи организаціи мѣстной власти уже теперь много сдѣлано мною. Въ настоящій моментъ мною образованъ при арміи Совѣтъ Управленія, составленный изъ истинно русскихъ дѣятелей, испытанныхъ опытомъ и воодушевленныхъ лишь однимъ горячимъ желаніемъ способствовать возстановленію мощи, порядка и законности на нашей Родинѣ. Эти люди пользуются общимъ довѣріемъ; кромѣ того, временное участіе въ Совѣтѣ представителей умѣренныхъ партій мѣстныхъ основныхъ національностей, обезпечитъ необходимый контактъ съ населеніемъ этихъ областей, которыя съ развитіемъ операцій останутся у насъ въ тылу. Въ дальнѣйшемъ наши усилія будутъ направлены къ улучшенію продовольствія, путемъ установленія торговыхъ сношеній съ германскими, голландскими и американскими купцами, установленія правильнаго внутренняго транспорта и развитія торговли, а также заводской дѣятельности.

Вопросы транспорта, торговли и промышленности будутъ организованы при ближайшемъ участіи германцевъ. Въ настоящее время въ Германіи уже работаютъ два завода по изготовленію всего необходимаго (запасныя части, части машинъ и. т. п.) для приведенія въ порядокъ подвижного состава желѣзныхъ дорогъ. Это даетъ возможность возстановить дѣятельность желѣзныхъ дорогъ, что, въ свою очередь, осуществитъ притокъ изъ Германіи, взамѣнъ всякаго сырья, различныхъ необходимыхъ фабрикатовъ, отсутствующихъ нынѣ на мѣстахъ. Въ связи съ вышеизложеннымъ развитіемъ транспорта, представится возможность постепеннаго возстановленія заводской дѣятельности и сокращенія числа безработныхъ.

Необходимо оговорить, что участіе германцевъ въ общемъ дѣлѣ возстановленія нашей Родины — отличается высокой искренностью и вѣрностью. Разнообразная помощь, оказываемая ими, во всѣхъ отношеніяхъ постоянна и неизсякаема и даетъ возможность проводить постепенно въ жизнь все намѣченное. Помощь эта, въ той же дѣйствительной формѣ, обезпечена намъ въ будущемъ. Въ искренности ихъ желаній сомнѣваться не приходится, ибо очутившись въ томъ же положеніи, какъ и наша Великая Родина, они борятся за то же, что и мы. Совмѣстность же усилій приблизитъ конецъ нашей борьбы.

Выше изложены тѣ основныя задачи, которыя беретъ на себя армія. Въ сознаніи тяжелыхъ обязанностей, принятыхъ на себя чинами арміи, послѣдніе напрягаютъ всѣ усилія для ско-

рѣйшаго доведенiя до конца формированiя, дабы незамедлительно оказать мощное содѣйствiе всѣмъ русскимъ добровольческимъ армiямъ, борющимся противъ общаго врага».

Отправляя этотъ докладъ генералу Деникину, я надѣялся, что онъ обратитъ на себя вниманiе и послужитъ той нитью, которая свяжетъ всѣ антибольшевистскiя организацiи въ одно нераздѣльное цѣлое, безъ различiя ихъ орiентацiй и способовъ борьбы противъ общаго врага. Однако на дѣлѣ оказалось совсѣмъ иначе и генералъ Деникинъ, какъ мною уже упоминалось выше, ничего лучшаго не могъ придумать, какъ написать на моемъ докладѣ резолюцiю: «Къ черту Авалова съ нѣмцами». Насколько были правильны подобныя дѣйствiя руководителей антибольшевистскаго движенiя опредѣлитъ въ будущемъ исторiя. Дальнѣйшiя же событiя и гибель добровольческихъ армiй позволяютъ сомнѣваться въ ихъ правотѣ.

Въ газетѣ «Вечернее время» (Ростовъ н. Д.) по поводу этого доклада появилось сообщенiе, озаглавленное «Отъ штаба главнокомандующаго». Оно гласило:

«Въ газетахъ появилось сообщенiе о томъ, что прилетѣвшiе въ Кiевъ на аэропланѣ изъ армiи Бермондта (кн. Авалова) офицеры-летчики Фирсовъ и Маршалкъ якобы направились въ Таганрогъ для личнаго доклада Главнокомандующему и были имъ приняты, а также, что въ Таганрогъ прибыли съ личнымъ докладомъ представители той же армiи полковники Гудима и Чупруновъ, поручикъ Надервель и корнетъ баронъ Тизенгаузенъ.

Приводимое сообщенiе не соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

Указанные летчики дѣйствительно прилетѣли, но въ Таганрогъ допущены не были; Главнокомандующему никакого доклада не дѣлали, равно не были приняты прiѣхавшiе изъ армiи Бермондта четыре офицера и имъ предложено возвратиться обратно, при чемъ имъ сообщено о послѣдовавшемъ приказѣ генерала Юденича и необходимости оставить Бермонта и отправиться въ армiю Юденича.

Главное командованiе вооруженными силами юга Россiи, придерживаясь неизмѣнно союзнической орiентацiи, не вступало и не вступитъ ни въ какiе переговоры съ представителями вооруженныхъ силъ организуемыхъ германцами, къ каковымъ надо отнести и упомянутый отрядъ Бермондта.»

Вслѣдъ за летчиками мною была отправлена на югъ делегацiя, снабженная крупной суммой денегъ для оказанiя матерiальной помощи семьямъ тѣхъ офицеровъ, которые служили въ моей армiи. Такимъ образомъ, оставаясь въ рядахъ, они были спокойны, что делегацiя дастъ семьямъ возможность не нуждаться. При такихъ условiяхъ отношенiе ихъ къ службѣ могло быть болѣе уравновѣшаннымъ и спокойнымъ. Делегацiя была снабжена печатями и бланками для выдачи атестатовъ, по которымъ семьи моихъ офицеровъ были бы зачислены при интендантствѣ ген. Деникина на довольствiе, но къ сожалѣнiю тамъ не только семьи, но и офицеры не были обезпечены. Между тѣмъ у меня въ армiи семьи моихъ чиновъ были зачислены на довольствiе и получали ежедневно по 11 марокъ.

Событiя въ Прибалтикѣ развивались ускореннымъ темпомъ. Латышскiя войска, сосредотачиваемыя у Олая (20 километровъ къ югу отъ Риги) подъ командою полковниковъ Земитана и Сукуръ, численностью около $1^1/_2$ дивизiи, стали проявлять активность, нападая ежедневно на русскiе посты. Съ цѣлью предотвратить возможность начала ненужныхъ военныхъ дѣйствiй, генералъ графъ фонъ-деръ-Гольцъ еше 24-го сентября отправилъ генералу Берту экстрен-

ное сообщенiе о занятiи демаркацiонной линiи къ сѣверу отъ Митавы русскими войсками (Приложенiе № 46). Графъ фонъ-деръ-Гольцъ просилъ англичанъ для предотвращенiя нападенiй со стороны латышей и эстонцевъ на эвакуирующiяся съ громадными затрудненiями германскiя и прикрывавшiя ихъ русскiя части — содѣйствовать отводу эстонскихъ войскъ на линiю Лемзаль—Венденъ—Лубанское озеро, а латышскiя войска за исключенiемъ сторожевыхъ частей, за рѣку Двину. Графъ фонъ-деръ-Гольцъ подчеркнулъ, насколько эта мѣра облегчитъ проведенiе эвакуацiи.

Генералъ Бертъ не счелъ нужнымъ отвѣтить на это письмо, что дало поводъ графу фонъ-деръ-Гольцъ 4-го октября снова сообщить свои соображенiя союзнической миссiи въ Ригу.

Это второе обращенiе гласитъ:

«На сношенiе мое отъ 24-го сентября, въ которомъ я Васъ просилъ способствовать очищенiю Латвiи германскими имперскими войсками, я до сихъ поръ не получилъ отвѣта. Напротивъ, все новыя латышскiя войска скопляются у Олая и Риги у демаркацiонной линiи по нашу сторону послѣдней. Латыши переходятъ въ наступленiе значительными передовыми частями и открываютъ артиллерiйскiй огонь. Мною, послѣ необходимыхъ перегруппировокъ войскъ, возобновлена была ихъ эвакуацiя, при чемъ на фронтъ и для охраны желѣзной дороги вмѣсто германскихъ отрядовъ выступили русскiя части. Я еще разъ подчеркиваю, что своевременное окончанiе эвакуацiи неосуществимо, если эстонскiя части и массы латышскихъ войскъ не будутъ оттянуты отъ опасной близости къ Олайскому фронту, иначе арьергардамъ германскихъ войскъ грозитъ серьезная опасность, тогда какъ мнѣ и моему преемнику приказано въ порядкѣ вывести войска въ Германiю, что соотвѣтсвуетъ и латышскимъ интересамъ. Я настаиваю на исполненiи моей просьбы отъ 24-го сентября, въ противномъ случаѣ, что ясно для всѣхъ, нельзя разсчитывать на мирное очищенiе Латвiи. Въ моментъ, когда Германское правительство отзываетъ меня, я особенно близко принимаю къ сердцу заботу о покидаемыхъ мною въ критическiй моментъ войскахъ. По моему, я обращаюсь съ просьбою, исполненiе которой въ Вашихъ интересахъ.»

6-го октября я обратился къ премьеръ-министру временнаго латышскаго правительства съ телеграммой слѣдующаго содержанiя:

«Находя настоящiй моментъ подходящимъ, чтобы отправиться на антибольшевистскiй фронтъ, я прошу Ваше Превосходительство озаботиться созданiемъ условiй, позволяющихъ моимъ войскамъ незамедлительно вступить въ борьбу противъ Красной Армiи Совѣтской Россiи, находящейся на границахъ Лифляндiи и представляющей угрозу для всѣхъ сосѣднихъ съ ней культурныхъ нацiй. Относительно распоряженiй, которыя возглавляемое Вами правительство намѣрено отдать, чтобы гарантировать немедленный пропускъ стоящихъ подъ моимъ командованiемъ войскъ на фронтъ, я прошу меня увѣдомить.»

Отвѣта, какъ на обращенiе графа фонъ-деръ-Гольца, такъ и на мою телеграмму не послѣдовало.

6-го октября было утверждено «Положенiе Совѣта Управленiя при Командующемъ Западной добровольческой армiей.» Указанный Совѣтъ былъ созданъ мною для управленiя на территорiи, занимаемой моей армiей. Въ составъ Совѣта вошли: предсѣдателемъ графъ К. К. Паленъ, членами сенаторъ А. А. Римскiй-Корсаковъ, генералъ Черниловскiй-Соколъ, баронъ Р. Р. Энгельгардтъ инженеръ Ильинъ, А. Арайсъ, К. К. Зиминъ, бар. Нолькенъ. кн. Крапоткинъ (Приложенiе № 47).

Карта 25

Штабъ 6-го армейскаго корпуса на парадѣ «Желѣзной Дивизіи».

Карта 26

Парадъ «Желѣзной Дивизіи» 1-го сентября 1919 года.

6-го же октября я обратился ко всѣмъ жителямъ города и страны со слѣдующимъ воззваніемъ:

«Объявляю всѣмъ жителямъ, что впредь я не допущу никакого нарушенія порядка и посягательства на личность или имущество кого бы то ни было.

Призываю всѣхъ безъ различія національности, партій и религій продолжать свой мирный трудъ, во всемъ подчиняться поставленнымъ и утвержденнымъ мно властямъ, памятуя, что русская власть въ этомъ краѣ всегда направляла свои усилія къ благополучію его и въ теченіе многихъ лѣтъ давала ему миръ и заботилась о его процвѣтаніи.

Созданная мною армія идетъ бороться съ врагами народа большевиками, съ которыми безчестные люди собираются заключить миръ. Я иду помочь Россіи освободиться отъ ига и рабства.

Призываю населеніе всѣми силами содѣйствовать мнѣ въ моихъ начинаніяхъ и не поддаваться нашептываніямъ враговъ свободы и культуры.

Всѣхъ преступниковъ я буду строго наказывать, обездоленнымъ буду помогать, обиженныхъ защищать. Да поможетъ мнѣ въ этомъ Господь Богъ».

7-го октября вечеромъ я передалъ Германскому посольству въ Митавѣ слѣдующую ноту:

Германскому Имперскому Правительству

Въ освобожденныхъ отъ большевиковъ областяхъ Западной Россіи я взялъ на себя при поддержкѣ со стороны вновь образованнаго 7-го октября Особаго Совѣщанія Западной Россіи, отъ имени Великой Россіи, задачу возстановленія государственнаго порядка и дисциплины.

Какъ представитель государственной власти Россіи я не хочу упустить случая, чтобы не высказать Германскому Правительству своей благодарности за неоцѣнимыя услуги, оказанныя германскими частями при освобожденіи окраинныхъ провинцій Россіи отъ большевиковъ. Послѣ отозванія германскихъ войскъ, охрану занятыхъ моими войсками областей я беру на себя.

Моей особой заботой будетъ обезпеченіе безопасности отправки германскихъ частей на родину. Я имѣю твердую увѣренность въ томъ, что послѣ уничтоженія большевистской заразы, у всѣхъ народовъ найдется общая цѣль, которая поведетъ къ устраненію всемірной опасности и къ мирному процвѣтанію всѣхъ странъ.

Полковникъ князь Аваловъ.
Предсѣдатель Совѣта Управленія Западной Области Россіи
Сенаторъ графъ Паленъ.

8-го октября рано утромъ мои войска подверглись внезапному нападенію латышей у Олая, но подоспѣвшими подкрѣпленіями оно было отбито.

Въ виду постоянныхъ нападеній, я приказалъ перейти въ контръ-наступленіе, чтобы отбросить латышей за Двину; въ тотъ же день я сообщилъ о положеніи дѣлъ генералу Юденичу слѣдующей телеграммой:

«Сегодня латышскія и эстонскія части угрожая мнѣ стали переходить демаркаціонную линію и вынудили меня дать имъ отпоръ; для обезпеченія своей базы я занимаю линію Двины и иду на фронтъ для соединенія съ Вашей арміей. Полковникъ Аваловъ.»

Эта телеграмма была принята радіотелеграфной станціей Воксхольмъ (близь Стокгольма) въ 11 час. 51 мин. для передачи по назначенію.

8-го я издалъ слѣдующее обращеніе къ населенію:

«Всѣ жители областей, занятыхъ войсками ввѣренной мнѣ арміи для меня равны и всѣ честные и порядочные люди пользуются моимъ покровительствомъ и защитой. Всѣ же у кого

отсутствуетъ честь и желаніе поддерживать порядокъ, пусть знаютъ, что я обладаю достаточными средствами, чтобы заставить повиноваться закону и поставленнымъ мною властямъ.

Всѣ жители края для меня равны, обо всѣхъ власти края должны одинаково заботиться и я не допущу нанесенія обидъ и оскорбленій кому бы то ни было, будетъ ли это русскій, нѣмецъ, латышъ, еврей, литовецъ или полякъ.

Ожидаю отъ всѣхъ дружной работы на благоустройство края, а въ остальномъ справлюсь самъ.»

Въ это время у Двинска успѣшно сражался съ большевиками отрядъ полковника Баллода, не принимавшаго никакого участія въ интригахъ латвійскаго правительства противъ меня. Я обратился къ офицерамъ и солдатамъ этого отряда, чтобы объяснить имъ создавшееся положеніе вещей.

«Латышское правительство намѣревается заключить миръ съ большевиками, смертельными врагами всякой культуры и цивилизаціи.

Зло большевизма взываетъ къ небу, миромъ хотятъ закрѣпить большевики безчеловѣчныя условія въ Россіи и распространить ихъ дальше на другія страны. Я обращаюсь къ Вамъ, офицерамъ и солдатамъ, такъ какъ знаю, что и Вы смертельные враги большевизма. Большинство изъ Васъ гордится тѣмъ, что служили офицерами и солдатами въ Русской Арміи.

Недавнимъ успѣхомъ у Двинска Вы обратили на себя взоры всего міра и показали, что Вы готовы уничтожить большевизмъ. Міръ ожидаетъ, что съ Вашей помощію будетъ проведена послѣдняя рѣшительная борьба съ большевиками.

Я приложу лично все мое усиліе, чтобы латышскому народу было обезпечено культурное развитіе. Сражайтесь съ большевиками. Этимъ Вы покажете Россіи, которая съ Божьей помощью воскреснетъ, что Вы достойные ея сыны.

Только такимъ путемъ послужите Вы Вашей странѣ и Вашему народу».

Въ то же время начальникъ «Желѣзной дивизіи» полковникъ Бишофъ издалъ своимъ солдатамъ слѣдующій приказъ:

«Мы хотимъ, чтобы въ краю освобожденномъ нами — развѣвалось русское знамя. Мы хотимъ помочь русскимъ освободить Россію отъ бича человѣчества. Вы знаете, что я нѣмецъ и останусь нѣмцемъ до конца.

Вы можете не задумываясь итти со мною и вѣрить, что помогая нашимъ друзьямъ русскимъ, мы дѣйствуемъ на благо Германіи. Бокъ о бокъ съ корпусомъ графа Келлеръ мы будемъ защищать наши права и, если такъ суждено, завоевывать ихъ вновь. Если Антанта и въ этомъ помѣшаетъ намъ, она откроетъ свое истинное лицо. Ея угрозы по нашему адресу только предлогъ для насилія надъ германскимъ народомъ. Поэтому будьте тверды, солдаты желѣзной дивизіи! И если англичане направятъ на насъ латышей и эстонцевъ, мы покажемъ, что мы съ правомъ носимъ наше наименованіе.»

Въ этотъ же день мною была отправлена представителямъ Антанты, а также для свѣдѣнія, черезъ начальника русской военной миссіи въ Букарестѣ, Генерала Геруа, генералу Деникину слѣдующее сообщеніе:

«Въ качествѣ Командующаго русской арміей западныхъ губерній я долженъ былъ ради борьбы противъ большевиковъ и возстановленія въ моей операціонной базѣ порядка и безопасности заключить съ начальникомъ германскихъ войскъ, занимающихъ страну, соглашеніе, на основаніи котораго я гарантировалъ германскому командованію постепенное отступленіе его войскъ и безопасность ихъ отправки на родину и обязался содѣйствовать прекращенію хаотическихъ порядковъ управленія, господствующихъ въ занятыхъ моими войсками провинціяхъ. Я назначилъ Совѣтъ Управленія и поручилъ таковому выработать организацію временнаго управленія, а также подготовку основъ правительственныхъ мѣропріятій согласно желанія народа.

Къ великому моему сожалѣнію латышское правительство начало направлять противъ границъ моей военной базы значительныя латышскія и эстонскія военныя силы, нарушившія нейтральную зону и вызвавшія рядъ стычекъ въ то время, когда мои войска замѣщали германскія части. Я далъ своимъ войскамъ приказъ избѣгать столкновеній съ латышско-эстонскими войсками, несмотря на непрекращающіеся вызовы съ ихъ стороны. Однако латыши, усматривая въ моемъ способѣ дѣйствій, своего рода слабость, напали на мои позиціи.

Это поведеніе латышскихъ войскъ меня побудило принять мѣры для моей военной безопасности и занять новую линію, дающую мнѣ возможность итти противъ врага моей Родины, большевиковъ и съ большимъ успѣхомъ бороться противъ нихъ.

Смѣю надѣяться, что состоящія съ моей Родиной въ союзѣ державы поддержать мои старанія въ силу заключенныхъ договоровъ и окажутъ мнѣ поддержку, необходимую для соотвѣтствующихъ мѣропріятій.»

Къ вечеру 8-го октября войска Западной добровольческой арміи всюду сбили упорно обороняющагося врага и подошли къ Ригѣ. 9-го утромъ было занято предмѣстье Риги Торенсбергъ и мосты черезъ Двину. Задача контръ-наступленія была, такимъ образомъ, выполнена.

Всю отвѣтственность за начало военныхъ дѣйствій латыши и, конечно, Антанта хотѣли возложить на меня, утверждая, что я, будто бы первый, произвелъ нападеніе у Олая.

На этотъ разъ эти обвиненія были ужъ слишкомъ наглыми и необоснованными, чтобы они могли убѣдить кого-нибудь, кто наблюдалъ за всѣми дѣйствіями «союзниковъ» въ Прибалтикѣ. Приходится удивляться, что даже въ нѣкоторыхъ русскихъ кругахъ инициатива выступленія противъ латышей приписывалась мнѣ.

Ниже я помѣщаю документъ, который вполнѣ опредѣленно указываетъ, кто является дѣйствительнымъ виновникомъ событій подъ Ригой.

Врем. Прав. Латвіи — Рига 17-го октября 1919 года
М. И. Д. — Начальнику латышскаго представительства въ Берлинѣ инж. В. Ш. Шрейнеру.
449 450-23

Господинъ Министръ Иностранныхъ дѣлъ приказалъ мнѣ черезъ курьера сообщить Вамъ слѣдующее, что прошу считать сообщеннымъ Вамъ лично.

По неосторожности генерала Симансона наше наступленіе противъ русскихъ и германскихъ войскъ на Олайскихъ позиціяхъ началось слишкомъ рано. Не говоря о томъ, что наша группировка еще не была окончена, переусердство нашихъ передовыхъ постовъ повлекло за собою то, что, давъ приказъ о наступленіи на Торенсбергъ, русскіе и графъ фонъ-деръ-Гольцъ дѣйствовали защищаясь.

Германцы и русскіе по непонятной причинѣ еще до сихъ поръ не перешли Двины. Наши полки до сихъ поръ сражаются доблестно, все же положеніе остается серьезнымъ. Данная намъ передышка должна быть нами использована, чтобы исправить ошибку генерала Симансона. Въ Ригѣ попробуютъ успокоить генерала Гофъ.

Генералъ Гофъ, который больше всѣхъ защищаетъ насъ, начинаетъ сомнѣваться въ нашей жизнеспособности. Ваша задача убѣдить Германское Правительство въ томъ, что не мы начали борьбу. Этому способствуетъ то, что почти вся печать не довѣряетъ графу фонъ-деръ-Гольцъ и относится доброжелательно къ нашей самостоятельности. Особенно надо бороться съ Берлинскими русскими кругами, и если потребуется разоблачить ихъ.

Баронъ Кноррингъ начинаетъ вліять на Германію, въ особенности на промышленные и хозяйственные круги, которые серьезно дѣлаются приверженцами идеи Великой Россіи и убѣждаются въ томъ, что самостоятельная Латвія всегда будетъ англійскимъ оплотомъ на

ближнемъ востокѣ. Перемѣна оріентаціи этихъ круговъ не остается безъ вліянія на взгляды англичанъ и французовъ, такъ какъ финансовые круги обѣихъ странъ уже давно изъ-за хозяйственныхъ причинъ ничего не имѣютъ противъ возстановленія Великой Россіи. Сдѣлайте все для Васъ возможное; моментъ весьма серьезенъ. Все болѣе широкія части латышскаго народа теряютъ вѣру въ самостоятельную Латвію и даже настроеніе Народнаго Совѣта вялое. Вчерашнимъ числомъ Министерство послало Вамъ 700 тысячъ марокъ для платежа Б. на пропаганду.

И. д. министра Иностранныхъ дѣлъ
(подпись)

Документъ этотъ, написанный по французски, былъ переданъ «Кенигсбергской Всеобщей Газетѣ» бывшимъ латвійскимъ дипломатомъ, разошедшимся съ правительствомъ Ульманиса.

Боями 8 и 9 октября части Западной добровольческой арміи очистили лѣвый берегъ Двины и такимъ образомъ обезпечили нашу базу. Далѣе, чтобы предотвратить кровопролитіе, я 10-го октября обратился къ латышамъ и эстонцамъ съ предложеніемъ перемирія и переговоровъ въ Митавѣ, а также предложилъ имъ начать совмѣстныя военныя дѣйствія противъ большевиковъ.

Ожидая отвѣта на мое предложеніе, я отдалъ приказъ прекратить военныя дѣйствія и не переходить линіи рѣки Двины.

11-го октября утромъ была получена радіотелеграмма, переданная изъ Стокгольма въ Митаву слѣдующаго содержанія:

«Вы не исполнили ни одного изъ моихъ приказаній о переводѣ Вашихъ войскъ въ Нарву. Вы открыли военныя дѣйствія, не испросивъ на то разрѣшенія, напавъ на латышей.

Я исключаю Васъ и всѣ Ваши части изъ состава Сѣверо-западной арміи и объявляю Васъ измѣнникомъ Россіи. Кто остался вѣренъ своему долгу — пусть обратится въ англійскую миссію для отправки его въ Нарву. Генералъ Юденичъ.»

Въ этотъ же день вечеромъ я послалъ по радіо генералу Юденичу слѣдующій отвѣтъ:

«Контръ-наступленіе на латышскія и эстонскія части предпринято дабы не поставить мою армію въ положеніе, въ которое Вы поставили свою, не обезпечивъ ей тыла. За предыдущими приказами Вашими слѣдовали разъясненія, черезъ офицеровъ отъ Васъ, о необязательности этихъ приказовъ для меня, такъ какъ Вы не являетесь полнымъ хозяиномъ Вашихъ дѣйствій. Дальнѣйшими операціями я надѣюсь принести пользу не только родинѣ, но и Сѣверо-западной арміи.

Въ достовѣрность возводимыхъ Вами чудовищныхъ обвиненій я не могу вѣрить, такъ какъ въ то время, какъ Ваша армія находится въ условіяхъ невыносимо тяжелыхъ для русской гордости, моя армія занимаетъ въ Курляндіи должное мѣсто и въ прежнемъ величіи развѣвается русскій флагъ.

Полковникъ князь Аваловъ.»

Состоящій при мнѣ Совѣтъ Управленія Западной Арміи обратился къ генералу Юденичу со слѣдующей телеграммой:

«Совѣтъ Управленія Западной Россіи, принявъ къ свѣдѣнію телеграмму, присланную Вами Командующему Русской Западной добровольческой арміей, отклоняетъ съ рѣшительностью возводимыя противъ него обвиненія. Центральный Совѣтъ сознаетъ, что Ваше выступленіе противъ Русской Арміи, сражающейся за послѣднюю пядь русскаго побережья, послѣдовало подъ давленіемъ темныхъ силъ.

Идите увѣренно, не оглядываясь назадъ. Русская Западная армія можетъ съ чистою совѣстью надѣяться на свѣтлое будущее России и ждетъ съ нетерпѣніемъ того дня, когда, завоевавъ свободный проходъ къ Вамъ, вновь станетъ плечомъ къ плечу въ борьбѣ съ разоряющими нашу Родину угнетателями.

Графъ Паленъ.»

Изъ телеграммы генерала Юденича и отвѣтныхъ моей и Совѣта Управленія видно вполнѣ ясно то положеніе, въ которое я былъ поставленъ недальновидностью генерала Юденича. Въ тотъ моментъ, когда я, послѣ могучаго удара, отбросилъ латышскія и эстонскія войска за линію рѣки Двины и когда они, растерянныя, готовы были исполнить мои требованія, которыя поставили бы русскія добровольческія арміи въ Прибалтикѣ въ подобающія условія, генералъ Юденичъ снова своимъ выступленіемъ противъ меня, даетъ латышамъ козырь въ руки.

Если генералъ Юденичъ, по политическимъ соображеніямъ не могъ поддержать меня и совмѣстно съ моей арміей покончить навсегда съ интригами новыхъ республикъ, то онъ по крайней мѣрѣ, долженъ былъ воздержаться отъ открытаго обвиненія меня въ преступленіяхъ, которыя могли быть таковыми только въ глазахъ англійской миссіи и измѣнившихъ Россіи новыхъ правительствъ Латвіи и Эстляндіи.

Я не хочу болѣе останавливаться на этомъ вопросѣ. Исторія оцѣнитъ со свойственнымъ ей безпристрастіемъ всѣ эти событія и скажетъ свое вѣское заключительное слово. Однако мнѣ очень хотѣлось бы услышать теперь отъ генерала Юденича сознаетъ ли онъ свою ошибку или же до настоящаго времени убѣжденъ въ правотѣ своихъ дѣйствій. Кромѣ того интересно было бы установить на чемъ основывались его офицеры, когда передавали мнѣ, что его приказы для меня не обязательны, такъ какъ они пишутся по требованію англичанъ и что самъ генералъ Юденичъ вполнѣ понимаетъ мои дѣйствія. Если это было такъ, то обидно, что по этому поводу между нами не было сдѣлано соотвѣтствущаго соглашенія, которое могло бы во многомъ облегчить наши задачи, разныя по способамъ выполненія, но общія въ своихъ конечныхъ цѣляхъ.

Не получая отвѣта оть Латвійскаго правительства, и въ связи съ предательскимъ обстрѣломъ Торенсберга латышскими войсками, я 14-го октября счелъ нунжымъ обратиться къ латышскому народу со слѣдующимъ возваніемъ:

Латышскій народъ!

Когда я во главѣ своихъ доблестныхъ войскъ захотѣлъ выступить противъ большевиковъ, правительство Ульманиса преградило мнѣ путь, предательски напавъ на мои войска.

На засѣданіи представителей всѣхъ окраинныхъ государствъ 26-го августа сего года подъ предсѣдательствомъ англійскаго генерала Марча было рѣшено общее наступленіе противъ большевиковъ, при чемъ моей арміи былъ предоставленъ участокъ подъ Двинскомъ. Я долженъ былъ наступать на Великія Луки, этимъ самымъ защищая тебя отъ смрада большевистскаго разложенія.

Мое отношеніе къ латышскому народу было и будетъ всегда самое дружественное. Я не посягаю на его права самоопредѣленія, а только требовалъ и требую гарантій необходимыхъ для успѣшной борьбы съ большевизмомъ. Я неоднократно обращался къ правительству Ульманиса съ требованіемъ пропустить мои войска. Въ отвѣтъ на это послѣдовала ожесто-

ченная травля въ подкупленной печати и Народный Совѣтъ имѣлъ наглость назвать мои войска дѣйствующими заодно съ большевиками, считая меня злѣйшимъ врагомъ латышей.

Великая Россія, представителемъ которой здѣсь являюсь я, не допуститъ подобнаго къ себѣ отношенія.

Я спрашиваю тебя, латышскій народъ, уполномочилъ ли ты, дѣйствительно, этихъ людей, ведущихъ тебя къ погибели? Желаешь ли ты, дѣйствительно, порвать съ Россіей? Что дали тебѣ твои новые вожди?

Реквизиціи, подати, деньги, не имѣющія цѣны, мобилизацію, голодъ и холодъ!

Весь свѣтъ послѣ пятилѣтней войны начинаетъ успокаиваться, люди возвращаются къ мирнымъ занятіямъ, толко ты многострадальный, трудолюбивый народъ начинаешь войну съ Великой Россіей, которая кормила и поила тебя.

Твой край освобожденъ отъ большевиковъ. Ты давнымъ давно могъ бы собирать плоды весеннихъ трудовъ. Вмѣсто этого тебя повели въ бой, обманывая лживыми фразами.

Обманутые Ульманисомъ, неодѣтые и необутые солдаты были двинуты на меня, я принялъ бой и разбилъ твою армію на голову; мои войска стоятъ въ Торенсбергѣ, но я, желая щадить тебя, приказалъ войскамъ остановиться и предложилъ вступить въ переговоры.

Мои орудія молчатъ, въ то время, какъ твои ядра и пули сыплются на мирный городъ Торенсбергъ. Отъ обстрѣла страдаютъ не мои воины, они умѣютъ укрываться отъ предательскихъ пуль — а мирное населеніе, твои же братья и сестры. Развѣ ты настолько озвѣрѣлъ, что до ушей твоихъ не доходятъ стоны и вопли несчастныхъ женщинъ и дѣтей!

Я обращаюсь теперь прямо къ тебѣ, латышскій народъ, и требую, чтобы обстрѣлъ Торенсберга былъ прекращенъ до среды 12 часовъ дня. Въ противномъ случаѣ я прикажу открыть огонь по Ригѣ, чтобы уничтожить засѣвшихъ тамъ разбойниковъ.

Опомнись, латышскій народъ, я протягиваю тебѣ братскую руку. Если она повиснетъ въ воздухѣ, Россія будетъ принуждена принять другія мѣры. Помни, что Россія великодушна и проститъ сбившихся съ пути сыновъ, если же ты самъ не пожелаешь мира, то Россія найдетъ средства заставить тебя подчиниться справедливымъ ея требованіямъ.

Опомнись латышскій народъ!

15-го октября ко мнѣ прибыли три английскихъ офицера съ письмомъ отъ англійскаго адмирала адресованнымъ: «Командующему германскими войсками полковнику Авалову». Я принять письмо отказался и отправилъ въ Либаву телеграмму слѣдующаго содержанія:

Командующему Англійскими морскими силами

«Ваше письмо, адресованное: «Командующему германскими войсками» принять не могу, являясь командующимъ русской добровольческой арміей.

Усть-Двинскъ занятъ моими казаками — пластунами и я, какъ мною было уже сообщено, принимаю на себя обезпеченіе свободнаго прохода судовъ при условіи непровозки ими военной контрабанды для выступившей противъ русской власти стороны. Благоволите подтвердить полученіе.»

Въ этомъ мѣстѣ необходимо разъяснить, что же происходило за чертой Двины, на лѣвомъ берегу которой я остановился съ моими войсками. Попутно укажу и на поведеніе растерявшагося генерала Юденича, являвшаго изъ себя въ эти дни совершенно покорную фигуру въ рукахъ союзниковъ.

Какъ только выяснилась боевая обстановка, т. е. что мною заняты подступы къ Ригѣ и что послѣднимъ ударомъ, уже нетребующимъ никакого напряженія, я могъ бы взять городъ, я задержался.

Латыши вмѣстѣ съ англичанами бросились вонъ изъ Риги и городъ совершенно опустѣлъ. Генералъ Бертъ вмѣстѣ съ генераломъ Симансономъ обратились къ начальнику эшелона ландесвера ротмистру графу Кейзерлингу съ

просьбой взять на себя миссію отправиться ко мнѣ для переговоровъ. Послѣдній согласился и потребовалъ письменныхъ полномочій. Ему были выданы безъ задержки таковыя. Вторымъ его требованіемъ было — дать ему еще двухъ латышскихъ офицеровъ въ качествѣ парламентеровъ.

Однако въ городѣ не оказалось ни одного латышскаго офицера и миссія графа Кейзерлинга не могла быть выполненной. Я пріостановилъ дѣйствія. Брать Ригу не входило въ мои тогдашніе расчеты — я не собирался вести войну противъ латышей: я былъ лишь вынужденъ оттѣснить ихъ постольку, поскольку они предательски мѣшали выполненію моихъ задачъ — выхода на фронтъ. Мнѣ казалось, что въ то время, когда Рига была фактически въ моихъ рукахъ и лишь добровольно не занималась мною, латыши поймутъ — чего я требую отъ нихъ и — уступятъ.

Между тѣмъ къ городу подошли два эстонскихъ бронированныхъ поѣзда и одинъ батальонъ. Храбрѣйшіе изъ латышей стали появляться на улицахъ Риги. Приступлено было къ рытью окоповъ на побережіи, въ садахъ, огородахъ и среди улицъ. — Генералъ Юденичъ, чтобы поднять себя въ глазахъ союзниковъ и поддержать свое реномэ среди латышей, — (ему мало было объявленія меня измѣнникомъ) подарилъ латышамъ двѣ батареи, которыя вскорѣ были выставлены на позціяхъ, открывъ огонь по моимъ батальонамъ. Думалъ ли генералъ Юденичъ, посылая орудія возставшимъ латышамъ, какъ подарокъ, что онъ подкрѣпляетъ именно тѣхъ, сыновья и братья которыхъ въ Москвѣ разстрѣливали въ подвалахъ русскихъ людей и совмѣстно съ китайцами были оплотомъ Ленина и Троцкаго.

Русскими руками лить кровь русскихъ же для нихъ было выгодно, а посылка подарка генераломъ Юденичемъ было безусловно измѣнническимъ дѣйствіемъ, а потому имѣло основаніе имя измѣнника отнести по адресу самого генерала Юденича.

Въ Ригу постепенно вернулись всѣ остальные латыши и съ ними англичане.

Пресловутый англійскій полковникъ Таллантсъ, на котораго была возложена союзниками миссія созданія прибалтійскихъ государствъ обратился къ командиру англійской эскадры и послѣдній приготовился къ боевымъ дѣйствіямъ противъ моихъ войскъ. Союзники не допускали, что кто либо могъ пойти противъ ихъ дѣйствій, хотя бы и явно незаконныхъ.

Послѣ приведенной мною телеграммы командующему англійскими морскими силами, въУсть-Двинскъ прибылъ англійскій офицеръ удостовѣриться — дѣйствительно ли крѣпость занята русскими, онъ былъ гостепріимно принятъ командиромъ 1-го батальона 1-го Пластунскаго полка капитаномъ Кавелинымъ, пилъ чай вмѣстѣ съ русскими солдатами и, пробывъ нѣкоторое время, дружески распрощавшись, уѣхалъ. Черезъ $^1/_2$ часа съ военныхъ судовъ «союзниковъ», стоявшихъ въ устьѣ Двины, былъ открытъ огонь по батальону. Батальонъ былъ наполовину уничтоженъ.[1]

[1] Въ газетѣ «Тильзитеръ Цейтунгъ» была помѣщена слѣдующая телеграмма: «Либава, 6 ноября. Согласно Либавскихъ газетъ, представитель французской военной миссіи, маіоръ Зибераръ послалъ Ульманису письмо слѣдующаго содержанія: «Считаю себя счастливымъ, Вамъ сообщить, что нашъ флотъ получилъ приказъ вмѣстѣ съ англійскимъ активно — принять участіе въ бояхъ противъ Арміи Бермондта.»

Это гнусное предательство вызвало въ моей арміи всеобщее негодованіе и я въ тотъ же день обратился къ командующему англійской эскадры со слѣдующей телеграммой:

«Въ связи съ Вашей радіотелеграммой, перехваченной здѣсь, въ которой Вы предупреждаете, что войска съ устья Двины должны быть уведены до 12-ти час. дня, 15-го сего октября тремя миноносцами былъ открытъ огонь, несмотря на то, что я сообщилъ Вамъ, что устье Двины занимаетъ мой 1-ый Пластунскій полкъ.

Я удивленъ и возмущенъ, что англійскимъ командованіемъ допущено открытіе огня съ моря, благодаря чему пролита кровь русскихъ солдатъ.

Мною отданъ приказъ открывать огонь по судамъ, стрѣляющимъ по моимъ войскамъ.

О дѣйствіяхъ Вашихъ, оказывающихъ поддержку латышскимъ мятежникамъ въ ущербъ интересамъ русской арміи, борющейся за возстановленіе Россіи, я сообщаю адмиралу Колчаку и генералу Деникину.»

На эту телеграмму отъ командующаго англійской эскадрой я получилъ такой отвѣтъ:

Полковнику Авалову — Командующему войсками на Западной Двинѣ

«Вашу телеграмму отъ 15-го сего октября получилъ: прежде чѣмъ дать распоряженіе союзнымъ военнымъ судамъ, жду Вашего донесенія о прекращеніи военныхъ дѣйствій между Вашими войсками и латышами и оставленія всѣхъ Рижскихъ позицій; въ третьихъ, я ожидаю Вашихъ объясненій по поводу обстрѣла позицій, вблизи коихъ находились суда союзнаго флота. Прошу удостовѣрить полученіе сего.»

16-го октября я отвѣтилъ:

«Вашу телеграмму №190 отъ 15/10 получилъ. Обезпечивъ нынѣ себѣ базу для похода противъ большевиковъ, я еще 10-го октября предлагалъ латышамъ прекращеніе военныхъ дѣйствій. Прошу Васъ помочь мнѣ достигнуть этой цѣли.

Войска мои стрѣляютъ только по латышскимъ позиціямъ, считая корабли союзниковъ друзьями Россіи. Такъ какъ переговоры по радіо слишкомъ затруднительны прошу выслать въ Митаву уполномоченныхъ для переговоровъ съ цѣлью скорѣйшаго прекращенія кровопролитія. Требую прекращенія огня союзныхъ кораблей по моимъ войскамъ и мирному населенію Торенсберга.»

Кромѣ этой отвѣтной телеграммы я въ тотъ же день отправилъ представителямъ державъ согласія слѣдующую ноту:

«Союзные корабли, находящіеся въ Рижскомъ заливѣ въ предыдущихъ бояхъ съ большевиками быстро уходили въ море, не оказывая поддержки, войскамъ борющимся съ большевиками. Въ борьбѣ войскъ Западной добровольческой арміи съ большевистскими бандами Земитана союзный флотъ второй день засыпаетъ снарядами мой 1-ый Пластунскій полкъ и мирное населеніе Торенсберга, проливая русскую кровь, вѣроятно, въ благодарность за героическую помощь русскихъ своимъ союзникамъ во время Міровой Войны, безъ помощи которыхъ послѣдніе никогда бы и мечтать не могли объ успѣхѣ. Я долженъ усмотрѣть въ этомъ полную поддержку врагамъ Россіи — большевикамъ.

Позиціи свои не уступаю и мои войска во главѣ со мною будутъ бороться до послѣдней капли крови за благо Россіи.»

Однако мои обращенія къ «союзникамъ» были гласомъ вопіющимъ въ пустынѣ и они, если и отвѣчали, то только съ цѣлью выиграть время, которое имъ было необходимо, чтобы вовлечь въ борьбу съ моей арміей и Литовское Правительство. Послѣднее имъ было важно, дабы съ помощью ихъ войскъ окружить мою армію и отрѣзать ей путь отступленія въ Германію.

Карта 27

Парадъ «Желѣзной Дивизіи» 1-го сентября 1919 года.

Группа офицеровъ участниковъ перваго похода противъ большевиковъ (Корниловцевъ) вмѣстѣ съ Командующимъ Западной Арміи.

Командиръ, г. г. офицеры и чиновники моего славнаго Конвоя.

Въ сущности литовцы впутались въ эту исторію лишь тогда, когда союзники окончательно завѣрили ихъ, что станутъ защищать ихъ фактически, въ случаѣ если я обращу въ ихъ сторону мое отвѣтное оружіе.

Въ этотъ же періодъ обстрѣла усть-двинскихъ позицій англійской эскадрой, однажды на горизонтѣ появилась канонерка. Повидимому, желая позабавиться стрѣльбой по русскимъ солдатамъ, канонерка открыла огонь изъ своихъ орудій. Самоувѣренность и наглость ея были такъ велики, что она подошла на близкую дистанцію.

1-ая конная батарея подъ командой подполковника Ашехманова на полномъ карьерѣ снялась съ передковъ на берегу моря, почти въ водѣ и открыла по канонеркѣ огонь. Третьимъ снарядомъ она вызвала взрывъ на ней и вслѣдъ за этимъ батарея засыпала ее мѣтко попадавшими снарядами. Бывшій на канонеркѣ русскій полковникъ П. разсказывалъ о большихъ потеряхъ на ней и подбитіи одного орудія.

Канонеркѣ не понравились отвѣтныя храбрыя дѣйствія русской конной артиллеріи и она предпочла скрыться въ морѣ.

Въ исторіи боевъ это былъ рѣдкій случай, когда конная артиллерія съ открытой позиціи вступаетъ въ бой съ военнымъ кораблемъ, вооруженнымъ дальнобойными орудіями и остается побѣдительницей.

Выстрѣлы моей батареи на Рижскомъ побережьѣ были первымъ аккордомъ той большой русско-англійской симфоніи, которую, я увѣренъ, русскія войска закончатъ въ свое время гдѣ-нибудь въ Индіи.

ГЛАВА XV.

ОТНОШЕНІЯ СЪ ЛИТОВЦАМИ И ДАЛЬНѢЙШЕЕ РАЗВИТІЕ СОБЫТІЙ.

Переговоры съ литовцами, благодаря вмѣшательству Антанты, были прикращены и отношенія съ Литвой сложились самыя неопредѣленныя. Можно было бы съ увѣренностью констатировать, что ни правительство Литвы, ни ея населеніе не проявляли той враждебности къ моимъ войскамъ[1], какъ это было въ Латвіи.

Однако съ началомъ военныхъ дѣйствій на латышскомъ фронтѣ, подъ давленіемъ «союзниковъ» и Литовское правительство стало спѣшно перебрасывать войска съ Двинскаго фронта въ раіонъ Шавель, угрожая тѣмъ самымъ моимъ сообщеніямъ съ Германіей.

Съ цѣлью узнать причины подобной переброски войскъ, я обратился 16-го октября къ Литовскому Правительству со слѣдующей нотой:

«Мнѣ стало извѣстнымъ, что литовскія войска сконцентрированы въ раіонѣ Шадовъ-Бейссагола. Уже въ теченіе нѣкотораго времени до меня доходятъ слухи, что Литовское правительство намѣрено напасть на мои войска. Мнѣ не хотѣлось бы вѣрить этому. Считаю необходимымъ завѣрить Литовское правительство въ томъ, что моей единственной цѣлью является борьба съ большевиками.

Я отнюдь не намѣренъ мѣшать въ чемъ бы то ни было свободному развитію Литовскаго государства. Центральный Совѣтъ Управленія и я раздѣляемъ принципы, провозглашенные президентомъ Вильсономъ и признаемъ суверенное право Литовскаго народа на рѣшеніе своей судьбы.

Прошу мнѣ указать причины концентраціи войскъ и я надѣюсь вступить въ союзъ съ Литвою для совмѣстной борьбы съ общимъ врагомъ нашимъ — большевизмомъ.»

На это обращеніе 18-го октября за № 189 была получена отъ предсѣдателя Совѣта Министровъ Литвы г. Гальванаускаса слѣдующая телеграмма:

Черезъ Данію въ Митаву полковнику князю Авалову

Вашу телеграмму отъ 16/10 получилъ. Если Вы желаете сражаться только съ большевиками — Литовское правительство не имѣетъ никакихъ возраженій съ тѣмъ, чтобы только русскіе принимали въ этомъ участіе. Присутствіе германскихъ войскъ въ странѣ противорѣчило бы желаніямъ Литвы, а равно и мирному договору, подписанному Германіей. Прошу сообщить число германцевъ находящихся въ Русской Западной добровольческой арміи и дать намъ знать согласны ли Вы отослать ихъ въ Германію въ кратчайшій срокъ, согласно требованіямъ Антанты.»

[1] Долженъ отмѣтить, что въ дѣлѣ ухудшенія отношеній между Западной Арміей и Литвой сыгралъ роковую роль отрядъ полковника Выргολича. Объ этомъ я коснусь болѣе подробно въ главѣ XVIII, когда перейду къ оцѣнкѣ дѣятельности въ этотъ періодъ сенатора Бельгардъ.

Въ тотъ же день я отвѣтилъ телеграммой:

«Очень радъ усмотрѣть въ Вашей телеграммѣ выраженіе сочувствія нашей цѣли въ борьбѣ противъ нашего общаго врага. Прошу Васъ указать мѣсто, гдѣ мои представители совмѣстно съ представителями Литовскаго правительства могли бы выработать условія продвиженія арміи на фронтъ Двинскъ—Рѣжица. Что касается эвакуаціи германскихъ частей, то таковая производится подъ руководствомъ генерала Эбергардта.»

19-го октября Литовское правительство сообщило мнѣ:

«Переговоры о пропускѣ русскихъ войскъ на Двинскій фронтъ и о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ не могутъ быть начаты, прежде чѣмъ регулярная германская армія, находящаяся подъ командою генерала Эбергардта, не покинетъ предѣлы Литвы и прежде чѣмъ всѣ германскіе солдаты, находящіеся въ Западной добровольческой арміи не будутъ удалены.»

19-го октября я обратился съ письмомъ во французскую миссію, въ которомъ просилъ оказать давленіе на латышское правительство въ смыслѣ прекращенія военныхъ дѣйствій и о совмѣстной борьбѣ противъ большевиковъ.

Въ тотъ же день я получилъ отвѣтъ на свое обращеніе къ Латышскому Правительству, отправленное еще 10-го октября.

Полковнику Авалову Митава

Отвѣтъ на Вашу радіо-телеграмму № 1 отъ 10/10 1855 № 2 отъ 10/10, 2310

1) Вы отклонили предложеніе Латышскаго правительства послать Ваши войска на фронтъ Нарва-Гдовъ подъ команду генерала Юденича.

2) Вы напали на тылъ латышской арміи безъ всякой причины, не уважая международнаго права и морали, въ тотъ моментъ, когда послѣдняя побѣдоносно продвигалась противъ большевиковъ на фронтѣ Двинскъ—Ливенгофъ.

3) По этой причинѣ Командующій Сѣверо-западной арміи генералъ Юденичъ былъ принужденъ Васъ и Ваши войска исключить изъ состава русской арміи. Вы 9/10 объявлены измѣнникомъ Россіи.

На предложенное Вами перемиріе есть только одинъ отвѣтъ: мы хотимъ продолжать съ Вами и Вашими преступными войсками оборонительную борьбу, варварски вызванную нахожденіемъ ихъ на нашей родной землѣ. Цивилизованный міръ пойметъ, что ведомая побѣдоносно нами упорная борьба за культуру и свободу человѣчества отнынѣ будетъ вестись нами противъ крайней подлости и эта борьба вынесетъ намъ свой справедливый приговоръ. Противъ этого приговора и противъ нашей храброй арміи банды разбойниковъ и наемныхъ убійцъ безсильны. Генералъ Симансонъ.

О тонѣ телеграммы говорить не приходится. Она напоминаетъ собою развѣ только посланія запорожцевъ. Интересно это грубое, чисто латышское посланіе, читать теперь, когда вся подпольная интрига вскрыта и документально установлено, что нападеніе было произведено латышскими бандами, находившимися подъ командою самого автора генерала Симансона. Нынѣ все имъ написанное въ столь яркихъ выраженіяхъ можетъ быть безспорно отнесено къ нему и его «храброй» арміи, бѣжавшей тогда передъ контръ-наступленіемъ моихъ доблестныхъ войскъ и укрывшейся подъ защитой морской артиллеріи «союзныхъ» державъ.

Изъ приведенныхъ выше подлинныхъ документовъ для всѣхъ очевидно, что всѣ мои старанія добиться справедливости не имѣли никакого результата, такъ какъ тамъ, гдѣ замѣшаны интересы «союзниковъ» о справедливости говорить не приходится. Мои обращенія къ нимъ непосредственно, а также къ правительст-

вамъ Латвіи и Литвы разсматривались, какъ выраженіе моей слабости и потому приводили къ обратнымъ результатамъ — мои враги становились болѣе требовательными и дерзкими. Во всѣхъ этихъ переговорахъ устныхъ и письменныхъ я потерялъ драгоцѣнное время — т. е. то, что особенно важно въ каждой войнѣ, а при моихъ обстоятельствахъ въ особенности.

Эта главная моя ошибка, которая въ дальнѣйшемъ создала условія, вынудившія меня оставить Прибалтику.

Тогда, отрѣзанный отъ Германіи, окруженный со всѣхъ сторонъ врагами, убѣдившись, но къ сожалѣнію поздно, въ безцѣльности всякихъ переговоровъ, я могъ принять лишь одно изъ двухъ рѣшеній: или сдаться на милость враговъ, что было бы позоромъ и для русскаго и для германскаго оружія или продолжать борьбу. Я избралъ послѣднее и приказалъ возобновить на всѣхъ фронтахъ военныя дѣйствія. Вѣря въ правоту моего дѣла я обратился со слѣдующимъ возваніемъ къ моимъ дѣйствительнымъ союзникамъ германцамъ.

«Ко всѣмъ германцамъ корпуса графа Келлера, Выргpolича «Желѣзной дивизіи» Германскаго легіона, ко всѣмъ перешедшимъ и переходящимъ на русскую службу.

Солдаты! Для того, чтобы положить конецъ тайнымъ нападеніямъ латышей, которые стали на пути борьбы нашей съ большевиками, я съ тяжелымъ сердцемъ принужденъ взяться за мечъ.

Плечомъ къ плечу съ Вашими товарищами русскими Вы подавили первую попытку противника въ три раза численно Васъ превосходящаго и отбросили его за Двину. Я былъ свидѣтелемъ Вашего быстраго продвиженія впередъ, когда Вы изъ деревни въ деревню вытѣсняли врага, борясь за каждую пядь земли.

Я гордъ быть предводителемъ такихъ войскъ и считаю честью для себя командовать Вами.

Съ чувствомъ справедливой благодарности этимъ возваніемъ я хочу возобновить обѣщанія данныя Вамъ при вступленіи въ мои войска.

Первой моей обязанностью я считаю доставленіе продовольствія и снаряженія, которыя хотя бы на первое время обезпечили Ваше существованіе.

Всѣ обѣщанія, которыя даны Вамъ, будутъ исполнены послѣ уничтоженія большевизма. Каждому дана возможность получить права русскаго гражданина и вступленіе на государственную службу, соотвѣтственно своему служебному положенію. Каждому будетъ дана земля за половину стоимости до 1914 года.

Правительство принимаетъ на себя возмѣщеніе убытковъ пострадавшихъ въ войнѣ и оставшимся за фронтомъ семьямъ, выплату пенсій офицерамъ и солдатамъ.

Наряду съ борьбой съ большевиками, которая является главной задачей есть и другая — водвореніе порядка и мирнаго строительства жизни.»

Далѣе, 22-го октября мною былъ отправленъ съ докладомъ къ генералу Деникину на аэропланѣ военный летчикъ подполковникъ Фирсовъ, прапорщикъ Маршалкъ и германскій летчикъ. Кромѣ этого доклада было отправлено письмо на имя Главнокомандующаго Польской арміей, въ которомъ я разъяснялъ цѣли борьбы Западной добровольческой арміи и предлагалъ заключить союзъ противъ большевиковъ; я просилъ, кромѣ того, командировать въ нашу армію военную миссію для ознакомленія съ положеніемъ.

Это письмо подполковникъ Фирсовъ долженъ былъ передать по назначенію, опустившись на польской территоріи. Затѣмъ, еще 13-го октября мною была отправлена Польскому Правительству радіо-телеграмма, въ которой я завѣрялъ въ отсутствіи у Западной добровольческой арміи, какой бы то ни было враждебности къ Польшѣ и предлагалъ также заключить соглашеніе для общей

Карта 29

Конвойный эскадронъ Командующаго Арміей.

Карта 30

Конвойная казачья полусотня Командующаго Арміей.

борьбы противъ большевиковъ. Въ этой же телеграммѣ я просилъ освободить всѣхъ задержанныхъ поляками русскихъ, чтобы дать послѣднимъ возможность вступить въ ряды русской арміи.

Между тѣмъ событія на латышскомъ фронтѣ развивались и начали принимать ожесточенный характеръ. Всѣ мои попытки прекратить обстрѣлъ гор. Торенсберга и убрать батареи, поставленныя въ городѣ для бомбардированія моихъ позицій у мостовъ были тщетными и мнѣ ничего не оставалось, какъ отдать приказъ сбить эти батареи огнемъ нашей артиллеріи.

Послѣ этого начальникъ французкой дипломатической миссіи Дюпаркэ прислалъ мнѣ слѣдующую радіо-телеграмму:

«Уже въ теченіе 12-ти дней Вы бомбардируете безпрестанно Ригу— открытый городъ, несмотря на то, что Вы знаете, что Ваши снаряды предназначены не для латышскихъ солдатъ, а для женщинъ и дѣтей и мирнаго населенія, которое чувствуетъ, что Вы его убиваете. Это меня не удивляетъ, такъ какъ разъ, ставъ измѣнникомъ, Вамъ недалеко до убійцы. За то стоящіе около Васъ совѣтники, не должны были бы забывать ... (пропускъ) .... ожидающіе Васъ въ одинъ прекрасный день захватятъ Васъ всѣхъ за шиворотъ.»

Французскій дипломатъ перещеголялъ даже латышскаго генерала Симансона въ дѣлѣ площадной ругани, которую отказалась передать радіо-телеграфная станція. Однако мнѣ была понятна ярость зазнавшагося второстепеннаго французскаго дипломата, который подъ защитой своей страны «побѣдительницы», уютно устроился въ Ригѣ и занимался мирными «гешефтами», заключавшимися въ покупкѣ у латышей краденнаго русскаго имущества. По мнѣнію честныхъ латышей, бывшихъ свидѣтелями его политической дѣятельности, Дюпаркэ, дѣло расхищенія добра Россійскаго государства организовалъ довольно умѣло.

По поводу этого посланія Центральный Совѣтъ Управленія немедленно отправилъ въ Берлинъ Начальнику Французской дипломатической миссіи письмо съ приложеніемъ текста телеграммы Дюпаркэ. Письмо это было слѣдующаго содержанія:

«Центральный Совѣтъ крайне удивленъ грубымъ поступкомъ Дюпаркэ и не хочетъ вѣрить тому, чтобы радіо исходило отъ него, если же это такъ, то не находитъ словъ для выраженія возмущенія обращенію офицера французской арміи къ Командующему Арміей. Совѣтъ полагаетъ, что телеграмма, текстъ которой прилагается, есть мистификація нашихъ враговъ — большевиковъ и послана съ тѣмъ, чтобы вызвать оскорбительный съ нашей стороны для Франціи и ея арміи отвѣтъ.

Совѣтъ проситъ Васъ передать это письмо съ текстомъ телеграммы Дюпаркэ Вашему Правительству.»

Французкій офицеръ очень возмущался моимъ обстрѣломъ города Риги, но вмѣстѣ съ тѣмъ не принялъ никакихъ мѣръ къ прекращенію таковаго же обстрѣла латышами Торенсберга, а вмѣстѣ съ тѣмъ этотъ обстрѣлъ былъ причиною моего. Кромѣ того населеніе Торенсберга страдало еще благодаря тому, что не было возможности частнымъ порядкомъ подвести продовольствіе, а моя армія, имѣя сама ограниченные запасы, не могла притти въ этомъ отношеніи на помощь.

Здѣсь очень кстати выступилъ уполномоченный американскаго Краснаго Креста полковникъ Рейнъ, который просилъ меня по радіо дать ему возмож-

ность снабжать населеніе Торенсберга продовольствіемъ. Я изъявилъ ему глубокую благодарность и просилъ полковника Рейна прибыть для переговоровъ въ Митаву. Такимъ образомъ, благодаря своевременной помощи американскаго Краснаго Креста, вопросъ о продовольствіи населенія былъ разрѣшенъ вполнѣ благопріятно.

Пользуясь этимъ случаемъ я считаю своимъ нравственнымъ долгомъ отмѣтить, что американскіе представители всегда находили себѣ дѣятельность полезную для насъ русскихъ при нашей гражданской войнѣ.

Мнѣ впослѣдствіи пришлось убѣдиться еще въ томъ, что въ вопросахъ касавшихся политики русскихъ, разрѣшаемыхъ союзниками, американцы придерживались своей точки зрѣнія и не всегда выражали довѣріе къ справедливости Антанты. Американцы, находившіеся въ междусоюзной комиссіи генерала Нисселя, напр. были на моей сторонѣ, одобряя тѣ мѣры, которыя я примѣнялъ къ осуществленію тяжкихъ задачъ спасенія Россіи. Я навсегда сохраню къ нимъ чувство благодарности и добраго расположенія не за себя, а за то дѣло, во имя котораго я боролся и которое они морально поддерживали гдѣ могли.

Положеніе на фронтѣ было устойчиво, но съ половины октября внутреннее состояніе Западной добровольческой арміи съ каждымъ днемъ становилось хуже. Замедленіе въ эвакуаціи германскихъ войскъ изъ Курляндіи вызвало рядъ репрессій со стороны Антанты и по ея настоянію въ половинѣ октября Германскимъ правительствомъ былъ отозванъ генералъ графъ фонъ-деръ-Гольцъ.

Его замѣнилъ генералъ Эбергардтъ, которому было поручено убѣдить германскихъ солдатъ возвратиться въ Германію.

Германскіе солдаты, потерявъ въ лицѣ генерала графа фонъ-деръ-Гольцъ идейнаго вождя, начали терять увѣренность въ успѣхѣ всего нашего дѣла и потому были склонны поддаться уговорамъ генерала Эбергардта.

На прощальномъ обѣдѣ по поводу ухода германскихъ войскъ, въ присутствіи чиновъ арміи и германскаго командованія, я сказалъ въ своей рѣчи, что мы русскіе и германцы теперь друзья и союзники въ будущемъ, и никакія интриги Антанты не будутъ въ состояніи помѣшать сближенію двухъ великихъ народовъ. Напротивъ, ихъ противодѣйствіе и боязнь должны насъ еще болѣе укрѣпить въ томъ убѣжденіи, что мы на правильномъ пути.

Представитель Германскаго командованія Генеральнаго Штаба гауптманъ Финтельманъ въ отвѣтной рѣчи указалъ, что ошибки, приведшія къ несчастной для Германіи и Россіи войнѣ — сознаются, какъ русскими такъ и германцами, и что въ германцахъ русскіе должны видѣть искреннихъ друзей. Онъ поднялъ бокалъ за союзъ Германіи и Россіи и успѣхъ Западной Добровольческой Арміи въ борьбѣ съ врагами человѣчества — большевиками.

На этомъ обѣдѣ еще разъ, такимъ образомъ, мы и германцы выказали свои лучшія отношенія другъ къ другу.

ГЛАВА XVI.

ВОЕННЫЯ ДѢЙСТВІЯ.

Составъ Западной Русско-нѣмецкой Добровольческой арміи.

Къ началу военныхъ дѣйствій составъ арміи былъ слѣдующій:

1. 1-ый Добровольческій имени графа Келлера корпусъ.

Командиръ корпуса Гвардіи полковникъ Потоцкій (Л.-гв. Павловскаго полка).

Пѣхота:	1-ый Пластунскій полкъ	3 баталіона 57 пулеметовъ 8 минометовъ	всего 2500 штык.
	2-ой Пластунскій полкъ	$1^1/_2$ баталіона 30 пулеметовъ 4 миномета	всего 1200 штык.
	3-ій Пластунскій баталіонъ (формировался)		всего 300 штык.
	4-ый Пластунскій баталіонъ (формировался)		всего 400 штык.
	Баталіонъ лейтенанта Боде		всего 700 штык.
	Пулеметная команда Крафта 8 пулеметовъ		125 штык.
Артиллерія:	1-ый артиллерійскій полкъ 1-ый дивизіонъ	3 батареи 12 орудій	600 человѣкъ
		2-ой дивизіонъ (формировался)	
	Отдѣльный тяжелый артиллерійскій дивизіонъ	1-ая батарея 4 орудія	250 человѣкъ
		2-ая батарея (формировалась)	
Кавалерія:	Гусарскій имени графа Келлера полкъ — 2 экадр.		300 человѣкъ
	Конвойный эскадронъ		150 человѣкъ
	Конвойная казачья полусотня		60 человѣкъ
Техническія части:	Броневой дивизіонъ (формировался)		
	Авіаціонный дивизіонъ:	1-ый авіотрядъ 6 аэроплановъ 2-ой авіотрядъ 6 аэроплановъ	
	Личный составъ для бронированнаго поѣзда		
	Саперная рота		
	Строительный баталіонъ лейтенанта Маврициуса		1000 челов.
	Комендантская рота		200 челов.
	Тыловыя команды и учрежденія		

Боевой составъ корпуса достигалъ 7000 человѣкъ при 12-ти легкихъ и 4-хъ тяжелыхъ орудіяхъ, 100 пулеметахъ, 12-ти минометах и 12-ти аэропланахъ. Всего въ корпусѣ съ формировавшимися частями, различными техническими и тыловыми командами было около 10000 человѣкъ.

II. Добровольческій отрядъ полковника Выргомичъ.

Пѣхота:	1-ый Стрѣлковый полкъ	2 батальона 40 пулеметовъ 2 орудія	всего 1500 человѣкъ 2 орудія
Артиллерія:	Артиллерійскій дивизіонъ:	легкая батарея	4 орудія
		гаубичнная батарея	4 орудія
Кавалерія:	Конный полкъ	3 эскадрона 8 пулеметовъ	400 человѣкъ
Техническія части:	Авіоотрядъ 6 аэроплановъ 2 саперныя роты Тыловыя команды и учрежденія		

Боевой составъ около 3500 человѣкъ. Всего въ отрядѣ съ тыловыми и формирующимися частями около 5000 человѣкъ.

III. «Желѣзная дивизія».
Начальникъ дивизіи полковникъ Бишофъ.

Пѣхота:	1-ый пѣхотный полкъ	3 батальона 82 пулемета 10 минометовъ	всего 2400 человѣкъ
	2-ой пѣхотный полкъ	4 батальона 85 пулеметовъ 6 минометовъ	всего 3200 человѣкъ
	3-ій пѣхотный полкъ	4 батальона 83 пулемета 6 минометовъ	всего 3200 человѣкъ
	Егерскій батальонъ	24 пулемета 4 орудія 4 миномета	всего 800 человѣкъ
	отрядъ Россбаха		всего 1200 чел.
	Пулеметная батарея (Люца)	24 пулемета	400 человѣкъ
Артиллерія:	6 легкихъ батарей	24 орудія	1200 человѣкъ
	2 тяжелыхъ батареи	8 орудій	400 человѣкъ
Кавалерія:	Курляндскій конный полкъ Команд. п. гр. Каницъ	4 эскадр. 8 пулеметовъ	600 человѣкъ
	Саперный батальонъ	3 роты 15 пулеметовъ	600 человѣкъ
	Техническія и тыловыя части.		

Боевой составъ дивизіи около 15000 человѣкъ.
Всего въ дивизіи съ тыловыми частями было около 18000 человѣкъ.

IV. Нѣмецкій легіонъ.
Командиръ легіона капитанъ 1-го ранга Зивертъ

Штурмовой батальонъ .... 600 человѣкъ
Группа «Балтенландъ» .... 800 человѣкъ

Генеральнаго Штаба гауптманъ фонъ Позекъ, состоявшій при Командующемъ Западной Арміи.

Подполковникъ Генеральнаго Штаба Шелле, состоявшій при Командующемъ Арміей.

Извѣстный въ міровую войну летчикъ капитанъ Бертгольдтъ, командиръ 3-го батальона 2-го пѣхотнаго Курляндскаго полка Западной Арміи былъ звѣрски убитъ спартакистами въ Гарбургѣ близъ Гамбурга 15 марта 1920 года.

Ротмистръ Рабенъ. Офицеръ летчикъ. Во время боя съ латышами командовалъ ротой и былъ тяжело раненъ, остался въ строю. Въ 1921 году командовалъ Добровольческимъ отрядомъ въ Верхней Силезіи.

Группа «Вейкмана» .... 2000 человѣкъ
Отрядъ «Брандеса» .... 800 человѣкъ
Группа «фонъ-Іена» .... 700 человѣкъ
Группа «фонъ-Медемъ» .... 400 человѣкъ
Группа «Стеверъ» .... 500 человѣкъ
Группа «фонъ-Петерсдорфъ» .... 1000 человѣкъ

При легіонѣ 43 легкихъ орудія и одна отдѣльная тяжелая батарея.

Боевой составъ около 9000 человѣкъ. Всего въ легіонѣ съ тыловыми частями около 12000 человѣкъ.

Корпусъ полковника Дибича около 3000 человѣкъ
Отрядъ Плеве 3000 человѣкъ
3 бронированныхъ поѣзда
10 бронированныхъ автомобилей
120 аэроплановъ
Рѣчная флотилія на рѣкѣ Аа Курляндской

Всего боевой составъ арміи доходилъ до 45000 человѣкъ при 100 орудіяхъ 600 пулеметахъ, 50 минометовъ, 120 аэроплановъ и многихъ другихъ техническихъ частей.

Вообще армія насчитывала (вмѣстѣ съ тыловыми учрежденіями и командами) 51000—52000 человѣкъ, изъ которыхъ около 40000 было германскихъ добровольцевъ.

Русскія части не были закончены формированіемъ, ибо вслѣдствіе закрытія границы и противодѣйствія Антанты притокъ добровольцевъ съ началомъ военныхъ дѣйствій совершенно прекратился. Германскимъ частямъ удалось переправить черезъ границу нѣсколько тысячъ добровольцевъ, а также нѣкоторое количество матеріальной части. Обмундированы всѣ части, какъ русскія, такъ и германскія были прекрасно, но ощущался недостатокъ въ теплыхъ вещахъ. Вооруженіе арміи, а въ особенности германскихъ добровольцевъ, не оставляло желать ничего лучшаго. Достаточно указать, что въ нѣкоторыхъ пѣхотныхъ частяхъ число пулеметовъ доходило до 100 на полкъ. Имѣлось три прекрасныхъ блиндированныхъ поѣзда и нѣсколько бронированныхъ автомобилей.

Армія была снабжена всѣмъ необходимымъ и недостатка ни въ чемъ не терпѣла, но запасовъ большихъ не было.

Продовольствіе было очень хорошее, хлѣба и жировъ войска получали въ достаточномъ количествѣ. Были также небольшіе запасы продовольствія. Армія имѣла свою консервную фабрику. Денегъ было мало.

Мои обращенія къ германской индустріи черезъ завѣдывающаго финансовымъ отдѣломъ барона Энгельгардта, предсѣдателя Совѣта Управленія графа Палена, наконецъ личные переговоры графа фонъ-деръ-Гольцъ объ оказаніи денежной поддержки арміи — успѣха не имѣли. Я доказывалъ представителямъ индустріи, что какъ ихъ личныя выгоды такъ и ихъ страны — въ Россіи, гдѣ индустрія могла бы примѣнить свои капиталы и развить широкую дѣятельность.

Тѣ классифицированные интеллигентные работники, а также и рабочіе, которые оставались въ Германіи совершенно безъ работы нашли бы въ осво-

божденной Россіи обширныя возможности. Крупныя фирмы и промышленно-финансовыя учрежденія первыя оказавшія помощь, могли бы пользоваться особенными льготами и преимуществами. Я приложилъ бы всѣ усилія для того, чтобы провести это въ жизнь. Такія возможности существуютъ еще и донынѣ. Надъ этимъ слѣдуетъ германцамъ задуматься, какъ тѣмъ, которые мечтаютъ о торговлѣ съ Россіей и еще не запятнали своей чести въ работѣ съ большевиками, такъ и тѣмъ, которые уже совершили это. Послѣднимъ необходимо уже задуматься надъ страхованіемъ своихъ начинаній въ совѣтской Россіи.

Не понявъ широкихъ заданій арміи и широкихъ возможностей въ той Россіи, за которую я велъ армію, представители индустріи отклонили мои предложенія.

Силою обстоятельствъ я, такимъ образомъ, былъ поставленъ въ необходимость выпустить денежные знаки подъ обезпеченіе имущественнаго достоянія, принадлежащаго арміи. Знаки были въ 1—5—10 мар. Приведенные, какъ образецъ 50 мар. въ «Архивѣ Русской Революцій», обезпеченные якобы достояніемъ занятыхъ моей арміей областей, — чистѣйшая выдумка г. Гессена. Я никогда не выдавалъ тѣхъ имущественныхъ гарантій, которыя не опирались на дѣйствительность.

Барону Энгельгардту, однако, удалось получить $3^1/_2$ милл. марокъ, изъ которыхъ мною и выплачивалось жалованье германскимъ солдатамъ, такъ какъ мои деньги, некотировавшіяся на Берлинской биржѣ, не могли быть посылаемы солдатами ихъ семьямъ.

Считаю не лишнимъ отмѣтить, что населеніе проявило настолько довѣрчивое отношеніе къ выпущеннымъ знакамъ, что они въ короткій срокъ поднялись до высокой расцѣнки: за одну мою марку выплачивалось 1 мар. 20 пф. государственныхъ германскихъ денежныхъ знаковъ.

Привожу эти знаки какъ показательные образцы.

Содержаніе чиновъ арміи выражалось слѣдующими нормами:

Рядовой солдатъ получалъ........	11	марокъ въ день
Офицеръ не занимающій должности	18	,, ,, ,,
Младшій офицеръ	24	,, ,, ,,
Ротный командиръ...............	30	,, ,, ,,
Батальонный командиръ	36	,, ,, ,,
Командиръ полка................	42	,, ,, ,,
Командиръ бригады	48	,, ,, ,,
Начальникъ дивизіи	54	,, ,, ,,
Начальникъ Штаба арміи	75	,, ,, ,,
Командующій арміей	100	,, ,, ,,

Полное содержаніе и обмундированіе солдата обходилось около 1000 марокъ въ мѣсяцъ.

Получаемаго жалованія было вполнѣ достаточно, въ особенности принимая во вниманіе, что каждый нижній чинъ и офицеръ получалъ паекъ и обмундированіе, а рыночныя цѣны на предметы первой необходимости были не высоки.

Германскіе добровольцы, показавшіе себя въ Великую Войну достойными носить званіе офицера и солдата оставались такими же, находясь и у меня въ арміи.

Слѣдуетъ помнить, что моя армія, въ составъ которой въ подавляющемъ большинствѣ входили германцы, являлась той каменной стѣной, которая преграждала путь большевикамъ въ Восточную Пруссію. Не будь моей арміи, большевистская орда подступила бы, перешагнувъ черезъ Курляндію, къ границамъ Пруссіи, гдѣ безусловно вела бы какъ разлагающую пропаганду, такъ и не отказалась бы отъ свойственныхъ этой ордѣ натисковъ.

Германскіе солдаты, перенесшіе въ міровую войну больше всѣхъ солдатъ другихъ странъ, не побоялись нести и дальше свой тяжелый крестъ и доказать любовь и преданность своей Родинѣ.

Кромѣ того, служа въ моей арміи, они видѣли, что это единственный путь того противоборственнаго движенія впередъ, который за одно рѣшитъ и судьбу русскаго народа, угнетеннаго большевиками. Помогая Россіи, они помогали и Германіи.

Несмотря на суровую и несправедливую встрѣчу оказанную имъ впослѣдствіи въ своей странѣ, эти добровольцы непосредственно изъ моей арміи отправились въ Верхнюю Силезію, гдѣ въ то время вспыхнуло возстаніе Корфанти. И тамъ они храбро и неподражаемо дрались — родина ихъ не поддержала.

Такимъ образомъ, имѣя у себя этихъ добровольцевъ, я опирался на желѣзную силу и организацію, привыкшую выполнять прямо и открыто поставленныя задачи. У германскихъ офицеровъ и солдатъ, бывшихъ въ моей арміи, «балтикумеровъ» есть сознаніе, что во первыхъ они свято исполнили свой долгъ по отношенію къ своей родинѣ и дружественной Россіи, а во вторыхъ — что нелицемѣрная и правосудная исторія отдастъ имъ должное.

Ихъ товарищи по оружію — русскіе, были не менѣе достойными борцами за свою родину — Россію, такъ и за возстановленіе утерянной дружбы между обоими народами.

Трудовъ и тягостей они пренесли также не мало, борясь за союзниковъ, годами томясь по различнымъ лагерямъ, изможденные тѣломъ и духомъ, они однако сохранили любовь къ Родинѣ и въ арміи являлись образцомъ старыхъ испытанныхъ воиновъ. Конечно, былъ въ арміи и элементъ неустойчивый, но такихъ была въ сущности ничтожная горсть. Они вскорѣ бѣжали изъ арміи въ глубокій тылъ. гдѣ напоминали своимъ видомъ и разговорами тѣхъ дезертировъ съ фронта, которые и въ Великую Войну шатались позади боевыхъ линій. На вопросъ — кто онъ и что онъ, — такіе бродяги отвѣчали съ паническомъ видомъ, что «полкъ разбитъ наголову и что онъ единственный остался въ живыхъ», какъ напримѣръ подполковникъ Тихановскій.

Эти бѣглецы охотно выслушивались въ тылу арміи моими недругами, какъ напримѣръ не менѣе «храбрымъ« подполковникомъ Сіяльскимъ (Н-къ Канцеляріи Русской Делегаціи въ Берлинѣ), гдѣ само собой появлялся рядъ инсинуированныхъ слуховъ и клеветы. Врядъ ли стоитъ на этомъ останавливаться.

Пока я стоялъ передъ выходомъ на фронтъ, угрожая Петербургу и Москвѣ, шли и на югѣ удачныя операціи. Союзникамъ это было бѣльмомъ на глазу; рядъ событій вывелъ мою армію изъ колеи осуществляемыхъ задачъ, и на югѣ наступательныя дѣйствія генерала Деникина пріостановились, а вскорѣ и совершенно южный фронтъ былъ ликвидированъ.

Неучастіе моей арміи въ фактическомъ напорѣ на большевиковъ, при сжиманіи добровольческаго кольца, безусловно отразилось на этой неудачѣ.

Западная армія въ цѣломъ представляла изъ себя грозную силу, которая при удачно сложившихся обстоятельствахъ, могла бы нанести рѣшающій ударъ большевикамъ. Нужно пожалѣть, что Антанта такъ безразсудно помѣшала этой силѣ выйти на большевистскій фронтъ, ибо, при обстановкѣ того времени, выступленіе моей арміи сыграло бы рѣшающее значеніе.

Соціалистическая печать немало нападала на балтійскія войска. Ихъ разсматривали, какъ авантюристовъ, контръ-революціонеровъ, сторонниковъ стараго порядка и. т. д., въ то время, какъ эти честные и храбрые германскіе солдаты были далеки и отъ авантюризма и отъ политики.

Большая часть балтійскихъ солдатъ состояла изъ изгнанниковъ, жертвъ минувшей войны. Здѣсь были нѣмцы колонисты изъ Россіи, Эльзасцы, Лотарингцы, богемскіе и венгерскіе нѣмцы и, наконецъ, прибалтійцы.

Побѣдители въ міровой войнѣ и ихъ прихлебатели, перекроившіе карту Европы, лишили этихъ людей родины, превративъ ихъ въ бѣженцевъ. Германія, подъ тяжестью Версальскаго мира, не могла дать имъ того, что они заслужили и вотъ, съ оружіемъ въ рукахъ, они вынуждены были добывать себѣ новое отечество. Здѣсь сошлись и безусые юнцы и бородачи.

За освобожденіе отъ большевиковъ правительство Ульманиса обѣщало солдатамъ нѣмцамъ землю; но Латвія была освобождена, правительство же Ульманиса, какъ я уже писалъ, отказалось выполнить данныя обѣщанія. Понятно негодованіе солдатъ и ихъ нежеланіе уходить изъ Прибалтики, гдѣ каждый изъ нихъ заслужилъ право на землю. Шумъ, поднятый Латышскимъ правительствомъ и интриги Антанты, вынудившія Германское правительство вмѣшаться въ это дѣло и отозвать прибалтійскія войска въ Германію вызвали недовольство и противъ Германскаго правительства.

Мысль о поселеніи въ Прибалтикѣ или въ Россіи была такъ сильна, что германцы не хотѣли и думать объ уходѣ и, будучи далеки отъ политическихъ интригъ, они не понимали и не находили объясненій для предъявленныхъ къ нимъ треванiямъ.

Среди добровольцевъ были и тѣ, которые были недовольны положеніемъ своей родины послѣ Версальскаго мира и ждали помощи отъ русскихъ патріотовъ. Они вѣрили, какъ и мы, что появленіе свободной отъ большевизма Россіи вызоветъ пересмотръ Версальскаго договора. Послѣдніе были представителями германскихъ патріотовъ; идя вмѣстѣ съ нами за освобожденіе Россіи, они были убѣждены, что идутъ за великую и свободную Германію.

Пока шло формированіе корпуса — штабъ разрабатывалъ планы будущихъ операцій противъ большевиковъ на Двинскомъ фронтѣ, одновременно ведя переговоры съ латышами и литовцами объ обезпеченіи тыла арміи. Какъ мною упоминалось выше, уже съ начала августа латыши стали проявлять свою враждебность къ русскимъ и германскимъ войскамъ, усилившуюся особенно послѣ демонстраціи, устроенной германскими добровольцами въ ночь съ 24 на 25 августа.

Латышское правительство начало готовиться къ нападенію на русскія и германскія войска, для чего спѣшно перебрасывало свои части съ Двинскаго фронта на внутренній Олайскій. Здѣсь къ началу операцій были сосредоточены: 3-я пѣхотная дивизія полковника Сукуръ (въ періодѣ формированія) и части 2-ой стрѣлковой дивизіи полковника Земитана — всего 4—5 пѣхотныхъ полка, нѣсколько батарей, 2 эскадрона, 2 бронированныхъ автомобиля, 2 броневыхъ поѣзда и другія мелкія части — въ общей сложности до 5-ти тысячъ человѣкъ. (см. карту № 1).

Кромѣ указанныхъ — продолжалась переброска другихъ и формированіе новыхъ частей. Такъ на Рижскомъ побережьѣ были сосредоточены всѣ латышскія комендантуры съ командами изъ областей, занятыхъ русскими и германскими добровольцами, а по всей Курляндіи бродили по лѣсамъ отдѣльныя, большевистски настроенныя латышскія банды.

Въ раіонѣ Либавы и Виндавы подъ покровительствомъ Антанты формировались значительные отряды, назначеніе которыхъ была борьба съ Западной арміей. Изъ Либавы было послано 80 человѣкъ, переодѣтыхъ въ штатское платье для производства покушеній на старшихъ начальниковъ и въ это время ко мнѣ въ квартиру была брошена бомба, которая однако не взорвалась.

Находясь въ такой враждебной обстановкѣ, я, чтобы не быть захваченнымъ врасплохъ, послѣ ухода германскихъ добровольцевъ, 23-го сентября отдалъ приказъ русскимъ войскамъ занять укрѣпленную позицію у Олая. Въ этомъ приказѣ я говорилъ, что «эстонцы и латыши, боровшіеся до сего времени противъ большевиковъ, нынѣ вступили съ ними въ мирные переговоры. Есть основаніе предполагать, что они, примирившись съ большевиками могутъ обратить свое оружіе противъ насъ, путемъ неожиданнаго нападенія. На это указываютъ факты оставленія ими большевистскаго фронта и сосредоточенія своихъ силъ въ Рижскомъ раіонѣ для похода на Митаву. Желая обезопасить положеніе всѣхъ чиновъ арміи и обезпечить дальнѣйшее спокойное формированіе въ раіонѣ Митавы, я, не имѣя ввиду вмѣшиваться во внутреннія дѣла Латвіи, принужденъ однако, принять оборонительное положеніе.»

Въ первыхъ числахъ октября латыши стали проявлять большое оживленіе на фронтѣ. Ихъ развѣдчики каждый день появлялись передъ нашими окопами, переходя демаркаціонную линію и открывая огонь по нашимъ постамъ. Уже 4-го октября я долженъ былъ приказомъ предупредить войска, что возможность нападенія на насъ латышей и эстонцевъ все болѣе подтверждается, отмѣчая обстрѣливаніе нашихъ постовъ и приказывая быть въ боевой готовности.

Необходимо отмѣтить, что эти нападенія начали повторяться ежедневно и что, кромѣ того, различныя банды постоянно тревожили тылъ моей арміи.

Въ виду всего этого я обратился 7-го октября къ Латышскому правительству съ требованіемъ принять срочныя мѣры для обезпеченія моего тыла, ибо часть моей арміи уходила на большевистскій фронтъ. Въ отвѣтъ на это мое требованіе ,латыши на слѣдующій день утромъ перешли въ наступленіе и сбили мои передовыя части, но подоспѣвшими резервами положеніе было возстановлено. Въ тотъ же день мною былъ отданъ приказъ немедленно перейти въ контръ-наступленіе, отбросить противника за рѣку Двину и, такимъ образомъ, обезопасить свой тылъ.

Въ упорныхъ бояхъ 8-го и 9-го октября войска Западной Арміи очищаютъ правый берегъ рѣки Двины отъ латышей и я 10-го октября снова обратился къ правительству Латвіи, предлагая перемиріе и не предпринимая болѣе никакихъ активныхъ дѣйствій въ ожиданіи отвѣта. Захваченные документы и опросъ плѣнныхъ подтвердили, что латышская армія дѣятельно готовилась къ нападенію на русскія и германскія войска и столкновенія съ нашими передовыми частями имѣли цѣлью установить группировку нашихъ силъ. Отправленное мною ультимативное требованіе гарантій по обезпеченію тыла послужило поводомъ для генерала Симансона отдать приказъ о нападеніи уже 8-го октября.

По занятіи Торенсберга (предмѣстье Риги) я имѣлъ опредѣленныя свѣдѣнія, что военная миссія союзниковъ вмѣстѣ съ Латышскимъ правительствомъ склонны были капитулировать, если бы наступленіе продолжало бы развиваться.

На военномъ совѣщаніи въ Митавѣ по этому поводу я вполнѣ опредѣленно высказался за продолженіе наступленія и за занятіе гор. Риги. Я предполагалъ, по занятіи Риги, образовать новое правительство, которое должно было итти рука объ руку съ русскимъ національнымъ движеніемъ и тѣмъ самымъ вполнѣ обезпечить тылъ Западной арміи. При правительствѣ же Ульманиса совмѣстная работа не являлась возможной и въ немъ мы видѣли противника всѣхъ нашихъ начинаній. Это правительство недалеко ушло по своимъ воззрѣніямъ отъ большевиковъ и разница была лишь въ ихъ окраскѣ. Латышскія войска, которыя сражались противъ моихъ добровольцевъ были въ большинствѣ составлены изъ тѣхъ солдатъ и офицеровъ, которые лишь недавно вернулись изъ Россіи, гдѣ ими была выполнена та каинова работа, которая надолго останется въ памяти каждаго русскаго человѣка.

И вотъ это то большевиствующее правительство и его разбойничьи войска поддерживали англичане. Я понималъ, что надо итти безъ остановки дальше и не останавливаться передъ разгромомъ этихъ скороспѣлыхъ республикъ, которыя, будучи поддержанны «союзниками», сдѣлались нашими злѣйшими врагами и мѣшали намъ развернуть свою дѣятельность въ необходимыхъ размѣрахъ.

Мой взглядъ не былъ поддержанъ Совѣщаніемъ. Члены совѣщанія единогласно высказались, что фактъ занятія Риги будетъ истолкованъ латышами и другими народностями Прибалтійскаго Края, какъ угроза ихъ политическому состоянію и, тѣмъ самымъ, вредно отразится на ходѣ мирныхъ переговоровъ. Обратно заключеніе перемирія до занятія Риги, какъ предлагали участники а совѣщанія, должно было убѣдить всѣхъ, что наше контръ-наступленіе было направлено исключительно для обезпеченія тыла и чуждо завоевательныхъ тенденцій. На совѣщаніи мнѣ также возразили, что Ригу будетъ трудно удержать. Я отвѣтилъ, что, не взявши Риги, я не смогу удержать и Торенсберга.

Я уступилъ — и это была самая крупная ошибка. Я принимаю отвѣтственность за нее на себя, ибо я долженъ былъ настоять на взятіи Риги; надо было нанести латышамъ рѣшительный ударъ, не останавливаясь на полпути и заставить ихъ подчиниться требованіямъ русской національной политики. Этого сдѣлано не было и скоро пришлось вспомнить истину, высказанную Суворовымъ: «недорубленный лѣсъ скоро отростаетъ».

Затишье на фронтѣ съ 10-го по 15-ое октября было использовано противни-

комъ для приведенія своихъ войскъ въ порядокъ, въ которомъ они очень нуждались послѣ боевъ съ нами. Затѣмъ латыши, предполагая въ нашей пассивности нашу слабость, пытаются переправиться ниже Риги на лѣвый берегъ Двины, однако первыя попытки потерпѣли полную неудачу и только благодаря содѣйствію огня союзнической судовой артиллеріи имъ удается къ 20-му октября закрѣпиться въ Усть-Двинскѣ и Больдера. Дальнѣйшія операціи противника были направлены къ расширенію плацдарма вдоль взморья подъ прикрытіемъ огня той же союзнической эскадры.

Когда я убѣдился, что переговоры съ литовцами и латышами не приводятъ ни къ чему а, напротивъ, латыши проявляютъ уже крайнюю непримиримость, я рѣшилъ снова прибѣгнуть къ оружію и арміи были поставлены слѣдующія задачи:

а) удержаніе линіи рѣки Западная Двина — Фридрихштадтъ—Торенсбергъ;

б) обезпеченіе желѣзно-дорожной линіи Пошеруны—Митава со стороны литовцевъ;

в) занятіе участка на большевистскомъ фронтѣ въ раіонѣ Якобштадта;

г) занятіе тыловой области Курляндіи.

Во исполненіе приведенныхъ выше задачъ было приказано:

1) Нѣмецкому легіону и Желѣзной дивизіи оставаться на своихъ мѣстахъ, отбивая, попытки противника перейти рѣку Двину.

2) Корпусу имени графа Келлера выслать на большевистскій фронтъ отрядъ въ составѣ одного батальона пѣхоты, одной батареи, отдѣльной пулеметной команды Крафта и минометнаго взвода. Остальнымъ частямъ очистить отъ латышей Тальсенскій и Гольдингенскій округа.

3) Отряду полковника Выргола̀ча съ германскими добровольцами, расположенными въ раіонѣ Шавли, занять станцію Радзивилишки и охранять желѣзную дорогу Шавли—Митава.

4) Отряду Плеве предоставляется полная свобода дѣйствій въ отношеніи Либавы.

Къ 1-му ноября армія заняла слѣдующее положеніе:

Нѣмецкій легіонъ и Желѣзная дивизія занимали линію рѣки Зап. Двина, ликвидируя всѣ попытки противника переправиться на нашъ берегъ у острова Далена.

Части корпуса имени графа Келлера, дѣйствовавшія въ приморскомъ направленіи, подъ давленіемъ противника отошли за рѣку Аа Курляндскую и заняли позицію по линіи этой рѣки. Попытки противника переправиться черезъ рѣку Аа успѣха не имѣли.

Отрядъ полковника Адамовича, высланный на большевистскій фронтъ въ Якобштадскомъ направленіи, выбилъ латышей изъ ст. Даудзевасъ, такъ какъ послѣдніе не хотѣли пропускать отряда.

2-ой Пластунскій полкъ, усиленный однимъ германскимъ батальономъ и 2-мя орудіями занялъ Тальсенъ и очистилъ Тальсенскій уѣздъ отъ латышскихъ бандъ.

Отрядъ Выргол̀ича съ приданными ему германскими частями занялъ Радзивилишки, обезпечивъ, такимъ образомъ, линію желѣзной дороги Пошеруны—Митава. Литовцы сохраняли выжидательное положеніе.

Отрядъ Плеве готовился къ занятію Либавы.

Въ дальнѣйшемъ операціи арміи были направлены къ очищенію приморской полосы Курляндіи, для чего частямъ корпуса имени графа Келлера была поставлена задача занять къ 11-му ноября гор. Виндаву, а отряду Плеве крѣпость Либаву, куда онъ и отправился. Прикрываясь огнемъ судовой артиллеріи, латышскія банды отбивались отъ наступающаго отряда храбраго гауптмана Плеве, который вскорѣ ворвался въ крѣпость. Здѣсь онъ былъ встрѣченъ — англійскими штыками. Изъ этого ясно видно, что «союзники», не давая для борьбы съ большевиками ни одного своего солдата — въ борьбѣ за свои интересы (созданіе балтійскихъ республикъ) не задумываясь высылали ихъ въ бой.

Противникъ, пользуясь нашей пассивностью на Рижскомъ фронтѣ, къ 10-му ноября сосредоточилъ значительныя силы на лѣвомъ берегу Двины въ раіонѣ Букультъ—Беббербекъ—Стрейле. По имѣвшимся свѣдѣніямъ здѣсь были собраны 6, 7, 8 и 9 пѣхотные полки при 2-хъ броневикахъ и 2-хъ аэропланахъ. Прикрываясь огнемъ судовой артиллеріи и рѣкою Аа — латыши стали постепенно нажимать на лѣвый флангъ «Желѣзной дивизіи», какъ разъ въ стыкѣ частей корпуса имени графа Келлера и «Желѣзной дивизіи». Огонь судовой артиллеріи изъ устья рѣки Двины не давалъ возможности ликвидировать надвигавшуюся опасность лѣвому флангу. «Союзники» методически обстрѣливали наши позиціи у Торенсберга, причиняя значительныя потери и мы ничего не могли подѣлать, такъ какъ наша, даже тяжелая артиллерія, не въ состояніи была состязаться съ судовой. Въ виду этого я, чтобы дать арміи болѣе сосредоточенное расположеніе, необходимое мнѣ для перехода въ наступленіе на Рижскомъ фронтѣ, 11-го ноября отдалъ приказъ: «Частямъ арміи оставить Торенсбергъ и сосредоточиться въ раіонѣ Митавы, имѣя впереди себя крѣпко занятую передовую позицію Бурновилъ—Кругъ—Олай—Бирзоль—Бракеръ.

Для этого армія должна была занять слѣдующее положеніе:

а) Корпусу имени графа Келлера занять раіонъ Шлокъ—Туккумъ—Рудулъ. Сюда должны были быть подтянуты: батальонъ Люткенгаузена — рѣдкой, храбрости и энергіи офицера, находившагося подъ Виндавой и отрядъ полковника Адамовича, бывшій въ это время въ Митавѣ; 2-ой Пластунскій полкъ съ приданными ему частями былъ оставленъ въ Тальсенѣ. На корпусъ была возложена задача удерживать участокъ по рѣкѣ Аа отъ Шлока до Рудулъ (стыкъ съ «Желѣзной дивизіей).

б) «Желѣзной дивизіи» сосредоточиться въ раіонѣ Плаканенъ—Олай—Грюнгофъ—Паульсгнаде—Бранденбургъ. Задача — удерживать направленіе Рига—Митава, занявъ укрѣпленную позицію Плаканенъ—Олай—Крукъ (ту позицію, которую армія занимала передъ контръ-наступленіемъ).

в) Нѣмецкому легіону, безъ группы Брандеса, сосредоточиться въ раіонѣ Нейгутъ—Баллодъ—Гроссъ Эккау—Баускъ. По сосредоточеніи быть готовыми, въ случай наступленія противника на Митаву, — атаковать его лѣвый флангъ.

Группѣ Брандеса, оставаясь въ подчиненіи командиру Нѣмецкаго легіона, удерживать направленіе Шадовъ—Радзивилишки и принять на себя охрану желѣзной дороги Мелкучины—Таурогенъ.

г) Отряду Выргголича сосредоточиться въ раіонѣ станцій Тауэркаль—

Смотръ 426 Авіаціоннаго Отряда.

426 Авіаціонный Отрядъ на строевыхъ занятіяхъ.

Аэропланы 426 Авіаціоннаго Отряда.

Карта 34

Командиръ поруч. Эрленбахъ и солдаты 1-ой батареи 1-го Курляндскаго арт. полка Желѣзной Дивизіи, послѣ возвращенія изъ Курляндіи.

Командиръ 426 Авіаціоннаго Отряда пор. Вейншенкъ, подпор. ф. Остеротъ, подпор. Кроллъ, подпор. Аримандъ.

Шмиде—Барберы—Шенбергъ. Задача — прикрывать Фридрихштадское направленіе.

д) Отряду Плеве, оставаясь въ занимаемомъ раіонѣ, прикрыть тылъ арміи, имѣя гарнизоны въ Полангенъ, Гольдингенъ, Митме, Шкуде, Прекульнъ, Гробинъ, Газенпотъ и въ раіонѣ непосредственно восточнѣе Виндавы.

Сосредоточеніе закончить не позднѣе 15-го ноября.

Къ этому отходу, помимо причинъ изложенныхъ въ офиціальной версіи, вынуждало меня закрытіе германской границы, наблюденіе за которой было чрезвычайно сторогое, благодаря пребыванію въ Тильзитѣ комиссіи генерала Нисселя, явившейся туда съ цѣлью ускоренія эвакуаціи Прибалтійскаго Края германскими и русскими войсками[1].

Конфликтъ съ Антантой, уничтоженіе батальона 1-го Пластунскаго полка судовой артиллеріей «союзниковъ», закрытіе границы — все это сильно отражалось на моральномъ и матеріальномъ состояніи войскъ. Офицеры и солдаты переставали вѣрить въ успѣхъ дѣла и господствовало убѣжденіе, что Антанта заставитъ покинуть Курляндію. Выпущенные временные денежные знаки съ отходомъ арміи падали въ цѣнѣ, неохотно принимались населеніемъ, что создавало настроеніе благопріятное для миссіи генерала Эбергардта. Германскіе солдаты стали болѣе сговорчивыми въ вопросѣ о возвращеніи на родину.

При сложившихся обстоятельствахъ переходъ въ наступленіе уже становился невозможнымъ. Имѣя численное превосходство надъ противникомъ, вооруженные съ ногъ до головы — мы могли бы безъ труда справиться съ латышами и литовцами, но не было патроновъ[2] и грозная еще сила, медленно стала по моему приказу отходить къ германской границѣ.

Латышскія части не рѣшались преслѣдовать арміи и лишь шли за нею по пятамъ, производя иногда мелкіе уколы.

27-го ноября я обратился къ чинамъ арміи со слѣдующимъ приказомъ (№ 83).

«В о й с к а м о е й с л а в н о й а р м і и. За послѣдній мѣсяцъ борьбы за выходъ на большевистскій фронтъ съ цѣлью обезпечить себѣ спокойную, планомѣрную боевую работу, дабы никто не угрожалъ бы Вамъ съ фланговъ и тыла, я находился въ такихъ тяжелыхъ условіяхъ, что сердце мое обливалось кровью. Намъ упорно не разрѣшали дѣлать наше святое дѣло — итти на помощь нашимъ матерямъ и отцамъ, гибнущимъ отъ руки палачей большевиковъ, при молчаливомъ согласіи нашихъ бывшихъ союзниковъ. Когда же мы выполнили задачу по обезпеченію

[1] Генералъ Ниссель помимо меня прислалъ телеграмму на имя старшихъ начальниковъ Западной Арміи, въ которой просилъ ихъ пріѣхать въ Тильзитъ. Получивъ свѣдѣнія, что «союзническая» комиссія имѣетъ намѣреніе прибыть въ Митаву, но не рѣшается этого сдѣлать, я, запретивъ старшимъ начальникамъ принять предложеніе Нисселя, пригласилъ въ свою очередь телеграммой комиссію въ Митаву, гарантировавъ ей полную безопасность. Однако храбрые «союзники» предпочли всетаки не поѣхать.

[2] Закрытіе границы французами и арестъ по ихъ распоряженію литовцами вагоновъ съ боевыми припасами и теплой одеждой, явилось главною причиною того, что заставило меня согласиться на отходъ въ Германію. При арестѣ вагоновъ былъ раненъ штыкомъ въ грудь штабсъ-ротмистръ Теерманъ, который былъ посланъ мною на границу для пріемки всего военнаго имущества. У меня оставалось къ этому моменту около 5-ти милліоновъ патроновъ, то есть не болѣе 100 патроновъ на человѣка. Ясно, что съ такимъ запасомъ мнѣ ничего нельзя было предпринять, а тѣмъ болѣе прорываться на большевистскій фронтъ.

тыла и фланговъ — суда Англіи и Франціи открыли огонь и уничтожили у Больдераа полъ батальона 1-го Пластунскаго полка и у Торенсберга много доблестныхъ героевъ солдатъ, бывшей германской арміи, идущихъ вмѣстѣ съ нами для спасенія нашей Родины. Не желая давать возможности купаться въ крови солдатъ моей арміи, я приказалъ моимъ войскамъ отойти на линію Олая, которую суда «союзниковъ» обстрѣливать не могли. На это «союзники отвѣтили запрещеніемъ подвоза, имѣющагося у меня за границей запаса теплыхъ вещей, обмундированія и продовольствія, благодаря чему Вы мерзли и часто голодали. Кромѣ того «союзники» снабдили эстонцевъ и латышей вооруженіемъ включительно до танковъ.

Присланные ими для генерала Юденича танки оказались негодными, тогда какъ данные латышамъ немедленно вступили въ бой и въ послѣднемъ бою наша доблестная артиллерія уничтожила одинъ изъ этихъ танковъ. Не взирая на эту помощь, Вы должны знать, что латышскія банды на 65% уничтожены. Вамъ также какъ и мнѣ, должна быть ясна цѣль Англіи расчленить Россію для личныхъ коммерческихъ и военныхъ выгодъ. Англія для того, чтобы своимъ капиталомъ завладѣть всѣмъ міромъ — должна уничтожить двухъ сильныхъ противниковъ — Россію и Германію. Ей можетъ это удастся, если Вы недостаточно проникнетесь чувствомъ долга и любви къ Родинѣ.

Вы должны забыть свои личныя дѣла и стать мощною стѣною передъ злѣйшимъ врагомъ нашей Родины. При Вашей честной работѣ и поддержкѣ я сумѣю сдѣлать все, что необходимо для спасенія несчастной Россіи.

Кровью пролитой арміей, именемъ чести и благородства всѣхъ бойцовъ нашихъ добровольческихъ армій и всѣмъ святымъ каждаго въ отдѣльности человѣка — призываю Васъ къ вѣрѣ въ Бога, къ тѣсному единенію, безропотному служенію высокой идеѣ освобожденія Родины. Да благословитъ Васъ Господь Богъ.»

16-го ноября, дабы обезпечить безпрепятственный отходъ войскъ къ германской границѣ, Желѣзной дивизіи занимавшей позиціи непосредственно у Митавы, приказано было перейти въ короткое наступленіе съ цѣлью разсѣять скопившіяся тамъ латышскія войска. Наступленіе началось въ 7 часовъ утра и было настолько стремительно и неожиданно для латышей, что послѣдніе, послѣ слабаго сопротивленія обратились въ паническое бѣгство. Эскадрилья нашихъ аэроплановъ безпощадно разстрѣливала ихъ части, сосредоточенныя на шоссе Митава—Рига. Этотъ короткій ударъ навелъ на латышей такой страхъ, что они, послѣ моего отхода изъ Митавы, только на слѣдующій день рискнули занять городъ.

Они потеряли во время этого моего наступленія болѣе 500 убитыхъ и 1000 раненыхъ, бросивъ ихъ вмѣстѣ съ батареей и пулеметами на мѣстѣ своего расположенія. Мои наступающія части прошли около 20 верстъ, не встрѣчая никакого сопротивленія и, согласно приказу, ночью возвратились въ исходное положеніе.

Въ ночь съ 21 на 22 ноября нами была оставлена Митава. Армія начала отходъ на линію Шавли—Муравьево. Германскія части стягивались къ Шавлямъ, русскія къ Муравьево.

Передъ отходомъ перваго эшелона генералъ Эбергардтъ прислалъ ко мнѣ своего офицера съ извѣщеніемъ, что къ моимъ услугамъ предоставленъ салонъ-вагонъ. Поблагодаривъ я отказался, такъ какъ салонъ-вагонъ былъ въ составѣ перваго отходящаго поѣзда, а я рѣшилъ слѣдовать съ моими солдатами. Съ послѣднимъ поѣздомъ я выѣхалъ въ направленіи на Шавли.

У ст. Мишкуци (передъ Шавлями) поѣздъ былъ жестоко обстрѣлянъ ружейнымъ и артиллерійскимъ огнемъ литовцевъ. Пришлось остановиться и отогнать

ихъ. Лейтенантъ Дамъ, разсыпавъ въ цѣпь находящихся въ поѣздѣ солдатъ, съ тросточкой въ рукѣ, повелъ ихъ впередъ и обратилъ литовскія войска въ бѣгство. Въ поѣздѣ однако было много убитыхъ и раненыхъ.

Съ предыдущимъ поѣздомъ уже за ст. Шавли, литовцы поступили также — было много раненыхъ — женщинъ, дѣтей и стариковъ, общимъ числомъ до 150 человѣкъ.

Такъ поступили литовцы. Впослѣдствіи я узналъ, что это было сдѣлано не безъ благословенія генерала Нисселя, который хотѣлъ поставить мои войска въ тяжелое положеніе и деморализовать ихъ.

Въ Шавляхъ я приказалъ направить мой поѣздъ въ Муравьево. По дорогѣ туда повторилось нападеніе на поѣздъ со стороны литовскихъ войскъ. Высадивъ офицерскую роту, я повелъ ее въ наступленіе на литовцевъ и отогналъ ихъ, послѣ чего поѣздъ тронулся дальше. Въ Муравьево я приступилъ къ эшелонированію поѣздовъ. Здѣсь простудившись, я принужденъ былъ слечь.

1-го декабря утромъ ко мнѣ явилась делегація въ составѣ старшихъ чиновъ Арміи и поднесла мнѣ отъ имени всей Арміи постановленіе, въ которомъ Армія просила меня принять чинъ генералъ-маіора. Передавая адресъ делегація передала мнѣ погоны 1-ой Конной батареи.

На этотъ разъ мотивомъ было — послѣднее желаніе моей Арміи подчеркнуть передъ «союзниками» глубокое единеніе со мной. Я не счелъ возможнымъ отклонить это предложеніе и принялъ его. Привожу отданный мною по этому поводу приказъ:

Приказъ
по
Западной добровольческой арміи
1-го декабря 1919 года № 89 Дѣйствующая Армія.
по отдѣлу дежурнаго генерала

§ 1

Командующимъ Западнымъ Добровольческимъ имени графа Келлеръ Корпусомъ Гвардіи Полковникомъ Потоцкимъ и Начальникомъ Штаба Арміи полковникомъ Чайковскимъ отъ имени чиновъ командуемой мною Арміей представлено мнѣ слѣдующее ходатайство:

«Уже неоднократно чины ввѣренной Вамъ Арміи обращались къ Вамъ съ ходатайствомъ о принятіи Вами чина генералъ маіора. Изъ чувства скромности Вы всѣ эти многочисленныя просьбы отклоняли и продолжали оставаться тѣмъ же полковникомъ въ какомъ чинѣ Вы начали формировать Отрядъ имени графа Келлеръ.

Въ настоящую трудную минуту, когда ввѣренная Вамъ Армія находится въ переходномъ состояніи и когда въ ней остаются люди безгранично вѣрящіе и преданные Вамъ, готовые итти за Вами туда, куда Вы ихъ поведете, Армія въ лицѣ ея высшихъ чиновъ вновь обращается къ Вамъ съ усердною просьбою принять и носить погоны генералъ маіора.

Удовлетвореніе Вашимъ Сіятельствомъ общаго искренняго желанія всей Арміи видѣть Васъ генералъ маіоромъ являлось бы только заслуженной Вами наградой за выдающееся веденіе и личное руководство въ крайне тяжелой обстановкѣ при отсутствіи необходимыхъ къ тому средствъ боевыми операціями въ теченіе послѣднихъ двухъ мѣсяцевъ, когда Вы раздѣляли нерѣдко при выѣздѣ на передовыя позиціи опасность, выпадающую на долю рядового бойца, за Вашу постоянную и неослабную заботу о всѣхъ чинахъ Арміи, начиная съ солдата и кончая высшимъ чиномъ, за Вашу неутомимую дѣятельность по формированію Арміи и доведенію ея до настоящей мощи.

Поэтому мы льстимъ себя надеждой, что Ваше Сіятельство, вопреки своей природной скром-

ности не откажете исполнить нашу просьбу и мы будемъ имѣть счастье видѣть во главѣ нашей Арміи генералъ маіора князя Авалова.»

Въ удовлетвореніе вышеизложеннаго ходатайства я съ глубокой благодарностью принимаю на себя высокое званіе генералъ маіора.

Отъ своего лица приношу всѣмъ чинамъ дорогой моему сердцу Арміи мой искренній привѣтъ и пожеланіе всего лучшаго. Я глубоко убѣжденъ, что то высокое довѣріе, которое мнѣ оказано чинами Арміи, я въ состояніи буду оправдать на дѣлѣ. Въ тотъ тягостный и переходный моментъ, который намъ приходится всѣмъ переживать, единеніе и единодушное желаніе арміи является залогомъ нашего успѣха. Наше дальнѣйшее существованіе имѣетъ, какъ вы всѣ это хорошо знаете, большое значеніе, такъ какъ борьба противъ нашего общаго врага — большевизма только началась. Намъ надо напречь всѣ наши силы и способности, дабы сломить всѣ преграды и препятствія и побѣдоносно двинуться вглубь Россіи. Я глубоко увѣренъ, что наши попытки увѣнчаются успѣхомъ и что мы всѣ въ скоромъ времени въ состояніи будемъ въ нашихъ дорогихъ весяхъ и деревняхъ приняться за нашу обычную работу по возсозданію могучей Россіи.

Привѣтъ Вамъ борцы за единеніе Россіи. Еще разъ спасибо за высокое отличіе и мой низкій поклонъ всѣмъ чинамъ моей доблестной Арміи.

Командующій Арміей генералъ-маіоръ
князь Аваловъ.

Въ Муравьевѣ мнѣ пришлось натолкнуться и на французовъ. Войска мои продолжали отходить. Мнѣ доложили, что поѣздъ, въ которомъ я долженъ былъ ѣхать — готовъ.

На вокзалѣ, куда я прибылъ, меня встрѣтило огромное количество людей. На платформѣ бытъ построенъ почетный караулъ отъ всѣхъ частей войскъ, который и встрѣтилъ меня. Направляясь къ моимъ войскамъ, я по дорогѣ встрѣтилъ французскихъ офицеровъ, которые, отдавая привѣтствіе, угрюмо кидали взгляды на меня изъ подъ рукъ, поднесенныхъ къ фуражкѣ. Я угадывалъ ихъ любопытство, прикрытое явнымъ недружелюбіемъ.

Поздоровавшись съ карауломъ, я обратился къ нему съ соотвѣтствующей рѣчью, въ которой охарактеризовалъ дѣйствія «союзниковъ» и еще разъ подчеркнулъ нерушимость начатаго мною дѣла единенія Россіи и Германіи.

Моя рѣчь къ Арміи, вслѣдъ затѣмъ грянувшее ура и то обстоятельство, что солдаты кинулись ко мнѣ, зажженные чувствомъ подъема, съ заготовленными ими заранѣе моими фотографическими карточками съ просьбой сдѣлать имъ надписи, конечно произвели впечатлѣніе на «союзниковъ». Они убѣдились съ съ достаточной яркостью въ истинномъ настроеніи моей Арміи. При громкихъ крикахъ ура мой поѣздъ отбылъ на Шавли.

Въ 20 верстахъ отъ Шавли меня встрѣтилъ генеральнаго штаба гауптманъ Финтельманъ и лейтенантъ Книримъ, пріѣхавшіе на паровозѣ. Они передали мнѣ фрукты, вино и пр. и просили меня не останавливаться въ Шавляхъ, объяснивъ это тѣмъ, что никого изъ старшихъ военныхъ начальниковъ тамъ нѣтъ; просили — проѣхать мимо, прямо на Тильзитъ. Я понялъ ихъ просьбу, угадавъ между словъ опасеніе: дѣло въ томъ, что скопившіеся на вокзалѣ въ Шавляхъ офицеры и солдаты мои были такъ настроенны, что присутствовавшей тамъ междусоюзной комиссіи Нисселя угрожала опасность. Я не ошибся, такъ какъ, проѣзжая замедленнымъ ходомъ черезъ Шавли, я видѣлъ массу флаговъ, оркестръ игралъ національный русскій и германскій гимны и солдаты кричали ура.

Карта 35

Латышскій броневой автомобиль, взятый съ боя ручными гранатами восьмью солдатами храбраго Егерскаго батальона Желѣзной Дивизіи. Офицеры и прислуга были взяты въ плѣнъ.

Князь Аваловъ и священники послѣ богослуженія на храмовомъ праздникѣ оружейной мастерской Арміи.

Командующій Арміей среди своихъ старыхъ солдатъ.

Отойдя отъ оконъ, я задумался о томъ, какое громадное преступленіе совершили «союзники» въ лицѣ генерала Нисселя противъ моей Родины.

Чувство, испытанное мною тогда, живетъ во мнѣ и теперь.

Съ началомъ отхода арміи и литовцы стали проявлять активность: они пытались сбить русско-германскія части, прикрывавшія Радзивилишки и Шавли, однако безрезультатно. Не рѣшаясь послѣ этого на открытыя нападенія литовцы ограничились обстрѣломъ поѣздовъ, шедшихъ изъ Митавы.

1-го декабря германскіе добровольцы заняли раіонъ Шавли—Пошеруны, русскіе сосредоточились въ раіонѣ станціи Муравьево, отрядъ капитана Плеве отошелъ къ Мемелю. Всѣмъ было уже ясно, что продолжать борьбу невозможно, что эвакуація неизбѣжна.

Къ этому времени командованіе арміи было поставлено въ извѣстность относительно дальнѣйшей участи русскихъ частей; такъ — германскій комиссаръ для Прибалтійскаго Края адмиралъ Гопманъ, членъ военной комиссіи генерала Нисселя, офиціально увѣдомилъ:

«Воинскіе чины русской національности эвакуированные въ Германію могутъ или остаться въ Германіи или быть, впослѣдствіи, черезъ Гамбургъ морскимъ путемъ отправлены къ генералу Деникину.Эта отправка будетъ проведена въ жизнь исключительно за отвѣтственностью Германіи.»

Комиссія союзническихъ державъ по эвакуацій Прибалтійскаго Края офиціально сообщила, что считаетъ необходимымъ поставить въ извѣстность воинскихъ чиновъ русской національности о нижеслѣдующемъ:

1. Державы Согласія готовы оказать свое содѣйствіе тѣмъ, которые желаютъ отправиться въ армію генерала Юденича для борьбы съ большевиками.

2. Всѣмъ остальнымъ воинскимъ чинамъ русской національности надлежитъ быть эвакуированными въ Германію, при чемъ державы Согласія отклоняютъ отъ себя какую-либо отвѣтственность за дальнѣйшую ихъ судьбу.

Имѣя возможность предложить только два эти выхода, комиссія не намѣрена оказывать какого-либо давленія въ пользу того или другого изъ нихъ. Пусть выборъ будетъ сдѣланъ каждымъ свободно, согласно своему убѣжденію.»

Оба эти предложенія были объявлены въ приказѣ по арміи.

Представители союзнической комиссіи въ послѣднихъ числахъ ноября прибыли въ Шавли и Муравьево, дабы имѣть непосредственное наблюденіе за эвакуаціей: при ихъ посредствѣ было заключено перемиріе съ литовцами и латышами на время эвакуаціи арміи, которая должна была закончиться къ 15-му декабря—эвакуація русскихъ къ 5-му и германцевъ къ 15-му декабря.

1-го декабря началась отправка первыхъ русскихъ эшелоновъ въ Германію — въ раіоны Нейссе, Оппельнъ и Альтенграбовъ — мѣста интернированія арміи.

Передъ посадкою въ вагоны военные представители Антанты предлагали отправиться въ армію генерала Юденича. Изъ всей арміи записалось: изъ корпуса имени графа Келлеръ 20 солдатъ и одинъ офицеръ, при чемъ многіе изъ этого числа вмѣстѣ съ офицеромъ подлежали преданію суду за мародерство. Остальные же чины корпуса имени графа Келлеръ даже не пожелали разговаривать съ представителями Антанты. Изъ отряда полковника Выргопича пожелалъ отправиться въ армію ген. Юденича — конный полкъ въ составѣ 300 человѣкъ

подъ командою полковника Маркова. Вообще же армія предпочла отдать свою судьбу въ руки Германіи, съ сынами которой она боролась за общее дѣло.

Въ Германіи мои войска были встрѣчены необыкновенно радушно; на станціяхъ развивались русскіе и нѣмецкіе флаги, играли оркестры, произносились привѣтственыя рѣчи, въ которыхъ подчеркивалась необходимость укрѣпленія той честной связи и дружбы, основу которой мы положили. Офицеры при переходѣ границы получили по 250 мар. солдаты по 150 мар.

Попытка Антанты обезоружить мои войска потерпѣла пораженіе; на требованія членовъ междусоюзной комиссіи, гдѣ особенно ретиво показали себя французы, руководимые генераломъ Нисселемъ, чины Арміи отвѣтили тѣмъ, что выкатили пулеметы, угрожая «союзникамъ» открытіемъ по нимъ огня.

Французы сочли благоразумнымъ оставить въ покоѣ войска «бѣшеннаго Авалова»[1].

Особой теплотой пріема отличался городъ Нейссе, комендантомъ котораго былъ чрезвычайно корректный, благородной души чаловѣкъ — маіоръ Ленерсъ.

По его распоряженію — эшелоны мои встрѣчались съ музыкой при громкихъ крикахъ — ура, офицеровъ и солдатъ ожидало прекрасное помѣщеніе и отличная пища. Надо отмѣтить, что всѣ они имѣли кровати, по двѣ простыни, подушки и одѣяла. Вниманіе къ офицерамъ и солдатамъ, какъ участникамъ общихъ непомѣрныхъ трудовъ, перенесенныхъ въ Прибалтикѣ, гдѣ мы заложили первый камень русско-германскаго союза, было трогательнымъ и сердечнымъ. Мнѣ также было оказано особое вниманіе, какъ представителями города, такъ и прессой.

Помѣщаю двѣ изъ этихъ статей, сохранившихся у меня.

Вотъ первая изъ нихъ напечатанная въ «Neisser Zeitung» отъ 7-го декабря 1919 г.

Прибытіе «Балтійскихъ войскъ» вь городъ Нейссе.

Въ ночь съ 5 на 6 декабря прибыли съ поѣздомъ войска изъ Прибалтики, большей частью русскіе, въ полномъ снаряженіи, всего около 700 человѣкъ. Когда солдаты высадились, русскій военачальникъ, полковникъ Кременецкій выстроилъ ихъ въ двѣ шеренги. На вокзалъ прибылъ нѣмецкій комендантъ лагеря со своими офицерами. Русскія войска взяли «на караулъ». Какъ офицеры, такъ и солдаты русскаго военнаго транспорта производятъ отличное впечатлѣніе, особенно поражаетъ ихъ строго военная дисциплина. Въ 2 часа ночи комендантъ лагеря маіоръ Ленерсъ повелъ войска (пѣхота и кавалерія) подъ музыку въ лагерь «Бреслауеръ Торъ». Въ лагерѣ войска выстроились въ карэ и маіоръ Ленерсъ произнесъ сердечное привѣтствіе. Онъ указалъ на дружную совмѣстную работу русскихъ и нѣмцевъ въ Прибалтикѣ, гдѣ они общими силами сражались противъ коварнаго врага — большевиковъ. Онъ подчеркнуто упомянулъ о несказанныхъ трудностяхъ и лишеніяхъ, которымъ подверглись войска до перехода на германскую территорію, и обнадежилъ ихъ, предвѣщая лучшее будущее. Вслѣдъ за маіоромъ Ленерсъ полковникъ Кременецкій произнесъ рѣчь, въ которой онъ указывалъ на доблесть и мужество нѣмецкихъ солдатъ, и подъ конецъ провозгласилъ ура за коменданта лагеря, дружно подхваченное солдатами. Послѣ этого солдаты были разведены по баракамъ, гдѣ ихъ ждалъ горячій ужинъ. Офицеры же въ сопровожденіи маіора

[1] Во французскихъ газетахъ писалось, что «Аваловъ съ крашенной бородой, красными ногтями какъ у перса вооруженный кривымъ ятаганомъ, въ сопровожденіи конвоя изъ дикихъ горцевъ, носится карьеромъ по улицамъ, звѣроподобно всѣмъ и вся угрожая». До чего доходитъ трусливое воображеніе!

Ленерсъ и его офицеровъ отправились подъ звуки музыки въ отведенное имъ зданіе бывшаго Военнаго училища, гдѣ имъ также былъ приготовленъ горячій ужинъ.

Мы выражаемъ надежду, что судьба еще улыбнется этимъ страдальцамъ, перенесшимъ столько невзгодъ и тяжестей и они въ скоромъ будущемъ смогутъ вернуться на родину и увидѣть своихъ близкихъ.

Вотъ вторая изъ нихъ, напечатанная въ газетѣ: «Neisser Zeitung» отъ 14-го декабря 1919 г.

Князь Аваловъ въ Нейссе.

За послѣдніе дни изданъ рядъ постановленій и инструкцій относительно того, какъ населеніе должно вести себя въ отношеніи русскихъ войскъ. Власти отнюдь не имѣли въ виду вызвать въ населеніи недовѣріе къ иностраннымъ войскамъ, наоборотъ, постановленія были изданы только для того, чтобы обратить вниманіе жителей на законъ карантина, чтобы оградить ихъ отъ денежныхъ убытковъ, ибо правительство не выяснило еще вопросъ о стоимости русскихъ денежныхъ знаковъ и, наконецъ, они обращены къ торговцамъ, призывая ихъ къ экономіи въ смыслѣ продажи съѣстныхъ припасовъ, ибо съ пріѣздомъ русскихъ солдатъ населеніе увеличилось на 1400 человѣкъ, что конечно должно отразиться на продовольственномъ вопросѣ нашего города.

Русскія войска были встрѣчены въ лагерѣ самымъ сердечнымъ образомъ не только по иниціативѣ коменданта лагеря но и по особому желанію правительства, ибо русскія войска князя Авалова успѣшно дрались рука объ руку съ нѣмцами противъ большевиковъ, охраняя такимъ образомъ нашу безъ того многострадальную родину отъ новыхъ бѣдствій и ужасовъ. По непонятнымъ намъ причинамъ Антанта внезапно заставила какъ русскіе такъ и нѣмецкіе отряды прекратить успѣшную борьбу на русской территоріи и отойти на територію Германіи. Здѣсь войска распредѣлены по различнымъ лагерямъ. О дальнѣйшей судьбѣ русскихъ отрядовъ пока ничего неизвѣстно.

Главнокомандующій русскимъ отрядомъ князь Аваловъ избралъ городъ Нейссе временнымъ мѣстожительствомъ; мы гордимся сознаніемъ, что можемъ оказать гостепріимство князю Авалову.

Князь Аваловъ, кавказецъ по происхожденію, обладаетъ выдающимся умомъ и блестящими политическими способностями. Онъ восторженный другъ и поклонникъ нашего отечества. Съ самаго начала войны онъ страдалъ сознаніемъ, что два мощныхъ государства, предназначенныхъ природой итти одной дорогой, были вовлечены въ ужасную войну неумѣлой дипломатіей. Его цѣль — сближеніе обоихъ народовъ въ совмѣстной работѣ для возсозданія ихъ государствъ въ прежнемъ величіи.

Князъ Аваловъ прибылъ въ среду и былъ встрѣченъ въ помѣщеніяхъ стараго Военнаго училища. Въ присутствіи всѣхъ русскихъ и нѣмецкихъ офицеровъ комендантъ лагеря обратился къ нему съ сердечнымъ прочувственнымъ привѣтствіемъ. Въ отвѣтной рѣчи князь Аваловъ заявилъ, что онъ глубоко тронутъ такимъ пріемомъ, что онъ съ нетерпѣніемъ ждетъ того момента, когда возобновятся дружественныя отношенія между сосѣдними государствами, столь нужныя для процвѣтанія обоихъ. Далѣе онъ обратился къ русскимъ офицерамъ, прося ихъ показать себя достойными того пріема, который они нашли въ лагерѣ, гдѣ несмотря на тяжелое положеніе города въ смыслѣ продовольствія, все для нихъ устроено, какъ нельзя лучше. Послѣднія слова князя, глубоко тронувшія всѣхъ присутствующихъ, были обращены къ нѣмецкимъ женщинамъ. Онъ привѣтствовалъ ихъ какъ матерей всѣхъ этихъ достойныхъ германскихъ офицеровъ и солдатъ, а затѣмъ, обратясь къ присутствующимъ сестрамъ милосердія горячо благодарилъ ихъ за всѣ благодѣянія, оказанныя офицерамъ и солдатамъ.

Еще разъ повторяю: мы имѣемъ основаніе гордиться нашимъ благороднымъ гостемъ. Князь Аваловъ желаетъ наилучшаго нашей родинѣ и жители города должны его также привѣтствовать какъ комендантъ лагеря и относиться съ довѣріемъ къ нему и его несчастнымъ соотечественникамъ.

Воспоминаніе объ этихъ дняхъ останется въ моей памяти на всю жизнь. Благородный маіоръ Ленерсъ неизмѣнно заботился о чинахъ моей арміи и послѣ

моего отъѣзда въ Берлинъ, изъ котораго, по настоянію все той же Антанты, я былъ вынужденъ уѣхать въ Гарцъ.

Отмѣчаю здѣсь, что такой человѣкъ, какъ маіоръ Ленерсъ иначе поступить не могъ: вѣдь онъ достойнѣйшій изъ достойныхъ патріотовъ своей родины. Что можетъ быть выше этихъ качествъ.

Разставаясь съ нашими друзьями германцами, я отдалъ слѣдующій приказъ по арміи:

«Командуемая мною армія уходитъ съ Западнаго фронта и должна присоединиться къ арміи генерала Деникина. Разставаясь со своими союзниками и оглядываясь на пройденный путь, считаю своимъ нравственнымъ долгомъ отмѣтить плодотворную и самоотверженную дѣятельность нашихъ честныхъ союзниковъ германцевъ.

Оставивъ свои семьи, германскіе офицеры и солдаты пошли въ чужую страну и соединились съ нами для того, чтобы помочь намъ свергнуть въ Россіи ненавистное иго большевизма врага порядка и организованнаго общества и тѣмъ дать намъ русскимъ возможность возстановить вновь величіе Россіи.

Не довольствуясь этимъ высшіе чины германской службы внесли въ дѣло формированія арміи свои выдающіяся познанія и опытъ, накопленный ими во время міровой войны. Предупредительно и съ полнымъ вниманіемъ относясь ко всѣмъ нашимъ нуждамъ и потребностямъ они по мѣрѣ силъ и возможности стремились къ ихъ удовлетворенію. Благодаря ихъ усиліямъ мы одѣты, сыты и вооружены. И это обстоятельство мы должны высоко цѣнить, такъ какъ мы денежныхъ средствъ не имѣли и ни откуда таковыхъ не получили.

Наконецъ памятны дни, когда войска командуемой мною арміи двинулись на фронтъ, германскія войска своими геройскими дѣйствіями, своимъ мужествомъ и храбростью удивляли насъ старыхъ солдатъ.

Въ минуту прощанья отъ лица всей арміи приношу мою сердечную благодарность начальникамъ всѣхъ отдѣльныхъ германскихъ частей, всѣмъ офицерамъ и младшимъ чинамъ, отъ души желаю имъ всѣмъ всего лучшаго.»

Въ виду ухода арміи изъ предѣловъ русской земли и выдѣленія ея изъ состава германскихъ добровольческихъ частей и принимая во вниманіе, что дальнѣйшее пребываніе частей будетъ на иностранной территоріи — 2-го декабря Западная Добровольческая армія была переименована въ «войсковую группу кн. Авалова». Ближайшей задачей группы была отправка ея при первой возможности въ Россію для присоединенія къ арміи генерала Деникина.

15-го декабря я былъ приглашенъ министромъ Государственной Обороны. Носке въ Берлинъ. Мною уже было указано выше, что г. Носке былъ единственнымъ министромъ соціалистическаго правительства, который оказывалъ помощь моей арміи и потому у меня осталось къ нему чувство глубокой признательности и благодарности.

Въ бесѣдѣ съ министромъ я просилъ его оказать и въ данномъ случаѣ свое содѣйствіе войскамъ Западной Добровольческой арміи и предоставить имъ возможныя удобства при ихъ размѣщеніи въ лагеряхъ. Носке обѣщалъ, но указалъ, что это въ большей мѣрѣ зависитъ не отъ него, а отъ Антанты, которая весьма враждебно настроена къ «Балтійскимъ» войскамъ вообще и ко мнѣ лично въ особенности, такъ какъ я опредѣленно занялъ по отношенію къ ней непримиримую позицію[1].

[1] Впослѣдствіи г. Носке въ своей книгѣ «отъ Киля до Каппа» заявляетъ, что онъ ничего общаго съ работой въ Прибалтикѣ не имѣлъ. Насколько это заявленіе вѣрно читатель можетъ

Военный судъ при Арміи. Жены офицеровъ, служившія въ судѣ въ качествѣ машинистокъ.

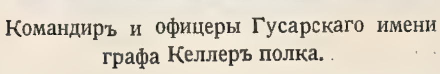
«Вашъ вѣрный солдатъ Шт.-ротмистръ Тейерманъ«. Госляръ, 24. 4 .20

Командующему Западной Арміей генералъ-маіору князю Авалову въ знакъ наивысшаго уваженія и преданности. Пор. Куртъ-Вильгельмъ баронъ Роткирхъ-Пантенъ, Адъютантъ Корпуса фонъ-Дибичъ.

Карта 38

Обходъ войскъ и присутствующихъ на парадѣ Командующимъ Арміей съ гр. ф. д. Гольцъ.

Пулеметный взводъ 1-го эскадрона Гусарскаго имени гр. Келлеръ полка. Командиръ полка полк. Кременецкій. командиръ эскадрона подполк. Намѣстникъ.



Командиръ и офицеры Гусарскаго имени графа Келлеръ полка.

Добровольческій Отрядъ ротмистра Рабена, сформириванный изъ офицеровъ и солдатъ Западной Арміи и сражавшійся въ Верхней Силезіи въ 1921 году.

Послѣ этого свиданія и разговора съ министромъ Носке я рѣшилъ, чтобы не подвергать свои части возможнымъ репрессіямъ со стороны Антанты, сдать командованіе генералу Альтфатеру, а самъ остался въ Берлинѣ.

Покидая созданныя мною русскія части, я обратился къ нимъ со слѣдующимъ приказомъ:

24 декабря 1919 года № 20 гор. Берлинъ.

«Офицеры и солдаты!

«Неимовѣрными усиліями была создана мною Западная Добровольческая Армія. Россія звала насъ, съ запада ждала она освобожденія своего отъ большевистскаго безумія. Отцы, матери, жены, сестры и дѣти простирали изможденныя руки свои къ намъ, рвались истерзанныя сердца ихъ въ порывѣ безмолвнаго отчаянія къ нашимъ сердцамъ.

Я сдѣлалъ все, что было въ силахъ человѣка, чтобы созданная мною армія попала туда, куда звали ее долгъ и зовъ родной крови. Я выбралъ то направленіе, гдѣ не могло не быть успѣха. Но политика злой воли, политика недруговъ Россіи, политика недалекихъ и эгоистичныхъ слѣпцовъ, соединившихся противъ меня — помѣшала моей работѣ и погубила безсмысленно тысячи героическихъ и лучшихъ жизней. Окруженный злонамѣренными врагами, я старался найти выходъ на большевистскій фронтъ: я просилъ, я умолялъ, я доказывалъ необходимость выхода моего на Двинскій фронтъ, но враги выигрывали время, чтобы потомъ задушить мои начинанія. 26-го августа я получилъ разрѣшеніе за подписью англійскаго генерала Марчъ занять фронтъ у Двинска и начать наступленіе 15 сентября, а посланнымъ мною представителямъ въ Ковно былъ врученъ англійскимъ полковникомъ Робинзономъ отказъ въ пропускѣ на этотъ фронтъ.

Офицеры и солдаты, 8-го октября началась борьба за наше существованіе, за честь Россіи. Я хотѣлъ заставить уважать насъ послѣ того, какъ лживый врагъ — латыши, врасплохъ напали на насъ. Въ глубинѣ души у меня сохранилась вѣра, что и у врага есть честь, что онъ пойметъ свои ошибки и прекратитъ ненужную бойню, давъ мнѣ спокойный выходъ противъ большевиковъ — я предложилъ перемиріе. Но тщетно. И я долженъ былъ защищаться въ надеждѣ пробиться на большевистскій фронтъ.

Врагъ крѣпнулъ. Граница была герметически закрыта. Никакими усиліями, ни помощью вѣрныхъ людей нельзя было получить ни денегъ, ни продовольствія ни теплыхъ вещей, ни патроновъ, ни бензина.

Борьба стала безсмысленной, невозможной. Затрудненія того народа, который помогалъ намъ всѣмъ чѣмъ только могъ — стали изъ-за блокады почти невыносимыми.

Дабы сохранить Васъ, сохранить честь Родины я долженъ былъ дать согласіе на уводъ Васъ въ Германію. Вы видѣли, какъ приняла Васъ благородная страна. Васъ встрѣтили, какъ друзей, а не какъ иностранныя войска — и Вы должны быть благодарны народу Германіи и навсегда сохранить благодарность эту въ своемъ сердцѣ.

Офицеры и солдаты, создавшаяся обстановка требуетъ, чтобы я оставилъ командованіе Вами. Голосъ Родины зоветъ Васъ достойно и съ полнымъ довѣріемъ и спокойствіемъ встрѣтить это мое рѣшеніе. Необходимо это также и для общаго нашего благополучія. Я ухожу, но зараненная мною въ сердца Ваши идея должна жить чтобы созрѣвъ, стать дѣломъ.»

Я уѣхалъ въ Берлинъ. Въ одной изъ послѣдующихъ главъ я разсказываю о моей дальнѣйшей работѣ и той связи, которую я сохранилъ съ чинами арміи.

убѣдиться, просмотрѣвъ главу VIII моей книги, гдѣ изложена его бесѣда съ ротмистромъ фонъ Розенбергъ.

Между прочимъ г. Носке пишетъ, что я прибылъ къ нему на свиданіе въ какой то фантастической формѣ. Почему національная форма кавказскихъ войскъ, извѣстная всему міру, показалась германскому военному министру фантастической — для меня не понятно, такъ какъ я всегда думалъ, что даже ефрейтора германской арміи были хорошо знакомы со всѣми русскими формами. Къ сожалѣнію я ошибся.

ГЛАВА XVII.

ДѢЛО ЧИНОВНИКА Ю. А. СЕЛЕВИНА.

Травившая меня и мою армію лѣвая русская и германская пресса, чтобы скомпрометировать мое дѣло въ глазахъ общественнаго мнѣнія — широко использовало для борьбы со мною дѣло чиновника Селевина. Сознательно преслѣдуя свои политическія цѣли, не располагая точнымъ фактическимъ матеріаломъ, печать замалчивая одно — раздувала другое, не брезгая ложью и клеветой, лишь бы загрязнить доброе имя мое и Западной Добровольческой Арміи; представители «шестой части свѣта» не стѣснялись обобщить кучку негодяевъ со всей арміей, оставляя въ тѣни тотъ фактъ, что прежде ихъ шумихи, сама армія и ея судъ сурово покарали виновныхъ.

Я считаю необходимымъ остановиться на этомъ дѣлѣ и освѣтить его на основаніи матеріаловъ судебнаго слѣдствія.

11-го августа 1919 года, въ связи съ участившимися случаями нападенія на русскихъ чиновъ въ Митавѣ и послѣ неудачнаго покушенія на меня, въ концѣ іюля — по предложенію, состоявшаго при мнѣ чиновника для особыхъ порученій Ю. Селевина, была учреждена охрана личности командира корпуса. Охрана въ своей дѣятельности должна была руководствоваться особой инструкціей. Начальникомъ охраны былъ назначенъ чиновникъ Ю. Селевинъ, юристъ по образованію, человѣкъ незаурядныхъ способностей и весьма энергичный. При царскомъ правительствѣ онъ служилъ судебнымъ слѣдователемъ, при Гетманѣ на Украйнѣ служилъ въ полиціи (державной вартѣ) и, какъ выяснилось впослѣдствіи на судѣ, — во время послѣдней службы показалъ себя съ худой стороны — былъ заподозрѣнъ во взяточничествѣ и лихоимствѣ и проявлялъ крайне враждебное отношеніе къ еврейскому населенію (въ Кременчугѣ).

Въ арміи Селевинъ обращалъ на себя вниманіе своими разными проэктами, порою весьма цѣлесообразными. Съ прибытіемъ отряда въ Митаву ему было поручено сформировать корпусной военный судъ, при которомъ онъ самъ непродолжительное время состоялъ судебнымъ слѣдователемъ, послѣ чего я назначилъ его чиновникомъ особыхъ порученій при мнѣ, въ то время командирѣ корпуса.

Селевинъ велъ очень скромный образъ жизни, былъ весьма исполнительнымъ чиновникомъ и пріобрѣлъ большое довѣріе мое и чиновъ моего штаба, благодаря чему я и назначилъ его начальникомъ охраны.

Подобравъ себѣ соотвѣтствующій штатъ служащихъ, онъ съ ними рѣшилъ использовать мое довѣріе и повидимому съ цѣлью скораго обогащенія, совершилъ рядъ уголовныхъ преступленій. Узнавъ о его дѣятельности я немедленно приказалъ арестовать самого Селевина и чиновъ охраны.

Судебному слѣдователю приказано было тотчасъ же приступить къ про-

изводству предварительнаго слѣдствія и о ходѣ послѣдняго докладывать мнѣ дважды въ день. Для подробнаго разслѣдованія дѣла, въ виду его исключительности, мною была назначена особая слѣдственная комиссія изъ высшихъ чиновъ арміи подъ предсѣдательствомъ старшаго генерала Архипова.

Слѣдствіе установило слѣдующія преступленія чиновъ охраны:

1. 13-го августа 1919 года штабсъ-ротмистръ Буцкій и прапорщикъ Сорокоумовъ, по предварительному между собою соглашенію, явились въ столовую нѣкоего Геринга и потребовали отъ владѣльца столовой и призваннаго туда еврея Вейда дать взаймы для начальника охраны 3000 рублей, угрожая въ противномъ случаѣ разнести столовую.

2. Начальникъ охраны Селевинъ и прапорщикъ Линникъ въ ночь съ 19-го на 20-ое августа явились на квартиру еврея Юделовича на Дворцовой улицѣ и обманнымъ образомъ подъ видомъ обыска похитили у находившихся въ названной квартирѣ евреевъ деньги въ суммѣ свыше 1500 рублей. Пострадавшіе послѣ обыска были приведены въ кабинетъ начальника охраны, гдѣ подъ угрозами должны были дать подписку въ томъ, что отобранныя деньги имъ возвращены.

3. Агентъ охраны унтеръ-офицеръ Семеновъ, сопровождая упомянутыхъ выше арестованныхъ, открыто похитилъ у одного изъ нихъ, Веніамина Юделовича, 3600 рублей.

4. Въ послѣднихъ числахъ августа арестованный еврей Кацинъ возбудилъ ходатайство о возвращеніи ему отобранныхъ чинами охраны денегъ. Начальникъ охраны Селевинъ и штабсъ-ротмистръ Буцкій отъ имени Командующаго арміей отдали приказаніе разстрѣлять Кацина штабсъ-капитану Карашевичу, Линнику, Гурскому и Семенюку. Послѣдніе вывели Кацина за городъ и двумя выстрѣлами произведенными Линникомъ и Гурскимъ изъ револьверовъ — лишили его жизни.

5. Въ ночь на 25-ое августа штабсъ-ротмистръ Буцкій, поручикъ Доценко и прапорщики Менхъ и Линникъ, по предварительному между собою соглашенію, отправились на квартиру еврея Симона Фридлендера по Писаревской улицѣ и будучи вооружены револьверами похитили открыто у находившихся тамъ евреевъ деньги на сумму свыше 3000 рублей и разныя вещи.

6. Въ ночь на 9-ое сентября 1919 года Начальникъ охраны Селевинъ, штабсъ ротмистръ Буцкій, поручикъ Доценко и прапорщики Линникъ и Веревкинъ явились на квартиру еврея Юделовича по Дворцовой улицѣ и, будучи вооружены, открыто похитили у находившихся тамъ Ванъ Месселя, Остенека и Серфа болѣе 90000 рублей.

7. 10-го сентября Начальникъ охраны Селевинъ доложилъ Командующему арміей, что чины контръ-развѣдовательнаго отдѣленія прапорщикъ фонъ-Бове юнкеръ Германъ, Бланке и Дикманъ, которые въ дѣйствительности слѣдили за его преступной дѣятельностью, будто бы составили заговоръ противъ нѣкоторыхъ чиновъ корпуса и дѣйствуютъ вмѣстѣ съ большевиками. Получивъ разрѣшеніе на арестъ этихъ лицъ — Селевинъ ихъ арестовалъ и въ тотъ же вечеръ отъ имени Командующаго арміей отдалъ приказъ своимъ подчиненнымъ разстрѣлять названныхъ лицъ, что чинами охраны и было исполнено.

Раскрытыя преступленія вызвали всеобщее возмущеніе. Шайка бандитовъ, прикрываясь своимъ служебнымъ положеніемъ, наводила страхъ и ужасъ на населеніе гор. Митавы и даже на чиновъ арміи.

Получивъ секретныя свѣдѣнія о такой дѣятельности Селевина и его сотрудниковъ, я приказалъ моему адъютанту провѣрить ихъ немедленно и въ ту же ночь онъ подробно доложилъ мнѣ обо всемъ.

Я отдалъ распоряженіе арестовать Селевина со всѣми его чинами и произвести дознаніе. Слѣдственный матеріалъ установилъ наличіе преступленій, тяжко караемыхъ закономъ. Дѣло разбиралось въ корпусномъ судѣ 9-го октября въ присутствіи многочисленной публики и продолжалось нѣсколько дней. Судъ вынесъ слѣдующій приговоръ:

Подсудимыхъ Селевина и Менха по лишеніи всѣхъ правъ состоянія, подвергнуть смертной казни, перваго черезъ повѣшеніе, второго черезъ разстрѣляніе. Штабсъ капитана Карашевича подвергнуть лишенію нѣкоторыхъ особенныхъ, лично и по состоянію присвоенныхъ и службою пріобрѣтенныхъ правъ и преимуществъ и заключенію въ крѣпости срокомъ на 2 года; агентовъ Гурскаго и Семенюка — аресту на хлѣбѣ и водѣ срокомъ на 7 недѣль, прапорщика Линника — потерѣ нѣкоторыхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ и службою пріобрѣтенныхъ правъ и преимуществъ и заключенію въ крѣпости на 3 года. Прапорщиковъ Веревкина, Сорокоумова и агента Семенова считать по суду оправданными.

Приговоръ въ отношеніи Селевина и агентовъ Гурскаго и Семенюка былъ утвержденъ. Смертная казнь Менху замѣнена ссылкою въ каторожныя работы на 15 лѣтъ. Карашевичъ и Линникъ разжалованы въ рядовые.

Приговоръ надъ Селевинымъ былъ приведенъ въ исполненіе 13-го октября 1919 года. Посудимые штабсъ-ротмистръ Буцкій и поручикъ Доценко еще до суда бѣжали изъ военной тюрьмы.

На этомъ собственно и окончилось все это темное дѣло чиновъ охраны. Однако печать долго не оставляла въ покоѣ ни меня ни мою армію. Часто послѣ долгихъ промежутковъ снова появлялись всевозможныя вымышленныя замѣтки, при чемъ правды въ нихъ было очень мало и все освѣщалось съ тенденціозной стороны. Отвѣтомъ на такіе выпады были многочисленныя опроверженія чиновъ моей арміи и письма, адресованныя мнѣ съ выраженіемъ ихъ глубокаго возмущенія противъ продажной печати (приложенія № 48, 49, 50 и 51).

ГЛАВА XVIII.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ВОЕННАЯ РАБОТА ВЪ БЕРЛИНѢ ПОСЛѢ МОЕГО ОТЪѢЗДА НА ФРОНТЪ.

Послѣ моего отъѣзда изъ Германіи, происшедшаго, какъ мною было указано выше, благодаря интригамъ сенатора Бельгарда въ обстановкѣ далеко не соотвѣтствующей выѣзду командира отряда на фронтъ, я, занятый формированіемъ своихъ частей въ Митавѣ, временно вышелъ изъ круга дѣятельност и въ Берлинѣ.

Между тѣмъ тамъ сенаторъ Бельгардъ продолжалъ свою разрушительную работу и, пользуясь моимъ отсутствіемъ, вездѣ гдѣ только могъ дискредитировалъ меня и мой отрядъ. Преслѣдуя свои затаенные честолюбивые замыслы, онъ неизмѣнно, различными способами, старался все дѣло захватить въ свои цѣпкія руки и для этого съ упорствомъ фанатика протежировалъ полковнику Вырголичу, который, будучи вполнѣ безличнымъ и во всѣхъ отношеніяхъ полнымъ ничтожествомъ, былъ для сенатора особенно желательнымъ въ роли военнаго начальника новыхъ добровольческихъ формированій. Тогда въ распоряженіи сенатора находилось бы два, послушныхъ его воли, командира отдѣльныхъ отрядовъ: ротмистръ князь Ливенъ и полковникъ Вырголичъ. При такихъ обстоятельствахъ онъ надѣялся занять руководящее положеніе, а вѣдь, какъ это не смѣшно, однако сенаторъ былъ вполнѣ искренно убѣжденъ, что онъ лично будетъ въ состояніи управлять всѣми войсками и онъ не разъ увѣренно высказывалъ, что понимаетъ военное дѣло не хуже любого генерала.

Въ цѣляхъ укрѣпленія своего вліянія въ Митавѣ сенаторъ подготовлялъ себѣ вѣрную гвардію въ лицѣ отряда Вырголича и поэтому все его вниманіе было исключительно обращено на пополненіе своихъ «преторіанцевъ». Въ виду того, что ротмистръ фонъ-Розенбергъ продолжалъ вести все дѣло пополненія на прежнихъ, одинаковыхъ для всѣхъ трехъ отрядовъ, основаніяхъ, то между нимъ и сенаторомъ Бельгардъ на этой почвѣ происходили частыя столковенія. Ротмистръ требовалъ, чтобы всѣ денежныя получки, а также равно всѣ выдачи непремѣнно происходили бы съ его вѣдома и отдавались бы въ приказѣ по Военному Отдѣлу формированія. Однако сенаторъ постоянно нарушалъ это основное правило и тайно снабжалъ организаціонными деньгами своихъ приверженцевъ, оправляя ихъ въ различныя командировки съ предписаніями тенденціознаго характера. Яркимъ примѣромъ такого нарушенія общей работы можетъ послужить письменное предписаніе сенатора полковнику Вырголичу отъ 6-го іюля 1919 года (приложеніе № 52).

Въ этомъ предписаніи сенаторъ поручаетъ организовать отправку и пріемъ всѣхъ пополненій на фронтѣ одному изъ командировъ формирующихся отрядовъ

и именно своему ставленнику и другу Выrголичу, давая ему тѣмъ самымъ огромное преимущество передъ другими. На эту совершенно ненужную командировку сенаторъ не задумался, какъ видно изъ предписанія, истратить болѣе 10000 мар. и какъ разъ въ то время, когда я, желая выѣхать къ своимъ частямъ въ Митаву неизмѣнно получалъ отъ него отвѣтъ, что на отъѣздъ мой и моего штаба у него свободныхъ суммъ нѣтъ. Между тѣмъ на это необходимо было всего только 5000 мар., а обшая обстановка совершенно ясно требовала моего присутствія на фронтѣ, гдѣ сосредотачивался мой отрядъ.

Въ положеніи о Военномъ Отдѣлѣ, утвержденномъ ротмистромъ княземъ Ливеномъ совершенно ясно устанавливалось, что отправкой всѣхъ пополненій вѣдаетъ Начальникъ Военнаго Отдѣла, которому и подчинялись всѣ русскія добровольческія формированія въ Германіи до ихъ прибытія въ Митаву, гдѣ они въ свою очередь поступали въ распоряженіе ротмистра князя Ливена. Такимъ образомъ было лишь два начальника: одинъ — ротмистръ фонъ Розенбергъ на территоріи Германіи и другой — ротмистръ кн. Ливенъ въ Митавѣ. Сенаторъ же, ради личныхъ интересовъ, направленныхъ къ единственной цѣли — увеличенію «вѣрноподданическаго» ему отряда, безцеремонно нарушалъ общій ходъ военной работы и тѣмъ самымъ создавалъ атмосферу недовольства среди большинства офицеровъ.

На одномъ изъ частныхъ совѣщаній русскихъ и германскихъ офицеровъ было рѣшено, что дальше продолжаться такъ не можетъ и потому необходимо тѣмъ или инымъ способомъ ликвидировать вредное вліяніе сенатора. При объясненіи по этому поводу съ сенаторомъ послѣдній очень ловко вышелъ изъ создавшагося положенія и всю вину свалилъ на ротмистра фонъ-Розенбергъ, объясняя свое вмѣшательство тѣмъ, что ротмистръ по своимъ годамъ не являлся якобы достаточно авторитетнымъ, чтобы объединить всю военную работу.

На самомъ дѣлѣ конечно все это было сплошнымъ вымысломъ и ротмистръ, фактически вынесшій на своихъ плечахъ всю тяжесть политической и военной работы въ Берлинѣ, былъ безусловно на мѣстѣ какъ Начальникъ Военнаго Отдѣла. Вся вина его была лишь въ томъ, что онъ не хотѣлъ свой разладъ съ сенаторомъ выносить наружу, вѣрилъ въ его порядочность и многіе поступки старался объяснить его бюрократическими привычками и психологіей стараго человѣка. Въ виду этого ротмистръ не разъ выступалъ защитникомъ его передо мною и нѣкоторыми офицерами, тѣмъ самымъ, навлекая на себя недовольство многихъ. И вотъ послѣ такого безупречнаго и весьма корректнаго отношенія къ нему ротмистра, сенаторъ, чтобы спасти свое положеніе, не задумался свою вину приписать ему.

Ротмистръ, понявъ поведеніе сенатора, подалъ рапортъ князю Ливену объ освобожденіи его отъ занимаемой должности и, передавъ исполненіе своихъ обязанностей временно полковнику бар. Делингсгаузену, совершенно отошелъ отъ всего дѣла (приложенія № 53 и 54). Рапортъ, отправленный въ Митаву, попалъ въ руки князя Ливена въ тотъ моментъ, когда послѣдній былъ раненъ и когда онъ, вслѣдствіе того, что его войска перевозились уже на Нарвскій фронтъ, передалъ командованіе всѣми русскими войсками въ Курляндіи мнѣ. Въ виду этого онъ рѣшилъ вообще ликвидировать Военный Отдѣлъ формиро-

ванія и взамѣнъ послѣдняго,уже по моему приказанію, было создано новое вербовочное учрежденіе въ Берлинѣ, получившее названіе «Мобилизаціоннаго Отдѣла Западной Арміи». Начальникомъ этого отдѣла, приказомъ по арміи, былъ назначенъ подполковникъ Непорожный, который повелъ все дѣло согласно моимъ указаніямъ и совершенно независимо отъ сенатора Бельгардъ.

Увидѣвъ, что послѣ перехода всей власти въ мои руки, ему нечего дѣлать въ Берлинѣ, сенаторъ перенесъ свои интриги противъ меня въ Курляндію. Онъ пріѣхалъ туда и сейчасъ же отправился къ генералу графу фонъ-деръ-Гольцъ, которому, представившись главнымъ организаторомъ всего дѣла формированія, высказалъ свой взглядъ о недопустимости того, чтобы во главѣ всѣхъ добровольческихъ войскъ стоялъ бы я. Вотъ, какъ пишетъ объ этомъ посѣщеніи самъ генералъ графъ фонъ-деръ-Гольцъ:

«Князъ Ливенъ при своемъ уходѣ передалъ командованіе полковнику кн. Авалову. Однако полковникъ Вырголичъ не хотѣлъ ему подчиниться. Понадобились долгіе непріятные переговоры пока, наконецъ, послѣдній призналъ кн. Авалова, какъ своего оперативнаго начальника и политическаго представителя. При всемъ этомъ выступленіи противъ кн. Авалова игралъ большую роль старый русскій сенаторъ Бельгардъ, который жилъ въ Берлинѣ и пріобрѣлъ будто бы тамъ большіе заслуги при созданіи добровольческихъ отрядовъ и въ особенности при созданіи отряда Выргодича, который онъ разсматривалъ, какъ свою собственность.»

Приписывая себѣ главную роль при созданіи добровольческихъ частей въ Курляндіи, сенатору удалось добиться у графа фонъ-деръ-Гольцъ разрѣшенія на выдѣленіе отряда Выргодича изъ подъ моего командованія и перевода его въ гор. Шавли. Послѣднее было нужно сенатору для того, чтобы Выргодичъ, расположившись со своимъ отрядомъ вблизи гор. Шавли, лежавшаго на пути слѣдованія эшелоновъ пополненія, могъ бы, при помощи своихъ агентовъ, перехватывать къ себѣ ѣдущихъ изъ Германіи офицеровъ и солдатъ и, тѣмъ самымъ, быстро увеличить свою численность.

Я сейчасъ же понялъ интригу сенатора и поставилъ объ этомъ въ извѣстность генерала графа фонъ-деръ-Гольцъ, при чемъ добавилъ, что такого рода удаленіе отряда Выргодича изъ подъ моего непосредственнаго наблюденія, помимо нарушенія планомѣрой работы по формированію, принесетъ еще общему дѣлу не мало другихъ непріятностей и затрудненій.

Далѣе я охарактеризовалъ Выгролича, какъ человѣка безпринципнаго, способнаго допустить всякія правонарушенія на территоріи Литвы и тѣмъ самымъ испортить наши дружескія отношенія съ ея правительствомъ, которыя я все время старался поддержать. Къ сожалѣнію графъ фонъ-деръ-Гольцъ отнесся къ моему заявленію не съ достаточнымъ вниманіемъ, предполагая, повидимому, что и я въ данномъ случаѣ дѣйствую также по личнымъ непріязненнымъ побужденіямъ. Между тѣмъ на самомъ дѣлѣ мною руководили соображенія лишь общаго характера, что и подтвердилось ближайшими событіями. Такъ въ періодъ политическихъ осложненій съ Латвіей, Выргодичъ своимъ непозволительнымъ поведеніемъ скомпрометировалъ русскія войска и обострилъ наши отношенія съ Литвой. Достаточно указать, что онъ разрѣшилъ своему отряду производить у мѣстнаго населенія реквизиціи лошадей и скота, а затѣмъ, обезоруживъ литовскую стражу, ограбилъ банкъ въ Шавляхъ.

Для разслѣдованія этого позорнаго грабежа мною была назначена спеціальная комиссія изъ высшихъ чиновъ арміи подъ предсѣдательствомъ генерала Альтфатера. При допросѣ Вырголичъ, повидимому, желая выгородить себя, заявилъ, что ограбленіе и разоруженіе литовской стражи онъ совершилъ по распоряженію штаба генерала графа фонъ-деръ-Гольцъ[1].

Вотъ какъ было использовано довѣріе, которое оказалъ сенатору Бельгардъ генералъ графъ фонъ-деръ-Гольцъ.

Вообще же, несмотря на всѣ ухищренія, отрядъ Выргопича остался малочисленнымъ и оказался совершенно непригоднымъ въ боевой обстановкѣ. Объяснялось это тѣмъ, что тамъ не разбирались въ людяхъ, гнались лишь за количествомъ и брали на службу всѣхъ, кто только попадался подъ руку. Въ результатѣ получилось и мало и плохо. Кромѣ того отвѣтственныя должности занимались офицерами не по достоинству и чину, а по протекціи и родственнымъ связямъ. Такъ напримѣръ, сынъ сенатора Бельгардъ, будучи прапорщикомъ артиллеріи, да еще военнаго времени, командовалъ отдѣльнымъ эскадрономъ, который онъ и погубилъ безъ всякой пользы. Обстоятельства этого преступленія были таковы: въ одинъ прекрасный день прапорщикъ Бельгардъ безъ разрѣшенія командира отряда выступилъ съ эскадрономъ въ неизвѣстномъ направленіи. По дорогѣ онъ встрѣтился со взводомъ литовскихъ войскъ и, вступивъ съ нимъ въ бой, былъ, вслѣдствіе полнаго незнанія военнаго дѣла, совершенно уничтоженъ противникомъ. Спаслось всего нѣсколько человѣкъ, которые и разсказали о случившемся. Самъ прапорщикъ позорно бѣжалъ съ театра военныхъ дѣйствій за границу подъ защиту своего достойнаго батюшки.

Объ этомъ мнѣ было рапортомъ донесено Выргопичемъ и я приказомъ по арміи лишилъ прапорщика Бельгардъ офицерскаго званія (приложеніе № 55).

Интересно также отмѣтить нѣкоторыя весьма смѣлыя производства, которыя были сдѣланы Выргопичемъ въ періодъ его самостоятельнаго существованія въ Литвѣ. Онъ произвелъ напримѣръ одного статскаго совѣтника въ генералъ маіоры и повидимому, могъ бы для окончанія этого анекдота продѣлать ту же манипуляцію съ сенаторомъ Бельгардъ, провозгласивъ его въ приказѣ генералъ-фельдмаршаломъ всѣхъ добровольческихъ войскъ.

Одновременно съ интригами на фронтѣ сенаторъ не переставалъ работать противъ меня и въ Берлинѣ. Убѣдившись, послѣ моего назначенія Командующимъ Западной Арміей, что замѣна меня Выргопичемъ лишена всякой возможности, онъ началъ поддерживать среди русскихъ общественныхъ круговъ мнѣніе о необходимости возглавить все дѣло въ Прибалтикѣ какимъ-нибудь старымъ авторитетнымъ генераломъ.

Еще въ началѣ моей работы въ Митавѣ по созданію арміи, я получалъ отъ моихъ представителей въ Берлинѣ рядъ писемъ, въ которыхъ меня извѣщали, что въ мѣстныхъ русскихъ кругахъ поднялся вопросъ о назначеніи въ Прибалтику русскаго генерала, который бы пользовался довѣріемъ и авторитетомъ среди

[1] На мой запросъ въ штабѣ генерала графа ф. д. Гольцъ я получилъ отвѣтъ, что подобныхъ приказаній оттуда полковнику Выргопичу не давалось, а потому вся вина въ этомъ дѣлѣ лежитъ на Выргопичѣ.

Корветтенкапитанъ Феликсъ графъ Люкнеръ, оказавшій огромную услугу моей арміи въ бытность ея въ Курляндіи.

Siewert

Капитанъ 1-го ранга Зивертъ, Командиръ «Нѣмецкаго Легіона», погибъ славной смертью 16-го ноября 1919 года въ Курляндіи.

Карта 40

Настоящій снимокъ показываетъ, что армія отошла въ полномъ порядкѣ. Ни только драгоцѣнное имущество не было брошено, но даже старые фургоны обоза были взяты съ собой.

чиновъ арміи и русскихъ эмигрантскихъ организацій. Все это было будто бы связано съ желаніемъ оказать матеріальную поддержку арміи германскихъ финансовыхъ и торгово-промышленныхъ дѣятелей. Въ качествѣ кандитатовъ назывались имена генераловъ Гурко и Бискупскаго, одинъ изъ которыхъ и долженъ былъ стать во главѣ русскихъ войскъ на Западномъ фронтѣ.

Формируя свой отрядъ еще въ Германіи, я никакой цѣли, кромѣ борьбы съ большевиками не преслѣдовалъ, видя въ этомъ лишь мой долгъ служенія Родинѣ, поэтому, несмотря на всѣ трудности, лишенія и интриги, которыя мнѣ пришлось преодолѣть, прежде чѣмъ добиться положительныхъ результатовъ, я готовъ былъ въ любой моментъ передать командованіе тому, кто бы лучше меня смогъ выполнить поставленную задачу.

Какъ мною еще раньше, при самомъ началѣ формированія, было заявлено ротмистру фонъ-Розенбергъ, что я вполнѣ согласенъ съ его планами о врученіи командованія всѣмъ Западнымъ фронтомъ генералу Гурко, такъ и теперь я безъ колебаній передалъ бы ему командованіе моей арміей, ибо генералъ Гурко, бывшій во время міровой войны Командующимъ Особой Арміей и временно Начальникомъ Штаба Августѣйшаго Верховнаго Главнокомандующаго Государя Императора, имѣлъ заслуженную репутацію честнаго, талантливаго и мужественнаго генерала и пользовался большимъ авторитетомъ среди всѣхъ военныхъ вообще и въ частности среди офицеровъ Западной Добровольческой арміи. Однако генералъ Гурко, находившійся въ то время въ Берлинѣ, воздерживался отъ какой-либо активной работы, считая, что моментъ его выступленія еще не насталъ.

Такимъ образомъ единственнымъ лицомъ претендовавшимъ на принятіе отъ меня командованія оставался генералъ Бискупскій, который, послѣ крушенія «гетманской Украйны», переѣхалъ сперва въ государства Балканскаго полуострова. Тамъ, побывавъ у сербскаго короля Александра, онъ вскорѣ однако разочаровался въ нашихъ «братушкахъ» и отправился въ Германію, гдѣ неоднократно выступалъ съ различными военно политическими планами, надѣясь рано или поздно достигнуть положительныхъ результатовъ.

Въ концѣ іюля генералъ Бискупскій пріѣхалъ въ Митаву, чтобы переговорить со мной объ общемъ военно-политическомъ положеніи въ Прибалтикѣ. Генералъ произвелъ на меня очень хорошее впечатлѣніе и мы, какъ военные, безусловно пришли бы къ соглашенію относительно дальнѣйшей совмѣстной работы.

Къ сожалѣнію вмѣстѣ съ генераломъ Бискупскимъ въ Митаву прибылъ и сенаторъ Бельгардъ. Послѣдній не навѣстилъ меня, какъ представителя русской власти и командующаго корпусомъ, а будучи вполнѣ увѣреннымъ въ томъ, что армія готова видѣть въ генералѣ Бискупскомъ своего командующаго, началъ, игнорируя меня, тайные переговоры съ другими начальствующими лицами и непосредственно съ офицерами. Все это мнѣ стало сейчасъ же извѣстно, а потому, когда генералъ Бискупскій зашелъ ко мнѣ, я выразилъ ему свое удивленіе, что сенаторъ, ведя тайные переговоры съ графомъ фонъ-деръ-Гольцъ, которые мнѣ представлялись стенографически, не счелъ для себя нужнымъ прежде всего повидаться со мною.

Интриганство сенатора Бельгардъ возстановило чиновъ моей арміи совершенно не заслужено и противъ генерала Бискупскаго. На военномъ совѣщаніи было постановлено обратиться къ сенатору съ просьбою, во имя пользы общаго русскаго дѣла, не вмѣшиваться въ жизнь Западной Арміи, ибо она вѣритъ и пойдетъ сражаться подъ командою полковника князя Авалова

Однако осталась еще группа лицъ, которая, во главѣ съ сенаторомъ Бельгардъ, продолжала вести работу противъ меня.

Въ концѣ сентября въ Митаву пріѣхалъ Генеральнаго Штаба генералъ маіоръ Давыдовъ съ порученіемъ принять отъ меня армію. Генералъ Давыдовъ, явившись къ генералу графу фонъ-деръ-Гольцъ заявилъ, что ему, якобы предписано генераломъ Бискупскимъ принять командованіе надъ русскими и германскими войсками въ Прибалтикѣ.

Графъ фонъ-деръ-Гольцъ направилъ его ко мнѣ для выясненія дѣла, сказавъ, что все это зависитъ отъ князя Авалова. На что генералъ Давыдовъ отвѣтилъ ему: «Ну, Авалова мы уберемъ въ 24 часа».

Прибывъ ко мнѣ генералъ Давыдовъ въ большомъ смущеніи объяснилъ мнѣ сущность возложеннаго на него порученія. Я отвѣтилъ, что сдамъ армію лишь по приказанію Верховнаго Правителя Россіи.

Дѣло въ томъ, что во время начала работы на территоріи Германіи не мало было почтенныхъ генераловъ и другихъ, потомъ претендовавшихъ на права руководителей, особъ, но никто тогда не имѣлъ мужества и энергіи выступить, чтобы изъ ничего создать могучую армію. Сколько лицъ посѣтилъ тогда ротмистръ фонъ-Розенбергъ, предлагая помочь начинаемому дѣлу, но всѣ сочувствовали, однако никто не рѣшался открыто принять участіе, выжидая результатовъ[1]. Когда же все было сдѣлано, то охотниковъ принять власть оказалось много, но я не считалъ себя компетентнымъ для опредѣленія степени ихъ пригодности для веденія мною созданнаго дѣла, а потому и предпочиталъ оставаться самъ, имѣя то глубокое убѣжденіе, что, если, можетъ быть, я въ какой-либо области и уступаю новымъ претендентамъ, то это возмѣщается моимъ знаніемъ до мельчайшихъ подробностеи самого хода дѣла и его всевозможныхъ особенностей. Дабы продолжать съ успѣхомъ начатое мною дѣло мало было одного поверхностнаго ознакомленія съ исторіей его возникновенія, но надо было еще его прочувствовать и пережить.

Вотъ по этимъ то соображеніямъ я и отвергалъ всякія посягательства на мою армію лицъ, считавшихъ себя болѣе способными вести созданное мною дѣло.

Генералъ Давыдовъ почувствовалъ всю неловкость своего положенія и просилъ меня оставить его на службѣ въ арміи. Я назначилъ его генераломъ для порученій, при чемъ генералъ Давыдовъ тутъ же выговорилъ себѣ высшій окладъ содержанія.

Далѣе, завѣривъ меня въ своихъ знакомствахъ въ арміи генерала Деникина, онъ убѣдилъ меня, для пользы общаго дѣла, командировать его на югъ, при-

[1] Генерала Бискупскаго въ то время еще не было въ Германіи, а если онъ былъ бы, то я увѣренъ, что онъ не сидѣлъ бы спокойно въ лагерѣ, а принялъ бы самое дѣятельное и энергичное участіе въ нашей общей работѣ.

чемъ и тутъ денежный вопросъ былъ поставленъ въ первую голову и генералъ Давыдовъ выпросилъ у меня на эту командировку 45 тысячъ марокъ, тогда какъ ѣздившій туда съ этой же цѣлью поручикъ Лейкартъ израсходовалъ всего 8 тысячъ марокъ.

Передъ своимъ отъѣздомъ генералъ Давыдовъ устраиваетъ еще какую то комбинацію съ печатаніемъ почтовыхъ марокъ, за что и получаетъ значительное количество ихъ отъ Военнаго Губернатора занятыхъ арміей областей, на общую сумму около 300000 мар.

Въ заключеніе долженъ отмѣтить о генералѣ Давыдовѣ, что свою командировку онъ не выполнилъ и никакой пользы не принесъ. Прибывъ же обратно въ Берлинъ, онъ не счелъ нужнымъ для себя явиться ко мнѣ и доложить о результатахъ поѣздки на югъ. Въ расходованіи выданныхъ ему на командировку денегъ документовъ и отчета не представилъ.

Одной изъ главныхъ причинъ, заставившихъ меня покинуть Курляндію и отказаться отъ продолженія борьбы, помимо тяжелаго политическаго положенія, было еще отсутствіе денежныхъ средствъ. Будь у меня достаточно денегъ я могъ бы пойти напроломъ и преодолѣть трудности, созданныя противодѣйствіемъ «союзниковъ».

Учитывая это обстоятельство, я еще задолго до финансоваго кризиса, дѣлалъ неоднократныя попытки добыть необходимыя суммы отъ торгово-промышленныхъ круговъ Германіи.

Для этой работы мнѣ рекомендовали нѣкоего г. Ремера, который своей энергіей и правильнымъ, казалось, прямымъ взглядомъ на положеніе вещей, завоевалъ мои симпатіи и пріобрѣлъ довѣріе. Завѣривъ меня въ своихъ большихъ связяхъ въ торгово-промышленныхъ кругахъ Германіи, Ремеръ убѣдилъ меня въ необходимости командировать его туда, давъ ему порученіе съ полномочіями по дѣлу займа на нужды арміи.

Послѣ совѣщанія я командировалъ Ремера въ Берлинъ, назначивъ въ помощь ему г. Поппе.

Пріѣхавъ въ Берлинъ, оба они вошли въ соглашеніе съ генераломъ Бискупскимъ и полковникомъ Дурново, и вмѣстѣ съ сенаторомъ Бельгардъ, членомъ Государственной Думы Дерюгинымъ, полковникомъ Зякинымъ, Бергомъ, барономъ Кноррингъ и Пилларъ-фонъ-Пильхау образовали финансовую комиссію, цѣлью которой было заключеніе займа для нуждъ Западной Арміи.

Названная финансовая комиссія дѣйствовала отъ имени Западной Арміи, увѣряя, что она будто бы утверждена мною, но на самомъ дѣлѣ мнѣ совершенно не были извѣстны не только ея дѣйствія, но даже временно и ея существованіе.

Въ данномъ случаѣ Ремеръ проявилъ слишкомъ большую иниціативу и совсѣмъ не понялъ или вѣрнѣе превысилъ данныя ему мною полномочія. Одновременно онъ завоевалъ симпатіи большинства членовъ совѣщанія, которые писали мнѣ о немъ, какъ о человѣкѣ весьма вѣрномъ и полезномъ (приложеніе № 56).

Вскорѣ Ремеръ пріѣхалъ обратно ко мнѣ въ Митаву и сообщилъ, что генералъ Бискупскій имѣетъ возможность получить денежныя средства, но при условіи, если онъ будетъ признанъ Главнокомандующимъ.

Я отвѣтилъ, что согласенъ признать генерала Бискупскаго Главнокомандующимъ Западнаго фронта, если онъ достанетъ денегъ и создастъ еще по крайней мѣрѣ одну армію. Иначе Главнокомандованіе и Командованіе надъ одной арміей приведутъ только къ двоевластію и созданію ненужныхъ штабовъ и учрежденій, которыя, кромѣ лишнихъ расходовъ, ничего не дадутъ. Печальнымъ примѣромъ подобнаго двоевластія и перегруженія различными штабами и учрежденіями была Сѣверо-западная армія генерала Юденича, гдѣ строевыя части находились всегда въ полуголодномъ состояніи, но за то генераловъ и командующихъ было болѣе, чѣмъ достаточно.

Всѣ эти вопросы о признаніи генерала Бискупскаго Главнокомандующимъ разбирались на военно-политическомъ совѣщаніи и тогда къ моему заявленію, по настоянію Совѣта и арміи, былъ прибавленъ еще пунктъ, что Главнокомандующій не имѣетъ права смѣщать командующихъ съ должностей.[1]

Вскорѣ, по возвращеніи Ремера въ Берлинъ, всѣ члены Финансовой комиссіи, при живѣйшемъ участіи Ремера были спровоцированы нѣкіемъ Мошелемъ, выдавшимъ себя за директора несуществующаго въ Берлинѣ отдѣленія банкирскаго дома Моргана, но въ конечномъ результатѣ оказавшимся агентомъ д-ра Кона, вождя независимыхъ германскихъ соціалистовъ. Конъ былъ хорошо извѣстенъ въ лѣвыхъ кругахъ Германіи, какъ сподвижникъ большевистскаго посла Іоффе, который далъ ему при своемъ вынужденномъ отъѣздѣ изъ Берлина 12 милліоновъ рублей, якобы для помощи русскимъ за границей, а на самомъ дѣлѣ для пропаганды большевизма въ Германіи.

Мошель, узнавъ необходимыя ему подробности дѣла, закончилъ свою дѣятельность заключеніемъ секретнаго договора между торговымъ домомъ Морганъ и К. съ одной стороны и русской Финансовой комиссіей съ другой стороны, при чемъ заставилъ членовъ комиссіи расписаться на договорѣ, какъ министровъ Западнаго Края Россіи, обѣщая имъ при исполненіи этого условія, выдачу заимообразно, отъ упомянутаго торгового дома, тристо милліоновъ марокъ для продолженія работы противъ большевиковъ.

Это самостоятельное выступленіе Ремера на финансовымъ поприщѣ доставило мнѣ и Западному русскому правительству, находящемуся на территоріи Курляділи при арміи, не мало хлопотъ и непріятностей.

Пришлось опровергать появившіяся статьи въ соціалистической печати, подхватившей этотъ богатый матеріалъ для компрометированія дѣла и утверждавшей, что все это производилось съ моего благословенія и вѣдома.

Въ результатѣ дальнѣйшія попытки, уже съ моей стороны, получить деньги изъ торгово-промышленныхъ круговъ Германіи также, благодаря этому инциденту, успѣха не имѣли и въ этомъ отношеніи Берлинская финансовая комиссія принесла мнѣ много вреда.

Вскорѣ, по собственной инціативѣ, ко мнѣ въ армію прибываетъ Генеральнаго Штаба полковникъ Дурново, съ опредѣленнымъ намѣреніемъ произвести въ ней переворотъ.

[1] Это замѣчаніе Совѣта объясняется тѣмъ, что среди финансовой группы въ Берлинѣ находились и мои враги, которые конечно возстанавливали бы генерала Бискупскаго противъ меня и такимъ образомъ армія хотѣла себя обезпечить, чтобы не быть брошенной на произволъ судьбы.

Карта 41

Представители союзнической комиссіи французы заканчиваютъ свое преступленіе по отношеніи Россіи, регистрируютъ увозимые съ антибольшевистскаго фронта аэропланы.

Карта 42

Гражданское населенiе отходящее вмѣстѣ съ армiей, получаетъ хлѣбъ и пр. довольствiе.

Полковникъ пріѣхалъ въ мою армію съ рекомендательнымъ письмомъ отъ генерала Гурко. Еще раньше мнѣ много говорили о немъ, какъ объ очень дѣльномъ и трудоспособномъ офицерѣ Генеральнаго Штаба.

Я предложилъ полковнику Дурново должность генералъ-квартирмейстера Штаба арміи, тѣмъ болѣе, что исполнявшій эту должность Генеральнаго Штаба полковникъ Григоровъ, въ виду его крайняго переутомленія и затрудненій изъ-за незнанія имъ нѣмецкаго языка, просилъ меня освободить его отъ нея.

Полковникъ Дурново очень тонко взялся за свое дѣло. Онъ все время метался по германскимъ штабамъ и учрежденіямъ и всюду выражалъ свое недовольство существующими порядками, очень осторожно указывая на меня, какъ на главную причину. Ведя вездѣ разные конспиративные переговоры, онъ при отходѣ Штаба арміи въ Шавли, просилъ о его командированіи въ Тильзитъ съ докладомъ союзной миссіи о положеніи дѣлъ. Онъ указывалъ мнѣ, что имѣетъ среди «союзниковъ» достаточно связей, чтобы добиться отъ нихъ благожелательнаго разрѣшенія вопроса о судьбѣ арміи. Однако, будучи командированъ туда, полковникъ Дурново не прислалъ изъ Тильзита ни одного донесенія, но позволилъ себѣ обратиться ко мнѣ съ частнымъ письмомъ весьма страннаго содержанія (приложеніе № 57). Въ этомъ письмѣ говорилось о неправильномъ курсѣ моей политики, направленной противъ Антанты, хотя прежде онъ неоднократно высказывалъ по этому поводу свое полное согласіе со мной и вполнѣ раздѣлялъ мои политическіе взгляды.

Черезъ нѣсколько дней послѣ этого онъ возвратился въ Шавли во главѣ какой то комиссіи принимать отъ меня армію, но въ это время войска находились по пути въ Германію и, естественно, что на эту комиссію никто не обратилъ никакого вниманія. Я лично узналъ о ея пріѣздѣ уже въ Германіи, въ противномъ же случаѣ приказалъ бы эту комиссію арестовать.

Однако, полковникъ Дурново не падалъ духомъ и пытался еще испробовать счастья на территоріи Германіи. На другой день послѣ моего отъѣзда изъ Нейссе въ Берлинъ онъ прибылъ въ Ламсдорфъ (лагерь близъ Нейссе) и, ссылаясь на телеграммы: Верховнаго Правителя Россіи адмирала Колчака о моемъ подчиненіи генералу Юденичу и генерала Юденича объ объявленіи меня измѣнникомъ, склонилъ генерала Романовскаго, какъ старшаго въ чинѣ, вступить во временное командованіе всѣми русскими частями, интернированными въ Германіи, впредь до назначенія Командующаго распоряженіемъ адмирала Колчака. Самъ полковникъ Дурново былъ назначенъ Начальникомъ Штаба.

Торопясь закрѣпить создавшееся положеніе, генералъ Романовскій отдалъ приказъ, напомнившій мнѣ скорѣе воззваніе къ солдатамъ, о своемъ вступленіи во временное командованіе арміей. Однако и здѣсь полковникъ Дурново потерпѣлъ неудачу: офицеры корпуса имени графа Келлеръ выразили свой протестъ по поводу самочинныхъ дѣйствій генерала Романовскаго и категорически отказались подчиниться его распоряженіямъ.

20-го декабря полковникъ Дурново уѣхалъ въ Берлинъ съ докладомъ о положеніи дѣлъ къ представителю генерала Юденича генералу Явиду, а 28-го декабря рапортомъ генералу Романовскому доносилъ:

«Генералъ Явидъ просилъ доложить Вамъ, что отъ твердости въ проведенiи выпущенныхъ приказовъ зависитъ весь успѣхъ. Командующiй войсками будетъ назначенъ въ ближайшее время и до этого Ваше Превосходительство остается на занимаемомъ посту и никому его не сдаетъ, даже временно. Сегодня (въ Берлинъ) прибылъ французскiй генералъ Ниссель и теперь въ кратчайшее время разрѣшатся всѣ необходимые вопросы. Генералъ Явидъ считаетъ, что въ ближайшее время части корпуса имени графа Келлеръ подчинятся Вашему Превосходительству. Я немедленно прибуду въ Ламсдорфъ, какъ только здѣсь будетъ все твердо выяснено и налажено.»

Однако выяснять и налаживать полковнику Дурново ничего не пришлось. Правда имъ были предприняты совмѣстно съ генераломъ Явидъ попытки склонить на свою сторону нѣкоторыхъ старшихъ начальниковъ корпуса имени графа Келлеръ, по онѣ успѣхомъ не увѣнчались. Тогда полковникъ Дурново, видя безвыходность создавшагося положенiя, 6-го января рапортомъ на имя генерала Явида просилъ освободить его отъ обязанностей Начальника Штаба, а 9-го января генералъ Романовскiй, по моему настоянiю, долженъ былъ передать командованiе русскими войсками генералу Альтфатеру, бывшему у меня инспекторомъ артиллерiи въ армiи и пользовавшемуся довѣрiемъ всѣхъ офицеровъ.

Такимъ образомъ старанiя полковника Дурново произвести въ моей армiи переворотъ съ непремѣнной орiентацiей на «союзниковъ» потерпѣли полную неудачу.

Всякое распространенiе слуховъ бар. Николаемъ Корфъ (представителемъ освѣдомительнаго бюро Верховнаго Правителя Россiи), который по прибытiи въ Тильзитъ распространялъ слухи, что я во время отступленiя армiи бросилъ ее и бѣжалъ въ Германiю, а также и ему подобныхъ, есть наглая ложь.

Дабы пресѣчь всѣ подобные слухи я отправилъ своему представителю въ Берлинѣ подполковнику Непорожному слѣдующую телеграмму:

Западная армiя, отойдя въ раiонъ Муравьево и очистившись отъ паническаго и нестойкаго элемента, убѣжавшаго изъ армiи, окрѣпла сплотившимися вокругъ меня храбрецами. Увѣренъ, что находящiеся въ армiи офицеры и солдаты, какъ честные борцы за право существованiя своей Родины дадутъ мнѣ возможность выполнить и далѣе начатое мною дѣло спасенiя дорогого отечества.

ГЛАВА XIX.

БАЛТІЙСКІЙ ЛАНДЕСВЕРЪ.

При защитѣ Прибалтійскаго края отъ большевиковъ очень красивую и весьма значительную роль сыгралъ Балтійскій Ландесверъ (земская національная оборона), а потому я считаю своимъ долгомъ вкратцѣ коснуться исторіи его созданія, а также и его участія во всѣхъ событіяхъ уже выше изложенныхъ мною

Мысль о созданіи такой національной обороны зародилась у балтійцевъ еще въ іюлѣ 1918 г., но встрѣтила противодѣйствіе германскаго военнаго командованія въ Ригѣ (А. О. К. 8), которое по соображеніямъ политическаго характера отвѣтило отказомъ. Начальникъ штаба 8-ой германской арміи Генеральнаго Штаба подполковникъ Франтцъ на всѣ подобныя просьбы неизмѣнно отвѣчалъ: «Вѣдь мы же здѣсь». Другими словами онъ подчеркивалъ, что балтійцамъ безпокоиться нечего — охрана ихъ имущества и ихъ личная безопасность гарантирована присутствіемъ германскихъ войскъ. Въ то время еще нельзя было предвидѣть надвигавшихся событій и во всякомъ случаѣ германцы не думали покидать Прибалтійскаго Края.

Однако неудачи на западномъ фронтѣ и, какъ слѣдствіе, упадокъ духа въ германской арміи не разъ заставляли балтійцевъ задуматься о своемъ будущемъ и они возобновляли просьбы.

Въ октябрѣ 1918 г., когда за это дѣло энергично взялся капитанъ 1-го ранга бар. Георгій Николаевичъ Таубе, мечты превратились въ дѣйствительность — германцы согласились на формированіе. Но согласившись они поставили тяжелое условіе — войска національной обороны должны формироваться изъ всѣхъ мѣстныхъ народностей, т. е. изъ нѣмцевъ, русскихъ, латышей, литовцевъ и даже евреевъ. Пожелать было много легче, чѣмъ исполнить это желаніе на дѣлѣ. Особенно трудно въ этомъ отношеніи было съ латышами, которые неизвѣстно почему считали себя хозяевами положенія, требовали руководящей роли и ненавидѣли нѣмцевъ. А вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ они имѣли врожденное тяготѣніе къ большевизму и потому не только ихъ главенство, по даже простое участіе въ формированіи было нежелательнымъ. Во избѣжаніе обостренія отношеній между латышами и балтійцами капитанъ фонъ-Таубе предложилъ передать командованіе Ландесверомъ, нейтральному въ данномъ случаѣ, русскому генералу. Выборъ палъ на генералъ-маіора Юновича неимѣвшаго, правда, боевого стажа, но за то уважаемаго и любимаго всѣми, что въ цѣляхъ объединенія имѣло большое значеніе.

Въ время переговоровъ и приготовленій къ формированію въ Германіи разразилась революція и, конечно, сейчасъ же оказала вліяніе и на положеніе въ въ Прибалтійскомъ Краѣ. Съ одной стороны боязнь передъ большевиками внесла нѣкоторое объединеніе въ мѣстныя народности, съ другой стороны неожиданное объявленіе самостоятельной Латвіи германскимъ комиссаромъ Виннигомъ

снова осложнило работу, такъ какъ латыши возстали противъ формированія балтійскихъ и русскихъ частей.

Однако надвигавшаяся опасность краснаго нашествія помогла преодолѣть и это послѣднее препятствіе и въ серединѣ ноября были сформированы слѣдующіе четыре отряда:

Первый ударный отрядъ, германскаго образца, изъ балтійцевъ служившихъ въ германской арміи и теперь вернувшихся защищать свое отчество, а также и изъ тѣхъ, кто наиболѣе отвѣчалъ требованіямъ военной службы. Командиромъ ударнаго отряда былъ германскій ротмистръ В. Боомъ. Второй отрядъ, русскаго образца изъ балтійцевъ служившихъ въ русской арміи. Командиромъ отряда былъ русскій полковникъ Барнгауптъ. Третій отрядъ такой же по составу, какъ и второй, былъ подъ командою русскаго полковника барона Деллингсгаузенъ. Четвертый отрядъ былъ смѣшанный и состоялъ изъ молодежи, еще нигдѣ не служившей, подъ командой русскаго полковника Рааръ.

Всего въ Ландесверѣ было около 1000 человѣкъ.

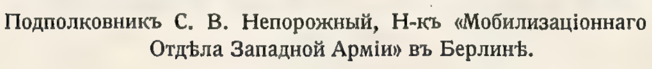
Кромѣ того по личной иниціативѣ были созданы еще слѣдующія самостоятельныя части: чисто русскій отрядъ въ 150 человѣкъ подъ командой капитана Дыдорова и 3 латышскихъ роты по 200 человѣкъ въ каждой, изъ которыхъ надежной, однако, была лишь одна, ибо въ другія двѣ попали люди безъ всякаго разбора и поведеніе ихъ солдатъ внушало подозрѣніе. Во всѣхъ вновь сформированныхъ частяхъ офицерами подъ общимъ руководствомъ русскаго полковника фонъ-Струве велось спѣшное обученіе военному дѣлу.

Между тѣмъ событія быстро развивались и наступленіе большевиковъ ожидалось со дня на день. Было ясно, что для успѣшной обороны было необходимо объединеніе всѣхъ антибольшевистскихъ войскъ въ Прибалтикѣ и подчиненіе ихъ одному общему командующему. Наиболѣе крупнымъ, въ то время тамъ формированіемъ была «Сѣверная Армія», которая, занимая своими частями Псковскую и Витебскую губ. прикрывала, такимъ образомъ, вмѣстѣ съ германскими войсками, весь Прибалтійскій Край. Вѣсть о томъ, что генералъ графъ Келлеръ выразилъ согласіе стать во главѣ «Сѣверной Арміи» разнеслась по всему краю и была принята съ большой радостью. Имя боевого генерала было очень популярно въ Прибалтикѣ и всѣ, безусловно, подчинились бы ему, какъ своему командующему. Однако неожиданно обстановка сложилась иначе. Графъ Келлеръ трагически погибъ въ Кіевѣ. Попытки же установить связь съ «Сѣверной Арміей», сдѣланныя Ландесверомъ черезъ полковника Родзянко, успѣхомъ не увѣнчались: послѣдній больше занимался вопросомъ своего производства въ генералы, чѣмъ общимъ дѣломъ, въ которое онъ ничего, кромѣ раздора и обостренія отношеній между русскими и германцами, не внесъ.

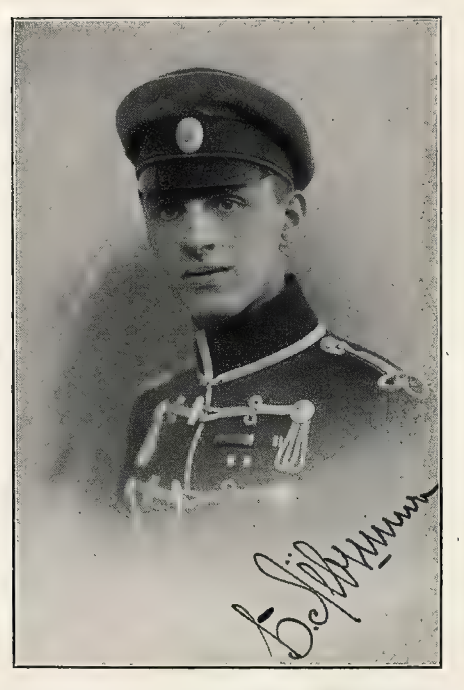
Несмотря на эту неудачу, объединеніе всетаки состоялось бы, въ силу создавшейся обстановки, если бы отступавшая подъ натискомъ большевиковъ «Сѣверная Армія» выбрала бы путемъ своего отхода направленіе на Ригу. Тогда передъ лицомъ надвигавшейся опасности, эти два формированія, родственныхъ по духу и настроенію, безусловно слились бы въ одно могучее цѣлое. И возможно, что колесо исторіи Прибалтійскаго Края повернулось бы въ другую и несомнѣнно лучшую сторону. Но и этому не суждено было осуществиться.

Гауптманъ фонъ Петерсдорфъ, одинъ изъ извѣстнѣйшихъ начальниковъ добровольческихъ отрядовъ въ Прибалтикѣ. Его личная храбрость вошла въ поговорку.

Генералъ-лейтенантъ Василій Викторовичъ Бискупскій.



Подполковникъ С. В. Непорожный, Н-къ «Мобилизаціоннаго Отдѣла Западной Арміи» въ Берлинѣ.



15-го гусарскаго Украинскаго полка ротмистръ Левшинъ, Командиръ Конвоя Командующаго Западной Арміи.

«Сѣверная Армія», какъ мною уже было изложено раньше, подписала договоръ съ Эстляндіей и отдала всѣ свои силы на защиту ея предѣловъ и самостоятельности. Однородныя по духу и цѣлямъ войска остались изолированными другъ отъ друга и окруженными врагами.

Положеніе Ландесвера становилось критическимъ. Германскія войска, въ громадномъ своемъ большинствѣ, совершенно разложились и на нихъ, какъ на боевую единицу, расчитывать было нельзя. Прибывшая англійская эскадра высказалась за поддержку латвійскаго правительства и отнеслась къ Ландесверу недоброжелательно, считая его германофильски настроеннымъ. Большевики съ каждымъ днемъ все болѣе и болѣе продвигались къ Ригѣ и свѣдѣнія съ фронта приходили печальныя. Такъ на Двинскомъ направленіи большевистская развѣка доходила до Огера — въ тридцати верстахъ отъ Риги; на Псковскомъ направленіи большевиками былъ занятъ городъ Венденъ.

Ландесверъ долженъ былъ готовиться къ единоборству съ большевиками, ибо надѣяться на помощь разложившихся германцевъ, политиканствующихъ англичанъ и большевиствующихъ латышей было нельзя. Въ его командномъ составѣ произошли перемѣны: общее руководство было передано русскому генералу барону Фрейтагъ-фонъ-Лоринговенъ, начальникомъ штаба къ нему былъ назначенъ полковникъ русскаго генеральнаго штаба фонъ-Рихтеръ; боевое командованіе было поручено германской службы маіору Шейблеръ, который пригласилъ начальникомъ штаба къ себѣ германскаго капитана Бэкманъ.

На военномъ совѣщаніи было рѣшено выслать въ указанныхъ выше двухъ направленіяхъ бронированный поѣздъ съ 200 добровольцами Ландесвера. Задачей этого отряда было установленіе истиннаго положенія на фронтѣ, а также, если это будетъ возможно, оттѣсненіе противника отъ подступовъ къ Ригѣ.

21-го декабря бронированный поѣздъ вышелъ въ направленіи на Огеръ. Тамъ были обнаружены небольшія развѣдывательныя части большевиковъ, которыя отступили, оставивъ въ рукахъ отряда нѣкоторое количество плѣнныхъ. При дальнѣйшемъ продвиженіи отрядъ Ландесвера вошелъ въ соприкосновеніе съ бронированнымъ поѣздомъ большевиковъ, который, однако, не вступая въ бой, быстро отошелъ на ст. Штокмансгофъ. 23-го декабря оборону и наблюденіе за этимъ участкомъ фронта взяла на себя германская «Желѣзная Дивизія» и отрядъ Ландесвера, воодушевленный первой удачей, вернулся въ Ригу.

На другой день, 24-го декабря подобная же рекогносцировка была предпринята и въ направленіи на Венденъ. Уже въ раіонѣ Зегевольда отрядъ наткнулся на авангардъ большевиковъ и, послѣ короткаго боя, заставивъ его отойти, двинулся дальше на ст. Рамоцкое. Обыскавъ мѣстечко и не замѣтивъ ничего подозрительнаго, отрядъ выслалъ впередъ на паровозѣ небольшую развѣдывательную партію. Пройдя нѣсколько километровъ, паровозъ неожиданно попалъ подъ сильный ружейный и пулеметный огонь большевиковъ, засѣвшихъ въ домахъ, сараяхъ и за изгородями. Потерявъ нѣсколько человѣкъ убитыми и ранеными, развѣдывательный отрядъ, преслѣдуемый противникомъ, вернулся обратно, присоединился къ Ландесверу и вмѣстѣ съ нимъ отступилъ на Венденъ. Оказалось, что въ этомъ направленіи сосредоточены главныя силы большеви-

ковъ — около четырнадцати латышскихъ и русскихъ батальоновъ, подкрѣпленныхъ еще Лобровольцами изъ числа большевистски настроеннаго мѣстнаго населенія.

Несмотря на тяжелыя условія, Ригу рѣшили всетаки защищать и для этого занять отрядами Ландесвера старыя германскія позиціи въ раіонѣ Хинценберга. Поддержаніе внутренняго порядка въ городѣ взяли на себя команды англійскихъ матросовъ. Однако, прежде чѣмъ этотъ планъ былъ приведенъ въ исполненіе, въ Ригѣ взбунтовались латышскіе отряды и тѣмъ самымъ еще болѣе усложнили и безъ того тяжелую обстановку. Латышское правительство растерялось и въ паникѣ готовилось къ бѣгству. Въ этотъ моментъ оно забыло свое высокомѣріе и готово было на всякія уступки. Оно безпрекословно выдало балтійцамъ полномочіе на подавленіе возстанія и послѣдніе при помощи англійской артиллеріи разоружили латышей.

Но все это отняло дорогое время и на позиціи у Хинценберга Ландесверъ выступилъ лишь 30-го и не въ полномъ составѣ. Возстаніе латышей требовало осторожности и въ городѣ былъ оставленъ для обезпеченія тыла ударный отрядъ Ландесвера.

Всѣми выступившими частями командовалъ полковникъ Барнгауптъ. Въ ту же ночь большевики перешли въ наступленіе и потѣснили части Ландесвера; утромъ же они открыли ураганный артиллерійскій огонь, которымъ приковали войска Ландесвера къ мѣсту и лишили ихъ свободы маневрированія.

Въ виду серьезности положенія изъ Риги былъ вызванъ ударный отрядъ. Послѣдній задержалъ наступленіе большевиковъ и подъ его прикрытіемъ остальныя части благополучно отошли къ Ригѣ. Потери Ландесвера были большія и между ними командиръ батареи капитанъ Циніусъ.

Несмотря на эту значительную неудачу, все же было рѣшено возобновить борьбу и оказать сопротивленіе около самыхъ подступовъ къ Ригѣ. Надѣялись, что эта оборона будетъ поддержана артиллеріей англійской эскадры, но командиръ послѣдней заявилъ, что по требованію своего правительства онъ покидаетъ портъ.

Это заявленіе англичанъ очень показательно и ярко рисуетъ ихъ отношеніе къ Россіи: противъ большевистскихъ бандъ, несшихъ ужасы чрезвычаекъ, они не пожелали выступить, противъ же моихъ войскъ, боровшихся за возстановленіе Родины, они не задумались пустить въ ходъ свою судовую артиллерію.

Послѣ отказа англичанъ въ поддержкѣ всякая защита Риги отпадала и, Ландесверъ, очистивъ городъ, продолжалъ свое отступленіе на Митаву, куда и прибылъ 2-го января вечеромъ. Здѣсь положеніе было тоже не лучше: населеніе враждебное, отъ Двины приближались банды большевиковъ. Въ бояхъ съ ними Ландесверъ медленно отходилъ на западъ и въ раіонѣ Виндавы вошелъ въ соприкосновеніе съ германсками частями Либавскаго гарнизона.

Послѣднія занимали оборонительную линію по рѣкѣ Виндавѣ и готовились къ бою съ надвигавшимися большевиками. Тамъ же находились и мѣстныя латышскія части подъ командою полковника Колпака. Ландесверъ, вмѣстѣ съ присоединившимися къ нему отрядами барона Раденъ и барона Ганъ, вошелъ въ составъ этихъ оборонительныхъ войскъ Либавы и получилъ участокъ на фронтѣ.

Туда же прибылъ и русскій отрядъ полковника Афанасьева, раньше бывшій въ составѣ «Сѣверной Арміи», но во время отступленія потерявшій съ ней связь. По приказанію германскаго командованія въ Либавѣ во главѣ Ландесвера временно сталъ полковникъ германской службы фонъ-Розенъ, а двѣ недѣли спустя его смѣнилъ, прибывшій изъ Германіи, маіоръ Альфредъ Флетчеръ.

Съ этого момента начинается второй періодъ дѣйствій Ландесвера. Маіоръ Флетчеръ оказался энергичнымъ, боевымъ и храбрымъ полководцемъ и одновременно талантливымъ военнымъ организаторомъ. Онъ не теряя ни минуты времени, сейчасъ же по пріѣздѣ, приступилъ къ реорганизаціи Ландесвера. Конечно, какъ офицеръ германской службы — онъ все создавалъ по образцу германской арміи и вскорѣ Ландесверъ превратился въ однородный по выправкѣ и обученію отрядъ. За маіоромъ Флетчеръ въ ряды Ландесвера начали поступать и другіе германскіе офицеры и унтеръ--офицеры, которые, естественно, вскорѣ заняли первенствующее положеніе. Строгая дисциплина и усиленныя занятія подъ непосредственнымъ наблюденіемъ германскихъ офицеровъ и унтеръ-офицеровъ сразу создали обстановку, которая показалась тяжелой для балтійской молодежи, но въ то же время и необходимой, такъ какъ только благодаря ей, Ландесверъ превратился въ дѣйствительную воинскую часть.

Реорганизація по германскому образцу Ландесвера повлекла за собой и перемѣны въ его командномъ составѣ. Всѣ русскіе офицеры покинули свои посты и большинство изъ нихъ, за исключеніемъ молодыхъ, совершенно вышли изъ его рядовъ. Изъ нихъ, а также изъ тѣхъ, которые оказались отрѣзанными отъ «Сѣверной Арміи» былъ сформированъ русскій отрядъ подъ командованіемъ ротмистра князя Ливенъ.

Такимъ образомъ въ результатѣ всѣхъ переформированій къ концу января мѣсяца образовались слѣдующія группы войскъ:

I. Германскаго образца съ германскимъ коммандымъ составомъ и добровольцами изъ числа балтійцевъ и германскихъ солдатъ:

1-ый ударный отрядъ съ одной батареей и эскадрономъ кавалеріи подъ командою бар. Мантейфель,

2-ой отдрядъ подъ командою гауптмана фонъ-Іена,

3-ій отрядъ подъ командою ротмистра Мальмеде,

1-ый кавалерійскій отрядъ бар. Ганъ,

2-ой кавалерійскій отрядъ бар. Драхенфельсъ,

3-ій кавалерійскій отрядъ бар. Энгельгардтъ,

Саперный отрядъ бар. Штромбергъ.

II. Русскаго образца, съ русскимъ командымъ составомъ и добровольцами изъ числа балтійцевъ неслужившихъ въ германскихъ войскахъ и изъ русскихъ солдатъ военноплѣнныхъ:

1. Русскій отрядъ изъ 3-хъ родовъ оружія ротмистра кн. Ливенъ,

2. Русскій отрядъ капитана Дыдорова.

III. Русскаго образца съ латышскимъ (бывшимъ на русской службѣ) коммандымъ составомъ и съ добровольцами латышами, служившими и неслужившими въ русской арміи:

Латышскій отрядъ полковника Колпака.

Пока шло это переформированіе первые организаторы и иниціаторы Ландесвера отправились за границу, имѣя намѣреніе достать тамъ необходимыя денежныя средства. Такъ бар. Таубе уѣхалъ въ Данію, а бар. Мейендорфъ въ Англію. Однако всѣ ихъ переговоры положительныхъ результатовъ не дали, этому мѣшала непріязнь указанныхъ государствъ къ германцамъ, съ которыми Ландесверъ продолжалъ работать вмѣстѣ.

Но что не удалось за границей, то было довольно легко достигнуто на мѣстѣ г. фонъ-Самсонъ. Германское командованіе въ Либавѣ согласилось на снабженіе Ландесвера вооруженіемъ, снаряженіемъ и обмундированіемъ, а также отпускать и необходимыя денежныя средства.

Въ Либаву прибылъ генералъ графъ фонъ-деръ-Гольцъ и сталъ во главѣ всѣхъ антибольшевистскихъ формированій. Имъ были созданы еще слѣдующія германскія добровольческія части: 1) Желѣзная Дивизія подъ командою маіора Бишофъ, 2) гвардейская резервная дивизія и 3) много еще другихъ германскихъ добровольческихъ отрядовъ.

Тяжелое положеніе Либавы миновало и на смѣну ему наступалъ періодъ активныхъ дѣйствій добровольцевъ, закончившійся взятіемъ Риги.

Наступательныя дѣйствія начались 2-го марта и выразились въ налетѣ на гор. Виндаву. Въ этой экспедиціи участвовалъ первый ударный отрядъ бар. Мантейфель, 800 штыковъ при 2 орудіяхъ, усиленный еще ротой Радена, ротой Клейста, эскадрономъ Гана и русскимъ отрядомъ князя Ливена. Быстрота этого наступленія и полная неожиданность его для большевиковъ способствовали блестящему успѣху. Большевики, послѣ короткаго боя, очистили городъ и въ безпорядкѣ отступили въ направленіи на Туккумъ.

Насколько наступленіе было неожиданнымъ показываетъ тотъ фактъ, что большевики въ день занятія добровольцами Виндавы назначили вечеромъ маскированный балъ въ лютеранской кирхѣ.

Укрѣпивши свое положеніе въ Виндавѣ, добровольцы 13-го марта предприняли большое наступленіе въ направленіи на Митаву, закончившееся 18-го марта взятіемъ этого города.

Наступленіе велось отдѣльными колоннами, направленными по параллельнымъ дорогамъ.

Сѣверная колонна — ударный отрядъ бар. Мантейфеля, силою въ 1200 чел. шла въ направленіи на Туккумъ и должна была подойти къ нему съ сѣверной стороны.

Вторая колонна (второй и третій отряды Ландесвера) подъ общею командою Эйленбурга силою въ 800 чел. направлялась также на Туккумъ, но нѣсколько южнѣе первой.

Русскій отрядъ князя Ливенъ[1] силою въ 250 чел. составлялъ третью колонну и имѣлъ направленіе на дорогу — Туккумъ—Митава въ пунктъ, лежащій двадцать километровъ южнѣе Туккума.

[1] Русскій отрядъ капитана Дыдорова слился съ отрядомъ князя Ливена подъ общею командою послѣдняго.

Четвертой колонной шелъ латышскій отрядъ полковника Баллодъ[1], силою въ 2000 чел. въ направленіи на гор. Добленъ.

Южнѣе группы Баллода по линіи желѣзной дороги отъ Муравьева къ Альтъ-Ауцу продвигалась «Желѣзная Дивизія» силою въ 4000 чел. и еще правѣе ея шла германская гвард. резервная дивизія.

Все наступленіе велось ускореннымъ темпомъ и носило характеръ налета. Серьезнаго сопротивленія встрѣчено не было и черезъ пять дней всѣ колонны достигли своихъ конечныхъ пунктовъ и ими были заняты Туккумъ и Митава, а также и мѣстность, лежащая между названными городами.

Большевики пытались вернуть потерянные ими важные пункты и повели контръ-наступленіе на Туккумъ и Митаву. Однако небольшіе добровольческіе гарнизоны этихъ городовъ самостоятельно отбили наступленіе большевиковъ и снова вынудили ихъ къ отступленію.

Къ 20-му марту положеніе добровольцевъ въ занятомъ раіонѣ вполнѣ укрѣпилось и они сейчасъ же начали готовиться къ походу на Ригу. Несмотря на горячее желаніе Лобровольцевъ ландесвера немедленно двинуться на выручку Риги, гдѣ томились ихъ родные, наступленіе это по причинамъ экономическаго, тактическаго и политическаго характера все время откладывалось. Необходимо было предварительно: 1) оборудовать тылъ, исправить желѣзныя дороги, 2) разрѣшить продовольственный вопросъ для жителей Риги по ея занятіи, 3) сговориться съ Антантой относительно дальнѣйшаго участія германскихъ войскъ въ походѣ.

Послѣдній пунктъ былъ особенно труднымъ для разрѣшенія. Съ одной стороны германское правительство было противъ участія германскихъ войскъ въ дальнѣйшихъ операціяхъ и продвиженія ихъ за линію рѣки Аа Курляндской, считая, что задача ихъ по обезпеченію восточной границы Германіи отъ нашествія большевиковъ выполнена занятіемъ этой линіи и гор. Митавы. Съ другой стороны правительства Антанты также не были склонны согласиться на дальнѣйшую помощь германцевъ при борьбѣ съ большевиками и кромѣ того вообще не могли рѣшить, кто долженъ собственно занять Ригу — балтійцы или латыши и если послѣдніе, то какое ихъ правительство: свергнутое ли правительство Ульманиса или правое — Нѣдры? Антантѣ улыбалось занятіе Риги латышами и съ правительствомъ Ульманиса, но на это не соглашались балтійцы и нѣмцы, которые считали Ульманиса полубольшевикомъ. Переговоры затягивались, время шло и большевики снова подтянули свои части къ Ригѣ, которую они уже начали эвакуировать въ періодъ ихъ паническаго отступленія изъ Курляндіи. На фронтъ противъ Митавы они сосредоточили до четырнадцати тысячъ своихъ красныхъ войскъ подкрѣпленныхъ артиллеріей и прослоенныхъ коммунистическими ротами, задачей которыхъ было сохраненіе внутренной спайки.

Наступающая группа добровольцевъ вмѣстѣ съ германцами насчитывала въ своихъ рядахъ до 10000 чел., но имѣла перевѣсъ въ артиллеріи, техникѣ и знаніи военнаго дѣла.

[1] Полковникъ Колпакъ погибъ во время боевъ съ большевиками на Либавскомъ фронтѣ и въ командованіе латышскимъ отрядомъ вступилъ полковникъ Баллодъ.

Пассивность добровольцевъ была сочтена большевиками за ихъ слабость, они обнаглѣли и непрерывно производили нападенія на посты и заставы. Наконецъ съ 18 по 20 мая они уже крупными силами повели наступленіе на различныхъ участкахъ добровольческаго фронта, имѣя, повидимому, намѣреніе сбить ихъ заставы и обходомъ праваго фланга принудить къ общему отступленію отъ подступовъ къ Риги. Однако всѣ атаки большевиковъ были отбиты съ большими потерями для нихъ убитыми, ранеными и плѣнными. Послѣднихъ было особенно много.

Изъ опроса плѣнныхъ выяснилось, что 22-го мая большевики, несмотря на неудачу, намѣреваются по приказанію Троцкаго-Бронштейна обрушиться на добровольцевъ всѣми своими силами и прорвать линію ихъ фронта. Командиръ Ландесвера маіоръ Флетчеръ рѣшилъ предупредить это нападеніе и перешелъ самъ въ энергичное наступленіе. Его примѣру послѣдовали и другія добровольческія части, не исключая и германскихъ, хотя послѣднія такъ и не получили разрѣшенія отъ своего правительства продолжать борьбу.

Ночью 22-го мая Ландесверъ, имѣя ударный отрядъ бар. Мантейфель во главѣ, неожиданно атаковалъ большевиковъ, пробился въ ихъ тылъ и, не давая имъ опомниться, ускореннымъ маршемъ двинулся на Ригу, намѣреваясь занять городскіе мосты черезъ Двину, раньше чѣмъ туда подойдутъ сбитыя имъ большевистскія части.

Латышскій и русскій отряды подъ общею командою полковника Баллода начали наступленіе по южному берегу озера Бабитъ. По рѣкѣ Аа Курляндской двинулась спеціально оборудованная флотилія, а сѣвернѣе рѣки были направлены сводныя части Ландесвера и латышей.

Желѣзная дивизія для обезпеченія своихъ, обнаженныхъ этимъ наступленіемъ фланговъ, вынуждена была также перейти въ наступленіе по шоссе Митава—Рига. Большевики были застигнуты врасплохъ. Они узнали о наступленіи добровольцевъ, лишь только тогда, когда тѣ уже вступали въ городъ.

Ударный отрядъ Дандесвера подъ командою своего храбраго командира шелъ напроломъ: его не могли остановить тактическія соображенія по обезпеченію своихъ фланговъ или по поддержанію связи съ сосѣдями, онъ спѣшилъ къ тюрьмамъ, гдѣ уже давно томились родные добровольцевъ, бывшихъ въ его рядахъ. Все сметалось ими на своемъ пути и большевики въ паникѣ бѣжали на востокъ. Уже въ городѣ шальная пуля сразила ихъ героя-командира бар. Мантейфель. Этотъ самоотверженный поступокъ добровольцевъ ударнаго отряда и ихъ командира, спасшій многихъ отъ смерти, является однимъ изъ самыхъ красивыхъ боевыхъ воспоминаній Балтійскаго Ландесвера.

Одновременно съ передовыми частями Ландесвера въ Ригу, но только съ другой стороны, вступали бронированные автомобили «Желѣзной Дивизіи», которые руководимые лично начальникомъ дивизіи маіоромъ Бишофъ, во многомъ способствовали полному пораженію большевиковъ[1].

[1] Одновременно съ маіоромъ Бишофъ и барономъ Мантейфелъ вступиль въ Ригу и гауптманъ фоиъ-Петерсдорфъ со своимъ храбрымъ добровольческимъ отрядомъ и сейчасъ же начавъ преслѣдованіе большевиковъ, прорвался въ ихъ тылъ и тѣмъ самымъ принудилъ ихъ къ паническому бѣгству.

Къ 6-ти часамъ вечера 22-го мая Рига была уже во власти добровольцевъ. Картина, представшая ихъ взорамъ, была поистинѣ ужасная.

Какъ не спѣшили храбрецы ударнаго отряда, все же большевики успѣли въ послѣднюю минуту разстрѣлять многихъ изъ заложниковъ, а другихъ угнать за собой вглубь страны. Этой ужасной участи подверглись, главнымъ образомъ, заключенные въ тюрьмахъ, расположенныхъ на окраинѣ города. Туда добровольцы проникли позднѣе, сосредоточивъ все свое вниманіе на взятіи главной тюрьмы «цитадели», гдѣ томилось больше всего жертвъ большевистскаго произвола.

Внутренніе дворы всѣхъ этихъ тюремъ были положительно завалены трупами несчастныхъ, разстрѣлянныхъ большевиками на скорую руку и безъ всякаго разбора. Среди погибшихъ было много женщинъ и даже дѣтей. Эти жертвы лежатъ темнымъ пятномъ на совѣсти «союзниковъ», и, главнымъ образомъ, англичанъ, которые, имѣя возможность отстоять Ригу отъ большевистскаго нашествія, (могли потому, что сдѣлали это позднѣе для латышей, открывъ губительный огонь по моимъ войскамъ) предпочли однако безъ всякаго боя уйти изъ Рижскаго порта. Тогда они заявили, что не хотятъ вмѣшиваться въ наши внутреннія дѣла! Какой цинизмъ проглядываетъ въ этихъ словахъ и какая жестокость политики, направленной лишь въ свою пользу.

Занявши Ригу, командиръ Ландесвера, какъ главнокомандующій всѣми добровольческими войсками, организовалъ городское управленіе и возстановилъ полицейскія власти, которыя сейчасъ же принялись за приведеніе города въ порядокъ.

Въ Ригу прибыло новое латышское правительство Нѣдры, а также и нѣкоторые представители «союзныхъ державъ». Первымъ пріѣхалъ началникъ американской военной миссіи полковникъ Гринъ въ сопровожденіи офицеровъ своего штаба и представителей продовольственнаго отдѣла, во главѣ котораго стоялъ маіоръ Фолькеръ. Американцы, какъ всегда, проявили свою дѣятельность въ оказаніи дѣйствительной помощи: они организовали снабженіе продовольствіемъ, помогли своими средствами въ санитарномъ и дезинфекціонномъ дѣлѣ. Все, что предпринималось ими, было направлено къ облегченію положенія жителей многострадальнаго города и ихъ освободителей.

Иначе вели себя англичане и французы. Прежде всего въ Ригу пріѣхали лишь офицеры военныхъ миссій, тогда какъ ихъ начальники англійской — маіоръ Кэнамъ и французской полковникъ Дюпаркэ трусливо остались въ Либавѣ на квартирѣ бѣжавшаго оттуда ихъ друга министра-президента Ульманиса. Пріѣхавъ затѣмъ нѣсколько дней спустя въ Ригу, они взялись сейчасъ же за свое излюбленное дѣло — интриганство и за разрушеніе всего созданнаго общими усиліями добровольцевъ.

Большевики, очистивъ Ригу, въ паникѣ отступали безъ остановки на востокъ. Они боялись за пути своего отступленія, которымъ съ сѣвера угрожали добровольческія войска «Сѣверо-Западной Арміи». Начни тогда «Сѣверо-Западная Армія» наступленіе на югъ въ направленіи на города Островъ—Рѣжица—Двинскъ и вся Рижскоя группа большевиковъ была бы вынуждена на капитуляцію. Однако генералъ Родзянко не учелъ

этого обстоятельства и, обуреваемый честолюбивымъ замысломъ самостоятельно занять Петербургъ, выпустилъ большевиковъ изъ западни и далъ имъ возможность выравнить свой фронтъ по линiи Крейцбургъ—Лубанское озеро—Псковъ.

Вмѣсто русскихъ добровольцевъ генерала Родзянко, съ сѣвера начали продвигаться эстонскiя войска, но не съ цѣлью помочь Ландесверу разбить большевиковъ, а лишь для захвата очищенной большевиками территорiи и оставленнаго ими имущества.

Около гор. Вендена встрѣтились преслѣдующiя большевиковъ части Ландесвера съ одной стороны и занимающiя очищенную территорiю эстонскiя войска съ другой стороны. Казалось бы, что встрѣча должна была бы быть дружественной, ибо и тѣ и другiе боролись противъ большевиковъ. Такъ думали по крайней мѣрѣ балтiйцы, но эстонцы, имѣя въ своихъ рядахъ большевиствующихъ сторонниковъ свергнутаго латышскаго правителства Ульманиса, сразу повели себя враждебно-предательски. Они заняли мостъ передъ гор. Венденъ и преградили дальнѣйшiй путь Ландесверу. Попытка послѣдняго продвинуться впередъ была встрѣчена огнемъ эстонцевъ и такимъ образомъ военныя дѣйствiя начались. Между ст. Рамоцкое и Лигатъ произошла уже болѣе крупная перестрѣлка, закончившаяся къ вечеру занятiемъ обѣими сторонами враждебныхъ позицiй другъ противъ друга.

Въ этотъ инциндентъ вмѣшались «союзники» и предложили начать мирные переговоры. На другой день 6-го iюня въ раiонѣ расположенiя частей Ландесвера должна была произойти встрѣча уполномоченныхъ обѣихъ сторонъ. Каково же было негодованiе балтiйцевъ, когда, вмѣсто ожидаемой мирной комиссiи, изъ Вендена выѣхали два эстонскихъ бронированныхъ поѣзда и двинулись на нихъ. Слово «предательство» въ одинъ моментъ разлетѣлось по всей позицiи и оттуда сейчасъ же былъ открытъ огонь, на который бронированные поѣзда не замедлили отвѣтить.

Ландесверъ перешелъ въ энергичное наступленiе, опрокинулъ эстонскiя части и, не давая имъ возможности занять новыя позицiи, на ихъ плечахъ, еще въ тотъ же день вечеромъ занялъ гор. Венденъ. Эстонцы, ошеломленные этимъ быстрымъ натискомъ, даже и не пробовали вернуть свои потерянныя позицiи и ограничились безцѣльнымъ артиллерiйскимъ обстрѣломъ самого города. Послѣ этого происшествiя, какъ въ штабѣ Ландесвера, такъ и въ правительствѣ пришли къ тому заключнiю, что, прежде чѣмъ снова начать борьбу съ большевиками или же заниматься возстановленiемъ страны и городовъ, необходимо въ первую голову разрѣшить и при томъ вполнѣ опредѣленно эстонскiй вопросъ. Всѣмъ было ясно, что эстонцы, наступая совмѣстно съ латышами, приверженцами правительства Ульманиса, не остановятся на полпути, а выждавъ удобный моментъ, снова будутъ пытаться захватить территорiю освобожденную добровольцами.

Предвидя борьбу съ эстонцами, балтiйцы рѣшили войти въ соглашенiе съ Сѣверо-Западной Армiей, занимавшей тогда раiонъ городовъ Нарвы и Пскова, дабы совмѣстными усилiями покончить съ большевиствующими эстонцами, какъ это ими уже было сдѣлано съ латышскимъ правительствомъ Ульма-

Контръ-адмиралъ Баронъ Таубе, Командиръ Балтійскаго Ландесвера.

Тайный Совѣтникъ К. Р. Гершельманъ Начальникъ Гражданской части при Западнной Арміи.
Дорогому, горячолюбимому началънику князю П. М. Авалову отъ искренно нреданнаго и благодарнаго К. Р. Гершельманъ.

Баронъ Рудолфъ ф. Энгельгардтъ, завѣдующій финансовымъ и торгово-промышленнымъ отдѣломъ Совѣта Управленія при Западной Арміи. Дѣятельностью своей принесъ много пользы нашему общему дѣлу.

Графъ Игнатьевъ и Командующій на обѣдѣ у командира Корпуса гв. полковника Потоцкаго.

Русскіе и нѣмецкіе офицеры Пограничнаго Отряда.

Посѣщеніе лагеря Целле княземъ Аваловымъ и членами благотворительнаго комитета въ Гамбургѣ.

Походная церковь въ лагерѣ Альтенграбовѣ, гдѣ находились русскія части западной Арміи, послѣ ея отхода изъ Курляндіи.

ниса. Для осуществленія этихъ замысловъ въ Нарву были отправлены аэропланы съ уполномоченными, которые опустились по ошибкѣ въ раіонѣ расположенія эстонскихъ войскъ и были ими интернированы.

Близорукость, которую тогда обнаружилъ командующій Сѣверо-Западной арміей генералъ Родзянко, особенно ярко выступаетъ въ описаніи имъ самимъ момента прилета аэроплановъ. Особыхъ комментарій, какъ говорится, не требуется и достаточно привести лишь нѣсколько выдержекъ изъ его книги «Воспоминанія о Сѣверо-Западной Арміи».

Генералъ Родзянко сперва откровенно заявляетъ о своей полной неосвѣдомленности въ томъ, что дѣлалось у него въ тылу (раіонъ Рига—Валкъ—Двинскъ). Онъ какъ бы гордится тѣмъ, что они «никакой связи съ этой организаціей (Ландесверомъ) не имѣли.» Онъ пишетъ:

«......Послѣ занятія эстонцами Пскова нѣмецкія войска и Ландесверъ, находившіеся въ Курляндіи у Либавы, перешли въ наступленіе, очень быстро заняли Ригу и выдвинулись восточнѣе ея, подойдя къ Вендену. Свѣдѣнія объ ихъ движеніи получались у насъ очень скудныя, такъ какъ никакой связи съ этой организаціей мы не имѣли; намъ было извѣстно только то, что въ наступленіи принимаютъ участіе нѣмецкая Желѣзная Дивизія, Балтійскій Ландесверъ и русскій отрядъ подъ командою ротмистра князя Ливенъ. Направленіе, которое взяли эти войска, эстонскому командованію показалось подозрительнымъ, и, зная непріязненныя отношенія между эстонцами и нѣмцами, я сильно боялся, чтобы между ними не вышло столкновенія......»

Дальше генералъ разсказываетъ о самомъ моментѣ спуска перваго аэроплана, на которомъ прилетѣлъ сенаторъ Нейдгардтъ и затѣмъ еще двухъ другихъ. Въ первомъ случаѣ генералъ Родзянко обидѣлся на эстонцевъ, что они арестовали его автомобиль, попавшій имъ подъ руку во время возни съ аэропланомъ. Онъ даже потребовалъ извиненія отъ эстонцевъ и тѣ исполнили его желаніе. Во второмъ случаѣ, когда прилетѣли еще два аэроплана, то они опустились уже въ раіонѣ расположенія русскихъ войскъ, но эстонцы все же арестовали ихъ, а генерала Родзянко и близко къ нимъ не подпустили. Онъ опять потребовалъ извиненія и эстонцы снова извинились. Все значитъ въ порядкѣ. Главное, чтобы извинялись. Однако предоставимъ ему самому разсказать все происшедшее. Онъ повѣствуетъ:

«......Возвращаясь однажды въ Нарву съ очередной поѣздки на фронтъ, я узналъ, что въ Нарву прилетѣлъ на аэропланѣ вмѣстѣ съ нѣмецкимъ лейтенантомъ сенаторъ Нейдгардтъ изъ Риги. Эстонскія власти приказали его арестовать, при чемъ, по недоразумѣнію арестовали и одинъ изъ моихъ автомобилей, на которомъ совершенно случайно, проѣзжалъ недалеко отъ мѣста спуска аэроплана завѣдующій автомобилями корнетъ Вальтеръ. По этому поводу я потребовалъ отъ эстонскаго командованія извиненія, которыя и были мнѣ принесены. Отвѣчая на вопросы присутствующихъ при спускѣ, сенаторъ Нейдгардтъ разсказалъ, что на слѣдующій день должны были прилетѣть еще два аэроплана. Озлобленіе эстонцевъ противъ нѣмцевъ возростало и особенно усилилось, когда пришло извѣстіе, что нѣмецкая Желѣзная Дивизія собирается занять Венденъ. На слѣдующій день дѣйствительно прилетѣли два другихъ аэроплана съ нѣмецкими знаками и спустились у ст. Салы. Я какъ разъ въ то время ѣхалъ въ Ямбургъ и встрѣтилъ по дорогѣ нѣмецкихъ авіаторовъ съ ихъ спутниками сильно избитыхъ арестовавшими ихъ эстонцами; одинъ изъ нихъ былъ даже раненъ. Ведшій ихъ эстонскій офицеръ и солдаты держали себя весьма вызывающе. Когда я хотѣлъ подойти и узнать въ чемъ дѣло, они меня къ арестованнымъ не допустили несмотря на то, что аэропланы снизились на нашей территоріи. Я вернулся въ штабъ 1-ой эстонской

дивизіи и категорически заявилъ, что я совершенно не знаю, что это за аэропланы и для чего они прилетѣли, но требую, чтобы на русской территоріи эстонцы не позволяли себѣ кого бы то ни было задерживать безъ разрѣшенія русскихъ военныхъ властей. Эстонскія власти принесли мнѣ свои извиненія, и я тутъ же отправилъ телеграмму генералу Лайдонеръ о происшедшемъ, при чемъ завѣрилъ его, что никакихъ сношеній съ нѣмецкими властями у меня не было и цѣль прилета аэроплана мнѣ совершенно неизвѣстна. Прилетъ этихъ аэроплановъ значительно ухудшилъ отношенія между нами и эстонцами, тѣмъ болѣе, что эстонцы ставили его въ связь съ начавшимся въ это время наступленіемъ на Эстонію нѣмецкаго Ландесвера: по всей Эстоніи началось поголовное гоненіе на всѣхъ прибалтійскихъ нѣмцевъ. Мнѣ же цѣль прилета аэроплановъ неизвѣстна и до сихъ поръ; результатовъ судебнаго слѣдствія, которое велось по этому поводу эстонскими властями мнѣ получить не удалось. Впослѣдствіи я спрашивалъ князя Ливенъ, не онъ ли посылалъ эти аэропланы, но онъ отвѣтилъ, что о посылкѣ ихъ ничего не зналъ и вообще считалъ поведеніе Ландесвера безтактнымъ, объясняя его провокаціей со стороны нѣмцевъ, которая имъ вполнѣ удалась. Можетъ быть въ этомъ безцѣльномъ наступленіи сыграло роль желаніе нѣкоторыхъ балтійскихъ помѣщиковъ поскорѣе вернуть свои имѣнія. Для насъ во всякомъ случаѣ было очень грустно, что наладившіяся было хорошія отношенія съ эстонцами этими фактами сильно испортились. Эстонскія газеты подняли шумиху, а лозунги, выдвинутые генераломъ Деникинымъ и для эстонцевъ явно непріемлимые, «Великая, Единая и Недѣлимая Россія» еще болѣе усилили ихъ недовольство и отношенія наши еще ухудшились. Если бы у меня не было такъ много дѣла на фронтѣ, я бы, по всей вѣроятности, больше вниманіе удѣлилъ прилету аэроплановъ, но тутъ мнѣ было не до нихъ..»

Изъ этого откровеннаго повѣствованія можно заключить, что г. генералу было куда милѣе итти рука объ руку съ эстонцами-самостійниками, чѣмъ съ балтійцами, сражавшимися противъ большевиковъ. Онъ такъ былъ занятъ своими партизанскими дѣйствіями, что ему некогда было заняться этими, по его компетентному мнѣнію, вздорными дѣлами. Интересно, сознаетъ ли теперь бывшій командующій Сѣверо-Западной Арміей, что отъ этого момента зависило все будущее его арміи и если бы въ то время было принято правильное рѣшеніе, то ни Эстоніи, ни Латвіи не существовало бы, а были бы лишь національныя русскія войска на территоріи Прибалтійскаго края, и ему такимъ образомъ не пришлось бы сѣтовать на своего главнаго руководителя генерала Деникина за лозунги «Великая, Единая и Недѣлимая Россія». Навѣрное онъ этого не сознаетъ. Вѣдь ему достаточно было извиненій мелкихъ эстонскихъ начальниковъ, послѣ чего онъ посылалъ своему главнокомандующему эстонскому генералу Лайдонеръ телеграммы съ выраженіемъ «вѣрноподданѣйшихъ чувствъ.» Въ этомъ заключалась его главная дѣятельность. Затѣмъ онъ партизанилъ и посылалъ несчастныхъ чиновъ своей арміи голодными, холодными и раздѣтыми въ бой, ибо это требовали эстонцы. Мнѣ безумно жалко офицерскій и солдатскій составъ Сѣверо-западной арміи, они показали себя храбрецами и можно только удивляться ихъ терпѣнію и выносливости.

Результаты «дальновидной политики» генерала Родзянко не замедлили быстро сказаться. Объ этомъ онъ самъ свидѣтельствуетъ дальше такой фразой: «Вскорѣ послѣ прилета аэроплановъ эстонцы прекратили выдачу намъ денегъ и продовольствія.»

Въ этотъ рѣшительный моментъ не меньшую близорукость обнаружилъ и начальникъ русскаго отряда при Ландесверѣ ротмистръ князь Ливенъ. Будучи

раненымъ въ бояхъ съ большевиками уже послѣ занятія добровольцами Риги, князь Ливенъ фактически не командовалъ своимъ отрядомъ, но руководилъ имъ въ политическомъ и хозяйственномъ отношеніи.

Узнавъ о столкновеніи Ландесвера съ эстонцами, онъ сейчасъ же приказалъ отозвать свой отрядъ съ фронта и объявилъ Главнокомандующему маіору Флетчеръ, что его отрядъ въ данномъ инциндентѣ занимаетъ нейтральное положеніе. Князь Ливенъ объяснилъ свое рѣшеніе тѣмъ, что онъ якобы не хотѣлъ вмѣшиваться во внутреннія распри балтійцевъ, латышей и эстонцевъ. Но тутъ была не распря, а борьба эстонцевъ и латышей Ульманиса за свою самостоятельность и казалось бы ротмистру князю Ливенъ, столь гордившемуся признаніемъ генерала Деникина его отряда, слѣдовало бы придерживаться и его лозунговъ «Великая, Единая и Недѣлимая Россія». Однако товарищи по полку полковникъ Родзянко и ротмистръ князь Ливенъ считали все, что приказывалось «союзниками» на пользу Россіи, а все, что предпринималось съ помощью германцевъ — германской провокаціей.

Латышскія части Ландесвера также объявили нейтралитетъ и ихъ начальникъ полковникъ Баллодъ предложилъ ихъ примѣнить либо на охрану внутренняго порядка въ Ригѣ, либо на оборону большевистскаго фронта со стороны Двинска.

Такимъ образомъ силы таяли и положеніе балтійцевъ ухудшалось, но это не заставило ихъ отказаться отъ своихъ правъ и они храбро отстаивали ихъ.

«Союзники» снова предприняли шаги къ заключенію мира обѣими сторонами и сдѣлали предложеніе маіору Флетчеръ, что они берутъ на себя организацію мирныхъ переговоровъ, которые во избѣжаніе недоразумѣній должны были вестись въ присутствіи «союзныхъ» представителей. Балтійцы и эстонцы соглашаются на это предложеніе и 10-го іюня въ гор. Венденѣ происходитъ встрѣча обѣихъ сторонъ. Отъ балтійцевъ въ переговорахъ участвовали: маіоръ Флетчеръ, его начальникъ штаба графъ Дона, латышскій военный министръ др. Ванкинъ (министерства Нѣдры) и капитанъ 1-го ранга бар. Таубе; отъ эстонцевъ пріѣхали полковники Ринкъ и Рикъ и латышскій полковникъ Калниншъ. Кромѣ того прибыли представители «союзныхъ» державъ изъ Риги и Ревеля въ количествѣ восьми человѣкъ. Предсѣдательствовалъ американскій полковникъ Гринъ.

Балтійцы поставили слѣдующія главныя два условія мира: 1) очищеніе эстонцами территоріи Латвіи съ разрѣшеніемъ имъ взять съ собой свое военное имущество и съ правомъ пользоваться линіей ж. д. Рамоцкое—Шванебургъ; 2) выдача всѣхъ латышскихъ войскъ, приверженцевъ Ульманиса, съ завѣреніемъ, что они будутъ приняты въ ряды латышскихъ частей Ландесвера.

Эстонцы же требовали отхода Ландесвера на линію старыхъ германскихъ позицій между Хинценбергомъ и Зегевольдомъ.

Въ виду того, что обѣ стороны не хотѣли уступать «союзные» представители устроили отдѣльное совѣщаніе и вынесли свое постановленіе. Къ удивленію балтійцевъ «союзные» представители остановились на ихъ условіяхъ мира и съ нѣкоторыми поправками этихъ условій составили протоколъ мирнаго соглашенія, который и предложили подписать обѣимъ сторонамъ. Эстонцы отказались ссылаясь на то, что у нихъ нѣтъ полномочій отъ своего правительства и просили

отсрочки на три дня.[1] Балтійцы напротивъ настаивали на немедленномъ подписаніи договора, такъ какъ они отлично понимали, что эстонцы просто затягиваютъ переговоры, чтобы сосредоточить свои войска противъ нихъ. На это французскій полковникъ Хюрстель[2] заявилъ: «Повѣрьте, что если «союзная» комиссія приняла опредѣленное рѣшеніе, съ которымъ Вы согласились, то она найдетъ пути и средства, чтобы заставить и другую сторону также подчиниться ея желанію.»

На этомъ заявленіи француза засѣданіе было закрыто и всѣ разъѣхались, условившись черезъ три дня, т. е. 13-го іюня снова собраться для подписанія мирнаго договора.

Балтійцы, одержавъ побѣду на дипломатическомъ поприщѣ могли бы быть довольными своими успѣхами, тѣмъ болѣе, что и «союзныя» миссіи, казалось, приняли ихъ сторону. Однако большинство было другого мнѣнія и не вѣрило эстонцамъ. Опасенія ихъ подтверждались и свѣдѣніями съ фронта, откуда ежедневно сообщали о подходящихъ подкрѣпленіяхъ эстонскихъ войскъ. Особенно недовѣрчиво отнеслось къ этой, якобы уступкѣ эстонцевъ, новое латышское правительство Нѣдры и оно на всякій случай предложило начать переговоры съ «Желѣзной Дивизіей». Дивизіи предложили временно перейти на латышскую службу и она согласилась, подписавъ контрактъ на двѣ недѣли. Послѣ этого соглашенія положеніе Ландесвера, оставленнаго въ критическую минуту своими русскими и латышскими боевыми товарищами, нѣсколько улучшилось и окрѣпло на фронтѣ.

Ротмистръ князь Ливенъ также поддался уговору г. фонъ-Самсонъ (фонъ-Самсонъ входилъ въ латышское правительство Нѣдры министромъ безъ портфеля) и согласился предоставить свои батальоны въ Либавѣ въ распоряженіе мѣстнаго губернатора г. Сескова, о чемъ и отдалъ будто бы приказъ командиру этихъ батальоновъ капитану 2-го ранга Кавелину.

Такимъ образомъ балтійцы приготовились къ 13-му іюня и не напрасно. Въ этотъ день вторичной встрѣчи съ эстонской мирной делегаціей, маіоръ Флетчеръ въ сопровожденіи тѣхъ же лицъ, которыя были и при первыхъ переговорахъ, прибылъ утромъ въ городъ Венденъ и остановился въ той же квартирѣ. «Союзные» представители изъ Риги на этотъ разъ не выѣхали вмѣстѣ съ нимъ, но никто этому серьезнаго значенія не придалъ, такъ какъ предполагали, что полковникъ Гринъ со своей свитой, повидимому, задержался въ пути и ихъ прибытія ждали съ минуты на минуту.

Такъ въ ожиданіи прошелъ часъ.

Маіоръ Флетчеръ, возмущенный такой неаккуратностью и нелюбезностью

[1] Передъ началомъ мирныхъ переговоровъ предсѣдателемъ были провѣрены полномочія и онѣ оказались на лицо у обѣихъ сторонъ, такъ что это заявленіе эстонцевъ явно было вымышленнымъ.

[2] Французскій полковникъ Хюрстель во время перерыва засѣданія облюбовалъ англійскія гравюры, висѣвшія на стѣнѣ въ сосѣдней комнатѣ и выразилъ желаніе пріобрѣсти ихъ за 10 рублей. Возраженія бар. Таубе и фонъ-Іена, что хозяевъ нѣтъ и потому ихъ некому продавать, на него не подѣйствовали, и онъ очень многозначительно сказалъ: «А я всетаки хочу ихъ имѣть.» Тогда баронъ Таубе и фонъ Іена рѣшили ему отдать эти гравюры, вознаградивъ за нихъ хозяевъ изъ своего кармана.

хотѣлъ уже вмѣстѣ со своими спутниками вернуться въ Ригу, но въ этотъ моментъ ему было доложено, что прибыла эстонская депутація.

Эстонцы вошли съ сіяющими лицами. Ихъ сопровождали англійскій полковникъ Таллантсъ и американскій маіоръ Давлей .На вопросъ балтійцевъ, гдѣ другіе «союзные» представители, полковникъ Таллантсъ отвѣтилъ, что они не пріѣдутъ. Послѣ этого онъ, стоя, вытащилъ изъ своего кармана бумагу и сказалъ: «Три дня тому назадъ, когда мы здѣсь вели переговоры и «союзная» миссія сдѣлала Вамъ свое предложеніе, она не знала, что правительства союзныхъ державъ назначили англійскаго генерала Гофа главнымъ комиссаромъ въ Прибалтійскіе Штаты. Генералъ Гофъ присалъ Вамъ слѣдующій приказъ» и онъ прочелъ бумагу, которая дѣйствительно была написана въ тонѣ приказа. Въ ней отъ командира Ландесвера требовалось: если онъ считаетъ себя подъ командою генерала графа фонъ-деръ-Гольца — то сейчасъ же вмѣстѣ съ другими германскими войсками очистить Лифляндію и Курляндію, если же Ландесверъ является самостоятельнымъ войскомъ, то онъ не долженъ чинить никакихъ препятствій къ возвращенію правительства Ульманиса и немедленно впредь до дальнѣйшихъ распоряженій отойти на линію позицій между Хинценбергомъ и Зегевольдомъ. Другими словами Гофъ «приказывалъ» («дуракамъ законъ не писанъ») исполнить все то, на чемъ настаивали эстонцы.

Балтійцы были ошеломлены. Они допускали, что эстонцы въ теченіе перерыва возможно выговорятъ для себя у «союзниковъ» нѣкоторыя поправки въ договорѣ, но они совершенно не предполагали, чтобы «союзные» представители отказались бы отъ своего постановленія и при томъ еще въ такой хамской и глупой формѣ.

На это изліяніе разошедшагося англійскаго полковника представитель балтійской мирной делегаціи капитанъ 1-го ранга бар. Таубе отвѣтилъ: «Развѣ Прибалтійскій край анексированъ Англіей и генералъ Гофъ назначенъ Вице-королемъ, что онъ позволяетъ себѣ отдавать намъ приказанія, да еще въ такой непозволительной формѣ? Вѣдь англичане сто разъ, по крайней мѣрѣ, повторяли намъ, что «союзники» не желаютъ вмѣшиваться въ наши внутреннія дѣла и имѣютъ лишь одну цѣль — поддержать насъ въ нашей борьбѣ противъ большевиковъ.»

На этотъ вопросъ, баронъ Таубе получилъ стереотипный отвѣтъ Таллантса: «Я не уполномоченъ давать Вамъ по этому поводу поясненій.»

Послѣ короткаго совѣщанія, маіоръ Флетчеръ потребовалъ три дня сроку на обсужденіе этого неожиданнаго инцидента. Противная сторона согласилась и балтійская депутація вернулась въ Ригу.

Вечеромъ на засѣданіи маіоръ Флетчеръ, коснувшись пережитыхъ событій, заявилъ, что онъ сейчасъ же по пріѣздѣ въ Ригу послалъ генералу Гофу отвѣтную радіотелеграмму. Въ ней онъ указалъ Гофу, что послѣдній, нарушая постановленіе «союзныхъ» представителей и становясь на сторону большевиствующихъ эстонцевъ и латышей Ульманиса, поддерживаетъ такимъ образомъ и самихъ большевиковъ. Отвѣта на это радіо онъ не получилъ.

Для балтійцевъ поставленныя условія мира являлись совершенно непріемлимыми. Съ большимъ трудомъ послѣ многихъ жертвъ они совмѣстно съ гер-

манцами, наконецъ, освободили гор. Ригу отъ большевистскаго ига. И теперь, когда передъ ними развертывалась перспектива дальнѣйшей борьбы съ большевиками за Россію, какой то англійскій генералъ однимъ розмахомъ пера желаетъ разрушить всю ихъ работу и лишить ихъ всякой надежды на будущее.

Балтійцы отлично знали, что такое Ульманисъ и его правительство и какія цѣли преслѣдуютъ эти господа. Они вѣрили правительству Нѣдры, которое стояло на той же политической точкѣ зрѣнія, какой придерживались и они сами. Всѣмъ было ясно, что только съ помощью германцевъ возможно возстановленіе Великой Россіи.

Принимая все это во вниманіе, на военномъ совѣщаніи было рѣшено поддержать правительство Нѣдры и отказаться отъ подписанія мирнаго договора, который въ повелительномъ тонѣ былъ продиктованъ зазнавшимся англійскимъ генераломъ. Балтійцы отправили эстонскому правительству радіотелеграмму, въ которой заявили, что они согласны подписать миръ только на условіяхъ перваго договора (отъ 10-го іюня). Для отвѣта эстонцамъ давалось 24 часа, послѣ чего перемиріе считалось прерваннымъ и военныя дѣйствія возобновлялись.

Эстонское правительство, какъ это выяснилось впослѣдствіи, скрыло эту телеграмму отъ своихъ войскъ и отъ народа, которымъ было представлено открытіе военныхъ дѣйствій, какъ результатъ вѣроломнаго нападенія балтійцевъ. Этимъ обманомъ они возбудили общественное мнѣніе Эстоніи противъ Ландесвера и кромѣ того снимали съ себя отвѣтственность за кровавыя послѣдствія, возникшія якобы не по ихъ винѣ. Однако историческая правда уже обнаружена и эстонцамъ, даже при помощи Гофа, не удастся ее измѣнить.

Не получивши никакого отвѣта, балтійцы начали готовиться къ бою.

«Желѣзная Дивизія» снова пошла на фронтъ и заняла участокъ лѣваго фланга отъ желѣзнодорожной линіи на Лемзаль до залива.

Для объединенія обѣихъ группъ войскъ — Ландесвера и «Желѣзной Дивизіи» они юридически были подчинены военному министру Ванкину, которому былъ назначенъ начальникомъ штаба генералъ фонъ-Тимротъ. Фактически же въ командованіе всѣми войсками вступилъ генералъ фонъ-деръ-Гольцъ, прибывшій въ штатскомъ нѣсколько дней тому назадъ въ Ригу.

На другой день были получены двѣ телеграммы отъ генерала Гофа. Въ одной изъ нихъ онъ повторялъ свое приказаніе командующему генералу отойти съ германскими войсками въ Митаву, а въ другой онъ приглашалъ маіора Флетчеръ для переговоровъ на бортъ прибывающаго въ Усть-Двинскъ англійскаго корабля.

На первую телеграмму гр. ф. д. Гольцъ отвѣтилъ, что онъ, какъ германскій генералъ можетъ получать приказанія только отъ своихъ начальниковъ, а потому категорически воспрещаетъ г-ну Гофу обращаться къ нему съ подобными телеграммами. Вторая же была разсмотрена, какъ провокація,при помощи которой англичане хотѣли заманить на бортъ корабля маіора Флетчеръ и тамъ арестовать его, а потому она была оставлена безъ отвѣта.

Это упоминаніе объ англійскихъ корабляхъ и ихъ возможномъ появленіи въ Рижскомъ заливѣ навело на мысль, что англичане могутъ предпринять морскую операцію и съ моря обстрѣлять тылъ балтійскихъ войскъ. Вотъ почему

Баронъ Мантейфель-Кацдангенъ, предсѣдатель союза «Балтикумеръ».

Комендантъ города Нейссе маіоръ Ленерсъ.
Другъ Россіи, оказавшій большое вниманіе Западной Арміи при ея отходѣ изъ Курляндіи. Благодаря его заботамъ армія была обезпечена всѣмъ.

капитанъ 1-го ранга бар. Таубе поспѣшилъ отправить радіотелеграмму всѣмъ кораблямъ, что фарватеръ залива снова заминированъ.

Это очевидно подѣйствовало и англійскія военныя суда на горизонтѣ не появлялись.

Прежде чѣмъ перейти къ описанію военныхъ дѣйствій, я считаю необходимымъ вернуться къ первымъ мирнымъ переговорамъ, бывшимъ 10-го іюня въ гор. Венденъ. Тогда на засѣданіи мирной конференціи предсѣдательствовалъ всѣми уважаемый американскій полковникъ Гринъ. Онъ, соглашаясь на просимую эстонцами отсрочку, былъ вполнѣ увѣренъ, что сдѣланное постановленіе «союзными» представителями будетъ дѣйствительно подписано черезъ три дня обѣими сторонами. Когда же онъ узналъ о дѣйствіяхъ Гофа, то онъ, возмущенный, уѣхалъ черезъ Либаву въ Парижъ для доклада обо всемъ происшедшемъ союзному Верховному Военному Совѣту. Старый солдатъ не могъ примириться съ той мыслью, что балтійцы могли собственно и его подозрѣвать въ этой интригѣ. Этотъ благородный поступокъ полковника Грина еще разъ подтвердилъ безупречное отношеніе американцевъ къ намъ русскимъ. Они дѣйствительно стояли на должной высотѣ и всегда ихъ помощь была существенной, прямой и своевременной. Къ интригамъ и политиканствамъ «союзниковъ» они относились отрицательно, очень мало обѣщали, но много дѣлали.

Въ ночь на 19-го іюня было назначено наступленіе. Оно должно было начаться на лѣвомъ флангѣ, гдѣ «Желѣзная Дивизія», прикрываясь боковымъ отрядомъ въ сторону Лемзаль, главными своими силами, подъ командою маіора фонъ-Клейстъ, должна была продвинуться въ направленіи на Гроссъ-Роопъ. Въ то же время Ландесверъ, направленный тремя колоннами южнѣе Вендена, имѣлъ своей задачей прорвать фронтъ и, перейдя желѣзнодорожную линію у гор. Валка, окружить эстонцевъ съ сѣвера.

Боевыя дѣйствія развивались для балтійцевъ весьма благопріятно и особенно большой успѣхъ былъ на правомъ флангѣ, гдѣ войсками Ландесвера непосредственно руководилъ маіоръ Флетчеръ.

Эстонцы сражались съ ожесточеніемъ и были очень хорошо вооружены и снаряжены англичанами. Въ ихъ распоряженіи оказалась даже тяжелая артиллерія. Однако они не смогли противостоять стремительному натиску Ландесвера, который безостановочно продвигался впередъ и былъ уже въ нѣсколькихъ километрахъ отъ Валка, когда неожиданно было получено извѣстіе изъ Главкаго Штаба о неудачѣ на лѣвомъ флангѣ.

Дѣйствовавшая тамъ «Желѣзная Дивизія» вначалѣ тоже имѣла успѣхъ и планомѣрно выполняла свою задачу, какъ вдругъ совершенно неожиданно одинъ изъ ея отрядовъ, обезпечивавшій ея крайній лѣвый флангъ былъ окруженъ ночью значительно превосходившимъ его противникомъ и послѣ жестокаго боя, во время котораго погибъ его славный командиръ гауптманъ Бланкенбургъ, былъ вынужденъ отступить. Эта неудача оказала вліяніе на весь фронтъ лѣваго фланга и «Желѣзная Дивизія» отошла на линію рѣки Аа (Лифляндской). Вслѣдъ за ней, боясь быть отрѣзанными отъ своего тыла, отошли и войска Ландесвера.

Военное командованіе вначалѣ предполагало, выравнивши этимъ маневромъ

общій фронтъ своихъ войскъ на линіи гор. Вендена, снова перейти въ наступленіе, но значительныя потери заставили отказаться отъ этого рѣшенія.

Только на старыхъ германскихъ позиціяхъ у Роденпойса, защищенныхъ естественными преградами (рѣками Аа Лифляндской и Іегелемъ), балтійскія войска остановились и приготовились къ встрѣчѣ противника. Попытки эстонцевъ прорвать линію занятыхъ позицій успѣха не имѣли и они, понеся большія потери, также остановились.

Въ этотъ моментъ для балтійцевъ еще не все было потеряно и при наличіи обезпеченнаго тыла они безусловно, приведя себя въ порядокъ и пополнившись подкрѣпленіями, могли бы снова перейти въ наступленіе. Вѣдь и эстонцы были также истощены непрерывными боями и крупными потерями. Однако тылъ оказался не на высотѣ. Среди большинства населенія началось недовольство создавшимся положеніемъ и многіе склонялись къ рѣшенію прекратить дальнѣйшую борьбу.

Весьма пагубное вліяніе на общее настроеніе оказали также войска русскаго отряда князя Ливена, которыя, какъ мною было упомянуто выше, взяли на себя обязанность поддержать порядокъ въ Либавѣ. Посланный туда капитанъ 2-го ранга Кавелинъ, вмѣсто того, чтобы явиться мѣстному губернатору г. Сескову и предоставить свои войска въ его распоряженіе, отправился непосредственно къ представителямъ «союзныхъ» державъ. Послѣдніе, будучи на сторонѣ правительства Ульманиса, очень обрадовались такому обороту дѣла и приказали Кавелину встать на сторону прибывающаго Ульманиса. Русскій отрядъ исполнилъ это приказаніе и тѣмъ самымъ предалъ своихъ боевыхъ товарищей балтійцевъ и германцевъ.

Ульманисъ вмѣстѣ со своими приверженцами прибылъ въ Либаву и русскій отрядъ князя Ливена привѣтствовалъ его и участвовалъ даже въ парадѣ, устроенномъ въ честь этого зазнавшагося латыша. Ливенцы дошли до такой низости, что брали «на караулъ» и салютовали въ тотъ моментъ, когда чернь, привѣтствуя своего покровителя Ульманиса, пѣла латышскій гимнъ. Повидимому князь Ливенъ въ этотъ моментъ забылъ лозунги «Великая, Единая и Недѣлимая Россія.»

При такомъ положеніи дѣлъ, имѣя враговъ въ глубокомъ тылу, балтійцамъ трудно было продолжать свою геройскую борьбу и они, воспользовавшись своими послѣдними успѣхами на новыхъ позиціяхъ, рѣшили заключить миръ съ эстонцами.

Это непріятное порученіе было дано капитану 1-го ранга бар. Таубе, который во время этой поѣздки, чуть было не поплатился своею жизнью. Вмѣстѣ съ нимъ всѣ непріятности и опасности раздѣлилъ полковникъ Фолькеръ, предсѣдатель американскаго продовольственнаго отдѣла. Этотъ симпатичный американецъ добровольно согласился сопутствовать бар. Таубе, предоставилъ свой автомобиль и вообще былъ готовъ пойти навстрѣчу всѣмъ, чѣмъ онъ только могъ.

Эстонцы, какъ и слѣдовало ожидать, показали свою «культурность» и свое пониманіе воинской этики и чести. Они, несмотря на то, что на автомобилѣ были американскій и бѣлый флаги, подвергли его жестокому пулеметному и ружей-

ному огню. Автомобиль получилъ много пробоинъ отъ пуль и можно только удивляться счастливому случаю, что ни одна изъ нихъ не попала въ сидящихъ въ немъ лицъ.

Полковникъ Фолькеръ имѣлъ полное основаніе высказать свое недовольство, что его втянули въ такое опасное предпріятіе, но онъ оставался невозмутимымъ и не однимъ словомъ не обмолвился, что ему непріятно это путешествіе. Напротивъ, онъ все время былъ въ прекрасномъ расположеніи духа, шутилъ и ни на одинъ мигъ не потерялъ самообладанія.

Послѣ ряда подобныхъ непріятностей и затрудненій бар. Таубе со своими спутниками, (вмѣстѣ съ нимъ кромѣ полковника Фолькеръ выѣхалъ также полковникъ, представитель русскаго отряда князя Ливенъ) наконецъ, добрался до штаба эстонской арміи.

Тамъ его встрѣтилъ совершенно обнаглѣвшій эстонскій полковникъ Рикъ, который заявилъ, что въ настоящій моментъ эстонцы никакихъ мирныхъ переговоровъ вести не желаютъ, а продиктуютъ свои условія лишь послѣ взятія Риги. Баронъ Таубе не сталъ ему возражать, но только замѣтилъ, что это желаніе дорого обойдется эстонцамъ и они не мало «поломаютъ зубовъ» прежде чѣмъ достигнутъ своей цѣли.

Представитель Ливена въ заискивающей формѣ началъ просить Рика о пропускѣ русскаго отряда, какъ нейтральнаго, на фронтъ генерала Юденича. Рикъ небрежно отвѣтилъ, что объ этомъ сейчасъ не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ прежде всего надо будетъ произвести разслѣдованіе — дѣйствительно ли русскій отрядъ былъ нейтральнымъ.

Вотъ какого отвѣта добился князь Ливенъ отъ эстонцевъ своей лояльностью къ нимъ. Это было первое предупрежденіе для него, на которое, однако, онъ не обратилъ должнаго вниманія. Какъ мною было изложено выше, князь Ливенъ впослѣдствіи отвезъ свои войска на тотъ же Нарвскій фронтъ генерала Юденича и этимъ самымъ отдалъ ихъ въ руки тѣхъ же эстонцевъ. Эта лояльность Ливена стоила многимъ жизни.

Тѣмъ же порядкомъ баронъ Таубе вернулся обратно въ Ригу, гдѣ доложилъ обо всемъ военному командованію и совѣту министровъ.

Положеніе на фронтѣ не измѣнилось, но въ городѣ царила паника и голоса о необходимости примиренія съ правительствомъ Ульманиса раздавались все громче и громче.

Съ этой цѣлью была отправлена въ Либаву делегація, въ числѣ которой, какъ представитель военнаго командованія, былъ командированъ и бар. Таубе. Вести переговоры съ Ульманисомъ было не легко и не мало пришлось потратить времени на то, чтобы достигнуть съ нимъ соглашенія. Въ концѣ концовъ былъ составленъ письменный договоръ и параграфы его прочитаны въ присутствіи «союзныхъ» представителей, которые должны были быть свидѣтелями происшедшаго соглашенія. Подписать же этотъ договоръ латыши отказались, заявивъ, что они это сдѣлаютъ лишь послѣ ратификаціи его Народнымъ Совѣтомъ.

Въ договорѣ латыши гарантировали балтійцамъ: 1) автономію школы и церкви; 2) неприкосновенность помѣщичьихъ земель; 3) три министерскихъ мѣста изъ 10 предполагавшихся въ правительствѣ; 4) амнистію всѣмъ участникамъ въ переворотѣ 16-го апрѣля и 5) прекращеніе военныхъ дѣйствій.

Для переговоровъ съ эстонцами о скорѣйшемъ прекращенiи военныхъ дѣйствiй, въ Ригу вмѣстѣ съ делегацiей балтiйцевъ выѣхалъ французскiй военный агентъ полковникъ Дюпаркэ.

Уже тогда этотъ полковникъ произвелъ на всѣхъ отталкивающее впечатлѣнiе. Его глупое самомнѣнiе доходило до смѣшного и можно только удивляться французкому военному министерству, которое могло остановить свой выборъ на такомъ идiотѣ. Неужели во Францiи нельзя было найти человѣка болѣе подходящаго для такой сравнительно отвѣтственной роли?

Вернувшись 29-го iюня въ Ригу, бар. Таубе сейчасъ же отправился въ штабъ военнаго командованiя и тамъ доложилъ объ результатахъ своей поѣздки. Оказывается эстонцы за время его отстутствiя произвели болѣе двадцати атакъ, но всѣ онѣ съ большими потерями для нихъ были отбиты ударнымъ отрядомъ Ландесвера. Попытка эстонцевъ прорваться съ бронированнымъ поѣздомъ также успѣха не имѣла и они дѣйствительно «ломали свои зубы» объ желѣзную защиту балтiйцевъ.

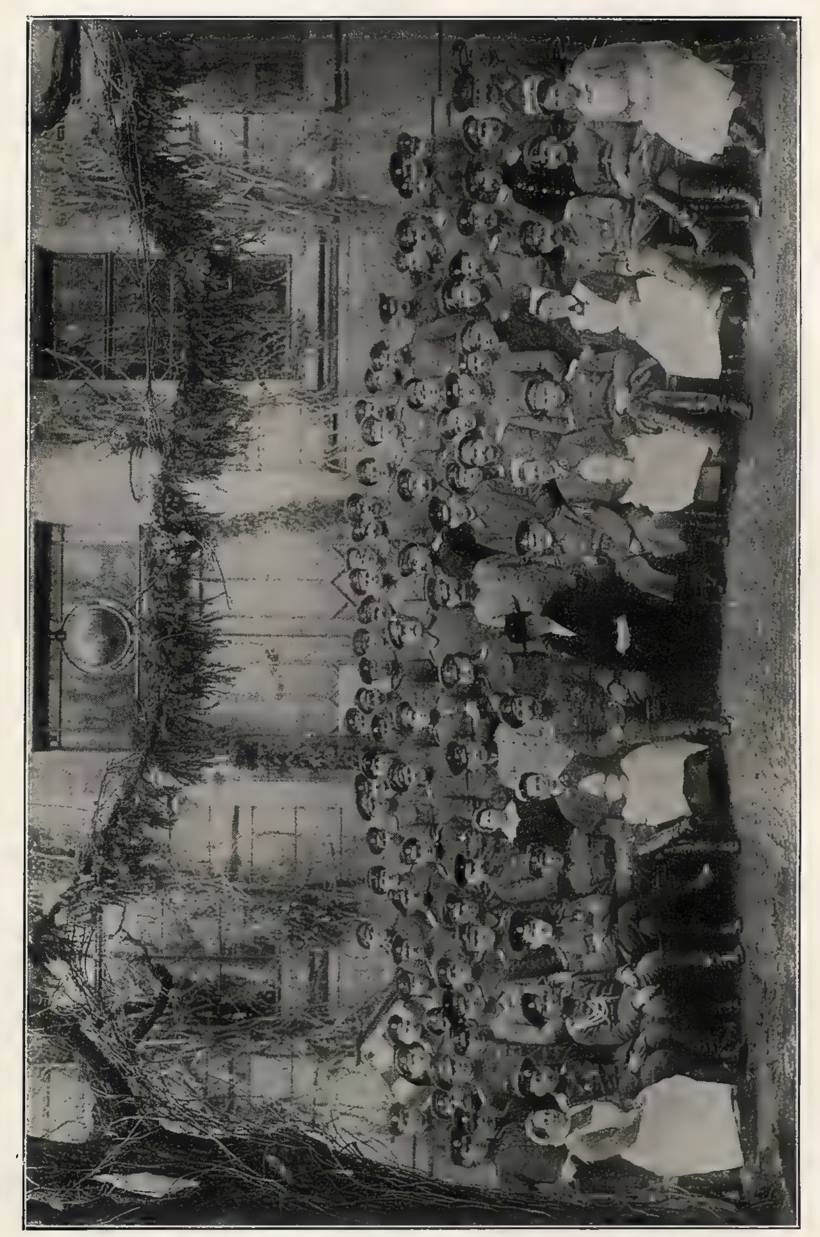
Отчаявшись въ возможности добиться успѣха съ налета, эстонцы перешли на планомѣрную позицiонную войну и сосредоточили огонь своей тяжелой артиллерiи на одномъ изъ слабѣйшихъ участковъ позицiи, лежащаго между двумя озерами. Одновременно они ночью напали на части Ландесвера, охраняющiя устье Аа Лифляндской и, сбивъ ихъ, перешли на лѣвый берегъ рѣки. Эта неудача заставила балтiйцевъ очистить передовыя позицiи и отойти на вторую боевую линiю, проходящую по линiи озера Стинтъ, что повлекло за собой значительныя осложненiя. Дѣло въ томъ, что съ потерянной территорiей эстонцы захватили въ свои руки и главный городской водопроводъ. Населенiе Риги осталось почти безъ воды и конечно роптало. Въ довершенiи всего въ ту же ночь эстонскiй миноносецъ началъ бомбардировать городъ съ моря, а эстонская артиллерiя и бронированный поѣздъ съ суши. Большого ущерба войскамъ они этой безцѣльной стрѣльбой не нанесли и пострадали отъ нея лишь городъ и мирные жители.

Не желая въ дальнѣйшемъ подвергать городъ ужасамъ войны, балтiйцы отошли на лѣвый берегъ Двины.

Латышское правительство Нѣдры выѣхало на пароходѣ въ Митаву. Полковникъ Дюпаркэ вмѣстѣ съ мирной делегацiей, въ которой отъ Ландесвера принялъ участiе генералъ ф. Тимротъ, 30-го iюня отправился къ эстонцамъ.

Переговоры закончились слѣдующимъ соглашенiемъ: «Войска Ландесвера, включая и русскiй отрядъ князя Ливена должны были къ 12 часамъ дня 3-го iюля очистить городъ Ригу; военная власть въ городѣ переходила къ латышскимъ частямъ Баллода и латышамъ, бывшимъ въ рядахъ эстонскихъ войскъ подъ командою капитана Земитана; эстонскiя войска оставались на занимаемыхъ позицiяхъ и въ городъ не вступали; дальнѣйшая судьба Ландесвера рѣшалась позднѣе самимъ «генералъ-диктаторомъ» Гофъ.

Злая воля снова оказалась побѣдительницей и всѣ геройскiя усилiя балтiйцевъ были напрасными. Они натолкнулись на холодный расчетъ англiйскаго генерала, прiѣхавшаго якобы помогать русскому дѣлу, а въ дѣйствительности лишь грубо погубившаго его. Прибалтiйскiй край не забудетъ этого незваннаго



Маіоръ Ленерсъ и германскіе сестры милосердія вмѣстѣ съ офицерами Западной Арміи, прибывшихъ въ гор. Нейссе.

Карта 50

Митрополитъ Евлогій въ лагерѣ Альтенграбовѣ среди офицеровъ, солдатъ и ихъ семей.

«вицекороля», писавшаго глупые «приказы» и одновременно соблюдавшаго свои личные матеріальные интересы, переплетая ихъ съ интересами своей страны.....

Раннимъ утромъ въ іюлѣ, обманутый Ландесверъ отрядъ за отрядомъ началъ выходить изъ города. Опять тѣ же улицы, дороги, дома, среди которыхъ еще недавно проливалась ихъ жертвенная кровь въ порывѣ смѣлаго наступательнаго движенія впередъ, когда они гнали большевистскія толпы, спасая край. Тогда ихъ лица горѣли рѣшимостью, неизсякаемой бодростью и напряженіемъ — теперь въ нихъ ощущалась обреченность и уныніе. Возникалъ въ душахъ вопросъ зачѣмъ и кому принесены жертвы, для чего такъ обильно пролита кровь въ здѣшнихъ равнинахъ и болотахъ?

У воротъ города Риги уже стояли эстонскія и латышскія полчища, пожавшія плоды кровавыхъ заботъ и трудовъ. О настоящихъ герояхъ тамъ не помнили, не хотѣли помнить.

Единственной радостью этихъ героевъ было видѣть мелькающія въ окнахъ грустныя лица, въ которыхъ свѣтилось послѣднее привѣствіе и напутственныя молитвы. Слышалъ Ландесверъ и крики:

«Приходите, приходите опять!»

Такъ провожала Рига своихъ избавителей....

Вскорѣ послѣ отхода Ландесвера изъ Риги, отряды его, согласно распоряженію генерала Гофа подверглись реорганизаціи. Всѣ германскіе офицеры и солдаты должны были покинуть его ряды, а потому численность и боеспособность его сильно уменьшились. Въ цѣляхъ совершеннаго уничтоженія германофильскихъ вліяній, командиромъ Ландесвера былъ назначенъ молодой англійскій полковникъ Александеръ. Послѣдній, кромѣ англійскаго языка не владѣлъ никакими другими и потому фактически командовать войсками не могъ. Въ виду этого ему была предоставлена роль руководителя и наблюдателя, боевымъ же командиромъ былъ назначенъ капитанъ 1-го ранга бар. Таубе.

Подчинившись временно распоряженіямъ англійскаго генерала, Ландесверъ, однако, не терялъ надежды на лучшее будущее. Обстановка къ тому времени складывалась такъ, что эти надежды начали пріобрѣтать снова реальную форму. Вѣдь это было какъ разъ то время, когда я, прибывъ со своимъ отрядомъ въ Митаву, принялся за дальнѣйшее развертываніе его въ корпусъ и затѣмъ армію. Уже тогда носились въ воздухѣ планы широкихъ военныхъ дѣйствій противъ большевиковъ, которые, совмѣстно съ Сѣверо-западной арміей генерала Юденича, предполагалось открыть по всему фронту.

Ландесверъ конечно также готовился принять горячее участіе въ общемъ дѣлѣ, но до наступленія благопріятнаго момента, держался въ сторонѣ и, чтобы отвлечь вниманіе, выступилъ на большевистскій фронтъ, гдѣ занялъ въ концѣ августа (1919 г.) раіонъ Ливенгофъ — станція Борхъ.

Командиръ его бар. Таубе энергично взялся за организаціонную работу и въ короткое время Ландесверъ снова сдѣлался вполнѣ боепособной и отлично снабженной воинской частью. Операціи его противъ большевиковъ всегда были такъ искусно разсчитаны, что заканчиваясь успѣшно, они въ то же время проводились почти безъ всякихъ потерь. Ни въ какія рискованныя предпріятія Лан-

десверъ не впутывался и ограничивался обороною своего участка, готовясь, въ боевой обстановкѣ, къ будущимъ совмѣстнымъ дѣйствiямъ со мною.

Я былъ хорошо освѣдомленъ о намѣренiяхъ Ландесвера и ждалъ, въ свою очередь, лишь удобнаго момента для нашего соединенiя. Такой моментъ могъ наступить лишь послѣ окончательнаго выясненiя политической обстановки въ Курляндiи вообще и въ частности моихъ отношенiй къ англичанамъ и латышамъ. Пока же я, не желая ставить командованiе Ландесвера въ затруднительное положенiе, ограничивался поддержанiемъ секретной связи съ его командиромъ бар. Таубе.

Въ перiодъ борьбы съ латышами, начавшейся рядомъ наглыхъ нападенiй послѣднихъ на мою армiю, Ландесверъ, оставаясь на прежнихъ позицiяхъ большевистскаго фронта, вынужденно сохранялъ нейтралитетъ. Послѣ отхода моей армiи на территорiю Германiи, онъ остался окруженнымъ врагами, которые не замедлили обратить свою неостывшую злобу и противъ него. Не имѣя, однако, никакихъ данныхъ, чтобы выступить непосредственно противъ войскъ Ландесвера, латыши обрушились, главнымъ образомъ, на командира его бар. Таубе, которому едва удалось спастись бѣгствомъ отъ ихъ гнусной мести.

Вскорѣ послѣ этого Ландесверъ, собственно, кончилъ свое существованiе: латыши переименовали его въ 13-ый Туккумскiй полкъ, назначили на командныя должности латышскихъ офицеровъ и перемѣнили даже его форму....

ГЛАВА XX.

БОЛЬШЕВИЗМЪ.

Семь лѣтъ тому назадъ произошелъ большевистскій переворотъ въ Россіи и съ этого момента тамъ непрерывно продолжаетъ свое дѣйствіе величайшее преступленіе въ мірѣ. И теперь, когда казалось бы, уже давно была пора покончить съ нимъ, всѣ народы въ лицѣ своихъ правительствъ, прельстясь возможностью поживиться кровавой добычей, наперебой хотятъ записать себя въ число его соучастниковъ.

Всѣ эти массовые спекулянты забываютъ, или не желаютъ понять, что признавая совѣтскую власть, они, тѣмъ самымъ, признаютъ и ея преступленія и такимъ образомъ начинаютъ спекулировать своей совѣстью и жизнью невинныхъ людей.

Вѣдь, если бы хоть частичка тѣхъ преступленій, которыя были совершены и совершаются большевистской кучкою захватчиковъ, имѣла бы мѣсто въ частной жизни какого-нибудь европейскаго города, то отъ подобнаго злодѣянія всѣ бы пришли въ ужасъ и преступники сидѣли бы уже давно за крѣпкой рѣшеткой тюрьмы. А вслѣдъ затѣмъ быстро послѣдовалъ бы суровый приговоръ, который изъялъ бы ихъ изъ обращенія въ людскомъ обществѣ.

Однако, когда всѣ эти гнусныя преступленія, прикрываясь фиговымъ листомъ въ видѣ пародіи на государственную власть, совершаются въ цѣломъ государствѣ, то тогда ихъ предпочитаютъ не видѣть и не слышать. Въ такихъ случаяхъ нравственныя основы людей, твердящихъ о гуманности, запираются въ узкія рамки международныхъ отношеній, при которыхъ оказывается все возможно и нѣтъ сдерживающихъ границъ и вотъ потому, совершенно открыто уничтожаются лучшіе русскіе люди и лишь только за то, что они не хотятъ признать преступленія за правило и преступниковъ за правителей.

Телеграммы разносили и разносятъ еще и теперь вѣсть объ ужасахъ преступнаго террора большевиковъ, но это нисколько не мѣшаетъ правительствамъ другихъ странъ заключать съ ними договоры, приглашать на конференціи и вообще терпѣть ихъ въ своемъ обществѣ. Руки преступниковъ, обагренныя кровью ими замученныхъ жертвъ, привѣтливо пожимаются королями и ихъ министрами, а сами они спокойно разъѣзжаютъ изъ одной страны въ другую и о ихъ прибытіи услужливо сообщаютъ газеты. Мало того, когда годъ тому назадъ умеръ глава этихъ государственныхъ разбойниковъ, то заграницей о немъ писали некрологи съ различными комментаріями такого характера, которыя придавали ему человѣческій обликъ.

Утверждаютъ, что человѣчество стремится къ прогрессу, культурѣ и совершенствованію своей жизни. Можетъ быть это и справедливо, но справедливо также и то, что оно въ нравственномъ отношеніи неудержимо падаетъ внизъ. Если въ прошломъ могли существовать Нероны, Калигуллы, татарскія нашест-

вія, Робеспьеры, рабство негровъ и. т. п., то всѣ эти эпохи кроваваго ужаса, заклеймлены исторіей всего міра и нашли свое осужденіе не только впослѣдствіи, но также и среди большинства своихъ современниковъ.

Укажемъ на одно изъ сравнительно недавнихъ событій — рабство негровъ въ Америкѣ. Сколько было шуму объ этомъ насиліи надъ человѣческой личностью и какіе протесты раздавались тогда изъ той же самой гуманной Европы (главнымъ образомъ протестовали — сейчасъ хранящіе молчаніе — соціалисты), которая теперь позорно молчитъ объ издѣвательскомъ рабствѣ стомилліоннаго русскаго народа. А вѣдъ это рабство продолжается уже семь лѣтъ и происходитъ въ непосредственной близости отъ культурныхъ центровъ всего міра.

Современные народы, такъ много говорившіе о гуманизмѣ и нравственности культурнаго человѣка, въ русскомъ вопросѣ показали свое истинное лицо, которое безъ маски предстало передъ міромъ съ отвратительной гримасой низменныхъ желаній и побужденій.

И въ самомъ дѣлѣ можно ли вѣрить въ красивыя слова о гуманности, о братствѣ, о равенствѣ, когда сейчасъ торжествуютъ преступники и въ ихъ торжествѣ принимаютъ участіе, въ лицѣ своихъ правительствъ, большинство европейскихъ народовъ.

Раздумывать надъ тѣмъ, кто изъ тираническихъ властителей Россіи является фанатикомъ своей безумной идеи, кто — больнымъ съ мозгомъ, пораженнымъ прогрессивнымъ параличомъ, кто — наконецъ просто преступникомъ съ холоднымъ расчетомъ, я не буду, ибо считаю это совершенно излишнимъ. Фактъ многочисленныхъ, совершенныхъ ими преступленій отъ этого не исчезнетъ. Двадцать милліоновъ человѣческихъ жизней этимъ не вернешь! Всѣ эти жертвы современныхъ чудовищъ двадцатаго вѣка навсегда останутся въ воспоминаніи насъ русскихъ и ихъ тѣни не разъ предстанутъ передъ нашими глазами.

Говорятъ, что напрасно толкаться въ закрытыя двери, но неужели сердца иностранныхъ народовъ навсегда останутся закрытыми для насъ русскихъ и мы никогда не добьемся справедливой помощи ни отъ одного государства. Мнѣ хочется вѣрить, что это не такъ и что современное человѣчество, въ лицѣ своихъ правительствъ, просто не вдумывается въ тотъ ужасъ, который творится еще и сейчасъ въ Россіи. Я увѣренъ, что если бы призраки замученныхъ русскихъ людей получили бы возможность дать свои показанія и въ простыхъ словахъ разсказать всѣ тѣ мученія, которыя они пережили въ послѣднія минуты ихъ жизни, то тогда современное человѣчество съ трепетомъ остановилось и спросило бы себя, куда оно идетъ, съ кѣмъ договаривается и чему соучавствуетъ. Однако безмолвны несчастныя тѣни...... И только живые свидѣтели, чудомъ избѣгнувшіе той же участи, могутъ разсказать въ общихъ чертахъ всѣ тѣ ужасы, въ которыхъ изощряются современные палачи на несчастныхъ тѣлахъ и душахъ лучшихъ русскихъ людей.

Такого рода показаній десятки тысячъ и всѣхъ ихъ даже не перечислишь, а потому я привожу только немногія изъ нихъ, но такія, которыя засвидѣтельствованы комиссіями и правдивость которыхъ внѣ всякаго сомнѣнія.

Вотъ одно изъ нихъ, рисующее картины крымской жизни въ періодъ властвованія тамъ большевиковъ.

«За спиной матросской черни стояли ея вдохновители — элементъ пришлый, часто уголовный и въ огромномъ большинствѣ своемъ инородный. Составъ агентовъ власти — говоритъ описаніе — «пестритъ именами инородцевъ — латышей, эстонцевъ, евреевъ». Большевистская власть за четыре мѣсяца своего существованія не умѣла насадить совѣтскій строй. Она только упразднила буржуазныя учрежденія, «соціализировала», преимущественно въ свою пользу, буржуазное имущество и уничтожала буржуазію. Страницы крымской жизни того времени полны ужаса и крови. Я избѣгаю вообще распространяться о «злодѣйствахъ большевиковъ» — понятіе, ставшемъ въ наше время банальнымъ и не возбуждающимъ уже стараго чувства возмущенія въ опустошенныхъ душахъ и зачерствѣлыхъ сердцахъ. Но приводимое ниже описаніе[1] судьбы Евпаторійской буржуазіи и преимущественно офицерства весьма характерно для «методовъ соціальной борьбы» и психологіи матросской черни, заполнившей своимъ садизмомъ самыя страшныя страницы русской революціи.»

«Послѣ краткаго опроса въ засѣданіи комитета, арестованныхъ перевозили въ трюмъ транспорта «Труворъ». За три дня ихъ было доставлено свыше 800 человѣкъ. Пищи арестованные не получали, издѣвательства словесные чередовались съ оскорбленіемъ дѣйствіемъ, которое переходило въ жестокіе, до потери жертвами сознанія, побои. На смертную казнь ушло болѣе 300 лицъ, виновныхъ лишь въ томъ, что одни носили офицерскіе погоны, другіе — неизорванное платье. Обреченныхъ перевозили въ трюмъ гидро-крейсера «Румынія»..... Смертника вызывали къ люку. Вызванный выходилъ наверхъ и долженъ былъ идти черезъ всю палубу на лобное мѣсто мимо матросовъ, которые наперерывъ стаскивали съ несчастнаго одежду, сопровождая раздѣваніе остротами, ругательствами и побоями. На лобномъ мѣстѣ матросы, подбодряемые Антониною Нѣмичъ[2], опрокидывали приведеннаго на полъ, связывали ноги, скручивали руки и медленно отрѣзывали уши, носъ, губы, половой органъ, отрубали руки...... И только тогда истекавшаго кровью, испускавшаго отъ нечеловѣческихъ страданій далеко разносившіеся, душу надрывающіе крики — русскаго офицера отдавали красные палачи волнамъ Чернаго Моря......»

Вотъ другое, взятое изъ отчета «Особой» комиссіи и характеризующее эпизоды изъ исторіи казачьихъ возстаній.

«Исторія казачьихъ возстаній трагична и однообразна. Возникавшія стихійно, разрозненно, безъ серьезной подготовки, почти безоружными массами, они сопровождались первоначально нѣкоторымъ успѣхомъ; но черезъ 2-3 дня, послѣ сосредоточенія красныхъ войскъ, казаки платились кроваво, погибая и въ бою и отъ рукъ палачей, въ своихъ станицахъ. Такъ, 27-го апрѣля вспыхнуло возстаніе въ семи станицахъ Ейскаго отдѣла и было задушено въ 2 дня.... Въ началѣ мая были массовыя возстанія въ Екатеринодарскомъ, Кавказскомъ и другихъ отдѣлахъ...... Въ іюлѣ возстало нѣсколько станицъ Лабинскаго отдѣла, пострадавшихъ особенно жестоко: кромѣ павшихъ въ бою съ большевиками было казнено 770 казаковъ. Отчетъ «Особой комиссіи» полонъ описаніями потрясающихъ сценъ безчеловѣчной расправы. Вотъ, напримѣръ, станица Чамлыкская: «12-го іюля партію казаковъ отвели къ кладбищенской оградѣ...... перекололи всѣхъ штыками, штыками же, какъ вилами, перебрасывали тѣла въ могилу черезъ ограду. Были между брошенными и живые казаки, зарыли ихъ въ землю заживо. Зарывали казненныхъ казаки же, которыхъ выгоняли на работу оружіемъ. Когда зарывали изрубленнаго шашками казаки Сѣденко, онъ застоналъ и сталъ просить напиться. Большевики предложили ему попить крови изъ свѣжихъ ранъ зарубленныхъ съ нимъ станичниковъ...... Всего казнено въ Чамлыкской 185 казаковъ —..... Трупы ихъ по нѣсколько дней оставались незарытыми; свиньи и собаки растаскивали по полямъ казачье тѣло......»

Вотъ, наконецъ, третье, описывающее извѣстное убійство 106 заложниковъ

[1] Изъ трудовъ «Особой комиссіи по разслѣдованію злодѣяній большевиковъ.»
[2] Нѣмичи — семья палачей.

на Кавказѣ, среди которыхъ были генералы Рузскій, Радко-Дмитріевъ, два брата кн. Урусовыхъ и др.

«Не найдя поддержки въ арміи, Сорокинъ[1] бѣжалъ изъ Пятигорска въ направленіи Ставрополя; 17-го октября былъ пойманъ однимъ изъ таманскихъ полковъ возлѣ города, привезенъ въ ставропольскую тюрьму и тамъ убитъ во время допроса командиромъ 3-го Таманскаго полка Висленко.

Выступленіе Сорокина отозвалось трагически на судьбѣ Минераловодской интеллигенціи. Послѣ захвата Кисловодска Шкуро и возстанія терскихъ казаковъ, тюрьмы Минеральной группы были заполнены заложниками, которые согласно приказу чрезвычайки подлежали разстрѣлу «при попыткѣ контръ революціоннаго возстанія или покушенія на жизнь вождей пролетаріата.» Когда умеръ командовавшій сѣверо-западнымъ фронтомъ, товарищъ Ильинъ отъ ранъ, полученныхъ въ бою съ добровольцами, чрезвычайная комиссія казнила въ его память 6 заложниковъ. Послѣ разстрѣла Сорокинымъ членовъ Ц. И. К. обѣщаніе было исполнено въ болѣе широкомъ масштабѣ: «чрезвычайка» постановила «въ отвѣтъ на дьявольское убійство лучшихъ товарищей» разстрѣлять заложниковъ по двумъ спискамъ 106 человѣкъ. Въ ихъ числѣ были генералы Рузскій и Радко-Димтріевъ, звѣрски зарубленные 18-го октября. Обоимъ имъ большевистскіе главари неоднократно предлагали стать во главѣ Кавказской красной арміи и оба они отказались отъ предложенія, заплативъ за это жизнью.

«Въ одномъ бѣльѣ — говорится въ описаніи Особой комиссіи — со связанными руками, повели заложниковъ на городское кладбище, гдѣ была приготовлена большая яма......«Палачи приказывали своимъ жертвамъ становиться на колѣни и вытягивать шеи. Вслѣдъ за этимъ наносили удары шашками... Каждаго заложника ударяли разъ по пяти, а то и больше... Нѣкоторые стонали, но большинство умирало молча... Всю эту партію красноармейцы свалили въ яму... На утро могильщики засыпали могилы... Вокругъ стояли лужи крови... Изъ свѣжей, едва присыпанной могилы слышались тихіе стоны заживо погребенныхъ людей. Эти стоны донеслись до слуха Обрѣзова (смотрителя кладбища) и могильщиковъ. Они подошли и увидѣли, какъ, изъ могильной ямы выглядывалъ, облокотившись на руки, одинъ недобитый заложникъ (священникъ І. Рябухинъ) и умолялъ вытащить его изъ подъ груы наваленныхъ на него мертвыхъ тѣлъ... Повидимому, у Обрѣзова и могильщиковъ страхъ передъ красноармейцами былъ настольков великъ, что въ душахъ ихъ не осталось болѣе мѣста для другихъ чувствъ — и они просто забросали могилу землей...

Стоны затихли.»

Сохранился разсказъ о послѣднемъ разговорѣ генерала Рузскаго со своимъ палачемъ[2]:

«Признаете ли Вы теперь великую россійскую революцію?»

«Я вижу лишь одинъ великій разбой.»

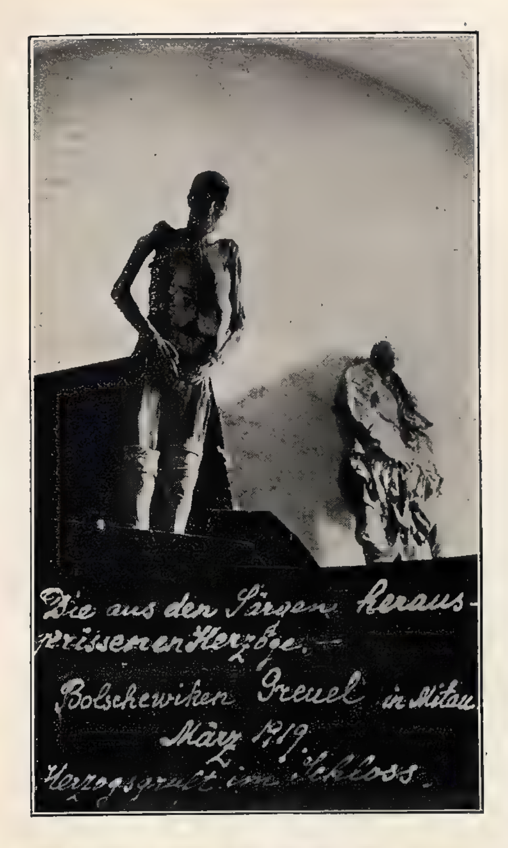
Въ заключеніе я предоставляю вниманію читателей «Отчетъ Краснаго Креста». Въ немъ простымъ языкомъ, безъ всякихъ прикрасъ изложены факты, отъ которыхъ невольно шевелятся волосы, холодѣетъ сердце, а горло сжимаютъ нервныя спазмы.

Если въ первыхъ трехъ примѣрахъ дѣйствовали большевики, мѣстные, то въ «Отчетѣ Краснаго Креста» рисуется режимъ въ государственныхъ, такъ называемыхъ, концентраціонныхъ лагеряхъ. По этому описанію можно представить себѣ, чѣмъ являются въ настоящее время тюрьмы въ Россіи. Стѣны ихъ видятъ такіе ужасы, которые далеко превосходятъ и ушедшія въ прошлое инквизиторскія времена и сравнительно недавнія китайскія «сады мученія».

[1] Сорокинъ былъ главнокомандующимъ Кавказской большевистской арміи. Солдатъ по своему прошлому, онъ, будучи убѣжденнымъ большевикомъ, въ то же время ненавидѣлъ евреевъ, хотѣлъ взять всю власть въ свои руки и потому разстрѣлялъ 6 членовъ (евреевъ) Ц. И. К. Кавказскаго фронта.

[2] Предсѣдатель «чрезвычайки» Артабековъ.

Карта 51



Звѣрямъ большевикамъ III. Интернаціонала оказалось мало издѣвательства надъ живыми людьми-они не оставили въ покоѣ и мертвыхъ. Такъ, занявъ Митаву, (при содѣйствіи Антанты), они вытащили изъ гроба всѣхъ Курляндскихъ Герцоговъ и ихъ дѣтей и учинили надъ ихъ бальзамированными трупами неслыханныя кощунства. Герцога Бирона они на веревкѣ волокли по улицамъ и дотащивъ его до моста рѣки Аа, стали топить, послѣ чего, поставивъ его къ стѣнкѣ, прострѣлили ему черепъ, что видно и на фотографіи.

Заживо похороненные офицеры въ г. Пятигорскѣ. Могила была разрыта прибывшими вскорѣ добровольческими войсками. Изъ положеній труповъ видно, что несчастные пытались выбраться изъ подъ. земли.

Карта 52

Замученный и затѣмъ застрѣлянный въ г. Николаевѣ директоръ банка Морозовскій.

ДОКЛАДЪ ЦЕНТРАЛЬНАГО КОМИТЕТА РОССІЙСКАГО КРАСНАГО КРЕСТА О ДѢЯТЕЛЬНОСТИ ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССІИ ВЪ КІЕВѢ.

Центральный Комитетъ
Россійскаго Краснаго
Креста помощи жертвамъ
гражданской войны.
14 февраля 1920 года.

Въ Международный Комитетъ
Краснаго Креста въ Женевѣ.

Центральный Комитетъ Россійскаго Общества Краснаго Креста при семъ представляетъ очеркъ, составленный на основаніи доклада сестеръ милосердія Краснаго Креста, въ теченіе семи мѣсяцевъ оказывавшихъ помощь заключеннымъ въ тюрьмахъ города Кіева въ время власти большевиковъ.

Воздерживаясь въ силу понятныхъ причинъ отъ опубликованія именъ сестеръ милосердія, Комитетъ свидѣтельствуетъ, что сестры эти хорошо извѣстны Красному Кресту, какъ честныя и самоотверженныя работницы, показанія коихъ заслуживаютъ безусловнаго довѣрія.

Красный Крестъ всегда считалъ своимъ долгомъ поднимать голосъ протеста, когда на глазахъ цивилизованнаго міра нарушались основныя требованія международнаго права и справедливости.

Картины насилій, ужаса и крови, нарисованныя ниже, не имѣютъ себѣ подобныхъ въ исторіи культурнаго человѣчества. Замалчивать ихъ было бы преступленіемъ. Это и побуждаетъ насъ предоставить прилагаемыя при семъ страницы въ распоряженіе Международнаго Комитета въ Женевѣ, являющимся Центромъ міровой дѣятельности Краснаго Креста и хранителемъ и защитникомъ его высокихъ идеаловъ.

И. д. пред. Комитета
(подпись) Д-ръ Юрій Ладыженскій

СООБЩЕНІЕ СЕСТЕРЪ МИЛОСЕРДІЯ О ЧРЕЗВЫЧАЙНОЙ КОМИССІИ ВЪ КІЕВѢ.

1. Судьи и Палачи.

Кіевъ, бывшій до революціи однимъ изъ самыхъ богатыхъ и благоустроенныхъ южнорусскихъ городовъ, за послѣдніе два года нѣсколько разъ переходилъ изъ рукъ въ руки и былъ ареной кровавой гражданской войны. Иногда она выражалась въ ожесточенныхъ уличныхъ бояхъ, иногда въ свирѣпыхъ погромахъ, когда красные безпощадно истребляли своихъ враговъ, безоружныхъ, неожидавшихъ нападенія. Такъ въ февралѣ 1918 г. въ теченіе нѣсколькихъ дней большевики вырѣзали въ Кіевѣ болѣе 2000 русскихъ офицеровъ, а съ февраля 1919 г. открыла свои дѣйствія, такъ называемая, «Чрезвычайная Комиссія по борьбѣ съ контръ-революціей», которая занялась систематическимъ истребленіемъ противниковъ.

Этотъ своеобразный институтъ, отчасти повторяющій средневѣ-

ковую инквизицію составляетъ политическую опору совѣтской власти. Полное отсутствіе какихъ бы то ни было правовыхъ понятій, какой бы то ни было тѣни законности, безнаказанность палачей, беззащитность жертвъ, жестокость, порождающая садизмъ, — вотъ главныя особенности Чрезвычайной Комиссіи, которую принято сокращено называть чрезвычайка или Ч. К.

Передъ тѣмъ, какъ большевики въ февралѣ 1919 г, заняли Кіевъ, въ городѣ два мѣсяца царствовалъ Петлюра. Вождь украинскихъ самостійниковъ тоже допускалъ грабежъ, насиліе и убійства. При немъ тоже были разстрѣлы, но они производились изподтишка, украдкой. Встрѣтятъ на улицѣ русскаго офицера, или вообще человѣка, по возрасту и обличью похожаго на офицера, выведутъ на свалку, пристрѣлятъ и тутъ же бросятъ. Иногда запорютъ шомполами на смерть, иногда на полусмерть. Во время междуцарствія, когда Петлюра ушелъ изъ Кіева, а большевики еще не вошли, было найдено въ разныхъ частяхъ города около 400 полуразложившихся труповъ, преимущественно офицерскихъ. Примѣнялъ Петлюра и систему заложничества, возилъ съ собой бывшихъ министровъ, Митрополита Антонія, нѣсколько дамъ изъ аристократіи. Надъ заложниками издѣвались, не разъ грозили имъ смертью. Когда петлюровцы разбѣжались, заложники были освобождены. Петлюровцы совершали преступленія случайно и безсистемно, давая возможность каждому дѣлать, что ему вздумается. При совѣтскомъ правительствѣ уголовныхъ преступленій стало гораздо меньше. Право убивать себѣ подобныхъ было предоставлено исключительно совѣтскимъ чиновникамъ.

Большевики вошли въ Кіевъ въ февралѣ 1919 г. и на слѣдующій же день начала свои дѣйствія Чрезвычайка, вѣрнѣе даже не одна, а нѣсколько. Штабы полковъ, районные комитеты, милиція, каждое отдѣльное совѣтское учрежденіе представляли изъ себя какъ бы филіалъ Чрезвычайной Комиссіи. Каждое ихъ нихъ арестовывало и убивало. По всему городу хватали людей. Когда человѣкъ исчезалъ, найти его было очень трудно, тѣмъ болѣе, что никакихъ списковъ арестованныхъ не было, а справки совѣтскія учрежденія давали очень неохотно. Центромъ сыска и казней была Всеукраинская Чрезвычайная Комиссія. У нея были развѣтвленія и отдѣлы: такъ называемая Губчека, т. е. губернская Чрезвычайка, Лукьяновская тюрьма, Концентраціонный лагерь, помѣщавшійся въ старой пересыльной тюрьмѣ. Опредѣлить взаимоотношенія и даже количество этихъ учрежденій не легко. Помѣщались они въ разныхъ частяхъ города, но, главнымъ образомъ, въ Липкахъ, въ нарядныхъ особнякахъ, которыхъ много въ Кіевѣ.

Всеукраинская Чрезвычайная Комиссія (В. У. Ч. К.) заняла на углу Елизаветинской и Екатерининской большой особнякъ Попова. Въ немъ былъ подвалъ, въ которомъ происходили убійства. Вообще расправы совершались вблизи, если можно такъ выразиться, присутственныхъ мѣстъ и мѣстъ заключенія. Крики и стоны убиваемыхъ были слышны не только въ мѣстахъ заключенія, но и въ залѣ, гдѣ засѣдали слѣдователи, разносились по всему дому Попова. Вокругъ В. У. Ч. К. цѣлый кварталъ былъ занятъ разными отдѣлами совѣтской инквизиціи. Черезъ дорогу, въ Липскомъ переулкѣ, жили наиболѣе важные комиссары.

Въ этомъ домѣ происходили оргіи, сплетавшіяся съ убійствомъ и кровью. По другую сторону улицы помѣщалась комендантура, во дворѣ которой одинъ домъ былъ отведенъ подъ заключенныхъ. Туда приводили и заключенныхъ съ Елизаветинской улицы, гдѣ, въ т. н. Особомъ Отдѣлѣ, сидѣли, главнымъ образомъ арестованные за политическія преступленія. Эти дома, окруженные садами, да и весь кварталъ кругомъ нихъ, превратились подъ властью большевиковъ въ царство ужаса и смерти. Немного дальше на Институтской улицѣ, въ домѣ Генералъ-Губернатора была устроена Губернская Чрезвычайная комиссія (сокращенно ее называли Губчека). Во главѣ ея стоялъ Угаровъ. Съ его именемъ кіевляне связываютъ самыя страшныя страницы большевистскихъ застѣнокъ.

Дѣятельность Чрезвычайной Комиссіи нельзя ввести ни въ какія логическія схемы. Аресты производились совершенно произвольно, чаще всего по доносамъ личныхъ враговъ. Недовольные служащіе, прислуга, желающая за что нибудь отомстить своимъ хозяевамъ, корыстные виды на имущество арестованныхъ, все могло послужить поводомъ ареста, а затѣмъ и разстрѣла. Но въ основу, въ идеологію Ч. К., была положена теорія классовой борьбы, вѣрнѣе классоваго истребленія. Объ этомъ неоднократно заявляла большевистская печать[1], это проводилось въ спеціальныхъ журналахъ Ч. К., какъ напримѣръ въ газетѣ «Красный Мечъ».

За популярность почти всегда платились тюрьмой. Кромѣ того бывали случаи массовыхъ арестовъ людей по профессіямъ и не только офицеровъ, но банковскихъ служащихъ, техниковъ, врачей, юристовъ и т. д. Попадали иногда въ тюрьму и совѣтскіе служащіе.

Сестры милосердія, наблюдавшія жизнь Чрезвычаекъ въ теченіи семи мѣсяцевъ, ни разу не видѣли совѣтскаго служащаго, арестованнаго за насиліе надъ человѣческой личностью или за убійство. За неумѣренный грабежъ, за ссору съ товарищами, за бѣгство съ фронта, за излишнее снисхожденіе къ буржуямъ, вотъ за что попадали совѣтскіе служащіе въ руки чрезвычаекъ.

Убійство для комиссара всегда законно, — съ горечью подчеркнула сестра, — убивать своихъ враговъ они могутъ безпрепятственно.

Для веденія дѣлъ при Ч. К. былъ институтъ слѣдователей. Во Всеукраинской Ч. К. онъ былъ разбитъ на пять инспекцій. Въ каждой было около двадцати слѣдователей. Надъ инспекціей стояла коллегія изъ шести человѣкъ. Среди членовъ ея были мущины и женщины. Образованныхъ людей почти не было. Попадались матросы, рабочіе, недоучившіеся студенты.

Слѣдователи собственноручно не казнили. Только подписывали приговоры. Они, также какъ и коменданты, были подчинены комиссарамъ изъ Чрезвычайки.

Обязанности тюремщиковъ, а также исполненіе приговора, возлагались на комендантовъ. Большевики дали это спеціальное военное названіе институту

[1] Предсѣдатель Кіевской Ч. К. Лацисъ писалъ: «Не ищите въ дѣлѣ обвинительныхъ уликъ о томъ, возсталъ ли онъ противъ Совѣта оружіемъ или словомъ. Первымъ долгомъ вы должны его спросить, къ какому классу принадлежитъ, какого онъ происхожденія, каково его образованіе и какова его профессія. Эти вопросы должны рѣшить судьбу обвиняемаго.» «Красный терроръ», 1 ноября 1918 г.

палачей. Служебныя обязанности комендантовъ и ихъ помощниковъ состояли въ надзорѣ за заключенными и въ организаціи разстрѣловъ. Обыкновенно они убивали заключенныхъ собственноручно.

II. Сестры милосердія.

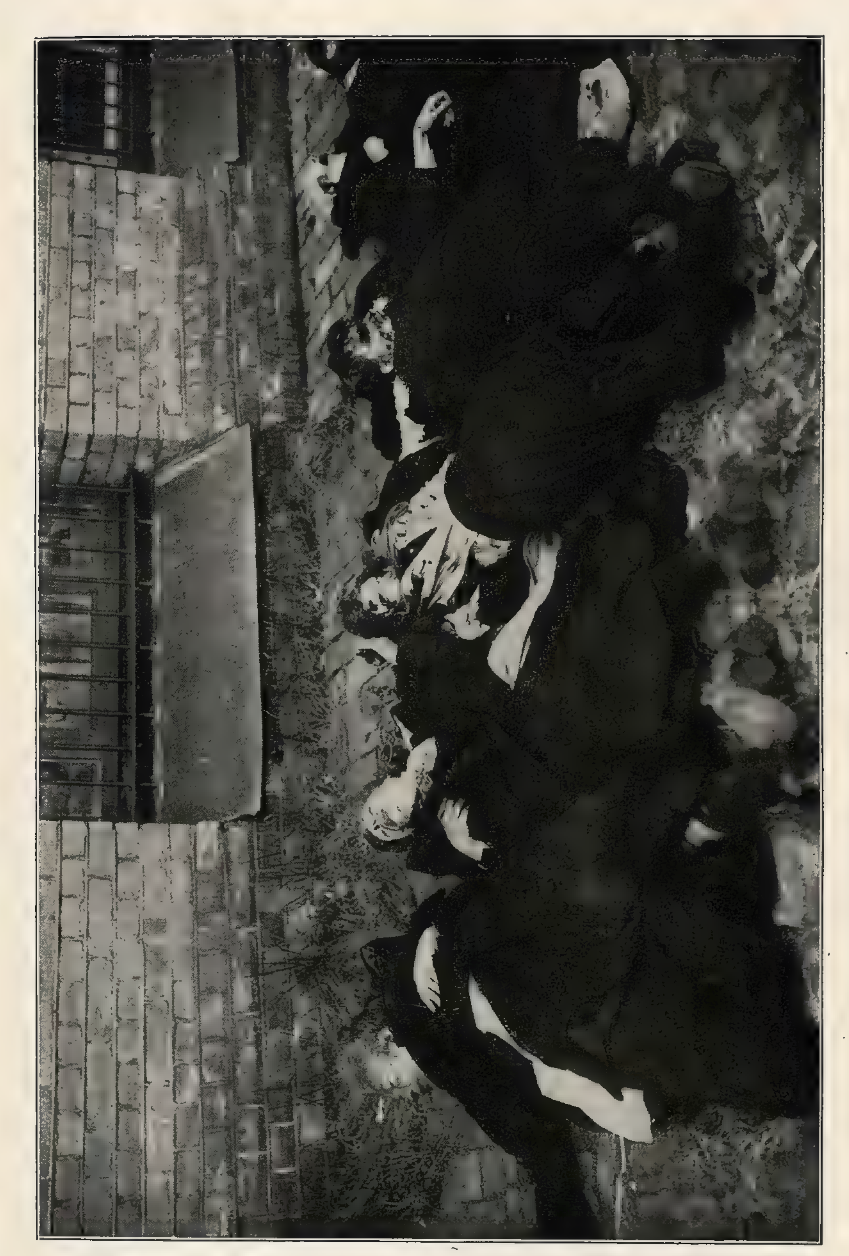
Сестры, по роду своихъ обязанностей, больше всего вынуждены были встрѣчаться именно съ комендантами и имѣли возможность наблюдать ихъ въ обычной служебной обстановкѣ. Краснокрестный Комитетъ Помощи Жертвамъ Гражданской Войны, съ первыхъ дней большевизма, получилъ разрѣшеніе кормить и лѣчить заключенныхъ. Совѣтская власть согласилась на это, такъ какъ Красный Крестъ снималъ съ нея заботу о питаніи плѣнныхъ. Въ то же время большевисткое начальство, невѣжественное и мнительное, относилось къ санитаріи съ суевѣрнымъ, если не уваженіемъ, то страхомъ. Они боялись болѣзней, боялись заразы и никогда не противорѣчили требованіямъ сестеръ о дезинфекціи. Санитарныя условія въ мѣстахъ заключенія были ужасны: скученность, грязь отсутствіе свѣта и воздуха, самыхъ примитивныхъ удобствъ. Согласіе удовлетворить санитарныя требованія сестеръ было часто похоже на кровавую буффонаду, особенно когда дѣло касалось людей уже обреченныхъ на смерть. Но это смутное и сбивчивое уваженіе дикарей къ медицинѣ пріоткрыло передъ сестрами двери большевистскихъ казематовъ и дало возможность этимъ самоотверженнымъ дѣвушкамъ внести хоть маленькое облегченіе и утѣшеніе въ жизнь несчастныхъ жертвъ коммунизма.

Лучше всего, въ смыслѣ физическомъ, было положеніе тѣхъ, кто попалъ въ старую тюрьму, гдѣ сохранился дореволюціонный тюремный режимъ, опредѣленный и сравнительно сносный. Остальныя мѣста заключенія отданы были подъ надзоръ тюремщиковъ недисциплинированныхъ, случайныхъ, которые обращались съ заключенными, какъ съ рабами.

Внѣшнимъ образомъ дѣятельность сестеръ механически повторялась изо дня въ день, налаженная и какъ будто однообразная. Но каждый день по новому вскрывались передъ ними человѣческія страданія, смѣнялись мучители и мученики, обнаруживалось неисчислимое разнообразіе, какъ людского горя, такъ и людского искусства истязать себѣ подобныхъ.

Въ девять часовъ утра сестры (ихъ было пять) сходились въ центрѣ города на пунктъ Краснаго Креста, на Театральную улицу № 4. Тамъ заготовлялась пища для арестованныхъ, помѣщавшихся въ разныхъ концахъ города. Коменданты присылали приказъ приготовить обѣдъ на столько-то человѣкъ, а Красный Крестъ готовилъ пищу, отвозилъ и раздавалъ ее. Это былъ единственный показатель количества заключенныхъ, да и то не очень точный, такъ какъ не рѣдко комендантура давала ложныя цифры, — то преувеличенныя, то преуменьшенныя. Списки заключенныхъ держались въ тайнѣ. Въ Чрезвычайкѣ, повидимому, настоящихъ списковъ не было. Родные и друзья метались по городу, отыскивая арестованныхъ. Иногда подолгу оставались въ полной и мучительной неизвѣстности. Они приходили на пунктъ Краснаго Креста въ надеждѣ, что тамъ имъ дадутъ какія нибудь свѣдѣнія. Но Чрезвычайка сурово слѣдила за тѣмъ, чтобы сестры не знали заключенныхъ по именамъ.

Карта 53



Фрау фонъ Вахманъ, ф. Эггертъ и др. жертвы большевиковъ въ Ригѣ.

Пасторъ Таубе и др. жертвы, замученныя большевиками въ Ригѣ.

При ежедневномъ посѣщеніи сестрами тюремъ имъ было бы очень легко составить списки, но это категорически запрещалось. Попавъ въ эти круги адовы, люди превращались въ анонимовъ, теряющихъ даже право на свое имя. Такъ напримѣръ по приказанію коменданта Угарова въ Концентраціонномъ лагерѣ каждый заключенный долженъ былъ значится не по имени, а только подъ номеромъ. Конечно, это была отвлеченная теорія. Жизнь просачивалась даже сквозь тюремныя рѣшетки, и тѣми или иными путями, преодолѣвая жестокость тюремщиковъ, близкіе разыскивали своихъ, попавшихъ въ красный плѣнъ. Но сестры, оберегая свое право посѣщать тюрьмы и приносить хоть какое нибудь облегченіе жертвамъ коммунистическаго террора, вынуждены были держать себя очень строго и осторожно съ родными. Чрезвычайка разрѣшала только кормить и лечить ихъ и очень подозрительно слѣдила за тѣмъ, чтобы черезъ сестеръ не установилась связь между заключенными и внѣшнимъ міромъ. Свиданія съ родными были запрещены, только иногда въ видѣ каприза, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напримѣръ въ Лукьяновской тюрьмѣ, разрѣшались короткія и рѣдкія свиданія. При царскомъ режимѣ запрещеніе свиданій съ родными было особой карой за нарушеніе тюремной дисциплины. Даже въ Петропавловской крѣпости, куда сажали самыхъ, по мнѣнію Царскаго Правительства, опасныхъ политическихъ преступниковъ, къ нимъ еженедѣльно, а иногда и два раза въ недѣлю допускали родныхъ. Какъ извѣстно, заключенные дорожатъ каждой, хотя бы самой короткой встрѣчей съ близкими, которая придаетъ имъ бодрость среди подавляющей угрюмости тюрьмы. Для коммунистовъ, стремившихся къ тому, чтобы сломить духъ своихъ политическихъ враговъ, лишеніе свиданій было однимъ изъ средствъ пытки.

Приходъ сестеръ былъ единственнымъ свѣтлымъ лучемъ и единственной живой связью арестованныхъ съ міромъ. Сестры понимали, какая огромная на нихъ лежитъ отвѣтственность и старались создать такое положеніе, при которомъ сотрудники Чрезвычайки не имѣли бы никакого повода придраться къ нимъ. Это было не легко, особенно при личномъ составѣ Чрезвычайки. Приходилось не только слѣдить за собой, строго выдерживать тонъ абсолютнаго безпристрастія, но и категорически отметать отъ себя просьбы родныхъ чѣмъ нибудь нарушавшія порядокъ, установленный комендатурой.

Роднымъ разрѣшалось приносить заключеннымъ ѣду, но только самую необходимую; булки, масло, яйца, молоко. Баловство не допускалось. Иногда тюремщикамъ приходила фантазія всѣ приношенія превращать въ общую коммунистическую кучу, изъ которой каждому доставалось, что придется.

День сестры проводили въ аптекѣ Чрезвычайки, приготовляя и раздавая лекарства, обыкновенно имъ въ этомъ помогали заключенные, которые всегда рады были заняться чѣмъ нибудь, что отвлекало ихъ отъ томительнаго тюремнаго бездѣлія. Также охотно помогали они сестрамъ раздавать пищу, которую въ походныхъ котлахъ подвозили къ мѣстамъ заключенія. Наконецъ, вечеромъ сестры обходили камеры, всегда въ сопровожденіи караула. Это были самые тяжелые и мучительные часы въ жизни Чрезвычайки, т. к. по вечерамъ пріѣзжали автомобили за осужденными на смерть. Никто не зналъ, когда его ждетъ разстрѣлъ. Гулъ подъѣзжавшаго автомобиля для каждаго и

каждой изъ нихъ звенѣлъ, какъ призывный голосъ смерти. Такъ шло изъ вечера въ вечеръ. Сестры старались именно въ эти часы быть съ заключенными.

— «Не знаю, почему, но заключенные любили, чтобы я была въ камерѣ, когда ихъ выводятъ къ разстрѣлу», — сказала мнѣ одна изъ сестеръ и улыбнулась тихой, какъ будто виноватой, улыбкой.

Какъ священники напутствовали онѣ людей, посылаемыхъ на казнь, какъ-бы давали имъ послѣднее благословеніе. Настоящихъ священниковъ комиссары не допускали въ тюрьмы, кромѣ тѣхъ, которыхъ они держали тамъ какъ арестантовъ. Нѣсколько разъ Красный Крестъ просилъ, чтобы приговореннымъ разрѣшали исповѣдываться и причаститься. Каждый разъ коммунисты отказывали въ этой просьбѣ. Между тѣмъ, среди заключенныхъ было не мало людей вѣрующихъ, которымъ послѣднее напутствіе священника могло облегчить ужасы казни.

Бывали періоды, когда палачи истребляли всѣхъ, попавшихъ въ тотъ или другой казематъ. Единственными уцѣлѣвшими свидѣтельницами того, что еще наканунѣ были здѣсь живые люди, полные то отчаянія, то надежды, оставались сестры. Онѣ шли черезъ эту долину скорби и плача, точно монахини, ухаживающія за зачумленными. Онѣ знали, что спасти несчастныхъ отъ красной смерти не въ ихъ власти, и всетаки оставались на своемъ посту, чтобы хоть маленькой заботой, улыбкой, ласковымъ словомъ, освѣтить и согрѣть жизнь этихъ мученниковъ гражданской войны.

— «Я никогда не думала, что это такая пытка быть среди осужденныхъ на смерть,» — говорила мнѣ сестра, — «Вокругъ меня двигались живые люди, они кое какъ налаживали свое повседневное существованіе. Привыкали къ намъ, мы привыкали къ нимъ. И вотъ застучитъ автомобиль. Каждый ждетъ не за нимъ ли? Еще ужасно было, если приводили кого нибудь очень одухотвореннаго, очень свѣтлаго, Тогда мы знали, что это обреченный на смерть. Все культурное. выдѣляющееся, высокое, большевиковъ задѣваетъ. Въ нихъ ненасытная потребность истребить все лучшее.»

Моральное превосходство сестеръ вызывало въ палачахъ и тюремщикахъ смутное чувство подозрительности, тревоги, раздраженія. Мелькомъ упоминая о трудностяхъ своей работы, сестры говорили, что имъ приходилось приспосабливаться къ низкому уровню большевистскихъ властей. Надо было себя упрощать, стараться затушевать интеллектуальную пропасть. Это было унизительно, но совершенно необходимо. А коменданты хвастались другъ передъ другомъ и передъ руководителями Чрезвычайки своими сестрами. Сами распущенные и лѣнивые, они удивлялись неутомимости сестеръ. Все добивались, какой у нихъ продолжительности рабочій день? Одинъ изъ самыхъ свирѣпыхъ комендантовъ, Сорокинъ, звалъ свою сестру, не то шутя, не то съ похвалой «Милостивый Филаретъ».

Сестры съумѣли завоевать уваженіе этихъ людей, незнающихъ ни удержу, ни стыда. Развратные, — они при сестрахъ еще сдерживались. Жестокіе — они порой оказывали по просьбѣ сестеръ ту или иную милость. Увѣренные въ своей безнаказанности по отношенію къ сестрамъ, они всетаки не переходили извѣстной границы.

Быть можетъ даже, сестры, съ ихъ монашеской мягкой сдержанностью, пробуждали въ этихъ озвѣревшихъ людяхъ какіе то смутные проблески совѣсти. Комендантъ Авдохинъ взялъ разъ сестру за руку.

«Охъ, сестра, нехорошо мнѣ, голова горитъ».

«Что съ Вами, развѣ что нибудь особенное случилось?»

Сестра знала, что въ тѣ дни Авдохинъ замучилъ много народу. Но вѣдь это были не первыя его жертвы. Маленькіе черные глаза коменданта впились въ лицо сестры.

«Охъ, сестра, не любите Вы меня».

—Какъ я могу Васъ любить, что между нами общаго? Вы, комендантъ, дѣлаете свое дѣло. Я — сестра, у меня свое дѣло.» —

Тогда онъ жаловался другой сестрѣ:

«Спать не могу. Всю ночь мертвецы лѣзутъ...»

Такія рѣчи рѣдко срывались съ устъ дѣятелей Чрезвычайки. Они творили свою кровавую работу, самоувѣренно и дерзко, не боясь человѣческаго, а тѣмъ болѣе Божескаго правосудія. Если бы имъ почудилось, что въ сестрахъ таится хоть что-нибудь опасное для нихъ, расправа была бы коротка. И сестры были осторожны.

А все-таки одна сестра, Мартынова, была разстрѣляна. Ее заподозрили въ сношеніяхъ съ Доброарміей. Арестовали, потомъ выпустили. Опять взяли и разстрѣляли.

Опасность постоянно угрожала сестрамъ.

Какъ то разъ сестра ночевала въ Концентраціонномъ Лагерѣ и слышала, какъ комендантъ, проходя подъ окнами, сказалъ:

«Сестру такую-то придется арестовать». —

Ей стало страшно. Лучше чѣмъ кто-нибудь знали сестры, что такое власть Чрезвычайки.

Когда рано утромъ къ ней постучали ,она была увѣрена, что пришелъ конецъ.

« —Сестра, идите на кухню, на счетъ обѣда», — раздался голосъ.

Она вскочила. Значитъ, опасность миновала.

Онѣ все время шли, какъ по лезвію ножа. Подъ конецъ, когда началась эвакуація, коменданты откровенно говорили имъ:

—«Мы увеземъ Васъ съ собой. Васъ нельзя оставить. Вы слишкомъ много знаете. Часть насъ останется въ Кіевѣ, будемъ вести конспиративную работу противъ Деникина. Вы почти всѣхъ насъ знаете въ лицо. Васъ надо или увести или отправить въ штабъ генерала Духонина[1].

Сестры были такъ поглощены своей заботой о заключенныхъ, что сознаніе собственной физической опасности отходило на второй планъ.

Несравненно труднѣе было преодолѣвать моральное отвращеніе къ большевистскимъ чиновникамъ, съ которыми приходилось все время имѣть дѣло.

Тяжело было пересиливать въ себѣ непрестанную муку состраданія.

«Я не знала раньше, что можно, не говоря, понимать. Мы видѣли, чувствовали всѣ ихъ мысли,» — писала одна изъ сестръ въ письмѣ къ роднымъ. —

[1] На большевистскомъ жаргонѣ это значитъ — убить.

«Передъ нами открылось безконечное количество душъ человѣческихъ. Столько глазъ смотѣло мнѣ въ душу, столькимъ я заглянула далеко, далеко въ то, что таится въ глубинѣ человѣческаго существа, въ его святое святыхъ. Столько ихъ прошло передо мной, что до сихъ поръ трудно опомниться, а тѣмъ болѣе — забыть. Тотъ, кто хоть разъ смотрѣлъ въ глаза уходящихъ изъ жизни, хоть разъ читалъ въ нихъ эту безконечную тоску по тому, что зовется жизнью, тотъ врядъ ли забудетъ ихъ. Таинство смерти ворвалось въ таинство жизни, сокрушая, уничтожая и насмѣхаясь. Эти замученные, изстрадавшіеся люди проходятъ передо мной, какъ тѣни. Вокругъ насъ была бездна горя, море крови, толпы измученныхъ людей и тутъ же рядомъ пьяный разгулъ, оргіи и пиры сотрудниковъ роковой Чека.»

«Жить въ этомъ кошмарѣ, видѣть все это и то трудно было оставаться здоровымъ, а для сотрудниковъ Чека это невозможно. Когда передо мной встаютъ образы Авдохина, Терехова, Асмолова, Никифорова, — коменданта В. У. Ч. К. Угарова, Абнавера и Гуща изъ Губчека, то вѣдь это все совершенно ненормальные люди, садисты, кокаинисты, почти утерявшіе обликъ человѣческій.»

III. Система запугиванія.

Какъ и во всякомъ чиновничьемъ учрежденіи, а большевики-коммунисты прежеде всего, конечно, чиновники, — среди сотрудниковъ Чрезвычайки есть генералы, есть и мелкія сошки, есть простые исполнители и есть руководители. Есть и изобрѣтатели, вносящіе въ свою работу фантазію и даже страсть.

Огромное большинство слѣдователей, комендантовъ и другихъ сотрудниковъ Ч. К. состояло изъ людей малообразованныхъ, часто почти неграмотныхъ.

Интеллигентные люди являлись исключеніемъ. Грубость и жестокость были совершенно необходимыми качествами, и въ этомъ отношеніи никакихъ исключеній не допускалось. Всякая снисходительность, а тѣмъ болѣе мягкость къ заключеннымъ строго преслѣдовалась и могла подвести сотрудниковъ подъ самыя строгія кары, вплоть до разстрѣла.

Въ Особомъ Отдѣлѣ былъ комендантъ Ренковскій. По виду это былъ человѣкъ интеллигентный. Какъ то разъ сестра вошла къ нему въ кабинетъ. Онъ сидѣлъ, закрывъ лицо руками.

«Я больше не могу, слишкомъ тяжело.»

Черезъ день сестра увидала его среди заключенныхъ и сказала ему:

— «Заключеные будутъ жалѣть, что Вы больше не комендантъ.» —

«Потому-то я здѣсь и сижу.»

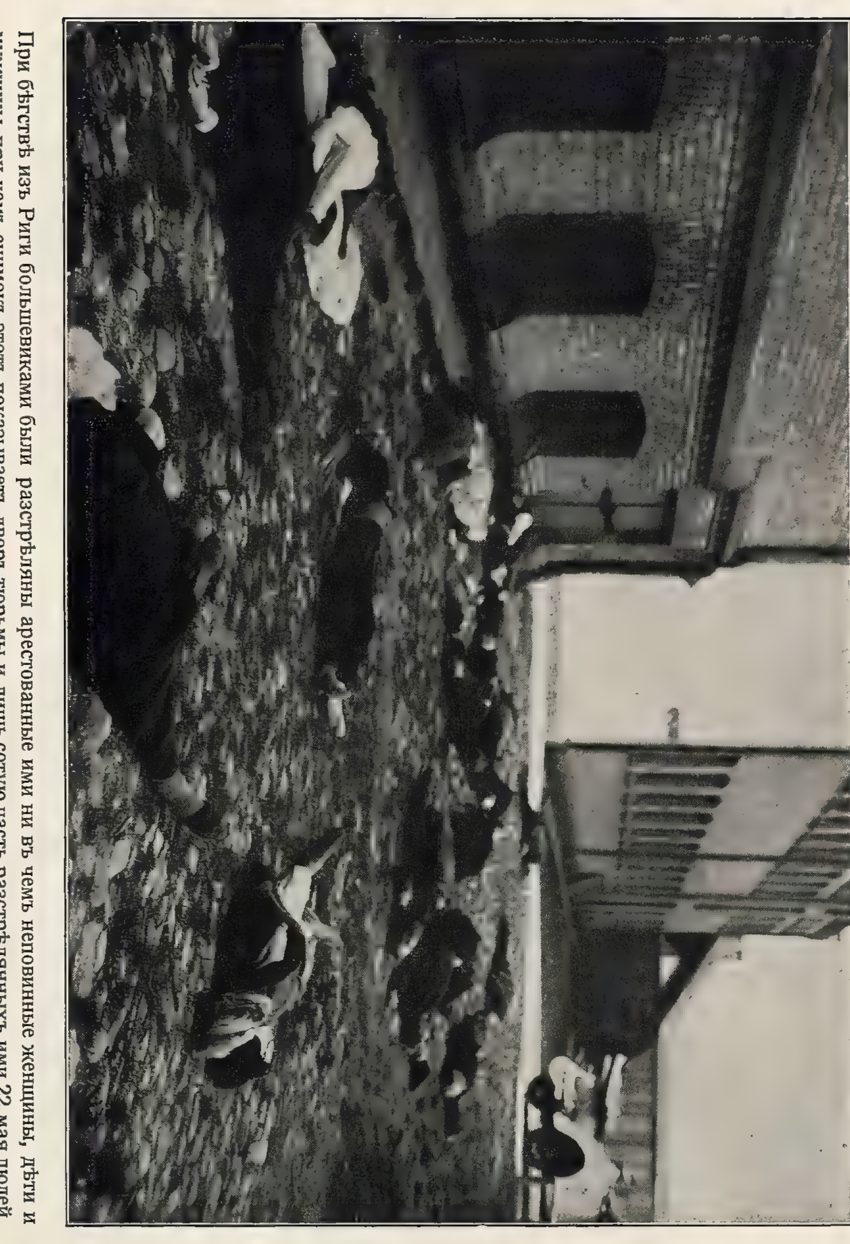
Позже онъ убѣжалъ изъ подъ ареста.

Большинство сотрудниковъ носило чужія фамиліи. Евреи обыкновенно выбирали русскія имена. Добраться до прошлаго этихъ людей, понять, кѣмъ они были раньше — не легко. Про нихъ ходили различныя легенды. Разсказывали про ихъ уголовное прошлое, про службу въ Царской полиціи.

Предсѣдателемъ В. У. Ч. К. былъ Лацисъ, свирѣпый, незнавшій пощады латышъ. Чѣмъ онъ раньше занимался — неизвѣстно. Онъ былъ не простымъ

Женщины и видные общественные дѣятели, разстрѣлянные 22 мая въ Рижской тюрьмѣ. Въ разстрѣлахъ принимали участіе и латышскія женщины-комунистки.

Карта 56



При бѣгствѣ изъ Риги большевиками были разстрѣляны арестованные ими ни въ чемъ неповинные женщины, дѣти и мужчины, при чемъ снимокъ этотъ показываетъ дворъ тюрьмы и лишь сотую часть разстрѣлянныхъ ими 22 мая людей.

палачемъ, а теоретикомъ и идеологомъ большевистской инквизиціи. За его подписью въ «Кіевскихъ Совѣтскихъ Извѣстіяхъ» печатались статьи, доказывавшія право коммунистовъ безпощадно истреблять своихъ враговъ. По внѣшности Лацисъ былъ благообразный, воспитанный человѣкъ и производилъ онъ свою свирѣпую работу съ латышской систематичностью. Позже ему на помощь пріѣхалъ другой латышъ Петерсъ.

Сотрудниками Ч. К. чаще всего были очень молодые люди. Они любили франтить. Денегъ у нихъ было много, такъ какъ аресты всегда сопровождались захватомъ добычи. При Ч. К. были особые склады, которые назывались хранилищами. Туда клались вещи, захваченныя при реквизиціяхъ и арестахъ. Далеко не всѣ вещи попадали въ склады, такъ какъ часть наиболѣе цѣнной добычи сразу расходилась по карманамъ коммунистовъ. Являясь въ домъ, гдѣ жилъ намѣченный ими контръ-революціонеръ, коммунисты обыкновенно интересовались не столько бумагами, письмами и тому подобными интеллектуальными доказательствами вреднаго образа мыслей заподозрѣнныхъ ими людей, сколько ихъ деньгами, ложками, кольцами, шубами, сапогами и т. д. Вещи, такимъ образомъ отобранныя, почти никогда не возвращились владѣльцамъ. Это была военная добыча, которую побѣдители отъ времени до времени дѣлили между собой, хотя въ декретахъ значилось, что все отобранное отъ буржуевъ принадлежитъ народу.

Съ особымъ цинизмомъ производилась дѣлежка вещей разстрѣлянныхъ и убитыхъ людей. Передъ казнью ихъ заставляли раздѣться, чтобы сберечь платье и сапоги. Ночью убьютъ, а на утро комендантъ уже щеголяетъ въ обновкѣ, отобранной наканунѣ отъ казненнаго. По этимъ обновкамъ остальные заключенные догадывались объ участи исчезнувшихъ товарищей. Одинъ изъ помощниковъ коменданта В. У. Ч. К. Иванъ Ивановичъ Парапуцъ очень важно щеголялъ въ шинели на форменной красной подкладкѣ, принадлежавшей генералу Медеру, котораго онъ убилъ. Бывало и такъ, что убьютъ, а потомъ идутъ на квартиру убитаго и реквизируютъ тамъ все, что понравится.

Тѣмъ, кого вызывали на разстрѣлы, всегда приказывали:

— «Возьмите вещи съ собой.» —

На слѣдующій день шла открытая дележка вещей. Не рѣдко и ссорились. Какъ то сестра пришла въ комнату слѣдователя просить о переводѣ въ другое помѣщеніе заключеннаго, который заболѣлъ.

Слѣдователи помѣщались въ частномъ особнякѣ; одинъ велъ допросъ въ спальнѣ. Другой въ сосѣдній гостинной. Обѣ комнаты хранили еще слѣды прежней нарядной уютности.

Маленькій, черненькій слѣдователь Якубенко сидѣлъ за столомъ, какъ всегда развалившись въ креслѣ. Разваливаться на креслахъ, стульяхъ, диванахъ, кроватяхъ считалось у сотрудниковъ Чрезвычайки, высшихъ и низшихъ необходимымъ признакомъ своеобразнаго щегольства.

Передъ развалившимся Якубенко сидѣлъ священникъ, котораго онъ допрашивалъ. Сестра не успѣла изложить своей просьбы, какъ изъ сосѣдней комнаты раздался голосъ другого слѣдователя, Каана.

«Товарищъ Якубенко, Вы взяли вчера двѣ пары сапогъ, а Вамъ полагается только одна. Извольте-ка вернуть».

— «А Вы, товарищъ Каанъ, взяли два пиджака. Верните.» —

Началась перебранка, невольными свидѣтелями которой были сестра и священникъ. Быть можетъ, священникъ думалъ:

«Пройдетъ еще нѣсколько дней и убійцы будутъ метать жребій о рясахъ моихъ.»

Слѣдователь Каанъ былъ латышъ. Высокій человѣкъ съ холоднымъ птичьимъ лицомъ, онъ славился своей жестокостью на допросахъ, изощреннымъ умѣніемъ выпытывать показанія. Между арестованными ходили даже слухи, что онъ самъ разстрѣливалъ, хотя это и не лежало на обязанностяхъ слѣдователей. Это былъ одинъ изъ тѣхъ многочисленныхъ сотрудниковъ Чрезвычайки, для которыхъ жестокость и издѣвательство были наслажденіемъ.

Сестра выждала конецъ ихъ спора о добычѣ и потомъ изложила свою просьбу. У заключеннаго открылся туберкулезъ. Надо было перевести его въ другое помѣщеніе. Каанъ слушалъ ее стоя, небрежно барабанилъ по столу какой то мотивъ и высокомѣрно усмѣхался.

— «Что-жъ, сестра, можно и перевести. Но вѣдь мы все равно его разстрѣляемъ.» —

«Это ужъ Ваше дѣло. Вы требуете, чтобы мы наблюдали за санитарными условіями. Я обязана Вамъ это сказать.»

Она отлично понимала, что онъ издѣвается надъ ней, но все-таки упрямо добивалась хоть мимолетнаго улучшенія жизни арестованныхъ.

Слѣдователи разслѣдовали преступленіе, и постановляли приговоръ, который коменданты приводили въ исполненіе.

Въ руки слѣдователя попадали тѣ, кого юридическая наука зоветъ подслѣдственными, люди, преступленіе которыхъ никѣмъ и ничѣмъ не было ни установлено, ни доказано. Современное правосудіе уже давно выработало къ подслѣдственнымъ особое правовое отношеніе, гарантирующее имъ возможность защищаться отъ несправедливыхъ обвиненій и доказывать свою невинность.

Обычно тюремный режимъ, примѣняемый къ подслѣдственнымъ, мягче, чѣмъ режимъ, примѣняемый къ преступникамъ.

Коммунистическое правосудіе, если только можно употреблять это слово говоря объ ихъ судахъ и Чрезвычайкѣ, разрушивъ старый русскій судъ, водворило вмѣсто него свирѣпую расправу дикарей надъ побѣжденнымъ врагомъ. Камеру слѣдователя они превратили въ застѣнокъ, откуда замученный обвиняемый попадалъ прямо въ руки палача, часто не зная даже толкомъ, за что его убивали.

Вѣдь понятіе контръ-революціи широкое. Подъ него подходятъ прежде всего заговорщики противъ совѣтской власти, солдаты (combattants), взятые какъ бы съ оружіемъ въ рукахъ. Такихъ меньше всего попадало въ Чрезвычайки. Огромное большинство арестованныхъ было виновно просто въ томъ, что они образованные люди или принадлежатъ къ буржуазіи. Офицеръ, помѣщикъ, священникъ, инженеръ, юристъ, учитель всегда держались коммунистами подъ подозрѣніемъ. Ихъ арестовывали, тащили въ казематъ, а тамъ исходъ опредѣлялся не образомъ мыслей арестованнаго, не его активностью,

а прихотью сотрудниковъ Ч. К...... Захотятъ — убьютъ, захотятъ — выпустятъ. Арестовывали иногда цѣлыя семьи, матерей съ грудными дѣтьми. Правда, казнили только матерей, а осиротѣлаго ребенка возвращали роднымъ и гордились этимъ, какъ проявленіемъ коммунистической гуманности.

Нерѣдко и казнили цѣлыми семьями. Разстрѣляли Стасика съ дочерью и ея мужа Биманъ, Пожаръ (отца и сына), Якубовскихъ (отца и сына), Прянниковыхъ (отца и сына) и т. д......

Бывало, что устраивали повальныя облавы, охотясь на людей, какъ на зайцевъ; цѣлый кварталъ оцѣпляли полиціей, у всѣхъ прохожихъ спрашивали бумаги. Тѣхъ, у кого были совѣтскіе документы, т. е. совѣтскихъ служащихъ, отпускали. Остальныхъ уводили въ тюрьмы, иногда по нѣсколько сотъ человѣкъ въ одинъ день. Такія облавы бывали въ началѣ и въ концѣ совѣтской власти. Тюрьмы сразу переполнялись. Въ нихъ начиналась паника, такъ какъ это переполненіе неизбѣжно вело къ простому способу очистки тюрьмы — къ усиленному разстрѣлу. Привозили новую партію и сдавали ихъ комендатурѣ, цинично говоря:

«Вотъ списокъ. Изъ нихъ мало кто уйдетъ.»

Къ сестрамъ привыкли и подобные разговоры не стѣсняясь вели при нихъ.

Впрочемъ заключенныхъ еще меньше стѣснялись, вѣрнѣе еще меньше щадили.

Жестокость, мучительство и издѣвательство, возведенныя въ систему, были въ рукахъ слѣдователей главнымъ орудіемъ судебнаго слѣдствія. Они держали заключенныхъ въ непрерывномъ ожиданіи мученій и смерти.

— «Среди заключенныхъ, которыхъ я видѣла, » — говорила мнѣ сестра, «не было ни вырванныхъ ногтей ни погонъ, прибитыхъ къ плечамъ, ни содранной кожи, ни людей ошпаренныхъ кипяткомъ. Но вся ихъ жизнь была одной сплошной пыткой». —

Физическія условія были тяжелыя. Скученность, грязь, отсутствіе воздуха и свѣта. Не было кроватей. Почти не было прогулокъ. Пища была скудная, суровая, непривычная, особенно для стариковъ и дѣтей. Но со всѣмъ этимъ можно было бы мириться, если бы не угнетающее кошмарное сознаніе своей обреченности и полной беззащитности. Необразованные, грубые, озвѣревшіе сотрудники Ч. К. другъ передъ другомъ щеголяли своей жестокостью. Они были прежде всего чиновники, для которыхъ было выгодно угодить начальству. Они отлично знали, что совѣтская власть жестокость одобряетъ, поощряетъ, вмѣняетъ въ обязанность, а всякую снисходительность къ заключеннымъ безпощадно караетъ.

Потому коммунистическіе судьи и тюремщики подвергали людей, попавшихъ подъ власть Ч. К. систематическому и непрерывному террору. Запугиваніе было способомъ вырвать признаніе. Но помимо этого оно доставляло удовольствіе сотрудникамъ Ч. К., удовлетворяло ихъ низменнымъ, мстительнымъ, злобнымъ инстинктамъ. Сами принадлежащіе къ подонкамъ общества, они тѣшились тѣмъ, что могли до-сыта упиться униженіемъ и страданіемъ людей, которые еще недавно были выше ихъ. Богатство и соціальное положеніе было уже давно отнято большевистской властью отъ представителей буржуазіи.

У нихъ оставалось только неотъемлимое превосходство образованія и культуры, которыя приводятъ разбушевавшуюся чернь въ ярость. Краснымъ палачамъ хотѣлось растоптать, унизить, оплевать, замучить свои жертвы, сломить ихъ гордость и сознаніе человѣческаго достоинства.

Какъ только человѣкъ попадалъ во власть Ч. К., онъ терялъ всѣ человѣческія права, становился вещью, рабомъ, скотиной.

Съ перваго же допроса начинался крикъ. Слѣдователи не разговаривали обыкновеннымъ голосомъ, а кричали на заключенныхъ, стараясь не только сбить, но сразу ошеломить, запугать ихъ. Вокругъ Ч. К. ходили страшные слухи и шопоты. Но никто точно не зналъ, что тамъ творится. Попадая въ Ч. К. нельзя было не вѣрить, когда грозили пытками, разстрѣлами, грозили круговой порукой близкихъ. Если угрозъ было недостаточно, то начинались жестокіе, сопровождавшіеся издѣвательствами, побои. Ни возрастъ ни полъ не ограждали отъ нихъ.

Четырнадцатилѣтнюю дочь аристки Е. К. Чалѣевой жестоко избили на глазахъ матери, чтобы добиться болѣе откровенныхъ показаній и отъ дочери и отъ матери. Обѣ онѣ были привлечены по дѣлу Солнцева, котораго совершенно бездоказательно обвиняли въ заговорѣ противъ совѣтской власти.

Въ другой разъ слѣдователь избилъ 60-лѣтнюю Воровскую, въ присутствіи ея дочери, тоже арестованной. Потерявшая голову старуха, подъ вліяніемъ побоевъ, со всѣмъ соглашалась, во всемъ признавалась, хотя на самомъ дѣлѣ ни о какихъ заговорахъ ничего не знала.

Сотрудники Ч. К. любили заставлять близкихъ, жену, мать, отца, мужа смотрѣть на страданія дорогихъ имъ людей. Имъ нужно было ослабить, обезсилить волю жертвы, а это былъ одинъ изъ вѣрныхъ пріемовъ.

Часто они заявляли:

«Вы приговорены къ смерти, но если скажете, гдѣ такой-то, мы помилуемъ Васъ.»

Потомъ все-таки разстрѣливали.

Или говорили:

«Выдайте намъ столько-то контръ-революціонеровъ и мы освободимъ Васъ.»

Офицеру, Сергѣю Никольскому, предложили указать чей-то адресъ. Когда онъ отказался, красные вошли въ домъ къ его отцу и матери и сказали:

«Выдайте такихъ-то, и Вашъ сынъ будетъ свободенъ.»

Старики Никольскіе выдержали этотъ поистинѣ дьявольскій соблазнъ и никакихъ свѣдѣній не дали.

Сынъ ихъ былъ убитъ.

Сажали арестованныхъ въ темный погребъ. Оконъ не было. На полу стояла вода. Такъ какъ сѣсть было не на что, то приходилось ложиться прямо въ воду. Сестрѣ разрѣшалось входить туда, носить ѣду заключеннымъ, даже спрашивать, нѣтъ-ли больныхъ? Она съ трудомъ получила разрѣшеніе спустить въ погребъ ящикъ, чтобы заключенные по очереди могли сидѣть на немъ.

Былъ еще стѣнной шкапъ, замѣнявшій карцеръ. Въ этомъ шкафу можно было только сидѣть скорчившись.

— «Я и тѣмъ, кто сидѣлъ въ шкафу, носила ѣду, ходила къ коменданту по поводу санитарнаго осмотра,» — съ горькой ироніей подчеркнула сестра.

Разъ она нашла въ шкафу троихъ, старика, его дочь и ея мужа-офицера. Они были сильно избиты. Вечеромъ всѣхъ троихъ разстрѣляли.

Часто производились, такъ называемые, примѣрные разстрѣлы, когда заключеннаго отводили въ подвалъ, гдѣ происходили убійства, раздѣвали, готовили къ казни, на его глазахъ разстрѣливали другихъ, затѣмъ заставляли ложиться и нѣсколько разъ стрѣляли около его головы, но мимо. Потомъ раздавался хохотъ и приказъ:

— «Вставай, одѣвайся.» —

Несчастный вставалъ, какъ пьяный, уже переставая различать грань между жизнью и смертью.

Тамъ гдѣ властвовали кровавые обычаи Ч. К. этой грани вообще не было.

Каждый каждую минуту ждалъ смерти. Старые и молодые, сильные и слабые, боровшіеся и пассивные, — всѣ равно были брошены на край пропасти, всѣ сознавали свою обреченность.

Въ одной изъ камеръ, послѣ особо свирѣпыхъ допросовъ, заключенные вдругъ поняли, что они всѣ осуждены. Начался плачъ. Съ кѣмъ-то сдѣлалась истерика, другой бился въ судоргахъ, третій громко бредилъ. Вошла сестра. Старикъ генералъ бросился къ ней.

«Сестра, я бывалъ въ сраженіяхъ, я отступалъ. Я знаю, что такое война. Но ничего подобнаго никогда въ жизни я не видалъ и не испыталъ.»

Въ тюрьмѣ быстро крѣпло глубокое чувство общности, товарищества. Оно поддерживало, придавало силы перенести мученія, но въ то же время углубляло ихъ, заставляло каждаго переживать страданія другихъ.

Нервы были напряжены, натянуты. Каждый видѣлъ, понималъ, воспринималъ настроеніе другихъ, переживалъ столько смертей и ужасовъ, сколько у него было товарищей. А такъ какъ смерть неотступно стучалась въ стѣны камеры, то не было у этихъ несчастныхъ ни одного мгновенія покоя, увѣренности въ слѣдующемъ днѣ.

Страданія такъ утончили ихъ воспріимчивость, что молча, безъ словъ, понимали они другъ друга.

— «Даже я, не глядя, не разговаривая съ заключенными, могла читать ихъ мысли,» — говорила сестра.— «Мнѣ ничего не угрожало и все-таки эта открытость чужой смертной тоски все время была во мнѣ. Что же испытывали заключенные, изъ которыхъ каждый считалъ себя приговореннымъ.»

Сознаніе своей обреченности и полной беззащитности было у всѣхъ, переступившихъ порогъ Ч. К., хотя часть ихъ осталась въ живыхъ.

Сестры считаютъ, что всего разстрѣляно было съ февраля по августъ около 3000 человѣкъ. Но врядъ-ли даже самъ Лацисъ точно знаетъ, сколькихъ отправилъ онъ на тотъ свѣтъ. У Чрезвычайки было много учрежденій и каждое имѣло право убивать. По всему Кіеву были разбросаны дома, гдѣ въ подвалахъ, въ гаражахъ, въ саду, подъ открытымъ небомъ людей беззащитныхъ, безоружныхъ убивали, какъ скотину.

Полныхъ списковъ никогда не печатали. Имена нѣсколькихъ разстрѣлянныхъ

приводили на страницахъ «Кіевскихъ Извѣстій Совѣта крестьянскихъ и рабочихъ депутатовъ». Обыкновенно съ краткой характеристкой: — бандитъ, контръ-революціонеръ, не признавалъ совѣтскую власть. Сестрамъ, работавшимъ въ Ч. К. было строго запрещено давать роднымъ какія-нибудь свѣдѣнія или справки. Да онѣ и сами не всегда знали, убитъ ли заключенный или переведенъ куда-нибудь.

Наряду съ поразительной жестокостью сотрудники Ч. К. проявляли такую же поразительную лживость. Въ своей компаніи передъ зключенными и передъ сестрами они бравировали, хвастались, подробно разсказывали, какъ отправляли въ штабъ Духонина[1]. Но когда приходили родственники за справками они никогда не говорили правду. Заключенный уже разстрѣлянъ, а комендантъ, иногда тотъ, который собственноручно убилъ его, увѣряетъ родныхъ, что онъ отправленъ въ Москву, въ концентраціонный лагерь, въ тюрьму.

—«Идите скорѣе домой, вѣдь онъ уже свободенъ.» —

А самъ отлично знаетъ, что тотъ о которомъ говоритъ, давно уже зарытъ въ землю.

Въ пересыльной тюрьмѣ долженъ былъ открыться Концентраціонный Лагерь. Онъ еще не былъ устроенъ, еще никого не было въ тюрьмѣ, а уже у запертыхъ воротъ стоялъ цѣлый хвостъ родственниковъ. Ихъ увѣрили, что ихъ родственники въ Концентраціонномъ Лагерѣ, хотя на самомъ дѣлѣ они были уже убиты.

Не было никакой мѣры для опредѣленія состава преступленій, никакой нормы. Каждый заключенный могъ быть убитъ, а могъ и спастись. Полная неопредѣленность создавала мучительную сумятицу въ душѣ, когда надежда и отчаяніе свиваются въ одинъ клубокъ. Сотрудники Ч. К. поддерживали это лихорадочное, паническое душевное состояніе, какъ въ своихъ жертвахъ, такъ и въ близкихъ. Это былъ одинъ изъ самыхъ утонченныхъ видовъ издѣвательства.

IV. Типы палачей.

Одинъ изъ старшихъ слѣдователей, еврей Іоффе, какъ-то сказалъ сестрѣ:

«Охъ, тяжело мнѣ, сестра.»

— «Да, не легко все это видѣть,» — сдержанно отвѣтила она.

«Вамъ не легко, сестра, а каково мнѣ? Вы вѣдь не касаетесь этихъ ранъ, а мнѣ приходится лѣзть своими руками имъ въ душу, касаться этихъ ранъ.»

При этомъ Іоффе сдѣлалъ хищный жестъ рукой, точно птица, впускающая когти въ чье-то сердце, и на лицѣ его промелькнуло выраженіе жестокаго сладострастія, которое въ этихъ адскихъ подземельяхъ не разъ вызывало въ сестрахъ содроганіе.

Разные люди были среди сотрудниковъ Ч. К., но у всѣхъ скоро вырабатывались общія страшныя черты.

Комендантъ Никифоровъ. Худенькій, смазливенькій блондинчикъ, мало интеллигентный. Въ началѣ держалъ себя сдержанно, почти мягко. Первое время самъ не разстрѣливалъ. Потомъ вдругъ началъ франтить. Это было для

[1] Генералъ Духонинъ, Главнокомандующій русской арміей, былъ звѣрски убитъ большевиками въ ноябрѣ 1917 года.

сестеръ первымъ, явнымъ доказательствомъ, что руки у коменданта уже въ крови. Значитъ дана ему добыча въ уплату за палачество.

И другое еще сдѣлали онѣ наблюденіе на своемъ крестномъ пути:

«Я не ручаюсь, что это правильно. Можетъ быть это намъ такъ чудилось, — сдержанно объясняла сестра. — Но какъ только тотъ или другой начиналъ разстрѣливать, это сразу накладывало печать, я всегда знала...... Появлялась какая-то тяжесть во взглядѣ. Они не смотрѣли больше намъ въ глаза, а куда-то мимо, въ пространство. А когда случайно поймаемъ его взглядъ, въ немъ сквозитъ сосредоточенная жестокость.»

Чѣмъ больше человѣкъ убивалъ, тѣмъ больше пьянѣлъ отъ крови, какъ отъ вина. Подымались темныя волны садизма. Человѣческое замѣнялось звѣринымъ. Только людей способныхъ поддаваться озвѣренію, возводила Ч. К. въ высокій и прибыльный санъ постоянныхъ сотрудниковъ.

Разстрѣлы поручались и караульнымъ, когда работы бывало слишкомъ много, но караульныхъ приходилось къ этому пріучать. Вначалѣ они иногда отказывались. Ихъ принуждали, поили спиртомъ, соблазняли добычей, раздѣломъ имущества казненныхъ. Нѣкоторые все-таки упирались.

Прибѣжалъ разъ къ сестрѣ караульный, почти мальчикъ, — еврей. Весь содрогаясь отъ отвращенія, онъ заявилъ, что не пойдетъ разстрѣливать. И не пошелъ.

Равнодушнѣе всего исполняли приговоръ латыши. Больше всего волновались и страдали Кубанцы. Но все-таки отказываться не хватало у нихъ духу.

Караульные смѣнялись. Ихъ не спеціализировали на разстрѣлахъ. Только комендатура неизмѣнно, изъ ночи въ ночь, творила свое страшное дѣло.

Былъ въ В. У. Ч. К. помощникъ коменданта Тереховъ. Кто онъ былъ — неизвѣстно, говорили, что уголовный. Вначалѣ этотъ высокій, стройный, красивый молодой человѣкъ былъ главнымъ палачемъ. Когда изящный и спокойный, въ безукоризнено сшитомъ офицерскомъ френчѣ, онъ шелъ по коридору, заключенные съ тоской прислушивались къ мелодичному звону его шпоръ. Они знали, что пришелъ онъ не даромъ, что выхоленная рука его съ дорогими кольцами скоро привычнымъ жестомъ, поднесетъ револьверъ къ затылку одного изъ нихъ.

Въ Концентраціонномъ Лагерѣ содержался какой то захудалый галичанинъ, котораго большевики обвиняли въ томъ, что онъ петлюровецъ. Его почему-то заподозрили въ намѣреніи бѣжать.

И вотъ среди бѣла дня въѣхалъ во дворъ тюрьмы автомобиль. Несчастнаго галичанина вывели на середину двора. Тереховъ ему крикнулъ,

«Стой!»

Галичанинъ повернулся къ сестрѣ, точно хотѣлъ ей что-то сказать. Раздался выстрѣлъ. Разъ, два...... Галичанинъ упалъ. Тотъ же выстрѣлъ могъ ранить не только заключенныхъ, но и каменьщиковъ, работавшихъ во дворѣ.

Трупъ остался лежать во дворѣ. Комендантъ лагеря Сорокинъ, послѣ такихъ исторій, особенно любилъ разговаривать съ сестрой. Не то хотѣлъ себя подбодрить, не то хвастался. А можетъ быть просто любовался впечатлѣніемъ. Пришелъ онъ къ ней и на этотъ разъ.

«Это мы для примѣра »,— сказалъ онъ.

— «А Вы увѣрены, что онъ хотѣлъ бѣжать?» — спросила сестра.

Сорокинъ засмѣялся.

«Это не важно, это все равно.»

Пришелъ къ сестрѣ и убійца, Тереховъ, но не для того, чтобы съ ней болтать, а для того, чтобы попросить у нея кокаина.

Какъ и большинство сотрудниковъ Ч.К., Тереховъ не могъ жить безъ кокаина.

Кокаинистомъ былъ и комендантъ Михайловъ. Тоже молодой, стройный, съ усиками, холеный и франтоватый. Одѣтый по модѣ наряднаго краснаго офицера. На груди у него красовалась красная звѣзда и другіе знаки отличія совѣтской арміи. Все отличной ювелирной работы.

Михайловъ былъ комендантомъ Губернской Ч. К., которая помѣщалась въ Генералъ-Губернаторскомъ домѣ. Въ лунныя, ясныя, лѣтнія ночи онъ выгонялъ арестованныхъ голыми въ садъ и съ револьверомъ въ рукахъ охотился за ними.

Попадались среди комендантовъ иногда и такіе, въ которыхъ какъ будто двоилось чувство. Было въ нихъ смутное желаніе быть болѣе человѣчными, но страхъ передъ начальствомъ заставлялъ преодолѣвать это чувство. Къ числу такихъ принадлежалъ помощникъ коменданта В. У. Ч. К., Извозщиковъ, молодой еврей, служившій мальчикомъ въ кинематографѣ въ Черниговѣ, онъ всегда находился въ состояніи нервнаго волненія. По природѣ мягкотѣлый, быть можетъ даже сантиментальный, этотъ мальчикъ, вѣроятно движимый чувствомъ жадности, взялся за ремесло тюремщика и палача.

Порой трясся отъ страха, а все-таки убивалъ. Потомъ получалъ золотые часы или новый костюмъ, или другую какую нибудь добычу и былъ доволенъ.

Этому мальчику изъ кинематографа поручили судьбу 29 юристовъ. Почти всѣ были убиты имъ.

Вмѣстѣ съ евреемъ Извощиковымъ служилъ во В. У. Ч. К. другой помощникъ коменданта, Асмоловъ, русскій. Это былъ высокій матросъ съ бритымъ лицомъ, похожій на англичанина, одѣтый то въ щегольскую матроску и рубаху, то въ штатское, тоже щегольское. Всегда спокойный, онъ творилъ свое дѣло съ холодной увѣренностью. Эта увѣренность красныхъ палачей, отсуствіе въ нихъ даже тѣни нравственнаго отвращенія къ преступленію больше всего терроризировала арестованныхъ.

Его родной братъ, Асмоловъ, попалъ въ Особый Отдѣлъ, какъ заключенный. Живой, всегда веселый, ко всѣмъ внимательный и ласковый, арестантъ Асмоловъ былъ любимцемъ тюрьмы, которая цѣнила въ немъ прирожденное благородство.

Онъ всегда былъ чѣмъ-нибудь занятъ, плелъ какія-то колечки, раздавалъ ихъ своимъ товарищамъ. Танцовалъ, пѣлъ. Въ самыя тяжелыя минуты умѣлъ поддержать, подбодрить, даже примирить осужденныхъ со смертью.

Онъ былъ большевикъ. Сестра такъ и не поняла, въ чемъ его обвиняла совѣтская власть.

Разъ сестра его спросила:

— «Неужели Вашъ братъ не могъ похлопотать за Васъ?» — ......

Молодой человѣкъ вздрогнулъ, выпрямился и съ негодованіемъ сказалъ:

Фонъ Транзэ и др. замученные большевиками въ Ригѣ.

Латышскіе большевики во время боевъ съ Западной Арміей замучили телефониста, разрубивъ топоромъ високъ, распоровъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ животъ, выпустивъ кишки и отрубили два пальца лѣвой руки. Большинство латышей попавшихъ въ плѣнъ, а также и убитые, имѣли при себѣ удостовѣренія, выданныя Красной арміей.

— «Съ братомъ у меня нѣтъ ничего общаго. Онъ палачъ.» —

Асмолова разстрѣляли. Въ тюрьмѣ говорили, что онъ умеръ героемъ.

А вотъ другой комендантъ, Авдохинъ, подъ власть котораго былъ отданъ центральный органъ Кіевской инквизиціи, такъ называемая В. Укр. Ч. К. — Авдохинъ былъ средняго роста, толстый, приземистый, коренастый, почти атлетъ, съ большой четырехугольной головой. У него было отекшее лицо, нависшія брови, спускающіяся на маленькіе, бѣгающіе глаза, несмотрѣвшіе на собесѣдника. Его глаза бѣгали, точно выискивали. Съ невольной тревогой слѣдили арестованные за этими глазами. Вотъ, вотъ они остановятся и обожгутъ намѣченную жертву.

«Ангелъ Смерти» называли его заключенные и жутко, холодно, дѣлалось имъ при его приближеніи. Всѣ боялись Авдохина. Сестры старались не попадаться ему на пути. Никто не зналъ; какое нелѣпое желаніе можетъ загорѣться въ темной головѣ этого человѣка, пьянаго отъ власти и отъ крови. Удержу на него никакого не было. Авдохинъ всегда находился въ состояніи непрерывнаго жестокаго и сладострастнаго возбужденія.

Какъ и другіе коменданты, Авдохинъ любилъ франтить. Каждый день онъ появлялся въ новомъ туалетѣ, иногда въ матроскомъ, иногда въ штатскомъ. Онъ очень любилъ широкіе англійскіе плащи, мягкія шляпы. Все на немъ было съ иголочки, новенькое. На короткихъ толстыхъ пальцахъ горѣли драгоцѣнные камни. Трость была украшена серебрянымъ набалдашникомъ.

Авдохинъ былъ и пьяница и кокаинистъ. Окруженный женщинами, нарядными, въ перьяхъ, съ браслетами и цѣпочками, катался онъ по городу, устраивалъ вмѣстѣ съ другими въ домахъ въ Липскомъ переулкѣ, гдѣ жили комиссары, буйныя празднества.

Этого развратнаго, преступнаго матроса, для котораго въ мірѣ не было ничего святого, его товарищи коменданты считали даже добрымъ. На самомъ дѣлѣ это былъ разбойникъ, пугачевецъ, въ которомъ стихійное, звѣрское начало чудовищно переплеталось съ соціалистическимъ налетомъ. Ему было пріятно быть щедрымъ. Увидитъ, что у санитара нѣтъ сапогъ, велитъ дать. Товарищи не безъ гордости говорили: «Мишка — онъ у насъ добрый.»

А Мишка въ ту же ночь опять разстрѣливалъ арестованныхъ.

Каждый комендантъ, какъ и каждое отдѣленіе Ч. К., имѣлъ свою репутацію. Хуже всего считалось попасть въ Губ. Ч. К. Одно время тамъ былъ предсѣдателемъ Соринъ, скрывшій подъ русской фамиліей свое еврейское имя. Евреевъ вообще было много въ Губ. Ч. К.

Соринъ любилъ хвастать тѣмъ, что онъ будто-бы участвовалъ въ разстрѣлѣ Государыни. Человѣкъ онъ былъ безграничной наглости и цинизма. При немъ въ Губ. Ч. К. шли непрерывныя оргіи.

Къ Сорину ходила просить за арестованнаго отца молодая дѣвушка П. — Онъ велѣлъ ей притти въ страстную субботу вечеромъ. П. пришла съ подругой, такъ какъ одна не рѣшалась итти къ Сорину. Молодыхъ дѣвушекъ провели въ залъ, откуда слышались звуки рояля: раздернули передъ ними занавѣсъ и онѣ увидѣли Сорина, матросовъ и плясавшихъ передъ ними совершенно обнаженныхъ женщинъ.

Въ такой обстановкѣ пришлось молодой дѣвушкѣ вымаливать жизнь своему отцу. Отецъ ея остался живъ.

Разстрѣловъ больше всего было произведено въ В. Укр. Ч. К. и въ гаражѣ Губ. Ч. К. Отдѣльно стояли Лукьяновская тюрьма и Концентраціонный Лагерь, гдѣ были свои порядки, свои властелины, свои событія и колебанія, которыя въ значительной степени отражали положеніе на фронтѣ. Хотя огромное большинство людей, попавшихъ въ тайники Кіевскихъ чрезвычаекъ, не имѣло никакой связи съ Деникинской арміей, но это подозрѣніе тяготѣло надъ всѣми ними. Чѣмъ ближе подходили добровольцы, тѣмъ больше труповъ ложилось въ ногамъ коммунистическихъ палачей.

V. Жертвы.

Никакихъ доказательствъ виновности имъ не нужно было. Въ іюнѣ слѣдователи В. Укр. Ч. К. были очень заняты и взволнованы такъ называемымъ дѣломъ Солнцева, по которому было привлечено около 90 человѣкъ.

Солнцевъ былъ банковскій служащій. Человѣкъ лѣтъ 30, веселый, забулдыга, любилъ выпивать и проводить время въ кабачкахъ. Возможно, что тамъ, въ пьяномъ видѣ, онъ неосторожно высказывалъ ту ненависть къ совѣтской власти, которая таится въ душѣ у всѣхъ, кому выпало несчастіе жить подъ этимъ гнетомъ.

Солнцева подслушали, арестовали. Вмѣстѣ съ нимъ арестовали тѣхъ, у кого Солнцевъ жилъ, его знакомыхъ, его случайныхъ собутыльниковъ. Такъ былъ арестованъ маленькій актеръ Устинскій, артистка Чалѣева съ четырнадцатилѣтней дочкой и рядъ другихъ лицъ. Ихъ всѣхъ обвиняли въ заговорѣ противъ совѣтской власти, хотя къ этому не было никакихъ уликъ. Люди, знавшіе Солнцева, утверждаютъ, что никакого заговора не было. Но почему-то сотрудники Ч. К. взялись за дѣло Солнцева съ особеннымъ упорствомъ и свирѣпостью.

Каждую ночь водили ихъ на длительные допросы. Каждую ночь мучили, били, истязали, грозили. Запирали въ подвалъ, гдѣ лежали трупы убитыхъ. Устраивали примѣрныя казни, и не одинъ, а нѣсколько разъ.

Устинскому, который никогда политикой не занимался, а былъ всецѣло поглощенъ своими театральными заботами, говорили:

— «Назовите намъ такое-то число лицъ, сочувствующихъ Добрарміи и мы Васъ отпустимъ.» —

Онъ никого не называлъ. Его отводили на мѣсто казни въ подвалъ, раздѣвали, клали на полъ. Устинскій ждалъ смерти. Выстрѣлъ дѣйствительно раздавался, но съ такимъ расчетомъ, что пуля пролетала близко, но мимо. Такъ близко, что по свидѣтельству сестры, вся кожа на рукахъ Устинскаго была обожжена. Такая стрѣльба повторялась много разъ.

Въ концѣ концовъ, Устинскаго застрѣлили.

Такимъ же мученіямъ подвергали Солнцева.

Онъ былъ человѣкъ очень нервный. Его заставляли присутствовать при казняхъ, потомъ запирали въ подвалъ, послѣдняго живого среди неостывшихъ труповъ.

Ночью, во время одного изъ допросовъ, Солнцевъ сошелъ съ ума. Тогда

коммунисты-слѣдователи вызвали арестованнаго доктора психіатра Киричевскаго и приказали ему осмотрѣть больного. Онъ осмотрѣлъ.

«Что съ нимъ?» — спросили красные. —

— «Онъ сошелъ съ ума.» — отвѣтилъ докторъ.

«А почему, можете объяснить причины? — »

Докторъ, который самъ жилъ подъ угрозой пытки и казни, съ изумленіемъ посмотрѣлъ на слѣдователей-палачей.

«Почему? Вы, вѣроятно, это лучше знаете, чѣмъ я.»

Сумасшедшій Солнцевъ еще нѣкоторое время жилъ въ Ч. К. Онъ помѣщался въ тѣсной, душной комнатѣ, гдѣ на сплошныхъ нарахъ лежало 35-40 заключенныхъ. Каждый вечеръ прислушивались они къ шагамъ, каждый вечеръ говорили они о смерти и ждали ея приближенія.

Всѣ они были полубезумны. Но Солнцевъ проявилъ свое безуміе буйно и явно. Ему казалось, что его увозятъ на кораблѣ. Онъ бросался на стѣну, вопилъ, умолялъ. По настоянію сестры, Солнцева перевели въ больницу Лукьяновской тюрьмы. Оттуда его, сумасшедшаго, вывели на разстрѣлъ.

Большинство его мнимыхъ сообщниковъ тоже было разстрѣляно. Женщинъ, обвиняемыхъ по этому дѣлу, избитыхъ и истерзанныхъ, выпустили.

Другое, такое же темное, мучительно запутанное застращиваніемъ и пытками дѣло, было такъ называемое дѣло Крылова-Чернявскаго. Это былъ офицеръ. Его обвиняли въ сношеніи съ Деникинымъ; били, истязали, устраивали примѣрный разстрѣлъ. Былъ слухъ, что доведенный до сумасшествія, Крыловъ будтобы даже называлъ имена своихъ сообщниковъ, быть можетъ мнимыхъ.

Въ концѣ мая сестра увидала, какъ во дворъ Лукьяновской тюрьмы подъѣхали два грузовыхъ автомобиля съ большимъ количествомъ караульныхъ. Изъ тюрьмы вызвали арестантовъ по списку.

Среди нихъ была 23-лѣтная жена офицера, Нина Шаповаленко, съ мужемъ. Молодая, хрупкая, стройная она шла гордая и недающаяся. Мужъ волновался больше, чѣмъ она. Она отъ него не отходила. Сестрѣ сказала:

«Сестра, я знаю, куда я иду. Это все дѣло одного мерзавца.»

Она показала на Крылова-Чернявскаго. Его тоже вели вмѣстѣ съ ними. Онъ былъ въ больничномъ халатѣ, жалкій, явно психически больной. Комиссары относились къ нему съ презрѣніемъ.

Вмѣстѣ съ караульными явилось два матроса. Одинъ изъ нихъ, франтоватый и важный спросилъ:

— «Ну, что, сестра, какъ они себя чувствуютъ? Какъ настроеніе? —»

Ей почудилось въ его голосѣ какое-то состраданіе. Только позже узнала она, что это и есть знаменитый палачъ Авдохинъ, которому поручено было это очередное убійство.

Между прочимъ въ спискѣ осужденныхъ значился Дружининъ Николай. Такого не оказалось.

Къ несчастію тюремная администрація сказала:

«Николая нѣтъ, но есть Сергѣй Дружининъ.»

На слѣдующій день прислали за Сергѣемъ и его разстрѣляли.

Сестры и вообще посторонніе рѣдко бывали свидѣтелями разстрѣловъ,

которые производились въ подвалахъ, въ сараяхъ, въ закрытыхъ помѣщеніяхъ чаще всего вечеромъ. Но сестры часто слышали, какъ раздаются выстрѣлы и были постоянными свидѣтельницами того, какъ увозятъ и уводятъ людей на казнь.

А бывало, что и уносили.

Былъ заключенъ во В. Укр. Ч. К. присяжный повѣренный В. А. Жолткевичъ, человѣкъ еще молодой, женатый, имѣвшій трехъ дѣтей. Въ Кіевѣ его всѣ знали, какъ талантливаго и хорошаго человѣка. Арестовали его за то, что онъ велъ дѣла своего родственника Фіалковскаго, который прятался отъ Ч.К. Повидимому, на Жолткевича былъ золъ кто-то изъ комиссаріата юстиціи.

Черезъ три дня послѣ ареста Жолткевичъ сказалъ:

«Я знаю, я приговоренъ.»

Онъ просилъ передать женѣ его кольцо, его послѣднюю волю и сталъ ждать смерти.

На допросахъ онъ велъ себя съ большимъ достоинствомъ и не скрывалъ своихъ убѣжденій. Его спрашивали — признаетъ ли онъ совѣтскую власть, и и недовольные его отвѣтомъ, говорили:

«Все равно, мы должны Васъ уничтожить, такъ какъ Вы вредный элементъ.»

Жолткевича посылали на работу. Работы по устройству второго Концентраціоннаго Лагеря происходили на берегу Днѣпра. Бѣгая въ воду и затѣмъ по солнцу, онъ такъ обжетъ ноги, что его пришлось уложить въ лазаретъ при Концентраціонномъ лагерѣ. Оттуда въ одинъ прекрасный день его увели въ В. У. Ч. К., якобы для допроса. Вечеромъ въ обычный часъ сестра обходила В. У. Ч. К., разговаривала съ заключенными и вдругъ увидала, что у нихъ мѣняются лица. Одинъ изъ нихъ поблѣднѣлъ, закрылъ лицо руками и хватился за косякъ.

— «Что съ Вами?» —

Заключенный молча показалъ на окно. Сестра увидала, что черезъ дворъ, къ тому мѣсту, гдѣ бывали разстрѣлы, несли на рукахъ Жолткевича.

«Это было ужасно,» содрогаясь вспоминала сестра.

— Но вѣдь Вы каждый день видѣли, какъ вели на разстрѣлъ? —

«Да видѣла. И это было страшно. Но безконечно было страшнѣе смотрѣть, какъ приговореннаго больного несли на разстрѣлъ. Когда онъ самъ идетъ, и то страшно. Но понимаете — больного? Это ужасно......»

Однако и непрерывное истребленіе здоровыхъ, сильныхъ, молодыхъ было не менѣе ужасно.

Какъ-то въ іюнѣ — это былъ кровавый мѣсяцъ — привезли въ Концентраціонный лагерь большую партію въ 47 человѣкъ. Нѣкоторые изъ нихъ, въ особенности 2 офицера Снѣгуровскій и Филипченко, дѣтски радовались, что попали въ лагерь. Болтали, смѣялись, пѣли. Тогда считалось, что въ лагерѣ не казнятъ.

Были они оба очень славные. Да и вся партія была, какъ наподборъ интеллигентная, удивительно симпатичная. У сестеръ, глядя на нихъ, сжималось сердце. Онѣ уже знали, что именно все свѣтлое, духовное, безжалостно истребляется коммунистами.

А коменданты не скрывали, что это обреченные. Авдохинъ сразу сказалъ:

— «Ну, изъ этихъ мало кто живъ останется. — »

Почему-то для этой партіи сдѣлали исключеніе. Ихъ разстрѣляли днемъ. Происходило это такъ. Офицеровъ вызвали въ контору. Приказывали раздѣться и въ одномъ нижнемъ бѣльѣ отправляли ихъ за кухню. Тамъ, по очереди, разстрѣливали. Часть команды отказалась убивать, ушла. Тогда солдатъ стали поить водкой. Это всегда дѣлалось съ новичками, непривыкшими къ палачеству. Пьяные, они плохо стрѣляли. Имъ помогали Тереховъ и 3 солдата, еврей, полякъ и бравый русскій гвардеецъ. Къ вечеру стали ссориться изъ-за добычи, оставшейся отъ убитыхъ.

Въ этой партіи были убиты сенаторъ Эссенъ и инженеръ Паукеръ. Эссенъ очень хорошо плелъ туфли изъ веревокъ. Комендантъ утромъ разрѣшилъ принять отъ его жены для передачи Эссену матеріалъ для его работы. А днемъ его убили. Но женѣ сказали, что ея мужъ увезенъ въ Москву, хотя сестра видѣла, какъ караульные дѣлили его вещи, что всегда происходило послѣ казни. Каждый день тюремной жизни былъ полонъ страшныхъ и омерзительныхъ подробностей. Трудно сказать, когда сотрудники Ч. К. были отвратительнѣе; тогда-ли, когда, пьяные и безпутные, они вели себя съ откровенной разгульной свирѣпостью лѣсныхъ разбойниковъ, какъ Авдохинъ или Сорокинъ, или когда они пытались возвести свою кровавую работу въ какую-то чудовищную систему.

Послѣднее произошло въ Концентраціонномъ Лагерѣ; онъ былъ устроенъ въ началѣ Іюня въ пустовавшей старой военно-пересыльной тюрьмѣ. Въ ней было 9 камеръ и одна одиночная, въ общемъ расчитанныя на 200 человѣкъ. Большевики рѣшили, что въ тюрьмѣ должно помѣщаться 1500. Когда они что-нибудь рѣшали, то они не признавали никакихъ возраженій, никакихъ препятствій, ни съ чѣмъ не считались.

Въ тюрьму, ставшую лагеремъ, стали возить заложниковъ и людей, приговоренныхъ къ общественнымъ работамъ. Обыкновенно приговаривали ихъ до конца гражданской войны. Составъ ихъ былъ смѣшанный. Были спекулянты, люди не уплатившіе контрибуціи, контръ-революціонеры, совѣтскіе служащіе. Изрѣдка попадались приговоренные трибуналомъ, чаще всего изъ сотрудниковъ Ч. К. Попадались и подслѣдственные.

Помощникомъ коменданта былъ въ лагерѣ племянникъ Лациса, молодой латышъ, Иванъ Ивановичъ Парапуцъ. Тотъ самый, который щеголялъ въ шинелѣ убитаго имъ генерала. Въ немъ была и наглость и жестокость, но была и своеобразная дисциплина, даже честность. Пока арестованные были живы, Иванъ Ивановичъ не кралъ отъ нихъ ни ѣды, ни денегъ, ни вещей. А когда убьетъ кого-нибудь, тогда забираетъ себѣ добро убитаго, какъ добычу, уже съ сознаніемъ, что это заработано.

Этотъ латышъ любилъ хорошія вещи, въ особенности ковры. Въ его кабинетѣ стояла отоманка, покрытая чудеснымъ, восточнымъ ковромъ.

Другимъ помощникомъ коменданта былъ молодой матросъ Тарасенко. Это былъ хорошенькій милый мальчикъ, не грубый, скорѣе внимательный. Онъ какъ будто даже входилъ и въ положеніе арестованныхъ, оказывалъ имъ нѣкоторое снисхожденіе.

Тарасенко любилъ разсказывать о томъ, какъ онъ расправлялся въ Севастополѣ съ морскими офицерами, а въ Екатеринославской губ. съ Добровольцами

Его разсказы дышали жестокостью. Это былъ правовѣрный коммунистъ, и другіе сотрудники Ч. К. относились къ нему съ большимъ уваженіемъ.

Третьимъ помощникомъ былъ еврей Глейзеръ. Велъ онъ себя на словахъ нагло, на дѣлѣ былъ не хуже другихъ, но было въ немъ что-то тяжелое, недоброе. Съ сестрой старался держать себя запросто, но предупредилъ, что если она будетъ много разговаривать, ей будетъ плохо. Этотъ Глейзеръ, небрежно, полушутя, говорилъ, что сестеръ увезутъ въ Москву. Такая была привычка у комиссаровъ, скажетъ что нибудь жестокое, запугивающее и смотритъ въ глаза, любуется впечатлѣніемъ.

Комендантомъ лагеря былъ Сорокинъ. Его прошлаго, какъ и прошлаго другихъ сотрудниковъ, никто не зналъ. Говорили, что онъ бывшій царскій городовой. Это былъ человѣкъ неотесанный, некультурный, малограмотный, грубый, но франтоватый.

Заключенныхъ, которые были въ полной безконтрольной его власти, иначе не называлъ, какъ:

— «Фокусники и фокусницы.» —

Собственноручно онъ разстрѣливалъ довольно рѣдко, объясняя это тѣмъ, что уже довольно онъ въ своей жизни настрѣлялся.

Но порой и Сорокинъ принималъ участіе въ разстрѣлахъ. Въ іюлѣ Ч. К. были переполнены и палачи особенно свирѣпствовали. Разъ привезли въ Концентраціонный Лагерь партію арестованныхъ. За недостаткомъ мѣста ихъ заперли въ сараѣ. Ночью двое бѣжали. Всѣ замерли. Ждали расправы. Послали за Лацисомъ.

Днемъ пріѣхалъ автомобиль. Изъ него вывели женщину, старика и молодого человѣка. Ихъ заперли въ темномъ чуланчикѣ, вѣрнѣе въ шкафу. Это были Стасюкъ и его дочь Биманъ со своимъ мужемъ офицеромъ. Къ нимъ приставили особый караулъ. Сестра снесла къ нимъ въ шкафъ обѣдъ и убѣдилась, что они сильно избиты.

Было ясно, что готовится разстрѣлъ. Къ ночи нѣсколькихъ арестованныхъ послали вырыть могилу, тутъ же въ оградѣ тюремнаго двора, за кухней. Никто не зналъ, кому суждено лечь въ эту могилу. Мрачное возбужденіе царило во всемъ лагерѣ. Сестра осталась ночевать.

Ночью на автомобилѣ пріѣхали Сорокинъ и помощникъ коменданта. По всей тюрьмѣ раздавались ихъ голоса, властные и пьяные.

Слышно было, какъ вывели заключенныхъ, какъ караульнымъ было приказано вести ихъ за кухню, туда, гдѣ рылись могилы.

Потомъ раздалась стрѣльба.

Коменданты вообще стрѣляли мѣтко. Въ ту ночь они были слишкомъ пьяны. Послышались безпорядочные выстрѣлы, стоны, крики, опять выстрѣлы. Опять стоны. Къ утру всѣ заключенные, которые отчетливо слышали крики и стрѣльбу были какъ сумасшедшіе.

А на слѣдующій день Сорокинъ, не безъ сантиментальности, говорилъ:

— «Пора мнѣ къ себѣ въ деревню, къ Аннушкѣ. Усталъ ужъ я.» —

Въ ожиданіи Аннушки онъ развлекался попойками и оргіями. Для кокаина, по словамъ сестеръ, Сорокинъ былъ недостаточно культуренъ. Кокаиномъ увле-

кался тотъ своеобразный правящій классъ, та буржуазія, которую выдѣлили изъ своей среды большевики. Ее такъ и опредѣляли, какъ кокаинистическую интеллигенцію».

Сорокинъ принадлежалъ къ числу большевиковъ, питавшихъ къ медицинѣ большое, но крайне своеобразное уваженіе. На помощь сестрѣ былъ данъ санитаръ изъ числа заключенныхъ, причемъ сестру заставили дать расписку, что если санитаръ убѣжитъ, она будетъ разстрѣляна. Женщина-врачъ, лѣчившая заключенныхъ, пользовалась со стороны Сорокина нѣкоторымъ почтеніемъ, но все таки Сорокинъ самъ присутствовалъ при медицинскомъ осмотрѣ и самъ выслушивалъ больныхъ..

Этотъ невѣжественный человѣкъ, выражавшійся запутаннымъ, темнымъ языкомъ, состоявшимъ изъ смѣси иностранныхъ словъ соціалистическаго жаргона и простонародныхъ выраженій хвастливо говорилъ:

— «Я эти всѣ дѣла не хуже Васъ понимаю. Самъ всякую медицину знаю, фельдшеромъ былъ.« —

Онъ наклонялся, чтобы послушать сердце, прикладывалъ ухо къ правой сторонѣ груди и приказывалъ больному:

— «Дышите.» —

Затѣмъ давалъ свое медицинское заключеніе, которое обыкновенно повторяло заключеніе врача.

Сорокинъ хотѣлъ вмѣстѣ съ докторшей производить и спеціальные осмотры арестованныхъ женщинъ. Какимъ-то чудомъ ей удалось его отъ этого отговорить.

VI. Каторжники.

Вообще хворать въ Ч. К. не полагалось. Болѣзнь не давала правъ на снисхожденіе. Съ больными не церемонились.

Въ лучшемъ случаѣ клали въ тюремную больницу или въ околодокъ, что было огромнымъ облегченіемъ, передышкой на страдномъ пути. Это счастье доставалось немногимъ и не на долго. Между прочимъ, евреи жаловались на Сорокина за то, что евреи никогда не попадали въ околодокъ. Это, конечно, было случайностью, но они были правы, обвиняя его въ юдофобствѣ.

Сорокинъ и Лацисъ дѣйствительно не любили евреевъ.

Лацису приписывали такую фразу:

— Среди евреевъ 95 % жидовъ. Остальные — евреи. Но эти 5 % для совѣтской власти необходимы.

Чаще всего больныхъ оставляли въ камерахъ, въ общихъ условіяхъ и продолжали посылать на тяжелыя работы.

Угаровъ — одинъ изъ самыхъ систематично-свирѣпыхъ комендантовъ, говорилъ въ присутствіи больныхъ арестованныхъ:

— Признаю больными только тѣхъ, кто боленъ тифомъ и холерой. — У насъ большевиковъ такой принципъ, если не годенъ къ работѣ, разстрѣлять. Это не богодѣльня. —

Особенно тяжело было хворымъ интеллигентнымъ женщинамъ, не привыкшимъ къ физическому труду. Ихъ посылали на самую тяжелую и грязную работу. Убирать казармы, мыть полы, чистить уборныя. Но когда на уличной

облавѣ случайно забрали проститутокъ, то этихъ здоровыхъ молодыхъ дѣвушекъ сразу освободили отъ принудительныхъ работъ. Онѣ пользовались всѣми льготами и образовали въ тюрьмѣ особую своеобразную аристократію, опиравшуюся на покровительство коменданта.

Собственно работа не пугала арестованныхъ. Напротивъ, если она была посильной, они охотно записывались на нее, чтобы освободиться отъ убійственной монотонности тюрьмы. Инженеры, сидѣвшіе въ Концентраціонномъ Лагерѣ, сами устроили тамъ водопроводъ и канализацію. Поѣздку съ бочкой за водой арестанты считали какъ бы привилегіей, и старикъ адвокатъ радовался какъ ребенокъ, когда ему разрѣшали взять бочку, впречься въ нее вмѣсто лашади и выѣхать за тюремную ограду за водой.

Особенно ждали заключенные попасть на постоянную работу на заводы. Жизнь тамъ была легче, такъ какъ не было постояннаго коммунистическаго издѣвательства. На одинъ изъ заводовъ (южно-русскій) попадали главнымъ образомъ евреи. Говорили, что за хорошія деньги, данныя коменданту, можно всегда было туда попасть. Работать тамъ не приходилось, Былъ только одинъ караульный. Можно было даже при удачѣ сбѣгать домой и вернуться. На заводѣ Гретера было тяжелѣе. Туда были отправлены поляки, заложники, привезенные изъ Одессы. Ихъ всего было перевезено 34 мущины и 9 женщинъ, но на заводъ попали только мущины. Жены просились съ ними, но имъ было отказано съ издѣвательствомъ, съ циничными разговорами. На тотъ же заводъ попали арестованные въ Кіевѣ польскіе студенты и курсистки, которыхъ заставили исполнять мелкія домашнія работы.

На заводѣ было еще 17 человѣкъ харьковскихъ крестьянъ изъ села Богодухова. Никто не зналъ почему они попали въ заложники. Были среди нихъ и зажиточные и бѣдные. Младшему было 57 лѣтъ, старшему — 82 года. Когда красная армія отступала, она увела этихъ крестьянъ съ собой, начала таскать ихъ изъ тюрьмы въ тюрьму, можетъ быть и сейчасъ еще таскаетъ.

На работу посылали иногда отдѣльными партіями. Арестованные Ч. К. интеллигенты строили между прочимъ второй Концентраціонный лагерь, который большевики не успѣли открыть. Тѣ же арестанты разгружали арсеналъ для эвакуаціи. Это была тяжелая работа, такъ какъ она продолжалась днемъ и ночью. Но не столько трудность работы, сколько тѣ издѣвательства, которыми она сопровождалась, тяготили арестованныхъ. Какъ то разъ сестра встрѣтила партію арестованныхъ, которыхъ вели на работу. Она была рада за нихъ, знала, какъ они это любятъ. Вечеромъ, обходя тюрьму, она сказала имъ:

«Ну, что работали? Освѣжились?»

И увидала глаза, полные тоски:

— «Вѣдь мы могилы рыли. Можетъ быть, для себя. — отвѣтили они ей.» —

Въ концѣ мая, когда разстрѣлы шли непрерывно, къ сестрѣ, раздававшей обѣдъ, подошли, какъ всегда, старосты ихъ камеръ. Среди нихъ были Бѣлиницынъ, Щербакъ, князь Шаховской. Сестру поразило, что отъ нихъ пахнетъ трупнымъ запахомъ. Оказалось, что ихъ послали вымыть и убрать погреба, гдѣ разстрѣливали арестованныхъ. Тамъ на полу скопилось слишкомъ много крови. Стояла лѣтняя пора. Кровь разложилась, началось зловоніе.

Жители города Митавы разстрѣлянные большевиками во время отхода ихъ изъ города въ мартѣ 1919 года.

Могила добровольца 1-го пѣхотнаго полка Западной Арміи, звѣрски замученнаго латышами тѣми орудіями пытки, которыя воткнуты въ могилу его товарищами послѣ похоронъ.

Погребъ, въ которомъ производились разстрѣлы и убійства въ г. Кіевѣ. Здѣсь погибло нѣсколько тысячь несчастныхъ жертвъ. Посреди комнаты яма для стока крови на стѣнѣ виситъ штыкъ отъ ружья, а у тумбы — пила.

Кожа съ человѣческихъ спинъ и рукъ на окнѣ Харьковской Чрезвычайки. Тутъ же на окнѣ гребень, которымъ срывали кожу.

Комиссары отправили самихъ арестованныхъ привести въ порядокъ мѣсто казни. Кто знаетъ, можетъ быть они же были намѣчены, какъ слѣдующія жертвы.

Посылка на работы не гарантировала отъ разстрѣла. Вѣдь не было никакихъ опредѣленныхъ категорій ни для преступленія, ни для наказанія. Каждый моментъ распаленная фантазія тюремщиковъ могла изобрѣсти новыя издѣвательства и новыя мученія.

Несмотра на всю грубость Сорокина, при немъ заключеннымъ въ Концентраціонномъ Лагерѣ жилось почти сносно. Это не нравилось. Начались доносы. Сорокина обвиняли въ томъ, что онъ со своей снисходительностью распустилъ тюрьму. И вотъ налетѣлъ на лагерь новый комендантъ Угаровъ. Онъ былъ тоже русскій, какъ и Сорокинъ, но совершенно другого типа. Бывшій портной, Угаровъ одѣвался изыскано, всегда былъ въ черномъ. У него было довольно интеллигентное лицо съ большими, черными, жесткими глазами, которые кололи при встрѣчѣ. У этого человѣка была собственная опредѣленная тюремная система. Онъ проводилъ ее безпощадно и свирѣпо.

Въ Кіевѣ въ ночь съ 17-го на 18-го іюля была произведена колоссальная облава, во время которой было арестовано около семисотъ человѣкъ. Всѣ казематы Чека сразу оказались переполнеными. Въ лагерѣ собралось до семисотъ человѣкъ. Угаровъ потребовалъ перевода въ лагерь всѣхъ работавшихъ на заводахъ. Всѣхъ заключенныхъ согнали толпой во дворъ. Никто не понималъ, въ чемъ дѣло, и по привычкѣ ждали самаго страшнаго. Угаровъ началъ съ распредѣленія всѣхъ заключенныхъ по категоріямъ: 1) приговоренные, 2) заложники, 3) общественныя работы, 4) подслѣдственные, 5) до конца гражданской войны.

Весь день съ утра до вечера и часть ночи, по перекличкѣ вызывали заключенныхъ и тутъ же среди суеты и торопливости наскоро, портной Угаровъ рѣшалъ вопросъ жизни или смерти людей, о дѣятельности которыхъ онъ даже не имѣлъ понятія. Ему была дана полная власть. Ни доказательствъ, ни слѣдствія, ни возможности защищаться у заключенныхъ не было. Надъ ними царилъ, единоличный безграничный произволъ, напоминавшій священную волю древняго восточнаго владыки, когда мимо трона побѣдителя проводили взятыхъ имъ въ плѣнъ враговъ. Угарову помогали его жена и Глейзеръ съ женой. Въ одинъ день они распредѣлили, вѣрнѣе осудили, семьсотъ человѣкъ и утромъ уже отправили въ Москву первую партію заложниковъ. Еще наканунѣ никто изъ заложниковъ не зналъ, что придется ѣхать. У многихъ изъ нихъ не было вещей, не было денегъ. Они даже не простились съ родными, не дали имъ знать о своемъ отъѣздѣ.

Смятеніе царило среди заключенныхъ. Это была сумасшедшая ночь. Но какое было до этого дѣло Угарову. Онъ проводилъ свою систему, которая должна была укрѣпить совѣтскій строй. При его предшественникѣ Сорокинѣ былъ полный безпорядокъ въ тюремныхъ бумагахъ. Теперь бумаги пришли въ порядокъ, за то жизнь стала невыносимой. Сортируя арестованныхъ, Угаровъ въ камеру предназначенную на тридцать человѣкъ, сажалъ — сто двадцать. Нельзя было ни лечь, ни протянуться. Не хватало воздуха для дыханія, заключенные буквально задыхались.

Поздно вечеромъ, часовъ въ 11 караульный начальникъ вызвалъ въ одну изъ камеръ сестру. Арестованный, молодой полякъ изъ Винницы, съ больнымъ серцемъ, лежалъ въ глубокомъ обморокѣ. Жара была лѣтняя, іюльская. Окна въ камерѣ не открывались. Маленькая форточка почти не пропускала воздуха. Было необходимо, какъ можно скорѣе перенести больного въ другое помѣщеніе. Сестра вышла на дворъ и обратилась къ Угарову:

— «Товарищъ Угаровъ разрѣшите мнѣ перенести больного въ околодокъ? —»

Угаровъ повернулся къ ней и рѣзкимъ, хриплымъ голосомъ крикнулъ:

— «Если Вы скажите хоть одно слово, я Васъ разстрѣляю. Вы не смѣете вмѣшиваться въ мои приказы.» —

«Но вѣдь меня вызвалъ начальникъ караула. Я не одна вошла.»

— «Я васъ сейчасъ поставлю къ стѣнкѣ.» —

Онъ выхватилъ револьверъ и выстрѣлилъ надъ головой сестры. На заключенныхъ эта сцена произвела удручающее впечатлѣніе. Если такъ начали обращаться съ сестрой, которая раньше пользовалась уваженіемъ даже тюремщиковъ, то какая же участь ждетъ самихъ заключенныхъ?

А тутъ еще впервые за все время существованія Концентраціоннаго лагеря установили разрядъ смертниковъ. Раньше у каждаго заключеннаго оставалась искра надежды. Теперь первой категоріи приходилось ждать только одного — исполненія приговора.

31-го іюля, послѣ взятія Кременчуга, въ Концентраціонный лагерь было привезено 27 военныхъ, захваченныхъ на улицахъ Кременчуга. За что ихъ взяли ни одинъ изъ нихъ не зналъ. Имъ говорили: «Вы заложники, потому что вы враги совѣтской власти». Четыре дня считались они подслѣдственными, но никто ихъ не допрашивалъ. 3-го августа Угаровъ взглянулъ на нихъ и распорядился.

— «Этихъ въ первую категорію. Каждый изъ нихъ намъ важенъ.» —

Онъ приказалъ, чтобы часовой не отходилъ отъ нихъ. Эти люди десять дней непрестанно ждали разстрѣла. Но даже въ эти страшные дни, какъ дѣти радовались они каждой мелочи. Когда сестра приносила имъ маленькую порцію молочной каши на каждаго — это была уже радость на полъ дня.

Неожиданно появилась комиссія Мануильскаго. Одному изъ кременчугскихъ заложниковъ удалось пробраться къ нему съ заявленіемъ отъ всей группы.

Мануильскій ихъ выслушалъ, обѣщалъ допросить. У приговоренныхъ появилась надежда на болѣе милосердный исходъ. На слѣдующій день отношеніе къ нимъ измѣнилось. Имъ было объявлено, что они будутъ отправлены въ Москву для занятія высшихъ командныхъ должностей. 7-го августа они были вывезены подъ строжайшимъ карауломъ, присланнымъ изъ контръ-развѣдки 12-ой арміи. Сестра спосила:

— «Куда вы ихъ везете?»

Караульный начальникъ отвѣтилъ:

«Такихъ мерзавцевъ у насъ еще цѣлая партія.»

Одна изъ сестеръ проводила ихъ до вокзала. Офицеровъ усадили въ теплушку и дѣйствительно куда-то повезли. Куда, гдѣ они, никто не знаетъ.

Угаровъ ввелъ въ Концентраціонномъ лагерѣ безпощадную каторжную систему.. Всѣхъ заключенныхъ заперли по камерамъ, гдѣ помѣстили народу втрое больше, чѣмъ камеры могли вмѣстить. Это было лѣтомъ. Стояла іюльская жара. Въ камерѣ было мучительно душно. Но даже въ уборную разрѣшалось входить не иначе, какъ съ караульнымъ. Заключенныхъ было нѣсколько сотъ человѣкъ, караульныхъ нѣсколько десятковъ. Имъ надоѣло, да они просто не успѣвали провожать арестованныхъ. Безъ воздуха, въ грязи, лишенные возможности удовлетворять самыя необходимыя физическія потребности, заключенные стали биться въ камерахъ, какъ звѣри въ клѣткахъ. Три дня стонъ стоялъ въ тюрьмѣ.

Къ счастью смѣнили караулъ. Пришли кубанцы, которые не пожелали исполнять приказа коменданта. Опять стали выпускать на дворъ, гдѣ по крайней мѣрѣ грудь могла дышать. Но какъ только раздавался стукъ Угаровскаго автомобиля, дворъ сразу пустѣлъ. Всѣ разбѣгались по мѣстамъ. Камеры запирались, водворялась мертвая тишина, точно все вымерло кругомъ. Никто не попадался ему на глаза, никто ни о чемъ его не просилъ. Онъ внушалъ паническій страхъ не только заключеннымъ, но и начальству.

— «Онъ и насъ можетъ разстрѣлять, »— говорили сотрудники Ч. К.

Портной Угаровъ, наводившій терроръ даже на своихъ коммунистовъ, торопился отправкой заложниковъ.

VII. Заложники.

Съ первыхъ дней захвата власти, большевики ввели систему заложничества, возстанавливая этимъ древній институтъ, казалось бы, давно отвергнутый современной моралью и современнымъ правосознаніемъ. Это одинъ изъ многихъ вопіющихъ парадоксовъ коммунистической идеологіи, гдѣ гордость своей прогрессивностью спокойно уживается съ пещерной дикостью и злобой.

Изъ всѣхъ преступленій, которыя творятся русскими коммунистами, система заложничества является едва-ли не самымъ грубымъ надругательствомъ надъ правомъ, справедливостью, надъ человѣческой личностью.

Простая и неоспоримая мысль, что за преступленіе долженъ отвѣчать тотъ, кто его совершилъ, кто къ нему причастенъ, превращается въ извращенную круговую поруку, причемъ даже нѣтъ необходимости доказывать наличность преступленія. Совершенно достаточно принадлежности къ профессіи, къ классу, къ семьѣ.

Жена, мать, дочь офицера бросаются въ тюрьму, разстрѣливаются. Иногда это происходитъ потому, что офицеръ исчезъ. Есть подозрѣніе, что онъ перешелъ къ бѣлымъ. Иногда офицеръ уже давно убитъ, а родныхъ все-таки берутъ въ плѣнъ, потому что весь офицерскій классъ держится подъ подозрѣніемъ. Берутъ въ заложники священниковъ. Самого патріарха Тихона держатъ въ заключеніи въ Кремлѣ, какъ одного изъ самыхъ важныхъ заложниковъ. По всей совѣтской Россіи разбросаны такіе концентраціонные лагеря, гдѣ десятки тысячъ людей медленно умираютъ отъ холода, голода и горя. Каждый разъ, когда бѣлыя войска наступаютъ, красныя, уходя, уводятъ съ собой гражданскихъ плѣнныхъ. Политически это дѣлается для усиленія террора. Практически большевики смотрятъ на заложниковъ, какъ на военную добычу, которую можно при слу-

чаѣ обмѣнять на деньги или на арестованныхъ большевиковъ. Если обмѣнъ не удастся, заложниковъ убиваютъ.

Когда въ Кіевѣ большевики увидали, что силы Деникина тѣснятъ красныхъ, началась отправка заложниковъ. Первую партію Угаровъ набралъ по своему усмотрѣнію. Никто не зналъ и не понималъ, по какимъ признакамъ ставилъ онъ свой жестокій приговоръ.

«Вторая категорія.»

Смертельная тоска охватила заложниковъ. Въ Кіевѣ за стѣнами тюрьмы были у нихъ родные и близкіе. Сохранялась связь съ жизнью, теплилась надежда. Наконецъ, они знали, что добровольцы подходятъ. Тамъ на сѣверѣ, превращенномъ волею коммунистовъ въ царство голода и деспотизма, ждали плѣнниковъ новыя издѣвательства, новыя страданія. Имъ не дали даже проститься съ родными. Вечеромъ состоялся приговоръ, а утромъ ихъ отправили на пароходъ, окружили стражей, которая стрѣляла въ каждаго, кто пытался подойти, и отправили дальше.

Всего въ первой партіи заложниковъ было отправленно 183 человѣка. Большинство было безъ средствъ. Это была мелкая интеллигенція. Много учащейся молодежи. Офицеры. Поляки изъ Одессы. Двадцать евреевъ. Туда же попали несчастные Богодуховскіе мужики. Ихъ тоже революціонная воля Угарова обрекла на горькую участь заложниковъ, хотя врядъ-ли 83-лѣтній харьковскій крестьянинъ могъ быть выгоднымъ объектомъ для обмѣна.

Позже были отправлены еще двѣ партіи заложниковъ. Во второй было 27 человѣкъ, главнымъ образомъ богатыхъ людей, крупныхъ помѣщиковъ. Были поляки, русскіе. Одинъ еврей. Среди нихъ былъ извѣстный въ Кіевѣ ксендзъ Шафранскій и секретарь германскаго консула въ Одессѣ Паласъ. Ихъ тоже собрали въ дорогу такъ быстро,что съ трудомъ удалось оповѣстить родныхъ достать необходимыя въ дорогу вещи, приготовить на 10 дней пищу, какъ было приказано комендантомъ.

Наконецъ въ третьей партіи увезли послѣднихъ 30 человѣкъ. Тутъ были инженеры, къ которымъ относились болѣе бережливо, такъ какъ они были нужны, какъ спеціалисты. Щадили также и заложниковъ нѣмцевъ, которыхъ разсчитывали обмѣнять на Радека. Въ этой же послѣдней партіи было нѣсколько банковскихъ дѣятелей. Тутъ былъ французъ Камперъ, студентъ-медикъ, захваченный большевиками подъ Одессой. Французская коммунистическая ячейка дѣйствовавшая въ Кіевѣ, добивалась разстрѣла Кампера, какъ буржуя, но его только увезли въ Москву.

Среди этихъ людей очутился и 16-лѣтній мальчикъ Львовъ.

Это была послѣдняя партія. Она была отправлена на пароходѣ въ субботу вечеромъ, а въ воскресенье утромъ въ Кіевъ входили добровольцы.

Послѣ отправки первой, самой большой и самой пестрой по составу партіи заложниковъ, въ Кіевѣ, оглушенномъ, запуганномъ, безмолвномъ, все-таки начался какой-то протестъ. Такъ какъ газетъ кромѣ большевистскихъ не было, собраній также, то это дѣлалось получастными путями. Въ городѣ придавали большое значеніе волненіямъ въ еврейскихъ кругахъ, которые будто бы имѣли извѣстное вліяніе на комиссаровъ.

Быть можетъ, проснулось у совѣтской власти сознаніе, что удержаться на одномъ террорѣ нельзя. Во всякомъ случаѣ въ связи съ этимъ была назначена особая комиссія. Во главѣ ея былъ Мануильскій. Это видный большевикъ, человѣкъ интеллигентный совсѣмъ другого склада, чѣмъ Авдохинъ или Сорокинъ. Дѣятельнымъ членомъ комиссии Мануильскаго былъ другой старый революціонеръ, журналистъ, Феликсъ Конъ, польскій еврей, онъ провелъ много лѣтъ въ тюрьмѣ и Сибири. Какъ тогда говорили, пострадалъ за свободу. Это не помѣшало ему на старости лѣтъ поддержать кровавую тиранію совѣтской власти. Хотя самъ Конъ не большевикъ, а только с.-д. интернаціоналистъ.

Эти два соціалиста, люди несомнѣнно образованные, а потому до конца отвѣтственные за свои поступки поставили себѣ великодушную задачу смягчить ужасы коммунистической инквизиціи.

Мануильскій даже неосторожно обѣщалъ пересмотрѣть всѣ дѣла Чрезвычайки, хотя, въ центральномъ учрежденіи въ В. Укр. Ч. К. онъ ни разу не побывалъ. Да его тамъ и не послушались бы.

Сколько-нибудь серьезныхъ контръ-революціонныхъ дѣлъ Мануильскій не касался. Приказы его часто не исполнялись. Но такъ измучены, такъ истерзаны были несчастные, попавшіе въ Ч. К., что они бросились навстрѣчу Мануильскому, смотрѣли на него, какъ на избавителя, жаждали его пріѣзда. Для заключенныхъ былъ праздникъ, когда къ лагерю подъѣзжалъ автомобиль Мануильскаго и Кона, которые вели себя благожелательно и милостиво, не обнаруживая ни малѣйшихъ признаковъ не то что стыда, а хотя бы неловкости за свое идейное участіе въ преступленіяхъ товарищей, работавшихъ въ Ч. К.

Эти 5—6 дней, пока работала комиссія Мануильскаго, заключенные и ихъ близкіе жили въ угарѣ лихорадочныхъ надеждъ. Нѣсколько человѣкъ были освобождены. Двѣнадцать человѣкъ были освобождены по болѣзни, чего никогда не дѣлалось раньше. Молоденькую дѣвушку польку, повидимому поразившую Кона своимъ дѣтскимъ открытымъ личикомъ, старикъ взялъ какъ бы на поруки. Появилась смутная надежда, что заключеннымъ дадутъ возможность выяснить возводимыя на нихъ обвиненія, а можетъ быть и оправдаться.

Это продолжалось только нѣсколько дней. Совѣтская власть быстро оборвала эти надежды не видя нужды сантиментальничать съ военно-плѣнными. Лацисъ, предсѣдатель Ч. К., не разрѣшилъ исполнять приказы Мануильскаго. Другой латышъ, Петерсъ, предсѣдатель Всероссійскаго Ч. К., назначенный руководителемъ обороны Кіева, еще меньше былъ склоненъ къ какой бы то ни было гуманности.

Мануильскій и Конъ перестали ѣздить въ тюрьмы, но, вѣроятно, продолжаютъ свое товарищеское сотрудничество съ совѣтской властью.

Эта недолго длившаяся борьба нашла свое отраженіе въ прессѣ. Лацисъ напечаталъ въ «Извѣстіяхъ Кіевскаго Совѣта» рядъ статей, гдѣ излагалъ идеологію Чрезвычаекъ. Было выпущено два номера спеціальнаго журнала «Красный Мечъ», посвященнаго восхваленію краснаго террора и Чрезвычаекъ.

Подходили послѣдніе, самые страшные дни господства большевиковъ надъ Кіевомъ.

Недѣли за двѣ до прихода Добровольческой Арміи привезли во В. Укр. Ч. К.

29 человѣкъ судейскихъ. На нихъ смотрѣли, какъ на заложниковъ. Относились къ нимъ даже какъ будто снисходительнѣе, чѣмъ къ другимъ.

Давали имъ свиданія. Говорили, что Мануильскій, комиссія котораго еще существовала, затребовалъ ихъ списки. Большинство судей были старики, больные. Всѣ были увѣрены, что положеніе ихь лучше, чѣмъ другихъ. Пугалъ только возможный увозъ въ Москву.

Бывшій мальчикъ изъ кинематографа, помощникъ коменданта Извощиковъ, явился, просмотрѣлъ списокъ, и нѣкоторыхъ изъ юристовъ приказалъ отправить въ больницу, при Лукьяновской тюрьмѣ. Шансы на спасеніе увеличивались, такъ какъ тюрьма было не такъ на глазахъ и людей тамъ забывали. Юристы сравнительно спокойно ждали своей участи, нѣкоторыхъ изъ нихъ освободили по хлопотамъ родныхъ.

Вдругъ въ пятницу, 9 августа, появилась комиссія по разгрузкѣ тюремъ. Быстро стали разбирать дѣла, опрашивать. Многихъ освободили. В. Укр. Ч. К. совсѣмъ очистили. Перевели всѣхъ заключенныхъ въ самое страшное мѣсто въ Губ. Ч. К. Тамъ сразу пошли строгости грубость и издѣвательства. Всѣхъ обыскали, все отобрали.

—«Теперь мы Вашимъ покажемъ,» — повторяли тюремщики, точно раньше у нихъ былъ не застѣнокъ, а благотворительное учрежденіе.

Въ понедѣльникъ и вторникъ шли усиленные, торопливые допросы. Судейскихъ спрашивали.

«Вы участвовали въ процессѣ Бейлиса?»[1]

Если отвѣтъ былъ утвердительный, смертный приговоръ былъ неизбѣженъ.

Заключенные предчувствовали свою судьбу. Молодой товарищъ прокурора Гейнрихсонъ, когда вели его въ Губ. Ч. К., успѣлъ передать нянѣ своихъ дѣтей образокъ.

Разстрѣлы производились почти безпрерывно и раньше. Въ іюнѣ, въ іюлѣ, въ въ августѣ каждую ночь разстрѣливали. Но послѣдняя недѣля была уже настоящая бойня.

Большевики предполагали, что имъ придется 14 августа сдать Кіевъ. 9 августа они закрыли Концентраціонный лагерь, потомъ В. Укр. Ч. К. — До послѣняго дня существовалъ особый отдѣлъ. Въ особомъ отдѣлѣ сидѣли заподозрѣнные не только въ сочувствіи, но и въ организацій контръ-революціи. Тамъ дѣла рѣшались обычно очень быстро — свобода или смерть.

Въ понедѣльникъ сестра раздала въ особомъ отдѣлѣ 80 обѣдовъ. Въ тотъ же день она нашла въ шкафу-карцерѣ молодую интеллигентную женщину. Она служила въ военномъ комиссаріатѣ и повидимому была уличена въ передачѣ какихъ то свѣдѣній Арміи Деникина. Ночью ее разстрѣляли.

Въ среду уже никого изъ арестованныхъ въ особомъ отдѣлѣ не было. Смѣнилась стража. Никто ничего не зналъ о судьбѣ исчезнувшихъ заключенныхъ. Нельзя было понять, кто живъ, кто убитъ.

[1] Еврей Бейлисъ обвинялся въ организаціи ритуальнаго убійства и былъ оправданъ. Этотъ процессъ вызвалъ въ русскомъ обществѣ много шума и большое недовольство Министерствомъ юстиціи, такъ какъ считалось, что все дѣло задумано исключительно для возбужденія ненависти къ евреямъ.

На слѣдующій день появился въ газетахъ списокъ:

«Въ отвѣтъ на разстрѣлы коммунистовъ Добровольческой Арміей мы разстрѣливаемъ такихъ-то . . . .» Дальше шли имена.

Въ ночь на четвергъ привели человѣкъ двѣнадцать молодыхъ людей, только что арестованныхъ. Среди нихъ былъ 17-лѣтній студентъ Глѣбъ Жикулинъ, сынъ извѣстной всему Кіеву начальницы гимназіи. Были отецъ и сынъ Прянишниковы. Они лежали на носилкахъ, жестоко избитые. Былъ офицеръ Ткаченко, также избитый. Эту всю партію передъ казнью жестоко избили. Они знали свою судьбу, но держали себя спокойно и твердо.

Въ субботу санитары сказали сестрѣ, что на ихъ пунктѣ больше никого нѣтъ. У дома стояли караульные, въ палисадникѣ сосѣдняго дома князя Яшвиля пьяные солдаты валялись на травѣ, спали на креслахъ, вытащенныхъ изъ дома.

Сестры боялись, что ихъ самихъ могутъ арестовать, но все-таки задали караульному начальнику обычный вопросъ:

«Сколько надо обѣдовъ?»

— «Нисколько обѣдовъ не нужно,» — махнулъ онъ рукой.

А въ это время рядомъ въ саду зарывали еще неостывшіе трупы убитой молодежи.

Только одинъ изъ нихъ спасся. Было ихъ схвачено два брата Дикихъ. За одного изъ нихъ хлопотала его пріятельница-коммунистка. Его освободили. Онъ не хотѣлъ уходить, пока не узнаетъ о судьбѣ брата. Но тюремщики какъ всегда солгали: «Идите скорѣй домой, Вашъ братъ придетъ сейчасъ за Вами.»

А въ это время брата разстрѣливали рядомъ въ саду.

13-го августа стала работать новая комиссія по разгрузкѣ тюремъ. Въ Концентраціонный лагерь пріѣхали слѣдователи — двое мущинъ и одна женщина. Это были люди совсѣмъ неинтеллигентные. По очереди, въ алфавитномъ порядкѣ, вызывали заключенныхъ къ этимъ людямъ, отъ которыхъ всецѣло зависѣла ихъ судьба. Они имѣли право освободить, зачислить въ заложники, разстрѣлять.

Никакихъ предварительныхъ протоколовъ, никакихъ судебныхъ дѣлъ эти революціонные слѣдователи не имѣли передъ собой. Въ ихъ рукахъ была только личная карточка арестованнаго. На ней значилось имя, лѣта, сословіе, занятіе, категорія, къ которой его раньше причисляли, иногда краткая квалификація преступленія.

Затѣмъ передъ глазами слѣдователя былъ живой преступникъ. Они подвергали его быстрому опросу. Работали съ 12 до 5 часовъ и въ это время пропустили 200 человѣкъ, такъ что на каждаго приходились 1—2 минуты. Съ молніеносной быстротой постанавливался приговоръ. Жаловаться было некуда и некому. Это былъ приговоръ въ окончательной формѣ.

Когда первые три слѣдователи устали — имъ на смѣну прислали другихъ; до ночи продолжали ту-же безумную работу. Человѣкъ 80 было выпущено на свободу. Молодые люди отправлены на фронтъ. Большинство было осуждено на смерть.

Нельзя дать точнаго опредѣленія, по какимъ признакамъ человѣка присуждали къ разстрѣлу.

Старика Маньковскаго разстрѣляли за то, что у него до революціи было 6000 десятинъ земли, хотя крестьяне давно уже отобрали у него всю землю.

Вмѣстѣ съ нимъ былъ осужденъ молодой Рейтеровскій, служившій гдѣ-то бухгалтеромъ.

Арестованнаго Бирскаго спросили:

— Вы были въ Гомелѣ городскимъ головой?»

«Былъ.»

— «Останьтесь. » —.

Это простое слово — останьтесь значило: «Останьтесь, мы Васъ убьемъ.»

Въ одной изъ камеръ былъ старостой чехъ Вольфъ. Его всѣ уважали. Въ чешской колоніи онъ занималъ видное мѣсто. Его спросили:

«За что Вы арестованы?»

— «Я не знаю, якобы за то, что я врагъ совѣтской власти. —

«А, вотъ, что —. Останьтесь.»

Имъ не нужно было доказательствъ. Достаточно было обвиненія.

Когда послѣ этого бѣглаго опроса, арестованныхъ собрали въ Губ. Ч. К. они поняли, что надежды больше нѣтъ. Раньше у всѣхъ была какая-го возможность уцѣлѣть. Теперъ никакихъ иллюзій больше не оставалось.

Потянулись послѣдніе ужасные часы, о которыхъ даже караульные солдаты говорили шопотомъ.

Три камеры были наполнены смертниками. Всю ночь въ нихъ стоялъ сплошной шумъ. Они кричали стонали, просили, проклинали. Болѣе религіозные устроили хоръ, пѣли молитвы. Среди приговоренныхъ были двѣ женщины.

Одна была совѣтская служащая, Марія Николаевна Громова, молодая интеллигентная женщина. Она была соціалисткой, врядъ-ли большевичкой. Ея честность возмушалась противъ взяточничества и грабежа комиссаровъ. Повидимому она кого-то хотѣла обличить и за это попала въ тюрьму. Всѣ послѣдніе дни она страшно волновалась. Предчувствіе ее не обмануло. Коммунисты разстрѣляли ее.

Другая была Черниговская помѣщица Бобровникова. На нее донесла прислуга. Ее посадили въ тюрьму вмѣстѣ съ груднымъ ребенкомъ. Когда она поняла что смерть неизбѣжна, Бобровникова, рыдая бросилась на полъ, рвала на на себѣ волосы, умоляла пощадить ее, хотя бы для ребенка. Но ея мольбы слышали только ея товарищи по несчастью, да караульные солдаты.

Кромѣ Громовой въ этой послѣдней партіи былъ еще одинъ совѣтскій служащій, предсѣдатель Полтавской чрезвычайки, обвиненный въ растратѣ 20 милліоновъ.

Онъ умолялъ товарища коменданта, еврея Абнавера, спасти его, отправить на фронтъ, подвергнуть какому угодно наказанію, только бы сохранить ему жизнь.

Абнаверъ, худой, извивающійся, наглый, смѣялся ему въ лицо, и поигрывая хлыстикомъ презрительно говорилъ:

Августѣйшая Семья Государя Императора Николая II, погибшая съ Его Величествомъ мученической смертью въ ночь съ 16-го на 17-ое іюля 1918 года въ гор. Екатеринбургѣ.

Карта 62

Лейбъ-медикъ Е. И. В. Боткинъ, погибшій мученической смертью вмѣстѣ съ Царской семьей. Докторъ Боткинъ самоотверженно раздѣлялъ участь Вѣнценосныхъ Мучениковъ и предпочелъ смерть, нежели измѣну своему Императору.

Домъ купца Ипатьева въ Екатеринбургѣ, гдѣ была заключена и звѣрски убита Царская Семья.

«Умѣлъ красиво жить, умѣй и умереть. Всѣ вы здѣсь приговорены къ смерти. Это не страшно. Одна минута, и все кончено. Этой ночью всѣ умрете.»

Это было въ кухнѣ, гдѣ заключеннымъ въ послѣдній разъ раздавался обѣдъ. Какъ всегда за обѣдомъ пришли изъ камеръ старосты. Абнаверъ въ ихъ присутствіи говорилъ свои циничныя слова, чтобы лишній разъ насладиться страданіемъ жертвъ.

Садистическое сладострастіе мучителя, старающагося какъ можно глубже заглянуть въ истерзанную душу мученика, упоеніе чужимъ горемъ — это одна изъ психологическихъ особенностей большевиковъ.

Имъ было чѣмъ потѣшиться въ эти послѣдніе сутки красной власти надъ Кіевомъ. Заключенные бились въ смертельной тоскѣ, еще живые были похожи на мертвецовъ.

Гейнрихсонъ, тотъ самый молодой прокуроръ, который успѣлъ переслать дѣтямъ образокъ, подошелъ къ сестрѣ и тихо шепнулъ ей по-французски:

«Я обреченъ. Перекрестите меня сестра.»

Въ этотъ день, 14-го августа сестрѣ не позволили дѣлать медицинскій обходъ.

«Они не нуждаются въ Вашемъ уходѣ. Мы сами имъ пропишемъ лекарство» — съ наглой усмѣшкой говорили коменданты.

Была вырыта огромная общая могила въ саду дома Бродскаго, на Садовой 15. Домъ, гдѣ жили важные коммунисты Глейзеръ, Угаровъ, и др. выходилъ окнами въ садъ, гдѣ раздавались стоны въ перемежку съ выстрѣлами.

Арестованныхъ, совершенно раздѣтыхъ, выводили по 10 человѣкъ, ставили на край ямы и изъ винтовокъ разстрѣливали. Это былъ необычный способъ. Обыкновенно осужденныхъ клали въ подвалъ на полъ лицомъ къ землѣ, и комендантъ убивалъ его выстрѣломъ изъ револьвера, въ затылокъ, въ упоръ.

На этотъ разъ перемѣнили систему, но, такъ какъ торопились, нервничали, были возбуждены, то стрѣляли плохо, безпорядочно.

Многіе падали недобитыми. Валились прямо съ края въ яму, живые и мертвые. Когда пришли добровольцы и слѣдственная власть вскрыла эту общую могилу и произвела осмотръ труповъ, многіе были найдены въ скрюченномъ видѣ.

Должно быть бились подъ землей, но раненые не нашли силъ подняться изъ подъ груды труповъ.

Ихъ было найдено 123.

Солдаты утромъ говорили, что всего разстрѣлено въ ту ночь 139 человѣкъ.

Это были солдаты изъ особаго корпуса при Ч. К. Тамъ были русскіе, латыши и евреи. На слѣдующее утро они сами разсказали сестрамъ про эту страшную ночь. Солдаты были возмущены, возбуждены и не скрывали своего омерзенія.

28-го августа Добровольцы вошли въ Кіевъ.

На время кончилась власть большевиковъ надъ Кіевомъ.

Тюрьмы Ч. К. опустѣли. Сестрамъ осталось только отдать послѣдній долгъ послѣднимъ жертвамъ свирѣпаго большевистскаго режима. Онѣ присутствовали при вскрытіи могилъ помогали омыть и убрать обезображенные трупы, которые краснорѣчивѣе словъ говорили о томъ, чѣмъ можетъ стать человѣкъ, когда его звѣрскимъ инстинктамъ нѣтъ сопротивленія,

когда свирѣпость поощряется, когда на ней строится система управленія государствомъ.

Убійство Царской Семьи.

Злодѣянія, такъ просто и страшно разказанныя въ приведенномъ докладѣ, а затѣмъ и самое наростаніе ихъ въ глубинѣ истерзанной страны, еще не вскрытое до конца, завершилось однимъ изъ величайшихъ кровавыхъ преступленій въ мировой исторіи. Захлебываясь въ крови своихъ жертвъ, потерявши человѣческій обликъ звѣри — правители убили Государя Земли Русской и Его Августѣйшую Семью.

Обстоятельства преступленія, установленныя слѣдствіемъ уже во время дѣйствій въ Сибири арміи адмирала Колчака, подробно разсказываетъ въ томѣ своихъ воспоминаній бывшій наставникъ Наслѣдника Цесаревича Алексѣя Николаевича П. Жильяръ.

Всю отвѣтственность за правдивость и точность свѣдѣній т. обр. возлагаю на него.

«Около половины апрѣля 1918 г. предсѣдатель московскаго центральнаго исполнительнаго комитета Янкель Свердловъ, уступая давленію Германіи, послалъ въ Тобольскъ комиссара Яковлева, чтобы перевести Царскую семью. Этотъ послѣдній получилъ приказаніе доставить ее въ Москву или Петроградъ. Онъ встрѣтилъ однако при исполненіи своего порученія противодѣйствіе, которое пытался преодолѣть, какъ это установлено слѣдствіемъ. Это противодѣствіе было организовано уральскимъ областнымъ правительствомъ, мѣстомъ пребыванія котораго былъ Екатеринбургъ. Это правительство безъ вѣдома Яковлева, приготовило западню, при помощи которой оно хотѣло завладѣть особой Государя при его проѣздѣ. Но представляется установленнымъ, что этотъ проэктъ получилъ тайное одобреніе Москвы. Въ самомъ дѣлѣ, болѣе чѣмъ правдоподобно, что Свердловъ сыгралъ двойную игру и что, притворно подчиняясь въ Москвѣ настояніямъ барона Мирбаха, онъ вошелъ съ екатеринбургскими комиссарами въ соглашеніе не выпускать Царя изъ своихъ рукъ. Какъ бы то ни было, водвореніе Государя въ Екатеринбургѣ было неожиданно. Купецъ Ипатьевъ былъ въ два дня выселенъ изъ своего дома, и было предпринято возведеніе прочной дощатой ограды, доходившей до верха оконъ второго этажа.»

«Туда были привезены 30 апрѣля Государь, Государыня, Великая Княжна Марія Николаевна, докторъ Боткинъ и сопровождавшіе ихъ трое прислугъ: горничная Государыни Демидова, камердинеръ Государя Чемадуровъ и лакей Великихъ Княженъ Сѣдневъ.»

«Вначалѣ стража состояла изъ солдатъ, которыхъ брали случайно и которые часто мѣнялись. Позднѣе въ ея составъ вошли исключительно рабочіе завода Сиссерта и фабрики братьевъ Злоказовыхъ. Во главѣ ея стоялъ комиссаръ Авдѣевъ, комендантъ «дома особаго назначенія» — такъ именовался домъ Ипатьева.»

«Условія жизни узниковъ были гораздо тяжелѣе, нежели въ Тобольскѣ. Авдѣевъ былъ закоренѣлый пьяница, дававшій волю своимъ грубымъ наклонностямъ; онъ ежедневно изощрялся, вмѣстѣ со свими подчиненными, въ из-

мышленіи новыхъ униженій для заключенныхъ. Приходилось мириться съ лишеніями, переносить издѣвательства и подчиняться требованіямъ и капризамъ этихъ грубыхъ и низкихъ тварей.»

«Цесаревичъ и его три сестры были немедленно послѣ ихъ пріѣзда въ Екатеринбургъ, 23 мая, привезены въ домъ Ипатьева, гдѣ ихъ ждали родители. Послѣ мучительной разлуки это возсоединеніе было громадной радостью, несмотря на тягостность положенія въ настоящемъ и грозную неизвѣстность въ будущемъ.»

«Нѣсколько часовъ спустя туда же были доставлены старый поваръ Харитоновъ, лакей Трупъ и маленькій поваренокъ Леонидъ Сѣдневъ. Генералъ Татищевъ, графина Гендрикова, Г-жа Шнейдеръ и камеръ-лакей Государыни Волковъ были прямо отправлены въ тюрьму.»

«Чемадуровъ, заболѣвшій 24-го, былъ переведенъ въ тюремную больницу; его тамъ забыли и, благодаря этому, онъ чудомъ избѣгъ смерти. Черезъ нѣсколько дней увезли въ свою очередь Нагорнаго и Сѣднева.»

«Число тѣхъ немногихъ людей, которыхъ оставили при заключенныхъ, быстро уменьшалось. По счастью при нихъ оставался др. Боткинъ, преданность котораго была изумительна, и нѣсколько слугъ испытанной вѣрности: Анна Демидова, Харитоновъ, Трупъ и маленькій Леонидъ Сѣдневъ. Въ эти мучительные дни присутствіе доктора Боткина послужило большой поддержкой для узниковъ; онъ окружилъ ихъ своей заботой, служилъ посредникомъ между ними и комиссарами и приложилъ всѣ усилія, чтобы защитить ихъ отъ грубости стражи.»

«Государь, Государыня и Цесаревичъ занимали комнату, выходившую угломъ на площадь и на Вознесенскій переулокъ, четыре Великихъ Княжны — сосѣднюю комнату, дверь въ которую была снята; первыя ночи онѣ провели не имѣя кроватей, на полу. — Докторъ Боткинъ спалъ въ гостинной, а горничная Государыни въ комнатѣ, находившейся на углу Вознесенскаго переулка и сада. Что касается прочихъ узниковъ, то они были помѣщены въ кухнѣ и смежной съ ней залѣ.»

«Состояніе здоровія Алексѣя Николаевича ухудшилось вслѣдствіе утомленія отъ путешествія; онъ лежалъ большую часть дня и, когда выходилъ на прогулку, его носилъ Государь до сада.»

«Семья и прислуга завтракала и обѣдала вмѣстѣ съ комиссарами помѣстившимися въ томъ же этажѣ; Царская Семья жила такимъ образомъ въ постоянномъ общеніи съ этими грубыми людьми, которые чаще всего бывали пьяны.»

«Домъ былъ обнесенъ двойной дощатой оградой; онъ сдѣлался настоящей крѣпостью тюрьмой. Внутри и снаружи были посты часовыхъ, въ самомъ зданіи, въ саду стояли пулеметы. Комната комиссара, первая при входѣ, была занята комиссаромъ Авдѣевымъ, его помощникомъ Мошкинымъ и нѣсколькими рабочими. Остальная стража жила въ подвальномъ этажѣ, но солдаты часто подымались наверхъ и проникали, когда заблагоразсудится, въ комнаты, гдѣ жила Царская Семья.»

«Однако вѣра очень сильно поддерживала мужество заключенныхъ. Они сохранили въ себѣ ту чудесную вѣру, которая уже въ Тобольскѣ вызывала

удивленіе окружающихъ и давала имъ столько силъ и столько ясности въ страданіяхъ. Они уже почти порвали съ здѣшнимъ міромъ. Государыня и Великія Княжны часто пѣли церковныя молитвы, которыя противъ воли смущали ихъ караулъ.»

«Во всякомъ случаѣ стражи понемногу смягчились въ общеніи съ заключенными. Они были удивлены ихъ простотой, ихъ привлекала къ себѣ ихъ кростость, ихъ покорила полная достоинства душевная ясность, и они вскорѣ почувствовали превосходство тѣхъ, которыхъ думали держать въ своей власти. Даже самъ пьяница Авдѣевъ оказался обезоруженнымъ такимъ величіемъ духа; онъ почувствовалъ свою низость. Глубокое состраданіе смѣнило у этихъ людей первоначальную жестокость.»

«Екатеринбургскія совѣтскія власти состояли:

а) изъ «Уральскаго областного совѣта», въ которомъ было около 30 членовъ, подъ предсѣдательствомъ комиссара Бѣлобородова;

б) изъ «президіума», представлявшаго изъ себя своего рода исполнительный комитетъ изъ нѣсколькихъ членовъ: Бѣлобородова, Голощекина, Сыромолотова, Сафарова, Войкова и др.;

в) изъ «чрезвычайки», центръ которой находился въ Москвѣ и имѣлъ сѣть отдѣловъ по всей Россіи. Чрезвычайка представляетъ изъ себя мощную организацію, которая является основой совѣтскаго строя. Каждый отдѣлъ получаетъ приказанія непосредственно изъ Москвы и приводитъ ихъ въ исполненіе собственными средствами. Всякая сколько-нибудь важная чрезвычайка имѣетъ въ своемъ распоряженіи отрядъ, состоящій изъ отпѣтыхъ людей — всего чаще австро-германскихъ плѣнныхъ, латышей, китайцевъ и т. д., которые въ дѣйствительности — лишь щедро оплачиваемые палачи.»

«Въ Екатеринбургѣ чрезвычайка пользовалась всемогуществомъ. Ея наиболѣе вліятельными членами были комиссары Юровскій, Голощекинъ и др.»

«Авдѣевъ состоялъ подъ непосредственнымъ контролемъ прочихъ комиссаровъ членовъ «президіума» и «чрезвычайки». Они не замедлили дать себѣ отчетъ въ перемѣнѣ, которая произошла въ настроеніи стражи по отношенію къ заключеннымъ, и постановили принять рѣшительныя мѣры. Въ Москвѣ тоже безпокоились, какъ это доказываетъ слѣдующая телеграмма, посланная Бѣлобородовымъ изъ Екатеринбурга Свердлову и Голощекину, находившемуся тогда въ Москвѣ: «Сыромолотовъ только что выѣхалъ въ Москву, чтобы устроить дѣло согласно указаніямъ центра. Опасенія неосновательны. Напрасно безпокоитесь. Авдѣевъ устраненъ. Мошкинъ арестованъ. Авдѣевъ замѣненъ Юровскимъ. Внутренняя стража перемѣнена, ее замѣнили другіе.»

«Это телеграмма отъ 4-го іюля.»

«Въ этотъ день, дѣйствительно, Авдѣевъ и его помощникъ Мошкинъ, были арестованы и замѣнены комиссаромъ Юровскимъ, евреемъ, и его помощникомъ Никулинымъ. Стража, состоявшая, какъ было сказано, исключительно изъ русскихъ рабочихъ, была перемѣщена въ одинъ изъ сосѣднихъ домовъ, въ домъ Попова.»

«Юровскій привезъ съ собой 10 человѣкъ, которые почти всѣ были австро-германскіе военноплѣнные и «выбраны» изъ палачей «чрезвычайки». Начиная съ

этого дня, они заняли внутренніе посты; наружные посты продолжали выставлять русскіе стражи.»

«Домъ особаго назначенія» сдѣлался отдѣленіемъ чрезвычайки, и жизнь заключенныхъ превратилась въ сплошное мученичество.»

«Въ это время убійство Царской семьи уже было рѣшено въ Москвѣ: это доказываетъ вышеприведенная телеграмма. Сыромолотовъ уѣхалъ въ Москву, «чтобы организовать дѣло по указаніямъ центра». Онъ вернулся съ Голощекинымъ и привезъ инструкціи и директивы Свердлова. Юровскій тѣмъ временемъ принималъ свои мѣры. Онъ нѣсколько дней подрядъ выѣзжалъ верхомъ и разъѣзжалъ по окрестностямъ въ поискахъ мѣста, удобнаго для его намѣреній, гдѣ онъ могъ бы предать уничтоженію тѣла своихъ жертвъ. И этотъ же человѣкъ, цинизмъ котораго превосходилъ все, что можно вообразить, являлся потомъ навѣщать Цесаревича въ его постели.»

«Прошло нѣсколько дней; Голощекинъ и Сыромолотовъ вернулись, все было готово.»

«Въ воскресенье 14 іюля Юровскій приказалъ позвать священника, отца Строева, и разрѣшилъ совершить богослуженіе. Узники, — уже приговоренные къ смерти и имъ нельзя отказать въ помощи религіи.

«На слѣдующій день онъ приказалъ увести маленькаго Леонида Сѣднева въ домъ Попова, гдѣ находилась русская стража.»

«16-го около 7 часовъ утра, онъ приказалъ Павлу Медвѣдеву, которому всецѣло довѣрялъ, и который стоялъ во главѣ русскихъ рабочихъ, принести ему 12 револьверовъ системы «Нагана», которые имѣлись у русской стражи. Когда это приказаніе было исполнено, онъ объявилъ ему, что вся Царская Семья будетъ казнена въ ту же ночь, и поручилъ сообщить объ этомъ русской стражѣ. Медвѣдевъ сдѣлалъ это около 10 часовъ.»

«Немного спустя Юровскій проникъ въ комнаты, занимаемыя членами Царской Семьи, разбудилъ ихъ и всѣхъ жившихъ съ ними, и сказалъ имъ приготовиться слѣдовать за нимъ. Предлогомъ онъ выставилъ то, что долженъ ихъ увести, потому, что въ городѣ мятежи и что пока они будутъ въ большей безопасности въ нижнемъ этажѣ.»

«Всѣ въ скоромъ времени готовы и забравъ съ собой нѣсколько мелкихъ вещей и подушки, спускаются по внутренней лѣстницѣ, ведущей во дворъ, черезъ который входятъ въ комнаты нижняго этажа. Юровскій идетъ впереди съ Никулинымъ, за ними слѣдуютъ Государь съ Алексѣемъ Николаевичемъ на рукахъ, Государыня, Великія Княжны, д-ръ Боткинъ, Анна Демидова, Харитоновъ и Трупъ.»

«Узники остановились въ комнатѣ, указанной имъ Юровскимъ. Они были увѣрены, что пошли за экипажами или автомобилями, которые должны ихъ увести, и, въ виду того, что ожиданіе долго продолжалось, потребовали стульевъ; ихъ принесли три. Цесаревичъ, который не могъ стоять изъ-за своей больной ноги, сѣлъ посреди комнаты. Царь сѣлъ слѣва отъ него, д-ръ Боткинъ стоялъ справа, немного позади. Государыня сѣла у стѣны (справа отъ двери) неподалеку отъ окна. На ея стулъ, также какъ и на стулъ Цесаревича, положили подушку. Сзади нея находилась одна изъ ея дочерей, вѣроятно Татьяна.

Въ углу комнаты, съ той же стороны, стояла Анна Демидова, у которой оставались въ рукахъ двѣ подушки. Три остальныя Великія Княжны прислонились къ стѣнѣ въ глубинѣ комнаты; по правую руку отъ нихъ, въ углу, находились Харитоновъ и старый Трупъ.»

«Ожиданіе продолжается. Внезапно въ комнату возвращается Юровскій съ семью австро-германцами[1] и двумя своими друзьями, комиссарами Ермаковымъ и Вагановымъ, заправскими палачами чрезвычайки. Съ ними находится Медвѣдевъ. Юровскій подходитъ и говоритъ Государю: «Ваши хотѣли Васъ спасти, но это имъ не удалось и мы принуждены Васъ казнить». Онъ тотчасъ же поднимаетъ револьверъ и стрѣляетъ въ упоръ въ Государя, который падаетъ какъ снопъ. Это сигналъ къ залпу. Каждый изъ убійцъ выбралъ свою жертву. Юровскій взялъ на себя Государя и Цесаревича. Для большинства заключенныхъ смерть наступила почти немедленно, однако Алексѣй Николаевичъ слабо застоналъ, Юровскій прикончилъ его выстрѣломъ изъ револьвера. Анастасія Николаевна была только ранена и при приближеніи убійцъ стала кричать; она падаетъ подъ ударами штыковъ. Анна Демидова тоже уцѣлѣла, благодаря подушкамъ, за которыми пряталась. Она бросается изъ стороны въ сторону и, наконецъ, въ свою очередь падаетъ подъ ударами убійцъ.»

«Показанія свидѣтелей позволили слѣдствію возстановитъ во всѣхъ подробностяхъ ужасающую картину избіенія. Этими свидѣтелями являются одинъ изъ убійцъ — Павелъ Медвѣдевъ, Анатолій Якимовъ, присутствовавшій несомнѣнно при убійствѣ, хотя онъ это отрицалъ, и Филиппъ Проскуряковъ, разсказавшій о преступленіи со словъ другихъ зрителей. Они всѣ трое входили въ составъ стражи дома Ипатьева.»

«Когда все было кончено, комиссары сняли съ жертвъ ихъ драгоцѣнности, и тѣла были перенесены на простыняхъ при помощи оглобель отъ саней до грузового автомобиля, ожидавшаго у воротъ двора между двумя дощатыми оградами.»

«Приходилось торопиться до восхода солнца. Автомобиль съ тѣлами проѣхалъ черезъ еще спавшій городъ и направился къ лѣсу. Комиссаръ Вагановъ ѣхалъ впереди верхомъ, такъ какъ надо было избѣгать встрѣчъ. Когда уже стали приближаться къ лѣсной полянѣ, на которую направлялись, онъ увидѣлъ ѣхавшую ему навстрѣчу крестьянскую телѣгу. Это была баба изъ села Коптяки, выѣхавшая ночью со своимъ сыномъ и невѣсткой для продажи въ городѣ своей рыбы. Онъ немедленно приказалъ имъ повернуть обратно и ѣхать домой. Для большей вѣрности, сопровождая ихъ верхомъ, онъ ѣхалъ рядомъ съ телѣгой и запретилъ имъ, подъ страхомъ смерти оборачиваться и смотрѣть назадъ. Все же крестьянка успѣла мелькомъ увидѣть большую темную массу, двигавшуюся позади всадника. Вернувшись въ деревню, она разсказала о томъ, что видѣла. Подъ вліяніемъ любопытства, крестьяне отправились на развѣдку и натолкнулись на цѣпь часовыхъ, разставленныхъ въ лѣсу.

[1] Крайне непонятно, что слѣдствіе съумѣло установить имена комиссаровъ и не приводитъ именъ этихъ австро-германскихъ отщепенцевъ, интернаціональныхъ преступниковъ, примкнувшихъ къ россійскимъ злодѣямъ, а слѣдовательно потерявшихъ право называться сыновьями своихъ отечествъ.

«Между тѣмъ, послѣ большихъ затрудненій, такъ какъ дорога была очень плоха, грузовикъ доѣхалъ до лѣсной поляны. Трупы были сложены на землю и частью раздѣты. Тутъ комиссары обнаружили большое количество драгоцѣнностей, которыя Великія Княжны носили спрятанными подъ своей одеждой. Они тотчасъ ими завладѣли, но въ спѣшкѣ уронили нѣсколько вещей на землю, гдѣ ихъ затоптали. Трупы затѣмъ были разрѣзаны на части и положены на большіе костры. Для усиленія огня, въ нихъ подлили бензина. Части, наименѣе поддающіяся огню, были уничтожены при помощи сѣрной кислоты. Въ теченіе трехъ дней и трехъ ночей убійцы дѣлали свою разрушительную работу подъ руководствомъ Юровскаго и двухъ его друзей — Ермакова и Ваганова. Изъ города на поляну были привезены 175 килограммовъ сѣрной кислоты и болѣе 300 литровъ бензина.»

«Наконецъ, 20 іюля, все было кончено. Убійцы уничтожили слѣды костровъ, и пепелъ былъ сброшенъ въ отверстіе шахты или разбросанъ вблизи опушки, дабы ничто не обнаружило того, что произошло.»

«Кровавая шайка послѣ этого пытается замести слѣдъ содѣяннаго. Послѣ преступленія Юровскій подошелъ къ Павлу Медвѣдеву и сказалъ:

«Оставь наружные посты, а то какъ бы народъ не взбунтовался.» — Въ слѣдующіе дни часовые продолжали охранять пустой домъ, какъ будто ничего не произошло, какъ будто за оградой все еще находились узники.»

«Наконецъ, 20 іюля они рѣшили говорить и объявить народу въ расклеенной на улицахъ Екатеринбурга прокламаціи о кончинѣ Царя. Пять дней спустя,пермскія газеты опубликовали слѣдующее извѣщеніе:

Постановленіе

президіума Уральскаго областного совѣта рабочихъ, крестьянскихъ и красноармейскихъ депутатовъ.

Ввиду того, что чехо-словацкія банды угрожаютъ столицѣ краснаго Урала, Екатеринбургу; ввиду того, что коронованный палачъ можетъ избѣжать суда народа (только что обнаруженъ заговоръ бѣлогвардейцевъ, имѣвшій цѣлью похищеніе всей семьи Романовыхъ), президіумъ областного комитета, во исполненіе воли народа, постановилъ: Разстрѣлять бывшаго Царя Николая Романова, виновнаго передъ народомъ въ безчисленныхъ кровавыхъ преступленіяхъ.

Постановленіе президіума областного совѣта приведено въ исполненіе въ ночь съ 16 на 17 іюля.

Семья Романовыхъ перевезена изъ Екатеринбурга въ другое, болѣе вѣрное мѣсто.

Президіумъ областного совѣта рабочихъ, крестьянскихъ и красноармейскихъ депутатовъ Урала.

Постановленіе

Президіума всероссійскаго центральнаго исполнительнаго комитета отъ 18 іюля 1918 г.

Центральный комитетъ рабочихъ, крестьянскихъ, красноармейскихъ и казачьихъ депутатовъ въ лицѣ своего предсѣдателя одобряетъ постановленіе президіума Уральскаго комитета.

Предсѣдатель
центральнаго исполнительнаго
комитета
Я. Свердловъ

Далѣе П. Жильяръ пишетъ:

«Въ этомъ документѣ объявляется о смертномъ приговорѣ, вынесенномъ якобы Екатеринбургскимъ «президіумомъ» противъ Царя Николая II. Ложь! Преступленіе, мы это знаемъ, было рѣшено въ Москвѣ Свердловымъ и его указанія были привезены Юровскимъ, Голощекинымъ и Сыромолотовымъ.»

«Свердловъ былъ головой, Юровскій — рукою. Оба они были евреи.»

«Государь не былъ ни осужденъ, ни даже судимъ — да и кто бы могъ его судить? Онъ былъ злодѣйски убитъ. Что же тогда сказать о Государынѣ, дѣтяхъ, докторѣ Боткинѣ и трехъ слугахъ, погибшихъ вмѣстѣ съ ними? Но что до того убійцамъ: они увѣрены въ своей безнаказанности; пули умертвили, пламя истребило, земля прикрыла то, чего огонь не могъ уничтожить. Да, — они совершенно спокойны — никто изъ нихъ не станетъ говорить, ибо они связаны между собой своимъ гнуснымъ дѣломъ. И, казалось, комиссаръ Войковъ не безъ основанія могъ воскликнуть: «Свѣтъ никогда не узнаетъ, что мы съ ними сдѣлали!»

«Эти люди ошибались.»

«Послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ колебаній, слѣдственныя власти предприняли систематическія изысканія въ лѣсу. Каждая пядь земли была изрыта, ископана, испытана, и вскорѣ шахта, почва лѣсной поляны и трава по всей окрестности выдали свою тайну. Сотни предметовъ и обломковъ вещей, по большей части затоптанныхъ и втоптанныхъ въ землю, были открыты, ихъ принадлежность была установлена, они были классифицированы слѣдственной властью. Были найдены такимъ образомъ среди прочаго:

«Пряжка отъ пояса Государя, кусокъ его фуражки, маленькая рамочка отъ портрета Государыни, который онъ всегда носилъ при себѣ — самая фотографія исчезла и т. д.»

«Любимыя серьги Государыни (одна разломана), куски ея платья, стекло отъ ея очковъ, которое можно узнать по его особой формѣ и. т. д.»

«Пряжка отъ пояса Цесаревича, клочки его шинели и т. д.»

«Множество мелкихъ вещей, принадлежащихъ Великимъ Княжнамъ: обломки ихъ ожерелій, куски ихъ обуви; пуговицы, крючки и застежки.»

«Шесть металлическихъ корсетныхъ планшетовъ, шесть, — число говорящее само по себѣ, если вспомнить число жертвъ: Государыня, 4 Великихъ Княжны и горничная Государыни Демидова.»

«Искуственная челюсть др. Боткина, обломки его пенсне, пуговицы отъ его одежды и т. д.»

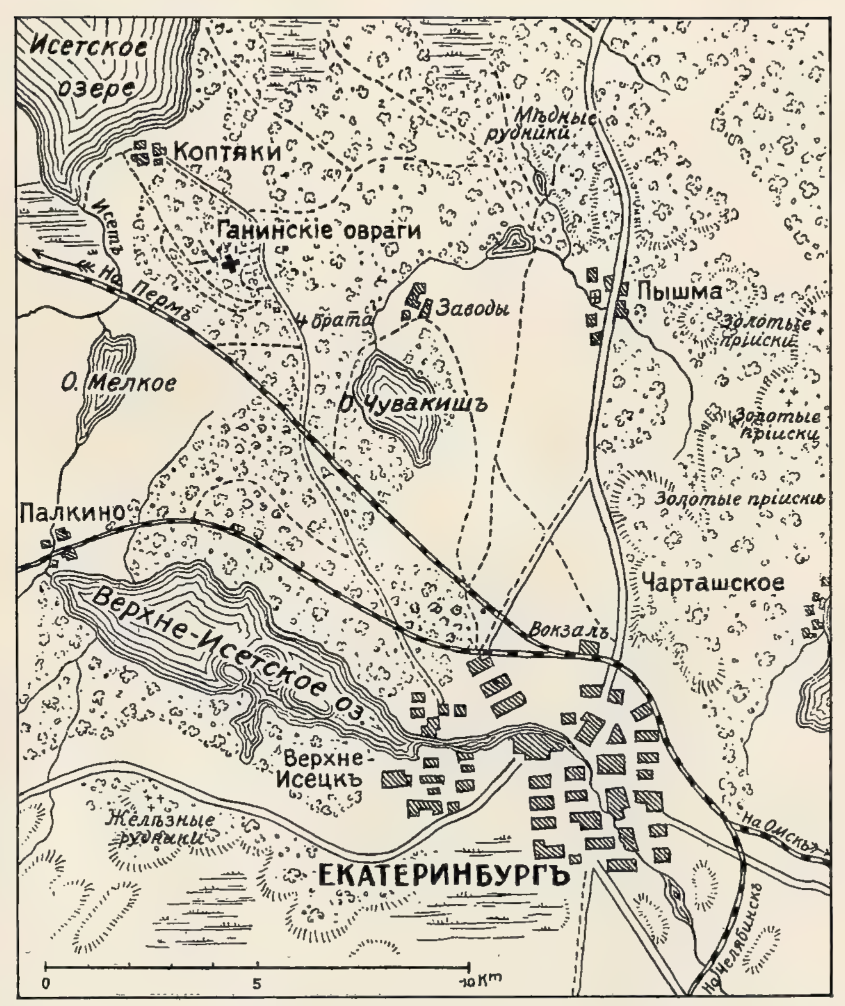
«Наконецъ кости и куски обгорѣвшихъ костей, частью разрушенные кислотой и частью носящіе на себѣ слѣды рѣжущаго оружія или пилы, револьверныя пули (тѣ, вѣроятно, которыя остались въ трупахъ) и довольно значительное количество расплавившагося свинца.»

«Горестное перечисленіе реликвій, которое не оставляетъ надежды и свидѣтельствуетъ о правдѣ во всей ея жестокости и ужасѣ!»

«Комиссаръ ошибался. — Міръ знаетъ теперь про то, что они сдѣлали съ ними»

«Однако убійцы безпокоились. Агенты, которыхъ они оставили въ Екатеринбургѣ, чтобы замѣсти слѣды, ставили ихъ въ извѣстность о ходѣ слѣдствія.

Г-жа Шнейдеръ, графиня Гендрикова, разстрѣлянныя въ Перми. Генералъ Татищевъ и князь Долгоруковъ, разстрѣлянные въ Екатеринбургѣ. Всѣ эти лица раздѣляли съ Царской семьей участь Ихъ заточенія.



Карта окрестностей Екатеринбурга, гдѣ преступники уничтожали слѣды злодѣянія. Кресто обозначаетъ то мѣсто, гдѣ трупы были брошены въ шахту.

Они шагъ за шагомъ наблюдали за его успѣхами. И когда, наконецъ, они поняли, что правда обнаружится и что весь міръ вскорѣ узнаетъ, что произошло, они испугались и попытались перевалить на другихъ отвѣтственность за свое злодѣяніе. Они стали тогда обвинять соціалистовъ-революціонеровъ въ томъ, что они виновники преступленія и что они хотѣли такимъ путемъ скомпрометировать партію большевиковъ. Въ сентябрѣ 1919 г. 28 человѣкъ были арестованы ими въ Перми и судимы по ложному обвиненію въ участіи въ убійствѣ Царской Семьи. Пять изъ нихъ были присуждены къ смерти и казнены.»

«Эта постыдная комедія свидѣтельствуетъ еще разъ о цинизмѣ этихъ людей, неусумнившихся предать смерти невиновныхъ, чтобы не нести отвѣтственности за одно изъ величайшихъ въ исторіи преступленій.»

«Мнѣ остается сказать объ Алапаевской трагедіи, тѣсно связанной съ Екатеринбургской и повлекшей за собою смерть нѣсколькихъ другихъ членовъ Императорской фамиліи.»

«Сестра Государыни, Великая Княгиня Елизавета Феодоровна, Великій Князь Сергѣй Михайловичъ, двоюродный братъ Государя, князья Іоаннъ, Константинъ и Игорь, сыновья Великаго Князя Константина Константиновича и князь Палѣй, сынъ Великаго Князя Павла Александровича, были арестованы весной и отвезены въ маленькій городокъ Алапаевскъ, расположенный въ 150 верстахъ къ сѣверу отъ Екатеринбурга. Монахиня Варвара Яковлева, обычная подруга Великой Княгини, и С. Ремсъ, секретарь Великаго Князя Сергія Михайловича, раздѣляли ихъ заключеніе. Ихъ содержали подъ стражей въ зданіи школы.»

«Въ ночь съ 17 на 18 іюля сутки спустя послѣ Екатеринбургскаго злодѣянія, за ними явились и подъ предлогомъ перевозки ихъ въ другой городъ, отвезли за 12, приблизительно, верстъ отъ Алапаевска. Тамъ они были убиты въ лѣсу. Ихъ тѣла были брошены въ отверстіе старой шахты, гдѣ ихъ нашли въ октябрѣ 1918 г., покрытыми землей, которая осыпалась отъ разрывовъ ручныхъ гранатъ, положившихъ конецъ мученіямъ жертвъ.»

«Вскрытіе обнаружило слѣды огнестрѣльныхъ ранъ на тѣлѣ Великаго Князя Сергія Михайловича, но слѣдствіе не могло съ точностью установить какимъ образомъ были умерщвлены прочія жертвы. Вѣроятно, что они были убиты ударами прикладовъ.»

«Это неслыханное по своему звѣрству злодѣяніе, было дѣломъ комиссара Сафарова, члена Екатеринбургскаго «президіума», исполнявшаго впрочемъ лишь приказаніе Москвы.»

«Нѣсколько дней послѣ взятія Екатеринбурга, во время приведенія въ порядокъ города и погребенія убитыхъ, неподалеку отъ тюрьмы подняли два трупа. На одномъ изъ нихъ нашли расписку въ полученіи 80000 руб. на имя гражданина Долгорукова и, по описаніямъ свидѣтелей, оченьв ѣроятно, что это было тѣло Князя Долгорукова. Что касается другого есть всѣ основанія думать, что оно было тѣломъ генерала Татищева.»

«И тотъ, и другой умерли, какъ они это предвидѣли, за своего Государя. Генералъ Татищевъ говорилъ мнѣ однажды въ Тобольскѣ: «Я знаю, что я не

выйду изъ этого живымъ. Я молю только объ одномъ — чтобы меня не разлучали съ Государемъ и дали мнѣ умереть вмѣстѣ съ нимъ.»

«Онъ даже не получилъ этого послѣдняго утѣшенія.»

«Графиня Гендрикова и г-жа Шнейдеръ были увезены изъ Екатеринбурга черезъ нѣсколько дней послѣ убійства Царской Семьи и доставлены въ Пермь. Тамъ онѣ были разстрѣляны въ ночь съ 3 на 4 сентября 1918 г. Ихъ тѣла были найдены и опознаны въ маѣ 1919 г.»

«Что касается матроса Нагорнаго, состоявшаго при Алексѣѣ Николаевичѣ и лакея Ивана Сѣднева, то они были разстрѣляны въ окрестностяхъ Екатеринбурга въ началѣ іюля 1918 г. Ихъ тѣла были найдены 2 мѣсяца спустя на мѣстѣ ихъ разстрѣла.»

«Всѣ, отъ генерала до простого матроса, безъ колебаній пожертвовали жизнью и мужественно пошли на смерть, а между тѣмъ этому матросу, простому украинскому крестьянину, стоило только сказать одно слово, чтобы спастись: ему достаточно было отрѣчься отъ своего Государя. Этого слова онъ не сказалъ.»

«Они поступили такъ потому, что уже давно, въ глубинѣ простыхъ и пламенныхъ сердецъ, обрекли свою жизнь въ жертву тѣмъ, которыхъ любили и которые съумѣли создать въ окружающихъ столько привязанности, мужества и самоотверженія.»

* * *

Современное состояніе Россіи.

Пусть тѣ короли и руоводители иностранныхъ правительствъ, въ настоящій моментъ заключающіе договоры и незамѣчающіе подъ краденными фраками совѣтскихъ представителей клейма ихъ преступности, вдумаются въ тотъ ужасъ, который сейчасъ происходитъ въ Россіи. Пусть передъ ихъ глазами пронесутся: эти барки, наполненныя измученными страдальцами и тащимыя чахлыми буксирами вглубь моря, чтобы тамъ быть потопленными со всѣмъ своимъ живымъ грузомъ; эти казематы чрезвычаекъ, напоминающіе грязныя примитивныя бойни съ самодѣльными стоками для крови и почернѣвшими пятнами крови на стѣнахъ; эти погреба, мѣста изувѣрскихъ пытокъ, гдѣ находили кучи человѣческой кожи и бочки, наполненныя глазами замученныхъ людей; и наконецъ всѣ тысячи разнообразныхъ картинъ того звѣрскаго уничтоженія людей, которое вошло въ культъ и право настоящихъ властителей Россіи. Пусть также одновременно въ ихъ памяти возстанутъ числа убитыхъ офицеровъ, хотя бы въ Кіевѣ въ количествѣ шести тысячъ человѣкъ въ день занятія города большевиками и семи тысячъ въ Крыму замученныхъ подъ руководствомъ венгерскаго еврея Бѣла Кунъ, послѣ ухода арміи генерала Врангеля.

И можетъ быть все это вмѣстѣ взятое наконецъ остановитъ спекулятивный порывъ послѣвоенныхъ вершителей судьбы современныхъ народовъ.

Если же сердца ихъ останутся и отъ этого ужаса неизмѣнно холодными и далекими отъ вліяній христіанско-человѣческихъ чувствъ, то я предлагаю ниже ихъ вниманію сухіе подсчеты статистики, которые предостерегающе

звучатъ своими цифрами и невольно засталяютъ подумать о будущемъ всего человѣчества.

Обращаясь къ цифрамъ статистики, я подчеркиваю, что всѣ онѣ не преувеличены, а напротивъ уменьшены, ибо относятся къ 1922 г., тогда какъ за истекшіе три года общее положеніе Россіи еще болѣе ухудшилось и всестороннее разореніе ея въ настоящій моментъ достигло своего апогея.

Насколько разрушительно и безчеловѣчно хозяйничанье большевиковъ въ Россіи показываетъ уже тотъ фактъ, что авторъ[1] книги, которой я пользуюсь для статистическихъ данныхъ, будучи въ прошломъ ревностнымъ соціалъ-революціонеромъ, теперь, послѣ своего пятилѣтняго пребыванія въ Россіи, убѣдившись лично въ гибельности «завоеваній рвеолюціи», отказывается навсегда отъ своихъ прежнихъ убѣжденій и вѣрованій. Практика большевиковъ показала ему наглядно, во что можетъ вылиться теорія, выхваченная изъ кабинета или вѣрнѣе подполья на свѣжую почву дѣйствительной жизни.

Онъ бѣжалъ изъ совѣтскаго рая и теперь открыто выступаетъ противъ большевистскаго режима — сравнивая его съ методами управленія тирановъ III и IV вѣка. Онъ уже не старый революціонеръ, а явный противникъ этого движенія, что и свидѣтельствуетъ открыто въ концѣ своей книги такими словами: «Вотъ почему я отнынѣ почтительнѣйше возвращаю билетъ на входъ въ царство кровавой революціи.»

Я нарочно беру для ознакомленія читателей съ данными большевистскаго властвованія, какъ источникъ, книгу бывшаго революціонера, т. к. тогда отпадаетъ всякое подозрѣніе въ пристрастности и тенденціи.

«Первую и самую главную графу измѣненій за эти годы», пишетъ Сорокинъ, «составляетъ рубрика измѣненій въ численности и качествѣ населенія русскаго государства. Начнемъ съ количественной стороны дѣла.»

«Русское государство вступило въ войну съ численностью поданныхъ въ 176 милліоновъ. Въ 1920 г. С. С. С. Р. вмѣстѣ со всѣми союзными совѣтскими республиками, включая Азербейджанъ, Грузію, Арменію и т. д. имѣла лишь 129 милліоновъ населенія. За шесть лѣтъ русское государство потеряло 47 милліоновъ подданныхъ.»

Далѣе, подчеркивая значеніе количества населенія для судьбы каждаго государства и объясняя эту общую убыль 47 милліоновъ выдѣленіемъ областей, ставшихъ теперъ самостоятельными, онъ задаетъ вопросъ: «Какъ обстоитъ дѣло съ населеніемъ той территоріи, которая составляетъ современную С. С. С. Р. и союзныя съ ней совѣтскія республики. Убыло оно или возросло.»

Оказывается, что населеніе совѣтскихъ республикъ убыло на 21 милліонъ.

Показательная цифра и къ ней, упомянувъ лишь о томъ, что она поглотила также и приростъ населенія отъ продолжавшейся рождаемости, прибавить нечего — число говоритъ само за себя.

Откинувъ изъ этой общей убыли число прямыхъ жертвъ войны и революціи, которое по статистическимъ даннымъ можно считать близкимъ къ пяти милліонамъ, Сорокинъ заявляетъ: «Остальные шестнадцать милліоновъ приходятся на

[1] Книга носитъ названіе: «Современное состояніе Россіи», авторъ ея Питиримъ Сорокинъ, профессоръ соціологіи Петербургскаго университета.

долю косвенныхъ жертвъ — на долю повышенной смертности и паденія рождаемости.»

Дѣлая дальнѣйшія выкладки статистическихъ данныхъ, авторъ приходитъ къ выводу, что коэфиціентъ смертности въ городахъ повысился вдвое, вообще въ совѣтской Россіи въ $1^1/_2$ раза, а въ голодныхъ губерніяхъ въ 10 и 15 разъ. По этому поводу онъ замѣчаетъ: «Если другія завоеванія большевиковъ сомнительны, то несомнѣнна богатая добыча, добытая ими въ пользу Царицы-Смерти..... Послѣдняя сняла и продолжаетъ снимать обильнѣйшую жатву......»

Отмѣчая дальше ростъ числа браковъ, авторъ въ то же время указываетъ, что рождаемость сильно понизилась. Онъ говоритъ по этому поводу: «Въ ненормальныхъ условіяхъ революціоннаго времени браки стали безплодными и превратились только въ «легальную форму случайныхъ половыхъ связей безъ санкцій и обязательствъ, безъ прочности и потомства».

«Такимъ образомъ,» заканчиваетъ онъ, «повсюду за эти года рождаемость не покрывала смертности. Отсюда убыль населенія».

«Такова количественная сторона дѣла. Въ отвѣтъ на указаніе на множество убитыхъ, лежавшихъ на полѣ битвы, Наполеонъ когда то сказалъ: «Одна ночь Парижа возмѣститъ все это.»

«Рядъ ночей Россіи покроетъ и этотъ дефицитъ», предлагаетъ авторъ бухгалтерски повторить за Наполеономъ и намъ русскимъ. Однако сейчасъ же оговаривается и возстаетъ противъ этой формулы.

«Мы знаемъ,» пишетъ онъ. «что люди неравны. Есть геніи и идіоты, здоровые и больные, герои и преступники, волевые и безвольные, старики и дѣти, мужчины и женщины и. т. д.»

Затѣмъ указавъ, что «судьба любого общества зависитъ прежде всего отъ свойства его членовъ», онъ добавляетъ, что «въ Россіи погибли преимущественно элементы: а) наиболѣе здоровые біологически, б) трудоспособные энергетически, в) болѣе волевые, одаренные, морально и умственно — развитые психологически.»

Революція убиваетъ лучшихъ изъ населенія и оставляетъ плодиться худшихъ, т. е. людей 2-го и 3-го сорта.

Придя къ этому заключенію, авторъ говоритъ, что здѣсь мы можемъ спокойно отвѣтить Наполеону: «Нѣтъ, Sire, не только одна ночь Парижа, но сотни ночей не могутъ возмѣстить эту гибель «лучшихъ».

Такимъ образомъ въ качественномъ отношеніи потери Россіи несравненно значительнѣе, чѣмъ въ количественномъ — онѣ приближаются къ катастрофическимъ.

Какъ подтвержденіе только-что высказанныхъ мыслей являются біологическіе дефекты молодого поколѣнія. Они проявляются и въ маломъ вѣсѣ новорожденныхъ и въ большомъ количествѣ мертворожденныхъ и въ малой ихъ жизнеспособности и, наконецъ, въ маломъ физическомъ и умственномъ развитіи.

Къ этому же надо прибавить громадный процентъ (5%) наслѣдственныхъ сифилитиковъ, возрастаніе нервности и наконецъ большое количество душевнобольныхъ и тогда картина измѣненія русскаго населенія въ періодъ властвованія большевиковъ будетъ приблизительно полной.

Вотъ одно изъ яркихъ «завоеванiй революцiи» — вымиранiе населенiя.

Теперь возникаетъ вопросъ — ради чего принесены и приносятся эти миллiоны жертвъ лучшихъ русскихъ людей?

Профессоръ Сорокинъ весьма подробно обрисовываетъ картину той галиматьи, которая сейчасъ происходитъ въ совѣтской Россiи, для которой потребовалось и требуется еще миллiоны жизней. Онъ пишетъ:

«Всѣ крупныя общественныя движенiя начинаются и идутъ подъ знаменемъ великихъ лозунговъ». И дальше: «Но вмѣстѣ съ тѣмъ ни одно изъ этихъ движенiй никогда не осуществляло въ сколько-нибудь серьезномъ масштабѣ выставленныхъ идеаловъ.»

«Исторiя зло шутила и продолжаетъ шутить надъ людьми въ этомъ отношенiи.»

«Примѣры: христiанство дебютировало съ лозунгами «Царства Божiя на землѣ», «братства», «безконечной любви», и «равенства». Объективнымъ результатомъ были: iерархiя церкви, адъ на землѣ, деспотизмъ папства, инквизицiя, звѣрства и войны.»

«Реформацiя шла подъ лозунгами свободы совѣсти, правъ человѣка, торжества разума и т. д. Объективный результатъ: сожженiе и преслѣдованiе инаковѣрующихъ протестантами и реформаторами, войны и тьма новыхъ суевѣрiй, пришедшихъ на мѣсто старыхъ.»

«Французская революцiя провозгласила: égalité, fraternité, liberté «декларацiю правъ человѣка и гражданина», религiю разума. И никогда не было такого неравенства, звѣрства, деспотизма и псевдо-рацiональнаго культа заблужденiй, какъ въ годы этой революцiи.»

«Вспомнимъ лозунги мiровой войны (четырнадцать пунктовъ президента Вильсона). Вмѣсто нихъ объективно получился Версальскiй миръ, не требующiй поясненiй.»

Переходя къ русской революцiи профессоръ пишетъ:

«Всѣ мы помнимъ великiе лозунги февральской и октябрьской революцiи: «освобожденiе отъ деспотизма самодержавiя, самоуправленiе народа» «автономiя лицъ и группъ», «полная демократiя», «самоопредѣленiе народовъ», «миръ, хлѣбъ и свобода», «низверженiе капитализма», «полное равенство», «раскрѣпощенiе трудящихся классовъ», «власть рабочихъ и крестьянъ», «диктатура пролетарiата», «коммунизмъ», «Интернацiоналъ», «мiровая революцiя» и т. д.»

Эти лозунги захватили весь мiръ, а въ Россiи они заразили миллiоны и привели ихъ къ ужасному бѣдствiю.

Однако, «достаточно было 2—3 лѣтъ, чтобы слѣпцы изъ слѣпцовъ и глухiе изъ глухихъ убѣдились бы въ своихъ прекрасныхъ иллюзiяхъ. Лозунги растаяли, какъ дымъ......»

«Вы хотите подтвержденiя сказаннаго?» спрашиваетъ Сорокинъ, и отвѣчаетъ: «Я могу ихъ дать въ любомъ количествѣ. Ограничусь минимумомъ......»

«Октябрьская революцiя ставила своей задачей разрушенiе соцiальной пирамиды неравенства, а также неравенства имущественнаго и правового, — уничтоженiе класса эксплоататоровъ, и тѣмъ самымъ эксплоатируемыхъ.»

По поводу разрушенія соціальной пирамиды неравенства онъ говоритъ, что произошла лишь «простая перегруппировка».

«Вначалѣ революціи изъ верхнихъ этажей пирамиды массовымъ образомъ были выкинуты старая буржуазія, аристократія, и привилегированно-командующіе слои.» И обратно, съ низу на верхъ были подняты отдѣльные «обитатели соціальныхъ подваловъ». «Кто былъ ничѣмъ — тотъ сталъ всѣмъ».

Однако пирамида не исчезла и черезъ нѣкоторое время она снова была въ полномъ порядкѣ.

«Въ низахъ снова были массы, наверху командующіе властители. Послѣдніе были еще болѣе привилегированы, чѣмъ при старой власти, первые еще болѣе обдѣлены, чѣмъ раньше.»

При старомъ правительствѣ у массъ были права и гарантіи, у власти — рядъ ограниченій.

«Теперь, свидѣтельствуетъ профессоръ, у массы и гражданина не оказалось никакихъ правъ, — даже права на жизнь. Она превратилась въ случайность, гражданинъ — въ улитку, которую могъ раздавить и давитъ каблукъ перваго встрѣчнаго комиссара.»

«Имущественное равенство» осуществлялось въ «коммунизаціяхъ», «реквизиціяхъ» и «націонализаціяхъ» вплоть до послѣдній пары ложекъ и бѣлья.

«Но въ пользу кого и кѣмъ», задаетъ вопросъ профессоръ, и отвѣчаетъ: «агентами власти и ея кліентами въ пользу себя самихъ.»

«Это равенство», пишетъ онъ далѣе» проявляется въ томъ, что массы — интеллигентный пролетаріатъ, рабочій классъ, крестьянство — умираютъ отъ голода, а верхи живутъ на пайкѣ «чего душа хочетъ». У верховъ «было все, вплоть до тропическихъ фруктовъ, автомобилей и ...... нѣсколькихъ любовницъ.»

П. Сорокинъ предлагаетъ сомнѣвающимся побывать въ Россіи и посмотрѣть, «какъ живутъ въ Москвѣ и другихъ мѣстахъ власть имущіе, ихъ квартиры, столъ, одежду, автомобили и т. д. и какъ тамъ же валяются на улицахъ голодные и оборванные люди.»

Онъ дѣлаетъ заключеніе, что «контрастъ нищеты и роскоши въ современной Россіи больше, чѣмъ въ любой «буржуазной» странѣ.» Пропасть между «уровнемъ жизни» коммунистическихъ и спекулянтскихъ верховъ и умирающей отъ голода многомилліонной массы значительнѣе, чѣмъ между «уровнемъ жизни» Моргана и американскаго рабочаго. Въ итогѣ революціи — и правовое и имущественное неравенство не уменьшилось, а усилилось.»

Далѣе онъ пишетъ, что, если рядъ глупыхъ людей вздумалъ бы утѣшать себя тѣмъ, что «все же, молъ, на верхи на командующія позиціи попали «люди низовъ», то и это утѣшеніе ихъ теперь безпочвенно.

Дѣло въ томъ, что произошла «обратная циркуляція». Многіе изъ людей низовъ выбрасываются оттуда обратно, а лица «занимавшія командующія позиціи» поднимаются на «status quo ante». Однако это все не первосортный матеріалъ верховъ. Въ арміи появились генералы Брусиловы, Лебедевы, Слащевы ...... старое офицерство; въ комиссаріатахъ бывшіе директора, начальники департаментовъ, министры; въ «чека и Г. П. У. бывшіе агенты жандармскаго корпуса, во главѣ съ генераломъ-погромщикомъ Комиссаровымъ; въ церковномъ

управленіи членъ «союза русскаго народа» Красницкій и бывшій оберъ-прокуроръ Львовъ......

«Все возвращается на свои мѣста», восклицаетъ профессоръ ,«поистинѣ, неожиданные трюки выкидываетъ исторія, ошарашивая горячія, но невѣжественныя головы.»

Переходя къ вопросу объ «уничтоженіи эксплоатціи», онъ заявляетъ, что это уничтоженіе «испытано 97% населенія на своей шкурѣ.»

Добивались 8-ми часового рабочаго дня, а теперь работаютъ 16 часовъ и получаютъ за это $^1/_8$, $^1/_4$ фунта хлѣба.»

Изъ семи дней въ недѣлю крестьянинъ долженъ отдавать «коммунистической барщинѣ» 3—4 дня въ видѣ выполненія безчисленныхъ повинностей: «дровяной, сплавной, гужевой, подворной, окопной, строительной, хлѣбной, молочной, мясной, яичной и т. д. Подъ видомъ «субботниковъ» и «сверхурочныхъ» работъ рабочаго заставляютъ работать 12—14 часовъ. А сверхъ нихъ, придя домой, онъ самъ долженъ варить, добывать и колоть дрова, копать лѣтомъ на огородѣ, шить, убирать жилище и. т. д., ибо пойти въ ресторанъ, на рынокъ, въ кафе онъ не можетъ за отсутствіемъ ихъ и неимѣніемъ денегъ.»

«Энергіи тратится пропасть. Питаніе же состоитъ изъ $^1/_8$, $^1/_4$, $^1/_2$ фунта хлѣба и жидкой каши. Весь заработокъ его въ 1918—20 гг. колебался отъ 2—5 рублей золотомъ въ мѣсяцъ, теперь онъ колеблется отъ 3—8 рублей.»

«Въ то же время, какъ и теперь, верхи жили «на славу» и копили капиталы. Они сами «не сѣяли и не жали, но усиленно собирали въ житницы». Въ настоящее время 30 милліоновъ крестьянъ умираютъ съ голоду, остальные задавлены тяжестью неимовѣрно многочисленныхъ налоговъ, рабочіе непосильной работой и нищенской платой (3—8 руб. золотомъ въ мѣсяцъ), а верхи и новая буржуазія, вышедшая главнымъ образомъ изъ коммунистовъ и круговъ имъ близкихъ, сколотили и сколачиваютъ весьма солидные капиталы и кладутъ начало будущимъ банкирскимъ домамъ и солиднымъ капиталистамъ»......

«Вмѣсто уничтоженія эксплоатаціи, революція создала еще небывалую эксплоатацію, настоящее крѣпостничество, въ одной изъ худшихъ формъ — въ формѣ государственнаго рабства.—

Если есть люди сомнѣвающіеся и въ этомъ, то Сорокинъ имъ совѣтуетъ«простой способъ провѣрки»: поѣхать въ С. С. С. Р., посмотрѣть лично положеніе дѣлъ и особенно сдѣлаться рабочимъ. «Въ одну двѣ недѣли Фома невѣрующій пойметъ правъ ли я или нѣтъ», говоритъ онъ.

Во время революціи неустанно кричали о свободѣ. Она, эта свобода была особенно прокламирована коммунистическими вождями, которые собственно и поймали на эту приманку головы невѣжественныхъ людей. Во что же вылилась въ дѣйствительности эта «коммунистическая свобода»

Оказывается, «область опеки, регулировки и вмѣшательства власти стала безпредѣльной, врываясь въ сферы самыхъ интимныхъ отношеній.»

Каждый шагъ свободнаго гражданина совѣтской Россіи съ момента его рожденія и до самой смерти находится все время подъ строгимъ контролемъ власти. Послѣдняя указываетъ, «что долженъ гражданинъ ѣсть и пить, что дѣлать, какой профессіей заниматься, какъ и во что одѣваться, гдѣ жить, куда

ѣхать, чѣмъ развлекаться, что и какъ думать, что читать и писать, во что вѣрить, что хвалить и порицать, чему учиться, что издавать, что говорить, что имѣть и т. д.

«Люди обращены тамъ въ манекеновъ, которыхъ дергаютъ, но сами они не могутъ опредѣлить свое поведеніе.»

«Я, пишетъ профессоръ, «часто завидовалъ домашнимъ животнымъ: ихъ хоть въ стойлѣ предоставляютъ самимъ себѣ, а граждане С. С. С. Р. не имѣютъ и этой свободы — въ ихъ «стойло» даже ночью то и дѣло врываются «регулировщики» и «наводятъ свой учетъ и контроль», часто кончавшійся тюрьмой или свободой смерти.»

«Тюрьмы переполнены, какъ никогда, и не столько «буржуями», сколько крестьянами и рабочими. Цѣлыми стадами гоняютъ людей на сотни повинностей. Печать сведена къ уничтоженію всѣхъ книгъ и газетъ, кромѣ правительственныхъ; собранія — къ правительственной повинности для выслушиванія очередной порціи коммунистическаго «оратора»; союзы въ фикцію и т. д. и. т. д.

«Словомъ, заканчиваетъ онъ, получилась такая свобода необузданнаго самодурства власти и безпросвѣтнаго рабства населенія, что граданинъ С. С. С. Р съ полнымъ основаніемъ можетъ завидовать свободѣ рабовъ, послѣдніе дѣйствительно были свободнѣе.»

Теперь о второй приманкѣ большевиковъ, которую они бросили въ толпу солдатъ, рабочихъ и крестьянъ. Я говорю о «мирѣ».

«Миръ во что бы то не стало» былъ однимъ изъ самыхъ боевыхъ лозунговъ въ большевистской программѣ.

«На дѣлѣ, — пишетъ Сорокинъ, — изъ мира получилась звѣрская и безжалостная война, безпощадная и безсердечная въ теченіе трехъ лѣтъ послѣ того, какъ остальные народы перестали воевать. Милліоны жертвъ, разрушенные города и села, взорванные мосты, развороченные пути, опустошенныя нивы, замолкшія фабрики, кровью орошенныя равнины Россіи — свидѣтельства этого «мира»...... Едва ли бы и самъ дьяволъ сумѣлъ бы злѣе насмѣяться надъ этимъ «миромъ».

Мнѣ можетъ быть возразятъ, что это было, и что теперь наступилъ наконецъ миръ и для гражданъ обезпечена на долго спокойная жизнь, но оказывается, это далеко не такъ. Войны сейчасъ правда нѣтъ, но остался «милитаризмъ, пронизывающій всю жизнь русскаго народа». Даже современная демобилизованная армія больше, чѣмъ армія мирнаго времени стараго правительства. Эта армія поглощаетъ чуть не весь бюджетъ государства (1200000000 изъ 1800000000)».

«Въ трехчленной формулѣ октябрьской революціи», пишетъ профессоръ, «стоялъ на ряду съ «миромъ» и «свободой» еще третій лозунгъ — хлѣбъ. Населенію были обѣщаны «кисельные берега» и «молочныя рѣки», сытость, довольство, «курица въ супъ». Вмѣсто этого русскій народъ накормили: .....свинцовой пулей, корой, травами, глиной, жмыхами, дурандой, и въ качествѣ дессерта ....мясомъ своихъ дѣтей......

«Россія стала страной каннибаловъ, трупоѣдовъ, воскресли средневѣковые кошмары. Россія же стала великимъ кладбищемъ сотенъ тысячъ труповъ, умершихъ отъ голода и разбросанныхъ по ея лѣсамъ и лугамъ, городамъ и селамъ...

«Таковъ хлѣбъ, которымъ накормила революція русскій народъ......

Профессоръ далѣе указываетъ, что «революція провозгласила принципъ автономіи народовъ, областей и децентрализацію, и на бумагѣ она какъ будто провела свои обѣщанія. Дѣйствительно, — на мѣстѣ Россійской Имперіи теперь числится рядъ автономныхъ совѣтскихъ республикъ и областей. На дѣлѣ же Россія сейчасъ централизована гораздо сильнѣе, чѣмъ раньше. Всѣмъ и вся управляетъ Москва, даже не Всероссійскій Центральный Исполнительный Комитетъ, не Совнаркомъ и даже не Р. К. П., а «Политбюро Россійской Коммунистической Партіи» въ составѣ 5 человѣкъ. Сюда стянуты всѣ провода управленія и отсюда исходятъ всѣ «токи» власти. Остальное — простые исполнители приказовъ этой пятерки.»

Такимъ образомъ революція, прикрывшись «архиавтономными лозунгами и вывѣсками» довела лишь до предѣла всѣ дурныя стороны стараго режима и построила свою власть на безконечномъ деспотизмѣ, тираніи и полномъ безправіи.

Коммунистическая революція выдвинула своимъ лозунгомъ — разрушеніе капиталистическаго строя. Прослѣдимъ же ея работу и въ этой области.

П. Сорокинъ свидѣтельствуетъ, что дѣятельность большевиковъ въ этомъ направленіи выразилась:

1. Въ разрушеніи средствъ производства и обращенія.
2. Въ установку на мѣсто частнаго капитализма худшей формы послѣдняго — капитализма государственнаго.
3. Наконецъ, въ попыткѣ возрожденія разрушеннаго частнаго капитализма.

По первому пункту своей дѣятельности, т. е. въ дѣлѣ «разрушенія средствъ производства и обращенія» большевики превзошли всякія предположенія. «Мы современники и актеры этихъ восьми лѣтъ,» говоритъ П. Сорокинъ, «представляемъ то поколѣніе, которое въ восемь лѣтъ умудрилось промотать 75 % всего достоянія, накопленнаго предыдущими поколѣніями.»

За эту «гульбу» за этотъ «безшабашный разгулъ» большевиковъ грядущія поколѣнія долго будутъ расплачиваться усиленнымъ трудомъ; на ихъ плечи «ляжетъ тяжелымъ грузомъ» грѣхи отцовъ и дѣдовъ.

«Мы сейчасъ много слышимъ», продолжаетъ онъ, «отъ ряда наивныхъ или лицемѣрныхъ иностранцевъ объ улучшеніи экономическаго положенія Россіи. Если судить объ этомъ по виду Москвы и Петербурга, изучаемому изъ оконъ отеля или со словъ любезнаго правительственнаго «гида», такой выводъ будетъ естественнымъ.»

Отъ этого онъ, однако, ничуть не дѣлается вѣрнымъ.

Вѣрнымъ было и остается утвержденіе, гласящее: за годы революціи народное хозяйство Россіи разрушено «вдрызгъ».

«Оно продолжаетъ разрушаться и сейчасъ.»

«Нижеслѣдующія данныя — взятыя изъ оффиціальной статистики четко рисуютъ положеніе дѣла.»

Сельское хозяйство:

Посѣвная площадь по сравненію съ довоенной нормой — уменьшилась на 60%.

Урожайность пала на 50% и продолжаетъ падать.

«Мудрено ли поэтому,» замѣчаетъ П. Сорокинъ, «что вмѣсто 7009331600 пуд. валового сбора всѣхъ зерновыхъ хлѣбовъ и катрофеля (въ переводѣ на зерно) въ 1913 г. и 4498507000 пудовъ чистаго сбора на территоріи современныхъ совѣтскихъ республикъ, было собрано въ 1922 г. 1800000000 пудовъ.

«Россія раньше вывозившая заграницу 650 милл. пудовъ, теперь голодаетъ, вымираетъ и дошла до людоѣдства......»

Животноводство:

Крупный рогатый скотъ сократился на 50%—60%.

Число свиней на 60%, овецъ на 70%, лошадей на 50—60%. Племенные разсадники уничтожены, производители[1] съѣдены. 30% всѣхъ крестьянскихъ хозяйствъ безъ лошадей.

Сборъ льна въ довоенное время былъ 31,9 милл. пудовъ, теперъ — 1,5 милл. пудовъ.

Сборъ хлопка равнялся раньше 12 милл. пудовъ — теперъ 0,7 милл.

Свеклосахарная промышленность въ еще худшемъ положеніи: посѣвная площадь свеклы уменьшилась на 75%, производство сахара на 95%.

Жизнь въ Совѣтской Россіи далеко «не сладкая».

Сборъ шерсти составлялъ раньше 6 милл. пудовъ —теперь 0,6 милл. пудовъ.

Сборъ пеньки равнялся раньше 20 милл. пудовъ — теперь 3 милл.

Сельско-хозяйственныхъ машинъ производилось раньше на 44,8 милл. рублей — теперь на 3,1 милл. рублей.

Промышленность.

Раньше продукція всей промышленности равнялась 4,5 милліардамъ руб. — теперь 650 милліонамъ руб., другими словами 15%.

Переходя къ отдѣльнымъ отраслямъ промышленности, можно отмѣтить слѣдующія данныя:

Добыча угля раньше равнялась 1,8 милліардамъ пудовъ — теперь 0,5 милліардовъ пудовъ.

Добыча нефти составляла раньше 526 милліоновъ пуд. — теперь 230 милліоновъ пудовъ.

Выплавка чугуна раньше равнялась 249,4 милліоновъ пудовъ — теперь 7,5 милліоновъ пудовъ.

Добыча желѣзной руды раньше составляла 550 милліоновъ пудовъ — теперь 13 милліоновъ пудовъ.

Добыча мѣди составляетъ лишь 6% довоенной нормы.

Въ хлопчато-бумажной промышленности работаетъ лишь 12% веретенъ въ сравненіи съ довоенной нормой.

Химическая промышленность составляетъ лишь 15% довоенной.

Льняная промышленность сократилась на 75% и вернулась къ нормѣ 50—60 годовъ XIX вѣка.

[1] На конскихъ заводахъ лучшіе производители-жеребцы были разстрѣляны за «буржуйность.

Добыча золота равнялась раньше 3774 пуда — теперь 84 пуда.

Добыча платины составляла раньше 299 пуд. — теперь 12 пудовъ.

Эти всѣ цифры говорятъ сами за себя и добавлять къ нимъ нечего. Промышленность Россіи разрушена и для возстановленія ея понадобятся многіе годы и усиленный трудъ.

Транспортъ, о которомъ большевики пишутъ, что онъ «налаживается» можно характеризовать слѣдующими цифровыми данными:

Раньше мы имѣли 19000 паровозовъ — теперь 7000
Раньше мы имѣли 437000 вагоновъ — теперь 195000

Государственные финансы выражались въ квадрильонахъ, которыхъ насчитывалось до трехъ. Переводя же всю эту «бумажную лавину» квадрильоновъ на золотые рубли, получится всего 40 милліоновъ золотыхъ руб.

«Таково», замѣчаетъ П. Сорокинъ, «все національно-денежное богатство Россіи. Денежная норма на душу составляетъ теперь 1% довоенной денежной нормы.»

Большаго обнищанія трудно себѣ представить.

Торговля по сравненію съ довоенной ничтожна.

Ввозъ изъ заграницы составлялъ раньше 1139600000 руб. послѣ революціи — 248500000 рубл.

Вывозъ за границу раньше равнялся 1501400000 — послѣ революціи 20200000 руб.

Изъ этихъ цифръ легко сдѣлать заключеніе, что населенію С. С. С. Р. живется болѣе чѣмъ тяжело. Положеніе его ужасное, оно увеличивается еще массою налоговъ и повинностей, а также и ничтожной заработной платой. Рабочій раньше получалъ въ мѣсяцъ 21 руб. 50 коп. теперь отъ 2 до 7 рубл. въ тотъ же мѣсяцъ.

Недурны результаты хозяйничанія рабоче-крестьянской власти.

Дѣйствительно преподнесла «рай земной».

«Грандіознѣйшее обнищаніе страны и вымираніе, наступившее въ итогѣ «коммунизаціи», ростъ крестьянскихъ возстаній, грозившихъ власти, «пишетъ П. Сорокинъ», заставили послѣднюю въ 1920 г. сдѣлать первый шагъ назадъ: провозгласить вмѣсто коммунизма государственный капитализмъ, представляющій, якобы, высшую форму капитализма.»

Такимъ образомъ большевики перешли ко второму пункту своей дѣятельности въ области капитализма, т. е. къ установкѣ на мѣсто частнаго капитализма худшей формы послѣдняго — капитализма государственнаго.

Большевики объявили государственный капитализмъ высшей формой капитализма.

Профессоръ по этому поводу замѣчаетъ: «Я не знаю, цинизмомъ или невѣжествомъ объясняются подобныя завѣренія. То, что у насъ введено подъ именемъ государственнаго капитализма, представляетъ буквальное повтореніе хозяйственной системы древней Ассиро-Вавилоніи, древняго Египта, древней Спарты, Римской Имперіи періода упадка (III—V вѣкъ по Р. X), государства Инковъ, Перу, іезуитовъ, системы, не разъ имѣвшей мѣсто въ исторіи древняго Китая, напримѣръ при Ванъ-ан-Ши и др., древней Японіи, системы близкой къ

состоянію ряда государствъ Ислама, бывшей не разъ въ исторіи Персіи, Индіи и т. д.»

«Эта та примитивная система, несравненно болѣе древняя чѣмъ частный капитализмъ, наступавшая обычно въ періодъ декаданса, войнъ и обнищанія, въ силу тѣхъ же услоій долженствовавшая наступить и у насъ, была объявлена «высшей формой капитализма» (см. рѣчь Ленина о продналогѣ)».

«Невѣжественные и трагическіе шутники», восклицаетъ профессоръ соціологіи.

«Мудрено ли», продолжаетъ онъ, «что вмѣстѣ съ ней рабочіе и крестьяне попали въ то же положеніе, въ какомъ они были всегда при такой системѣ: въ положеніе рабовъ и крѣпостныхъ Египта, рабовъ и илотовъ Греціи, колоновъ и закрѣпощенныхъ ремесленниковъ Римской Имперіи, индѣйцевъ государства іезуитовъ, безправныхъ рабовъ государства Инковъ и т. д.»

«По сравненію съ этимъ положеніемъ государственныхъ крѣпостныхъ, положеніе рабочаго въ буржуазномъ обществѣ явилось и съ матеріальной, и правовой, и моральной стороны — недосягаемымъ идеаломъ. Рядомъ съ этимъ результатомъ неизбѣжно явилось и второе слѣдствіе этой наихудшей формы капитализма: дальнѣйшее паденіе производительности труда, дальнйшее обнищаніе и вымираніе.

Въ итогѣ и «слѣпые вожди большевизма поняли это и вынуждены были снова сдѣлать шагъ назадъ. Такъ началась ихъ дѣятельность, помѣченная въ третьемъ пунктѣ, именно попытка возрожденія разрушеннаго частнаго капитализма.

Большевики ввели т. н. «новую экономическую политику», которая признала снова частный капитализмъ.

«Началось», пишетъ по этому поводу П. Сорокинъ, «усиленное заигрываніе и зазываніе частнаго капитализма; сотни приманокъ были пущены въ ходъ, чтобы привлечь его: и аренда и концессіи и архиростовщическіе проценты и признаніе долговъ и всякія гарантіи, — словомъ началась распродажа Россіи оптомъ и въ розницу — съ цѣлью привлеченія (иностраннаго) капитала.»

Большевикамъ пришлось и приходится возводить то, что ихъ собственными же руками было разрушено, «но разбойники», замѣчаетъ онъ, «рѣдко могутъ стать организаторами хозяйства. Изгнанный капиталъ, несмотря на всѣ приманки, не идетъ. Поистинѣ, большого банкротства коммунизма трудно вообразить.»

Такое же банкротство произошло и съ диктатурой проелетаріата. Россія страна земледѣльческая и большинство ея населенія состаляютъ крестьяне, которые по своей сущности относятся къ мелкимъ собственникамъ. Пролетаріатъ въ буквальномъ смыслѣ этого слова ограничивался въ Россіи 3—4 % всего населенія и потому, если бы такая диктатура и осуществилась бы, то она была бы тираніей меньшинства надъ большинствомъ. Однако, фактически и этого не было.

«Въ 1917—18 г. г.» пишетъ П. Сорокинъ,» мы имѣли власть, составленную изъ «intellectuels», изъ лицъ, никогда не работавшихъ на заводѣ или на полѣ, вышедшихъ изъ среднихъ буржуазныхъ классовъ (Ленинъ, Троцкій-Бронш-

тейнъ, Зиновьевъ-Апфельбаумъ, Красинъ, Чичеринъ и т. д.), но опиравшихся на стихійное движеніе значительной части арміи, крестьянъ и рабочихъ. Ставъ во главѣ движенія, мастерски используя усталость отъ войны, недовольство отъ ухудшенія матеріальныхъ условій, желаніе отобрать помѣщичьи земли, — они были вынесены на верхъ этими массами.»

«Наученные опытомъ, зная непрочность своего положенія, они съ первыхъ же дней захвата власти принялись за организацію арміи своихъ преторіанцевъ. Создавъ аппаратъ насилія и террора, въ видѣ Чека, они тѣмъ самымъ положили начало тираніи надъ массами.»

Такимъ образомъ уже съ 1919 г. власть «стала простой тираніей, состоящей изъ безпринципныхъ интеллигентовъ, деклассированныхъ рабочихъ, уголовныхъ преступниковъ и разнородныхъ авантюристовъ.»

Вмѣсто «диктатуры пролетаріата» получилась диктатура авантюристовъ надъ народомъ, и исчезновеніе самаго пролетаріата въ силу разрушенія и закрытія фабрикъ и заводовъ» — . . . . . .

Ясно, что то же самое должно было случиться и съ III-имъ Интернаціоналомъ. Вѣдь Интернаціоналъ является «міровымъ объединеніемъ трудящихся для созданія новаго міра, основаннаго на новыхъ началахъ.» Однако на дѣлѣ получилось совсѣмъ другое. «Во первыхъ, пишетъ Сорокинъ, странное суженіе объема лицъ и группъ, могущихъ быть его членами.»

«Если,» говоритъ онъ, «I Интернаціоналъ допускалъ всѣхъ соціалистовъ даже анархистовъ въ началѣ; II-ой Интернаціоналъ — уже только соціалистовъ и то только опредѣленнаго толка, выкинувъ анархистовъ и другія группы за бортъ и сузивъ т. обр. свой базисъ по сравненію съ первымъ, то III Интернаціоналъ еще болѣе ограничилъ слои, могущіе входить въ его составъ.»

«Не только простые смертные — не соціалисты, не только анархисты, не только всѣ соціалисты не коммунисты, но даже рядъ коммунистическихъ группъ не могутъ войти въ лоно этой церкви.» Оказывается — 99,9 населенія — еретики и недостойны благодати Зиновьева — пророка и Маркса — Аллаха. Недурной Интернаціоналъ!

Такъ обстоитъ дѣло съ количественно-объемной точки зрѣнія. «Съ качественной же стороны», замѣчаетъ профессоръ, «III Интернаціоналъ представляетъ институтъ, сѣющій на деньги русскаго народа сѣмена ненависти и звѣрства по земному шару.»

«Съ точки зрѣнія его состава — это въ огромной части скопленіе авантюристовъ и циниковъ всѣхъ странъ, заинтересованныхъ въ хорошихъ синекурахъ и въ пріобрѣтеніи власти, не стѣсняющихся въ средствахъ, руководствующихся заповѣдью: «все позволено», хорошими словами прикрывающихъ свои уголовныя заданія и довольно ловкихъ въ дѣлѣ использованія недовольства массъ».

«Я не могу», говоритъ онъ, «ждать спасенія человѣчества отъ международнаго союза бандитовъ. По той же причинѣ не могу ожидать его и отъ III-го Интернаціонала.»

«Таковъ сжатый бухгалтерскій подсчетъ новыхъ «завоеваній великой революціи», заканчиваетъ онъ, «радуйтесь, господа апологеты этой прожорливой

особы! Что касается меня — я возвращаю билетъ на входъ въ ея лоно и отказываюсь отъ чести быть ея рыцаремъ.»

«Мой «бухгалтерскій» балансъ «завоеваній» не только нашей революціи, но и всѣхъ «великихъ» по пролитой крови революцій привелъ меня къ опредѣленному итогу, гласящему:

«Величайшими эпохами реакціи въ исторіи любого народа являются эпохи глубокихъ революцій, и величайшими реакціонерами — величайшіе диктаторствующіе революціонеры.»

Помимо колоссальнаго матеріальнаго ущерба, большевики принесли съ собою населенію Россіи и еще большое разрушеніе въ смыслѣ моральнаго и умственнаго его состоянія.

Преступность развилась необыкновенно и что раньше казалось преступленіемъ теперь принимается, какъ обыденное явленіе.

«Въ Петербургѣ,» говоритъ П. Сорокинъ, «было по меньшей мѣрѣ 327 тысячъ (22% населенія) воровъ, кравшихъ въ формѣ карточки общественное достояніе, вырывавшихъ послѣдній кусокъ хлѣба изъ рта ближняго.»

«Въ Москвѣ таковыхъ было 1000000 т. е. 70% населенія.

Далѣе онъ приводитъ офиціальную статистику уголовнаго розыска г. Москвы, дающую не преувеличенную картину.

«Если принять коэффиціентъ каждой группы преступленій за 1914 г. «говоритъ, онъ, «за 100, то движеніе преступленій за 1919—20 г. г. въ Москвѣ выразится въ такихъ цифрахъ:

кражи	315	т. е. въ	3,15	разъ больше
вооруженный грабежъ	28500	т. е. въ	285	разъ больше
простой грабежъ	800	т. е. въ	8	разъ больше
покушеній на убійство	1600	т. е. въ	16	разъ больше
убійство	1060	т. е. въ	10,6	разъ больше
присвоеніе и растрата .	170	т. е. въ	1,7	разъ больше
мошенничество	370	т. е. въ	3,7	разъ больше

«Не правда ли веселенькія цифры? спрашиваетъ профессоръ, и предлагаетъ: Идемъ дальше. По даннымъ Народнаго Комиссаріата Путей Сообщенія за 1920 г. зарегистрировано на желѣзныхъ дорогахъ 17000 хищеній багажа. Похищено 1098000 пуд. груза, т. е. въ мѣсяцъ пропадало 100 тыс. пудовъ. Короче, по сравненію съ довоеннымъ временемъ хищенія увеличились въ 150 разъ!»

«Прибавьте къ этому,» продолжаетъ онъ, «мошенничества съ пайками, поддѣлываніе ордеровъ, незаконныя получки, безпринципную спекуляцію, небывалое грандіозное взяточничество, достигшее фантастическихъ размѣровъ, кражи изъ продовольственныхъ складовъ, присоедините сюда сотни тысячъ произвольныхъ «національзацій», реквизицій агентами власти въ свою пользу, тысячи и сотни тысячъ «легальныхъ убійствъ» и разнообразныхъ злоупотребленій отъ обыска до убійства, невѣроятно возросшее число грабежей, налеты на квартиры, тысячи изнасилованій, кражи изъ домовъ, съ полей, огородовъ, массовый ростъ уголовнаго бандитизма и т. д. и т. д. и т. д. и вы поймете, почему не является преувеличеннымъ квалификація Россіи за эти годы, какъ «клоаки преступности».

Ту же деморализующую роль сыграла коммунистическая власть и въ области половыхъ отношенiй.

«Отдѣльные ея члены», пишетъ Сорокинъ, « и вплоть до лицъ занимавшихъ очень высокiе посты въ Народномъ Комиссарiатѣ Просвѣщенiя взялись за борьбу «съ мѣщанско-буржуазнымъ предразсудкомъ» путемъ публичнаго развращенiя институтокъ и гимназистокъ......»

«Въ итогѣ этой «политики» и всей обстановки, молодежь начала жить половой жизнью раньше, чѣмъ по физiологическимъ условiямъ это можно дѣлать безнаказанно, вольность приняла здѣсь огромные размѣры, эксцессы приняли массовой характеръ, преступленiя и злоупотребленiя — также, а въ связи съ этимъ — и половыя болѣзни. Особенно огромна была роль въ этомъ дѣлѣ коммунистическихъ союзовъ молодежи, подъ видомъ клубовъ устраивавшихъ комнаты разврата чуть не въ каждой школѣ. Большое значенiе имѣли и «дѣтскiя колонiи», «дѣтскiе прiюты», «дѣтскiе дома», гдѣ вольно и невольно дѣти развращались.»

«Мудрено ли поэтому», задаетъ вопросъ профессоръ, «что дѣти двухъ обслѣдованныхъ колонiй въ Царскомъ Селѣ оказались сплошь заражеными гонорреей. Лѣтомъ этого года одинъ врачъ мнѣ разказывалъ такой фактъ: къ нему явился мальчикъ изъ колонiи, зараженный гонорреей. По окончанiи визита, онъ положилъ на столъ миллiонъ рублей. На вопросъ врача, откуда онъ взялъ деньги, мальчикъ отвѣтилъ спокойно: «У каждаго изъ насъ есть своя дѣвочка, а у дѣвочки есть любовникъ-комиссаръ.» — «Эта бытовая сцена», заключаетъ профессоръ, «довольно вѣрно рисуетъ положенiе дѣла.»

А вотъ еще цифровыя данныя.

«Дѣвочки прошедшiя черезъ распредѣлительный центръ Петербурга, откуда онѣ распредѣляются по колонiямъ, школамъ и прiютамъ, почти всѣ оказались дефлорированными, а именно изъ дѣвочекъ до 16 лѣтъ таковыми было 96,7%, изъ дѣвочекъ до 9 лѣтъ — 8%.»

Взрослые въ половомъ отношенiи также не далеко ушли отъ молодого поколѣнiя.

«Подтвержденiемъ сказаннаго», говоритъ Сорокинъ, «служатъ цифры разводовъ и продолжительность браковъ съ одной стороны, сильное распаденiе семьи — съ другой.»

«Однимъ изъ результатовъ такой половой вольности является громадное распространенiе венерическихъ болѣзней и сифилиса въ населенiи Россiи (около 5% новорожденныхъ — наслѣдственные сифилитики, около 30% населенiя заражены этой болѣзнью)».

«Рядомъ съ этимъ количественнымъ ростомъ преступности», пишетъ онъ, «мы видимъ ея качественный ростъ: переходъ отъ некровавыхъ и не садическихъ формъ преступности къ кровавымъ и звѣрскимъ.»

Выше въ этой главѣ я приводилъ нѣсколько описанiй подобныхъ звѣрствъ и проявленiя садизма у большевиковъ, здѣсь я привожу впечатлѣнiе П. Сорокина.

«Люди озвѣрѣли и свои жертвы убивали не просто, а съ изощренными пытками, прежде чѣмъ убить плѣнника, его подвергали десятку пытокъ: обрѣзали уши, вырѣзывали у женщинъ груди, отрубали пальцы, выкалывали глаза,

вбивали подъ ногти гвозди, отрѣзали половые органы, иногда закапывали жертву въ землю, привязывали ее къ двумъ согнутымъ деревьямъ и медленно разрывали, защемляли органы и т. д. и т. д.

На нашихъ глазахъ воскресло средневѣковье! Оно воскресло и въ фактѣ коллективной отвѣтственности. За преступленія одного убивали десятки и сотни лицъ, не имѣющихъ къ нему никакого отношенія. За покушеніе на Ленина, Урицкаго и Володарскаго были разстрѣляны тысячи людей. За одного «бандита» дѣлалась отвѣтственной вся его деревня и нерѣдко сжигалась артиллеріей цѣликомъ. За виновнаго члена семьи разстрѣливались послѣдніе. За выстрѣлъ въ агента власти убивались десятки «заложниковъ», сидѣвшихъ въ тюрьмахъ обширной Россіи и т. д.»

«Наконецъ о моральной деградаціи говорятъ и многочисленные случаи людоѣдства и даже убійствъ съ цѣлью пожиранія убитаго». —

Недурные результаты достигнуты революціей въ области моральныхъ идеаловъ — дальше итти уже некуда!

Въ области умственнаго развитія населенія большевики также пошли на нѣсколько десятковъ лѣтъ назадъ, разрушивъ все, что было сдѣлано въ этомъ направленіи прежнимъ Царскимъ правительствомъ.

Сколько было криковъ и нападковъ на старую власть за ея якобы равнодушіе къ дѣлу общаго образованія населенія и казалось бы естественнымъ, если бы новыя революціонные правители взялись бы за просвѣщеніе всего народа. Однако одно было кричать и критиковать и совсѣмъ другое проводить въ дѣло и созидать.

На созидательную работу большевистскія шайки вообще не пригодны, а въ дѣлѣ просвѣщенія тѣмъ болѣе, такъ какъ эта область всегда была чужда разбойникамъ, ворамъ и авантюристамъ.

Наивны были тѣ иностранцы, которые повѣрили широковѣщательнымъ радіо большевистскихъ заправилъ о томъ, что они во главѣ съ просвѣщеннымъ Луначарскимъ сдѣлали чудеса, и что безграмотность ликвидирована и образованіе народа поднялось на громадный уровень.

Все это была сплошная ложь! Десятки корреспондентовъ врали, сообщая, что въ каждомъ домѣ «клубъ», въ каждой избѣ читальня, въ каждомъ городѣ «университетъ» и, что во всей Россіи сотни тысячъ «внѣшкольныхъ», «подшкольныхъ» и «дошкольныхъ» образовательныхъ учрежденій, пріютовъ, колоній, очаговъ, дѣтскихъ домовъ, садовъ и т. д.

«Нужно ли говорить,» пишетъ П. Сорокинъ, «что все это фикція, одно бумажное изобрѣтательство, невозможное дедуктивно для голодной страны и не соотвѣтствующее сути дѣла фактически.

«Въ дѣйствительности за эти годы произошла не «ликвидація безграмотности», а «ликвидація грамотности», не расцвѣтъ школы, а ея разрушеніе, не прогрессъ науки, а ея декадансъ, не культурно-просвѣтительный подъемъ, а деградація.»

Сдѣлавъ такой выводъ профессоръ предлагаетъ объясниться и начинаетъ съ годового бюджета совѣтской республики. Онъ пишетъ, что послѣдній на 1923 г. «былъ исчисленъ въ 1 800 000 000 золотыхъ рублей.» Изъ него на военное дѣло

было ассигновано 1200000000 (мы не милитаристы), на все остальное 600000000 руб., изъ коихъ на все дѣло просвѣщенія отводилось......24000000.

Тогда какъ «изъ 3-хъ милліарнаго бюджета 1913 г. на народное просвѣщеніе уходило около 400000000 настоящихъ золотыхъ рублей.»

Другими словами большевики на просвѣщеніе удѣлили изъ своего бюджета (1800000000) въ 10 разъ меньше, чѣмъ прежнее правительство изъ своего (3000000000), а по размѣру самой суммы почти въ 20 разъ меньшую.

«Не будетъ удивительнымъ поэтому», замѣчаетъ профессоръ, «что въ февралѣ 1923 г. власть рѣшила закрыть всѣ высшія учебныя заведенія Россіи, кромѣ пяти на всю страну.»

«И только энергичное вмѣшательство профессуры помѣшало осуществить эту радикальную «ликвидацію высшей школы».

«Самъ Луначарскій въ октябрѣ 1922 г. призналъ, что число лицъ, кончившихъ высшія школы сократилось на 70%, среднія на 60%, низшія — на 70%.»

Такого разгрома исторія русской науки и школы не знала.»

Поистинѣ трудно даже опредѣлить, какая изъ школъ потерпѣла большій ущербъ. Явленія болѣе или менѣе сходны между собой. Вездѣ полное отсутствіе средствъ, т. к. правительство перевело всѣ школы на «мѣстныя средства».

Нѣтъ и преподавательскихъ силъ, которыя разбрелись по разнымъ направленіямъ, спасаясь отъ голода и нужды.

Гнетущая слѣжка и насильственное внѣдреніе идей коммунизма совершенно лишаютъ школы своей самобытности и внушаютъ къ нимъ у населенія отвращеніе.

Въ низшихъ школахъ отмѣна преподаванія Закона Божія привела къ тому, что крестьяне не отдаютъ туда своихъ дѣтей, въ среднихъ школахъ непрестанно слѣдуютъ реформы одна другой глупѣе; въ высшихъ — было объявлено, что «свобода научной мысли» — предразсудокъ, что «все преподаваніе должно вестить въ духѣ марксизма и коммунизма.»

Всего не перечислишь и нѣтъ предѣловъ тому деспотизму и тупоумію, которое было проявлено коммунистами въ дѣлѣ просвѣщенія народа.

Поэтому вполнѣ понятно, что школы были закрыты. Теперь ихъ помѣщенія ремонтируются для —.... винныхъ лавокъ, кабаковъ, игорныхъ клубовъ и т. д.

То же самое произошло и съ разными дошкольными и внѣшкольными учрежденіями, народными университетами, библіотеками, дѣтскими колоніями, пріютами, садами и т. д.

«За отсутствіемъ кредитовъ» почти всѣ они закрыты, дѣти вышвырнуты на улицу, библіотеки либо расхищены либо не функціонируютъ, народные университеты погибли.»

«На военное дѣло,» замѣчаетъ П. Сорокинъ, «у большевиковъ есть средства, есть также средства на богатые оклады спецовъ, на подкупъ лицъ, газетъ, на внѣшнее содержаніе своихъ дипломатическихъ агентовъ и на финансированіе «Интернаціонала № 3», а на народное образованіе — нѣтъ!

«Поистинѣ недурные ревнители народнаго просвѣщенія!

Всѣ ихъ фиговые листки сдуты временемъ и они стоятъ теперь оголенные въ роли......кабатчиковъ и содержателей игорныхъ домовъ.

Это болѣе имъ къ лицу и болѣе характеризуетъ ихъ какъ просвѣтителей.»

Въ заключеніе П. Сорокинъ предлагаетъ «г. Горькому, Барбюсу, Б. Шоу и многимъ другимъ «intellectuels» провѣрить правильность сказаннаго, а провѣривъ и найдя все вѣрнымъ, подумать и отвѣтить себѣ: не играли ли они роль наивныхъ дураковъ или вредныхъ идеалистовъ, распѣвая гимны «вождямъ коммунизма?» Не причинили ли они рядъ объективныхъ золъ, исходя изъ высокихъ субъективныхъ мотивовъ? Не ввели ли они въ заблужденіе многихъ и многихъ вѣрившихъ имъ, когда они гасителей духа возводили въ рангъ «освободителей человѣчества», антропоидовъ — въ сверхчеловѣки, проходимцевъ исторіи — въ героевъ, темныхъ дѣльцовъ —въ вождей новаго міра?»

«Серьезно подумать объ этомъ — долгъ каждаго честнаго и уважающаго себя писателя.»

Необходимо объ этомъ же подумать и многимъ иностранцамъ, опрометчиво дѣлающимъ свои заключенія и помѣщающимъ свои статьи на столбцахъ европейскихъ газетъ.

Если они не хотятъ, чтобы о нихъ думали какъ о людяхъ продавшихся, то пусть они не вѣрятъ «втираніямъ очковъ» и «парадамъ» устроеннымъ спеціально для нихъ большевиками.

«Кто будетъ изучать русскую жизнь, повторяетъ Сорокинъ, изъ оконъ отеля, купэ вагона и со словъ любезныхъ съ иностранцами оффиціальныхъ «гидовъ», можетъ всегда написать очередную благоглупость на эту тему — одну изъ многихъ, которыя намъ пришлось уже читать съ горькой улыбкой....»

Одну изъ главныхъ духовныхъ областей каждаго народа составляетъ его религіозная жизнь, а потому и она не могла остаться безъ вниманія новыхъ правителей, которые и въ данномъ случаѣ обнаружили свой разрушительный зудъ.

Они принялись за насажденіе «религіи разума» въ противовѣсъ по ихъ мнѣнію бывшаго «религіознаго мракобѣсія». Изъ ихъ устъ полились снова громкія слова, подъ эгидой которыхъ она начали проводить свои хищническіе планы.

Церковь — «институтъ, созданный для эксплоатаціи народа», соціальная роль религіи сводится къ «одурманиванію народа жрецами въ интересахъ правящихъ—классовъ.»

Вотъ лозунги большевиковъ, съ которыми они принялись за разрушеніе православныхъ церквей. Послѣднее выразилось въ ограбленіи церквей, въ процессахъ противъ церковниковъ, въ арестѣ патріарха Тихона, въ разстрѣлахъ священниковъ во главѣ съ митрополитомъ Веніаминомъ, въ насильственномъ захватѣ церковнаго управленія въ видѣ созданія «Живой Церкви» и «Высшаго Церковнаго Управленія».

Всѣ эти преслѣдованія духовенства и населенія являлись сплошной провокаціей и не имѣли никакой почвы подъ собой.

Такъ напримѣръ по поводу ограбленія большевиками всѣхъ церквей П. Сорокинъ пишетъ:

«Измышленія власти о томъ, что духовенство и паства не хотѣли давать церковныя цѣнности, — голоднымъ — сплошная ложь. Этотъ вопросъ никогда не возбуждалъ никакихъ споровъ въ церкви. Споръ шелъ лишь о томъ, можно ли

давать эти цѣнности правительству, не пойдутъ ли онѣ на совсѣмъ иныя цѣли. Вѣрущіе хотѣли реализовать ихъ сами и сами раздать полученную пищу голоднымъ. Соглашались они дѣлать это и черезъ «Ара» или другія организаціи, внушающія довѣріе. Дать же цѣнности въ руки власти — не хотѣли и вполнѣ основательно. По практикѣ знали, что голоднымъ достанутся крохи, а большая часть будетъ разворована, или потрачена на Интернаціоналъ, подкупъ агентовъ, агитацію въ другихъ странахъ и т. д.

«Голодные были лишь благовиднымъ предлогомъ», говоритъ Сорокинъ, «церковныя цѣнности были нужны самимъ большевикамъ, и отсюда вся бѣшенная кампанія власти, весь потокъ ея лжи, навѣтовъ, измышленій, которымъ въ Россіи никто не вѣрилъ и не вѣритъ.»

Не меньшей подлостью и цинизмомъ отличались дѣйствія большевиковъ при захватѣ ими церковнаго управленія.

«Этому», пишетъ Сорокинъ, «мѣшалъ патріархъ Тихонъ. Онъ былъ арестованъ. Но ареста мало, нужно его отстранить. Тогда былъ пущенъ въ ходъ отвратительный шантажъ человѣческой кровью: посланы были къ нему нѣсколько ренегатовъ-священниковъ съ требованіемъ, чтобы онъ отказался отъ своей власти — если онъ не отказажется, — 11 приговоренныхъ къ разстрѣлу московскихъ священниковъ будутъ казнены, если откажется — будутъ помилованы....

«Кошмары изъ «Бѣсовъ» Достоевскаго менѣе ужасны,чѣмъ этотъ ультиматумъ. Тихонъ не отказался......

«Онъ, лишенный свободы и возможности управлять, указалъ, что шантажисты могутъ овладѣтъ патріаршей канцеляріей...... и только. Изъ этого была создана легенда объ отказѣ патріарха Тихова, о передачи власти «Высшему Церковному Управленію», самочинно созданному изъ этихъ священниковъ-шантажистовъ съ прибавленіемъ къ нимъ ряда такихъ же «прохвостовъ».

Вотъ изъ этого то сброда большевики и думали создать «Живую Церковь», которая должна была выполнить функціи разложенія «Православной Церкви» и превратиться въ «агитотдѣлъ» коммунистической партіи.

«Я знаю лично», говоритъ П. Сорокинъ, «большинство главныхъ дѣятелей этой «Живой Церкви» и «Высшаго Церковнаго Управленія». Кромѣ одного или двухъ лицъ — всѣ они морально низкіе люди, безпринципные карьеристы, съ рядомъ постыдныхъ дѣйствій въ прошломъ, короче, типичные проходимцы.»

Таково вкратцѣ соверменное состояніе Россіи и ея населенія.

Большаго ужаса представить себѣ нельзя.

Всѣ мы русскіе, въ томъ числѣ и я, чудомъ или благодаря случайности избѣжавшіе общей участи своихъ соотечественниковъ, не разъ разсказывали многимъ иностранцамъ обо всемъ только что изложенномъ, но послѣдніе относились недовѣрчиво и недоумѣвали: если все это такъ, то какимъ образомъ подобная власть можетъ держаться до сихъ поръ въ Россіи. Надо думать, что и теперь, ознакомившись съ содержаніемъ этой главы, западно-европейскій читатель задаст тотъ же недоумѣвающій вопросъ. Ему будетъ непонятно такое положеніе дѣла, а вмѣстѣ съ тѣмъ это вполнѣ объяснимо и ничего загадочнаго не представляетъ. Вотъ что по этому поводу говоритъ П. Сорокинъ.

«Причины этого «страннаго» положенія таковы.»

«Во первыхъ изъ личнаго опыта каждому должно быть извѣстно, (соціологія устами Спенсера показала это), что небольшая, но хорошо организованная группа можетъ управлять другой группой въ десятки разъ ее превосходящей по числу. Отрядъ полицейскихъ въ 20 человѣкъ можетъ разогнать толпу въ нѣсколько тысячъ. Дисциплинированная воинская часть побѣждаетъ гораздо болѣе численную, но плохо вооруженную и дезорганизованную армію. Историческій примѣръ даетъ Герцогъ Альба съ 10-тысячной арміей испанцевъ властвовавшій надъ 3-хъ милліоннымъ населеніемъ Нидерландовъ. Армія большевистскихъ «преторіанцевъ» въ нѣсколько десятковъ тысячъ способна властвовать и насиловать многомилліонную массу. Это дѣлать было тѣмъ легче, что къ этому времени (1919 и позднѣйшіе года) пролетаріата въ городахъ почти не стало; съ разваломъ промышленности составъ его сократился въ 4-5 разъ. Получилась диктатура пролетаріата безъ пролетаріата, массовыя выступленія его стали невозможными. Многотысячный пролетарскій кулакъ пересталъ существовать.»

«Еще безсильнѣе оказалась деревня. Населеніе Россіи, разбросанной на $^1/_6$ части земного шара, распылено, очень рѣдко и потому не въ состояніи организованно выступить сразу и дѣйствовать планомѣрно, это затруднялось и тѣмъ, что печать была захвачена властью. Она же захватила почту, телеграфъ, пути сообщенія и общенія. Присоедините сюда фактъ умѣлаго обезоруженія населенія въ 1918 г. и тогда будетъ легко понять, почему крестьянскія движенія вспыхивали неорганизованно безъ взаимной связи, почему, несмотря на ихъ колоссальную численность, власть легко могла подавлять ихъ. Одинъ и тотъ же отрядъ сегодня расправлялся съ однимъ селомъ, завтра перебрасывался за десятки верстъ, послѣзавтра на новое мѣсто, и такимъ путемъ могъ подавлять десятки возстаній. Армія же «усмирителей» въ нѣсколько десятковъ тысячъ легко расправлялась со многими милліонами.

«Съ другой стороны,» замѣчаетъ Сорокинъ, «надо отдать должное власти. Она проявила громадную энергію въ организаціи карательныхъ отрядовъ. Питая ихъ сытно за счетъ населенія, предоставляя имъ свободу грабить и насиловать, ежечасно гипнотизируя ихъ своей агитаціей, она связала ихъ въ единую, крѣпко сплоченную группу «преторіанцевъ» и связала судьбу и благополучіе послѣднихъ со своей собственной судьбой.»

Въ настоящее время армія «преторіанцевъ» — «отряды особаго назначенія» — насчитываетъ въ своемъ ряду около 400000 человѣкъ. Она хорошо снабжена, вооружена и пользуется многими привилегіями. Составъ этой арміи самый разнообразный, но подавляющее большинство въ ней инородцевъ и иностранцевъ. Основнымъ кадромъ служатъ китайцы и латыши, затѣмъ идутъ всевозможныя дикія народности Россіи — киргизы, башкиры, и наконецъ, иностранцы изъ числа бывшихъ плѣнныхъ венгровъ, германцевъ, австрійцевъ и болгаръ. Все это безусловно матеріалъ преступный, имѣющій въ прошломъ уголовную отвѣтственность и всѣмъ имъ поэтому терять было нечего.

Послѣ этого поясненія возможно и иностранцы наконецъ поймутъ, почему большевистская власть держится еще до сихъ поръ, несмотря на то, что 97 % всего населенія глубоко ненавидитъ и презираетъ ее. Это ненависть населенія

ярко выражается въ постоянныхъ возстаніяхъ, какъ среди рабочихъ, такъ и, главнымъ образомъ, среди крестьянскихъ массъ.

«Уже къ началу 1919 г., пишетъ профессоръ, произошелъ отливъ народныхъ массъ отъ власти и начались рабочія и крестьянскія возстанія. Диктаторы, вмѣсто удовлетворенія желаній массъ, перешли къ необузданному усмиренію ихъ посредствомъ своихъ «преторіанцевъ.»

«Начался терроръ.»

«Наивны тѣ люди, которые думаютъ, что этотъ терроръ былъ направленъ только противъ буржуазныхъ классовъ.»

«Съ полной готовностью нести отвѣтственность за свои слова, я утверждаю,» заявляетъ Сорокинъ, «что онъ не въ меньшей, если не въ большей степени палъ на рабочихъ и крестьянъ. Такъ какъ большинство совѣтовъ, избранныхъ въ 1918 г. трудящимися, оказалось антибольшевистскими, то эти совѣты были разогнаны, избранные депутаты арестованы.»

«Рабочія собранія и митинги, проникнутые оппозиціонными настроеніями къ правительству, закрывались, не допускались, а наиболѣе видные члены ихъ арестовывались. Тоже произошло и съ крестьянскими съѣздами.»

«Влѣдъ за арестами пришла и полоса разстрѣловъ, индивидуальныхъ и массовыхъ. Послѣдніе приняли форму настоящей войны съ деревней. Села и поселки окружались военно-преторіанскими частями, громились, сжигались артиллеріей, а вслѣдъ за «завоеваніемъ» ихъ наступала массовая экзекуція въ формѣ разстрѣловъ «зачинщиковъ» или въ формѣ разстрѣла одного изъ каждаго десятка лицъ.»

Таково положеніе на внутреннихъ фронтахъ Россіи — оно было и продолжается до сегодняшняго дня. Русскій народъ не можетъ примириться съ инородческой властью преступниковъ и непрестанно ведетъ борьбу противъ своихъ поработителей. Не его вина, что массовыя возстанія не даютъ желаннаго результата, неудачи ихъ лежатъ въ неорганизованности и разрозненности дѣйствій. Организоваться же мѣшаютъ: громадное пространство Россійской территоріи, бдительный сыскъ большевиковъ и отсутствіе вооруженія у населенія.

Однако я энергично протестую противъ мнѣнія многихъ иностранцевъ, что русскій народъ сжился со своимъ положеніемъ, что чуть ли не доволенъ имъ, что онъ пассивенъ, апатиченъ и привыкъ къ правительству управляющему палкой.

Такое мнѣніе разбивается и о множество возстаній внутри Россіи, производившихся съ отчаянной смѣлостью и твердостью, часто безъ всякихъ средствъ, вооруженія и патроновъ, иногда просто съ вилами и топорами. Успѣха не ждали, но и дальше терпѣть не могли. Разбивается оно и о крестоносное, жертвенное добровольческое движеніе, охватившее всѣ окраины Великой Россійской Имперіи и продолжавшееся съ перемѣннымъ успѣхомъ болѣе трехъ лѣтъ. Если послѣднее не имѣло положительнаго успѣха, то въ этомъ меньше всего виноваты добровольцы, и въ отсутствіи патріотизма, доблести и настойчивости ихъ упрекнуть нельзя. Причины же неудачи исходили главнымъ образомъ отъ «союзниковъ» и всѣ онѣ съ достаточной ясностью мною разобраны въ предыдущихъ главахъ, а потому я и не буду еще разъ на нихъ останавливаться.

Здѣсь я считаю у мѣста въ свою очередь выразить мое глубокое недоумѣніе

г. г. иностранцамъ, или вѣрнѣе руководителямъ иностранныхъ народовъ. Мнѣ непонятно и странно, какъ эти иностранные руководители до сихъ поръ не могутъ понять и почувствовать во первыхъ, что вести какія либо переговоры, заключать договоры и вообще терпѣть въ своемъ обществѣ большевиковъ и позорно и преступно и во вторыхъ, что рано или поздно русскій народъ все же стряхнетъ инородческое разбойное иго.

Основываясь на вполнѣ реальныхъ данныхъ я полагаю, что время для того, чтобы задуматься надъ этими вопросами давно настало.

Большевизмъ и коммунизмъ провалился окончательно и безповоротно. Ихъ «допотопная» система управленія государствомъ всѣмъ надоѣла и о ней въ Россіи никто и слышать не хочетъ.

Большевики держатся у власти только благодаря непрекращающемуся страшному террору, а также и путемъ нѣкоторыхъ уступокъ, — отказа отъ коммунистической программы и возвращеніе къ старому. Однако эти уступки не удовлетворяютъ населеніе и сама жизнь требуетъ большаго. Такимъ образомъ коммунистамъ остается либо еще больше уступать, т. е. отказаться совершенно отъ своей программы и отмѣнить терроръ и тогда на другой же день распрощаться съ правительственными мѣстами, либо сопротивляться общему желанію и ждать, когда ихъ силой вышвырнутъ изъ Россіи. И въ томъ и въ другомъ случаѣ конецъ будетъ одинаковый. Интернаціоналный сбродъ исчезнетъ и въ Россіи снова засіяютъ огни глубокаго націонализма.

«Разъ Россія и русскій народъ», говоритъ П. Сорокинъ, «были превращены въ проходной дворъ, гдѣ лицо наше топталось каблуками интернаціоналистовъ всѣхъ странъ, разъ Россію стали растаскивать по кускамъ, раздирать на части, взрывать изнутри, грабить отовсюду, разъ среди «распинающихъ» оказались и враги и вчерашніе друзья, разъ бывшія окраины стали смотрѣть на русскій народъ сверху внизъ, разъ всѣ его покинули, всѣ измѣнили, всѣ обманули ,разъ теперь Россіи грозитъ участь колоніи, все разгромлено, раззорено и за всѣ «битые горшки», долженъ платить тотъ же русскій «Иванушка дурачекъ» — разъ Россія при благосклонномъ участіи бывшихъ союзниковъ начинаетъ продаваться «оптомъ и въ розницу» превращается изъ «субъекта въ объектъ», то должно было наступить одно изъ двухъ: или гибель или рѣзкая реакція защиты.»

«Симптомомъ послѣдней служитъ ростъ глубокаго подсознательнаго національнаго чувства, охватившаго всѣ слои Россіи.»

Далѣе П. Сорокинъ указываетъ, что этотъ націонализмъ сейчасъ въ Россіи имѣетъ «зоологическія формы», но тутъ же заявляетъ, что это неизбѣжно и вполнѣ цѣлесообразно.

«Неизбѣжно потому, что слишкомъ по звѣрски обращались съ русскимъ народомъ «интернаціоналисты», слишкомъ мало было выказано иностранцами и инородцами гуманности и жалости, и слишкомъ много безсовѣстнаго хищничества, шакализма, и дипломатической хитрости, которая «мягко стелетъ, да жестко спать.»

«Цѣлесообразно потому, что и съ русскимъ народомъ до сихъ поръ иностранцы и инородцы также обращаются «зоологически».

«Когда тигръ или шакалъ васъ рветъ, глупо усовѣщевать ихъ, надо бить или погибнешь······ То же и съ русскимъ народомъ. Развѣ онъ, вплоть до сѣраго мужика, не понимаетъ, что его рвутъ, одни безцеремонно, другіе «вѣжливенько», подъ аккомпаниментъ «хорошихъ словъ» и улыбокъ? Развѣ онъ не оцѣниваетъ всѣ эти соглашенія съ большевиками и всевозможныя концессіи словами: «Своихъ помѣщиковъ прогнали, теперь приходятъ другіе», «за нашъ счетъ хотятъ грѣть руки и большевики и иностранцы», «Ну, подождите же!»

Вотъ собственно причины, почему русскій націонализмъ принимаетъ формы «зоологическія». Причины эти понятны и имѣютъ справедливое основаніе.

Наиболѣе яркимъ проявленемъ зоологическаго націонализма «служитъ острый антисемитизмъ, охватившій всѣ слои русскаго народа.

Антисемитизмомъ заражены почти всѣ «отъ верховъ интеллигенціи до глухой деревни, отъ русскихъ коммунистовъ до монархистовъ.»

«Протоколы Сіонскимъ Мудрецовъ, читаются и въ забытой деревнѣ. Они одобряются, имъ вѣрятъ, ихъ хвалятъ.»

«Причиной такого явленія,» говоритъ П. Сорокинъ, «служитъ: чрезвычайно выдающаяся роль, сыгранная значительными массами евреевъ въ углубленіи нашей революціи и въ разцвѣтѣ нашего коммунизма. Не говоря уже о «вождяхъ», огромное большинство которыхъ (Зиновьевъ-Апфельбаумъ, Троцкій-Бронштейнъ, Каменевъ-Розенфелдтъ, Стекловъ-Нахамкесъ, Свердловъ, Радекъ, Урицкій, Володарскій, Литвиновъ, Іоффе и т. д.) были евреями, большинство «командующихъ позицій» во всѣхъ комиссаріатахъ было занято и занимается евреями же.

«При большей изворотливости они менѣе пострадали экономически, чѣмъ русскіе. Значительная часть богатствъ перешла въ ихъ руки. Благодаря той же практической сноровкѣ и помощи сородичей, они менѣе голодали. Рядъ самыхъ одіозныхъ функцій въ значительной мѣрѣ выполнялся ими же. Съ наступленіемъ «Нэпо» евреи же почти исключительно оказались «капиталистами», «богачами», захватившими въ свои руки фактически почти всю и государственную и кооперативную и частную промышленность и торговлю».

Составъ студентовъ высшихъ школъ преимущественно еврейскій (70%) и большинство изъ нихъ содержится за счетъ государства.

Не мудрено поэтому, что ненависть къ евреямъ въ Россіи растетъ не по днямъ, а по часамъ и «чѣмъ дальше», говоритъ П. Сорокинъ, «будетъ держаться данный режимъ, тѣмъ антисемитизмъ будетъ глубже и шире, тѣмъ сильнѣе будетъ рости зоологія.»

Объ этомъ не мѣшаетъ подумать еврейству, чтобы потомъ при ликвидаціи большевизма не пенять на разыгравшіяся событія, а также и на руководителей національнаго движенія.

Еврейство должно понять, что только тогда можно будетъ предотвратить стихійную поголовную расправу русскаго народа съ его сородичами, когда въ рукахъ руководителей національнаго движенія будутъ факты, которые могутъ послужить доказательствомъ, что часть еврейства работала также и въ интере-

сахъ Россіи и противъ большевиковъ. Пока этихъ доказательствъ нѣтъ, и поэтому ни о какихъ гарантіяхъ еврейство не можетъ и думать, ибо ихъ собственно и дать нельзя.

Еще вначалѣ, переходя къ оцѣнкѣ положенія въ Россіи по статистическимъ даннымъ, бухгалтерскимъ подсчетамъ и соціологическимъ выводомъ, я предупредилъ, что буду пользоваться для этой цѣли трудами профессора соціологіи П. Сорокина. Я уже упоминалъ, что профессоръ въ прошломъ принадлежалъ къ стану революіонеровъ и потому его слова являются словами исповѣди бывшаго грѣшника. На исповѣди не говорятъ неправды, да и причинъ для этого у профессора нѣтъ. Его никто не заставлялъ писать и обличать, ему никто ничего не платилъ и не обѣщалъ. Напротивъ, за его молчаніе большевики заплатили бы очень много и не остановились бы ни передъ чѣмъ, чтобы помѣшать ему выполнить его священный долгъ.

Вотъ что онъ пишетъ самъ по этому поводу въ концѣ своей книги:

«Пусть не подумаютъ, что эти строки говорятъ о томъ, что революція меня лично обидѣла, что я многое, повидимому, лично потерялъ въ ней...... Нѣтъ. Кромѣ жизни и иллюзій мнѣ терять было нечего. Я былъ бѣденъ — таковымъ остаюсь и теперь. Я сынъ рабочаго и крестьянина — стало быть не могъ потерять привиллегій. Я не былъ ни «аристократомъ» ни «буржуемъ», ни чиновникомъ — стало быть и здѣсь я лично не могъ потерять......

«Жизнь моя — при мнѣ еще. Честь моя и совѣсть — тоже.»

«Единственная потеря — иллюзіи. Были онѣ и у меня...... Одной изъ нихъ было романтическое представленіе о революціи и желаніе ея прихода...... Теперь я видѣлъ ее. Пять лѣтъ былъ я въ ея вихрѣ, пять лѣтъ внимательно смотрѣлъ въ ея лицо...... Увидавъ его, я сталъ изучать лица бывшихъ «глубокихъ» революцій. Я понялъ: это лицо звѣря, а не сверхчеловѣка, Антихриста, а не Бога, вампира, а не освободителя ......»

Да — профессоръ Сорокинъ можетъ гордо и смѣло сказать:

«Честь моя и совѣсть также при мнѣ». Онъ не поддался искушенію времени и въ теченіе своего пятилѣтнягго пребыванія у большевиковъ, часто голодный и холодный, подъ страхомъ ареста и разстрѣла, неуклонно шелъ къ намѣченной цѣли. Этой цѣлью было желаніе собрать обличительный матеріалъ о тѣхъ, кто потопилъ Россію въ морѣ крови. Задача его исполнена блестяще. Противъ цифръ и точныхъ статистическихъ данныхъ возражать нельзя.

Профессоръ, когда то мечтавшій о революціи, теперь сторицей искупилъ свои погрѣшности прошлаго. Онъ увидѣлъ, услыхалъ, почувствовалъ весь тотъ ужасъ, который сейчасъ происходитъ въ Россіи и открыто призналъ его.

Однако г. г. руководители иностранныхъ государствъ остаются попрежнему глухими, слѣпыми и нѣмыми къ большевистскимъ преступленіямъ и по прежнему ведутъ съ ними переговоры и заключаютъ договоры.

Выводъ отсюда для насъ русскихъ вполнѣ ясный — у нихъ нѣтъ ни совѣсти ни чести......

Профессоръ Сорокинъ кончаетъ свою книгу выраженіемъ глубокой вѣры въ близкое воскресеніе русскаго народа и государства. Эта вѣра въ будущее Россіи, вѣра въ силы русскаго народа у человѣка, который пять лѣтъ непосред-

ственно наблюдалъ только ихъ разрушеніе, особенно цѣнно для насъ, ибо она, эта вѣра соткана изъ истинныхъ впечатлѣній и яснаго сознанія.

«Глубокую болѣзнь,» заканчиваетъ онъ, «испыталъ и испытываетъ еще русскій народъ. Горькую чашу страданій выпилъ онъ до дна. Распялъ себя за свои и чужія преступленія...... Сталъ «сыномъ человѣческимъ», пріявшимъ на себя грѣхи міра...... Теперь онъ искупилъ эти грѣхи. Теперь онъ чистъ...... чище многихъ народовъ, согрѣшившихъ, но не пострадавшихъ такъ. Чистъ ... Готовъ и къ смерти и къ новой жизни.»

«Много разъ за эти годы я думалъ: не пробилъ ли смертный часъ нашей исторіи? Не бьетъ ли полночь историческаго заката русскаго народа? Не передъ смертью ли онъ омылся въ страданіяхъ?

«Теперь вижу, что нѣтъ, Больной выздоравливаетъ, кризисъ проходитъ, и впереди дорога жизни, а не смерти.... Знаю, не розами покрытъ грядущій путь. Онъ тернистъ ждутъ на немъ бездны новыхъ страданій, униженій, оскорбленій и трудностей.... Крутые кряжи, опасные перевалы и разбойничьи засады ожидаютъ путника......

«Но не будемъ падать духомъ. Возьмемъ съ собой цѣнности Знанія, готовность къ Труду и лишеніямъ, напряженную волю къ Добру и свѣтлую Надежду ...... Съ ними не пропадемъ...... Съ ними снова выберемся мы изъ мрачныхъ пропастей крови и смерти на широкую дорогу исторіи.»

«Сіе буди и буди.»

ГЛАВА XXI.

ПУТИ И ДѢЙСТВІЯ.

Въ краткомъ историческомъ обзорѣ русско-германскихъ отношеній я указалъ, какъ на естественное соприкосновеніе нашихъ границъ, неизбѣжно порождающихъ массу взаимыхъ интересовъ, такъ и на тѣсное экономическое общеніе, необходимое для внутренняго благополучія обоихъ народовъ.

Что же касается союзниковъ, то связь съ ними могла быть полезной для насъ въ экономическомъ и особенно дипломатическомъ отношеніи; помощью этой связи, вылившейся въ дружественныя формы, мы могли оказывать то или иное давленіе на нашу сосѣдку Германію съ цѣлью огражденія нашихъ интересовъ отъ возможнаго посягательства съ ея стороны.

Такимъ образомъ для Россіи, какъ сильнаго государства, предстояло еще тогда рѣшить многотрудную задачу — съ кѣмъ же итти.

Политика не знаетъ ни друзей ни враговъ; это все вѣрно до той минуты, пока переплетеніе общихъ интересовъ не становится чрезвычайно запутаннымъ и не требуетъ опредѣленнаго рѣшенія. Нельзя забывать, что если политика отрицаетъ друзей и враговъ — значитъ она избираетъ среди международныхъ отношеній свой особый путь, но тогда, чтобы обезпечить себѣ успѣхъ она должна вести тайную, замаскированную игру, учитывая каждое слово, каждый шагъ для будущаго. Я уже отмѣчалъ то обстоятельство, что европейская атмосфера послѣднихъ лѣтъ (передъ войной) намѣренно сгущалась, нити дипломатическія плелись искусно, зарождая у однихъ вражду у другихъ дружеское расположеніе — по группировкамъ. Къ серединѣ 1914 г. такое положеніе стало слишкомъ очевиднымъ ,группировки столкнулись и произошла вспышка войны. Говорятъ — чѣмъ ближе мы къ событіямъ, тѣмъ труднѣе ихъ разглядѣть и распознать ихъ подлинныя двигательныя силы. Съ 1905 г., т. е. съ русско-японской войны и перваго революціоннаго возстанія въ Россіи до нашего времени прошло двадцать лѣтъ — срокъ вполнѣ достаточный, чтобы разобраться въ бывшихъ тогда дипломатическихъ отношеніяхъ европейскихъ государствъ. Станутъ ясными въ дальнѣйшемъ и тѣ политическіе пути, которые привели Европу къ 1914 г. Теперь для насъ русскихъ существуетъ два лагеря: Германія и союзники. Выростаетъ самъ собой вопросъ — съ кѣмъ же изъ нихъ?......

Еще въ 1900 г., дѣлая обширный докладъ Государю, военный министръ генералъ-адъютантъ Куропаткинъ подробно излагалъ свою точку зрѣнія на возможность русско-германской войны. Онъ докладывалъ Государю что этнографическое положеніе обѣихъ имперій таково, что отторженіе съ цѣлью установленія естественныхъ границъ отъ Германіи той или иной части территоріи Восточной Пруссіи въ нашу пользу или наоборотъ отторженіе съ той же цѣлью нѣкоторыхъ губерній Варшавскаго округа и части Виленскаго не установятъ равновѣсія и двѣ сильныхъ сосѣдки не успокоятся до тѣхъ поръ,

пока снова не возвратятъ своего. Противъ присоединенія къ Россіи части территоріи Восточной Пруссіи говоритъ германское воспитаніе ея населенія и его органическая, глубокая связь съ Германіей. — Такимъ образомъ въ случаѣ удачнаго для насъ исхода войны и присоединенія этой провинціи — населеніе ея осталось бы навсегда враждебнымъ къ намъ и противодѣйствовало бы всѣмъ государственнымъ мѣропріятіямъ — пользы отъ этого конечно было бы мало. Такая же органическая связь Привислянскаго края съ Россіей не позволила бы Германіи властвовать тамъ. На стратегическомъ же положеніи обоихъ государствъ линія ихъ границъ отражалась слѣдующимъ образомъ: Польша, врѣзавшаяся клиномъ между Германіей и Австріей, представляла собой выгодный для насъ плацдармъ, откуда можно было съ успѣхомъ нанести ударъ, какъ въ сторону Берлина, такъ и въ сторону Вѣны, тогда какъ Петербургъ лежалъ отъ границъ на значительно большемъ разстояніи чѣмъ эти обѣ столицы отъ нашихъ исходныхъ пунктовъ.

Однако въ Германіи первоклассныя крѣпости Торнъ, Кенигсбергъ, Познань ежегодно улучшались. Такимъ образомъ Германія съ милліардными затратами подготовилась къ упорной оборонѣ своихъ границъ. Главный же ея перевѣсъ былъ въ количествѣ желѣзнодорожныхъ линій (17), подходившихъ къ нашей пограничной полосѣ, тогда какъ у насъ противъ было всего 5. Отсюда заключенія тѣ, что какъ германская политика должна была учитывать всѣ эти данныя pro et contra войны, такъ учитывала ихъ и русская и значитъ линія велась внѣ сферъ враждебности и разгоряченныхъ притязаній. Однако, точно «deus ex machina» за спиной и Германіи и Россіи выросла фигура Англіи (отчасти и Франціи) и событія помимо дипломатическихъ переписокъ — начинаютъ отражаться и на военныхъ перегруппировкахъ пограничныхъ частей.

Англія, выступивъ противъ насъ въ войнѣ 1855 года (Севастопольская Кампанія) вскорѣ перенесла главный центръ своей борьбы съ Россіей на территорію Средней Азіи. Еще въ 1873 г. Англія, боясь нашего вліянія на свои индійскія владѣнія, съ которыми мы могли соприкасаться черезъ Афганистанъ, стала выискивать пути къ утвержденію своего господства въ Афганистанѣ. Положеніе, достигнутое нами до 1900 г. въ Средней Азіи было значительно спокойнѣе и крѣпче, чѣмъ у Англіи.

Желаніе англичанъ разграничить сферы вліянія въ Афганистанѣ и ихъ дѣйствія, направленныя къ закрѣпленію за собой этого вліянія — свело наши и англійскія войска къ показательной встрѣчѣ на территоріи этого государства. Съ этого момента политика Англіи уходитъ въ глубины и направлена къ ослабленію Россіи гдѣ бы то ни было и какъ то ни было.

О дѣйствіяхъ Англіи къ концу нашей войны съ Турціей въ 1877 году, о ея вмѣшательствѣ при заключеніи мира, результатомъ чего былъ пересмотръ Санъ-Стефанскаго договора на Берлинскомъ конгрессѣ; о ея интригахъ на этомъ знаменательномъ конгрессѣ, послужившимъ прологомъ къ міровой драмѣ 1914 года — обо всемъ этомъ я уже писалъ въ первыхъ главахъ книги.

Несмотря на это недружелюбіе Англіи, мы продолжали по отношенію ея вести примирительную политику, стараясь всѣ ея выпады противъ насъ въ Средней Азіи ликвидировать безъ помощи оружія.

Однако въ 1885 году обстановка на границахъ Афганистана была настолько напряженной, что, опасаясь разрыва съ Англіей, мы вынуждены были усилить наши войска въ Туркестанѣ.

Генералъ-адъютантъ Куропаткинъ, вступивъ въ управленіе военнымъ министерствомъ, въ своемъ докладѣ въ 1900 году о положеніи въ Средней Азіи, высказывалъ пожеланіе соединить индійскія желѣзныя дороги съ нашими туркестанскими и тѣмъ самымъ мирно разграничить сферы вліянія нашего и Англіи въ Афганистанѣ. Такое мирное разрѣшеніе вопроса и сближеніе между обоими государствами онъ считалъ однако возможнымъ при условіи, если Англія откажется отъ своей политики всюду ставить препятствія на нашихъ путяхъ.

Англія конечно не отказалась и продолжала свои интриги, пользуясь каждымъ удобнымъ случаемъ.

Въ 1904 г. разыгрывается Русско-японская война. Вниманіе наше, естественно, переносится на Дальній Востокъ.

И тамъ Англія также дѣйствуетъ противъ насъ: она уступаетъ Японіи портъ Вей-Хай-Вей, чтобы усилить преимущество японцевъ на морѣ. Въ рукахъ японцевъ оказалась выгодная морская позиція на флангѣ всѣхъ операціонныхъ направленій нашей эскадры.

Преждевременно заключенный нами миръ[1] обратилъ наши дипломатическіе расчеты въ сторону Германіи, съ которой мы и начали искать близости.

Возможность русско-германскаго союза безусловно страшила Англію, тѣмъ болѣе, что въ этотъ періодъ появилось и у германцевъ тяготѣніе къ нему.

Принципъ Бисмарка, принятый на этотъ разъ Императоромъ Вильгельмомъ, нашелъ свое отраженіе въ договорѣ, подписанномъ въ Бьеркѣ въ 1908 году съ Русскимъ Императоромъ и вскорѣ потомъ расторгнутомъ по докладу графа Витте. Попытки такого рода соглашеній безпокоили Англію и ей надо было найти поводъ къ устраненію ихъ тѣмъ или инымъ путемъ. Она, посредствомъ заманчивыхъ обѣщаній и всевозможныхъ искусныхъ дипломатическихъ ходовъ, молчаливо, но твердо двигала фигуры на доскѣ европейской политики, прикрывая ихъ перегруппировку маской внѣшняго политическаго равновѣсія.

Одновременно явно подчеркивалась тенденція къ дружественному союзу Англіи, Франціи и Россіи. Англійскіе офицеры пріѣзжавшіе съ военными порученіями къ намъ, открыто высказывали свои симпатіи къ русскимъ и говорили о необходимости тройственнаго соглашенія.

Такъ, въ 1911 г. послѣ международныхъ состязаній въ Лондонѣ, когда русскіе кавалеристы, оказавшись въ теченіе трехъ лѣтъ на первомъ мѣстѣ, взяли призы — кубокъ Короля Эдуарда VII и кубокъ Короля Георга V — въ Россію прибыла англійская миссія съ цѣлью познакомиться съ будущими союзниками. На обѣдѣ, устроенномъ въ честь прибывшихъ, англійскій полковникъ не забылъ кинуть въ одну сторону: «Да здраствуетъ тройственный союзъ Россіи, Англіи и Франціи», а въ другую — «долой нѣмцевъ» Слова эти были сказаны среди кирасиръ-пѣсенниковъ, находящихся въ бѣломъ залѣ

[1] Къ моменту зключенія мира наша армія численно превосходила японскую и занимала болѣе выгодное положеніе. Военные круги были противъ мира.

офицерскаго собранія Л.-Гв. Кирасирскаго Ея Величества полка. Полковникъ говорилъ по русски и естественно въ этихъ словахъ явно сказалось желаніе провѣрить, хотя бы въ маломъ масштабѣ, настроеніе русскихъ къ такой идеѣ. Не забывалъ полковникъ и въ частныхъ собесѣдованіяхъ высказываться, что если Россіи нужны спутники въ международной политикѣ, то такими могутъ быть только Англія и Франція.

Между тѣмъ Лондонъ и Парижъ сговариваются другъ съ другомъ весьма осторожно, ощупывая возможность военнаго и политическаго соглашенія между собой, при соотвѣтствующемъ дѣятельномъ участіи въ союзѣ и Россіи. Расцѣниваются выгоды и невыгоды и проблематически вычисляется удѣльный вѣсъ Россіи во время войны и послѣ удачнаго исхода ея.

Наѣздъ иностранныхъ гостей въ Россію какъ то замѣтно усилился; начались банкеты и рауты, произносились рѣчи съ явнымъ союзническимъ оттѣнкомъ. Русская либеральная интеллигенція, заразившись отъ новыхъ друзей идеями шовинизма, стала забывать о недавней русско-японской войнѣ, объ интригахъ Англіи въ этотъ періодъ и о недружелюбіи Франціи, выразившемся неоднократно въ запрещеніяхъ русской эскадрѣ адмирала Рожественскаго задерживаться на «дружественномъ рейдѣ» больше 24 часовъ. Тогда Франціей руководило желаніе сохраненія строжайшаго нейтралитета и такимъ образомъ устраненія какихъ либо осложненій и международнаго конфликта. Въ годъ, предшествовавшій глубочайшей ошибкѣ русской и германской политики, передъ войной 1914 г. было русскими все это забыто — забытъ и тяжелый, загадочный инцидентъ въ Гуллѣ, расчитанный на умаленіе престижа той-же эскадры адмирала Рожественскаго.

Атмосфера сгустилась, пронесся вихрь угрожающихъ намековъ, враждебныхъ отвѣтовъ и, наконецъ, ультимативныхъ требованій, въ результатѣ которыхъ Россія и Германія увидѣли себя во вражескихъ станахъ, на разныхъ полюсахъ. Началась война 1914 г.

Если внимательно, сосредоточенно прослѣдить шагъ за шагомъ день за днемъ эти годы взаимнаго истребленія народовъ на поляхъ (и моряхъ) Европы, разглядѣть какъ пути, по которымъ двигалась политика союза (Россіи, Англіи и Франціи), а затѣмъ и пути Германіи съ ея союзницами, если также вдумчиво прослѣдить военныя оперативныя сводки, о дѣйствіяхъ союзныхъ армій, — передъ нами встанетъ страшное обнаженіе той ошибки, въ которую втолкнула Россію и Германію—Англія, а за ней и Франція. Станетъ также яснымъ и тотъ холодный эгоизмъ союзниковъ, который въ имя своихъ интересовъ готовъ былъ погубить все, что мѣшало осуществленію ихъ, то есть раздавить Россію и Германію. Это рѣшеніе тянется черезъ всю войну и русскую революцію красной нитью.

Когда на французскомъ фронтѣ германскія арміи производили сокрушительный нажимъ, линіи англо-французской обороны трещали — союзники требовали жертвъ отъ русскихъ армій и, даже если наступленіе было невозможно, въ имя союза требовали ихъ. Мы шли, спасали положеніе, возстанавливали равновѣсіе союзническихъ армій и доказывали многочисленными жертвами исполненіе взятыхъ на себя обязательствъ.

Совершенно обратная картина получалась, когда германскія арміи обрушивались на нашъ фронтъ. Какъ обращеніе въ тяжелыя минуты союзниковъ къ намъ было прямо — «наступайте!» такъ и наше ограничивалось тѣмъ же — «наступайте!»

Союзники отвѣчали скудной и жалкой сводкой: «Тамъ то мы продвинулись на два метра, тамъ то на семь.»

А кровь лилась, вѣра въ помощь союзниковъ искусственно подогрѣвалась въ военныхъ, политическихъ и общественныхъ русскихъ кругахъ, иначе и нельзя было.

Представлялось два рѣшенія — или кончить войну, т. е. порвать съ союзниками, или продолжать приносить безконечныя и безполезныя жертвы, въ угоду ихъ эгоистическимъ притязаніямъ и интересамъ, ослабляя свои внутреннія силы, ослабляя вообще свое государство.

Вѣдь еще до войны доклады военныхъ министровъ Государю показали — война съ Германіей не нужна намъ; она нужна Англіи и Франціи.

Окруженная со всѣхъ сторонъ Германія продолжала, однако, упорно отбиваться, а иногда и производить поражающіе выпады. Союзники поняли, что надломъ въ силахъ Германіи все же наступилъ и что теперь побѣда для нихъ при соотвѣтствующихъ усиліяхъ возможна и безъ Россіи. Они также поняли, что участіе въ побѣдѣ Россіи увеличитъ ея политическій, удѣльный вѣсъ и вотъ потому съ этого времени, совпавшаго съ выступленіемъ Америки, разсчитывая справиться съ Германіей самостоятельно, союзники избираютъ новую линію. Кому изъ русскаго общества не извѣстна эта линія? Я не вскрываю тайнъ и не выбираю изъ фактовъ того, что говоритъ въ пользу моихъ заключеній. Нѣтъ, я просто раскрываю недавнюю страницу нашихъ отношеній съ союзниками, ихъ дѣйствія и дипломатическіе пути, которые привели Россія къ кровавому ужасу и напоминаю объ этомъ соотечественникамъ.

Какова же эта линія? — Союзники рѣшаютъ найти пути къ усиленію своего вліянія на Россію. Опасность русскаго главенства въ политическихъ, военныхъ дѣлахъ задумано ликвидировать двумя путями: либо дипломатическимъ подчиненіемъ себѣ Россіи, либо ослабленіемъ существующаго государственнаго строя, если надо — черезъ переворотъ.

Въ январѣ 1917 г. въ Петербургъ прибываетъ союзная комиссія въ составѣ представителей Англін, Франціи и Италіи. Эта комиссія, посовѣщавшись съ англійскимъ посланникомъ Бьюкэненомъ, французскимъ — Палеологомъ и рядомъ русскихъ политическихъ и общественныхъ дѣятелей (А. Гучковымъ, М. Родзянко, Сазоновымъ, Милюковымъ, генераломъ Поливановымъ и др.) представляетъ Государю слѣдующія требованія:

1. Введеніе въ Штабъ Верховнаго Главнокомандующаго союзныхъ представителей съ правомъ рѣшающаго голоса.
2. Обновленіе командного состава всѣхъ армій по указаніямъ Державъ Согласія.
3. Введеніе конституціи съ отвѣтственнымъ министерствомъ.

Ознакомившись съ этими тремя наглыми пунктами, Государь Императоръ на каждый изъ нихъ поставилъ резолюціи:

1. «Излишне введеніе союзныхъ представителей, ибо своихъ представителей въ союзныя арміи, съ правомъ рѣшающаго голоса, вводить не предполагаю.»
2. «Тоже излишне. Мои арміи сражаются съ большимъ успѣхомъ, чѣмъ арміи моихъ союзниковъ.»
3. «Актъ внутренняго управленія подлежитъ усмотрѣнію Монарха и не требуетъ указаній союзниковъ.»

Получивъ такой поучительный отвѣтъ Государя, союзники рѣшили провести свой планъ вторымъ путемъ. Началась подготовка къ государственному перевороту. Изъ замкнутыхъ посольскихъ сферъ просачиваются въ средніе слои погубно активной русской интеллигенціи, подкрѣпленныя якобы авторитетными свидѣтельскими показаніями (ложными, конечно), разные компрометирующіе слухи о Царской Семьѣ, министрахъ и т. д. При чемъ все это подчеркивалось особенно тамъ, гдѣ вставали задачи взаимной тройственно-союзнической работы, при этомъ выражалось недовольство, что за спиной Государственной власти якобы стоятъ «темныя силы», которыя ведутъ Россію къ порчѣ добрыхъ отношеній съ союзниками.

Агитаціонныя дѣйствія союзниковъ были тонко продуманы, а главное подкрѣплены деньгами. Такъ шагъ за шагомъ двигалась Россія къ революціи. Конечно, нельзя приписать союзникамъ всего успѣха ея .Въ политическихъ и общественныхъ кругахъ столицы было не мало и своихъ общероссійскихъ смутьяновъ «не вѣдающихъ что творятъ», а также и вѣдующихъ. Всѣ они зажигали факелъ за факеломъ, приближая страну къ началу потрясающихъ событій......

Либеральствующая интеллигенція послѣднихъ десятилѣтій стала на путь внутренняго общественнаго разслабленія. Она всегда была въ оппозиціи къ правительственнымъ распоряженіямъ, въ какихъ бы видахъ они не проявлялись и все равно какихъ бы сторонъ государственной жизни они не касались.

Увлеченіе революціонными идеями, мечты о красной птицѣ 1905 г., не успѣвшей взлетѣть надъ Россіей, наконецъ обостренный уклонъ самыхъ идей въ сторону демократизма, все это вначалѣ войны заглохшее, къ концу ея снова выразилось вполнѣ опредѣленно въ нашей интеллигенціи. Къ этому же времени эмигрировавшіе за границу революціонеры крайнихъ теченій также стали группироваться, строить планы, расширять кругъ своей дѣятельности, перенося ее изъ-за границы въ центръ Россіи, гдѣ эта подпольная работа поддерживалась цѣлымъ рядомъ новыхъ поборниковъ революціи. И вотъ концы революціонеровъ сверху и революціонеровъ снизу невидимо встрѣчаются въ напряженной атмосферѣ затянувшейся войны. Но выступленіе революціонеровъ сверху было нерасчитаннымъ, безпрограммнымъ, главное безвольнымъ. Ни опыта за собой, ни учета силъ, ни твердыхъ мыслей, ни просто намѣченныхъ путей, по которымъ бы совершалось осуществленіе безъидейныхъ стремленій — тогда какъ снизу революціонеры, имѣя за собой опытъ 1905 г. и всю подпольную организацію, выступили плотной массой и несли опредѣленное знамя разрушенія и мстительныхъ плановъ, насилій и ломки всего, что не вмѣщалось въ ихъ соціалистическую узко-партійную программу.

Забушевала революція. Распаленный и бунтующій Петербургъ въ пламени пожаровъ скрылъ настоящихъ двигателей этой революціи. Появились многочисленныя демонстраціи, произносились привѣтственныя рѣчи — сначала по адресу «освобожденія народа отъ Царскаго ига», потомъ по адресу — «вѣрныхъ союзниковъ.»

Въ Петербургѣ на балконѣ англійскаго посольства передъ демонстрантами сталъ появляться Бьюкэненъ и тоже произносить торжественныя, поздравительныя рѣчи, какъ отъ своего правительства такъ и отъ себя лично.

Тѣ же демонстранты привѣтствовались и французскими представителями, радовавшимися русской революціи. Отъ союзныхъ правительствъ передавались подчеркнуто выразительныя поздравленія......

Страхъ за жизнь Государя Императора и Августѣйшей Семьи росъ не по днямъ, а по часамъ. Даже такіе пустоголовые дѣятели, какъ Керенскій были склонны къ принятію мѣръ, чтобы спасти Царскую Семью. Бьюкэненъ на просьбы заняться вопросомъ о вывозѣ Государя въ Англію позволилъ себѣ отвѣтить: «Есть ли когда думать объ этомъ?»......

Предательство Государя и Россіи союзниками началось. Союзники показали свое лицо — измѣнниковъ и какъ разъ въ то время когда Русскій Императоръ, оставаясь вѣрнымъ Своему слову, чтобы помочь имъ же, готовилъ армію къ новымъ рѣшительнымъ дѣйствіямъ. Пусть истинные патріоты — русскіе, разберутся въ этомъ, а также и въ другихъ фактахъ, приводимыхъ мною ниже и скажутъ, гдѣ я отступилъ отъ правды, отъ того, что пережито всѣми и что не требуетъ историческихъ справокъ: мы всѣ были свидѣтелями совершившагося.

Подобно Бьюкэнену, также характерно, на просьбу о выѣздѣ Государя и Семьи въ Англію, отвѣтилъ въ свое время обласканный при русскомъ дворѣ англійскій военный агентъ генералъ Ноксъ: «Англія — сказалъ генералъ, нисколько не заинтересована въ судьбѣ Русской Императорской Семьи.»

Если офиціальный представитель союзнаго государства отвѣчалъ такъ нагло, — дальше итти было некуда — Россію явно предавали.

Почувствовавъ себя теперь свободными, союзники обратили вниманіе на фронтъ, гдѣ еще стояла правда поколебленная, но все же многомилліонная русская армія. Естественно она удерживала противъ себя большое количество австро-германскихъ войскъ и послѣднія не могли быть брошены на западный фронтъ противъ англо-французской арміи. Союзникамъ, уже диктовавшимъ нашему командованію, требовалось — наступленіе нашихъ армій съ цѣлью еще большого отвлеченія германскихъ войскъ съ западнаго фронта, гдѣ союзники разсчитывали послѣднимъ ударомъ сломить сопротивленіе германцевъ. Частично революціонированная армія (это были послѣднія ея боевыя вспышки) въ іюлѣ 1917 г. двинулась и небезуспѣшно; такъ произошло потому, что сосредоточіе австро-германскихъ войскъ на западномъ фронтѣ было, въ связи съ началомъ русской революціи, усилено за счетъ ослабленія на нашемъ фронтѣ. Вскорѣ, однако, арміи наши отхлынули назадъ. Причинъ этому было много, среди нихъ двѣ главныхъ: революція, пошатнувшая устои арміи — дисциплину и внутреннюю организацію, а затѣмъ вмѣшательство союзныхъ миссій, вслѣпую

назначавшихъ сроки наступленій. Но эгоизмъ союзниковъ, губившій Россію, толкалъ ее дальше.

Колесо революціи (государственнаго развала) не могло не катиться по пути разрушенія, гибели арміи, наконецъ пожаровъ и человѣческихъ жертвъ.

Это называлось — углубленіе революціи, ея активное сопротивленіе «интригамъ темной реакціи», и т. д. то есть попросту — разумному началу организованности. Вѣдь самое углубленіе было движеніемъ въ хаосъ, въ неисчисляемыя преступленія......

Большевизмъ для союзниковъ былъ, конечно, непріятенъ лишь постольку, поскольку онъ разрушалъ ихъ планы: помощью нашихъ армій, удержать на восточномъ фронтѣ германскія арміи, до того времени, пока они сами на западномъ фронтѣ не произведутъ рѣшающихъ операцій.

Для того, чтобы выяснить дѣйствія по отношенію большевиковъ и союзниковъ и Германіи, я оставлюсь на этомъ періодѣ нѣсколько подробнѣе.

Вотъ что разсказываетъ про это германскій генералъ Гофманъ, бывшій начальникомъ штаба восточнаго германскаго фронта:

Прежде всего онъ подтверждаетъ, что «разложеніе, которое русская революція внесла въ войска, мы, конечно, старались посредствомъ пропаганды увеличить»......

Онъ также подтверждаетъ, что германское министерство иностранныхъ дѣлъ отправило черезъ Германію Ленина въ Петербургъ. Онъ пишетъ по этому поводу слѣдующее:

«Нѣкто, поддерживающій сношенія съ живущими въ Швейцаріи русскими изгнанниками, подалъ на родинѣ мысль, привлечь нѣкоторыхъ изъ нихъ къ работѣ, чтобы еще скорѣе развратить войска и отравить ихъ нравственно. Онъ обратился къ депутату Эрцбергеру, а послѣдній въ свою очередь въ германское министерство иностранныхъ дѣлъ. Такимъ образомъ дошли до извѣстной отправки Ленина черезъ Германію въ Петербургъ. Я не знаю, было ли германскому главному командованію извѣстно объ этой мѣрѣ, во всякомъ случаѣ главнокомандующій на востокѣ ничего объ этомъ не зналъ. Мы узнали объ этомъ лишь нѣсколько мѣсяцевъ, когда иностранныя газеты начали въ этомъ упрекать Германію и утверждать, что она является отцомъ русской революціи. Это утвержденіе вымышленно, какъ и многія другія и его нужно упорно оспаривать.»

Подтверждая эти факты, генералъ Гофманъ одновременно и защищаетъ своихъ соотечественниковъ говоря:

«Революцію въ Россіи, какъ я уже упомяналъ выше, произвела Англія; мы нѣмцы, находясь въ состояніи войны съ Россіей, имѣли безспорное право, послѣ того, какъ революція не привела, какъ это вначалѣ предполагали, къ миру, увеличить въ странѣ и въ войскахъ революціонные безпорядки.

Съ такимъ же правомъ, съ какимъ я стрѣляю гранатами по непріятельскимъ окопамъ и пускаю противъ нихъ ядовитые газы, я могу, какъ непріятель, примѣнить къ вражескимъ войскамъ и средство пропаганды. Въ Россіи кромѣ того появилось въ это время на ряду съ Ленинымъ большое количество большевиковъ, проживавшихъ раньше въ Англіи и Швеціи.»

Еще въ началѣ книги, въ главѣ о большевистской революціи, я высказалъ по поводу отправки германцами Ленина свое мнѣніе такими словами: «многіе русскіе обвиняютъ Германію въ насажденіи у насъ большевизма и считаютъ, что подобный поступокъ навсегда уничтожилъ возможность нашего сближенія. По моему,

это пристрастный и совершенно неправильный приговоръ. Почему мы должны больше сѣтовать на германцевъ, которые, будучи нашими врагами, использовали наше затруднительное внутренное положеніе и устроили большевистскую революцію, а не на нашихъ « союзниковъ», организовавшихъ меньшевистскую.»

И дальше тамъ же задаю вопросъ: «такъ кому же простительнѣе, врагамъ или друзьямъ?»

Конечно простительнѣе врагамъ..... Но зло остается зломъ и я, касаясь этого вопроса вообще, никогда не соглашусь, что насажденіе революціи, даже въ странѣ противника, является правильнымъ методомъ борьбы для культурнаго государства[1] и въ особенности государства монархическаго.

Это средство борьбы съ противникомъ для культурнаго государства, я считаю потому неправильнымъ, что вѣдь оно направляется противъ всего населенія вражеской страны, я же понимаю войну, какъ борьбу съ непріятельскими войсками, оставляя стариковъ, женщинъ и дѣтей въ сторонѣ. Гранату и насажденіе революціи сравнивать нельзя...... Я, какъ военный, беру гранату подъ свою защиту и прошу не обижать ее сравненіемъ.

Для государства же монархическаго это еще тѣмъ болѣе непростительно, что оно, поддерживая революцію во вражеской странѣ, поддерживаетъ ее и противъ себя самого. Надо не забывать — революціонеры въ большинствѣ случаевъ интернаціоналисты.

Генералъ Гофманъ теперь со мною соглашается и признаетъ вину Германіи и передъ Россіей и косвенно передъ самой собой такими словами:

«Какъ уже мною упомянуто, лично я ничего не зналъ объ отправкѣ Ленина. Но если бы меня объ этомъ спросили, то я врядъ-ли бы сталъ возражать, т. к. тогда никто не могъ предвидѣть, какія гибельныя послѣдствія для России и для всей Европы повлечетъ за собой выступленіе этихъ людей.»

Можно только пожалѣть, что германцы этого не предвидѣли, однако мнѣ было пріятно узнать, что вся эта война «насажденіемъ революціи» велась помимо военныхъ круговъ Германіи и идея ея принадлежитъ цѣликомъ германскому министерству иностранныхъ дѣлъ. Какъ я уже и раньше упоминалъ, я не поклонникъ этого учрежденія вообще, а германскаго въ особенности.

Въ заключеніе я не могу не похвастаться взглядами на этотъ способъ войны нашего министерства иностранныхъ дѣлъ. Я привожу ниже выдержку изъ записокъ Мориса Палеолога (Французскаго посла въ Россіи) «Императорская Россія въ эпоху Великой Войны».

Онъ описываетъ свою бесѣду съ нашимъ министромъ иностранныхъ дѣлъ Сазоновымъ, которую онъ имѣлъ съ нимъ 20 авг. 1914 г. слѣдующимъ образомъ:

«Затѣмъ мы приступили къ подсчету соотвѣтствующихъ силъ воюющихъ сторонъ, ихъ резервы, а также финансовые, земледѣльческіе и промышленные рессурсы, мы оцѣниваемъ также благопріятное положеніе, которое намъ даютъ внутреннія несогласія между Австріей и Венгріей.

[1] Къ такому же роду борьбы, недопустимому для культурнаго государства, я отношу и блокаду всей страны, какъ это было сдѣлано союзниками въ отношеніи Германіи, которая въ свою очередь вынуждена была отвѣтить «подводной войной».

(Палеологъ) «Мы имѣемъ передъ собой факторъ, которымъ не слѣдуетъ пренебрегать, а именно общественное мнѣніе германскаго населенія,» — сказалъ я. «Совершенно необходимо, чтобы мы были постоянно освѣдомлены о всемъ томъ, что тамъ происходитъ. Вамъ слѣдовало бы организовать освѣдомительные органы въ крупныхъ центрахъ соціалистическихъ теченій близъ Вашей территоріи, въ Берлинѣ, Дрезденѣ, Лейпцигѣ, Хемницѣ и Бреславлѣ.»

(Сазоновъ): «Это очень трудно организовать.»

(Палеологъ): «Да, но это необходимо. Не подлежитъ сомнѣнію, что, въ случаѣ большихъ военныхъ неудачъ, германскіе соціалисты заставятъ воинствующіе классы Германіи заключить миръ. Мы должны были бы содѣйствовать этому движенію.»

«Сазоновъ привскочилъ и короткимъ, сухимъ голосомъ мнѣ заявилъ: —

«О, нѣтъ, устройство революціи никогда не будетъ входитъ въ нашу политику.

(Палеологъ): «Будьте увѣрены, что Ваши враги используютъ это оружіе противъ Васъ. Германія не будетъ ожидать возможнаго разгрома Вашей арміи, она даже не ожидала войны для того, чтобы завязать сношенія съ Вашимъ рабочимъ классомъ. Вы не разувѣрите меня въ томъ, что забастовки, вспыхнувшія въ Петербургѣ во время визита президента (Пуанкарэ) не были вызваны германскими агентами.»

(Сазоновъ): «Я въ этомъ не сомнѣваюсь, но повторяю Вамъ, революція никогда не будетъ входить въ качествѣ оружія въ нашу политику, даже въ отношеніи Германіи.»

На этомъ нашъ разговоръ закончился. Сазоновъ былъ уже не въ настроеніи для откровенной бесѣды, разговоръ о революціи видимо его охладилъ.»

Нашъ бывшій министръ иностранныхъ дѣлъ Сазоновъ, занимавшій этотъ постъ въ періодъ начала войны и ея наибольшаго напряженія, хорошо извѣстенъ всѣмъ германскимъ кругамъ и большинство изъ нихъ считаютъ его злѣйшимъ врагомъ Германіи. И вотъ этотъ-то злѣйшій врагъ все-же высказался и въ самой категорической формѣ противъ метода борьбы «насажденіемъ революціи».

Насколько былъ правильнымъ взглядъ на это дѣло нашего Императорскаго Правительства ярко доказываютъ послѣдующія событія. Теперь, когда въ Европѣ съ легкостью повержены наиболѣе могущественные монархи міра и когда роль другихъ менѣе могущественныхъ сведена на жалкое существованіе «приживальщиковъ въ своей странѣ» (Король Англійскій, Итальянскій, Норвежскій и т. д.), убѣждать монархистовъ въ ошибкахъ ихъ прошлой политики, политики «насажденія революціи у враговъ и друзей» я думаю излишне и даже смѣшно[1] — ......

[1] Король англійскій принимаетъ представителей преступнаго большевистскаго правительства у себя во дворцѣ и жметъ руку убійцамъ своихъ ближайшихъ родственниковъ (Король Георгъ V приходится двоюроднымъ братомъ звѣрски убитому большевиками Русскому Императору Николаю Александровичу). Король Итальянскій, будучи также въ свойствѣ съ Вел. Княземъ Николай Николавичемъ и Вел. Княземъ Петромъ Николаевичемъ (Королева Итальянская Елена Николаевна приходится родной сестрой Великой Княгинѣ Анастасіи Николаевнѣ, супругѣ Великаго Князя Николая Николаевича и Милицѣ Николаевнѣ супругѣ Великаго Князя Петра Николаевича), принимаетъ Чичерина и первый изъ Королей пожимаетъ его кровавую руку. Король Норвежскій проводитъ интимные вечера съ любовницей матроса Дыбенко, г-жей Коллантай, «послицей» Совѣтской Республики при Королевствѣ Норвегіи. Коллантай извѣстна своей развратностью и извращенностью. Она до своего высокого назначенія на постъ послицы, развращала въ Россіи дѣвочекъ, ученицъ гимназій и институтовъ, читая имъ лекціи о «свободной любви». Эти лекціи пестрѣли колоритными примѣрами, взятыми, повидимому, лекторшей изъ обширнаго архива ея личныхъ переживаній на поприщѣ свободной любви или вѣрнѣе проституціи. Теперь она, съ благословенія «Короля» просвѣщаетъ и норвежскихъ дѣвушекъ.

Правильнымъ дѣйствiемъ для германскаго Императорскаго Правительства, въ то время, когда въ Россiи вспыхнула меньшевистская революцiя, зажженная союзниками, измѣнившими русскому Царю и Народу, было дѣйствiе обратное дѣйствiямъ «союзниковъ». За это говоритъ и логика. Вѣдь тогда это былъ моментъ перестройки политической, а вмѣстѣ съ ней и военной коньюнктуръ воюющихъ государствъ. «Союзники» предали Государя Императора и Русскiй Народъ, и тѣмъ самымъ перестали быть союзниками Россiи. И вотъ вниманiе Германiи должно было быть обращено въ сторону преданыхъ, покинутыхъ — Русскаго Государя и Русскаго Народа.

Императорская Германiя могла спасти себя отъ разгрома, если бы тогда поддержала Русскую Монархiю и добилась дружескаго соглашенiя съ ней. Для успѣха послѣдняго же необходимо было пойти навстрѣчу съ открытымъ сердцемъ и отказаться отъ всякихъ завоевательныхъ плановъ на востокѣ. Такимъ образомъ для Германiи было правильнымъ тогда слѣдующее рѣшенiе: поддержать Русскую Монархiю и заключить съ ней дружеское соглашенiе на условiяхъ «status quo ante bellum».

Германское министерство иностранныхъ дѣлъ этого не учло и его дѣятельность въ то время выразилась въ конкуренцiи съ «союзниками» въ дѣлѣ разрушенiя Россiи и ея подчиненiя своему влiянiю. На этой почвѣ между «союзниками» и Германiей началась борьба.

Германiя, пославъ въ Россiю своего ставленника Ленина одержала временную побѣду, но эта побѣда обошлась ей очень дорого, а главное — пришла слишкомъ поздно. Со дня революцiи, т. е. съ 26-го февраля 1917 г. до большевистскаго переворота 25-го октября прошло 8 мѣсяцевъ.

Однако и сама побѣда германцевъ была еще весьма сомнительной и каждый день могъ принести неожиданные сюрпризы.

Въ настоящее время передо мной лежитъ отчетъ о судебномъ процессѣ въ городѣ Орлеанѣ надъ французскимъ капитаномъ Садулемъ, секретаремъ III Интернацiонала. Садуль — офицiальный членъ коммунистической партiи; произнося защитительную рѣчь на судѣ, онъ представилъ въ совершенно новомъ свѣтѣ военную политику большевиковъ. Вотъ его заявленiе:

> «Совершенно непонятно, что во Францiи до сихъ поръ еще не знаютъ о непрерывныхъ обращенiяхъ Ленина и Троцкаго къ Францiи съ просьбой о военной поддержкѣ противъ нѣмцевъ. Вѣдь то, что русскiе генералы, участвовавшiе въ Брестъ-Литовскихъ переговорахъ, были намѣчены генераломъ, руководившимъ французской военной миссiей, — историческiй фактъ. Ленинъ считался съ возможностью разрыва переговоровъ и полагалъ, что ему придется возобновить войну съ Германiей. Черезъ меня онъ запросилъ французскую военную миссiю, готова ли она взять на себя руководство красной армiей. Нулансъ отклонилъ это предложенiе, и въ результатѣ былъ подписанъ Брестъ-Литовскiй договоръ. Главный виновникъ этого договора и послѣдовавшей, въ результатѣ его, смерти сотенъ тысячъ нашихъ солдатъ — Клемансо. Во Францiи не знаютъ также, что, когда послѣ подписанiя Брестъ-Литовскаго мира, Нулансъ бѣжалъ, наша военная миссiя работала совмѣстно съ высшимъ коммандымъ составомъ красной армiи.»

Изъ этого отчета видно, что большевики вели двойную игру и преданность ихъ Германiи была весьма относительной. Послѣдняя для большевиковъ была лишь средствомъ для осуществленiя ихъ цѣлей.

Генералъ Гофманъ, описывая этотъ періодъ въ той же книгѣ разсказываетъ:

«Одной изъ первыхъ мѣръ, принятыхъ новымъ правительствомъ, былъ запросъ по безпроволочному телеграфу народнаго комиссара Крыленко, произведеннаго изъ унтеръ-офицеровъ въ главнокомандующіе, согласно ли германское главнокомандованіе заключить перемиріе.

Генералъ Людендорфъ вызвалъ меня къ телефону и спросилъ: «Можно ли вообще съ этими людьми вести переговоры?» Я возразилъ «Да, можно. Ваше Превосходительство нуждается въ войскахъ, а это первыя, которыя являются.»

Генералъ Гофманъ отвѣтивъ, что предложеніемъ большевиковъ можно воспользоваться, сейчасъ-же самъ высказываетъ сомнѣніе въ правильности такого рѣшенія. Онъ пишетъ:

«Я часто думалъ о томъ, не было бы лучше, если бы германское правительство и командованіе отвергнули всѣ переговоры съ большевистскими правителями. Мы дали имъ возможность заключить миръ и такимъ образомъ исполнить желаніе народныхъ массъ и поэтому они могли захватить власть въ свои руки и укрѣпить ее за собой. Если бы Германія отвергла переговоры съ большевиками, и потребовала бы отъ Россіи, чтобы она выставила представителемъ отъ русскаго народа такое бы правительство, которое было бы избрано народомъ путемъ свободнаго голосованія, то большевики не смогли бы удержаться у власти.»

Мнѣніе генерала Гофмана совершенно правильное — Германіи надо было отвергнутъ предложеніе большевиковъ, но отвергая начать прямо переговоры съ русскими монархистами. Германія могла выбирать тогда только между старой монархіей и большевиками, такъ какъ никакого новаго правительства путемъ свободнаго голосованія въ Россіи въ то время создать было нельзя. Она выбрала большевиковъ и генералъ Гофманъ спѣшитъ оправдать это рѣшеніе германскихъ политиковъ слѣдующими словами:

«Тѣмъ не менѣе я полагаю, что ни одинъ разумный человѣкъ не можетъ насъ упрекнуть въ томъ, что мы приняли предложеніе Крыленко о перемиріи.»

Въ данномъ случаѣ я охотно зачисляю себя въ ряды неразумныхъ людей и высказываюсь противъ этого рѣшенія, которое погубило и Россію и Германію. Особенно ярко выступаетъ эта ошибка, когда читаемъ отрывки изъ книги генерала Гофмана, въ которыхъ онъ описываетъ моментъ самаго заключенія «Брестъ-Литовскаго мира».

«Русская делегація состояла изъ впослѣдствіи намъ, къ сожалѣнію, слишкомъ хорошо извѣстнаго Іоффе, Каменева (зятя Троцкаго), г-жи Быценко, которая стяжала себѣ уже славу убійствомъ министра, одного унтеръ-офицера, одного матроса, одного рабочаго и одного крестьянина. Это были члены делегаціи, имѣющіе право голоса.

При делегаціи состояло нѣсколько офицеровъ главнаго Штаба и адмиралъ Альтфатеръ. Они не имѣли права голоса, а служили лишь экспертами. Секретаремъ делегаціи былъ Караханъ......Такъ какъ делегація обѣдала въ собраніи вмѣстѣ съ нами, то мы имѣли возможность нѣсколько ближе познакомиться съ ея отдѣльными членами. При распредѣленіи мѣстъ я, конечно, предоставилъ членамъ делегаціи, имѣющимъ право голоса, лучшія мѣста чѣмъ экспертамъ, такимъ образомъ рабочій, матросъ и унтеръ-офицеръ сидѣли на верхнемъ концѣ стола, а адмиралъ и офицеры на нижнемъ. Я никогда не забуду перваго обѣда съ русскими. Я сидѣлъ между Іоффе и Сокольниковымъ, теперешнимъ министромъ финансовъ. Противъ меня сидѣлъ рабочій, которому многія принадлежности столоваго прибора причиняли немало затрудненій. Онъ пробовалъ то одну, то другую принадлежность надъ самыми разнообразными предметами и только вилкой онъ пользовался исключительно

для того, чтобы ковырять у себя въ зубахъ. Наискосокъ противъ меня сидѣлъ князь Гогенлоэ, рядомъ съ нимъ съ одной стороны сидѣла г-жа Быценко, а съ другой стороны помѣстился крестьянинъ — настоящій русскій типъ съ длинными сѣдыми кудрями и огромной, похожей на дикій лѣсъ бородой. Онъ вызвалъ одинъ разъ улыбку прислуживающаго денщика, когда ему предложили выбрать красное или бѣлое вино и онъ предварительно освѣдомился, которое изъ нихъ крѣпче, такъ какъ онъ желалъ бы получить болѣе крѣпкое......»

Болѣе нагляднаго примѣра несоотвѣтствія договаривающихся сторонъ трудно себѣ представить; съ одной — крайніе революціонеры, евреи-интернаціоналисты съ преступнымъ прошлымъ вмѣстѣ съ якобы представителями одураченнаго русскаго народа, съ другой — блестящіе дипломаты, генералы, офицеры генеральнаго штаба и даже князь Гогенлоэ. Картина трагикомическая, обидная для монархиста и русскаго и германскаго, но во всякомъ случаѣ поучительная.

Генералъ Гофманъ, какъ чуткій и наблюдательный человѣкъ не могъ не замѣтить этого парадокса и онъ выражаетъ сомнѣнія въ цѣлесообразности того, что происходитъ вокругъ. Онъ пишетъ:

«Въ продолженіи этихъ разговоровъ я началъ сомнѣваться въ правильности принятаго рѣшенія, вести переговоры съ большевиками. Они обѣщали своему народу миръ и блаженство. Если бы имъ теперь удалось добиться перваго, то ихъ положеніе должно было бы у народныхъ массъ, которыя уже въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ жаждали мира, значительно упрочиться. Дальнѣйшія сомнѣнія возникли у меня при моихъ разговорахъ съ офицерами и въ особенности съ адмираломъ Альтфатеромъ. Я много говорилъ съ нимъ о прекрасномъ Императорскомъ русскомъ войскѣ и о томъ, какъ это случилось, что революція его такъ быстро разрушила. Альтфатеръ мнѣ отвѣтилъ:

«Вліяніе большевистской пропаганды на массы огромно. Я Вамъ уже неоднократно разсказывалъ, что при защитѣ мною Эзеля, войска буквально разстаяли у меня въ рукахъ. Тоже самое произошло и во всѣхъ арміяхъ и я Вамъ предсказываю, что съ Вашей арміей случится тоже самое.»

Я разсмѣялся тогда несчастному адмиралу — его впослѣдствіи убили — прямо въ лицо...»

Генералъ Гофманъ на предостереженіе русскаго адмирала разсмѣялся, также смѣялись и не вѣрили въ возможность революціи въ Германіи, даже наканунѣ ея, всѣ тѣ германцы, которымъ и я и многіе другіе русскіе въ бесѣдѣ указывали на грядущую опасность.

Перебирая эти событія недавняго прошлаго невольно задаешь себѣ вопросъ — почему Германія пошла на эти бутафорскіе и унизительные переговоры съ большевиками и въ той же книгѣ генерала Гофмана на это дается исчерпывающій отвѣтъ.

...«Іоффе былъ пораженъ какъ громомъ. Послѣ завтрака Іоффе, Каменевъ и Покровскій съ одной стороны, государственный секретарь графъ Чернинъ и я съ другой стороны, приступили къ продолжительному совѣщанію, въ которомъ русскіе откровенно высказали свои разочарованія и возмущенія. Покровскій заявилъ со слезами ярости на глазахъ, что нельзя говорить о мирѣ безъ аннексій, если у русскаго Государства будетъ отнято около 18 губерній. Подъ конецъ засѣданія русскіе грозили отъѣздомъ и прекращеніемъ переговоровъ...»

Оказывается германскіе дипломаты расчитывали заключить миръ, отнявъ отъ русскаго Государства 18 губерній. Конечно старая русская монархическая власть никогда не согласилась бы на эти условія, отъ которыхъ и большевики, правда по другимъ соображеніямъ, пришли въ ужасъ.

Германцы всетаки настояли на своемъ и миръ былъ подписанъ.

Однако желаемаго, ощутительнаго результата онъ имъ не принесъ и они не только были лишены возможности воспользоваться его выгодами, но напротивъ дальнѣйшія событія вскорѣ заставили ихъ раскаиваться въ совершенномъ.

Послѣ заключенія большевиками мира, союзническія миссіи, потерявъ надежду съ помощью большевистскаго оружія удержать восточный германскій фронтъ, рѣшили покинуть Россію и черезъ Вологду выѣхали въ Архангельскъ и Сибирь. Къ этому времени въ Сибири сосредотачивались чехо-словацкіе батальоны.

Еще до начала революціи изъ плѣнныхъ чехо-словаковъ постепенно создавались батальоны — нѣсколько глубже прифронтовой полосы Юго-западной Россіи; они располагались главнымъ образомъ по имѣніямъ, которыя лежали вдоль желѣзнодорожныхъ линій. Такіе же батальоны формировались и вдоль сибирской магистрали. Сведенные въ одну боевую группу, они могли изъ себя представить нѣкоторую ударную силу.

Естественно, что среди деморализованныхъ, разрозненныхъ массъ, въ которыя обратилось русское войско, среди вообще развала и преступнаго революціоннаго безпорядка, маленькія, организованныя единицы могли привлечь вниманіе тѣхъ, кто искалъ такихъ камней среди общаго разрушительнаго теченія.

Наибольшее сосредоточіе чехо-словацкихъ батальоновъ было на Волгѣ. Образовавшаяся къ тому времени тамъ Народная Армія, руководимая соціалъ-революціонерами, соединилась съ этими чешскими формированіями и создала вмѣстѣ съ ними внушительный фронтъ противъ красной арміи.

Весной 1918 года эти соединенныя добровольческія войска имѣли большой успѣхъ и заняли города Самару, Сызрань, Симбирскъ и Казань.

Туда, разочаровавшись въ большевикахъ, вскорѣ явилась союзная миссія, и взяла эти формированіи подъ свое высокое покровительство. Это не было помощью начинаніямъ добровольческихъ организацій, возникавшихъ уже въ разныхъ концахъ Россіи — нѣтъ; союзниками руководила все та же задача: имѣть фронтъ на востокѣ противъ Германіи, хотя бы и на гребнѣ Уральскаго хребта, прикрытаго Волгой. Союзники меньше всего думали о самой Россіи, запылавшей уже тогда пожарами.

На западѣ же на линіи германскаго и англо-французскаго фронта къ этому времени создается такое положеніе.

Къ началу марта германскимъ командованіемъ закончена переброска туда всѣхъ боеспособныхъ частей съ восточнаго фронта. Противъ русскихъ, несмотря на подписаніе Брестъ-Литовскаго мира, германцами выставлены рѣдкія цѣпи, такъ какъ перестрѣлка еще происходила по всей старой линіи позицій. Такимъ образомъ впервые за всю войну германцы имѣли на западномъ фронтѣ количественный перевѣсъ надъ союзниками. Генералу Людендорфу предстояло рѣшить: использовать ли это преимущество передъ противникомъ или нѣтъ? Опытъ показалъ, что всѣ большія наступленія производимыя Антантой съ громадными затратами людей и матеріала къ рѣшительному концу не приводили. Значитъ что-же?

Генералъ Гофманъ въ своей книгѣ подробно останавливается на этомъ вопросѣ. Онъ пишетъ:

«...Имѣя за спиною мирно настроенную Россію, откуда изморенныя голодомъ срединныя государства могли бы получать продовольствіе и сырье, можно было бы предположить слѣдующее рѣшеніе вопроса: не предпринимать наступленія на западѣ, а выжидать наступленіе Антанты. Но дѣло въ томъ, что эти предварительныя условія не существовали. Извѣстія, получаемыя изъ Россіи были съ каждымъ днемъ все неутѣшительнѣе: всякаго рода звѣрства, убійство многихъ тысячъ людей имущаго и образованнаго класса, разбой и воровство, неразбериха, которая не позволяла и думать о возможности завести правильныя торговыя сношенія. Если бы все же желали пойти по указнному пути, т. е. вести выжидательную политику на западѣ, при снабженіи срединныхъ государствъ продовольствіемъ съ востока, то необходимо было бы создать на востокѣ такую обстановку, которая позволила бы выполнить эти предварительныя условія. Къ главнокомандующему на восточномъ фронтѣ ежедневно поступали мольбы о помощи отъ всѣхъ круговъ русскаго населенія. Посланныя нами въ Россію делегаціи въ большинствѣ случаевъ заявляли въ своихъ докладахъ о невозможности съ нашей стороны оставаться равнодушными зрителями при неистовствахъ большевиковъ. Несмотря на это нужно согласиться съ тѣмъ, что рѣшеніе отказаться отъ уже заключеннагс мира, чтобы опять съ оружіемъ въ рукахъ идти противъ Россіи, было бы для насъ очень тяжело. Я открыто сознаюсь, что и я въ первое время не могъ освоиться съ этимъ рѣшеніемъ. Тяжесть русскаго колосса давила Германію въ политическомъ отношеніи слишкомъ сильно въ продолженіи свыше 100 лѣтъ, чтобы не дать мѣста чувству облегченія, когда русское государство революціей и хозяйничаніемъ большевиковъ было разрушено на долгіе годы впередъ. Но чѣмъ больше я слышалъ о свирѣпствованіи большевиковъ, тѣмъ болѣе я измѣнялъ свой взглядъ. По моему мнѣнію нельзя было порядочному человѣку стоять ничего не предпринимая и смотрѣть какъ убиваютъ цѣлый народъ. Поэтому я завязалъ сношенія съ различными представителями стараго русскаго правительства. Къ тому же надо добавить, что на востокѣ миръ, въ буквальномъ смыслѣ этого слова, еще не наступилъ; мы стояли противъ большевистскихъ бандъ хотя и въ рѣдкихъ, но все же непрерывныхъ цѣпяхъ, перестрѣлки происходили почти ежедневно, мы не могли составить себѣ опредѣленнаго мнѣнія о томъ, что происходило въ дѣйствительной Россіи, мы были совершенно неосвѣдомлены о цѣляхъ чехо-словацкихъ легіоновъ. О ихъ силѣ и намѣреніяхъ ходили, какъ почти всегда на войнѣ, самые преувеличенные слухи; разсказывали, что Англія снабжаетъ ихъ деньгами и что они хотятъ, поддерживаемые въ томъ Англіей, завладѣть съ востока Москвой и государственной властью. Тогда кольцо вокругъ Германіи было бы снова замкнуто. Поэтому я съ весны 1918 г. защищалъ ту точку зрѣнія, чтобы саздать на востокѣ вполнѣ ясное положеніе т. е. отказаться отъ мира, идти на Москву, установить новое русское правительство, предложить ему болѣе выгодныя условія чѣмъ тѣ, на которыхъ былъ заключенъ Брестъ-Литовскій миръ — можно было бы возвратить ему въ первую очередь напримѣръ Польшу — и заключить съ этимъ новымъ русскимъ правительствомъ союзъ.»

Въ этихъ строкахъ генерала Гофмана ясно звучитъ сознаніе ошибки, которая была сдѣлана германскими дипломатами въ отношеніи Россіи. Онъ уже совершенно опредѣленно высказываетъ разочарованіе въ большевикахъ, соглашается съ тѣмъ, что веденіе войны путемъ «насажденія революціи» противорѣчитъ морали культурнаго человѣка, считаетъ необходимымъ завязать сношенія съ русскими представителями стараго правительства, создать при ихъ содѣйствіи новое правительство и, частично отказавшись отъ завоевательныхъ плановъ, заключить съ этимъ правительствомъ прочный миръ.

Онъ подтверждаетъ также, что на востокѣ мира въ буквальномъ смыслѣ этого слова не было и потому тамъ перейти къ новымъ боевымъ дѣйствіямъ было легко.

Успѣхъ такого наступленія былъ безусловно обезпеченъ — въ этомъ не сомнѣвался и самъ Гофманъ и многіе германскіе представители, бывшіе въ то время и въ Петербургѣ и въ Москвѣ. Генералъ Гофманъ говоритъ по этому поводу:

«Востокъ не нуждался для этого въ какихъ-либо подкрѣпленіяхъ войсками. Маіоръ Шубертъ нашъ новый военный агентъ въ Москвѣ, который первый настаивалъ на нашемъ рѣшительномъ выступленіи противъ большевиковъ, считалъ, что двухъ батальоновъ было бы тогда вполнѣ достаточно, чтобы возстановить въ Москвѣ порядокъ и учредить новое правительство. Хотя я и предполагаю, что этотъ его взглядъ слишкомъ оптимистиченъ, то все же тѣхъ немногихъ дивизій, которыя оставались въ нашемъ распоряженіи было бы для осуществленія этого намѣренія, по всей вѣроятности, вполнѣ достаточно. Ленинъ и Троцкій тогда еще не располагали красной арміей. Имъ было не до того, они были слишкомъ заняты тѣмъ, чтобы возможно скорѣе обезоружить остатки старой арміи и отправить ихъ по домамъ .Ихъ власть опиралась на нѣсколько латышскихъ батальоновъ и нѣсколько шаекъ китайскихъ кули, которыхъ вооружили и которые главнымъ образомъ исполняли, да вѣроятно еще и до сихъ поръ продолжаютъ исполнять роль палачей.»

Генералъ Гофманъ былъ на вѣрномъ пути и его планъ наступленія противъ большевиковъ и ихъ сверженія вполнѣ соотвѣтствовалъ плану русскихъ монархистовъ, работавшихъ въ то время въ Петербургѣ и возлагавшихъ свои надежды на помощь германцевъ.

Они, какъ мною было указано выше, приступили тогда съ благословенія и согласія Великаго Князя Павла Александровича къ формированію изъ гвардейскихъ кадровъ русскаго корпуса, который, формируясь съ разрѣшенія большевиковъ, въ случаѣ наступленія германцевъ долженъ былъ перейти на ихъ сторону и совмѣстно съ ними занять обѣ столицы.

Тоже самое предполагалъ сдѣлать и генералъ Гофманъ, что онъ свидѣтельствуетъ слѣдующими словами въ своей книгѣ:

«... Если бы мы напримѣръ продвинулись на линію Смоленскъ—Петербургъ и достигнувъ ея образовали русское правительство, которое бы фиктивно объявило, что Царевичъ еще живъ и провозгласило бы за Царевича какого-нибудь регента, я имѣлъ при этомъ въ виду Великаго Князя Павла, съ которымъ главнокомандующій на восточномъ фронтѣ вступилъ въ связь черезъ посредство полковника Дурново, зятя Великаго Князя, — перевели бы затѣмъ это временное правительство въ Москву, то полагаю было бы очень легко смести большевистское правительство.»

Все это генералъ Гофманъ полагалъ необходимымъ сдѣлать до начала наступленія на западѣ или, вѣрнѣе, совсѣмъ не предпринимая этого наступленія. Если бы его предложеніе въ то время было бы признано за правильное, то всѣ дальнѣйшія событія приняли бы иной оборотъ и, конечно, болѣе благопріятный и для Россіи и для Германіи. Генералъ Гофманъ такъ формулируетъ это:

«По меньшей мѣрѣ можно было бы предотвратить Россію отъ невыразимаго бѣдствія и горя и спасти жизнь милліонамъ людей. Какимъ образомъ эти событія отразились бы на Германіи и вообще на западѣ — должно быть предоставлено фантазіи каждаго человѣка въ отдѣльности. Во всякомъ случаѣ вліяніе этихъ событій было бы огромно, если бы германская политика и германское главнокомандованіе рѣшились бы на этотъ планъ до начала перваго наступленія Людендорфа въ мартѣ 1918 г.»

Къ сожалѣнію, какъ пишетъ онъ дальше:

«Генералъ Людендорфъ безъ смонѣнія не принялъ при своихъ планахъ въ расчетъ воз-

можности созданія на востокѣ порядка, заключенія союза съ новымъ русскимъ правительствомъ и выжидательной политики на западѣ. Онъ рѣшилъ добиться окончательнаго результата путемъ наступленія на западѣ и былъ убѣжденъ, что наступленіе удастся и германскія войска могутъ побѣдить.»

Однако разсчеты генерала Людендорфъ не оправдались. Германскія войска выказали много геройства въ этомъ рѣшительномъ наступленіи, они беззавѣтно шли на вѣрную смерть, но всѣ ихъ усилія были тщетными — непріятельскій фронтъ выгнулся, но прорвать его имъ не удалось.

Мнѣніе нѣкоторыхъ другихъ германскихъ высшихъ начальниковъ, считавшихъ, что наступленіе не дастъ рѣшающихъ результатовъ, оказалось справедливымъ.

Мнѣ кажется, что въ этотъ моментъ германскимъ дипломатамъ пора было встать на правильный путь и обратить свой взоръ на востокъ.

Такое же мнѣніе высказываетъ и генералъ Гофманъ слѣдующими словами:

«... Еще и теперь было бы не поздно привести въ исполненіе планы главнокомандующаго на восточномъ фронтѣ по отношенію Россіи. Я, по крайней мѣрѣ, сильно сомѣваюсь въ томъ, что народы Согласія имѣли бы достаточно энергіи, чтобы настоять на продолженіе войны, если бы мы въ маѣ или іюнѣ, создавъ въ Россіи новое правительство и заключивъ съ нимъ союзъ, повели бы оборонительную политику на западѣ и наше правительство предложило бы миръ, который обезпечилъ бы возстановленіе Бельгіи и принесъ бы въ жертву, можетъ быть, нѣкоторыя области Лотарингіи...»

Въ отношеніи Россіи генералъ Гофманъ еще раньше весьма значительно замѣчаетъ:

«... Я хотѣлъ бы указать лишь на то, что лично я считалъ намѣреніе отнять у Россіи весь Прибалтійскій край неудачной идеей. Великое государство Россія, а такимъ оно всегда было и опять будетъ, никогда не допуститъ, чтобы у него отняли бы навсегда Ригу и Ревель, которые можно разсматривать какъ ключи къ его столицѣ Петербургу. Населеніе германскаго происхожденія въ Лифляндіи и Эстляндіи, въ процентномъ отношеніи не настолько велико, чтобы можно было на этомъ основаніи присоединить эти губерніи къ Германіи.»

Однако генералъ Людендорфъ, руководимый дипломатическими кругами Германіи, упорно продолжаетъ вести ту же линію своей тактики и сосредотачиваетъ все свое вниманіе на западномъ фронтѣ.

Вслѣдъ за первымъ наступленіемъ, онъ, несмотря на тяжелыя потери, предпринимаетъ еще цѣлый рядъ атакъ, для которыхъ безпрестанно требуетъ все новыхъ и новыхъ подкрѣпленій съ восточнаго фронта. Объ этомъ періодѣ генералъ Гофманъ пишетъ:

«... Такимъ образомъ изъ дивизій восточнаго фронта были выбраны и отправлены на западъ всѣ нижніе чины болѣе молодыхъ сроковъ службы. Особенно большой недостатокъ чувствовался въ обученныхъ артиллеристахъ, а потому изъ батарей, находящихся на востокѣ, были отобраны всѣ, хотя сколько нибудь годные для службы на фронтѣ. Я убѣжденъ, что какъ разъ отправка на западъ отдѣльныхъ людей изъ находящихся на востокѣ войскъ, имѣла самыя роковыя послѣдствія. Большевистская пропаганда производила безъ сомнѣнія свое дѣйствіе. Хотя старая дисциплина и спаивала еще отдѣльныя войсковыя части и можно было еще положиться на цѣльныя части, но все таки къ сожалѣнію нельзя было избѣжать того, чтобы отдѣльныя люди, недовольные тѣмъ, что ихъ вырвали изъ ихъ частей и отправили со спокойнаго фронта опять къ мѣсту новыхъ боевъ, не распространяли бы заразительный ядъ большевистскихъ теорій, съ которыми они познакомились на

востокѣ. Этимъ былъ внесенъ въ боевыя части на западѣ элементъ разложенія, который нашелъ хорошую почву въ людяхъ, переутомленныхъ постоянными тяжелыми боями»...

Одновременно съ этой ошибкою Главнаго Германскаго Командованія, Германское Министерство Иностраныхъ Дѣлъ совершаетъ также роковой шагъ. Оно разрѣшаетъ совѣтскому послу, еврею Іоффе, пріѣхать въ Берлинъ и, обосновавшись тамъ, открыть свою преступную дѣятельность и въ отношеніи германскаго народа.

Объ этомъ я уже писалъ въ предыдущихъ главахъ, а потому здѣсь ограничусь только приведеніемъ отрывка изъ книги того же генерала Гофмана, который и въ этомъ случаѣ, какъ человѣкъ наиболѣе близко стоявшій къ событіямъ въ Россіи, высказываетъ вполнѣ правильный и обоснованный взглядъ. Онъ говоритъ:

«... Одно изъ мирныхъ условій съ совѣтской Россіей касалось, естественно, возобновленія дипломатическихъ отношеній. Однако я уже достаточно познакомился съ большевиками, чтобы пренебрегать опасностью, которую представляло бы обоснованіе въ Берлинѣ большевистскаго посольства или консульства. Безусловно эти учрежденія служили бы большевикамъ центрами для ихъ агитаціи въ Германіи. Большевики сами ни одной минуты не скрывали, что ихъ цѣль — всемірная революція — и что ихъ первый шагъ въ этомъ направленіи будетъ сдѣланъ къ тому, чтобы произвести революцію въ Германіи. Они пользовались для пропаганды каждымъ представляющимся имъ случаемъ: такъ напримѣръ, извѣстный Радекъ, будучи членомъ мирной делегаціи, пробовалъ раздавать нашимъ солдатамъ пропагандные листки изъ окна желѣзнодорожнаго поѣзда. Въ виду всего этого я убѣдительно совѣтовалъ не допускать большевистскаго посланника въ Берлинъ. Я доложилъ мой взглядъ главнокомандованію и предложилъ, чтобы обоимъ посольствамъ, какъ русскому, такъ и германскому, на время нахожденія еще въ состояніи войны, было бы предоставлено мѣсто при главной квартирѣ главнокомандующаго на восточномъ фронтѣ. Здѣсь я былъ бы въ состояніи ограничить слишкомъ широкую дѣятельность г-на Іоффе. Главнымъ образомъ можно было бы препятствовать его интимной связи съ германскими коммунистами. Насколько мнѣ извѣстно главнокомандованіе поддерживало мое предложеніе, но оно все таки было отклонено вслѣдствіе несогласія съ нимъ нашего иностраннаго отдѣла. Его превосходительство г. Криге, предсѣдатель юридическаго отдѣленія иностраннаго отдѣла былъ глубоко убѣжденъ въ чистотѣ замысловъ Іоффе и съ нетерпѣніемъ ожидалъ продолженія въ Берлинѣ начатыхъ съ нимъ въ Брестъ-Литовскѣ переговоровъ. Къ сожалѣнію событія подтвердили, что мои опасенія были основательны. Государственный секретарь Зольфъ велѣлъ вскрыть ящикъ съ пропагандой, но слишкомъ поздно и заперъ такимъ образомъ сарай, лишь послѣ того, когда корова изъ него была украдена...»

Здѣсь я хочу задать рядъ вопросовъ, Можно ли было при такомъ положеніи дѣлъ ожидать революцію въ Германіи? Не была ли она слѣдствіемъ этихъ ошибокъ? Не слѣдуетъ ли удивляться стойкости германскаго народа, который выдержалъ это испытаніе съ марта по октябрь, т. е. въ теченіе семи мѣсяцевъ?

Я думаю, что двухъ мнѣній въ данномъ случаѣ не можетъ быть.

Если васъ ставятъ въ невыносимо тяжелыя условія боевой обстановки и при томъ на безнадежно долгое время; если васъ къ тому же кормятъ по карточной системѣ, достаточной лишь для того, чтобы не умереть съ голода; если одновременно съ этимъ васъ подвергаютъ еще искусу злостной пропаганды, подобной нашептыванію дьявола, то не мудренно, что вы въ концѣ концовъ теряете возможность сопротивляться и поддаетесь искушенію даже помимо своей воли и указаній разума.

Повторяю, я удивляюсь германскому народу и лучшимъ его представителямъ офицерамъ и солдатамъ. Я отдаю должное ихъ геройству, стойкости, выносливости и патріотизму. Они сдѣлали больше, чѣмъ могли.

Продолжая настойчивыя атаки на западномъ фронтѣ, главное германское военное командованіе, выполняя программу своихъ дипломатовъ, ограничивается на востокѣ оккупаціей Финляндіи, Прибалтійскаго края, Бѣлоруссіи, Привисленскаго края, Малороссіи, Крыма и Кавказа. Создавъ тамъ рядъ новыхъ государствъ: Финляндію, Эстонію, Латвію Литву, Польшу, Украину, Крымъ, Грузію, Арменію и Азербейджанъ, германцы тѣмъ самымъ, закладываютъ прочный фундаментъ для грядущей политики «союзниковъ» — политики расчлененія русской территоріи и созданія буфферныхъ республикъ между Россіей и Германіей. Эти завоевательные планы германской дипломатіи впослѣдствіи дорого стоили ей. Они, получивъ въ лицѣ «союзниковъ» ярыхъ послѣдователей, распространились и въ обратную сторону, въ сторону территоріи Германіи и такимъ образомъ Литва получила Мемельскую область, Польша — коридоръ, Познаь и Силезію.

Кромѣ того какъ результатъ всего этого было то, что, что между Россіей и Германіей выросла широкая стѣна этихъ государствъ, колонизованныхъ Антантой и являющихся, вслѣдствіе ихъ понятной враждебности, серьезной преградой для будущихъ дружественныхъ отношеній между русскимъ и германскимъ народами.

Разсчеты германцевъ на полученіе изъ занятыхъ русскихъ областей большого количества продовольствія также не оправдались. Произошло это потому, что что имъ сперва приходилось налаживать порядокъ въ занимаемой области, а это по различнымъ причинамъ не всегда и не вездѣ можно было сдѣлать и быстро и основательно. Разнообразіе мѣстныхъ условій создавало необходимость и разнообразія въ конструкціи мѣстныхъ властей и германцы въ такихъ случаяхъ не всегда сразу нападали на правильную форму государственнаго устройства для данной области, какъ напримѣръ это было въ Малороссіи съ Украинской Центральной Радой Петлюры, а иногда въ этомъ направленіи они навсегда оставались на ложномъ пути, какъ напримѣръ это было въ Прибалтійскомъ краѣ съ Эстоніей и Латвіей.

Эти уроки на западѣ и на востокѣ заставили германцевъ лѣтомъ 1918 года пересмотрѣть ихъ политическую программу и внести въ нее существенныя поправки.

Въ іюлѣ того же года въ городѣ Кіевѣ начала свое формированіе «Южная Армія». Это были первыя русскія добровольческія части, которыя создавались при помощи германцевъ. Онѣ явились результатомъ частичной побѣды мнѣнія военнаго командованія на востокѣ. Это были первыя слабыя попытки использовать упущенныя возможности[1].

Въ это самое время «союзники» бросили Россію на произволъ судьбы и предоставили ее всецѣло ужасу большевистскаго властвованія. Покровительство, которое, какъ я упоминалъ выше, они оказывали чехо-словацкимъ

[1] Книга генерала Гофмана, выдержками изъ которой я все время пользовался справедливо названа имъ: «Война упущенныхъ возможностей.»

батальонамъ, конечно, не могло считаться за помощь, — это было лишь противодѣйствіе германской оккупаціи юга Россіи. Эта оккупація распространилась тогда на востокъ до Области Войска Донского включительно и почти соприкасалась съ фронтомъ наскоро построеннымъ «союзниками» изъ чехо-словаковъ и Народной Арміи.

Также нельзя было разсматривать, какъ помощь Россіи, и дѣйствія англичанъ приблизительно въ этотъ же періодъ времени на территоріи нашей Сѣверной Приморской Области. Появленіе ихъ тамъ было вызвано страхомъ передъ оккупаціей Финляндіи германскими войсками подъ командою генерала графа фонъ-деръ-Гольцъ. Они опасались за склады въ Мурманскѣ, гдѣ хранились огромные запасы военнаго имущества привезеннаго изъ заграницы для русской арміи и неотправленнаго оттуда вслѣдствіе начавшейся революціи.

Англичане, высадившись 2-го мая 1918 года въ Мурманской бухтѣ, наскоро образовали тамъ никому ненужную, того же названія, республику. Въ теченіе іюня и іюля мѣсяцевъ они расширяютъ зону своей оккупаціи на востокъ, достигаютъ Кемы и Онеги и, наконецъ, 2-го августа съ помощью привезенныхъ итальянскихъ и сербскихъ войскъ занимаютъ Архангельскъ.

Этими двумя дѣйствіями въ Сибири и Архангельскѣ «союзники» ограничиваютъ свою «помощь» Россіи за почти (до ноября мѣсяца) весь 1918 годъ.

Такимъ образомъ германцамъ въ этотъ годъ открывалось широкое поле дѣятельности въ Россіи, которымъ они однако не воспользовались. Генералъ Людендорфъ въ своихъ «Воспоминаніяхъ» выражаетъ теперь по этому поводу глубокое сожалѣніе (стр. 529):

Съ военной точки зрѣнія, пишетъ онъ, съ войсками, которыя были въ нашемъ распоряженіи на востокѣ, слѣдовало сдѣлать короткій ударъ на Петербургъ и съ помощью донскихъ казаковъ произвести таковой же и въ направленіи на Москву.

Тогда мы могли бы свергнуть, въ душѣ столь враждебное намъ совѣтское правительство, помочь установиться новой власти въ Россіи которая не работала бѣ противъ насъ и готова была бы итти вмѣстѣ съ нами....

Будь въ Россіи другое правительство, то тогда мы достигли бы съ нимъ тѣмъ или другимъ образомъ соглашеніе относительно Брестскаго мира.

Обстановка для этого наступленія была болѣе чѣмъ благопріятной и германцы были бы встрѣчены русскимъ населеніемъ съ радостью, такъ какъ разочарованіе въ «союзникахъ» было полнымъ и всѣ надежды на избавленіе отъ большевиковъ были направлены въ сторону Германіи.

Русскіе офицеры также съ удовольствіемъ отозвались бы на призывъ, ибо большинство изъ нихъ были возмущены демократической декларацiей генерала Деникина, выпущенной имъ 5-го мая. Это подтвердилось и тѣмъ первоначальнымъ успѣхомъ, которымъ ознаменовалось начало формированія «Южной» и «Астраханской» армій.

Однако Главное Германское Командованіе все еще не могло окончательно освободиться отъ пагубнаго вліянія своихъ дипломатовъ и формированія «Южной», «Астраханской», а затѣмъ «Сѣверной» армій происходили замедленнымъ темпомъ и какъ бы украдкой отъ своего дипломатическаго корпуса. И только въ послѣдній мѣсяцъ передъ революціей началась болѣе интенсивная работа, но увы, было уже поздно.

Второе большое германское наступленіе на западѣ снова не дало благопріятныхъ результатовъ, а напротивъ, встрѣтивъ отвѣтное контръ-наступленіе противника, привело къ катастрофѣ 9-го ноября 1918 года.

До этого времени германцы могли еще надѣяться, что военное счастье повернется въ ихъ сторону и что имъ удастся на западномъ фронтѣ создать такое положеніе, которое позволило бы заключить благопріятный миръ, но теперь съ началомъ революціи объ этомъ думать было уже нельзя. Вставала новая задача — спасеніе своего отечества отъ полнаго разгрома.

Въ первые дни революціи германское командованіе на востокѣ, ошеломленное неожиданными событіями, потеряло способность оріентироваться и принять какое либо рѣшеніе.

Германскія войска разлагались, дисциплина ихъ исчезала и они превращались въ «товарищей» съ той же быстротой, которая раньше такъ удивляла и генерала Гофмана и многихъ другихъ германскихъ офицеровъ, когда все это происходило въ нашей арміи. Ядъ большевистской пропаганды произвелъ свое злое дѣйствіе и прекрасная императорская германская армія, показавшая міру чудеса храбрости и стойкости, перестала существовать.

Широкіе планы наступленія, совмѣстно съ формировавшимися русскими арміями «Южной» и «Сѣверной», на Петербургъ и Москву, сверженія тамъ большевистской власти и возстановленія въ Россіи законнаго правительства, естественно были разрушены, ибо къ осуществленію ихъ приступили слишкомъ поздно.

Друзья германской дипломатіи, большевики, въ искренность которыхъ они такъ глубоко вѣрили, не замедлили показать свое истинное лицо — лицо интернаціональныхъ преступниковъ, руководимыхъ единственнымъ желаніемъ зажечь пожаръ революціи во всей Европѣ. Они не постѣснялись нарушить договора и перейти въ наступленіе противъ германцевъ и въ Прибалтійскомъ Краѣ и въ Малороссіи и, наконецъ, на Кавказѣ. Вмѣсто совмѣстнаго наступленія русскихъ добровольцевъ и германскихъ войскъ на Петербургъ и Москву — началось наступленіе большевиковъ на Ригу и Кіевъ. Пришло время расплаты.

Обстановка рѣзко измѣнилась и не только по своей внѣшности, но также и по перемѣнамъ внутренняго характера, отразившихся на настроеніи и русскихъ и германцевъ.

Германцы, бывшіе нѣсколько дней тому назадъ полными хозяевами, оккупированныхъ ими областей, теперь, видя, что войска ихъ деморализованы, понимали, что всѣ ихъ планы рушились и что имъ ничего не остается больше дѣлать, какъ отходить къ своимъ границамъ. Только что начавшая принимать опредѣленно дружественныя формы совмѣстная работа русскихъ и германскихъ военныхъ круговъ какъ то сразу оборвалась и большинство участниковъ ея въ первый моментъ думали, что врядъ ли она скоро возобновится.

Германцы не сомнѣвались, что на смѣну имъ въ эти области прибудутъ англичане и французы и что эти ихъ враги, но союзники насъ русскихъ, не замедлятъ помочь намъ возстановить законный порядокъ въ Россіи, и такимъ образомъ они предполагали, что мы русскіе снова перейдемъ во вражескій имъ лагерь. Такъ думали и многіе русскіе, а потому торопились забыть свою нѣмецкую оріентацію и перекраситься въ союзническій цвѣтъ. Среди команднаго

состава обѣихъ армій (и «Южной» и « Сѣверной»)произошла такая же перемѣна настроеній и только немногіе сумѣли вѣрно предугадать будущія дѣйствія ожидаемыхъ «союзниковъ».

Новообразованныя государства вели свою эгоистически-національную линію, но они не были увѣрены въ своемъ ближайшемъ будущемъ и потому сдерживались еще и не показывали своихъ истинныхъ стремленій, ожидая выясненій событій, а главное — рѣшенія «союзниковъ».

Я считаю здѣсь своимъ долгомъ подчеркнуть, что германцы, несмотря на то, что сами переживали грандіозную катастрофу и что одновременно многіе русскіе снова спѣшили занять враждебную къ нимъ позицію, все же они, покидая оккупированныя области, широко шли навстрѣчу всѣмъ, кто искалъ у нихъ помощи отъ надвигающихся большевиковъ. Они безпрепятственно выдавали даровые проѣзды въ Германію или по желанію въ другія страны и не только всѣмъ русскимъ офицерамъ, но даже и совершенно частнымъ лицамъ и семьямъ.

«Союзники» не торопились съ прибытіемъ и въ это время въ русскихъ и германскихъ военныхъ кругахъ снова стало создаваться убѣжденіе, что начавшаяся совмѣстная работа должна вестись дальше вопреки всѣмъ событіямъ, идущимъ въ разрѣзъ ея правильному развитію. У нѣкоторыхъ это убѣжденіе вернулось путемъ логическаго разсужденія и сопоставленія происходящаго съ фактами прошлаго, у другихъ — стихійно, въ силу самой обстановки, создававшей невольную близость между нами и германцами, какъ товарищами по несчастію. «Истинные друзья познаются въ бѣдѣ» говоритъ народная пословица, и къ намъ она особенно примѣнима, такъ какъ мы познали другъ друга въ моментъ, когда наши отечества переживали величайшія бѣдствія.

Прибытіе долгожданыхъ «союзниковъ», къ великой радости тѣхъ русскихъ, которые надѣялись на ихъ помощь, наконецъ совершилось. Прежде всего они появились на югѣ Россіи. Первые представители союзныхъ державъ были торжественно встрѣчены въ Новочеркасскѣ 8-го ноября 1918 года.

«Еще въ ноябрѣ», пишетъ генералъ Лукомскій, «согласно заявленія, сдѣланнаго генераломъ Бертело[1] генералу Щербачеву[2], для занятія важныхъ центровъ на югѣ Россіи было предположено двинуть 12 дивизій союзныхъ войскъ (французкихъ и греческихъ)».

Прибывшіе на югъ представители «союзниковъ» снова подтвердили генералу Деникину о томъ, что они безусловно помогутъ ему во всемъ при его борьбѣ съ большевиками. Но это было только слова, на самомъ же дѣлѣ «союзники» вездѣ вполнѣ ясно выказали свою склонность поддерживать не русскія добровольческія части, а самостоятельныя республики, которыя остались, какъ наслѣдіе отъ германской оккупаціи и ихъ политики расчлененія Россіи.

Со стороны германцевъ, какъ бывшихъ нашихъ враговъ, такая политика могла быть подвергнута критикѣ и разсматриваться какъ правильная или неправиль-

[1] Генералъ Бертело былъ главнокомандующимъ арміями союзниковъ въ Румыніи, Трансильваніи и на югѣ Россіи.

[2] Генералъ Щербачевъ былъ военнымъ представителемъ генерала Деникина сначала въ Румыніи, а затѣмъ адмирала Колчака и генерала Деникина въ Парижѣ.

ная, что же касается союзниковъ, то съ ихъ стороны продолженіе этой политики расчлененія Россіи можно назвать лишь однимъ словомъ — предательствомъ.

Это предательство началось почти одновременно во всѣхъ окраинахъ бывшей Россійской Имперіи.

Въ серединѣ декабря въ Либаву прибыла англійская эскадра, начальникъ которой, адмиралъ Синклеръ, при пріемѣ русской делегаціи отъ «Сѣверной Арміи», заявилъ, что ему ничего не было извѣстно при его отбытіи изъ Англіи о существованіи въ Прибалтійскомъ Краѣ русскихъ добровольческихъ войскъ, а потому онъ ничѣмъ помочь не можетъ и долженъ прежде запросить инструкцій по этому поводу. Присутствовавшій же при этой аудіенціи англійскій консулъ вполнѣ опредѣленно высказался за поддержку новыхъ республикъ, — Эстоніи, Латвіи и Литвы.

Одновременно въ Батумѣ высадилась англійская дивизія подъ начальствомъ генерала Форестье-Іокера и продвинулась вглубь Кавказа вплоть до Тифлиса.

Генералъ Лукомскій такъ описываетъ этотъ эпизодъ въ своихъ воспоминаніяхъ.

«Бакинскій раіонъ былъ занятъ англійскимъ отрядомъ подъ начальствомъ генерала Томсона, подчиненнымъ генералу Форестье-Іокеру.

Въ Батумскую область, въ качествѣ генералъ-губернатора, былъ назначенъ британскій генералъ Кукъ-Коллисъ.

Отношеніе этихъ начальствующихъ лицъ къ вооруженнымъ силамъ юга Россіи было различное.

Въ Баку нашъ представитель встрѣтилъ сначала къ себѣ самое корректное отношеніе, и получалось впечатлѣніе, что съ русскими интересами въ Бакинскомъ раіонѣ англичане считаться будутъ.

Въ Тифлисѣ, генералъ Форестье-Іокеръ, съ самаго начала своего тамъ пребыванія, сталъ опредѣленно на сторону Грузинскаго правительства, поддерживая его въ разногласіи съ «Командованіемъ вооруженныхъ силъ юга Россіи» изъ за Сочинскаго округа.

Въ Батумской области, при генералъ-губернаторѣ, для управленія областью былъ образованъ «Совѣтъ» въ составѣ 9 лицъ.

Права вооруженныхъ силъ юга Россіи на Батумскую область англичанами совершенно не признавались, и ясно было, что они, оккупировавъ область, впредь до выясненія въ будущемъ вопроса о ея судьбѣ Державами Согласія ,считаютъ только себя хозяевами въ ней.

Получалось отчетливое впечатлѣніе, что англичане собираются въ Закавказьѣ вести особую политику, поддерживая отдѣленіе отъ Россіи образовавшихся тамъ республикъ, а Батумъ, какъ вывозной портъ для нефти, насколько возможно сохранить въ своихъ рукахъ.»

Ту же политику расчлененія Россіи «союзники», нѣсколько позднѣе, проводили и въ Малороссіи, взявъ подъ свое покровительство полуразбойничье правительство Петлюры — Украинскую Директорію. Они отклонили предложеніе Добровольческой Арміи организовать защиту Одессы и Николаева, такъ какъ считали эту территорію уже украинской. Большевики ихъ хорошо проучили за это предательство и они ,потерпѣвъ позорное пораженіе и бросивъ добровольцевъ и населеніе на произволъ судьбы, удрали куда глаза глядятъ.

Вотъ какъ этотъ позорный случай описываетъ генералъ Лукомскій.

«26 февраля (11 марта) большевики атаковали французскія войска у города Херсона.

Французы и небольшой греческій отрядъ очистили Херсонъ и Николаевъ и на транспортахъ отошли къ Одессѣ.

Директорія переѣхала въ Тарнополь.

Неудача подъ Херсономъ, при которой союзники потеряли 400 человѣкъ (въ томъ числѣ 14 офицеровъ), произвела тяжелое впечатлѣніе на французское командованіе.

Къ этому времени въ Одесскомъ раіонѣ находилось:

а) части вооруженныхъ силъ юга Россіи: бригада генерала Тимановскаго 3350 штыковъ, 1600 сабель, 18 легкихъ орудій, 8 гаубицъ и 6 броневыхъ машинъ.

б) союзныя войска: 2 французскихъ, 2 греческихъ и часть румынской дивизіи, всего 30000—35000 штыковъ и шашекъ.

Противъ этихъ силъ, со стороны большевиковъ, дѣйствовало 2 совѣтскихъ полка мѣстнаго формированія и рядъ наскоро организованныхъ отрядовъ, всего не болѣе 15000 штыковъ и шашекъ.

Послѣ занятія большевиками Херсона, вслѣдствіе неудачныхъ дѣйствій мѣстнаго французскаго командованія, большевики одержали рядъ частныхъ успѣховъ, несмотря на численное превосходство войскъ союзниковъ.

Опасаясь потерь и, повидимому, не вполнѣ увѣренное въ устойчивости своихъ войскъ, французское командованіе рѣшило, по опыту Солоникскаго укрѣпленнаго раіона, создать въ Одесскомъ раіонѣ «Укрѣпленный лагерь». 15/28 марта было приступлено къ инженернымъ работамъ.

До 20 марта (2-го апрѣла) не было абсолютно никакихъ признаковъ, которые могли бы указать на возможность экстренной эвакуаціи союзныхъ войскъ изъ Одесскаго раіона.

Вечеромъ 20 марта (2 апрѣля) французское командованіе въ Одессѣ получило директивы изъ Парижа и 21 марта (3 апрѣля) заявило Начальнику Штаба русскихъ войскъ въ Одесской зонѣ, что отъ г-на Пишона получена телеграмма о вывозѣ всѣхъ войскъ изъ предѣловъ Россіи въ 3-хъ дневный срокъ.

Генералъ д'Ансельмъ, командовавшій союзными войсками въ южной Россіи, приказалъ закончить эвакуацію Одессы въ 48 часовъ.

Эвакуація, какъ русскихъ учрежденій, бывшихъ въ Одессѣ и гражданскаго населенія, а также французскихъ войскъ, началась 21 марта (3 апрѣля) и носила сумбурный, паническій характеръ.

23 марта (5 апрѣля) въ Одессѣ уже хозяйничалъ мѣстный совѣтъ рабочихъ и крестьянскихъ депутатовъ.

Послѣднія французскія суда покинули рейдъ Одессы 25 марта (7 апрѣля); такимъ образомъ закончить эвакуацію въ 48-часовой срокъ, естественно, оказалось невозможнымъ.

Назначенный чрезмѣрно короткій срокъ эвакуаціи Одессы отнюдь не вызывался обстановкой — ни военной, ни политической, и могъ быть смѣло увеличенъ до недѣли, въ теченіе которой, при спокойныхъ и надлежащихъ распоряженіяхъ, можно было бы упорядочить эвакуацію, вывести всѣхъ бѣженцевъ и наиболѣе цѣнное имущество.

При этой же эвакуаціи, носившей характеръ паническаго, постыднаго бѣгства, тяжко пострадало лояльное населеніе города и въ особенности семьи чиновъ Добровольческой Арміи.

Брошенныя на произволъ судьбы, потерявъ послѣднее свое достояніе, они, въ небольшомъ лишь числѣ, голодные и нищіе, спаслись на транспортахъ. Большая же часть ихъ была брошена и обречена на всѣ ужасы большевистскаго насилія.

Бригада генерала Тимановскаго принуждена была отойти въ Румынію, гдѣ по распоряженію французскихъ властей, была обезоружена и затѣмъ, испытавъ массу униженій и оскорбленій, была на транспортахъ доставлена въ Новороссійскъ.

Изъ англійскихъ источниковъ мы впослѣдствіи получили свѣдѣнія, что эвакуація Одессы, вопреки мнѣнію англичанъ, послѣдовала по постановленію Совѣта «Десяти» въ Парижѣ, на основаніи донесеній генерала Д'Ансельмъ и полковника Фрейденбергъ (Начальникъ Штаба при генералѣ Д'Ансельмѣ) о катастрофическомъ продовольственномъ положеніи и «прекрасномъ состояніи большевистскихъ войскъ»...

Дальше идутъ не менѣе доблестныя дѣйствія французовъ въ Крыму, которыя заслуживаютъ также вниманія, а потому я привожу описаніе ихъ тѣмъ же генераломъ Лукомскимъ.

«Непрочность положенія въ Крыму сознавалась и прибывшимъ въ Севастополь 13/26 марта генераломъ Франше д'Эспере, который тогда указалъ, что надо постараться продержаться въ теченіе двухъ недѣль, послѣ чего французами будетъ оказана помощь.

Гарнизонъ Севастополя состоялъ изъ двухъ батальоновъ 175-го пѣхотнаго французскаго полка, 1 батальона грековъ, 2-хъ батарей и небольшого числа вспомогательныхъ французскихъ войскъ; на берегу находился экипажъ сѣвшаго на мель французскаго корабля «Мирабо». На рейдѣ были французскія, британскія, и греческія суда.

Со дня на день ожидалось прибытіе колоніальныхъ французскихъ войскъ.

Французское Командованіе заявило, что Севастополь ими оставленъ не будетъ.

30 марта (12 апрѣля) прибыло 2000 алжирцевъ, а 1/15 апрѣля столько же сенегальцевъ. Командовалъ всѣми союзными частями французской службы полковникъ Труссонъ.

30 марта (12 апрѣля) полковникъ Труссонъ и адмиралъ Аметъ предложили Коменданту крѣпости генералу Субботину и командующему русскимъ флотомъ адмиралу Саблину отдать распоряженіе, чтобы всѣ добровольцы, находящіеся въ Севастополѣ и всѣ учрежденія Добровольческой Арміи немедленно покинули Севастополь.»

Послѣ описаній этихъ печальныхъ событій генералъ Лукомскій дѣлаетъ справедливое замѣчаніе:

«Весенній періодъ 1919 года ознаменовался не только крупными военными неудачами вооруженныхъ силъ юга Россіи, но и полнымъ разочарованіемъ въ размѣрахъ той помощи, которую мы ожидали отъ союзниковъ основываясь на заявленіяхъ ихъ представителей при арміи.

Несмотря на рядъ телеграммъ, посылавшихся въ Англію военнымъ представителемъ Британіи генераломъ Пуль, транспорты съ обѣщаннымъ матеріаломъ и вооруженіемъ не приходили.»

На сѣверѣ Россіи въ Архангельскѣ англичане въ это время занимаются торговыми дѣлами или вѣрнѣе эксплоатируютъ этотъ богатый край, и военныя дѣйствія на этомъ фронтѣ замираютъ до 27 сентября 1919 года, т. е. до дня отхода оттуда англичанъ.

На блестящіе успѣхи Сибирской Арміи Адмирала Колчака и на признаніе его всѣми антибольшевистскими арміями и группами Верховнымъ Правителемъ Россіи, «союзники», вмѣсто того, чтобы отвѣтить также признаніемъ его правительства Всероссійскимъ и, тѣмъ самымъ, нанести моральный ударъ большевикамъ, завѣряютъ лишь въ своей готовности оказать содѣйствіе, но не Верховному Правителю Россіи, а Адмиралу Колчаку какъ таковому, и то больше словами и обѣщаніями, чѣмъ на дѣлѣ.

Генерала Деникина въ этотъ же самый періодъ времени они кормятъ обѣщаніями, которымъ онъ почему то считаетъ необходимымъ вѣрить, несмотря на то, что факты кругомъ говорили о другомъ — о предательствѣ.

Во время смѣны представителя при Добровольческой Арміи, прибывшій 30 мая (12 іюня) новый англійскій генералъ Хольманъ привезъ генералу Деникину письмо отъ военнаго министра Великобританіи лорда Черчиля, въ которомъ между прочимъ, было сказано: «Цѣль пріѣзда генерала Хольмана — всяческимъ образомъ помочь Вамъ въ Вашей задачѣ сломить большевистскую тиранію».....

Это заявленіе военнаго министра совпало какъ разъ по времени съ разгаромъ разрушительной для Россіи работы англичанъ въ Прибалтійскомъ Краѣ. Туда прибылъ въ гор. Ревель «диктаторъ» и «вице-король» — генералъ Гофъ, который открылъ свою дѣятельность предательствомъ Балтійскаго Ландесвера и под-

держкою латышскаго полубольшевистскаго правительства Ульманиса. Диктаторскій приказъ Гофа по этому поводу былъ переданъ командованію Ландесвера 13-го іюня въ гор. Венденѣ, то есть на другой день послѣ полученія письма военнаго министра генераломъ Деникинымъ.

Генералъ Деникинъ, окруженный представителями «Союзныхъ Державъ», изолированный отъ европейскихъ событій и ихъ развитія и, повидимому, мало интересующійся ими, могъ слѣпо вѣрить лицемѣрымъ заявленіямъ, «союзниковъ» въ ихъ желаніе помочь Россіи, но намъ русскимъ, бывшимъ въ центрѣ Европы — Берлинѣ и испытавшимъ первыми ихъ «помощь» трудно было находиться въ блаженномъ заблужденіи относительно истинной политики «союзниковъ».

Для насъ было вполнѣ ясно, что «союзники», въ данномъ случаѣ, англичане, если бы захотѣли дѣйствительно помочь намъ русскимъ свергнуть большевиковъ, то они это могли бы организовать въ двѣ недѣли и для этого вовсе не надо было начинать борьбу съ юга Россіи и возить туда военное имущество, а достаточно бы было поддержать всѣ русскія добровольческія части (Сѣверную Армію, Балтійскій Ландесверъ) въ Прибалтикѣ. Главнымъ фронтомъ противъ большевиковъ и самымъ удобнымъ для скорыхъ дѣйствій былъ конечно западный — на территоріи Прибалтійскаго Края — это ясно для каждаго и военнаго и политика. И на этомъ фронтѣ англичане какъ разъ больше всего вредили, создавая тамъ подъ маскою якобы помощи только затрудненія. Между тѣмъ обстоятельства были настолько благопріятными, что уже одно ихъ невмѣшательство гарантировало бы полный успѣхъ на этомъ фронтѣ и одновременно конецъ большевистскому властвованію.

Таковы были дѣйствія нашихъ «союзниковъ» въ это первое полугодіе 1919 г. И какъ мы русскіе, переживъ эти факти, могли не пересмотрѣть нашихъ отношеній и склонностей къ союзникамъ? Вѣдь ясно: гори Россія, имъ легче — на много, много лѣтъ. Хватай свое, гдѣ можно и разоряй Россію! И союзники дѣлали это, какъ мы видимъ, не безъ успѣха. Такимъ образомъ — если касаться вообще политическихъ дорогъ, по которымъ союзники тогда подходили къ нашей Родинѣ, разобрать ихъ совершенныя уже дѣйствія — надо неизмѣнно помнить: на лицо если и были интересы, — то только ихъ интересы.

Я уже приводилъ много выписокъ изъ книги генерала Гофманъ выясняющихъ нѣкоторыя военныя и политическія положенія въ этотъ періодъ. Приведу и еще выдержку, заключающую въ себѣ прямо направленные вопросы по этому поводу.

«. . . Миръ во что бы то ни стало» больше всего пропагандировала, конечно, печать Антанты. Мнѣ хотѣлось бы по этому поводу предложить Антантѣ вопросъ, почему она не измѣнила условія мира, послѣ того, какъ она выиграла войну и подъ ея диктовку была въ самомъ корнѣ измѣнена политическая обстановка Европы. Несмотря на то, что Брестъ-Литовскій миръ былъ объявленъ недѣйствительнымъ, его главнѣйшія условія остались въ силѣ. Антанта и не думала о томъ, чтобы возвратить Польшу, Литву, Латвію, Эстляндію и Бессарабію своему бывшему союзнику Россіи. Измѣнены были только условія зависимости отнятыхъ у русскихъ областей. . .»

Касаясь теперь Германіи, то относительно ея политики я долженъ сказать, что въ этотъ періодъ она была искренно дружественной и соотвѣтствующей на-

шимъ интересамъ. Германцы, увидѣвъ съ прибытiемъ англичанъ въ Прибалтiйскiй Край, что тамъ выростаетъ опасность въ лицѣ новообразованныхъ республикъ получить вклинившуюся англiйскую колонiю, рѣзко измѣнили къ намъ свою политику враговъ и перешли на дружескую. Истинные германскiе патрiоты поняли, что интересы Россiи и Германiи, какъ странъ наиболѣе пострадавшихъ отъ войны, теперь тѣсно переплелись и что наше будущее зависитъ исключительно отъ совмѣстныхъ дѣйствiй. И въ самомъ дѣлѣ, Германiя побѣжденная событiями внутренняго характера и Россiя преданная въ силу тѣхъ же условiй, были въ одинаковыхъ положенiяхъ — эксплоатируемыхъ и угнетаемыхъ. Передъ нами вставали двѣ вполнѣ опредѣленныя задачи: во первыхъ прежде всего освободить наши имперiи отъ пагубнаго влiянiя своихъ крайнихъ лѣвыхъ партiй, во вторыхъ общими усилiями вернуть потерянное нами мѣсто въ политической и экономической жизни европейскихъ государствъ. Эти главныя двѣ задачи распадались на частныя, которыя приходилось разрѣшать уже по пути нашей совмѣстной работы.

Въ главѣ VIII я подробно описалъ ходъ подготовительныхъ дѣйствiй для нашего выступленiя, а потому здѣсь я только укажу на болѣе существенныя его особенности, а также на главныхъ нашихъ противниковъ.

Въ началѣ 1919 года внутреннее положенiе въ Германiи было очень тяжелое, у власти стояло, неувѣренное въ самомъ себѣ, соцiалистическое правительство, которому угрожали и справа и слѣва.

Возстанiе спартакистовъ и явное вмѣшательство большевиковъ во внутреннюю жизнь Германiи создало для насъ къ марту мѣсяца благопрiятную обстановку для переговоровъ съ германскимъ правительствомъ о совмѣстномъ выступленiи противъ совѣтской Россiи.

Министръ Государственной обороны Носке согласился съ тѣмъ мнѣнiемъ, что возстанiя спартакистовъ будутъ только въ томъ случаѣ окончательно ликвидированы, если будетъ уничтожена большевистская власть въ Россiи, которая и морально и матерiально поддерживаетъ ихъ.

Соглашаясь съ этимъ, Носке пошелъ навстрѣчу нашимъ планамъ борьбы съ большевиками. Однако лѣвыя партiи конечно возстали противъ этихъ дѣйствiй и газеты въ родѣ «Rote Fahne» трубили о предательствѣ умѣренныхъ соцiалистовъ и разжигали страсти уставшаго отъ войны германскаго народа. Крайнiе германскiе соцiалисты этимъ крикомъ и протестами сильно повредили своему отечеству и только одни они виноваты, что Германiя была вынуждена заключить миръ на такихъ тяжелыхъ условiяхъ.

Мы, русскiе нацiоналисты, предложили тогда черезъ Носке широкiй планъ, который могъ бы совершенно измѣнить военно-политическое положенiе европейскихъ государствъ, сдѣлавъ изъ побѣдителей побѣжденныхъ и наоборотъ.

Въ то время Германiя еще не заключила мира и на фронтѣ дѣйствовало лишь длительное перемирiе. Антанта потребовала отъ германцевъ, чтобы къ моменту заключенiя мира они совершенно демобилизировали бы свою армiю. Первый этапъ этой работы заключался въ томъ, что изъ 6-ти миллiонной армiи надо было сократиться на 700000, второй же этапъ, изъ 700000 въ 125000 человѣкъ Рейхсвера.

Наши переговоры съ правительствомъ начались въ тотъ моментъ, когда первый этапъ демобилизаціи арміи былъ уже законченъ и когда «союзники», желавшіе, чтобы ко дню подписанія мира Германія оказалась бы совершенно обезоруженной, подъ страхомъ оккупаціи, требовали выполненія и второй части работы по демобилизаціи.

Мы предложили вторую часть работы по демобилизаціи выполнить такъ: оставивъ въ Германіи разрѣшенную «союзниками» армію въ 125000 человѣкъ, всѣхъ остальныхъ направить подъ русскимъ командованіемъ вмѣстѣ съ русскими добровольческими войсками противъ большевиковъ въ Россію. Въ двѣ недѣли большевики были бы свергнуты, въ Россіи при регентствѣ Старшаго изъ Царскаго Рода было бы образовано законное правительство и ко дню заключенія мира и Россія и Германія могли бы заговорить языкомъ сильныхъ, такъ какъ въ Россіи къ этому времени была бы уже болѣе чѣмъ 2-хъ милліонная русско-германская армія.

Соціалисты отказались отъ этого предложенія — они опасались за свои министерскія мѣста, думая, что съ возстановленіемъ монархіи въ Россіи будетъ возстановлена монархія и въ Германіи.

Такимъ образомъ отъ этихъ широкихъ плановъ пришлось отказаться и перейти къ болѣе скромному по размѣрамъ и по достиженіямъ. Начались формированія русскихъ добровольческихъ частей при германскихъ войскахъ въ Курляндіи, стоявшихъ еще тамъ для охраны восточной границы отъ большевистскаго нашествія. Для успѣшности обороны необходимо было, чтобы она была активной и вотъ для этой цѣли предполагали воспользоваться русской группой добровольческихъ войскъ, которая, выдвинувшись впередъ на большевистскій фронтъ въ раіонъ гор. Двинска, могла бы въ случаѣ удачи, а мы русскіе въ этой удачѣ не сомнѣвались, выполнить и свои національныя задачи. Такимъ образомъ уже въ первоначальной нашей работѣ съ германцами общность нашихъ интересовъ требовала совмѣстнихъ дѣйствій и позволяла ихъ объединенія.

Если впослѣдствіи, благодаря пагубному вмѣшательству англичанъ, намъ русскимъ не удалось выполнить полностью нашу программу, то во всякомъ случѣ весь культурный міръ, а главное соціалистическая въ то время Германія навсегда должны остаться благодарными Балтійскимъ войскамъ за ихъ борьбу противъ большевиковъ. Вѣдь эти войска не допустили большевиковъ къ границамъ Восточной Пруссіи и, преградивъ имъ путь на западъ, тѣмъ самымъ, остановили и непосредственное распространеніе ихъ преступной пропаганды среди другихъ европейскихъ государствъ.

Однако въ то время никто не сознавалъ надвигающейся опасности и нашей работѣ продолжали все время мѣшать: германскія крайнія соціалистическія партіи, «союзники», русскіе соціалисты, а также и не соціалисты, купленные «союзниками». Всѣ эти господа строили препятствія на каждомъ шагу въ разныхъ направленіяхъ и по особымъ соображеніямъ. Борьба была неравная и тяжелая.

Но, несмотря на всѣ эти затрудненія, мы твердо шли къ намѣченной цѣли и въ концѣ концовъ достигли желаемыхъ результатовъ. Все это мною уже описано въ началѣ книги, а потому я не буду повторяться и ограничусь здѣсь лишь

замѣчаніемъ, что работа германскихъ военныхъ круговъ была въ высшей степени напряженной и они во всемъ шли намъ навстрѣчу, чтобы быстро создать русскія добровольческія части въ Курляндіи. Дѣлали они все, что могли, но всякій разъ политика англичанъ злобно дышала за спиной и рушила всю налаженность, полезную для Россіи. Объяснялось это просто — страшно было «союзникамъ», что возстановленная при помощи германцевъ Россія завяжетъ съ ними твердый узелъ и рано или поздно ударитъ кулакомъ по «союзникамъ». Такъ не было, но такъ будетъ — союза вызываемаго органическими причинами, не расщемить даже англійской дипломатіей. Нельзя забывать, что больные не вѣчно остаются больными, а либо умираютъ или выздоравливаютъ: Россія и Германія поражены не смертельно — и оба великихъ народа встанутъ скоро на ноги......

Въ іюнѣ мѣсяцѣ я былъ уже въ Прибалтикѣ, куда была переправлена и большая часть моихъ войскъ.

Съ перваго дня моего пребыванія я, основательно оглядѣвшись и оріентировавшись, избралъ свою дорогу. Во основаніе всей моей работы я взялъ свой старый девизъ: «Россія — для русскихъ». Я былъ глубоко убѣжденъ, что русскіе, какъ бы они не рѣшали свои дѣла, — рѣшатъ ихъ лучше чѣмъ союзники.

Версальскій договоръ чрезвычайно ясно показалъ это. Можно ли было заблуждаться послѣ него?

17-ое августа 1919 г,. когда англичане потопили въ Кронштатѣ остатки Балтійскаго флота, утвердило безповоротно мои рѣшенія — подальше отъ «союзниковъ», отъ ихъ предательск ихърукъ. Не гибель большевиковъ имъ нужна, а гибель мощи Россіи; они шли къ своей цѣли напроломъ, слегка маскируясь, лицемѣрничая и добродѣтельствуя.

Въ самомъ началѣ моей работы припоминается мнѣ одна любопытная встрѣча съ французскимъ капитаномъ въ Митавѣ. Это былъ первый и послѣдній французъ съ которымъ я вообще говорилъ о моихъ задачахъ и дѣйствіяхъ.

Гр. ф. д. Гольцъ извѣстилъ меня о томъ, что къ нему явился отъ союзной миссіи французъ.

— «Я не люблю ихъ вообще» — сказалъ графъ, « — но этотъ французъ на рѣдкость симпатичный, онъ хочетъ видѣть Васъ, примите его и поговорите можетъ быть они помогутъ Вамъ въ Вашемъ дѣлѣ, я Вамъ совѣтую.»

Я послѣдовалъ совѣту графа и на слѣдующій день принялъ француза.

— «Что Васъ интересуетъ въ моей арміи?» — Задалъ я ему вопросъ.

— «Я отъ миссіи» сказалъ онъ, — «интересуетъ насъ все. Прежде всего — почему Вы не съ нами, а съ нѣмцами? Мы поможемъ Вамъ такъ, какъ Вы хотите — если Вы договоритесь съ нами».

Я объяснилъ ему, что въ помощь союзниковъ не вѣрю совершенно, а наоборотъ вижу въ ихъ дѣятельности явный вредъ Россіи. Предложилъ ему вспомнить Одессу, Кіевъ. Напомнилъ ему объ образованіи Литвы, Латвіи, Эстоніи, которыя Великой Россіи не нужны и представляютъ собой больные наросты на ея тѣлѣ, указалъ на всѣ тѣ препятствія, которыя «союзники» ставили на моемъ пути. Во всемъ этомъ видна политика союзниковъ, растаскивающихъ Россію

во всѣ стороны, а потому работать съ тѣми, кто моими руками хочетъ творить свое злое дѣло разграбленія моей Родины, я отказываюсь.

«Въ союзъ же съ нѣмцами я вѣрю уже потому, что эти люди идутъ безкорыстно помочь намъ выгнать грабительскую банду и тѣмъ самымъ освободить также свою страну отъ большивистскаго вліянія.

Кромѣ того, союзъ этотъ нормаленъ — наши границы, наши экономическіе интересы, наконецъ, наше общее несчастіе — революціи и грабительство со стороны союзниковъ «соединяютъ» наши пути и дѣйствія вмѣстѣ.»

Французъ возражалъ. Я выслушалъ его, но твердо отвѣтилъ ему:

— «Если бы Францiя поняла положеніе и не гнула бы свою линію насилія можно было бы спасти многое. Не забывайте» — подчеркнулъ я, « — что въ германскомъ народѣ растетъ глухая ненависть и месть — всѣ 100% ея. Подавленная Германія нуждается въ близости съ Россіей, мы должны вмѣстѣ возстановить общими усиліями наши страны въ экономическомъ смыслѣ. Францiя не должна мѣшать, а тогда 50% мести сами собой отпадутъ. Мы же русскіе за это невмѣшательство Франціи постараемся уничтожить остальные 50%. Ясно ли это «союзникамъ»? А что союзъ съ Германіей будетъ — въ этомъ сомнѣваться немыслимо. И чѣмъ больше «союзники» будутъ ему мѣшать, тѣмъ быстрѣе онъ совершится......»

Помню я взялъ въ руки портсигаръ и назвавъ его для примѣра пироксилиновой шашкой, сказалъ французу, что когда желаютъ взорвать віадуки, колонны мостовъ и пр. то къ нимъ прикрѣпляютъ эти шашки и по химическимъ (органическимъ) законамъ пироксилинъ рветъ въ сторону большаго сопротивленія. Французамъ надо это помнить......

Послѣ этого разговора французъ вскорѣ уѣхалъ.

Однако «союзники» продолжали свою губительную политику по отношенію къ Россіи. Они отправили въ Нарву отрядъ князя Ливена и все время настаивали на отправкѣ и моихъ войскъ туда же. Я категорически отказывался отъ этой переброски моей арміи на необезпеченный тыломъ фронтъ генерала Юденича и требовалъ пропуска моихъ войскъ въ раіонъ гор. Двинска.

«Союзники» сдѣлали видъ, что уступаютъ моимъ требованіямъ и заключили 26-го августа договоръ, помѣщенный мною раньше, ни одного пункта котораго они не исполнили. Переписка по этому поводу также уже помѣщена мною въ предыдущихъ главахъ.

Касаясь вопроса моего соединенія съ генераломъ Юденичемъ для нанесенія общаго удара большевикамъ подъ Петербургомъ, я вынужденъ признаться совершенно открыто: съ того момента, когда «союзники» создали лицемѣрную обстановку съ цѣлью не пропустить меня съ германцами на фронтъ — я не повѣрилъ въ возможность успѣха генерала Юденича. Если взять самый грубый разсчетъ, то и изъ него выяснится слѣдующая картина. Выдѣливъ изъ моей арміи германскія войска, я остался бы при 4—5 тысячахъ.

Изъ нихъ половина безусловно предпочла бы вернуться въ организованные лагеря въ Германію, гдѣ проявлялось самое радушное отношеніе и полная забота со стороны германцевъ. Надо отмѣтить, что всѣ мы офицеры и солдаты, отлично знали, какъ заботились англичане о чинахъ Сѣверо-Западной арміи,

гдѣ большинство изъ нихъ ходили полуголыми и голодными. Предположимъ все же, что половина русскаго состава арміи согласилась бы итти на явную обреченность. Соединясь съ генераломъ Юденичемъ я бы двинулся на Петербургъ и мы взяли бы его послѣ ряда боевъ. Разстроенная ими армія должна была бы выдѣлить изъ своего состава, если не добрую половину, то четверть для охраны порядка въ занятомъ Петербургѣ (это не было бы даже приблизительнымъ количествомъ гарнизонныхъ войскъ мирнаго времени). Съ остаткомъ же надо было продолжать наступленіе въ глубь Россіи, гдѣ мы несомнѣнно распылились бы на громадныхъ путяхъ и равнинахъ страны. Разсчитывать на большой притокъ добровольцевъ по занятіи Петербурга или на переходъ красныхъ частей если и можно было, то въ сдержанныхъ формахъ. Притомъ весь этотъ новый людской запасъ врядъ ли представилось бы возможнымъ использовать по слѣдующимъ причинамъ: а) армія не имѣла достаточно оружія, обмундированія, и пр. для снабженія этихъ прибывающихъ людей; б) нельзя было бы дезорганизованную, недисциплинированную массу вводить въ бой безъ соотвѣтствующей подготовки. Значитъ на все это необходимо было время, а послѣдняго большевики намъ не дали бы.

Кромѣ того, все это явилось бы той обузой, которая оттянула бы и безъ того слабыя силы нашихъ соединенныхъ армій.

Населеніе безспорно въ смыслѣ настроенія было бы на нашей сторонѣ, но отогнавъ красныхъ въ глубь, мы должны были бы подвести ему, какъ продовольствіе, такъ и предметы первой необходимости, напримѣръ мануфактуру.

Для меня было ясно и тогда — что освободителей встрѣтятъ колокольнымъ звономъ, но не менѣе ясно было мнѣ и то, что удержать Петербургъ при такихъ обстоятельствахъ было невозможно, а стало быть въ результатѣ — скорый отходъ и брошенное сочувствовавшее намъ населеніе на произволъ большевиковъ. Такихъ случаевъ въ добровольческихъ арміяхъ, пользовавшихся поддержкою «союзниковъ» было много, но я не былъ сторонникомъ подобныхъ преступныхъ «маневровъ».

Для укрѣпленія же положенія англичане (и вообще «союзники») не сочли почему то возможнымъ выслать свои регулярные батальоны въ соотвѣтствующемъ количествѣ подъ Петербургъ, чтобы заплатить кровью за кровь,пролитую русскими въ Великую Войну ради союзниковъ.

Между тѣмъ германцы давали плотно скрѣпленныя части, технически оборудованныя, съ твердымъ духомъ, да кромѣ того открывали налаженный тылъ какъ путь отхода при неудачахъ, въ глубину организованной страны.

Позади же арміи генерала Юденича шумѣло море, готовое поглотить несчастныя жертвы. И совершенно непонятно іезуитство «союзниковъ»: если они считали допустимымъ, чтобы всеной 1919 г. германцы освободили отъ большевиковъ Прибалтійскій край, то почему осенью того же года тѣ же войска не могли помочь русскимъ войскамъ разбить окончательно большевиковъ? Я отвѣчу: да просто потому, что Прибалтійскій Край имъ нуженъ былъ для эксплоатаціи, а Великая Россія ихъ выгнала бы вонъ.

Въ первую половину 1919 года, когда англичане занимались созданіемъ новыхъ республикъ и совершенно отказались отъ помощи Сѣверо Западной ар-

міи генерала Юденича въ ея рядахъ появилось множество офицеровъ и солдатъ — отчетливо и ясно понявшихъ, что «союзники» предатели. Еще раньше ко мнѣ поступали оттуда письма отъ офицеровъ и солдатъ съ просьбой зачислить ихъ въ ряды моей арміи. Многія изъ нихъ въ данную минуту лежатъ передо мной.

Это недовольство особенно ярко выразилось, когда въ концѣ іюля въ Нарву прибылъ отрядъ кн. Ливена снабженный и обмундированный германцами. Разница въ помощи послѣднихъ и англичанъ была слишкомъ наглядной.......

И недовольство «союзниками», вполнѣ справедливое, было настолько очевиднымъ, что англійскій генералъ Гофъ позволилъ себѣ обратиться къ генералу Юденичу со слѣдующимъ хамскимъ письмомъ:

Ваше Высокопревосходительство,

«Имѣя ввиду тѣ многочисленныя затрудненія, съ которыми Вамъ приходится бороться, посылаю Вамъ нижеслѣдующія замѣтки, дабы онѣ были бы Вамъ въ помощь для борьбы съ недовольствомъ и интригами, которыя существуютъ, благодаря нынѣшнему печальному положенію злосчастной Россіи. Одновременно мнѣ хотѣлось бы лично Вамъ выразить мое полное удовлетвореніе Вашимъ отношеніемъ и лояльностью, съ которой Вы отвергали всякія попытки вовлечь Васъ въ политическія интриги. Мнѣ извѣстно изъ многихъ источниковъ, что крайнее неудовольствіе царитъ въ Сѣверо-Западной Арміи. Главныя причины этого неудовольствія слѣдующія:

а) Неприбытіе военнаго снаряженія изъ Англіи.
б) Отсутствіе помощи со стороны союзниковъ.
в) Помощь, предложенная Германіей безъ вознагражденія.
г) Прибытіе войскъ князя Ливена, хорошо снаряженныхъ германцами.
д) Эстонцы имѣютъ англійскіе сапоги и обмундированіе, тогда какъ русская Сѣверо-Западная Армія таковыхъ не имѣетъ.

Такъ какъ вышеуказанныя причины тренія безусловно результатъ незнанія истиннаго положенія вещей и раздуваются германскими и большевистскими интригами, то я считаю необходимымъ вкратцѣ довести до Вашего свѣдѣнія нижеслѣдующіе пункты, отвѣчая по очереди на каждую жалобу.

а) Причина неприбытія военнаго снаряженія изъ Англіи, аварія парохода, который, уже выйдя въ море, долженъ былъ изъ за порчи машинъ возвратиться въ гавань и разгрузиться. Эти припасы теперь прибыли, и я думаю, что Вы сами согласитесь, что они прибыли въ очень короткій срокъ, принимая во вниманіе всѣ затрудненія морскихъ перевозокъ.
б) До моего прибытія Вамъ не было обѣщано никакой помощи.

Вы тогда наступали и забирали припасы у большевиковъ, сердца Вашихъ людей были вѣрны и ихъ лица были обращены въ сторону врага.

Наше обѣщаніе помочь Вамъ повидимому развело мягкотѣлость среди людей.

Заявленіе, что союзники совсѣмъ не помогаютъ русскимъ — явный вздоръ, такъ какъ списки снаряженія, отправленнаго Колчаку и Деникину ярко доказываютъ это.

Милліоны пудовъ, тысячи тоннъ и колоссальное количество военнаго снаряженія уже получены русскими арміями.

До какой степени было велико напряженіе и до какой степени малы результаты, что врядъ ли общественное мнѣніе (Англіи) согласится нести такое бремя.

Среди русскихъ есть многіе, которые, вмѣсто того, чтобы сражаться за свою родину, стараются всѣми силами отрѣзать тѣ жизеннныя струи помощи, которыя идутъ отъ союзниковъ. Союзниковъ начинаетъ тятотить эта черная неблагодарность, и, имѣя дома столько неразрѣшенныхъ проблемъ, нельзя ожидать, чтобы они позволили бы такое отношеніе къ себѣ.

в) Вы должны настоять, чтобы Ваши старшіе офицеры, а по возможности всѣ офицеры прочли бы §§ 116—118, 160, 163—165, 170, 171, 179, 198, 200—208, 258, 259, 292, 293, 483 мирнаго договора.

Помощь и самопожертвованіе Великой Россіи въ первый годъ войны дали возможность нѣсколько лѣтъ спустя составить и подписать этотъ замѣчательный документъ.

За помощь Великой Россіи въ тѣ дни союзники будутъ навсегда благодарны. Но мы уже болѣе чѣмъ возвратили нашъ долгъ натурой. Берегитесь, иначе тѣ самые элементы, которые были причиной законнаго неудовольствія въ русской арміи, снова доведутъ бѣлыя силы Россіи до полнаго уничтоженія.

Германія возлелѣяла большевиковъ за счетъ человѣчества и ея руки обагряны кровью русскихъ.

Многіе русскіе командиры до такой степени тупоумны или памятью коротки, что уже открыто говорятъ о необходимости обратиться за помощью къ германцамъ, противъ воли союзныхъ державъ. Скажите этимъ дуракамъ, чтобы они прочли мирный договоръ. Все, что Германія имѣетъ, уже ею потеряно. Гдѣ находятся ея корабли для перевозки припасовъ, гдѣ находится ея подвижной составъ?

Когда союзники, огорченные неумѣніемъ и неблагодарностью прекратятъ помогать бѣлымъ частямъ, тогда, проведенное съ такимъ затрудненіемъ, кольцо, сдавливающее красную Россію, лопнетъ.

Какими путями могутъ германскія войска прибыть въ Мурманскъ, на Кавказъ или на Колчаковскій фронтъ?

г) Нѣмцы снарядили войска Ливена крадеными припасами. Черезъ нѣсколько недѣль всѣ германскія припасы должны быть сданы намъ, а нѣкоторые изъ Вашихъ офицеровъ до такой степени глупы что никакъ не могутъ сообразить, что Германія отнюдь не давала этихъ припасовъ изъ желанія помочь или отъ доброты сердечной, а потому давала, что эти припасы уже ею потеряны.

Я приложилъ ввидѣ отвѣта на § Д. копію радіограммы, посланной маршаломъ Фошъ генералу фонъ-деръ-Гольцъ. Передайте Вашимъ офицерамъ эту радіограмму и спросите у нихъ, куда они хотятъ идти, на соединеніе съ германцами? Кто будетъ распоряжаться германскими боевыми припасами? Желаютъ ли они союза съ ничтожной кучкой юнкеровъ, которыхъ не признаетъ германскій народъ и которые нѣсколько лѣтъ тому назадъ потопили весь міръ въ морѣ крови. Это та самая ничтожная кучка, которая, когда ее заставили принять бой, ею же вызванный, стала пользоваться большевизмомъ и подводной войной. Пріемы, которые заставили отшатнуться отъ нея всѣхъ порядочныхъ европейскихъ и азіатскихъ мужчинъ и дѣтей и оставили Россію истекающую отъ ранъ. Тѣ изъ Вашихъ офицеровъ, которые жалуются, вмѣсто того, чтобы сражаться, предлагаютъ исцѣлить эти раны при помощи германцевъ же. Понимаютъ ли эти недовольные, что со своими необоснованными и реакціонными рѣчами они отталкиваютъ отъ своихъ же братьевъ крестоносцевъ весь демократическій міръ.

д) Тотъ маленькій фактъ, что Россія не смогла объединить Эстонію, Латвію и латышей (?) въ одну демократическую единицу, затѣмъ двинуться сообща на красную Россію, не предвѣщаетъ ничего хорошаго въ будущемъ для того класса бѣлыхъ русскихъ, которые въ данную минуту обращаютъ во враговъ своихъ друзей и приводятъ въ уныніе всѣхъ желащихъ Россіи добра. Эстонцы уже купили и заплатили, до моего прибытія, за то снаряженіе, которое они сейчасъ получили .Въ заключеніе я хочу указать на то, что какова бы то ни была будущность Россіи, она во всякомъ случаѣ будетъ демократическая. Только тѣ, которые ставятъ свою родину выше собственныхъ интересовъ, готовы сражаться и молча терпѣть нужду, будутъ имѣть отвѣтственное положеніе въ возрожденной Россіи и будутъ поддержаны союзниками. Теперь настало время, что ясно доказать, кто достоинъ управлять Новой Россіей, которая, хотя и медленно эволюціонируетъ, но съ достаточной быстротой, чтобы ясно доказать всѣмъ реакціонерамъ и узкимъ доктринерамъ, что для нихъ тамъ нѣтъ мѣста. Армія, находящаяся подъ Вашимъ командованіемъ, имѣетъ возможность взять Петроградъ и этимъ самымъ матеріально помочь другимъ Вашимъ болѣе значительнымъ арміямъ, находящимся на полѣ брани. Укажите Вашимъ офицерамъ и солдатамъ, что всѣ раздоры и недовольства должны быть поглащены однимъ пламеннымъ желаніемъ взять Петроградъ.

Съ имѣющимися у Васъ силами, подкрѣпленными аэропланами, боевыми припасами и танками, которыми Васъ снабжаемъ, и съ тѣми трофеями, которые будутъ взяты у непріятеля,

Вы имѣете полную возможность взять Петроградъ. Но при существующемъ настроеніи Вашихъ офицеровъ наступленіе немыслимо. И если не будетъ улучшенія въ этомъ направленіи и не будетъ выражено искреннее желаніе схватиться на смертный бой съ большевиками, то мнѣ придется серьезно подумать о томъ, не лучше ли послать боевые припасы, предназначенные для Васъ на другой фронтъ, гдѣ они будутъ использованы въ борьбѣ противъ большевиковъ, а не противъ Вашихъ друзей и сосѣдей.

Гельсингфорсъ, Начальникъ всѣхъ Союзныхъ Военныхъ Миссій въ Финляндіи и въ Прибалтійскихъ Штатахъ Генералъ-лейтенантъ

4-го августа 1919 г. Гофъ

Къ этому документу мнѣ офицеру Императорской Арміи, старому солдату, любящему Государя и Родину трудно подойти съ демократической точки зрѣнія, свойственной забалдѣвшему англійскому генералу.

Каждый пунктъ этого письма подчеркиваетъ все ту же эгоистическую, тупоумную, предательскую линію поведенія «союзниковъ», а въ данномъ случаѣ англичанъ въ частности.

Изъ того, что генералъ Гофъ требуетъ отъ генерала Юденича, чтобы его офицеры прочли такіе то пункты мирнаго договора явствуетъ, что передъ нами законченный, политиканствующій дуракъ.

Россія не подписывала мирнаго договора и никакіе англійскіе домашніе проблемы насъ не интересуютъ. Мы лили кровь не только «въ первый годъ войны» какъ отмѣчаетъ этотъ идіотъ, а и до конца вообще войны и проливали ее больше чѣмъ наши «союзники». Онъ пишетъ: «За помощь Великой Россіи въ тѣ дни союзники будутъ навсегда благодарны. Но мы уже болѣе чѣмъ возвратили нашъ долгъ натурой». Гофъ по скудоумію рѣшаетъ, что русскую кровь можно окупить пароходомъ старой обуви, десяткомъ-двумя ржавыхъ орудій и такимъ же количествомъ нестрѣляющихъ пулеметовъ. Далѣе онъ пишетъ: «многіе русскіе командиры до такой степени тупоумны или памятью коротки, что уже открыто говорятъ о необходимости обратиться за помощью къ германцамъ ......скажите этимъ дуракамъ......» Можно скорбѣть, что старый русскій генералъ, получившій это письмо, а также и всѣ другіе генералы, служившіе въ Сѣверо-западной арміи выслушивали это пьяное изліяніе англійскаго осла. Врядъ ли онъ осмѣлился бы, находясь въ расположеніи моей арміи бросаться такими словами по адресу многотерпѣливаго русскаго офицера. Я не постѣснялся бы его подвѣсить за демократическую шею на сукъ.

Угрозы же ,что «союзники, огорченные неблагодарностью могутъ прекратить помощь» не были ужъ такъ страшны, чтобы на нихъ слѣдовало отмалчиваться генералу Юденичу. Гдѣ эта помощь реально и ощутительно сказалась? Сѣверо-западная Армія все также была голой и безоружной съ начала до конца.

Гофъ задаетъ вопросъ: «Какими путями могутъ германскія войска прибыть на Мурманскъ, на Кавказъ или на фронтъ адмирала Колчака?» (намекаетъ на отсутствіе у германцевъ военныхъ кораблей).

Прежде всего никакихъ кораблей и не требовалось, ни въ какой перевозкѣ на Кавказъ нужды не было ...... Германскія войска, помогая русскимъ добровольцамъ, могли выйти на фронтъ черезъ новорожденныя, никому ненужныя кромѣ самихъ «союзниковъ», Латвію, Литву и Эстонію прямо на большевистскій

фронтъ; распространиться на Петербургъ, въ центръ — Москву и въ юго-западномъ направленіи для связи съ флангомъ арміи генерала Деникина.

Конечно, каждый честномыслящій русскій отлично сознаетъ, что времена расплаты придутъ и «союзники» вынуждены будутъ просмотрѣть бухгалтерскіе счеты, которые имъ аккуратно представятся. Разсуждающій г. Гофъ безапелляціонно постановляетъ, что будущность Россіи «во всякомъ случаѣ будетъ демократической». У себя же они не потерпѣли демократа Макдональда со всѣмъ его окруженіемъ, вплоть до рабочаго, вице-короля въ Ирландіи.

Наглость пьянаго генерала и его развязность доходятъ до того, что въ хамскомъ письмѣ онъ распредѣляетъ отвѣтственныя роли въ будущей Россіи и обѣщаетъ послушнымъ поддержку союзниковъ.

Гофъ отмѣчаетъ въ самомъ началѣ своего письма «лояльность генерала Юденича въ вопросахъ политическихъ и выражаетъ «полное удовлетвореніе» по этому поводу.

Лояльность эта — обыкновенное смиреніе и покорность «союзникамъ», выслушиваніе съ извинительнымъ видомъ словоизліянія такихъ господъ какъ генералъ Гофъ и поддакиваніе имъ въ угоду.

Въ другомъ мѣстѣ Гофъ разошелся въ своихъ разсужденіяхъ еще больше, онъ пишетъ:

«Германія взлелѣяла большевиковъ за счетъ человѣчества и ея руки обагряны кровью русскихъ». Насчетъ обагренія рукъ и крови русскихъ — совсѣмъ наивно, пріемъ демагогическій и если онъ вообще можетъ на кого-нибудь дѣйствовать, то лишь на чернь, неумѣющую разобраться ни въ чемъ...... Здѣсь Гофъ не только смѣшонъ, но и жалокъ, да кромѣ того обнаруживаетъ въ себѣ способности агитатора. Повидимому въ устроеніи русской революціи въ свое время онъ приложилъ эту способность, хотя бы и косвенно черезъ сэра Бьюкененъ.

Генералу Гофу слѣдовало бы вдуматься хорошенько: не были ли его руки въ германской крови, да за одно и въ русской — вѣдь въ то время когда лилась эта обильная кровь русскихъ подъ Петербургомъ, г-нъ Гофъ бѣшенно игралъ черезъ своихъ агентовъ на Стокгольмской биржѣ и капли русской крови обращалъ въ фунты стерлинговъ.

Это — уже послѣ Великой Войны, а не тогда, когда Россія и Германія стояли во враждебныхъ лагеряхъ и сражаясь честно, лили кровь въ открытыхъ поляхъ. Г-нъ Гофъ лилъ: и германскую (враговъ своихъ) и русскую (друзей).

Наконецъ, война не игра въ футболъ, а событіе грозное и жестокое. И если рѣшаются на нее, то о гуманности и мягкосердечіи говорить уже поздно. Что же касается революціи, то ее создали въ Россіи не германцы, а «союзники» и начало разложенія и общаго психическаго помѣшательства также положили «союзники», сознательно кидая Россію въ хаосъ и революціонное безуміе. Демократизмъ же, за который ратуетъ ген. Гофъ, въ лицѣ г. г. Керенскихъ и К., помогъ уже доразвиться большевизму.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ сэръ Гофъ распространяется насчетъ кучки юнкеровъ и проч., онъ лишній разъ подчеркиваетъ свое невѣжество въ знаніи германскаго народа.

Князь Аваловъ съ делегаціей отъ Западной Арміи на похронахъ Германской Императрицы Августы-Викторіи.
Потсдамъ, апрѣль 1921 года.

Его Сіятельству генералу князю Авалову въ память о пятой годовщинѣ Союза Балтикумеровъ.
Берлинъ, 13. февраля 1925. За предсѣдателя ф. Хеллингъ.

Карта 66

Видимо генералъ Гофъ не ощутилъ на собственной шкурѣ какъ эта «кучка» въ теченіе ряда лѣтъ годро и побѣдительно отбивалась отъ цѣлаго міра. Народъ, горѣвшій пламеннымъ чувствомъ патріотизма, спасавшій себя отъ жадныхъ рукъ «союзниковъ», втянувшихъ и нашу страну въ неизмѣримо глубокое несъчастіе безполезныхъ жертвъ — далеко не кучка юнкеровъ.

Что касается до объединенія Литвы, Эстоніи, Латвіи и латышей? — (что за безсмыслица въ письмѣ?) въ «одну демократическую единицу» то г. Гофъ повидимиму забылъ насколько «демократичны» Египетъ, Индія, Ирландія, придавленные кулакомъ покровителей изъ правящихъ сферъ, и непонятно: если «союзники» (въ данномъ случаѣ англичане) такъ безстыдно и отвратительно растаскиваютъ Россію по кускамъ, отдѣляя Эстонію, Латвію, Литву и пр., то почему они съ такой жестокостью давятъ ирландскихъ гомрулеровъ, индійскихъ націоналистовъ и т. п. зажимая имъ ротъ? Явное общеміровое противорѣчіе, которое надо разсматривать, какъ преступленіе.

Я употребилъ выше, говоря о «союзникахъ» эпитетъ — торгаши.

Въ этомъ сознается самъ г. Гофъ, касаясь вопроса о снаряженіи. «Эстонцы уже купили и заплатили до моего прибытія, за то снаряженіе. которое они сейчасъ получили» пишетъ генералъ Гофъ въ пунктѣ д. Явное указаніе, что генералу Юденичу надо бы подумать тоже о торговой сдѣлкѣ съ «союзниками» по этому вопросу, а не ждать добровольной присылки снаряженія.

Въ свое время ознакомясь съ этимъ письмомъ генерала Гофа, я напечаталъ открытое письмо-отвѣтъ въ нѣмецкой газетѣ «Deutsche Tages-Zeitung», подробно разобравъ по пунктамъ его оскорбительное содержаніе по адресу Россіи и Германіи.

Я не избѣгалъ въ моемъ отвѣтѣ прямыхъ и рѣзкихъ фразъ по адресу тупоумія г. Гофа. Если онъ могъ себя счесть оскорбленнымъ моимъ отвѣтомъ, я предлагалъ ему, при наличіи чести, объясниться со мной у барьера на дистанціи шести шаговъ. Отвѣтъ мой былъ перепечатанъ въ «Монархическомъ еженедѣльникѣ» и др. печатныхъ органахъ.

Врядъ ли слѣдуетъ разбирать это писаніе болѣе подробно — изъ него видна вся та же оскорбительная для насъ русскихъ политика предательствующихъ «союзниковъ». А я уже много привелъ фактовъ и поясненій по этому вопросу. Стыдно за генерала Юденича, что онъ покорно выслушивалъ бредни генерала Гофа и унизительно отмалчивался.

И противъ воли возникаетъ въ душѣ, медленно утверждается одно крѣпкое рѣшеніе — каждый шагъ и каждое слово «союзниковъ» отнынѣ разсматривать какъ торгашескій ходъ въ пользу своихъ интересовъ и никогда больше не подпускать ихъ къ себѣ, къ своимъ мыслямъ и рѣшеніямъ.

Итти прямо, открыто и неукоснительно съ Греманіей, униженной какъ мы, и ограбленной не меньше Россіи. Честный союзъ благороднѣе торгашескаго соглашательства, а какъ иначе назвать нашу связь съ бывшими союзниками, полную явныхъ выгодъ для нихъ и уничтожающе безполезную для насъ?......

Уже перечисленіе этихъ фактовъ вполнѣ ясно подтверждаетъ, что въ лицѣ «союзниковъ» мы имѣли враговъ, которые неустанно вредили намъ въ теченіе всей нашей работы. Повторяю препятствій было много и бороться было трудно.

Трудно еще потому, что, не говоря уже о соціалистическомъ правительствѣ Германіи, шедшемъ противъ нашихъ дѣйствій, создавшаяся къ концу 1919 года обстановка не была также достаточно вѣрно оцѣнена германскими промышленными кругами. И тѣ и другіе боялись открытыхъ выступленій противъ «союзниковъ», указывая на возможность оккупацій и блокады.

«Союзники» чувствовали этотъ упадокъ духа германскаго народа и съ каждымъ днемъ становились все требовательнѣе въ своихъ желаніяхъ и, наконецъ, дошли до такого нахальства, что заговорили о выдачѣ Императора Вильгельма и офицеровъ.

Какъ то въ разговорѣ съ графомъ фонъ-деръ-Гольцъ я высказался.

«Неужели Германія, помимо всего прочаго, выплатитъ Антантѣ еще по двумъ послѣднимъ векселямъ — а) выдастъ Императора и офицеровъ и в) оружіе?......»

Графъ отрицая возможность удовлетворенія перваго требованія, указалъ однако на опасность оккупации Германіи, какъ на слѣдствіе ея отклоненія отъ Версальскаго договора.

Я предложилъ графу вспомнить 1812 г., когда французы подошли къ самому сердцу Россіи—Москвѣ, топча русскія поля и все же въ концѣ концовъ, подъ ударами возставшаго русскаго народа развалились и позорно бѣжали...... А подъ Лейпцигомъ рѣшилась и вся судьба Европы. Пусть войдутъ французы въ предѣлы Германіи — этимъ они только больше разожгутъ патріотизмъ германскаго народа, упавшій послѣ революціи и тогда начнутся такія расправы съ французами со стороны населенія, что треснутъ ряды ихъ усталыхъ армій и сами они пожелаютъ отойти на безопасныя линіи. А въ это время съ 150 тысячной арміей, составленной изъ русскихъ и германскихъ добровольцевъ будутъ свергнуты въ Россіи большевики и тогда союзъ съ Россіей обезпеченъ. Страхъ Антанты отъ такихъ дѣйствій и ихъ неожиданность не будутъ мгновенно возмѣщены никакими мѣрами. Сроки и рѣшительныя дѣйствія Германіи, въ союзѣ съ возстановленной Россіей, питаніе ея изъ богатаго еще нашего тыла будутъ насыщены такой энергіей и противоборствомъ Антантѣ, что оккупація взлетитъ на воздухъ, какъ мыльный пузырь.

«Побѣдилъ бы тотъ, у кого оказались нервы крѣпче.» Рѣшиться на эту операцію можно было бы, конечно, съ громадными усиліями воли, при твердыхъ нервахъ — въ Германіи, руководимой тогда соціалистическимъ правительствомъ не хватило ни того, ни другого. Германскіе соціалисты (партійные) отказлись отъ этого плана по той же причинѣ, какъ и весною, они боялись въ этой борьбѣ за отечество упустить изъ своихъ рукъ власть, которая съ возвратомъ патріотизма, естественно, могла перейти въ правыя организаціи. И они продолжали вести германскій народъ по пути «соглашательства» и уступокъ, но въ результатѣ своей политики, оккупации все же не избѣгнули.

Что касается германской индустріи, то она потеряла всю силу и мощь своего производства, не имѣя и до сихъ поръ такого богатаго рынка для сбыта, какимъ могла бы быть возстановленная Россія. Графъ Гольцъ и я неоднократно обращались къ германскимъ промышленнымъ кругамъ съ просьбою поддержать Балтійскія войска 25 милліонами марокъ (неполноцѣнныхъ), но руководители

ея не захотѣли рискнуть этой суммой и въ результатѣ потеряли гораздо больше.

Попытки германскаго правительства и промышленныхъ круговъ найти рынокъ для сбыта путемъ торгового договора съ совѣтской Россіей ничего положительнаго не далъ. Русское населеніе, угнетаемое властью интернаціональныхъ преступниковъ, обѣднѣло на 100% въ сравненіи съ довоеннымъ временемъ и потому, естественно, не можетъ быть потребителемъ германскихъ фабрикатовъ. Закупки правительственнаго характера обыкновенно происходятъ въ кредитъ, да еще при такихъ условіяхъ, что цѣны предлагаются минимальныя. Были конечно случаи отдѣльныхъ выгодныхъ спекуляцій и въ особенности въ первые годы, когда было еще что продавать, но постояннымъ рынкомъ для экспорта Россія при настоящемъ ея положеніи сдѣлаться не можетъ.

Всѣ тѣ лица, которыя связали себя концессіями или другими дѣлами съ совѣтской Россіей находятся въ непрерывномъ страхѣ за свою участь. Переворотъ можетъ произойти каждый день и тогда новое правительство попроситъ всѣхъ этихъ спекулянтовъ очистить предѣлы Россійскаго государства, предварительно заставивъ ихъ вернуть старымъ владѣльцамъ все, что было ими нажито за это время безправія и открытаго разбоя.

Такіе господа, какъ Виртъ,[1] который за услугу совѣтскому правительству получилъ лучшую концессію, еще очень пожалѣютъ обо всемъ томъ, что было ими сдѣлано подъ вліяніемъ корысти и безпринципности.

Всѣ эти препятствія, которыя ставились намъ со всѣхъ сторонъ всевозможными врагами, привели наше дѣло къ катастрофѣ и Западная армія, послѣ долгой борьбы, была вынуждена отступить изъ Курляндіи.

Какое значеніе она имѣла въ развитіи добровольческаго движенія можно уже потому судить, что съ ея отходомъ и всѣ фронты были вскорѣ ликвидированы.

Одновременно съ отступленіемъ моей арміи на территорію Восточной Пруссіи отступала и Сѣверо-западная армія въ предѣлы Эстляндіи, гдѣ она была эстонцами обезоружена и расформирована.

Въ слѣдъ за ней той же участи подвергается и Сѣверный фронтъ генерала Миллера. Тамъ большевики 4-го февраля предпринимаютъ наступленіе по всему фронту, а 16-го меньшая часть добровольческихъ войскъ уже эвакуировалась на пароходахъ изъ Архангельска въ то время когда большая ихъ часть была принуждена къ сдачѣ на милость побѣдителей-большевиковъ.

Почти одновременно въ Сибири также разыгрывалась тяжелая драма, закончившаяся трагической смертью адмирала Колчака, преданнаго «союзниками» въ руки большевиковъ. Гибель адмирала Колчака положила конецъ всему добровольческому движенію въ Сибири.

Наконецъ 3-го апрѣля 1920 года генералъ Деникинъ, вслѣдствіе полнаго крушенія на всемъ своемъ обширномъ фронтѣ, былъ вынужденъ передать командованіе остатками своей арміи въ Крыму ген. Врангелю и уѣхать въ Константинополь.

[1] Виртъ, будучи министромъ президентомъ передалъ совѣтскимъ властямъ посольство и русскую церковь въ Берлинѣ (собственность Русскаго Императора) гдѣ русскіе бѣженцы находили единственное отдохновеніе въ горячей молитвѣ о своемъ угнетаемомъ отечествѣ.

Передъ генераломъ Врангелемъ открывалась въ то время широкая дѣятельность и при умѣніи оріентироваться въ международномъ политическомъ положеніи, онъ могъ бы со своей арміей сыграть выдающуюся роль.[1] Къ сожалѣнію его дѣйствія и высказываемыя имъ взгляды не были цѣлью его достиженій, а служили лишь средствомъ, чтобы спихнуть генерала Деникина и занять его мѣсто Главнокомандующаго.

Когда онъ служилъ въ арміи генерала Деникина онъ въ противовѣсъ ему подчеркивалъ свои монархическія убѣжденія и указывалъ на необходимость опереться въ дальнѣйшей борьбѣ противъ большевиковъ на германцевъ.[2] Это привлекло на его сторону многихъ офицеровъ и добровольцевъ, что позволило ему стать во главѣ оставшейся арміи въ Крыму.

Однако всѣ дальнѣйшія его мѣропріятія, едва онъ добился власти, нисколько не отличались отъ путей и дѣйствій генерала Деникина.

Въ смыслѣ установленія связи съ Германіей онъ ограничился посылкою въ Берлинъ такого своего представителя, какъ генерала Комиссарова, нынѣ перешедшаго на службу къ большевикамъ......

Что же касается монархическихъ убѣжденій, то они высказались въ комической формѣ — въ его желаніи лично превратиться въ монарха и начать новую династію......

Однако онъ не забывалъ постоянно упоминать о «демократизмѣ», «волѣ народа» и прочихъ избитыхъ и затасканныхъ лозунгахъ революціоннаго времени.

Послѣ всего этого онъ оказался игрушкою въ рукахъ «союзниковъ»и разыгралъ какъ по нотамъ продиктованную ему изъ Парижа трагикомедію, въ которой было и «признаніе французовъ» и союзъ съ Польшею и въ заключеніе тяжелая эвакуація и напрасная гибель многихъ славныхъ офицеровъ и добровольцевъ отъ рукъ пріемника его власти въ Крыму Бела Кунъ.

Антанта въ 1920 г. санкціонировала завоевательный планъ Пильсудскаго, требовавшаго установленія границъ 1772 г. Когда это фантастическое предпріятіе едва не привело Польшу къ новому исчезновенію съ карты Европы — Франція спасаетъ ее руками генерала Врангеля, т. е. кровью тѣхъ же русскихъ офицеровъ и солдатъ. Въ то время когда красная армія, сконцентрировавъ ударныя группы противъ польской линіи, уже обрушивалась на убѣгающихъ поляковъ — Франція приняла экстренныя мѣры.

Во первыхъ, она помпезно признала генерала Врангеля (экстренно), а во вторыхъ, недвусмысленно указала и потребовала (за ничтожную матеріальную помощь) его выступленія къ сѣверу съ Перекопскаго перешейка для удара въ

[1] Мы русскіе, работавшіе съ германцами раньше подготовили ему вполнѣ благопріятную почву въ Германіи и нами были намѣчены нѣкоторые планы, которые оказались бы навѣрное болѣе выгодными для Россіи, чѣмъ выступленіе въ союзѣ съ Польшею. Однако послѣ пріѣзда уполномоченнаго Комиссарова и ареста Врангелемъ, высланныхъ къ нему въ Крымъ германскихъ представителей, о совмѣстной работѣ говорить было нельзя.

[2] Мой докладъ генералу Деникину, на которомъ онъ написалъ: «къ черту Авалова съ его нѣмцами», былъ переданъ тогда же генералу Врангелю и послѣдній нашелъ все изложенное въ немъ правильнымъ, то есть онъ соглашался и съ необходимостью работать вмѣстѣ съ Германіей.

тылъ наступающимъ большевикамъ (тоже экстренно). То есть заставила генерала Врангеля дѣлать какъ разъ то, что явно губило, а главное ненужно, русскихъ офицеровъ и солдатъ. О цѣлесообразности дѣла судятъ по его концу; такъ вотъ конецъ былъ настолько плачевнымъ и трагическимъ, что Россія не можетъ и не должна простить въ будущемъ «союзникамъ» ихъ предательской политики, стоившей намъ русскимъ безсмысленныхъ рѣкъ крови. Когда такимъ образомъ при помощи генерала Врангеля Польша выправилась отъ рокового нажима, она немедленно подписала въ Ригѣ съ большевиками миръ. Генералъ Врангель, ослѣпленный довѣріемъ къ Франціи, остался на полѣ схватокъ одинъ на одинъ съ красной арміей. Трагедія началась и вскорѣ красный спрутъ протянулъ свои лапы на Крымскій полуостровъ, гдѣ и пролилась обильная русская кровь. Франція и Польша смотрѣли на это болѣе чѣмъ хладнокровно. Печать союзнической оріентаціи много писала о томъ, что Франціей были приняты всѣ мѣры къ тому, чтобы благополучно эвакуировать армію генерала Врангеля. Печать нашего времени не является больше шестой державой — независимой, гордой и замкнутой. На ея мѣстѣ появилась продажная публицистика готовая за деньги изъ сѣрой фигуры создавать геній, изъ разбойника государственнаго дѣятеля. А тамъ, гдѣ рѣчь идетъ о цѣломъ государствѣ, о націи, какія суммы не бросаются въ пасть кричащую на весь міръ? Однако труды хвалебныхъ статей никогда не скроютъ отъ серьезныхъ, честныхъ людей правды; и для всѣхъ ясно, что Франція равнодушно наблюдала за гибелью русскихъ людей, вождь которыхъ, соблазненный признаніемъ, нерасчетливо ударивъ по большевикамъ, попалъ въ угоду французамъ и полякамъ по Россіи.

Польша была спасена, русскіе трупы остались на Крымскомъ полуостровѣ, но миръ былъ подписанъ — что еще надо?..... Русская же кровь лилась дальше, пороходы для экакуаціи давались скудно, очевидность гибели на Крымскомъ полуостровѣ возростала съ каждымъ днемъ. Еще живы очевидцы этой трагедіи и участники ея — мои подчеркивающія указанія на дѣйствія Франціи въ этомъ періодѣ могутъ быть провѣрены. Кто изъ насъ не знаетъ, что отчаянье въ Крыму такъ сгущалось, а положеніе бѣгущихъ отъ красныхъ ордъ замыкалось въ такое безвыходное кольцо, что нерѣдко отцы семействъ убивали своихъ близкихъ собственными руками, а затѣмъ поканчивали и съ собой, лишь бы не видѣть, какъ это будутъ съ нимъ и съ его семьей дѣлать большевики. На страшные крики о помощи, обращеные къ Франціи, она отвѣчала молчаніемъ.

Вся эта исторія, кромѣ огромнаго физическаго ущерба нанесла Россіи моральное оскорбленіе: какъ извѣстно при подписаніи Рижскаго договора между Польшей и большевиками, послѣдніе вынуждены были признать границы 1772 г. и кромѣ того уплатить 5 милліардовъ золотыхъ рублей. Погибли въ результатѣ все же русскіе люди и у красныхъ и у Врангеля, а Польша не въ убыткѣ, какъ и Франція, которая не упустила возможности приложить руки къ русскому достоянію — къ пяти милліардамъ русскаго золота.

Развивая эту главу я не задаюсь цѣлью прагматически и строго прослѣдить политическіе пути и дѣйствія «союзниковъ»—я даю всего лишь общій набросокъ, составленный мною изъ отдѣльныхъ явленій, подтвержденныхъ документально или свидѣтельскими показаніями современниковъ или участниковъ этихъ событій.

Приблизительно вскорѣ послѣ отвода моей арміи въ глубину Германіи въ газетѣ «Общее дѣло» (Парижъ) начали появляться статьи, въ которыхъ недвусмысленно анализировались дѣйствія «союзниковъ», конечно, въ чрезвычайно сдержанныхъ формахъ.

Въ № 467 отъ 21-го ноября 1921 г. послѣ краткаго изложенія всей Прибалтійской исторіи, освѣщенной безпристрастно, писалось:

«... Да и вообще, присматриваясь внимательно къ вооруженной борьбѣ съ большевиками, можно всюду замѣтить чью то невидимую десницу, направляющую событія такъ, что въ концѣ концовъ торжествовали большевики. Вѣдь нельзя же всерьезъ говорить о томъ, что причина неудачнаго исхода антибольшевистской борьбы лежитъ лишь въ скверной политикѣ командованія и низкихъ нравственныхъ качествахъ добровольцевъ. Достаточно сравнить бѣлыхъ и красныхъ, чтобы видѣть что тамъ въ этомъ отношеніи хуже. Повидимому суть дѣла совсѣмъ не въ томъ, а въ чемъ то другомъ. Но въ чемъ или, вѣрнѣе, въ комъ?»

Газета выражаетъ надежду, что всетаки когда—нибудь «все тайное да будетъ явнымъ». Конечно, близость французской полиціи не позволила редакціи высказаться полнѣе по адресу «невидимой десницы». Это все та же злобная и разрушительная союзническая политика. Она дѣйствуетъ за плечами русскихъ борцовъ, ослабляетъ ихъ волю и въ результатѣ губитъ ихъ массами, эгоистично и бездушно распоряжаясь ими для себя......

Такъ разрушалась и разрушается еще теперь Россія руками предателей — «союзниковъ».

И мы ,оскорбленные въ своихъ лучшихъ чувствахъ, русскіе патріоты, отдѣливъ на пространствѣ времени предательство «союзниковъ» отъ честной вражды германцевъ, вызванной войной и смѣнившейся теперь взаимнымъ довѣріемъ и совмѣстной работой, должны понять, что истинный и спасительный путь нашей политики лежитъ съ германцами, а дѣйствія наши — открытыя и честныя — въ цѣляхъ укрѣпленія этой политики и выгодъ отъ нея — должны твердо сочетаться съ дѣйствіями германскихъ патріотовъ. Тамъ гдѣ народы связаны одной и той же судьбою — всегда обезпечена неизсякаемо-глубокая внимательность другъ къ другу и проникновенная готовность къ творчеству и созиданію.

Молю Бога, чтобы грядушій союзъ Германіи и Россіи, союзъ абсолютно неустранимый, перечитавъ безумныя страницы исторіи, разсказывающія о губительныхъ интригахъ «союзниковъ» общемірового размаха, нашелъ подлинные слова и подлинныя дѣйствія къ уничтоженію ихъ темной и отвратительной силы......

ГЛАВА XXII.

ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО ГОСУДАРЪ ИМПЕРАТОРЪ КИРИЛЛЪ ВЛАДИМІРОВИЧЪ.

I.

Государь Великій Князь Кириллъ Владиміровичъ, Августѣйшій Блюститель Государева Престола

Очеркъ капитана 2-го ранга Г. Графъ.

Болѣе 300 лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, какъ на Московскій Престолъ вступилъ Царь Михаилъ Феодоровичъ Романовъ. Тогда Россія переживала такіе же тяжелые годы, какъ и теперь; она также была разорена, и какъ и нынѣ, въ ней распоряжались иноземцы и поддонки населенія.

Съ воцареніемъ рода Романовыхъ, постепенно стала ослабѣвать смута, и понемногу Московское Государство превращалось въ великую, могучую Россійскую Имперію.

Три вѣка Русью правили Романовы, отдавая всѣ Свои силы любимой Родинѣ и народу. Подъ Ихъ державнымъ скипетромъ крѣпло и пріобрѣтало все большее значеніе Государство Россійское, съ конца XVIII Вѣка занявши одно изъ первыхъ мѣстъ среди Великихъ Державъ.

Въ 1913 году было торжественно отпраздновано трехсотлѣтіе благополучнаго царствованія Династіи, и казалось, что еще многіе годы и въ будущемъ благоденствіе Россіи обезпечено подъ благодатнымъ Державствомъ. Но міровыя событія начала XX Вѣка привели къ Великой Войнѣ всѣхъ народовъ, и, при высшемъ напряженіи народныхъ силъ, оказавшись въ центрѣ міровыхъ интригъ, рухнулъ Императорскій Тронъ. Россія лишилась Своего Монарха и должна была погибнуть.

Благороднѣйшій изъ Государей вселенной, несшій бремя Правителя во имя Своей великой любви къ народу, повѣрилъ, какъ Онъ считалъ, «лучшимъ» русскимъ людямъ и отрекся отъ Прародительскаго Престола. Онъ думалъ этой большой цѣной помочь Россіи въ ея тяжеломъ положеніи и не могъ допустить и мысли, что ради Него она можетъ переживать еще большія страданія.

Коварны были совѣты «лучшихъ» русскихъ людей; они оказались не лучшими изъ русскихъ, а предателями; они обманули Своего Государя, въ Его лицѣ обманувъ и всю Россію. Они стали клятвопреступниками, ибо измѣнили Тому, Кому цѣловали Крестъ и Евангеліе на вѣрность.

Обольщенный несбыточными обѣщаніями, повѣрилъ имъ и весь Русскій народъ и измѣнилъ своему Государю. Спокойно отнесся онъ къ тому, что Царя и Его Семью заточили въ тюрьму, что Имъ пришлось совершенно безвинно принять

цѣлый рядъ мукъ и надругательствъ. Молчалъ онъ и послѣ того, какъ, 17-го іюля 1918 года, въ Екатеринбургѣ, свершилось неслыханное, гнуснѣйшее въ мірѣ, преступленіе, и руками наемныхъ убійцъ были звѣрски убиты Государь Императоръ и Его Семья. Погибъ, преданный народомъ, тотъ Императоръ, который больше всего въ мірѣ любилъ Свой народъ и, любя и вѣря ему, отдался подъ его защиту.

Скоро пришло извѣстіе, что также звѣрски погибъ и родной братъ Государя, благороднѣйшій Великій Князь Михаилъ Александровичъ. При какихъ обстоятельствахъ произошло это второе преступленіе, такъ пока и осталось невыясненнымъ.

Одновременно съ извѣстіемъ о гибели Царской Семьи, подробно описанной воспитателемъ Наслѣдника Цесаревича Алексѣя Николаевича, Пьеромъ Жильяромъ, поползли слухи, что все же Государь и вся Его Семья живы, что живъ Великій Князь Михаилъ Александровичъ.

Правда ли это? Дѣйствительно ли Господу Богу было угодно спасти, для счастья Россіи, кого нибудь изъ этихъ старшихъ Членовъ Царственной Семьи. И этимъ снять ужасное, кровавое пятно, которое лежитъ на Русскомъ народѣ.

Мы хотимъ вѣрить, что — да; но пока еще нѣтъ никакихъ прямыхъ доказательствъ тому. А вмѣстѣ съ тѣмъ года идутъ за годами. Россія изнываетъ въ страшныхъ мученіяхъ, и все безпросвѣтнѣе становится жить народу.

Но всему приходитъ конецъ; придетъ конецъ и страданіямъ Россіи. И конецъ этотъ уже близокъ. Все больше и больше запутываются нынѣшніе самозванные правители, на каждомъ шагу сама жизнь доказываетъ всю несостоятельность ихъ зловредной и неумѣлой работы.

Русскій народъ доведенъ революціей до рабскаго состоянія. Онъ вынужденъ питаться тѣмъ кускомъ черстваго хлѣба, который бросаютъ ему его тираны не русскіе комиссары. Но слышется уже глухой ропотъ; сквозь ужасы террора звучитъ голосъ раскаянія въ содѣянномъ и проникаетъ лучъ сознанія, что лишь законный Хозянъ Земли Русской освободитъ Народъ отъ хищныхъ когтей. Ужъ никакія силы не удержатъ этого движенія, и пусть еще сильны въ Кремлѣ «народные» коммиссары; но ихъ часы сочтены, они должны погибнуть, таковъ законъ природы.

Не карателемъ явится на прадѣдовскій Престолъ законный Хозяинъ земли Русской, не мщеніе и казни Онъ внесетъ въ истрадавшуюся Россію. Прощеніе, миръ и успокоеніе принесетъ Онъ Своему заблудшему и обманутому народу. Всѣ снова начнутъ спокойную, здоровую жизнь, подъ твердой властью, опирающейся на незыблемые законы, созданные новыми условіями жизни. Снова Россія начнетъ спокойно идти, развиваясь на своемъ историческомъ пути, и скоро достигнетъ прежняго процвѣтанія, ибо она вернется въ свое природное русло.

Въ нынѣ уже историческій день 26 іюля 8 августа 1922 года, впервые за пять съ половиною лѣтъ, Русскій народъ услышалъ голосъ Старшаго Члена законной Династіи, Великаго Князя Кирилла Владиміровича. Съ этого момента Онъ взялъ на Себя возглавленіе всероссійскаго національнаго движенія и объяв-

вилъ Себя Блюстителемъ Государева Престола, чтобы вернуть родину старадающему Русскому народу.

Не многіе изъ русскихъ знаютъ Великаго Князя Кирилла Владиміровича, не многимъ случалось Его видѣть и съ Нимъ бесѣдовать. Это оттого, что Онъ, служа во Флотѣ, всегда стоялъ въ сторонѣ отъ государственной дѣятельности и никогда не искалъ извѣстности.

Высокая, стройная, мужественная фигура. Правильныя черты благороднаго лица, воодушевленнаго проницательнымъ и рѣшительнымъ взоромъ, столь напоминающимъ взглядъ Прадѣда, Императора Николая I, отъ котораго Великій Князь унаслѣдовалъ схожесть и Его царственную красоту.

Вдумчивый, образованный, легко разбирающійся въ самыхъ трудныхъ вопросахъ, съ краткою рѣчью, Великій Князь обворожительно простъ въ обращеніи, но каждый удостоившійся бесѣды съ Нимъ сразу чувствуетъ, что натура эта не создана для компромиссовъ.

Строгій къ Самому Себѣ и точный въ Своемъ образѣ жизни, Его Императорское Высочество требуетъ и цѣнитъ въ Своихъ сотрудникахъ опредѣленность и серьезое отношеніе къ работѣ. О добротѣ Его сердца свидѣтельствуетъ постоянная готовность помочь всѣмъ, кто къ Нему обращается.

Его Императорское Высочество Великій Князь Кириллъ Владиміровичъ родился 30 сентября 1876 года (тезоименитство 11 мая въ день Св. равноапостольныхъ Кирилла и Мефодія) въ Царскомъ Селѣ. Онъ былъ Первенцемъ просвѣщеннѣйшаго, обаятельнаго Великаго Князя Владиміра Александровича, второго сына незабвеннаго Царя-Освободителя Императора Александра II.

Дѣтскіе и юношескіе годы Великаго Князя протекли въ семейной, чисто-русской обстановкѣ, именно съ русскимъ національнымъ укладомъ, проникнутой высокимъ духомъ Православной религіи и традиціями Русской исторіи. Этимъ всегда Семья Царя-Освободителя являла всему Русскому народу высокій образецъ и силу живой неразрывной связи съ родной страной.

Съ раннихъ лѣтъ воспитателемъ Великаго Князя былъ генералъ-маіоръ Александръ Александровичъ Далеръ, талантливый педагогъ, оставившій въ своемъ Высокомъ Ученикѣ самыя теплыя чувства. Въ болѣе поздніе юношескіе годы, вмѣсто А. А. Далера, воспитателемъ къ Его Императорскому Высочеству, былъ назначенъ генеральнаго штаба генералъ-маіоръ Георгій Робертовичъ Васмундъ, одинъ изъ образованнѣйшихъ русскихъ офицеровъ.

Въ 1891 году, пятнадцати лѣтъ отъ роду, Великій Князь Кириллъ Владиміровичъ поступилъ въ Морской Кадетскій Корпусъ, гдѣ прошелъ полный курсъ обученія. Кромѣ того Онъ занимался и дома со своимъ воспитателемъ и особо приглашенными профессорами, для пріобрѣтенія спеціальныхъ знаній по военнымъ и государственнымъ наукамъ.

Въ теченіе четырехъ лѣтъ, съ 1892 по 1895 годы, Его Императорское Высочество совершилъ четыре кампаніи на судахъ Отряда Морского Корпуса, въ Балтійскомъ морѣ и Финскомъ заливѣ. Онъ на ряду со своими сверстниками, морскими кадетами, неуклонно исполнялъ всѣ ученія, работы и несъ вахтенную и караульную службы.

Первое плаваніе, въ 1892 году, было совершено Имъ на учебномъ суднѣ «Мо-

рякъ», подъ командой капитана I-го ранга Спицкого; второе, въ 1893 году, на броненосномъ фрегатѣ «Князь Пожарскій», подъ командой капитана I-го ранга Остелецкаго; третье и четвертое, въ 1894 и 1895 годахъ, на учебномъ суднѣ «Воинъ». Плаванія длились всѣ лѣтніе мѣсяцы, во время которыхъ непрерывно велись практическія занятія, заканчивавшіяся повѣрочными испытаніями.

По окончаніи Морского Корпуса ,14-го мая 1896 года, въ день Священнаго Коронованія, Великій Князь былъ зачисленъ мичманомъ въ Гвардейскій Экипажъ. 20-го мая того же года Его Императорское Высочество былъ назначенъ флигель — адъютантомъ Государя Императора.

Все лѣто этого года (1896) Великій Князь пробылъ, по желанію Своего Августѣйшаго Отца, въ войскахъ, отбывая лагерный сборъ Лейбъ-Гвардіи въ 4-омъ Стрѣлковомъ Императорской Фамиліи батальонѣ въ Красномъ Селѣ. Тамъ Его Императорское Высочество обучался военно-сухопутному дѣлу командованію ротой, подъ руководствомъ капитана Валеншерна.

Зиму 1896—97 годовъ Великій Князь Кириллъ Владиміровичъ служилъ въ Гвардейскомъ Экипажѣ, состоя помощникомъ завѣдующаго новобранцами роты Ея Величества. По отзыву сослуживцевъ, Великій Князь сразу же обратилъ общее вниманіе на Свое исключительно добросовѣстное и серьезное отношеніе къ служебнымъ обязанностямъ и особенно на стремленіе изучить духовную природу матроса-простолюдина, по примѣру Своего Августѣйшаго Родителя отличавшагося глубокимъ знаніемъ солдата.

Всною 1897 года Его Императорское Высочество былъ назначенъ на крейсеръ I-го ранга «Россія» (командиръ капитанъ I-го ранга Доможировъ) и на немъ пошелъ въ Англію на юбилейныя торжества Королевы Викторіи, по случаю пятидесятилѣтія Ея царствованія.

Осенью того же года крейсеръ «Россія» ушелъ на Дальній Востокъ. На пути онъ заходилъ въ Алжиръ, на о. Мальту, Судабей, Пирей, прошелъ Суэцкій каналъ, Аденъ, Сингапуръ, Гонъ-Конгъ и Портъ-Артуръ. Тамъ «Россія» вошла въ составъ Тихоокеанской эскадры подъ флагомъ вице-адмирала Дубасова, который какъ разъ въ это время получилъ Высочайшее Повелѣніе занять Портъ-Артуръ.

Крѣпость была занята морскимъ отрядомъ, и впервые Русскій Андреевскій флагъ былъ поднятъ Великимъ Княземъ Кирилломъ Владиміровичемъ. Во все время этого перваго Своего плаванія, такого длиннаго и труднаго, Великій Князь несъ обязанности вахтеннаго офицера на ряду съ остальными мичманами, и для Него не дѣлалось никакихъ исключеній.

Лѣтомъ 1898 года крейсеръ «Россія» былъ посланъ въ обходъ всѣхъ портовъ Корейскаго полуострова и дошелъ до Владивостока. Его Императорское Высочество, продолжая числиться на крейсерѣ, провелъ на Русскомъ Дальнемъ Востокѣ нѣсколько мѣсяцевъ, что дало Ему возможность подробно ознакомиться съ этимъ краемъ. Онъ между прочимъ посѣтилъ Хабаровскъ, строющуюся Уссурійскую желѣзную дорогу и совершилъ плаваніе по р. Амуру.

Изъ Владивостока крейсеръ «Россія» пошелъ въ Японію, въ портъ Іокогаму. Великому Князю Кириллу Владиміровичу Государь Императоръ поручилъ представлять Свою Особу, во время чрезвычайно важныхъ переговоровъ съ

Японіей. Его Императорское Высочество въ Токіо былъ торжественно принятъ покойнымъ японскимъ Императоромъ Мутсухито, и Ему были оказаны высшія почести.

Бывшій въ то время нашимъ посломъ въ Японіи, баронъ Романъ Романовичъ Розенъ, въ своихъ воспоминаніяхъ разсказываетъ объ этихъ дняхъ. О томъ чарующемъ впечатлѣніи, какое произвелъ молодой, двадцатидвухлѣтній Великій Князь на японскіе круги и на наше посольство Своимъ большимъ, врожденнымъ, чисто царственнымъ тактомъ, государственнымъ умомъ и способностью быстро и удивительно правильно разбираться въ обстановкѣ. Старый, умудренный опытомъ дипломатъ разсказываетъ объ этой трудной и блестящей миссіи молодого Великаго Князя, какъ объ одномъ изъ лучшихъ своихъ воспоминаній.

Въ ноябрѣ 1898 года Его Императорское Высочество получилъ Высочайшее Повелѣніе вернуться въ Россію. Совершивъ путь черезъ Америку, Великій Князь, послѣ полуторагодового кругосвѣтнаго плаванія, прибылъ, въ январѣ 1899 года, въ С.-Петербургъ, къ прежней Своей службѣ, въ Гвардейскій Экипажъ.

Лѣто 1899 года Великій Князь проплавалъ на Артиллерійскомъ Отрядѣ, подъ флагомъ контръ-адмирала Рождественскаго, на учебномъ суднѣ «Генералъ-Адмиралъ». Тамъ Онъ проходилъ курсъ артиллерійскихъ стрѣльбъ и вообще изучалъ артиллерійское дѣло, наравнѣ со слушателями Артиллерійскихъ классовъ.

Послѣ этого Его Императорское Высочество былъ назначенъ въ Черное море и все лѣто 1900 года плавалъ на эскадренномъ броненосцѣ «Ростиславъ», подъ командой Великаго Князя Александра Михайловича.

6-го декабря этого года, Великій Князь былъ произведенъ въ лейтенанты.

Окончивъ это плаваніе, Его Императорское Высочество вернулся въ С.-Петербургъ, въ Гвардейскій Экипажъ, гдѣ принялъ въ командованіе роту Ея Величества. Ею Онъ прокомандовалъ всю зиму 1900—1901 г. г.

Весною 1901 года Великій Князь получилъ назначеніе на эскадренный броненосецъ «Пересвѣтъ» (подъ командой капитана 1-го ранга Королева), который въ это время заканчивалъ постройку въ Кронштадтѣ. Къ осени того же года постройка была закончена, и броненосецъ ушелъ на Дальній Востокъ. Такимъ образомъ Его Императорское Высочество отправился во второе кругосвѣтное плаваніе.

На «Пересвѣтѣ» Великій Князь былъ старшимъ лейтенантомъ и во время всего похода несъ обязанности вахтеннаго начальника.

Служба вахтеннаго начальника является особенно отвѣтственной на ходу, когда ему ввѣряется цѣлость всего корабля. Находясь на мостикѣ во время своей вахты, онъ долженъ бдительно слѣдить за курсомъ корабля, рулевымъ и окружающимъ горизонтомъ.

Когда погода хорошая, тогда эта обязанность еще не такъ сложна, хотя требуетъ огромнаго вниманія и опыта. Но въ худыя погоды: въ шторма, пургу, дождь, туманы и тайфуны, вахтенному начальнику не легко приходится. Бдительность должна быть доведена до высшаго предѣла. Изъ-за плохого горизонта, надо быть готовымъ въ любой моментъ принять мѣры, чтобы въ случаѣ

неожиданной встрѣчи съ другимъ судномъ, не произошло бы столкновенія. Надо стараться вовремя увидѣть необходимые маяки и другіе знаки, ограждающіе опасности. Слѣдить чтобы рулевой совершенно точно держалъ на курсѣ.

Не легко это дѣлать, когда сильный вѣтеръ дуетъ прямо въ лицо, а качка мѣшаетъ ходить по мостику и приходится крѣпко держаться, чтобы устоять на мѣстѣ. Къ тому же волнами, разбивающимися объ носъ корабля, заливаетъ мостикъ, и всѣ стоятъ совершенно мокрые; дождь слѣпитъ глаза и мѣшаетъ смотрѣть впередъ. И все же вахтенный начальникъ, сознавая всю величину отвѣтственности, лежащей на немъ, и помня, что ему ввѣренъ корабль, а съ нимъ и нѣсколько сотъ человѣческихъ жизней, напрягаетъ зрѣніе и старается точно исполнить свои обязанности...

На пути броненосецъ заходилъ въ Англію, пересѣкъ Средиземное море, Суэцкій каналъ, зашелъ въ Коломбо, на о. Яву и Гонъ-Конгъ.

Придя на Дальній Востокъ, «Пересвѣтъ» вошелъ въ составъ нашей Тихоокеанской эскадры, плававшей подъ флагомъ вице-адмирала Скрыдлова. Его Императорское Высочество, продолжая служить на эскадрѣ принималъ ближайшее участіе въ практическихъ плаваніяхъ съ ежедневными ученіями, маневрированіями и стрѣльбами.

Въ серединѣ 1902 года Великій Князь былъ переведенъ на крейсеръ 1-го ранга «Адмиралъ Нахимовъ».

Старшій офицеръ этого крейсера, нынѣ вице-адмиралъ Н. А. Петровъ-Чернышинъ, въ своихъ воспоминаніяхъ объ этомъ плаваніи отмѣчаетъ, что согласно закона, Великій Князь не пользовался никакими привиллегіями и правами, полагающимися Ему по рожденію. Начальство крейсера не дѣлало никакого различія между Нимъ и другими офицерами. Въ этихъ условіяхъ Великій Князь зарекомендовалъ Себя самымъ дисциплинированнымъ, тактичнымъ и исполнительнымъ офицеромъ на кораблѣ.

Скоро старшій офицеръ крейсера получилъ другое назначеніе, и на его мѣсто былъ назначенъ Великій Князь. Онъ былъ слишкомъ молодъ для исполненія такой сложной обязанности, да еще на большомъ кораблѣ. Это Его Императорское Высочество хорошо сознавалъ и относился къ Своимъ новымъ обязанностямъ особенно серьезно, отдавая всю энергію на эту тяжелую работу. Благодаря этому на кораблѣ всегда былъ полный порядокъ, и жизнь продолжала течь совершенно гладко. Кромѣ этого работа молодого Старшаго Офицера сильно осложнилась внезапной болѣзнью и затѣмъ скоропостижной смертью Командира крейсера.

Тѣ офицеры, которымъ пришлось служить въ это время подъ начальствомъ Великаго Князя, свидѣтельствуютъ о Его постоянной заботливости, справедливости и сердечномъ отношеніи къ нимъ и всей командѣ.

Поздней осенью 1902 года крейсеръ «Адмиралъ Нахимовъ» вышелъ въ Россію и въ маѣ 1903 года пришелъ въ Кронштадтъ, послѣ чего Его Императорское Высочество вернулся въ Гвардейскій Экипажъ, гдѣ продолжалъ Свою службу.

1-го января 1904 года Великій Князь былъ произведенъ въ капитаны 2-го ранга.

2.

26-го января 1904 года, японцы призвели внезапную минную атаку на нашу Тихоокеанскую эскадру, стоявшую на Портъ-Артурскомъ рейдѣ. Этимъ актомъ началась тяжелая Русско-Японская война.

Въ первый же день объявленія войны, Великій Князь Кириллъ Владиміровичъ просилъ Государя Императора разрѣшить отправиться на войну, на что и получилъ Высочайшее благословеніе. Онъ немедленно отбылъ, по желѣзной дорогѣ въ Портъ-Артуръ, въ сопровожденіи Своего адъютанта и личнаго друга, лейтенанта Н. Ф. Кубе.

По пріѣздѣ Его Императорскаго Высочества въ Портъ-Артуръ, Онъ вступилъ въ исполненіе должности Начальника Военно-Морского отдѣла, Штаба Командующаго Флотомъ Тихаго Океана, которымъ былъ вице-адмиралъ С. О. Макаровъ.

Командующій Флотомъ держалъ свой флагъ на эскадренномъ броненосцѣ «Петропавловскъ», гдѣ помѣщался весь его Штабъ и въ томъ числѣ и Великій Князь. Такимъ образомъ Его Императорскому Высочеству пришлось принимать непосредственное участіе во всѣхъ бояхъ, отраженіяхъ минныхъ атакъ и постановкахъ минъ загражденій. Это было время, полное опасности и тяжелыхъ трудовъ. Подъ руководствомъ талантливаго адмирала С. О. Макарова, всѣ работали забывая себя, во имя чести своей Родины. Этотъ періодъ оставилъ сильное впечатлѣніе на Великомъ Князѣ, и въ особенности Ему памятенъ самъ адмиралъ С. О. Макаровъ.

30-го марта, около 10 часовъ вечера, накнунѣ гибели «Петропавловска», адмиралъ Макаровъ и Великій Князь, въ сопровожденіи Начальника Военнаго отдѣла Штаба, полковника Агапѣева, и трехъ флагъ-офицеровъ, на паровомъ катерѣ пошли на сторожевой крейсеръ «Діану», стоявшій на внѣшнемъ рейдѣ на бочкахъ.

Около 11 часовъ вечера, со сторожевыхъ постовъ стали поступать тревожныя сообщенія: о появленіи огней на горизонтѣ, о силуэтахъ какихъ-то судовъ и свѣта боевыхъ фонарей. Наконецъ, послышались частые выстрѣлы мелкой артиллеріи, и на сторожевыхъ постахъ Ляотешаня разобрали даже крики. Потомъ выяснилось, что это японскіе миноносцы разстрѣливали китайскую джонку.

Однако 5 часовъ утра, 31-го марта, адмиралъ Макаровъ и Велилій Князь, вернулись на броненосецъ. Къ этому времени на горизонтѣ показались съ востока, наши миноносцы, ходившіе ночью въ развѣдку и теперь преслѣдуемые японскими крейсерами. Крейсеръ «Баянъ» прикрывалъ ихъ отъ непріятеля. Далеко на югъ, былъ виденъ, окруженный японскими крейсерами и миноносцами, еще одинъ нашъ миноносецъ. Позднѣе выяснилось, что это оказался «Страшный», который ночью вслѣдствіе пасмурной погоды и дождя, оторвался отъ своихъ миноносцевъ и попалъ между непріятельскими, принявъ ихъ за свои.

Командующій Флотомъ приказалъ немедленно всей эскадрѣ выйти въ море. Въ 7-омъ часу «Аскольдъ» и «Новикъ» были на рейдѣ, «Петропавловскъ» и за нимъ въ кильватерѣ «Полтава» выходили изъ гавани.

Погода стояла хмурая, шелъ мелкій дождь. Когда «Петропавловскъ» и «Полтава» вышли на рейдъ, «Баяну» было приказано идти впереди флота, а остальнымъ крейсерамъ вступить въ кильватеръ броненосцамъ.

Въ это время на горизонтѣ показалось 6 непріятельскихъ броненосныхъ крейсеровъ, которые черезъ нѣсколько минутъ открыли сильный огонь по идущему впереди »Баяну». Тогда Командующій Флотомъ приказалъ ему вступить въ свое мѣсто.

Одновременно Адмиралъ приказалъ эскадрѣ открыть огонь. Но такъ какъ разстояніе было слишкомъ велико, то Командующій Флотомъ скоро прекратилъ огонь и повернулъ къ Портъ-Артуру.

Какъ разъ въ этотъ моментъ на горизонтѣ появилась броненосная эскадра непріятеля, состоявшая изъ 8 кораблей.

Подойдя къ Портъ-Артуру, Адмиралъ повернулъ на востокъ. Въ это время къ нашей эскадрѣ присоединились «Побѣда» и «Пересвѣтъ», такимъ образомъ въ строю были 4 броненосца и 4 крейсера. Въ ожиданіи пятаго броненосца – «Севастополя», Командующій Флотомъ пошелъ вдоль берега къ Лютину-Року, туда, куда до этого времени наши корабли никогда не ходили.

На вопросъ Адмирала, почему «Севастополь» все еще не выходитъ, ему было отвѣчено, что изъ-за усилившагося сѣвернаго вѣтра броненосецъ такъ сильно прижимаетъ къ стѣнкѣ, что четыре буксира не въ состояніи его оттащить. Это страшно разсердило Адмирала, и онъ приказалъ поднять сигналъ: «Севастополю остаться въ гавани».

Флотъ продолжалъ идти на сближеніе съ противникомъ. Командующій Флотомъ рѣшилъ, несмотря на значительный перевѣсъ въ силахъ непріятеля, вступить въ бой. Когда эта вѣсть разнеслась по эскадрѣ, у всѣхъ создалось приподнятое настроеніе: почувствовалось, что насталъ моментъ отомстить за январьскую атаку.

Среди офицеровъ былъ и знаменитый художникъ В. В. Верещагинъ, который все время что то набрасывалъ въ маленькій парусиновый альбомчикъ. Онъ былъ очень веселъ, штутилъ и радовался, что ему наконецъ удалось попасть въ морское сраженіе. Адмиралъ передъ выходомъ въ море его уговаривалъ остаться на берегу, но В. В. Верещагинъ и слышать не хотѣлъ объ этомъ.

Около 10 часовъ утра, раздался глухой, сильный ударъ, и съ другихъ кораблей увидѣли, что подъ «Петропавловскомъ» произвошелъ страшный взрывъ. Онъ весь приподнялся, изъ носовой части выросъ огромный столбъ огня и воды... Броненосецъ окутался дымомъ и паромъ... Корма вылѣзла изъ воды, такъ что винты работали на воздухѣ, и онъ сталъ стремительно погружаться... Черезъ $1^3/_4$ минуты, отъ него ничего не осталось. Только кое гдѣ плавали жалкіе обломки и за нихъ держались люди ... Море опять было спокойно, и волны лѣниво набѣгали одна на другую, замкнувшись надъ свѣжей могилой грознаго броненосца. Всего лишь нѣсколько минутъ тому назадъ онъ гордо разсѣкалъ эти волны, а теперь лежитъ на днѣ — безпомощный и разбитый...

Эскадра моментально застопорила машины и, оцѣпенѣвъ отъ ужаса, смотрѣла на происходящее. Никто не зналъ, вѣрить или не вѣрить своимъ глазамъ... Но вотъ — прошло первое оцѣпенѣніе, и большіе корабли стали лихорадочно спускать шлюпки, а минонисцы бросились къ мѣсту гибели.

Съ вельбота «Гайдамака», который однимъ изъ первыхъ началъ спасать, вдругъ услышали крикъ: «на вельботѣ, спасайте Великаго Князя». Подойдя къ

этому мѣсту съ него увидѣли двухъ офицеровъ, въ одномъ изъ которыхъ скоро признали Великаго Князя Кирилла Владиміровича. Почти въ безчувственномъ состояніи, Онъ немедленно былъ поднятъ изъ воды.

Вельботъ былъ страшно перегруженъ, такъ что надо удивляться, какъ онъ не перевернулся. Слава Богу еще, что вѣтеръ былъ съ берега, и не было крупной волны. Далѣе Великій Князь былъ перенесенъ на миноносецъ «Безшумный», который и доставилъ Его Императорское Высочество въ гавань.

Съ Золотой Горы случайно наблюдалъ за катастрофой Августѣйшій Братъ Великаго Князя, Борисъ Владиміровичъ, который первое время думалъ, что Его Старшій Братъ погибъ, и былъ въ отчаяніи. Но скоро Ему дали знать, что Великій Князь Кириллъ Владиміровичъ живъ, и Онъ немедленно отправился въ гавань и не отходилъ отъ Него вплоть до Ляояна, куда онъ былъ перевезенъ.

Обстановка гибели «Петропавловска» и чудесное спасеніе Великаго Князя Кирилла Владиміровича, по личнымъ воспоминаніямъ спасенныхъ офицеровъ, рисуется такъ.

Когда броненосецъ попалъ на непріятельское загражденіе, и произошелъ взрывъ, моментально детонировали 12″ бомбовые погреба и 20 штукъ минъ загражденій, находившихся въ подбашенномъ отдѣленіи. Благодаря этому произошелъ цѣлый рядъ отдѣльныхъ взрывовъ на самомъ броненосцѣ.

Въ это время Великій Князь разговаривалъ съ художникомъ В. В. Верещагинымъ и находился на мостикѣ, гдѣ стоялъ Командующій Флотомъ Адмиралъ С. О. Макаровъ.

«Петропавловскъ» сразу же сталъ сильно крениться на правый бортъ и такъ быстро погружаться, что казалось, что онъ проваливается въ какую то бездну. Кругомъ царилъ хаосъ. То и дѣло происходили взрывы, пламя и вода съ ревомъ выбрасывались изъ подъ верхней палубы; все обращалось въ груды обломковъ, которые, летя на воздухъ и падая обратно на палубу, ранили и убивали людей. Удушливый, ѣдкій дымъ заставлялъ задыхаться, пламя жгло; все увеличивавшійся кренъ мѣшалъ двигаться и срывавшіеся съ мѣстъ тяжелые предметы угрожали раздавить или прижать. Овтъ общаго шума, заглушавшаго всѣ звуки, нельзя было произнести ни одного слова.

Это былъ ужасъ; холодный, безпощадный ужасъ, отъ котораго цѣпенѣетъ мозгъ, и человѣкъ можетъ сойти съума.

Великій Князь во время взрывовъ былъ обожженъ и контуженъ, но не терялъ присутствія духа. Чтобы защитить Себя отъ подступавшаго моря пламени все сжигавшаго на своемъ пути, Его Императорское Высочество перескочилъ на крышу лѣвой 6″ башни, и въ этотъ моментъ, подступавшей все выше и выше водой, Его увлекло въ страшный водоворотъ, образовавшійся во время гибели броненосца.

Но неисповѣдимы Пути Господни! Онъ спасъ жизнь Великаго Князя. Огромнымъ напряженіемъ всѣхъ силъ, Его Императорскому Высочеству удалось преодолѣть стремительную силу водоворота и выплыть на поверхность моря.

Сильно обожженный, контуженный и помятый взрывомъ, Великій Князь продержался въ холодной (5°) водѣ — сорокъ минутъ. Когда силы стали уже

Его оставлять, Ему удалось, при помощи тутъ же плававшаго мичмана Яковлева, влѣзть на обломокъ рубки парового катера.

Но вовремя подоспѣла помощь, и Великій Князь Кириллъ Владиміровичъ былъ спасенъ.

Съ «Петропавловска» погибла большая часть его экипажа и остались въ живыхъ только 7 офицеровъ изъ 38, и 83 матроса. Увы, въ числѣ погибшихъ былъ и Командующій Флотомъ, вице-адмиралъ С. О. Макаровъ, гибель котораго горько оплакивалась всей Россіей.

Чудомъ спасся Великій Князь, и въ этомъ нельзя не видѣть Перстъ Божій.

Послѣ катастрофы здоровье Его Императорскаго Высочества еще долгое время было въ очень тяжеломъ состояніи, Его жизни угрожала серьезная опасность: сильная контузія, обжегъ лица и простуда, отъ продолжительнаго пребыванія въ холодной водѣ, давали себя знать. Поэтому потребовалось еще длительное и серьезное леченіе, и Великій Князь изъ Ляояна былъ эвакуированъ въ С.-Петербургъ.

Когда Его Императорское Высочество окончательно возстановилъ Свое здоровье, Онъ вернулся къ несенію службы и получилъ назначеніе въ Главный Морской Штабъ.

26-го сентября 1905 года Великій Князь Кириллъ Владиміровичъ вступилъ въ бракъ съ Ея Императорскимъ Высочествомъ Великой Княгиней Викторіей Феодоровной.

Кто имѣлъ честь быть представленнымъ Великой Княгинѣ и съ Ней бесѣдовать, тотъ не могъ не проникнуться безграничнымъ уваженіемъ и поразиться Ея блестящимъ и чисто государственнымъ умомъ. Ея простое и неизмѣнно любезное отношеніе къ окружающимъ сразу располагаетъ къ Ней.

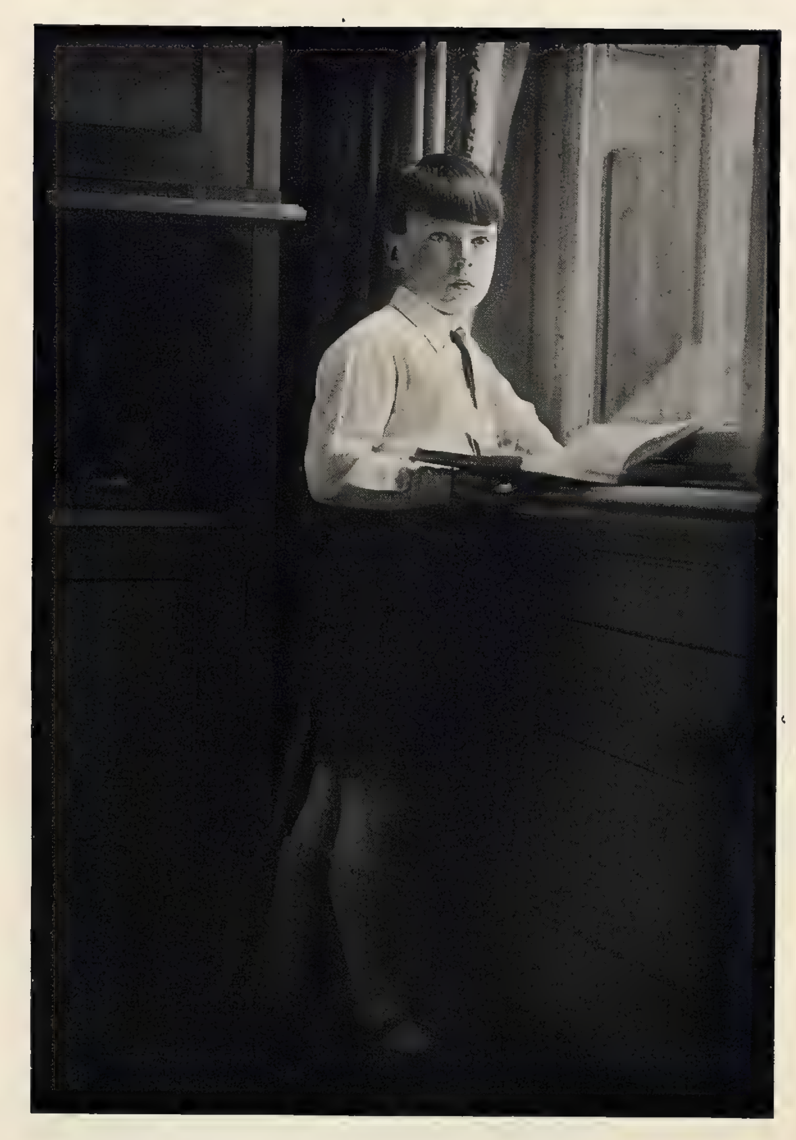
Ея Императорское Высочество родилась 12-го ноября 1876 года, на о. Мальта (тезоименитство — 1 іюня). Она Дочь Герцога Эдинбургскаго, впослѣдствіи и Герцога Кобургскаго Альфреда, второго Сына Королевы Викторіи Англійской. Августѣйшая Мать — Дочь Императора Александра II, Великая Княгиня Марія Александровна. Великая Княгиня Марія Александровна, выйдя замужъ за иностранца и покинувъ Россію, продолжала быть до самой смерти ревностно-приверженной къ Православной Церкви. Августѣйшій Ея Отецъ, Императоръ Александръ II, видя Ея набожность, подарилъ Ей Свою походную (во время Турецкой войны) церковь. Эта священная для русскихъ реликвія и по сіе время хранится въ родовомъ дворцѣ Герцоговъ Кобургскихъ, въ Кобургѣ.

Въ 1909 году Россійскій Императорскій Домъ понесъ тяжелую утрату — 4-го февраля почилъ въ Бозѣ Августѣйшій Отецъ Великаго Князя Кирилла Владиміровича, благороднѣйшій и всѣми любимый Великій Князь Владиміръ Александровичъ.

Весной 1909 года Великому Князю было предложено принять въ командованіе одинъ изъ крейсеровъ. Его Императорское Высочество отказался отъ такого назначенія и просилъ дать Ему возможность пробыть еще разъ на должности старшаго офицера, чтобы основательно изучить эту тяжелую службу, и просилъ Его назначить именно на крейсеръ «Богатырь», гдѣ тогда служба была поставлена особенно строго. Но, такъ какъ въ томъ же Отрядѣ находился и

Его Императорское Величество Государь Императоръ Кириллъ I.

Карта 68



Его Императорское Высочество Наслѣдникъ Цесаревичъ и Великій Князь Владиміръ Кирилловичъ.

крейсеръ «Олегъ», причисленный къ Гвардейскому Экипажу, то Морской Министръ нашелъ, что такое назначеніе было бы слишакомъ обидно для Гвардейскаго Экипажа, и Великій Князь былъ назначенъ старшимъ офицеромъ этого крейсера.

На «Олегѣ», подъ командою капитана 1-го ранга Плансона, Его Императорское Высочество совершилъ заграничное плаваніе въ составѣ Балтійскаго Отряда.

18-го апрѣля 1910 года Великій Князь былъ произведенъ въ капитаны 1-го ранга.

Въ маѣ 1910 года «Олегъ» вернулся въ Россію, и Его Императорское Высочество осенью поступилъ на военно-морской отдѣлъ Николаевской Морской Академіи, чтобы усовершенствовать Свои знанія по военно-морскимъ наукамъ. Въ теченіе двухъ лѣтъ Великій Князь посѣщалъ Академію и въ 1912 году ее окончилъ.

По окончаніи Академіи, Его Императорское Высочество получилъ въ командованіе тотъ же крейсеръ «Олегъ», находившійся въ составѣ Отряда Судовъ, назначенныхъ для плаванія съ гардемаринами и кадетами Морского Корпуса. На немъ Онъ совершилъ лѣтнее плаваніе въ 1912 году и между прочимъ ходилъ въ Стокгольмъ на Олимпійскія игры, на которыхъ Великій Князь присутствовалъ, какъ Представитель Государя Императора.

Во время Своего плаванія на «Олегѣ», Его Императорское Высочество сдѣлался очень любимымъ среди офицеровъ и особенно среди команды. Его простое отношеніе къ офицерамъ и матросамъ невольно завоевывало ихъ симпатіи, и они чрезвычайно цѣнили заботливость и справедливость къ нимъ Своего Августѣйшаго Старшаго Офицера и Командира. Офицеры крейсера, видя серьезныя знанія и любовь Великаго Князя къ Флоту и морскому дѣлу, прониклись къ Нему особымъ уваженіемъ, такъ какъ чувствовали въ Немъ истиннаго морского офицера и моряка. Ихъ подкупало, что Великій Князь, будучи командиромъ, не стѣснялся практиковаться въ томъ, что Онъ по Своему мнѣнію не достаточно хорошо усвоилъ. Онъ все время изучалъ Свой корабль и неоднократно выходилъ въ море со спеціальной цѣлью усовершенствоваться въ управленіи и маневрированіи.

Весь 1913 годъ Великій Князь провелъ на службѣ въ Гвардейскомъ Экипажѣ. Лѣтомъ Онъ былъ Представителемъ Особы Государя Императора на торжествахъ столѣтія «битвы народовъ» въ Лейпцигѣ и тамъ открылъ памятникъ нашимъ славнымъ предкамъ: офицерамъ, солдатамъ и казакамъ, павшимъ смертью героевъ на томъ полѣ.

Въ первые же дни начала Міровой войны въ 1914 году, Великій Князь былъ назначенъ въ Штабъ Верховнаго Главнокомандующаго, въ военно морской отдѣлъ, на каковой должности и пробылъ въ теченіи 1914 и 1915 г. г.

23-го февраля 1915 года Его Императорское Высочество былъ произведенъ въ контръ-адмиралы съ назначеніемъ въ Свиту Его Императорскаго Величества.

Но такая чисто штабная дѣятельность не удовлетворяла Великаго Князя, и Онъ все просилъ Государя Императора назначить Его на боевой постъ. Въ 1916 году это назначеніе и состоялось: Его Императорское Высочество былъ назна-

ченъ Командиромъ Гвардейскаго Экипажа и Начальникомъ всѣхъ морскихъ батальоновъ и флотилій, состоявшихъ въ Дѣйствующей Арміи. На этой уже чисто боевой должности Великій Князь оставался до момента переворота.

Кромѣ состоянія на службѣ во Флотѣ, Великій Князь числился съ рожденія въ спискахъ Л.-Гв. 4-го Императорской Фамиліи стрѣлковаго батальона. Императоромъ Александромъ II былъ зачисленъ Л.-Гв. въ Преображенскій полкъ Л.-Гв въ Гусарскій Его Величества полкъ и Л.-Гв. въ Драгунскій полкъ, а также состоялъ Шефомъ 52-го Виленскаго полка (13-ой Пѣхотной дивизіи).

Если бросить взглядъ на службу Его Императорскаго Высочества во флотѣ, то мы видимъ, что Великій Князь ее провелъ въ непрерывныхъ плаваніяхъ, службѣ въ Экипажѣ, участіи въ двухъ войнахъ и обученіи. Онъ всегда былъ преданъ Своему дѣлу, любилъ Флотъ и море. Въ прохожденіи Имъ службы опредѣленно сказались свойства Его характера — высокое пониманіе долга, добросовѣстность и скромность. Великій Князь Кириллъ Владиміровичъ всегда стремился быть только полезнымъ Флоту и Родинѣ и совершенно не преслѣдовалъ Своихъ личныхъ цѣлей или исканія извѣстности.

3.

Въ концѣ февраля 1917 года началось тревожное время въ Петроградѣ. Какъ мы упоминали выше, Великій Князь Кириллъ Владиміровичъ въ этотъ періодъ командовалъ Гвардейскимъ Экипажемъ и былъ Начальникомъ всѣхъ морскихъ батальоновъ и флотилій, состоявшихъ въ Дѣйствующей Арміи и находился въ Петроградѣ. Его очень безпокоили создавшееся положеніе и та растерянность, которая охватила начальствующихъ лицъ.

Вотъ какъ описываются дѣйствія Великаго Князя въ книгѣ, выпущенной издательствомъ «Алконост» въ Петроградѣ въ 1921 году, подъ названіемъ — «Послѣдніе дни Императорской Власти» и составленной по неизданнымъ документамъ нѣкіимъ Александромъ Блокъ.

Мы приводимъ выписку изъ страницы 72, по старой орфографіи.

«Пріѣхавшій въ градоначальство (27-го вечеромъ) Великій Князь Кириллъ Владиміровичъ рекомендовалъ Бѣляеву принять энергичныя мѣры и, прежде всего, смѣнить Протопопова; выражалъ неудовольствіе, что Ему не сообщаютъ о событіяхъ, и спрашивалъ, что Ему дѣлать съ Гвардейскимъ Экипажемъ, на что Хабаловъ доложилъ, что Гвардейскій Экипажъ ему (т. е. Хабалову) не подчиненъ. Кириллъ Владиміровичъ прислалъ къ вечеру двѣ «наиболѣе надежныя» роты учебной команды Гвардейскаго Экипажа».

Произошелъ переворотъ; Гвардейскій Экипажъ сохранялъ спокойствіе и порядокъ. Ни Августѣйшій Командиръ Экипажа ни одинъ изъ Его офицеровъ не подверглись оскорбленію или насилію со стороны матросовъ.

Но, конечно, общее настроеніе, царившее въ войскахъ Петроградскаго гарнизона, быстро стало передаваться и на Гвардейскій Экипажъ, и матросы тоже начали волноваться. Только личное обаяніе Великаго Князя Кирилла Владиміровича, царившій въ Экипажѣ порядокъ и хорошія отношенія между офицерами и матросами спасали его отъ эксцессовъ.

Такимъ образомъ Великій Князь оказался, въ этотъ чрезвычайно тяжелый и

сложный моментъ, въ положеніи Начальника отдѣльной части и долженъ былъ, какъ таковой, исполнить Свой долгъ, который диктовала Ему преданность Государю и Родинѣ. Не имѣя свѣдѣній объ отреченіи Государя Императора, Его Императорское Высочество считалъ какъ и многіе, что единственнымъ средствомъ создать въ столицѣ такую обстановку, чтобы Императоръ могъ бы безпрепятственно туда вернуться, было выраженіе лояльности по отношенію, занявшей руководящее положеніе, Государственной Думы. Поэтому Великій Князь, какъ и большинство начальниковъ отдѣльныхъ частей, рѣшилъ предоставить Свою часть въ распоряженіе Государственной Думы, для поддержанія порядка въ столицѣ.

Скоро послѣ этого пришло извѣстіе объ отреченіи Государя Императора, и Великій Князь немедленно ушелъ въ отставку.

Проживъ еще нѣкоторое время въ Петроградѣ, Его Императорское Высочество со своей Семьей, въ іюнѣ 1917 года, отбылъ въ Финляндію. Этотъ отъѣздъ былъ тѣмъ болѣе необходимъ, что того требовало состояніе здоровья Великой Княгини Викторіи Феодоровны.

Прибывъ въ Борго, Августѣйшая Семья нашла пріютъ въ окрестностяхъ этого города, въ имѣніи Хайко, въ семьѣ генерала Эттера, близкой и преданной Семьѣ Великаго Князя Владиміра Александровича. Эта глушь спасла Его Императорское Высочество и Его Семью отъ неистовствъ большевистской революціи въ Финляндіи. Только черезъ годъ Великій Князь могъ переѣхать въ самый городъ Борго.

Тѣ, кому приходилось въ эти времена посѣщать маленькій, чистенькій городъ Борго, часто могли встрѣтить кого нибудь изъ Членовъ Августѣйшей Семьи. Она жила тамъ въ самыхъ примитивныхъ условіяхъ, ютясь, безъ всякаго комфорта, въ четырехъ маленькихъ комнаткахъ. Со всѣми русскими, которыхъ судьба тоже туда забросила, Они поддерживали самыя дружественныя отношенія и каждый изъ нихъ всегда былъ желаннымъ гостемъ Великаго Князя и Его Супруги.

Хорошо знали Великаго Князя и всю Семью также и мѣстные жители и относились къ Нимъ съ большимъ уваженіемъ. Они гордились, что въ ихъ скромномъ городкѣ нашли Себѣ пріютъ Высокіе Гости. Часто можно было наблюдать какъ Великій Князь, Великая Княгиня и Дѣти ходили въ маленькій мѣстный кинематографъ. Тамъ Они садились среди бѣлоголовыхъ финскихъ дѣтишекъ, которые Ихъ привѣтствовали, какъ добрыхъ знакомыхъ, и Великій Князь весело съ ними шутилъ и разговаривалъ.

Вообще Вся Августѣйшая Семья съ самымъ теплымъ чувствомъ вспоминаетъ житье въ Финляндіи; съ его маленькими интересами, но тихое, простое и близкое къ природѣ.

За время супружества Великаго Князя и Великой Княгини у Нихъ родились — 20-го января 1907 года старшая Дочь Великая Княжна Марія Кирилловна (тезоименитство — 22 іюля) 26-го апрѣля 1909 года вторая Дочь Великая Княжна Кира Кирилловна (тезоименитство — 28-го февраля) и наконецъ 17-го августа 1917 года, родился въ г. Борго, Сынъ, Его Императорское Высочество Великій Князь Владиміръ Кирилловичъ (тезоименитство — 15-го іюля).

Тутъ нельзя не упомянуть, что Семья Великаго Князя является исключительной по своей любви и привязанности другъ въ другу всѣхъ ея Членовъ. Августѣйшіе Родители души не чаютъ въ Своихъ дѣтяхъ, и общимъ баловнемъ, конечно, является маленькій Великій Князь Владиміръ Кирилловичъ. Живой, умный — прелестный ребенокъ, Онъ невольно привлекаетъ общее вниманіе Своимъ веселымъ характеромъ и милыми, подчасъ остроумными выходками. Тотъ, кто попадаетъ въ эту дружную Августѣйшую Семью, невольно проникается къ Ней глубокимъ уваженіемъ и любовью.

Всѣ эти тяжелые годы Великій Князь Кириллъ Владиміровичъ и Великая Княгиня Викторія Феодоровна неизмѣнно болѣли душей о судьбахъ Россіи. Имъ было ужасно тяжело видѣтъ и знать, что русскому народу живется такъ тяжко. Они были бы счастливы облегчить ему страданія; но до нынѣшняго момента это было рано, такъ какъ самъ народъ еще не сознавалъ, какая помощь ему нужна.

Въ періодъ бѣлыхъ движеній, Великій Князь зорько слѣдилъ за ходомъ событій и постоянно скорбѣлъ о томъ, что Русскій народъ шелъ братъ на брата. Тяжело Ему было видѣть какъ разорялась и гибла Россія, сдѣланная Великой въ славныя царствованія цѣлаго ряда Его Предковъ.

Когда, въ началѣ августа 1918 года, въ Финляндію дошло ужасное извѣстіе о гибели всей Царской Семьи, Великій Князь и Великая Княгиня были страшно поражены и не хотѣли этому вѣрить. Великій Князь до сихъ поръ не можетъ спокойно говорить о гибели обожаемаго Императора и Его Семьи.

Великій Князь Кириллъ Владиміровичъ и вся Его Августѣйшая Семья всегда были глубоко преданы и горячо любили Царскую Семью. Когда, во время войны, Великому Князю приходилось бывать въ Петроградѣ, Онъ почти всегда посѣщалъ Царское Село, о чемъ вспоминаетъ и Императрица Александра Феодоровна въ Своихъ письмахъ къ Государю Императору.

Великій Князь и Великая Княгиня прожили въ Финляндіи почти три года несмотря ни на какія неудобства. Они долго не хотѣли уѣзжать, чтобы быть ближе къ Россіи. Имъ казалось, что, живя такъ близко отъ нея, Они не теряютъ связь, которая прервется по мѣрѣ увеличенія разстоянія.

Но обстоятельства сильнѣе насъ. Весною 1920 года, въ Финляндіи, появилась сильная эпидемія такъ называемой «испанской болѣзни»; она унесла много жертвъ; умерла гувернантка Великихъ Княженъ миссъ Бюргисъ, бывшая близкимъ человѣкомъ Августѣйшей Семьи. Скоро заболѣли всѣ Дѣти и съ трудомъ поправлялись; врачи совѣтовали перемѣнить климатъ на болѣе мягкій и пришлось уѣзжать.

Когда Дѣти окончательно оправились, 25-го апрѣля 1920 года Великій Князь со всей Семьей переѣхалъ въ Цюрихъ, гдѣ жила Августѣйшая Мать Великой Княгини Викторіи Ѳеодоровны, Великая Княгиня Марія Александровна.

Осенью того же года Семью постигло большое горе, 9-го августа скончалась Августѣйшая Мать Великаго Князя Кирилла Владиміровича, Великая Княгиня Марія Павловна, которая, послѣ Своего спасенія изъ Крыма, проживала на югѣ Франціи, въ Контрексевилѣ, гдѣ нынѣ и покоится тѣло въ Бозѣ Почившей.

За этимъ несчастіемъ скоро послѣдовало и второе. 9-го октября того же года скончалась Мать Великой Княгини Викторіи Ѳеодоровны, Великая Княгиня Марія Александровна.

Проживъ около года въ Цюрихѣ, Его Императорское Высочество переѣхалъ съ Семьей на югъ Франціи въ Каннъ, гдѣ живетъ и теперь, проводя лѣтніе мѣсяцы въ Бретани, въ С.-Бріакѣ.

Тамъ Великій Князь, тяготясь вынужденнымъ пребываніемъ внѣ Родины, продолжаетъ прислушиваться къ тому, что происходитъ въ Россіи.

Онъ и Его Августѣйшая Супруга отзывчиво относятся къ положенію русскихъ эмигрантовъ. Многимъ Они помогаютъ и многіе Имъ обязаны спасеніемъ въ тяжелую минуту. Особенно близко къ сердцу принимаетъ Великій Князь нужды офицеровъ, а также бывшихъ Своихъ сослуживцевъ и подчиненныхъ по Флоту.

Первые годы послѣ переворота, не говоря уже о русскихъ въ Россіи, но даже большинство эмигрантовъ не рѣшались громко говорить, что они монархисты, что только Монархія можетъ спасти Россію. Но, чѣмъ болѣе проходило времени, тѣмъ громче стали раздаваться эти голоса, и ихъ становилось все больше и больше. Монархисты стали объединяться и лѣтомъ 1921 года въ Рейхенгалѣ былъ созванъ первый монархическій съѣздъ, имѣвшій цѣлью сдѣлать болѣе организованнымъ все движеніе. Въ слѣдующемъ году движеніе стало особенно быстро разростаться и продолжаетъ чисто стихійно рости и теперь, превращаясь въ мощное національное движеніе.

Однако все это время ощущалось, что монархическое движеніе не цѣльно и не будетъ имѣть нужнаго успѣха, если не будетъ единаго Высокаго Руководителя и единой направляющей воли, т. е. не будетъ возглавляться Законнымъ Вождемъ изъ Династіи Дома Романовыхъ. Такимъ образомъ главная масса монархистовъ опредѣленно встала на строго легитимую (законную) точку зрѣнія, какъ на незыблемую и священную основу національнаго движенія.

Великій Князь Кириллъ Владиміровичъ, являясь по первородству старшимъ Членомъ Династіи, всегда сознавалъ, какая тяжесть можетъ лечь въ любой моментъ на Него, ввиду отсуствія первыхъ трехъ Членовъ Царской Фамиліи. Его Императорское Высочество хорошо понималъ, съ какими невѣроятными трудностями связано возглавленіе всего движенія, но считалъ, что этотъ крестъ Онъ долженъ принять на Себя, ибо это Его священный долгъ передъ Родиной.

Поэтому 22-го декабря 1921 года, когда Великій Князь получилъ отъ Предсѣдателя Высшаго Монархическаго Совѣта увѣдомленіе, что въ началѣ января будущаго года предполагается прибытіе депутаціи отъ Временнаго Дальневосточнаго Правительства съ полномочіемъ просить одного изъ Великихъ Князей возглавить манархическое движеніе въ Восточной Сибири, Онъ обратился съ рескриптомъ на имя Предсѣдателя Совѣта. Въ немъ Его Императорское Высочество офиціально заявилъ о желаніе взять на Себя блюстительство Престола и возглавленіе русскаго монархическаго движенія.

Мы полностью приводимъ этотъ рескриптъ Великаго Князя.

(22-го Декабря 1921 г.) 4-го Января 1922 г., Каннъ.

Николай Евгеньевичъ!

Въ письмѣ Вашемъ отъ 8/21 Ноября 1921 г. Вы сообщаете о пріѣздѣ въ началѣ Января депутаціи отъ Временнаго Дальневосточнаго Правительства, имѣющей цѣлью представиться Ея Императорскому Величеству Вдовствующей Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ, остановясь въ Берлинѣ, переговорить съ Высшимъ Монархическимъ Совѣтомъ. Депутація эта по Вашимъ словамъ имѣетъ полномочія просить одного изъ Великихъ Князей возглавить монархическое движеніе въ Восточной Сибири съ титуломъ Государя Пріамурскаго и Блюстителя Всероссійскаго Престола.

Что касается блюстительства Престола, то симъ объявляю, что нынѣ, вслѣдствіе продолжающейся неизвѣстности о Судьбѣ Государя Императора, Наслѣдника Цесаревича Алексѣя Николаевича и Великаго Князя Михаила Александровича, являясь Старшимъ въ Родѣ Нашемъ, а если кончина выше Меня стоящихъ Особъ Императорской Фамиліи подтвердится, то и ближайшимъ къ праву Престолонаслѣдія — Я сіе право Старшинства, по долгу передъ Богомъ и Родиной, рѣшилъ осуществить и лично возглавить все Русское монархическое движеніе, объединивъ вокругъ Себя всѣхъ вѣрныхъ присягѣ, Династіи, послушныхъ Основнымъ Законамъ и любящихъ Отечество Русскихъ людей.

Оповѣщая о семъ рѣшеніи въ лицѣ Вашемъ Высшій Монархическій Совѣтъ, ожидаю въ дальнѣйшихъ его дѣйствіяхъ полнаго согласованія съ моими указаніями.

По вопросу о Восточной Сибири сообщаю Вамъ, что принципіально нахожу полезнымъ возглавить монархическое движеніе въ вышеупомянутомъ Краѣ однимъ изъ Великихъ Князей по моему выбору и назначенію, съ правами и званіемъ, присущими Намѣстнику Законнаго Носителя Верховной Власти въ Россійской Имперіи.

Да благословитъ Богъ Нашу Общую работу на возстановленіе разоренной и поруганной бунтарями противъ Священной Власти Помазанника Божія, Родины Нашей, и да пошлетъ вновь ей ту Державную Мощь и благоденствіе, коими она пользовалась подъ Скипетромъ Дома Романовыхъ и хоругвью нашей Православной Церкви.

Буде же Всеблагому и Милосердному Промыслу Божьему угодно было осчастливить Насъ сохраненіемъ жизни Государя Императора, Наслѣдника Цесаревича Алексѣя Николаевича и Великаго Князя Михаила Александровича, либо одного изъ Нихъ, Я, при радостномъ извѣстіи о ихъ появленіи, первый немедленно стану въ ряды вѣрноподданныхъ и положу къ ихъ стопамъ все Мною въ отсутствіе ихъ совершенное.

Кириллъ.

Всѣ послѣдующіе мѣсяцы Его Императорское Высочество, продолжая твердо стоять на Своемъ рѣшеніи, оповѣщенномъ въ приводимомъ рескриптѣ, ждалъ, когда настанетъ моментъ выступить всенародно со Своимъ обращеніемъ.

Черезъ семь мѣсяцевъ этотъ моментъ насталъ. За это время изъ Россіи и отъ эмигарціи Великій Князь получилъ цѣлый рядъ всепреданнѣйшихъ просьбъ

открыто возглавить все движенiе. Прежде чѣмъ окончательно рѣшиться на этотъ чрезвычайно важный шагъ, Его Императорское Высочество долго взвѣшивалъ послѣдствiя его и наконецъ принялъ окончательное рѣшенiе, 26-го iюля 8-го августа 1922 г. Великимъ Княземъ были обнародованы обращенiя къ Русскому Народу и Россiйскому воинству.

Содержанiе этихъ документовъ, которое обращается и къ сердцамъ и къ разуму истинныхъ русскихъ патрiотовъ, достаточно хорошо извѣстно. Эти обращенiя даютъ надежду, что для Россiи скоро уже настанутъ свѣтлые дни, и она, заблудшая, снова вернется на свой историческiй путь. Они не могутъ пройти безслѣдно, не могутъ не вызвать глубочайшаго впечатлѣнiя своимъ благородствомъ, любовью къ русскому народу и старанiемъ Великаго Князя сдѣлать все, чтобы снова создать русскому народу нормальную жизнь.

При этомъ особенно надо отмѣтить, что Великiй Князь беретъ на Себя тяжелое бремя Возглавленiя исключительно изъ чувства долга и любви къ Родинѣ, до возможнаго возвращенiя одного изъ трехъ старшихъ членовъ Династiи. Онъ надѣется отъ всего сердца, что кому-нибудь изъ Нихъ Господь сохранилъ жизнь. До этого же времени ничто не въ состоянiи будетъ удержать Его итти по тому пути, на который Онъ вступилъ и который предначертанъ Ему провидѣнiемъ и Его долгомъ.

И такъ объединяются надежды всѣхъ истинно русскихъ патрiотовъ вокругъ Великаго Князя Кирилла Владимiровича, который является въ ихъ глазахъ символомъ законности; и когда послѣдняя снова обрететъ должное уваженiе, только тогда Россiя будетъ въ состоянiи войти въ ряды культурныхъ государствъ и возродить свое прежнее процвѣтанiе.

Августѣйшiй Блюститель Государева Престола Своими обращенiями разрушаетъ ту стѣну, которая съ момента большевистской революцiи раздѣлила русскiй народъ на «красныхъ» и «бѣлыхъ». Онъ говоритъ, что для него нѣтъ такого раздѣленiя, а есть — единая Россiя, единый русскiй народъ и единая русская Армiя. Великiй Князь Своей любовью къ народу понялъ, что онъ, въ своей широкой массѣ, просто русскiе — крестьяне, горожане, рабочiе и солдаты, а «красными», «бѣлыми» и «зелеными» ихъ сдѣлала только революцiя.

Государева Русь будетъ создаватся не за рубежемъ, не среди разбросанной всюду эмиграцiи, а тамъ, на русской землѣ, гдѣ подъ игомъ шайки международныхъ хищниковъ страдаетъ русскiй народъ.

Мы вѣримъ, мы убѣждены, что возрожденiе Россiи теперь вступаетъ на свой историческiй путь, что Августѣйшiй Блюститель Государева Престола Великiй Князь Кириллъ Владимiровичъ, именно и естъ тотъ Вождь, который, опираясь на вѣковые устои Государства Россiйскаго, приведетъ Русскiй народъ къ новой, свѣтлой жизни.

II.

Высочайшiй Манифестъ и противодѣйствiе Великаго Князя Николая Николаевича.

Въ цѣляхъ возглавленiя дѣла спасенiя Россiи и объединенiя всего монархическаго движенiя, Его Императорское Высочество Великiй Князь

Кириллъ Владиміровичъ, какъ Старшій въ Родѣ Царскомъ, на основаніи Россійскихъ Законовъ о Престолонаслѣдіи, принялъ принадлежащій Ему непререкаемо, титулъ Императора Всероссійскаго. Объ этомъ Своемъ рѣшеніи Его Императорское Высочество объявилъ Русскому Народу въ слѣдующемъ Высочайшемъ манифестѣ отъ 31-го августа 1924 года.

Манифестъ.

Нѣтъ предѣла страданіямъ русскаго народа.

Порабощенный, разоренный, измученный, оскорбленный въ своей Вѣрѣ нашъ великій народъ вымираетъ отъ неимовѣрно усилившихся болѣзней и эпидемій. Нынѣ Россію постигло еще большее несчастіе — небывалый голодъ. Человѣческое слово безсильно выразить муки матерей, безпомощныхъ свидѣтельницъ голодной смерти своихъ дѣтей.

Три года тому назадъ много милліоновъ нашихъ соотечественниковъ погибло отъ голода въ той самой Россіи, которая раньше имѣла избытокъ хлѣба и была житницей Европы. Но тогда отзывчивая, богатая и щедрая Америка и разныя организаціи пришли на помощь погибавшему населенію и многіе были спасены.

Нынѣ надежды на иностранную помощь тщетны, потому что безнравственная коммунистическая власть, разоривъ Россію, расхитивъ ея казну и богатства, за послѣдніе годы добывала себѣ золото путемъ вывоза заграницу хлѣба изъ голодающей страны нашей. Золото нужно коммунистамъ для личнаго обогащенія, для порожденія смуты во всѣхъ странахъ свѣта и достиженія міровой революціи.

Не взирая на ясно обозначившійся нынѣ полный неурожай въ широкой полосѣ наиболѣе хлѣбородной части Россіи, коммунисты продолжаютъ вывозить хлѣбъ и въ семъ году.

Совершенно ясно, что Америка, считая, что ея помощь послужитъ лишь къ усиленію разрушительной дѣятельности III Интернаціонала отказывается принести новыя жертвы, понимая ихъ безнадежность.

На всѣ мои обращенія за помощью для русскаго народа, я получалъ одинъ и тотъ же отвѣтъ, что при существующихъ въ Россіи политическихъ условіяхъ и при господствѣ надъ нею врага христіанской цивилизаціи, III Интернаціонала, никакая помощь оказана быть не можетъ до тѣхъ поръ, пока не установится на Родинѣ нашей правовая власть, и лишь по возстановленіи въ Россіи Законнаго Порядка, могутъ быть осуществлены уже выработанные мѣры и способы широкой помощи.

Пусть Русская Армія, хотя и называемая красной, но въ составѣ коей большинствомъ являются насильно призванные честные сыны Россіи, скажетъ рѣшающее слово, встанетъ на защиту попранныхъ правъ Русскаго Народа и, воскресивъ историческій завѣтъ за Вѣру, Царя и Отечество, возставовитъ на Руси былой Законъ и Порядокъ.

Заодно съ Арміей пускай всколыхнется громада народная и призоветъ своего Законнаго Народнаго Царя, который будетъ любящимъ, всепрощающимъ заботливымъ отцомъ, Державнымъ Хозяйномъ Великой Русской Земли, грознымъ лишь для враговъ и для сознательныхъ губителей и растлителей Народа.

Царь возстановитъ Храмы, проститъ заблудшихъ, законно закрѣпитъ за крестьянами землю. И тогда Россія получитъ широкую помощь отъ голода и спасеніе отъ окончательной гибели, а впослѣдствіи возсоздастъ разрушенное свое хозяйство и обрѣтетъ миръ и благополучіе.

Тяжело и трудно будетъ служеніе Царя въ разоренной и расшатанной въ своихъ устояхъ Россіи. Не для личной славы, не для суетныхъ почестей или изъ жажды власти вернется Царь на Свой Прародительскій Престолъ, а для исполненія Своего долга передъ Богомъ, Своею совѣстью и Родиной.

Призывая къ святому подвигу освобожденія Отечества отъ позорнаго и гибельнаго ига, Я первый обязанъ исполнить въ полной мѣрѣ Законъ и Свой долгъ, отметая всякія колебанія и не взирая на вынужденное въ настоящее время пребыванія за рубежомъ отечества.

Осѣнивъ Себя Крестнымъ знаменіемъ, объявляю всему Народу Русскому:

Надежда наша, что сохранилась драгоцѣнная жизнь Государя Императора Николая Александорвича или Наслѣдника Цесаревича Алексѣя Николаевича, или Великаго Князя Михаила Александровича не осуществилась.

Нынѣ настало время оповѣстить для всеобщаго свѣдѣнія: 4/17 іюля 1918 года въ городѣ Екатеринбургѣ, по приказанію интернаціональной группы, захватившей власть въ Россіи, звѣрски убиты — Государь Императоръ Николай Александровичъ, Государыня Императрица Александра Феодоровна, Сынъ Ихъ и Наслѣдникъ Цесаревичъ Алексѣй Николаевичъ, Дочери Ихъ Великія Княжны Ольга, Татьяна, Марія и Анастасія Николаевны.

Въ томъ же 1918 году около города Перми, убитъ Братъ Государя Императора, Великій Князь Михаилъ Александровичъ.

Свѣтлая Память Сихъ Вѣнценосцевъ Мучениковъ да будетъ намъ путеводною звѣздою въ святомъ дѣлѣ возстановленія былого благополучія нашей Родины. А день 4/17 іюля да будетъ на всѣ времена для Россіи днемъ скорби, покаянія и молитвы.

Россійскіе Законы о Престолонаслѣдіи не допускаютъ, чтобы Императорскій Престолъ оставался празднымъ послѣ установленной смерти предшествующаго Императора и Его ближайшихъ Наслѣдниковъ.

Также по Закону нашему новый Императоръ становится таковымъ въ силу самаго Закона о Наслѣдіи.

Наступившій же вновь небывалый голодъ въ Россіи и несущіяся съ Родины отчаянныя мольбы о помощи, повелительно требуютъ возглавленія дѣла спасенія Россіи Высшимъ Законнымъ, внѣсословнымъ и внѣпартійнымъ авторитетомъ.

А посему Я Старшій въ Родѣ Царскомъ, Единственный Законный Правопреемникъ Россійскаго Императорскаго Престола, принимаю принадлежащій Мнѣ непререкаемо титулъ Императора Всероссійскаго.

Сына Моего, Князя Владиміра Кирилловича, провозглашаю Наслѣдникомъ Престола съ присвоеніемъ Ему титула Великаго Князя Наслѣдника и Цесаревича.

Обѣщаю и клянусь свято блюсти Вѣру Православную и Россійскіе Основные законы о престолонаслѣдіи, обязуюсь нерушимо охранять права всѣхъ вѣроисповѣданій.

Народъ Русскій великъ и надѣленъ обильными дарами ума и сердца, но впалъ въ страшное бѣдствіе и несчастіе .Великія испытанія, ниспосланныя ему Богомъ, да очистятъ Его и приведутъ къ свѣтлому будущему, возобновивъ и закрѣпивъ передъ Всевышнимъ священный союзъ Царя и Народа.

Данъ 31 Августа 1924 года. Кириллъ.

Всѣ члены Царской Семьи,[1] за исключеніемъ Вел. Кн. Николая Николаевича и Брата Его Вел. Кн. Петра Николаевича съ Сыномъ Кн. Романомъ Петровичемъ, признали Его Императорское Высочество Великаго Князя Кирилла Владиміровича Законнымъ Императоромъ Всероссійскимъ.

Большинство русскихъ людей, какъ среди эмиграціи, такъ и въ самой Россіи, также приняло этотъ Высочайшій Манифестъ съ большою радостью и твердымъ упованіемъ на скорое освобожденіе дорогой Родины отъ инородческаго ига.

И только небольшая кучка демагоговъ изъ числа лицъ и въ прошломъ принесшихъ много зла Россіи, не желая уступать руководящей роли и, въ данномъ случаѣ, во главѣ съ Вел. Кн. Николаемъ Николаевичемъ, встала на путь разрушенія законнаго теченія монархическаго движенія.

Къ этой кучкѣ демагоговъ относятся: во первыхъ, такъ называемый, Высшій Монархическій Совѣтъ[2], во вторыхъ генералы запутавшіеся въ «завоеваніяхъ революціи»[3] и нынѣ окружающіе Вел. Кн. Николая Николаевича, какъ напримѣръ, генералы Красновъ, бар. Врангель, Миллеръ, Монкевицъ, Потоцкій и т. д.

Прежде чѣмъ перейти къ описанію дальнѣйшихъ событій, я считаю своимъ долгомъ остановиться на главѣ этой организаціи Вел. Кн. Николаѣ Николаевичѣ и Его дѣятельности въ прошломъ, что поможетъ мнѣ совершенно ясно обрисовать и настоящее прискорбное положеніе. Попутно я дамъ оцѣнку

[1] Въ Царскомъ Родѣ изъ мужескаго поколѣнія осталось въ живыхъ всего 19 членовъ Царской Семьи. Вел. Кн. Николай Николаевичъ, согласно Россійскимъ Законамъ о Престолонаслѣдіи стоитъ по старшинству на 9-омъ мѣстѣ. (см. таблицу: мужеское потомство Императора Николая I).

[2] «Высшій Монархическій Совѣтъ» Указомъ Государя Императора объявленъ мятежнымъ и распущенъ.

[3] 1. Генералъ Красновъ неудачно защищалъ Керенскаго, заключалъ мирные договоры съ главою большевиковъ матросомъ Дыбенко, «самостійничалъ» въ Области Войска Донского и т. д. 2. Генералъ бар. Врангель настаивалъ на отмѣнѣ девиза «За Вѣру, Царя и Отечество» въ союзѣ офицеровъ Участниковъ Великой Войны, создавалъ въ противовѣсъ Императорской Арміи новую, свободную Русскую Армію и т. д. 3. Генералъ Миллеръ раздѣлялъ бразды правленія въ Сѣверной Области съ соціалъ-революціонеромъ Чайковскимъ, бывшимъ предсѣдателемъ Сѣвернаго правительства и признавшаго большевистскіе законы и красный флагъ. 4. О генералахъ отъ французской развѣдки Монкевицѣ и Потоцкомъ я уже не говорю — объ нихъ было достоточно сказано выше. Всѣ вмѣстѣ эти генералы, въ угоду революціи, обезобразили Русскій государственный гербъ.

дѣятельности и сущности «Высшаго Монархическаго Совѣта» и тѣхъ русскихъ генераловъ, которые, погубивъ уже разъ Покойнаго Государя Императора, въ настоящій моментъ, примкнувъ къ выступленію Вел. Кн. Николая Николаевича, снова взялись за свое злое дѣло.

Великаго Князя Николая Николаевича такого, какимъ Онъ долгіе годы жилъ въ представленіи русскаго народа, никогда не было — это былъ лишь ореолъ, перешедшій къ Нему по наслѣдству отъ Его Августѣйшаго Родителя Вел. Кн. Николая Николаевича Старшаго, бывшаго Верховнымъ Главнокомандующимъ въ Русско-Турецкую войну 1877 года.

Идеи панславизма и вытекающая изъ нихъ широкая популяризація нашей борьбы съ турками за освобожденіе славянскихъ народностей на Балканахъ также перешли по наслѣдству къ Вел. Кн. Николаю Николаевичу, который закрѣпилъ ихъ еще Своимъ бракомъ съ Дочерью Короля Черногорскаго Николая, Анастасіей Николаевной. Такимъ образомъ, по выраженію графа Витте, «благочистивая задача защищать славянскіе народы» олицетворилась въ Вел. Кн. Николаѣ Николаевичѣ и Онъ подъ вліяніемъ Своей Супруги, остававшейся въ душѣ всегда Черногорскою Княжною, возненавидѣлъ германцевъ, давившихъ на «братушекъ» съ запада.

Обладая импонирующей внѣшностью и властнымъ тембромъ голоса, Великій Князь, еще въ бытность Свою Л-Гв. въ Гусарскомъ Его Величества полку, пріобрѣлъ славу человѣка рѣшительнаго, стойкаго и энергичнаго.

Блестящій постъ Командующаго Петербурскимъ Военнымъ Округомъ еще болѣе закрѣпилъ за Нимъ эту славу и въ Немъ неизмѣнно видѣли тѣ качества, которыми, какъ оказалось впослѣдствіи на дѣлѣ, Онъ не обладалъ.

Заискивающее и льстивое отношеніе большинства русскихъ генераловъ и нѣкоторыхъ сановниковъ развили Его самомнѣніе, а вмѣстѣ съ послѣднимъ, и породили у Него честолюбивые замыслы.

Великій Князь не терпѣлъ возраженій, даже и справедливыхъ, и потому каждаго генерала, позволившаго проявить свою иниціативу или, упаси Боже, не согласиться съ Его мнѣніемъ, Онъ сейчасъ же начиналъ ненавидѣть и всѣми способами не давать ему движенія впередъ. Однимъ изъ яркихъ примѣровъ такого дѣйствія можетъ послужить судьба генераловъ Куропаткина и Сухомлинова.

Генералъ Куропаткинъ былъ выдающимся военнымъ и имѣлъ всѣ данныя, чтобы занимать отвѣтственные посты Военнаго Министра и Главнокомандующаго Русскими войсками въ Японскую Войну. На первомъ посту имъ была выполнена колоссальная работа по преобразованію нашей арміи, а на второмъ онъ безусловно довелъ бы наши войска до полной побѣды надъ японцами, если бы ему не мѣшали распоряженіями изъ Петербурга, исходящими, главнымъ образомъ, по настояніямъ Вел. Кн. Николая Николаевича.

Дѣло въ томъ, что тогда Великій Князь, очень настойчиво добивался назначенія Себя Главнокомандующимъ на Дальній Востокъ и въ данномъ случаѣ не остановился даже передъ такимъ наивномъ образомъ дѣйствій: Онъ использовалъ для этой цѣли нѣкоего г-на Филиппа, который во время одного изъ

спиритическихъ сеансовъ довольно ясно намекнулъ, что побѣда русскаго оружія была бы обезпечена, если бы Николай Николаевичъ былъ назначенъ Главнокомандующимъ.

Государь Императоръ, догадавшійся о роли Филиппа, выслалъ его обратно во Францію.

Генералъ Сухомлиновъ также былъ опаснымъ соперникомъ Великаго Князя при выборѣ Главнокомандующаго въ Великую Войну и потому Николай Николаевичъ, послѣ неудачи въ Карпатахъ и отступленія изъ Галиціи, поспѣшилъ всю отвѣтственность возложить на Военнаго Министра, хотя виноватъ во всей этой катастрофѣ былъ только Главнокомандующій. Объ этомъ болѣе подробно я остановлюсь ниже.

Оба генерала, какъ хорошо извѣстно, жестоко поплатились за то, что имѣли всѣ шансы конкурировать съ Великимъ Княземъ. Такова была судьба высшихъ генераловъ, что же касается начальниковъ, занимавшихъ болѣе скромные посты, какъ напримѣръ, командировъ корпусовъ, начальниковъ дивизій, командировъ полковъ, то съ ними Великій Князь расправлялся безъ всякаго стѣсненія: ругалъ, кидался съ обнаженною шашкою, срывалъ погоны и т. д.

Интересно, между прочимь, отмѣтитъ,что всѣ генералы, возбуждавшие нелюбовь Великаго Князя относились къ числу вѣрнѣйшихъ слугъ Государя Императора, что ими и было доказано въ тяжелую минуту начала революціи, какъ напримѣръ генералы Мищенко, ханъ Нахичиванскій, графъ Келлеръ и т. д.

Великій Князь послѣ акта 17-го октября, въ цѣляхъ оппозиціи Государю, потворствовалъ реакціи и явился духовною главою «Союза Русскаго Народа».

«Союзъ Русскаго Народа» былъ крайней правой организаціей, ставившей своей цѣлью поддержаніе абсолютной самодержавной монархіи путемъ беспощадной борьбы съ крамолой. Вожди этой организаціи, какъ и всѣ представители крайнихъ теченій, авантюристы и демагоги, при первыхъ же шагахъ, вылили русское контръ-революціонное движеніе въ уродливыя формы. Ихъ стремленія и дѣйствія граничали въ своихъ проявленіяхъ съ максималистской практикой крайнихъ лѣвыхъ партій. Недаромъ члены «Союза Русскаго Народа» одни изъ первыхъ перешли въ лагерь большевизма и, тѣмъ самымъ, подтвердили родственность своихъ ученій. Сущность этого ученія базировалась на физической силѣ и сознаніи безнаказанности[1] — послѣдніе два фактора

[1] Этимъ объясняется тотъ фактъ, что, когда дѣйствительно наступалъ моментъ рѣшительныхъ дѣйствій въ защиту Государя Императора, то главари этой организаціи безслѣдно исчезали и ихъ нельзя было нигдѣ найти. Они въ такихъ случаяхъ, какъ и ихъ родственники слѣва — большевики, забирались въ подполье, назывались «кличками» и долго еще послѣ, даже за границей, продолжали жить подъ фальшивыми фамиліями, какъ напримѣръ, Марковъ 2-ой подъ фамиліями инженера Муреля, штабсъ-капитана Гагарина, а его сотрудникъ никому неизвѣстный и ненужный нѣкій Соколовъ подъ фамиліей Баранскаго. Рискнуть, не говоря уже пожертвовать, своей жизнью для Государя Императора и своихъ, столь горячо проповѣдуемыхъ въ спокойное время идей абсолютнаго самодержавія, вожди «Союза Русскаго Народа» были совершенно не способны. Вся ихъ дѣятельность базировалась на денежныхъ расчетахъ. Гибель Государя Императора лежитъ, главнымъ образомъ, на ихъ совѣсти, такъ какъ они спровоцировали организацію Его спасенія, но объ этомъ я говорилъ выше.

были главными стимулами этой организаціи, во главѣ которой стояли такіе люди, какъ докторъ Дубровинъ, Марковъ 2-ой, Кацауровъ, генералъ Богдановичъ и др.

Покровительствуя подобной организаціи, Великій Князь однако лично не любилъ выступать открыто въ подавленіи революціоннаго движенія, предпочитая въ такихъ случаяхъ ограничиваться критикой, такъ напримѣръ, въ 1905 году, послѣ разгрома Москвы, онъ заявилъ: «я отдалъ бы Дубасова[1] подъ судъ — онъ возился съ Москвою восемь дней вмѣсто того, чтобы въ три дня не оставить камня на камнѣ», а самъ, въ то же время, будучи Командующимъ Войскъ Петербургскаго Военнаго Округа добился Высочайшаго повелѣнія, чтобы смертные приговоры утверждались не Имъ, а Его помощникомъ.

Къ этому періоду времени относится и еще одно весьма интересное дѣяніе Великаго Князя, о которомъ многіе изъ русскихъ людей даже и понятія не имѣютъ.

Дѣло въ томъ, что Николай Николаевичъ, извѣстный впослѣдствіи, какъ самый ярый противникъ Распутина, которому Онъ во время войны, на его запросъ о разрѣшеніи пріѣхать въ Ставку, отвѣтилъ: «Пріѣзжай, повѣшу», былъ одновременно главнымъ виновникомъ появленія этого Распутина во дворцѣ. Никто иной, какъ Великій Князь, да еще у себя дома, представилъ Распутина Ихъ Величествамъ, рекомендовавъ его, какъ крестьянина самородка и идейнаго проповѣдника. Тогда у Великаго Князя были особыя соображенія относительно Распутина и онъ думалъ сдѣлать изъ него послушное орудіе для проведенія своихъ плановъ и черезъ него оказывать вліяніе на Государя Императора. Однако Распутинъ не оправдалъ Его надеждъ и вышелъ изъ повиновенія и потому явились ненависть и преслѣдованіе.

А вѣдь было время, когда, Супруга Великаго Князя, Анастасія Николаевна, при посѣщеніи Ее женою Распутина, усаживала послѣднюю въ кресло, оставаясь Сама стоять и на просьбы сѣсть, опускалась у ногъ ея, говоря, что «Она недостойна сидѣть въ присутствіи жены Григорія Ефимовича». Сестра Ея Великая Княгиня Милица Николаевна (Супруга Вел. Кн. Петра Николаевича) также была ярой почитательницей Распутина и Онѣ обѣ были главными виновницами его вліянія на Государыню Императрицу. Онѣ неустанно развивали склонность Государыни Императрицы къ мистицизму, бывшему слѣдствіемъ постояннаго страха за жизнь Наслѣдника и безъ труда внушили Ея Величеству о чудодѣйственной силѣ Распутина.

Такимъ образомъ ужъ кому только, но во всякомъ случаѣ не Николаю Николаевичу было къ лицу выступать съ критикой Ихъ Величествъ за Ихъ вѣру въ Распутина, ибо именно Онъ, при соучастіи обѣихъ Черногорскихъ княженъ, внѣдрилъ Распутина въ Царскую Семью.

Но вотъ наступаютъ памятные три года, предшествовавшіе началу Великой

[1] Генералъ Дубасовъ былъ назначенъ губернаторомъ въ Москву въ дни начала тамъ безпорядковъ, но своими энергичными и въ то же время справедливыми дѣйствіями привелъ городъ въ полный порядокъ. Послѣ этого на него было сдѣлано неудачное покушеніе со стороны революціонеровъ, въ моментъ котораго онъ выказалъ удивительное самообладаніе и мужество.

Войны. Въ теченіе ихъ начинается открытое «ухаживаніе» союзниковъ за Россіей и безпрестанныя взаимныя посѣщенія, сопровождаемыя банкетами, раутами, на которыхъ произносятся рѣчи о симпатіяхъ къ нашей Родинѣ. Пріѣзжаетъ генералиссимусъ Жофръ и Великій Князь разсыпается передъ нимъ въ любезностяхъ, при чемъ, во время Красносельскихъ маневровъ Войскъ Гвардіи, устроенныхъ въ честь прибывшаго знатнаго союзника, Николай Николаевичъ неистово, на всю Европу, бряцаетъ оружіемъ.

Если мы русскіе обвиняемъ Императора Вильгельма II за Его вызывающія дѣйствія передъ войною, то мы, въ тоже время, должны отдать справедливость и замѣчаніямъ германцевъ, когда они въ свою очередь указываютъ на Николая Николаевича, какъ на главнаго сторонника войны съ нашей стороны.

Это подтверждается и поведеніемъ Великаго Князя въ критическій моментъ передъ началомъ войны: никто, какъ Онъ стоитъ за твердость курса политики и никто, какъ Онъ настаиваетъ на объявленіи мобилизаціи.

Здѣсь невольно вспоминаются слова графа Витте: «Эта война — безуміе. Она была представлена на рѣшеніе Государя Императора политиками столь же неловкими, сколь непредусмотрительными. Она можетъ быть для Россіи лишь пагубной. Только Франція и Англія могутъ ожидать выгодъ отъ побѣдъ...... Войны бы не было, но и авторитетъ Россіи не былъ бы поколебленъ, если бы я былъ министромъ иностранныхъ дѣлъ.»

Война однако началась... Во главѣ Русской Арміи сталъ въ качествѣ Верховнаго Главнокомандующаго Великій Князь Николай Николаевичъ.

Если въ мирное время Великій Князь неизмѣнно старался подчеркнуть свое превосходство надъ Государемъ Императоромъ, то уже съ первыхъ шаговъ Его Главнокомандованія стало ясно, что Онъ безусловно хочетъ занять мѣсто Своего Державнаго Племянника.

Первымъ выступленіемъ Николая Николаевича, въ которомъ Онъ беретъ на Себя пререгативы монарха былъ манифестъ къ польскому народу о возсозданіи единой Польши. Затѣмъ пошли всевозможныя распоряженія черезъ контръ-развѣдку Ставки, этого государства въ государствѣ, дѣйствія которой путали все, озлобляли всѣхъ и послужили однимъ изъ главныхъ возбудителей революціи.

Между тѣмъ, Николай Николаевичъ, вторгаясь весьма неудачно въ компетенцію Государя Императора, одновременно не выказываетъ и своихъ военныхъ талантовъ, какъ Главнокомандующій.

Плодъ работы военнаго министерства, бывщаго подъ руководствомъ генерала Сухомлинова ярко обрисовался въ блестяще прошедшей мобилизаціи......

Верховное командованіе начинаетъ военныя дѣйствія разгромомъ арміи генерала Самсонова германцами подъ Сольдау......

Далѣе, послѣ нашего побѣдоноснаго наступленія вглубь Галиціи, бывшаго результатомъ необыкновенной доблести русскихъ кадровыхъ войскъ, искупавшихъ своими огромными потерями ошибки Верховнаго командованія, весною 1915 года начинается на фронтѣ величайшая драма, главнымъ виновникомъ которой въ большей степени былъ только Великій Князь.

Послѣ первыхъ мѣсяцевъ небывалой по напряженію войны, превзошедшей всякіе расчеты военнаго министерства, начинаетъ ошущаться недостатокъ въ снарядахъ, о чемъ своевременно доводится до свѣдѣнія Верховнаго Командованія. Однако Николай Николаевичъ, не пожелалъ сообразовать съ этимъ свои дѣйствія и предпринимаетъ, въ угоду союзникамъ, наступленіе на Карпатахъ, въ отвѣтъ на которое обрушивается на насъ могучее контръ-наступленіе германскихъ войскъ подъ командою генералъ-фельдмаршала фонъ-Макензена.

Наши доблестныя войска вынуждены, отбивая натискъ непріятеля штыками, камнями и кавалерійскими атаками, очистить предѣлы Галиціи, обильно политые ихъ святою кровью.

Эта драма далеко превзошла по своей грандіозности эпизодъ Мукденскаго боя, имѣвшаго мѣсто въ Русско-Японскую войну и послужившаго причиною смѣщенія, бывшаго тогда Главнокомандующимъ Русскими войсками, генералъ-адъютанта Куропаткина. Однако Николай Николаевичъ блестяще выходитъ изъ затрудненія и дабы гарантировать свое имя отъ нападковъ жестоко пострадавшихъ войскъ, безапелляціонно сваливаетъ всю вину на генерала Сухомлинова, дойдя въ этомъ рвеніи до объявленія его измѣнникомъ. Его не останавливаетъ мысль, что обвиняя въ измѣнѣ человѣка столь близко стоявшаго къ Государю Императору, Онъ, тѣмъ самымъ, бросаетъ предательскую тѣнь и на Его Величество.

Произнесенное Великимъ Княземъ слово «измѣна» было подхвачено заискивающими передъ Нимъ начальниками знаменитой контръ-развѣдки......

Начались гоненія на все нѣмецкое, аресты и высылки Прибалтійскихъ дворянъ, дошедшихъ до такого абсурда, что въ «измѣнѣ» подозрѣвались отцы, въ то время, когда ихъ сыновья доблестно сражались въ рядахъ русской арміи.

Прибалтійскіе дворяне всегда отличавшіеся своей неизмѣнной вѣрностью Государю Императору, возмущенные, предпринимаютъ рѣшительныя мѣры и требуютъ объясненія по поводу распоряженій Ставки. Великій Князь, испугавшись послѣдствій, не задумывается возложить всю вину на Государя Императора, объявивъ Прибалтійской делегаціи, что гоненія на нихъ идутъ по распоряженію изъ Царскаго Села.

Прибалтійцы ѣдутъ туда и черезъ Государыню Императрицу узнаютъ всю правду.

Великій Князь навсегда теряетъ у нихъ симпатіи и одновременно Государь Императоръ впервые задумывается надъ дѣйствіями Своего Дяди.

Однако зло контръ-развѣдки продолжалось. Подъ вліяніемъ ея безразсудныхъ дѣйствій и въ Петербургѣ заговорили о «шпіонажѣ», при чемъ таинственно поясняли, что онъ идетъ изъ близко стоящихъ ко двору круговъ и базируется на такъ называемой партіи «германофиловъ». Послѣдними же являлись всѣ, кто носилъ нѣмецкую фамилію. Эти слухи, руководимые какою-то невѣдомою силою, коснулись, наконецъ, священнаго имени Императрицы.

Союзныя миссіи во главѣ съ г. Бьюкененомъ немедленно подхватили ихъ и, подстрекаемые съ одной стороны Верховнымъ Главнокомандующимъ, теперь уже открыто разгрывавшаго второго Императора и съ другой стороны либеральными кругами г. г. Гучкова и Милюкова, разнесли ихъ по всей Европѣ.

Между тѣмъ отступленіе русскихъ войскъ непрерывно продолжалось и перекинулось на раіонъ Польши, откуда послѣдовательно приходили извѣстія о паденіи крѣпостей Новогеоргіевска, Ковно и Гродно. Великій Князь, чтобы оправдать Себя, продолжалъ свое злое дѣло и все приписывалось измѣнѣ и шпіонажу. Одновременно Онъ совершенно безцеремонно вызывалъ къ Себѣ въ Ставку министровъ и отдавалъ имъ самостоятельно приказанія, создавая, тѣмъ самымъ, двоевластіе въ странѣ.

Наконецъ чаша терпѣнія Государя Императора переполнилась и Его Величество въ тотъ моментъ, когда Россія переживала этотъ тяжелый моральный кризисъ, объявляетъ своимъ министрамъ, собравшимся 20-го августа 1915 года на Чрезвычайномъ Собраніи въ Царскомъ Селѣ, о Своемъ рѣшеніи принять на Себя Верховное Командованіе.

Большинство изъ министровъ (сторонниковъ Николая Николаевича) въ длинныхъ рѣчахъ высказались противъ этого рѣшенія и засѣданіе, начавшееся вечеромъ, затянулось до глубокой ночи. Государь внимательно все выслушалъ и затѣмъ заявилъ: «Господа мое рѣшеніе непоколебимо. Черезъ два дня я уѣзжаю въ Ставку.»

На слѣдующій день Государь Императоръ уже выѣхалъ въ Ставку, гдѣ по прибытіи, Его Величество сейчасъ же собралъ военный совѣтъ, на которомъ заявилъ Николаю Николаевичу о Своемъ рѣшеніи принять Верховное Командованіе. Великій Князь получилъ назначеніе Главнокомандующимъ фронтомъ противъ турокъ и Намѣстникомъ на Кавказъ.

Внѣ себя отъ негодованія, Великій Князь входитъ въ соглашеніе съ французскимъ военнымъ агентомъ маркизомъ де-ла-Гишъ, который уговариваетъ своихъ бельгійскаго и англійскаго коллегъ поднять отъ имени союзниковъ протестъ противъ отозванія Николая Николаевича.

Однако бельгійскій посолъ графъ де-Брюссере во время узнаетъ о готовящейся интригѣ и энергично ликвидируетъ заговоръ. Онъ вызываетъ къ себѣ своего соотечественника генерала Риккеля и заяляетъ ему, что съ Русскимъ Царемъ нельзя обращаться, какъ съ пѣшкою, и что, если маркизъ де-ла-Гишъ не откажется отъ своего плана, то онъ, де-Брюссере, сейчасъ же протелеграфируетъ Королю Альберту, прося объ отозваніи бельгійскаго военнаго представителя. Затѣмъ де-Брюссере черезъ французскаго посла Палеолога воздѣйствовалъ на де-ла-Гишъ. Скандальное выступленіе союзныхъ генераловъ удалось въ послѣднюю минуту остановить, но слухъ о немъ дошелъ до Государя и по требованію Ставки де-ла-Гишъ былъ отозванъ во Францію.

Великому Князю пришлось временно подчиниться, но Его самолюбіе было уязвлено и съ этого момента, Онъ, затаивъ свои чувства, опредѣленно перешелъ въ лагерь враговъ Государя.

Великій Князь въ данномъ случаѣ поддался лишь голосу своего честолюбія и не могъ перенести того, что Онъ, Николай Николаевичъ, отстраненъ отъ должности, но одновременно Онъ не учелъ величайшее благородство и тонкій тактъ Государя, которой замѣнилъ Его Собой.

Съ отъѣздомъ Николая Николаевича исчезли въ Ставкѣ интриги, отступленіе войскъ прекратилось и наша армія начала реорганизаціонную работу, ко-

торая, постепенно расширяясь, къ концу 1916 года достигла колоссальнаго результата.

Увеличившись созданіемъ третьихъ дивизій въ корпусахъ до невѣроятнаго въ исторіи 16-ти милліоннаго состава, снабженная всѣмъ, что было необходимо, на основаніи опыта войны, для веденія еще продолжительныхъ военныхъ операцій, русская армія была грозной силой и заставляла призадуматься «союзниковъ» о роли Россіи въ предстоящихъ мирныхъ переговорахъ.

И вотъ въ этотъ то моментъ невѣроятнаго напряженія всѣхъ силъ, когда оставалось сдѣлать еще одно только послѣднее усиліе, чтобы, наконецъ, достигнуть уже виднѣвшагося вдали выхода къ побѣдному концу, происходитъ величайшее преступленіе — начинается революція......

Огромныя жертвы принесенныя на алтарь своей Родины лучшими ея сынами оказались напрасными......

Въ революціи ярко выступаютъ союзники — англичане и французы, а также ихъ прихвосни въ лицѣ Милюкова, Гучкова, Родзянко и т. д. — все друзья Великаго Князя.

Что же дѣлаетъ Самъ Великій Князь? Становится ли онъ на защиту Своего Императора и Родины? Спѣшитъ ли Онъ съ вѣрными войсками въ Петербургъ, чтобы тамъ, какъ Онъ говорилъ раньше: «въ три дня не оставить камня на камнѣ?»

Нѣтъ! «Энергичный», «стойкій» и «рѣшительный» Николай Николаевичъ присоединяется къ измѣнившимъ уже Государю Императору генераламъ и посылаетъ 2-го марта Его Величеству телеграмму слѣдующаго содержанія:

«Генералъ-адъютантъ Алексѣевъ сообщаетъ мнѣ создавшуюся небывало роковую обстановку и проситъ меня поддержать его мнѣніе, что побѣдоносный конецъ войны, столь необходимый для блага и будущности Россіи и спасенія династіи, вызываетъ принятіе сверхмѣры.

Я, какъ вѣрноподданный, считаю, по присяги и по духу присяги, необходимымъ колѣнно-преклоненно молить Ваше Императорское Величество спасти Россію и Вашего Наслѣдника, зная чувство святой любви Вашей къ Россіи и къ Нему. Осѣнивъ Себя крестнымъ знаменьемъ, передайте Ему — Ваше наслѣдіе.

Другого выхода нѣтъ. Какъ никогда въ жизни, съ особо горячей молитвой молю Бога подкрѣпить и направить Васъ.» Генералъ-адъютантъ Николай.

«Другого выхода нѣтъ», гласитъ телеграмма. Правда ли это? Теперь уже не надо кого-либо убѣждать, что не правда — это всѣ знаютъ и потому какая отвѣтственность лежитъ на Великомъ Князѣ, столь горячо, «какъ никогда въ жизни», молившаго Государя отречься отъ престола.

Государь, покинутый большинствомъ, слѣдуетъ совѣту Своего Дяди, но объясняетъ причину такого рѣшенія слѣдующими словами Своего дневника: «Кругомъ измѣна, трусость и обманъ».

Послѣднимъ Своимъ приказомъ Государь Императоръ назначаетъ Николая Николаевича Верховнымъ Главнокомандующимъ.....

Великій Князь осѣненный въ Тифлисѣ красными знаменами выѣзжаетъ съ Кавказа въ Ставку, но тамъ получаетъ телеграмму отъ кн. Львова, что «народъ» противъ того, чтобы Николай Николаевичъ сталъ бы во главѣ арміи. Такого рода гнусной телеграммы было вполнѣ достаточно для «рѣшительнаго» Великаго

Князя, чтобы сейчасъ же заставить Его отказаться отъ врученнаго Ему Государемъ Императоромъ поста и подчиниться «волѣ народа».

Оказалось, что прибыть въ Ставку и взять еще неразложившуюся армію въ свои сильныя руки было несравненно труднѣе, чѣмъ въ старое доброе время бросаться съ обнаженною шашкою на начальниковъ дивизій!

А какъ бы въ этотъ именно моментъ нужна бы была рѣшимость Великаго Князя и возможно даже эта обнаженная шашка! Однако «обояніе», «авторитетъ», «сила воли» Николая Николаевича — все исчезло сейчасъ же какъ только не стало у кормила власти «безвольнаго», по Его мнѣнію, Государя Императора.

Подчинившись выборному началу, Великій Князь въ порядкѣ постепенности передалъ армію прапорщику Крыленкѣ и всѣ мы офицеры были отданы произволу начавшейся кровавой вакханаліи, слѣдовавшей неуклонно «волѣ» теперь озвѣревшаго народа. Великій Князь негодовалъ въ душѣ, но наружно съ полнымъ смиреніемъ переносилъ новыя вѣянія и, не вмѣшиваясь въ окружающее, на стариковскомъ положеніи жилъ въ своемъ имѣніи.

Началось добровольческое движеніе — появились арміи Алексѣева, Корнилова, Деникина и Врангеля..... Всѣ эти генералы путались въ «завоеваніяхъ революціи», не признавали одинъ другого, интриговали и строили различные планы спасенія Россіи. Офицеры искали избавленія отъ этихъ узурпаторовъ революціоннаго времени, они хотѣли сражаться за дѣйствительныя право, свободу и равенство, охраняемыя государственными законами и исторической безпристрастной Царской Властью. Взоры ихъ съ надеждою обращались на Великаго Князя Николая Николаевича...... Кому же, какъ не Ему, бывшему Верховному Главнокомандующему изъ Царскаго Рода, судьба настойчиво указывала на священный путь вождя національнаго монархическаго движенія? Не было ли нравственнымъ долгомъ Николая Николаевича властно стать среди ищущихъ въ Немъ опоры и спасенія и, тѣмъ самымъ, искупить свои ошибки передъ Императоромъ и Родиной.

Однако Николай Николаевичъ молчалъ и соглашался съ письменными заявленіями командующихъ генераловъ, разъяснявшихъ Ему текущій моментъ и указывавшихъ на несвоевременностъ Его выступленія. Онъ перебрался за границу и проживалъ подъ именемъ гражданина Борисова въ благословенной Ривьерѣ.

А вѣдь, какъ у мѣста была бы здѣсь обнаженная шашка, чтобы привести въ соотвѣтствующій, воинскій видъ, хотя бы бывшаго Начальника доблестой «Желѣзной дивизіи» или Начальника «Славной Школы» или, наконецъ, командира храбраго Эскадрона Л-Гв. Коннаго Его Величества полка.[1]

[1] «Желѣзной» называлась 4-ая Стрѣлковая Дивизія, начальникомъ которой въ Великую Войну былъ генералъ Деникинъ.

«Славной Школой» называлось Николаевское Кавалерійское Училище, начальникомъ котораго до войны былъ генералъ Миллеръ.

Командиромъ 3-го эскадрона Лейбъ-Гвардіи Коннаго Его Величества полка былъ въ началѣ войны генералъ бар. Врангель (тогда еще ротмистръ).

Духовный глава «Союза Русскаго Народа» оказывается только тогда могъ дѣйствовать энергично, когда у Него была сила и сознаніе безнаказанности......

Кончаютъ свое бытіе добровольческія арміи и ихъ командующія собираются за границей, гдѣ также находятъ пріютъ и члены «Союза Русскаго Народа». И тѣ и другіе начинаютъ работать... Въ первую очередь выдвигается вопросъ о поддержаніи своего бреннаго существованія...... Командующіе и находящіеся при нихъ генералы распредѣляютъ высокія назначенія и вмѣстѣ съ послѣдними опредѣляютъ себѣ соотвѣтствующіе оклады изъ средствъ тѣхъ денежныхъ суммъ, которыя получились путемъ захвата поступавшихъ въ свое время займовъ отъ «союзниковъ», а также и отъ продажи казеннаго и частнаго русскаго имущества (русскіе пароходы, ломбардъ Государственнаго Банка и т. д.). Члены «Союза Русскаго Народа» во время берутъ правильное направленіе на различную валюту Сѣверо-Западной арміи генерала Юденича и, передавая этимъ натискомъ офицеровъ и солдатъ ея въ «бѣлое рабство» на принудительныя работы въ Эстляндіи, образовываютъ основной денежный фондъ для своей поддержки.

Къ этимъ «правящимъ сферамъ», на правахъ соучастія въ общемъ преступленіи, примыкаютъ различные управляющіе Красными Крестами, Предсѣдатели комитетовъ «Земскаго и Городского Союзовъ», военные и гражданскіе представители и всѣ прочіе, кто еще раньше самочинно завладѣлъ казенными русскими капиталами, находящимися за границей.

Устроившись матеріально, начинаютъ думать о славѣ и прежнемъ величіи...

По иниціативѣ нѣкоторыхъ членовъ «Союза Русскаго Народа» устраивается монархическій съѣздъ въ Рейхенгалѣ, который, будучи въ корнѣ правильнымъ дѣйствіемъ, на практикѣ однако, благодаря разношерстности[1] своего состава, ничего существеннаго не далъ и большинство его участниковъ, разъѣхавшись по разнымъ городамъ, принялось на мѣстахъ проводить самыя разнообразныя политическія комбинаціи.

Берлинская группа монархистовъ во главѣ съ Марковымъ 2-ымъ назвала себя громкимъ именемъ: «Высшій Монархическій Совѣтъ», авторитетъ котораго однако другія группы признавать не хотѣли. Да и въ самомъ дѣлѣ, кромѣ громкаго названія, этотъ «Совѣтъ» ничего реальнаго подъ собой не имѣлъ. Между его членами, столь же разношерстными по своему составу, какъ это было и на съѣздѣ въ Рейхенгалѣ, не было никакого согласія ни въ воззрѣніяхъ на монархію, ни въ путяхъ ея достиженія.

Далѣе, вскорѣ произошли тренія между руководителями монархистовъ и командующими арміями или вѣрнѣе между Марковымъ 2-ымъ и генераломъ бар. Врангелемъ. Причина разногласія простая — оба хотѣли непремѣнно быть первымъ.

[1] На съѣздъ въ Рейхенгалѣ были приглашены съ одной стороны крайніе правые монархисты во главѣ съ Марковымъ 2-ымъ и кн. Ширинскимъ-Шихматовымъ; съ другой стороны такіе многозначительные «монархисты» какъ бывшіе лѣвые члены партіи «Народной Свободы» Масленниковъ, Ефимовскій и др., и, наконенцъ, съ третьей стороны генералы допустившіе развитіе революціи.

Подобнаго рода неурядицы въ своей средѣ, ухудшенныя еще случаями всевозможныхъ столкновеній на почвѣ вообще пониманія монархизма, создали такое положеніе, что настоящіе русскіе патріоты, признавъ необходимость главенства безпристрастнаго руководителя, снова обратили свой взоръ въ сторону Вел. Кн. Николая Николаевича.

Рѣшили просить Великаго Князя по старымъ соображеніямъ: Онъ былъ послѣднимъ Верховнымъ Главнокомандующимъ, назначеннымъ Государемъ Императоромъ, а потому, въ виду имѣвшихся еще тогда сомнѣній относительно судьбы Государя Императора, Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Михаила Александровича, полагали, что только Николай Николаевичъ можетъ быть вождемъ того монархическаго движенія, которое должно бы было приготовить путь для возстановленія Законной Власти въ Россіи.

Однако всѣ попытки склонить Великаго Князя къ этому рѣшенію успѣха не имѣли и Его Высочество неизмѣнно отвѣчалъ: «И знать ничего не хочу, оставьте меня въ покоѣ, Вы портите мнѣ отношенія съ французскимъ правительствомъ.»

Тогда была отправлена делегація къ Государынѣ Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ, задачей которой было просить Государыню указать вождя монархическаго движенія. Императрица отказалась принять делегацію, какъ таковую и дала аудіенцію членамъ ея лишь какъ отдѣльнымъ лицамъ и то при условіи ничего не говорить о политикѣ.

И вотъ въ этотъ то тяжелый, можно сказать критическій моментъ монархическаго бытія, самоотверженно отзывается на призывъ русскихъ патріотовъ, Старшій въ Родѣ Царскомъ, Его Императорское Высочество Великій Князь Кириллъ Владиміровичъ и въ обращеніяхъ къ Русскому Народу и Россійскому Воинству объявляетъ Себя 26-го іюля 1922 года Блюстителемъ Государева Престола.

Въ обращеніи къ Россійскому Воинству Его Императорское Высочество слѣдующими словами призываетъ Вел. Кн. Николая Николаевича къ совмѣстной работѣ: «Молю Бога о томъ, чтобы просьбѣ Моей внявъ, Верховное Командованіе надъ Русской Арміей принялъ бы Его Императорское Высочество Великій Князь Николай Николаевичъ.»

Однако эти искреннія слова призыва Старшаго въ Родѣ не нашли истиннаго отзвука въ сердцѣ Николая Николаевича, а послужили лишь возбудителемъ для принятія Имъ самостоятельнаго рѣшенія. Онъ, до того времени спокойно сидѣвшій и упорно отказывающійся отъ всякихъ предложеній, совершенно неожиданно, игнорируя Старшаго въ Родѣ, соглашается возглавить національное движеніе, выразивъ мнѣніе, что неизвѣстно еще угоденъ ли и нуженъ ли Россіи домъ Романовыхъ.

Такого рода дѣйствія Николая Николаевича приводятъ къ результату совершенно обратному желаніямъ истинныхъ монархистовъ патріотовъ — вмѣсто объединенія, примиренія и образованія единаго монархическаго фронта, создаются въ средѣ монархистовъ, помимо прочихъ уже имѣвшихся у нихъ разногласій, еще дополнительныя дѣленія на два лагеря: 1) сторонниковъ Августѣйшаго Блюстителя Государева Престола Великаго Князя

Кирилла Владимiровича и 2) приверженцевъ бывшаго Верхонаго Главнокомандующаго Великаго Князя Николая Николаевича.

Ставъ на этотъ путь разрушенiя единаго монархическаго фронта, Николай Николаевичъ и Его сотрудники принимаются явно вредить всякимъ начинанiямъ Великаго Князя Кирилла Владимiровича, прибѣгая въ данномъ случаѣ къ прiемамъ борьбы, годнымъ развѣ для агитацiонныхъ цѣлей лѣвыхъ партiй, а никакъ не для людей государственно-мыслящихъ.

Однимъ изъ такихъ прiемовъ является опубликованiе бесѣды Николая Николаевича съ американцемъ, директоромъ телеграфнаго агентства «Ассоцiатедъ Прессъ» г-омъ Е. Робертсъ, въ которой Его Императорское Высочество высказываетъ свои мысли о способахъ возсозданiя будущей Россiи. Я не буду подробно разбирать программу спасенiя Россiи Великаго Князя, но укажу только, что она базируется на «завоеванiяхъ революцiи» и что въ ней проводятся такiе взгляды, которые являются дiаметрально противоположными таковымъ же прежнимъ Его Высочества въ бытность Его духовнымъ главою «Союза Русскаго Народа».

Особенно грустно сознавать, что Николай Николаевичъ, по примѣру командовавшихъ добровольческими армiями, а нынѣ окружающихъ Его генераловъ, также не имѣетъ гражданскаго мужества говорить открыто о Законномъ Царѣ, какъ единственномъ Хозяинѣ Земли Русской, а лишь въ очень туманныхъ выраженiяхъ намекаетъ, что будетъ согласовывать свои дѣйствiя «съ чаянiями народа». Неужели перiодъ безвластiя и общаго моральнаго упадка оказалъ роковое влiянiе и на «стойкаго» Великаго Князя, далеко перешедшаго уже тотъ возрастъ, когда перемѣна убѣжденiй не ставится въ упрекъ.

Я, лично, не могу этого думать и потому склоненъ разсматривать вышеприведенную бесѣду Великаго Князя лишь, какъ политическiй трюкъ — ласковое заманиванiе въ свой лагерь. Въ послѣднемъ меня убѣждаетъ еще сознанiе, что среди сотрудниковъ Николая Николаевича находится и фактическiй глава «Союза Русскаго Народа» Марковъ 2-ой, который недавно, весьма неосторожно, высказывалъ, что теперь, по приходѣ въ Россiю, надо вести политику правѣе праваго.

31-го августа 1924 года дабы пресѣчь разлагающе дѣйствующую на народныя массы двойственность монархическаго движенiя, а также и по другимъ весьма важнымъ причинамъ, Его Императорское Высочество Великiй Князь Кириллъ Владимiровичъ, какъ мною было указано выше,заявивъ торжественно о Мученической Кончинѣ Государя Императора Николая Александровича, Наслѣдника Цесаревича Алексѣя Николаевича и Великаго Князя Михаила Александровича, принялъ, принадлежащiй Ему непререкаемо, титулъ Императора Всероссiйскаго. Одновременно Государь Императоръ обратился къ Великому Князю Николаю Николаевичу въ послѣднiй разъ со слѣдующимъ письмомъ:

Дорогой Дядя Николаша.

Послѣ долгаго и мучительнаго размышленiя, видя, что русскихъ людей ничто не можетъ объединить для спасенiя Родины и что можетъ ихъ объединить только Законность, понявъ и перечувствовавъ, что нашъ народъ вымираетъ и зная теперь навѣрное о гибели Царской

Семьи и Великаго Князя Михаила, я рѣшился исполнить въ полной мѣрѣ свой долгъ, подчиниться требованію Основныхъ Законовъ и, хотя въ изгнаніи, все же объявить, что въ силу Закона я Императоръ.

Я считаю, что я не въ правѣ дольше уклоняться отъ этого тяжелаго долга.

Несмотря на то, что на мои предыдущія письма, имѣвшія цѣлью внести объединеніе между нами въ работѣ по освобожденію Россіи, Ты мнѣ не отвѣтилъ, я дѣлаю еще разъ чистосердечную попытку и обращаюсь къ Тебѣ съ этимъ письмомъ. Я въ данномъ случаѣ имѣю одну цѣль — благо Родины.

Ни для кого ни тайна, что хотя Ты не выступалъ самъ, но все же даешь Свое имя для организацій и лицъ, выдвигающихъ Тебя въ качествѣ національнаго вождя. Я не буду отрицать, ни Твоихъ заслугъ, ни Твоей популярности среди многочисленныхъ Твоихъ сотрудниковъ и бывшихъ подчиненныхъ, и я первый радовался бы, если вокругъ Тебя возникло бы мощное объединеніе русскихъ національныхъ силъ, но я совершенно убѣжденъ, что пока Ты ясно не провозгласишь принципа Законной Монархіи, какъ единственнаго начала, могущаго создать національное объединеніе внѣ партій и сословій, до тѣхъ поръ Тебѣ не удастся утолить раздоры.

Я готовъ идти съ Тобой вмѣстѣ къ одной цѣли спасенія нашей Родины и протягиваю Тебѣ руку съ польнымъ доброжелательствомъ — дальнѣйшее мое отношеніе къ Тебѣ зависитъ всецѣло отъ Тебя самого.

Однако Вел. Кн. Николай Николаевичъ и въ данномъ случаѣ, не поступилъ согласно велѣнію закона и справедливости, а, играя на чувствахъ матери и пользуясь болѣзнью 76 лѣтней Вдовствующей Императрицы Маріи Ѳеодоровны, заявившей, что «никто въ мірѣ не можетъ убѣдить Ее въ Кончинѣ Ея Обоихъ Сыновей и Внука», отказался признать Новаго Государя Императора.

Результатомъ давленія Николая Николаевича на тяжело больную и оторванную отъ дѣйствителной жизни престарѣлую Императрицу явилось письмо, написанное 30-го сентября княземъ Долгоруковымъ, по приказанію Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, предсѣдателю «Высшаго Монархическаго Совѣта »Маркову 2-му въ отвѣтъ на его запросъ по поводу манифеста Великаго Князя Кирилла Владиміровича.

Содержаніе этого письма слѣдующее:

Милостивый Государь
Николай Евгеньевичъ.

«Ея Императорское Величество Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна получила письмо отъ Его Императорскаго Высочества Великаго Князя Кирилла Владиміровича съ приложеніемъ манифеста 8-го сентября днемъ. Въ этотъ-же день въ датскихъ газетахъ было напечатано извѣстіе о томъ, что Великій Князь Кириллъ Владиміровичъ выпускаетъ въ Бѣлградѣ манифестъ о Своемъ воцареніи.

Вамъ извѣстенъ взглядъ Ея Величества на судьбу Государя Императора, Наслѣдника Цесаревича и Великаго Князя Михаила Александровича. Это служитъ причиной, что Ея Величество считаетъ выступленіе Великаго Князя Кирилла Владиміровича преждевременнымъ и очень опечалена, что это выступленіе вновь внесетъ смуту среди русскихъ и подорветъ столь необходимое единеніе.»

«Примите увѣреніе, многоуважаемый Николай Евгеньевичъ, въ совершенномъ моемъ уваженіи и преданности.»

30-го сентября 1924 года Князь С. Долгоруковъ.»

Въ этомъ письмѣ ярко выражаются чувста Матери, которая не можетъ воспріять ужасный фактъ Мученической Кончины Ея Обоихъ Сыновей и Внука,

а потому Ея Величество, не отрицая законнаго права Великаго Князя Кирилла Владиміровича на престолъ, считаетъ Его выступленіе преждевременнымъ.

Глубоко уважая и понимая эти святыя чувства, я однако не могу согласиться съ тѣмъ, что они могутъ играть рѣшающую роль въ рѣшеніи государственнаго вопроса, тѣмъ болѣе, что Новый Государь Императоръ еще раньше весьма благородно отмѣтилъ: «Буде же Всеблагому и Милосердному Промыслу Божьему угодно было осчастливать Насъ сохраніемъ жизни Государя Императора Наслѣдника Цесаревича Алексѣя Николаевича и Великаго Князя Михаила Александровича, либо одного изъ Нихъ, Я, при радостномъ извѣстіи о Ихъ появленіи, первый немедленно стану въ ряды вѣрноподанныхъ и положу къ Ихъ стопамъ все Мною въ отсуствіе Ихъ совершенное.» Это же вновь заявилъ Государь Кириллъ Владиміровичъ въ письмѣ Своемъ къ Вдовствующей Императрицѣ уже послѣ принятія Имъ титула Императора. Письмо это слѣдующее:

Дорогая Тетя Мини.

Изъ побужденія только моей совѣсти, я издалъ прилагаемый Манифестъ.

Если осуществится чудо, въ которое Ты вѣришь, что возлюбленные сыновья Твои и Внукъ остались живы, то я первый и немедленно объявлю себя вѣрноподданнымъ моего Законнаго Государя и повергну все мною содѣянное къ Его стопамъ.

Ты взошла на Престолъ во дни самой яркой русской славы, какъ Сподвижница одного изъ Великихъ нашихъ Императоровъ и Ты должна мнѣ дать Свое благословеніе нынѣ, когда я принимаю на себя тяжелыя обязанности Царскаго служенія, прерваннаго великой русской смутой и при низверженномъ престолѣ и попранной Россіи.

При такихъ тяжелыхъ условіяхъ я принимаю только обязанности Сына Твоего и отнынѣ моя жизнь будетъ однимъ лишь долгимъ мученичествомъ.

Я припадаю къ Твоимъ стопамъ съ сыновьей любовью. Не оставь меня въ труднѣйшую минуту моей жизни, въ минуту подобно которой не пережилъ ни одинъ изъ нашихъ предковъ.

Подобнаго рода заявленіе Государя Императора совершенно устраняетъ всякое колебаніе и сомнѣніе.

Къ сожалѣнію не такъ разсуждалъ Великій Князь Николай Николаевичъ и его совѣтчики, которые, принявшись распространять письмо къ Маркову 2-му и тѣмъ самымъ, сѣять сомнѣніе, одновременно старались повліять на Государыню Императрицу Марію Θеодоровну въ томъ смыслѣ, чтобы Ея Величество еще болѣе рѣзко выступила бы противъ Государя Императора.

Результатомъ этой работы явилось второе письмо Государыни Императрицы Маріи Θеодоровны и поясненія къ нему Великаго Князя Николая Николаевича.

Содержаніе этихъ писемъ слѣдующее:

Ваше Императорское Высочество,

Болѣзнено сжалось сердце Мое, когда Я прочитала манифестъ Великаго Князя Кирилла Владиміровича, объявившаго Себя Императоромъ Всероссійскимъ.

До сихъ поръ нѣтъ точныхъ извѣстій о судьбѣ Моихъ возлюбленныхъ Сыновей и Внука, а потому появленіе новаго Императора я считаю преждевременнымъ. Нѣтъ еще человѣка, который могъ бы погасить во Мнѣ послѣдній лучъ надежды.

Боюсь, что этотъ манифестъ создастъ расколъ и уже тѣмъ самымъ не улучшитъ, а наоборотъ ухудшитъ положеніе и безъ того истерзанной Россіи.

Если же Господу Богу, по Его неисповѣдимымъ путямъ, угодно было призвать къ Себѣ Моихъ возлюбленныхъ Сыновей и Внука, то я, не заглядывая впередъ, съ твердою надеждою на милость Божью полагаю, что Государь Императоръ будетъ указанъ Нашими Основными Законами въ союзѣ съ Церковью Православною совмѣстно съ Русскимъ Народомъ.

Молю Бога, чтобы онъ не прогнѣвался на Насъ до конца и скоро послалъ Намъ спасеніе путями, Ему только извѣстными.

Увѣрена, что Вы, какъ старѣйшій Членъ Дома Романовыхъ, одинаково со Мною мыслите.

Марія

Я счастливъ,что Ея Императорское Величество Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна не усумнилась въ томъ, что Я одинаково съ Нею мыслю объ объявленіи Себя Великимъ Княземъ Кирилломъ Владиміровичемъ Императоромъ Всероссійскимъ.

Я уже неоднократно высказывалъ неизмѣнное Мое убѣжденіе, что будущее устройство Государства Россійскаго можетъ быть рѣшено только на Русской Землѣ, въ соотвѣтствіи съ чаяніями Русскаго Народа. Относясь отрицательно къ выступленію Великаго Князя Кирилла Владиміровича, призываю всѣхъ одинаково мыслящихъ съ Ея Величествомъ и Мною къ исполненію нашего истиннаго долга передъ Родиной — неустанно и непрерывно продолжать святое дѣло освобожденія Россіи.

Да поможетъ намъ Господь!

7/20 октября 1924 года. Великій Князь Николай Николаевичъ

Оба вышеприведенныхъ письма Великій Князь Николай Николаевичъ опубликовалъ въ печати и, тѣмъ самымъ, начавъ раздоръ въ Царской Семьѣ передалъ его еще гласности, давъ обильную пищу всѣмъ врагамъ монархизма и Государства Россійскаго.

Россійскіе Законы о Престолонаслѣдіи хорошо извѣстны членамъ Царской Семьи и на основаніи ихъ всѣ Они, какъ мною было указано выше, признали Великаго Князя Кирилла Владиміровича Законнымъ Государемъ Императоромъ, что же касается Великаго Князя Николая Николаевича, то Онъ, не рѣшаясь открыто оспаривать правъ Великаго Князя Кирилла Владиміровича, считаетъ, что неизвѣстно еще признаетъ ли русскій народъ желательнымъ возстановленіе монархіи.

Въ такомъ случаѣ конечно возражать нечего, и придется снова призвать спеціалистовъ «волеизліянія народа» г. г. Гучкова, Милюкова, Керенскаго, Чхеидзе и др. и начать выборы въ Учредительное Собраніе, а затѣмъ въ Государи или президенты Россійскіе, но не думаю, чтобы результаты получились бы лучше, чѣмъ это было въ 1917 году.

Великій Князь навѣрное не можетъ не помнить печальнаго опыта, когда Онъ самъ, какъ мною было указано выше, подчинившись «волѣ народа» и сдавъ возложенную на Него Покойнымъ Государемъ Императоромъ должность Главнокомандующаго, уступилъ ее, тѣмъ самымъ, въ порядкѣ постепенности прапорщику Крыленкѣ.

Нѣтъ довольно намъ этихъ выборовъ, этого «голоса народа», вмѣсто котораго на всѣхъ перекресткахъ кричатъ всевозможные инородцы, преслѣдующіе свои преступныя цѣли. Довольно намъ и «воли народа», которую выражать въ Учредительное Собраніе пришли негодяй Черновъ, истеричка Марія Спиридонова и еще болѣе 500 подобныхъ «уполномоченныхъ» народа. Всѣ эти «выборные»

выражали «волю народа» также хорошо, какъ ее отъ лица Армiи выражали генералы, въ первые дни бунта, измѣнившiе Царю. Тогда эти генералы нагло доносили Государю Императору, что на армiю положиться нельзя, а вмѣстѣ съ тѣмъ знали ли они, что почти всѣ гвардейскiе и большинство армейскихъ солдатъ не говоря уже объ офицерахъ, болѣе 4-хъ мѣсяцевъ спустя революцiи на вечерней перекличкѣ пѣли «Спаси Господи люди Твоя» и «Боже Царя Храни» и что еще въ 1918 году было много солдатъ, которые остались вѣрными Государю Императору.

Нѣтъ, оставьте офицеровъ и солдатъ. Ненадежными оказались генералы и, главнымъ образомъ, генералъ-адъютанты,а дѣйствительной службы офицеры и солдаты жизнь бы свою положили за Государя Императора, и имъ недоставало въ тотъ роковой моментъ только вождя.

Пора же положить конецъ этимъ инсинуацiямъ и шантажамъ на «волѣ» массъ, пора прiобрѣсти гражданское мужество эти дѣянiя расматривать безъ дурацкихъ стеколъ революцiонныхъ очковъ.

Взглянемъ же ясными глазами на создавшееся, благодаря выступленiю Великаго Князя Николая Николавеича, прискорбное положенiе и опредѣлимъ Его дѣйствiя словами Августѣйшаго Брата Государя Императора Великаго Князя Андрея Владимировича.

Вотъ, что говоритъ Его Императорское Высочество въ Циркулярномъ письмѣ:

«Въ своемъ Манифестѣ отъ 31-го августа по ст. ст. 1924 года Его Императорское Высочество Великiй Князь Кириллъ Владимiровичъ удостовѣряетъ фактъ Кончины Государя Императора Николая Александровича, Наслѣдника Цесаревича Алексѣя Николаевича и Великаго Князя Михаила Александровича, и на этомъ основанiи провозглашаетъ Себя Императоромъ Всероссiйскимъ, а сына Своего Князя Владимiра Кирилловича Наслѣдникомъ Цесаревичемъ и Великимъ Княземъ.

Разъ Старшимъ Представителемъ Царствующаго Дома торжественно заявлено о Мученической Кончинѣ Государя Императора Николая Александровича и Его ближайшихъ Наслѣдниковъ, то сомнѣнiямъ относительно Ихъ Кончины не можетъ быть мѣста. Съ этого момента, по силѣ незыблемаго Закона, на которомъ зиждится преемственная Монархическая Власть, Великiй Князь Кириллъ Владимiровичъ, какъ Старшiй въ порядкѣ Престолонаслѣдiя, Представитель Царствующаго Дома, не только въ правѣ, но и обязанъ объявить Себя Императоромъ, ибо Престолъ не можетъ быть вакантнымъ при наличiи законныхъ правопреемниковъ. Подрывать тѣми или иными соображенiями цѣлесообразности или юридическими хитросплетенiями силу, авторитетность и исчерпывающее значенiе такого выступленiя — было бы покушенiемъ на самый монархическiй принципъ. Если до сихъ поръ монархисты могли свободно критиковать Блюстителя или Претендента, примыкать къ Нему или оставаться въ сторонѣ, ища другихъ вождей нацiональному движенiю по соображенiямъ цѣлесообразности, — если велѣнiя Блюстителя не были обязательны для монархистовъ и могли подлежать оспариванiю или даже просто игнорироваться, то въ отношенiи Императора все это недопустимо и монархисты по самой природѣ своей, по самой сущности своего исповѣданiя должны преклониться передъ волею Законнаго Преемника Русскихъ Царей.

Всякiй другой путь дѣйствiй, являясь отрицанiемъ закономѣрности и легитимности, былъ бы равносиленъ революцiи, бонапартизму, дворцовымъ переворотамъ и т. д.

Такова идеологическая сторона. Обращаясь къ практической, надо признать, что новый актъ имѣетъ то существенное преимущество, что имъ окончательно выясняется положенiе и что дальше итти некуда. Невоспрiятiе его, непризнанiе его закономѣрности, даже простое игно-

рированіе — было ничѣмъ инымъ, какъ признаніемъ Великаго Князя Кирилла Владиміровича — Самозванцемъ. Проистекающія отсюда послѣдствія очевидны. Тогда надо поставить крестъ надъ Законной Монархіей, надъ лигитимизмомъ, надъ внѣпартійностью Верховной Власти, надъ пріемственной традиціей и мистическимъ ореоломъ Законнаго Царя. Такимъ образомъ не только монархическое чувство, но и практическія соображенія въ сознаніи людей, почитающихъ Законную Монархію единственнымъ источникомъ возрожденія и преуспѣянія самобытной Руси, указываютъ на необходимость безоговорочнаго воспріятія Манифеста. Личнымъ симпатіямъ и антипатіямъ нѣтъ мѣста тамъ, гдѣ идетъ вопросъ о пользѣ Родины.

Въ ближайшемъ образѣ дѣйствій, пока отъ Его Величества не послѣдуетъ предуказанія для вѣрноподданныхъ о работѣ въ интересахъ скорѣйшаго осуществленія общей Цѣли,намѣчается лишь одинъ путь: словомъ и дѣломъ всячески внѣдрять и закрѣплять среди эмиграціи и заинтересованныхъ круговъ правильное идеологически пониманіе акта и его послѣдствій.

Новый актъ разрѣшаетъ противоположеніе Старшаго и Старѣйшаго Представителей Царствующаго Дома. Если Великій Князь Николай Николаевичъ до сихъ поръ имѣлъ возможность уклоняться отъ какихъ либо взаимоотношеній съ Блюстителемъ, Закономъ не предусмотреннымъ, то сейчасъ, какъ членъ Династіи, Его Высочество не можетъ не преклониться передъ Главою Династіи — Законнымъ Императоромъ. Всякое иное дѣйствіе и даже бездѣйствіе или игнорированіе были бы равносильны бунту въ Семьѣ и открытому выступленію на путь бонапартизма. Сіе настолько очевидно,что не стоитъ углубляться въ разсужденія. Великому Князю Николаю Николаевичу остается только одно — принести присягу Императору и сложить къ Его стопамъ мечъ военноначальника.»

Къ письму Его Императорскаго Высочества ничего нельзя прибавить: въ немъ совершенно ясно указывается сущность и значеніе Высочайшаго Манифеста, а также вполнѣ точно опредѣляются дѣйствія Великаго Князя Николая Николаевича. Отнынѣ уже нѣтъ больше сторонниковъ Блюстителя или приверженцевъ бывшаго Верховнаго Главнокомандующаго, но ярко выступаетъ дѣленіе на монархистовъ и бонапартистовъ. Великій же Князь Николай Николаевичъ со своими сотрудниками сейчасъ уже не колеблетъ единый монархическій фронтъ, а разрушаетъ самый принципъ монархизма[1].

Оглядываясь назадъ мы могли убѣдиться, что Николай Николаевичъ, былъ однимъ изъ виновниковъ гибели Покойнаго Государя Императора, теперь же мы видимъ, что Онъ снова становится на тотъ же опасный путь, но мы русскіе люди, монархисты и патріоты должны рѣзко выступить противъ этого злого дѣла и грудью встать на защиту Своего Новаго Законнаго Государя Императора. Эта защита выразится: 1) въ осужденіи дѣйствій Великаго Князя Николая Николаевича и его совѣтчиковъ, 2) въ борьбѣ противъ клеветническихъ нападковъ, той же кучки демагоговъ, направленныхъ на Священное Имя Государя Императора.

Николай Николаевичъ въ своей бесѣдѣ съ американцемъ директоромъ Е. Робертсъ подчеркнулъ, что лично для Себя Онъ ничего не ищетъ, но въ то же время, Онъ позволяетъ своимъ сотрудникамъ выступать съ такой подта-

[1] Для всякаго знакомаго съ исторіей французской революціи бросается въ глаза поразительное сходство поведенія Великаго Князя Николая Николаевича и тѣхъ, кто Имъ руководитъ, съ дѣйствіями французакго принца Филиппа Эгалитэ (Philippe Egalité) руководимаго масонами толка «Grand Orient».

совкою законовъ о Престолонаслѣдіи, по которой Онъ, стоящій въ дѣйствительности по старшинству Престолонаслѣдія на 9-омъ мѣстѣ, является единственнымъ Наслѣдникомъ Царскаго престола. По ихъ ложному толкованію оказывается, что, первое по старшинству, потомство Покойнаго Великаго Князя Владиміра Александровича, къ которому принадлежатъ: Государь Императоръ Кириллъ Владимировичъ (1), Наслѣдникъ Цесаревичъ Владиміръ Кирилловичъ (2), Великій Князь Борисъ Владиміровичъ (3), и Великій Князь Андрей Владиміровичъ (4), не имѣетъ, якобы по религіознымъ сображеніямъ, права на престолъ, такъ какъ Августѣйшая Родительница Ихъ Великая Княгиня Марія Павловна (урожд. Принцесса Мекленбургъ-Шверинская) приняла православіе уже послѣ рожденія своихъ дѣтей; второе по старишинству потомство Покойнаго Великаго Князя Павла Александровича, къ которому принадлежитъ Великій Князь Дмитрій Павловичъ (5) не имѣетъ, якобы нравственнаго права на престолъ, такъ какъ Онъ замѣшанъ въ исторіи убійства Распутина; третье по старшинству потомство Покойнаго Великаго Князя Константина Константиновича, къ которому принадлежатъ: Князь Всеволодъ Іанновичъ[1] (6), Князь Гавріилъ Константиновичъ (7) и князь Георгій Константиновичъ (8), не имѣетъ, якобы по тѣмъ же религіознымъ соображеніямъ, права на престолъ, такъ какъ Ихъ Августѣйшая Родительница Великая Княгиня Елизавета Маврикіевна также не была православной. Такимъ образомъ только четвертое по старшинству потомство Покойнаго Великаго Князя Николая Николаевича, Старшаго, къ которому принадлежатъ: Великій Князь Николай Николаевичъ (9), Великій Князь Петръ Николаевичъ (10) и Князь Романъ Петровичъ[2] (11), является якобы правомочнымъ[3].

Все это, конечно, съ точки зрѣнія закона и права совершенно не выдерживетъ критики и относится просто къ разряду казуистики религіозно-клерикальнаго характера. Великій Князь Николай Николаевичъ такъ далекъ отъ правъ на престолонаслѣдіе, что всякія попытки возвести Его на престолъ Законнымъ путемъ могутъ вызвать лишь улыбку.

Одновременно съ этой казуистической пропагандой сотрудники Вел. Кн. Николая Николаевича не останавливаются также и просто передъ гнусною клеветою, дабы этимъ недостойнымъ образомъ наложить тѣнь на Священную Особу Государя Императора. Они, напримѣръ, имѣютъ наглость утверждать, что Великій Князь Кириллъ Владиміровичъ, въ дни революціи, однимъ изъ первыхъ измѣнилъ Покойному Государю Императору, что якобы неоспаримо подтверждается тѣмъ фактомъ,что Его Императорское Высочество, будучи въ то время Командиромъ Гвардейскаго Экипажа, привелъ ввѣренную Ему воинскую часть, подъ Своимъ личнымъ командованіемъ, къ Таврическому Дворцу и передалъ ее въ распоряженіе Временнаго Комитета Государственной

[1] Князь Всеволодъ Іоанновичъ являетася Сыномъ Покойнаго Князя Іоанна Константиновича и Супруги Его Княгини Елены Петровны дочери Короля Сербскаго Петра Карагеоргіевича.

[2] Князь Романъ Петровичъ является Сыномъ Великаго Князя Петра Николаевича и Супруги Его Великой Книгини Милицы Николаевны (дочери Короля Черногорскаго Николая).

[3] Числа поставленныя за каждымъ членомъ Царской Семьи указываютъ порядокъ старшинства ихъ согласно приведенной таблицы Мужескаго потомства Императора Николая I.

Думы. При этомъ доходятъ до такого абсурда, что разсказываютъ о красномъ бантѣ, который якобы былъ приколотъ на груди Великаго Князя.

Дабы пресѣчь въ корнѣ эту преступную клевету я помѣщаю ниже документы, которые вполнѣ ясно свидѣтельствуютъ о дѣйствіяхъ въ первые дни революціи Великаго Князя Кирилла Владиміровича. Эти документы находятся въ собранномъ и приведенномъ недавно въ порядокъ большевистскомъ архивѣ. Въ печати же они появились впервые въ сборникѣ «Академическаго центра Наркомпросса» — «Научныя Извѣстія» (Государственное Издательство 1922 года), гдѣ была помѣщена статья В. Н. Сторожева «Февральская Революція 1917 года», составленная на основаніи этихъ архивныхъ матеріаловъ.

Вотъ что говоритъ В. Н. Сторожевъ въ своей статьѣ: «То, что происходило въ первые дни революціи въ великокняжескихъ кругахъ можно судить по слѣдующей перепискѣ, имѣющейся въ распоряженіи архива».

«Письмо княгини О. В. Палѣй (супруги Великаго Князя Павла Александровича) къ Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ.»

«3-ье» марта 1917 года.

Ваше Императоское Величество.

«3-го дня вечеромъ Великій Князь (Павелъ Александровичъ) былъ сильно встревоженъ слухами о назначеніи Великаго Князя Михаила Александровича Регентомъ. Весь вчерашній день Онъ былъ въ угнетенномъ состояніи, такъ какъ не было ни поѣздовъ, ни телефоновъ; вѣрный намъ человѣкъ, который держалъ насъ въ контактѣ съ Государственной Думой — не появлялся. Наконецъ стало не въ моготу и мы послали человѣка пѣшкомъ (Моторы ревизируются вездѣ въ Петроградѣ) къ Великому Князю Кириллу Владиміровичу съ письмомъ слѣдующаго содержанія:

2-го марта 1917 года.

Дорогой Кириллъ. Ты знаешь, что я черезъ Н. И. въ контактѣ съ Государственной Думой. Вчера вечеромъ мнѣ ужасно не понравилось новое теченіе, желающее назначить Мишу-Регентомъ. Это недопустимо, и возможно, что это только интриги Брасовой (супруги Великаго Князя Михаила Александровича). Можетъ быть это только сплетня, но мы должны быть на чеку и всячески всѣми способами сохранить Ники престолъ. Если Ники подпишетъ Манифестъ, нами утвержденный, о конституціи, то вѣдь этимъ исчерпываются всѣ требованія народа и Временнаго Правительства. Переговори съ Родзянко и покажи ему это письмо. Крѣпко Тебя обнимаю, Твой Дядя Павелъ.»

«Нашъ человѣкъ», пишетъ княгиня Палѣй дальше, «дошелъ къ утру до города и, такъ какъ сегодня поѣзда ходятъ, то привезъ прилагаемый отвѣтъ (отъ Великаго Князя Кирилла Владиміровича)».

2-го марта 1917 года.

Дорогой Дядя Павелъ!

«Относительно вопроса, который Тебя безпокоитъ, то до меня дошли одни лишь слухи. Я совершенно съ Тобою согласенъ, но Миша, несмотря на мои настойчивыя просьбы работать ясно и единомысленно съ нашимъ семействомъ, онъ прячется и только сообщается секретно съ Родзянкой. Я былъ всѣ эти послѣдніе дни совершенно одинъ, чтобы нести всю отвѣтственность передъ Ники и Родиной, спасая положеніе, признавая новое правительство. Обимаю. Кириллъ.»

«Сегодня утромъ», пишетъ дальше княгиня Палѣй, «прочитавъ съ трепетомъ сердечнымъ сегодняшнюю газету, которую рѣшаюсь послать Вамъ на прочтеніе, такъ какъ считаю, что въ такой моментъ Ваше Величество должна знать все, какія бы тамъ не писались дерзости

и ужасы (главное рѣчь Милюкова). Сегодня, говорю, прочитавъ газету, мы съ Великимъ Княземъ сообща составили и послали сегодня въ 12 час. дня нашего вахтера съ письмомъ къ Родзянко слѣдующаго содержанія:»

3-го марта 1917 года. Глубокоуважаемый Михаилъ Владиміровичъ!

«Какъ единственный, оставшійся въ живыхъ сынъ Царя-Освободителя, обращаюсь къ Вамъ съ мольбою сдѣлать все отъ Васъ зависящее, дабы сохранить конституціонный престолъ Государю. Знаю, что Вы ему горячо преданы и что всякій Вашъ поступокъ проникнутъ глубокимъ патріотизмомъ и любовью къ Родинѣ. Я бы не тревожилъ Васъ въ такую минуту, если бы не прочиталъ въ «Извѣстіяхъ» рѣчь министра Иностранныхъ Дѣлъ Милюкова и его слова о регентствѣ Великаго Князя Михаила Александровича. Эта мысль о полномъ устраненіи Государя меня гнететъ. При конституціонномъ правленіи и правильномъ снабженіи арміи — Государь несомнѣнно поведетъ войска къ побѣдѣ. Я бы самъ пріѣхалъ къ Вамъ, но мой городской моторъ реквизированъ, а силы не позволяютъ итти пѣшкомъ. Да поможетъ Вамъ Господь и да спасетъ Онъ нашего дорогого Царя и нашу Родину.» Искренно уважающій и преданный

Великій Князь Павелъ Александровичъ.

«Какъ только» продолжаетъ дальше въ письмѣ княгиня Палѣй, «будетъ какой нибудь отвѣтъ отъ Родзянко, я сообщу Вашему Величеству, а пока молю Васъ на колѣняхъ быть спокойной и вѣрить, что до послѣдней капли крови, до послѣднихъ силъ будемъ съ Вами. Цѣлую Ваши дорогія руки, извиняюсь за почеркъ, рука дрожитъ и остаюсь Ваша всѣмъ сердцемъ, всѣми помыслами.» Ольга Палѣй.»

Письмо княгини Палѣй къ Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ, а также прилагаемыя къ нему: 1) письмо Великаго Князя Павла Александровича къ Великому Князю Кириллу Владиміровичу, 2) отвѣтное письмо Великаго Князя Кирилла Владиміровича къ Великому Князю Павлу Александровичу и 3) письмо Великаго Князя Павла Александровича къ Предсѣдателю Государственной Думы М. В. Родзянко, съ неоспоримой ясностью подтверждаютъ, что Великія Князья Павелъ Александровичъ и Кириллъ Владиміровичъ употребляли всѣ усилія, чтобы сохранить тронъ за Государемъ Императоромъ.

Будучи еще раньше сторонниками дарованія конституціи[1], Они, въ виду серьезности положенія, подписали за Государя Императора 1-го марта Манифестъ о конституціи и передали его въ Государственную Думу[2], послѣ чего Великій Князь, Кириллъ Владиміровичъ, дѣйствуя въ полномъ согласіи съ Великимъ Княземъ Павломъ Александровичемъ, прибылъ лично въ Государственную Думу и передалъ въ распоряженіе новаго конституціоннаго правительства ввѣренную Ему воинскую часть. Этотъ смѣлый шагъ показываетъ что Его Императоское Высочество, разъ вопросъ касался сохраненія трона для Государя Императора, не остановился передъ рискомъ своей

[1] Въ концѣ ноября 1916 года на Совѣтѣ членовъ Императорской фамиліи, бывшаго во дворцѣ Великаго Князя Андрея Владиміровича, было поручено, какъ Старшему члену Семьи, Великому Князю Павлу Александровичу почтительнѣйше просить Его Величество о дарованіи конституціоннаго правленія. Великій Князь 3-го декабря того же года доложилъ объ этомъ Государю Императору, но положительныхъ результатовъ не достигъ.

[2] Манифестъ попалъ въ руки Милюкова, который, пробѣжавъ его глазами, положилъ въ портфель, замѣтивъ лишь при этомъ: «Это интересный документъ.»

Повидимому этотъ негодяй такъ и не предалъ гласности столь важный въ то время государственный актъ.

собственной жизнью. Вѣдь надо было видить и слышать, что дѣлалось въ первые дни революціи около Таврическаго Дворца и внутри его, гдѣ помѣщалась Государственная Дума, чтобы имѣть понятіе о той опасности, которой подвергался тогда Великій Князь Кириллъ Владиміровичъ. Нѣсколько возбуждающихъ словъ, брошенныхъ крайними ораторами въ разнузданную, толпившуюся около дворца массу, было бы достаточно, чтобы подвергнуть жизнь Великаго Князя Кирилла Владіміровича смертельной опасности. Все это однако ,повторяю, не могло остановить Его Императоское Высочество и Онъ съ свойственной Ему рѣшимостью и полнымъ хладнокровіемъ выполнилъ свою тяжелую миссію фактическаго признанія новаго конституціоннаго правительства. Этой жертвой Великій Князь надѣялся достичь успокоенія массъ и, тѣмъ самымъ, подготовить соотвѣтствуюшую обстановку для прибывающаго въ Царское Село Государя Императора.

И теперь, разбираясь въ прошломъ, можно уже увѣренно сказать, что планъ Великихъ Князей Павла Александровича и Кирилла Владиміровича о дарованіи конституціи, при непремѣнномъ условіи сохраненія престола за Государемъ Императоромъ, былъ безусловно правильнымъ и возможно единственнымъ, который могъ бы вывести Россію изъ создавшагося, благодаря бунту въ Петербургѣ, тяжелаго положенія. Сперва радостное извѣстіе о конституціонномъ правленіи, которое позволило бы Государю и Правительству снова взять власть въ свои руки, а затѣмъ приведеніе въ соотвѣтствующій видъ всѣхъ бунтарей крайнихъ теченій при помощи законовъ военнаго времени. Вотъ собственно въ чемъ заключалась цѣль Членовъ Императорской Фамиліи, находившихся тогда въ Петербургѣ и его окрестностяхъ.

Однако г. Родзянко не оправдалъ того величайшаго довѣрія, которое ему было оказано и Государемъ Императоромъ и Великими Князьями, что же касается г. Милюкова, то послѣдній далеко превзошелъ ту подлость, которую вообще можно было подозрѣвать въ человѣкѣ.

Послѣ всего вышеизложеннаго я думаю излишне добавлять, что во время прибытія въ Государсгвенную Думу у Великаго Князя Кирилла Владиміровича никакого краснаго банта не было и быть не могло. Вѣдь Его Императоское Высочество шелъ въ Государственную Думу, какъ въ Государственное учрежденіе, изъ состава котораго должно было быть образовано новое, правда конституціонное, однако все же монархическое и вполнѣ вѣрное Государю Императору, правительство.[1]

И во всякомъ случаѣ не Великіе Князья Павелъ Александровичъ и Кириллъ Владиміровичъ виноваты въ томъ, что Родзянко и его Государственная Дума оказались измѣнниками, способными лишь на провокацію и возглавленіе взбунтовавшихся дезертировъ и ихъ вдохновителей, съ которыми Дума и пошла рука объ руку дальше.[1]

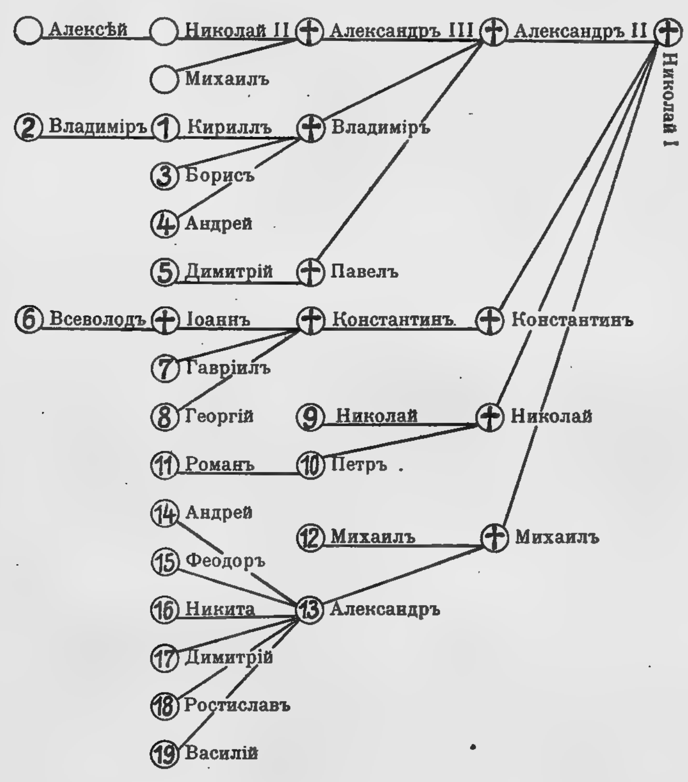
[1] Я лично читалъ заявленія многихъ правыхъ членовъ Государственной Думы, а также и генералъ-лейтенанта барона Деллингсгаузенъ, которые видѣли Великаго Князя Кирилла Владиміровича въ Таврическомъ Дворцѣ и они съ возмущеніемъ протестовали противъ этихъ утвержденій о красномъ бантѣ.

[1] Провокація Государственной Думы заключалась въ томъ, что она потворствовала и фактически возглавила солдатскій бунтъ, придавъ ему вначалѣ видъ государственнаго дѣянія.

Въ заключеніе считаю долгомъ заявить, что всѣмъ матеріаломъ, касающимся прошлой дѣятельности Великаго Князя Николая Николаевича я располагалъ уже давно, но никогда не позволилъ бы себѣ воспользоваться имъ для печати. Заставило меня это сдѣлать то обстоятельство, что Великій Князь не остановился передъ гласностью своихъ настоящихъ дѣйствій, направленныхъ противъ Государя Императора Кирилла Владиміровича, а потому я счелъ себя нравственно обязаннымъ огласить въ печати Его прошлыя дѣйствія, имѣвшія столь роковое значеніе въ судьбѣ Государя Императора Николая Александровича и вполнѣ объясняющія сущность настоящаго Его выступленія.

Пусть русскіе люди, на основаніи этихъ документальныхъ свѣдѣній, по совѣсти оцѣнятъ дѣятельность Великаго Князя Николая Николаевича и пусть въ ихъ сердцахъ произойдетъ тотъ переломъ, который многіе уже съ болью пережили.

Мужеское потомство Императора Николая I.



Цифры въ кружкахъ означаютъ порядокъ, въ коемъ Члены Императорскаго Дома призываются на основаніи русскихъ основныхъ законовъ къ наслѣдію престола.

ГЛАВА XXIII.

МОЙ ОТВѢТЪ.

Съ грустью приступаю я къ этой главѣ, для которой другого названія не нахожу. Вотъ уже седьмой годъ, какъ я живу въ атмосферѣ непрерывной травли, мелкихъ инсинуацій, клеветы и всевозможныхъ нападковъ со стороны тѣхъ, которыхъ по разнымъ причинамъ тревожило мое имя и безпокоила, какъ и до сего времени безпокоитъ, моя военно-политическая работа.

Съ того момента, когда я лишился фактической связи съ моей арміей, интернированной въ Германіи, но сохраняя живѣйшую духовную близость съ ней, я пережилъ многое. Испытанія личнаго характера, заботы матеріальнаго порядка, трудности и неустроенность частной жизни — все это мѣшало моей дѣятельности, разстраивало планы и причиняло много большихъ огорченій. Два безпокойства, двѣ огромныхъ заботы лежали на мнѣ: первая о моихъ офицерахъ и солдатахъ, ихъ дѣтяхъ и женахъ, вторая, менѣе сложная — о себѣ. Поселившись въ Берлинѣ, послѣ отхода моихъ войскъ въ Германію, я принялъ рядъ серьезныхъ мѣръ по усройству арміи.

Я зналъ: трагедія, перенесенная чинами арміи и мною, подорвала у многихъ вѣру въ спасительный выходъ изъ круга событій. Нѣкоторые изъ нихъ, спаянные твердыми убѣжденіями, стремительной жаждой дѣятельности, обуреваемые идеями спасенія родины, наконецъ — просто горячія головы, едва ли могли замкнуться въ лагерную обстановку, въ глухое бездѣйствіе среди сѣрыхъ нумерованныхъ бараковъ. Рядъ грустныхъ мыслей о постигшихъ неудачахъ ихъ волновалъ, сгущалъ атмосферу, звалъ къ работѣ.

Я твердо учитывалъ — съ одной стороны общее политическое положеніе, съ другой — матеріальныя физическія возможности какихъ-либо выступленій, могущихъ разрядить это накопленіе силъ, жаждущихъ дальнѣйшей дѣятельности. Въ моихъ письмахъ, въ рядѣ телеграммъ, въ устной передачѣ указаній и дополнительныхъ приказаній чинамъ арміи, названной нѣмецкими властями для упрощенія «Awaloff-Truppen» я, понемногу, охлаждалъ несвоевременные порывы ихъ, успокаивалъ дружескимъ тономъ запросы, вводилъ ихъ въ рамки планомѣрной работы. Очень часто въ Берлинъ ко мнѣ пріѣзжали изъ лагеря чины моей арміи; они разспрашивали о возможностяхъ новой работы, излагали также свои просьбы и соображенія.

Я никогда не афишировалъ этой любви офицеровъ и солдатъ ко мнѣ; я переживалъ глубокія и счастливыя минуты только тогда, когда зналъ, что эта радость взаимной связи — тайна наша, непопавшая на страницы печати.

Такъ прошелъ почти годъ.

Въ различныхъ журналахъ и газетахъ, главнымъ образомъ, лѣваго направленія, къ этому времени, появились враждебныя статьи. Были тутъ и ругательныя,

и обвинительныя, и разоблачительныя, наконецъ, просто хулиганскія. Нѣкоторыя газеты (напр. «Голосъ Россіи») считали своимъ долгомъ закрѣпить мое имя передъ потомствомъ въ каррикатурахъ и бѣглыхъ рисункахъ, часто неостроумныхъ и мало выразительныхъ.

Печать (лѣвая, разумѣется) злобствовала, разбирала мое прошлое, работу въ Прибалтикѣ, и мою личную жизнь, помѣщала на своихъ страницахъ такіе ужасы обо мнѣ, что нерѣдко, просыпаясь по утрамъ и проглядывая почту, я серьезно спрашивалъ себя: не сошли ли съ ума г. г. редакторы, помѣщая всю эту чушь про меня? Повидимому, за моей спиной чудился имъ тотъ призракъ, который напоминалъ имъ о близкой расплатѣ и они неустанно создавали статьи пытаясь «разоблачать».

Лѣвая русская печать выражала свое негодованіе вообще по поводу моей борьбы съ соціалистами, что же касается нѣкоторой части правой — то она возмущалась взятымъ мною курсомъ совмѣстной работы съ Германіей, такъ какъ въ ней царила еще антантофильская оріентація. Я не говорю уже о печати англійской, французской, польской и др.: она была сплошнымъ крикомъ возмущенія, подкрѣпленнаго боязнью того сближенія Россіи съ Германіей, которое я открыто и твердо п роводилъ.

Конечно, было и смѣшно и грустно. Я долго отмалчивался, помня, что всякій, кто хоть немного выйдетъ впередъ — всегда подвергается нападкамъ, а я вышелъ и, въ свое время, достаточно рѣзко, а для многихъ и ощутительно: я говорю о соціалистахъ разнообразныхъ оттѣнковъ.

Газетная шумиха по существу своему была вызвана моей небезплодной работой во имя Родины и для Родины. Это не входило въ разсчетъ русскихъ соціалистовъ, а заодно и товаришей ихъ — нѣмецкихъ. Со страницъ печати, начавшей травлю протизъ меня, послѣдняя перенеслась въ обсужденія «партійныхъ товарищей», а оттуда въ иныя сферы, гдѣ появился длинный списокъ моихъ антисоціалистическихъ дѣяній и гдѣ впервые заговорили обо мнѣ какъ о вредномъ человѣкѣ. Изъ кабинетовъ соціалистическихъ министровъ Германіи по моему адресу пущено было распоряженіе — выслать меня изъ предѣловъ Пруссіи.

Отсюда и начало той работы моей, которую я вынужденъ назвать скрытой. Связь съ моими солдатами не прекращалась, но поддерживалась она съ большей осторожностью какъ съ моей, такъ и съ ихъ стороны. Однако, еще въ самомъ началѣ я добился своего: ни офицеры, ни солдаты, перейдя границу, нужды матеріальной не терпѣли. Мои переговоры съ лицами, стоявшими тогда у власти, дали благопріятные результаты. Вотъ выписка изъ протокола засѣданія Министерства Государственной Обороны отъ 28. 1 19.

Касательно русскихъ войскъ:
Нижніе чины русскихъ войскъ должны получать въ день 1 марку, офицеры на одну марку больше, чѣмъ военноплѣнные офицеры. Запросить русскія войска, согласны ли онѣ производить сельско-хозяйственныя работы, Предложенія направлять Военному Министру, который при посредничествѣ Правительства организуетъ отправку войскъ. На мѣста, гдѣ работаетъ достаточное количество нѣмцевъ, русскихъ солдатъ не брать.

Вѣрно:
Генеральнаго Штаба, Полковникъ Григоровъ

Отъ чиновъ же арміи я, въ отвѣтъ на эти выпады, началъ получать груды писемъ, горячихъ возраженій и успокаивающихъ завѣреній. Какъ образецъ привожу одно изъ этихъ писемъ:

8 февраля 1919 г. — 8 февраля 1920 г.
Лаг. Зальцведель — Лаг. Альтенъ-Грабовъ

Курляндія подъ русскимъ флагомъ.

Конвой и Зальцведельская Пулеметная Команда, вдали отъ своего Шефа, мыслями и сердцемъ вѣрны всегда Ему, какъ и годъ тому назадъ. Самое большое желаніе — видѣть Васъ, Ваше Сіятельство.

Никакія невзгоды и заманчивыя обѣщанія всякихъ проходимцевъ не измѣнятъ никогда нашихъ взглядовъ и честнаго слова, которымъ мы связаны съ Вами.

Вѣрный Вамъ Вашъ Конвой и Зальцведельская Пулеметная Команда.

Я одинъ понималъ цѣну этимъ письмамъ. Напрягалъ волю, презрительно отмалчивался на всѣ выпады и только разъ, послѣ появленія статей такихъ «дѣятелей», какъ герцогъ Лейхтенбергскій (Архивъ русской революціи VIII) и генерала Краснова я попытался однимъ открытымъ письмомъ въ «Deutsche Zeitung», сразу отвѣтить всѣмъ, коротко и съ достаточной ясностью. Беру выдержку (въ русскомъ текстѣ) изъ этой отповѣди.

Въ дни «Капповскаго путча» въ газетахъ появились замѣтки, въ которыхъ указывалось на мое участіе въ немъ. Въ одной изъ нихъ говорилось опредѣленно, что наканунѣ путча было засѣданіе подъ предсѣдательствомъ г. Каппа, при участіи князя Волконскаго, князя Крапоткина, А. Гучкова и моемъ. Между тѣмъ я по прибытіи въ Германію, по требованію Антанты долженъ былъ оставить Берлинъ и мирно проживалъ въ то время въ Ширке (Harz).

Узнавъ обо всемъ этомъ, я попросилъ мѣстную полицію выдать мнѣ удостовѣреніе[1] о томъ, что я въ теченіи трехъ мѣсяцевъ изъ Ширке не отлучался.

Настоящую замѣтку прошу помѣстить какъ опроверженіе, которое тогда было помѣщено. Съ княземъ Волконскимъ я не знакомъ, князя Крапоткина не видѣлъ около 4 мѣсяцевъ, съ г. Гучковымъ же ничего общаго не имѣю; чтоже касается высокоуважаемаго г. Каппа — его къ сожалѣнію никогда не видалъ и не былъ знакомъ. Вмѣшиваться во внутреннюю жизнь Германіи я не считалъ и не считаю себя вправѣ. Безработнымъ корреспондентамъ, если они видятъ заработокъ въ томъ, чтобы трепать мое имя на разныхъ страницахъ, — я предлагаю обратиться къ моему денщику и онъ выплатитъ имъ суммы, опредѣляющія ихъ газетный заработокъ, за эти замѣтки. Такимъ образомъ общество будетъ избавлено отъ заблужденій, въ которыя его вводили г. г. корреспонденты.

Въ дальнѣйшемъ всѣ мои отвѣтныя статьи редакторами подобныхъ газетъ и журналовъ безмолвно принимались, но, въ угоду соціалистамъ, задерживались подъ разными предлогами, а затѣмъ само собой не печатались по причинамъ «истеченія живѣйшаго интереса къ полемикѣ». Примирившись съ этимъ іезуитскимъ пріемомъ редакцій, я больше не посылалъ туда моихъ возраженій, и приступилъ къ подготовкѣ моей книги, собирая необходимый матеріалъ и систематизируя его въ должномъ порядкѣ. Это представлялось мнѣ един-

[1] Настоящее удостовѣреніе выдано Его Сіятельству князю Авалову, по личной его просьбѣ въ томъ, что онъ съ 15-го января 1920 г. по сегодняшнее число безотлучно находился въ г. Ширке.

Ширке, 6-го апрѣля 1920 года. — Волостной старшина
Печать волостного управленія.

ственнымъ путемъ и единственной возможностью разсказать всю правду о моей арміи, о ея трагической неудачѣ, созданной лицемѣрными «союзниками», губившими Россію сознательно ради своихъ интересовъ, и кромѣ того, на страницахъ ея я могъ отвѣтить ясно и съ соотвѣтствующей полнотой, если не на всѣ нападки, то по крайней мѣрѣ на рядъ болѣе злыхъ, намѣренно подтасованныхъ, марающихъ незаслуженно мою честь офицера и сына Великой Россіи, для которой у меня есть одна формула любви: «За Вѣру, Царя и Отечество.»

Въ томѣ VIII Архива Русской Революціи помѣщена статья герцога Георгія Лейхтенбергскаго, въ которой герцогъ пытался дать исчерпывающія поясненія политической коньюктурѣ Кіевскаго періода борьбы съ большевиками. Неудачно объяснены имъ и мѣропріятія части русской интеллигенціи, названной герцогомь въ одномъ случаѣ — мягкотѣлой, въ другомъ (что слѣдуетъ цѣликомъ изъ его статьи) оріентирующейся на разные неопредѣленные политическіе догматы.

Трудно говорить о статьѣ, въ которой отсутствуетъ объединяющій смыслъ и которая представляетъ собою не больше, какъ неувѣренное изложеніе точки зрѣнія на свою и чужую дѣтельность въ указанный періодъ. Въ одномъ мѣстѣ статьи герцогъ легко порицаетъ — въ другомъ также легко и беззаботно оправдываетъ тѣхъ, кого порицалъ. Я, разумѣется, не счелъ бы своей обязанностью касаться этихъ писаній ,если бы въ нихъ не было непосредственно задѣто мое имя и нелѣпо брошена тѣнь подозрѣній на его же сотрудниковъ тогда — нѣмцевъ, покровительствомъ которыхъ онъ всемѣрно пользуется теперь. Пользовался, конечно, и раньше въ дни трагическихъ переживаній въ Кіевѣ.

Начну съ того, что герцогомъ неосторожно перепутаны всѣ факты, а отсюда и грубѣйшія ошибки въ его заключеніяхъ. Я познакомился съ нимъ не въ штабѣ, формируемой имъ «Южной Арміи», котораго кстати сказать долго еще не существовало, а у него на квартирѣ, гдѣ совмѣстно сь полковникомъ Вилямовскимъ и ротмистромъ Тимофеевымъ мы имѣли совѣщаніе, какъ равные организаторы того дѣла, которое названо стыдливымъ герцогомъ — авантюрой.

Мной было уже указано на шаткій тонъ статьи герцога; это полбѣды — главное же заключается въ томъ, что онъ претендуетъ при этомъ на вниманіе къ его «точкамъ зрѣнія» между тѣмъ, какъ онъ самъ признается:

«Я не политикъ, никогда ни къ какой политической партіи не принадлежалъ, на фронтѣ не былъ и ничѣмъ не командовалъ. Поэтому ни въ политическихъ, ни въ военныхъ сферахъ никакого авторитета имѣтъ не могу.»

Самопризнаніе это крайне важно. Изъ него явствуетъ, что всякая дѣятельность герцога, какими бы она столбами не подпиралась, плодотворной быть не могла. «Raison d'être» всякихъ начинаній долженъ быть неуступчиво твердымъ, если проповѣдникъ творческой идеи имѣетъ свой запасъ мыслей. У герцога были лишь отрывки мыслей и при томъ несерьезнаго политическаго характера.

Есть и еще признаніе у герцога:

«Задумываясь подчасъ надъ начатымъ дѣломъ, я тогда самъ сознавалъ, что все дѣло Южной Арміи пока что авантюра.»

Главенствуя въ дѣлѣ организаціи арміи, герцогъ явно совершалъ преступ-

леніе, идя наперекоръ своимъ убѣжденіямъ и ставъ во главѣ дѣла, которое онъ самъ называетъ авантюрой.

Герцогъ легко брасается словомъ авантюристъ не только по своему адресу, но по адресу и другихъ. Занятіе веселое, но врядъ ли свидѣтельствуетъ о большой серьезности человѣка, пытавшагося сѣсть въ государственный корабль — рулевымъ. Выходитъ: герцогъ, считая себя завѣдомымъ авантюристомъ, отправлялъ офицеровъ и солдатъ въ раскаленную атмосферу гражданской войны, въ то время какъ самъ, по его признанію, «спалъ спокойно», укрывшись за своего друга Молоствова. Герцогу вѣроятно небезызвѣстно, что мнѣ спать не приходилось: приставляемый въ этотъ періодъ не разъ къ стѣнкѣ, я ,конечно, сладко глазъ не смыкалъ, а позже, находясь въ тюрьмѣ, разумѣется, не мечталъ объ Италіи или цѣлительной Швейцаріи, куда герцогъ исчезъ, не доведя дѣла до конца, оставивъ на произволъ судьбы своихъ друзей и сотрудниковъ. Впослѣдствіи, командуя моей арміей, я ни только не бросилъ своихъ офицеровъ и солдатъ, а отходя въ предѣлы Германіи, перешагнулъ границу послѣднимъ.

Попытки съ негодными средствами (я разумѣю безталанность герцога политическую и военную) какъ и слѣдовало ожидать кончились неудачей. Общая картина, развернувшихся тогда событій, лишній разъ подтвердила, что люди такого толка, безъ опредѣленныхъ цѣлей и задачъ, были вредны для Россіи въ эти тяжелые дни: они являлись тормазомъ во всякой работѣ, лишнимъ грузомъ ея и лишь мѣшали другимъ.

Уже одно обстоятельство, что о моей дѣятельности т. е. о томъ, что я возглавляю Западную Добровольческую Армію герцогъ узналъ изъ газетъ, находясь подъ голубымъ небомъ Италіи, или гдѣ то въ горахъ Швейцаріи — указываетъ на большую напряженную работу его въ имя спасенія Россіи. Въ то время, когда я, находясь среди организаціонной работы, буквально не спалъ ночи и дни, чтобы создать единое изъ неопредѣленной массы, отлить это единое въ твердую форму боевой арміи и двинуть ее подъ личнымъ моимъ руководствомъ на подлинныхъ враговъ Родины — большевиковъ, герцогъ лелѣялъ свое грѣшное тѣло и критиковалъ меня, по его мнѣнію, «мелкаго человѣка», укрывшись въ элегантныхъ амфиладахъ швейцарскихъ отелей.

Не знаю сколько существуетъ родъ Лейхтенбергскихъ (не имѣлъ времени заниматься ихъ родословной), но считаю необходимымъ заявить, что мой родъ существуетъ семнадцать вѣковъ и внесъ не одну красивую страницу въ исторію Грузіи и своимъ царямъ не измѣнялъ также, какъ и царямъ русскимъ. Герцогъ же, однако, не послѣдовалъ въ Сибирскія дали за своимъ Государемъ, предки котораго пріютили его родъ.

Я ничего не имѣю противъ того, что герцогъ вдыхалъ горный швейцарскій воздухъ, разъѣзжалъ по Италіи въ эти тяжелыя для истинныхъ патріотовъ и монархистовъ минуты, но я рѣшительно возражаю противъ того, чтобы онъ присваивалъ себѣ эти два священныхъ слова. Не заслужилъ ихъ.

Позволяю себѣ утвердительно высказаться: если герцогъ, какъ свидѣтельствуетъ изъ его статьи и признаній не политикъ и мало военный ,то я и политикъ въ достаточной мѣрѣ, и конечно военный. Становясь во главѣ арміи я зналъ что я дѣлаю, я отчетливо начертилъ политическую программу, отмѣтилъ въ ней

руководящія вѣхи и шелъ въ моей работѣ далеко не въ слѣпую, руководимый тѣмъ патріотизмомъ, въ которомъ самъ герцогъ не сомнѣвается. Я стремился помочь русскому народу, угнетаемому большевиками ,и чести этого народа какъ и свою собственную никому не продавалъ.

Такимъ образомъ заявленіе герцога о моей агентурѣ въ пользу нѣмцевъ, сдѣланное робкимъ тономъ виноватаго (такъ молъ или не такъ), смѣшно. Повидимому, какой-нибудь негодяй ввелъ бѣднаго герцога въ заблужденіе. Послѣдній мало подумалъ надъ этимъ и оставилъ исторіи въ наслѣдіе безсмысленное, ни на чемъ неоснованное обвиненіе. Мнѣ стыдно за герцога, а поэтому оставляю этотъ пунктъ на его совѣсти. Будь это въ обстановкѣ незыблемыхъ традицій, на территоріи Россіи, я не замедлилъ бы предложить герцогу дать мнѣ объясненіе у барьера.

Относительно же авторитетныхъ именъ, положеній и проч. заявленіе герцога надо признать необоснованнымъ. Широкій и губительный валъ революціи увлекъ за собой не одно изъ этихъ именъ, явно измѣнившихъ своему Государю и открыто передавшихъ шпагу на служеніе революціи. Само собою разумѣется, что громкія имена такимъ образомъ потухли, замѣшались въ ряды безплодныхъ дѣятелей или наоборотъ выплыли на волнахъ революціоннаго движенія какъ герои дня. Другія же, патентованныя имена, какъ напримѣръ, генералъ Юденичъ, вытащенныя изъ запыленнаго архива авторитетовъ, возвысясь, показали свою непригодность и трагическое слабосиліе, стоившее Россіи многихъ жертвъ.

Въ наши дни, когда большевизмъ разливался, какъ море, ломая вѣковую культуру Родины можно было или заниматься ислѣдованіемъ чужихъ дѣяній, оставаясь пассивнымъ или ринуться съ головою въ жестокую борьбу, проливая кровь, напрягая измученныя души и измученныя тѣла. Герцогъ избралъ первое, я предпочелъ второе. И кто угодно можетъ судить мои поступки, но не герцогъ. Молчаніе — вотъ его право.

Теперь, когда отгремѣли кровавыя событія, герцогъ укрывшись въ замкѣ въ привѣтливой Германіи, тонко обруганной имъ въ безформенной статьѣ, вѣроятно не разъ вздыхаетъ, задумываясь надъ своими дѣяніями, для которыхъ онъ не нашелъ оправданій, кромѣ одного — свалить вину за всѣ неудачи, постигшія его, на другихъ.

Признаніе сдѣланное имъ относительно своей военной и политической безпомощности, приведенное выше, казалось бы должно уничтожить въ герцогѣ всѣ попытки къ возобновленію въ томъ или иномъ масштабѣ прежней работы.

Между тѣмъ онъ и по настоящее время пишетъ различныя письма (напримѣръ адмиралу Тирпицу), старается войти въ контактъ съ нѣмецкими и русскими организаціями, безполезно выискивая возможности группировать ихъ на внѣзаконной почвѣ, отвергая легитимныя основы русскаго престолонаслѣдія, стремясь увлечь явно обманными завѣреніями германскіе дѣятельные круги на сторону Великаго Князя Николая Николаевича, представителемъ котораго онъ состоитъ въ Германіи. На этотъ разъ такая работа можетъ быть названа самимъ герцомъ не «авантюрой», а провокаціей.

Поистинѣ герцогъ съ почетомъ можетъ принять и на свою долю эпитетъ мягкотѣлаго интеллигента: врядъ ли это будетъ оскорбительно, послѣ

всѣхъ его признаній, сдѣланныхъ въ нестройной, малообоснованной и пустой статьѣ. Жалкія потуги вѣнчаются жалкими результатами.

Такимъ образомъ, къ концу жизни едва ли герцогу удастся суммировать съ достоинствомъ все содѣянное и повторить Біасовское: «Omnia mea mecum porto» ибо герцогъ ничего не имѣетъ, а слѣдовательно ничего и не носитъ съ собою.

Въ моемъ отвѣтѣ я, какъ уже выше указалъ, останавливаюсь только на опредѣленныхъ лицахъ; мнѣ было бы трудно, почти невозможно, учесть весь тотъ обширный матеріалъ, который адресовался на мое имя разными «господами» и «товарищами» въ это время. Кромѣ того не имѣетъ смысла и по другой причинѣ — газетная клоака меня никогда не задѣвала глубоко, а слѣдовательно и не причиняла серьезныхъ огорченій. Я не литераторъ прежде всего, а офицеръ, но я отлично знаю, что среди журналистовъ и публицистовъ — щелкоперовъ есть много лицъ повидимому универсальныхъ: въ нужную минуту они соединяютъ въ себѣ многообразіе познаній — отъ сапожнаго ремесла до жидовскаго «Маюфеса», включительно, значитъ отвѣчать имъ не приходится. Другое дѣло, когда государственные, военно-политическіе мужи, отягощенные крупнымъ опытомъ и знаніями, выступаютъ съ мемуарными записками. Здѣсь «nolens volens» на безсмыслицу ихъ заключеній, случайные штрихи или преднамѣренное толкованіе событій приходится реагировать и, если надо, документально доказывать и опровергать.

Въ ряду другихъ военныхъ дѣтелей, затрагивавшихъ мое имя при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ, стоитъ генералъ Красновъ. На немъ слѣдуетъ остановиться подробнѣе, такъ какъ и по своему служебному стажу и по тому положенію, который онъ недавно занималъ и по литературной дѣятельности, генералъ Красновъ долженъ быть отнесенъ въ разрядъ тѣхъ государственныхъ мужей, о которыхъ еще К. Прутковъ мудро замѣтилъ: «взирая на солнце, сощурь глаза и ты различишь на немъ пятна».

А пятенъ на генералѣ Красновѣ много — кто изъ русскаго общества этого не знаетъ?

П. Н. Краснова я знаю давно, еще въ японскую войну, вначалѣ 1904 года, когда я лежалъ раненый въ окопѣ у дер. Саймадзы, генералъ, въ то время подъесаулъ, въ качествѣ военнаго корреспондента, для удобства — въ сопровожденіи своей жены, объѣзжалъ тыловую полосу, заносилъ въ свою корреспондентскую книжку замѣтки и отсылалъ ихъ по разнымъ газетамъ. Повидимому, еще тогда генералъ предпочиталъ проливать чернила, а не кровь. Помню — его называли за всѣ вольныя и невольныя писанія «краснобаемъ». Этотъ показательный эпитетъ онъ подтвердилъ во дни «великой и безкровной» революціи, когда громоподобно сыпалъ рѣчами передъ очумѣлымъ казачествомъ, идя въ политической работѣ рука объ руку съ Керенскимъ, Савинковымъ и др. разрушителями Государства Россійскаго. Поразительно, что генералъ Красновъ никогда въ своей критической оцѣнкѣ какихъ-либо событій или вершителей ихъ, не допускалъ снисходительныхъ оправданій, бичевалъ чужія ошибки, отвергалъ наличіе неустранимыхъ препятствій, находя, что у каждаго «голова на плечахъ для порядка»...

Почти немыслимо понять, какимъ образомъ онъ, убѣжденный монархистъ, какъ это утвердилось за нимъ въ печати, — пріятно раздѣлялъ съ Керенскимъ и Савинковымъ многотрудную и сложную работу по захвату Петербурга. Повѣствуя объ этомъ въ «Архивѣ Русской Революціи» онъ сдержанно разсказываетъ о истеричности сотоварища его — адвоката, минутнаго диктатора нашей измученной Родины, о красныхъ бантахъ на груди его казаковъ, о розахъ, преподносимыхъ нервному адвокату въ автомобиль, наконецъ, о жидкой перестрѣлкѣ съ большевиками и — совсѣмъ мало о его переговорахъ съ большевистскимъ командующимъ, матросомъ Дыбенко, и о послѣдующемъ соглашеніи съ нимъ, которое вскорѣ было вывѣшено въ Гатчинѣ и др. мѣстахъ. Какъ извѣстно, генералъ Красновъ убрался вскорѣ на Донъ съ казаками, оборвавъ свою работу въ ту самую минуту, когда судьба столицы могла бы быть рѣшенной въ одинъ ударъ. Савинковъ предлагалъ въ категорической формѣ генералу Краснову взять на себя диктаторскія полномочія и смѣлымъ натискомъ, опрокинувъ Петербургскую группу большевиковъ, захватить городъ. Романистъ-генералъ преступно уклонился отъ этого. Было слишкомъ очевидно, что предложеніе Савинкова, по существу авантюриста, въ тотъ мигъ было вѣрно и безошибочно расчитано. Но, повидимому, генералъ Красновъ эти тревожные дни воспринималъ, какъ сюжетъ своего будущаго романа, а не какъ грубый реализмъ, требующій дѣйствія, да еще безотлагательно смѣлаго. Родина и онъ стояли на разныхъ концахъ бытія. Помимо прочаго генералу мѣшала и вся его природа: вѣдь начавъ революціонно катиться, онъ безусловно удержаться не могъ въ твердой идейной позиціи; страшно было показаться узкимъ въ общественномъ смыслѣ и неглубокимъ въ государственныхъ размѣрахъ. Многіе тогда говорили — иди и въ огнѣ пожаровъ, въ аду неорганизованности твори спасительное дѣло! Многіе шли и многіе творили, но не спасительное дѣло, а — губительное. Мирились съ наростаніемъ бѣдствій, втирались въ ряды остервенѣвшей охлократіи, у которой развязались руки и помутились головы отъ сознанія безотвѣтственности.

Характерно для генерала Краснова еще одно; идя съ Корниловымъ противъ Керенскаго, онъ предалъ Корнилова; вѣроятно, скажетъ, — «идейно разошелся: я — монархистъ, онъ — нѣтъ», но въ такомъ случаѣ зачѣмъ онъ шелъ съ явными соціалистами Керенскимъ и Савинковымъ? Предвосхищаю отвѣтъ: — потому, что они явились тѣмъ средствомъ, при помощи котораго онъ — генералъ могъ вступить въ борьбу съ большевиками за идею возстановленія порядка въ странѣ, но въ такомъ случаѣ зачѣмъ онъ предалъ ихъ большевикамъ, пожимая руку Дыбенко, входя съ ними въ соглашеніе? Описывая ходъ событій тогдашнихъ, генералъ остороженъ и хитеръ — неумно! Тамъ гдѣ должно быть отчетливое признаніе о себѣ, о своихъ дѣйствіяхъ, продиктованныхъ ему монархической совѣстью (въ которой я сомнѣваюсь) онъ предпочитаетъ уклончиво отписываться красотами умирающей осени, шелестомъ листьевъ въ паркѣ и тревогой, прочитанной имъ на лицахъ дамъ въ безмолвныхъ толпахъ. Романистъ заглушаетъ въ немъ въ этихъ мѣстахъ честнаго генерала и перо торопливо выводитъ лишнія, безполезныя слова — изъ подъ нихъ еще выпуклѣе явствуетъ: генералъ измѣнилъ своему Государю...

Нѣсколько позже послѣ этой позорной страницы борьбы съ большевиками, такъ погубно и нелѣпо написанной рукой генералъ-романиста, мнѣ пришлось съ нимъ встрѣтиться. Группы офицеровъ и солдатъ, собираемыя вербочнымъ бюро въ Кіевѣ, отправлялись мною на Донъ подъ команду генерала Краснова. Мнѣ тяжело вспоминать объ этомъ — благодаря совершенному неумѣнію генерала разбираться въ обстановкѣ, а главное отсутствія въ немъ идейнаго прямодушія — 6-ой стрѣлковый и Апшеронскій полки тогда погибли. Нелегкимъ бременемъ должна лечь эта гибель на совѣсть генерала Краснова.

Въ бытность свою атаманомъ Войска Донского онъ совершалъ изумительную трансформацію. Гибкость пера его соперничала съ гибкостью души и принциповъ. Вотъ что разсказываетъ генералъ Деникинъ о немъ:

«Я не касаюсь внутреннихъ побужденій, руководившихъ генераломъ Красновымъ въ его кипучей работѣ по управленію краемъ, но во всемъ, что онъ писалъ и говорилъ была чисто индивидуальная особенность характера и стиля, которая тогда, въ дни кровавой борьбы приводила многихъ къ полной невозможности отнестись съ довѣріемъ къ его дѣятельности. Нѣмцамъ онъ говорилъ о своей и «союза» преданности имъ и о совмѣстной борьбѣ противъ державъ согласія и чехо-словаковъ (его письмо къ Эйхгорну). Союзникамъ — что Донъ никогда не отпадалъ отъ нихъ, что германофильство (Дона) вынужденное для спасенія себя и Добровольческой Арміи, которая ничего не смогла бы получить, если бы не самопожертвованіе Дона въ смыслѣ внѣшняго германофильства (Миссія генерала барона Мейдель въ Яссы вначалѣ августа 1918 г. докладъ его отъ 4 ноября). Добровольцевъ звалъ идти вмѣстѣ съ Донскими казаками на сѣверъ, на соединеніе съ чехо-словаками (письмо къ генералу Алексѣеву 8 сентября и др.) Донскимъ казакамъ онъ говорилъ, что за предѣлы войска они не пойдутъ (прикавъ отъ 30 сентября и др.) Наконецъ, большевикамъ писалъ о мирѣ (письмо генералу Іозефовичу).

Генералъ Деникинъ дѣлаетъ довольно яркое заключеніе — «такая политика была или слишкомъ хитрой или слишкомъ безпринципной»... Я принимаю заключеніе второе: часто вѣдь безпринципность вмѣщаетъ въ себѣ и хитрость, рано или поздно приводящую къ жестокому обнаженію жалкой безидейности, отсутствію твердой воли и обыкновенной житейской честности.

Провалившись, какъ и слѣдовало ожидать, на Дону, генералъ Красновъ отправился искать почвы для своей плодотворной дѣятельности на пользу Россіи — къ генералу Юденичу. Тамъ были англійскіе фунты и паекъ, да кромѣ того профантазированное генераломъ Красновымъ — уваженіе къ его особѣ: врядъ ли англичане цѣнили его литературные и боевые таланты. Самообманъ, конечно, никому не воспрещенъ. Къ глубокой нашей скорби все дѣло бѣлой борьбы на западѣ рухнуло. Безумные «союзники», отвергнувъ священныя обязанности передъ Россіей щедро полили русской кровью равнины Прибалтики. Совершивъ это предательство, «союзники» закричали на весь миръ о грѣховности и преступленіяхъ Германіи, о трагической несообразности моихъ дѣйствій, подъ защитой германцевъ и, наконецъ, подтвердили формальнымъ осуществленіемъ, что «Эстонія — для эстонцевъ», «Литва — для литовцевъ», и проч., забывъ одно — что «Россія для русскихъ.»

Къ этой темѣ я еще вернусь въ заключительной главѣ. —

Итакъ, крестная борьба на западѣ печально отгремѣла, заторможенная спутанная «союзниками» — что было дѣлать генералу Краснову? Конечно,

устремиться въ эмиграціонныя волны, «выбиться на ихъ гребни» и «взяться за идейную работу»: благо здѣсь рѣшимости особой не надо, а перья стальныя выдержатъ всякіе нажимы. Если, наконецъ, необходимо — будутъ гибко прочерчивать общественную линію среди всевозможныхъ политическихъ группировокъ. И дѣйствительно: въ № 4 газеты «Грядущая Россія» генералъ Красновъ вскорѣ помѣщаетъ большую статью: «Объ организаціяхъ». Не отличаясь глубокимъ содержаніемъ, она полна всевозможныхъ предостереженій, адресованныхъ въ казачьи массы, очутившіяся заграницей, а также частью обращена къ офицерамъ и солдатамъ, отсиживающимся въ лагеряхъ для интернированныхъ. Удивительно, что переоцѣнивъ для себя цѣнности, генералъ Красновъ въ статьѣ мудро предостерегаетъ младшихъ собратьевъ — не итти ни въ какія организаціи военнаго порядка, а тѣмъ болѣе въ тѣ изъ нихъ, которыя возникнутъ подъ руководствомъ «Керенскаго, Савинкова или Бермондта»... Тріумвиратъ нѣсколько неточный: капризный романистъ произвелъ обычную для себя подтасовку. На шуллерскомъ языкѣ это называется — передернулъ, замѣнилъ себя въ этой тройкѣ — мной. Между тѣмъ работалъ съ этой парой всегда генералъ Красновъ, я же только хотѣлъ повѣсить ихъ всѣхъ вмѣстѣ.

Уклонъ идейный также крутъ, какъ и уклонъ денежной наживы, который въ принципахъ генерала играетъ рѣшающую роль. Я подошелъ къ тому мѣсту, гдѣ силою обстоятельствъ вынужденъ подтвердить мой выводъ о продажности Красновскихъ — пера и души, выразительнымъ примѣромъ.

Въ то время, когда на монархическомъ фронтѣ въ дни смутныхъ политическихъ событій, явился Государь, принявъ на себя священную власть, когда идея, какъ утвержденіе Царя, религіи и Государства незыблема и безспорна для истиннаго патріота и монархиста, генералъ Красновъ предлагаетъ свои «вѣрноподанныя услуги перомъ и военными талантами», но при условіи — денежной оплаты. Его отвергли: тамъ, гдѣ владычествуетъ идея — нѣтъ мѣста торговлѣ. Родилось озлобленіе, которое легко поколебало недавнюю готовность генерала, онъ быстро отшатнулся, но вошелъ въ линію оріентаціи и за флагомъ не остался. Подъ высокимъ водительствомъ Великаго Князя Николая Николаевича онъ привелъ въ движеніе весь запасъ своихъ мыслей и далъ работу неустанному перу: появились статьи (въ «Вечернемъ Времени») противъ единственнаго и законнаго хранителя русскаго престола — Государя Императора Кирилла Владиміровича.

Такъ совершилась трансформація номеръ сотый: генералъ Красновъ мстительно инсинуировалъ, подъ высокими формами «Божьей Правды» — свои надуманныя, безсмысленныя откровенія. Привожу открытое письмо генералу Краснову, адресованное ему изъ Марселя, послѣ его выступленія въ «Вечернемъ Времени».

Господинъ Красновъ, забывъ о воинской присягѣ Государю Императору и Его Законному Наслѣднику, Вы позволили себѣ на газетныхъ страницахъ инсинуаціи, разсчитанныя на возбужденіе общественнаго мнѣнія противъ Первороднаго Члена Царственной Династіи Романовыхъ. Свое крамольное выступленіе Вы самонадѣянно именуете «Божьей Правдой», намѣренно упуская изъ виду, что не всякая «Правда» исходитъ отъ Бога. Такъ ,въ началѣ русскаго лихолѣтія мы имѣли «Окопную Правду», разсчитанную на расшатываніе послѣднихъ устоевъ Императорской Арміи; въ настоящее-же время въ Россіи процвѣтаетъ «Правда»

совѣтская, боевой задачей которой, подобно Вашей, является дискредитированіе Имени Его Величества въ народѣ и красной арміи.

Какія невидимыя нити случайныхъ интересовъ связываютъ Васъ, господинъ Красновъ, и грязныхъ писакъ изъ этихъ «Правдъ»? Вы, старый русскій генералъ, именующій себя монархистомъ, но развращенный революціонной идеологіей, предпочитаете митинговать въ тотъ моментъ, когда Наслѣднику русскихъ Монарховъ было угодно призвать къ Себѣ Свой Народъ. Вы пишете, что «если-бы вслѣдъ за манифестомъ упали красные флаги со зданій на Чешамъ-плэсъ въ Лондонѣ, надъ русскимъ посольствомъ въ Римѣ, въ Варшавѣ и другихъ городахъ и смѣнились-бы желтыми императорскими штандартами съ чернымъ двуглавымъ орломъ... Я бы преклонился передъ такимъ манифестомъ»... Другими словами, если-бы угрожала близкая перспектива прокатиться на казенный счетъ въ Нарымскій край онъ, генералъ Красновъ, воздержался-бы въ отношеніи Особы Его Величества отъ тѣхъ крылатыхъ словечекъ, которыя дѣлаютъ честь любой кожанной курткѣ и взялъ-бы за образецъ своеобразной учтивости хотя-бы главковерха Керенскаго, находившаго для себя возможнымъ, не взирая на свой большой рангъ, титуловать покойнаго Государя «полковникомъ».

Вы охотно «признали» императора Вильгельма II, такъ-какъ онъ далъ Вамъ пулеметы противъ того самаго народа, отъ котораго Вы въ настоящее время ждете откровеній и выявленій, и послѣ того, какъ въ теченіе семи лѣтъ онъ пропитался подобно губкѣ красной, зловонной жидкостью, обильно источаемой кремлевской клоакой. Вы «признавали» и президента Вильсона, въ разсчетѣ получить отъ него лишніе комплекты штановъ и портянокъ. Но когда нѣтъ на лицо такихъ аргументовъ, какъ жандармъ, пулеметъ и штаны, и Вы чувствуете свою безнаказанность, Вы пасуете передъ чувствомъ хотя-бы простого уваженія къ Члену того Дома, на Который обрушились величайшія несчастья, и только потому, что наши Государи слишкомъ довѣряли монархистамъ Вашего толка, монархистамъ за страхъ, а не за совѣсть.

Но, если въ настоящее время хотя Вы и далеки отъ карающей десницы законовъ Императорской Россіи, то въ лицѣ тѣхъ, кто не «признаетъ» своего Монарха, а присягаетъ Ему и кто ясно сознаетъ весь вредъ для ослабѣвшей эмиграціи, наносимый Вашимъ жаломъ клеветы и злословія, такъ-какъ «ex lingua stulta veniunt incommoda multa», въ лицѣ ихъ Вы найдете людей, которые въ любой моментъ напомнятъ Вамъ о забытыхъ Вами чувствахъ рыцарской чести, долга и патріотизма.

Готовый къ услугамъ В. К. Абданкъ-Коссовскій, Предсѣдатель Марсельскаго Отдѣла Русскаго Легитимно-Монархическаго Союза.
25 октября 1924 г.
г. Марсель

Отвѣтъ подтвержденный готовностью напомнить Краснову о томъ, что онъ генералъ, а не танцоръ изъ вечернихъ дансинговъ, гдѣ рыцарская честь, долгъ и патріотизмъ измѣряются суммами — довольно внушителенъ, врядъ ли генералъ Красновъ не пойметъ, что его писанія этого толка въ дальнѣйшемъ не будутъ имѣть цѣны и общественно безсмысленны...

Останавливаясь подробно на личности генерала Краснова необходимо, однако, задать вопросъ

«Какъ дошла ты до жизни такой?...

Все: и личная жизнь его въ прошломъ, и показная сторона (общественная) и служебный путь, разнообразно пройденный имъ, и литературныя работы его свидѣтельствуетъ о томъ, что Красновъ совмѣщаетъ въ себѣ честолюбіе генерала и фантазію романиста, нарушающую цѣлость его натруры, познанія военныя и нѣкоторую литературную эрудицію. И тысячу разъ правъ Пушкинъ, утверждая, что

«Въ одну коляску впречь неможно
Коня и трепетную лань...»

Тамъ, гдѣ возвышается голосъ генерала, гдѣ диктуетъ желѣзныя формулы математикъ — не можетъ быть мѣста сантиментальному звуку флейты. Англичане говорятъ: «Сантиментальность стоитъ дорого и кромѣ того причиняетъ боль». Конечно, этотъ принципъ они съ нечеловѣческой жестокостью провели въ жизнь, примѣнивъ его къ русскимъ страдальцамъ, ко всей Россіи вообще, хотя бы тѣмъ, что намѣренно закрывали уши, чтобы не слышать отчаянныхъ зововъ, обращенныхъ къ нимъ изъ нѣдръ Россіи. Исторія воздастъ имъ должное безъ нашихъ предвосхищеній. Я возвращаюсь къ генералу только потому, что онъ, гуманизируя, гибко толковалъ весь тотъ повседневный военно-политическій матеріалъ, изъ котораго, при наличіи честныхъ монархическихъ убѣжденій могъ бы крайнимъ напряженіемъ воли создать что нибудь полезное для Родины. Романистъ-фантазеръ, шаткій политикъ, просто человѣкъ съ неустойчивой моралью сдѣлалъ свое дѣло и отошелъ въ сторону, умывая руки. Какъ пламенный поклонникъ внезапныхъ жизненныхъ изломовъ, любитель случайностей (безопасныхъ для романиста), дающихъ ему фабулы для бульварныхъ романовъ, онъ быстро увлекался всѣми и вся.

Громъ революціи, ея вначалѣ оглушительные раскаты, возможности поразительнаго возвышенія и паденія по государственной лѣстницѣ карьеръ, видимо зажгли генерала Краснова и онъ вскорѣ прицѣпилъ себѣ на грудь красный бантъ. Вотъ интересный разсказъ «Очевидца», помѣщенный въ № 64 газеты «Вѣра и Вѣрность». Онъ рисуетъ генерала въ революціонной обстановкѣ довольно правдиво.

Изъ незабвеннаго прошлаго[1]

Два года тому назадъ вышло послѣднее письмо генерала Краснова казакамъ, въ которомъ бывшій атаманъ обѣщаетъ казакамъ, возвращеніе не позже весны домой и говоритъ, что завѣтная мечта каждаго казака: «впречь воловъ круторогихъ и выйти съ плугомъ утромъ розовымъ, въ степь безкрайнюю, полынью пахнувшую», — скоро осуществится лишь бы не было розни въ средѣ казачьей, да былъ бы девизъ: «Здравствуй Царь Государь въ кременной Москвѣ, а мы казаченьки на Тихомъ Дону». Потомъ ген. Красновъ замолчалъ, повидиму сконфузившись, что и вторая весна прошла, а на Россію нѣтъ надеждъ. Въ массахъ казачьихъ стали забывать о немъ.

И вдругъ какъ «ударъ бича», раздалась статья Краснова въ «Вечернемъ Времени», призывающая къ неповиновенію законному Государю, мѣстами противорѣчащая сама себѣ, напоминающая о необходимости, свободнаго, народнаго «волеизъявленія», и сѣющая смуты и раздоры «тамъ гдѣ должно быть полное единогласіе».

Очень небольшая часть эмиграціи, да и то только кадровые офицеры, знаютъ кто такое генералъ Красновъ; гдѣ онъ служилъ, чѣмъ командовалъ до войны, о чемъ писалъ статьи въ «Русскомъ Инвалидѣ», какъ затѣмъ сталъ революціоннымъ генераломъ отъ кавалеріи прямо изъ генералъ-маіора, Атаманомъ, романистомъ и какъ дошелъ наконецъ до Шуаньи. Цѣлый рядъ эпизодовъ изъ боевой жизни генерала Краснова я и хочу разсказать, а начать думаю съ перваго, о которомъ я вспомнилъ, взглянувъ на случайно лежащій передо мной второй томъ «Отъ Двуглаваго Орла къ Красному знамени». Въ одной изъ главъ этой книги ген. Красновъ очень талантливо, но далеко не безпристрастно описываетъ усмиреніе пѣхотной дивизіи — казачьимъ полкомъ и мнѣ почему то кажется[1], что дивизія эта была 111-ой пѣхотной, полкъ казачій былъ 1-ымъ Уманскимъ, командиромъ полка былъ полковникъ Агрызковъ, командиромъ 44 Армейскаго Корпуса, не умѣющимъ отличить «фокса отъ мопса», былъ

[1] Имя автора мнѣ извѣстно, я глубкоо уважаю его, но раскрыть его псевдонима не считаю себя вправѣ.

генер. лейт. Волкобой, а привелъ этотъ полкъ въ деревушку Духче Начальникъ 1-й Кубанской Дивизіи ген. маіоръ Красновъ въ сопровожденіи бригаднаго генерала Мистулова и наштадива своей дивизіи полковника Муженкова. А фамилія комиссара была не Кноппъ, а Линде.

Много времени прошло съ тѣхъ поръ, много крови утекло, многое изгладилось изъ памяти, но главныя дѣйствующія лица и роли ихъ запомнились мнѣ очень хорошо.

Въ концѣ августа 1917 года, съ Ковельскаго плацдарма 63 Ландверный Германскій полкъ, пустилъ одну волну газа на расположеніе 111 пѣх. дивизіи и въ частности на занимающій въ то время позицію 441 Тверской полкъ. Въ полку было около 50 мертвыхъ и 150 легко отравленныхъ. Въ полку начался ропотъ. Говорили, что только что принявшій дивизію генералъ Гиршфельдъ продалъ позицію нѣмцамъ. 443 Дмитровскому полку приказано было выступить на смѣну пострадавшаго и деморализованнаго Тверского полка.

Полкъ отказался, убилъ нѣсколько офицеровъ, а командиръ полка, Телепевъ (которому генер. Красновъ въ романѣ всадилъ штыкъ въ животъ, прикрывъ его предварительно псевдонимомъ Козлова), убѣжалъ изъ полка вмѣстѣ съ завѣдующимъ развѣдкой поручикомъ Т.

Командиру 4 коннаго корпуса приказано было навести порядокъ въ 111 Дивизіи. Для этого двинутъ былъ Уманскій полкъ, а руководство всей операціей было поручено ген. Краснову.[1]

Въ 8 часовъ утра Уманскій Казачій полкъ со знаменемъ подъ звуки «Лѣсной сказки» входилъ въ Духче. Около штаба 111 дивизіи, стояли ген. Красновъ, ген. Гиршфельдъ и ген. Чаусовъ, который здоровался съ казаками. Рядомъ съ Красновымъ на огромномъ сѣромъ конѣ стоялъ командиръ казаячьго полка полковникъ Агрызковъ. Между 5-й и 6 сотней показался «Фордъ», на которомъ ѣхалъ Комиссаръ Арміи Линде, молодой человѣкъ въ коричневомъ френчѣ безъ погонъ съ университетскимъ значкомъ и огромнымъ краснымъ бантомъ. Дежурный по штабу дивизіи офицеръ подошелъ ко мнѣ и спросилъ надо ли рапортовать комиссару; я не разрѣшилъ этого, да меня и предупредилъ ген. Красновъ, у котораго надъ офицерскимъ Георгіемъ скромно краснѣла молоденькая революціонная розетка. Автомобиль остановился, раздалась команда Краснова и лишь только Линде вышелъ изъ автомобиля, какъ генералъ Красновъ подошелъ съ рапортомъ. «Г-нъ Комиссаръ, въ Ваше распоряженіе съ 1 Уманскимъ полкомъ въ составѣ 6 сотенъ при 4 пулеметахъ прибылъ». Выслушавъ рапортъ, Линде небрежно протянулъ руку сначала Краснову, а затѣмъ по очереди всѣмъ присутствующимъ. Только полковникъ Агрызковъ не сошелъ съ коня и не подошелъ къ нему, да я постарался затеряться въ толпѣ писарей выскочившихъ изъ всѣхъ избъ. Въ испекторской части штаба былъ въ то время, писаремъ, только что вернувшійся изъ Совѣта Солдатскихъ Депутатовъ А. Іоффе, — родной братъ будущаго посла въ Германіи. Съ нимъ съ однимъ Красновъ поздоровался за руку. Черезъ нѣсколько минутъ изъ Духче, по направленію къ Вознескому лѣсу выѣхала кавалькада, въ центрѣ которой ѣхалъ въ автомобилѣ Линде съ Гиршфельдомъ, а рядомъ съ автомобилемъ на рыжей, (кажется Провальскаго завода), кобылѣ ѣхалъ ген. Красновъ, часто прикладывающій руку къ козырьку и что то отрывисто отвѣчающій комиссару. Что было дальше, объ этомъ говоритъ самъ ген. Красновъ въ романѣ и надо отдать справедливость говоритъ очень правдиво, но въ окончаніе этого происшествія надо внести кое какія подробности. Когда раздалась стрѣльба по казакамъ, то ген. Красновъ крикнулъ: «Садись» и самъ вскочилъ въ сѣдло, но у многихъ казаковъ оказались почему то отпущенныя подпруги, и забывъ объ этомъ и вскакивая въ сѣдло нѣсколько казаковъ очутилось подъ брюхомъ лошадей и сильно были помяты. При первыхъ же выстрѣлахъ упало нѣсколько казаковъ и лошадей. Съ лѣсной поляны была только одна дорога да и на той лежали рельсы узкоколейки. На рельсахъ полетѣлъ черезъ голову вмѣстѣ съ кобылой ген. Красновъ, но забывъ почтенный возрастъ свой и вспомнивъ кавалерійскую школу безъ стремянъ вскочилъ въ сѣдло и скоро обошелъ уходившій галопомъ вразсыпную полкъ. Кони вязли въ болотѣ окружавшемъ лѣсъ, ломали ноги на рельсахъ, казаки висли на проволокѣ падая съ коней. Бѣшенная скачка продолжалась на протяженіи 6 верстъ. Только благодаря неудачной стрѣльбѣ, и быстротѣ ногъ своей кобылы, генералу Краснову не пришлось испытать на себѣ

[1] Въ своихъ воспоминаніяхъ, помѣщенныхъ въ «Архивѣ Русской Революціи» подъ заглавіемъ «На внутреннемъ фронтѣ» генералъ Красновъ называетъ точную нумерацію этихъ полковъ и двиизій, но придаетъ фактамъ выгодную для себя окраску.

результатовъ «свободнаго народнаго волеизъявленія». Комиссаръ Линде, начальникъ 111 Дивизіи, ген. Гиршфельдъ и нѣсколько офицеровъ остались навѣки на полянкѣ.

Въ тотъ же день вечеромъ, вернувшись въ штабъ корпуса, ген. Красновъ получилъ назначеніе принять 3 конный корпусъ[1] и черезъ нѣсколько дней уѣхалъ, предварительно уложивъ подъ Возненскимъ лѣсомъ 10—15 казаковъ да около 50 лошадей и не сумѣвъ сохранить драгоцѣнную жизнь комиссара, для защиты котораго и поѣхалъ въ ловушку съ полкомъ.

Очевидецъ

Одни и тѣ же факты, какъ мы видимъ, освѣщены по разному. Въ только что приведенномъ случаѣ они изложены «очевидцемъ» безпристрастно и нетенденціозно: авторъ далъ картину, какъ она представлялась наблюдателю со стороны. Самооправдывающемуся же генералу они такъ представляться не могли — не выгодно . . .

Безпокойное перо генерала послѣ цѣлаго ряда статей, безцвѣтныхъ по своей сущности, начало писать обращенія и пояснительныя письма къ общественнымъ и военнымъ дѣятелямъ. Въ одномъ изъ этихъ писемъ, услужливо напечатанныхъ «Рулемъ» (оно было обращено къ ген. Врангелю), Красновъ пояснялъ, что «единственнымъ источникомъ его существованія» является литературная работа — романы. Онъ избралъ ихъ какъ вѣрную форму пропаганды и это, по его мнѣнію, тотъ пріемъ, который наиболѣе обезпечиваетъ успѣхъ пропаганды монархическихъ идей.

Если романъ его «Отъ Двуглаваго орла къ красному знамени» является такимъ пропагандным романомъ, то горе тому государственному человѣку, который подойдетъ къ автору какъ къ мыслителю строгаго порядка, честныхъ антиреволюціонныхъ убѣжденій. Прочитывая страницы за страницами это многотомное произведеніе, приходишь къ заключенію, что генералъ Красновъ (я подхожу къ роману не съ литературно-критической точки зрѣнія, а съ политической и, конечно, съ монархической) — монархистъ спутанныхъ вѣрованій, колеблющійся и несовершенный, да кромѣ того монархистъ не за совѣсть, а за страхъ. Крайней ниспадающей точкой своего особаго монархизма онъ соприкасается республиканско-теоретическихъ формъ и осуществленій и подъ сложнымъ сюжетомъ, прикрытымъ утомительными длиннотами, трудно разглядѣть подлинное лицо генерала-романиста. Представляю себѣ,какъ напряженно вуалируетъ генералъ Красновъ свой монархо-республиканскій уклонъ мыслей передъ покровителемъ своимъ и вождемъ Великимъ Княземъ Николай Николаевичемъ, въ распоряженіе котораго передалъ свое перо и военные таланты, отвергнутый въ сферахъ законнаго осуществленія монархіи. Но времена близятся, маски спадутъ и въ одинъ прекрасный день предъ нами предстанетъ кающійся генералъ, на горячихъ страницахъ излагающій исповѣдь:

«Какъ дошелъ онъ до жизни такой» . . .

Невольно припоминается изъ Л. Андреева трагическая личность убійцы, восклицающаго на площади: «Православные, брей! Человѣка убилъ брей!» на

[1] Это назначеніе было сдѣлано генераломъ Корниловымъ. Впослѣдствіи, когда борьба генерала Корнилова, послѣ предательства его Керенскимъ, оборвалась, онъ былъ арестованъ. Генералъ Красновъ, шедшій съ нимъ заодно былъ обласканъ Керенскимъ и утвержденъ имъ въ должности командира того же 3-го коннаго Корпуса. Для честныхъ людей это загадка.

уговоры пристава, что десятилѣтняя давность его преступленія ставитъ его въ положеніе внѣответственности, онъ упорно кричитъ — брей! Повидимому преступникъ добивался общественнаго оправданія, оправданія подтержденнаго православными. Отступничество генерала Краснова оставимъ на его совѣсти въ группировкѣ искреннихъ патріотовъ-манархистовъ въ немъ нужды нѣтъ.

Итакъ, этапъ за этапомъ, генералъ то подымался, то падалъ, устремляясь въ безидейныя дали, руководимый жаждой матеріальныхъ соображеній, увлекаемый сюжетами романовъ и руководимый фантазіей честолюбца. И — сорвался.

Въ нѣдрахъ потрясенной, разбитой, эмиграціи, знаютъ — кто такой генералъ Красновъ: человѣкъ безъ патріотизма, безъ истинныхъ основъ священнаго, проникнутаго достоинствомъ и законностью, монархизма.

Подводя итогъ всѣмъ выпискамъ и заключеніямъ, касающимся и романиста Краснова и Краснова генерала, я подчеркиваю еще разъ, что по своему призванію я ставлю себя исключительно въ положеніе офицера Императорской Арміи и, слѣдовательно, расцѣниваю генерала Краснова главнымъ образомъ какъ генерала. Въ этомъ смыслѣ и всѣ мои сужденія о немъ должны быть сжаты опредѣленной рамкой требованій. Оставляю въ сторонѣ все его литературное творчество поскольку оно не касается его военно-политическихъ выступленій. Французы говорятъ: «Le style — c'est l'homme». — Еще въ петербургскій періодъ борьбы съ большевиками, принимая въ ней дѣятельное участіе въ скрытой формѣ, о чемъ я разсказалъ выше, я не разъ задумывался надъ поступками Краснова. Рождались горькія мысли, вспоминались слова и сравненія, подыскивались возможности оправданій и — поясненій его преступнаго поведенія. — Помню, во время разговоровъ, въ тревожной обстановкѣ уже потрясенной Россіи одинъ изъ офицеровъ возмущенно сказалъ: «не передѣлаешь вѣдь его —

Полумудрецъ, полуневѣжда
Полуподлецъ, но есть надежда,
Что будетъ полнымъ наконецъ...

Предоставимъ ему это право безвозмездно. Злое дѣло увѣнчается злымъ концомъ — Красновъ еще почувствуетъ это на своей шкурѣ. Теперь уже безъ оговорокъ приходится признать, что онъ уже почувствовалъ. Перебирая въ памяти весь трудъ, длинный рядъ хлопотливыхъ переживаній, связанныхъ съ работой въ Петербургѣ, фактически сданномъ въ руки большевиковъ Красновымъ, затѣмъ — работу атамана на Дону, его увертливую безпринципную политику, угодливость нѣмцамъ и союзникамъ одновременно, проституированные переговоры въ большевиками и склонность къ сотрудничеству съ чехо-словаками, всѣ его писанія мирныя и призывно-боевого характера, просматривая гнусныя страницы его романовъ, на которыхъ затронуто священное имя Государя и Его Семьи, унизительными штрихами обрисовано гвардейское офицерство, словомъ все, что расѣяно имъ позади себя, на путяхъ военныхъ и политическихъ, литературныхъ и общественныхъ, я невольно прихожу къ выводу: продаженъ и преступенъ генералъ Красновъ. Какъ-то разъ

въ офицерской средѣ мнѣ пришлось, касаясь русскихъ военноначальниковъ, славныхъ и безславныхъ, тѣхъ, которые не измѣнили Государю и тѣхъ, которые «Ему измѣнили и продали шпагу свою»... коснуться и безславнаго генерала Краснова. Я далъ ему характеристику въ короткомъ четверостишіи, но желая избѣжать грубаго, хотя и вѣрнаго слова, я рѣшилъ не помѣщать его въ эту статью.

Однако, если генералъ Красновъ заинтересуется этой моей характеристикой, то я въ любое время готовъ ему ее высказать, такъ какъ правду всегда въ глаза говорилъ, не претендуя на возвышенный стиль и не боясь твердыхъ опредѣляющихъ словъ, пусть даже нѣсколько рѣзкихъ. Вѣдь правда въ красивыхъ одеждахъ не нуждается, она хороша и въ лохмотьяхъ. «Qui vivra verra», а тогда сомнительный монархизмъ генерала встанетъ передъ русскимъ обществомъ выпуклѣй и весь багажъ его литературныхъ писаній, оскорбительныхъ въ области созидательно политической, за ненужностью сдастся вмѣстѣ съ генераломъ въ архивъ позорныхъ страницъ во дни Великой Смуты Государства Россійскаго.

Осенью 1922 г. въ Берлинѣ вышелъ сборникъ «Историкъ и современникъ». Заданія его, судя по предисловнымъ строкамъ, заключались въ совмѣстительствѣ разныхъ «русскихъ и иностранныхъ (въ переводѣ или извлеченныхъ) историческихъ и бытовыхъ сочиненій, романовъ, повѣстей и разсказовъ» и т. д. Въ концѣ предисловія указано, что редакція на ряду съ этимъ подбираетъ «анекдоты и смѣсь». Эта оговорка важна, такъ какъ опубликованный въ «Историкѣ и современникѣ» матеріалъ какого-то г. Бережанскаго обо мнѣ и моей Западной Добровольческой Арміи во многихъ мѣстахъ напоминаетъ анекдотъ, въ лучшемъ случаѣ несуразную смѣсь бредней съ непровѣренными слухами. Что лучше — первое или второе, судить, конечно, немыслимо, одно ясно: плохо и то и другое.

Я не собираюсь прослѣдить всѣ ошибки въ фактическихъ данныхъ, кстати сказать освѣщенныхъ имъ дурно и неправдиво. Людей, интересующихся исторіей моей арміи, ея возникновеніемъ и дѣйствіями, цѣлями и осуществленіями, я отсылаю къ полному тексту моей книги, поясняемому въ необходимыхъ мѣстахъ документами. Попутно, однако, подчеркну нѣкоторыя мѣста въ этой бреднѣ штатскаго повѣствователя объ одной изъ боевыхъ страницъ бѣлаго движенія на западѣ Россіи и укажу на ошибки его, если не злонамѣренныя, то просто нечестныя.

Отмѣчаю наиболѣе грубыя изъ нихъ:

1. Солдатскаго бунта въ Митавѣ никогда не было. Бережанскому какъ штатскому, повидимому, небо въ овчинку показалось отъ того незначительнаго факта нѣмецкой демонстраціи, въ которой войска мои рѣшительно никакого участія не принимали. Объ этомъ я уже помѣстилъ сообщеніе генерала Десино.
2. Повѣствователь пишетъ: «Не только союзниковъ и латышей, но и русскихъ въ Латвіи озабочивалъ вопросъ: почему великолѣпно оборудованный и прекрасно вооруженный корпусъ полковника Бермондта въ Митавѣ и отрядъ полк. Вырголича въ Шавляхъ, уже офиціально вклю-

ченные въ составъ Сѣверо-западной арміи генерала Юденича бездѣйствовали цѣлое лѣто, когда маленькая, но геройская Сѣверо-западная армія сдѣлала уже одинъ походъ на Петроградъ и энергично готовилась къ новому наступленію на столицу сѣверной коммуны...»

Бывшій редакторъ (такъ именуетъ себя Бережанскій въ подзаголовкѣ своей повѣсти изъ небывшихъ событій) долженъ помнить, что въ заключительныхъ строкахъ приведенной цитаты онъ самъ себѣ возражаетъ и мнѣ не приходится тратить словъ попусту: «...маленькая, но геройская Сѣверо-западная армія сдѣлала уже одинъ походъ на Петроградъ и готовилась къ новому наступленію...» Что сдѣлала она походъ — это вѣрно, но толкъ изъ этого вышелъ ли? — Море крови и карты врагу въ руки. Сдѣлала настолько удачный походъ, что «готовилась къ новому наступленію на столицу»... Слѣдуетъ изъ этого: била Сѣверо-западная армія маленькимъ кулакомъ и слабымъ, пришлось сдать, отойти назадъ, подсчитать раны, одолжиться у англичанъ (не щедрыхъ) и у эстонцевъ, (не совсѣмъ моральныхъ, судя по концу злополучной арміи) чтобы снова наступать. Нужны ли были эти повторенія въ жертвоприношеніяхъ? Я сторонникъ единичныхъ, но вѣрно расчитанныхъ ударовъ. Это первое, а второе то, что къ отмѣченному періоду моя армія не была еще великолѣпно «оборудована» въ томъ смыслѣ какъ понимаю я — офицеръ, а не публицистъ — штатскій.

3. Авторъ повѣствованія неудачно подтасовываетъ даты. Возваніе озаглавленное «Всѣмъ жителямъ» я выпустилъ не «за 5 дней до совѣщанія» (т. е. военно-политическаго совѣщанія 26-го августа въ г. Ригѣ, протоколъ котораго я уже привелъ въ текстѣ), а много дней спустя, когда выяснилось:
   а) пунктъ договора, утверждавшій за мной право выхода на участокъ антибольшевистскаго фронта Двинскъ—Рѣжица «союзниками» и латышами нарушенъ;
   б) Латыши обстрѣляли мои развѣдывательные передовые посты;
   в) и, наконецъ, что я поставленъ предателями «союзниками» въ необходимость силой пробиваться на русскій антибольшевистскій фронтъ, предопредѣленный мнѣ договоромъ тѣми же «союзниками».

Ясно ли это штатскимъ критикамъ, не пытающимся разбираться въ твердыхъ фактахъ, которыхъ не вырубить изъ исторіи ни одна ложь — я не знаю. Возражаю же можетъ быть нѣсколько подробно въ этой главѣ потому, что — долго молчалъ, а молчаніе породило много лжи, на которой г. г. публицисты строили свое маленькое благо — расписывались во всю, лишь бы редакціи платили. Къ разряду послѣднихъ кромѣ Бережанскаго принадлежитъ и нѣкто «Hans v. Rimscha», написавшій компиляторскую книжку на нѣмецкомъ языкѣ подъ заглавіемъ «Der russische Bürgerkrieg und die russische Emigration 1917—1921». Обидно, что нѣмецкое общество въ сущности читало выдержки изъ того же Бережанскаго, а не честное изложеніе фактовъ безпристрастнаго современника или очевидца. Желаніе, опровергнувъ лживыя повѣствованія Бережанскаго, тѣмъ самымъ обнажить неправду въ писаніяхъ и словоохотливаго г. v. Rimscha

«Наши натурщики на отдыхѣ,» Помѣщаю карикатуру какъ образецъ жидовскаго «художества» въ газетѣ «Голосъ Россіи» (ничего общаго съ Россіей не имѣющаго) Радекъ, Троцкій, Аваловъ, Ленинъ, Литвиновъ, Ллойдъ Джоржъ, Пуанкарэ, Клара Цеткинъ, Врангель, Пильсудскій, поддерживаемый французскими пузырями, атаманъ Семеновъ и . . .

«Смѣется тотъ хорошо, кто смѣется послѣднимъ.» Съ удовольствіемъ помѣщаю эту карикатуру какъ образецъ латышской большевистской изобрѣтательности. Впереди пасторъ Нѣдра, затѣмъ графъ Гольцъ и я, (почему-то въ шпорахъ?)

Денежные знаки Западной Арміи.

заставляетъ меня детализировать возраженія. Я возвращаюсь къ нимъ. Итакъ обращеніе ко всѣмъ жителямъ я выпустилъ. Его заканчиваетъ фраза: «въ находящихся подъ моимъ управленіемъ областяхъ Латвіи я все подготовлю для сомоопредѣленія населенія по его желанію». Въ томъ же воззваніи я говорилъ: «какъ представитель русской государственной власти я принялъ на себя защиту и управленіе латвійской областью».

Перепуганный публицистъ вопрошаетъ: «Кѣмъ именно, какой именно государственной властью уполномоченъ полковникъ Бермондтъ принимать на себя управленіе чужимъ и независимымъ государствомъ?»... Я спрашиваю — кѣмъ именно, какой государственной властью возглашено и утверждено это «чужое, независимое государство?» Монарха не было, не было въ Россіи и власти полномочной создавать государства въ государствѣ. Я вѣдь монархистъ и армію велъ открыто, подъ честнымъ открытымъ знаменемъ монархизма. Значитъ — въ дни смуты и безвластія, стоя во главѣ арміи, какъ вѣрноподанный и слуга моего отечества, я могъ принять на себя (обязанъ былъ принять) «государственную власть». Пусть не тревожится Бережанскій — государственную власть не во всероссійскомъ масштабѣ, опьянившимъ адвоката Керенскаго, — нѣтъ, какъ солдатъ я занялъ постъ охраны русскаго достоянія, безстыдно расхищаемаго всѣми — отъ латышей до китайскихъ наемныхъ бандъ включительно. Дальшэ слѣдуетъ явное самобичеваніе отставного редактора, онъ пишетъ: «Мнѣ кажется, если бы генералъ Юденичъ былъ нѣсколько дальновиднѣе онъ, навѣрное, отказался бы отъ рискованнаго осенняго похода...» Да, но вѣдь ему приказали г. г. англичане, можно ли было ослушаться ихъ? «Взявшись за гужъ — не говори, что не дюжъ», но въ такомъ случаѣ нельзя же втягивать въ предпріятіе явно «рискованное» тѣхъ, кто дѣлаетъ свое дѣло медленно, но вѣрно.

Авторъ упоминаетъ имя полковника П-а, «офицера для порученій» при моемъ штабѣ, сообщившаго генералу Юденичу въ докладной запискѣ объ ужинѣ и балѣ, устроенныхъ чиновникомъ Селевинымъ въ мою честь, гдѣ офицеры, якобы, опустившись на колѣни провозгласили меня «монархомъ всея Россіи». Я отвѣтилъ будто бы: «Господа, это преждевременно.» Что можно возразить на эти бредни? — Ничего, кромѣ одного: призракъ монархіи такъ пугаетъ лѣвыхъ, что они готовы вольно и невольно расписываться обѣими руками подъ собственной несостоятельностью и идіотизированной фантазіей.

Корпусъ моихъ офицеровъ былъ слишкомъ дисциплинированъ и культуренъ, чтобы не понять, что я для нихъ былъ только лишь вождь, солдатъ и соратникъ. Такъ называемый полковникъ П.... былъ, какъ выяснилось, къ моему глубокому сожалѣнію немножко поздно, — французкимъ агентомъ при мнѣ и въ арміи не служилъ: я не упѣлъ его повѣсить.

Приказъ же генерала Юденича, на который ссылаются всѣ мои т. н. «обвинители», отмѣчая мою непокорность Главнокомандующему, совѣтую всѣмъ еще разъ внимательно перечитать и вдуматься, какъ слѣдуетъ въ его содержаніе. Я привелъ уже его въ текстѣ — теперь извлекаю изъ него отдѣльныя фразы.

а) «Сѣверо-западная армія четыре мѣсяца дерется съ большевиками въ неравномъ бою; дралась голая, голодная, безъ денегъ, плохо вооруженная и часто безъ патроновъ...» Зачѣмъ же надо было

совершать это преступленіе? Вѣдь если высокіе покровители — англичане взяли на себя миссію одѣть, обуть, вооружить и пр. Сѣверо-западную армію — то не благоразумнѣе ли было задержаться на лишній мѣсяцъ и довести «оборудованіе» (какъ выражается Бережанскій) арміи до необходимаго порядка съ тѣмъ, чтобы, двинувшись въ бой съ большевиками, не расписываться въ собственномъ безсиліи, а главное — въ кошмарныхъ ошибкахъ?...

в) «... за эти четыре мѣсяца вы (солдаты Западной арміи) не были въ сплошныхъ бояхъ, хотя теперь вы одѣты, обуты, исправно получаете жалованье, имѣете продовольствіе и вооружены...»

Такъ стоитъ въ этомъ приказѣ. Генералъ Юденичъ сдѣлалъ хорошее признаніе, но не отмѣтилъ, что создали это все не его высокіе покровители-англичане, а германцы по моей просьбѣ ,подъ моимъ руководствомъ, подъ моимъ командованіемъ. Просто — пообѣщали и благородно иполнили. Въ это же время глупѣйшія дипломатическія англійскія миссіи метались по всему побережью Прибалтики, обѣщали, дурачили и какъ мы видимъ изъ приказа генерала Юденича — «армія» дралась голая, голодная...» и т. д.

При такомъ состояніи я спрашиваю всѣхъ моихъ неразборчивыхъ «обвинителей» вправѣ ли я былъ вести моихъ солдатъ въ эту петлю, на явно обреченное дѣло? Я твердо и неукоснительно рѣшилъ: доведу мою армію до внутренняго совершенства, налажу военно-стратегическій гражданскій и политическій аппараты и пойду туда, куда было рѣшено меня пропустить, благодаря моимъ настояніямъ на Военно-политическомъ совѣщаніи 26-го августа, т. е. на участокъ Двинскъ-Рѣжица. Но преступные «союзники» готовы были скорѣй перерѣзать мнѣ горло чѣмъ пустить меня на фронтъ рука объ руку съ моими друзьями и моими союзниками-германцами. Исторія борьбы въ Прибалтикѣ эти дѣянія англичанъ запомнитъ и запишетъ на отдѣльную, нелестную для нихъ страницу.

Бережанскій фантазируетъ, онъ пишетъ: «... приказъ этотъ былъ скрытъ отъ войскъ»... Это ложь, за которую такихъ публицистовъ слѣдовало бы вмѣстѣ съ французскими агентами подвѣсить на сукъ; было бы двѣ выгоды: первая — уменьшилось бы число подобныхъ «писакъ», вторая — не вводились бы въ заблужденіе честные люди, а слѣдовательно не появлялось бы громадное количество кривотолковъ, а отсюда и неисправимыхъ ошибокъ.

Приказъ генерала Юденича былъ прочитанъ передъ всѣми войсками моей арміи громко, во всеуслышаніе, въ моемъ присутствіи и съ моего разрѣшенія. При чтеніи присутствовалъ весь мой штабъ и весь офицерскій наличный составъ.

Въ той же повѣсти пишется: «почему армія Бермондта, взявъ Усть-Двинскъ и рядъ предмѣстій, не заняла самую Ригу, когда ее отдѣляли только одни мосты черезъ Двину, неизвѣстно...» Мнѣ лично, конечно, извѣстно почему: — я не завоевывалъ Латвію, это «чужое, независимое государство» — я требовалъ пустить меня на фронтъ, дать мнѣ то, что я вправѣ былъ требовать: я боролся за смыслъ существованія моей арміи, уже подготовленной къ борьбѣ на участкѣ намѣченномъ моимъ штабомъ на основѣ его реальныхъ данныхъ — стратегическаго, экономическаго и политическаго характера.

Но — я совершилъ безмѣрную ошибку, не взявъ Ригу. Если бы я тогда же

вычеркнулъ «чужое, независимое государство», какъ гнойный волдырь появившiйся на мученическомъ тѣлѣ больной Россiи, выгналъ бы изъ Риги вершителей этого чудодѣйственнаго государства — положенiе имѣло бы счастливый конецъ.

Всѣ эти безсмысленныя дипломатическiя миссiи «союзниковъ» снялись бы съ якоря и благоразумно ретировались бы во свояси, а не раздирали бы тѣло Россiи по кусочкамъ. Увы! — Позднiя заключенiя насыщены мудростью правды, но они же влекутъ за собой и раскаянiе. Не течетъ рѣка обратно — говоритъ пословица, — я лично нахожу, что она выдумана пессимистомъ. Глубины жизни непостяжимы и будущее это подтвердитъ.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ Бережанскiй повѣствуетъ о незнанiи моихъ солдатъ куда велъ ихъ я — есть только нѣсколько словъ правды, я ихъ выпишу: «по объясненiю командировъ (моихъ командировъ моимъ солдатамъ) латыши были тѣми же большевиками, но нѣсколько трусливѣе большевиковъ». —

Да, такъ это было и есть, кто въ этомъ сомнѣвался, кромѣ развѣ самихъ латышей. —

Въ текстѣ забавной повѣсти Бережанскаго сдѣлано перечисленiе военной добычи, взятой якобы латышами при отходѣ моей армiи къ нѣмецкой границѣ. Врядъ ли стоитъ отмѣчать, что все это выдумка — мои войска отходили въ полномъ порядкѣ и эвакуацiя была закончена настолько блестяще, что латышамъ не досталось даже испорченное имущество армiи. Помѣщаемыя мною въ книгѣ фотографiи наглядно подтверждаютъ сказанное.

Что касается указанiй Бережанскаго о неучастiи въ Совѣтѣ Управленiя сенатора Римскаго-Корсакова, князя Волконскаго и пр. то для опроверженiя этой явной лжи я прилагаю два письма отъ сенатора, изъ которыхъ видно, какое близкое участiе онъ принималъ въ Совѣтѣ Управленiя, сотрудничая такимъ образомъ въ общей работѣ моей армiи. (Приложенiе № 59 и 60).

Вслѣдъ за Бережанскимъ солгалъ, конечно, и г. v. Rimscha, которому не слѣдовало бы довѣряться слѣпо такимъ ненадежнымъ источникамъ.

Князь же Волконскiй былъ только лишь намѣченъ къ участiю въ той же работѣ такъ какъ онъ находился заграницей и поэтому поводу съ нимъ велась переписка.

Я перебралъ всѣ записки бывшаго редактора отмѣтивъ въ нихъ наиболѣе грубыя ошибки; на мелкихъ, которыми сплошь переполненъ текстъ, я останавливаться не хочу. Внимательный читатель, прослѣдивъ за документальными изложенiями моей книги, самъ разберется гдѣ правда.

Послѣднiе моменты перехода германской границы я, однако, отмѣчу. Припоминаю точно, да объ этомъ и записано въ моей походной книжкѣ карандашемъ: въ сумерки (въ декабрѣ) я подъѣхалъ къ штабу арiергарднаго батальона достойнаго и храбраго капитана Балла. Искренно расположенный ко мнѣ германскiй офицеръ, строго дисциплинированный воинъ, принялъ меня въ своей натопленной комнатушкѣ съ большой радостью и почтительностью. Я выпилъ у него чай и, выйдя въ стужу (сильный вѣтеръ кружилъ снѣгъ и буквально задувалъ лицо), проводилъ послѣднюю часть до кордона, а самъ вернулся обратно и присѣлъ къ столику, за которымъ пилъ чай.

Я отлично зналъ, что литовскія и латышскія части были не далѣе какъ въ верстѣ отъ мѣстечка, но съ грустью вырвалъ изъ походной книжки листокъ и набросалъ на немъ записку, рискованно задерживаясь для этого. Уходя я оставилъ эту записку на столѣ подъ горѣвшей лампой. Текстъ ея (приблизительный) былъ таковъ:

«...Вѣрю, что десница Господня всемогуща и неисповѣдима. Уводя моихъ солдатъ въ чужую землю, я вмѣстѣ съ ними пере живаю чувство горечи, но времена придутъ и съ солдатами я вернусь обратно на эти поля.»

Выбиваясь на узкую грязную дорогу, я слышалъ нѣкоторую тревогу въ голосѣ моего вѣстового, — позади насъ въ мѣстечкѣ протрещало два-три выстрѣла и зажглись огни. Повидимому части латышей вступили въ мѣстечко.

Приводя біографическія данныя обо мнѣ, многіе безшабашные бумагомаратели, въ томъ числѣ и Бережанскій, выдумываютъ Богъ знаетъ что.

Для интересующихся даю біографическую справку.

Родился въ Тифлисѣ, въ 1884 г. Отецъ мой князь Михаилъ Антоновичъ Аваловъ, мать урожденная княжна Кугушева, бывшая вторымъ бракомъ за штабсъ-ротмистромъ Бермондтомъ, участникомъ Русско-турецкой компаніи.

Въ японскую войну я поступилъ добровольно въ войска вольноопредѣляющимся. Служилъ личнымъ ординарцемъ у генералъ-адъютанта Павла Ивановича Мищенко, былъ раненъ семь разъ, получилъ два Георгіевскихъ креста, произведенъ въ офицеры, наконецъ получилъ Анну IV степени съ надписью «за храбрость» и, послѣ послѣдняго раненія, вынужденъ былъ уѣхать въ тылъ — для лѣченія (въ Петербургъ).

Былъ зачисленъ въ 1-ый Уланскій Петербургскій полкъ. Держалъ офицерскій экзаменъ при Тверскомъ Кавалерійскомъ Училищѣ.

Въ Великую Войну, согласно ходатайства того же генералъ-адъютанта Мищенко по Высочайшему приказу былъ зачисленъ личнымъ адъютантомъ генерала (генералъ Мищенко командовалъ 2-ымъ Кавказскимъ корпусомъ). Въ разные періоды войны, съ разрѣшенія генералъ-адъютанта Мищенко прикомандировывался къ дѣйствующимъ артиллерійскимъ, пѣхотнымъ и кавалерійскимъ частямъ. Былъ четыре раза раненъ; по представленію генералъ-адъютанта Мищенко былъ произведенъ въ чинъ ротмистра; представленія къ чину подполковника и полковника были сдѣланы до революціи, но извѣщенія о производствѣ я получилъ уже послѣ революціи. По ходатайству моего отца мнѣ вернули мою законную фамилію въ замѣнъ фамиліи пріемнаго отца, штабсъ-ротмистра Бермондта, которую носилъ бы, какъ достойную, съ такой же гордостью, какъ и ношу мою собственную.

Писалось о моихъ сѣдыхъ вискахъ и пр. Портретисты ошибались, фантазируя на разстояніи: жизнь не просѣяла еще на моей головѣ охлаждающій снѣгъ, не вырвала изъ души волю и энергію къ борьбѣ съ врагами за поруганную Родину — будь это большевики или «союзники»...

Въ виду того, что указанный г. v. Rimscha въ своей книгѣ ссылается на матеріалы всякаго качества, въ томъ числѣ и на секретный докладъ, помѣщенный во

II томѣ «Архива Русской Революціи» — я вынужденъ коснуться и этого доклада.

Прежде всего, на основаніи фактическихъ данныхъ, изъ немногихъ строкъ въ текстѣ, гдѣ авторъ доклада повѣствуетъ о своей работѣ въ Либавѣ и т. п. явствуетъ — авторъ — князь Ливенъ.

Такимъ образомъ отвѣтъ мой и разъясненія направляю непосредственно ему. Непріятно, что теперь, когда страница исторіи перевернута и дѣйственные участники ея только отписываются по разнымъ газетамъ и журналамъ, самооправдываясь — повторяю, непріятно, что участники эти извращаютъ положенія, путаютъ даты, смѣшиваютъ лицъ, сознательно забываютъ вообще то, что они дѣлали.

Въ секретномъ докладѣ выражена попытка дать общій очеркъ какъ боевыхъ организацій, возникавшихъ тогда въ цѣляхъ борьбы съ большевиками, такъ и взаимоотношеній ихъ въ вопросахъ оперативныхъ. Кромѣ того, докладчикъ попутно разбираетъ политику «союзниковъ» въ Прибалтикѣ, и за одно отвѣтную дипломатію нѣмецкихъ и русскихъ круговъ, работающихъ на сближенныхъ дистанціяхъ взаимныхъ интересовъ. —

Оставляю въ сторонѣ всѣ безпочвенные выводы докладчика, касающіеся русскихъ формированій, не бывшихъ въ подчиненіи князя, я считаю для себя обязательнымъ отмѣтить, что въ докладѣ правда обойдена и довольно не хорошо. Оговорившись предварительно, что принципы взятыя мною въ основу формированій разнились значительно отъ принциповъ принятыхъ Либавскимъ отрядомъ — докладчикъ тутъ же придаетъ имъ освѣщеніе довольно своеобразное. Утвержденіе, что въ моей организаціи были штабы — многочисленны, что штаты служащихъ въ нихъ были непомѣрно велики, что я принималъ въ отрядъ (а потомъ и въ армію) «русскихъ офицеровъ безъ всякаго разбора, гоняясь за количествомъ, въ ущербъ качеству» — я считаю недобросовѣстнымъ. Ко мнѣ прибывали офицеры (и солдаты) изъ всѣхъ странъ и государствъ, часто оборванные, оскорбленные и ограбленные, въ особенности изъ Польши. Я не считалъ себя вправѣ отказывать имъ въ рѣшимости защищать родину: они хотѣли и могли бороться съ врагомъ также, какъ и я. Если впослѣдствіи среди нихъ и оказалось нѣсколько недостойныхъ — то надо вѣдь помнить, что «въ семьѣ не безъ урода», а семья-армія моя, была огромной, силой въ нѣсколько десятковъ тысячъ. Въ подавляющей же массѣ офицеры мои и солдаты были строго дисциплинированными и съ безусловно чистой моралью.

Повидимому докладчику приходились лично наблюдать прибывающихъ въ мою армію; внѣшній видъ ихъ, нѣсколько потрепанный и мятый, дѣйствительно производилъ грустное впечатлѣніе — но развѣ изъ этого можно дѣлать выводы о нечестности или недоброкачественности прибывающихъ воиновъ? Сколько мы знали примѣровъ, когда разодѣтые джентельмэны съ туго набитыми карманами разсуждаютъ о честности, торгуя въ то же время своей и чужой совѣстью.

Докладчику слѣдовало бы помнить, что нѣтъ во всемірной исторіи примѣра такого ужаснаго состоянія, въ которомъ русское офицерство очутилось послѣ революціи. Генералы кидали ихъ пачками въ огонь гражданской войны, не заботясь о дальнѣйшей ихъ судьбѣ, г г. же общественные дѣятели, очутившись

внѣ дѣлъ присвоили себѣ право распоряжаться государственными суммами, находящимися заграницей. Прикрываясь общественными задачами, они создали множество безполезныхъ комитетовъ и учрежденій, обзпечивъ себя хорошими окладами для беззаботной жизни. Между тѣмъ русское офицерство несетъ непомѣрные труды, честно зарабатывая кусокъ хлѣба, въ разныхъ угольныхъ копяхъ, каменоломняхъ и т. д., разсѣявшись по самымъ отдаленнымъ уголкамъ міра. Терпѣливо ждетъ конца и того момента когда еще разъ сможетъ принести свои силы на благо Родины. Врядъ ли тогда г. г. общественникамъ будетъ мѣсто въ созидательной работѣ, поддержанной руками этого офицерства. И мнѣ лично думается — да будетъ стыдно тому, кто кинетъ камень въ многострадальную душу русскаго офицера.

Бросая мнѣ упреки, докладчикъ, однако, не забываетъ отмѣтить, что «штаты штабовъ въ Либавскомъ отрядѣ (т. е. у князя Ливена) были сокращены до минимальныхъ размѣровъ...» и т. д.

Прежде всего у князя вообще отсутствовалъ штабъ и по его же просьбѣ мнѣ пришлось командировать къ нему своего Начальника Штаба полковника Чайковскаго для организаціи его штаба. Какъ можно было въ «секретномъ докладѣ» упустить это изъ виду? Что же касается многочисленности моихъ штабовъ — то сравнительная оцѣнка моихъ заданій и заданій Либавскаго отряда могла бы показать, что размѣры моихъ штабовъ не преувеличивали моихъ заданій, но, конечно, были шире Либавскихъ — я уже подчеркнулъ, что у князя просто не было штаба.

Докладчику слѣдовало бы понять, что я создавалъ армію-силу, которой я не партизански тревожилъ врага, а стратегически вѣрно и громоздко билъ бы по фронту, тогда какъ князь. находя это нецѣлесообразнымъ, осуществлялъ организаціи легкія, отрядныя, врядъ ли способныя хоть сколько нибудь на серьезныя операціи широкаго, фронтового удара.

Упрекать меня, въ не выходѣ на Нарвскій фронтъ не приходится: я одинъ зналъ, когда и куда мнѣ выйти. Конечно, штабъ моей арміи, согласно моимъ указаніямъ, организаціонную работу закончилъ какъ разъ именно къ моменту движенія Сѣверо-западной арміи къ Петербургу, но рядъ послѣдующихъ событій нарушилъ мою основную задачу и результаты союзнической дипломатіи отразились ощутительно и на самой борьбѣ съ большевиками на западѣ и сѣверо-западѣ Россіи. Я опровергаю то утвержденіе, слѣпое, ни на чемъ необоснованное, похожее скорѣе на непростительную выдумку, гдѣ, разсказывается, что друзья мои — германцы «уговорили меня предпринять наступленіе на Ригу, именно въ то время, когда Юденичъ началъ свое наступленіе...» съ тѣмъ, чтобы помѣшать генералу Юденичу взять столицу.

Поясненіе, что это диктовалось насущными интересами германцевъ, боявшихся будто бы взятія Петербурга Юденичемъ, гдѣ такимъ образомъ распространилось бы вліяніе союзниковъ, а значитъ отразилось бы и на судьбѣ взаимоотношеній съ одной стороны: русскихъ и англичанъ (къ лучшему), съ другой: русскихъ и германцевъ (къ худшему) — дико и неосмысленно. Слѣдуетъ помнить, что я принадлежу къ категоріи тѣхъ военныхъ начальниковъ, которые игрушкой въ чьихъ бы то ни было рукахъ быть не могутъ.

Надѣюсь, я уже съ достаточной полнотой выяснилъ передъ читателями на сколько это и подобныя ему утвержденія необоснованны — въ этомъ признаются и тѣ, кто затрагиваетъ этотъ вопросъ; въ частности сознается въ безосновательности своихъ предположеній (нѣсколько мягче — утвержденій) и самъ авторъ въ своемъ же докладѣ, въ концѣ. Ознакомясь со всей секретной запиской, я между прочимъ удивился одному обстоятельству. Князь Ливенъ, будучи еще въ Либавѣ, считалъ для себя возможнымъ брать отъ германцевъ деньги, вооруженіе, обмундированіе и пр. и въ то же время заигрывалъ съ англичанами, идолопоклонствуя передъ союзнической оріентаціей. На вопросъ германцевъ — кто онъ, князь выразительно указывалъ на ландесверъ, дѣтище германцевъ, съ которымъ князь сохранялъ тѣснѣйшую организаціонную связь. Выходило — онъ германофилъ. На такой же вопросъ англичанъ, князь торопливо разъяснялъ, что въ рядахъ его отряда нѣтъ ни одного германскаго солдата и офицера. А деньги отъ германцевъ бралъ, вооруженіе бралъ и бралъ вообще все. И вдругъ, по одному движенію пальца Юденича, онъ съ легкой душой оставилъ тѣхъ, которые одѣли, обули и снарядили его отрядъ и выѣхалъ на сѣверо-западъ. Отдавъ людей на вѣрное съѣденіе, онъ благоразумно выѣхалъ лѣчиться въ Парижъ. Проявленіе въ то время нѣкоторой гибкости въ политикѣ можетъ быть и имѣло бы мѣсто, но зачѣмъ же гнуться въ сторону сильнѣйшаго тѣмъ болѣе, если онъ идетъ вразрѣзъ съ русскими интересами.

Меня смутило въ секретномъ докладѣ еще одно — въ немъ заявляется, что Либавскій отрядъ шелъ подъ лозунгомъ Учредительнаго Собранія.[1] Жалѣю, что не зналъ этого раньше: князь Ливенъ былъ скрытенъ и такимъ образомъ ввелъ въ заблужденіе меня и другихъ. Знай я тогда этотъ политическій уклонъ князя, я не соприкасался бы съ нимъ въ общей работѣ въ Прибалтикѣ: наши дороги — какъ видно изъ всего — расходились.

Зная за княземъ полное отсутствіе организаторскихъ способностей, я еще въ Берлинѣ выговорилъ себѣ условіе самостоятельнаго формированія во всѣхъ отрасляхъ, кромѣ оперативной. Время и ходъ вещей показали, однако, что надобность въ какомъ бы то ни было подчиненіи князю отпадала, за безполезностью для дѣла. Тѣмъ не менѣе я, не желая создавать затрудненій, строго держался въ рамкахъ подчиненія до того момента, когда я увидѣлъ, что князь проявилъ склонность подчиниться косвеннымъ образомъ черезъ генерала Юденича — Антантѣ. Мы разошлись съ княземъ какъ въ принципахъ, такъ и въ осуществленіи ихъ, разставшись холодно, но не врагами.

Вначалѣ я высказалъ предположеніе, что авторъ доклада — князь Ливенъ. Что я не ошибся подтверждается тѣмъ обстоятельствомъ, что въ недавнее время въ нѣмецкія газеты стали поступать статьи за подписью его адъютанта. Въ нихъ перебиралась вся нашумѣвшая исторія борьбы въ Прибалтикѣ, причемъ уголъ зрѣнія взятъ такой, что имя князя, будь статьи напечатаны, выросло бы предъ

[1] Объясняю себѣ поведеніе князя тѣмъ, что, будучи храбрымъ и честнымъ офицеромъ, при томъ убѣжденнымъ монархистомъ онъ, къ сожалѣнію, не разобрался въ той сложной обстановкѣ, которая создалась въ Прибалтикѣ. Отсюда противорѣчія въ его дѣятельности. Слѣпо подчинившись генералу Юденичу, онъ принялъ и всѣ его лозунги, какъ и требованія Антанты.

читателемъ на пьедесталѣ въ совершенно обѣленномъ и ни въ чемъ неповинномъ видѣ; всѣ же существенныя и несущественныя вины сыпались градомъ на мою голову. Меня ставили въ извѣстность объ этихъ статьяхъ; кстати ни одна изъ нихъ напечатана не была, но содержаніе ихъ, стиль и «секретно-докладной» характеръ изобличали явственно автора изъ «Архива Русской Революціи». Надо полагать, что статьи писались съ вѣдома князя, ибо въ противномъ случаѣ онъ долженъ былъ бы реагировать на это самостоятельное выступленіе своего адъютанта...

Книга v. Rimscha, названа имъ: «Der russische Bürgerkrieg und die russische Emigration 1917—1921».

Задача, отразить въ небольшой рамкѣ огромныя событія, постигшія Россію, или дать хоть приблизительный очеркъ ихъ, въ высшей степени трудная, почти неисполнимая. Оговорка же г. v. Rimscha въ смыслѣ извлеченія имъ изъ русской исторіи только четырехлѣтняго періода (1917—1921) тѣмъ болѣе обязываетъ его быть осторожнымъ, вдумчивымъ и главное серьезнымъ, ибо этотъ періодъ самый существенный. Разумѣется г. v. Rimscha знаетъ и Россію и русскій народъ плохо; это заключеніе само собой создается послѣ ознакомленія съ его книгой. Онъ прежде всего мало разборчивъ въ массѣ того матеріала, который безусловно, при наличіи должной серьезности, могъ быть въ его распоряженіи. Вѣдь сама русская эмиграція писала и печатала тысячи мемуарныхъ замѣтокъ, разныхъ брошюръ, дневниковъ, статей, воспоминаній участниковъ, очевидцевъ и просто современниковъ событій. Разберись г. v. Rimscha хорошенько, а главное безъ торопливости, въ этомъ матеріалѣ, книжка его не представляла бы собой сплошную чепуху, мозаику изъ надерганныхъ отовсюду замѣтокъ часто далекихъ отъ правды и рѣдко близкихъ къ русской дѣйствительности. Повидимому въ горячій издательскій періодъ, спѣша скомпилировать хоть что нибудь о русской гражданской войнѣ и русской эмиграціи, чтобы поднести нѣмецкому обществу нѣчто новое, подогнанный гонораромъ, г. v. Rimscha выпустилъ свои «сказанія о землѣ русской». Все огорченіе для насъ русскихъ заключается въ томъ, что нѣмецкое общество, читая такую сводку о Россіи, какъ книжка г. v. Rimscha составляетъ себѣ прежде всего невѣрное впечатлѣніе о дѣйствительныхъ событіяхъ, имѣвшихъ мѣсто въ Россіи и вокругъ Россіи, а затѣмъ, прислушиваясь къ общимъ выводамъ подобныхъ легкомысленныхъ «писателей», примирительно соглашается съ ихъ освѣщеніемъ тѣхъ же событій. Часто это дѣлается потому, что въ обществѣ существуетъ довѣріе къ честности автора, тогда какъ послѣдній нерѣдко пользуясь этимъ довѣріемъ, нагромождаетъ въ безпорядкѣ сырой матеріалъ и, по велѣнію собственной фантазіи, лѣпитъ изъ него свои образы и свои событія. О публицистахъ этого сорта я уже говорилъ, разбирая статью Бережанскаго...

Г. v. Rimscha въ своей книгѣ коснулся естественно и періода борьбы на западѣ. Историческія изысканія онъ обосновалъ на писаніяхъ: герцога Лейхтенбергскаго, статьяхъ генерала Краснова, «историческомъ сочиненіи» г. Бережанскаго, и на секретномъ докладѣ г. безымяннаго автора.

Кромѣ этихъ источниковъ онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи и газету

«Голосъ Россіи» Керенскаго, о внутреннихъ политическихъ теченіяхъ которой въ примѣчаніи къ своей книгѣ, онъ самъ разсказываетъ (стр. 111).

Отчасти это объясняется тѣмъ, что газета «Голосъ Россіи» часто мѣняла свою редакцію, а слѣдовательно и свое политическое направленіе. Главный редакторъ князь Шаховской на 10-ый день долженъ былъ уйти изъ состава редакціи (18. 2. 19.) Впослѣдствіи газета все больше и больше попадала подъ вліяніе соціалъ-революціонеровъ (Станкевичъ). Еще позднѣе (съ октября 1921 г.) газета была кадетской (лѣвые кадеты, въ томъ числѣ Милюковъ, Винаверъ и Рысъ были сотрудниками), а съ февраля 1922 г. газета опять перешла въ руки лѣвыхъ эсъ-эровъ (Зензиновъ, Сухомлинъ, Черновъ), въ настоящее время она выходитъ подъ названіемъ «Дни» (эсъ-эры).

Само собой разумѣется, что ссылки на газету, въ которой ежедневно мѣняется редакторское лицо, правда неизмѣнно еврейское, а значитъ и политическій взглядъ на событія, менѣе чѣмъ позволительно. Опираться на авторитетное сужденіе «Голоса Россіи» нельзя было уже хотя бы и потому, что мое воспріятіе Государства, какъ Монархіи, имъ было не только чуждо, но и ненавистно. Не философствуя отъ себя г. v. Rimscha слѣдовало бы, если онъ хотѣлъ быть только компиляторомъ, избѣгать освѣщеній подъ своимъ угломъ зрѣнія. Судя по склонности его признать заключенія «Голоса Россіи» по моему адресу безоговорочно — г. v. Rimscha придерживается демократическихъ идей и въ этой области идетъ въ ногу съ «товарищами» изъ «Голоса Россіи»

Подтверждая свою идейную связь съ ними, онъ съ удовлетвореніемъ выписываетъ цитату изъ газеты (15 октября 1919):

«Афера Бермондта есть фарсъ, сыгранный нѣмецкими и русскими реакціонерами. Мораль этой комедіи ясна — побѣдила демократія.

Повторяю — г. v. Rimscha малоразборчивъ. Онъ проглядѣлъ страницы одной изъ русскихъ національныхъ газетъ, издававшейся въ то время въ Берлинѣ — «Призыва» (Der Ruf), гдѣ объ арміи моей часто писались информаціонныя статьи. Среди прочихъ выводовъ бытъ помѣщенъ и такой:

«...игра разнузданныхъ демократическихъ страстей въ Западной Арміи отраженій не находитъ. Лозунги и цѣли поставлены ясно, честно и прямо — за Царя, за единую недѣлимую Россію подъ трехцвѣтнымъ русскимъ флагомъ.

Въ маленькомъ городкѣ Митавѣ совершается полная внутренняго напряженія работа; великая война, совершившая огненный кругъ разрушительнаго движенія, какъ море послѣ бури притихла, но отголоски ея еще слышатся, вражда между народами еще колышется. Мы знаемъ, мы поняли неизмѣримую ошибку этой войны — ошибку и Россіи и Германіи. Какому Богу кинули мы ненужныя жертвы? И вотъ тамъ, въ Митавѣ, камень за камнемъ подымается зданіе взаимнаго прощенія и сближенія двухъ оскорбленныхъ, двухъ великихъ народовъ.

Единая Россія и единая Германія это будутъ тѣ силы, которыя устрашатъ сѣющихъ смуту и вражду, устрашатъ тѣхъ, кто сейчасъ пользуется безсиліемъ и той и другой...»

...Мнѣ было бы трудно приводить всю статью; ее конечно, г. v. Rimscha не цитируетъ — непріятно партійнымъ товарищамъ.

Вмѣстѣ съ сомнительнымъ матеріаломъ; упомянутомъ мною выше, онъ пользуется и выписками изъ книги графа фонъ-деръ-Гольцъ. Слова графа для меня, конечно, авторитетны уже хотя бы потому, что онъ былъ моимъ сотрудникомъ въ дѣлѣ сближенія нашихъ народовъ и дѣятельнымъ непосредственнымъ участникомъ событій происшедшихъ въ Прибалтикѣ. Однако фонъ

Римша касается книги графа лишь вскользь и предпочитаетъ освѣщать событія въ Прибалтикѣ по запискамъ какого-то Бережанскаго. Онъ также не приводитъ все то, что рисуетъ меня съ лучщей стороны, а потому и пропускаетъ тѣ строки, гдѣ графъ ф.-д.-Гольцъ говоритъ: «Полконникъ Бермондтъ безусловно держалъ войска въ своихъ рукахъ. Молодой красивый кавказецъ въ своей національной формѣ, съ черными усами и черными блестящими глазами производилъ глубокое впечатлѣніе на своихъ людей, которому не могли не поддаться и нѣмецкіе солдаты. Войска боготворили его». Какъ вождь нѣмецкихъ частей (до эвакуаціи) онъ ясно и отчетливо видѣлъ передъ собой все, что совершалось какъ на дипломатическомъ фронтѣ, такъ и на линіи военныхъ организацій. Энергичный, человѣкъ твердой воли и продуманныхъ мыслей, тонкій дипломатъ и искусстный полководецъ, онъ не искалъ путеводнаго политическаго маяка въ Прибалтикѣ.

Мы видѣли другъ друга какъ съ глазу на глазъ, такъ и передь солдатами — значитъ оба понимали чего хотѣли, куда шли, что совершали. Лично я считаю графа ф. д. Гольцъ однимъ изъ выдающихся германскихъ людей и первымъ другомъ Россіи. Изъ устъ графа я слышалъ заявленіе: «Теперь время не осужденія совершенной ошибки, а исправленія ея». По мѣрѣ силъ мы исправляли ее: Антанта упорно стремилась раскидать камни фундамента, на которомъ выростало сближеніе. «Союзники» забываютъ: фундаментъ этотъ невидимъ — онъ въ душахъ русскаго и германскаго народовъ; въ души же «союзники» не влѣзутъ контрольными руками. Плотно, ощутительно и ясно возникнетъ сближеніе и выльется въ несокрушимыя формы: такъ думаю и вѣрю я, такъ думаютъ и вѣрятъ мои друзья — русскіе и германцы. Тяжести же разнаго характера, испытанныя мною въ Германіи, не приведутъ меня къ ломкѣ разъ навсегда установившагося къ ней дружескаго отношенія. Для меня было бы величайшимъ удовлетвореніемъ, если бы и германцы продолжали осуществлять приципъ ихъ геніальнаго государственнаго вождя князя Бисмарка о сближеніи Россіи и Германіи.

Будущая Россія, собранная подъ твердой рукой Государя Императора, достойно оцѣнитъ расположеніе къ ней германскаго народа и какъ должно отвѣтитъ на эти чувства.

Два народа, разобщенные войной, не могутъ продолжать психологическаго состоянія войны, когда настоятельные экономическіе интересы толкаютъ ихъ другъ къ другу и такимъ образомъ уничтожаютъ то, что не органично, а — временно, т. е. вражду.

Мы переступили черту недовѣрія — отголоска Великой Войны, переступили въ то время, когда «союзники» кидались съ запада Россіи на востокъ, съ сѣвера на югъ, занимаясь разрушеніемъ основъ русскаго государства. На югѣ предавали южныя добровольческія организаци, на западѣ генерала Юденича и меня, на востокѣ они предали адмирала Колчака. Послѣдняго просто — руками своего же генерала Жанэна отдали въ руки убійцъ[1]...

И теперь, когда въ нѣдрахъ потрясенной Россіи зрѣетъ крупная переоцѣнка «союзниковъ», когда въ испытанной долгими мытарствами эмиграціи выросло

[1] См. біографическій очеркъ о адмиралѣ Колчакѣ.

опредѣленное чувство отношенія къ прошлому, когда на разстояніи времени роль «союзниковъ» обрисовалась отчетливѣе передъ всѣми — мнѣ не приходится повторять, что даже демонстративные друзья «союзниковъ», инсценируя свое расположеніе къ нимъ — не «вздымаютъ больше кверху рукъ» и не «поютъ имъ хвалебныхъ гимновъ». Исторія совершаетъ свой твердый ходъ...

По разнымъ газетамъ были напечатаны съ свое время сообщенія, что еще въ Митавѣ я имѣлъ при себѣ спеціальную организацію, цѣлью которой было подрывать возможности возникновенія и расширенія рядомъ съ моей арміей — другихъ боевыхъ формированій. Безсмыслица эта явно исходила отъ тѣхъ, кто съ боязнью присматривался къ возростанію моей арміи.

Въ моей памяти сохранился одинъ случай.

На станціи Рига суетливое движеніе служащихъ и публики. Мимо пробѣгаютъ носильщики, задѣвая своими ношами, раздаются крики и паровозные свистки. Я остановился у изгороди и сталъ наблюдать за этимъ оживленіемъ. Вскорѣ на перронѣ появилась группа офицеровъ въ формѣ артиллеристовъ. Они прошли мимо меня о чемъ то разговаривая. Одинъ изъ нихъ съ совершенно свѣтлыми глазами, невысокаго роста, повидимому, былъ старшій, такъ какъ всѣ обращались къ нему. Погонъ я издали не разглядѣлъ.

Поравнявшись со мной они взглянули въ мою сторону, мы встрѣтились глазами. Спустя минуту ко мнѣ подошелъ ихъ старшій и, раскланявшись, отрекомендовался — полковникъ Гамратъ-Курекъ. Я не назвалъ себя.

— «Скажите пожалуйста» —, проговорилъ полковникъ, — «что это за отрядъ князя Ливена? Мы зашли только что туда, насъ встрѣтилъ начальникъ штаба, назвалъ себя кап. Дыдоревымъ. Обращаюсь къ нему за разъясненіями, а онъ мнѣ заявляетъ: «Да что тамъ, берите винтовки и идите въ окопы». Я выслушалъ его до конца и, конечно, возразилъ.»

Гамратъ-Курекъ оглянулся на стоявшихъ позади офицеровъ, они подошли къ намъ и онъ продолжалъ:

«Я, господа, разсказываю про Дыдорева.»

Офицеры улыбнулись.

«Да, такъ я возразилъ этому капитану просто — мы артиллеристы, вотъ эти пятнадцать офицеровъ всѣ моего дивизіона еще съ войны, такъ мы хотѣли бы, служить въ артиллеріи, какъ спеціалисты, а не въ рядахъ пѣхоты. Конечно пойдемъ и въ окопы, но врядъ ли меня стараго артиллериста замѣнитъ съ успѣхомъ пѣхотинецъ. Не цѣлесообразнѣе ли было бы все таки дать намъ возможность служить тамъ, гдѣ мы больше полезны. Дыдоревъ сухо отвѣтилъ:

— «Нѣтъ, намъ такихъ не надо, у насъ всѣ равны и всѣ идутъ въ окопы.»

— «Въ такомъ случаѣ» — сказалъ я, — «мы попробуемъ примѣнить свои знанія въ другомъ мѣстѣ и вотъ теперь задумываемся что дѣлать?» —

Полковникъ замолчалъ, молчали и офицеры.

«А скажите, пожалуйста», обратился ко мнѣ послѣ паузы Гамратъ-Курекъ. — «вы не знаете что представляетъ собой отрядъ полковника Бермондта, говорятъ въ Митавѣ формируется такой?»

Я пожалъ плечами.

— «Нѣтъ, ничего не могу сказать вамъ, господа, отрядъ какъ всѣ отряды.»

— «Гм, — раздумчиво протянулъ полковникъ, — «ну, спасибо. Вы все таки рекомендуете поѣхать къ нему?»

Я уклончиво отвѣтилъ:

— «Затрудняюсь рекомендовать, попробуйте — попытка не пытка...»

— «Ну, всего хорошаго» — произнесъ полковникъ и, откозырявъ, вся группа офицеровъ отошла въ сторону, а я остался ждать поѣзда на Митаву.

На другой день, утромъ, сидя въ штабѣ и разбирая бумаги, я вдругъ услышалъ за дверью голосъ моего адъютанта и еще чьи то голоса. Спустя минуту адъютантъ, ротмистръ Линицкій, мнѣ доложилъ:

«Прибыла группа артиллерійскихъ офицеровъ во главѣ съ полковникомъ, хотятъ васъ видѣть.»

Я приказалъ попросить ихъ въ кабинетъ. Гамратъ-Курекъ изумленно открылъ глаза и неувѣренно выговорилъ:

— «Позвольте, г. полковникъ, да вѣдь мы съ вами, кажется, вчера познакомились и говорили?»

Я улыбнулся:

— «Да, говорили.»

— «А Вы намъ не сказали, что вы командиръ отряда...»

— «Нѣтъ, не сказалъ.»

Офицеры выжидательно смотрѣли на насъ.

Гамратъ-Курекъ вдругъ твердо выговорилъ:

— «Разрѣшите, г. полковникъ, служить у васъ, позвольте представить вамъ всѣхъ моихъ офицеровъ.»

Онъ назвалъ имя каждаго изъ нихъ.

— «Вы говорите — служить?» — сказалъ я, «а если я отправлю Васъ въ окопы, пѣхотинцами?»

— «Мы согласны — сказалъ Гамратъ-Курекъ, — но мы увѣрены, что если вамъ нужны артиллеристы — вы этого не сдѣлаете.»

— «Да, Вы правы, полковникъ. Не откажите дать о себѣ свѣдѣнія, какъ и о вашихъ офицерахъ въ канцелярію, а затѣмъ мы съ вами побесѣдуемъ основательно о службѣ, пока всего хорошаго господа.»

Офицеры вышли.

Вечеромъ они были приняты въ отрядъ и зачислены въ артиллерійскую группу, въ которой Гамратъ-Курекъ былъ назначенъ командиромъ дивизіона.

Принципъ такой непринудительной вербовки, безъ уговариванія и сладкихъ обѣщаній я проводилъ до конца. Всѣ измышленія по этому поводу считаю злонамѣренностью моихъ военныхъ и политическихъ недруговъ...

Въ моемъ архивѣ дѣловой и частной переписки лежитъ письмо изъ Варшавы отъ полковника Суворова, моего представителя въ Польшѣ. Онъ пишетъ: «.. сейчасъ ѣду въ Млаву и Иллово толкнуть эшелоны. Съ ротмистромъ Гоштовтомъ вошелъ въ контактъ. Завтра къ тебѣ идетъ 600 человѣкъ Тульской дивизіи, перешедшей на сторону поляковъ — отличные люди. Крѣпко жму руку, будь спокоенъ, что всѣ мы приложимъ наши силы чтобы помочь тебѣ. Береги себя. Твой М. Суворовъ.»

... Я уступилъ этотъ отрядъ князю Ливенъ и глубоко, невыразимо скорблю:

онъ погибъ впослѣдствіи подъ Ямбургомъ въ составѣ Сѣверо-западной арміи, какъ погибъ вообще весь его отрядъ подъ Гатчиной слѣпо отдавшись въ руки Антанты...

Круговоротъ событій завершенъ, какъ будто завершенъ — такъ раздается въ лагерѣ слабыхъ и близорукихъ. Между тѣмъ исторія шествуетъ неустанно; съ поверхности движеніе ушло въ глубины, гдѣ затихаетъ потрясеніе и рождаются новыя утвержденія, возникаетъ новый смыслъ недавно разрушеннаго и оскорбленнаго. Утверждается религія, утверждается идея просвѣтленнаго государства на основѣ правды Божіей (не Красновскаго толкованія), грядетъ Монархія въ озореніи покоя, мирнаго творчества, ясныхъ вѣрованій и благословенныхъ принциповъ трудолюбія.

«Идеи — созданія органическія» — сказалъ одинъ мыслитель — они двигаютъ міръ, если человѣческія страсти не затопляютъ ихъ возвышенныхъ, зовущихъ огней.» Идея монархіи направляемая Державной рукой Государя — идея высокая и созидательная. Она не родилась въ человѣческихъ умахъ, смущенныхъ страстями, а возникла органически на землѣ, какъ возникаютъ травы. Откуда эта тайна проростанія, откуда зерно зарожденія — тайна начала. Но цари скрѣпляли народы, цари подымали ихъ на вершины славы, цари двигали народы къ могуществу, вдохновляли народы на великія жертвы... Народы не вымираютъ — сказалъ кто то. Да, но народы слабѣютъ, оскудѣваютъ духовными и матеріальными силами, народы шатаются и уходятъ безъ единаго водительства на безплодное раздорожье и стираются въ исторіи человѣческихъ культуръ.

Нѣтъ водителя — нѣтъ созидательныхъ вдохновеній у народа; изъ безплодія умственнаго возникаетъ безплодіе физическое.

Такъ говоритъ исторія человѣческихъ культуръ. И сколько бы не тревожились г. г. соціалисты, не подтачивали бы истину подлинныхъ озареній народовъ, причинъ ихъ могущества и возвышенія — имъ это не удастся. Что отъ Бога, того не разрушить надломленнымъ умамъ, ибо тамъ, гдѣ является протестъ противъ формъ благословенныхъ Богомъ, на лицо — именно надломленные умы, помутившіеся въ сбивчивыхъ исканіяхъ. И, конечно, близятся времена и зрѣютъ зерна въ нѣдрахъ земли русской. Все, что бурно перекипѣло въ ней, все, что сбило и понесло въ кровавомъ теченіи ея культуру, богатства душевныя, богатства матеріальныя — пройдетъ, — сопровождаемое проклятіемъ просвѣтленныхъ душъ русскаго народа. Россія ждетъ Законнаго Государя, Россія не интернаціональныхъ соціалистовъ, а — Россія русская, Россія прпвославнаго, христолюбиваго народа, мощнаго своей вѣрой, которую сколько бы не поджигали соціалисты со всѣхъ концовъ, — имъ не умертвить...

Въ этой главѣ, названной «Моимъ Отвѣтомъ», я не откажу себѣ въ удовольствіи, какъ образчикъ безмыслицъ, бросаемыхъ по моему адресу разными соціалистическими органами, привести замѣтку изъ того же «Голоса Россіи» (2. 10. 1920, № 246).

«Leipziger Volkszeitung» сообщаетъ о существованіи саксонскаго отдѣла «Оргеша», къ которому принадлежатъ, главнымъ образомъ, студенты изъ корпорацій и бывшіе офицеры (Оргешъ, какъ извѣстно, является правой подпольной вооруженной организаціей). Саксонскій отдѣлъ Оргеша предполагаетъ начать отъ Бейтгейма наступленіе противъ красной арміи, находя-

щейся якобы на правомъ берегу Эльбы. Однимъ изъ главныхъ участниковъ этого похода называютъ князя Авалова-Бермондта, который по слухамъ является связующимъ звеномъ между организацiей Оргеша и крупными французскими банками, оказывающими этой организацiи значительную денежную поддержку.

По этому поводу «8 Uhr Abendblatt» помѣщаетъ опроверженiе Авалова-Бермондта: «Что касается меня, то это сообщенiе совершенно не соотвѣтствуетъ дѣйствительности. Я не поддерживаю никакой связи съ организацiей Оргеша и никогда не пытался заинтересовать французскiй капиталъ въ цѣляхъ этой организацiи. Объ Оргешѣ я знаю только по газетнымъ сообщенiямъ. Въ настоящее время я совершенно воздерживаюсь отъ политической дѣятельности и проживаю въ Германiи какъ частное лицо.

Какъ видно не нашли болѣе выгоднаго помѣщенiя французскихъ капиталовъ, какъ въ дѣло Оргеша, и болѣе удачнаго посредника для французовъ, чѣмъ я. Не завидую французамъ.

«Новое Варшавское Слово (№ 243 отъ 26. 10. 20) пошло еще дальше. Оно авторитетно сообщаетъ: «За наступленiе на Ригу Бермондтъ получилъ по радiо благодарность отъ Ленина, а графъ ф. д. Гольцъ заочно былъ награжденъ Орденомъ Краснаго Знамени.»

Дальше итти некуда.

Нельзя не вспомнить мудраго изрѣченiя К. Пруткова:

«Всякая человѣческая голова подобна желудку. Одна перевариваетъ входящую въ нее пищу, а другая отъ нея засоряется».

Имѣя за плечами опыты и наблюденiя, соцiалисты ничему не научились, ничѣмъ не обогатили своихъ головъ, а засорили ихъ ненужными и безполезными вещами.

Подходя къ концу главы, я неизбѣжно долженъ коснуться и того, что происходило въ дальнѣйшемъ на монархическомъ фронтѣ. Въ Берлинѣ образовалась монархическая группа во главѣ съ Марковымъ 2-мъ, основной задачей которой было собиранiе разсѣянныхъ монархическихъ дѣятелей подъ стягъ историческихъ вѣрованiй, усиленная пропаганда за границей все тѣхъ же монархическихъ идей съ цѣлью возстановленiя въ Россiи Монархiи.

Я, какъ единственный изъ всѣхъ командующихъ армiями провозгласившiй открыто и опредѣленно священныя слова: «За Вѣру, Царя и Отечество,» (внѣ этого Родина для меня немыслима) — естественно, вошелъ въ нѣкоторую связь съ этой группой монархистовъ, изъ которой выдѣлился потомъ «Совѣтъ». Еще въ бытность мою въ Митавѣ ко мнѣ прiѣзжалъ сенаторъ Римскiй-Корсаковъ, Марковъ 2-ой, графъ Игнатьевъ и др. монархическiе дѣятели.

Наши собесѣдованiя проходили всегда при твердомъ рѣшенiи развить интенсивнѣйшую работу. Я же, руководя монархической армiей, обѣщалъ въ этомъ смыслѣ полную поддержку.

Осенью 1920 года я былъ вызванъ къ телефону сенаторомъ Римскимъ-Корсаковымъ. Изъ разговора выяснилось, что Марковъ 2-ой хочетъ переговорить со мною по очень важному дѣлу и проситъ меня прiѣхать къ нему на совѣщанiе. Послѣ этого совѣщанiя, на которомъ присутствовали сенаторъ Римскiй-Корсаковъ и бар. Раушъ-фонъ-Траубенбергъ, я устроилъ черезъ нѣсколько дней

подобное же совѣщаніе у себя. Ко мнѣ пріѣхали сенаторъ Римскій-Корсаковъ, бар. Таубе и кн. Оболенскій.

Въ то время предполагался монархическій съѣздъ въ Рейхенгаллѣ. Особыхъ освѣщеній этого вопроса не было, но предположенія общаго характера высказывались. На послѣднемъ совѣщаніи мнѣ было сказано: «Отнынѣ мы работаемъ вмѣстѣ — вы поддержите насъ, какъ и мы васъ.»

Съ арміей моей я сохранялъ въ то время, лучшую связь, что ясно видно изъ прилагаемыхъ къ книгѣ многочисленныхъ писемъ и фотографій. Значитъ въ моихъ рукахъ были крѣпкія нити и, слѣдовательно, возможности при наличіи денегъ поднять армію и выйти съ ней снова на борьбу съ большевиками. Это хорошо учитывали будущіе руководители монархическаго съѣзда и потому разговоры со мной велись въ опредѣленныхъ рамкахъ. Я тоже учитывалъ мой удѣльный вѣсъ и былъ крайне радъ, что работа не застываетъ, что гдѣ то въ глубинѣ назрѣваютъ планы, пробивается дорога къ возможностямъ борьбы.

Срокъ съѣзда въ Рейхенгаллѣ приблизился. Я былъ увѣренъ, что присутствіе мое на этомъ съѣздѣ, судя по предварительному совѣщанію съ названными лицами, неоспоримо. Однако миновалъ съѣздъ и я даже не былъ поставленъ въ извѣстность о кардинальныхъ вопросахъ, разбиравшихся тамъ.

Письмомъ я немедленно запросилъ г. Маркова 2-го о причинахъ такого умолчанія. Я писалъ между прочимъ: «... Меня тѣмъ болѣе удивило такое невниманіе, что какъ я, такъ и тѣ генералы, которые сейчасъ остались въ лагерѣ при частяхъ, которыми они въ свое время командовали, опираемся на тысячи людей, дѣломъ и кровью доказавшихъ свою преданность Монархіи. Такимъ образомъ мы сейчасъ лишены возможности выразить не только наше, но и ихъ мнѣніе, каковое, полагаю, будетъ и впослѣдствіи не безынтересно, такъ какъ они, а не тѣ которые творили политику въ тылахъ, будутъ рѣшать вопросъ о будущемъ Россіи.»

Послѣ Рейхенгальскаго съѣзда образовался: «Высшій Монархическій Совѣтъ», его возглавилъ Марковъ 2-ой и мое письмо такимъ образомъ разсматривалось уже какъ офиціальный протестъ, а не частное заявленіе. Въ отвѣтъ на это я получилъ слѣдующее письмо, подписанное Н. Марковымъ.

Секретно

Милостивый Государь
князь Павелъ Михайловичъ

Въ отвѣтъ на Ваше письмо, въ коемъ Вы запрашиваете о причинахъ неприглашенія Васъ на Съѣздъ въ Рейхенгаллѣ, имѣю честь увѣдомить Васъ, что вызвано это было серьезными тактическими соображеніями.

Бюро по созыву съѣзда великолѣпно знало и цѣнило Ваши монархическія убѣжденія и чувства командовавшейся Вами арміи, шедшей подъ историческими лозунгами. Но созывая первый монархическій съѣздъ, на который должны были пріѣхать, а затѣмъ возвратиться обратно представители всѣхъ странъ, и на коемъ сосредоточено вниманіе и тѣхъ иностранныхъ правительствъ, кои враждебно относятся къ нашей работѣ и только ждали возможности ударить по монархическому дѣлу, — бюро вынуждено было проявить сугубую осторожность и поэтому отказаться отъ чести имѣть Васъ въ составѣ Съѣзда. Осторожность же эта была вызвана тѣмъ, что какъ разъ въ этотъ моментъ въ лагеряхъ производился отъ Вашего имени наборъ въ германскіе отряды, дѣйствующіе въ Верхней Силезіи, что широко извѣстно,

и Ваше присутствіе на Съѣздѣ безспорно было бы связано съ этимъ волнующимъ Европу вопросомъ и вызвало бы лишніе и вредные выпады противъ Съѣзда.

Все это передалъ Вамъ еще до Съѣзда баронъ М. А. Таубе.

Думаю, что послѣ данныхъ Вамъ нынѣ разъясненій Вы, какъ преданный идеѣ монархистъ, поймете, что бюро Съѣзда поступило правильно и, конечно, совершенно не руководствовалось предполагаемымъ Вами воздѣйствіемъ на него отдѣльныхъ лицъ.

Прошу Васъ принять увѣреніе въ отличномъ моемъ уваженіи и преданности

Н. Марковъ

Эта переписка своевременно была мною разослана въ нѣмецкомъ переводѣ близкимъ мнѣ германскимъ организаціямъ для информаціи. Боязнь, что обликъ Рейхенгальскаго Съѣзда пріобрѣтетъ германофильскую окраску и что « союзники» наложатъ свое «veto» на монархическія организаціи внѣ предѣловъ Германіи, проникла и въ руководящіе круги монархистовъ. Отсюда и весь тотъ уклонъ дѣятельности Совѣта, который иначе нельзя назвать какъ — расплывчатымъ: и своихъ не обидѣть («союзниковъ») и чужихъ не задѣть (Германію). Для меня же «союзники» были давно уже не «своими» и такой образъ дѣйствій Совѣта шелъ вразрѣзъ съ моими убѣжденіями.

Чтобы еще рельефнѣе подчеркнуть свое отдѣленіе отъ меня, Совѣтъ въ одномъ изъ номеровъ своего бюллетеня, выходящаго въ Берлинѣ, (Еженедѣльника) помѣстилъ замѣтку такого рода:

«За послѣднее время поступаютъ многочисленные запросы о степени участія возглавляемыхъ Высшимъ Монархическимъ Совѣтомъ организацій въ предпріятіяхъ будто бы организуемыхъ генераломъ Бермондтъ.

Мы имѣемъ возможность заявить, что руководящіе монархическіе круги ни въ Германіи, ни въ другихъ странахъ никакого отношенія къ означенному предпріятію не имѣютъ.»

Политическая линія Совѣта обрисовывалась яснѣе. Ознакомясь съ этой замѣткой Высшаго Монархическаго Совѣта, части мои, находившіяся еще нетронутыми въ лагеряхъ, неожиданно прислали мнѣ 20. 10. 21 письмо, которое я считаю обязательнымъ привести здѣсь, какъ яркую иллюстрацію настроеній, владѣвшихъ тогда моими офицерами и солдатами.

Ваше Сіятельство Глубокоуважаемый князь Павелъ Михайловичъ.

«Мы, офицеры и солдаты Западной Добровольческой Арміи, бывшей подъ Вашимъ командованіемъ, считаемъ своимъ долгомъ обратиться къ Вашему Сіятельству со слѣдующимъ письмомъ.

Избранный Вами весной 1919 г. путь политической и военной работы, направленной на созданіе будущей тѣсной дружбы между Русскимъ и Германскимъ народами и къ возстановленію Императорскаго престола встрѣтилъ много враговъ.

Злые люди, руководимые одни завистью, а другіе желаніемъ въ будущемъ набить себѣ карманы, обращая противъ Васъ свою злобу и старанія запятнать Ваше имя, тѣмъ самымъ оскорбляютъ и затрагиваютъ насъ. Мы, проработавъ съ Вашимъ Сіятельствомъ болѣе двухъ лѣтъ, достаточно хорошо узнали Васъ и непоколебимо вѣрили искренности Вашихъ намѣреній, что и заставляетъ насъ обратиться какъ къ Вашему Сіятельству съ настоящимъ письмомъ, такъ одновременно и къ Высшему Монархическому Совѣту съ цѣлью открыть ему глаза на существующее положеніе, такъ какъ или неосвѣдомленность Совѣта въ нашемъ взглядѣ на Васъ, или, что еще хуже, намѣренное нежеланіе считаться съ нашими взглядами, можетъ служить объясненіемъ той работы, которая имъ ведется противъ Вашего Сіятельства.

До выступленія съ ихъ стороны въ печати (Высшій Монархическій Совѣтъ 25. 10 «Грядущая Россія № 4 и 7), молчали и мы, но дальше молчать нельзя. Активное дѣло спасенія нашей

Денежные знаки Западной Арміи.

Карта 72

Денежные знаки Западной Арміи.

Родины фактически будетъ твориться нашей кровью, такъ пусть же не заблуждаются въ нашихъ настроеніяхъ тѣ, кому это вѣдать надлежитъ, согласно носимому ими высокому званію и не считаютъ, что мы слѣпы и глухи ко всему, что вокругъ насъ происходитъ.

Мы пойдемъ только за тѣми, кого мы знаемъ и кому на основаніи прошлаго опыта, имѣемъ данныя вѣрить.

Примите Ваше Сіятельство настоящее выраженіе нашихъ искреннихъ чувствъ любви и уваженія къ Вамъ.

20. 10. 21. г. (Слѣдуютъ многочисленныя подписи чиновъ арміи).

На имя предсѣдателя Монархическаго Совѣта письмо было слѣдующее, копія съ него мнѣ была прислана.

Господину Предсѣдателю Высшаго Монархическаго Совѣта.

Мы, офицеры и солдаты Западной Добровольческой Арміи, ознакомившись съ заявленіемъ Высшаго Монархическаго Совѣта отъ 25 сентября с. г., считаемъ своимъ долгомъ обратиться къ Вамъ съ настоящимъ письмомъ, съ цѣлью выяснить явное недоразумѣніе, послужившее причиной вышеназваннаго заявленія.

Работая активно на возсозданіе Россійской Имперіи съ весны 1919 г. подъ водительствомъ нашего командующаго арміей генералъ-маіора князя Павла Михайловича Авалова, мы любимъ, уважаемъ и вѣримъ ему, такъ какъ съ его стороны мы видѣли знаніе дѣла, полное безкорыстіе и заботу о насъ въ минуты тяжелыхъ переживаній.

Горькое чувство вызвало въ насъ заявленіе Ваше о неимѣніи ничего общаго съ нимъ и его начинаніями. Если Вы отталкиваете уже организованную группу монархической бывшей Западной Добровольческой Арміи возглавляемую княземъ Павломъ Михайловичемъ Аваловымъ, то нашъ долгъ открыто заявить Вамъ, что мы неразрывно связаны съ нимъ какъ искренними лучшими чувствами нашими, такъ и нашимъ боевымъ прошлымъ, а потому во всякую минуту мы будемъ прислушиваться къ его голосу и всемѣрно поддержимъ его. Отказываясь отъ него, Вы отказываетесь отъ насъ. Время ли?

Помните, что въ единеніи сила. Мы едины одной идеей, насъ сковываетъ боевая работа и перенесенныя испытанія.

Поймите же насъ и, не поддаваясь навѣтамъ недостойныхъ людей, въ личныхъ цѣляхъ сѣющихъ раздоръ въ монархическихъ рядахъ, открыто протяните руку нашему горячо любимому вождю черезъ головы недостойныхъ интригановъ.

Настанетъ день, когда наша работа будетъ нужна — и всѣмъ намъ, проникнутымъ одной великой идеей, нужно быть готовыми выступить тѣсными и дружными рядами.

(Слѣдуютъ многочисленныя подписи чиновъ арміи).

Это идейное выступленіе моихъ офицеровъ и солдатъ было слишкомъ показательнымъ для того, чтобы они могли примириться съ дѣятельностью Совѣта, въ которой я уже, естественно, участія принимать не могъ.

И вскорѣ изъ Кведлинбурга, гдѣ находились мои части, ко мнѣ поступило заявленіе совершенно опредѣленнаго порядка.

Ваше Сіятельство, глубокоуважаемый князь Павелъ Михайловичъ.

Считаю долгомъ извѣстить Васъ, что у насъ здѣсь образовался «Русскій Монархическій Союзъ». Во главѣ этого учрежденія стоитъ «Совѣтъ», предсѣдателемъ котораго состою я, и членами: полк. Шемякинъ, ген.-маіоръ Альтфатеръ, полк. Николинъ, подполк. Голоушинъ и Дѣйств. Статскій Совѣтникъ Андреевъ. Записано въ союзъ до 150 членовъ.

Нынѣ «Совѣтъ» проситъ Васъ принять на себя званіе «Почетнаго Предсѣдателя этого Союза» и дать свое соизволеніе на переименованіе нашего «М. С. въ лаг. Кв.» — на «Монархическій Союзъ Западной Арміи» безъ словъ «добровольческой», такъ какъ Вы и вообще всегда считали это слово излишнимъ. При этомъ нашъ Кведлинбургскій отдѣлъ позвольте считать главнымъ,

а всѣ другіе, если они образуются въ другихъ лагеряхъ, считать отдѣлами, зависящими отчетами и связью отъ нашего Кведлинбургскаго.

Пожелавъ Вамъ всего наилучшаго и удачи въ дѣлахъ — прошу, Ваше Сіятельство, принять увѣренія въ глубочайшемъ уваженіи, преданности и любви.

18. сент. 1921 г., Кведлинбургъ А. Архиповъ

На эту просьбу я, разумѣется, отвѣтилъ моимъ согласіемъ. Привожу выдержку изъ моего письма.

Ваше Высокопревосходительство Глубокоуважаемый и дорогой Александръ Александровичъ

Прошу Васъ передать мою сердечную благодарность Совѣту Русскаго Монархическаго Союза за оказанную мнѣ высокую честь избранія меня почетнымъ предсѣдателемъ Союза Вѣрю, что Русскій Двуглавый Орелъ, подъ сѣнью котораго я велъ и веду свою работу, снова будетъ взирать своими гордыми очами съ высоты Императорскаго Трона на весь міръ, вѣрю, что не трудами дипломатовъ и политическихъ дѣятелей возсядетъ Государь Императоръ на Всероссійскій Престолъ, а лишь преданностью и вѣрной, честной работой лучшихъ сыновей своихъ, патріотовъ офицеровъ и солдатъ.

Привѣтствуя образованіе нашего Монархическаго Союза, полагаю необходимымъ принимать членами таковаго и солдатъ, на равныхъ съ г. г. офицерами основаніяхъ, ибо одинаково крѣпкимъ камнемъ въ Престолѣ Государства Россійскаго является и офицеръ и солдатъ. Относительно именованія Союза придерживаюсь мнѣнія, что лучше было бы именовать его «Русскимъ Военнымъ Монархическимъ Союзомъ», ибо добавленіе «Западной Арміи» съузило бы поле дѣятельности Союза, что явилось бы нежелательнымъ затрудненіемъ при расширеніи дѣятельности его на Болгарію, Сербію, Венгрію и др. страны. Кведлинбургскій отдѣлъ Союза несомнѣнно является главнымъ, какъ зародившій въ себѣ здоровую, красивую идею и несмотря на затрудненія осуществившій ее. Поэтому считаю вполнѣ правильнымъ, присоединеніе другихъ отдѣловъ на началахъ, кои будутъ признаны пріемлемыми президіумомъ Совѣта. Я съ своей стороны приму всѣ мѣры для того, чтобы оказать Союзу полную поддержку, дабы Союзъ ни въ чемъ не нуждался и ни отъ кого не зависилъ бы.

Я прошу Васъ, Ваше Превосходительство, дорогой Александръ Александровичъ, передать всѣмъ членамъ нашего Союза о томъ, что поддержка ихъ мнѣ сейчасъ нужна болѣе, чѣмъ когда либо до сихъ поръ. Чѣмъ крѣпче сплотятся въ сильную группу тѣ, кто вѣритъ въ меня и возлагаютъ на меня надежды, тѣмъ скорѣе мнѣ удастся выйти и вывести всѣхъ васъ на прямой честный путь къ счастію Родины — Престолу Государя Императора.

Всѣмъ сердцемъ и душой съ Вами, искренно любящей Васъ

10. Октября 1921 г. князь Павелъ Аваловъ.

Выходившая въ то время въ Берлинѣ газета «Грядущая Россія», уже отмѣченная мною въ этой главѣ, касаясь темы о бѣлой борьбѣ, сочла почему то нужнымъ въ унисcонъ заявленію «Высшаго Монархическаго Совѣта» помѣстить на своихъ страницахъ совершенно оскорбительную статью обо мнѣ, гдѣ не постѣснялась перейти границы всякой корректности. Два письма — опроверженія, посланныя въ редакцію газеты за подписью чиновъ арміи напечатаны не были (приложеніе № 61), а наоборотъ въ передовой статьѣ я былъ названъ авантюристомъ. Никакихъ обоснованій, никакихъ поясненій, а просто — авантюристомъ. Здоровый смыслъ подсказывалъ казалось бы, что такіе оскорбляющіе выпады должны были быть чѣмъ нибудь подтвержденными.

Я послалъ редактору Ефимовскому вызовъ на дуэль. Одновременно съ этимъ (мнѣ послѣ стало извѣстно) «Высшій Монархическій Совѣтъ» посѣтила делегація германскихъ офицеровъ, служившихъ у меня въ Арміи. Г. Марковъ

Ваше Сіятельство!

Глубокоуважаемый Князь

Павелъ Михаиловичъ

Мы солдаты Западной Добровольческой Арміи, которой Вы имѣли честь быть ея Командующимъ. Оцѣнивая Ваши заслуги оказанныя передъ Родиной и Арміей въ 1919 году въ Прибалтійскомъ краѣ и тѣ заботы, которыя Вы въ данное время прилагаете для нашего существованія при неимовѣрно трудныхъ политическихъ и экономическихъ условіяхъ. Собравшись сего числа постановили просить Ваше Сіятельство принять отъ насъ въ день Праздника Святого Великомученика Георгія Побѣдоносца 26 ноября 1921 года. Георгіевскій крестъ 2 степени. Мы увѣрены что Св. Великомученикъ Георгій Побѣдоносецъ, какъ военный геній укрѣпитъ Ваши силы предастъ Вамъ духа и бодрости для дальнейшей Вашей работы. Мы твердо надѣемся что Государь Императоръ соблаговолитъ утвердить за Вами эту награду.

При семъ прилагаемъ удостовѣреніе скрѣпленное нашими подписями.

26 Ноября 1921 года
лагерь „Вюнсдорфъ".

Удостовѣреніе.

Мы младшіе чины вѣрноподданные **Его Императорскаго Величества** солдаты Западной Добровольческой Арміи высоко цѣня безграничную любовь къ родинѣ и боевыя заслуги, какъ Командующаго Арміей единственно ведшаго свою Армію подъ Монархическимъ Лозунгомъ любимаго нами Его Сіятельства Генералъ-Маіора Павла Михаиловича Князя Авалова постановили: поднести Ему въ день праздника Св. Великомученика Георгія Побѣдоносца 26 Ноября 1921 года Георгіевскій крестъ 2 степени,

Мы увѣрены, что **Государю Императору** благоугодно будетъ утвердить выше названную награду.

26 Ноября 1921 года

лагерь „Вюнсдорфъ".

въ объясненіи съ ними заявилъ, что это «недоразумѣніе, о которомъ онъ глубоко сожалѣетъ». Редакторъ отъ дуэли уклонился, но въ слѣдующемъ номерѣ была напечатана статья, въ которой передо мной газета принесла извиненіе.

Такія шатанія на монархическомъ фронтѣ производили грустное впечатлѣніе. Эти шатанія сохранились и до сихъ поръ, вотъ почему и вся дѣятельность «Высшаго Монархическаго Совѣта» въ настоящее время имѣетъ характеръ недостойной мятежной организаціи.

Въ «Еженедѣльникѣ» помѣщаются болѣе чѣмъ некорректные выпады по адресу Государя Императора Кирилла Владиміровича и Его Августѣйшей Супруги, въ то время какъ статьи пропагандистскаго характера въ пользу Великаго Князя Николая Николаевича исполнены хвалебныхъ поклоненій. Отхожденіе «Совѣта» въ сторону отъ зк оннаго пути монархизма, признающаго единственнаго Государя Императора Кирилла Владиміровича, конечно, существеннаго значенія имѣть для исторіи не будетъ, но показательно: оно обнажаетъ тотъ расколъ, который, при неустойчивости руководителей изъ «Совѣта», обнаружился въ монархическихъ треніяхъ заграницей и который теперь медленно, но вѣрно сглаживается многочисленными заявленіями, поступающими на имя Государя.

«Совѣтъ» окажется пустыннымъ островкомъ въ общемъ движеніи монархическихъ силъ и за ненужностью рано или поздно отпадетъ. Какъ извѣстно «Высшій Монархическій Совѣтъ» Его Императорскимъ Величествомъ объявленъ — мятежнымъ.

ГЛАВА XXIV.

БІОГРАФІИ.

I.

Адмиралъ А. В. Колчакъ.

А. В. Колчака, какъ я уже писалъ выше, я встрѣтилъ въ Петербургѣ въ первые дни февральской революціи. До сихъ поръ моимъ глазамъ представляется его обликъ — выточенное, энергичное лицо, полные твердаго блеска глаза и сжатые губы, выражающіе неуклонность его воли. Манера говорить тихо, но увѣренно и дѣловито, необыкновенная способность въ рѣчи скупой словами, но щедрой образами и мыслями, все это казалось принадлежитъ только ему одному. Въ его присутствіи ощущалось, что человѣкъ этотъ отъ природы предназначенъ на роль возглавителя и двигателя мощныхъ боевыхъ соединеній. Такое впечатлѣніе адмиралъ производилъ не только на одного меня, но и на каждаго, кто соприкасался съ нимъ. Ниже я привожу отрывокъ изъ книги капитана 2-го ранга Г. К. Графа[1], который былъ въ непосредственной близости съ адмираломъ еще до войны. Г. Графъ пишетъ:

Небольшого роста, худощавый, стройный, съ движеніями гибкими и точными. Лицо съ острымъ, четкимъ, тонко вырѣзаннымъ профилемъ; гордый, съ горбинкой, носъ; твердый оралъ бритаго подбородка; тонкія губы; глаза, то вспыхивающіе, то потухающіе подъ тяжелыми вѣками. Весь его обликъ — олицетвореніе силы, ума, энергіи, благородства и рѣшимости.

Ничего фальшиваго, придуманнаго, неискренняго, все естественно и просто. Въ немъ есть что-то, приковывающее взоры и сердца; онъ съ перваго же взгляда располагаетъ къ себѣ и внушаетъ обаяніе и вѣру.

Вотъ портретъ адмирала: очевидно сама судьба предопредѣлила ему всегда руководить другими людьми.

Если мы окинемъ взоромъ его предыдущую карьеру, съ первыхъ дней службы, то она носитъ тотъ же отпечатокъ, что и его наружность: онъ — головой выше окружающихъ его людей; онъ идетъ впереди, внѣ установленныхъ рамокъ и порядка.

Тотъ же авторъ даетъ и біографическую справку объ адмиралѣ. Привожу ее.

«Въ 1894 г. А. В. Колчакъ кончаетъ Морской Корпусъ, вторымъ въ выпускѣ. Съ 1895 г. онъ четыре года подрядъ не сходитъ съ палубы корабля и плаваетъ на крейсерахъ «Рюрикъ» и «Крейсеръ» на Дальнемъ Востокѣ.

Черезъ два мѣсяца послѣ возвращенія въ Кронштадтъ, на броненосцѣ «Петропавловскъ», онъ опять уходитъ на Дальній Востокъ. Но на пути, въ Средиземномъ морѣ, получаетъ приглашеніе отъ Императорской Академіи Наукъ принять участіе въ экспедиціи въ Ледовитый

[1] Капитанъ 2-го ранга Г. К. Графъ былъ старшимъ офицеромъ на эскадренномъ миноносцѣ «Новикъ», входившимъ въ составъ Миннаго Дивизіона Балтійскаго Флота. Командиромъ Минной Дивизіи былъ адмиралъ Колчакъ.

Въ настояшее врмея Г. К. Графъ является начальникомъ канцеляріи Государя Императора Кирилла Владиміровича.

Океанъ, подъ начальствомъ барона Толя. Онъ уже тогда выдѣлился своимъ интересомъ къ полярнымъ экспедиціямъ и незаурядньшъ работамъ по океанографіи.

А. В. Колчакъ принялъ предложеніе и, послѣ нѣсколькихъ мѣсяцевъ подготовки, лѣтомъ, 1900 г., ушелъ въ составѣ экспедиціи на суднѣ «Заря» въ Карское море и къ берегамъ Таймыра.

Перезимовавъ тамъ, въ іюлѣ 1901 г. «Заря» пошла дальше на востокъ, обогнула мысъ Челюскинъ и, выйдя въ Сибирское море, направилась къ Ново-Сибирскимъ островамъ, гдѣ встала на вторую зимовку.

Весной 1902 г. баронъ Толь предпринялъ санную экспедицію на о. Беннетъ. Благодаря неблагопріятнымъ вѣтрамъ и состоянію льда, экспедиція не удалась, и о партіи не было никакихъ свѣдѣній.

Тогда Академія Наукъ рѣшила организовать помощь партіи и поручила А. В. Колчаку разработать ея планъ. Весной онъ съ шестью матросами и восемью тунгусами и якутами, былъ уже въ пути. Сперва на саняхъ, а потомъ на китобойномъ вельботѣ, онъ упорно продвигается впередъ.

Испытавъ страшныя трудности и лишенія, А. В. Колчакъ 6-го авг. 1903 г. высадился на Беннетѣ, но партіи барона Толь тамъ не нашелъ. Послѣ подробнаго изслѣдованія этого острова и 43-дневнаго плаванія на открытой шлюпкѣ среди льдовъ, онъ вернулся обратно.

За выполненіе столь трудной экспедиціи, Императорское Географическое Общество поднесло ему большую Константиновскую медаль, которую до этого момента имѣли всего три путешественника .

Не успѣвъ вернуться даже въ Петербургъ, онъ узнаетъ о вспыхнувшей Японской войнѣ и отправляется на эскадру адмирала Макарова въ Портъ-Артуръ.

Тамъ онъ сначала плаваетъ на крейсерѣ «Аскольдъ», а потомъ получаетъ въ командованіе миноносецъ «Сердитый», съ которымъ совершаетъ цѣлый рядъ подвиговъ. Затѣмъ, когда главная защита Портъ-Артура окончательно перешла на сушу, онъ былъ назначенъ командиромъ 75 мм. батареи на сѣверо-восточномъ фронтѣ и прокомандовалъ ею до самой сдачи крѣпости.

Далѣе А. В. Колчакъ посвящаетъ всю энергію на возсозданіе флота и работаетъ въ имъ же созданномъ Морскомъ Генеральномъ Штабѣ. Въ немъ онъ становится Начальникомъ оперативной части по Балтійскому театру и разрабатываетъ планъ войны съ Германіей.

Въ 1908, 1909 г. г. онъ опять принимаетъ участіе въ полярной экспедиціи, въ качествѣ командира ледокола «Вайгачъ». Но скоро его вызываютъ обратно въ Петербургъ: идетъ возрожденіе флота и онъ необходимъ. До 1912 г. А. В. Колчакъ продолжаетъ работать въ Генеральномъ Штабѣ, а затѣмъ онъ — снова на палубѣ корабля.

Въ этомъ году онъ назначается командиромъ миноносца «Уссуріецъ», а въ 1913 г. — командиромъ миноносца «Пограничникъ» и, одновременно, исполняетъ обязанности флагъ-капитана по оперативной части Штаба Флота.

Началась Великая Война, и А. В. Колчакъ, оставаясь все время по оперативной части въ Штабѣ Флота, принимаетъ участіе въ цѣломъ рядѣ, имъ же самимъ разработанныхъ, экспедицій для постановки минныхъ загражденій у непріятельскихъ береговъ.

Осенью 1915 г. онъ принимаетъ командованіе надъ нашей минной дивизіей и сразу ее оживляетъ. При ея помощи значительно усиливаетъ защиту столь важнаго Рижскаго Залива и, кромѣ того, неоднократно своими кораблями поддерживаетъ армію генерала Радко-Дмитріева, что позволяетъ ей укрѣпиться впереди Риги и не сдать противнику этотъ важный пунктъ.

За это ему былъ пожалованъ Орденъ Св. Георгія 4 ст.

И вотъ теперь, въ нарушеніе всѣхъ условностей, имѣя всего 41 годъ, онъ произведенъ въ Вице-Адмиралы, пробывъ Контръ-Адмираломъ всего 2 мѣсяца, и назначенъ Командующимъ Черноморскимъ Флотомъ.

Касаясь событій предшествовавшихъ трагическому концу адмирала Г. К. Графъ даетъ слѣдующую картину:

15-ое января 1920 г. На Иркутскомъ вокзалѣ сильное возбужденіе. Взадъ и впередъ снуютъ вооруженные рабочіе, съ лицами, искаженными ненавистью и дикой злобой. Всюду идетъ

смутный говоръ, похожій на морской рокотъ. Слышатся проклятія, площадная брань, угрозы «расправиться, какъ слѣдуетъ».

Призракъ уже близкаго преступленія виталъ въ воздухѣ, черными крылами своими касаясь обреченной жертвы смуты.

Отступала армія Колчака, подъ напоромъ большевистскихъ силъ. По желѣзнымъ дорогамъ медленно тянулись поѣзда съ бѣженцами, снаряженіемъ, припасами и т. д.

Поѣздъ адмирала Колчака только что прибылъ на станцію. На его окнахъ наклеены флаги пяти союзныхъ державъ: американскій, англійскій, французскій, японскій и чешскій; это должно было значить, что онъ находится подъ ихъ защитой. Но флаги не помогли, а завѣренія союзныхъ представителей, сдѣланныя адмиралу, что все спокойно, что ему ничего не угрожаетъ, оказались грубымъ обманомъ.

О самой же смерти онъ пишетъ:

Когда поѣздъ былъ окруженъ вооруженными рабочими, въ вагонъ адмирала вдругъ вошелъ чешскій офицеръ и заявилъ, что по приказанію генерала Жанэна, чешская охрана снимается. Адмиралъ Колчакъ принялъ это заявленіе совершенно спокойно и только сказалъ «Это значитъ, что союзники меня предали...»

Въ тотъ же день Адмиралъ Колчакъ и всѣ лица, его сопровождавшія, были отведены въ Иркутскую тюрьму. Японскій военный представитель, полковникъ Фукуда, послалъ къ чешскому генералу Сыровому находившемуся также на станціи Иркутскъ, офицера, съ предложеніемъ передать охрану адмирала Колчака японскому батальону. Генералъ Сыровой отвѣтилъ, что Адмиралъ, согласно приказанію Жанэна, уже выданъ повстанцамъ. Тогда полковникъ Фукуда послалъ офицера къ правительству эсъ-эровъ, прося выпустить Адмирала изъ тюрьмы и передать японскимъ войскамъ. Эсъ-эры наотрѣзъ отказались. 24-го января власть въ городѣ была захвачена большевиками и, такимъ образомъ, адмиралъ Колчакъ очутился въ ихъ рукахъ. 7-го февраля въ 5 часовъ утра, Адмиралъ принялъ тяжелую, мучительную кончину.

Этого момента забыть нельзя, какъ нельзя забыть и предательства, благодаря которому погибъ Колчакъ. Что же это въ концѣ концовъ — иронія судьбы, или урокъ исторіи? Адмиралъ Колчакъ, работавшій въ Сибири совмѣстно съ генераломъ Жанэнъ, котораго французское правительство прислало якобы ему въ помощь, былъ выданъ революціонной черни по приказанію этого же самаго Жанэна.

Кстати будетъ замѣтить, что адмиралъ Колчакъ былъ убѣжденнымъ сторонникомъ дальнѣйшаго выполненія всѣхъ обязательствъ, принятыхъ на себя Императорскимъ Правительствомъ по отношенію къ Державамъ Согласія. Адмиралъ продолжалъ еще вѣрить въ искренность симпатій союзниковъ къ Россіи и въ ихъ желаніе возстановить ее въ прежнемъ могуществѣ. Онъ не зналъ, что катастрофальныя русскія бѣды вызваны именно ими, не зналъ, что ими же уничтоженъ и столь близкій ему Черноморскій Флотъ, какъ не зналъ и того, что погибнетъ по ихъ же винѣ...

Сухой, отрывистый звукъ револьвернаго выстрѣла, штыкъ, съ сатанинскимъ злорадствомъ поворачиваемый въ груди Адмирала, предсмертный, еле слышный, вздохъ...

Гдѣ теперь генералъ Жанэнъ? Встаетъ ли передъ нимъ, хоть временами, окровавленная тѣнь преданнаго имъ Колчака? Не слышатся ли ему, хоть въ тайникахъ его совѣсти, жуткіе слова покойнаго Адмирала: «Это значитъ, что союзники меня предали»...

Вѣсть о гибели Адмирала мгновенно разлетѣлась во всѣ концы міра. Никто не улавливалъ сущности происшедшаго. Какъ, Адмирала отдали на растерзаніе революціонерамъ? Почему это могло случиться? Писалось необыкновенно много и на всякіе лады: лѣвые уходя въ тѣнь и умывая руки (кромѣ торжествующихъ большевиковъ), правые, среди которыхъ было много и не совсѣмъ согласныхъ съ его основной линіей политики, всѣ одинаково — съ грустью.

Вотъ сообщеніе «Таймсъ».

Виновникомъ взятія въ плѣнъ адмиралаКолчака является французскій генералъ. Адмиралъ былъ выданъ чехо-словацкими войсками соціалъ-революціонерамъ въ гор. Иркутскѣ, и именно съ согласія на это начальника французской Военной Миссіи генерала Жанэна. За это французскій генералъ подвергся жестокимъ нападкамъ со стороны буржуазныхъ круговъ Сибири. Кромѣ того онъ получилъ большое количество вызововъ на дуэль, среди которыхъ таюже и вызовъ одного русскаго генерала. Офицеры выданнаго адмирала поклялись убить Жанэна. Чехи объясняютъ свой образъ дѣйствій по отношенію Колчака актомъ самозащиты, такъ какъ если бы они Колчака не выдали, то тогда имъ угрожала опасность быть самимъ уничтоженными соціалъ революціонерами.»

На чешскихъ войскахъ и ихъ начальникахъ я не буду долго останавливаться, — что можно ожидать отъ нихъ? Вѣдь всѣ они были въ сущности тѣ дезертиры, которые въ войну тысячами сдавались намъ въ плѣнъ съ трусливо поднятыми руками. Предатели своихъ частей на фронтѣ, они не могли не быть такими же предателями въ обстановкѣ гражданской войны, по отношенію къ намъ — чужимъ для нихъ, хотя много разъ чехи увѣряли русскихъ военноначальниковъ, сдаваясь пачками въ плѣнъ, въ симпатіяхъ своихъ къ «братьямъ-русскимъ».

Главнымъ предателемъ однако является генералъ Жанэнъ. Это, какъ мы видѣли, утверждаетъ и «Таймсъ». Конечно — никто другой, вѣдь генералъ Жанэнъ былъ старшимъ среди союзныхъ представителей, въ рукахъ котораго сосредотачивалась вся военная власть.

Я ни на одну минуту не допускаю мысли, чтобы французское правительство такъ низко пало и отдало распоряженіе своему представителю предать благороднаго русскаго адмирала, не допускаю потому, что адмиралъ Колчакъ до послѣдняго момента былъ вѣренъ союзникамъ, признавшимъ его Верховнымъ Правителемъ Россіи, и кромѣ того являлся твердымъ сторонникомъ союза съ ними. Значитъ — что же?... Значитъ генералъ Жаненъ предалъ отъ себя. Совершенно невозможно психологически объяснить и понять это преступленіе — нѣтъ причинъ, нѣтъ основаній и не было ихъ для подобнаго злодѣянія. Остается объяснить поступокъ генерала Жанэна или безумной трусостью или продажностью. Первая отпадаетъ — въ распоряженіи Жанэна было достаточное количество союзныхъ штыковъ, за которыми онъ могъ укрыть свое драгоцѣнное существованіе. Слѣдовательно на лицо — вторая причина: подкупъ. Этотъ таинственный фактъ подтверждается еще тѣмъ, что генералъ Жанэнъ выступилъ совершенно самостоятельно, безъ вѣдома другихъ союзныхъ представителей. Г. К. Графъ, выписки изъ книги котораго я привелъ, задаетъ вопросъ — гдѣ теперь генералъ Жанэнъ? Я думаю во Франціи; и если онъ тамъ, то неужели служитъ въ той арміи, которую нѣкогда возглавлялъ Наполеонъ? Значитъ — допустимы предатели въ ряды этой арміи? Повидимому — да, такъ какъ до сихъ поръ мы не слышали протестовъ французкаго офицерскаго корпуса. Не дѣлаю общихъ заключеній, но въ слѣдующей біографіи графа Келлеръ укажу на одинъ знаменательный фактъ, когда мои теперешніе друзья и союзники нѣмцы, а тогда еще наши враги, въ обстановкѣ дѣйствительно тяжелой для нихъ — выказали глубокое благородство къ русскому генералу.

Такъ или иначе приходится считаться съ гибелью одного изъ выдающихся русскихъ людей, честно служившихъ Родинѣ. Позорное имя французскаго генерала, продавшаго безумнымъ революціонерамъ вдохновителя и вождя рус-

каго антибольшевистскаго движенія,навсегда занесется на страницы исторіи, описывающей смутное безвременье Государства Россійскаго. Имя Жанэна будетъ символомъ той великой помощи, которую союзники оказали русскимъ людямъ въ разныхъ концахъ обезумѣвшей страны, залитой кровью и пожарами. Знаменательно то, что у предателей почти никогда не бываетъ раскаянія. Генералъ Женэнъ на всѣ утвержденія печати о виновности его, нигдѣ не выступилъ съ полнымъ признаніемъ, корпусъ же французскихъ офицеровъ закрылъ глаза и заткнулъ уши на дѣяніе Жанэна. Перефразирую русскую поговорку: «нѣтъ добра безъ худа» (ужасное, кровавое худо), но мы русскіе офицеры будемъ знать и помнить: и кто такіе французскіе генералы и — офицеры.......

Проданный (т.е. преданный) адмиралъ умеръ съ изумительнымъ спокойствіемъ. О послѣднихъ минутахъ его разсказываютъ, что произнеся фразу: «Это значитъ, союзники меня предали» — онъ хранилъ до конца глубокое молчаніе. Понялъ и замолчалъ: другія мѣры были внѣ его силъ. Глухимъ, уничтожающимъ укоромъ встанетъ это молчаніе передъ французскимъ народомъ, когда онъ будетъ перечитывать исторію русской революціи.

2.

Генералъ отъ кавалеріи графъ Ѳеодоръ Артуровичъ Келлеръ.

1-го апрѣля 1919 г., еще въ Зальцведелѣ, я приказалъ формировавшемуся тамъ моему отряду впредь именоваться: «Партизанскимъ отрядомъ имени генерала отъ кавалеріи графа Келлеръ». Впослѣдствіи этотъ отрядъ развернулся и былъ переименованъ уже въ Митавѣ въ «Корпусъ графа Келлеръ».

Отдавая этотъ приказъ я дѣйствовалъ согласно выработанной мною программы и руководствовался вполнѣ опредѣленными соображеніями.

Доблестный генералъ графъ Келлеръ былъ настоящимъ командующимъ «Сѣверной арміи», начавшей здѣсь, въ Прибалтійскомъ Краѣ, вмѣстѣ съ родственной ей «Южной арміей», бывшей въ Малороссіи, осуществлять тѣ планы, продолжателемъ которыхъ былъ потомъ я и мой отрядъ. Послѣдній приказъ графа Келлеръ штабу отступившей изъ подъ Пскова, «Сѣверной Арміи» гласилъ: «Считаю наиболѣе подходящимъ мѣстомъ для дальнѣйшаго формированія арміи раіонъ Митава—Либава, куда и приказываю сосредоточиться».

Этотъ приказъ генерала графа Келлеръ былъ полученъ штабомъ «Сѣверной Арміи» въ то время, когда вр. командующій ею полковникъ фонъ-Нефъ уже принялъ рѣшеніе отступать на Ревель и базироваться на Эстляндію. Генералъ графъ Келлеръ погибъ геройской смертью отъ преступныхъ рукъ петлюровскихъ бандъ въ Кіевѣ, а «Сѣверная армія», какъ таковая изчезла и, превратившись въ «Сѣверо-западную», совершенно измѣнила свое первоначальное лицо. Съ внѣшней стороны она, будучи въ прошломъ дѣтищемъ германскаго военнаго командованія, перешла затѣмъ въ лагерь нашихъ бывшихъ союзниковъ; что же касается своего внутренняго облика, то подъ руководствомъ такихъ генераловъ, какъ Юденичъ[1], Родзянко, Красновъ, и др. она потеряла свои монархическіе принципы и встала на путь керенщины и «завоеваній революціи».

[1] Генералъ Юденичъ подчинился приказанію англійскаго генерала Гофа и занялъ постъ военнаго министра въ составѣ соціалистическаго сѣверо-западнаго правительства,сформиро-

Однако не погибла сама идея, носителемъ ея сдѣлался мой отрядъ, который выступивши на Курляндскій фронтъ, т. е. въ тотъ раіонъ, гдѣ собственно согласно приказанію генерала графа Келлеръ, должна была бы дѣйствовать «Сѣверная армія», тѣмъ самымъ выполнилъ его предсмертное желаніе. Кромѣ этихъ особыхъ основаній, давая своему отряду это наименованіе, я въ политическомъ отношеніи хотѣлъ еще оттѣнить его чистую, далекую отъ колебаній монархическую окраску, ибо тамъ, гдѣ фигурировало имя оставшагося неизмѣнно вѣрнымъ Государю Императору генерала графа Келлеръ, не могло быть сомнѣній въ монархизмѣ и при томъ такого, которому чужды даже временныя измѣны.

Въ военномъ же отношеніи иниціалы храбраго генерала графа Келлеръ, стяжавшаго себѣ заслуженную славу кавалерійскаго вождя должны были поднять духъ вступавшихъ въ отрядъ его имени офицеровъ и солдатъ.

Происходя изъ старинной дворянской семьи, генералъ гр. Θеодоръ Артуровичъ Келлеръ былъ воспитанъ въ духѣ традицій своего славнаго рода-которымъ, по справедливости, можно было гордиться. Среди его предковъ съ отцовской стороны были два фельдмаршала — графъ Минніхъ и князь Виттгенштейнъ, а также извѣстный своей безпредѣльной отвагой графъ Браунъ, съ материнской — храбрый генералъ Кульневъ. Образы этихъ выдающихся полководцевъ нашего славнаго прошлаго витали въ воображеніи маленькаго графа и, падая на благотворную почву его природныхъ качествъ, создали изъ него того воина-рыцаря, которымъ всегда, до послѣдней минуты своей трагической смерти, оставался генералъ графъ Келлеръ.

Отецъ генерала гр. Келлеръ былъ также кавалерійскимъ офицеромъ, но въ строю оставался недолго и перешелъ на службу по вѣдомству государственнаго коннозаводства, которую соединялъ съ занятіями по управленію своими собственными имѣніями въ калужской и смоленской губерніяхъ.

Дѣтство графа прошло почти безвыѣздно въ этихъ родовыхъ имѣніяхъ. Когда же наступило время поступать въ училище — отецъ отвезъ его въ Ригу къ бабушкѣ и помѣстилъ графа въ пансіонъ нѣкоего Баренгаупта. Черезъ 2 года онъ былъ переведенъ въ Москву къ его дядѣ гр. Виктору Θеодоровичу Келлеръ, женатому на графинѣ Бобринской и тамъ онъ продолжалъ свое образованіе. Оттуда онъ переѣхалъ въ Петербургъ, гдѣ послѣ непродолжительной спеціальной подговки поступилъ въ Николаевское Кавалерійское училище.

Въ это время началась русско-турецкая война и 18-ти лѣтній графъ, безъ вѣдома родителей, бѣжитъ изъ Николаевскаго Кавалерійскаго училища и поступаетъ вольноопредѣляющимся въ отбывающій на театръ военныхъ дѣйствій 16-ый Драгунскій Тверской полкъ.

ваннаго англичанами въ 45 минутъ. Послѣ этого сей военный министръ началъ копировать пресловутаго Керенскаго (тоже «военнаго министра») и свои телеграммы адресовалъ: всѣмъ всѣмъ, всѣмъ... Однако, впослѣдствій, при общемъ бѣгствѣ сѣверо-западныхъ генераловъ, очутившись у денежнаго ящика въ Стокгольмѣ, предпочелъ забыть этотъ демократическій лозунгъ и деньги роздалъ не всѣмъ, всѣмъ, всѣмъ, а лишь генераламъ и, главнымъ образомъ, себѣ.

Отецъ, поставленный передъ «fait accompli» не противодѣйствовалъ и благословилъ своего сына на воинскій подвигъ. Сражаясь въ отрядѣ извѣстнаго героя турецкой кампаніи генерала Скобелева, графъ неоднократно отличался въ бояхъ и былъ собственноручно награжденъ двумя солдатскими георгіевскими крестами Вел. Княземъ Николай Николаевичемъ Старшимъ и наконецъ произведенъ за отличіе въ офицеры. По окончаніи войны графъ сдаетъ офицерскій экзаменъ при Тверскомъ Кавалерійскомъ училищѣ и переводится въ 6-ой Гусарскій Клястицкій полкъ.

Послѣ женитьбы на внучкѣ графа Коцебу, онъ по настоянію послѣдняго принимаетъ должность адъютанта при генералъ-губернаторѣ гр. Тотлебенѣ; однако эта должность была не по душѣ воинственному графу и вскорѣ, несмотря на протесты родныхъ, онъ снова возвращается въ свой родной 6-ой Гусарскій Клястицкій полкъ. Прослуживъ тамъ нѣсколько лѣтъ онъ переводится въ 8-ой Гусарскій Лубенскій полкъ и оттуда назначается командиромъ Татарскаго Дивизіона. Вслѣдствіе недоразумѣнія со своимъ ближайшимъ начальникомъ, графъ, не безъ сожалѣнія, покидаетъ этотъ постъ, ибо къ дивизіону онъ очень привязался и полюбилъ его.

Черезъ короткій срокъ его назначаютъ командиромъ 5-аго Гусарскаго Александрійскаго полка (Гусары смерти), стоявшаго въ гор. Калишѣ.

Тамъ застаетъ графа первая революціонная волна, прошедшая въ 1905 г. почти по всей Россіи и ему, какъ старшему военному начальнику, поручается охрана города.

Эту задачу онъ выполняетъ блестяще и, хотя никто изъ бунтарей не былъ казненъ, однако они возненавидѣли его, какъ человѣка воли, который всегда съ презрѣніемъ относился къ нимъ. Онъ, напримѣръ, приказалъ своимъ солдатамъ «не пачкать оружія», и при разгонѣ толпъ возставшихъ пользоваться «нагайками». Революціонеры организуютъ на него покушеніе и бросаютъ въ него двѣ бомбы: первая не разорвалась, вторая же, упавъ подъ лошадь, оторвала графу пятку лѣвой ноги и нанесла ему около тридцати мелкихъ раненій. Однако графъ не потерялъ въ эту минуту присущаго ему хладнокровія и, несмотря на нестерпимую боль, продолжалъ спокойно отдавать приказанія, что предотвратило разгромъ еврейскаго квартала солдатами, возмущенными этимъ покушеніемъ.

Послѣ 5-аго Гусарскаго Александрійсако полка графъ Келлеръ назначается командиромъ Л.-Гв. Драгунскаго Ея Имп. Высочества Вел. Княгини Маріи Павловны полка. Далѣе, прокомандовавъ короткое время бригадой Кавказской Кавалерійской дивизіи, графъ Келлеръ въ 1912 г. получаетъ 10-ую кавалерійскую дивизію, съ которой онъ и выступаетъ на театръ военныхъ дѣйствій Великой Войны.

Въ самомъ началѣ войны 10-ая кав. див., наряду съ другими дивизіями русской конницы, была выдвинута передъ фронтъ 3-ей русской арміи для прикрытія ея развертыванія, т. е. для образованія завѣсы и въ цѣляхъ развѣдки.

При выполненіи этой задачи 10-ая кав. див., вступивъ 8/21 авг. подъ дер. Ярославицей въ конный бой съ 4-ой австрійской кав. див. генерала Зарембы, одержала надъ ней полную побѣду. Этотъ замѣчательный бой представляетъ

рѣдчайшее явленіе въ событіяхъ Великой Европейской Войны, являя собой типичный образецъ кавалерійскаго боя со всѣми фазами его развитія, исключительный, какъ по количеству учавствовавшихъ въ схваткѣ всадниковъ, такъ и по по наличію въ немъ чисто кавалерійскаго «chоc'а».

Можно съ извѣстною опредѣленностью сказать, что Великая Воина 1914 до 1918 г. г. ни на востокѣ, ни на западѣ, ни на южномъ фронтѣ не знаетъ примѣра подобнаго конному бою 10-ой русской и 4-ой австрійской кавалерійскихъ дивизій.

Въ этомъ славномъ бою обѣ дивизіи показали, что роль конницы въ современной войнѣ далеко еще не окончена и что тамъ, гдѣ будутъ кавалерійскіе начальники съ пылкою душой и доблестью генерала графа Келлеръ или со смѣлымъ порывомъ генерала Зарембы, кавалерійскія схватки и «chоc» будутъ имѣть мѣсто.

Исторія конницы есть исторія ея вождей и въ данномъ случаѣ въ бою 10-ой кав. див. особенно ярко выступили высокіе военныя качества ея начальника графа Келлеръ.

Вотъ нѣсколько выдержекъ изъ описанія этого боя однимъ изъ его участниковъ-генеральнаго штаба полк. Сливинскаго.

«Имѣлъ ли право генералъ графъ Келлеръ при подобныхъ обстоятельствахъ дать бой значительно превосходящему по силамъ противнику?

Большинство научныхъ изслѣдователей отвѣтитъ на этотъ вопросъ отрицательно. Подавляющее большинство командировъ, попавъ въ положеніе подобное приведенному, предпочло бы уклониться отъ боя, хотя бы до подхода подкрѣпленій.

Но генералъ графъ Келлеръ рѣшилъ иначе... и, пожалуй, имѣлъ на то свои основанія.

Основанія эти нужно искать въ психикѣ, опиравшейся на глубокое довѣріе вождя къ своимъ войскамъ и на не менѣе сильной вѣрѣ въ своего командира.

Необходимо сказать, что генералъ графъ Келлеръ былъ иногда слишкомъ суровымъ начальникомъ и командиромъ, но въ то же время безпредѣльно внимательнымъ и сердечнымъ отцомъ своихъ подчиненныхъ. Не было, казалось, предѣла строгости генерала гр. Келлеръ, но въ то же время не было границъ его заботливости въ отношеніи ввѣренныхъ ему войскъ. Никто такъ сильно не преслѣдовалъ малѣйшее упущеніе по службѣ, но и никто не умѣлъ такъ просто, искренно и доброжелательно подойти къ солдатской средѣ, понять ея нужды и желаніе, какъ то всегда удавалось графу.

Подчиненные боялись, но были преданны ему, любили и преклонялись передъ могучей личностью, желѣзной волей и неутомимой энергіей своего начальника. Войска трепетали, но обожали, беззавѣтно вѣрили своему командиру и также беззавѣтно ввѣряли ему свою жизнь.

Генералъ гр. Келлеръ обладалъ присущей только выдающимся военноначальникамъ способностью наэлектризовывать войска, воодушевлять и увлекать массу на самыя отчаянныя и опасныя предпріятія, на блестящіе подвиги и на тяжелыя жертвы...

Разумѣется не случайно установилась эта живая связь между командиромъ и войсками, генералъ графъ Келлеръ болѣе двухъ лѣтъ передъ войной былъ начальникомъ 10-ой кав. див., это былъ періодъ упорнаго непрестаннаго труда по боевой подготовкѣ частей и воспитанію личнаго состава. Генералъ гр. Келлеръ не только въ совершенствѣ зналъ всѣхъ своихъ офицеровъ, но и каждаго солдата и казака.

Въ нашъ вѣкъ увлеченія техникой и теоретическими формулами извѣстный афоризмъ Наполеона: «Побѣда на $^3/_4$ зависитъ отъ духа и на $^1/_4$ отъ матеріи», иногда, казалось, готовъ былъ поблекнуть или принимался на вѣру безъ должнаго проникновенія въ смыслъ его, не выходя къ тому же за предѣлы военной школы. Привыкали смотрѣть на боевыя дѣйствія въ крупномъ или маломъ масштабѣ какъ на механическое явленіе. Упускались изъ виду свойства души человѣческой; забывалось о томъ, что бой прежде всего есть человѣческая драма, въ

которой психика достигаетъ наивысшаго напряженія, гдѣ она могуче борется со сковывающими и регулирующими ее формами и формулами, разорвавъ которыя, духъ побѣждаетъ часто математически точныя расчеты матеріи.

Въ день 8/21 авг. психологическая связь начальника съ войсками и могущество духа чувствовались особенно сильно отъ начала до конца..... Если въ подготовительный въ конномъ бою періодъ съ нашей стороны не было принято необходимыхъ мѣръ, чтобы поставить части въ выгодныя для атаки условія и тѣмъ подготовить успѣхъ, а наоборотъ замѣчалась излишняя горячность начальника дивизіи, то съ другой стороны, во время самаго боя генералъ графъ Келлеръ проявилъ удивительное присутствіе духа, ясность мысли, быстроту рѣшеній и отличный глазомѣръ. Въ бою 8/21 августа съ особой яркостью обрисовались дарованія этого истиннаго кавалерійскаго начальника.

Не имѣя точныхъ свѣдѣній о группировкѣ и силахъ австрійцевъ и ожидая возможныхъ неожиданностей со стороны влѣво расположенной рощи, у которой стояла непріятельская артиллерія, начальникъ дивизіи прибѣгъ къ маневру — какъ для парированія могущихъ произойти случайностей, такъ и для нанесенія противнику флангового удара: идущему уже въ атаку 10-му гус. полку генералъ графъ Келлеръ отдаетъ приказаніе: «Держаться на уступѣ!»...и... «Атаковать во флангъ!»

Это приказаніе превосходно. Послѣдствія его были блестящи. Этимъ маневромъ былъ смѣтенъ флангъ идущей въ атаку третьей австрійской линіи, ударъ которой, разумѣется, былъ бы для насъ катастрофическимъ; въ то же время въ руки гусаръ попали двѣ австрійскія батареи и, надо полагать, не безъ ихъ вліянія два непріятельскихъ эскадрона, стоявшіе у опушки рощи, бѣжали съ поля сраженія, не принявъ никакого участія въ бою.

Не менѣе блестящимъ надо признать рѣшеніе графа Келлера бросить въ атаку свой штабъ, ординарцевъ и конвой во флангъ прорвавшемуся въ нашъ тылъ противнику.

Надо знать, видѣть собственными глазами и прочувствовать всю трагичность обстановки, чтобы понять то величіе духа и остроту глазомѣра, какія проявилъ въ тѣ критическія минуты боя генералъ графъ Келлеръ. Критическія — не только въ отношеніи возможностей полнаго проигрыша сраженія, но и въ смыслѣ личной для него опасности.

Конечно, графъ Келлеръ, выигравшій бой у дер. Ярославице, лично водившій черезъ нѣсколько дней послѣ этого у фер. Ніедзелиски свои полки въ атаку на пѣхоту и австрійскія батареи до удара холоднымъ оружіемъ, во весь свой ростъ шедшій впереди цѣпей 56-го пѣхотнаго Житомірскаго полка по открытой и ровной какъ столъ мѣстности и тѣмъ увлекшій залегшія и немогущія подняться цѣпи на штурмъ Стараго Сандеца (юга восточнѣе Кракова), много разъ окруженный противникомъ, всегда и во всѣхъ бояхъ находившійся со своими частями и часто впереди ихъ, дважды раненый за эту войну, генералъ графъ Келлеръ менѣе всего думалъ о своей безопасности.

8/21 августа былъ первый рѣшительный бой — первый поединокъ. Вопросъ шелъ о чести русской конницы, о чести русской арміи, о славѣ имени русскаго! Только сильные порывы могутъ вызывать сильные поступки. Только такой могучій мотивъ могъ рождать такой же силы рѣшенія въ тотъ моментъ, когда катастрофа была болѣе гѣмъ очевидной.

Приведенный выше случай есть второй примѣръ маневрированія частями въ бою и кромѣ того яркій образецъ управленія коннымъ боемъ.

Наконецъ третій примѣръ маневрированія но уже въ болѣе широкихъ границахъ, — почти за предѣлами поля боя, являетъ блестящія дѣйствія 1-ой сотни Оренбургскаго казачьяго полка, занявшей переправу на пути отступленія противника и нависшей на флангѣ его боевого расположенія.»

Начавъ столь блестяще свою боевую дѣятельность въ качествѣ кавалерійскаго начальника, генералъ графъ Келлеръ весной 1915 г,. когда начались соединенія кавалерійскихъ массъ въ болѣе крупныя единицы, — получаетъ 3-ій конный корпусъ, который нормально состоялъ изъ двухъ кавалерійскихъ дивизій, но иногда, во время операцій, путемъ временныхъ усиленій, насчитывалъ въ своемъ составѣ три и даже четыре дивизіи. Въ періодъ же великаго отступленія румын-

ской арміи въ 1916 г. составъ 3-го корпуса возросъ до восьми кавалерійскихъ дивизій, т. е. онъ какъ бы развернулся въ кавалерійскую армію.

Пройдя съ честью и великой доблестью боевой путь вождя конницы, ген. графъ Келлеръ въ первые дни революціи оказался въ числѣ тѣхъ немногихъ высшихъ начальниковъ, которые имѣли смѣлость открыто заявить о своей неизмѣнной вѣрности Государю Императору. Онъ, какъ мною было указано выше послалъ Государю Императору телеграмму[1], что его 3-ій конный корпусъ находится въ полномъ распоряженіи Его Императорскаго Величества и ждетъ приказанія своего Державнаго Вождя.

Государь Императоръ, не желая во время войны втягивать войска въ междоусобную борьбу, приказалъ корпусу оставаться на фронтѣ и продолжать нести свою боевую службу противъ внѣшняго врага.

Однако такіе люди какъ графъ Келлеръ не могли сражаться подъ сѣнью красныхъ флаговъ и когда революціонныя событія, быстро развиваясь, докатились до Временнаго Правительства, онъ наотрѣзъ отказался отъ принятія присяги ему и передалъ командованіе корпусомъ генералу Крымову. Прощаясь со своими войсками онъ, построивъ корпусъ и сказавъ ему красивое слово, приказалъ сыграть «Боже Царя Храни», послѣ чего уѣхалъ въ Харьковъ. Въ Петербургѣ на трусливыхъ захватчиковъ государственной власти все это произвело большое впечатлѣніе — распространились слухи, что графъ съ корпусомъ двигается противъ мятежниковъ......

Вспыхнувшая гражданская война вновъ призвала генерала графа Келлеръ къ исполненію патріотическаго долга. Онъ не сидѣлъ сложа руки и, предвидя надвигающіеся ужасы революціонной смуты, неутомимо работалъ, собирая и объединяя вокругъ себя русскихъ офицеровъ.

Въ ноябрѣ 1918 г. къ нему въ Харьковъ прибыли представители Псковской губ. и отъ имени всего населенія просили принять командованіе надъ формировавшейся тамъ «Сѣверной Арміи». Вскорѣ съ той же просьбою къ генералу обратились и командированные штабомъ «Сѣверной Арміи» ротм. Гершельманъ и оберъ-лейтенантъ фонъ-Гаммерштейнъ. Графъ согласился и 12 ноября прибылъ въ Кіевъ, гдѣ ему надо было заручиться разрѣшеніемъ мѣстныхъ властей, на проѣздъ къ мѣсту своего новаго служенія. Помня прошлые дни побѣдъ и славы, на призывъ графа стекались отовсюду офицеры, какъ и раньше готовые умереть по первому его слову: «Ему, только ему вести насъ, съ нимъ или побѣдить, или погибнуть съ честью». Учитывая, какую огромную роль долженъ сыграть графъ Келлеръ въ дѣлѣ возрожденія Россіи, враги ея не дремали и ждали только благопріятнаго момента, чтобы «убрать со своего пути этого витязя долга и чести........»

И вотъ такой часъ насталъ......

Графъ не успѣлъ еще получить всѣхъ документовъ, какъ, благодаря возстанію Петлюры, все политическое положеніе въ гетманской Украинѣ сильно измѣнилось. Графъ Келлеръ неожиданно для себя былъ назначенъ главнокомандующимъ всѣми вооруженными силами на территоріи Украины съ условіемъ

[1] Такая же телеграмма о вѣрности была послана Государю Императору командиромъ Гвардейскаго Кавалерійскаго Корпуса генералъ-адъютантомъ Ханомъ Нахичеванскимъ.

присоединенія всѣхъ гетманскихъ войскъ къ Добровольческой Арміи генерала Деникина. Въ его руки перешла военная и гражданская власть, что вызвало протестъ украинскаго совѣта министровъ передъ Гетманомъ, но графъ былъ непоколебимъ. И когда совѣтъ министровъ настоялъ на возвращеніи ему гражданской власти, графъ Келлеръ сложилъ съ себя главнокомандованіе, и, рѣшивъ немедленно выѣхать въ Псковъ, занялся формированіемъ штаба для Сѣверной Арміи. Однако событія быстро развивались........ Кіевъ былъ занятъ петлюровскими бандами и о легальномъ выѣзѣ было нечего и думать. Конечно графъ могъ бы скрыться...... такъ поступили многіе, но онъ этого не сдѣлалъ, графы Келлеръ не бѣгутъ отъ опасности......

Оставленные на произволъ судьбы своими начальниками и лишенные въ эту тяжелую минуту руководящаго начала, офицеры обратились за помощью къ генералу графу Келлеръ. Тогда графъ, не взирая на то, что не было никакой надежды на благопріятной исходъ, принялъ на себя командованіе. Онъ ни минуты не колебался рѣшиться на это, ставя долгъ выше своей личной безопасности. Собравъ около себя горсть офицеровъ, онъ двинулся съ ними по Крещатику, направляясь къ Михайловскому монастырю, гдѣ предполагалъ устроить сборный пунктъ для офицеровъ съ тѣмъ, чтобы оттуда пробиться съ образовавшимся отрядомъ на Донъ.

Однако этому плану не суждено было осуществиться. Свернувъ съ Крещатика на Михайловскую улицу графъ Келлеръ и шедшіе съ нимъ офицеры были обстрѣляны ворвавшимися въ Кіевъ передовыми петлюровскими бандами. Произошло нѣкоторое замѣшательство...... но это былъ одинъ моментъ. Двухъ словъ сказанныхъ графомъ съ обычнымъ для него хладнокровіемъ и пренебреженіемъ къ опасности было достаточно — отрядъ былъ снова въ полной боевой готовности.

Видя невозможность пройти по Михайловской улицѣ — отрядъ свернулъ на Софійскую. Однако, когда Келлеръ подошелъ къ Михайловскому монастырю городъ былъ уже наводненъ петлюровцами. Вокругъ него было только 30 человѣкъ. Планъ пробиться на Донъ былъ исключенъ.

Не желая быть причиной гибели офицеровъ, графъ Келлеръ простился съ ними, прося ихъ не заботиться объ его участи, а подумать о собственномъ спасеніи. Нѣсколько офицеровъ обратились къ нему съ горячею просьбою разрѣшить имъ остаться возлѣ него и раздѣлить его участь, какова бы она ни была.

Генералъ графъ Келлеръ вмѣстѣ съ полк. А. А. Пантелѣевымъ, ротм. Н. Н. Ивановымъ и еще двумя офицерами укрылся въ Михайловскомъ монастырѣ....

Имя графа было слишкомъ популярно, чтобы тяжелое положеніе его прошло бы незамѣтно. Не только русскія сердца дрогнули въ тревогѣ за участь графа, но даже бывшіе враги его по войнѣ — германцы[1] сочли своимъ долгомъ приложить всѣ мѣры къ его спасенію. Планъ былъ разработанъ, успѣхъ его былъ гаран-

[1] Этотъ поступокъ германцевъ, нашихъ въ то время вчерашнихъ враговъ я предлагаю сравнить съ дѣйствіями нашихъ «союзниковъ» французовъ, когда ихъ военный представитель генералъ Жанэнъ предалъ въ Сибири благороднаго адмирала Колчака (см. ст. біографія адмирала Колчака).

тированъ. Отъ графа требованось только снять погоны и шашку, но онъ никогда не шедшій на компромиссы, ни со своей совѣстью, ни со своими убѣжденіями, отъ этого твердо отказался. Планъ рухнулъ. Участь графа была рѣшена......

Нѣсколько дней спустя онъ былъ арестованъ и въ ночь съ 20 на 21 декабря разстрѣлянъ на Софійской площади у памятника Богдана Хмѣльницкаго.

Хотя графъ и сознавалъ, что смерть его неизбѣжна, но и тутъ, какъ всегда въ минуту опастности, самообладаніе не покинуло его, даже и арестованный онъ смотрѣлъ съ такимъ презрѣніемъ на окружающихъ его петлюровцевъ, что они невольно проникались трепетомъ и уважніемъ къ этому колоссу, выказывавшему передъ смертью такое безпредѣльное мужество. Графъ Келлеръ былъ убитъ одиннадцатью выстрѣлами въ спину. Видимо духовная мощь его была такъ велика что ни одинъ изъ убійцъ не могъ вынести его взгляда.

Вмѣстѣ съ графомъ были убиты петлюровскими палачами полковникъ Пантелѣевъ и ротмистръ Ивановъ.

Такъ доблестно жилъ и такъ трагически погибъ этотъ поистинѣ замѣчательный военноначальникъ и одинъ изъ выдающихся и благороднѣйшихъ людей нашего времени. Безгранично любя свою родину онъ остался ей вѣренъ до послѣдняго часа и мученическою смертью увѣковѣчилъ въ исторіи свое славное имя, которое останется навсегда примѣромъ чести, доблести и долга.

Ниже я привожу собственноручный дневникъ генерала графа Келлеръ, который онъ велъ въ теченіи 10 дней передъ своей смертью.

Дневникъ генерала отъ кавалеріи графа Θеодора Артуровича Келлеръ.

Этотъ дневникъ былъ написанъ графомъ во время своего заключенія въ Михайловскомъ монастырѣ и переданъ имъ Еленѣ Николаевнѣ Бенуа, посѣтившей заключенныхъ наканунѣ ихъ разстрѣла. Вмѣстѣ съ генераломъ графомъ Келлеръ были разстрѣляны его адъютантъ полковникъ Андрей Андреевичъ Пантелѣевъ и шт. ротм. Николай Николаевичъ Ивановъ.

11-го Декабря н. ст. на такъ называемомъ фронтѣ, т. е. передъ Кіевомъ по линіи, на которой растянуты, рѣдкою цѣпью поставъ и заставъ, караулы отъ Сердюкской дивизіи и добровольческихъ дружинъ, спокойно. Судя по газетамъ тоже полное благополучіе, но въ городѣ населеніе тревожится, да и есть отчего, принудительный наборъ далъ очень незначительное число новобранцевъ: вмѣсто ожидаемыхъ десяти — двѣнадцати тысячъ — не болѣе пяти — шести, да и то на половину жидовъ. Большинство призванныхъ не скрываютъ, что они драться не желаютъ, т. к. придется выступать противъ своихъ братьевъ и родственниковъ, набранныхъ Петлюрой въ окрестныхъ съ Кіевомъ деревняхъ. Да и не будь подобнаго настроенія — что дѣлать съ необученными, недисциплинированными людьми, обучать ихъ некогда ,а вести въ бой необученными — и преступно и глупо. Если-бы дѣло еще шло о защитѣ города отъ большевиковъ, или о спасеніи Родины, то что дѣлать, — но все склоняется къ тому, что Скоропадскій только думаетъ о спасеніи своего положенія и для этого готовъ пожертвовать и добро-

вольческими дружинами и призванными обывателями. Что такое Петлюровцы — не знаю, но по слухамъ у него много старыхъ солдатъ, слѣдовательно должна быть кой-какая дисциплина, лишь-бы онъ съумѣлъ справиться съ тѣми бандами, которыя примкнули къ его войскамъ и удержать ихъ отъ грабежа и насилія. О томъ, чтобы отстоять городъ — и думать нечего, т. к. по дошедшимъ до меня слухамъ изъ штаба, тамъ стоитъ полная растерянность и кажется вся дѣятельность выражается въ томъ, что составляются штаты для будущихъ формированій цѣлыхъ армій и корпусовъ, хотя, конечно, никто въ эти формированія не вѣритъ.

Мои хозяева, милые, гостепріимные Коптеловы сильно тревожатся, особенно ихъ больше и больше озабачиваетъ мое присутствіе въ ихъ домѣ, это замѣтно, хотя они сами объ этомъ тщательно умалчиваютъ. Дѣлать нечего — пора мнѣ искать квартиру, надо переѣзжать въ помѣщеніе, занятое до сихъ поръ въ гостинницѣ «Прага» подъ бюро «Сѣверной Арміи».

12-го Декабря. Сегодня, вернувшіеся изъ штаба офицеры, а также Катенинъ, Добрынскій и другіе передали мнѣ, что войска Петлюры все ближе подступаютъ въ Кіеву. О томъ, что имъ дали отрѣзать всѣ пути сообщенія, можно догадаться и по другимъ признакамъ, напримѣръ по прекращенію подвоза въ Кіевъ всякихъ съѣстныхъ припасовъ, ибо фунтъ масла, стоившій 20 руб. три дня тому назадъ стоилъ уже 50 р., а со вчерашняго дня его и совсѣмъ нѣтъ, тоже дѣлается и съ другими продуктами. На мой вопросъ, что же дѣлаетъ гетманъ, Долгоруковъ мнѣ отвѣтилъ «да ничего», потеряли очевидно голову, сидитъ въ засѣданіяхъ и совѣщается, — прибывшіе же изъ штаба смѣясь разсказали мнѣ, что они присутствовали при спорѣ сколько дать фуражныхъ денегъ генералъ-инспектору кавалеріи — на пять или на семь лошадей. Для меня не составляетъ никакого сомнѣнія, что Петлюра войдетъ въ городъ, когда захочетъ, такъ какъ на западномъ фронтѣ на разстояніи 20 верстъ отъ Днѣпра стоитъ около 3-хъ тысячъ чел., да и то такихъ, изъ которыхъ ежедневно многіе бросаютъ оружіе и бѣгутъ или обратно въ Кіевъ, или къ Петлюрѣ. Въ офицерскія дружины записано не менѣе шести-восьми тысячъ человѣкъ, но вытащить на позиціи удалось не болѣе трехъ, изъ которыхъ также ежедневно многіе дезертируютъ. Вотъ что касается настроенія и боеспособности войскъ. Обстановка-же съ каждымъ днемъ, при замерзаніи Днѣпра и увеличеніи фронта вдвое, осложняется, а начальство показало свою полную несостоятельность.

Мнѣ въ гостинницу «Прагу» уже переѣзжать нельзя, такъ какъ туда въ первую очередь ворвутся банды, рѣшилъ сегодня вечеромъ попросить гостепріимства у Славинскаго. Мнѣ предлагаютъ переѣхать въ какое нибудь консульство, или за нѣмецкія рогатки, но мнѣ какъ-то противно искать у нихъ защиты. Боюсь я попасться въ руки какой-нибудь банды, которая могла-бы издѣваться надъ моей личностью, тогда придется пустить себѣ пулю въ лобъ, а если арестуютъ войска регулярныя, то полагаю, меня, какъ незанимавшагося политикой скоро выпустятъ.

13-го Декабря, Утромъ узналъ, что офицерскія дружины отступаютъ и сильно порѣдѣли, не отъ потерь, а отъ дезертировъ. Нѣмцы ведутъ какую-то двойную игру. Сегодня, напримѣръ, одна нѣмецкая рота обезоружена Петлю-

ровцами на фронтѣ и они-же взяли нѣмецкую батарею, сдавшуюся безъ сопротивленія. Мичманъ Владиміровъ пріѣзжалъ изъ штаба и сообщилъ, что тамъ совсѣмъ потеряли головы и, несмотря на то, что петлюровцы потѣснили добровольческія части отъ Нѣжина къ Кіеву, отрѣзали желѣзную дорогу отъ Полтавы и наступаютъ въ этомъ направленіи, князь Долгоруковъ засѣдаетъ въ Совѣтѣ Министровъ, совѣтуется съ Гетманомъ и въ военномъ отношеніи ничего не дѣлаетъ. Несмотря на назначеніе послѣ меня инспектора кавалеріи и инспектора артилеріи, войскъ на позиціи не прибавилось, существуетъ только тотъ полуэскадронъ, который былъ сформированъ при мнѣ и тѣ 22 орудія, которыя я формировалъ въ шесть дней, когда я былъ у власти: за 12 дней же ничего къ этому не нашли возможнымъ и нужнымъ прабавить. Какъ только нашъ генералъ займетъ какой-нибудь высшій постъ, онъ тотчасъ-же воображаетъ себя политикомъ, бросаетъ свое прямое военное дѣло и занимается какими-то высшими соображеніями, въ родѣ разработки штатовъ для арміи и фронта, увеличиваетъ свой штатъ до неимовѣрныхъ размѣровъ и обсуждаетъ политическія положенія, дѣлаетъ невозможныя предположенія въ чуждой ему области, на что уходитъ все его время.

Въ три часа дня пошелъ съ полковникомъ Пантелѣевымъ пообѣдать въ ресторанъ Континенталь и послалъ его за полученіемъ денегъ «Сѣверной арміи» 700000 рубл., которые неосторожно было бы хранить въ банкѣ, ввиду несомнѣннаго скораго входа петлюровцевъ въ городъ. Деньги эти вложены въ банкъ сенаторомъ Туганъ-Барановскимъ, но онъ ихъ боится вынуть т. к. увѣряетъ, что за нимъ слѣдятъ, остальныя деньги изъ отпущенныхъ трехъ милліоновъ тотъ же Туганъ-Барановскій запряталъ куда-то, боюсь, какъ-бы онѣ не пропали, а ихъ должно быть болѣе 1-го милліона. Обѣщанныя совѣтомъ министровъ Долгорукому 25 милліоновъ не отпускаются, меня и «Совѣтъ обороны» водятъ за носъ и кормятъ обѣщаніями, а денегъ, конечно, не дадутъ. Пообѣдавъ, я зашелъ къ старику Бибикову, котораго засталъ одного, и посидѣвъ у него полъ-часа, отправился къ Слонимскому, гдѣ меня встрѣтила рѣдко милая дѣльная и привѣтливая его жена Марія Андреевна, состоящая во многихъ благотворительныхъ обществахъ предсѣдательницей и дѣлающая не жалѣя своихъ силъ много добра. Сама она увѣряетъ, что она не дама, а хорошій товарищъ и думаю, что она опредѣлила себя правильно. Меня удивило, что Слонимскій женился на сравительно для него старой и не особенно красивой женщинѣ, но узнавъ ее понялъ, что въ ней Александръ Владиміровичъ искалъ не женщину, а вѣрнаго, преданнаго, прямого человѣка, что въ его теперешнемъ положеніи травленнаго звѣря особенно цѣнно найти. Провелъ я ночь на диванѣ хорошо и спокойно, но всю ночь до утра раздавалась сильная канонада, которая какъ мнѣ казалось, еще усилилась къ восьми часамъ утра и какъ будто приближалась къ городу.

14-го декабря. Сегодня утромъ я узналъ, что арсеналъ и военное министерство уже заняты непріятелемъ и что офицерскія дружины отступили въ городъ. Стрѣльба слышится не въ далекѣ. Слонимскій пошелъ на развѣдку, меня не выпускаютъ изъ дома мои милые ординарцы. Часовъ въ одиннадцать мнѣ передали въ телефонъ, что кн. Долгоруковъ очень проситъ меня зайти въ

штабъ. Выйдя на Банковскую улицу, я у ея угла увидѣлъ разбросанныя поперекъ всей улицѣ дрова, долженствовавшіе изображать баррикаду, а возлѣ нихъ толпу мальчиковъ въ военныхъ и кадетскихъ мундирахъ, изображавшихъ жалкую воинскую часть, призванную защищать жалкую баррикаду въ одинъ-два полѣна высотой. Все имѣло жалкій и смѣшной видъ и нѣсколько сновавшихъ толпившихся тутъ же офицеровъ имѣли растерянный видъ людей, старающихся показать видъ, что дѣлаютъ дѣло и вѣрятъ въ него, но видящихъ свою полную и всѣхъ этихъ приготовленій безпомощность. Общаго начальника и какой-нибудъ планомѣрности въ дѣйствіяхъ не было. Все толпилось, суетилось и отдавало приказанія, которыя никто не слушалъ и не исполнялъ. Оказывается, баррикады были возведены потому,что пронесся слухъ, будто-бы два непріятельскихъ бронированныхъ автомобиля ворвались въ городъ и разъѣзжаютъ по улицамъ. Впослѣдствіи оказалось, что это были два простые автомобиля изъ гаража Гетмана, заблаговременно пустившіеся на утекъ.

Въ штабѣ всѣ комнаты, не исключая и кабинета Долгорукова, были переполнены всякимъ военнымъ и статскимъ людомъ, въ числѣ которыхъ я замѣтилъ фигуры министра внутреннихъ дѣлъ Кистяковскаго и предсѣдателя Совѣта Министровъ Гербеля, у которыхъ, какъ у всѣхъ толкавшихся здѣсь, былъ растерянный и испуганный видъ, въ особенности жалкими казались блѣдныя лица Кистяковскаго и Гербеля.

Подойдя къ Долгорукому я спросилъ, для чего я понадобился ему и очень боялся услышать отвѣтъ, что онъ слагаетъ свои обязанности и проситъ меня вступить въ командованіе и спасти положеніе. Отказаться было бы трусостью, согласиться — глупостью, такъ какъ положеніе казалось мнѣ уже настолько испорченнымъ и часть войскъ настолько выпущенными изъ рукъ, что при сраженіи въ городѣ, въ который уже на правомъ флангѣ была внесена борьба, возстановить порядокъ было бы немыслимо. Къ тому же я понялъ, что дѣло идетъ не о спасеніи города, а о спасеніи Скоропадскаго, нежалѣвшаго человѣческихъ жертвъ для спасенія только своего положенія. Защищать-же этого «самостійника» мнѣ совсѣмъ не улыбалось. На мое счастье Долгоруковъ съ просьбой принять командованіе ко мнѣ не обратился, а попросилъ только совѣта, что дѣлать сдаваться, или продолжать борьбу. На мой отвѣтъ, что, не зная положенія, я никакого совѣта дать не могу, онъ сталъ водить въ разныхъ направленіяхъ по картѣ пальцемъ и повторять, что здѣсь отступили, тамъ офицерская дружина бросила оружіе, здѣсь уже повстанцы и. т. д., но ни одного точного отвѣта про тотъ или другой пунктъ города, или положенія на томъ или другомъ участкѣ онъ дать не могъ, почему я предложилъ попросить въ кабинетъ генералъ-квартирмейстера Винклера, который оказался сравнительно хорошо освѣдомленнымъ въ той кашѣ и неразберихѣ, которая творилась въ защищавшихъ Кіевъ войскахъ.

Положеніе для удержанія города обрисовалось мнѣ совершенно безнадежнымъ не потому, что войскъ не хватало, а потому что все было выпущено изъ рукъ, не было никакого управленія, возстановить которое въ короткій срокъ было невозможно и потому что не было ни одного человѣка въ резервѣ. Къ тому же наканунѣ не было сдѣлано ни одного распоряженія насчетъ боя, а на случай

отступленія не было даже поставлено заслона для охраны желѣзнодорожнаго моста, по которому можно было бы отступить добровольческимъ дружинамъ. Вслѣдствіе чего, этотъ мостъ также какъ и станція желѣзной дороги т. е. все продовольствіе и большіе запасы, по словамъ Винклера, были уже захвачены петлюровцами.

Я сказалъ Долгорукому, что по моему мнѣнію, всѣ усилія должны быть направлены теперь къ спасенію офицерскихъ дружинъ и выводу ихъ изъ города съ оружіемъ; что же касается самого города и жителей, то я увѣренъ, что имъ отъ петлюровцевъ, у которыхъ какъ будто есть и регулярныя дисциплинированныя войска, опасности не грозитъ, но что первымъ долгомъ я посовѣтовалъ бы ему выгнать всю эту толпу изъ штаба, т. к. военные вопросы надо рѣшать не коллегіально, а одному. Сказавъ это я вышелъ изъ штаба и пошелъ опять на квартиру къ Слонимскому, у котораго расчитывалъ переждать тревожное время занятія города побѣдившими войсками и дождаться, пока первое напряженіе нервовъ уляжется и въ городѣ установится спокойствіе и порядокъ. Предполагалъ я, что сгоряча меня могутъ и арестовать, и какая-нибудь ворвавшаяся банда могла и разстрѣлять, но былъ вполнѣ увѣренъ, что, если первый день пройдетъ для меня благополучно и если мнѣ удастся отбиться отъ бандъ мародеровъ и сдаться регулярнымъ войскамъ подъ ихъ охрану, то мнѣ опасаться нечего.

Петлюра и его директорія не могутъ меня не отпустить на полную свободу, какъ человѣка не занимающагося политикой и не занимавшаго во время своего проживанія послѣ войны, почти двухъ лѣтъ, въ Малороссіи какого-либо мѣста или поста. Отъ Слонимскаго я слышалъ, что самъ Петлюра очень порядочный и честный человѣкъ, но истинно убѣжденный республиканецъ, что не мѣшало человѣку другихъ убѣжденій, хотя бы и монархическихъ, его уважать. Мнѣ казалось всегда отвратительнымъ и достойнымъ презрѣнія, когда люди для личнаго блага, наживы или личной безопасности готовы мѣнять свои убѣжденія, а такихъ людей теперь громадное большинство, если же человѣкъ заблуждается, искренно и крѣпко вѣритъ въ свою правоту, и въ своихъ поступкахъ не виляетъ, то такого человѣка можно стараться переубѣдить, можно жалѣть, но не уважать его нельзя. Не успѣлъ я дойти на квартиру Слонимскаго, какъ изъ штаба прибѣжалъ кто-то изъ моихъ ординарцевъ съ извѣстіемъ, что весь штабъ уже опустѣлъ, Долгоруковъ скрылся и тамъ не осталось ни одного человѣка, а что городъ приказано сдать, войскамъ разоружиться и сдаться безъ всякихъ условій. Гетманъ тоже куда-то убѣжалъ и домъ его совершенно пустъ, надо полагать, онъ скрылся у нѣмцевъ.

Какую грязную, предательскую игру сыгралъ во всемъ этомъ дѣлѣ Скоропадскій. Когда я давно увѣрялъ всѣхъ, что Скоропадскій просто честолюбецъ многіе мнѣ не вѣрили и старались меня убѣдить, что онъ пожертвовалъ собою для спасенія Россіи и только притворяется украинцемъ, а мечтаетъ о монархіи.

На самомъ же дѣлѣ Скоропадскій говорилъ одно монархистамъ, другое украинцамъ и дѣйствовалъ какъ предатель, преклоняясь и лебезя передъ нѣмцами, а послѣднее время передъ союзниками и заискивая даже у какого-то французскаго жида Энно, никѣмъ не уполномоченнаго. Скоропадскому не дорога была ни Великороссія, ни Малороссія, ни русскій народъ, ни Государь, ему

была нужна только Украйна для удержанія своего положенія и онъ видѣлъ себя уже съ Украинской короной на головѣ въ полной независимости отъ Россіи, на положеніи, какъ онъ въ минуту откровенности признавался, королевства Саксоніи. Его двуличная политика привела къ тому, что ему не вѣрятъ и презираютъ его и русскіе и украинцы и нѣмцы и союзники.

Въ послѣднюю минуту онъ бѣжалъ постыдно и подло, бросивъ на произволъ судьбы тѣхъ офицеровъ, дружины которыхъ онъ насильно заставилъ втянуться въ бой для спасенія только себя, онъ не позаботился даже о томъ чтобы спасти ихъ часть, давъ имъ возможность выйти изъ города съ оружіемъ въ рукахъ и обезпечивъ ихъ отъѣздъ хотя-бы на Донъ. Всѣ убитые и раненые въ ненужномъ братоубійствѣ лежатъ на его совѣсти ,а ему горя мало — лишь бы была цѣла его шкура. Отъ Долгорукова я тоже не ожидалъ такого поведенія: взялся за дѣло, напуталъ, растерялся, надурилъ и затѣмъ бѣжалъ, бросивъ ввѣренныя ему войска на произволъ судьбы.

Часовъ около двухъ неожиданно раздался звонокъ и въ переднюю вошли три вооруженныхъ винтовками офицера, старшій изъ которыхъ заявилъ мнѣ, что дружина сформированная Долгорукимъ и записавшаяся въ составъ «Сѣверной Арміи» не желаетъ сдаваться уже входящимъ въ городъ войскамъ Петлюры и проситъ меня принятъ ее подъ мое начальство, вывести изъ города куда я хочу и что къ этой дружинѣ примкнула еще конная сотня (пѣшкомъ) тоже формировавшаяся для «Сѣверной Арміи» съ тѣмъ же намѣреніемъ не сдавать оружія. О другихъ войскахъ имѣлось свѣдѣніе, что они собрались у городского музея съ намѣреніемъ пробиться на Донъ, но что во главѣ ихъ нѣтъ начальства.

Что было дѣлать, выбраться изъ города, уже со всѣхъ сторонъ занимаемаго противникомъ было не легко, но при нѣкоторой энергіи я полагалъ все-же еще возможно было пробиться и выйти къ Днѣпру, къ тому-же мнѣ казалось, что если противникъ увидитъ организованное войско, готовое вступить въ бой, то онъ согласится пропустить безъ сопротивленія и кровопролитія всѣ добровольческія дружины на Донъ, т. к. задерживать ихъ въ Кіевѣ у него никакого разсчета быть не могло. Въ виду такихъ соображеній, считая себя не въ правѣ оставить на произволъ судьбы обратившіяся за моей помощью части, я, взявъ съ собою данные мнѣ на храненіе «Совѣтомъ Обороны сѣверо-западныхъ губерній», въ запечатанной наволочкѣ «какъ мнѣ сказали» 700 000 руб., приказалъ моему денщику Ивану привести мнѣ на извозчикѣ самыя необходимыя вещи и бѣлье въ гостиниицу на Крещатикѣ, сѣлъ на автомобиль и поѣхалъ въ сопровожденіи офицеровъ, пріѣхавшихъ за мной и полковника Пантелѣева на сборный пунктъ въ помѣщеніе, занимаемое дружиной полковника Всеволожскаго.

Какъ только мы доѣхали до угла и повернули на Банковскую улицу, нашъ автомобиль начали обстрѣливать изъ домовъ и изъ-за домовъ, а когда мы выѣхали на середину улицы, то послышалось что-то въ родѣ залпа, но, несмотря на бликое разстояніе — ни одной пулей въ нась обстрѣливавшіе насъ волшебные стрѣлки не попали. Не скажу, чтобы войдя въ помѣщеніе дружины въ гост. «Бояръ» на Крещатикѣ я вынесъ бы хорошее впечатлѣніе: большинство офи-

церовъ было безъ оружія и какъ будто совершенно не собиралось уходить, а тѣмъ болѣе немедленно вступить въ бой для того, чтобы пробиться черезъ окружающее ихъ кольцо непріятеля. Когда я скомандовалъ въ ружье, то замѣтилъ, что во первыхъ не было ни начальниковъ, повторившихъ команду, и строившихъ свои взводы, не было и порядка и повидимому дисциплины. Подошедшій конный отрядъ, хотя и произвелъ на меня лучшее впечатлѣніе, но и онъ при моемъ приказаніи выслать авангардъ и цѣпочку долго мялся на мѣстѣ и очевидно не зналъ, какъ исполнить это простое приказаніе, такъ что мнѣ самому пришлось выслать дозорныхъ и организовать движеніе по улицѣ. Автомобиль, на который были погружены пулеметы за нами не двинулся и я его впослѣдствіи и не видалъ. Уже не доходя думы, отъ дозоровъ денесся крикъ: «идутъ петлюровцы» и все что было впереди бросилось назадъ и сбилось въ одну кучу. Я приказалъ свернуть въ переулокъ, расчитывая избѣжать встрѣчи и кровопролитія и боковыми улицами вывести отрядъ къ музею, гдѣ по свѣдѣніямъ собрались уже дружины Кирпичева и Святополкъ-Мирскаго. Не успѣли мы пройти и 30 шаговъ, какъ изъ за думы послышалось нѣсколько рѣдкихъ выстрѣловъ, думается мнѣ провокаторскихъ — ни одна пуля близко не просвистѣла, но въ моемъ отрядѣ произошло замѣшательство. Около меня осталось не болѣе 50 человѣкъ, уменьшавшихся при каждомъ поворотѣ въ слѣдующую улицу и къ приходу нашему къ Софійскому Собору было лишь 30 человѣкъ, которыхъ я благополучно и довелъ до Михайловскаго монастыря, въ оградѣ котораго всѣ почувствовали себя почти въ безопасности. Духовное начальство не блеснуло храбростью и выполненіемъ своего долга—укрыть преслѣдуемыхъ. И настоятель Михайловскаго монастыря Никодимъ, и митрополитъ Одесскій Платонъ и даже Преосвященный Несторъ Камчатскій, эти, какъ говорили, убѣжденные и твердые іерархи прибѣжали ко мнѣ растерянные и вся ихъ забота и разговоры клонились къ тому, чтобы мы скорѣе ушли бы изъ монастыря и не навлекли бы на нихъ отвѣтственности, а куда пойдетъ эта кучка людей и не будетъ ли она разстрѣляна на первомъ же поворотѣ на улицу — объ этомъ никто изъ нихъ не заботился. Положеніе создалось такое, что о томъ, чтобы пробиться силой нечего было и думать, вести переговоры о вооруженномъ выходѣ изъ города можно было бы, имѣя въ рукахъ силу, готовую постоять за себя, но не во главѣ тридцати человѣкъ, изъ которыхъ половина готова была разбѣжаться при первомъ выстрѣлѣ. Посланные къ музею развѣдчики донесли, что собравшаяся тамъ дружина дала себя окружить, что музей оцѣпленъ и противъ него выставлены со всѣхъ сторонъ пулеметы. Тогда, подойдя къ оставшимся офицерамъ, объяснивъ имъ положеніе и разъяснивъ, что при сложившихся обстоятельствахъ было бы безуміемъ дѣлать попытку пробиться, я предложилъ спрятать оружіе и разойтись по одному, не возбуждая подозрѣніе, по домамъ, при чемъ тѣмъ, у которыхъ не было денегъ я роздалъ 1000 руб. бывшихъ при мнѣ.

Успокоившись въ участи бывшихъ до сего времени при мнѣ офицеровъ, мы съ моими дѣйствительно молодцами ординарцами перешли въ обширную квартиру Настоятеля монастыря, но увидавъ, что и нашу малочисленную компанію не приглашаютъ и, что мы и въ маломъ числѣ непріятны для хозяина, перешли въ

келію пригласившаго насъ монаха, куда и перенесли мѣшокъ съ деньгами «Сѣверной Арміи». Пока все это происходило прошло проядочно времени и ординарецъ Марковъ успѣлъ съѣздить въ нѣмецкую комендатуру, куда въ продолженіи всего нашего странствованія по улицамъ и монастырямъ онъ уговорилъ меня скрыться и сообщить о моемъ положеніи. Часовъ около восьми вечера мнѣ доложили, что пріѣхалъ нѣмецкій офицеръ на автомобилѣ и предлагаетъ меня увести къ нимъ. Офицерь попросилъ меня, чтобы я снялъ свою папаху и облачился бы въ его шинель, но когда онъ къ этому прибавилъ, чтобы я еще обезоружился, то на это я не согласился и предоставилъ ему ѣхать домой. Я со своими ординарцами размѣстился въ монастырской довольно обширной и комфортабельной келіи. Не успѣли мы попросить себѣ чаю, какъ намъ сообщили, что въ монастырь пришли квартирьеры 4-го артиллерійскаго полка и приступили къ отводу полку квартиръ.

15-го декабря. Ночь мы провели спокойно, я, улегшись на постели монаха отца Николая, Пантелѣевъ на стулѣ, а оставшійся при мнѣ офицеръ Павлоградскаго полка изъ дружины,которому, очевидно, некуда было дѣваться, — на диванѣ. Поздно вечеромъ пріѣхалъ ко мнѣ Щербачевъ, и сообщилъ, что всѣ мои вещи, которыя я приказалъ черезъ ординарца корнета Леницкаго моему вѣстовому Ивану провести на извозчикѣ въ гостиницу «Бояръ», разграблены какой-то бандой на углу Банковской улицы, но по счастливой случайности отбиты тутъ же проходившей командой вартовыхъ или директорскихъ войскъ и въ цѣлости доставлены смотрителю зданія генеральнаго штаба. О томъ, гдѣ мой Иванъ — свѣдѣній нѣтъ. Мнѣ не такъ было жаль моихъ вещей, какъ стяга, благословенія 10-й кавалерійской дивизіи и шашки поднесенной мнѣ корпусомъ при полученіи мною Георгіевскаго оружія и я сильно упрекалъ себя за то, что въ горячкѣ отъѣзда забылъ ихъ захватить съ собой. Щербачевъ обѣщалъ озаботиться сохраненіемъ вещей, но такъ какъ самъ онъ долженъ былъ скрываться, а также скрылся и Слонимскій, котораго говорятъ, разыскиваютъ, обвиняя въ измѣнѣ, то трудно было расчитывать на цѣлость дорогихъ для меня воспоминаній. Проснувшись утромъ мы потребовали для себя чая и просфоръ и засѣли пить чай. Къ этому времни ночевавшій съ нами гусаръ скрылся, но къ намъ пробрался, отыскавъ меня, симпатичный и дѣльный ординарецъ, бывшій еще во время войны въ штабѣ корпуса, Н. Н. Ивановъ, который несмотря на то, что у него мать жила въ Кіевѣ и онъ легко могъ скрыться, все-же съ опасностью для себя рѣшилъ меня не оставлять одного. Съ тѣхъ поръ мы живемъ втроемъ и я каждый день и часъ съ благодарностью посматриваю на своихъ союзниковъ Пантелѣева и Иванова, добровольно раздѣлившихъ мою участь и терпящихъ изъ за меня неудобства и лишенія.

Къ 12-ти часамъ манастырь весь уже былъ занятъ чинами 4-ой батареи директорскихъ войскъ, почему я нашелъ болѣе сообразнымъ обстановкѣ и болѣе безопаснымъ попросить шт.-ротм. Иванова сходить къ командиру батареи и заявить ему отъ моего имени о нашемъ присутствіи въ монастырѣ. Приблизительно черезъ полчаса мы услышали въ коридорѣ топотъ и въ нашу келію съ шумомъ ворвалось человѣкъ пять солдатъ и офицеръ по наружному виду и одѣянію болѣе похожій на помѣщика или управляющаго т. к. на немъ

никакихъ отличій въ видѣ погонъ не было. Этотъ офицеръ рекомендовавшійся командиромъ батареи и, очевидно, хотѣвшій произвести впечатлѣніе своимъ суровымъ воинскимъ видомъ, оказался вѣжливымъ и я долженъ ему отдать справедливость, деликатнымъ и симпатичнымъ малымъ, послѣ первыхъ словъ отбросившій свою воинскую важность. Его солдаты тоже видимо старались принять видъ грозныхъ воякъ, но потому, какъ они держали ружья, становились на часы и заряжали ружья сразу было видно, что съ оружіемъ вся эта публика мало знакома, также какъ съ обязанностями часовыхъ и караульныхъ. Больше всего озабачивало командира батареи наше оружіе, которое онъ все-же весьма вѣжливо попросилъ ему передать. Я заявилъ ему, что моего оружія онъ не получитъ, чѣмъ очень озадачилъ его, но когда я объяснилъ ему, что даже во время войны старымъ генераламъ, взятымъ въ плѣнъ, въ знакъ уваженія оставляютъ оружіе и погрозилъ ему, что если онъ насильно захочетъ меня обезоружить, я пущу себѣ на его глазахъ пулю въ лобъ, онъ согласился оставить у меня оружіе. Я далъ ему честное слово, что оружіе противъ чиновъ караула употреблять не буду, и не только не предприму что-либо съ цѣлью бѣжать, но даже не уйду, если и была-бы какая-нибудь попытка со стороны меня освободить. Для успокоенія караула я приказалъ своимъ ординарцамъ выдать свои шашки и револьверы. Съ моей стороны нежеланіе разстаться съ оружіемъ было ни фантазіей, ни упрямствомъ, а просто мѣра предосторожности, такъ какъ я не зналъ, съ кѣмъ имѣю дѣло и при недостаткѣ дисциплины могъ всегда ждать послѣ отобранія оружія какого-нибудь оскорбленія или издѣвательства или истязаній, а такъ какъ я этого не считалъ возможнымъ допустить, то предпочиталъ раздробить себѣ голову револьверной пулей. Одного моего револьвера хватило-бы для этой цѣли на всѣхъ насъ.

Просидѣвъ нѣсколько дней подъ карауломъ я убѣдился, что мои опасенія были напрасны, всѣ чины караула относились все время къ намъ не только вѣжливо, но даже предупредительно и я ни одного слова упрека предьявить имъ не могу, а напротивъ долженъ быть благодаренъ какъ командиру батареи такъ и солдатамъ за тѣ мелкія услуги, которыми они облегчали наше заключеніе. Эти дни памятны мнѣ еще и тѣмъ милымъ, самоотверженнымъ отношеніемъ къ намъ нѣсколькихъ дамъ живущихъ въ Кіевѣ. Такъ М. А. Слонимская, которой родной сынъ былъ арестованъ и мужъ далеко не въ безопасности, все же находила время ежедневно заходить въ намъ, приносить намъ продукты и справляться о нашихъ нуждахъ. Елена Николаевна Бенуа ежедневно находила время прибѣгать къ намъ съ другого края Кіева, приносить папиросъ, съѣдобное и нашла даже гдѣ-то на мой ростъ штаткое платье на тотъ случай, что отъ меня потребуютъ, чтобы я снялъ погоны. Моя милая племянница Н. Келлеръ, съ которой я только одинъ разъ въ жизни встрѣтился на пять минутъ, несмотря на то, что была покинута безъ денегъ своимъ мужемъ въ Кіевѣ и что при паденіи нѣсколько дней тому назадъ ушибла себѣ ногу, ежедневно приходила насъ навѣщать и заваливала насъ котлетами, ветчиной, колбасой и даже конфетами. Какъ я былъ бы счастливъ, если въ будущемъ мнѣ удастся услужить и сдѣлать доброе этимъ славнымъ русскимъ женщинамъ.

16-го декабря. Тяжелый выпалъ для меня сегодня день. Утромъ я прочелъ въ газетахъ, что мой стягъ и моя шашка попали кому-то въ руки и описаны какъ взятыя будто бы боевыя трофеи у бывшаго главнокомандующаго графа Келлеръ. Хороши боевыя трофеи, взятыя при ограбленіи у мирно ѣхавшаго по городу на извозчикѣ безоружнаго моего вѣстового Ивана. Казалось-бы хвастаться нечѣмъ, но очевидно хочется этимъ господамъ боевой славы. Обидно до слезъ. Для меня все это — воспоминанія добрыхъ отношеніи частей, которыми я командовалъ на войнѣ, жаль разставаться съ благословеніемъ моей геройской 10-ой дивизіи, благословеніемъ подъ которымъ я не разъ бывалъ подъ такимъ градомъ пуль, что казалось, не было и возможности остаться живымъ. Можетъ быть, Богъ дастъ, послѣ освобожденія удастся вернуть эти дорогія для меня предметы. Часовъ около 11 вошелъ къ намъ въ келію командиръ батареи съ довольно смущеннымъ видомъ, на который я, привыкшій за послѣдніе дни относиться къ нашимъ сторожамъ съ довѣріемъ, не обратилъ вниманія, и заявилъ мнѣ, что онъ получилъ приказаніе меня обезоружить. Одновременно съ нимъ вошли 3 солдата, сразу наведшие винтовку на меня. На мой вопросъ, откуда исходитъ такое приказаніе, онъ мнѣ отвѣтилъ, что отъ коменданта. Вся эта компанія, несмотря на усиліе казаться воинственной и рѣшительной скорѣе показалась мнѣ смѣшной, т. к. командиръ, ставшій между мной и дверью, ведущей въ мою спальню, гдѣ было мое оружіе, съ трудомъ вытащилъ свой револьверъ, а его подчиненные очевидно съ винтовками были мало знакомы, такъ что у одного изъ нихъ затворъ былъ не довернутъ, а другой, наведя на меня дуло, копался, стараясь засунуть патронъ въ коробку, что ему плохо удавалось. Я въ это время сидѣлъ на диванѣ и если захотѣлъ-бы, то, конечно, успѣлъ бы до перваго выстрѣла отскочить за дверь, но этимъ могъ бы вызвать стрѣльбу по моимъ ординарцамъ ,къ тому же обращеніе съ нами послѣднихъ дней доказало, что оскорбленій и истязаній ожидать мнѣ нечего. Правда, я не ждалъ обезоруженія, такъ какъ послѣ трехъ дней, въ которые я не воспользовался оружіемъ и не нарушилъ даннаго мною честнаго слова ни обороняться, ни бѣжать казалось бы должны были отпасть всякія сомнѣнія насчетъ нашего дальнѣйшаго поведенія. Очевидно все клонилось только къ исполненію формальности и того, что эти люди прочли въ уставахъ, и силятся исполнить все по правиламъ уставовъ и инструкцій, но дѣлаютъ это часто невпопадъ, что, конечно, немудренно при молодости арміи. Моя шашка и револьверъ были взяты, я остался сидѣть на диванѣ, не протестуя, но очевидно мой насмѣшливый видъ оскорбилъ одного изъ солдатъ, такъ какъ онъ задалъ мнѣ вопросъ: «развѣ это смѣшно?» — На это я отвѣтилъ: «конечно смѣшно,» наводить три винтовки на безоружнаго старика, котораго этимъ вѣдь не испугаешь. Лучше было бы просто попросить его и взять оружіе». Все-же, хотя я получилъ расписку — мнѣ жалъ моей боевой шашки, получу-ли я ее обратно? — Обращеніе въ этотъ и послѣдующіе дни осталось съ нами такое же вѣжливое, предупредительное, но вмѣсто того, чтобы уменьшить строгость охраны надъ обезоруженными — ее усугубили, такъ напримѣръ, Иванова уже не выпускаютъ на прогулку для закупки намъ провизіи, при каждомъ посѣщеніи насъ даже дамы съ ней входятъ два солдата, которые присутствуютъ при нашемъ разговорѣ и не допускаютъ свиданіе

продолжительнѣе 15-ти минутъ. Въ общемъ видно, что мы имѣемъ дѣло съ людьми, которые силятся исполнить все по правиламъ уставовъ и инструкцій. —

18-го декабря. Сегодня, говорятъ, въѣхалъ въ городъ Петлюра и вся директорія, которую городъ встрѣтилъ торжественно съ колокольнымъ звономъ, какъ бывало, встрѣчали Царскую Семью. Гдѣ они, бѣдные, кто изъ нихъ уцѣлѣлъ и въ какой они теперь обстановкѣ. Однако вотъ уже пятый день какъ мы сидимъ взаперти, становится скучно и тяжеловато не мѣнять бѣлья, не чистить зубовъ и спать прикрывшись полушубкомъ. Хотѣлось бы знать, когда эта комедія кончится и въ чемъ меня въ сущности обвиняютъ. Боюсь, какъ-бы до жены не дошли слухи о моемъ арестѣ. Она больна, а мое задержаніе ее сильно встревожитъ. Одной изъ примѣняемыхъ ко мнѣ строгостей было неразрѣшеніе отправить телеграмму, даже послѣ прочтенія ея.

ЗАКЛЮЧЕНІЕ.

Въ центрѣ общемiровой жизни за послѣднiе семь лѣтъ стоитъ Россія, потрясенная сначала войной, а затѣмъ и революціей.

Въ смыслѣ государственнаго потрясенія за ней стоитъ Германія и такимъ образомъ въ исторіи отчетливо обрисовываются двѣ разрушенныхъ страны, два угнетенныхъ народа.

Еще до Берлинскаго конгресса, тяготѣніе къ русско-германскому союзу было явственнымъ и непреоборимымъ. Но соединеніе двухъ колоссовъ: сѣвернаго и средне-европейскаго было страшно для Англіи, а затѣмъ и для Франціи и путемъ искусственной дипломатической игры это тяготѣніе медленно но вѣрно разрывается Англіей.

Берлинскій конгрессъ есть не больше какъ злонамѣренный ходъ ея. И несмотря на то, что Бисмаркъ сглаживаетъ въ русскихъ дипломатическихъ сферахъ дурное впечатлѣніе отъ Берлина, — политическая трещина намѣчается и обѣ страны пошли по разнымъ уклонамъ. Дипломатическими интригами Россія и Германія сорокъ лѣтъ направлялись къ войнѣ, которая въ сущности была безцѣльна и яснѣе говоря — просто губительна.

Россія не замышляла отнимать какихъ либо территорій у Германіи; скорѣе Германія могла бы преслѣдовать эту задачу, такъ какъ плотность ея населенія и сжатость территоріальныхъ владѣній были очевидны. Всѣ другіе интересы наши устремлялись на Балканы и къ Константинополю. Въ противовѣсъ этому — въ Германіи существовало знаменитое: «Drang nach Osten»; однако въ формы наступательнаго характера оно не претворялось.

Выходитъ такъ, что Россія съ сѣвера, Германія съ юго-запада опирались на одинъ рычагъ, но въ разныхъ концахъ и съ разными напряженіями.

Въ результатѣ инертнаго движенія къ войнѣ заведеннаго Англіей, Россія и Германія сломали рычагъ и губительно столкнулись другъ съ другомъ на Балканахъ.

Началась война; враждующія, а не содружественныя пушки возвѣстили обѣимъ странамъ, что черта исторической ошибки перейдена и начинается уже трагедія, въ которой каждый игралъ свою роль по достоинству.

Англія торжествовала, — Франція шла въ линіи взаимныхъ интересовъ, обѣ страны съ искусно продуманными планами и разсчетами.

Они просты, но осуществленіе ихъ оказалось безмѣрно труднымъ. Съ одной стороны рѣшено — сокрушить Германію, какъ военную и экономичекую силу, съ другой — вывести Россію, какъ страну наиболѣе опасную въ будущемъ для Англіи, изъ обще-государственнаго строя.

Двойственная политика «союзниковъ» по отношенію къ Россіи началась съ первыхъ дней войны. До этого она шла подъ маской односторонняго направленія. Связавъ Россію актомъ дружескаго соглашенія, «союзники» неустанно требуютъ жертвъ во имя его и жертвы приносятся неисчислимо. На требованія такого же

характера со стороны Россіи — «союзники» отвѣчаютъ скудно и сдержанно. Обезсиленіе идетъ по убывающей степени, но далеко не пропорціонально: «союзники» всегда въ выигрышѣ. Ошибка, ввергнувшая Германію и Россію въ войну, обращенная уже въ закономѣрность — теперь ясно углубляется и нашими руками «союзники» начинаютъ загребать жаръ. Россія и Германія безконечно льютъ кровь другъ друга на боевыхъ поляхъ, медленно приближаясь къ роковому концу, намѣченному давно въ дипломатическихъ кабинетахъ «союзниковъ».

Конецъ наступилъ, однако, не сразу. Въ Россіи начались революціонныя качанія, все шире, все дальше. Качнувшійся сверху маятникъ дошелъ до предѣла ,за которымъ начинается большевизмъ. Все это дѣятельно и энергично обрабатывается «союзниками»; ими сыплются деньги, фактическая помощь путемъ участія ихъ дипломатовъ въ нашей революціи и Россія медленно падаетъ съ міровыхъ вѣсовъ.

«Союзники» преступно добиваютъ ее, обнаглѣвъ въ своихъ желаніяхъ и планахъ. Русскимъ патріотамъ, все понявшимъ и громко крикнувшимъ на весь міръ о злодѣяніяхъ «союзниковъ», измѣнившихъ Царю и русскому народу, «союзники» не стѣсняясь зажимаютъ ротъ.

Между тѣмъ Германія, стиснутая въ желѣзномъ кольцѣ восточныхъ русскихъ армій и западныхъ — ведетъ отчаянную борьбу за собственное бытіе до послѣдней капли крови и жестоко отбиваясь отъ своихъ враговъ, кидаетъ въ Россію погубный снарядъ — большевизмъ.

Русскія арміи, пошатнувшіяся до этого, дрогнули окончательно и растеклись по безконечнымъ равнинамъ, унося въ тылъ смятеніе.

Восточный фронтъ противъ Германіи такимъ образомъ падаетъ и послѣдняя готовится къ рѣшительному бою на западѣ, гдѣ собираетъ и группируетъ войска для окончательной схватки.

Страхъ передъ Германіей, еще не поваленной, настолько силенъ у «союзниковъ», что они спѣшно ищутъ возможностей создать на поляхъ Россіи, въ тылу на Уралѣ — участокъ борьбы съ Германіей, не стѣсняясь тѣмъ, что будетъ литься въ сущности только русская кровъ безъ пользы для Россіи. Эгоизмъ переходитъ границы, но утонувшая въ хаосѣ Россія не могла уже крикнуть протеста или освободиться отъ руководства измѣнившихъ «союзниковъ».

Обороняющаяся же Германія, стоявшая еще во враждебномъ лагерѣ, выжидательно наблюдаетъ происходящее въ Россіи и естественно рѣшаетъ свою близкую задачу, не касаясь проблеммы русскихъ событій.

Сосредоточенныя на западѣ германскія арміи теперь уже являются плотной стѣной противъ «союзниковъ» и тутъ впервые возникаютъ въ высшихъ германскихъ кругахъ вопросы — можно ли оставить русскія событія въ ихъ теченіи, грозящемъ перейти въ большое и непоправимое несчастье.

Существовало два рѣшенія: ожидать наступленія «союзниковъ», а въ то же время оставшійся на востокѣ заслонъ изъ войскъ перекинуть къ Петербургу и Москвѣ, чтобы свергнуть большевистское владычество и войти въ соглашеніе съ новымъ правительствомъ или — самимъ германскимъ арміямъ перейти на западѣ въ наступленіе.

Здѣсь германская дипломатія и высшее командованіе въ лицѣ генерала Людендорфа совершили огромную ошибку, отразившуюся вскорѣ и на внутреннемъ строѣ Германіи. Генералъ Людендорфъ предпочелъ обрушиться на «союзниковъ», учитывая побѣду и не учитывая возможности революціи въ своей странѣ, которая при явной экономической слабости уже намѣтилась въ тылу.

Между тѣмъ одинъ нажимъ германскихъ войскъ, находившихся подъ Петербургомъ, повернулъ бы колесо исторіи: большевики были бы устранены, Германія вошла бы въ дружественное соглашеніе съ Россіей, изъ которой бы питала потрясенный экономическій организмъ и такимъ образомъ притокъ свѣжихъ силъ ввидѣ снятыхъ съ русскаго фронта войскъ въ сочетаніи съ экономическимъ усиленіемъ, далъ бы въ руки Германіи явный перевѣсъ надъ «союзниками».

Насильственный Версальскій документъ былъ бы подписанъ въ другомъ тонѣ и при совершенно иномъ его содержаніи.

Объ этой ошибкѣ германское командованіе догадалось лишь лѣтомъ 1918 г., когда впервые помогло организаціи русскихъ добровольческихъ частей сначала въ Кіевѣ, а затѣмъ и въ Псковѣ. Однако укрѣпленіе тиранической власти большевиковъ было уже на лицо и противоборство уже требовалось въ большихъ масштабахъ, чѣмъ въ самомъ началѣ.

Въ тотъ періодъ выявляется окончательно — кто такіе «союзники» и вскрываются всѣ ихъ жадные и темные планы по отношенію Россіи. Въ то время, когда германцы помогая безкорыстно добровольческимъ организаціямъ деньгами, оружіемъ, снаряженіемъ и т. д., «союзники» открыто черезъ свои дипломатическія миссіи начинаютъ создавать изъ балтійскихъ губерній смѣхотворныя государства: Литву, Латвію и Эстонію, отрывая ихъ отъ Россіи.

Ясно — «союзниками» руководитъ все тоже неизмѣнное желаніе добить Россію, а новообразованныя государства по своему эксплоатировать.

При этомъ повторяется все то же :на русской крови создается то, что полезно для «союзниковъ». Въ книгѣ моей уже приведены факты нападенія на мою армію, уничтоженіе русскаго флота въ Блатійскомъ морѣ, гибель Врангелевскихъ войскъ, спасшихъ Польшу и т. д. Добровольческія группы на югѣ, въ Сибири, на сѣверѣ и сѣверо-западѣ Россіи охотно съ внѣшняго вида и не серьезно по существу поддерживались «союзниками» лишь потому, что руководители этихъ группъ признавали союзническую оріентацію, т. е. признавали Версальскій договоръ и долги Россіи, иначе говоря соглашались закабалить русскій народъ на сотни лѣтъ, и заставить его выполнять обязательства этихъ друзей Антанты.

Характерное отношеніе «союзниковъ» къ дѣлу добровольческаго движенія, а слѣдовательно къ дѣлу спасенія Россіи, явствуетъ изъ письма генерала Гофа къ Юденичу, уже приведенному въ текстѣ. Болѣе яркаго документа «союзники» придумать не могли. Изъ него какъ мы видимъ — они сочли обязательнымъ для Россіи и «демократическій» строй, раздавая заранѣе отвѣтственные посты, и кромѣ того — прямо указали на свое освобожденіе отъ какихъ-либо обязательствъ передъ Россіей.

Цинизмъ достигъ высшей точки, но такъ какъ онъ возглашается двигателями Европы, и побѣдителями — то естественно долженъ быть признанъ какъ законъ.

Русскіе патріоты поняли: передъ всѣмъ міромъ, послѣ войны и революціи, разбившей Россію, встали не «союзники» а торгаши, предатели и эгоисты. Въ балтійскихъ губерніяхъ они торгуютъ снаряженіемъ и оружіемъ, отпуская его эстонцамъ, тамъ же предательствуютъ помогая имъ а заодно латышамъ и литовцамъ грабить достояніе Россіи и убивать русскихъ; какъ эгоисты они обрисовываются въ общей линіи своей дѣятельности. Исторія сдѣлаетъ въ свое время подробное разслѣдованіе этого подлиннаго трагизма, вызваннаго къ жизни злонамѣренными, часто не маскированными дѣйствіями «союзниковъ».

Малѣйшее движеніе германцевъ, продиктованное честнымъ желаніемъ помочь Россіи, осуществляясь, встрѣчало дипломатическое припугиваніе, а иногда фактическую угрозу блокадой и т. д. Два народа, истекшіе живой кровью, ограбленные экономически, обезсиленные революціей, наконецъ — просто униженные и оскорбленные «союзниками» бдительно охраняются отъ взаимнаго сближенія.

Въ Прибалтикѣ дѣйствуетъ т. н. междусоюзническая миссія, въ задачи которой входитъ — разорвать намѣченный союзъ. И дѣйствительно грубо — выстрѣлами изъ пушекъ, въ открытую, разъединяются мои и германскія войска, пришедшія на помощь Россіи. Къ кому взывать? Апеляціи будутъ смѣшны и безполезны; они пронесутся безотвѣтно какъ жалкій крикъ въ пустынѣ.

Но ни Германія, ни національная Россія не забываютъ двухъ отчетливыхъ положеній, вокругъ которыхъ зрѣютъ обширныя и твердыя рѣшенія.

Первое — Россія страдаетъ внутренно, организмъ ея окрававленъ злодѣяніями большевиковъ, идущихъ по роковому для нихъ уклону къ концу.

Внѣшне — она за кругомъ давленій; огромныя пространства ея не зажаты въ желѣзные клещи союзническихъ армій и врядъ ли когда либо они отважатся на это. Арміи встрѣтили бы явное обреченіе. Итакъ, въ Россіи перегораетъ ея организмъ и кризисъ близится.

Русскій народъ въ лицѣ своихъ офицеровъ и солдатъ на всѣхъ фронтахъ понесъ неслыханыя жертвы, несмотря на то, что имъ приходилось бороться не за свои завѣтныя желанія, носимыя въ сердцѣ, а часто за чуждыя имъ идеи. Только потому, что эти идеи настойчиво внѣдрялись Антантой въ составъ руководителей добровольческаго движенія. Сражаясь за единую Россію, они въ результатѣ защищали ненужныя ей новыя государства, созданныя Антантой.

И если офицеры при этихъ тяжелыхъ условіяхъ безоглядно шли на многія жертвы — то теперь, когда есть законный Государь Императоръ Державный Вождь и Хозяинъ Земли Русской они удивятъ міръ еще большей силой готовности и чудесами самоотверженія. Избавленіе Россіи отъ тяжкаго ига большевиковъ и не менѣе тяжкихъ узъ «союзниковъ» близко и осуществимо — надо вѣрить, а вѣра двигаетъ горы.

Въ Германіи — положеніе другое. Оно заключается въ томъ, что въ связи съ абсолютно замкнутымъ давленіемъ на нее извнѣ, захватомъ оккупированныхъ областей и грабительскими требованіями многомилліардныхъ контрибуцій, — — организмъ ея въ тяжкомъ заболѣваніи, индустрія придавлена, техника, за

отсутствіемъ средствъ, прекратила поступательный ходъ, промышленность конвульсируетъ. Значитъ — и внутренно и внѣшне Германія больна. Изъ этого ясно: встать на ноги обѣ страны могутъ только, аллегорически выражаясь — плечо въ плечо подпирая другъ друга. И каковъ бы не былъ голосъ грядущихъ событій, какъ бы не удлинялась и не гнулась политическая линія «союзниковъ», направленная съ расчленію двухъ оскорбленныхъ ими странъ — мы русскіе патріоты, поборники національной и монархической идеи — видимъ единственное спасеніе Россіи въ союзѣ съ Германіей. Внутренній строй ея за флагомъ нашихъ учитывающихъ плановъ: національная Россія пойдетъ рука объ руку съ національной Германіей. Установленіе формы національнаго германскаго государства дѣло не наше.

Все увидѣнное мною, услышанное и понятое, какъ однимъ изъ русскихъ патріотовъ (я имѣю всѣ основанія считать себя такимъ) породило во мнѣ одно глубокое незыблемое убѣжденіе: съ того времени какъ «союзники» явно предали нашего Государя, утвердивъ русскую революцію, — углубивъ ее до послѣдней грани — большевизма, наши дороги пошли въ разныхъ направленіяхъ. Германія же, жертвенно и трагически отбивавшаяся отъ цѣлаго міра, истекая кровью, очень скоро поняла, что другое море крови заливающее Россію прорвется своими волнами черезъ ея границы и что спасеніе ея — въ спасеніи Россіи. Она честно вышла къ намъ, протянула руку и предложила свои слабѣющія силы для успокоенія бушующей кровавой смуты въ нашей странѣ. Спасеніе было близко и возможно.

Но темный расчетъ «союзниковъ», ихъ страхъ передъ грядущей расплатой нарушилъ естственный ходъ событій и отодвинулъ ихъ развязку на неопредѣленное время.

Однако преимущества русско-германскаго союза, намѣчаемаго уже въ теченіе трехъ вѣковъ самой жизнью обоихъ великихъ народовъ, никогда еще такъ ярко и наглядно не выступали, какъ въ настоящій историческій моментъ. И потому никакія политическія интриги и даже противодѣйствія со стороны Антанты не измѣнятъ дальнѣйшій путь его развитія, если, конечно, руководители той и другой стороны будутъ неуклонно и честно работать въ этомъ направленіи.

ПИСЬМА И ФОТОГРАФІИ ЧИНОВЪ МОЕЙ АРМІИ.

Помѣщеніе цѣлаго ряда фотографій и писемъ я считаю необходимымъ дополненіемъ къ тексту т. к. многія изъ нихъ, помимо того, что поясняютъ нѣкоторыя существенныя мѣста изъ моихъ записокъ, являются совершенно самостоятельными свидѣтельствами о моей глубокой близости съ офицерами и солдатами, вышедшими за кругъ формальныхъ отношеній подчиненныхъ и военноначальника.

Послѣднее есть тотъ показатель, который вскрываетъ всю глубину русской души, не замутившейся революціонной слякотью и въ минуты полныя огромнаго напряженія для спасенія Родины способной на неисчерпаемые порывы и жертвы.

Я помѣщаю фотографіи офицеровъ и солдатъ съ тѣми надписями, съ которыми онѣ были поднесены мнѣ. Не считаю себя вправѣ отнимать у исторіи спасительнаго добровольческаго движенія этихъ милыхъ простыхъ, но глубокихъ и искреннихъ движеній русскихъ душъ.

Неисчислимыя тяжести, жертвенныя усилія, горе и боль за свою поруганную Родину, тоска о семьяхъ, объ утерянной твердозаконной Родинѣ — все сказалось въ этихъ надписяхъ и еще больше въ письмахъ.

Я оставляю въ нихъ всю простоту и самобытность. Конечно не все въ нихъ будетъ понятно нѣмецкому обществу на первый взглядъ т. к. не всѣ знакомы съ глубокимъ внутреннимъ содержаніемъ русскаго человѣка. Ядъ же революціонный привился не всѣмъ русскимъ — это показало бѣлое крестоносное движеніе.

Въ наше время добрыя и крѣпкія отношенія часто измѣряются или деньгами или властнымъ положеніемъ: такова природа перерожденныхъ душъ.

Письма и форографіи моихъ офицеровъ и солдатъ выпукло и сердечно подчеркиваютъ, что меня связывала съ ними одна святая идея, братское чувство и взаимная любовь человѣка къ человѣку.

Пошлыхъ униженій или заискиваній не было какъ не было и разграниченныхъ зависимостей, обусловленныхъ грубымъ угнетеніемъ стоящихъ выше надъ тѣми, кто принесъ свою простую душу къ алтарю жертвъ во имя Россіи и стоялъ ниже по служебному положенію.

Съ внутреннимъ волненіемъ я припоминаю одинъ случай, когда мое душевное общеніе съ офицерами и солдатами достигло высшаго напряженія и вылилось въ необычныя формы.

Я пріѣхалъ въ казармы 4-го пѣхотнаго полка въ сопровожденіи Гв.- полковника Швецова (отъ русской миссіи въ Берлинѣ).

Была подана команда для воинской встрѣчи — мгновенно батальонъ замеръ въ неподвижности и вдругъ солдаты тихо опустились на колѣни...

Меня это поразило какъ громомъ. Отъ необыкновеннаго приступа слезъ, нахлынувшихъ въ душу, полный любви въ замученнымъ русскимъ людямъ, много лѣтъ купавшимся въ отчаяніи и тоскѣ, потрясенный сценой проявленія солдатами ихъ отношеній ко мнѣ и нашей идеѣ — я опустился тоже на колѣни и, признаюсь, у меня также появились слезы на глазахъ...

Мы начали цѣловать другъ друга — солдаты съ радостью сіяющими глазами, въ слезахъ, обнимали меня и говорили нестройныя, но сердечныя слова о Родинѣ о жертвахъ во имя ея, о преданности Царю и мнѣ, какъ ихъ соратнику.

Эта сцена такъ всколыхнула мою душу, что я въ неизмѣримомъ волненіи выѣхалъ изъ казармъ и ночью, работая въ штабѣ, совершенно отчетливо представлялъ себѣ весь длинный крестоносный путь моей арміи, который, я былъ увѣренъ, — гордо пройду до конца съ такими крѣпкими святыми воинами.

Изъ приведенныхъ уже описаній виденъ весь размѣръ того преступленія, которое совершила Антанта, подрубивъ живые корни моей работы въ Прибалтикѣ.

Позже въ газетахъ писалось объ этой сценѣ въ бурныхъ, извращенныхъ тонахъ, а указанный г. Бережанскій пошелъ дальше: онъ обрисовалъ эту красивую сцену моего наивысшаго общенія съ солдатами какъ сцену провозглашенія меня царемъ и т. д.

Дико и неосмысленно, оскорбительно для чистыхъ простыхъ солдатскихъ сердецъ, стоящихъ ближе въ замученной Родинѣ, чѣмъ тысячи Бережанскихъ, космополитовъ и бѣжавшихъ изъ Россіи «общественныхъ дѣятелей».

Изъ огромнаго количества фотографій и писемъ я привожу немногія, безъ выбора.

Въ будущемъ я намѣренъ собрать ихъ въ обширный томъ и выпустить въ свѣтъ, какъ богатѣйшій показательный матеріалъ, который послужитъ отразителемъ всѣхъ нелѣпыхъ и безсмысленныхъ нападокъ на тѣхъ, кто шелъ за Россію грядущую противъ Россіи теперешней, окровавленной и униженной властью проходящихъ шаекъ.

Я говорю не о народѣ, а о власти предержащей, зажавшей его въ безсвѣтномъ удушьѣ.

Но времена близятся, зрѣютъ высокія рѣшенія и ихъ исполненія — Россія подымается медленно, но подымается.

То, что нѣкогда возглашалось устами либеральныхъ крушителей глубокаго Всероссійскаго порядка — теперь можетъ быть съ полнымъ правомъ сказано нами .... взойдетъ она:

Заря плѣнительнаго счастья
Россія встанетъ ото сна
И на обломкахъ самовластія
Напишетъ наши имена.

Эти имена простыхъ русскихъ людей — солдатъ и офицеровъ много пролившихъ святой крови за Родину. Жертвенно проливали они ее — прольютъ и еще въ послѣднихъ спасительныхъ усиліяхъ.

Объ этомъ искренно и проникновенно разсказываютъ письма и фотографіи приводимыя мною.

Пусть помнятъ враги нашей Родины что живъ русскій народъ и восторжествуетъ право любви къ Родинѣ.

Я привожу фотографіи и письма также и нѣмецкихъ офицеровъ и солдатъ.

Мнѣ это особенно дорого: друзья познаются въ несчастіи.

Германскій народъ, самъ истекая кровью, послалъ своихъ сыновъ на ратныя поля, чтобы еще истекать кровью за Россію, ища взаимной связи съ нами въ тяжелыя минуты міровыхъ потрясеній.

Да хранитъ Господь германскій народъ въ его испытаніяхъ; тамъ гдѣ два сердца связаны одной жертвой — вѣрный и незыблемый залогъ союза. Сердце Россіи и сердце Германіи грядущіе союзники, которыхъ осѣнитъ благословеніе взаимнаго труда и молитвы.

Нѣтъ безпредѣльныхъ несчастій — Родины наши подымутся и гордо еще подымутъ свои знамена надъ міромъ.

Душою я также съ германскими офицерами и солдатами и торжественно отдаю имъ мою первую готовность съ оружіемъ въ рукахъ спасать отъ насилій плечо о плечо мою и ихъ Родины.

Съ нами Богъ!

* * *

г. Нейссе, 1/19 января 1920 г.

Ваше Сіятельство, Глубокоуважаемый
Князь Павелъ Михайловичъ.

Прошу принять мое поздравленіе съ праздникомъ Рождества Христова и съ наступающимъ Новымъ Годомъ. Вполнѣ увѣренъ, что онъ принесетъ намъ освобожденіе нашей Великой Родины, Россіи и позволитъ намъ участвовать въ этомъ подъ Вашимъ водительствомъ. Вѣрьте, Ваше Сіятельство, что безъ Васъ мы осиротѣли и чувствуемъ отсутствіе вождя. Духа — души уже нѣтъ и мы живемъ лишь надеждой Вашего возвращенія, вполнѣ вѣря, что и этотъ счастливый часъ настанетъ.

Каждое извѣстіе отъ Васъ насъ радуетъ и мы ждемъ лишь измѣненія политическаго горизонта, чтобы услышать отъ Васъ радостное для Западной Арміи извѣстіе о Вашемъ возвращеніи, такъ какъ не можемъ и помыслить, что бы Армія, которую съ такими трудами и заботами Вы создали изъ ничего — могла бы существовать безъ Васъ. И я прошу вѣрить, что пиша эти строки, я служу выразителемъ мнѣнія лучшей части Вашихъ подчиненныхъ-сотрудниковъ, которые часто вспоминаютъ о Васъ съ сердечной благодарностью о Вашихъ заботахъ о нихъ, неутомимыхъ трудахъ и — широкихъ планахъ будущаго общаго счастья.

Позвольте-же пожелать Вамъ здоровья и полнаго отдыха. Просимъ вспоминать иногда и о насъ, ждущихъ Васъ и прошу вѣрить въ совершенную преданность и уваженіе.

Вашего Сіятельства покорный слуга
Генералъ-лейтенантъ А. Архиповъ.

Прошу принять сердечную благодарность за подарокъ, который я получилъ черезъ полковника Ч. Ваша сердечная забота меня весьма тронула.

Милостивый Государь, Господинъ Полковникъ!

Съ пріѣздомъ въ Германію Вы продолжали проводить Вашу идею въ жизнь, зародившуюся еще въ Кіевѣ, — формированіе отряда для борьбы съ большевиками. Съ перваго же дня вокругъ Васъ объединились офицеры, служившіе съ Вами въ Кіевѣ.

Каждый изъ насъ, узнавъ о начатомъ Вами дорогомъ для насъ дѣлѣ, шелъ къ Вамъ руководствуясь не личными выгодами, не корыстными побужденіями и не задумываясь надъ вопросомъ, кто Вы такой и почему именно Вы формируете отрядъ. Мы шли за Вами видя въ Васъ олицетвореніе нашей идеи и чувствуя, что Вы поведете насъ по прямому и вѣрному пути, для достиженія нашей общей цѣли — спасенія Родины. Служа съ Вами мы успѣли узнать Васъ и убѣдиться въ томъ, что Вы являетесь въ высокой степени порядочнымъ, честнымъ, безкорыстнымъ и идейно преданнымъ нашему общему дѣлу человѣкомъ.

Мы видимъ въ Васъ не только достойнаго начальника, за которымъ мы пошли и будемъ итти въ дальнѣйшемъ, но и нашего друга, готоваго отдать все, не думая о себѣ, для своихъ подчиненныхъ.

Съ самаго начала нашей совмѣстной службы, противъ Васъ велась интрига гнусными людьми, ставящими выше всего свои личныя выгоды, а не благо Родины, и завидующими Вамъ, какъ человѣку, морально стоящему выше ихъ и съумѣвшему начать и провести въ жизнь ту идею, къ которой мы всѣ стремились и ради которой работаемъ, вѣря въ осуществленіе ея подъ Вашимъ руководствомъ. Слѣдуя Вашимъ совѣтамъ, мы не обращали вниманія на всю ту грязь, которая выливалась этими людьми на Васъ и Ваше дѣло. Дальше терпѣть нельзя. Мы считаемъ своимъ долгомъ просить Васъ прекратить въ дальнѣйшемъ гнусныя дѣйствія и сплетни людей недостойныхъ называться сынами Россіи.

Къ нашеми глубокому сожалѣнію, здѣсь въ Берлинѣ, ко времени, когда мы вынуждены написать это письмо, насъ находится лишь очень небольшое количество, но мы съ увѣренностью можемъ сказать, что всѣ остальные чины нашего отряда всецѣло присоединяются къ намъ.

Приносимъ Вамъ свои увѣренія въ искреннемъ уваженіи и преданности

Полковникъ П. Чайковскій, полк. Б. Потоцкій, Гв.-полк. А. Потоцкій, полк. Кульманъ, ротм. Гершельманъ, кап. Непорожный, кап. Трушевичъ, шт.-кап. Марковъ, шт.-ротм. баронъ Нольде.

Далѣе слѣдуютъ многочисленныя подписи.

16. мая 1919 г.
Берлинъ.

Князю Авалову.
Командующему Русской Западной Арміей.

Вашему Сіятельству извѣстно, что я давно и съ особеннымъ интересомъ слѣжу за развитіемъ корпуса имени графа Келлеръ.

Я знаю съ какимъ стараніемъ Ваше Сіятельство, Вы взялись за обученіе чиновъ находящагося при Васъ корпуса, какъ Вы сумѣли поднять дисциплину новыхъ, Вами сформированныхъ частей, и какимъ довѣріемъ Вы пользуетесь въ этихъ частяхъ.

Ваше Сіятельство, Вы съ большимъ умѣніемъ разрѣшили возложенную на Васъ задачу, несмотря на большія препятствія, и теперь, какъ Командующій Западной Арміей, занимаете видный постъ.

Поздравляю, Ваше Сіятельство, съ успѣхомъ Западной арміи въ послѣдніе тяжелые дни. Впервые за сто слишкомъ лѣтъ Русско-Нѣмецкія части воевали бокъ о бокъ, и я съ особенной радостью заявляю Вашему Сіятельству, что молодыя русскія части, какъ мнѣ извѣстно, великолѣпно дрались.

Дай Богъ Вашему справедливому дѣлу дальнѣйшую полную побѣду на благо Вашего отечества и борьбу съ большевизмомъ для торжества всего культурнаго міра.

11-го октября 1919 — Подпись: графъ фонъ-деръ-Гольцъ.
гор. Митава. — Прусскій Генералъ-маіоръ.

5 Іюля 1921 г.
Лагерь Кведлинбургъ.

Ваше Сіятельство, Глубокоуважаемый Князь Павелъ Михайловичъ!

Извѣстіе о произведенномъ, пока не обнаруженнымъ зломышленникомъ, покушеніи на Вашу жизнь повергло насъ всѣхъ, Вашихъ соратниковъ, въ смущеніе. Но Господь Промысли-

тель вѣдающій дни, спасъ Вашу жизнь на благо Ваше и всѣхъ насъ, Вашихъ вѣрныхъ друзей, почитателей и подчиненныхъ.

Изъ газетъ намъ уже давно извѣстно, что большевики выслали своихъ эмиссаровъ въ Европу для производства убійствъ лицъ, борющихся за возстановленіе Великой и Недѣлимой Россіи. И въ данномъ случаѣ Вы явились первой политической жертвой адскаго покушенія, къ счастью неудавшагося по милости Господней.

Примите же, Ваше Сіятельство, нашу глубочайшую радость по поводу избавленія Вашего отъ грозившей Вамъ смертельной опасности и пожеланіе Вамъ счастья и долгихъ дней на благо столь горячо Вами любимой Россіи и всѣхъ насъ, Вашихъ, Васъ любящихъ и искренно уважающихъ, сотрудниковъ.

Примите, Ваше Сіятельство, увѣренія въ совершенной преданности
и глубочайшемъ уваженіи

Генералъ-лейтенантъ Архиповъ
Генералъ-маіоръ Альтфатеръ
Генералъ-маіоръ Бенуа
Генералъ-маіоръ Погосскій
Полковникъ Кременецкій
Полковникъ Кольчевскій
Полковникъ Равичъ-Богемскій
Полковникъ Кузьминскій
Полковникъ Юрьевъ
Полковникъ Дараганъ
Дѣйств. ст. сов. Андреевъ
Дѣйств. ст. сов. Добровольскій
слѣдуютъ 70 подписей чиновъ арміи.

8 февраля 1920 г.
Альтенъ-Грабовъ.

Ваше Сіятельство!

Сегодня, 8-го февраля, въ день годовщины формированія того ядра, которое составило въ дальнѣйшемъ Западную Армію, я, мои гг. офицеры, мл. чины 1-го и 2-го эскадроновъ, Зальцведельской Команды и чины В. Походной Канцеляріи, — мы всѣмъ сердцемъ съ Вами — нашимъ дорогимъ командиромъ.

Глубоко опечаленные Вашимъ отсутствіемъ, мы вѣримъ въ болѣе свѣтлое будущее когда Вы снова станете среди насъ и поведете къ спасенію Родины руководя нами и возвыся свой голосъ въ защиту Россіи, за любящихъ ея, на все готовыхъ сыновъ.

Примите искреннее поздравленіе съ этимъ нашимъ обоюднымъ праздникомъ. Мы шлемъ Вамъ самыя теплыя, самыя задушевныя пожеланія въ Вашей жизни, слишкомъ замѣтной для Вашихъ враговъ и слишкомъ драгоцѣнной для насъ.

Да благословитъ Васъ Богъ!

Искренно преданный

Полковникъ В. Кременецкій.

Нейссе 1. 1. 20 г.

Ваше Сіятельство!

1919 годъ миновалъ. Годъ тяжелой работы и разочарованій остался позади Васъ — не падайте духомъ. Помочь въ это тяжелое время можетъ только христіанская вѣра и надежда на помощь Бога въ новой работѣ предстоящей въ этомъ году. Да поможетъ Господь Богъ Вамъ и Вашимъ воинамъ. Таковы мои пожеланія Вамъ. Я надѣюсь, что скоро настанетъ моментъ, когда Вы снова почувствуете подъ собой родную землю.

Когда въ будущемъ два великихъ народа, русскій и нѣмецкій протянутъ другъ другу руку для мирныхъ торговыхъ сношеній, не забудется то, что Вы и Вашъ доблестный офицер-

скiй корпусъ положили основанiе этому объединенiю и оздоровленiю обѣихъ нацiй.

«За счастливое будущее Вашей родины, прекрасной Россiи» таковъ пароль перваго дня Новаго Года.

Прошу Ваше Сiятельство принять увѣренiе въ совершенномъ почтенiи и искренней преданности.

Вашего Сiятельства покорный слуга Ленерсъ
Маiоръ и комендантъ лагеря Нейссе.

Отъ имени Желѣзной Дивизiи приношу Вашему Сiятельству благодарность за добрую память. Желаемъ Вашему Сiятельству и всѣмъ русскимъ воинамъ счастливаго Новаго Года въ надеждѣ, что наша совмѣстная работа увѣнчается успѣхомъ

Командиръ Желѣзной Дивизiи
полковникъ Бишофъ.

Ваше Сiятельство

Выражая Вамъ свою благодарность за ордена, которые Вы соблаговолили мнѣ прислать. Я ихъ охотно сохраню, какъ память о нашихъ первыхъ попыткахъ востановить традицiонную русско-нѣмецкую дружбу, побѣдить большевизмъ, угрожающiй жизни обоихъ народовъ, а также, какъ память о вѣрномъ другѣ германцевъ.

О Вашей высылкѣ я искренно сожалѣю. Я старался взяться за Ваше дѣло, но напрасно. Мы нацiоналисты безсильны.

Лично Вамъ я желаю всего наилучшаго. Къ сожалѣнiю всѣмъ намъ теперь приходится лишаться многаго. Невыполнимые, будь то самые благонамѣренные планы, только вредятъ. Это печальная истина.

16-го февраля 1922 г. Вашъ старый другъ
Берлинъ-Вильмерсдорфъ. графъ фонъ-деръ-Гольцъ
Королевско-Прусскiй Генералъ маiоръ въ отставкѣ.

30. XI. 19.

Дорогой Павелъ Михайловичъ!

Что Ты думаешь предпринять дальше? Здѣсь всѣ говорятъ, что вся армiя переходитъ на с. — з. фронтъ, туда я не поѣду, я началъ работать съ Тобой, съ Тобой и кончу. Ѣхать къ Тебѣ невозможно, да и видно не зачѣмъ, такъ какъ видно дѣло провалили эти мерзавцы, ну да сосчитаемся въ свое время! Жалко родины и жалко стольких трудовъ и пролитой крови изъ за прохвостовъ. Мнѣ какъ то Линицкiй передалъ Твою фразу сказанную обо мнѣ, «что Тебя въ случаѣ неудачи Суворовъ не броситъ», спасибо за довѣрiе. Опять повторяю съ Тобой началъ, съ Тобой и кончу. Буду ждать отъ Тебя отвѣта, такiе люди какъ Ты не должны отчаяваться, а продолжать биться до благополучнаго конца. Буду ждать отъ Тебя какого либо отвѣта. Гдѣ Ты тамъ и я. Если бы я хоть чѣмъ нибудь могъ Тебѣ помочь!

Крѣпко Тебя обнимаю, Твой преданный Тебѣ другъ
Полк. М. Суворовъ.

Буду умирать съ голоду, а безъ Тебя служить не буду.

3. III. 20.

Ваше Сiятельство,

Глубокоуважаемый князь Павелъ Михайловичъ!

Я не нахожу словъ выразить Вамъ свою признательность за Ваше дорогое мнѣ вниманiе и память. Говорить красно я не умѣю и перомъ владѣю не складно; вотъ почему, не находя словъ, я просилъ Линицкаго выразить Вамъ мою сердечную благодарность на словахъ. Теперь я долженъ взяться за перо, чтобы своими нескладными словами поблагодарить за карточки, присланные Вами моему вахмистру и Шибанову. Каждый изъ насъ вѣчно лелѣетъ въ душѣ

мечту снова стать подъ знамена любимаго полководца. Связь духовная между нами не прерывается и вѣра въ того доблестнаго вождя, благороднѣйшаго рыцаря, какимъ Вы были, князь, непоколебима. Да хранитъ Васъ Господь.

Глубокоуважающій и искренно любящій

Подполковникъ Сергѣй Намѣстникъ.

Его Сіятельству князю Авалову!

Ваше Сіятельство!

Узнавъ отъ моего бывшаго адъютанта, лейтенанта ф. Роткирхъ адресъ Вашего Сіятельства спѣшу выразить Вамъ мою непоколебимую вѣру и надежду, что Вашему Сіятельству все же удастся свергнуть большевиковъ и вступить во главѣ доблестныхъ войскъ въ Петербургъ, на благо русскаго народа и подъ флагомъ монархическихъ убѣжденій. Если первая попытка къ освобожденію Прибалтики не увѣнчалась успѣхомъ, то все же ни одинъ изъ солдатъ не почувствовалъ себя побѣжденнымъ. Какъ начальникъ отряда я и тогда и позднѣе имѣлъ возможность узнать настроеніе офицеровъ и солдатъ и могу сказать, что всѣхъ ихъ объединяло желаніе вступить опять въ ряды арміи и стать подъ знаменемъ Вашего Сіятельства для новой борьбы противъ большевиковъ. И такъ я обращаюсь къ Вамъ съ просьбой, вспомнить насъ, старыхъ солдатъ, когда наступитъ часъ расплаты и Вашему Сіятельству понадобятся вѣрные ,испытанные люди, на помощь которыхъ Вы можете положиться. Я твердо увѣренъ, что всѣ чины Западной Арміи съ радостью откликнутся на Вашъ зовъ.

Примите увѣренія въ совершенномъ почтеніи искренно уважающаго

фонъ Платенъ

Дульценъ, 1. 12. 1920 г. Ротмистръ.

9. IV. 1920 года

Христосъ Воскресе!

Дорогой Павелъ Михайловичъ!

Я и всѣ чины полка отъ всей души поздравляемъ Тебя со свѣтлымъ Христовымъ Воскресеніемъ и желаемъ всего лучшаго, дай Богъ намъ слѣдующій свѣтлый праздникъ встрѣтить на родной землѣ. Жаль, что Ты не среди насъ, Ты единственный человѣкъ, который болѣетъ за насъ душой, который старается облегчить намъ жизнь. Спасибо Тебѣ за Твою заботу, за Твою помощь изъ собственныхъ скудныхъ средствъ! Мы еще разъ убѣдились въ томъ, что не ошиблись въ Тебѣ и преданы Тебѣ всей душой и готовы итти за Тобой по первому Твоему заву. — У насъ въ Альтенъ-Грабовѣ все по-старому. Что у насъ хорошо, это церковь и чудный хоръ, гдѣ я молившись отдыхаю душой. Отрядный священникъ Отецъ Можаровскій это прелесть и каждую службу молитъ о державіи Россіи и Германіи. Второе удовольствіе это театръ, гдѣ во главѣ стоятъ подполк. Марковъ, кап. Архиповъ и Горный, а ротм. Левшинъ художникъ и дивно рисуетъ декораціи. Играютъ очень недурно и публика посѣщаетъ охотно.

Еще разъ прошу принять отъ всѣхъ насъ искреннюю благодарность за Твою заботу. Передай привѣтъ и поздравленіе всѣмъ, кто у Тебя. Пиши, что новаго и хорошаго.

Цѣлую Тебя. Преданный Тебѣ всей душой

полк. В. Кременецкій.

28 іюня 1920 года.

Дорогой Павелъ Михайловичъ!

Зинаида Павловна, я и всѣ наличные Келлеровцы, вѣрные своему командующему, въ день его Ангела шлемъ наилучшія пожеланія. Дай Богъ Вамъ успѣха во всѣхъ начинаніяхъ! Мы же горимъ нетерпѣніемъ поскорѣй на дѣлѣ доказать любовь къ Родинѣ и Вамъ. Горимъ желаніемъ увидѣть Васъ скорѣй въ черкескѣ — символѣ скорой работы на пользу Родины.

Лично отъ себя могу пожалѣть, что этотъ день не могу во главѣ своего полка принести Вамъ поздравленія и крикнуть ура за здоровіе своего командующаго. Еще разъ шлемъ Вамъ привѣтъ и наилучшія пожеланія.

Ура Главнокомандующему.

Всегда искренно преданный Вамъ полковникъ Е. Кочановъ.

Ваше Сіятельство князь Павелъ Михайловичъ!

Зная, что Вы, не покладая рукъ, работаете на спасеніе Родины и одновременно съ симъ, всѣ Ваши мысли направлены на помощь шедшимъ за Вами чинамъ арміи, такъ равно, зная Васъ лично, Ваши взгляды и пути по которымъ Вы идете для сверженія большевиковъ, мы старшіе чины Западной Добровольческой Арміи охотно подтверждаемъ, что мы всегда готовы поддержать Васъ въ Вашей трудной работѣ и быть всегда съ Вами, какъ съ человѣкомъ, которому мы довѣряемъ.

5 февраля 1923 г., лагерь Целле

Бывш. Инспект. Артиллеріи 39. Арм. Корп.
Генералъ-маіоръ Альтфатеръ
Бывш. Команд. 2-ой Дивизіи 101 Арм. Бриг.
Генералъ-маіоръ Богдановъ
Начальникъ 53 Ополченской Бригады
Генералъ-маіоръ Погосскій
Бывш. Инсп. Арт. 19 Арм. Корпуса
Генералъ-маіоръ Бенуа
Бывш. Виленскій комендантъ
Полк. Шемякинъ
Бывш. Команд. 1-ой батареи 12-ой полевой легкой арт. Бригады
Полк. Кольчевскій

Штольпъ, Поммернъ
22 декабря 1919 года.

Ваше Сіятельство!

Офицеры, унтеръ-офицеры и солдаты Авіаціоннаго Отряда Желѣзной Дивизіи собрались сегодня въ послѣдній разъ для прощальнаго вечера и передъ разставаніемъ вспоминаютъ еще разъ тѣ дни, когда они подъ славнымъ знаменемъ Вашего Сіятельства сражались въ Прибалтикѣ. Сознаніе, что мы принадлежали къ тѣмъ войскамъ, которыя первыми стали подъ водительствомъ Вашего Сіятельства и такимъ образомъ въ первыхъ рядахъ проложили путь будущему союзу между нашей родиной и Великой Россіей, преисполняетъ насъ гордостью.

Ваше Сіятельство! Много крови было пролито передъ стѣнами города Риги въ октябрѣ 1919 года, много храбрыхъ русскихъ и нѣмецкихъ солдатъ закрѣпили этотъ будущій союзъ своей жизнью. Что жертвы эти были не напрасны, покажетъ будущее. Недоброжелательность нашихъ враговъ, раздоры и слабость въ нашей родинѣ не дали намъ пожать плоды нашихъ общихъ побѣдъ.

Путь нашъ далекъ и тернистъ, но мы пойдемъ по нему съ гордымъ сознаніемъ, что сами избрали свой долгъ.

Цѣлъ наша:

Союзъ Россіи и Германіи

Ваше Сіятельство, будьте увѣрены, что среди нѣмцевъ всегда найдутся многія тысячи, которыя съ радостью будутъ готовы отдать свою жизнь для того, чтобы обезпечить нашимъ народамъ возможность существованія, которую враги сейчасъ отняли у нихъ.

Бывшіе офицеры, унтеръ-офицеры и солдаты Авіаціоннаго Отряда Желѣзной Дивизіи первыми явятся въ рядахъ Вашей арміи, когда вы ихъ позовете.

Отъ имени всѣхъ чиновъ
Авіаціоннаго Отряда Желѣзной Дивизіи
Командиръ Бирхштейнъ
Оберъ-Лейтенантъ.

23. 6. 20, Альтенъ-Грабовъ.

Ваше Сіятельство!

Я счастливъ, что могу воспользоваться такимъ удобнымъ случаемъ и послать Вамъ письмо. Зальцведельцы еще не умерли и шлютъ Вамъ свой сердечный привѣтъ. Правда ряды ихъ порѣдѣли, но всѣ мы свято вѣримъ Вамъ и безусловно всегда пойдемъ за Вами. Стоитъ Вамъ, Ваше Сіятельство, кликнуть кличъ и Зальцведельцы снова будутъ мощной боевой единицей, готовой помогать Вамъ въ Вашемъ святомъ дѣлѣ.

Отъ лица гг. офицеровъ и чиновъ команды желаю Вамъ, Ваше Сіятельство, здоровія и успѣха. Да хранитъ Васъ Богъ!

Шт.-Кап. Машталеръ

Кенигсбергъ, 17. 10. 20.

Его Сіятельству князю Авалову!

Выражаю Вашему Сіятельству мою глубокую благодарность за разрѣшеніе носить Мальтійскій Крестъ Русской Западной Арміи II Класса съ мечами и бантомъ. Удостовѣреніе мнѣ передано моимъ бывшимъ адъютантомъ лейтенантомъ Рубергомъ.

Я не могу выразить Вашему Сіятельству, насколько меня обрадовало и тронуло оказанное мнѣ Вами вниманіе. Я и не расчитывалъ больше на то, что Ваше Сіятельство припомнитъ меня и мои скромныя заслуги. Теперь я знаю, что мой адъютантъ былъ правъ, когда онъ недавно писалъ мнѣ: «Князь Аваловъ не забываетъ своихъ старыхъ воиновъ».

Я поддерживаю сношенія со многими изъ моихъ солдатъ и главнымъ образомъ съ офицерами. У насъ у всѣхъ только одно желаніе: служить опять въ скоромъ времени подъ славнымъ водительствомъ Вашего Сіятельства какъ въ былое время на благо русско-нѣмецкаго національнаго дѣла и для сверженія общаго врага. Надѣемся, что тогда Вы, Ваше Сіятельство получите заслуженную Вами награду, которую несправедливая судьба отняла у Васъ въ прошломъ году.

Не посчитайте за нескромность, Ваше Сіятельство, если я обращаюсь къ Вамъ еще съ покорнѣйшей просьбой, прислать мнѣ Вашу карточку. Для меня это было бы большимъ счастьемъ, которое я съумѣю оцѣнить какъ должно.

Выражая Вашему Сіятельству мою искреннюю благодарность за оказанную мнѣ благосклонность, остаюсь съ выраженіемъ глубокаго почтенія Вашего Сіятельства преданный

Балла.
Гауптманнъ.

Нейерсгаузенъ/Фрейбургъ
7. 1. 1922

Ваше Сіятельство.

Къ великому моему возмущенію я прочелъ вчера въ газетахъ, что изданъ приказъ о высылкѣ Вашего Сіятельства. Я не удивился, ибо я давно уже пересталъ вообще удивляться. Лучшимъ друзьямъ нашего отечества строютъ всякія непріятности. Большевики и друзья Антанты дѣлаютъ все, что имъ угодно, а людей, пострадавшихъ за родину и оставшихся вѣрными своему Царю — преслѣдуютъ. Будьте увѣрены, Ваше Сіятельство, что эта высылка есть оскорбленіе для всѣхъ солдатъ и офицеровъ, особенно для тѣхъ, которые имѣли честь сражаться подъ командованіемъ Вашего Сіятельства. Что дѣлать — мы сейчасъ являемся только орудіемъ Антанты. Насъ, балтикумеровъ и защитниковъ Верхней Силезіи, презираютъ, въ то время какъ мятежники и измѣнники отечества пожинаютъ почетъ и уваженіе.

Я всецѣло стою къ услугамъ Вашего Сіятельства если могу быть только чѣмъ нибудь полезнымъ.

Пока остаюсь искренно преданный и вѣрный Вашему Сіятельству

Баронъ Маршалъ фонъ Биберштейнъ
Подполковникъ Западной Арміи.

15. 2. 20.
Альтенъ-Грабовъ.

Глубокоуважаемый Князь Павелъ Михайловичъ!

Прошу Васъ принять мою сердечную благодарность за добрую память обо мнѣ.

Я счастливъ и гордъ Вашимъ расположеніемъ и, какъ подобаетъ старому солдату, остаюсь вѣренъ своему вождю, несмотря ни на какія превратности судьбы.

Твердо помню я свое обѣщаніе, данное Вамъ 31 Декабря прошлаго года въ городѣ Дрезденѣ.

Примите Ваше Сіятельство увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и искренной преданности покорнаго и благодарнаго
Вашего слуги
Полк. Евг. ф. Плато.

Альтенъ-Грабовъ
15. 4. 1920

Воистину Воскресе!

Дорогой Князь Павелъ Михайловичъ! Большое Вамъ спасибо за поздравленіе къ Свѣтлому Празднику, которое я получилъ отъ Ротмистра Теермана какъ разъ передъ Заутреней.

Праздникъ мы встрѣтили очень хорошо, по старому, по православному. Въ нашей церковкѣ была отслужена заутреня, послѣ которой разговлялись у Ротмистра Левшина. Все время вспоминали Васъ и страшно жалѣли, что Васъ не было съ нами. На слѣдующее утро были въ эскадронѣ и въ полусотнѣ. Со всѣми солдатами похристосывались и какъ слѣдуетъ выпили. Всѣ тосты и разговоры были о Васъ и о Россіи. Всѣ были очень довольны и счастливы тѣмъ, что благодаря Вашимъ стараніямъ и заботамъ о насъ, встрѣтили праздникъ такъ, какъ давно давно не встрѣчали. Казаки пѣли намъ Ваши любимыя пѣсни и Ваше отсутствіе навѣяло такую грусть, что не было силъ удержаться отъ сдавившихъ горло слезъ. Потомъ въ теченіе 1-го и 2-го дня были съ визитами у всѣхъ начальствующихъ лицъ. Считаю своимъ долгомъ доложить Вамъ, что особенно хорошее, сильное впечатлѣніе своей преданностью Вамъ и любовью, произволи на меня Генералъ-Лейтенантъ Архиповъ, Полковникъ Кольчевскій, Подполковникъ Оремъ и Подпоручикъ Клопотовскій. Всѣ они страшно благодарны за Ваше поздравленіе и, конечно, всѣ напишутъ Вамъ. На 1-ый и 2-ой день въ казино въ 5 часовъ былъ устроенъ чай съ музыкой, было очень мило. Кромѣ того, на второй день для дѣтей было устроено гулянье съ музыкой и всѣ дни устраивались спектакли. Такъ что праздники мы чувствуемъ даже въ Альтенграбовской обстановкѣ.

Кромѣ всего распространилась радостная вѣсть о томъ, что Вы скоро пріѣдете къ намъ. Всѣ, конечно, страшно обрадованы этимъ и воспрянули духомъ. Живемъ и мечтаемъ о Вашемъ пріѣздѣ. Дай Богъ!

Пока желаю Вамъ всего, всего хорошаго и счастливаго успѣха. Большое Вамъ спасибо за поддержку. Крѣпко цѣлую Васъ. Вашъ преданный и любящій Васъ

Мичманъ Ф. Протопоповъ.

Нейссе
3 декабря 1919 г.

Дорогой и хорошій нашъ Павелъ Михайловичъ.

Поздравляю Тебя отъ своего и всѣхъ искренно любящихъ Тебя — а имя имъ легіонъ — имени, съ Новымъ Годомъ.

Особо просили Тебя поздравить генералъ Альтфатеръ, полковники: П. П. Чайковскій, Купчинскій, Григоровъ, Вольскій и, на мой вопросъ: «еще что передать» — завѣрить въ ихъ твердости и увѣренности. Съ особой нѣжностью и преданностью поздравляетъ Тебя Твой Конвой, полковникъ Кременецкій и Протопоповъ, а также полковникъ Чесноковъ съ супругой.

Знай, что у Тебя много вѣрныхъ офицеровъ и солдатъ и теперь одна забота — поддержать ихъ.

Искренно поздравляю съ Новымъ Годомъ.

Господь да будетъ съ Тобой. Твой Георгій Шнейдеманъ.

Ваше Сіятельство!

Дорогой Князь Павелъ Михайловичъ!

Позвольте и мнѣ съ сыномъ принести Вамъ наши почтительныя поздравленія съ праздникомъ Рождества Христова и Новымъ Годомъ и пожелать Вамъ добраго здоровья и исполненія Вашихъ благородныхъ надеждъ и стремленій. Слышалъ, что Вы посѣтили «свою семью» въ Вюнсдорфѣ, и очень очень сожалѣю, что меня тамъ не было, и я лишилъ тѣмъ себя чести пожать руку честному русскому солдату и вождю.

Съ истиннымъ уваженіемъ душевно преданный Вашему Сіятельству грѣшный молитвенникъ

Вашъ Протоіерей І. Можаровскій.

Дрезденъ, 1 января 1922 г.

Ваше Сіятельство!

Примите отъ меня, г. г. офицеровъ и пластуновъ 1-го Пластунскаго полка искреннее поздравленіе съ Новымъ Годомъ 1920.

Отъ души шлемъ самыя наилучшія пожеланія.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности Командиръ 1-го Пластунскаго полка

1. 1. 20 года Полковникъ Дударь.

гор. Нейссе.

Вознеся сегодня 29 іюня въ день Вашего Ангела молитвы о здравіи, я просилъ вмѣстѣ съ благодарными чинами Арміи, Господа Бога, чтобы онъ послалъ Вамъ силу и крѣпость преодолѣть всѣ трудности жизни и еще много и много потрудиться на благо многострадальной Родины нашей. Ваше отношеніе, всегда привѣтливое и заботливое, останется навсегда въ моей памяти.

Благодарный священникъ 2-го Пластунскаго полка

29 іюня 1921 года. Владиміръ Лотоцкій.

Христосъ Воскресе!

Дорогой Павелъ Михайловичъ.

Шлемъ Тебѣ наши поздравленія и наилучшія пожеланія изъ Берлина, гдѣ всѣ мы на нѣсколько дней объединились. Жизнь наша по старому протекаетъ тихо, мирно и безцвѣтно. Дни убиваются на прогулки по окрестностямъ лагеря и на разнаго рода домашнія занятія: чтеніе, рисованіе и другія.

Полная ошалѣлость отъ подобнаго рода времяпровожденія выгнала насъ въ Берлинъ, повидать хоть людей не нашего захолустья. Здѣсь чувствуемъ себя тоже дико, такъ какъ оказывается совершенно отвыкли отъ городскаго шума и толчеи. А между тѣмъ время бѣжитъ и убѣгая въ вѣчность не оставляетъ не только никакого слѣда, но даже и хоть сколько нибудь интереснаго воспоминанія. Тоскливо-мрачное настроеніе окружающихъ заставляетъ почти избѣгать общенія съ ними и за исключеніемъ немногихъ почти никого не видишь, ища внутри себя удовлетворенія всѣхъ своихъ внутреннихъ запросовъ и духовныхъ потребностей преслѣдующихъ каждый часъ, каждую минуту.

Еще разъ, дорогой, просимъ принять пожеланія здоровья, благополучія и успѣха въ жизни и вѣрить нашему искреннему желанію Тебѣ добра и счастья.

Искренно и крѣпко любящіе Тебя

Борисъ Потоцкій

Андрей Потоцкій

Берлинъ, 7. 4. 20. г Евгеній Трушевичъ

30 декабря 20 г.

Ваше Сіятельство!

Приношу Вамъ глубокую благодарность за поздравленія съ праздникомъ. Я горжусь тѣмъ, что Вы, Ваше Сіятельство, вспомнили обо мнѣ и что Вы еще часто вспоминаете тѣ

времена, когда русскія и нѣмецкія войска подъ Вашимъ водительствомъ совмѣстно сражались за возстановленіе святой Руси и для спасенія нашего нѣмецкаго отечества отъ краснаго террора.

Разрѣшите и мнѣ, Ваше Сіятельство, высказать Вамъ наилучшія пожеланія къ Новому Году. Дай Богъ, чтобы въ новомъ году исполнились бы всѣ надежды съ которыми Вы въ прошломъ году приступили къ Вашей работѣ.

Примите увѣренія въ совершенномъ почтеніи

Преданный и благодарный Вамъ

Капитанъ Вагенеръ

Начальникъ Штаба Нѣмецкаго Легіона.

Flughafen 3. 8. 1919 г.

Глубокоуважаемый г. Полковникъ!

Изъ чувства глубокаго уваженія пишу я эти строки и покорнѣйше прошу простить мою смѣлость.

Подъ сильнымъ впечатлѣніемъ вчерашняго праздника авіаціоннаго отряда душой котораго Вы явились, мнѣ хочется выразить Вамъ мое глубокое уваженіе.

Я принадлежу къ старой прусской офицерской семьѣ и воспитанъ въ традиціяхъ любви къ Родинѣ и Царствующему дому. И то и другое я теперь потерялъ. Въ тотъ день, когда моего Императора предали клятвопреступные негодяи, я потерялъ вѣру въ людей.

Мнѣ уже не придется теперь смотрѣть въ ясныя очи моего Императора (онъ однажды подалъ мнѣ руку и взглянулъ на меня взглядомъ, который не забывается).

Вчерашній день показалъ мнѣ новую цѣль жизни. Разрѣшите мнѣ г. Полковникъ поступить въ ряды Вашего Корпуса, дайте мнѣ возможность найти снова то, что я потерялъ. Со всей моей молодой силой и любовью я пойду за Вами, буду видѣть въ Васъ мой идеалъ и найду новую родину.

Я плохо излагаю свои мысли, они слишкомъ глубоки.

Будучи молодымъ кадетомъ, я написалъ въ своемъ дневникѣ подъ портретомъ моего Императора слова: «Преданность моя непоколебима». Этого моего девиза я придерживался за всѣ 5 лѣтъ войны и хочу его повторить.

За Васъ, господинъ Полковникъ и за мою новую Родину я готовъ положить свою жизнь.

Простите мою смѣлость, но исключительное время требуетъ исключительныя мѣры.

Вашъ покорный слуга

Лейтенантъ Крумме.

Христосъ Воскресе, Ваше Сіятельство

Многоуважаемый Павелъ Михайловичъ!

Отъ всего офицерскаго состава 1-ой Конной Батареи, юнкеровъ, кадетъ и солдатъ приношу Вамъ, какъ нашему любимому вождю, горячее и сердечное поздравленіе съ Свѣтлымъ Христовымъ Воскресеньемъ и лучшія пожеланія въ будущемъ, которое по нашему глубокому убѣжденію дастъ Вамъ возможность какъ командиру и начальнику еще разъ убѣдиться, что 1-ая Конная Батарея Вашей Арміи, вписавшая своимъ морскимъ боемъ Ваше имя въ исторію Русской Конной Артиллеріи, и теперь попрежнему крѣпка духомъ, спайкой и неукротимымъ желаніемъ борьбы подъ Вашимъ руководительствомъ.

Искренне Вамъ преданный и помнящій Васъ

Подполковникъ Борисъ Ашехмановъ.

Броневой Автомобильный Дивизіонъ, собравшись ко дню праздниковъ Святого Великомученника и Побѣдоносца Георгія и Дивизіона въ далекой но дружественно къ намъ располо-

женной странѣ, поздравляетъ съ днемъ праздника горячо любимаго Командующаго Арміей и старшаго изъ насъ кавалера и выражаетъ чувства гордости, видя, что не перевелись еще люди горячо любящіе свою Родину, отдавшіе, отдающіе теперь и впредь всецѣло самого себя на служеніе честной идеѣ возрожденія Отечества и отъ всей души, всѣ какъ одинъ, желаютъ счастья, твердости и успѣха въ начатомъ святомъ дѣлѣ Вашему Сіятельству, надѣясь слѣдующій праздникъ встрѣтить въ той же средѣ, но въ стѣнахъ Бѣлокаменной.

Командиръ Дивизіона, Подполковникъ Масленниковъ.

9-го декабря 1919 г. , г. Олау

Здравія желаю Ваше Сіятельство!

Прошу принять мой солдатскій поклонъ и пожеланія успѣха во всѣхъ Вашихъ начинаніяхъ.

Всегда готовый къ вѣрной службѣ

15. 12. 1921 г. подполковникъ Николай Оремъ.

Кведлинбургъ.

Лагерь Альтенъ-Грабовъ

15 .2. 1920 г.

Ваше Сіятельство!

Празднуя сегодня годовщину основанія и свой командный праздникъ, Зальцведельская Конно-Пулеметная Команда, въ настоящее время переживающая тяжелыя испытанія, но бодрая духомъ и глубоко вѣрная своему вождю въ его святомъ дѣлѣ возсозданія Родины, выражаетъ Вамъ, Ваше Сіятельство, свои чувства безграничной преданности, присоединяя къ нимъ пожеланія довести до конца начатое Вами дѣло въ жертву которому Вы приносите всѣ свои силы и жизнь. Не взирая на испытанія ниспосланныя намъ судьбой, насъ ни на минуту не покидаетъ мысль о томъ, что скоро настанетъ то время, когда Вы опять стоя во главѣ преданныхъ войскъ, поведете ихъ къ желанной цѣли. Да поможетъ Вамъ Господь Богъ въ Вашей святой работѣ.

Шт.-Кап. Гурейкинъ
Пор. Бекаревичъ
Пор. Машталлеръ
Подпор. Похвисневъ
Подпор. Зарѣцкій
Пор. Папчихинъ
Подпор. Сафоновъ

Рейхерсвальде.

16. 2. 1922 г.

Милый дорогой и славный мой старый другъ Павелъ Михайловичъ.

Большое спасибо Вамъ за помощь, — повѣрьте мнѣ, мой старый командиръ, что самая трогательная помощь — это помощь нищаго нищему. Въ самыя тяжелыя минуты Вашей жизни, Вы все же удѣлили часть Вашихъ скудныхъ средствъ другу. Спасибо Вамъ! Обнимаю и цѣлую Васъ. Любящій Васъ

Вашъ адъютантъ Валентинъ Линицкій

Первая Конная Батарея шлетъ своему дорогому вождю наилучщія пожеланія и поздравляетъ съ Новымъ Годомъ Подполк. Ашехмановъ.

Батальонъ поздравляетъ Ваше Сіятельство съ праздникомъ и желаетъ всего наилучшаго къ Новому Году. Батальонъ Лютгенгаузъ.

Въ неизмѣнной вѣрности и преданности шлю привѣтъ къ празднику

Поручикъ Рэригъ.

Вмѣстѣ съ моей ротой пью за здоровіе дорогого вождя, одновременно выражаемъ благодарность за поддержку, оказанную намъ къ празднику.

Любящій Васъ капитанъ Мельниковъ.

16. IV. 1920

Дорогой Павликъ!

У насъ все по старому. На приказы Романовскаго реагируемъ по рецепту Кременецкаго, о которомъ Ты уже знаешъ, а въ общемъ полагаемъ, что Романовскій, также какъ его дядя и тетя могутъ писать сколько угодно; думаю, что скоро онъ самъ подавится своими-же приказами.

До Тоего пріѣзда германское командованіе не дѣлаетъ никакихъ перемѣщеній въ лагеряхъ, почему для формированія офицерскаго отряда пока нѣтъ мѣста. Думаю, что Ты все отлично устроишь и сговоришься со всѣми въ Берлинѣ, и отъ души желаю Тебѣ успѣха.

Цѣлую крѣпко. Будь здоровъ.

Твой Борисъ Чеснаковъ

Жена шлетъ Тебѣ привѣтъ и наилучшія пожеланія. Маленькая елочка у Тебя будетъ.

Примѣчаніе. Совѣтую герцогу Лейхтенбергскому обратить свое благосклонное вниманіе на это письмо, написанное полк. Б. Чеснаковымъ, его лучшимъ сотрудникомъ и главнымъ помощникомъ въ г. Кіевѣ.

Христосъ Воскресе!

Ваше Сіятельство!

Привѣтствую Васъ, Ваше Сіятельство, со Свѣтлымъ праздникомъ и прошу принять мою искренную сердечную благодарность за оказанное Вами пожертвованіе на украшеніе церкви и праздничный подарокъ мнѣ, ктитору.

Въ пасхальную субботу мною получены отъ ротмистра Левшина девятьсотъ марокъ, деньги мною переданы о. Протоіерею Іоанну 10-го апрѣля, о. Владиміру 13-го апрѣля, а священнику о. Григорію — 15-го апрѣля, какъ только оба прибыли въ Альтенъ-Грабовъ при Пасхальномъ Богослуженіи изъ лагерей военноплѣнныхъ.

За симъ присовокупляю, что я одновременно съ письмами посылаю Вашему Сіятельству двѣ просфоры, изъ которыхъ вынуты частицы о Вашемъ здравіи.

Остаюсь уважающій ктиторъ Крестовой Церкви.

Губернскій секретарь Александръ Григорьевичъ Малининъ.

Альтенъ-Грабовъ
16-апр. 1920 г.

Состоявшееся 22-го января 1922 года второе общее собраніе Союза бывшихъ Балтикумеровъ обратилось, по почину предсѣдателя барона Мантейфель, къ правленіи съ просьбой передать всѣмъ командующимъ и командирамъ добровольческихъ корпусовъ свой искренній привѣтъ.

Я лично очень радъ, что могу передать Вамъ, мой дорогой князь, это постановленіе и отъ себя прошу Васъ сохранить и въ дальнѣйшемъ нашему союзу Ваши симпатіи.

Отъ имени правленіи и моего шлю Вамъ сердечный привѣтъ

Предсѣдатель Союза баронъ Мантейфель-Кацдангенъ.

Его Сіятельству
Генералу князю Авалову.

Мы нижеподписавшіеся, офицеры, унтеръ-офицеры и нижніе чины въ Берлинѣ, «Ortsgruppe Berlin des Vereins ehemaliger Baltenkämpfer», которые состояли въ Добр. Императорской Русской Западной Арміи подъ командою Вашего Сіятельства, съ гордостью вспоминаемъ прекрасное русско-германское братство въ борьбѣ противъ большевиковъ и латышей въ 1919-20 годахъ и шлемъ Вашему Сіятельству, какъ нашему вождю, самый почтительный привѣтъ въ знакъ этого незабвеннаго времени.

Злой рокъ помѣшалъ проведенію великой идеи, за которую боролись Вы, Ваше Сіятельство. Но мы вернулись непобѣжденными.

Съ глубокимъ сочувствіемъ мы слыхали, что Вашему Сіятельству, въ теченіе послѣднихъ лѣтъ, приходилось бороться съ большими непріятностями и быть предметомъ нападокъ злонамѣренной печати.

Мы просимъ Ваше Сіятельство не обращать вниманія на эти нападки неблагопристойной печати и не забывать, что мы германскіе солдаты, которые знали Ваше Сіятельство, какъ справедливаго и благороднаго начальника и великодушнаго человѣка, глубоко цѣнимъ Ваше Сіятельство и всегда готовы встать въ защиту Вашего Сіятельства.

10-го мая 1923 года
гор. Берлинъ.

Далѣе слѣдуютъ многочисленныя подписи уполномоченныхъ отъ группъ и организацій.

Темплинъ, 2 сент. 1920 г.
Шлоссъ Герсвальде
Уккеркмаркъ

Его Сіятельству генералъ-маіору князю Авалову
Главнокомандующему Русской Западной Арміей.

Мы, нижеподписавшіеся офицеры Западной Арміи, въ день годовщины состоявшагося 2-го сентября 1919 года въ гор. Митавѣ парада, завѣряемъ Ваше Сіятельство въ нашей готовности къ новымъ боевымъ дѣйствіямъ.

Примите увѣренія въ совершеннѣйшемъ почтеніи Вашему Сіятельству покорнѣйшіе слуги

Подпор. Эбергардъ Химмельтъ, 1-го Коннаго полка Желѣзной Дивизіи
Подпор. Георгъ Шрадаръ, офицеръ для порученій при губернаторѣ
Подпор. Гербертъ Навротцкій, офицеръ для порученій при губернаторѣ
Подпор. фонъ-Борригъ, Корпусъ Рикхофа
Подпор. Эрнстъ Вурцъ, 2-го Курляндскаго пѣхотнаго полка
Подпор. Вольфгангъ Шютце, 1-го гвард. запаснаго полка.

Ваше Сіятельство, глубокоуважаемый князь Павелъ Михайловичъ!

До глубины души тронутый Вашей памятью и вниманіемъ ко мнѣ, прошу принять мою искреннюю и глубокую благодарность за Вашу фотографическую карточку. Эта карточка мнѣ всегда будетъ напоминать о томъ времени, когда мы, заброшенные судьбой въ чужую страну, стали подъ родное русское знамя въ ряды арміи, преводительствуемой такимъ милымъ и гуманнымъ начальникомъ, добрымъ старшимъ товарищемъ, какимъ Вы были всегда по отношеніи къ намъ.

Всей душой желаю Вамъ всякаго успѣха и да хранитъ Васъ Богъ на благо нашей дорогой Родины.

Примите увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности

Вашъ вѣрный слуга поручикъ
Плакида

26 марта 1920 г.

Кведлинбургъ 15. 12. 21.

Ваше Сіятельство!

Всегда съ удовольствіемъ вспоминаю службу подъ Мальтійскимъ Крестомъ. Никогда не покидаетъ меня надежда продолжать ее рано или поздно подъ водительствомъ Вашего Сіятельства.

Преданный Вамъ капитанъ Владиміръ фонъ-Шредеръ.

Его Сіятельству князю Авалову.

Только что прочелъ въ газетахъ о совершенномъ на Ваше Сіятельство покушеніи. Позвольте мнѣ, Ваше Сіятельство, выразить Вамъ мое глубокое сожалѣніе, что такой гнусный поступокъ могъ быть совершенъ въ нашемъ отечествѣ. Одновременно приношу Вашему Сіятельству сердечное поздравленіе и выражаю свою радость по поводу того, что Вы, Ваше Сіятельство, остались невредимы на пользу Вашему и нашему отечествамъ,

Когда настанетъ тотъ часъ, когда мы снова сможемъ поднять нашъ національный флагъ! Смѣю увѣрить Ваше Сіятельство, что я продолжаю работать для нашего дѣла.

Національная Германія и Россія освобожденная отъ ига интернаціональнаго еврейства составятъ несокрушимую стѣну противъ всѣхъ враговъ.

Вашего Сіятельства преданный

Фритцъ Б.

Магдебургъ, 10. 6. 20 года

Ваше Сіятельство.

Нѣтъ словъ, которыми я могъ бы выразить благодарность за Ваше сочувствіе и доброту проявленную по отношеніи меня. Я потерялъ было надежду имѣть необходимые предметы: искуственный глазъ и очки. Только съ Вашей помощью теперь смогу принять образъ человѣческій. Вчера мнѣ вставили глазъ, буду находится подъ наблюденіемъ врача въ госпиталѣ еще 2 мѣсяца. Дай Богъ Вамъ имѣть несчетное количество такихъ радостныхъ минутъ, какія я пережилъ благодаря Вашей помощи. Дай Богъ мнѣ имѣть счастіе выразить на дѣлѣ благодарность и преданность Вамъ.

Благодарный и преданный Вамъ

Прапорщикъ Ивановъ.

Церковное Попечительство
при
Св. Іоанно-Богословской
церкви
въ лагерѣ Вюнсдорфъ
10 Октября 1921 г.

Ваше Сіятельство Глубокоуважаемый Павелъ Михайловичъ!

Въ лагерѣ Вюнсдорфъ, гдѣ въ настоящее время находится часть интернированной возглавляемой Вашимъ Сіятельствомъ Западной Добровольческой Арміи, образовано церковное попечительство при Св. Іоанно-Богословской церкви съ цѣлью оказанія помощи нуждающимся прихожанамъ этой церкви.

Ваше Сіятельство всегда проявляли заботы о своей арміи, входили въ нужды ея чиновъ, что особенно замѣчалось въ дѣлѣ удовлетворенія духовныхъ потребностей а потому правленіе церковнаго попечительства просить Ваше Сіятельство не отказать принять на себя званіе почетнаго члена нашего церковнаго попечительства, уставъ котораго и свидѣтельство на званіе почетнаго члена при семъ прилагаются.

Предсѣдатель попечительства Ст. совѣтникъ
А. Микалюкинъ
члены: Священникъ Лотоцкій
Поручикъ Медвѣдевъ
Колежскій совѣтникъ Кулевичъ

14 февраля 20

Многоуважаемый Князь Павелъ Михайловичъ!

Только что получилъ отъ подполк. Маркова Вашу фотографическую карточку за которую приношу Вамъ мою сердечную благодарность и прошу вѣрить, что она будетъ занимать всегда въ моемъ домѣ первое мѣсто, а мои дѣти, спрашивая меня «Кто это такой красивый дядя въ черкескѣ?» получатъ отвѣтъ: «Это одинъ изъ лучшихъ русскихъ людей и любимый мой начальникъ.»

Благодарю Васъ также за разрѣшеніе писать время отъ времени — иногда очень хочется подѣлиться съ Вами тѣмъ, что на душѣ, такъ какъ на память сейчасъ же приходитъ дорогое время, проведенное подъ Вашимъ начальствомъ въ Митавѣ. Не хочется вѣрить, что все это прошло какъ дивный сонъ!

Долженъ сказать Вамъ, что свѣтлой страничкой въ нашей жизни здѣсь это Вашъ конвойный эскадронъ и конный полкъ. Держатъ они себя выше всякой похвалы.

Прошу принять увѣреніе въ совершенномъ почтеніи отъ глубоко уважающаго и искренно преданнаго полковника Г. Линко.

Ваше Сіятельство,

Глубокоуважаемый Князь Павелъ Михайловичъ!

Глубокотронутый Вашимъ вниманіемъ и памятью прошу принять мою искреннюю благодарность за присланную Вами мнѣ фотографію. Эта карточка мнѣ вѣчно будетъ напоминать о томъ свѣтломъ времени, когда я, наконецъ, могъ стать въ ряды Добровольческой Арміи, во главѣ которой стоялъ такой благородный отзывчивый человѣкъ и доблестный вождь, какимъ Вы были всегда и какимъ до гроба останетесь въ моей памяти

Да хранитъ Васъ Господь Богъ!

Искренне уважающій и преданный

12 марта 1920 года, Альтенъ-Грабовъ — Подполковникъ Павелъ Залѣсовъ

Ламсдорфъ

1 января 1920 лода.

Дорогой, дѣйствительно дорогой Павелъ Михайловичъ!

Марія Яковлевна, малютка моя и я мы молимъ Бога сохранить Васъ съ Вашими чистыми идеалами, мы молимъ Бога за Васъ, мы просимъ его дать Вамъ ума, силы, здоровія для Вашей работы. Пріймите отъ насъ, Вашихъ искреннихъ друзей, наши поздравленія къ Новому Году. Мы ничего не желаемъ Вамъ, такъ какъ наши желанія тѣ же, что и были и всегда останутся, пока Вы будете жить и трудиться для этого. Благородный Павелъ Михайловичъ, пріймите большую благодарность мою и Маріи Яковлевны за Вашу заботу, ласку, вниманіе. Если намъ не суждено будетъ когда либо увидѣть хорошіе дни, то въ плохіе до конца ихъ Вы найдете пріютъ и заботу у насъ. Ваше вниманіе мы цѣнимъ и принимаемъ съ самой святой благодарностью. Когда моя Женя научится говорить и молиться Богу, она первое узнаетъ это — кто такой князь, ея крестный отецъ.

Да хранитъ Васъ Богъ для Россіи, для торжества Вашей идеи, для насъ всѣхъ, вѣрующихъ въ Васъ, Павелъ Михайловичъ, родной. Берегите себя — наше время будетъ

Ваши друзья

Борисъ, Мума и Женя

Альтенъ-Грабовъ 2-го марта1920 г.

Дорогой Павелъ Михайловичъ!

Шлю Тебѣ фотографію г. г. офицеровъ Нейссенскаго гарнизона и тѣхъ изъ представителей германскихъ властей, съ которыми я сохранилъ самыя теплыя и дружественныя отношенія.

Мы глубоко и искренно жалѣли, что среди насъ не было Тебя. Одно помни, что всѣ эти люди по Твоему первому зову пойдутъ за Тобой. Ты не долженъ сомнѣваться въ этомъ ни на-

минуту — тѣмъ болѣе, что говорю Тебѣ это я, а я знаю тѣхъ, за кого ручаюсь. Эти офицеры понесутъ всѣ испытанія, сохраняя къ Тебѣ при всякихъ обстоятельствахъ довѣріе, но тѣмъ пріятнѣе для Тебя должно быть это сознаніе и тѣмъ увѣреннѣй долженъ быть Ты въ Твоей работѣ.

Дастъ Богъ и наши труды увѣнчаются успѣхомъ; мы достаточно умны для того чтобы разобраться — гдѣ друзья и гдѣ недруги, для которыхъ интересы Родины играютъ второстепенную роль, а на первомъ планѣ ставятъ свои властолюбивыя цѣли. И посылая Тебѣ эту фотографію, я и г. г. офицеры лишній разъ хотѣли бы сказать какъ мы любимъ и преданы Тебѣ открытой душой. Вѣрь въ себя и насъ и тогда намъ ничего не страшно.

Да хранитъ Тебя Богъ!

Твои друзья.

Искренно преданный В. Кременецкій.

20. XII. 1921 г.

Ваше Сіятельство!

Шлемъ искреннее поздравленіе съ праздникомъ Рождества Христова и наступающимъ Новымъ Годомъ.

Старанія враговъ Вашихъ въ теченіе этого стараго года, разъединить тѣхъ, которые любятъ Васъ и вѣрятъ Вамъ, не увѣнчались успѣхомъ. Сколько они не клеветали на Васъ, сколько не старались запятнать Васъ, но этимъ они ничего не достигли, а наоборотъ сплотили и помимо своего же желанія, создали изъ насъ скалу о которую рискуютъ размозжить свои же головы.

Надѣемся, что новый годъ дастъ намъ новыя силы и еще больше укрѣпитъ въ насъ любовь къ Вамъ и вѣру въ Ваше дѣло спасенія Родины. Съ этой любовью и вѣрой мы всегда возлѣ Васъ и молимъ Бога о здоровьи и успѣхахъ въ дѣлахъ нашему дорогому князю.

Ваши солдаты

Ст. унт.-офицеръ изъ вольноопр. Н. Снѣжко

Ст. унт.-офицеръ изъ вольноопр. Жукъ

23 марта 1920 года.

Ваше Сіятельство!

Простите меня, я очень радъ, что получилъ Вашу карточку, я очень радъ, что Вы не забыли меня. Не забуду и я Васъ пока не помру, всегда буду помнить и желаю Вамъ быть нашимъ отцомъ до конца нашего мытарства и мы будемъ Вамъ вѣрны всегда. Желаю, чтобы Господь Богъ сохранилъ Васъ отъ всякихъ негодяйскихъ и недостойныхъ къ Вамъ мерзавцевъ-большевиковъ, которые сейчасъ губятъ невинныя души нашихъ отцовъ и матерей и терзаютъ насъ несчастныхъ на чужбинѣ, отбитыхъ отъ родного края.

Счастливо оставаться, Ваше Сіятельство, желаю отъ всего сердца скорый спокой и вернуться на родной край.

Преданный Вамъ всей душой Гусаръ 1-го Гусарскаго имени графа Келлера полка

Георгій Шебановъ.

22. II. 20 года

Альтенъ-Грабовъ.

Ваше Сіятельство!

Покорнѣйше благодаримъ за то счастье, которое оказали Вы намъ своимъ вниманіемъ. Всегда будемъ помнить и хранить Вашъ образъ въ своихъ сердцахъ дорогой нашъ вождь и отецъ. Надѣемся, Ваше Сіятельство, скоро снова видѣть Васъ своимъ начальникомъ чтобы итти противъ крамольниковъ, губящихъ нашу дорогую Родину.

Вѣрные Ваши до конца конвойцы (корейцы)

Кіанъ и Тягай

7 апрѣля
Альтенъ-Грабовъ.

Имѣемъ честь поздравить Васъ, Ваше Сіятельство съ наступающимъ праздникомъ Св. Пасхи.

Желаемъ Вамъ многія лѣта и дождаться тѣхъ счастливыхъ дней, которые приведутъ къ единенію могучей Россіи.

Ваши вѣрные слуги комендантской роты штаба дивизіи.

Альтенграбовъ, 25. 5. 20.

Ваше Сіятельство!

Я Вашъ есть вѣрнослужащій, Вашъ бывшій Личный ординарецъ. Шлю Вамъ свой привѣтъ и желаю Вамъ хорошаго успѣха впереди. Ваше Сіятельство, пишу Вамъ, что я Вашу любимую «Мару» берегу, самъ недоѣдаю, а ей кормлю. Передаю Вамъ, Ваше Сіятельство, что «Мара» сейчасъ находится въ очень прекрасномъ видѣ.

Вашъ Личный Ординарецъ Григорій Чугрѣевъ

Альтенграбовъ, 12. 2. 1920 г.

Ваше Сіятельство!

Приношу Вамъ свою искреннюю благодарность за Вашъ подарокъ, а еще болѣе за ту любовь и ласку, что Вы питаете къ своимъ Зальцведельцамъ!

Вамъ, Ваше Сіятельство, я ничѣмъ другимъ отплатить не могу, какъ своей вѣрностью и преданностью Вамъ и Вашему дѣлу! Я готовъ подъ Вашимъ предводительствомъ отдать свое здоровье и жизнь за возстановленіе Великой Россіи, моей Родины и за осуществленіе будущаго мощнаго союза ея съ Германіей.

Вамъ, Ваше Сіятельство, отъ всей души желаю хорошенько отдохнуть и поправить свое здоровье, дабы скорѣе быть опять среди насъ!

Если найдете возможнымъ, Ваше Сіятельство, осчастливить меня присылкой Вашей фотографіи съ собственноручной подписью, то явите милость и удовлетворите мою покорнѣйшую просьбу.

Вашего Сіятельства вѣрный и преданный
добровoлецъ Онезорге.

Его Высокоблагородію господину Начальнику Отряда имени «Генерала отъ Кавалеріи графа Келлеръ» Полковнику Князю Авалову.

Дарю Вамъ, Ваше Высокоблагородіе, какъ глубокоуважаемому начальнику, брелокъ для часовъ, съ Вашей, Ваше Высокоблагородіе, фамиилiей на добрую память отъ пластуна 1-ой роты 1-го Пластунскаго батальона имени Генерала отъ Кавалеріи графа Келлеръ

Михайла Ивановскаго

Да укрѣпитъ Господь Богъ Ваше мужество для спасенія Родины.

День Ангела Полковника Князя Авалова
12. Іюля 1919 г. Митава.

Тамбовъ 19. XII. 21 г.

Ихъ Сіятельству Генералъ-Маіору Командующему Западной Арміей Князю Авалову.

Ваше Сіятельство, я получилъ Вашъ дорогой моему сердцу подарокъ. Я получилъ Вашъ портретъ, который я взявъ въ руки благоговѣйно поцѣловалъ, и сердце мое переполнилось чувствами радости, и я не могу выразить Вамъ свою благодарность отъ великой такой радости, которой Вы соблаговолили наградить меня. Я не могу выразить словами Вамъ достойной благодарности, но сердце мое все это чувствуетъ и оно будетъ жить и биться лишь только для спасенія своего народа и Его Законнаго Монарха и я могу выразить свою благодарность лишь въ просьбу у Господа Бога, чтобы онъ сохранилъ Вашу жизнь на многія лѣта, на благо русскаго народа и на процвѣтаніе великой могучей Матушки Россіи.

Я прошу Господа Бога, чтобы онъ помогъ Вамъ въ Вашихъ великихъ начинаніяхъ, и чтобы онъ окружилъ Васъ людьми, нельстящими языкомъ у большинства которыхъ на сердцѣ ядъ а преданными какъ и Вы Ваше Сіятельство, своему народу во главѣ съ Его Монархомъ.

Ваше Сіятельство, шлю Вамъ свою искренную благодарность за Вашъ дорогой мнѣ подарокъ. Унтеръ-офицеръ В. Коншинъ.

29. Марта 1920.

Конвойцы 2-го взвода шлютъ Вамъ, Ваше Сіятельство, сердечную благодарность за оказанную поддержку и радуемся мы, что нашъ бывшій начальникъ еще помнитъ насъ и о насъ заботится, а это намъ, заброшеннымъ судьбою въ чужую страну особенно нужно. Каждый изъ насъ только о томъ и мыслитъ, что скоро ли придетъ то свѣтлое будущее, когда каждый будетъ спокойно работать для своей же родины. Но скоро ли — вотъ вопросъ, который такъ мучитъ и который уничтожаетъ у малодушныхъ послѣдній лучъ надежды на хорошее будущее. Не унываютъ теперь только идеалисты, которые привыкли на все свѣтло смотрѣть и чувствуютъ теплоту и ласку, какъ бы судьба ихъ ни бичевала. И мы не унываемъ, вѣримъ, что слишкомъ тяжело не будетъ и, что въ тяжелую минуту поддержитъ тотъ, въ кого мы вѣримъ. Счастливо оставаться Ваше Сіятельство, дай Богъ Вамъ силъ еще работать для нашей любимой Россіи.

Юнкеръ Макушевъ.
Посылаю Вамъ свою карточку,
Взводный 2-го взвода Вахмистръ Синьковскій.
Слѣдуютъ подписи гусаръ.

Ваше Сіятельство!

Съ величайшей благодарностью получилъ я 25 мар. И гораздо болѣе меня обрадовало то, что въ затруднительномъ положеніе, Вы, Князь, заботитесь о насъ еще болѣе чѣмъ раньше. Примите мою искреннюю благодарность и будьте увѣрены въ томъ, что мы никогда не забудемъ заботъ и трудовъ Вашихъ и всѣми силами постараемся достойно отплатить за нихъ. То же самое я написалъ бы и раньше Вамъ, но я не зналъ и не знаю Вашего адреса, который и сейчасъ мнѣ пишетъ командиръ.

Примите эти слова отъ глубоко преданнаго слуги Вашего

Казака приказнаго Ефима Степанова.

Альтенъ-Грабовъ, 26. 3. 20. г.

Ваше Сіятельство!

Покорнѣйше благодарю Васъ за то счастье, которое Вы оказали мнѣ своимъ вниманіемъ. Всегда буду помнить и хранить Вашъ образъ какъ святую память дорогого моего вождя и начальника. Надѣюсь, Ваше Сіятельство въ скоромъ будущемъ видѣть снова Васъ своимъ начальникомъ чтобы съ новыми силами и благословеніемъ Господа-Бога итти противъ крамольниковъ, губящихъ нашу многострадальную истекающую кровью дорогую родину.

Вѣрный Вашъ слуга

Вахмистръ Лютый

Альтенъ-Грабовъ
28. 1. 21. г.

Ваше Сіятельство!

Вернувшійся вчера изъ Берлина вахмистръ Конвойнаго эскадрона Плясунникъ передалъ отъ Васъ всѣмъ гусарамъ привѣтъ. О Васъ мы гусары никогда не забывали и теперь ждемъ, что скоро мы увидимъ Васъ опять своимъ Главнокомандующимъ и подъ Вашей командой пойдемъ спасать Матушку Россію отъ жидовскаго насилія. Дай Богъ, чтобы это время пришло скорѣй.

Горячо любимому начальнику Командующему арміей генералъ-маіору князю Авалову отъ преданнаго вахмистра подпр. Плясунника.

На память любимому начальнику командующему Западной Арміей отъ прапорщика Щепакина. 22. мая 1912 года Винсдорфъ.

Дорогому командующему арміей генералъ маіору князю Авалову отъ штандартнаго ст. унт.-офицера Іосифа Бицюгова. 3. 3. 1920 года. Альтенъ-Грабовъ.

На добрую память моему дорогому вождю генералъ-маіору кн. Авалову. Вѣрный Вамъ взводный 1-го взвода Вахмистръ Лютый.

Его Сіятельству князю Авалову шлю фотографію въ знакъ памяти о совмѣстной военной службы Родинѣ. Подхорунжій Нагайцевъ. Поздравляю Васъ съ праздникомъ Свѣтлаго Христово Воскресенья. Христосъ Воскресе.
Альтенъ-Грабовъ.

Любимому командующему отъ конвойца Феодора Петрушкова. Альтенъ-Грабовъ, 28. 3 .20 года.

На память дорогому начальнику и отцу отъ Вахмистра Синьковскаго. 28. 3. 20.

Отъ всегда вѣрнаго солдата конвойца вахмистра Александра Грессъ Его Сіятельству генералъ-маіору князю Авалову. 5. апрѣля 1920 года.

Ваше Сіятельство, если только возможно, пришлите, пожалуйста мнѣ свою фотографическую карточку, которая, какъ явное доказательство, будетъ говорить о любви Главнокомандующаго къ своимъ солдатамъ, а для меня она будетъ лучшей наградой.

Уважающій Васъ юнкеръ Гусарскаго имени Графа Келлеръ полка
Михаилъ Миролюбовъ.

Ратиборъ, 31 декабря 1919

Ваше Сіятельство!

Съ радостью я прочелъ въ газетахъ, въ какихъ теплыхъ словахъ Ваше Сіятельство изволило благодарить нашу родину за гостепріимство. Будучи простымъ человѣкомъ, я не могу отказать себѣ пожелать Вамъ всего наилучшаго къ Новому Году. Насъ объединяетъ глубокая любовь къ родинѣ и надежда на лучшее для Россіи и Германіи. Желаю Вамъ, Ваше Сіятельство, занять подобающее Вамъ мѣсто въ Россіи. Я высказываю пожеланіе, чтобы Провидѣніе дало бы русскому народу покой и порядокъ въ скоромъ времени. Въ союзѣ съ Германіей Россія скоро станетъ первой державой въ мірѣ, въ этомъ я глубоко увѣренъ.

Я желалъ-бы ,чтобы милліоны нѣмецкихъ крестьянъ нашли себѣ пріютъ на обширныхъ и плодородныхъ равнинахъ Россіи.

Прошу Ваше Сіятельство принять увѣренія въ глубокой моей преданности. Пусть новый 1920-ый годъ дастъ Вашему Сіятельству все хорошее и Вашей Родинѣ, Россіи, принесетъ счастье.

Таковы пожеланія

Германъ Фохтъ.

Алтенъ-Грабовъ 29 марта.

Ваше Сіятельство!

Приношу Вашему Сіятельству сердечную благодарность за деньги, присланныя Вашимъ Сіятельствомъ за 100 марокъ. Покорнѣйше благодарю. Въ настоящее время здѣсь въ лагерѣ довольно плохо безъ денегъ, тѣмъ болѣе, всѣ деньги, которыя я имѣлъ, у меня украли въ банѣ. Здѣсь очень скучно и я не имѣя въ настоящее время лошадей, не имѣю чѣмъ развлечься.

Ваше Сіятельство, многіе уже ушли на работы, такъ какъ носятся слухи, что армія будетъ расформирована, но я, Ваше Сіятельство, не хочу уходить отъ Васъ и осмѣливаюсь просить Васъ Ваше Сіятельство, чтобы Вы могли найти въ близи отъ Васъ хотя бы какое нибудь занятіе, за которое буду Вамъ сердечно благодаренъ. Я часто слышу отъ господина Ротмистра, что Ваше здоровіе не очень хорошо ,что ужасно безпокоитъ насъ.

Остаюсь глубоко преданный Вашему Сіятельству

Старшій унтеръ-офицеръ
Бицуковъ

Ваше Сіятельство!

Честь имѣю принести Вамъ самую глубокую благодарность за присланную мнѣ фотографію. Я и всѣ солдаты эскадрона по прежнему беззавѣтно преданы Вашему Сіятельству и съ нетерпѣніемъ ждемъ того момента, когда Вы вновь встанете во главѣ своихъ войскъ и поведете насъ побѣдоносно къ быстрому достиженію великой цѣли — освобожденія дорогой Родины, Великой Россіи отъ тирановъ большевиковъ.

5 февраля 1920 года
г. Нейссе

Желая Вамъ полнѣйшихъ успѣховъ и счастья, остаюсь преданный
Вамъ Вахмистръ Конвойнаго Эскадрона
Подпрапоршикъ Плясунникъ

1920 года 13-го февраля

здравствую васъ Славный Герой Красивый Съ великой душою и Много-Много перенесшій терпенія, горя и труда Князь Аваловъ. Шлю вамъ ваше-Сіятельство Глубоко Сердечный привѣтъ Горячо-Любящему Смелому Герою Его Сіятельству Князю Авалову надеюсь

быть вернымъ Сослуживцемъ пока буду живъ Ст. Ун. О. Андрей Григирьевичъ Остапенко зальцведельской отдѣльно-конопулеметной Команды. Мы были глубоко тронуты за вашу благодарность когда вы намъ прислали Свой портретъ и каждому солдату маленькую дѣнежную поддержку чего Мы уже давно не получали. Живемъ Мы сейчасъ тяжеловато покаместь ждемъ и терпимъ дальнѣйшей что будетъ изъ дальнейшаго, по обѣщанію нашего начальства въ Скоромъ будущемъ должны васъ увидѣть ваше Сіятельство причемъ Мы уже Много наслушались что другіе говорятъ что васъ уже кудаето выслали другіе Говорятъ у тюрьму васъ посадили потомъ экстренные слухи пришли какъ будто васъ Антанта признала вненормальности и отправили въ домъ ума-лишенныхъ потомъ какъ будто васъ въ моментъ проезда васъ Схватили шпартакисты и растреляли или замучили очень очень Много было разныхъ слуховъ и Мы Многіе неслушали и не верили никакимъ Слухамъ и все думали Скоро Скоро Кн. Аваловъ воскреснетъ и появится какъ Стого Света и что вы тогда скажете нетъ ужъ наверно больше не появится. И такъ кто несознавалъ вашей тяжелой работы тотъ на Васъ Могъ всегда плести подобные слухи и вести разные пропаганды кто ценилъ вашъ тяжолый трудъ тотъ всегда былъ верный и Смелый прямой Своей пути куда онъ Себя посвятилъ тотъ честно бился и не опустилъ Оружіе пока не приказали не Стрелять и еще надеюсь получить опять грозное оружіе въ руки и гордо умереть, только съ оружіемъ въ рукахъ за Святое дѣло. Я лично въ вашемъ распоряженіи пока живъ, теперь прошу ваше Сіятелство большого извиненія быть можетъ я васъ огорчилъ чемъ нибудь а особенно что я вамъ все описалъ но я не могъ не описать потому что я вамъ глубоко преданъ потому я вамъ все и описалъ быть можетъ вамъ не все известно теперь еще разъ прошу извиненія быть можетъ вы найдете много излишковъ но я думаю вы все прочтете и какъ Славный Герой не найдете излишекъ. теперь Ваше Сіятелство я за бой подъ усдвинскомъ выручилъ изъ плену Своихъ Людей и командира 1-ой роты и подпрапорщика и застрелилъ латыша и всехъ спасъ за это я былъ вами приказомъ награжденъ Георгіемъ 2-ой степени но крестъ я еще не получилъ другіе части все уже получили ну я надеюсь все пойдетъ Скорымъ шагомъ.

Теперь желаемъ вамъ Скораго и Счастливаго успеха въ вашемъ тяжеломъ труде и большихъ заботахъ желаемъ вамъ ваше Сіятельство прожить Множество летъ и быть здравымъ веселымъ и Счастливымъ въ Своихъ успешныхъ дѣлахъ Ура

Ждемъ Съ нетерпеніемъ Ответъ.

Ст. Ун. О. Андрей Григорьевичъ Остапенко.

Да зравствуетъ Князь Аваловъ ура

23 іюня 1920 г.

Ваше Сіятельство!

Примите отъ меня сердечный привѣтъ съ пожеланіемъ отъ Господа Бога добраго здоровія счастья и благополучія въ Вашей жизни. Храни Васъ Господь на всегда! Дай Вамъ Богъ силъ поработать на пользу дорогой Родины, когда то могучей сильной, съ которой считался весь міръ, Россіи. Что теперь осталось отъ нея, разныя республики образовались какъ грибы послѣ дождя. Вспомнить прошлое, сердце кровью обливается, осталась тѣнь отъ нея. Вѣрные, честные сыны Родины разбрѣлись по всему бѣлому свѣту и кому не удалось выѣхать, тѣ сложили свои головы и оросили землю русскую своей кровью за святое дѣло, за честь и славу могучей когда-то матушки-Россіи. Все виноваты натравленія проклятыхъ Богомъ жидовъ. Почитаешъ газету — только заболѣешъ. Довольно проклятымъ жидамъ издѣваться. Время придетъ и правда побѣдитъ неправду, ихъ масонство имъ же будетъ гибелью, что посѣятъ, то и пожнутъ. Откроетъ глаза русскій народъ, Ваше Сіятельство. Недавно былъ такой случай. Пошли мы втроемъ въ церковь, я, вахмистръ Грессъ и вахмистръ батареи полк. Ашехманова посмотрѣть, вѣнецъ офицера. Передъ выходомъ уже изъ церкви входитъ одинъ, проклятъ Богомъ, (навѣрное былъ въ красной арміи раньше), въ фуражкѣ, въ церковь и стоитъ. На вопросъ вахм Гресса, почему не снимаетъ фуражку, получаетъ отвѣтъ «А Твое какое дѣло?», Грессъ ему въ морду и вытолкали его вонъ изъ церкви. До чего же, русскаго человѣка проклятые жиды отуманили. Гдѣ въ свѣтѣ есть народъ, государство и нація, чтобы такъ осквернили ихъ религію, такъ надсмѣялись и надругались, какъ это сдѣлано съ нами русскими. Въ Совдепіи нѣтъ ни одной ограбленной жидовской синагоги, а

грабили только православные храмы и монастыри. Простите меня, Ваше Сіятельство, что я Вамъ не писалъ до сего времени и за мое нескладное письмо тоже. Вамъ я былъ и буду честно и вѣрно служить и голову свою сложу за правду. Дай Вамъ Господь Богъ силъ поработать на пользу Родины!

Остаюсь любящій Васъ и преданный Вамъ Вашъ вахмистръ
1-го эскадрона Николай Юдинъ

Помоги Вамъ Богъ быть у насъ въ арміи въ будущемъ путеводителемъ за честь и правду.

Альтенъ-Грабовъ, 10 III. 1920 г.

Многоуважаемый и дорогой Князь!

Очень прошу принять Васъ эту фотографію, посылаемую Вамъ отъ человѣка уважающаго и любящаго Васъ. Очень благодарю Васъ за все то, что Вы сдѣлали для насъ въ Митавѣ и надѣюсь, что дастъ Богъ мы съ Вами еще увидимся и будемъ служить вмѣстѣ. Конечно тяжело то, что сдѣланное нами дѣло по желанію судьбы такъ внезапно прервалось и наши мечты не могли сбыться. Но всетаки въ концѣ концовъ по моему предположенію сбудется то, что мы такъ страшно желаемъ, и на нашей сторонѣ будетъ праздникъ. Хотя тяжело быть въ этой обстановкѣ, въ которой находится наша Армія, но я все-таки рѣшилъ оставаться до конца. Авось Богъ дастъ — да что нибудь сдѣлаемъ. Мнѣ было бы очень пріятно имѣть Вашу фотографію и отвѣтъ. Ну пока всего самаго наилушагo, желаю быть Вамъ здоровымъ и имѣть успѣхъ въ Вашихъ дѣлахъ, которыми вы крайне заняты.

Уважающій и любящій Васъ

Вашъ Мишка, баронъ Гойнингенъ-Гюне.

На все то, что про Васъ говорятъ — мнѣ наплевать, я Васъ люблю и уважаю потому что Вы мнѣ нравитесь, а до остального мнѣ дѣла нѣтъ, потому я пойду за Вами, когда угодно и куда угодно. Я знаю нашего ротмистра и буду держаться около него, а онъ, какъ видно, около Васъ.

1920 г. Месяца апр.

Письмо отъ Голубчика Евсевія, Лети Лети мое писмо изъ севера на востокъ лети лети не попадайся тому кто врагъ сердцу моему попадайся тому кто милъ и радъ сердцу моему. Затемъ Ваше Сіятельство я получилъ отъ полковника Маркова фото графическую карточку и 20 м. д. Зато покорныше Благодарю вамъ. Я былъ очень радъ вашымъ Остинцамъ. Испасибо вамъ зато что вы насъ незабываете и пронасъ вы всетаки думаете. Но мы ивасъ не забываемъ и никогда незабудемъ. Ивсе солдаты говорятъ что нашъ кн. Ав. былъ Очень Хорошій Командиръ и все солдаты васъ Благодарятъ никто на васъ неубежается. Затемъ ваше Сіятельство желаемъ вамъ Доброго Здравія и наилучаго насвете дай Богъ свами изродными вамъ инамъ встретиться. Затемъ просимъ васъ ваше Сіятельство известите намъ Письмомъ Мы будемъ ожидать отъ васъ ответа Живемъ мы все постарому дожидаемъ что дальше будетъ у насъ много женяца офицеры такъ и солдаты. Ножисть нетака какъ уметавы была но все хорошо Слава Богу завсе. Затемъ желаемъ вамъ Многое лета

Ун.—Оф. Евсевій Голубчикъ.

28. 3. 20. Альтенъ-Грабовъ

Ваше Сіятельство,

Отъ имени Полусотни шлю искренную благодарность за заботы о насъ. Отъ имени казаковъ я говорю, что Вы навсегда останетесь въ нашей памяти и можете расчитывать всегда и вездѣ гдѣ только мы можетъ быть Вамъ полезны, на нашу преданность.

Подхорунжій Нагайцевъ.

Приношу сердечную благодарность за присланную фотографію мне.

Альтенъ-Грабовъ

Сегодня, т. е. 10-го марта командиръ полка полковникъ Кременецкій передалъ мнѣ Вашъ портретъ и сказалъ — вотъ Вамъ отъ Князя. Съ гордостью я отправился къ моему взводу и показалъ Вашу фотографію солдатамъ. Всѣ смотрѣли съ удовольствіемъ и спрашивали меня «почему только Вамъ?» и я улыбнулся и ничего не сказалъ, другіе говорили, что еще въ Нейссе князь говорилъ со мной, называя меня орломъ. Въ заключеніи я получилъ то, о чемъ мечталъ всегда. Одинъ изъ солдатъ сказалъ угрюмо — «Да, этотъ человѣкъ могъ и можетъ командовать кѣмъ захочетъ». Я обнесъ Вашу фотографію по всему эскадрону. Покорно благодарю Васъ Ваше Сіятельство, за то,что удостоили меня высокой чести имѣть Вашу фотографію со собственноручной подписью. Теперь если разрѣшите, то немного скажу про то, что происходитъ у насъ .Живемъ хорошо и врядъ ли другія добровольческія арміи живутъ такъ какъ мы. Довольствіе хотя и не важное, но жить можно. На мою долю выпало быть взводнымъ коннаго взвода, а кавалеристъ съ лошадью не пропадетъ и скучать ему некогда. Поговариваютъ, что скоро заберутъ лошадей, тогда, конечно, будетъ скучно со переходомъ на пѣшее положеніе. Сегодная записывали на работу по спеціальности, Г. г. офицеры записались кто берейтеромъ, кто просто желающимъ работать, солдаты землепашцами, плотниками и т. д. когда очередь записи дошла до меня, я заявилъ: «Я солдатъ, на работу не пойду, а воевать готовъ, а пока что буду спать.»Благо гостепріимные хозяева кормятъ и даютъ марку въ день. Къ намъ пріѣзжалъ генералъ Бискупскій, говорилъ въ солдатскомъ собраніи. Я тамъ былъ и могу сказать — онъ политикъ и дипломатъ, а я солдатъ.

Еще разъ благодарю Васъ за Ваше высокое вниманіе, дай Богъ еще разъ быть подъ Вашей командой

Искренне любящій Васъ

Вашъ Липпоманъ

Юнкеръ Елизаветградскаго Кавалерійскаго Училища.

Ваше Превосходительство!

Конвой собрался сегодня праздновать Рождество Христово. Мы выражаемъ надежду провести праздники въ будущемъ году на Родинѣ, освобожденной отъ большевиковъ. Мы вѣримъ въ наше дѣло и до побѣднаго конца пойдемъ за Вами, Ваше Превосходительство для освобожденія России и созданія союза съ Германіей.

Сердечный привѣтъ и кавалерійское ура. Вашъ Конвой.

Ваше Сіятельство, я Вашъ верный слуга сынъ родной дорогой Россіи обращаюсь къ Вамъ Ваше Сіятельство какъ родному отцу съ ходатайствомъ передъ германскимъ правительствомъ о вступленіи въ первый законный бракъ и покорнѣйше прошу Вашей Милости быть моимъ благословленнымъ отцомъ дабы получить отъ Васъ отцовское благословеніе, такъ какъ мой отецъ умеръ когда мнѣ было шесть лѣтъ а мать умерла когда мнѣ было семь лѣтъ. Насъ было четыре брата, одинъ умеръ, второй убитъ въ Японскую войну, третій убитъ въ русско-австровенгерскую войну 29-го іюля 1916 г. Я же всѣ проходилъ бои и аттаки причемъ сильно пострадалъ получивши 9 ранъ, десятый разъ былъ отравленъ газами подъ Ригою Роденпойстъ и все я это протерпѣлъ. А въ 1919 г. удралъ отъ большевистскихъ бандъ въ Польшу а оттуда поступилъ въ Вашу армію причемъ я сильно былъ счастливъ быть у Васъ и называться Вашимъ сыномъ. Извините за мое такое смелое обращеніе. Ибо милая радость у сына, когда видитъ своего отца.

Вашъ вѣрный слуга ст. фейерверкеръ Мартинъ Коробчукъ

Бывш. 5-ой арт. Бригады

Христосъ Воскресе, Ваше Сіятельство!

Имѣю честь всѣпокорнѣйше поздравить Васъ съ Свѣтлымъ Христовымъ Воскресеньемъ и отъ чистаго русскаго сердца пожелать Вамъ всего радостнаго и веселаго, а главное здоровья на работу по возсозданію дорогой намъ истиннымъ сынамъ Россіи Родины.

Вицефельдвебель Ахиллесъ, дѣятельный организаторъ Берлинеръ Ортсгруппе »Балтенкемпферъ«.

На добрую память милому и дорогому князю отъ уважающихъ и любящихъ его Мишки, барона Гойнингенъ-Гюне и Ивана Мякушева. Пусть эта фотографія напомнитъ Вамъ объ двухъ вѣрныхъ и любящихъ Васъ конвойцевъ. 10. 3. 20. Альтенъ-Грабовъ.

Ваше Сіятельство, я за Васъ готовъ отдать голову свою на отсеченіе. Я монархистъ и люблю Россію. Солдатъ Гутманъ (еврей). 1921 года.

Письмо Ваше я получилъ въ торжественную ночь послѣ свѣтлой Заутрени и покуда хватитъ моего вѣка буду Васъ, Ваше Сіятельство, благодарить, что Вы меня осчастливили Вашимъ высокимъ вниманіемъ. Первый день Святой Пасхи провели по-кавалерійски: пили «ура» Вашему Сіятельству, Россіи, русской арміи и т. д. Были всѣ вмѣстѣ во главѣ съ г-номъ Ротмистромъ, нашимъ Командиромъ.

Ваше Сіятельство, хотя я какъ солдатъ и не имѣю права говорить того, что сейчасъ скажу, но я какъ вѣрую въ Бога и въ то что наша Родина будетъ опять могучей, подтверждаю дорогія моему сердцу Ваши слова ко мнѣ о святости чести и доблести званія настоящаго русскаго солдата.

Еще покорнѣйше благодарю Ваше Сіятельство за то, что Вы не забыли Вашего вѣрнаго Маріупольскаго гусара и прислали Вашу фотографическую карточку. Я ее буду хранить, пока будетъ биться въ моей груди сердце. Вѣрю, что наше общее дѣло никогда не умретъ, покуда Вы будете съ нами. Обязанность наша, русскаго солдата, никогда не позволить впасть въ уныніе и не можетъ вкрасться сомнѣніе, что все уже кончено и мы не будемъ съ Вами.

Пишу Вамъ Ваше Сіятельство какъ понимаю.

Желаю Вамъ всего хорошаго и главное здоровія на работу за возрожденіе Россіи.

Ваше Сіятельство, мы будемъ въ Москвѣ и я вѣрю въ то, что опять какъ въ 1912 году подъ звуки хора трубачей пройду передъ глазами Его Императорскаго Величества.

Всегда Вашъ вѣрный солдатъ, вахмистръ Конвоя
Александръ Грессъ.

Изъ приводимыхъ фотографій нижнихъ чиновъ видио какъ были обмундированы и снаряжены солдаты моей арміи. Были ли такъ одйты солдаты другихъ армій — могутъ судить участники.

ПРИЛОЖЕНІЯ.

Приложеніе № 1

Росписка

Сдано Начальнику Штаба ротмистру фонъ-Розенбергъ двѣсти тысячъ пятьсотъ пятьдесятъ три рубля, взятые нами изъ взломаннаго денежнаго ящика Штаба корпуса при отходѣ отъ Пскова. Деньги всѣ въ кредитныхъ билетахъ Псковскаго Казначейства пятидесяти рублеваго достоинства.

Капитанъ 2-го ранга Столица
Капитанъ Янценъ
Поручикъ Ковалевскій
Штабсъ ротмистръ Андреевскій

Приложеніе № 2

Командующій
Отд. Псковскимъ добров.
Корпусомъ
«2-го» декабря 1918 г.
№ 9
гор. Рига

И. д. Начальника Штаба
Ротмистру фонъ-Розенбергъ

Предписываю Вамъ остаться въ г. Ригѣ для ликвидаціи дѣла съ германскимъ командованіемъ.

Командующій корпусомъ
Полковникъ фонъ-Нефъ

Приложеніе № 3

Начальникъ Штаба
Отд. Псковскаго добр. корпуса
по управленію
Оберъ-квартирмейстера
23-го ноября 1918 г.
№ 317
гор. Псковъ

Полковнику Родзянко

Предписываю Вамъ отправиться въ командировку для связи съ войсками Державъ Согласія.

Вр. Командующій Отд. Псковскимъ добр. корпусомъ
Полковникъ фонъ-Нефъ
И. д. Начальника Штаба корпуса
Ротмистръ фонъ-Розенбергъ

Приложеніе № 4

Начальникъ Штаба
Отд. Псковскаго добр. корпуса
по управленію
Оберъ-квартирмейстера
23-го ноября 1918 г.
№ 318
гор. Псковъ

Полковнику Родзянко

Съ полученіемъ сего предписываю Вамъ отправиться въ гор. Ригу для объединенія формирующихся тамъ Національныхъ Стрѣлковыхъ батальоновъ.

Вр. Командующій Отд. Псковскимъ добр. корпусомъ
Полковникъ фонъ-Нефъ
И. д. Начальника Штаба
Ротмистръ фонъ-Розенбергъ

Приложеніе № 5

Поручику Видякину

На Особый отрядъ ротмистра Булакъ Балаховича возлагается задача: до прибытія эстонскихѣ частей прикрывать переброску корпуса въ новый раіонъ формированія Фелинъ-Валкъ.

Завтра лично передамъ Вамъ нѣкоторыя подробности.

4-го декабря 1918 г. Начальникъ Штаба
въ 21 часъ 40 мин. ротмистръ фонъ-Розенбергъ
№ 1/опер.

Приложеніе № 6

Договоръ между Сѣвернымъ Корпусомъ и Эстонскимъ Правительствомъ.

1. Основой взаимоотношеній Сѣверной Арміи съ Эстонскимъ Правительствомъ являются общія дѣйствія, направленныя къ борьбѣ съ большевиками и анархіей, при чемъ главнымъ направленіемъ дѣйствій Арміи является Псковская область.

2. Сѣверная Армія гарантируетъ во время своего нахожденія въ предѣлахъ Эстляндіи полное свое невмѣшательство во внутренія дѣла послѣдней.

3. Во время общихъ боевыхъ дѣйствій въ предѣлахъ Эстоніи Сѣверная Армія подчиняется Эстонскому Военному Главнокомандованію.

4. Во время нахожденія своего въ предѣлахъ Эстоніи для совмѣстныхъ боевыхъ дѣйствій, Сѣверная Армія получаетъ отъ Эстонскаго Правительства полностью ее обезпечивающее денежное довольствіе, обмундированіе, вооруженіе, снаряженіе и обозъ съ запряжкой и продовольствіемъ натурой по выработаннымъ раскладкамъ. Денежное довольствіе, получаемое Сѣверной Арміей отъ Эстонскаго Правительства, зачитывается какъ долгъ организующагося Правительства Россіи.

5. Первыя три недѣли, со времени расположенія частей Сѣверной Арміи въ предоставленномъ ей раіонѣ Эстоніи и со времени полученія отъ Эстонскаго Правительства всѣхъ средствъ указанныхъ въ пунктѣ 4, предоставляются Сѣверной Арміи исключительно на организаціонную работу, необходимую послѣ тяжелаго отступленія.

6. Эстонское Военное Министерство и Штабъ Корпуса Сѣверной Арміи взаимно командируютъ представителей для освѣщенія положенія и работъ.

7. Сѣверной Арміи оставляется право комплектоваться лицами, не принадлежащими Эстоніи.

До прибытія союзниковъ Армія не должна превышать численности свыше 3500 человѣкъ.

8. При Штабѣ Сѣверной Арміи будетъ находиться представитель отъ Главнаго Интенданта Эстоніи, которому предоставляется право контроля по расходованію выданныхъ для Сѣверной Арміи денегъ, продовольствія и всѣхъ предметовъ снабженія.

6-го декабря 1918 года

Подлинный подписали: Командующій Сѣверной Арміей полковникъ фонъ-Нефъ. За Военнаго Министра Временнаго Правительства Эстоніи, товарищъ Военнаго Министра Г. Юринэ.

Приложеніе № 7

Подполковнику фонъ-Бревернъ

Ваше деносеніе за № 16 отъ 9-го сего декабря получилъ.

Прошу немедленно сообщить полковнику Бибикову, что германскому командованію предъявлено полковникомъ Родзянко ультимативное требованіе перевести на эшелонахъ всѣ части Отд. Псковскаго добр. корпуса въ раіонъ Митава-Либава и что сегодня я получилъ телефонограмму черезъ германское командованіе изъ Либавы, что туда прибыла англійская эскадра, начальникъ которой адмиралъ Синклеръ проситъ немедленно выслать для переговоровъ представителей Сѣверной Арміи.

Согласно полученныхъ мною инструкцій отъ Командующаго Арміей, для переговоровъ выѣзжаютъ завтра утромъ: полковникъ Родзянко, ротмистръ Гоштовтъ и въ качествѣ переводчика ротмистръ кн. Ливенъ.

Завтра утромъ съ капитаномъ фонъ-Мевесъ вышлю дополнительныя свѣдѣнія.

9-го декабря 1918 г. Начальникъ Штаба корпуса
№ 3/опер. Гвардіи ротмистръ фонъ-Розенбергъ
гор. Рига

Приложеніе № 8

Письменный докладъ о положеніи въ Прибалтикѣ, поданный генераломъ Родзянко англійскому адмиралу Синклеръ.

Русская Сѣверная Армія была сформирована въ концѣ сентября 1918 года и состоитъ подъ высшимъ командованіемъ генерала Деникина, находящагося на югѣ. Связь между этой и южной арміей все время поддерживалась и армія состоитъ въ контактѣ съ политическими организаціями, представляемыми генераломъ Юденичемъ.

Поводомъ къ созданію русскихъ военныхъ силъ на сѣверѣ послужилъ одинъ изъ пунктовъ Брестъ-Литовскаго договора, по которому германцы должны были эвакуировать раіонъ Пскова, охрану порядка въ которомъ нѣмцы хотѣли передать русской арміи. Для русскихъ, подъ скромной задачей слѣдить за порядкомъ въ эвакуируемомъ раіонѣ и охранятъ его отъ большевистскихъ бандъ, скрывалась болѣе широкая общая цѣль — установить въ Россіи государственный порядокъ. Маленькой кучкѣ русскихъ, состоявшей преимущественно изъ офицеровъ, предстояло вырасти и превратиться въ Сѣверную Армію, цѣль которой — взятіе Петербурга.

Формированіе арміи происходило при очень тяжелыхъ условіяхъ. Средства и вооруженіе, обѣщанныя нѣмцами, были даны ими лишь въ очень небольшомъ количествѣ. Напримѣръ нѣмцы обѣщали дать 150 мил. марокъ, а дали до сихъ поръ лишь 3 мил. Они обѣщали дать 50000 винтовокъ, а дали — лишь 8000, изъ которыхъ $^3/_4$ оказались негодными. Они обѣщали 26 легкихъ и 26 тяжелыхъ орудій, а дали лишь 6 легкихъ и 24 тяжелыхъ, которыя до того стары и испорчены, что оказались никуда негодными.

Они не дали арміи никакой власти въ Псковѣ, какъ военной, такъ и гражданской, и не согласились на мобилизацію.

Неудачна была сама идея германскаго командованія выбрать Псковъ мѣстомъ формированія новой арміи. Русскіе офицеры указывали на опасность формированія этой арміи въ такой непосредственной близости къ большевикамъ.

Между тѣмъ политическія событія въ Германіи имѣли гибельное вліяніе на ея войска. Солдаты начали своевольно оставлять позиціи и возвращаться домой. Большевики использовали этотъ моментъ и сконцентрировали большія силы въ раіонѣ Торошино-Карамышево-Себежъ и начали 25-го ноября наступленіе на Псковъ. Нѣмецкія войска, которыя должны были держать лѣвый флангъ и сохранить порядокъ въ городѣ, начали отступать по направленію къ Изборску, не сражаясь и даже не извѣстивъ объ этомъ русскихъ. Добровольческій корпусъ въ Псковѣ, несмотря на слабость и недостатокъ средствъ, выполнилъ съ честью свою задачу и успѣлъ предпринять атаку съ праваго фланга большевиковъ, продвинуться впередъ и даже завладѣть однимъ бронепоѣздомъ и нѣсколькими бронированными автомобилями. Къ этому времени было замѣчено, что позиціи лѣваго фланга были очищены нѣмцами. Въ городѣ большевики устроили возстаніе, будучи хорошо снабжены оружіемъ и аммуниціей, благодаря нѣмецкимъ солдатамъ, которые въ предшествовавшіе дни продавали населенію все, что могли. При очень тяжелыхъ обстоятельствахъ корпусъ отступилъ къ Изборску и сконцентрировался къ сѣверу отъ Валка.

Штабъ корпуса въ Псковѣ былъ отрѣзанъ отъ войскъ, такъ какъ большевики заняли оба моста на западъ черезъ рѣку. Онъ долженъ былъ переплыть рѣку на лодкахъ и одинъ продолжать отступленіе. Крестьяне были очень враждебно настроены и стрѣляли по отступающему штабу. Нѣсколько офицеровъ было поймано и убито населеніемъ. Во главѣ корпуса находится полковникъ фонъ-Нефъ, который принялъ командованіе лишь за четыре дня до отступленія. Полковникъ Нефъ отправился въ Ревель и заключилъ договоръ съ правительствомъ Эстонской республики о совмѣстныхъ дѣйствіяхъ противъ большевиковъ. Среди населенія Эстляндіи очень много большевиковъ и они смотрятъ на Сѣверную Армію не только съ недовѣріемъ, но съ ненавистью. Офицеровъ задерживали на желѣзнодорожныхъ станціяхъ и выселяли за предѣлы Эстонской республики. Корпусъ долженъ искать выходъ или къ сѣверу на Ревель или же къ югу на Ригу и Митаву, чтобы какъ-нибудь войти въ сношенія съ ожидаемыми англійскими войсками. Въ этотъ моментъ полковникъ Нефъ былъ вызванъ въ Гельсинфорсъ на совѣщаніе съ англійскими властями.

Латыши также относились съ недовѣріемъ къ Сѣверной Арміи, отчасти изъ боязни за дальнѣйшее существованіе своей республики, — несмотря на то, что Сѣверная Армія никогда не вмѣшивается въ вопросы внутренней политики, — отчасти боясь неоплачиваемыхъ реквизицій.

Между тѣмъ опасность на востокѣ растетъ. Большевистскія силы продвигаютсяпо двумъ направленіямъ на Ригу: 1) по линіи жел. дор. Альтъ-Шванебургъ—Рамоцкое и 2) по линіи жел. дор. Крейцбургъ—Рига. Цѣль этого движенія обойти корпусъ, стоящій между Валкомъ и Юрьевымъ и перерѣзать ему всякое сообщеніе съ Ригой. Большевики занимаютъ теперь линію Іеве на западъ отъ Нарвы и къ югу отъ Чудскаго озера линію Верро-Маріенбургъ—Штокмансгофъ. Въ Ригѣ власти безсильны. Командованіе Германской 8-ой Арміи находится фактически подъ вліяніемъ «A.- und S.-Rat» (Совѣта солдатъ и рабочихъ). Единственное стремленіе солдатъ — это вернуться домой, и они продаютъ все, что только можно. Если бы Русская Сѣверная Армія имѣла достаточно средствъ, она могла бы добыть этимъ путемъ все, что ей необходимо, начиная съ оружія и кончая мотоциклетами, автомобилями и аэропланами.

О томъ, сколько нѣмецкихъ войскъ находится въ странѣ и гдѣ они стоятъ, никогда Штабу Руской Арміи не сообщалось. Очевидно только слѣдующее: 1) что нѣмцы ведутъ нечестную игру, давая нашему Штабу фальшивыя свѣдѣнія, напр. о прибытіи англійскихъ военныхъ судовъ въ Ревель или въ Ригу, 2) что «A.- und S.-Rat» находится въ дружескомъ контактѣ съ большевиками: куда только большевики ни приходятъ, они даютъ нѣмцамъ время уложиться, забрать провизію и мирно направиться домой.

Сѣверная Армія въ настоящій моментъ состоитъ изъ слѣдующихъ частей:

1. Полевого Штаба Корпуса, состоящаго изъ Командира, Начальника Штаба и одного адъютанта.
2. Роты въ распоряженіи Штаба Корпуса.
3. Трехъ пѣхотныхъ полковъ, каждый силой въ батальонъ — 700 штыковъ:
   а) Первый Добровольческій Псковскій полкъ,
   б) Второй Добровольческіи Островской полкъ,
   в) Третій Добровольческій Рѣжицкій полкъ.
4. Партизанскій Отрядъ Балаховича, силою въ 4 эскадрона — 800 шашекъ.
5. Отрядъ капитана Мякоша, охранявшій Псковъ — 250 штыковъ.
6. Талабскій Отрядъ — 400 штыковъ.
7. Отрядъ полковника Бибикова — 150 шашекъ.
8. 4-хъ орудійная батарея.
9. Два орудія при Отрядѣ Балаховича.
10. 44 пулемета (Максима).

Въ общемъ корпусъ состоитъ приблизительно изъ 4500 челов. съ офицерами (1500). Корпусъ не имѣетъ автомобилей, но они легко могли бы быть получены отъ нѣмцевъ, до ихъ ухода.

Люди плохо одѣты и безъ сапогъ. Жалованье выплачивается неакуратно.

Чрезвычайно важно и срочно получить какъ можно скорѣе средства для удовлетворенія нуждъ людей, и этимъ самымъ увеличить количество волонтеровъ въ Арміи.

Чтобы пополнить Армію, какъ указано, необходимо не менѣе 20 мил. рублей въ мѣсяцъ.

Кромѣ нашей Арміи, въ Прибалтикѣ существуютъ другія организаціи мѣстныхъ военныхъ силъ, съ цѣлью защиты ея отъ большевиковъ, онѣ организованы по національностямъ: Латышами, Балтійскими нѣмцами и Русскими.

Каждая національность работаетъ самостоятельно, но важнѣйшіе вопросы рѣшаются сообща. Эти организаціи могутъ составить на югѣ Прибалтики 27 Латышскихъ,7 Балтійскихъ и одну Русскую роту. На Балтійско-нѣмецкія организаціи можно спокойнѣе всего положиться, такъ какъ онѣ по убѣжденію защищаютъ свою жизнь отъ большевистской опасности. Латышскія организаціи развиваются хорошо, но онѣ болѣе подвержены большевистскому вліянію. Въ будущемъ объединенныя подъ общимъ командованіемъ, всѣ эти организаціи могутъ быть очень полезны въ дѣлѣ возстановленія порядка въ странѣ. То что необходимо въ данный моментъ, можетъ быть выражено въ нѣсколькихъ словахъ:

1. Немедленное полученіе средствъ.
2. Сконцентрированіе всѣхъ военныхъ организацій на Балтійскомъ фронтѣ подъ однимъ общимъ командованіемъ.

3. Прикомандированіе англійскаго представителя союзныхъ державъ къ Сѣверной Арміи.
4. Поддержка Арміи союзными войсками, высадка которыхъ ожидается въ Балтійскихъ портахъ, или, по крайней мѣрѣ, оккупація этихъ портовъ.
5. Мобилизація всѣхъ русскихъ офицеровъ въ странѣ.
6. Усиленный пріемъ волонтеровъ.

Вопросъ средствъ поставленъ здѣсь на первомъ мѣстѣ, потому что онъ является самымъ срочнымъ. Нѣмцы не заинтересованы болѣе въ томъ, чтобъ давать намъ средства. Мѣстные банки и учрежденія не имѣютъ свободныхъ денегъ въ данный моментъ. Между тѣмъ большевики прислали изъ Петербурга большое количество комиссаровъ съ очень крупными суммами для пропаганды. Опасность велика и растетъ съ каждымъ днемъ. Армія, военныя организаціи и всѣ мирные жители страны ждутъ и надѣются на помощь союзныхъ державъ, пока еще не поздно.

Десантныя войска принесли бы въ страну много надеждъ и реорганизація нашей Арміи при помощи союзныхъ державъ не только подвинула бы насъ къ цѣли разбить большевиковъ, но также къ великой и важнѣйшей нашей цѣли возстановить порядокъ въ Россіи.

За Командующаго Русской Сѣверной Арміей
Генералъ-Маіоръ Родзянко

Приложеніе № 9

Начальнику Штаба

Доношу, что сего числа совѣтъ солдатскихъ депутатовъ германскаго гарнизона г. Валка раскололся на двѣ самостоятельныя партіи, при чемъ болѣе лѣвая вступила въ переговоры съ большевиками и приняла сего числа депутацію большевиковъ.

Сдачу г. Валка большевикамъ слѣдуетъ ожидать съ часа на часъ, поэтому мною съ завтрашняго дня то есть 11-го декабря закрывается Бюро и Комендантское Управленіе и, если будетъ сообщеніе съ Боккенгофомъ, то продвинусь туда. Въ случаѣ прекращенія желѣзнодорожнаго движенія отойду въ Тырва по Фелинскому тракту.

10-го декабря 1918 года
№ 19 — Подполковникъ фонъ-Бреверн ъ.
гор. Валкъ.

Приложеніе № 10

Временно Командующему корпусомъ полковнику Бибикову

Сегодня получилъ донесеніе отъ подполковника фонъ-Бревернъ о томъ, что совѣтъ солдатскихъ депутатовъ Валкскаго гарнизона вступилъ въ переговоры съ большевиками о сдачѣ гор. Валка. Поэтому подполковникъ фонъ-Бревернъ и эстонскій Штабъ изъ города Валка выѣхали.

Вчера съ посланнымъ черезъ подполковника фонъ-Бревернъ я отправилъ Вамъ, г. полковникъ, донесеніе о томъ, что германскому командованію полковникомъ Родзянко предъявлено ультимативное требованіе перевести на эшелонахъ всѣ части Отдѣльнаго Псковскаго добр. корпуса въ раіонъ Митава-Либава и что вчера же получена телефонограмма отъ германскаго командованія въ Либавѣ о прибытіи туда англійской эскадры, начальникъ которой адміралъ Синклеръ проситъ немедленно выслать для переговоровъ уполномоченныхъ «Сѣверной Арміи».

Согласно полученныхъ мною инструкцій отъ Командующаго, для переговоровъ въ Либаву командированы полковникъ Родзянко, ротмистръ Гоштовтъ и въ качествѣ переводчика ротмистръ князь Ливенъ.

По полученнымъ свѣдѣніямъ Либава будетъ главной базой для англійскаго дессанта и вся военная гавань уже очищена германцами для этой цѣли. Командующему я докладывалъ, что большевистскія войска наступаютъ особенно интенсивно въ направленіи Рѣжица-Крейцбургъ—Рига и по соединительной линіи на станцію Рамоцкое.

Это движеніе угрожаетъ единственному пути отступленія Отдѣльнаго Псковскаго добр. корпуса на Ригу, а потому полагалъ бы необходимымъ немедленно двинуться въ направленіи на Вольмаръ—Венденъ—Ригу въ раіонъ Митавы и Либавы. Создавшаяся обстановка тѣмъ

болѣе указываетъ на необходимость немедленно начать отступленіе на Ригу, такъ какъ въ противномъ случаѣ Отдѣльный Псковскій добр. корпусъ будетъ запертъ въ раіонѣ Ревель—Валкъ—Юрьевъ.

Переправа войскъ въ Финляндію невозможна по техническимъ соображеніямъ и поэтому, повторяю, единственный выходъ для корпуса лежитъ въ южномъ направленіи черезъ Ригу.

Сегодня у меня былъ товарищъ военнаго министра Латышскаго правительства, которое совершенно растерялось. Городъ Рига наводненъ большевистскими комиссарами, среди которыхъ такія «звѣзды», какъ Хаустовъ, Сиверсъ, Жабинъ и даже ожидается на дняхъ Склянскій. Всѣ эти комиссары ведутъ переговоры съ совѣтомъ содатскихъ депутатовъ германцевъ и навѣрное придутъ къ соглашенію. Положеніе въ Ригѣ тревожное и ожидается со дня на день возстаніе.

Внѣшніе большевики не такъ опасны, какъ внутренніе, такъ какъ первыхъ наступаетъ сравнительно незначительное количество.

Все это хорошо сознается Латышскимъ правительствомъ и поэтому они очень жалѣютъ, что не вошли съ нами сейчасъ же въ связь. Когда я сообщилъ ему о рѣшеніи корпуса пробиться силою оружія на югъ, то онъ отвѣтилъ, что препятствовать намъ они не будутъ и готовы работать вмѣстѣ для общей цѣли.

Принимая все вышеизложенное во вниманіе полагалъ бы необходимымъ немедленно двинуться всѣми силами въ направленіи на Вольмаръ—Венденъ.

Въ случаѣ недостатка въ продовольствіи — прибѣгнуть къ реквизиціямъ, а въ случаѣ сопротивленія этому движенію съ какой-либо стороны — къ оружію. Во всемъ этомъ раіонѣ ни у кого нѣтъ достаточной силы, чтобы воспротивиться движенію корпуса.

Англійскому командованію будетъ представленъ докладъ объ общемъ положеніи въ странѣ и о положеніи корпуса въ частности. Будетъ указано на необходимость предоставить корпусу свободу маневрированія во всей странѣ и подчиненіе всѣхъ другихъ военныхъ организацій русскому командованію.

На дняхъ выѣду въ Митаву для переговоровъ съ мѣстными властями о мѣстѣ стоянки корпуса и о продовольствіи.

Связь буду поддерживать посылкою агентовъ навстрѣчу предполагаемому движенію корпуса.

Германцы мѣняютъ еще 100000 кредитныхъ билетовъ Псковскаго казначейства на свои марки. Какъ только получу ихъ — вышлю. Говорятъ также о дессантѣ въ Ригѣ, но болѣе точныя свѣдѣнія получу не раньше завтрашняго дня.

11-го декабря 1918 года — Начальникъ Штаба
№ 4/опер. — Гвардіи ротмистръ фонъ-Розенбергъ
гор. Рига

Приложеніе № 11

Капитану фонъ-Гершельманъ

Сто тысячъ рублей кредитными билетами Псковскаго казначейства получите отъ корнета Стольникова, которые, обмѣнявши на 200000 гер. мар., прошу привести мнѣ.

Узнайте отвѣтъ отъ лейтенанта Списъ на мой запросъ о положеніи корпуса — будутъ ли предоставлены эшелоны.

Я свяжусь съ Вами телефономъ. Донесенія отъ корпуса направляйте въ Митаву. Переговорите завтра въ 11 час утра съ Латышскимъ правительствомъ о мѣрахъ обороны Риги. Они принципіально согласны на все.

12-го декабря 1918 года — Гв. ротмистръ фонъ-Розенбергъ

Приложеніе № 12

Капитану фонъ-Гершельманъ

Англійская эскадра пробыла въ Либавѣ до вечера 11-го декабря и затѣмъ вышла въ море, чтобы вернуться черезъ нѣсколько дней обратно. Въ общихъ чертахъ англійскому командованію извѣстно положеніе частей «Сѣверной Арміи» и по возвращеніи эскадры необходимо будетъ только выяснить подробности.

Въ первую голову будутъ поставлены слѣдующія просьбы: 1) содѣйствовать перевозкѣ частей арміи на эшелонахъ изъ Вольмара въ раіонъ Либавы; 2) обезпеченіе денежными средствами; 3) занятіе портовъ англійскимъ дессантомъ.

Мое приказаніе офицерамъ Штаба остается прежнее: до 20-го предоставляется полная свобода дѣйствій, а къ 20-му собраться въ Митавѣ, а если нельзя тамъ, то въ Либавѣ.

Капитану фонъ-Мевесъ оставаться въ Ригѣ и въ случаѣ возстановленія сообщенія съ арміей отправиться въ распоряженіе полковника Бибикова для исполненія должности Старшаго адъютанта оперативнаго отдѣленія.

Васъ прошу взамѣнъ 100000 рублей кредитными билетами Псковскаго казначейства получить у германцевъ 200000 марокъ и привести эти деньги сюда или прислать съ довѣреннымъ лицомъ.

14-го декабря 1918 года — Начальникъ Штаба
№ 6/опер. — Гв. ротмистръ фонъ-Розенбергъ
гор. Либава

Приложеніе № 13

Капитану фонъ-Гершельманъ

Завтра 16-го декабря въ 8 час. утра выѣзжаемъ для переговоровъ съ англійскимъ командованіемъ. Результаты сообщу дополнительно.

Прошу выслать для связи сюда въ Либаву корнетовъ Лопухина и Стольникова. Съ ними прошу прислать донесеніе о положеніи въ гор. Ригѣ, а также о мѣстѣ нахожденіи арміи. Кромѣ того собщите, куда направились офицеры Штаба.

Если Вы получили деньги отъ германцевъ, то пришлите ихъ съ корнетами Лопухинымъ и Стольниковымъ, оставивъ въ свое распоряженіе 10000 (десять тысячъ) марокъ, и выдавъ по роспискѣ Штабсъ ротмистру Петрову. Взамѣнъ этихъ денегъ пришлите росписки. Оріентируйте чаще части арміи объ общемъ положеніи.

13-го декабря 1918 года
№ 7/опер. — Гв. ротмистръ фонъ-Розенбергъ
гор. Либава

Приложеніе № 14

Телеграмма

А. О. К. 8. Маіору фонъ-Тресковъ, копіи лейтенанту Ниманъ и капитану фонъ-Гершельманъ.

Англійское командованіе считаетъ наилучшимъ мѣстомъ для формированія «Сѣверной Арміи» раіонъ Либава-Митава. Мѣстное германское командованіе отвело для арміи раіонъ Альтъ-Ауцъ. Прошу распоряженія о немедленной высылкѣ 6-ти эшелоновъ въ гор. Вольмаръ для переброски арміи въ указанный выше раіонъ. О днѣ высылкѣ эшелоновъ не откажите сообщить арміи черезъ капитана фонъ-Гершельманъ. Ротмистръ фонъ-Розенбергъ. 17-го декабря 1918 года.

Приложеніе № 15

Капитану фонъ-Гершельману

Адмиралъ Синклеръ внимательно выслушалъ нашъ докладъ о положеніи арміи. Вмѣстѣ съ нимъ на пріемѣ присутствовалъ англійскій консулъ. Ничего опредѣленнаго для арміи добиться не удалось. Адмиралъ сегодня въ 6 час. утра выѣхалъ въ Ригу для переговоровъ о нашей судьбѣ съ Латышскимъ Правительствомъ. Послѣ этого результаты переговоровъ и общее положеніе въ Прибалтійскомъ Краѣ будетъ сообщено англійскому верховному командованію и по полученіи отвѣта передастся намъ.

Англійская эскадра прибудетъ обратно въ Либаву 19-го декабря вечеромъ. Надѣюсь къ 20-му получить болѣе опредѣленныя свѣдѣнія.

Англійское командованіе согласно, что лучшимъ раіономъ для формированія арміи является Либава—Митава. Мѣстное германское командованіе отводитъ намъ раіонъ Митава—Альтауцъ. Сегодня послалъ телеграмму маіору фонъ-Тресковъ о высылкѣ въ гор. Вольмаръ 6-ти эшелоновъ для переброски корпуса въ раіонъ Альтауцъ.

Капитану фонъ-Мевесъ немедленно выѣхать къ арміи въ распоряженіе полковника Бибикова для исполненія обязанностей старшаго адъютанта оперативнаго отдѣленія. Объ этомъ пишу ему отдѣльно — оріентируйте его о положеніи вообще согласно полученныхъ свѣдѣній отъ меня ,чтобы онъ могъ обо всемъ доложить Командующему.

Въ случаѣ, если капитанъ фонъ-Мевесъ уже выѣхалъ къ отряду, то пошлите къ нему съ кѣмъ нибудь мой пакетъ для него.

Вамъ оставаться въ гор. Ригѣ, гдѣ Вы являетесь связью между отрядомъ и Штабомъ А. О. К. 8.

Мнѣ телеграфируйте о днѣ посадки корпуса въ эшелоны. Отряду вмѣстѣ съ капитаномъ фонъ-Мевесъ отправьте 100000 германскихъ марокъ въ распоряженіе полковника Бибикова.

Сообщите телеграммой мнѣ, если Вамъ извѣстно, гдѣ находится полковникъ фонъ-Нефъ.

До окончательнаго выясненія положенія арміи и полученія отвѣта отъ англійскаго командованія, я останусь въ гор. Либавѣ.

Офицеровъ въ Ригѣ не собирайте — всѣхъ направляйте въ части, а офицеровъ штаба къ 20—23-му въ Митаву. Желающихъ ѣхать на югъ не задерживайте, но получившихъ предписаніе и командировочныя деньги, считайте окончательно выбавшими изъ состава «Сѣверной Арміи».

Чаще телеграфируйте мнѣ объ общемъ положеніи и мѣстѣ нахожденіи арміи.

Пришлите съ оставшимися деньгами корнетовъ Лопухина и Стольникова ко мнѣ.

Передайте или перешлите пакеты отъ меня Командующему и капитану фонъ-Мевесъ.

17-го декабря 1918 года — Начальникъ Штаба
№ 8/опер. — Гв. ротмистръ фонъ-Розенбергъ
гор. Либава

Приложеніе № 16

Капитану фонъ-Мевесъ

Предписываю Вамъ съ полученіемъ сего отправиться въ армію для исполненія должности старшаго адъютанта оперативнаго отдѣленія и временнаго исполненія должности начальника штаба отряда.

17-го декабря 1918 года — Началньикъ Штаба
№ 9/опер. — Гв. ротмистръ фонъ-Розенбергъ
гор. Либава

Приложеніе № 17

Капитану фонъ-Мевесъ

При семъ препровождаю Вамъ предписаніе.

Въ виду отъѣзда полковника Родзянко въ Ригу, я остаюсь въ Либавѣ до окончательнаго выясненія положенія арміи и полученія отвѣта отъ англійскаго командованія. Прошу немедленно мнѣ телеграфировать о днѣ погрузки арміи въ эшелоны. Въ случаѣ отказа въ эшелонахъ, телеграфируйте о рѣшеніи Конмадующаго. Во время движенія арміи — о мѣстѣ ея нахожденіи.

Если армія начнетъ переходъ или будетъ перевозиться на эшелонахъ, вышлите отъ всѣхъ частей квартирьеровъ въ новый раіонъ. О днѣ высылкѣ квартирьеровъ телеграфируйте мнѣ. Квартирьерамъ явиться въ Митаву въ гостиницу «Линде» и тамъ оставить о своемъ прибытіи записку на мое имя. Я имъ дамъ дальнѣйшія указанія о мѣстѣ новаго расквартированія арміи.

Оріентируйте Командующаго и части арміи объ общемъ положеніи.

Въ Ригѣ остается капитанъ Гершельманъ, который будетъ связью между арміей и Штабомъ А. О. К. 8., а также направлять всѣхъ офицеровъ и солдатъ по своимъ частямъ.

Сейчасъ получилъ пересланную Вами телеграмму полковника Бибикова. Согласно этой телеграммы черезъ полковника Родзянко отдаю приказаніе всѣмъ офицерамъ, находящимся въ гор. Митавѣ немедленно выѣхать въ Ригу и явиться Вамъ для полученія дальнѣйшихъ указаній.

Въ виду того что Штабъ корпуса приказомъ былъ расформированъ, большая часть офицеровъ прежняго штаба уѣхала въ гор. Кіевъ.

Черезъ ротмистра Гоштовтъ мнѣ было приказано сформировать новый штабъ при чемъ Командующій намѣтилъ на должности:

1. Старшаго адъютанта оперативнаго отдѣленія Васъ
2. Корпусного коменданта — подполковника фонъ-Бревернъ.

Кромѣ того мною были назначены:

1) на должность Старшаго адъютанта по хозяйственной части — Штабсъ капитанъ Самусь евъ.
2) на должность казначея-капитанъ Пестичъ.

Полагаю, что на этомъ можно пока ограничиться до окончательнаго выясненія положенія арміи и мѣста ея расположенія.

Я совершенно не оріентированъ относительно послѣдняго рѣшенія Командующаго — гдѣ предположено продолжать формированіе арміи:

1) остается ли армія въ Эстляндіи
2) переходитъ ли въ раіонъ Митава—Либава.

Прошу сейчасъ же дать мнѣ знать объ этомъ черезъ капитана фонъ-Гершельманъ.

Въ свою очередь буду оріентировать части арміи и Васъ о результатахъ переговоровъ съ англійскимъ командованіемъ.

Непремѣнно установите связь телеграфомъ и пакетами съ капитаномъ фонъ-Гершельманъ.

О днѣ своего выѣзда, съ указаніемъ лицъ штаба, выѣхавшихъ вмѣстѣ съ Вами, телеграфируйте мнѣ.

Помощника себѣ въ отдѣленіе возьмите по своему усмотрѣнію.

17-го декабря 1918 года — Гв. ротмистръ фонъ-Розенбергъ
№ 10/опер.
гор. Либава.

Приложеніе № 18

Полковнику Бибикову

Вслѣдствіе отъѣзда полковника Родзянко въ Ригу, я остался въ гор. Либавѣ для окончательнаго выясненія положенія арміи и полученія отвѣта отъ англійскаго командованія. Эскадра возращается въ Либаву 20-го декабря.

Прошу г. полковникъ оріентировать меня относительно рѣшенія Командующаго, гдѣ армія будетъ продолжать свое формированіе. Мною предпринято все чтобы перевести армію въ раіонъ Либава—Митава.

Общее положеніе и подробности о переговорахъ съ англійскимъ командованіемъ доложитъ Вамъ капитанъ фонъ-Мевесъ.

Штабъ окончательно мною не сформированъ, такъ какъ полагалъ бы достаточнымъ ограничиться, въ виду неясности положенія, сокращеннымъ штатомъ.

17-го декабря 1918 года
№ 11/опер. — Ротмистръ фонъ-Розенбергъ
гор. Либава

Приложеніе № 19

Командующему корпусомъ

По полученнымъ мною отъ ротмистра Гоштовта свѣдѣніямъ, въ Литвѣ происходитъ сейчасъ тоже самое, что и здѣсь. Созданное германцами правительство «Тариба» никакимъ авторитетомъ въ странѣ не пользуется и положеніе его шаткое. Военной силы въ распоряженіи нѣтъ и потому насъ съ удовольствіемъ примутъ. Во всякомъ случаѣ препятствій къ переходу границы не встрѣтится.

Особеннаго вниманія заслуживаютъ поляки, которые единственные представляютъ силу и союзъ съ ними былъ бы большою опорою для арміи, тѣмъ болѣе, что они дѣйствуютъ въ контактѣ съ «Согласіемъ» и въ Польшѣ имѣются представители послѣдняго. Поляки довольно хорошо въ настоящій моментъ относятся къ нашей арміи и готовы войти въ переговоры.

Есть основаніе предполагать, что польскія войска, въ ближайшемъ будущемъ, займутъ всю Литву и въ случаѣ, если наша армія перейдетъ въ раіонъ Митава—Либава, будутъ нашими непосредственными сосѣдями. У поляковъ имѣются для этой цѣли двѣ довольно сильныя войсковыя части: 1) бригадира Янушайтисъ у Бѣлостока и 2) дивизія генерала Ивашкевича за Бѣлостокомъ.

Въ самой Польшѣ, въ скоромъ времени, предполагается переворотъ съ уклономъ вправо.

Все вышеизложенное еще разъ подтверждаетъ необходимость перейти въ раіонъ Митава—Либава, гдѣ армія будетъ занимать вполнѣ прочное положеніе и можетъ спокойно продолжать формироваться.

20-го декабря 1918 года
№35 Ротмистръ фонъ-Розенбергъ.

Приложеніе № 20

Начальникъ Штаба
Русской Добр. Сѣверной Арміи
21 декабря 1918 г.
№ 36
гор. Либава

Командующему Арміей

Рапортъ

Въ виду того, что армія, повидимому, не собирается переходить въ раіонъ Митава—Либава, я, оставаясь при своемъ прежнемъ мнѣніи о гибельности отступленія на Ревель и не желая принимать на себя отвѣтственности за послѣдствія отъ такого рѣшенія, прошу объ освобожденіи меня отъ должности Начальника Штаба.

Причисленный къ Генеральному Штабу
Гвардіи ротмистръ фонъ-Розенбергъ

Приложеніе № 21

Капитану фонъ-Мевесъ

Вашу записку получилъ. Ничего новаго сообщить Вамъ не могу. Англійское командованіе обѣщаетъ удовлетворить всѣ нужды арміи, но вопросъ во времени.

Судя по запискѣ полковника Бибикова, армія не предполагаетъ переходить въ раіонъ Митава—Либава. Оставаясь при своемъ мнѣніи, я просилъ Командующаго освободить меня отъ должности Начальника Штаба.

Чины Штаба, если желаютъ и могутъ, пусть ѣдутъ въ армію, въ противномъ случаѣ пусть подадутъ рапортъ о своемъ отчисленіи. Казначею, если онъ рѣшитъ уйти, необходимо предварительно сдать свою должность и представить полную отчетность.

Сообщите о положеніи въ Ригѣ и своемъ рѣшеніи.

22-го декабря 1918 года Гвардіи ротмистръ фонъ-Розенбергъ
№ 12/опер.
гор. Либава.

Приложеніе № 22

Приказъ
по
Отдѣльному Корпусу Сѣверной Арміи

гор. Ревель 10-го декабря 1918 г.

§ 1

Должность Начальника Штаба корпуса ротмистру фонъ-Розенбергъ сдать полковнику фонъ-Вааль.

§ 2

Полковника фонъ-Вааль назначаю Начальникомъ Штаба ввѣреннаго мнѣ корпуса.

Ротмистра фонъ-Розенбергъ прикомандировываю къ Штабу ввѣреннаго мнѣ корпуса для порученій.

Командующій Отд. корпусомъ Сѣверной Арміи
Полковникъ фонъ-Нефъ

Ротмистру фонъ-Розенбергъ 10-го декабря приказано Командующимъ ѣхать въ гор. Гельсингфорсъ для выясненія обстановки и связи съ генераломъ Маннергеймъ.

Штабсъ-ротмистръ Андреевскій II

Приложеніе № 23

Рига 24-го декабря 1918 года

§ 1

Приказываю всѣмъ офицерамъ, находящимся въ Либавѣ, остаться тамъ до новаго приказанія.

§ 2

Ротмистръ фонъ-Розенбергъ не является больше Начальникомъ Штаба. Всѣ офицеры и офицеры бывшаго Штаба подчинены мнѣ.

§ 3

Если офицеровъ нельзя будетъ отправить къ Арміи, то часть ихъ поѣдетъ въ Либаву.

§ 4

Попросить для этого казармы въ Военной гавани, число офицеровъ скоро выяснится.

§ 5

Подыскать для отдѣла Сѣверной Арміи помѣщеніе, лучше всего въ Военной гавани.

Генералъ-маіоръ Родзянко

Приложеніе № 24

Приказъ

по

Русскимъ войскамъ, находящимся въ городѣ Либавѣ

30-го декабря 1918 года

гор. Либава

§ 1

Съ цѣлью установить возможно скорѣйшій порядокъ въ той группѣ офицеровъ и солдатъ, которая оказалась въ гор. Либавѣ, принимаю на себя, какъ старшаго въ чинѣ, командованіе названною группою съ правами Командующаго отдѣльнымъ корпусомъ. Дальнѣйшее опредѣленіе моихъ правъ и обязанностей состоится послѣ надлежащихъ переговоровъ съ англійскимъ правительствомъ о чемъ и будетъ объявлено дополнительно.

§ 2

Комендантомъ для русскимъ военныхъ силъ, перевезенныхъ въ Либаву, назначается мною подполковникъ фонъ-Бревернъ, а въ его распоряженіе два оберъ-офицера по его, подполковника фонъ-Бревернъ, личному выбору. Кромѣ того коменданту города непосредственно подчиняется завѣдующій казармами.

§ 3

Завѣдующимъ казармами, отведенными для пребыванія въ нихъ русскихъ офицеровъ и солдатъ, назначается штабсъ капитанъ Самусьевъ.

§ 4

Въ названныхъ казармахъ, гдѣ начнется формированіе русской роты, обязаны жить: изъ числа штабъ офицеровъ тѣ, кто будетъ занимать командныя должности въ этой ротѣ, а изъ числа оберъ-офицеровъ всѣ за исключеніемъ офицеровъ, предназначенныхъ на случай необходимости сформировать штабъ и продолжающіе занимать нѣкоторыя нестроевыя еще неупраздненныя должности.

Списокъ таковыхъ лицъ будетъ сообщенъ теперь же полковнику фонъ-Бревернъ.

Правила внутренняго порядка въ казармахъ теперь же представить мнѣ на утвержденіе.

§ 5

Командиромъ роты, которая будетъ теперь же формироваться изъ наличныхъ офицеровъ и солдатъ, назначаю подполковника Бириха, командирами взводовъ въ той же ротѣ подполковниковъ Лисунова и Тимана.

§ 6

Казначеемъ отряда по прежнему остается капитанъ Пестичъ, которому разрѣшаю имѣть одного помощника.

Такъ какъ всѣ чины новоформируемой роты получили въ лицѣ подполковника Бириха непосредственнаго начальника, предназначенные на случай возможнаго формированія штаба, должны подчиняться Начальнику Штаба Ротмистру фонъ-Розенбергъ, а часть другихъ лицъ уже подчинена Коменданту города, то никакія обращенія съ какими бы то ни было нуждами или вопросами помимо своего непосредственнаго начальства допущены и расматриваться не будутъ.

§ 7

До предстоящихъ переговоровъ съ англійскимъ правительствомъ задаюсь ближайшими двумя цѣлями: 1) скорѣйшимъ сформированіемъ изъ наличнаго числа офицеровъ и солдатъ роты, которая могла бы послужить кадромъ для дальнѣйшихъ формированій и 2) безотлагательнымъ улучшеніемъ положенія, въ которомъ оказались офицеры и солдаты, отрѣзанные отъ главнаго отряда.

Формированіе роты поручаю полковнику фонъ-Бревернъ, помощникомъ коего въ періодъ формированія роты долженъ состоять командиръ роты подполковникъ Бирихъ. Всѣ указанія по 2-му пункту даны отрядному казначею.

§ 8

Отдаваемые мною приказы должны обязательно и тотчасъ по ихъ отпечатанію вывѣшиваться въ казармахъ и въ помѣщеніяхъ комендатуры, дабы никто незнаніемъ этихъ распоряженій отговариваться не могъ.

Командующій отрядомъ
Генералъ-маіоръ Симанскій
Вѣрно: Гвардіи ротмистръ фонъ-Розенбергъ

Приложеніе № 25

Приказъ
по
Русскимъ войскамъ, расположеннымъ въ городѣ Либавѣ.
6-го января 1919 года
гор. Либава

§ 1

Германскія войска перевозятся изъ Тильзита къ Митавѣ. Необходимо охранить для этого движенія желѣзнодорожный путь отъ Шавли до Митавы.

Приказываю:

1. Сегодня, 6-го января, къ 22 час. 20 мин. (время отправки поѣзда) русскому и латышскому взводамъ подъ общимъ начальствомъ подполковника Бириха прибыть на вокзалъ въ гор. Либавѣ для дальнѣйшей отправки въ гор. Шавли.
2. По прибытіи въ гор. Шавли начальнику отряда немедленно явиться въ 13-ую ландверную бригаду для полученія отъ нея соотвѣтствующихъ инструкцій.
3. Организацію при взводахъ военно-санитарной помощи возложить на доктора медицины Тарасова.
4. Начальнику отряда подполковнику Бириху получить изъ хозяйственнаго совѣта авансъ въ размѣрѣ пяти тысячъ рублей (5000 руб.).
5. Тому же подполковнику Бириху установить со мною надлежащую связь путемъ отправки донесеній, изъ коихъ первое должно быть отправлено тотчасъ по свиданіи съ германскими военными властями въ Шавляхъ, а второе — послѣ постановки охраны на желѣзнодорожномъ пути.

Объявляю: 1) что довольствіе двинутыхъ на охрану войсковыхъ частей будетъ лежать на обязанности мѣстныхъ германскихъ властей,

2) что тотчасъ по прибытіи въ Митаву свѣжихъ германскихъ войскъ русско-латышскія части будутъ смѣнены германскими.

Начальникъ отряда
генералъ-маіоръ Симанскій
Вѣрно: Гвардіи ротмистръ фонъ-Розенбергъ

Приложеніе № 26

Актъ

8-го сего января въ 14 съ половиною часовъ, временный хозяйственный Совѣтъ Обороны, выслушавъ докладъ, по расходованію тѣхъ суммъ, которыя оказались въ распоряженіи Начальника Штаба Псковскаго Добровольческаго Корпуса ротмистра фонъ-Розенбергъ съ момента его прибытія въ Ригу и по день ликвидаціи всѣхъ дѣлъ Либавскаго Отряда, нашелъ, что оказавшійся остатокъ отъ всей полученной имъ, ротмистромъ фонъ-Розенбергъ суммы, вполнѣ согласуется съ приходомъ и расходомъ этой суммы и что по всѣмъ сдѣланнымъ выдачамъ имѣются расписки, но что въ то же время нѣкоторыя изъ произведенныхъ выдачъ зависящихъ отъ распоряженій другихъ лицъ, требуютъ представленія отдѣльныхъ отчетовъ.

Таковыя выдачи:

1000 марокъ Штабсъ-ротмистру Щуровскому
4700 марокъ графу Дегенфельдъ
3000 марокъ лейт. Ниману
2500 марокъ капит. фонъ Дитмаръ.

и въ особенности выдачи, сдѣланныя по распоряженію полковника Родзянко, а именно 20000 марокъ барону Корфъ и 15000 марокъ лейтенанту Баумъ. Кромѣ того не оправданы авансы, выданные четыремъ лицамъ, въ размѣрѣ 200 марокъ каждому и одинъ авансъ, въ размѣрѣ 400 марокъ, и не представленъ отчетъ по Рижскому Бюро въ израсходованіи 3000 Думскихъ рублей и 1500 марокъ.

На рукахъ у ротмистра фонъ-Розенбергъ осталось 664 марки и 43300 руб. Псковскаго Областного Казначейства.

Предсѣдатель: генералъ-маіоръ Симанскій
Члены: Дерюгинъ, Зотовъ, Штейбергъ
Секретарь: Высоцкій

Сорокъ три тысячи тристо рублей Псковскаго Областного Казачейства сданы ротмистромъ фонъ-Розенбергъ Совѣту Обороны, что и удостовѣряется подписью.

9-го января 1919 года Предсѣдатель: генералъ-маіоръ Симанскій

Приложеніе № 27

Завѣдующій
Вербовочнымъ Бюро
при
Сѣверной Арміи
1-го января 1919 года
№ 115
гор. Либава

Начальнику Штаба

Рапортъ

Доношу, что изъ числа выданныхъ мнѣ 100000 рублей Псковскаго Губернскаго Казначейства мною выдано 21700 рублей штабсъ-ротмистру Петрову, 20000 рублей, согласно приказанію полковника Родзянко — корнету фонъ-Корфу и 15000 рублей лейтенанту Бауму, всего пятьдесятъ шесть тысячъ семьсотъ рублей, остатокъ въ количествѣ сорока трехъ тысячъ трехсотъ рублей при семъ препровождаю.

Приложеніе: 43300 рублей и 3 росписки.

Капитанъ фонъ-Гершельманъ

Приложеніе № 28

Краткая записка о «Сѣверной Арміи».

1. Русская добровольческая «Сѣверная Армія», по соглашенію съ Императорскимъ Правительствомъ, при посредствѣ Главнаго Военнаго Германскаго Командованія, начала свое формированіе 10-го октября 1918 г.

2. Раіономъ для формированія арміи были назначены оккупированныя части Псковской и Витебской губерній съ городами Псковъ, Изборскъ, Островъ, Люцинъ, Рѣжица и Двинскъ.

3. Съ русской стороны иниціаторами и уполномоченными по веденію переговоровъ о формированіи арміи были: Причисленный къ Генеральному Штабу Гвардіи Ротмистръ фонъ-Розенбергъ и ротмистръ фонъ-Гершельманъ. Указанныя лица были для этой цѣли командированы изъ гор. Петербурга въ гор. Псковъ антибольшевистской политической организацiей во главѣ съ генераломъ Юденичъ и министромъ Треповымъ, а также организованнымъ офицерствомъ Петербургскаго округа. Впослѣдствіе въ Псковѣ, указанныя выше лица, вошли въ соглашеніе и связь съ членами Государственной Думы Г. М. Дерюгинымъ, Н. Н. Лавриновскимъ, А. П. Горскинымъ и общественнымъ дѣятелемъ Линде, которые взяли на себя политическую сторону переговоровъ.

4. Съ германской стороны переговоры велись Военнымъ Командованіемъ въ Ковно и армейскимъ командованіемъ въ Ригѣ (А. О. К. 8), при посредствѣ маіора фонъ-Клейстъ, маіора фонъ-Тресковъ, оберъ-лейтенанта фонъ-Гаммерштейнъ и лейтенанта Ниманъ.

5. Условія формированія арміи были выработаны и установлены слѣдующія:

а) армія комплектуется мѣстными русскими офицерами и добровольцами, а также русскими военноплѣнными, находящимися въ лагеряхъ Германіи, гдѣ этотъ наборъ будетъ произведенъ русской комиссіей офицеровъ, спеціально отправленной для этой цѣли въ Германію;

б) командующимъ арміей назначается русскій генералъ съ популярнымъ боевымъ именемъ — желательно генерала Юденича, генерала Гурко или генерала графа Келлеръ;

в) формированіе арміи происходитъ въ указанномъ выше раіонѣ подъ прикрытіемъ германскихъ оккупаціонныхъ войскъ;

г) средства на содержаніе арміи отпускаются германскимъ правительствомъ заимообразно русскому государству въ лицѣ образованнаго русскаго совѣта обороны, долженствующаго, по мѣрѣ надобности развернуться во Временное Правительство Россійской Имперіи;

д) вооруженіе, шанцевый инструментъ, обмундированіе, продовольствіе и техническія средства даются германскимъ правительствомъ черезъ германское военное командованіе русскому военному командованію, по возможности русскаго образца и въ размѣрѣ потребномъ на формированіе одного корпуса, силою въ двѣ пѣхотныя дивизіи германскаго штата съ отдѣльною бригадою кавалеріи, соотвѣтствующей артиллеріей, вспомогательными войсками (инженерными, саперными, авіаціонными, автомобильными, мотоциклетными, телеграфными и телефонными) и всѣми техническими средствами;

е) на формированіе дается срокъ не менѣе двухъ съ половиною мѣсяцевъ, послѣ чего армія должна быть въ боевой готовности:

ж) по сформированію арміи германскія войска отходятъ на новую демаркаціонную линію а прежнюю сдаютъ «Сѣверной Арміи»;

з) за мѣсяцъ передъ своимъ отходомъ германскія военныя и гражданскія власти сдаютъ все управленіе указаннымъ армейскимъ раіономъ таковымъ же русскимъ властямъ;

и) при арміи остаются для связи три германскихъ офицера, одинъ изъ которыхъ Генеральнаго Штаба.

6. Задачи «Сѣверной Арміи»:

а) защита указаннаго выше раіона отъ большевистскаго нашествія;

б) созданіе буфера между большевистской заразой и германскими войсками;

в) движеніе впередъ для взятія Петербурга и сверженія болльшевиковъ;

г) водвореніе и поддержка въ Россіи законнаго правительства, которое заключитъ окончательный миръ съ Германіей и будетъ держать дружественный нейтралитетъ до окончанія міровой войны.

7. Принципіальное согласіе на формированіе арміи было получено 2-го октября 1918 года, а 10-го октября въ гор. Псковъ прибыла военная комиссія отъ А. О. К. 8 для переговоровъ о деталяхъ.

8. Первое засѣданіе комиссіи было 10-го октября въ гор. Псковѣ, на которомъ присутствовали съ германской стороны маіоръ фонъ-Клейстъ, маіоръ фонъ-Тресковъ, оберъ-лейтенантъ фонъ-Гаммерштейнъ и лейтенантъ Ниманъ; съ русской стороны ротмистръ фонъ-Резенбергъ, ротмистръ фонъ-Гершельманъ, капитанъ Тарановскій и Линде. На засѣданіи были выработаны условія формированія и было рѣшено немедленно приступить къ дѣлу.

9. Къ работѣ по формированію были приглашены Генеральнаго Штаба генералы Вандамъ и Малявинъ, изъ которыхъ первый, до прибытія командующаго, принялъ на себя временное командованіе Отдѣльнымъ Добровольческимъ Псковскимъ корпусомъ, а второй его Начальника Штаба. Ротмистръ фонъ-Розенбергъ былъ назначенъ ближайшимъ помощникомъ Начальника Штаба въ должности Оберъ-Квартирмейстера, а ротмистръ фонъ-Гершельманъ зачисленъ Штабъ офицеромъ для порученій при Командующимъ и командированъ вмѣстѣ съ оберъ-лейтенантомъ фонъ-Гаммерштейнъ въ Кіевъ за генераломъ графомъ Келлеръ, котораго рѣшено было просить принять на себя командованіе арміей.

10. Формированіе пошло вначалѣ очень удачно и была сформирована пѣхотная дивизія изъ 3-хъ полковъ: 1-го добр. Псковскаго полка, 2-го добр. Островскаго полка, 3-го добр. Рѣжицкаго полка, при 2-хъ батареяхъ, кромѣ того были сформированы различныя вспомогательныя части и техническія команды. Затѣмъ отъ большевиковъ перешли: Особый Конный отрядъ ротмистра Булакъ Балаховича, силою въ 4 эскадрона и Чудская флотилія капитана 2-го ранга Нелидова. Такимъ образомъ общая численность корпуса достигала 3 тысячи человѣкъ.

11. Генералъ графъ Келлеръ, по независящимъ отъ него обстоятельствамъ, принужденъ былъ отложить свой пріѣздъ въ Псковъ, а въ то же время дѣятельностью генерала Вандама германское командованіе было недовольно и просило о немедленной смѣнѣ. Въ виду вышеизложеннаго генералъ Вандамъ добровольно покинулъ свой постъ и передалъ временное командованіе корпусомъ командиру 3-яго Рѣжицкаго полка полковнику фонъ-Нефъ. Вмѣстѣ съ генераломъ Вандамъ ушелъ и генералъ Малявинъ, мѣсто котораго занялъ ротмистръ фонъ-Розенбергъ.

Одновременно съ этимъ у германскихъ войскъ, въ первые дни революціи въ Германіи, не было достаточной связи съ центромъ и свѣдѣнія о событіяхъ приходили съ большемъ запозданіемъ и искаженныя. Все это волновало германскихъ солдатъ и вносило дезорганизацію въ германскія части.

Послѣднимъ воспользовались большевики и, сосредоточивъ значительныя силы, перешли въ наступленіе на гор. Псковъ.

Еще неуспѣвшая сформироваться русская «Сѣверная Армія» не могла противустоять значительно превосходящему ее численностью противнику и принуждена была отойти въ предѣлы Эстляндіи; германскія же части отошли безъ боя въ направленіи на Ригу.

12. Въ настоящее время части «Сѣверной Арміи» продолжаютъ вести борьбу съ большевиками вмѣстѣ съ эстонскими и финскими частями, но къ сожалѣнію утерянъ главный смыслъ ея существованія, такъ какъ при заключеніи договора эстонское правительство поставило условіемъ опредѣленную и неизмѣнную численность арміи въ $3^1/_2$ тысячи человѣкъ и дѣйствія въ предѣлахъ Эстоніи.

Послѣднее условіе лишаетъ армію возможности исполнить свою главную задачу — сверженіе большевиковъ и тѣмъ самымъ ставитъ въ тяжелое положеніе.

13. Въ виду всего вышеизложеннаго, мы ротмистра фонъ-Розенбергъ и Гершельманъ, какъ первые организаторы «Сѣверной Арміи», считаемъ своимъ долгомъ обратиться къ Вамъ г. министръ и просимъ не отказать во вниманіи разсмотрѣть слѣдующее наше предложеніе.

Намъ кажется, что тѣ условія, которыя были заключены со старымъ германскимъ правительствомъ вполнѣ пріемлемы и для настоящаго и поддержка «Сѣверной Арміи» является выгодной, какъ Германіи, такъ и Россіи.

Уничтожая большевизмъ въ Россіи при помощи «Сѣверной Арміи», Германія, тѣмъ самымъ, разъ навсегда покончитъ и со спартакистскимъ возстаніемъ у себя, которое организуется на большевистскія деньги и естественно съ гибелью Совѣтскаго Правительства потеряетъ почву.

Затѣмъ, возстановивъ законный порядокъ въ Россіи, Германія можетъ разсчитывать въ ближайшее время получить всевозможные продовольственные припасы изъ Сибири, Области Войска Донского, Малороссіи и другихъ областей Россіи, которыя съ паденіемъ большевизма немедленно присоединятся къ новому правительству Россіи.

Торговыя отношенія также не замедлятъ начаться, что особенно важно для обоихъ государствъ, при наличіи разныхъ товаровъ.

Россія же, избавившись при помощи Германіи отъ большевизма, снова начнетъ культурную жизнь.

Вотъ тѣ главныя соображенія, которыя убѣждаютъ насъ въ необходимости возобновить начатое дѣло формированія «Сѣверной Арміи» и именно при помощи Германіи.

Въ случаѣ принципіальнаго согласія, нами будутъ представлены подробный проэктъ формированія и расчетъ стоимости содержанія.

23-го марта 1919 года — бывшій Начальникъ Штаба «Сѣверной Арміи»
Причисленный къ Генеральному Штабу
гор. Берлинъ — Гвардіи ротмистръ фонъ-Розенбергъ
бывшій Штабъ офицеръ для порученій при Командующемъ «Сѣверной Арміей»
Ротмистръ фонъ-Гершельманъ

Приложеніе № 29

Срочная — Телеграмма — 10 словъ уплочено на отвѣтъ

Финляндія, Гельсингфорсъ, генералу Юденичу

Покорнѣйше прошу Ваше Превосходительство оказать содѣйствіе въ полученіи мнѣ разрѣшенія на въѣздъ въ Гельсингфорсъ для представленія Вамъ доклада. Берлинъ, Шоссештрассе 130, ротмистръ фонъ-Розенбергъ.

Печать Русской Миссіи въ Берлинѣ — Подпись генерала Потоцкаго
31-го марта 1919 года

Приложеніе № 30

Краткая записка о формированіи русскихъ добр. отрядовъ въ Прибалтикѣ.

Въ предыдущей запискѣ была изложена краткая исторія созданія въ Псковской Области Русской добр. Сѣверной Арміи, а также было указано на необходимость приступить немедленно къ формированію, при помощи Германіи, русскихъ добровольческихъ отрядовъ, долженствующихъ дѣйствовать противъ большевиковъ на Курляндскомъ фронтѣ.

1. Для начала этихъ формированій необходимо:

а) получить принципіальное согласіе германскаго правительства или германскаго главнаго командованія на востокѣ или же, наконецъ, того учрежденія, компетенція котораго будетъ достаточной, чтобы начать формированіе въ самомъ хотя бы небольшомъ размѣрѣ;

б) установить, кто является уполномоченными для веденія указанныхъ переговоровъ, какъ съ русской, такъ и съ германской стороны;

в) предоставить разработку деталей, связанныхъ съ вопросами военнаго, политическаго и административнаго характера, указаннымъ выше уполномоченнымъ лицамъ.

2). Предлагается съ русской стороны слѣдующія условія формированія:

а) русскія добровольческія части формируются въ видѣ самостоятельныхъ отрядовъ изъ трехъ родовъ оружія численностью до 3-хъ тысячъ человѣкъ (3 баталіона пѣхоты по 500 человѣкъ, всего 1500 человѣкъ пѣхоты, — въ баталіонѣ 4 роты по 125 человѣкъ, изъ которыхъ однапулеметная съ 8-ю пулеметами; два эскадрона кавалеріи по 125 коней, всего 250 коней; 4 батареи артиллеріи по 4 орудія въ каждой, изъ которыхъ одна тяжелая и одна конная и затѣмъ разныя вспомогательныя и техническія части);

б) эти отряды комплектуются русскими офицерами и добровольцами изъ числа военноплѣнныхъ, интернированныхъ и свободно проживающихъ въ Германіи;

в) командующими этими отрядами назначаются боевые штабъ офицеры (полковники), пользующіеся довѣріемъ, что доказывается числомъ навербованныхъ ими уже офицеровъ и добровольцевъ;

г) при командующихъ формируются минимальные штабы;

д) средства на содержаніе отрядовъ отпускаются германскимъ правительствомъ заимообразно русскому государству въ лицѣ образованной русской организаціи изъ видныхъ политическихъ, административныхъ и общественныхъ дѣятелей, въ размѣрѣ потребномъ для нуждъ отрядовъ вплоть до сверженія большевизма и созданія новой законной власти въ Россіи;

ж) вооруженіе, снаряженіе, шанцевый инструментъ, обмундированіе, продовольствіе и всевозможныя техническія средства выдаются германскимъ командованіемъ таковому же русскому въ двойномъ количествѣ, необходимомъ для формированія не менѣе трехъ отрядовъ.

3. Задачи русскихъ добровольческихъ отрядовъ:

а) защита предоставленнаго имъ раіона формированія отъ большевиковъ;

б) соединеніе съ добровольческими частями, дѣйствующими въ Эстляндіи и движеніе вмѣстѣ съ ними впередъ для взятія Петербурга и сверженія большевиковъ;

в) водвореніе и поддержка въ Россіи законнаго правительства.

4. Ходъ работы по формированію:

а) всѣмъ дѣломъ формированія отрядовъ вѣдаетъ въ Германіи Военный Отдѣлъ формированія Западнаго фронта; послѣ окончанія формированія всѣхъ трехъ отрядовъ, Военный Отдѣлъ, развернувшись въ главный полевой штабъ, переѣзжаетъ на фронтъ и является тамъ тѣмъ органомъ, черезъ который будутъ передаваться всѣ распоряженія германскаго командованія русскимъ отрядамъ въ періодъ ихъ совмѣстныхъ дѣйствій противъ большевиковъ;

б) вопросъ о командующемъ всѣми русскими отрядами будетъ рѣшенъ впослѣдствіи, передъ моментомъ отдѣленія ихъ отъ германскихъ войскъ и перехода на чисто русскую территорію;

в) образованная русская организація выдѣляетъ изъ себя совѣтъ изъ 5-ти лицъ, въ составъ котораго входитъ глава организаціи, какъ предсѣдатель и начальникъ Военнаго Отдѣла формированія, какъ членъ;

г) указанный совѣтъ является правомочнымъ и компетентнымъ для разрѣшенія всѣхъ политическихъ вопросовъ, могущихъ встрѣтиться въ періодъ формированія и дѣйствія добровольческихъ отрядовъ.

бывшій Начальникъ Штаба Сѣверной Арміи
Причисленный къ Генеральному Штабу
Гвардіи ротмистръ фонъ-Розенбергъ.
бывшій Штабъ-офицеръ для порученій при
командующемъ Сѣверной Арміи
Ротмистръ фонъ-Гершельманъ.

10-го апрѣля 1919 года
гор. Берлинъ

Приложеніе № 31

Либавскій
Добровольческій Стрѣлковый
отрядъ
9 февраля 1919 года
№ 61

Всѣмъ г. г. офицерамъ русской службы, находящимся въ Германіи.

Съ разрѣшенія Либавскаго германскаго губернатора генералъ-маіора графа фонъ-деръ-Гольцъ я командировалъ въ Германію завѣдующаго санитарнымъ отдѣломъ моего добровольческаго отряда князя В. К. Крапоткина съ тѣмъ, чтобы онъ предложилъ г. г. офицерамъ русской службы, находящимся въ Германіи поступить во ввѣренный мнѣ Либавскій Добровольческій Стрѣлковый Отрядъ.

Сформированъ этотъ отрядъ 15-го января с. г. изъ офицеровъ русской «Сѣверной Арміи», заброшенныхъ въ Либаву послѣ взятія Риги большевиками, изъ другихъ офицеровъ русской службы, случайно находившихся въ Либавѣ и добровольцевъ.

Задача отряда двоякая: ближайшая задача — оборона Либавы и борьба съ большевиками совмѣстно съ учрежденной для сего балтійской земской обороной (Ландесверъ).

Дальнѣйшая задача отряда, по минованію необходимости съ военной точки зрѣнія оставаться долѣе въ Либавѣ, это итти на присоединеніе къ одной изъ русскихъ добровольческихъ армій, борющихся съ большевиками. Согласіе на это отъ германскихъ властей у меня есть.

Отрядъ содержится за счетъ Латвіи изъ средствъ Германскаго государства, откуда идетъ и обмундированіе и вооруженіе.

Отрядъ подчиненъ штабу «Ландесвера» (земской охраны) во главѣ котораго стоитъ офицеръ германской службы. Во внутренніе порядки отряда германское командованіе не вмѣшивается вовсе.

Отрядъ въ Латвіи не преслѣдуетъ политическихъ цѣлей и стремится возможно скорѣе вступить на чисто русскую землю для похода на Псковъ и Петроградъ.

Но для этого необходимо очистить Курляндію отъ большевиковъ, а это можетъ быть достигнуто только совмѣстной работою съ германскими властями, съ латышскимъ правительствомъ, со шведскимъ добровольческимъ отрядомъ и съ вѣдома и согласія союзныхъ державъ. Это все пока достигнуто и англійское командованіе въ Балтійскомъ морѣ съ полнымъ сочувствіемъ относится къ моему предпріятію.

Кромѣ того я дипломатическимъ путемъ донесъ генералу Деникину о сформированіи отряда и доношу о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ въ Ревель Командующему Сѣвернымъ Корпусомъ.

Чего мнѣ теперь не достаетъ — это живой силы. Въ отрядъ записалось около 100 добровольцевъ, изъ нихъ болѣе половины офицеры. Отрядъ дѣлится на роту, пулеметную команду и конный полуэскадронъ. По утвержденному штату предвидится въ ротѣ 190 штыковъ, въ полуэскадронѣ 78 коней, въ командѣ 90 пулеметчиковъ и кромѣ того 2 орудія.

Всего по утвержденному штату сила отряда опредѣлена въ 440 человѣкъ.

Вакансій сейчасъ около 300, при чемъ очевидно г. г. офицеры не могутъ претендовать на командныя должности. На командныя должности я буду назначать не по чину, а по достоинству и способностямъ, стараясь дать предпочтеніе старшимъ въ чинахъ.

Каждый уже служившій годъ на военной службѣ въ какой бы то ни было части получаетъ добавочное содержаніе въ 5 марокъ къ основному въ 6 мар., при казенномъ обмундированіи и довольствіи, итого 11 марокъ въ сутки. Офицеры, не занимающіе должности получаютъ 18 марокъ, а находящіеся на должностяхъ соотвѣтственныя прибавки къ содержанію.

Предупреждаю, что дисциплина въ отрядѣ самая строгая, такъ какъ въ добровольческихъ отрядахъ, въ особенности офицерскихъ, строжайшая дисциплина еще болѣе необходима, чѣмъ въ регулярныхъ войскахъ.

Я стремлюсь къ поддержанію наилучшихъ товарищескихъ отношеній въ отрядѣ, но не допущу, чтобы отрядъ прославился грабежами или насиліями, къ чему къ сожалѣнію добровольческіе отряды въ гражданской войнѣ очень склонны.

Вопросъ о положеніи отряда очень жгучій, а потому отправка офицеровъ добровольцевъ возможно скоро, кратчайшимъ путемъ въ Либаву является весьма желательной. По прибытію въ Либаву офицеры проходятъ черезъ такъ называемое «рекрутное депо», гдѣ ихъ одѣваютъ и снаряжаютъ, а затѣмъ немедленно отправляютъ на фронтъ, гдѣ находится въ данное время отрядъ. Для связи въ Либавѣ всегда находится одинъ офицеръ моего отряда, а именно въ Либавскомъ военномъ порту, въ казамѣ № 20 около Собора.

Въ случаѣ, если число офицеровъ, желающихъ поступить въ отрядъ добровольцами превыситъ количество штатныхъ вакансій, штатъ будетъ соотвѣтственно увеличенъ, на что есть уже согласіе германскихъ властей.

Командиръ отряда Кавалергадскаго полка
Ротмистръ князь Ливенъ
И. д. Адъютанта Отряда
Подпоручикъ Зивертъ

Условія зачисленія въ Отрядъ.

Каждый офицеръ или солдатъ желающій записаться добровольцемъ въ отрядъ долженъ представить двухъ извѣстныхъ лицъ въ качествѣ поручителей.

По составленіи списковъ кто-либо изъ лицъ записавшихся пріѣзжаетъ въ Берлинъ и лично подаетъ мнѣ списокъ.

Когда необходимое число лицъ будетъ выбрано, то къ мѣсту лагеря будутъ поданы вагоны, будутъ выданы путевыя деньги и все время пути добровольцы до самой Либавы будутъ имѣть пищу отъ Германскаго правительства.

Условіе это относится лишь къ офицерамъ и солдатамъ интернированнымъ, если же пожелаютъ записаться изъ военноплѣнныхъ, то для этого необходимо составлять особый списокъ совершенно подробный и представить мнѣ.

Уполномоч. Отряда князя Ливена.
князь Крапоткинъ

Приложеніе № 32

Проэктъ военнаго отдѣла формированія

При организаціи во главѣ съ сенаторомъ А. В. Бельгардъ, имѣющей своей цѣлью борьбу съ большевизмомъ, образовывается Военный Отдѣлъ Формированія Западнаго фронта.

Указанный Военный Отдѣлъ вѣдаетъ дѣломъ формированія, комплектованія, снабженія и вербовкой русскихъ добровольческихъ частей, упомянутаго фронта.

Военный Отдѣлъ непосредственно подчиняется Командующему всѣми русскими добровольческими частями указаннаго выше фронта и работаетъ въ полномъ согласіи съ Русской Военной Миссіей Краснаго Креста въ Берлинѣ.

Начальнику Военнаго Отдѣла подчиняются до ихъ отправки на фронтъ всѣ формируемыя добровольческія части, а также и другія лица, числящіяся въ рядахъ указанныхъ выше добровольческихъ частей и проживающія въ предѣлахъ Германіи.

Причисленный къ Генеральниму Штабу
Гв. ротмистръ фонъ-Розенбергъ

10-го мая 1919 года
гор. Берлинъ

«Полагалъ бы поручить завѣдованіе отдѣломъ ротмистру ф. Розенбергъ».

Сенаторъ Бельгардъ
«Согласенъ»
Гв. ротмистръ князь Ливенъ

Приложеніе № 33

Удостовѣреніе

Предъявитель сего Причисленный къ Генеральному Штабу Гвардіи ротмистръ фонъ-Розенбергъ есть дѣйствительно Начальникъ Военнаго Отдѣла формированія русскихъ добровольческихъ отрядовъ, дѣйствующихъ на Западномъ фронтѣ подъ общимъ командованіемъ Свѣтлѣйшаго князя Ливена.

Что подписью и приложеніемъ печати удостовѣряется.

10-го мая 1919 года — Командующій Русскими добровольческими частями
гор. Берлинъ — Гвардіи ротмистръ кн. Ливенъ

Приложеніе № 34

№ «В. 9» 30 — Командующему корпусомъ графа Келлера
гор. Митава

Сегодня я былъ въ Ригѣ и говорилъ съ генераломъ Бертъ объ автомобилѣ. Я буду радъ предоставить два мѣста для Вашихъ офицеровъ въ моемъ собственномъ автомобилѣ и я увѣренъ, что еще одинъ автомобиль прибудетъ для этой цѣли завтра утромъ.

Генералъ Бертъ весьма хотѣлъ бы, чтобы Вы обсудили рядъ вопросовъ съ генераломъ Юденичемъ, прежде чѣмъ состоится большое совѣщаніе. Такъ какъ это совѣшаніе состоится въ 11 час. (по средне-европейскому времени), то было бы желательно, чтобы Вы были тамъ въ 9 час. 30 мин., а не къ 10 час. 30 мин., какъ объ этомъ просилъ капитанъ Baring Gould. Поэтому я заказалъ мой автомобиль въ 8 час. (средне-европейское время), чтобы заѣхать за Вами на квартиру и надѣюсь, что другой автомобиль прибудетъ къ тому же времени.

Мнѣ весьма жаль, что Вамъ нездоровится сегодня, но я надѣюсь, что состояніе Вашего здоровья настолько улучшится, что позволитъ Вамъ отправиться со мною завтра.

Митава 25-го августа 1919 года — Графъ
Полковникъ

Приложеніе № 35

Состоящій для порученій
при Главнокомандующемъ
Сѣверо-Западнаго фронта
5-го сентября 1919
№ 69
гор. Рига

Полковнику князю Авалову

Главнокомандующій Сѣверо-Западнымъ фронтомъ согласно моему представленію, назначилъ Васъ Командующимъ всѣми русскими частями сформированными въ Курляндіи и Литвѣ.

Генералъ-лейтенантъ Десино

Приложеніе № 36

Многоуважаемый

Павелъ Михайловичъ

Отъ души поздравляю Васъ съ высокимъ назначеніемъ и надѣюсь скоро поздравить съ блестящими успѣхами. Сожалѣю, что не могу лично поздравить, потому что оно вызоветъ массу немедленныхъ сношеній, требующихъ моего присутствія въ Ригѣ, но скоро пріѣду и поздравлю еще разъ. Какъ видите я не всегда передаю Вамъ скверныя вещи.

Третьяго дня не могъ выѣхать въ Ревель, потому что французскій миноносецъ отложилъ отходъ до вчерашней ночи, а вчера въ 10 час. вечера, когда я уже выходилъ съ вещами, чтобы ѣхать на миноносецъ, изъ англійской миссіи принесли телеграмму, сущность которой я Вамъ изложилъ офиціально. Пришлось вернуться назадъ, распаковать вещи и лечь спать.

Жму Вашу руку.

5-го сентября 1919 г.
гор. Рига

Глубоко Васъ уважающій и преданный
К. Десино

Приложеніе № 37

Командующій
Западной добр. Арміей
8-го сентября 1919 года
№ 43
Дѣйств. армія

Гв. Полковнику Потоцкому

Предлагаю Вамъ совмѣстно съ Гв. полковникомъ Шнейдеманомъ отправиться въ гор. Шавли для переговоровъ съ представителями Литовскаго Правительства объ условіяхъ расположенія арміи въ раіонѣ Абели, порядкѣ перевозки ея въ указанный раіонъ, а также и иныхъ вопросахъ связанныхъ съ предыдущими.

Полковникъ князь Аваловъ
За Начальника Штаба
Полковникъ Григоровъ

Приложеніе № 38

Западный добр. Корпусъ
имени генерала гр. Келлера

Митава 31-го августа

Проэктъ

1. Находящіяся въ боевой готовности части корпуса будутъ 5-го сентября отправлены въ раіонъ Абели.

Эти части корпуса слѣдующія:

Штабъ корпуса съ конвойнымъ эскадрономъ, телеграфное отдѣленіе, искровая станція корпуса.

Штабъ дивизіи.

1-ый пѣхотный полкъ.

1-ый артиллерійскій дивизіонъ.

Штабъ кавалерійскаго полка и 1 эскадронъ.

Строительный отрядъ Мауріціуса и 1 саперная рота.
Авіаціонный Отрядъ.
Полевой лазаретъ, санитарная рота и ветеринарный лазаретъ.
Отрядъ Шенбека.

2. При плохомъ состояніи желѣзнодорожнаго сообщенія вѣроятно будетъ невозможно отправить всѣ войска по желѣзной дорогѣ. Поэтому для слѣдованія походнымъ порядкомъ должны быть готовыми:

Штабъ полка, I и II баталіонъ 1-го полка, 1-ая батарея (Причъ).

3. Чтобы сдѣлать эти части способными совершить указанный походъ, тѣ части войскъ, которыя предполагается отправить по желѣзной дорогѣ, при распредѣленіи лошадей и повозокъ, пока не будутъ приняты въ расчетъ. По прибытіи же на мѣсто новаго назначенія будетъ произведено снова равномѣрное распредѣленіе уже между всѣми частями.

4. 1-ый полкъ и I-ый артиллерійскій дивизіонъ должны быть доведены къ 5-му сентября до полнаго комплекта офицеровъ и нижнихъ чиновъ. 1-ый пѣх. полкъ и 1-ый артиллерійскій дивизіонъ должны непосредственно затребовать изъ запасныхъ частей необходимое количество офицеровъ и нижнихъ чиновъ.

Запасныя части должны отправлять въ боевыя только солдатъ вполнѣ всѣмъ снабженныхъ.

5. Командиромъ запасныхъ батальоновъ назначается полковникъ Анисимовъ. Онъ принимаетъ на себя командованіе надъ остающимися въ Митавѣ частями корпуса какъ то:

1-ый и II-ой запасные батальоны.
Запасная батарея.
Вербовочный Отдѣлъ.
Отрядъ броневыхъ автомобилей.
Автомобильный отрядъ.

6. По пополненіи I-го и II-го запасныхъ баталіоновъ долженъ быть сформированъ III-ій запасный баталіонъ. Изъ запасной батареи должны быть сформированы одна легкая и одна тяжелая батареи.

7. Выступленіе частей войскъ предназначенныхъ къ переходу походнымъ порядкомъ назначается на 5-ое сего сентября.

8) Конечный пунктъ и ночлегъ въ 1-ый день перехода раіонъ Кревингъ-Анненбургъ.
во 2-ой день — Цоденъ.
въ 3-ій день — Цоденъ (дневка).
въ 4-ый день — Экгофъ.
въ 5-ый день — Радзивилишки.
въ 6-ой день — Радзивилишки (дневка).
въ 7-ой день — Гербергенъ.
въ 8-ой день — часть Альтъ-Мемельгофъ, часть Званьекъ.
въ 9-ый день — раіонъ Нерфъ-Пилькаленъ.
въ 10-ый день — дневка.
въ 11-ый день — раіонъ Вилькале-Попишки.
въ 12-ый день — Шабишки.
въ 13-ый день — Ракишки.
въ 14-ый день — Абели и окрестности.

9. 4-го сентября должна быть выслана впередъ команда квартирьеровъ. Подробныя распоряженія сдѣлаетъ командиръ 1-го полка.

10. Особенно важно, чтобы при проходѣ Литовской территоріи не было бы никакихъ столкновеній съ литовскимъ народонаселеніемъ. Поэтому объявляю, что я буду всѣхъ, кто дастъ поводъ къ инцидентамъ, наказывать смертной казнью. Всякаго рода реквизиціи воспрещаю.

11. Части войскъ, отправляемыя походымъ порядкомъ должны быть снабжены продовольствіемъ на три дня. Во время дневки въ Цоденъ они будутъ снабжены продовольствіемъ снова на три дня впередъ. Во время дневки въ Радзивилишкахъ будетъ выдано провольствіе на четыре дня впередъ. На дневкѣ въ Нерфтѣ они получатъ продовольствіе на пять дней впередъ.

12. Всѣ боевые припасы, кромѣ носимыхъ въ патронныхъ сумкахъ, а также все снаряженіе, безъ котораго можно обойтись во время похода, будетъ отправлено въ Абели по желѣзной дорогѣ. Изъ офицерскаго багажа можетъ быть взято съ собой также лишь самое необходимое.

13. Для частей войскъ, которыя будутъ отправлены по желѣзной дорогѣ послѣдуетъ особый приказъ.

Приложеніе № 39

Приказъ

Западному Добровольческому имени гр. Келлера корпусу

№ 20

Секретно

2-го сентября 1919 года гор. Митава

§ 1

Нижеслѣдующія части корпуса отправляются съ 5-го сентября въ раіонъ Абели: Штабъ корпуса во всѣми управленіями, конвойный эскадронъ, корпусная команда телефонной и безпроволочной связи и управленіе Пластунской дивизіи.

1-ый Пластунскій полкъ.

Отдѣльный артиллерійскій дивизіонъ.

Штабъ 1-го Коннаго полка и 1 эскадронъ.

Строительный отрядъ Мауріціуса и саперная рота.

Авіаціонный отрядъ.

Полевой подвижной лазаретъ и Ветеринарный лазаретъ.

Колона Шенбекъ.

§ 2

Передвиженіе указанныхъ частей въ раіонъ Абели будетъ произведено по желѣзной дорогѣ.

§ 3

До 5-го сентября пополнить личный составъ 1-го Пластунскаго полка и Отдѣльнаго артилл. дивизіона до полныхъ штатовъ изъ соотвѣтствующихъ запасныхъ и кадровыхъ частей. Передаваемые на пополненіе люди должны быть вполнѣ обмундированы и снабжены всѣмъ необходимымъ.

Это пополненіе произвести по указанію штаба корпуса. Укомплектованіе отбывающихъ карантинъ оставить въ 1-омъ запасномъ баталіонѣ до окончанія карантина (10-го сентября). Укомплектованіе баталіона Дорнъ, батарей Мильде и Притчъ произвести полностью отъ 2-го запаснаго баталіона.

§ 4

Командиромъ запасныхъ баталіоновъ назначается полковникъ Анисимовъ. Онъ принимаетъ на себя и командованіе частями корпуса, остающимися въ Митавѣ.

Части эти слѣдующія:

1-ый и 2-ой запасные баталіоны и запасная рота, кадровая батарея со всѣми артиллерійскими кадрами. Вербовочное Бюро. Броневой дивизіонъ. Автоколонна.

§ 5

Выступленіе частей, назначенныхъ къ перевозкѣ въ раіонъ Абели начинается 5-го сего сентября.

§ 6

Требую при пребываніи въ предѣлахъ Литвы сохраненія и поддержанія хорошихъ отношеній съ мѣстнымъ населеніемъ, что для насъ чрезвычайно важно.

Поэтому всѣхъ, кто своими дѣйствіями вызоветъ тренія съ мѣстнымъ населеніемъ или его неудовольствіе или враждебность по отношенію къ намъ, приказываю предавать полевому суду. Реквизиціи строго воспрещаю. Съ параграфомъ этимъ ознакомить всѣхъ г. г. офицеровъ и младшихъ чиновъ.

§ 7

Къ 6-ти часамъ вечера 3-го сентября 1-му Пластунскому полку и Отдѣльному артиллерійскому дівизіону донести объ окончательномъ ихъ сформированіи.

Подлинный подписалъ
Командиръ корпуса
Полковникъ кн. Аваловъ
Съ подлиннымъ вѣрно:
За Начальника Штаба Полковникъ Григоровъ

Приложеніе № 40

гор. Митава

До меня дошли свѣдѣнія, что германскіе солдаты продолжаютъ поступать въ Вашъ отрядъ. Я ставлю Васъ въ извѣстность, что пребываніе германскихъ солдатъ въ этихъ губерніяхъ является нарушеніемъ Парижскаго мирнаго договора.

Далѣе я долженъ Васъ извѣстить о томъ, что впредь русскіе военноплѣнные изъ Германіи и Польши не должны быть Вамъ отправляемы въ Литву или Латвію.

10-9-19 Подлинный подписалъ: маіоръ Кинамъ
англійской военной миссіи

Приложеніе № 41

Генеральное командованіе
I Р. К. Митава 30 іюля 1919 г.
Отдѣленіе Инфор. № 15808

По имѣющимся латышскимъ военнымъ приказамъ, послѣдніе намѣрены послѣ ухода русско-германскихъ войскъ предпринять слѣдующее:

1. Захватить нашъ военный матеріалъ, или по крайней мѣрѣ помѣшать вывозу его въ Германію.
2. Путемъ подкупа и агитаціи среди войскъ достигнуть:
   а) перехода на латышскую службу, давая обманчивыя обѣщанія;
   б) возбуждать ссоры среди русскихъ и германцевъ.

Слѣдуетъ обратить на это самое серьезное вниманіе и принять мѣры предосторожности. Солдатамъ объявить, что поступокъ всѣхъ, попавшихся на удочку латышей такъ ненавидящихъ нѣмцевъ и проявившихъ столько коварства, притворства и неблагодарности по отношенію къ нимъ, сочтется всѣми благоразумными и благомыслящими не только глупымъ, но и подлымъ. Главнымъ средствомъ войти въ довѣріе нашихъ людей явятся, навѣрное, состоящія на агитаціонной службѣ латышей, женщины.

Начальникъ Штаба маіоръ Гагеманъ
Вѣрно: капитанъ Ген. Шт. Финтельманъ

Приложеніе № 42

Представителямъ Иностранныхъ Державъ
отъ
Предсѣдателя Ликвидаціонной Комиссіи въ Ревелѣ

8-го марта 1920 года

Въ засѣданіи Эстонскаго Учредительнаго Собранія 2-го сего марта окончательно утверждено «Обязательное Постановленіе о лѣсныхъ работахъ». Въ этомъ обязательномъ постановленіи говорится:

1. Для заготовленія необходимаго минимума топлива и матеріала для вывоза, Правительство Республики въ правѣ въ теченіе 1920 года призвать на принудительныя лѣсныя работы 15000 мужчинъ.

3. Призыву подлежатъ всѣ трудоспособные мужчины отъ 18-ти до 50-ти лѣтъ. Въ первую очередь призываются лица безъ опредѣленныхъ занятій. Отъ призыва на работы

могутъ быть освобождены мужчины, которые расходуютъ всю свою рабочую силу, занимаясь въ своемъ или чужомъ хозяйствѣ: земледѣлія, ремесла, промышленности или торговли, государственные служащіе, и служащіе въ самоуправленіи, а также лица, фактически занятые интеллигентнымъ трудомъ, какъ-то врачи, адвокаты, инженеры и пр.

6. Принудительныя лѣсныя работы обязательны для всѣхъ мужчинъ въ предѣлахъ Эстонской Республики, независимо отъ подданства.

7. Неявившіеся на лѣсныя работы подвергаются аресту или заключенію въ тюрьму до одного года или штрафу до 100000 марокъ, при чемъ арестъ и заключеніе могутъ совмѣщаться съ денежнымъ штрафомъ.

Кромѣ того виновные отправляются на лѣсныя работы принудительно.

Изъ параграфа 3-го видно, что въ первую очередь призываются лица безъ опредѣленныхъ занятій. Такими лицами являются офицеры и солдаты бывшей Сѣверо-Западной Арміи. Уѣхать они не могутъ потому что всѣ границы для нихъ закрыты и консула не даютъ визъ для проѣзда черезъ Латвію, Польшу, Германію, Финляндію. Поступить на мѣсто они никуда не могутъ, потому что эстонцы прежде всего требуютъ знаніе эстонскаго языка. До эстонцевъ и другихъ иностранцевъ этотъ законъ о «бѣломъ рабствѣ» не касается, такъ какъ число призываемыхъ опредѣлено первымъ параграфомъ въ 15000 человѣкъ, то есть приблизительно то количество, которое осталось отъ Арміи работоспособныхъ офицеровъ и солдатъ.

Такимъ образомъ въ первой четверти XX-го вѣка, въ демократической республикѣ устанавливается институтъ рабства для русскихъ офицеровъ и солдатъ, всю вина которыхъ состоитъ лишь въ томъ, что они любили Родину и стремились завоевать ей свободу, освободивъ отъ тираніи большевистскихъ комиссаровъ и которые въ тяжелую минуту были брошены союзниками на произволъ судьбы.

Ликвидаціонная Комиссія проситъ Васъ довести до свѣдѣнія Вашего Правительства о вопіющемъ фактѣ лишенія свободы людей и обращенія ихъ въ рабство. Она проситъ поставить объ этомъ въ извѣстность демократію вашего Государства, чтобы она знала, что на ряду съ законами охраняющими трудъ и нормирующими ставки могутъ существовать законы о принудительномъ отправленіи на вредныя для здоровья работы въ торфяныхъ болотахъ и на сланцевыхъ разработкахъ.

Приложеніе № 43

Письмо гвардіи полковника Бѣляева къ Дежурному Генералу Западной Арміи полковнику бар. Энгельгардъ

30-го іюля 1919 года

Дорогой баронъ!

Простите, что не знаю Ваше имя и отчество, но это моя слабость, какъ равно и дни рожденія и имянинъ. Хочу Вамъ разсказать о нашихъ мытарствахъ. Переѣздъ на нароходѣ «Принцесса Маргарита» былъ непріятенъ изъ за противнаго отношенія англичанъ, которые относились къ намъ вѣроятно такъ, какъ въ былыя времена въ Америкѣ относились къ неграмъ или вообще къ рабамъ. Мы валялись на полу вповалку въ общей залѣ, а любезные англичане благодушествовали въ каютахъ, которыхъ у нихъ насчитывалось чуть ли ни 140. Князь (Ливенъ) и Начальникъ Штаба отряда впрочемъ каюты имѣли. Ни малѣйшей заботы ни со стороны кого бы то ни было мы не видѣли: кормили похлебкой изъ бобовъ и фунтъ на человѣка американскаго бѣлаго хлѣба — вотъ и все. Все это мы, чины Штаба, ѣли на какой то корзинѣ въ трюмѣ парохода — правда мило. Несмотря на нѣсколько кухонь на пароходѣ — ни одна не была намъ предоставлена. Разговоръ, какой былъ у Начальника Штаба генерала Янова со старшимъ офицеромъ «Принцессы Маргариты» лейтенантомъ, кажется, Виртомъ поражалъ презрительностью манеры разговора со стороны англичанина. Вообще удивительная сволочь. Мы согласились ѣхать на этомъ пароходѣ только по личной просьбѣ князя (Ливена), который вѣренъ своимъ прирожденнымъ качествамъ. Во всякомъ случаѣ мы просили его не благодарить англичанъ. Здѣсь (въ Нарвѣ) на мѣстѣ мы узнали, что по прежнему, кромѣ обѣщанія абсолютно ничего нѣтъ, а положеніе въ высшей степени серьезное. Всѣ надежды на насъ, а что же мы стоимъ, Вы сами себѣ представляете, не будучи

достаточно сформированы, снаряжены и вооружены. Меня здѣсь поднадули разсказами о 40000 и 60 пушкахъ. Дай Богъ, чтобы была половина, да и то въ видѣ бандъ(численность и качество Сѣверо-Западной Арміи). Злость на англичанъ у всѣхъ здѣшнихъ страшная, ихъ дѣятельность прямо похожа на провокацію. Поэтому работайте во всю, гоните въ шею мерзавцевъ англичанъ и скорѣе идите по Вашему направленію и на связь съ нами. На васъ масса надеждъ съ самаго верху до низу, это я точно знаю, такъ какъ кое гдѣ здѣсь побывалъ. Только не медлите, хотя запасайтесь всѣмъ, чѣмъ можно, чтобы подѣлиться съ нами.

Здѣсь выяснилось, что изъ насъ будетъ сформирована дивизія и по случаю отъѣзда Ливена въ отпускъ, она на основаніи династически-семейныхъ законовъ будетъ вручена капитану Дыдарову, тотъ въ свою очередь на основаніи тѣхъ же законовъ устраиваетъ свой штабъ, а мы оказались лишними. По слухамъ на должность Начальника Штаба дивизіи намѣченъ подполковникъ Бирихъ, но вѣроятнѣе всего онъ отбываетъ въ Либаву къ семьѣ. Нашъ интендантъ, нашъ генералъ (Генеральнаго Штаба генералъ Яновъ), я и прочіе оказались лишними. Но всѣ эти переживанія блѣднѣютъ передъ картиной здѣшняго (на Нарвскомъ фронтѣ) положенія, вѣдь ни денегъ, ничего буквально нѣтъ. Будь здѣсь правильно снабженныхъ и организованныхъ 15—20 тысячъ, Петербургъ былъ бы немедленно взятъ. Вы видите до чего мы здѣсь слабы. Вы знаете, что запасъ продовольствія, который взяли съ собою туляки (Тульская дивизія) на 4 дня и то англичане ухитрились забрать, объ этомъ говорилъ здѣшній Штабъ арміи (Штабъ Сѣверо-Западной Арміи). Ну развѣ это не провокація. А ложь съ назначеніемъ чиселъ прихода транспорта! Работайте же во всю и поскорѣе становитесь на ноги, чтобы отблагодарить нашихъ друзей союзниковъ. Я не дѣлаю секрета изъ этого письма и прошу имъ пользоваться для информаціи и для отвѣтовъ этимъ мерзавцамъ англичанамъ.

Мы сознавали и знали всю здѣшнюю обстановку и я всѣмъ говорю, что мы должны здѣсь бороться съ обстоятельствами. Сердечный привѣтъ супругѣ, цѣлую Васъ, дорогой баронъ, работайте во всю на нашу общую пользу.

Преданный
Вашъ Бѣляевъ

Приложеніе № 44

Выдержки изъ доклада-письма отъ 20-го сентября 1919 года Гвардіи полковника Хомутова (находивагося тогда въ Сѣверо-Западной Арміи) къ Командующему Западной Арміей полковнику князю Авалову.

...Положеніе у насъ подходитъ къ развязкѣ, Вамъ конечно извѣстны переговоры съ красными, во что они выльются предвидѣть не трудно, ибо эстонскія части наполовину большевистски настроены, англичане перепуганы, но повидимому ничего подѣлать не могутъ, настаетъ время принимать то или иное рѣшеніе для Сѣверо-западной арміи.

...Наше офицерство волнуется, поступаютъ запросы, но мы почти безсильны ихъ удовлетворить, усиленно хотятъ перебираться къ Вамъ, на что нужны деньги которыхъ нѣтъ, ибо на эстонскую валюту купить «остовъ» (остъ-рубли) стоитъ страшно дорого.

...Мы будемъ стараться настаивать на развитіи операціи въ сторону Пскова и Вашу, генералъ Родзянко почти принялъ это рѣшеніе, генералъ Юденичъ не особенно согласенъ на это, вообще онъ оказался совершенно неподходящимъ, мы разочарованы въ немъ, онъ прямо насъ надуваетъ.

...Кн. Долгоруковъ недавно прибывшій сюда командуетъ дивизіей; онъ считаетъ, что долженъ начать съ этого, его пріѣздъ подкрѣпляетъ насъ. На дняхъ мы будемъ имѣть совѣщаніе съ нимъ, генераломъ Арсеньевымъ и штабсъ капитаномъ Гачаринымъ (Марковъ 2-ой) бывшимъ у Васъ, чтобы намѣтить дальнѣйшій планъ дѣйствій.

...Инциндентъ съ Балаховичемъ далеко не оконченъ, онъ въ Ревелѣ, ведетъ усиленную пропаганду среди войскъ, поддерживается эстонцами и русской газетой «Новая Россія». Офиціозъ Сѣверо-западнаго Правительства «Свободная Россія» на дняхъ былъ закрытъ эстонцами, поддерживающими «Новую Россію».

Приложеніе № 45

Главнокомандующему Сѣверо-Западномъ фронтомъ генералу отъ инфантеріи Юденичу

Я всѣ г. г. офицеры и солдаты ввѣренныхъ мнѣ войскъ привѣтствуемъ Ваше Высокопревосходительство шлемъ Вамъ свой искренній привѣтъ. Ввѣренныя мнѣ части находятся въ полной готовности служить Родинѣ.

28-го сентября 1919 года — Подписалъ: Полковникъ князь Аваловъ
гор. Митава — Вѣрно: полковникъ Григоровъ

Приложеніе № 46

Генеральное Командованіе
VI Р. К.
№ 636

Командующему Западной Добровольческой Арміей

По различнымъ свѣдѣніямъ является вѣроятнымъ, что латыши съ поддержкой эстонцевъ предпримутъ въ скоромъ времени атаку.

Полагаю, что части Русской Западной Добровольческой Арміи будутъ энергично участвовать при отраженіи нападенія которое направлено противъ нихъ, какъ и противъ нѣмцевъ. Прошу привести одинъ баталіонъ и одну батарею, придавъ ей лошадей, въ такую готовность, чтобы они были бы въ состояніи оперировать и на далекомъ отъ Митавы разстояніи. Остальныя части, не могущія, въ виду недостатка лошадей, дѣлать большіе переходы, прошу привести въ такую готовность, чтобы они могли оперировать вблизи Митавы.

19-XI-19 — Командиръ VI-го Рез. Корпуса
Митава — Генералъ маіоръ графъ фонъ-деръ-Гольцъ

Приложеніе № 47

Приложеніе къ приказу по Западной Арміи № 31 § 3

«Утверждаю»
Командующій Западной Арміей
Полковникъ кн. Аваловъ
6-го октября 1919 г.

Проэктъ штата
Совѣта Управленія при Командующемъ Западной Добровольческой Арміей.

На основаніи § 1 Положенія о Совѣтѣ Управленія, утвержденнаго 6-го сего октября, учреждается Совѣтъ Управленія при Командующемъ Западной добровольческой Арміей въ слѣдующемъ составѣ:

1. На должность Предсѣдателя Совѣта предположено пригласить князя Волконскаго (бывшаго Товарища Предсѣдателя Государственной Думы и Товарища Министра Внутреннихъ Дѣлъ), а впредь до прибытія его возложить исправленіе должности Предсѣдателя на сенатора графа Константина Константиновича Палена.

Онъ же Управляющій Отдѣломъ внутренней и внѣшней политики.

2. Членъ Совѣта — Управляющій Отдѣломъ Военныхъ Дѣлъ — Генералъ-маіоръ Александръ Даниловичъ Черниловскій-Соколъ.

3. Членъ Совѣта — Управляющій Отдѣломъ Судебныхъ дѣлъ — Сенаторъ Александръ Александровичъ Римскій Корсаковъ.

4. Членъ Совѣта — Управляющій Отдѣломъ финансовъ и торгово-промышленныхъ дѣлъ баронъ Р. Р. Энгельгардъ.

5. Членъ Совѣта — Управляющій Отдѣломъ народнаго просвѣщенія (вакантное).

6. Членъ Совѣта — Управляющій Отдѣломъ государственныхъ имуществъ и сельскаго хозяйства — Прис. Повѣр. Альбертъ Арайсъ.

7. Членъ Совѣта — Управляющій Отдѣломъ путей сообщенія и общественныхъ сооруженій — Инженеръ Путей Сообщенія Ильинъ.

8. Членъ Совѣта — Управляющій дѣлами Совѣта Управленія при Командующемъ Западной Добровольческой Арміей — Дѣйст. Ст. Сов. К. К. Зиминъ.

По мѣрѣ развитія Дѣлъ Управленія предположено составъ Совѣта пополнить новыми членами, завѣдывающими отдѣльными отраслями Управленія на правахъ Товарищей Управляющихъ Отдѣлами, о чемъ своевременно послѣдуетъ особое представленіе Совѣта на утвержденіе Командующаго Арміей.

Объ изложенномъ, въ соотвѣтствіи съ имѣющими мѣсто личными переговорами, представляю на утвержденіе Командующаго Западной Добровольческой Арміей.

Подлинный подписалъ: графъ Паленъ
Съ подлиннымъ вѣрно: Старшій Адъютантъ
Капитанъ Марковъ

Приложеніе № 48

Письмо генералъ-лейтенанта Архипова Командующему Западной Арміей генералъ-маіору князю Авалову.

Ваше Сіятельство
Глубокоуважаемый
Павелъ Михайловичъ.

Въ газетѣ «Freie Presse» помѣщена статья, старающаяся набросить тѣнь на Ваше доброе имя, какъ Командующаго Западной Добровольческой Арміей, по поводу дѣла Селевина.

Въ виду того, что въ статьѣ этой упоминается и мое имя, какъ предсѣдателя слѣдственной комиссіи по этому же дѣлу, я считаю своимъ нравственнымъ долгомъ засвидѣтельствовать нижеслѣдующее:

1. Въ дѣлѣ Селевина Вы были настолько безпристрастны, что сами предложили слѣдственной комиссіи допросить и Васъ въ качествѣ свидѣтеля, какъ бывшаго начальника Селевина и дали слѣдственной комиссіи показаніе, которое и было пріобщено къ дѣлу.

2. Вы отдали тогда же мнѣ приказъ посѣтить подслѣдственныхъ заключенныхъ въ тюрьмѣ и ознакомиться съ закономѣрностью ихъ содержанія.

3. Вы были весьма довольны когда изъ моего доклада узнали, что большинство офицеровъ и солдатъ, арестованныхъ по дѣлу Селевина, оказались къ дѣлу этому непричастными и подлежали освобожденію изъ подъ стражи, что и было тотчасъ же Вами санкціонировано.

4. Я, лично, не только не былъ знакомъ съ Селевинымъ, но до слѣдствія никогда его и не видѣлъ и поэтому мое назначеніе предсѣдателемъ слѣдственной комиссіи при томъ, какъ старшаго въ Арміи, было вполнѣ закономѣрнымъ и безпристрастнымъ.

5. Судъ надъ Селевинымъ былъ вполнѣ гласный, при открытыхъ дверяхъ и судилъ его Корпусной Судъ, а не Военно-полевой. Къ суду была допущена защита и свидѣтели со стороны подсудимаго.

На этомъ основаніи всѣми было признано, что Вы были въ этомъ дѣлѣ совершенно безпристрастны и какъ начальникъ и какъ человѣкъ, и различныя выступленія противъ Васъ въ газетахъ никакъ не могутъ затемнить Ваше свѣтлое имя, нами столь чтимаго и уважаемаго, доблестнаго и высоко-честнаго Командующаго Западной Добровольческой Арміей, память о которомъ будетъ жить навсегда въ нашихъ благодарныхъ сердцахъ.

Примите Ваше Сіятельство увѣреніе въ совершенной преданности и глубочайшемъ уваженіи

14-го марта 1921 года
лагерь Альтенграбовъ

Покорнѣйшій слуга
А. Архиповъ
генералъ-лейтенантъ

Приложеніе № 49

Открытое письмо чиновъ Западной Добровольческой арміи къ своему Командующему генералу-маіору князю Авалову

Ваше Сіятельство
Милостивый Государь Павелъ Михайловичъ.

Прочтя въ газетѣ «Freie Presse» статью по дѣлу Селевина мы выражаемъ Вамъ наше сожалѣніе что въ повседневной прессѣ могутъ появляться статьи, старающіяся набросить тѣнь на

Ваше доброе имя. Свидѣтельствуемъ, что, будучи во главѣ Западной Добровольческой Арміи, Вы были всегда столь справедливы и высоко честны по отношенію къ всѣмъ Вашимъ подчиненнымъ что память о Васъ, какъ о Начальникѣ и человѣкѣ, никогда не можетъ быть запятнана такими выступленіями.

Мы всѣ были свидѣтелями процесса Селевина и К. и хорошо знаемъ, что въ серьезный моментъ Вы не поколебались предать слѣдствію и суду лицъ, которыя нарушили законность и злоупотребили Вашимъ довѣріемъ, не считаясь со своими личными симпатіями.

Выражая Вамъ нашу глубокую преданность и уваженіе имѣетъ честь быть

Покорнѣйшіе слуги

генералъ-лейтенантъ Архиповъ, генералъ-маіоръ Бенуа, генералъ-маіоръ Погосскій, полковникъ Чайковскій, полковникъ Кременецкій, полковникъ Шемякинъ.

Дальше слѣдуютъ подписи офицеровъ и солдатъ Западной Добровольческой Арміи.

Приложеніе № 50

Открытое письмо чиновъ Западной Добровольческой Арміи къ своему Командующему генералу-маіору князю Авалову.

Ваше Сіятельство
Глубокоуважаемый
Павелъ Михайловичъ.

Если Вамъ случайно пришлось прочитать въ еженедѣльной Берлинской газетѣ «Freie Presse» статью, въ которой подъ «маской» разоблаченія напечатаны «факты», опровергать очевидную ложь которыхъ, по меньшей мѣрѣ неприлично, то просимъ Васъ, Ваше Сіятельство, не обращать вниманія на ту грязь, которую стараются вылить на насъ, первыхъ протянувшихъ руку сближенія съ нѣмцами.

Въ нашей средѣ есть лица, которыя Васъ знаютъ и помнятъ со времени Японской войны, какъ лихого кавалерійскаго офицера. Въ Вашей порядочности и честности никто изъ насъ никогда не сомнѣвался, если же охрана была преступна, то она понесла должное по приговору суда, судившаго по русскимъ законамъ. Зная, Ваше Сіятельство, какъ Вы относитесь ко всѣмъ намъ, просимъ Васъ принять наше увѣреніе въ совершенномъ почтеніи и преданности.

Дальше слѣдуютъ подписи Чиновъ Западной Добровольческой Арміи.

Приложеніе № 51

Открытое письмо солдатъ Западной Добровольческой Арміи къ своему Командующему генералу-маіору князю Авалову.

Ваше Сіятелство!

Въ газетѣ «Freie Presse» была напечатана статья, которая, какъ видно, старалась залить Васъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ и насъ, грязью и этимъ подорвать наше доброе отношеніе съ нѣмцами.

Намъ всѣмъ хорошо извѣстно, что виновниками нѣкоторыхъ эксцессовъ были лица принадлежащія къ охранѣ, что эти лица по приказу Вашего Сіятельства были преданы суду и были наказаны по всей строгости существовавшихъ Русскихъ законовъ и понесли должное наказаніе.

Покорнѣйше просимъ Ваше Сіятельство не обращать вниманія на подобныя вещи ибо мы Васъ знаемъ, какъ честнаго, добраго и вполнѣ соотвѣтствующаго своему назначенію Начальника, а поэтому примите увѣреніе въ томъ, что мы Васъ считаемъ своимъ дорогимъ и любимымъ Командующимъ Арміей и всецѣло отдаемъ наши жизни въ Ваше распоряженіе, ибо мы вѣримъ, что въ недалекомъ будущемъ воскреснетъ Доблестная Западная Армія во главѣ съ ея любимымъ вождемъ.

Да здравствуетъ Западная Добровольческая Армія!

Да здравствуетъ ея любимый вождь!

Мы молимъ Господа Бога о сохраненіи драгоцѣннаго здоровья Вашего Сіятельства на благо созданія много изстрадавшейся Матушки Россіи.

Примите увѣреніе Ваше Сіятельство въ нашей преданности.

Далѣе слѣдуютъ подписи солдатъ Западной Добровольческой Арміи.

Приложеніе № 52

Полковнику Выргcличу.

По соглашенію со штабомъ «Grenz-Schutz» предлагаю Вамъ выѣхать завтра 7-го іюля въ раіонъ военныхъ дѣйствій, для выясненія на мѣстѣ организаціи порядка пріема, отправляемыхъ на усиленіе отрядовъ кн. Ливена, формированій.

Для исполненія сего вы имѣете взять отсюда съ собою двухъ офицеровъ и кромѣ того къ Вамъ будетъ прикомандированъ для связи германскій офицеръ изъ штаба «Grenz-Schutz».

На мѣстѣ Вы имѣете:

1. Выяснить куда направляются и куда должны быть направляемы изъ Берлина посылаемыя отсюда формированія и какимъ путемъ эти формированія идутъ отъ границы Германіи.

2. Выяснить путемъ сношенія со штабомъ кн. Ливена, со штабомъ 6-го армейскаго корпуса и со штабомъ высшаго командованія сѣвернаго фронта установленныя условія пріема, расквартированія, снабженія и дальнѣйшаго направленія отправляемыхъ изъ Берлина частей.

3. Установить посредствомъ назначенія особаго офицера, если это не организовано уже на мѣстѣ и если на это послѣдуетъ согласіе подлежащаго начальства, порядокъ встрѣчи приходящихъ эшелоновъ на станціи ихъ назначенія, а если это окажется нужнымъ, то и на одной изъ промежуточныхъ станцій съ тѣмъ, чтобы этотъ офицеръ былъ вполнѣ точно освѣдомленъ обо всѣхъ существующихъ въ отношеніи слѣдующихъ эшелоновъ распоряженіяхъ и сообщалъ всѣ необходимыя данныя начальникамъ эшелоновъ, принимая всѣ необходимыя мѣры къ облегченію и устраненію всякаго рода всегда возможныхъ непредвидѣнныхъ затрудненій.

Обо всемъ, что будетъ Вами сдѣлано Вы имѣете сообщить мнѣ съ однимъ изъ отправляющихся съ Вами офицеровъ.

При этомъ считаю необходимымъ добавить, что съ момента прибытія на мѣсто Вы должны руководствоваться распоряженіями князя Ливена или лица его замѣняющаго, а потому настоящее предложеніе можетъ быть приведено Вами въ исполненіе лишь постольку, поскольку оно будетъ одобрено княземъ Ливеномъ.

Во время командировки Вы будете получать суточныя въ размѣрѣ 50 марокъ, а ѣдушіе съ Вами офицеры по 30 марокъ, не считая стоимости проѣзда.

На расходы по организаціи дѣла и на случай необходимости непредвидѣнныхъ расходовъ Вы имѣете получить авансъ въ размѣрѣ 5358 марокъ (пять тысячъ тристо пятьдесятъ восемъ марокъ).

Подпись:
Сенаторъ Бельгардъ

Приложеніе № 53

Начальникъ
Военнаго Отдѣла
при русск. Добровольческ. Отрядѣ
Полк. князя Ливена
14 іюля 1919 г.
№ 44
гор. Берлинъ

Полковнику барону Деллингсгаузенъ

Мною поданъ Командующему 2-мъ русскимъ Добровольческимъ Корпусомъ Полковнику кн. Ливенъ рапортъ объ освобожденіи меня отъ занимаемой должности. Впредь до распоряженія Командующаго прошу Васъ вступить во вр. и д. Начальника Военнаго Отдѣла.

Причисленный къ Генеральному Штабу
Гв. ротмистръ фонъ-Розенбергъ

«Подлинное получилъ»
Полк. баронъ Деллингсгаузенъ
15-го іюля 1919 г.

Приложеніе № 54

Начальникъ
Военнаго Отдѣла формированія
2-го Русск. Добр. Корпуса
полк. князя Ливена
12-го іюля 1919 г
№ 6
г. Берлинъ

Командующему 2-мъ русск. добр. корпусомъ

Мною былъ поданъ рапортъ, г. полковникъ, съ просьбою объ освобожденіи меня отъ занимаемой должности Начальника Военнаго Отдѣла формированія 2-го русск. добр. корпуса въ Берлинѣ. До настоящего времени я не получилъ никакого отвѣта, а потому прошу не отказать въ таковомъ надписью на семъ.

Причисленный къ Генеральному Штабу
Гв. Ротмистръ фонъ-Розенбергъ

Приложеніе № 55

Выписка изъ приказа по Западной Добровольческой Арміи отъ 30-го Ноября 1919 г. за № 88.
Дѣйствующая Армія. По отдѣлу Дежурнаго Генерала. § 2

2-го Западнаго Добровольческаго Корпуса прапорщикъ Бельгардть обманнымъ образомъ увлекъ безъ разрѣшенія Начальства свыше 50 человѣкъ Конвойнаго эскадрона въ районъ занятый противникомъ и благодаря полному отсутствію знанія военнаго дѣла, погубивъ 50% своего состава, долженъ былъ бѣжать. Онъ совершилъ величайшее преступленіе, внеся полное разложеніе во ввѣренную ему часть, заставивъ своихъ солдатъ нарушить въ строю правила воинской дисциплины. Въ военное время такой поступокъ карается смертной казнью, но въ виду его позорнаго бѣгства я не имѣю возможности предать его военно-полевому суду. За совершенный имъ гнусно-мерзкій поступокъ, я лишаю его воинскаго званія.

Приложеніе № 56

Дорогой Павелъ Михайловичъ.

О событіяхъ, происходящихъ у насъ здѣсь, Вамъ разскажетъ милый Андрей Константиновичъ Ремеръ, Вашъ вѣрный другъ и настоящій русскій патріотъ. Скажу только Вамъ, что мы здѣсь дѣлаемъ то, что возможно для успѣха дѣла русскаго возрожденія. Безъ уступокъ и соглашательствъ обойтись нельзя, иначе дѣлу грозилъ бы полный провалъ, но быть всегда на чеку и наготовѣ необходимо. Повѣрьте, дорогой, что путь къ освобожденію и возрожденію Родины, какъ мы это понимаемъ, тернистъ и ведетъ черезъ многія уступки, униженія и соглашательства. Политика вещь очень неказистая и надо умѣть подчиняться обстоятельствамъ, но имѣя твердую опору въ широкихъ кругахъ общества отчаиваться не надо, а необходимо умѣть выжидать. Положитесь, дорогой, на насъ, на своихъ друзей. Одинъ въ полѣ не воинъ, а вмѣстѣ мы всѣ сила. Итакъ шлю Вамъ свои сердечныя пожеланія и благословенія. И очень, очень прошу не осложнять дѣла упорствомъ и неуступчивостью. Дальше видно будетъ, а пока иначе нельзя.

Любящій Васъ Георгій Дерюгинъ

Приложеніе № 57

Ваше Сіятельство, Многоуважаемый князь Павелъ Михайловичъ.

Уѣзжая, я обѣщалъ Вамъ освѣтить по крайнему моему разумѣнію то положеніе и тѣ условія, въ какихъ очутилась возглавляемая Вами Армія при настоящей обстановкѣ, въ особенности послѣ отхода ея отъ Митавы.

Я съ несомнѣнностью установилъ, что при наличіи нынѣшней организаціи арміи и ея командованія — никакое соглашеніе объ облегченіи положенія Русскихъ войскъ для возможности ихъ дѣйствій противъ большевиковъ ни съ Антантой, ни съ германскимъ правительствомъ — немыслимо.

Такое положеніе является результатомъ съ одной стороны не правильнаго и непримиримаго политическаго курса взятаго Вами съ самаго начала, а съ другой стороны того погуб-

наго внутренняго разложенія войсковыхъ частей, явившагося слѣдствіемъ преобладанія небоевого элемента надъ боевымъ, что особенно обнаружилось въ послѣднія серьезныя минуты боевыхъ дѣйствій арміи.

Комиссіи Антанты доподлинно и документально извѣстны до мельчайшихъ подробностей внутреннее состояніе и бытъ какъ штабовъ, управленій, такъ и войскъ, возглавляемыхъ Вами, почему комиссія основываетъ свою одностороннюю политику на ожиданіи окончательнаго и быстраго ихъ самоуничтоженія, принявъ вмѣстѣ съ тѣмъ ошибочно рѣшительныя мѣры для немедленной ликвидаціи арміи.

Для этой послѣдней цѣли Комиссіей уже приняты и принимаются въ дальнѣйшемъ мѣры крайне нежелательныя для сохраненія Западной Арміи въ ея цѣлости.

Какъ патріотъ и русскій солдатъ я считаю долгомъ своей совѣсти заявить Вамъ о тѣхъ мѣрахъ, которыя, при условіи немедленнаго проведенія ихъ въ жизнь единственно могутъ еще спасти Русское дѣло, а потому и русскія войска, представляющія его въ Прибалтикѣ.

Я въ данномъ случаѣ взываю къ Вашему чувству патріотизма и основываюсь на Вашихъ неоднократныхъ завѣреніяхъ о готовности въ любую минуту пожертвовать своимъ положеніемъ во имя нашей родины и для блага общаго дѣла.

На основаніи вышеизложеннаго я считаю срочно необходимымъ:

1. Вы должны по полученіи сего письма немедленно передать во временное командованіе Армію старшему изъ офицеровъ ея и послѣ передачи командованія немедленно покинуть Армію.

2. Вы должны при сдачѣ командованія оповѣстить Армію объ причинахъ Вашего добровольнаго ухода и сказать, что въ дальнѣйшемъ командованіе Арміей должно незамедлительно перейти въ руки лица съ одной стороны вполнѣ соотвѣтствующаго продолженію Русскаго дѣла вообще, ибо Ваше имя для него въ настоящее время, послѣ всего происшедшаго, абсолютно недопустимо, — а съ другой стороны лицо это должно быть вполнѣ пріемлемо для русскихъ вождей, возглавляющихъ нынѣ боробу съ большевиками, а также для Антанты и Германскаго Правительства.

Повторяю, время и создавшаяся обстановка не допускаютъ никакого отлагательства и какихъ-либо колебаній Вашего рѣшенія.

Если Вы дѣйствительно тотъ Русскій патріотъ, которымъ Вы представляли себя до сего момента, я убѣжденъ, что Вы учтете искренность, неизбѣжность и безпристрастность немедленнаго принятія моихъ предложеній, какъ единственнаго исхода могущаго спасти Русскую Западную Добровольческую армію.

Я не допускаю мысли, что своимъ отказомъ Вы изъ за личнаго честолюбія захотите погубить Русскую идею и войска и привести офицеровъ и солдатъ Вашей Арміи къ самымъ нежелательнымъ, но къ сожалѣнію неизбѣжнымъ послѣдствіямъ и мѣропріятіямъ.

Прошу Васъ вѣрить, что мнѣ крайне нелегко писать Вамъ все вышеизложенное, но я какъ солдатъ, поставившій себѣ исключительной цѣлью нещадную борьбу съ большевизмомъ, всегда и всѣмъ считаю необходимымъ говорить правду прямо въ глаза, а тѣмъ болѣе спѣшу Вамъ сказать ее теперь, когда для Западной Русской Добровольческой Арміи наступилъ критическій моментъ и идетъ вопросъ о жизни или смерти таковой.

Для блага нашего Русскаго дѣла я счелъ необходимымъ копіи этого моего письма препроводить Старшимъ войсковымъ Началникамъ Арміи и отвѣтъ на него жду назамедлительно.

Прошу Васъ принять увѣреніе въ полной моей искренности.

27-го Ноября 1919 г. Петръ Дурново
7-часовъ вечера Русскаго Генеральнаго Штаба Полковникъ
г. Тильзитъ

Приложеніе № 58

Приказъ по Западной Добровольческой Арміи. 1-го декабря 1919 г. № 98 Дѣйствующая Армія. По отдѣлу дежурнаго генерала § 1.

И. д. Генералъ-Квартирмейстера Полковникъ Дурново по личной своей просьбѣ былъ командированъ мною въ Германію для переговоровъ съ представителями Антанты и выясненія положенія. Не приславъ мнѣ ни одного донесенія, полковникъ Дурново позволилъ

себѣ прислать мнѣ частное письмо совершенно неприличнаго содержанія, несоотвѣтствующее данному ему порученію. Кромѣ того полковникъ Дурново позволилъ себѣ указывать на неправильность курса моей политики, между тѣмъ, какъ полковникъ Дурново, пріѣхавъ въ Армію съ просьбой занять какую угодно должность, неоднократно заявлялъ мнѣ и восхищался правильностью моего взгляда на Русское дѣло и тѣмъ правильнымъ политическимъ направленіемъ, которое я съ такой настойчивостью провожу.

Письмо было подписано «Русскаго Генеральнаго Штаба Полковникъ Дурново».

Ни однимъ словомъ Полковникъ Дурново не вспомнилъ о томъ, что онъ занимаетъ высокій постъ въ Западной Добровольческой Арміи. Считаю, что Штабъ-офицеру, которому оказано столъ большое довѣріе, не признавшему себя членомъ нашей славной Арміи въ минуту ея тяжелыхъ испытаній, не мѣсто въ нашихъ рядахъ, а посему исключаю Полковника Дурново изъ списковъ Арміи. Командующій арміей генералъ -маіоръ кн. Аваловъ.

Приложеніе № 59

Глубокоуважаемый Павелъ Михайловичъ.

Намъ удалось добыть у представителя американской миссіи Краснаго Креста нѣкоторое количество лѣкарствъ которое и доставляетъ въ Митаву докторъ Родіоновъ, а барону Остенъ-Сакенъ, назначенному мною раіоннымъ уполномоченнымъ поручается пріемъ и храненіе этого матеріала и выдача нужнаго количества по требованію докторовъ. — такимъ образомъ образована нѣкоторая помощь больнымъ войнамъ и я усердно прошу Васъ поручить оказать барону Остенъ-Сакенъ нужное содѣйствіе.

Кромѣ того я надѣюсь, что буду въ состояніи достать отъ датскаго консула еще нѣкоторое количество медикаментовъ и насколько возможно обезпечить въ этомъ отношеніи Вашъ корпусъ, а представитель американской продовольственной миссіи обѣщалъ озаботиться доставкой продовольствія населенію мѣстностей, постепенно занимаемыхъ Вами.

Какъ членъ совѣта, каковымъ лестнымъ для меня званіемъ я облеченъ, я считаю необходимымъ сообщить, что по моему мнѣнію Вамъ слѣдовало бы уполномочить кого-либо по Вашему избранію, быть Вашимъ помощникомъ по гражданской части.

Кругъ обязанностей и правъ такого лица слѣдовало бы опредѣлить особой инструкціей, Вами утвержденной и при такихъ условіяхъ въ занимаемыхъ Вами мѣстностяхъ водворился бы необходимый порядокъ, что несомнѣнно обезпечивало бы успѣшное продвиженіе.

Образовавшееся Сѣверо-Западное Правительство повидимому ограничиваетъ свою дѣятельность Псковской, Новгородской и Петроградской губерніями и это по моему мнѣнію облегчаетъ предстоящую Вамъ задачу: не приходится сталкиваться съ этимъ правительствомъ, такъ неудачно образованнымъ.

Если въ общемъ Вы раздѣляете мое мнѣніе, то я охотно представилъ бы Вамъ проектъ упоминаемой инструкціи, съ утвержденіемъ которой предназначаемое Вами на должность помощника по гражданской части лицо могло бы приступить къ нѣкоторымъ подготовительнымъ дѣйствіямъ.

Считая возможно скорое выступленіе Ваше крайне необходимымъ, я вмѣстѣ съ тѣмъ нахожу что начало организаціи гражданскаго управленія не должно быть откладываемо, такъ какъ немедленно по занятію той или другой мѣстности, въ ней должны быть введены и органы гражданской власти.

Надѣясь, что на этихъ же дняхъ Вы выступите, я и тороплюсь подѣлиться съ Вами моими мыслями и отъ души желаю Вамъ полнаго успѣха.

Преданный Вамъ А. Римскій-Корсаковъ

30. авг. 1919 г.

Отъѣздъ доктора нѣсколько замедлился по независящимъ отъ насъ причинамъ и за эти дни выяснилось, что поляки заняли городъ Десна (въ 25 верстахъ отъ Полоцка), который вѣроятно постараются занять возможно скоро и кромѣ того, что къ Двинску подошли литовскія и латышскія части — въ виду чего, по моему, немедленное занятіе Двинска нами — безусловно необходимо, какъ узлового пункта, дающаго возможность продвинуться на Рѣжицу— Островъ и Полоцкъ — Витебскъ—Смоленскъ.

Основываясь на обѣщаніи представителя американской продовольственной миссіи снабжать населеніе занимаемыхъ Вами мѣстностей продовольствіемъ, я считалъ бы полезнымъ своевременно предупредить его къ какому времени надо заготовить это продовольствіе, что можетъ быть сдѣлано черезъ меня.

Шлю наилучшія пожеланія, Вашъ А. Римскій-Корсаковъ

Глубокоуважаемый Павелъ Михайловичъ

К. К. Закитъ представитъ Вамъ проэктъ общихъ положеній (по устройству гражданскаго управленія), который, по моему мнѣнію, можетъ послужить основаніемъ для разработки подробностей.

Въ случаѣ Вашего одобренія, на основаніи этихъ общихъ положеній будетъ составлена инструкція, которую и представятъ на Ваше утвержденіе, послѣ чего она будетъ преподана соотвѣтствующимъ учрежденіямъ и должностнымъ лицамъ.

Позволяю себѣ обратиться къ Вамъ съ просьбой другого характера: въ Корпусѣ князя Ливена служитъ поручикъ Болотниковъ, откомандированный приказомъ начальника штаба этого корпуса въ мое разпорженіе, какъ главноуполномоченнаго Краснаго Креста; я просилъ бы зачислить поручика Болотникова въ Вашу Армію, оставивъ его въ моемъ распоряженіи, такъ какъ за это время онъ уже попривыкъ къ выполненію своихъ обязанностей.

По поводу предложенной мною комбинаціи съ лѣсами, какъ средствомъ обезпечить необходимый заемъ, я полагалъ бы возможнымъ воспользоваться казенными курляндскими лѣсами — это не предрѣшало бы вопроса о будущей судьбѣ Латвіи если ей — что болѣе чѣмъ сомнительно — и предстоитъ быть самостоятельной, то и въ этомъ случаѣ она должна быть привлечена къ уплатѣ падающей на ея части россійскаго государственнаго долга, что по расчету какихъ-то финансистовъ составитъ около 8 милліардовъ и отдавъ германцамъ курляндскіе лѣса, стоимость которыхъ значительно ниже этой суммы Россія только въ малой части погашаетъ причитающееся ей съ Латвіи, а если Латвія останется частью Россіи, то за послѣдней остается безспорное право распоряжаться своимъ имуществомъ, вотъ почему уступка германцамъ этихъ лѣсовъ и не можетъ быть признана незаконной.

12. сент. 1919 г. Преданный Вамъ А. Римскій Корсаковъ

Приложеніе № 61

Открытое письмо редактору газеты «Грядущая Россія»

Милостивый Государь г-нъ Ефимовскій

Въ редактируемой Вами газетѣ № 4 помѣщена статья г-на Краснова явно направленная противъ бывшаго нашего командующаго Генералъ-маіора князя Авалова, долженствующая внести раздоръ въ среду бывшихъ чиновъ Западной Добровольческой Арміи. Мы, солдаты названной арміи, будучи возмущены несправедливостью г-на Краснова, въ интересахъ правды обратились къ Вамъ съ опроверженіемъ, полагая, что Ваша газета служитъ правдѣ и относится безпристрастно ко всѣмъ обращающимся къ посредству ея, безъ различія ихъ общественнаго положенія. Къ сожалѣнію Ваша газета страдаетъ отсутствіемъ гражданскаго мужества и справедливости. Статья наша помѣщена не была. Намъ было предложено не говорить правду про нашего командующаго.

Въ № 7 той же газеты есть продолженіе вполнѣ организованной травли уже за подписью Вашей, что объясняетъ уже намъ непринятіе газетой нашего письма. Ложное освѣщеніе дѣйствій нашей Арміи насъ оскорбить не можетъ, такъ какъ мы знаемъ, за кѣмъ идемъ и на что, мы видимъ лицемѣрную работу Вашей газеты.

Если грядущая Россія будетъ подобно Вашей газетѣ быстро и кореннымъ образомъ измѣнять свои направленія и взгляды, то спаси ее Богъ, но мы въ нее не пойдемъ.

Слѣдуютъ многочисленныя подписи чиновъ арміи.

Приложеніе № 62

Начальнику Желѣзной Дивизіи
Маіору Бишофъ

Спѣшу выразить Вамъ Господинъ Маіоръ и Вашей храброй Желѣзной Дивизіи мою искреннюю благодарность за геройское взятіе Рижскихъ Мостовъ.

Да послужатъ эти мосты также и въ будущемъ символомъ тѣснаго боевого товарищества Русскихъ и Нѣмецкихъ войскъ.

Впередъ до полной побѣды для торжества человѣчности и культуры

Да поможетъ Вамъ Богъ

Всѣхъ отличившихся офицеровъ и солдатъ представить къ наградамъ. Каждой ротѣ назначаю по 2 Георгіевскихъ креста. Вы представлены мною къ награжденію Георгіевскимъ Оружіемъ за Храбрость.

Телеграмма — Командующій Арміей
10 Октября 1919 года — Полковникъ князь Аваловъ
гор. Митава — Начальникъ Общаго Отдѣла
Подполковникъ Савеловъ

Приложеніе № 63

Приказъ
по Западной Добровольческой Арміи

15 октября 1919 г. — № 44 — гор. Митава

Славные солдаты моей арміи. Меня связываетъ съ Вами самая красивая идея: это — спасеніе несчастныхъ угнетенныхъ людей въ истерзанной Россіи. Работа и стремленія наши чрезвычайно благородны.

Чтобы не омрачить эту работу и наше свѣтлое будущее, я обращаюсь къ Вамъ съ предупрежденіемъ и просьбой не поддаваться соблазну и не дѣлать того, что было бы ниже достоинства благороднаго рыцаря — воина.

Мародерство, грабежъ и насиліе, хотя бы даже надъ вражескимъ населеніемъ — это дѣло необузданныхъ бандъ разбойниковъ. Я увѣренъ, что среди моихъ отважныхъ и храбрыхъ солдатъ не найдется такихъ, которые не поняли бы меня и своимъ поведеніемъ опорочили бы наше святое дѣло. Если же, не дай Господь, найдется среди насъ человѣкъ, забывшій совѣсть и честь, который поступкомъ своимъ покажетъ, что онъ не достоинъ служить въ рядахъ моей арміи и быть подъ моей командой, я прикажу разстрѣлять его безъ суда.

Приказъ этотъ прочесть во всѣхъ батареяхъ, ротахъ, эскадронахъ и командахъ внятно и вразумительно.

Подлинный подписалъ: Командующій Арміей кн. Аваловъ
Съ подлиннымъ вѣрно: И. д. Начальникъ Штаба
Полковникъ Чайковскій

Приложеніе № 64

Приказъ
по Западной Добровольческой Арміи

24 октября 1919 года — гор. Митава

№ 56

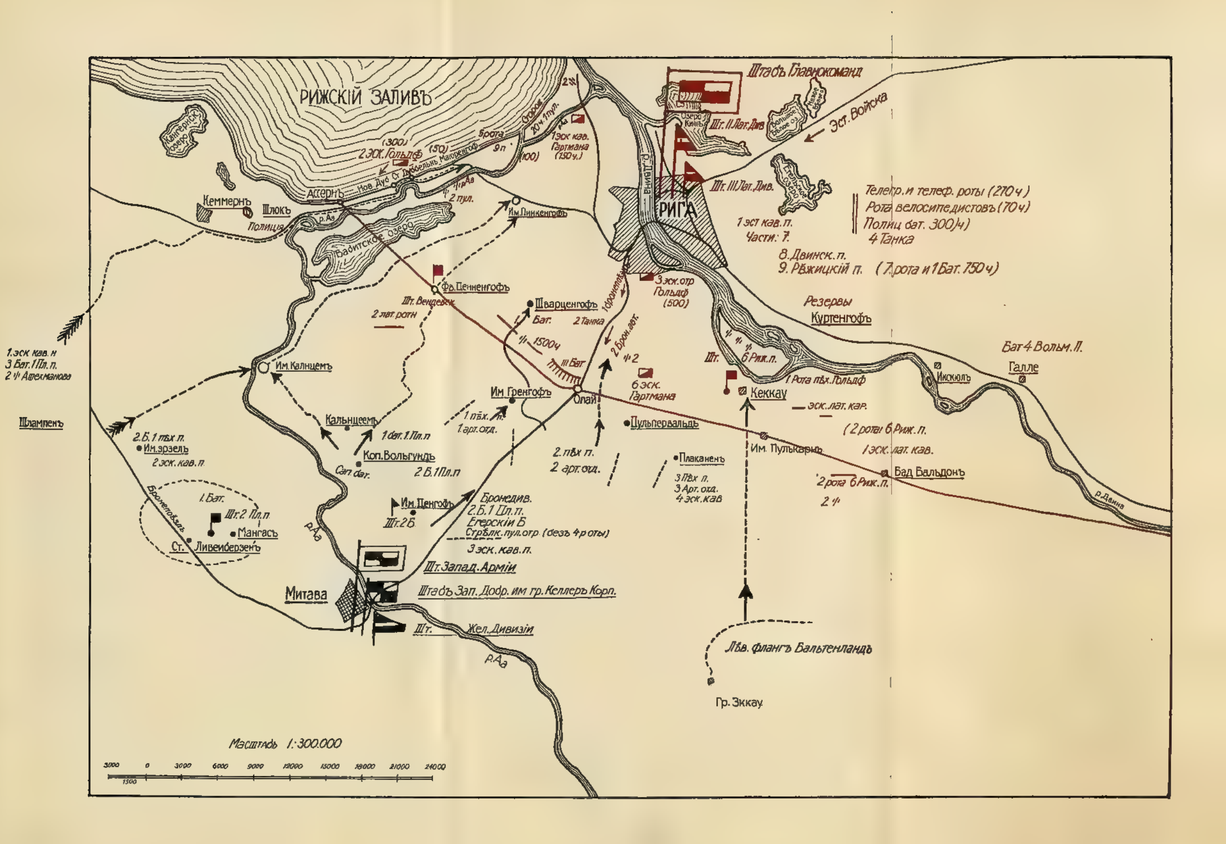
Солдаты нѣмецкаго легіона: въ тяжелыхъ бояхъ Вы отбросили врага за Двину и отбили всѣ попытки непріятеля переправиться черезъ Двину. Затѣмъ въ утомительныхъ переходахъ Вы двинулись къ Фридрихштадту, чтобы остановить наступленіе эстонцевъ. Многое Вамъ пришлось перенести за эти дни и многіе изъ Васъ запечатлѣли своею кровью братство по оружію русскихъ и нѣмецкихъ войскъ. Вамъ предстоятъ еще въ будущемъ тяжелые бои. Но я увѣренъ, что и въ будущемъ услышу только лестное о борцахъ нѣмецкаго легіона.

Отвѣтственнаго вождя нѣмецкаго легіона капитана 1-го ранга Зивертъ награждаю орденомъ Св. Владиміра 4 ст. съ мечами и бантомъ, а капитана Краузе-Дави, Командира частей, взявшихъ приступомъ мостъ черезъ Двину въ Ригу, орденомъ Св. Анны 4 ст. съ надписью «за храбрость».

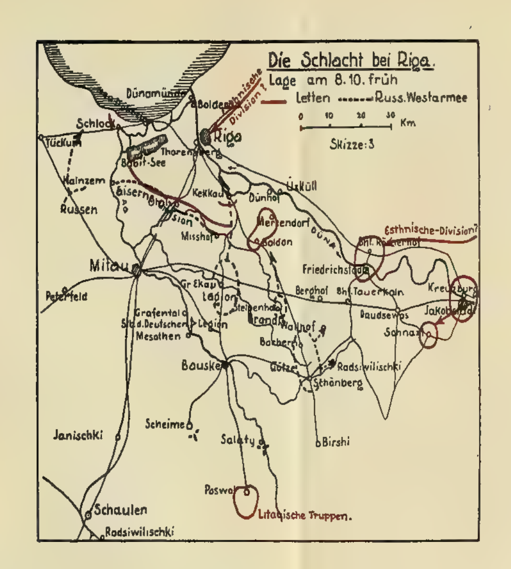
Приказываю отъ каждой роты представить мнѣ двухъ наиболѣе отличившихся солдатъ для награжденія ихъ Георгіевскими Крестами.

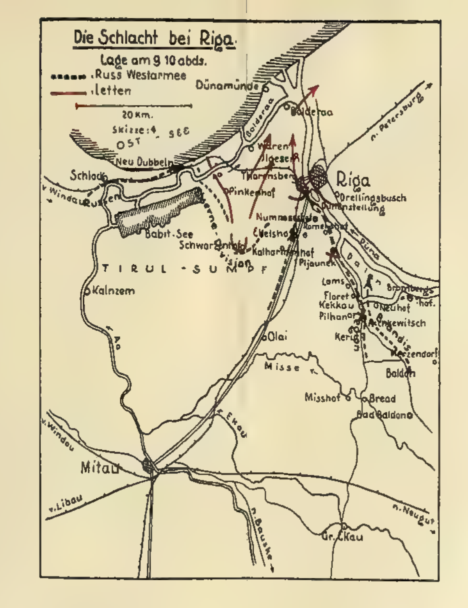
Отъ лица моей Родины объявляю сердечную благодарность всѣмъ героямъ.

Командующій Арміей
Полковникъ Князь Аваловъ

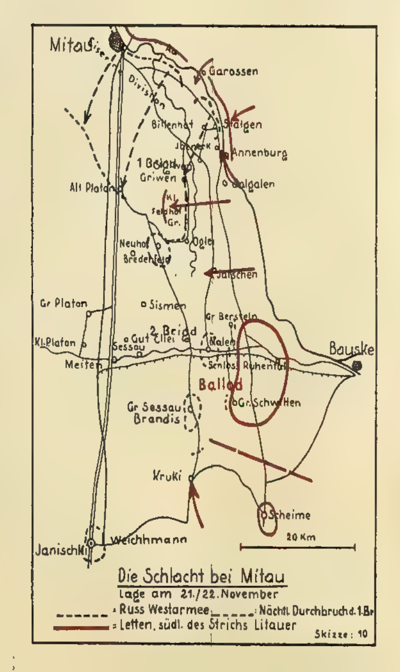


РИЖСКІЙ ЗАЛИВЪ
Штабъ Главнокоманд
Эст. Войска
Озеро Кишъ
Шт. II Лат. Див
Шт. III Лат. Див.
РИГА
р. Двина
Телегр. и телеф. роты (270 ч)
Рота велосипедистовъ (70 ч)
Полиц бат. 300)ч)
4 Танка
1 эст кав. п.
Части: 7.
8. Двинск. п.
9. Рѣжицкій п. (7 рота и 1 Бат. 750 ч)
Резервы
Куртенгофъ
Бат 4 Вольм. П.
Галле
Икскюль
6 Риж. п.
1 Рота пѣх. Гольдф
Кеккау
эск. лат. кар.
(2 роты 6 Риж. п.
1 эск. лат. кав.
Им. Пулькарнъ
Бад Бальдонъ
2 рота 6 Риж. п.
р. Двина
Пульпервальдъ
Плаканенъ
3 Пѣх п.
3 Арт. отд.
4 эск. кав
Лѣв. флангъ Бальтенландъ
Гр. Экккау
1 эск. кав. Гартмана (150 ч.)
2 эск. Гольдф
Ассернъ
Кеммернъ
Шлокъ
Полиція
р. Аа
Бабитское озеро
Им. Пинкенгофъ
Фр. Ценненгофъ
Шт. Вендевск.
2 лат. ротн
Шварценгофъ
1 Бат.
2 Танка
1500ч
III Бат.
Олай
2 Брон. авт.
3 эск. отр Гольдф (500)
6 эск. Гартмана
Им. Гренгофъ
1 пѣх. п.
1 арт. отд.
2 пѣх п.
2 арт. отд.
Им. Кальнцемъ
Кальнцеемъ
1 бат. 1 Пл. п
Коп. Вольгундъ
Сап. бат.
2 Б. 1 Пл. п
1. эск. кав. н
3 Бат. 1 Пл. п.
Шлампенъ
2. Б. 1 пѣх. п.
Им. Эрзель
2 эск. кав. п.
1. Бат.
Шт. 2 Пл. п
Мангасъ
Ст. Ливенберзенъ
Бронепоѣздъ
р. Аа
Им. Ценгофъ
Шт. 2 Б.
Бронедив.
2. Б. 1 Пл. п.
Егерскій Б
Стрѣлк. пул. отр. (безъ 4 роты)
3 эск. кав. п.
Шт. Запад. Арміи
Митава
Штабъ Зап. Добр. им гр. Келлеръ Корп.
Шт. Жел. Дивизіи
р. Аа
Масштабъ 1:300.000
3000 0 3000 6000 9000 12000 15000 18000 21000 24000
1500





Das Gefecht vor Friedrichstadt.
Deutsche Legion
bei Friedrichstadt und Sonnaxt Letten
bei Birshi, Salaty und Poswol Litauer
30 Km.
Skizze: 5.



Die Schlacht bei Mitau
Lage am 21./22. November
Russ Westarmee
Nächtl. Durchbruch d. 1. Br
Letten, südl. des Strichs Litauer
Skizze: 10